

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

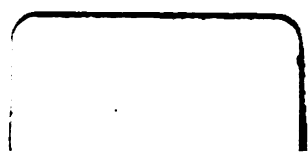
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

D Slav 379.55

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Р. Слав 379. 55

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИЖНОТОВАРНИЦА

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

1879.

№ 1.—Январь.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Ф. СУЩИНСКАГО.
Екатерининскій каналъ, 166.

1879

7035

СОДЕРЖАНІЕ № 1-го.

- 1 Семейство Шалонскихъ гл. I—VI Евгеніа Туръ.
- 2 Престоль и монастырь гл. V—X III—С—слага.
- 3 Удальцы Новгородскіе В. Амшаріуса.
- 4 Флоренція въ XIV вѣкѣ гл. I—V И. Красноперева.
- 5 Библиографическій указатель.
- 6 Матеріалы, заѣтки и новости.
- 7 Объявленія.

1945 г.

ИСТОРИЧЕСКАЯ

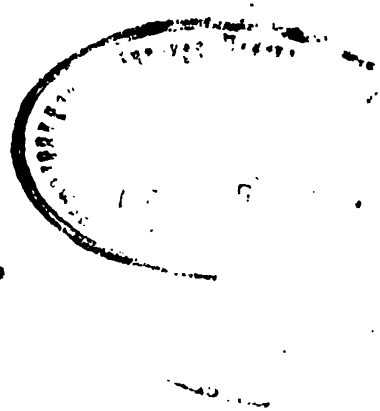
И И Я П О Т Е К Я

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ.

1879.

№ 1.—Январь.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Ф. СУЩИНСКАГО.

Византизмическій каналъ 168.

1879.

Δ

Pslav 379-55 (1877.20.1-2)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1. Семейство Шалонскихъ гл. I—VI Евгеніи Туръ	1—62
2. Престолъ и монастырь гл. V—X III—С—слава	33—86
3. Удальцы новгородскіе. В. Авсариуса	1—18
4. Флоренція въ XIV вѣкѣ гл. I—V И. Красномерева	1—64
5. Библиографическій указатель	1—18
6. Матеріалы, замѣтки и новости	1—8
7. Объявленія	

Нерѣдко въ редакціи получаютъ отъ Г.г. иногородныхъ подписчиковъ или порученія о высылкѣ имъ книгъ историч. содержанія, или различнаго рода вопросы, или требованія о доставленіи свѣдѣній.

Желая выполнять порученія **своихъ иногородныхъ подписчиковъ**, Редакція считаетъ необходимымъ объяснить, что она съ удовольствіемъ готова удовлетворять всѣ ихъ требованія, касающіяся спеціально къ области историческаго вѣдѣнія, по

1) при требованіяхъ должны быть прилагаемы марки для отбѣтовъ и

2) деньги, слѣдующія какъ за требуемое изданіе, такъ и на пересылку его.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 Декабря 1876 г.

СЕМЕЙСТВО ШАЛОНСКИХЪ.

(Изъ семейныхъ преданій).

Внуку моему Гр. Георгію Саліасъ.

Родная моя тетка Любовь Григорьевна, рожденная Шалонская, въ замужествѣ за отставнымъ полковникомъ Ѳеодоромъ Ѳеодоровичемъ Семигорскимъ, оставшись бездѣтною вдовою, особенно любила меня, своего племянника, сына своего меньшаго брата Николая Григорьевича Шалонскаго. Часто рассказывала она мнѣ о своей молодости, о своемъ отцѣ, моемъ дядѣ Григоріи Алексѣевичѣ Шалонскомъ, и о томъ, что претерпѣла она и все ея семейство въ страшной для нашего отечества 1812 годъ. Послѣ ея смерти, по завѣщанію, я оказался единственнымъ ея наследникомъ. Переселясь на житье въ ея любимую усадьбу, Ярославской губерніи въ село Приволье, я нашелъ въ ея старомъ бюро отрывочныя записки и дневникъ, во многихъ мѣстахъ съ затерянными листами, но веденный въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Эти записки и дневникъ показали мнѣ не лишенными интереса; я собралъ ихъ, привелъ въ порядокъ и пополнилъ пробѣлы по памяти изъ ея рассказовъ. Семейныя преданія столь знаменательнаго года въ исторіи земли нашей не должны, по моему мнѣнію, пропадать безслѣдно.

Отставной поручикъ Григорій Шалонскій.

I.

Мы жили весну и лѣто въ подмосковной батюшениной деревнѣ, осенью ѣзжали къ бабушкѣ въ ея имѣніе Щеглово Калужской губерніи и тамъ проводили всю осень, а по первому пути отправлялись зимовать въ Москву. Эта бабушка наша была мать нашей матери, очень богатая и по фамиліи Кременева. Она безвыѣздно жила въ своемъ большомъ имѣніи, недалеко отъ города Алексина. Объ ней и ея житьѣ-бытьѣ буду я говорить въ послѣдствіи подробнѣе, а теперь скажу, изъ чего состояло наше семейство.

Батюшка, Григорій Алексѣевичъ Шалонской, какъ я его запомню въ раннемъ дѣтствѣ, былъ высокій, сильный брונетъ, степенный и важный, съ оливковымъ цвѣтомъ лица и большими черными, выразительными и огненными глазами. Онъ служилъ въ военной службѣ и вышелъ въ чинѣ бригадира въ отставку. Въ дѣлахъ по службѣ, какъ говорили его сослуживцы и родные, онъ былъ ревностный, смѣтливый, исполнительный человекъ, права незаносчиваго и невздорнаго, непритязательнаго, но былъ гордъ и спины гнуть не могъ. Начальникъ не поладилъ съ нимъ и отецъ мой вышелъ въ отставку 32 лѣтъ. Онъ встрѣтилъ мать мою у своей близкой родственницы, влюбился въ нее, женился и, имѣя прекрасное состояніе, поселился на зиму въ Москвѣ. Вскорѣ послѣ женитьбы занявшись своими помѣстьями, онъ сдѣлался отличнымъ агрономомъ, домохозяиномъ и мало по малу, занимаясь духовнымъ чтеніемъ по преимуществу, предался религіозному настроенію. Никогда не пропускалъ онъ обѣдни въ воскресенье, ни даже заутрени и вечерни; приходилъ въ церковь прежде священника, становился на клиросъ и пѣлъ сильнымъ, но пріятнымъ баритономъ. Онъ зналъ наизусть всю церковную службу, превеликій былъ знатокъ въ св. писаніи, зналъ псалмы, крмосы и кондаки наизусть и могъ бы поспорить съ

любимымъ духовнымъ лицомъ по этой части. Четыри-Миннеи, Камень Вѣры, Подражаніе Христу Фомы Кемпійскаго, проповѣди Боссюэта, Массильона, Августина и Платона были его любимымъ чтеніемъ. Каждый день, лѣтомъ въ 6 часовъ, зимою въ 8, собиралъ онъ насъ дѣтей своихъ, читалъ намъ самъ одну главу Евангелія, а потомъ каждому изъ насъ заставлялъ при себѣ молиться Богу. Мы должны были прочесть «Отче нашъ», «Вѣрую», «Милосердія двери», «Царю небесный» и «Богородицу»; потомъ каждого изъ насъ благословлялъ и отпускалъ пить чай и учиться. По воскресеньямъ собиралъ онъ насъ и шелъ съ нами въ церковь. Не малое испытаніе было для насъ стоять смиренно, не шевелясь, долгую обѣдню въ сырой, не-топленной поздней осенью, деревенской церкви. Я помню до сихъ поръ, какъ жестоко озябали мои ноги и съ какимъ удовольствіемъ помышляла я объ отъѣздѣ въ Москву, гдѣ церкви были теплыя. Обращеніе отца нашего съ нами—дѣтми было важное, серьезное, но не суровое, и мы его не боялись, мы чувствовали, что сердце его мягко, что онъ добръ и чувствителенъ, не смотря на свой громкій голосъ и всегда задумчиво—строгое лицо. Матушку мы боялись больше, хотя она была праву веселаго, любила смѣяться и шутить, когда была въ духѣ. Матушка ни въ чемъ, ни во вкусахъ, ни въ привычкахъ, ни въ мнѣніяхъ не сходилась съ батюшкой. Она была учена, воспитана на французскій ладъ французской гувернанткой и великая охотница до чтенія, но совсѣмъ другаго, чѣмъ батюшка. Она любила поэзію, романы, а болѣе всего трагедіи. Память ея была изумительна. Она знала наизусть Оды Руссо (не Жанъ-Жака конечно, а Жана Баптиста Руссо), цѣлыя монологи изъ трагедій Вольтера, Корнеля и Расина, зачитывалась Жанъ-Жакомъ Руссо, Августомъ Лафонтеномъ (въ переводѣ съ нѣмецкаго) и вообще была пристрастна въ французской литературѣ. Она владела въ совершенствѣ французскимъ языкомъ и, читая и перечитывая письма г-жи Севинье, сама писала по французски такимъ безукоризненно

прекраснымъ слогомъ, хотя и очень высокимъ, что ея письма къ знакомымъ ходили по рукамъ и возбуждали всеобщее удивленіе и восторгъ. Это не мало радовало матушку и она сама цѣнила высоко свои познанія и талантъ писать письма. При этомъ образованіи, по тогдашнему времени замѣчательномъ, она была отличная хозяйка и знатокъ въ садоводствѣ. Цвѣты имѣла она рѣдкіе, умѣла засадить клумбы изящно, а въ теплицахъ, построенныхъ по ея желанію, развела множество тропическихкихъ растений. Нельзя описать ея радость, когда разцвѣтала пышный южный цвѣтокъ; его тотчасъ изъ теплицы приносили въ покои и ставили на деревянныя полки, горшю украшавшія углы залы и снизу до верху уставленныя цвѣтами. Букетовъ она не любила, говоря: «зачѣмъ рвать цвѣты, ими надо любоваться живыми, а не мертвыми, умирающими въ вазахъ». Отецъ относился ко вкусамъ матери съ вниманіемъ, но не раздѣлялъ ихъ. Въ особенности не могъ онъ примириться съ ея пристрастіемъ къ французскимъ книгамъ и французскому языку. Онъ почиталъ всѣхъ вообще французовъ вольнодумцами, а книги французскія безнравственными и считалъ, что всѣ онѣ написаны подъ вліяніемъ Вольтера, котораго ненавидѣлъ и о которомъ говорить сповоино не могъ. Матушка ему не превословила, такъ что не смотря на разницу мнѣній и вкусовъ, они жили дружно и любили другъ друга. Спорили они зачастую, но ссоръ не запомню. Матушка имѣла большое вліяніе на отца во всемъ, что не касалось религіи, церкви, богослуженія и духовныхъ лицъ. Въ этомъ она должна была *насовать*, какъ она сама выражалась, и предоставить насъ дѣтей отцу—но за то во всемъ прочемъ она была полная и самовластная хозяйка. Она желала намъ дать отличное образованіе и потому, не смотря на восемь взгляды отца и его подчасъ рѣзкія замѣчанія, у насъ жили французженка гувернантка и нѣмецъ, не то гувернеръ, не то дядька. Богъ его знаетъ, что онъ былъ такое; его познанія ограничивались знаніемъ безконечнаго количества

арій, которыя онъ распѣвалъ по нѣмецки, гуляя съ нами по полямъ нашего дорогаго Воздвиженскаго. Батюшка говаривалъ, смѣясь:

— Какой онъ гувернеръ! Я увѣренъ, что онъ былъ актеръ, пѣвецъ въ какомъ нибудь нѣмецкомъ городишкѣ. Откуда бы ему знать столько арій и распѣвать ихъ, размахивая руками.

— Можетъ быть, отвѣчала матушка, но вѣдь я взяла его не дѣтей воспитывать; я сама ихъ воспитаю. Пусть онъ только внучить ихъ по нѣмецки. Ты всегда на нихъ нападаешь!

— На кого? спрашивалъ отецъ.

— Да на иностранцевъ, вотъ хотя бы на *m-lle Rosine*; у нея рѣдкій французскій выговоръ, парижскій, чистый, чистѣйшій.

— Да зачѣмъ онъ?

— Какъ зачѣмъ? Нельзя же языковъ не знать.

— Пусть учатся, я не мѣшаю, только не знаю, зачѣмъ имъ чистый парижскій выговоръ.

— Такъ по твоему ломанымъ французскимъ языкомъ говорить?

Но батюшка не продолжалъ такого разговора, и уходилъ по хозяйству. А такіе разговоры бывали часто.

Такъ мы и жили между отцемъ, только что не русскимъ сторовѣромъ и матерью, умною, но на заморской ладъ воспитанною женщиной. Серьезныя, духовныя книги отца не привлекали насъ, а французскія книги матушки намъ были какъ то чужды, не доросли ли мы до нихъ, или намъ наскучило слышать чтенія того, чего мы не понимали хорошо. Въ особенности надоѣдало намъ приказаніе не говорить по русски. Вотъ это было горе нашего дѣтства. «*Parlez français!*» кричала *m-lle Rosine*, которой нравъ не отличался кротостью. «*Sprechen sie deutsch!*» басилъ нѣмецъ, а мы только того и чаяли, чтобы урваться, убѣжать въ садъ и поболтать по русски. Чего, чего не придумывала *m-lle Rosine*. Однажды она явилась съ досечкой, на красномъ шнуркѣ; на

досчечкѣ былъ изображенъ осель съ длинными ушами, и она предназначала его для того изъ насъ, кто первый заговоритъ по русски. Но, увы, осель въ первые три дня утратилъ всякое значеніе. Мы передавали его одинъ другому съ неописаннымъ рвеніемъ и вмѣсто наказанія и стыда, на которые рассчитывала французенка, осель на досчечкѣ сдѣлался нашею любимую игрою. Французенка пришла въ негодованіе.

— Mais ces enfants n'ont aucun amour propre, on ne sait par quoi les prendre.

— Прекрасный благородный дѣти! восклицалъ въ комическомъ негодованіи нѣмецъ. Онъ въ особенности не могъ видѣть спокойно, когда мы ѣли *тюрю*, то есть черный хлѣбъ, накрошенный въ квась. Видъ этого спартанскаго блюда вызывалъ его гнѣвное презрѣніе и ироническое его восклицаніе: *Прекрасный благородный дѣти!* только увеличивало нашъ аппетитъ, и нашу веселость. Мы, буквально, бывало, умирали со смѣху. А насъ было пятеро. Старшій братъ мой Серезенька, потомъ я, Люба, годомъ меньшая брата, а потомъ, двумя годами моложе меня, сестрица Милочка (Арина), за нею сестрица Наденька, а потомъ меньшей братецъ Николаша. Серезенька, Николаша и Милочка считались красавцами; они уродились, говорила матушка, въ ея породу, въ Кременевыхъ, славившуюся своей красотой. Сама матушка была замѣчательной красоты. И матушка и Серезенька и Милочка имѣли русые вившіея волосы, темно-сѣрые прекрасные, глубокіе, съ свѣтомъ и блескомъ глаза и цвѣтъ лица замѣчательной бѣлизны и нѣжности. Серезенька, Николаша и Милочка были любимцами матерн, а я и Наденька, мы походили на отца, смуглые, какъ цыганки и не могли похвастаться правильностію чертъ лица. Матушка очень сокрушалась нашими носами и всегда говаривала съ присворбіемъ:

— Боже мой! Какіе носы — вѣдь это ужасно! У нихъ ось Шалонскихъ. Всѣхъ Шалонскихъ Господь наградилъ ужасными носами.

Носикъ матушки былъ небольшой, съ небольшимъ горбикомъ и безукоризненныхъ линій, а у отца и у меня съ сестрицей носы были не изъ маленькихъ, хотя и не уродливые, какъ скорбѣла о томъ матушка.

Въ семействѣ нашемъ пользовалась особеннымъ почетомъ наша няня Марья Семеновна, которая всѣхъ насъ выходила и вынянчила. Она была московская, небогатая купчиха, оставшаяся одна изъ многочисленнаго семейства, которое вымерло во время московской чумы. Няня не любила говорить о чумѣ этой, а мы любили слушать и непремѣнно заставляли ее рассказывать. Бѣдная няня! При этомъ нашемъ неотвязномъ требованіи и вопросахъ, она крестилась, вспоминая страшное время. Она была старшая дочь у отца и матери, и осталась сиротою съ меньшимъ братомъ; отецъ и мать и 7 дѣтей ихъ умерли, другъ за другомъ, во время чумы. Няня не могла безъ трепета вспомнить о черныхъ людяхъ, одѣтыхъ въ черныя кожи, которые появлялись въ небольшой домикъ ея родителей и длинными крюками вытаскивали только что умершихъ родныхъ ея. Въ живыхъ осталась она одна по 16-му году съ меньшимъ братомъ лѣтъ 8. Они вдвоемъ заперлись въ заднюю комнату дома, и въ маленькое окошечко добрые люди подавали имъ на палецъ хлѣбъ и воду. Когда чума въ Москвѣ миновала, Марью Семеновну выпустили изъ ея затворнической кельи, гдѣ натерпѣлась она такихъ страховъ. Оказалось, что въ маленькой лавочкѣ ея отца ничего не уцѣлѣло; она была разграблена во время мятежа. Ее и брата ея приютилъ у себя двоюродный дядя; братъ ея служилъ у него на побѣгушкахъ, а потомъ сталъ прикащикомъ, и умеръ, не доживъ до 18 лѣтъ. Марью Семеновну въ 18 лѣтъ отдали замужъ за купца, который оставилъ ее вдовою безъ всякаго состоянія. У ней были и дѣти, но, какъ она говаривала: Господь ихъ прибралъ. И вотъ пришлось Марьѣ Семеновнѣ идти въ услуженіе. Она, потерявъ родныхъ дѣтей, поступила въ нашъ домъ, когда родился братъ Сережа. И любила же она его! Больше

всѣхъ насъ, взятыхъ вмѣстѣ. Она, какъ говорится, наглядѣться на него не могла, и эта любовь ея къ своему воспитаннику въ особенности сблизила ее съ матушкой. Матушка любила безъ ума своего красавца и кроткаго, какъ ягненокъ, сына — первенца. Всѣ мы это знали, и не завидовали, потому что ужь очень добръ былъ этотъ братъ нашъ, и сами мы его много любили. Всеобщій онъ былъ любимецъ. Только батюшка глядѣлъ не совсѣмъ спокойно на это предпочтеніе. Онъ не одобрялъ его и поставлялъ себѣ за долгъ не оказывать предпочтенія никому изъ дѣтей. Мы это видѣли, знали на этотъ счетъ его мысли, но дѣтскій глазъ зорокъ и дѣтское сердце чутко, мы смутно понимали, что ближе другихъ стоять къ нему дочери, а ближе всѣхъ дочерей, я, старшая изъ нихъ. И однако я не могла похвалиться тѣмъ, чтобъ отецъ баловалъ меня, какъ баловали, миловали и ласкали Сереженьку матушка и Марья Семеновна.

Онъ заслуживалъ любовь матери по своей добротѣ и кротости нрава и особенному свойству всѣмъ нравиться, во всѣмъ быть внимательнымъ и любезнымъ. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова ласковый, милый, добросердечный дитя, а въ послѣдствіи добрый юноша. Русые его волосы вились отъ природы въ глянцовитыя кольца, сѣрые большіе, свѣтлые глаза глядѣли добродушно, толстоватые, но пунцовыя, какъ малина, губы улыбались охотно и часто. Объ немъ нельзя было сказать, что онъ уменъ, но такъ ужь милъ и пригожъ. Въ комъ всѣ его любили отъ судомойки до первой горничной и отъ дворника до дворецкаго. Для всѣхъ у него было доброе слово и привѣтъ.

— Деньги, говаривала матушка, не держутся въ его карманѣ, текутъ, какъ вода. Сереженька до тѣхъ поръ спокойствія не имѣетъ, пока не раздастъ ихъ.

— Безсребреникъ, говорила няня, не даромъ онъ родился наканунѣ св. Бузумы и Демьяна безсребрениковъ.

Марья Семеновна не могла наглядѣться на него; она по дѣльнымъ часамъ сживала съ чулкомъ около него

когда онъ учился и не мало забавляла насъ своими причитаніями и сѣтованіями.

— И что это васъ, дѣточекъ, мучать, говаривала она. Развѣ вамъ пить—ѣсть нечего. Слава Богу, всего вдоволь. Жили бы поживали. И зачѣмъ это?

— Какъ, няня, зачѣмъ? Все знать надо. Ну вотъ, няня, скажи-ко, какъ ты думаешь—велико солнце?

— Что мнѣ думать. Богъ глаза далъ. Оно отсюда, снизу, кажется маленькимъ, а должно быть велико таки. Я полагаю больше будетъ задняго колеса нашей большой кареты.

— Ну вотъ и ошиблась, восклицалъ Сережа; оно, солнце то очень, очень велико, больше земнаго шара.

— Какого земнаго шара?

— Нашей земли, на которой мы живемъ.

— Такъ говори путно, какой такой шаръ поминешь, надъ старухой не смѣйся, грѣшно. Я не дура какал, либо юродивая, чтобы такому вздору повѣрить. Вишь ты! У тебя еще молово на губахъ не обсохло! Туда же, смѣяться надъ старухой, кропоталась не на шутку обидѣвшаяся няня.

— Вотъ-те крестъ, говорилъ братъ серьезно, которому упреки старой няни дошли до сердца, а не смѣюсь надъ тобою, нянечка. Солнце больше земли. Вотъ тутъ, я учу, измѣрено. И онъ показывалъ ей на свой учебникъ.

— Измѣрено! повторала няня съ негодованіемъ. А кто мѣрилъ? Кто тамъ былъ? Подлинно у баръ либо денегъ много, либо ума мало, что за такія то сказки они деньги платятъ. Этому то дѣтей учить, на этой то пустяковинѣ ихъ моромъ морить! До полночи просиживаетъ, голубчикъ, дребедень то эту заучивать! и!.. и!.. и!..

И няня качала головою, возмущенная и озадаченная.

— Няня, говорилъ братъ не безъ лукавства, а знаешь ли во сколько минутъ летить къ намъ лучъ свѣта отъ солнца?

— Не знаю и знать не хочу. Да что ты это, сударь, насмѣхаться надо мною не походя вздумалъ. Лучъ

свѣта и его мѣрять! Ужъ лучше, какъ въ сказкѣ, веревку изъ песка свить. Уменьъ сталъ больно.

Вратъ, видя, что няня не на шутку сердится, бросался ей на шею и душилъ ее поцѣлуями, приговаривая:

— Не буду, не буду, не сердись, Христа ради!

— То-то же, отвѣчала, растроганная его ласкою, няня, и грозилась на него, а сатѣмъ крестила его, цѣловала; онъ принимался нехотя за книгу, а она за чулокъ.

— Что ты мѣняешь книжку? Другое что ли твердить будешь?

— Да, няня, грамматику.

— Что оно такое? Ты толкомъ говори, а мудреныхъ словъ ты мнѣ не тычь. Я вѣдь ихъ не испугаюсь, да и не удивлюсь.

— Грамматика—наука правильно писать и говорить.

— Тѣфу, дурь какая! отплеивалась няня. Да ты, чай и такъ, прирожденный русскій, такъ по русски говорить знаешь. Чему жъ учиться то?

— Разнымъ правиламъ, какъ и почему.

— Ну да, да, опять деньги даромъ давать. Я вотъ до 50 лѣтъ дождала, говорю, слава Богу, всѣ меня понимаютъ; а тебя пожалуй такъ заучать, что будешь говорить, какъ сынъ нашего дядька. Слушаю я его намеки, сидя у его матери, слушаю, говорить онъ по русски и всѣ слова его наши русскія слова, а понять ничего не могу. Еще въ отдѣльности почти такое слово понять можно, а вмѣстѣ, нѣтъ, никакъ не сообразить. Вотъ и говорю я его матери: «Что онъ это у васъ какъ мудро разговариваетъ»? А она въ отвѣтъ: «онъ у насъ ученый». А ты этому не учишь. Тебѣ неприлично. Ты дворянинъ, столбовой русскій дворянинъ, а онъ что? семинаристъ, вутейникъ. Отецъ то съ восницей на бриколѣ басытъ.

— Чтожъ, няня, что басытъ, онъ человекъ хорошій, а съ нимъ стрѣлять хожу; очень хорошо стрѣляетъ. Онъ

мнѣ сказывалъ, что сынъ его ученый. Сама ты слышала, что красно говорить.

— Это ему и въ лицу. Ему надо же чѣмъ нибудь себѣ отличіе имѣть, а тебѣ не нужно—у тебя рожденіе твое отличіе.

— Однако, няня, вступалась я, если онъ останется при одномъ рожденіи, дѣло выйдетъ плохое. Неграмотныхъ, да неученыхъ и въ службу не берутъ.

— Такъ вотъ оно что, я теперь за книжку, говорилъ братъ весело и принимался за учебникъ.

Но брату наука давалась трудно. Училъ онъ часами то, что я выучивала въ полъ-часа. Няня безотлучно сидѣла около него, съ соболѣзнованіемъ качала головою, а иногда и бормотала что то себѣ подъ носъ. Между нею и братомъ образовалась тѣснѣйшая связь и любовь. Никогда онъ не ложился спать, не простившись съ нею, она крестила его, а онъ, хотя нието его тому не училъ, цѣловалъ у ней руку; она, сознавая вѣроятно свою чисто материнскую къ нему любовь и нѣжность, не противилась тому и съ умиленіемъ глядѣла на него. Матушка цѣнила любовь няни ко всѣмъ намъ, но въ особенности къ брату и обходилась съ ней совсѣмъ иначе, чѣмъ тогда обходились съ нянями, какъ бы ихъ ни любили. Матушка относилась къ нянѣ скорѣе, какъ къ близкой родственницѣ, чѣмъ какъ къ лицу подначальному и слушающему въ домѣ. Она съ ней сидѣла вечеромъ, пивала съ ней чай, а въ отсутствіи отца сажала ее обѣдать съ собою и разсуждали онѣ о хозяйствѣ, дѣтахъ, ихъ состояніи и будущности. Словомъ Марья Семеновна была членомъ нашего семейства и имѣла свой голосъ. Во всемъ, что касалось вседневной жизни, она была со- вѣтница разумная, ревнивая блюстительница интересовъ дома и нашего благосостояніи. Одинъ батюшка глядѣлъ неодобрительно на постоянное присутствіе няни при дракахъ, играхъ и чтеніяхъ Сережи и еще больше порицалъ матушку за ея предпочтеніе къ старшему сыну. Когда матушка говаривала, что какая либо вещь, или домъ

или имѣніе будутъ Серезенкины, батюшка останавливалъ ее словомъ:

— Не знаю; у насъ еще, кромѣ его, четверо дѣтей.

— То дѣвочки, возражала мать, выйдутъ замужъ—отрѣзанный ломоть, а сыновей у насъ двое.

— А потому что дѣвочка, такъ мнѣ ее по міру пустить? говорилъ отецъ съ досадою, одѣлать ее, потому что ей ни въ службу, ни въ должность идти нельзя! Нѣтъ, это дѣло грѣшное, несправедливое.

— Съ тобою не сговоришь, отвѣчала матушка, весьма недовольная, а умоляла.

II.

Вообще строй семьи нашей сложился странно. Вліяніе и направленіе матери было французское, вліяніе и направленіе батюшки русское, скажу—старовѣрческое, а мы дѣти росли между двухъ, не поддаваясь ни тому, ни другому. Могу сказать, что мы росли индеферентами, между этихъ двухъ теченій. Въ моей памяти уцѣлѣли кое-какіе разговоры и семейныя картины, которыя я и расскажу, какъ помню.

Осенью сживали мы въ нашей круглой небольшой гостиной. Матушка помѣщалась на диванѣ, полукругомъ занимавшемъ всю стѣну, батюшка сживалъ въ большихъ креслахъ и курилъ длинную трубку, такую длинную, что она лежала на полу. Около играли сестра Милочка и братъ Николаша, няня держала на рукахъ полуторогодовалую Надю, а я сидѣла подлѣ матушки. Она вязала на длинныхъ спицахъ какую то фуфайку, которой не суждено было быть оконченной; по крайней мѣрѣ я помню только процессъ этого вязанія въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Плохо подвигалась фуфайка, то возьметъ матушка книгу, то пойдетъ по хозяйству, а фуфайка лежитъ на столѣ. Плохая была она руководѣльница, но работать желала по *принципу* и приучала меня.

Когда она взяла фуфайку, я должна была вязать чулокъ изъ очень толстыхъ нитокъ. Вязанье чулка почтала я тяжкимъ наказаніемъ и поглядывала на матушку: авось встанеть, авось уйдетъ, авось возьметъ за книжку, а лишь только наставало это счастливое мгновеніе, какъ и мой чулокъ соединялся съ фуфайкой и повоелся на столѣ ча- сами, днями и... годами. Уѣдемъ въ бабушѣ или въ Москву, оставимъ въ Воздвиженскомъ фуфайку и чулокъ, приѣдемъ на зиму домой, опять появляется фуфайка и ненавистный мнѣ чулокъ. Этотъ то чулокъ вязала я, однажды въ скучный вечеръ, сидя около матушки, когда разыгравшіяся дѣти, толкнули трубку отца. Онъ всегда этого боялся, малѣйшій толчекъ трубки отзывался очень сильно на чубуѣ и грозилъ зубамъ его.

— Тиме! зубы мнѣ вышибите. Арина, ужъ ты не маленькая, можешь остеречься.

— Не называй ты ее такъ, сказала матушка, сколько разъ просила я тебя.

Батюшка былъ не въ духѣ.

— Безразсудно просила. Арина имя христіанское, имя моей матушки.

— Знаю, сказала мать съ досадою. Неужли бы я согласилась назвать мою дочь такимъ именемъ, еслибы оно не было имя твоей матери. Конечно, сдѣлала тебѣ въ угоду—а ты ее зови Милочкой.

— Милочка не имя, а кличка. У моего товарища была борзая, ее звали Милка.

— То Милка, а то Милочка. Не хочу я дочери Арини.

— Ну зови Аришей.

— Фу! Какая гадость, Арина, Ариша. Не хочу я и слышать этого.

— Чтожъ ее и знакомые и лакеи будутъ звать Милочкой до 50 лѣтъ.

— Родные будутъ звать Милочкой, а лакей Ирриной.

Отецъ покачалъ головой и замолчалъ. И я съ тѣхъ поръ замѣтила, что всѣ слуги звали сестру Ми-

дочку Ириной. Сохрани Боже, еслибы кто назвалъ Ариной—непремѣнно получилъ бы нагоняй.

Старшій братъ мой Серезенька строгалъ и клеилъ, для чего былъ ему кушленъ инструментъ и стоялъ станокъ въ углу залы. Послѣ я ужъ узнала, что матушка, вслѣдствіе чтенія не одинъ разъ Эмиля Руссо, всѣхъ дѣтей кормила сама, и пожелала, чтобы братъ мой зналъ какое либо ремесло. Ремеслу братъ не выучился, но станокъ любилъ и какъ то, съ помощію плотника Власа, соорудилъ матушкѣ скамеечку подъ ноги. Строгалъ однажды онъ немилосердо и надобдалъ батюшкѣ, который читалъ огромную книгу, въ кожанномъ переплетѣ.

— Погоди, не стучи, сказалъ батюшка и Серезенька примолкъ, а мы насторожили уши, такъ какъ вечера осенніе тянулись долго и немного было у насъ развлеченій.

— А вотъ въ Англіи, продолжалъ батюшка, обращаясь къ матушкѣ, не по нашему. Это я одобряю, хотя къ англичанамъ пристрастія особеннаго не имѣю.

— За что ихъ любить? Нація коварная, однимъ словомъ: *perfidе Albion*. А ты о чемъ говоришь?

— О томъ, что у нихъ званіе священника весьма почетно. Оно такъ и быть должно. Служитель алтара—лучшее назначеніе для человѣка богобоязливаго и нравственнаго. Въ Англіи меньшіе сыновья знатныхъ фамилій принимаютъ священство.

— Дворяннигъ да въ священники! Не дворянское это дѣло.

— А почему? Самое почтенное дѣло. Подавать примѣръ прихожанамъ жить строго, по заповѣдямъ, поучать паству свою примѣромъ и словомъ, что этого почтеннѣе.

— Чтобы быть священникомъ, возразила недовольная матушка, надо знать богословіе и стало быть учиться въ семинаріи.

— Что-жь такое? Въ Англіи есть школы, гдѣ преподають богословіе.

— Шволы! шволы! воскликнула мать съ жаромъ,

какъ ты не называй такую школу, все увидятъ семинарія и семинаристъ. Blanc bonnet, bonnet blanc.

— А я терпѣть не могу французской болтовни. Толку въ ней нѣтъ — и народъ пустой, вздорный и безбожный.

— Не всѣ французы — безбожники. Ты самъ читаешь проповѣди Массильона и хвалишь.

— Быть можетъ и не всѣ они безбожники, только я ихъ терпѣть не могу. Кромѣ бѣды ничего они не надѣлаютъ, да ужъ и не мало надѣлали. Короля законнаго умертвили, храмы паругали, проходимца корсиванскаго взяли теперь въ императоры. Того и глади наважеть насъ Господь Богъ за то, что мы этихъ безбожниковъ и вольнодумовъ чтимъ и во всемъ имъ подражать стремимся. Но не о томъ я рѣчь повелѣть теперь. Я говорю, что почелъ бы себя счастливымъ, еслибы сынъ мой, какъ въ Англии, поступилъ въ священники.

— Что ты, батюшка мой, рехнулся что ли? Опомнись, сказала матушка съ досадою. Да я и слышать такихъ словъ не хочу. Мой сынъ дворянинъ, царскій слуга, а не пономарь съ вослицей.

— Я тебѣ не о пономарствѣ говорю, хотя и пономарь церковно-служитель. Я тебѣ говорю о священствѣ. Это санъ. Ужели ты сочтешь за стыдъ, еслибы уродила сына, какъ митрополитъ Филиппъ, либо блаженный Августинъ?

— Это совсѣмъ не то. То люди святые, куда намъ до святыхъ. Дай намъ Богъ воспитать людей честныхъ, образованныхъ, вѣрныхъ слугъ царю и отечеству.

— Одно другому не мѣшаетъ. Одного сына въ воины христіолобивые, а другаго въ священники благочестивые.

— Да чтожъ ты самъ въ попы то не шелъ? сказала матушка съ ироніей. Зачѣмъ служилъ и дослужился до бригадира? Зачѣмъ женился?

— Зачѣмъ? Служилъ я моему законному царю и моему отечеству — тогда призванія не имѣлъ идти по ду-

ховной частн... въ монахи... Обычай не дозволяетъ идти въ священники.

— Призванія не было—а отъ чего же у сына твоего призваніе будетъ? И у сына не будетъ!

— Очень жаль, особенно жаль, если ты будешь внушать ему съ дѣтства такія мысли. Ты бы ужъ ему Вольтера почитала.

— Я сама читаю только трагедіи Вольтера, сказала матушка, всегда обижавшаяся, когда говорили объ Вольтерѣ безъ воскищенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ опасавшаяся прослыть вольнодумкой.—А трагедіи его неподобны. Въ семинаристы же сына пихать не буду, воля твоя! По твоему дѣвочекъ одѣть въ темныя платья, лифъ по горло, не учить языкамъ, не вывозить никуда и прямо въ монастырь отдать по 20 году. Нѣтъ, воля твоя, этого не будетъ, пока я жива. Дѣти твои, также и мои дѣти. Я не согласна.

И мать моя положила свою фуфайку на столъ (а я скорѣй туда же бросила свой чулокъ) и вышла изъ комнаты, вспыхнувъ лицомъ. Батюшка посмотрѣлъ на нее очень какъ то невесело и молча принялся читать книгу.

Матушка не безъ намѣренія упоманула о платьяхъ по горло. Батюшкѣ было неприятно, когда она одѣвала насъ по модѣ, съ открытымъ воротомъ и короткими рукавами. Онъ считалъ грѣхомъ одѣваться нарядно, ѣздить въ театръ, а пуще всего носить платья, открывая шею, плечи и руки. А матушка напротивъ любила одѣваться по модѣ, танцевала замѣчательно прелестно, по тогдашнему выдѣлывая мудренныя *па* и *антресма*, любила театръ и не упускала случая потанцевать и взять ложу. Она была еще очень красива; красотѣ ея удивлялись всѣ и она невинно гордилась этимъ. Отецъ терпѣлъ, покорялся, любя матушку очень нѣжно, но не оправдывалъ ея склонности въ свѣтскимъ удовольствіямъ. Онъ называлъ это суетою, это означало: *тлѣннѣ дьявола*.

— Дьявола, говаривала матушка, а гдѣ ты видалъ дьявола? я его нигдѣ, никогда не видала.

— А кто же нашептываетъ суету всякую, какъ не дьяволъ? Его тѣшутъ, когда бросаютъ деньги зря и вмѣсто того, чтобы въ церкви подавать, нищю братію одѣлять, радаться, да ѣздить по баламъ, да театрамъ.

— Не говори пустаго, вступалась матушка, мы съ тобою живемъ и такъ не по людски, гостей не принимаемъ, не тратимъ на наряды и театры. Когда, когда, развѣ изрѣдка придется повеселиться... а про нищихъ и про церкви я ничего не говорю — ты не мало роздалъ. Вышь, какую церковь выстроилъ, что денегъ извелъ.

Постройка церкви весьма роскошная не нравилась матери, но она не вступала въ открытую борьбу, хотѣ боялась, что бабушка тратитъ на нее слишкомъ много, не по состоянію. Отецъ достроилъ церковь и освятилъ ее уже послѣ пожара Москвы, и приказывалъ себя похоронить въ ней, что однако мы не могли исполнить, ибо вышло запрещеніе хоронить въ церквахъ.

Радости и развлечения нашей однообразной и тихой жизни ограничивались поѣздками къ бабушкѣ всякую осень къ ея именинамъ. Ее звали Любовь Петровна, и къ 17 сентября съѣзжались къ ней всѣ ея родныя, дочери съ мужьями и дѣтьми, племянницы и племянники тоже съ дѣтьми. Бабушка въ молодости славилась красотой, часть которой передала и матушкѣ. Она осталась вдовою еще въ молодыхъ лѣтахъ и была уважаема всѣми за кротость нрава, ясность характера и чрезмѣрную доброту. Она слыла за самую почтенную, и во всѣхъ отношеніяхъ пріятною и привѣтливую старушку. Мать ваша считалась ея любимой дочерью, а я любимой внучкою; я была названа въ ея честь: Любовью и ваши именины, конечно, праздновались вмѣстѣ. Я знала, отправляясь въ Щеглово (такъ называлось имѣніе бабушки) что меня ждутъ тамъ и угощенія и подарки и поцѣлун и ласки и чай съ топленными сливками, покрытыми золотеными пѣнками, и ухаживанье всѣхъ горничныхъ и воякыи всей дворни. Лишь только кончался августъ

мѣсяцъ, какъ у насъ въ Воздвиженскомъ начинались сборы. Какіе это были веселые сборы! Скольбо бѣготни, хохоту и балтовни. Домъ оживалъ. Горничныя бѣгали, бѣгали слуги и дворовые и всѣ укладывали и свой и барскій скарбъ. Даже прачки, и тѣ мечтали и гадали о томъ, которую изъ нихъ возьмутъ къ «старой барынѣ», такъ всѣ они звали бабушку. Всѣ знали, что бабушка никого не отпуститъ изъ Щеглова безъ добраго слова, привольныхъ угощеній, а иногда и подарка. А сборы были не малые. Ъздили мы къ бабушѣ на «своихъ» (т. е. на своихъ лошадяхъ) съ цѣлымъ обозомъ и, такъ сказать, караваномъ. Отъ насъ до Щеглова считалось 200 слишкомъ верстъ и не по большой столбовой дорогѣ, а частію проселкомъ. Тогда на почтовыхъ ѣзжали чиновные люди да вельможи знатнѣйшіе, а дворянство даже весьма богатое и старинныхъ родовъ ѣзжало на своихъ лошадяхъ; когда же предстояла ѣзда спѣшная, по неотлогательному дѣлу, болѣзни или иной бѣдѣ, то нанимали извозчиковъ и ѣздили на сдачу. Батюшка всегда ѣзжалъ на своихъ, любилъ лошадей и имѣлъ свой собственный конный заводъ.

Путешествіе наше всегда совершалось слѣдующимъ образомъ и порядкомъ. Впередѣ всѣхъ, въ коляскѣ четверней, ѣхалъ батюшка со мною и старшимъ братомъ; за коляской ѣхала тяжелая четверомѣстная карета, запряженная шестерникомъ съ форрейторомъ, гдѣ сидѣла матушка, вана Марья Семеновна, братъ Николаша и сестры Милочка и Нада. За каретой ѣхали бричка тройкой съ горничными, за бричкой вибитка съ прачками, тоже тройкой. Рядомъ съ кучеромъ сидѣли: на возлахъ коляски батюшки его намердинеръ,—на козлахъ кареты высочайшаго роста лакей Андрей, на козлахъ брички—Федоръ, башмачникъ, который шелъ башмаки и сапоги на всѣхъ насъ и всю нашу прислугу. Въ вибиткѣ возсѣдалъ очень важно поваръ Евграфъ, чрезвычайно искусный въ своемъ дѣлѣ и крайне неприятнаго нрава. Выѣзжали мы въ 5 часовъ утра. Батюшка требовалъ пунктуальной аккуратности и матушка ему покорялась. Въ 5 часовъ ровно

вѣзала она въ карету и поѣздъ нашъ двигался крупною рысью, по слову бабушки: съ Богомъ. Колоколчики заливались и вучера весело покрикивали особеннымъ покрикомъ: «Эй вы! голубчики! вали!» или: «Соколикъ выноси!» Въ 10 часовъ утра останавливались всегда въ заранѣе назначенной деревнѣ, всегда почти у знакомаго мужика. Въ избу выносили погребцы, ковры; сперва пили чай, потомъ часа въ два обѣдали, потомъ собирались опять и выѣзжали въ 4 часа, ѣхали до 8 и ночевали. Въ избу приносили огромныя охабки сѣна, стлали его на полъ, накрывали коврами и бѣльемъ и укладывались всѣ, кто гдѣ попало, не раздѣваясь вполнѣ, а навидывая холаты и капоты. Матушка не очень любила этихъ импровизированныхъ первобытныхъ ночлеговъ и часто уходила спать въ карету. На четвертый день достигали мы наконецъ Щеглова. Какая радость охватывала меня, когда мы подѣзжали къ перевозу, когда перевозились на паромѣ черезъ рѣку, которая текла за $\frac{1}{2}$ версты отъ Щегловской усадьбы. Какъ билось томительно и страстно мое сердце, когда мы сворачивали на право и я бывало завязу гумно, садъ, ограду садовую съ бѣлыми вязами и наконецъ ворота большаго бабушкина двора. Между тѣмъ бабушка, зная акуратность бабушки, который всегда прѣвзжалъ въ первыхъ числахъ сентября, ждала насъ съ нетерпѣнiемъ, привазивала мыть, чистить и мести флигель своего дома, въ которомъ мы всегда помѣщались и который назывался флигелемъ Шалонскихъ. Онъ соединился съ домомъ крытой, съ огромными окнами галлерей. Бабушка жила въ большомъ, старомъ, деревянномъ домѣ съ двумя своими незамужними дочерьми и двумя племянницами, тоже дѣвцами. Старшая Наталья Дмитриевна имѣла уже около 50 лѣтъ и страстно любила меньшую сестру свою Сашеньку и двоюродную сестру Оленьку, которыхъ, въ особенности первую, считала ребенкомъ, хотя ей было болѣе 26 лѣтъ. Она звала ее Сашей, а тетя Саша звала свою старшую сестру просто сестрицей или Натальей Дмитриевной и говорила ей: см.

Во всемъ слушалась она ея безпрекословно. Домъ бабушки былъ громадный съ большой залой и хорами, отбуда въ имянины и праздники гремѣла музыка, съ большой и малой гостиными, съ бильярдной залой, и мужскимъ кабинетомъ, гдѣ никто не жилъ послѣ кончины дѣдушки. Въ кабинетѣ стояли чудныя раковины, большіе часы съ курантами и китайскій фарфоръ, въ гостиной висѣли въ золоченныхъ рамахъ картины, вывезенныя изъ Петербурга однимъ изъ дядей бабушки. Одна изъ нихъ представляла испанца въ черномъ бархатномъ платьѣ съ огромнымъ воротникомъ изъ великолѣпнаго кружева, другая — красавицу съ вѣтками сирени у корсажа и въ черныхъ вудрахъ. Была и вакханка съ тирсомъ въ рукахъ, и амуръ съ колчаномъ и стрѣлами. Домъ стоялъ въ глубинѣ огромнаго двора, отъ котораго тянулись сады обширныя и тѣнистыя, верхній и нижній. Верхній садъ состоялъ изъ старыхъ липовыхъ аллей и кончался плодовымъ садомъ, а нижній шель уступами подъ гору къ оранжереямъ, вишневому грунту и пруду, обсаженному елями. За оранжереями тѣла, извиваясь между зеленѣющихъ полей, небольшая рѣченка. Для насъ, дѣтей, Щеглово представлялось раемъ земнымъ. Любящая, балующая бабушка, въ волю гулянья, катанья, всякія лабомства и услужливость многочисленной дворни. Дворня бабушки жила въ довольствѣ, свободѣ и праздности и относились къ намъ, внучкамъ, съ любовью и уваженіемъ. Самая наша жизнь дома крайне монотонная и отчасти суровая, измѣнялась совершенно въ Щегловѣ. Ни длинныхъ молитвъ по утру, ни слишкомъ длинныхъ службъ въ домовою церкви, ни длинныхъ вечеровъ въ молчаніи, матушка за книжкой, а я за чулкомъ — Напротивъ того разговоры многочисленной семьи, гости, выѣзды — словомъ ми въѣзжали въ Щеглово съ замирающимъ отъ радости сердцемъ и покидали его съ горькими слезами.

Подходило 17 сентября и бабушка, поджидая дочь, зятя и внучатъ волновалась по своему, тихохонько, но замѣтно. Въмѣсто того, чтобы сидѣть въ диванной зава-

занемъ кошелевъ изъ бисера, она переходила галерею, осматривала флигель Шалонскихъ, приказывала кое-что дворецкому Петру Иванову, ходившему за нею по пятамъ, заложивъ руки за спину и отвѣчавшаго на всякое слово ея: «слушаю-съ». Послѣ обѣда бабушка выходила на балконъ, глядѣла вдоль къ перевозу и приказывала позвать ребятъ. Ихъ являлась толпа не малая, всѣхъ возрастовъ, начиная съ 15 до 5 лѣтъ.

— Слушайте, дѣти, говорила бабушка, жду я своихъ; кто первый изъ васъ прибѣжитъ сказать мнѣ, что они ѣдутъ, получить пригоршню праниковъ и новенькій, съ иголки, свѣтлый гривенникъ.

Ребятишки бѣжали въ запуски, выслушавъ такія рѣчи; быстроногіе опережали другихъ, влѣзали на волокольню и, засѣвъ въ ней, удерживали мѣста за собою съ необыкновеннымъ упорствомъ; ходили обѣдать домой по очереди, и ночевывали на волокольнѣ.

— Ёдутъ! Ёдутъ! закричали однажды два три мальчугана, вбѣгая на широкій дворъ.

Поспѣшно положила бабушка свою работу и поспѣшила сойти длинную парадную лѣстницу. Остановясь на крыльцѣ, она ждала, имѣя по правую руку старшую дочь, а по лѣвую меньшую, а сзади двухъ племянницъ. Мѣста эти были не назначены, но такъ ужъ случилось, что онѣ всегда стояли въ этомъ порядкѣ.

Къ крыльцу подъѣзжала карета.

— Чтой-то будто не наши! сказала бабушка.

— Да и то не наши, не ихъ карета, и вучеръ не ихъ, и лакей чужой.

Изъ кареты вылѣзъ сосѣдъ съ женою и дѣтьми и недоумѣвалъ, отъ чего это обезпокоилъ онъ Любовь Петровну и почему она встрѣчаетъ его на крыльцѣ.

— Батюшка, Захаръ Ивановичъ, это вы, и вы Анфиса Никифоровна. Рада васъ видѣть и у себя привѣтствовать, только не хочу правды таить встрѣчать вышли мы не васъ. Кричатъ ребята, ѣдетъ зять мой Григорій

Алексѣвичъ съ моею Варенькой и ея дѣточками, вотъ я и вышла.

— А вы, пострѣлята, смотри, я васъ ужб, пригрозила на дѣтей старшая тетка наша Наталья Дмитриевна, матушку смутили, обезпоявили. Чего зря орете, лучше бы смотрѣли въ оба!

III.

Но вотъ наконецъ и въ самомъ дѣлѣ: гурьбою бѣгутъ мальчишки и кричатъ: «ѣдутъ! ѣдутъ!» и топотъ копытъ, звуки заливающихся колокольчиковъ, пыль столбомъ по дорогѣ. И вотъ на всѣхъ рысяхъ лихихъ коней катитъ къ подъѣзду коляска батюшки и карета матушки. Еще издали я высовываю изъ крытой коляски мою не-терпѣливую голову и, завидѣвъ на крыльцѣ маленькую, худенькую въ черное одѣтую фигурку, нашей добрѣйшей бабушки, чувствую такое учащенное бѣненіе сердца, что духъ у меня захватываетъ. Забывая все, приличіе, чинопочитаніе, чопорность, лѣзу я черезъ колѣна батюшки, скачу изъ коляски и, обвивая шею милой бабушки ручьями, покрываю ее въ попыткахъ дѣтскими горячими поцѣлуями и слезами радости—тѣми слезами, тѣми поцѣлуями, которыхъ люди зрѣлыхъ лѣтъ уже не знаютъ. Бабушка съ усиліемъ отрывалась отъ меня и обнимала батюшку, котораго нѣжно любила, потомъ матушку и всѣ мы шли на верхъ по широкой, липовой, развалистой лѣстницѣ. Тетки страшно любили насъ, какъ любятъ племянниковъ и племянницъ незамужнія, пожилыя, добрыя женщины, но мы не благодарныя, любили только бабушку, милую, венаглядную и терпѣли ласки тетокъ, принимая ихъ подарки и услужливое вниманіе, какъ нѣчто обыкновенное и должное.

Въ Щегловѣ жизнь наша текла, какъ говорится, млекоиъ и медомъ. Чего хочешь, того просишь. А то

и попросить не умѣешь, все является, не по желанію, а прежде желанія. Я поселяюсь въ комнатѣ бабушки; мнѣ ставится кровать противъ ея кровати, самый толстый и мягкій пуховикъ и вынимаютъ самое тонкое, голландское бѣлье. О бѣльѣ я не заботилась, но пуховикъ мнѣ весьма былъ приятенъ, такъ какъ въ Вовдвиженскомъ я спала (вѣроятно тоже вслѣдствіе чтенія Эмиля Руссо) на ковръ, положенномъ на голыя доски кровати. Въ Щегловѣ спала я въ волю, никто не приходилъ будить меня. Иногда я проснусь, а бабушка встаетъ и полагая, что я сплю (милая старушка!) осторожно на цыпочкахъ, на босую ногу, крадется около моей кровати. Я шурюсь, прикидываюсь спящей и душа моя радуется и ликуетъ, когда бабушка останавливается у моей кровати и смотритъ на меня нѣсколько мгновений. Губы ея шевелятся, или молится она обо мнѣ, или благословляетъ меня и проходить тихо въ свою уборную, которую зовутъ оранжерейкой, вѣроятно потому что въ ней есть большое окно и ни единого горшка цвѣтовъ. Я не выдерживаю.

— Бабушка, я не сплю! восклицаю я съ триумфомъ. Бабушка возвращается, присаживается на минутку на концѣ моей постели. Я бросаюсь ей на шею, цѣлую ее милое, сморщенное лицо, ея небольшую, сѣдую, съ короткими волосами голову, а она перебираетъ мои, какъ смоль, косы, гладитъ ихъ и говоритъ:

— Пора. Пробило 8. Чай простынетъ. Вставай, Люба. Пѣнки Федосья натопила тебѣ. Пора одѣваться.

И я вскакиваю. Начинается чай съ пѣнками и затѣмъ весь день идетъ гулянье въ рощахъ и лѣсахъ, съ огромною свитой горничныхъ дѣвушекъ, которыя забавляютъ насъ и затѣваютъ игры и горелки, и гулючки, и веревочку. Дворовые зазываютъ насъ къ себѣ въ гости и подчуютъ сдобными лепешками и круглыми пирогами съ яйцами и курицей.

А то идемъ мы въ *подкѣтъ* *), гдѣ съ одной стороны живутъ старыя слуги, ребята и жены лакеевъ, а съ другой — журавли, павы, козы, цецарки и прелестныя маленькія пѣтушки и курочки, называемыя «королями». Ихъ выпускаютъ гулять съ восходомъ солнца и загоняютъ на ночь въ подкѣтъ, зимою же имъ тутъ приходится и дневать и ночевать. Въ другой половинѣ подкѣты, перегороженной на небольшія комнаты и представлявшейся мнѣ еще маленькой дѣвочѣй городкомъ съ узкими улицами и переходами, гдѣ можно заплутаться, стѣны оклеены разными картинками. Тутъ познакомилась я впервые съ картинкой: «Мыши kota хоронятъ» и многими другими изображеніями и святыхъ и богатырей и выслушивала длинныя о томъ сказанія отъ обитателей подкѣты. Къ сожалѣнію вскорѣ, неизвѣстно почему, намъ строго запрещено было ходить въ подкѣтъ; исторіи остались недосказанными, а подкѣтъ въ моей памяти и воображеніи остался сказочнымъ городкомъ, населеннымъ людьми и животными особаго необыкновеннаго рода. Разсказчикъ житія святыхъ или похождения богатыря сливался самъ съ разсказомъ — онъ, казалось мнѣ, видѣлъ самъ все то, что разсказывалъ и его прозаическая фигура окрашивалась фантастическимъ свѣтомъ.

Чудное было житье наше! Отецъ не выговариваетъ, мать не журить, уроки прерваны, мы предоставлены бабушкѣ и теткамъ и сама наша *m-lle Rosine* возсѣдаетъ въ диванной, кушаетъ на славу, нанизываетъ бисеръ и разсказываетъ тетямъ о *belle France*. Ихъ любопытство льститъ ей, льститъ тѣмъ болѣе, что батюшка никогда не слушалъ ея болтовни, матушка, очень умная и любознательная, тоже не любила пустой болтовни, а мы относились не только холодно, но даже

---

*) Въ большихъ барскихъ домахъ такъ назывался нижній этажъ дома, врытый въ землѣ, въ фундаментѣ, обложенный деревомъ, но безъ пола и съ грунтомъ вмѣсто пола. Онъ былъ сухъ и просторенъ и цѣлая семья прислуги жила тамъ.

враждебно въ la belle France, языкъ которой намъ навязывали насильно.

Вотъ наступали именины бабушки, именины торжественные, о которыхъ мы мечтали цѣлые полгода и вспоминали другіе полгода. По утру просыпались мы рано, и одѣвались — бабушка и я — въ нарядные платья. Она надѣваетъ шелковое пюсовое платье, чепецъ съ такими же лентами и турецкую бѣлую, шаль. Я также въ новомъ бѣломъ девосовомъ платьи, съ розовыми лентами. вмѣстѣ сходили мы изъ оранжерейки нѣсколько ступенекъ и шли черезъ коридоръ въ домовую церковь. Въ правомъ углу церкви была ступенька обшита зеленымъ сукномъ. Это мѣсто бабушки и ея дочерей. Я съ бабушкой становилась рядомъ и слушала литургію и молебень. Потомъ всѣ шли въ диванную и домашніе поздравляли бабушку; съ ранняго утра уже набѣжали гости. Небогатые сосѣди и сосѣдки, стряпчіе и всякаго рода люди изъ Алексина и даже изъ Калуги и Тулы пріѣзжали прежде всѣхъ. Всѣхъ равно мило и любезно бабушка привѣтствовала. Потомъ докладывали, что собралась дворня. Бабушка брала меня за руку и выходила въ переднюю.

— Много лѣтъ здравствовать! Матушка, барыня, дай вамъ Богъ всякаго счастья! шель гуль въ передней и далѣе въ коридоръ и буфетъ.

— Благодарствуйте, отвѣчала бабушка, кланяясь на всѣ стороны; ближайшіе и слѣдственно самые главные и старшіе слуги цѣловали у ней руку.— Вотъ и мою внучку поздравьте. Привелъ мнѣ Богъ опять увидѣть у меня въ домѣ дѣтей и внуковъ.

— Слава Богу, матушка слава Богу! А внучка то ваша, Любовь Григорьевна ужъ почитай невѣста, говорить старикъ Федоръ.

— Ну гдѣ еще, отвѣчала бабушка наши времена другія. Ей еще учиться надо, 15 лѣтъ ей только что минуло. Вотъ годовъ черезъ 5 увидимъ. Да я не доживу.

— И что вы это! Сто лѣтъ вамъ жить по вашей добродѣтели, по вашей добротѣ.

— Спасибо, говорила бабушка. Ну зайдите въ Аннѣ Ѳедоровнѣ, она васъ угоститъ чаемъ и чѣмъ Богъ пошлетъ.

И вся дворня валила въ Аннѣ Ѳедоровнѣ—экономѣ, лицу почетному, загадочному и чудному. Въ будни она постоянно лежала на перинѣ, на площадкѣ внутренней лѣстницы и курила короткую трубку. Въ праздникъ она слѣзала съ своей площадки и садилась на диванъ. Подлѣ нея всегда визжала, лаяла и старалась укусить всякаго проходящаго маленькая болонка, красноглазая и красноносая, по имени Нарцисса.

Принявъ и отпустивъ дворню, бабушка шла мимо своей спальни и вдругъ, какъ бы невзначай останавливалась.

— Люба, говорила она.

— Что приважете, бабушка, говорила я.

— Поди ко мнѣ.

Мы входили въ спальню. На моей памяти эта самая остановка у дверей спальни, и это самое восклицаніе *Люба* повторялись всякой годъ въ ея именины въ одинъ и тотъ же часъ, въ продолженіи лѣтъ десяти и должны были повторяться столько лѣтъ, сколько прожила бабушка. Въ спальнѣ на столѣ обыкновенно стояла шкатулка; бабушка шарила въ карманѣ *), гремѣла ключами и вытаскивала крупную связку, отпирала шкатулку и вынимала три какія нибудь вещицы. Она клала ихъ передо мною и говорила:

— Выбирай, моя именинница, люблю. Одна тебѣ, одна твоей меньшей сестрѣ, одна моей другой внучкѣ Любѣ.

*) Карманы глубокіе и широкіе носили тогда старухи въ своей нижней юбкѣ, и для того чтобы достать изъ него что либо, должны были поднимать верхнюю юбку. Отъ того при гостяхъ, при семействѣ изъ кармана достать что либо было неудобно и надо было выйти въ другую комнату для такой операціи.

У бабушки была другая замужняя дочь, которая въ ту пору жила далеко, ибо мужъ ея находился на службѣ за Ураломъ. У ней было много дѣтей, а старшая дочь называлась, какъ я, Любой.

— Я не смѣю выбирать, подарите мнѣ, что вамъ угодно.

— Я не знаю, что тебѣ нравится больше.

— То нравится, что вы сами выберете.

Можно подумать, что это происходили китайскія церемоніи. А между тѣмъ, напротивъ, то были не церемоніи, а деликатность и сердечность отношеній. Бабушку и меня связывала нѣжнѣйшая любовь и конечно та вещь была мнѣ дороже всѣхъ, которую бы она дала мнѣ своею рукою.

Но бабушка наставляла и я должна была выбирать. Я робко указывала на вещицу, бабушка брала ее и вручала мнѣ. Въ тѣ ея именины, о которыхъ я рассказываю, она не предложила мнѣ нѣсколькихъ вещей на выборъ, а вынула изъ шкатулки небольшое жемчужное ожерелье, съ фермуаромъ изъ аметиста, усыпаннымъ розами, замѣчательно тонкой работы, и надѣла его мнѣ на шею. Въ восторгѣ отъ нечаяннаго, прелестнаго подарка, пылая лицемъ, вышла я изъ спальни рука объ руку съ бабушкой, а мнѣ на встрѣчу попала тетя Наталья Дмитриевна, и надѣла мнѣ на руку кольцо съ яхонтами и двумя брилліантами, а тамъ за нею тетя Саша и подарила другое колечко съ алмазомъ. Я себя не помнила отъ радости и мы всѣ вошли въ диванную. Тамъ на столѣ уже приготовлены были подарки для самой бабушки. И батюшка, и матушка, и дочери, и отсутствующая дочь. Катерина Дмитриевна, и домашніе, и сосѣди, всякій сдѣлалъ или прислалъ ей свое маленькое приношеніе. Я вышла ей подушку и эту подушку взяла бабушка бережно и положила на свой диванъ. Матушка, усмотрѣвъ на мнѣ жемчугъ, сказала бабушкѣ.

— Ахъ, маменька, какъ вы ее балуете! Она

еще дѣвочка, что ее радить въ жемчуги, учиться ей надо.

— Мнѣ жить не долго, отвѣтила бабушка, дай мнѣ повеселить внучку. Молода то она, молода, а глядь черезъ пару годовъ подъ вѣнецъ везти надо.

— Что вы это, маменька, я и слышать не хочу отдавать ее замужь спозаранку.

— И я слышать не хочу, шепчу я, прижимаясь головою къ колѣнамъ бабушки, ибо я сижу у ногъ ея, на чугунной скамеечкѣ, покрытой краснымъ сафьяномъ.

Она гладитъ меня задумчиво по головѣ и говорить тихо—Да, теперь времена другія, а меня отдали замужь 15 лѣтъ.

Всѣ молчать. Молчитъ матушка, молчать тети, молчитъ батюшка. Всѣ знаютъ, что не легва была жизнь бабушки, хотя она была красавица, скромница и доброты ангельской. Вздыхаетъ бабушка глубокимъ, но тихимъ вздохомъ и въ этомъ вздохѣ мнѣ слышится что то невѣдомое, таинственное и даже страшное. Сердце чувствуетъ, что не всегда живется такъ на свѣтѣ, какъ живется мнѣ теперь въ семьѣ, въ холѣ, въ любви и мирѣ!...

Но не время задумываться. Къ крыльцу катятъ кибитки, одноволки, кареты, брички, и наполняется большой Щегловскій домъ. Сама губернаторша приѣзжаетъ, приѣзжаетъ и жена предводителя съ красавицей дочкой, приѣзжаетъ и полковникъ, командиръ полка, который стоитъ въ Мещовскѣ, и обѣдъ обильный, хотя и незатѣливый, оглашается полковой музыкой. Это сюрпризъ полковаго командира. Послѣ обѣда всѣ разѣзжаются, оставляя насъ довольными и утомленными. Разговоровъ хватаетъ на двѣ недѣли и воспоминаній—на цѣлые мѣсяцы.

Незамѣтно подходитъ осень, начинаются туманные и пасмурные дни, дождь мороситъ и нельзя сказать, чтобы было особенно весело. Тетушки прилежниѣе прежняго нижутъ бисеръ, бабушка беретъ эти нитки, наннзанные по узору и вяжетъ кошельки. Работаютъ молча. Иногда бабушка скажетъ:

— Сашенька, поди-ка сюда, рядъ не выходитъ: ошибка.

Тетя Саша подходитъ къ матери, считаетъ и говоритъ—Да, ошибка, но это ничего—лишняя бисеринка. Я ее сейчасъ расколю.

Она беретъ большую булавку, вкалываетъ ее и бисеринка лопається.

— А вотъ бѣда, когда одной бисеринкой меньше. Тогда весь рядъ перенизывать надо.

Опять молчаніе, покуда тетя Саша не встанетъ.

— Ты куда? спрашиваетъ тетюшка Наталья Дмитриевна.

— Я, сестрица, въ оранжерейку. Моя Мими (тетина любимая канарейка) вѣрно уже скучаетъ. Пора ее выпустить.

И тетя Саша возвращается съ канарейкой на плечѣ, которая чирикаетъ, и скоро задаетъ круги по всей комнатѣ, къ общему удовольствію, и наконецъ садится бабушкѣ на чепчикъ. Милая наша старушка улыбается. Черезъ часъ Мими уносятъ въ ея комнату.

— Вы слышали, маменька, о новой штуцѣ Филата, говорятъ тетюшка Наталья Дмитриевна.

— Что такое? спрашиваетъ бабушка, затыкая свой тамбурный крючекъ въ складки своего бѣлаго чепца.

— Вообразите себѣ, привезъ онъ изъ Вологодской губерніи провизію Пелагеѣ Евсеевнѣ и сдаетъ ее, а вмѣстѣ съ провизіей два десятка куръ. Считаетъ она куръ. Онъ изъ сѣней несетъ одну, показываетъ ее хвостомъ и считаетъ: сѣренькая, разъ. Потомъ несетъ будто другую, кажетъ головкой: пестренькая, два. Потомъ несетъ еще, кажетъ брюшкомъ: бѣленькая, три. Такимъ то манеромъ насчиталъ онъ ей два десятка куръ, взялъ ихъ, заперъ въ чуланъ и уѣхалъ, а хватились посмотрѣть. — что же вы думаете? вмѣсто двухъ десятковъ куръ всего на всего оказалось полдюжины. Вотъ такъ мошенникъ!

— Конечно, мошенникъ, да и она то порядочная простофиля. Какъ же это не видать, что одну и ту же курицу ей важуть и хвостомъ, и головой и брюшкомъ? малое дитя и то догадается.

— Ну нѣтъ, не говорите, возражаетъ тетушка Наталья Дмитриевна, теперь то вамъ въ домѣкъ, а пожалуй онъ и васъ бы на эту штуку поддѣлъ.

— Меня бы непременно обманулъ, говоритъ простодушна тетя Саша.

— Да тебя немудрено, ты что еще смыслишь, ты дѣвушка молодая, ни къ чему не приучена, знай, чай кушай, да нижи вошелекъ, говоритъ тетушка, глядя съ любовію на младшую сестру.

Меня одноао удивляло, что сама тетя Саша считаетъ себя только что не ребенкомъ и безъ согласія сестры не выходитъ гулять даже въ садъ. Ея первое и послѣднее слово, всегда одно: «а вотъ что скажетъ сестрица», или: «какъ рѣшитъ сестрица».

— Отъ Волчененовой есть отвѣтъ? спрашиваетъ бабушка послѣ нѣвотораго молчанія.

— Нѣтъ еще; да какое же можетъ быть сомнѣніе. Это чистое благодѣяніе. Одинъ сынъ больной, другой горбатый, четыре дочери и 6 душъ крестьянъ, чѣмъ жить, кормиться, не говоря уже о воспитаніи дочерей.

— Только не было бы хлопотъ да непріятностей.

— Какія же? Я беру дочку старшую на свое попеченіе, буду одѣвать, буду ее учить грамотѣ, закону Божьему, арифметикѣ, всякимъ руководствіямъ, словомъ выучимъ ее, чему можно и нужно, а тамъ какъ Богъ дастъ.

— А я буду радеханька давать ей уроки, говоритъ тетя Саша съ удовольствіемъ.

— Гдѣ тебѣ, ты устанешь.

— Право нѣтъ, нѣтъ, сестрица.

— Ну хорошо, хорошо, увидимъ.

Опять молчаніе.

— Чтожъ вы примолкли, дѣвочки? говоритъ бабушка,

обращаясь къ игравшимъ около лежанки внучкамъ—чай ужь Аркадскія яблочки поспѣли, маленькія, бѣленькія, хорошенькія такія. Пойдите къ садовнику Спиридону, попросите, чай собраны. Эй! Федосья, приготовь дѣтямъ сливокъ и сахару, они принесутъ яблочковъ изъ саду, кроши ихъ въ сливки, посыпь сахаромъ и пусть кушаютъ на здоровье.

Суетится Федосья, калмычка, добрая и безобразная, съ которою всякой годъ мы мѣримся, кто и сколько до нея не доросъ, и кто ее переросъ. И всѣ мы, кромѣ сестрицы Нади, переросли ужь ее, къ великому нашему торжеству и ея добродушному удовольствію. Суетится Федосья, а мы бѣжимъ въ садъ, но Спиридонъ скоро отыскивается, онъ ушелъ къ себѣ. Мы распоряжаемся рѣшительно, меньшія дѣти влѣзаютъ въ маленькое и тѣсное окно избушки, выстроенное посреди вуртинны для храненія яблочъ, разобранныхъ тщательно по полкамъ и по сортамъ. Братья родные и двоюродные и дѣвочки сгребаютъ яблочи въ шапки, сыплютъ ихъ какъ попало, хохочутъ, передаютъ ихъ намъ въ окно. Внутри темной избушки хохотъ, грохотъ и говоръ: яблочи катятся съ полки на полку и, какъ градъ, падаютъ на полъ. Наконецъ, натѣшившись вдоволь, всѣ дѣти вылѣзаютъ оттуда и мчатся съ добычей домой. Радость несказанная охватила насъ и веселье наше безмѣрно. Въ довершеніе всего на дорогѣ стоятъ, окаменѣвъ на мѣстѣ, Спиридонъ, шедшій не торопясь съ ключами изъ избушки. При видѣ яблочъ онъ всплескиваетъ руками.

— Дѣточки! Барышни, вопить онъ отчаянно, что жъ вы это? Ахъ! батюшки свѣты! Проказники! Не дождались таки! На полкахъ яблочи по сортамъ лежатъ, счетомъ лежатъ, а вы что? Перепутали, помяли, чай, разбросали. Грѣховодники, право! Вотъ вамъ крестъ, бабушкѣ пожалуесь!

Но мы ужь долеко, весемся, какъ вихрь, по холод-

ному воздуху въ широкіе темные покои и смѣемся при одной мысли, что на насъ Спиридонъ будетъ жаловаться бабушкѣ. Мы ужь обступили Ѳедосью, которая у лѣжанки приготовила миски со сливками, и смотримъ, какъ она крошитъ бѣлыя яблоки въ желтыя сливки и посыпаетъ ихъ сахаромъ.

Вдругъ въ дверяхъ вырастаетъ худая и высокая фигура Спиридона. Онъ стоитъ молча, заложивъ руки за спину.

— Что такое? Что тебѣ? говоритъ бабушка своимъ обычнымъ добрымъ голосомъ.

— Воля ваша, матушка Любовь Петровна. Отъ внучковъ вашихъ житья нѣтъ.

Бабушка глядитъ удивленно. Спиридонъ продолжаетъ:

— Мѣсяць тому назадъ, не хотѣлъ я безпобойть васъ, скрыль; они, внучки ваши, вбѣжали въ грунтъ, да не черезъ двери, а прямо въ сѣти и совсѣмъ изорвали; не то что чинить, а почитай новые плести надо. А теперь влѣзли въ сторожку, и опять не дверью, а въ окно.

— Да вѣдь это не окно, а, почитай, отдушина.

— Отдушина, матушка, отдушина, они въ нее то и влѣзли, и, полагать надо, попадали, потому всѣ полки передъ отдушиной чисты. Яблоки валяются на полу, много ихъ помято, раздавлено—въ темнотѣ они возились, а съ другихъ полокъ яблоки взяты безъ порядку и всѣ сорта перемѣшаны. Барское ли это дѣло? И теперь все надо съизнова устраивать, укладывать...

— Хорошо, ступай себѣ, Спиридонъ. Этого впередъ не будетъ.

Спиридонъ поклонился и вышелъ.

Бабушка обратилась къ намъ (а мы стояли всѣ около миски яблоковъ и сливокъ смущенные и пристыженные). Голосъ ея звучалъ серьезно и лице ея было недовольное.

— Дѣти, сказала она, это нехорошо, очень нехорошо. Человѣкъ трудится, работаетъ, а вы отъ бездѣлія и шаловливо его работу портите. Непохвально. Я отъ васъ этого не чаяла. Люба, поди сюда.

Я подошла, сгорая отъ стыда.

— Тебѣ сколько лѣтъ?

Я молчала.

— Ты уже не маленькая. Тебѣ 15 минуло, а ты ребенокъ, какъ всѣ они. Бабушка показала на внуковъ и дѣтей племянницъ. Ты не понимаешь, что это не только непригожо въ твои лѣта, но даже дурно не уважать труды людскіе. Что объ васъ слуги думать будутъ, говорить будутъ? Барчата де, куролѣсы!

— Маменька, вступилась Наталья Дмитриевна, вѣдь это дѣтская шалость, а вы такъ гнѣваетесь; посмотрите— на Любѣ лица нѣтъ.

— Шалость, да нехорошая. Безпорядка я не люблю, а пуще всего не люблю, когда работой людей брезгаютъ или ее уничтожаютъ изъ глупаго легкомыслія. Слушайте, дѣти, чтобы этого въ другой разъ не было.

Всѣ мы примолкли. Я цѣлый день молча пресидѣла у ногъ бабушки, а эта шалость наша осталась неизгладимой въ моей памяти—она была послѣдняя. Ею распростилась я съ моимъ дѣтствомъ.

IV.

Въ ту осень, о которой я рассказываю, батюшка долженъ былъ на дѣлежъ хозяйства ѣхать въ свое Орловское имѣніе, а матушка, не желая переѣзжать въ Москву безъ него, рѣшила остаться у своей матери въ Щегловѣхъ до его возвращенія, которое предполагалось не ближе перваго зимняго пути. Наша и въ особенности моя радость, что мы остаемся у бабушки, была безпредѣльна. Мы всѣ перецѣловались и только что не расцеловались. Однако осень глухая, холодная не позволяла пользоваться сельскими удовольствіями и матушка поговаривала серьезно о болѣе послѣдовательныхъ занятіяхъ, чѣмъ уроки французскаго языка съ *m-elle Rosine*, которая мало по малу больше справляла должность приживалки у те-

тушевъ, чѣмъ гувернантки у насъ. Я начинала скучать. На дворѣ грязь, въ аллеяхъ такая слякоть, что башмаки увязаютъ въ рыхлую почву; все попряталось. Ни журавлей, ни куръ, ни павлиновъ; листья упали желтые и мертвые на холодную мокрую землю. Моросить мелкій дождикъ, кажется ему и конца не будетъ, не будетъ и конца вязанью бисера, которымъ заняты тетушки, не будетъ конца вязанью бабушки. Все приумолло, приутихло. Сосѣди наѣзжаютъ рѣже, да и тѣ, которые приѣзжаютъ, прискучили мнѣ. Разговоры ихъ однообразны. Я ихъ уже навзусь знаю, такъ что могу впередъ сказать, что кто скажетъ. Вечера наступили длинные, предлинныя, чѣмъ коротать ихъ? Тетушка на длинныхъ спицахъ начала мнѣ косынку, но эти длинныя спицы и сама эта пунцовая косынка наводятъ на меня еще большую скуку.

Однажды вечеромъ къ бабушкиной племянницѣ, Ольгѣ Афанасьевнѣ, которая жила какъ то особнякомъ въ семействѣ, привезли съ почты объявленіе.

— Что такое, Оленька? спросила бабушка.

— Братъ мой Ильюша прислалъ новыя книги изъ Москвы.

— Какъ вы оба много денегъ тратите на книги, замѣтила Наталья Дмитриевна.

— Много, сестрица, но это мое лучшее, скажу, единственное удовольствіе.

Вечеромъ тѣта Оленька сидитъ за книгами въ углу гостиной. Смуглое, пресмуглое лицо ея склонилось надъ развернутой книгой и длинныя, черныя, глянцовитыя, какъ атласъ, буквы ея окуймляютъ его. Черныя ея глаза какъ то хорошо свѣтятся и блестятъ.

— Тетя Оля, подлетаю я къ ней.

— Что Люба?

— Вы что дѣлаете?

Оля улыбается.

— Видишь, читаю.

— Вижу я, что вы читаете?

— Прелестную книжку. Хочешь я съ тобою почитаю.

— Очень была бы рада, но смерть боюсь скучныхъ книгъ.

— Да развѣ есть скучныя книги?

— Есть, тѣтя, почти всѣ скучныя. Вотъ мнѣ приказали читать письма г-жи Севинье. Страсть скучно. Я даже незнаю, про что она пишетъ.

— Французской исторіи незнаешь?

— Нѣтъ, знаю, да у нея не французская исторія, а, Богъ вѣсть, что. Говорить она о какихъ то людяхъ и ничего забавнаго или интереснаго нѣтъ.

— Не одна Севинье на свѣтѣ. Ты что еще читада?

— Исторію аббата Милога, страсть какъ скучно; а то еще: Музеумъ для дѣтей—сперва было приятно, а потомъ прискучило три раза перечитывать. А то вотъ Исторія Карла XII Вольтера—ну и это не то, что бы весело.

— Ну почитаемъ вмѣстѣ, кое что другое, говоритъ тетя Оля и мы читаемъ съ ней вмѣстѣ трагедію Озерова: Дмитрій Донской. Я слушаю съ восхищеніемъ и многое выучиваю наизусть. Какъ мнѣ кажется чудно, хорошо и занимательно, что Дмитрій Донской является самъ, говоритъ самъ отъ себя, будто онъ живъ еще и передо мною, во-очію происходитъ всё то, что тогда случилось. Бабушка, замѣтивъ мои восторги и мои слезы, шаритъ въ своихъ большихъ, глубокихъ карманахъ, грѣмитъ ключами и отвязавъ одинъ ключъ даетъ мнѣ.

— Люба, возьми это отъ шепа съ книгами—тотъ, что стоитъ въ моей спальнѣ съ мѣдными четырёхугольниками и зеленой тафтѣю, знаешь? Тамъ множество книгъ, все книги твоей матери. Она была охотница читать съ мамала. Читай и ты, умница будешь.

— Маменька, замѣтила тетушка Наталья Дмитриевна, вторая любила ставить свое veto, не молода ли она? Можетъ ли она читать всѣ ваши книги.

— Отъ чего? у насъ дурныхъ книгъ нѣтъ. Мать ея всѣ ихъ читала до замужества, отчего же ей не читать? Развѣ всѣ вы не читали ихъ?

— Я кое-что читала, но тамъ есть романы...

— Чтожь такое? Всѣ вы хорошія женщины, и никому книги вреда не принесли. Пусть читаетъ.

Я цѣлую ручку у бабушки и въ тотъ же день разбираю шкафъ съ книгами. Ну, скажу я, такого удовольствія, такого наслажденія не испытать никому во вѣки. У васъ теперь и книжки, и иллюстраціи — читать не хочу, а у насъ грѣшныхъ въ тѣ поры, когда заведется книжка, такъ и то въ родѣ исторіи аббата Милота, либо *précis de l'histoire ancienne*, отъ которой со скуки заснешь да и будешь спать двое сутокъ непробудно, либо всякую охоту къ чтенію отобьешь навсегда. Насъ морили моромъ въ тѣ поры надъ грамматиками, сопряженіями, хронологіей, надъ первыми правилами ариметики, надъ дробями и хріями и называли это ученіемъ и образованіемъ, ну а между уроками почитать занимательную книгу, да не тяжеловѣсную — это нѣтъ!.. Откуда ее достанешь, да и кто доставать ее будетъ? Выучили урокъ наизусть понали ли, нѣтъ ли, ладно, возьми чулокъ, да свяжи рядовъ 15, а связала, поди сдѣлай задачу ариметически столбцевъ въ десять, а ошиблась цифрою, сотруть все, считай снова. Не мало дѣтскихъ слезъ лилось тогда на грифельныя доски и толстыя грамматикѣ. Вотъ и поймите каково было мое счастье, когда, отеревъ слои пыли и выложивъ множество книгъ на полъ, я начала перелистывать ихъ и что строчку не прочтешь, то любопытство возрастаетъ. Одна книга занимательнѣе другой. Богатство несмѣтное лежало на полу и, какъ Крезъ, я не могла надивиться, налюбоваться ему. Тутъ были розовыя тоненькія книжки Вѣстника Европы, поѣвѣсти Карамзина и письма русскаго путешественника его же; тутъ было путешествіе въ Японію и плѣны тамъ Головина, анекдоты о Петрѣ Великомъ, прелестныя, простодушныя и сердечныя романы Августа Лафонтена, переводъ съ вѣмецкаго; одинъ изъ нихъ остался до сихъ поръ въ моей памяти: «Елисавета, дочь полковника»; а ужъ что лучше всего, всѣ, всѣ, какія есть трагедіи Озе-

рова, Квяжинна, Сумарокова, комедіи фонъ-Визина, романы и пасторали Геснера и Флоріана, также какъ и похождения Донъ Кихота Ламанчскаго, «Освобожденный Ерусалимъ» Тасса и Илиада Гомера по французски. Да всего и не перечтешь, кажется. И однако я читала, читала безъ усталы, перечитывала съ слезами умиленія и восторженнымъ упоеніемъ. И какія это были хорошія слезы, сердце смягчающія и просвѣтляющія умъ. Многое поняла я, многое сильно почувствовала. Поняла прелесть любви семейной, сладость согласной жизни, дружбу, высоту любви къ отечеству, величіе героизма, самоотверженія и преданности — словомъ великость души человѣческой, когда она подвизается въ высшихъ сферахъ духовной жизни; я сознала силы, вложенныя провидѣніемъ въ душу человѣка и измѣрила, что *духъ* совершить можетъ. И вдругъ стала взрослой дѣвушкой. Безсознательное житіе кончалось, начиналась иная жизнь въ мірѣ фантазіи. Идиллія дѣтства окончилась и я достигла такимъ образомъ 17 лѣтъ. Двери жизни, уже не книжной, распахнулись передо мною, но распахнулись не радостно, такъ какъ въ это самое время семейная жизнь наша омрачилась. Разница мнѣній, всегда существовавшая между батюшкой и матушкой, сказывалась все рѣзче и рѣзче и несогласіе ихъ росло. Поводомъ къ этому служили въ особенности мы, дѣти ихъ. Старшему брату моему минуло 18 лѣтъ и матушка желала, чтобы онъ вступилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, а отецъ мой и слышать о томъ не хотѣлъ.

— Жить въ чужихъ краяхъ, говорилъ онъ, отвыкнуть отъ своей земли и семьи, заразиться пороками и въ особенности безвѣріемъ иностранцевъ, погубить свою душу — нѣтъ я и слышать о томъ не хочу.

— Куда же ты хочешь опредѣлить его? спрашивала матушка.

— Мало ли куда. Если бы онъ не былъ лѣнивъ и безпеченъ, то могъ бы служить по духовному вѣдомству.

— Ну такъ, съ попами!

— Одинъ изъ моихъ дядей былъ прокуроромъ свѣтѣйшаго синода, собралъ множество любопытныхъ рукописей, старинныхъ документовъ, полезный и почтенный трудъ... Но нашъ Сергѣй къ этому не способенъ. Онъ склоненъ къ тѣлеснымъ упражненіямъ. Пусть идетъ въ военную службу.

— Ни за что! восклицала матушка.

— Варвара Дмитриевна, возражалъ батюшка, а когда онъ называлъ ее по имени и отчеству мы всѣ знали, что онъ очень раздраженъ,—вспомни, что когда онъ былъ ребенкомъ, ты всегда говаривала о военной для него службѣ.

— Да тогда — это какъ то казалось далеко, да и времена не были такія смутныя. Теперь все войны, того и гляди грянетъ опять война. Я умру съ горя, зная, что онъ на войнѣ.

— Нельзя же его держать у своей юбки, какъ дочь. Онъ—не баба.

— Слышать не хочу, говорила матушка.

Батюшка махалъ рукою и выходилъ изъ комнаты. Братъ всегда молчалъ и оставался, по видимому, безучастнымъ. Онъ не смѣлъ сказать своего мнѣнія, а старался уйти и, осѣдлавъ лошадь, уѣзжалъ въ полѣ. Онъ былъ лихой ѣздецъ, ловкій и красивый всадникъ. Его веселость, вротость нрава и доброта закупали всѣхъ въ семействѣ, кромѣ батюшки, который относился къ нему холодно. Именно эти свойства его характера не были ему симпатичны, а его недостатки, онъ конечно преувеличивалъ.

— Баба! говаривалъ онъ часто объ немъ, оскорбляя этимъ словомъ матушку.

Не меньше неудовольствій возникало между ними по поводу моихъ предполагаемыхъ матерью выѣздовъ въ свѣтъ. Тогда устраивался въ Москвѣ большой карусель, который затѣяла графиня Орлова, искусная наѣздница, единственная дочь графа Алексѣя Григорьевича Орлова. Онъ принималъ въ своемъ большомъ домѣ—дворцѣ, рядомъ съ Нескучнымъ садомъ, и все московское общество

считало за честь бывать на его балахъ, приемахъ и праздникахъ. Батюшка не хотѣлъ слышать искать съ нимъ знакомства и на всѣ просьбы матушки отвѣчалъ:

— Я человѣкъ пожилой, поздно мнѣ заискивать знакомства вельможъ. Спина моя и смолоду не гнулась, а подъ старость стала еще прямѣе.

— Зачѣмъ спину гнуть—просто познакомься.

— Мнѣ графъ Орловъ не ровня.

— Чтожъ ты мелкопомѣстный?

— Нѣтъ. Но всякъ сверчокъ знай свой шестокъ. Я столбовой дворянинъ, а онъ вельможа. Искать въ немъ не хочу. Бѣды большой въ томъ не вижу, что Люба не будетъ скакать на лошадяхъ въ каруселяхъ и на паркетахъ въ эвоссезахъ.

— Загубить ея молодые годы, оставить ее старою дѣвицей?

— Зачѣмъ же. Найдется хорошій человѣкъ — женится, а не найдется, на то воля Божія.

— Такъ запри ужъ ее въ теремъ.

— Пустое говоришь ты. Запирать не зачѣмъ, а на показъ выставить, суетой всякой голову ея набивать, да съ зари до зари мыкаться по приемамъ и праздникамъ не мое дѣло, да и не мое желаніе. Я тебѣ не мѣшаю. Дѣлай, какъ знаешь.

— Что же я буду, жена безъ мужа, выѣзжать одна— всѣ засмѣютъ.

— Какъ знаешь.

И отецъ опять уходилъ, прекращая тѣмъ всякія пренія. Матушка плакала или вздыхала и дѣлный день была не въ духѣ. Между ею и батюшкой установилось мало по малу отчужденіе, холодность отношеній, намъ всѣмъ весьма присвѣрбная. Матушка сдѣлалась раздражительна, батюшка суровъ и мраченъ. Я сносила это печальное положеніе, дѣлая видъ, что ничего не замѣчаю. По дѣльнымъ часамъ садѣла я молча, раздумывая, и пришла къ заключенію, что, любя ихъ обоихъ, помочь не могу ни тому, ни другому. Изъ міра семейныхъ несогласій уxo-

дѣла я съ наслажденіемъ въ міръ фантазіи. Я жила въ пѣнѣ, окруженная героями и героинями. Прекрасная Ксения, нѣжная Антигона:

опора слабая несчастнаго отца

рыцарь Гонзалвъ Кордуанскій, милосердая дочь Пилата и несчастная Ифигенія, Гекторъ объ руку съ Фіеско и съ Малекъ-Адеземъ замѣняли мнѣ всякое общество. Я слышу теперь, что всѣ эти герои не суть изображенія людей, а куклы, тѣни, пусть такъ, но они сдѣлали свое дѣло. Они образовали цѣлое поколѣніе и заставили его любить высокое и восхищаться лучшими и прекраснѣйшими свойствами души человѣческой.

Скоро этой замкнутой, но полной чаръ жизни, наступилъ конецъ. Суровая дѣйствительность, готова не мнѣ одной жестокой ударъ, должна была разсѣять образы, съ которыми я сжилась и сроднилась. Страшныя напасти, ужасъ и смятеніе разразились не только надъ моимъ семействомъ, но и надъ всею нашею страной.

Это было лѣтомъ. Слухъ ходилъ, что дѣла не ладны. Задумывался отецъ. Поговаривали, что Наполеонъ ищетъ предлога, чтобы объявить намъ войну. Но это были слухи и въ нихъ плохо вѣрилось, особенно живя въ деревнѣ, вдали отъ всего и всѣхъ. Батюшкѣ съ матушкой понадобилось ѣхать въ Москву; они взяли съ собою, по желанію матушки, Сережу, а мнѣ, какъ старшей, приказано было смотрѣть за меньшими дѣтьми, заниматься хозяйствомъ, пригласывать обѣдъ и выдавать дневную провизію. Вставъ рано поутру, я акуратно исполняла всѣ эти обязанности и потомъ уже, рассадивъ дѣтей за уроки, принималась за чтеніе.

Однажды сядя за чтеніемъ Мессіады, которую я читать любила, но читала съ большимъ трудомъ по нѣмецки, я услышала тяжелую поступь нашего пожилаго дворецкаго Николая Филипова. Онъ появился въ дверяхъ, заложилъ, по тогдашнему обыкновенію, обѣ руки за спину и произнесъ взволнованнымъ голосомъ:

— Барышня.

— Что съ тобою, Николай Филиповъ, воскликнула я, испугавшись его блѣднаго, смущеннаго лица. Что случилось? Пожаръ?

— Кабы пожаръ, такъ слава Богу, потушить можно. Отъ огня есть вода, а для погорѣлыхъ есть деньги. Дѣло наживное. Хуже пожара, много хуже.

— Моровая язва, чума! воскликнула я съ ужасомъ, вспоминая рассказы Марьи Семеновны, поразившіе мое дѣтское воображеніе.

— И того хуже!

— Да не пугай ты меня, не мучь, говори скорѣе.

— Чего не пугать, самъ перепуганъ, дуни нѣтъ, право нѣтъ. Богъ отступился отъ насъ, по грѣхамъ нашимъ. Перекреститесь, барышня, да Богу молитесь. Сію минуту пріѣхалъ изъ Москвы плотникъ нашъ Власть, сказываетъ, будто врагъ нашъ Бонапартъ съ несмѣтными полчищами перешелъ наши предѣлы.

— Что ты это? можетъ ли быть?

— Вѣрно. Власть сказываетъ, что и манифестъ нашего царя батюшки появился. Всѣхъ призываетъ защищать, значить, землю нашу, храмы наши святые отъ нашествія бусурманскаго. Вотъ оно что.

— А манифеста не привезъ?

— Не привезъ, а связываетъ, при немъ въ лавочкѣ читали.

— А гдѣ же батюшка? Что не ѣдетъ! Куда идетъ Бонапартъ? Батюшка, коли такъ, уйдетъ въ военную службу. А братецъ? И братецъ уйдетъ! Что это съ нами будетъ?

— Будетъ то, что Богъ велитъ. Батюшка вашъ при-быть не замедлитъ, полагать надо. Онъ, хоша и военный, но ему, сударю, далеко за 50 хватило. А вотъ Сергѣю Григорьевичу придется, ему не миновать, да и не слѣдъ ему дома сидѣть въ бѣду такую.

— Господи! воскликнула я, сплеснувъ руками. Что дѣлать!

— Намъ Богу молиться, да батюшки ожидать, какъ онъ порѣшитъ. Малодушествовать не пригоже теперь,

положиться надо на волю создавшаго насъ, Творца Всевышняго, сказалъ внушительно, почти строго, блѣдный лицомъ Николай.

Взглянувъ на него, я почувствовала, что слезы мои внезапно всякли, будто застыли, и во мнѣ поднялось что то, чего описать или объяснить я не въ состояннн. Кровь бросилась мнѣ въ голову и прошла по всему тѣлу огнемъ какимъ то.

— Гдѣ онъ, Бонапартъ?

— А Богъ вѣсть, гдѣ теперъ. Предѣлы наши перешель, Влась связываетъ.

— Дай мнѣ карту, лежитъ въ классной на столѣ, посмотримъ.

— Да что карту то смотрѣть, пустое дѣло. Перешель, связываетъ Влась, наши предѣлы.

Не слушаа больше дворецкаго, я бросилась въ классную, отыскала границы наши, но толку отъ этого было мало. Приходилось терпѣливо ждать приѣзда родителей и отъ нихъ узнать въ чемъ дѣло. Уложивъ сестеръ и брата, я сѣла одна въ нашей гостиной. Домъ, обыкновенно тихій и сонный въ 10 часовъ вечера, не спалъ въ эту ночь. Слышались шаги по лѣстницѣ, въ коридорѣ, отъ буфета доносился звукъ голосовъ, въ дѣвичей шушукали горничныя. Полночь. Я задремала, какъ вдругъ послышались вдали звуки колокольчика, а затѣмъ топотъ копей и грохотъ колесъ нашей тяжелой коляски.

Я вскочила, но прежде меня вскочили дремавшіе слуги; я побѣжала къ лѣстницѣ, гдѣ ужъ раздавался шумъ шаговъ. Я остановилась на верхней площадкѣ лѣстницы. Грузно, медленно, тяжело, будто грозно входилъ по ней отецъ мой. За нимъ торопливо спѣшила матушка, а за ней нѣсколько слугъ, всѣ перепуганные и блѣдные. Я подошла къ батюшкѣ съ замиравшимъ сердцемъ и молча поцѣловала его руку, не рѣшалась сказать слова. Лицо его все сказало мнѣ, оно было мрачно и рѣшимость окаменѣла на немъ. Губы его были сжаты и блѣдны. Матушка не то робко, не то потерянно шла за нимъ, и

на ней, какъ говорится, лица не было. Краше въ гробъ кладутъ. Я взглянула на двери внизу, тамъ никого не было, прислушалась, никто не шелъ по лѣстницѣ.

— Братецъ! гдѣ братъ? воскликнула я съ невольнымъ ужасомъ. Матушка молча, судорожно сжала руки, но молчала.

— Братъ твой, сказалъ отецъ, дѣлаетъ свое дѣло, то что ему долгъ повелѣваетъ, и, скажу съ отрадой, оказался настоящимъ дворяниномъ, слугою царя и отечества. Онъ вступилъ въ военную службу и остался въ горѣ для обмундировки.

Смѣшанныя чувства овладѣли мною. Я была рада и испугана, но, взглянувъ на матушку, воскликнула:

— Боже милостивый!

— Люба, сказалъ батюшка серьезно, я иначе разумѣлъ о тебѣ. Дѣло женщинъ въ годину бѣды семейной, тѣмъ болѣе общей, поддерживать слабыхъ, улаживать путь сильныхъ и крѣпкихъ и разумѣть, гдѣ есть долгъ мужины. Враги ужъ перешли наши границы, вся земля Русская подымается на защиту родины, вѣры и царя. Прилично ли брату твоему оставаться со мною старикомъ, мало пригоднымъ теперь для военнаго дѣла. Стыдись слезъ своихъ, умѣй молиться, не умѣй плакать.

Я сочувствовала тому, что сказалъ отецъ, мало того, я сознавала, что будь я мужчина, я ушла бы сейчасъ въ ряды солдатъ, но потерянный, страдающій видъ матери угнѣталъ меня. Я подошла къ ней и поцѣловала ея холодную, какъ ледъ, руку.

Въ эту минуту показалась няня Марья Семеновна. Она очевидно была разбужена домашними. Сѣдые ея волосы выбились изъ подъ ночнаго чепца; на ней надѣта была юбка и кофта; она бѣгавшими, какъ у пойманнаго звѣрка, глазами окинула всю комнату и, не видя брата, всплеснула руками.

— Батюшка! Григорій Алексѣевичъ, что они врутъ? Гдѣ Сереженька? Не томи, говори.

— Французы вторглись въ наше отечество. Сергѣй вступилъ въ военную службу.

Няня, какъ спопъ, ничкомъ упала на полъ безъ слезъ и крика. Мы бросились къ ней. Она лежала безъ памяти. Матушка, батюшка и я, мы старались привести ее въ чувство. Когда она опомнилась, такъ долго не могла сообразить, гдѣ она и что съ ней, но вдругъ какъ то жалостно застонала и проговорила:

— Среженька! И не простился, и не перекрестила я его, моего роднаго.

— Няня, успокойся, сказала матушка, обливаясь слезами. Онъ прїѣдетъ проститься дня черезъ три. Онъ заѣдетъ къ намъ прежде... чѣмъ...

— Голосъ матушки оборвался, она не могла договорить и вымолвить слово: *война*. Мы всѣ плакали. Отецъ поглядѣлъ на насъ, измѣнился лицомъ, махнулъ слабо рукою и медленно вышелъ изъ комнаты.

Долго сидѣли матушка и няня вмѣстѣ рядомъ. Я чувствовала, что я лишняя и пошла къ отцу. Тутъ сидѣли и дѣлили скорбь двѣ матери, забывъ разность состояній и положенія—это были не барыня и не няня, а два друга. Отецъ же оставался одинъ, по напрасно толкнулась я въ дверь его кабинета. Она была заперта на ключъ. Я приставила ухо къ щели и слышала его голосъ. Онъ моллся.

И потекли безконечно тоскливые, мрачные дни. Никто не могъ приняться за обычную работу, ни за хозяйственные хлопоты, ни даже за обыкновенный семейный разговоръ. Всѣ бродяли, какъ тѣни, или сидѣли по угламъ. Меньшія дѣти прїутихли и, какъ запуганные, сидѣли тихо и даже между собою говорили шопотомъ. Сходились къ обѣду, матушка едва дотрогивалась до блюдъ и только дѣлала видъ, что кушаетъ—обѣдали скорѣе, какъ будто эта семейная трапеза тяготила всѣхъ. Матушка вздрагивала при всякомъ шумѣ, няня ваяла чулокъ у окна и все вглядывала вдаль своими отцвѣтшими, большими, сѣрыми, слезящимися глазами. Батюшка оставался больше одинъ

и мало выходилъ изъ кабинета. Меня удивляло, что въ такую тяжкую для нашей матери минуту онъ не выказывалъ къ ней особой нѣжности; каждый изъ нихъ мучился, раздумывалъ и страдалъ въ одиночку, а не вмѣстѣ. Онъ былъ крайне тревоженъ и озабоченъ, будто соображалъ или обдумывалъ что. Большую карту Россіи перенесъ онъ изъ классной и положилъ на большой столъ, въ своемъ кабинетѣ, ходилъ по цѣлымъ часамъ взадъ и впередъ по комнатѣ, потомъ останавливался и глядѣлъ на карту, будто преслѣдуемый неотвязной думою. Онъ, очевидно, что то обдумывалъ и на что то рѣшался.

V.

На четвертый день после возвращенія изъ Москвы нашихъ родителей, въ 9 часовъ утра послышался колокольчикъ и лихая тройка въ грязи и пѣнѣ подкатила перекладную въ широкую крыльцу нашего дома. Изъ нея живо высочилъ красивый мальчикъ нашъ Сереженька, въ новой военной формѣ, взбѣжалъ единымъ духомъ на верхъ и бросился на шею къ матери. Какъ онъ перемѣнился, какъ похорошѣлъ, хотя его густые кудри были острижены почти подъ гребенку. Мать и няня глядѣли на него съ умилениемъ и несказанною нѣжностію, смѣшанною съ испугомъ, а отецъ съ удовольствіемъ.

— Я боюсь спросить у тебя надолго ли, сказала ему матушка, обвивъ его шею рукою.

— Да вѣдь это все равно, что долго, что коротко. Вхвать надо.

— Однако?

— До вечера. Я мѣшкать не могу. Мнѣ приказано вхвать въ Смоленскъ и оттуда выступать съ полкомъ дальше.

— До вечера! воскликнула матушка.

— До вечера, родимый ты мой, и няня заплакала.

И какъ долго длился и какъ страшно скоро прошелъ

этотъ день. Ему, казалось, конца не было, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ мелькнулъ мгновениемъ. Кто испыталъ въ жизни радость свиданія, томленіе разлуки, раздираніе грядущихъ, сію минуту наступающихъ прощаній, прощаній торжественныхъ, при которыхъ присутствуетъ грозный призракъ смерти, тотъ знаетъ, какъ долго танется ужасный, послѣдній день, а вмѣстѣ съ тѣмъ испыталъ, что онъ пролетаетъ, какъ метеоръ или молнія. Страданіе такъ сильно, что мать, жена, сестра чувствуютъ, что онѣ оступѣли, что все помрачилось внутри ихъ и какой то безсознательный трепетъ объѣлъ все ихъ существо. Вотъ ужъ и пообѣдали. Встали изъ за стола. Поцѣловались. Ужъ не въ послѣдній ли разъ? Будемъ ли опять обѣдать вмѣстѣ? Что то страшно! и какъ тяжело!

Въ нашей церкви, которую пристроилъ и обновилъ батюшка, издавна чтится образъ Грузинской Божіей Матери. Въ округѣ его считали чудотворнымъ; батюшка украсилъ дорогими камнями ризу этой иконы. Теперь онъ просилъ священника поднять икону, привести ее въ домъ и отслужить молебенъ. Мы всѣ вышли на крыльцо, всѣ на колѣняхъ съ мольбою и слезами встрѣтили икону Царицы Небесной. Отецъ взялъ ее изъ рукъ причетника и отдалъ меньшей сестрѣ; она понесла ее по лѣстницѣ и поставила на столъ, накрытый бѣлой скатертью въ переднемъ углу залы. Засвѣтили свѣчи, начали молебенъ. Батюшка по обыкновенію пѣлъ вмѣстѣ съ церковнослужителями и его прекрасный голосъ былъ исполненъ такого выраженія, такой глубины чувства, что не забыть мнѣ никогда этихъ потрясающихъ звуковъ.

— Пресвятая Богородица, спаси насъ!

И всѣ мы, лежа ницъ, орошали половицы залы жгучими слезами и изъ сердець всѣхъ насъ съ болю и скорбію летѣла молитва: Спаси насъ!

Затѣмъ конецъ; всѣ подошли и приложились въ кресту и иконѣ. Священникъ, почтенный старикъ, простой, неученный, по жизни строгой, обращаясь къ брату, сказалъ:

— Да даруетъ вамъ Господь оружіе непообходимое на защиту церкви, отечества и цѣря, да поможетъ вамъ совершить долгъ христіанина, вѣрнопопданнаго и дворянина. Да благословитъ Опѣ васъ!

Смущенно слушалъ Сережа слова старика и, нагнувшись, поцѣловалъ его руку.

Тѣмъ же порядкомъ сестрица снесла внизъ икону Богоматери и всѣ мы, семья, слуги, дворянъ, сошедшіеся крестьяне, узнавшіе объ отъѣздѣ брата въ армию, проводили ее до церкви. Когда икону поставили на мѣсто и мы уже собирались уйти, батюшка взялъ брата за руку.

— Помни, что я скажу тебѣ теперь, сказалъ онъ ему въ полголоса, но твердо и пламенно, не жалѣй себя, сражаясь. Умри за мать нашу Пресвятую Богородицу и за мать нашу землю Русскую. Если всякой изъ васъ, не помышляя о себѣ, исполнить долгъ свой, несмѣтные враги наши найдутъ себѣ могилу въ землѣ нашей. Помни, что тотъ, кто положитъ животъ свой на полѣ брани за вѣру и отечество, удостоится вѣнца небеснаго. Поди, приложись еще.

Степнѣло. Одна свѣча горѣла въ большой залѣ и тускло освѣщала, не проникая въ углы, гдѣ сгустилось тѣма. Мы сидѣли всѣ вокругъ стола, молчали, то скливно ждали роковой минуты прощанья. Изрѣдко ктонибудь изъ насъ спрашивалъ, не забылъ ли братъ той или другой нужной въ дорогѣ и походѣ вещи. «Не забылъ! Взялъ!» отвѣчалъ онъ отрывисто. Рука его сжимала руку бѣдной матушки, не спускавшей съ него глазъ сухихъ и блестящихъ, и не произнесшей ни слова. Сзади его стула, сложивъ руки, стояла няня и слезы ея лились рѣкою, неслышно, незамѣчаема ею самой и капали онѣ и на грудь ея и на его русую, курчавую голову! Но вотъ шумъ колесъ... Звонъ калакольчика... Топотъ лошадей и — молчаніе. Всѣ вздрогнули, всѣ встали, сердце захолонуло и замерло. Всѣ бросились къ нему и замкнулись около него тѣсный, полный любви и муки семейный кругъ.

— Присядемъ по обычаю отцевъ, сказать батюшка, и благословимъ сына, Варенька.

Всѣ сѣли. Сѣли и слуги, кто гдѣ стоялъ, многіе присѣли на полу. Водворилось молчаніе. Всякой читалъ про себя краткую молитву, а кто не читалъ, тотъ ее мыслилъ или чувствовалъ.

Отецъ всталъ первый, крестясь взялъ образъ, и братъ опустился передъ нимъ на колѣна, поклонился въ землю, приложился къ образу и съ рыданіемъ упалъ на грудь отца. Руки батюшки дрожали. Онъ взялъ въ обѣ руки голову сына и поцѣловалъ ее. Затѣмъ передалъ образъ матери нашей. Бѣдная, бѣдная матушка! Блѣднѣе своего блага платья, дрожа какъ листъ, шевеля побѣлевшими губами, стояла она, прямая и неподвижная предъ лежавшемъ передъ образомъ и ею сыномъ. Но вотъ онъ поднялся, торопливо приложился къ образу и замеръ на груди, его кормившей. Одно громкое рыданіе огласило залу. Рыдали всѣ, кромѣ обезумѣвшей отъ горя матери. Онъ оторвался отъ ней и вскалъ глазами свою старую няню, которую заслонили тѣснившіеся вокругъ него. Матушка угадала его взоръ, поняла желаніе и сказала вытатно съ какимъ то страннымъ спокойствіемъ.

— Няня, Марья Семеновна, благослови его, ты вторая мать.

Няня взяла образъ. Никогда не видала я ее такою. Некрасивое лицо ея измѣнилось; глаза блестѣли, лицо просвѣтлѣло и преобразилось. Она молилась восторженно.

Поцѣлуи, слезы, прерывистыя слова. Всѣ сонли за нимъ на крыльцо. И на крыльцѣ тѣ же объятія, рыданія, та же мука разставанія. Онъ вырвался изъ нашихъ объятій и прыгнулъ въ телегу; Ондоръ, его молодой намерднверъ, утирая слезы кулаками, прыгнулъ на облучекъ, дщицкѣвзмахнулъ возжами. Но вотъ раздался ужасъ внушающій стонъ и лихорадочно—быстро бросилась мать въ телегѣ. Рука ея схватила руку брата. Онъ покрылъ ее поцѣлуями, но она не хотѣла отпускать и всѣ сильнѣе сжимала его руку. Батюшка подошелъ, положивъ

свою руку на ихъ сжатия руки—они разомкнулись и рука матушки осталась въ рукѣ отца.

— Съ Богомъ! пошелъ! сказалъ батюшка; ямщикъ взмахнулъ вожжами, и тройка съ мѣста приняла во всю прыть. Колокольчикъ залился, будто заплакавъ; не забыть мнѣ никогда этого щемящаго звука, и телега, тройка, братъ исчезли мгновенно во мракѣ осенней ночи, а матушка все стояла, все глядѣла въ эту ночь, въ эту мглу, гдѣ ужъ нѣтъ ничего, гдѣ уже и звуки удаляющейся перекладной тройки мало по малу исчезаютъ, замираютъ.

— Пойдемъ домой, Варенька, сказалъ батюшка, въ второй разъ называя ее такъ.

Она вздрогнула, будто пришла въ себя, сдѣлала два неровныхъ шага и упала бы несомненно на крутыя каменные ступени высокаго крыльца, еслибы онъ не поддержалъ ее. Она опустилась на его руки; онъ поднялъ ее какъ перо и понесъ вверхъ по лѣстницѣ. Мы пошли за ними, горько плача и держась за руки, сестра съ братомъ и сестра съ сестрою, но когда мы вошли на верхъ, отца и матери не было ни въ столовой, ни въ гостиной. Дверь ихъ спальни была заперта и что онъ говорилъ ей, какъ утѣшалъ, плакалъ ли съ ней, молился ли, знаетъ одинъ Богъ, да она сама. Она о томъ никому не говорила, но мы всѣ замѣтили, что ихъ отношенія совершенно измѣнились съ этого вечера. Она почти не оставалась съ нами, льнула къ нему, къ нему одному, ища въ немъ опоры, силы, утѣшенія!... Они казались мнѣ не пожилыхъ лѣтъ супругами, а молодою любящею другъ друга четвою.

Какая тяжелая жизнь настала для нашего семейства и, скажу, для всѣхъ насъ окружающихъ, ибо и слуги наши и вся дворня были погружены въ уныніе. Всѣ бродили какъ тѣни, не слышно было веселаго шопота въ дѣвичей и хохота въ буфетѣ. А ужъ больше всѣхъ мучилась матушка. И утромъ и вечеромъ, днемъ и ночью неотвязная мысль о сынѣ, тоска и тревоги грызли ее. Она мало спала, мало буждала, не хлопотала по хозяй-

ству, книги въ руки не брала, а безпомощно сидѣла у окна, опустивъ руки съ вязаньемъ на колѣняхъ и часами глядѣла куда то въ даль. Мысленныя очи ея глядѣли въ непроглядное будущее, а тѣлесныя были открыты и глядѣли, ничего не видя. Если входилъ батюшка, она торопливо принималась вязать, и дѣлала видъ, что занята работою. Онъ вѣроятно все видѣлъ, ибо ничего у ней не спрашивалъ, а цѣловалъ ее и уходилъ къ себѣ. Если мы что у ней спрашивали, приказаній ли по хозяйству, или позволенія сдѣлать что нибудь, она заставляла повторять вопросъ, вслушивалась съ напряженіемъ, иногда отвѣчала не впадъ, а чаще говорила:

— Дѣлайте, какъ знаете.

Очевидно ей было все—все равно. Она ушла въ себя, въ свою скорбь и свой смертельный страхъ, Она даже перестала говорить съ няней и когда та подсаживалась къ ней и замѣчала:

— Гдѣ-то теперь Серезинья? Чай ужъ пріѣхалъ. Напишите намъ, дасть вѣсточку.

— Съ кѣмъ? не съ кѣмъ, отвѣчала матушка отрывисто. Да и что радости въ вѣсточки, писалъ, а черезъ минуту...

Она не вончала и мѣнялась въ лицѣ.

— А гдѣ, слышно, войска то наши? допрашивала няня.

— У Смоленска, отвѣчала черезъ силу матушка. И объ умалкали. Батюшка былъ сраженъ вѣстями изъ арміи. Онъ не могъ понять, почему наша армія не идетъ на встрѣчу къ врагу, почему не дерется, а отступила къ Смоленску и стоитъ и стоитъ недвижима.

— Не измѣна ли? глухо проговорилъ онъ однажды, прочитавъ письма, присланныя изъ Москвы. Одно изъ нихъ было отъ нашего дяди, двоюроднаго брата нашей матери, Дмитрія Федоровича Кременева. Онъ любилъ все наше семейство, былъ уже въ большихъ чинахъ и командовалъ гвардейскимъ полкомъ. Вѣроятно вѣсти были не радостныя, ибо батюшка тотъ же день собрался и поѣхалъ въ Москву, отъ которой наше Воздвиженское было за 60 верстъ. Во время его отсутствія матушка мучи-

лась больше прежняго; малѣйшій шумъ въ домѣ, отворенная невзначай дверь, громкое слово въ сосѣдней комнатѣ заставляли ее блѣднѣть и дрожать. Всѣ мои усилія клонились къ тому, чтобы меньшія дѣти не шумѣли и чтобы кто изъ домашнихъ не вошелъ къ ней, не испугалъ ее. Наконецъ на 4 день батюшка возвратился.

— Что новаго, другъ мой? спросила у него матушка, обнимая его.

— Нѣтъ ли вѣсточки отъ Серезеньки?

— Не привелъ ли Богъ одержать побѣду? слышались вопросы наши.

— Побѣдъ нѣтъ, а отступленіе продолжается. Всѣ войска стянуты къ Смоленску. Всѣ недоумѣваютъ, а я сужу по своему, и многіе со мною согласны, хотя громко говорить это опасно. Измѣна. При таковой бѣдѣ и при такихъ порядкахъ Царю нужны старшіе и малшіе. Всѣ годятся.

И я и матушка, мы глядѣли на него зорко. Я поняла его тотчасъ. Онъ продолжалъ.

— Я подаю прошеніе вступить въ военную службу и съ сыномъ.

— Съ сыномъ? Да вѣтъ сынъ ужъ въ полку.

— Съ другимъ, съ Николаемъ.

— Съ Николашей! воскликнула мать и быстро вставъ со стула, будто жизнь возвратилась къ ней. Да вѣдъ онъ ребенокъ?

— Какой онъ ребенокъ! Ему минетъ 15 лѣтъ черезъ два мѣсяца. Я старъ, а онъ малъ, а вдвоемъ мы еще службу со служимъ. Онъ ѣздитъ верхомъ бойко, его куда не пошли, все доведетъ и толкомъ передастъ; стрѣляетъ хорошо, ястребовъ на лету убиваетъ, какъ же ему француза не подстрѣлить.

— И отъ чего же и французу его не застрѣлить, произнесла матушка съ ужасомъ—мальчишъ! ребенокъ!

— На это воля Божія; пришесть часъ вставать поголовно старому и малому. Врагъ въ землѣ нашей, въ арміи не ладно, значить всякій честный и усердный служивый, старъ ли, молодъ—ли, пригодится.

— Да его не возьмутъ.

— Кого?

— Николашу, ребенка.

— Не намъ судить о томъ, мой другъ, просьба подана, принята и пошла куда слѣдуетъ. Резолюція по ней выйдетъ въ скорости. Надо готовиться. Ты бы собрала насъ; такъ то, милая.

Онъ подошелъ къ ней и нѣжно обнялъ ее. Она сидѣла, опустивъ голову, и больше не противорѣчила, поняла ли что противиться нельзя, а быть можетъ и не должна; она покорилась. Встрѣтивъ Марью Семеновну въ сѣняхъ, (а я ходила за матушкой по пятамъ, такъ мнѣ было жаль ее), она на вопросъ няни правда ли что Николаша тоже увѣжаетъ, и самъ баринъ идетъ въ службу отвѣчала: — Правда. Перебьютъ дѣтей моихъ и его убьютъ. Воля Божія. Двухъ смертей не бываетъ, а одной не миновать, а мнѣ ихъ не пережить. Да и то сказать, враги близехонько, къ Смоленску подходятъ, не сидѣть же мужчинамъ, покладши руки за спиной женъ и матерей. Надо идти. Пусть идутъ. И да будетъ надъ ними Воля Создателя.

Новый толчекъ измѣнилъ нравственное состояніе матушки. Предстоявшая разлука съ мужемъ и меньшимъ сыномъ пробудили въ ней лихорадочную дѣятельность; изъ апатіи она перешла въ усиленные занятія. Съ утра до вечера она кроила и шила. Она не только заботилась о снаряженіи отца и брата, но и всѣхъ тѣхъ, которыхъ отецъ намѣривался взять съ собою, обмундировать ихъ на свой счетъ. Молодые парни изъ мужиковъ и изъ двора шли за нимъ, но куда, никто еще не зналъ.

Однажды вечеромъ, когда мы всѣ сидѣли за работой въ залѣ вокругъ длиннаго обѣденнаго стола заваленнаго холстиной, полотнами и суеномъ, явился изъ Москвы нашъ домашній почтарь и привезъ почту и письма. Мы всѣ поднялись съ мѣстъ въ великомъ смятеніи и обступили его. Онъ рассказывалъ прерывавшимся голосомъ, что подъ Смоленскомъ была битва, что Смоленскъ сторѣлъ, а наши войска отступаютъ!

Матушка дрожала съ головы до ногъ. Слово битва сразило ее. Батюшка распечаталъ письмо—и дрожащей рукой подаль матерѣ записку, писанную рукой брата. Оба они пробѣжали ее глазами, оба перекрестились, и крѣпко обнялись. Братъ писалъ нѣсколько словъ. Онъ участвовалъ въ сраженіи, остался невредимъ и отступалъ съ полкомъ своимъ: При запискѣ брата было нѣсколько словъ отъ дяди. Онъ писалъ, что братъ заслужилъ любовь товарищей и бился храбро. Эта вѣсть оживила матушку, но не отца. Козалось, что сердце его закрыто для любви семейной и принадлежитъ нераздѣльно родинѣ и арміи. Вѣсть о продолжавшемся отступленіи приводила его въ негодованіе, смѣшанное съ ужасомъ, а неполученіе отвѣта на просьбу вступить въ службу бѣсило его. Ему страстно хотѣлось ѣхать тотчасъ въ армію, служить хотя простымъ солдатомъ, лишь бы биться съ врагомъ.

— О чинахъ не помышляютъ, говорилъ онъ, я не командовать хочу, сохрани Боже, а защищать отечество и животъ свой положить за него. Что же они со мною дѣлаютъ? Кончалъ онъ восклицаніемъ съ такимъ отчаяніемъ въ голосъ, что и я матушка, мы бросились къ нему и сказали:

— Подождите. Отвѣтъ придетъ, непременно придетъ Царю нужны теперь вѣрные слуги.

— Въ Царѣ нашемъ я не сомнѣваюсь, не сомнѣваюсь въ доблести и силѣ сыновъ земли нашей, по сомнѣваюся въ начальствѣ. Они то плохи, мнѣ кажутся. Особенно эти бумажники и канцелярскіе писаки.

Отецъ мой всегда питалъ недоверніе и нѣкоторое презрѣніе военнаго ко всякимъ дѣлопроизводителямъ по штатской части.

VI.

Прошло еще много времени, въ неизвѣстности, въ тоскѣ и тревогахъ. Шумъ на дворѣ, скрипъ проѣзжавшей телѣги, топотъ конскій въ ночной тиши—все заставляло насъ трепетно прислушиваться и ожидать съ

замирающимъ сердцемъ и вѣстей и приказаній. Наконецъ однажды утромъ пріѣхалъ нарочный изъ нашего Московскаго дома и подалъ батюшкѣ большой пакетъ, запечатанный казенною печатью. Отецъ разломилъ большую печать и развернулъ бумагу. Съ первыхъ же строкъ лице его прояснилось, глаза вспыхнули и загорѣлись. Онъ обернулся къ матушкѣ, стоявшей за его плечами и читавшей черезъ него бумагу и обнялъ ее.

— Радуйся жена! Радуйтесь дѣти. И сынъ твой и мужъ твой годятся защищать отечество, сказалъ онъ торжественно, съ неподдѣльнымъ энтузіазмомъ. Государь милостиво принялъ просьбу мою и приказываетъ мнѣ взять начальство надъ формирующимся Калужскимъ ополченіемъ, а сына моего приказываетъ, по его молодѣтству, зачислить при мнѣ. Укладывайтесь: Послѣ завтра мы выѣдемъ въ Калугу. Ты можешь жить у матушки въ Щегловѣ, Варенька, пока я сформирую ополченіе. Я буду наѣзжать къ вамъ изрѣдка.

Мать заплакала и прижалась лицомъ къ его груди, держа сына за руку. Николаша съ блиставшими отъ радости глазами, съ пылавшимъ какъ зарево лицомъ, стоялъ тихо, но гордо. Батюшка гладилъ рукою голову матери. Она мало по малу стихла и отерла слезы.

Цѣлый день этотъ, весьма мнѣ памятный, мы провели въ заботахъ и хлопотахъ. Мы убирали все въ домѣ и укладывали то, что брали съ собою. Помню, какъ матушка вошла со мною въ образную, гдѣ при свѣтѣ лампы, въ золоченыхъ ризахъ сіяли старинныя иконы нашего семейства. Тутъ, въ двухъ старинныхъ кіотахъ хранились благословія отцевъ, дѣдовъ и прадѣдовъ. Матушка положила три земные поклона, перекрестилась, отворила кіотъ и стала снимать образа.

— Держи, Люба, и укладывай. Образовъ я здѣсь не оставлю.

— Но, матушка, сказала я со страхомъ, неужели вы думаете, что французы придутъ сюда.

— Ничего я не думаю и ничего не знаю, но въ та-

вое смутное время, не оставлю я видимое благославленіе моихъ и его родителей. Бери, Люба. Вотъ образъ Покровы Божіей матери, которымъ благословила меня матушка свекровь, твоя бабушка, когда я вошла въ первой разъ невѣстой въ домъ. А вотъ Богородица Милующая, которую моя бабушка благословила меня при рожденіи. А вотъ, возьми бережно, это икона Знаменія Божіей Матери, подъ которою родилась моя матушка и она благословила ея твоего брата, моего Сереженьку. Милочка, помоги сестрѣ укладывать иконы, что бы не погнуть вѣнцевъ и не потерять лица, да помните, что я говорю вамъ. Когда я умру, скажите вашимъ дѣтямъ и храните святыню семейства, запомните, кто кого и когда благословилъ. Придерживайтесь обычаевъ, помните семейныя преданія, съ ними соединяются семейная любовь и родственныя связи. Вотъ благословляющій Спаситель и крестъ съ мощами; имъ благословили меня въ вѣнцу, а крестъ съ мощами три поколѣнія надѣвалъ на себя женихъ въ день свадьбы. Этотъ крестъ былъ надѣтъ на вашего отца его матерью, когда онъ шелъ къ вѣнцу. Всѣ его и мои родители, кромѣ маменьки, свончались и остались съ нами ихъ благославленія въ видѣ иконъ. Я дорожу ими больше всего и увезу съ собою.

— Прикажете укладывать серебро и какое? спросила, входя, первая горничная матушки, Катерина.

— На что серебро. Не пиры давать, не то время.

— Бери серебро, жена, бери золотыя и брилліантовыя вещи; не пиры давать, а ополченцевъ одѣвать надо. Денегъ не хватить, все пригодится. Благо, есть что отдать, сказалъ отецъ.

— Укладывай всё серебро, приказала матушка Катеринѣ, а брилліанты въ шкатулкѣ; возьми ее и поставь ихъ подъ ноги въ карету.

Въ матушкѣ совершилась большая перемѣна. Никогда да той поры не слыхивалъ я отъ ней, чтобы она дорожила своими образами въ кіотахъ. Она никогда о нихъ не говаривала. Всегда слыхала я, напротивъ того, что

она дорожить своимъ стариннымъ серебромъ и брилліан-тами. Она часто намъ ихъ показывала и говаривала, кому и что отдасть, когда мы будемъ выѣзжать въ свѣтъ и выйдемъ замужъ. А теперь она, повидимому, охотно соглашалась отдать серебро и брилліанты и дорожила иконами, называя ихъ видимымъ благословіемъ предковъ. Отецъ чтилъ иконы, какъ святыню, а мать, конечно признавая ихъ святынею, дорожила ими по воспоминанію о важныхъ эпохахъ въ жизни семейства и какъ благословіе родныхъ, съ ними сопряженное.

Къ крыльцу подвезены были экипажи и нагружались телеги сундуками, ибо ѣхали мы на долгое неопредѣленное время. Всѣ мы въ этотъ день утомились донельзя хлопотами, укладкою и бѣготнею и легли спать раньше обыкновеннаго. Я какъ другія, устала и лишь только опустила голову на подушку, какъ заснула крѣпкимъ сномъ.

— Ночью мнѣ приснился страшный сонъ. Я видѣла моего брата Сережу среди большого воинства. И спереди, и сзади его падали на землю сраженные люди, и всѣ стояли невредимо посреди ихъ. Вдругъ увидѣла я за нимъ страшную, темную, почти черную фигуру, на которой было накинуто черное обутывавшее ее съ головы до ногъ покрывало. У этой высокой фигуры была въ рукахъ коса, она ходила около брата и косила, косила, косила. Со всякимъ взмахомъ косы валялись воины, но брата она не касалась и стоялъ онъ бодро и невредимо посреди груди тѣлъ.

— Смерть косить! закричала я въ ужасѣ и проснулась отъ звуковъ собственнаго голоса.

Свѣтало. Я еще не опомнилась отъ сна, какъ раздался гулъ, сперва глухой, потомъ громче и громче. Окна задребезжали. Гулъ этотъ несся издалека, и находилъ и на вой и на грехоть; земля дрожала, дрожали стѣны дома и душа моя замерла отъ ужаса. Я вскочила, нагнула наскоро платье и выбѣжала на дворъ. Тамъ уже стояли толпы домашнихъ и всѣ они, какъ испуганное стадо, жались другъ къ другу. Малыя дѣти и дряхлые старики выѣжали изъ своихъ избушекъ и стояли тутъ,

точно окаймѣнные. Батюшка стоялъ съ матушкой и держалъ ее за руку.

— Господи! Что это? Закричала я, подбѣгая къ нимъ.

— Молись Богу, Люба, это сраженіе. Наши бьются, наши бьются!

— Но гдѣ это, Боже милостивый!

— Гдѣ? должно быть въ Смоленской дорогѣ, гуль идетъ оттуда. Верстъ за 60, или за 80, туда въ Тарутину должно быть, сказалъ намъ бурмистръ, поднимаясь съ земли, въ которой онъ приложилъ голову, стараясь разслышать, откуда неся грохотъ и гуль.

— Господи, Спаси люди Твоя, произнесъ отецъ и упалъ на колѣни въ молитвѣ и скорби.

Какъ вамъ рассказать этотъ ужасный день. Долго стояли мы въ тоскѣ неописанной и ужасѣ, угнетавшемъ душу. У многихъ изъ стоявшихъ были въ арміи сыновья, братья, мужья, у всѣхъ было сознаніе, что бились свои, наши, противъ многочисленнаго и страшнаго, наступавшаго на насъ врага. Наконецъ первый изъ всѣхъ опомнился отецъ.

— Нечего стоять здѣсь, сложа руки. Этимъ не поможешь. Либо драться надо, либо молиться. Пойдемте въ церковь просить Господа помиловать и спасти насъ и нашихъ

Онъ взялъ матушку за руку и пошелъ по аллеѣ въ церковь; за нимъ двинулись мы и вся толпа слугъ, дворни и крестьянъ, сбѣжавшихся на господскій дворъ. Вызвали стараго священника. Вышелъ онъ въ бѣдномъ подрясникѣ, блѣдный какъ полотно, дрожавшими руками отперъ самъ церковь, возложилъ на себя ризы и началъ молебень съ водосвятиемъ. Когда дьячен и хоръ нашихъ домашнихъ, обученныхъ отцемъ церковному пѣнію, запѣлъ:

«Побѣды благовѣрному императору нашему на сопротивныя даруй...» всѣ, кто былъ въ церкви, упали ницъ и ручьи слезъ оросили каменные плиты храма.

— Какъ молиться, сказала мнѣ матушка шопотомъ, выходя изъ церкви, когда я подошла къ ней, и горько плача, молча цѣловала ея бѣлую, безжизненную руку, какъ молиться? За него живаго, или за него... убитаго, пролетела она чуть слышно.

— За живаго, матушка, за живаго. Онъ живъ и невредимъ—я знаю.

И я рассказала ей мой страшный сонъ, въ эту самую ночь, передъ самымъ сраженіемъ, приснившійся мнѣ. Она слушала меня вздрагивая, но мнѣ показалось, что она становилась спокойнѣе, хотя и сказала мнѣ.

— Какъ мнѣ вѣрить сну въ такую ужасную минуту. Сонъ—ночное мечтаніе.

— Или видѣніе, мамочка моя милая. Эта душа смущенная видитъ. Это благодать Божія. Его милосердіе, его даръ.

Отецъ вслушался въ разговоръ нашъ.

— Въ св. писаніи, сказалъ онъ, говорится о снахъ. Ихъ не отвергаютъ преданія нашей церкви. Пророки, праведники видали видѣнія, а мы грѣшныя ихъ недостойны, но сны могутъ быть у невинныхъ или у вѣрующихъ и ниспосланы имъ свыше. Ободришься, жена. Дочь наша дѣвушка, зла не знающая; быть можетъ ей посланъ сонъ вѣщій на утѣшеніе.

А гулъ не умолкалъ; напротивъ онъ стоялъ и земля дрожала. Казалось онъ росъ и ширился. И такъ до самого вечера — и вдругъ все смолкло. Ночная тишина послѣ этого гула и грома казалась грознѣе и ужаснѣе. Ночь стала тихая, но темная, какъ яма. Ни звѣзды на небѣ, ни мѣсяца, одни темныя, черныя тучи на свинцовомъ небѣ ползли медленно.

Всѣ мы въ эту злополучную ночь не смыкали глазъ. Каждый изъ насъ забился въ свой уголъ. Я ушла къ себѣ, оставивъ батюшку и матушку вмѣстѣ; сидѣвшихъ рядомъ въ молчаніи. Подлѣ меня, рядомъ жила Марья Семеновна и всю ночь я слышала, какъ она читала молитвы и клала безустанно земные поклоны. Подъ ея монотонный шопоть я задремала. Вдругъ услышала я топоть коня; гулко раздавался онъ въ этой ночной тиши. Я прислушалась едва переводя духъ. Вотъ онъ ближе и ближе. Да, это скачетъ верховой и какъ скачетъ! Во тьмѣ ничего невидно, только слышно. Я сбѣжала на крыльцо. Все ближе и ближе, и въ воротахъ двора,

сквозь мглу развѣта мелькнулъ темный образъ всадника на дворъ прискакалъ онъ; его тонкая фигура нагнулась впередъ на шею измученнаго князя. И вотъ онъ ужъ у крыльца, и съ коня взмыленнаго, испачканнаго грязью, забрызганнаго гѣной соскочилъ онъ, братъ мой, милый братъ мой. Я бросилась на него и обвила его шею моими замиравшими отъ радости и испуга руками. Онъ поспѣшно поцѣловалъ меня, но отстранивъ и ринулся въ домъ. Громко стучали шаги его, когда онъ бѣжалъ стремглавъ по лѣстницѣ. Раздался крикъ, страшный крикъ матери и все замерло. Когда я наконецъ могла вбѣжать на лѣстницу, то увидѣла брата посреди нашего семейства, тѣснившагося вокругъ него. Мы вошли въ гостиную; братъ заперъ дверь за мною, не впуская меньшихъ дѣтей. Мы остались въ четверомъ, батюшка, матушка братъ и я.

— Батюшка, свѣжую, сильную лошадь. Я долженъ сей часъ ѣхать назадъ. Прикажете осѣдлать. Моя лошадь почитай загнана.

Отецъ отворилъ окно, и громко крикнулъ. Ночной сторожъ отозвался.

— Сейчасъ осѣдлать Лебеда и подвести къ крыльцу. Онъ обратился къ сыну.

— Ну, говори.

— Было большое сраженіе.

— Знаю.

— Мы не побѣждены (отецъ перекрестился), но намъ приказано отступить. Дядя Дмитрій Федоровичъ выхлопоталъ мнѣ позволеніе отлучиться на нѣсколько часовъ и приказалъ мнѣ заѣхать къ вамъ и сказалъ, чтобы вы уѣзжали тотчасъ. Здѣсь не безопасно. Французы идутъ за нами слѣдомъ.

— А Москва? Москва!

— Не знаю, батюшка, нѣтъ, ничего не знаетъ. Предполагаютъ, что передъ Москвой будетъ другое сраженіе, что ее отстоятъ... Мы отстоимъ ее, батюшка, продолжалъ братъ съ жаромъ, отстоимъ или всѣ ляжемъ на мѣстѣ. Но вамъ оставаться здѣсь нельзя. Матушка, сестры... тутъ не вдалекѣ потянется Бонапартова армія. Уѣзжайте не медля, тотчасъ.

— Но куда?

— Армія идетъ на Москву. Ступайте на югъ, въ Алексинъ, черезъ Малый Ярославецъ. Тамъ нѣтъ непріятеля: онъ идетъ съ другой стороны. А теперь прощайте. Мнѣ пора. Благословите.

Братъ опустился на колѣна и родители благословили его. Прощаніе не длилось. Онъ спѣшилъ. Ему надо было скакать 60 верстъ до Москвы. Онъ сѣлъ на лошадь и она вынесла его во весь опоръ изъ родительскаго дома. Въ мигъ исчезъ онъ изъ глазъ нашихъ за деревьями аллеи. Его пріѣздъ, свиданіе, отрывистыя рѣчи — все произошло такъ быстро, что намъ казалось это сномъ, бредомъ большого воображенія.

Какъ мы не спѣшили, а ближе вечера выбраться не могли, ибо пришлось, въ виду возможности непріятельскаго нашествія многое брать съ собою, а оставшееся сносить въ подвалы дома, въ кладовые, закладывать двери камнями и замуравывать ихъ. На бѣду вышло новое затрудненіе—не хватило лошадей для лишнихъ подводъ. Ихъ давно искали въ табуняхъ и въ поляхъ гдѣ паслись они. Перепуганные слуги бѣгали зря, дѣло не спорилось въ ихъ рукахъ и только энергія батюшки и его разумныя и строгія приказанія могли водворить нѣкоторый порядокъ. Совсѣмъ смерклося, когда наконецъ запрягли лошадей. Темная осенняя ночь стояла, когда мы всѣ помолясь вышли изъ дому. Большая толпа собравшихся крестьянъ и дворовыхъ собралась на дворѣ. Начались прощанія и общія слезы. Бабы выли и причитали, мужчины стояли мрачные и суровые.

— Ну, православные, сказалъ отецъ громко, слушайте, что я скажу вамъ. Бабы, не голосить, уймись, причитаньемъ не поможете. Молодые ребята записывайтесь въ ополченія, кого не возьмутъ въ солдаты. Бурмистръ и миръ распорядится. Надо всѣмъ идти и власть голову за наше правое дѣло. Я тоже поступаю на службу и съ меньшимъ сыномъ. Жену и дочерей везу къ роднѣ; будутъ молиться Богу за всѣхъ насъ. А вы, старики съ

бабами и дѣтьми, соберите пожитки, припрячьте, что можно, заройте въ землю и не оставайтесь въ деревнѣ. Возьмите хлѣбъ, ступайте въ лѣсъ, выройте землянки и скоронитесь, пока холода не настали, а тамъ, что Богъ дастъ. Быть можетъ мы съ врагами и управимся. Въ деревню навѣрное придетъ онъ, если, какъ въ томъ сомнѣваться нельзя, его отобьютъ отъ Москвы. Нельзя знать по какой дорогѣ онъ отступитъ или разбредется. Ну, прощайте, братцы. Прощайте, дѣти. Дастъ Богъ—увидимся, а не увидимся, не поминайте меня лихомъ и простите въ чемъ я согрѣшилъ передъ вами или кого обидѣлъ. Если я буду убитъ, помяните душу мою въ вашихъ молитвахъ; счастливо оставаться. Господь съ вами; на Него одного надѣяться надо и не оставить Онъ насъ во дни скорби.

Отецъ поклонился на всѣ стороны и блѣдный, но спокойный, сошелъ съ крыльца провожаемый напутственными желаніями и благословленіями растроганнаго и смущеннаго люда. Онъ сѣлъ въ коляску. Стали усаживаться въ экипажи и всѣ мы тронулись въ путь.

— Стой! закричалъ вдругъ батюшка не своимъ голосомъ и выпрыгнувъ изъ коляски съ пыломъ молодости. Его окружили крестьяне и дворня.

— Забылъ. Тутъ большіе у меня запасы хлѣба, сѣна и овса. Не хочу я кормить врага добромъ нашимъ.

— Эй, бурмистръ, сюда, живо. За мною, православные.

Отецъ пошелъ за роцу; тамъ въ полѣ не далеко отъ дому, вдали отъ строеній усадьбы стояла рига, стоги сѣна, овса и еще не молоченой ржи.

Издали вамъ видно было, какъ при свѣтѣ многихъ факеловъ наскоро свитыхъ изъ соломы суетились вокругъ риги и стоговъ черныя фигуры, кишѣли, какъ муравьи, бѣгали и скучивались крестьяне. Вдругъ показался густой, черныи дымъ; онъ повалилъ густымъ слоемъ и тяжело поползъ по землѣ, будто страшное невиданное чудовище, безпрестанно намѣнявшее форму. Но вотъ черныи дымъ побагровѣлъ, и края волнующихся клубовъ его вдругъ подернулись позолотой и одѣлись яркимъ

огнемъ. Еще минута и высоко взвился столбъ пламени, за нимъ другой, третій и стояли они колеблясь и зыблясь и пылая въ черномъ полѣ. Скоро и поле и лѣса и деревня и усадьба освѣтились и обрасились багровою краскою. Мы съ ужасомъ глядѣли на пламя, на высокіе столпы огня, которые искрились, сыпались звѣздами и блесками и рассыпались во всѣ стороны. Столпы летѣли все выше и выше, бросали изъ себя горящія массы, полыхали, сверкали и снова одѣвались багровыми клубами дыма и изъ него высились опять сверкая ослѣпительнымъ блескомъ. Домъ стоялъ облитый кровавымъ свѣтомъ; поднялся вѣтеръ, деревья запумѣли и закачали черными головами. Было очень страшно.

Наконецъ отецъ воротился, провожаемый толпою; она была возбуждена и гудѣла, но разобрать слова было невозможно.

Отецъ обратился къ ней.

— Въ амбарахъ много прошлогодняго, не проданнаго хлѣба. Что можно заройте, чего нельзя зарыть, увезите въ лѣсъ, но не оставляйте ничего въ усадьбѣ. Распорядись, бурмистръ. Прощайте еще разъ, съ Богомъ, пошелъ!

Крупной рысью по накатанной дорогѣ бѣжали лошади. Пожаръ ярко освѣщалъ путь нашъ, золотилъ вившуюся между полей и луговъ проселочную дорогу, освѣщалъ всю окрестность; только лѣсъ стоялъ черный и мрачный, еще чернѣе, еще мрачнѣе отъ яркости поля, дороги и пунцоваго неба. Черные сучья деревьевъ красно-бурные стволы опушки лѣса принимали фантастическія очертанія. Казалось, то стоялъ не лѣсъ, а страшные великаны, которые грозились на насъ своими уродливыми членами. Шатался и хрустѣлъ лѣсъ и мракъ его чаще наводилъ на душу ужасъ. Пугливо настроенному воображенію мерещилось въ этомъ мракѣ, Богъ вѣсть, что...

Зарево долго провожало насъ. Поднявшійся сильный и порывистый вѣтеръ завывалъ не жалобно, а злобно. Казалось онъ сулилъ что-то страшное, грозное и неизбѣжное, какъ кара Господня!

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

Г Л А В А V.

Шумный и тревожный день 27 Апрѣля смѣнила ночь, ночь первыхъ весеннихъ дней, свѣтлая, сырая, насквозь обхватывающая воздухомъ только что проступавшей земли и лопающихся почевъ. Темно и неприглядно, какъ и во всякое переходное время. Чуется будущее, теплое, лѣтнее съ роскошными плодами, съ обильной жатвой, а въ настоящемъ топъ — да невылазная грязь...

Безлюдно на Московскихъ улицахъ, ворота у всѣхъ на запорѣ, ставни плотно закрыты и на желѣзныхъ болтахъ.

Въ домѣ боярина Милославскаго, повидимому точно также спокойномъ и сонномъ, однако жъ не спать. Въ одной изъ внутреннихъ комнатъ, выходящей окнами въ садъ, собралось нѣсколько человекъ ближнихъ людей боярина, преданныхъ слугъ царевны Софьи Алексѣевны.

Комнаты даже знатныхъ лицъ въ XVII вѣкѣ не отличались затѣйливымъ убранствомъ. Въ переднемъ углу, какъ у всѣхъ и всегда, находилась образница съ иконами въ серебряныхъ вызолоченныхъ окладахъ, передъ которыми теплилась серебряная лампадка. На одной изъ стѣнъ висѣли часы, тогда только что начинавшіе входить въ употребленіе. Между оконъ стоялъ длинный столъ, покрытый краснымъ сукномъ съ серебряной чернильницей, нѣсколькими свертками бумагъ, и съ восковой свѣчей.

Съ одной стороны стола скамейка съ бархатной подушкой, съ другихъ двухъ сторонъ скамьи, покрытыя коврами. На скамьѣ съ бархатной подушкой сидѣлъ самъ хозяинъ дома Иванъ Михайловичъ Милославскій *),

*) Иванъ Михайловичъ Милославскій могъ считаться самымъ влиятельнымъ человекомъ царскаго двора, такъ какъ съ 22 Мая 1680 г. онъ управлялъ *Приказомъ Большія Казны, московскою таможенною, помѣрной и мытною казною, городовыми таможенными и всякими денежными доводами.*

одѣтый въ обиходный нарядъ того времени, въ темно-зеленый суконный кафтанъ и въ шапкѣ, напоминавшей форму скуфьи. Съ другихъ боковъ помѣщались гости: племянникъ хозяина комнатный страпчій Александръ Ивановичъ Милославскій, стольники Иванъ и Петръ Андреевичи Толстые, городской дворянинъ Сунбуловъ, изъ новгородскихъ дворянъ кормовой иноземецъ Озеровъ, возлѣ него старая знакомая, постельница царевны Софьи Алексѣевны Ѳедора Семеновна, одѣтая нарядно въ алый сарафанъ съ парчевыми до локтей рукавами, въ желтыхъ сапожкахъ на высокихъ каблукахъ; на ея шеѣ красовалось жемчужное ожерелье, а въ ушахъ длинныя серги. По другую сторону стола размѣстились стрѣлцкіе полковники Петровъ, Одинцовъ, подполковникъ Цыклеръ и пятисотенный Чермный, одѣтые въ обыкновенные форменные стрѣлцкіе кафтаны.

— Такъ какъ же, Ѳедора Семеновна, по твоимъ рѣчамъ царевна согласна?

— Да, бояринъ Иванъ Михайловичъ, милостивая царевна велѣла благодарить тебя за усердіе къ общему дѣлу, согласна и заранѣе одобряетъ всѣ твои распоряженія въ защиту ея и старшаго царевича.

— Слышите, други, сказалъ бояринъ, обращаясь къ гостямъ, наша благовѣрная царевна не только согласна, она заранѣе одобряетъ наши дѣйствія. Царевичъ Иванъ и царевна полагаются на насъ, стоимъ же за нихъ вѣрой и правдой, не выдадимъ ихъ въ обиду Нарышкинцамъ и достойная награда не оставитъ каждаго изъ васъ по мѣрѣ усердія.

— Мы всѣ готовы стоять за правое дѣло и положить головы за царевича и царевну, первымъ отозвался Цыклеръ съ тѣмъ жаромъ, въ которомъ опытное ухо чувало напускную ревность, — только укажи намъ какъ и что дѣлать.

— Прежде всего нужно избавить царевича и царевну отъ ихъ заклятыхъ, исконныхъ враговъ — Нарышкинскихъ, а отъ кого именно, племянникъ мой изготовилъ

списокъ, сказалъ бояринъ, указывая на свертокъ бумагъ, лежавшій на столѣ.

— Это-то мы и сами знаемъ, бояринъ, да какъ спустить ихъ? спросилъ Одинцовъ.

— По моему, отвѣчалъ хозяинъ, втихомолку да исподволь дѣло не можетъ идти. Первый же случай пробудить подозрѣнiе, заставитъ другихъ быть осторожными и дастъ время приготовиться. Нѣтъ, надо дѣйствовать рѣшительно и отертой силой,—а сила вся въ стрѣльцахъ. Кстати они волнуются, такъ и нужно поддерживать ихъ неудовольствiе, нужно какъ можно болѣе раздражать и направлять ихъ сначала противъ тѣхъ полковниковъ, которые держатъ сторону Нарышкиныхъ, а потомъ... ну, потомъ обрушиться рѣшительнымъ бунтомъ т. е. не бунтомъ, а твердой защитой правой стороны.

— Отъ сторонниковъ Нарышкинскихъ, измѣнныхъ полковниковъ, избавиться не трудно, ихъ какъ разъ свои же стрѣльцы спустятъ съ каланчей, вѣдь всѣми они недовольны то за вычетъ изъ жалованья, то за строгость, а какъ направить противъ самихъ Нарышкиныхъ? спросилъ Петровъ.

— Нетрудно, полковникъ, отвѣчалъ Милославскiй, надо только какъ слѣдуетъ объяснить стрѣльцамъ, какъ Нарышкины на нихъ злобятся, какъ замышляютъ разослать ихъ по дальнимъ городамъ, оторвать отъ отческихъ домовъ, хозяйства и родныхъ, а потомъ и совсѣмъ извѣсти за прежнюю-то ихъ всегда вѣрную службу лишь на зло царевнѣ, всегда горячо стоявшей за нихъ, и какъ Нарышкины за мѣсто ихъ хотятъ устроить все войско изъ иноземцевъ. А главное, господа полковники, нужно внушать имъ, что они пойдутъ за правое дѣло, на защиту законнаго наслѣдника царевича Ивана Алексѣевича, котораго Нарышкины всѣми мѣрами пытаются загубить въ конецъ.

— За свои полки мы ручаемся, отозвались Одинцовъ, Петровъ и Цыклеръ, только применить ли къ намъ остальные?

— И я ручаюсь за свою пятисотню Сухаревцевъ, отозвался и Черный, а другая половина навѣрное не пойдетъ съ нами. Пятисотенный Бурмистровъ—любимчикъ Долгорукаго, такъ стало будетъ тянуть на сторону Нарышкиныхъ.

— Этого - то молодчика и я давно запримѣтилъ, надо бы спустить его съ рукъ, мѣшаетъ онъ намъ.

— Трудно, бояринъ, любить его въ пятисотнѣ и служилые и пятидесятники. Развѣ ужъ постараюсь какънибудь одинъ на одинъ...

— Ну, такъ постарайтесь же, други мои, чтобъ все было единомысленно. Приманите служилыхъ и изъ другихъ полковъ... если не пойдутъ съ вами, такъ чтобъ не перечили... Петръ Андреичъ, продолжалъ Милославскій, обращаясь къ младшему Толстому, достаточно ли ты запасся зеленымъ виномъ?

— По твоему приказу, бояринъ, я ужъ нѣсколько бочекъ заполучилъ съ отдаточнаго двора, да еще на дняхъ получу, а потомъ всѣ бочки передамъ по полкамъ сколько кому въ угоду.

— А вы, полковники, поставьте къ кругамъ при выпивкѣ людей надежныхъ да толковыхъ, которые бы съумѣли направить, куда слѣдуетъ...

— Выполнимъ, бояринъ, объ этомъ не сомнѣвайся, только не мѣшало бы денегъ раздать скольконибудь по рукамъ да пообщать награды.

— Серебра у меня довольно, отвѣчалъ Иванъ Михайловичъ, будетъ для начала, да къ тому-жъ царевна приказала доставить казну изъ всѣхъ монастырей по Двинѣ. Вѣдь по напрасну тамъ лежатъ, а тутъ дѣло богоугодное... защита обиженныхъ... А что до награды, такъ пусть каждый выскажетъ чего желаетъ...

— А когда, бояринъ, пачинать дѣло? спросили полковники.

— Да, думаю я, около половины мѣсяца. Недѣлки черезъ двѣ, кажись, пятнадцатаго-то Мая день убіенія Дмитрія царевича въ Угличѣ, такъ оно и было бѣ кстати.

— Такъ и мы въ этому дню будемъ готовиться, бояринъ.

— Готовьтесь, други мои, готовьтесь, только не пускайте заранѣе въ огласку. Тогда все дѣло изъясните. Нарышкины увернутся, а вы поплатитесь головой. А ты бы, Федора Семеновна, поприглядывала въ теремъ-то Натальи Кирилловны и какъ что услышишь, дала бы намъ вѣсточку.

— Свое дѣло я знаю, бояринъ, отозвалась постельница, свела я задушевное знакомство съ двумя сѣнными ближними дѣвицами царицы и вывѣдываю отъ нихъ всю подноготную; они мнѣ передаютъ каждое-то словечко царицы...

Во все время совѣщанія Федора Семеновна казалась необычно разсѣянной, поглощенной своимъ личнымъ интересомъ. Дѣло въ томъ, что давно уже приглянулся ей сосѣдь ея кормовой иноземецъ Озеровъ, давно уже сердечко ея пылало тайной страстью къ пригожему молодцу. Эту страсть знала добрая царевна и общала устроить свадьбу своей вѣрной постельницы по сердечному выбору, въ случаѣ желаннаго успѣха. Вотъ почему Федора Семеновна и казалась разсѣянной, вотъ почему глазки ея такъ часто покоились на пригожемъ лицѣ кормоваго иноземца, а тощенькое, непорочное тѣлце ея все ближе и ближе подвигалось къ дожему сосѣду. Но приглядываясь и прижимаясь къ милому ей человѣку, она все таки слѣдила за ходомъ дружеской бесѣды. Много въ этой бесѣдѣ не нравилось ей.— Отчего это, думала она, бояринъ все напираетъ на царевича, да выставляетъ себя, а объ царевнѣ говорить какъ будто—вскользь. Ну, не разумнѣй ли ихъ всѣхъ моя, жемчугъ перекатный, царевна, ну, не достойна ли она править не то что какимъ нибудь русскимъ царствомъ, а и всѣмъ міромъ. Нѣтъ, не для пользы царевны хлопочетъ бояринъ, рѣшила она, а для своихъ видовъ да изъ злобы на Нарышкиныхъ.

— А какъ говорятъ при дворѣ царицы Наталіи Кирилловны? спросилъ Иванъ Михайловичъ постельницу.

— Да вотъ ожидаютъ Артамона Сергѣича, вчера вишь послали нарочнаго гонца въ Луховъ. День черезъ пять, чай, прибудетъ.

— Прибудетъ, да поздно будетъ, замѣтилъ бояринъ. Да встать, племянничекъ, въ спискѣ-то твоемъ, кажись, нѣтъ Артамона?

— Не записанъ онъ, дядюшка, не зналъ я, что вернется къ тому времени.

— Нѣтъ, племянникъ, его запиши первымъ. Пусть вспоминаетъ услугу Ивана Михайловича... по пріятельски съ нимъ рассчитаемся... Да не забудь, племянникъ, написать побольше такихъ списковъ для раздачи по нѣсколько штукъ на каждый полкъ.

— Да растолкуй, бояринъ, спросилъ молчавшій до сихъ поръ Петровъ, какъ это могло случиться, что Государева Дума при жизни наслѣдниковъ предоставила выборъ всѣмъ чинамъ Московскимъ, вѣдь этого никогда еще не бывало!

— Мало-ль что не бывало, угрюмо отвѣчалъ Иванъ Михайловичъ, при нашихъ порядкахъ не то еще увидишь. Понасажали въ Думу разныхъ молокососовъ... родственниковъ да свойственниковъ царицыныхъ, ну они и вертять по своей волѣ. До того было дошло, что родимый-то братецъ царицы вздумалъ сдѣлать царемъ Петра Алексѣевича отъ имени Думы по одному лишь заявленію патріарха объ отреченіи старшаго царевича. Да я по своему осадилъ Ивашку Нарышкинскаго, а Думѣ говорю молъ не по закону и не по обычаю обходить старшаго брата, что по всѣмъ правамъ подобаетъ царствовать Ивану Алексѣевичу. И перетянулъ бы я, да къ нимъ на подмогу заговорилъ Михайло Юрьичъ, извѣстный ихъ прихлѣбальникъ. Правда, и къ моей сторонѣ сталъ князь Иванъ Андреичъ, да вѣдь не рѣчись онъ въ дѣлахъ царскихъ-то, ему бы только каноны говорить... Вотъ какъ я увидѣлъ, что нашимъ не пересилить, такъ и согла-

сился на избраніе по земству. Авось, думаю, хоть тамъ потянуть по старинѣ, а вышло не такъ... загорлянии иноземцы, приспѣшники возыхъ бородъ, *) а за ними и всѣ чины. Ну, да въ нашихъ рукахъ сила... поставимъ по своему...

— А правду ль говорятъ, бояринъ, спросилъ одинъ изъ полковниковъ, будто молодой-то бояринъ Нарышкинскій, срамъ сказать, севернословиль про покойнаго царя?

— Да какъ же неправда! Всѣмъ извѣстно... сама сестрица потатчица, при ней и дѣло было. Всѣ мы видѣли, какъ Наталья Кирилловна съ сыномъ не хотѣли отслушать до конца отпѣванья. Всѣ тогда смутились, а тетки то покойнаго Анна Михайловна и Татьяна Михайловна не удержались и выговаривали Натальѣ Кирилловнѣ черезъ монахинь. Такъ, вишь, стала отговариваться будто сынонь малъ, не могъ выстоять на голодный желудокъ, а братецъ-то Ивашка тутъ и брявнулъ: кто умеръ, тотъ пускай де и лежитъ, а царь не умиралъ и живеть.**)

— Ну, ужъ и люди эти Нарышкины, единодушно отозвались слушатели, отъ такихъ срамослововъ в святотатцевъ чего ожидать добраго!

— Прощенья просимъ, бояринъ, не будетъ ли отъ тебя какого-нибудь наказа къ царевнѣ, говорила постельница, собираясь уходить.

— Расскажи, Федора Семеновна, все, что видѣла и слышала, передай государынѣ мою нелицемѣрную рабскую вѣрность, — готовъ служить ей до гробовой доски. Да вотъ что, Семеновна, продолжалъ бояринъ, понижая голосъ и отводя постельницу въ сторону, сослужи ты мнѣ добрую службу и я не забуду тебя никогда. Вотъ и теперъ есть у меня для тебя богатая запастя съ самоцвѣтными камнями, которыя привезъ мнѣ иноземный гость да еще дорогая тѣлогрѣйка.

*) Бранное прозвище Нарышкиныхъ.

***) Др. рос. Вивіюе. XI. 212. Богѣе подробно объ этомъ случаѣ упоминается въ польскихъ источникахъ.

— И безъ посуловъ, бояринъ, я готова завсегда служить тебѣ, спрашивай только, не таись.

— Скажи же мнѣ по правдѣ, по душѣ, какъ часто бывалъ у нашей царевны князь Василій Васильичъ. Объ чемъ они разговариваютъ между собою? Не заходитъ ли когда рѣчь обо мнѣ? Насколько милостива къ нему царевна...

— Бывалъ, бояринъ, князь Василій Васильичъ у царевны, не солгу, бывалъ, только не часто, когда только бывало пришлетъ къ ней покойный государь братецъ за какимъ ни есть дѣломъ. А такъ чтобъ безъ дѣловъ никогда не бывалъ. Объ тебѣ же, бояринъ, царевна разговариваетъ нерѣдко, вотъ хоть бы и со мной и считаетъ тебя что ни есть самымъ умнѣйшимъ и разумнѣйшимъ.

— А какъ царевна говоритъ о другихъ, вотъ хоть бы о князѣ Иванѣ Андреичѣ?

— О князѣ Иванѣ Андреичѣ? Хованскомъ? какъ-то мало приходилось разговаривать-то объ немъ, бояринъ. Царевна уважаетъ его. Да она и видитъ-то его нечасто.

Постельница собиралась уходить, но уходя она еще разъ умильно поглядѣла на бывшего сосѣда и ласково проговорила:

— Не по дорогѣ ли намъ идти, Иванъ Андреичъ. Пошли бы вмѣстѣ, а то боязно, какъ бы не обидѣли прохожіе или дозорные съ рѣшетчатымъ.

— Хоть не по дорогѣ, Ѳедора Семеповна, отвѣтилъ бравый кормовой иноземецъ, а проводить всегда готовъ.

И оба, простившись съ хозяиномъ и гостями, вышли.

— Время и намъ расходиться, бояринъ. Позволь проститься, заговорили и прочіе гости, кланяясь хозяину, когда прикажешь намъ навѣдаться?

— Да всѣмъ-то собираться не зачѣмъ. Примѣтно да и все ужъ улажено; а кому случится нужда, такъ и завернетъ либо ко мнѣ, либо къ племяннику. До назначеннаго дня я подъ видомъ болѣзни выѣзжать не буду. Только не забудьте уговоръ.

— Помнимъ, помнимъ, бояринъ.

Гости вышли, кромѣ подполковника Цылера.

— Бояринъ, заговорилъ подполковникъ, оставшись наединѣ съ хозяиномъ, я нарочно остался переговорить съ тобой.

— Радъ служить тебѣ, подполковникъ.

— Видишь что, бояринъ. Дѣло, за которое мы беремся,—дѣло опасное и будетъ стоить головы или теперь же, если не удастся, или впоследствии. А за такое дѣло берутся или неразумные изъ непонятной для меня собачьей преданности, или умные за что нибудь для себя выгодное. Такъ какъ я не считаю себя неразумнымъ, то прошу тебя, бояринъ, сказать мнѣ откровенно на что я долженъ рассчитывать.

— А чего бы ты желалъ, подполковникъ?

— Желалъ бы я не очень многого, бояринъ: помѣстья добраго да званія боярскаго.

Передернуло едва замѣтно боярина такое пахальное требованіе, складывались ужъ губы въ презрительный отвѣтъ, но, во время спохватившись, Иванъ Михайловичъ ласково улыбнулся и, погладивъ бороду, спокойно отвѣтилъ:

— Люблю подполковника за откровенную рѣчь. По крайности на чистоту... Обѣщаю тебѣ за царевну въ случаѣ успѣха боярство и помѣстье.

И бояринъ, кивнувъ головой подполковнику, вышелъ во внутренніе покои.

— Помѣстье и боярство, думалъ про себя Цылеръ, выходя изъ комнаты, оно конечно дѣло хорошее, а все таки своя голова дороже. Съ головой добудешь и того и другаго, а безъ головы не поможетъ ни помѣстье, ни боярство. Надо подумать и рассчитать по вѣрнѣе. Теперь, кажется, дѣло вѣрное и безопасное, а послѣ можно будетъ вовремя и другой сторонѣ... вѣрно не останется безъ благодарности.

Затихло все въ домѣ боярина Милославскаго, не слышно ничего, кромѣ храпа многочисленной челяди бояр-

свой да приклебальниковъ. Только долго не могъ заснуть самъ бояринъ подѣ влияніемъ картинъ воспаленнаго воображенія о будущемъ величіи. Обаятельная мечта уносила его далеко: то она казала ему его самого во главѣ Думы царской, какъ самовластнаго, сильнаго правителя, передъ которымъ смиренно преклонялись боярскія головы, покорно ожидающія отъ него милостиваго слова или опальнаго голоса, а тамъ въ пустыняхъ какого нибудь Пустозерска обнищавше и голодные тянуть безотрадную жизнь его враги,—то представляла ему какъ онъ будетъ принимать всѣхъ пословъ иноземныхъ, которые, пораженные его умомъ и величіемъ, разнесутъ славу объ немъ по всѣмъ концамъ крещеннаго и некрещеннаго міра, то представляла ему славу мудраго законодателя, осыпаннаго повсюду благословеніями. Впрочемъ мечта о мудрости законодательной не долго останавливалась въ его головѣ и скоро смѣнилась другими, болѣе усладительными образами. Въ разыгравшемся воображеніи боярина стали носиться другіе облики, прелестныя тѣни юныхъ красавицъ. Вотъ она обольстительная русская женщина стройная, высокая, съ полными развитыми формами, съ густыми шелковистыми, длинными почти до пятъ волосами, съ глубокими, полными нѣжной истомы глазами...

Любилъ бояринъ и Грушъ, и Марфушъ и Любашъ и беззавѣтно отдавался ихъ губительнымъ ласкамъ. Недѣйствовали на него и мудрыя предостереженія книги «зѣло потребной, а женамъ досадной о злонравныхъ женахъ». Напрасно читалъ бояринъ разумные совѣты: «не помысли красотѣ женстей, не падайся на красоту ея, не насладишия рѣчей ея и не возведи на нея очей своихъ, да не погибнешь отъ нея. Бѣжи отъ красоты женскія невозвратно, яко Ной отъ потопа... Человѣче, не глади на жену многохотну и на дѣвицу краснолицную, да не впадеша нагло въ грѣхъ... Не дай женѣ души своея... дѣвы не гладай, съ мужатницею отнюдь не сиди—о добротѣ бо женстей мнози соблазнишася, даже и разумныя жены прельцають... Взоръ на жены рождаетъ узвлече-

ніе, уязвленіе рождаетъ помышленіе, помышленіе родить разженіе, разженіе родить дерзновеніе, дерзновеніе родить дѣйство, дѣйство же исполненіе хотѣнія, исполненіе же хотѣнія родить грѣхъ... Человѣче, отвори лицо свое отъ жены чужія прекрасныя, не зри прилежно на лице ея: красоты ради женскія мнози погибоша. Красота жены веселитъ сердце человѣка и введетъ человѣка въ жалость на всякое желаніе. Человѣче, съ чужою женою на единѣ ниболи же бесѣдуй, ни возлагай съ нею за столомъ лахтей своихъ: словеса ея яко огонь попаляеть, и похоть ея яко попаляеть пламя, отрезвися умомъ и отсеочи женъ блудивыхъ. ¹⁾

Не вразумлялся Иванъ Михайловичъ разумными наставленіями, попался онъ въ пламени и погибъ.

ГЛАВА VI.

Постельница Ѳедора Семеновна о призывѣ къ двору боярина Матвѣева сказала правду. По кончинѣ Ѳедора Алексѣевича царица Наталья Кирилловна увидѣла себя въ главѣ партіи, правда довольно многочисленной, но совершенно неопытной, молодой, увлекающейся, еще неокрѣпшей въ веденіи исконныхъ придворныхъ интригъ. Требовался опытный руководитель, и бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, какъ нельзя болѣе могъ удовлетворить всѣ вопросы сложившихся обстоятельствъ.

Артамонъ Сергѣевичъ происходилъ не изъ знатнаго рода «дьячихъ дѣтей», но выдвинулся на вершину умомъ, способностями и образованіемъ. Служа стрѣльцкимъ головою, онъ подъ Смоленскомъ своей распорядительностью обратилъ на себя вниманіе царя Алексѣя Михайловича. Затѣмъ по обязанности уже думнаго дворянина, онъ участвовалъ въ совѣщаніяхъ Думы государевой, а впо-

¹⁾ Старинная рукопись. Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи И. Забѣлина. Москва 1872 г. стр. 150.

слѣдствіи завѣдывалъ нѣкоторыми приказами (аптекарскимъ). Скоро онъ сдѣлался самымъ ближнимъ сотрудникомъ царя, «его вѣрной и избранной головой».

Считаясь въ главѣ новаторовъ того времени, Матвѣевъ дѣйствительно былъ передовымъ и самымъ развитымъ изъ своихъ современниковъ русскихъ. Онъ занимался науками и искусствами, оставилъ послѣ себя первый опытъ русской исторіи (государственная большая книга, описаніе великихъ князей и царей россійскихъ) и первый устроилъ изъ своихъ дворовыхъ труппу актеровъ. Домъ его былъ обставленъ по европейски съ большими стѣнными часами и картинами по стѣнамъ. Въ этомъ-то домѣ царь Алексѣй Михайловичъ въ первый разъ увидѣлъ Наталью Кирилловну Нарышкину, полюбилъ и потомъ женился на ней. При свадьбѣ Артамонъ Сергѣевичъ былъ пожалованъ въ окольничьи, а черезъ годъ и въ бояре.

Отдѣляясь отъ придворныхъ образованіемъ, онъ въ то же время отличался рѣдкою въ современникахъ добросовѣстностію, отсутствіемъ корыстолюбія и не относился къ народу съ обычной спѣсью. Москвичи любили его. Сохранился извѣстный характеристическій анекдотъ о постройкѣ его дома. Старый, ветхій домъ Артамона Сергѣевича требовалъ большой перестройки, о чемъ не разъ настаивалъ и Алексѣй Михайловичъ, вызываясь принять издержки по постройкѣ на счетъ казны. Бояринъ наконецъ обѣщался перестроить, но рѣшительно отказался отъ казенной помощи. Такимъ рѣшеніемъ онъ поставилъ себя въ затруднительное положеніе. Въ наличности денегъ не было, да и кампья въ ту пору тоже не оказывалось въ продажѣ. И вотъ однажды утромъ на дворъ къ нему въѣхало множество телѣгъ съ камнями. Оказалось, что московскіе обыватели, стрѣльцы, торговые и посадскіе люди, узнавъ о его затрудненіи, собрали камни съ могилъ своихъ отцовъ и поклонились ими боярину, отказавшись, разумѣется, отъ всякой платы.

Пользуясь значеніемъ при дворѣ только по личному

расположенію царя, Матвѣевъ, по кончинѣ Алексѣя Михайловича, не могъ выдержать борьбы съ старой боярской придворной партіей. И дѣйствительно, вскорѣ, не далѣе полугода по воцареніи Ѳедора Алексѣевича, вслѣдствіе доноса сначала въ корыстолюбіи, а потомъ въ чародѣйствѣ, Артамонъ Сергѣевичъ сосланъ былъ воеводствовать въ Верхотурье, а потомъ въ ссылку въ Мезень.

Понятно какую значительную поддержку могла оказать опытность Матвѣева партіи царицы Наталіи Кирилловны, понятна поспѣшность съ какою былъ посланъ въ Луковъ за бояриномъ Матвѣевымъ стольникъ Алмазовъ, понятно съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали его пріѣзда царица и понятна наконецъ торжественность его пріема. Еще въ Троицкой лаврѣ онъ былъ встрѣченъ привѣтствіемъ отъ имени царя . Пегра Алексѣевича Юріемъ Лутохинымъ, а въ селѣ Братовщинѣ Афанасіемъ Кирилловичемъ Нарышкинымъ отъ имени царицы.

Прибывъ въ Москву 11 Мая, Матвѣевъ нашелъ положеніе дѣлъ весьма опаснымъ и неисправимымъ. Волнскія стрѣльцовъ приняли громадныя размѣры, а неопытное правительство не только не принимало строгихъ и внушительныхъ мѣръ, но напротивъ робкою уступчивостью поощряло ихъ къ дальнѣйшимъ волненіямъ.

Соединившись съ Грибоѣдовскимъ полкомъ, прочіе стрѣльцы 30 Апрѣля подали общую челобитную, въ которой повторялись тѣ же жалобы на притѣсненія своихъ полковниковъ въ недодачѣ имъ жалованья, съ угрозой, въ случаѣ отказа правительства, расправиться самимъ. Въмѣсто быстрого и безпристрастнаго разслѣдованія жалобы, правительство поспѣшило отставить отъ должностей полковниковъ, возбудившихъ жалобы, взыскать съ нихъ правеземъ удержанныя будто бы ими деньги стрѣльцовъ и удалить нелюбимыхъ стрѣльцами оружейничаго боярина Ивана Языкова и братьевъ Лихачевыхъ. Поощренные такимъ образомъ робостью правительства по отношенію къ жалобамъ на главныхъ начальниковъ, стрѣльцы сочли себя въ правѣ раздѣливаться своимъ

судомъ съ лицами второстепенными, — и вотъ строгіе, обуздывавшіе ихъ пятисотенные, сотенные, пятидесятники и пристава— всѣ погибли, сброшенными съ валанчей.

Развитіемъ мятежнаго настроенія весьма ловко воспользовались люди, преданные царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ. Разгоряченное воображеніе легко и слѣпо поддается обману. Искусстные рассказы о злобныхъ умыслахъ Нарышкиныхъ противъ стрѣльцовъ, объ отравленіи ими покойнаго царя Федора Алексѣевича, о насильномъ принужденіи старшаго царевича отречься отъ престола, о намѣреніи изгубить Ивана Алексѣевича можетъ быть въ другое время остались бы безъ вліянія, но теперь, при общемъ воспаленіи, находили довѣрчивыхъ слушателей. Истребить, наказать злоредный родъ губительныхъ временщиковъ— становилось въ ихъ глазахъ дѣломъ справедливости, значило постоять за правду, за царей, за вѣру. Осязательный фактъ былъ на лицо: царевичъ Иванъ обойденъ, а неслыханно быстрое возвышеніе молодыхъ, еще неопытныхъ Нарышкиныхъ противъ старыхъ бояръ, неоправдываемое никакими еще заслугами (изъ Нарышкиныхъ Иванъ Кирилловичъ пожалованъ былъ оружейничимъ и саномъ боярскимъ на 23 году, Афанасій Кирилловичъ комнатнымъ стольникомъ, Кириллъ Алексѣевичъ кравчимъ) не могло не возбудить общаго неудовольствія и не могло не казаться подозрительнымъ. Какъ же было не вѣрить стрѣльцамъ своимъ любимымъ полковникамъ, когда вся внѣшняя обстановка совершенно согласовалась съ ихъ рассказами и когда въ средѣ ихъ не раздавалось ни одного голоса, раскрывавшаго истину.

Увлеченіе стрѣльцовъ было глубокое и истинное. На безчеловѣчную форму проявленія этого увлеченія имѣло неоспоримое вліяніе доброе вино отдаточнаго двора и богатые награды. Да впрочемъ, конецъ XVII вѣка и нигдѣ не отличался особенной мягкостью нравовъ.

Утро 14 мая. Въ приѣмной комнатѣ передъ внутренними покоями царицы Натальи Кирилловны дежурилъ страпцій. Характеръ дежурства того времени нисколько

не отличался отъ нашего: таже бездѣятельность и томящая скука, таже невыносимое однообразіе, таже досада на безконечно долго тянущіеся часы. Стряпчій отъ нечего дѣлать занимался глубокомысленнымъ созерцаніемъ линий на ладони лѣвой руки, то сгибая, то ихъ расправляя.

— Передай матушѣ царицѣ, что я пришла пови-
дать ее, сказала неожиданно вошедшая царевна Софья.

Озадаченный необычнымъ приходомъ царевны, стряпчій сначала какъ-то безсознательно оглядѣлъ ее, а потомъ опрометью бросился въ сосѣдную комнату, гдѣ вышивала за пальцами золотомъ и жемчугомъ постельница царицы Натальи Кирилловны.

— Доложи государынѣ царицѣ, позволила прибыть къ ней царевна Софья Алексѣевна и ожидаетъ въ приемной палатѣ.

Постельница быстро направилась къ опочивальнѣ и передала изумленной Натальѣ Кирилловнѣ порученіе стряпчаго.

Измѣнилась въ лицѣ царица при этой вѣсти, не ожидала она такого поступка отъ падчерицы, съ которой никогда не могла сойтись подушевно, отъ которой никогда не видѣла привѣтливаго взгляда. Ёдко защемило сердце мачихи.

— Спасибо, царевна, что вздумала провѣдать меня, говорила царица, выходя къ ожидавшей ее Софьѣ Алексѣевнѣ въ большую парадную приемную.

Обѣ женщины усѣлись одна противъ другой за столомъ, украшеннымъ искусной золотой рѣзьбой.

Трудно представить себѣ болѣе противоположныхъ типовъ—какъ Наталья Кирилловна и Софья Алексѣевна. Во всемъ обликѣ первой, безъ вѣдома ея самой, такъ и бросалась въ глаза натура женственная, не способная къ геройскимъ подвигамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ самоотверженная и любящая къ дорогимъ ея сердцу. Цвѣту-щая молодостью и красотой, описываетъ ее Рейтенфельсъ (1671—1673 г.), стройная, черноокая съ челомъ пре-

краснымъ и съ пріятной улыбкой, она плѣпала и мелодичною рѣчью и прелестью всѣхъ движеній. Пять лѣтъ вдовства полнаго горя, стѣсненій, оскорбленій, мелкихъ, но тѣмъ не менѣе чувствительныхъ уколовъ, пять лѣтъ ссылки отъ двора уничтожили цвѣтущей румянецъ, охолодили нѣжное сердце.

Холодомъ вѣяло отъ царевны. Стальной энергіей смотрѣли голубые глаза, на губахъ лежала нервная улыбка. Воспитаніе сѣумѣло развить ей умъ, но не развило чувства. Правда, и царевна любила, — но какъ любила? Въ самой любви ея сказывалось болѣе эгоистичности и болѣе чувственной стороны.

— Какъ здоровье твое, царевна? продолжала царица пріветливо.

— Благодарю, матушка. Послѣ смерти покойнаго братца все еще не могу придти въ себя: голова болитъ, грудь ломитъ, во всѣхъ суставахъ какая-то немочь — точно будто свалилась съ высокаго мѣста. Заниматься ничѣмъ не могу...

— Понимаю, царевна, и сочувствую тебѣ, участливо отвѣчала царица.

— А какъ твое, матушка, здоровье и государя братца Петра Алексѣевича?

— Мы, какъ видишь, слава Всевышнему. Сынъ занимается теперь съ учителемъ. Боюсь за него, царевна, больно ужъ рѣзовъ...

— А я къ тебѣ, царица, по особому дѣлу. Вчера были у меня митрополиты, епископы и выборные люди отъ народа, молили воцаренія на прародительскій престолъ законнаго наслѣдника царевича Ивана Алексѣевича.

— Да какъ же это, царевна? не вѣря ушамъ своимъ и съ недоумѣніемъ глядя, спросила царица, вѣдь всѣ же чины Московскаго государства единодушно выбрали моего Петра?

— Видно одумались, матушка, съ нѣкоторой насмѣшкой отвѣтила царевна.

— Невозможное дѣло, Софья Алексѣевна. Царевичъ

Иванъ самъ добровольно и рѣшительно отказался отъ престола.

— Ничего не значить, матушка. Справедливо—онъ отказался, но по просьбѣ всего народа московскаго можетъ перемѣнить и согласиться, а царевичъ Петръ можетъ раздѣлиться царствомъ съ братомъ, можетъ добровольно съ своей стороны уступить ему первенство, какъ старшему.

— Да вѣдь царевичъ Иванъ больной, не можетъ... не въ состояніи править государствомъ.

— И... и... матушка царица, не всѣ же цари и короли—голіафы. На что-жъ совѣтные-то мужи и государева Дума? точно также и Петръ царевичъ—еще ребенокъ, также не можетъ самъ править царствомъ...

Еслибы дѣло касалось лично только до Натальи Кирилловны, то вѣроятно она не оказала бы большого противодѣйствія, но въ настоящемъ случаѣ терялъ ея милый сынъ, интересы котораго, она, какъ мать, должна отстаивать твердо. И вотъ въ одно мгновеніе она рѣшилась всей жизнью своей защищать права своего ненагляднаго Петруши.

— Нѣтъ, царевна, съ рѣшительностью отозвалась царица, кого разъ избралъ весь народъ и кто получилъ Божье благословеніе, тотъ не можетъ ужъ отрекаться отъ своего назначенія.

— Ну, какъ знаешь, матушка. Какъ близкая родная я хотѣла предупредить тебя, какъ бы не вышло смуты великой въ государствѣ... народъ волнуется... не полилась бы неповинная кровь.

— Что Богу будетъ угодно. Надѣюсь на Его милосердіе и готова на все...

Обѣ стороны остались недовольны свиданіемъ.

— Напрасно только послушалась я Василья, говорила про себя царевна уходя, «попытайся... да попытайся... можетъ, она и добровольно уступить Ивану Алексѣевичу, тогда и смуты никакой не будетъ и кровь не прольется»... Не такіе люди Нарышкины... добромъ съ ними не раз-

дѣлаешься... съ корнемъ только можно вырвать злое племя. Какъ бы еще не испортили... теперь вѣдь предупреждены... Хорошо, что не разболтала...

Ошеломленной и растерянной осталась послѣ свиданія царица. Что дѣлать? Что предпринять? Она не знала, она знала только, и на что она твердо рѣшилась— это неотступно стоять за судьбу дорогаго сына, неуступать никому Богомъ предназначеннаго ему предопредѣленія. Къ кому обратиться за совѣтомъ? Отецъ—старъ да и неопытенъ въ подобныхъ дѣлахъ. Братья? мелоды и безсильны. Къ Артамону Сергѣичу? Да, къ нему. Онъ опытенъ и уменъ. Онъ сможетъ отвратить бѣду.

— Пошли скорѣй гонцовъ къ Артамону Сергѣичу и брату Ивану Кирилловичу, приказала она стряпчему, зови ихъ сейчасъ ко мнѣ.

Отдавъ приказаніе, Наталья Кирилловна вошла въ свою опочивальню и опустилась на колѣни передъ ликомъ Пресвятой Дѣвы. И горяча была материнская молитва, слезы струями текли по поблѣднѣвшимъ щекамъ, губы судорожно шептали безсвязные звуки, но съ однимъ глубокимъ смысломъ мольбы о счастіи сына.—О, Боже милостивый, спаси его! Если нужна жертва — возьми меня, отними отъ меня все, все..., лиши всего, но надѣли его всѣми земными благами, отклони отъ него всѣ несчастія и передай ихъ всѣ на мою несчастную голову. Сдѣлай безсильными возни враговъ его, подай мнѣ крѣпость и силу на борьбу, научи меня, слабую женщину...

Вошла постельница съ докладомъ о приѣздѣ Ивана Кирилловича и Артамона Сергѣича.

— Что съ тобой, сестра, спросилъ встрѣвоженный Иванъ Кирилловичъ вышедшую сестру, на тебѣ лица нѣтъ?

— Я въ страшной тревогѣ... послала за вами, благодѣтель и другъ мой Артамонъ Сергѣичъ и братъ Иванъ. Была у меня сейчасъ царевна Софья.

И царица передала весь свой разговоръ съ царевной. По мѣрѣ разказа все болѣе и болѣе блѣднѣло лицо

Ивана Кирилловича и все серьезнѣе становился Артамонъ Сергѣичъ.

— Да, царица, дѣло важное и опасное, сказалъ Артамонъ Сергѣичъ, я знаю царевну... Если она рѣшилась высказаться, такъ значитъ совершенно увѣрена въ успѣхѣ, значитъ все подготовлено...

— Неужто ты думаешь, сама царевна подымаетъ смуту? спрашивала недовѣрчиво Наталья Кирилловна, непонимая, какъ царевна, при тогдашней обстановкѣ женскаго царскаго семейства, могла быть основой каваго нибудь политическаго движенія.—Съ какою же цѣлью?

— Я не думаю, царица, а увѣжденъ въ этомъ Софья Алексѣевна хочетъ власти. Какъ властвовала она при царѣ Федорѣ Алексѣевичѣ, такъ будетъ властвовать, если еще не больше, при больномъ Иванѣ. А можетъ быть она пойдетъ и дальше... Ясно. Но не въ этомъ важность, а важно знать: какими средствами рѣшилась дѣйствовать... Я здѣсь всего только два дня, не успѣлъ приглядѣться къ новымъ порядкамъ. На преданность какихъ бояръ можно рассчитывать?

— Да вѣдь они всѣ кажутся преданными, отвѣтила Наталья Кирилловна.

Старый бояринъ улыбнулся.

— Отстала отъ двора, родная... Слажи мнѣ покрайности: кто въ государевой Думѣ говорилъ за Ивана Алексѣевича?

— Говорили Иванъ Михайловичъ Милославскій, Иванъ Андреевичъ Хованскій, поддерживалъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ, да еще кто-то...

— Василій Васильевичъ? Нѣтъ... онъ слишкомъ остороженъ, не пойдетъ онъ явно въ мятежники... Иванъ Андреевичъ? глупъ—быть вожакомъ. Иванъ Михайловичъ? Ну, у этого голова изворотливая...

— Бояринъ Иванъ Михайловичъ лежитъ дома больной, вмѣшался Иванъ Кириловичъ, а вчера встрѣтилъ его холопа... спрашивалъ: больной, говорить, трясухой лежитъ... Вотъ ужъ недѣли двѣ нигуда не выѣзжаетъ.

— Болѣзнь можетъ быть и отводная... и не выходя изъ дома можно орудовать... Ты не распорядилась, царица, за нимъ присматривать? Кто у него бываетъ?

— Нѣтъ, Артамонъ Сергѣевичъ, мнѣ этого и въ голу не входило.

— Народъ волнуется..., какъ будто самъ съ собой говорилъ Матвѣевъ. Какой народъ? Давно ли этотъ народъ выбралъ единодушно царемъ Петра Алексѣевича? По какому поводу въ такое короткое время могъ измѣниться? Странно! По улицамъ не видно никакого волненія... ни между пасадыскими, ни торговыми, ни жильцами... не замѣтно волненія въ духовенствѣ и въ думѣ боярской... Гдѣ-жъ волненіе? Слышалъ я, стрѣльцы вромольничаютъ. Чего они хотятъ?

— Они были недовольны своими полковниками, просили о недоданныхъ деньгахъ и челобитную ихъ тотчасъ же уважили, стрѣльцовъ-то я не опасаюсь, отвѣчала Наталья Кирилловна.

— Уважены, говоришь, да какъ? Безъ разбора, безъ розыска, какъ я слышалъ, царица. Такъ такая поноровка только пуще вредить. Говорятъ—по ночамъ въ ихъ свободахъ пьянство да крики. Кто мутитъ? Увѣрена ты, царица, въ Михайлѣ Юрьичѣ?

— Ты знаешь его больше меня, Артамонъ Сергѣичъ. По мнѣ онъ не способенъ на измѣну.

— Правда твоя—онъ честная, открытая душа, не пойдетъ на хитрости. Завтра надо его распросить. Жаль, человѣкъ-то онъ не покладливый... гордъ... держитъ себя далеко отъ стрѣльцовъ. Нонѣ-же, продолжалъ Артамонъ Сергѣичъ, обращаясь къ Ивану Кирилловичу, оповѣсти патриарха, Долгорукаго, Черваскаго и другихъ, кого ты знаешь изъ нашихъ ближнихъ, прибыть завтра къ царицѣ по важному дѣлу на совѣтъ. Завтра мы переговоримъ и рѣшимъ какъ должно дѣлать, а теперь прощай, Наталья Кирилловна, будь покойна. Грозенъ сонъ, да милостивъ Богъ. Можетъ и все пройдетъ благополучно.

— А будетъ велика смута, говорилъ Иванъ Кирил-

ловичъ боярину Матвѣеву, спускаясь по дворцовой лѣстницѣ. Чаю я отъ царевны конечной гибели себѣ и всему нашему роду.

— Да, раздумчиво отвѣтилъ послѣдній, не пройдетъ наша даромъ затѣя. Богъ одинъ знаетъ, что будетъ. Щемить у меня сердце больше, чѣмъ бывало въ ратномъ дѣлѣ. Много будетъ пролито невинной крови... во многомъ отдастъ царевна отчетъ Богу на послѣднемъ судѣ.

Бояре разстались, отправляясь каждый въ свою сторону, подъ вліяніемъ тяжелаго чувства. И во весь тотъ остальной день бояринъ Матвѣевъ, возвратившись домой, былъ самъ не въ себѣ. Грустно останавливались его глаза на юномъ его сынѣ Андрюшѣ, котораго онъ съ такой нѣжной любовью старался образовать и воспитать сообразно съ европейскими условіями. Незнали его хлопоты по устройству заброшеннаго въ его отсутствіи дома и съ удвоенной лаской цѣловалъ онъ сына при прощаніи.

Чувствовалось ему, что это прощаніе на ночь 15 мая будетъ послѣднимъ поцѣлуемъ сыну.

ГЛАВА VII.

На другой день раннимъ утромъ 15 мая съѣхались въ дворецъ къ Натальѣ Кирилловнѣ оповѣщенные Иваномъ Кирилловичемъ всѣ приближенные Нарышкинской партіи. Тутъ были, кромѣ отца царицы Кирилла Полуектовича и брата Ивана Кирилловича, патриархъ Іоакимъ, бояринъ Артамонъ Сергѣичъ Матвѣевъ, князь Михаилъ Юрьичъ Долгорукій, князь Михаилъ Алегуевичъ Черкасскій, бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ и другіе.

Совѣщаніе началось заявленіемъ Артамона Сергѣича о вчерашнемъ предложеніи царевны Софіи.

Предложеніе царевны было отвергнуто всѣми съ негодованіемъ. По общему единодушному мнѣнію уступка престола царемъ Петромъ Алексѣевичемъ была бы на-

рушеніемъ законнаго порядка и что всякая попытка на осуществленіе предложенія силою должна считаться, послѣ торжественнаго избранія и объявленія царемъ Петра, послѣ данной ему отъ всѣхъ чиновъ и обывателей московскихъ присяги, — должна считаться мятежемъ и бунтомъ.

— Но царевна ссылается на волненія и требованія народа, началъ бояринъ Матвѣевъ, не можетъ ни кто указать на какія волненія и требованія намекала царевна, откуда выходятъ эти требованія и какія по этому надо взять мѣры. А я съ своей стороны, продолжалъ бояринъ, не слыхалъ ни о какихъ волненіяхъ кромѣ буйства стрѣльцовъ.

— По свѣдѣніямъ, доставленнымъ мнѣ пятисотеннымъ Сухаревскаго полка Бурмистровымъ, однимъ изъ самыхъ преданныхъ слугъ законнаго царя, отвѣчалъ князь Михайлъ Юрьичъ Долгорукій, особенно отчеканивая слова законнаго царя, стрѣльцы почти всѣхъ полковъ чуть не каждую ночь собираются въ своихъ сѣзжахъ избахъ кругами, пьянствуютъ и болтаютъ разный вздоръ. Какіе то зловредные люди распустили между ними слухъ, будто родственники царицы замыслили всѣхъ ихъ извѣсти, будто царевичъ Иванъ Алексѣевичъ отказался по принужденію отъ престола. Рассказываютъ, будто на дняхъ Иванъ Кириллычъ надѣвалъ на себя царскую корону, что будто-бы видѣла царевна Софія Алексѣевна и царица Марфа Матвѣевна; царевна и царица упрекали его, а онъ въ озлобленіи бросился на Ивана Алексѣевича и чуть не задушилъ его. Вздоръ, о которомъ не стоитъ и говорить и которому можетъ вѣрить развѣ только одна пьяная сволочь.

— А давно ли, князь, начались эти слухи? спросилъ Матвѣевъ.

— Не дѣли съ двѣ.

— И ты, князь, ни разу не доложилъ объ нихъ царицѣ?

— Зачѣмъ мнѣ было тревожить государыню разнымъ вздоромъ, болтовней пьяныхъ.

— Но этими пьяными, князь, управляютъ трезвые головы, они составляютъ силу, способную погубить царя, царицу и всѣхъ насъ.

— И... полно, Артамонъ Сергѣичъ. Не слѣдъ бывшему стрѣльцкому головѣ и начальнику стрѣльцкому грусить пьяной толпы....

— Теперь, когда мы знаемъ, откуда идетъ гроза, надо обсудить какимъ путемъ отворотить ее, продолжалъ Матвѣевъ.

— По моему, отозвался Михаилъ Юрьичъ, съ пьяной толпой справиться трудно, но если мятежники дѣйствительно окажутся силой и покусятся на царскій дворецъ, такъ мы можемъ отразить ихъ тоже силой: у насъ преданный Сухаревскій полкъ, Бутырскій и Стремяной. Съ этими полками мы можемъ запереть всѣ входы въ Кремль и держаться до прибытія подвѣрженныхъ. А между тѣмъ мы сейчасъ же можемъ разослать гонцовъ съ призывомъ по ближайшимъ воеводствамъ ратнаго ополченія. Тогда это ополченіе ударить на мятежниковъ съ тыла и мы одновременно сдѣлаемъ вылазку изъ Кремля. Ручаюсь—не спасется не одна голова.

— Твое мнѣніе хорошо, князь, возразилъ Артамонъ Сергѣичъ, но подумай только: ратное ополченіе собирается медленно, можемъ ли мы съ двумя, много тремя полками, и то вѣроятно не полными, такъ какъ и въ ихъ числѣ найдутся измѣнники, продержаться долго въ Кремлѣ, держа караулы при всѣхъ выходахъ? Поэтому, по моему бы мнѣнію, въ такомъ средству можно прибѣгнуть только въ крайности.. предварительно же надо испытать другія мѣры. Можетъ, удастся избѣжать кровопролитія.

— А какія средства пригодны по твоему, Артамонъ Сергѣичъ, спросилъ бояринъ Салтыковъ.

— Пусть Михаилъ Юрьичъ, черезъ преданныхъ стрѣльцовъ Сухаревского полка, узнаетъ, кто зачинщи-

вами матажа и вѣмъ разносятся нелѣпые слухи. Узнавъ ихъ, мы можемъ призвать ихъ, убѣдить въ нелѣпости наговоровъ и привлечь на свою сторону. Полезно было бы святѣйшему патриарху послать въ стрѣлецкія свободы надежныхъ отцовъ для увѣщанія и вразумленія.

— Поможетъ ли это, бояринъ? замѣтилъ патриархъ. Въ полкахъ стрѣлецкихъ появилось много раскольниковъ послѣ возвращенія изъ астраханскаго похода на Стеньку Разина. Лучшіе стрѣльцы оставлены тамъ въ Астрахани, а сюда прислано много людей буйныхъ и еретиковъ.

— Узнавъ главныхъ вожаковъ, продолжалъ бояринъ Матвѣевъ и перетянуть, если не всѣхъ, то нѣкоторыхъ изъ нихъ, мы разрушимъ единодушіе и во всякомъ случаѣ замедлимъ матажъ, а тѣмъ временемъ соберется ратное ополченіе. А какъ твое мнѣніе, царица?

— По мнѣ, отвѣчала Наталья Кирилловна, нужно все сдѣлать, чтобы только кровь не лилась. Впрочемъ я во всемъ полагаюсь на васъ, бояре.

— Не мѣшало-бы, отозвался князь Долгорукой, запретить отпускъ вина съ отдаточнаго двора для стрѣльцовъ.

— Это бы хорошо, возразилъ бояринъ Салтыковъ, да трудно выполнить. Они могутъ получать вино не прямо съ отдаточнаго двора, а отъ своихъ знакомцевъ, да вѣроятно у нихъ есть и свои запасы.

Наконецъ послѣ долгихъ преній и разсужденій положено было принять оба мнѣнія и боярина Матвѣева и князя Долгорукаго т. е. при неуспѣшности предварительныхъ мѣръ, въ случаѣ крайности дѣйствовать энергически согласно мнѣнія Михаила Юрьича.

Близилось къ полудню. Собраніе предполагало было расходиться, какъ вдругъ послышался набатъ въ ближайшихъ къ Кремлю церквахъ и вслѣдъ затѣмъ отдаленный барабанный бой.

— Какъ? Что-такое? Отчего? спрашивала царица и бояре другъ друга.

— На полдень, государыня, сказалъ князь Черка-

своей, подходя къ окну, видна не то туча, не то пыль и оттуда несется гулъ какой-то.

— Узнай, Артамонъ Сергѣичъ, распорядилась Наталья Кирилловна, и распорядись какъ нужно.

Матвѣевъ вышелъ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ воротился блѣдный и разстроенный.

— Поздно, государыня, сказалъ онъ. На лѣстницѣ встрѣтили меня князь Федоръ Семенычъ Урусовъ, подполковники Горюшкинъ съ Дохтуровымъ и передали мнѣ будто мятежники стрѣльцы еще раннимъ утромъ вышли изъ своихъ слободъ при пушечныхъ снарядахъ, прошли Земляной и Бѣлый городъ, отслужили молебень въ Китай-городѣ у Знаменскаго монастыря и теперь подходят къ Кремлю. Стрѣльцы пьяны... кричать «всѣмъ Нарышкинымъ отомстимъ за смерть царевича Ивана! Имъ кто-то насаказалъ, будто царевича убили... Я велѣлъ запереть всѣ Кремлевскія ворота.

— А я прикажу построиться въ боевой порядокъ очереднымъ караульнымъ стрѣльцамъ при дворцѣ. Михаилъ Юрьичъ вышелъ изъ палаты и приказавъ полсотнѣ Сухаревскаго полка, стоявшей въ тотъ день на караулѣ, быть на готовѣ, самъ воротился къ царицѣ.

Но отданныя приказанія не могли быть исполнены. Громныя толпы пьяныхъ стрѣльцовъ успѣли ворваться въ Кремль и окружить Красное крыльцо. Звуки набата на Ивановской колокольнѣ, бой барабановъ, неистовые крики и проклятія, гулъ и трескъ наводили невольный ужасъ. Царица бросилась къ образамъ и казалась въ отчаяннѣ, губы ея шевелились, но изъ нихъ вылетали только неопредѣленные звуки, молящія, скорбныя звуки, не слагавшіяся въ слова молитвы.

Всѣ присутствующіе, кромѣ царицы, стояли у оконъ.

— Посмотри, Михаилъ Юрьичъ, говорилъ князь Черкасской, съ какой яростью лѣзутъ стрѣльцы на крыльцо. Они ломаютъ рѣшотку.

— Государыня, сказалъ подполковникъ Дохтуровъ,

входя въ палату, бунтовщики думаютъ, будто царевичъ Иванъ Алексѣевичъ убитъ, еслибъ показать имъ царевича...

Въ это время вошелъ Кириллъ Полуектовичъ, держа за руки царя Петра Алексѣевича и царевича Ивана.

— Вотъ, дочь моя, я привелъ къ тебѣ твою силу и защиту.

Всѣ бояре рѣшили немедленно же показать обоихъ братьевъ разъяренной толпѣ и видимо обличить ложь. Съ мужествомъ отчаянія, доведеннаго до крайняго предѣла, царица взяла обоихъ братьевъ и, въ сопровожденіи патріарха и всѣхъ бояръ, вывела ихъ на Красное крыльцо.

Выставленныхъ на показъ царевича и царя вмигъ окружила толпа, перелѣзшая черезъ перила. Шестнадцатилѣтній больной царевичъ дрожалъ отъ испуга, блѣдное лицо еще болѣе помертвѣло, а загнѣвшіеся подслѣповатые глазки непрерывно моргали отъ напиравшихъ слезъ. Иначе дѣйствовалъ испугъ на ребенка Петра. Глаза его смѣло смотрѣли на пьяную, безчисленную, ревущую передъ нимъ толпу и только легкое подергиваніе личныхъ нервъ, явленіе выражавшееся у него и впослѣдствіи всегда при сильныхъ ощущеніяхъ, указывало на коренное нравственное потрясеніе.

— Ты ли это, царевичъ Иванъ, спрашивали старшаго царевича многіе изъ стрѣльцовъ, безцеремонно ощупывая его руками.

— Авъ есмь, отвѣчалъ онъ, живъ и нигѣмъ не обиженъ.

— Какъ же, братцы, стало насъ обманули, царевичъ то здоровъ и не обиженъ, говорили въ передовыхъ рядахъ стрѣльцы и попятились назадъ. Крики смоляли, наступила минута недоумѣнія и нерѣшительности.

Царица увела братьевъ въ палаты, а оставшіеся на крыльцѣ патріархъ и бояринъ Матвѣевъ старались воспользоваться благопріятной минутой и уговорить стрѣльцовъ. Бояринъ напомнилъ имъ время, когда онъ былъ

ихъ головой при покойномъ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, какъ онъ дѣлилъ съ ними одну хлѣбъ-соль, горе и радость, какъ за нихъ всегда стоялъ грудью, любилъ ихъ, какъ дѣтей своихъ.

— Тогда вы вѣрили мнѣ, братцы, вѣрите же и теперь. Злые люди смутили васъ, насаждали неправду, какъ вы и сами убѣдились, съ умысломъ оболстать васъ... отвести отъ крестнаго цѣлованія... Но стрѣльцы никогда не были измѣнниками, они всегда были за правое дѣло... за избраннаго, вѣнчаннаго цара. Успокойтесь же, братцы, и съ миромъ разойдитесь по домамъ. Вы не виноваты... Царица васъ любитъ и прощаетъ. Никто не имѣетъ противъ васъ ничего и никто не желаетъ вамъ никакаго зла.

Рѣчь боярина произвела видимо сильное впечатлѣніе на стрѣльцовъ.

— А что-жъ, ребята, слышалось въ рядахъ, бояринъ-то правду сказалъ, не разоитись ли намъ по домамъ.

Передніе ряды отступали.

Это былъ рѣшительный моментъ и имъ-то бояринъ Матвѣевъ не сумѣлъ воспользоваться. вмѣсто того, чтобъ остаться и лично руководить выходомъ стрѣльцовъ изъ Кремля онъ, обрадованный успѣхомъ, поспѣшилъ уйдти во дворецъ объявить добрыя вѣсти безпокоившейся царицѣ. Его удаленіе дало возможность сторонникамъ царицы дать дѣлу иной оборотъ.

— Не слушайте его, стали кричать въ заднихъ рядахъ. Извѣстно... онъ изъ Нарышкинскихъ. Развѣ царица Марфа Матвѣевна и царица Софья Алексѣевна не видѣли сами, какъ Ивашка Нарышкинскій надѣвалъ корону, надругался надъ царевичемъ и чуть не задушилъ его. Нынче надругался, завтра изведутъ. Потомъ и насъ всѣхъ изведутъ. Смерть Нарышкинцамъ! Рѣжь ихъ! И тысячныя толпы снова бросились на Красное крыльцо.

Вдругъ они остановились. На крыльцѣ стоялъ князь Михаилъ Юрьичъ Долгорукой съ обнаженной саблей.

— Прочь измѣнники, бунтовщики! Перваго кто взойдетъ разрублю! прогремѣлъ звучный голосъ князя.

Отчаянная рѣшимость и твердая воля ошеломила толпу и остановила ее... на минуту. Нѣсколько человѣкъ бросилось на князя. Передовой изъ нихъ скатился съ разрубленной головой, второй тоже упалъ раненный, но третьему удалось ударить князя вопьемъ такъ ловко, что тотъ пошатнулся и упалъ. Тотчасъ-же на него бросилась масса, схватила на руки, раздѣла, подняла на вершину крыльца и оттуда съ силой бросила внизъ на копья стрѣльцовъ. Грузное тѣло князя пронзилось остриями копій и ручьи крови, сбѣжавъ съ древокъ, облила руки.

— Любо-ли? кричали сверху. Любо! Любо! отвѣчали снизу.

Сбросивъ тѣло князя съ копій на землю, толпа разсѣкла его бердышами на куски. Это была первая, но не послѣдняя жертва перваго кроваваго дня. Страсть дикаго, хищнаго животнаго пробудилась въ человѣкѣ отъ запаха крови.

Въ это время другая толпа стрѣльцовъ ворвалась во дворецъ черезъ сѣни Грановитой палаты и обѣжавъ комнаты, увидѣла боярина Матвѣева въ спальнѣ царицы.

— Берите его: онъ изъ тѣхъ! закричалъ видимо руководившій толпой.

— Оставьте его, моего благодѣтеля, втораго отца, берите, что хотите, но не трогайте его! молила царица, не выпуская изъ своихъ рукъ Матвѣева.

— Тащите его, кончайте, какъ велѣно, приказывалъ тотъ же голосъ и стрѣльцы вырвали Матвѣева изъ рукъ царицы и перенесли въ другую комнату.

— Прочь! На выручку Матвѣева бросился князь Черкасской съ обнаженной саблей, но эта помощь одинокаго человѣка была слишкомъ ничтожна. Раненный въ плечо пивой Черкасской упалъ, а Матвѣева вынесли на Красное крыльцо, гдѣ раскодавъ, какъ и князя Долгорукаго, сбро-

слили внизъ на копыя съ тѣмъ же крикомъ «любо-ли» сверху и съ тѣмъ же откликомъ «любо-любо»,—внизу.

Въ это время часть стрѣльцовъ, находившихся на площади, схватила между патриаршимъ дворомъ и чудовымъ монастыремъ боярина князя Григорія Григорьевича Ромадановскаго и «ведуще его за власы браду зѣло ругательно терзаху и по лицу бивше,»—подняли противъ разряда вверхъ на копыя и потомъ сбросивъ, всего изрубили; сына же его Андрея освободили, вспомнивъ его долгій мучительный плѣнъ у татаръ.

— Во дворецъ, во дворецъ! кричали разсвирѣпѣвшие стрѣльцы. Ищите измѣнниковъ Нарышкиныхъ! И дворецъ наполнился толпами по всѣмъ палатамъ. Царица съ сыномъ Петромъ и царевичемъ Иваномъ удалилась въ грановитую палату.

Обѣгая комнаты, мятежники нашли подполковниковъ Горюшкина и Дохтурова и изрубили ихъ бердышами, у которыхъ для болѣе свободнаго дѣйствія окоротили древки еще передъ выходомъ изъ слободъ.

Въ одной изъ палатъ они отыскали стольника Федора Петровича Салтыкова.

— Кто ты? допрашивали его убійцы.

Молодой человѣкъ отъ испуга не могъ отвѣчать.

— Молчать—ну такъ стало измѣнникъ,—и юноша упалъ подъ сѣброй.

— Сынъ мой, сынъ мой! вскричалъ несчастный отецъ, Петръ Михайловичъ Салтыковъ, вбѣгая въ этотъ моментъ въ комнату и бросаясь на оброчавленный трупъ сына.

— Такъ онъ не Афанасій Нарышкинъ? Ну ошиблись, извини... по спѣшности... бояринъ. А самъ-то ты кто? Салтыковъ? записанъ... надо покончить!

И трупъ отца свалился на трупъ сына; отецъ пережилъ сына только нѣсколькими минутами.

Убійцы искали Ивана и Афанасія Нарышкиныхъ. Перебѣгая изъ комнаты въ комнату, одинъ изъ нихъ замѣтилъ спрятавшагося подъ столъ человѣка.

— Вылѣзай, проклятый, а не то приволю къ стѣнѣ!

Выгѣзъ карликъ царицы Натальи Кириловны Ѳомка Хомяковъ.

— Говори, кукла, куда спрятались Иванъ да Афанасій Нарышкины? допрашивали стрѣльцы.

— Гдѣ спрятался Иванъ—не знаю, а Афанасія указать могу: онъ въ церкви Воскресенія на сѣняхъ.

— Туда, братцы! Идемъ!

Отыскали пономаря и заставили его отпереть церковь, гдѣ дѣйствительно укрывался Афанасій Нарышкинъ.

Этотъ юный братъ царицы могъ быть обвиненъ развѣ только въ одномъ преступленіи: быть Нарышкинымъ. Отказавшись отъ боярства и считаясь только комнатнымъ спальникомъ, онъ не вмѣшивался въ государственныя дѣла и дѣятельность свою исключительно посвятилъ благотворительности. Услыхавъ объ участи Матвѣева и Долгорукова, онъ поспѣшилъ къ священнику церкви Воскресенія на сѣняхъ и тамъ, исповѣдывавшись и причастившись, приготовился встрѣтить смерть безропотно. Только настоятельныя просьбы священника заставили его согласиться укрыть себя въ алтарѣ подъ престоломъ. Къ несчастью въ это время приходилъ мимо карликъ Хомяковъ. Онъ замѣтилъ входъ въ церковь священника вмѣстѣ съ Афанасіемъ Нарышкинымъ и выходъ оттуда уже только одного священника.

Не найдя жертвы ни въ церкви, ни въ алтарѣ, стрѣльцы рѣшались было выходить, когда одинъ изъ нихъ, просунувъ подъ престолъ пилу, скользнувшую по кафтану, Нарышкина, приподнял ея покровъ престола.

— А.. вотъ гдѣ онъ—измѣнникъ! И вся толпа, въ одно мгновеніе бросившись къ жертвѣ, вытащила ее изъ подъ престола и положивъ на церковный порогъ, какъ на плаху, отсѣкла голову. Затѣмъ разрубивъ тѣло на части, окровавленными кусками сбросила на площадь.

Принялись отыскивать Ивана Нарышкина, но во дворцѣ его нигдѣ не нашли. Оставивъ дворецъ, мятежники разсыпались по всему городу, разбивая кружало, пьянствуя, грабя впрочемъ только дома однихъ убитыхъ

бояръ и отыскивая тѣхъ, которые скрывались и которые числились *въ спискахъ*. Тогда погибли укрывавшіеся въ домахъ своихъ родственникъ царицы комнатный стольникъ Иванъ Ѳомичъ Нарышкинъ, домъ котораго находился за Московою рѣкою, думный дворянинъ Илларионъ Ивановъ и другіе.

Вечеромъ этого же кроваваго дня бродячія по городу толпы разбили приказы судный и холопій, разломали находившіеся тамъ сундуки и истребили дѣла казальныхъ и разнаго рода записи.

— Всѣмъ слугамъ боярскимъ дана онъ насъ полная воля на всѣ стороны! кричали мятежники.

Предоставляя такимъ образомъ боярскимъ холопамъ полную свободу, стрѣльцы надѣялись на поддержку ихъ противъ бояръ. Но холопы не приняли никакого участія въ мятежѣ и даже во многихъ случаяхъ выказали высокую преданность къ господамъ.

Наконецъ вечеромъ послѣ солнечнаго заката, оставивъ въ кремлѣ у всѣхъ выходовъ значительные караулы, стрѣльцы вернулись въ свои слободы.

Коротки майскія ночи. Одна заря смѣняетъ другую освѣщая мерцающимъ свѣтомъ окровавленные трупы, разбросанные члены и куски человѣческаго мяса. Опустѣли площади. Кто и не спалъ, все таки по глубже упрятался дома. Только не боится юродивый Ѳедюша. И ходитъ онъ по площадямъ, всматриваясь въ тѣла и ворча свою непонятную рѣчь.

Г Л А В А VIII.

Тѣже страшныя сцены безчеловѣчныхъ убійствъ и истязаній и на другой день 16 мая съ ранняго утра. Проходя по главной улицѣ Бѣлаго города мимо дома князя Юрія Алексѣевича Долгорукаго, отца убитаго наванунѣ Михаила Юрьича, толпа стрѣльцовъ ворвалась въ домъ. Восемьдесятилѣтній старикъ, огорченный смертью сына,

лежалъ больной. Дѣйствительно ли изъ состраданія къ горю отца, или притворно, но только стрѣльцы на колѣняхъ просили прощенія у стараго князя, оправдываясь въ убійствѣ ослѣпленіемъ раздраженія.

Старикъ повидимому чистосердечно простилъ убійцъ и приказалъ отпереть для нихъ погребъ съ виномъ. Но въ то время, когда стрѣльцы перепились, одинъ изъ боярскихъ холоповъ передалъ имъ будто старый князь, получивъ извѣстіе о смерти сына, выразился: щуку убили, да зубы остались... придетъ время... перевѣшаютъ бунтовщиковъ по всѣмъ зубцамъ городскихъ стѣнъ. Злодѣи разсвирѣпѣли, бросились въ комнаты и стащивъ старика съ постели за сѣдые волосы на дворъ, убили и бросили на навозную кучу. Потомъ захвативъ въ кухнѣ приготовляемую къ обѣду рыбу, вынули ее на грудь убитаго.

— Вотъ тебѣ щука! Вотъ тебѣ зубы!

Въ этотъ день, какъ и въ предшествующій главныя силы стрѣльцовъ сосредочивались около Кремля. Оставался еще въ живыхъ одинъ изъ главныхъ намѣченныхъ жертвъ—Иванъ Кирилловичъ.

Съ открытія мятежа отецъ царицы Кирилла Полуектовичъ и братъ Иванъ Кирилловичъ въ продолженіи всего дня скрывались въ одной потайной комнатѣ подлѣ спальни царицы, гдѣ и провели тревожную ночь. На другой день изъ опасенія другаго болѣе тщательнаго обыска царскаго дворца, царевна Марья Алексѣевна, старшая изъ царевенъ, предложила царю перевести ихъ въ ея деревянный дворецъ, подлѣ патриаршаго двора, куда трудно было добраться, не зная всѣхъ переходовъ, темныхъ сѣней и лѣстницъ. Нарышкины перешли туда.

Опасенія оправдались. Прибывшіе 16 Мая къ дворцу стрѣльцы проавели болѣе тщательный поискъ, осматривали подробно всѣ комнаты и тайники, перевортывали постели, сундуки, пробуя въ глухихъ мѣстахъ копьями. Однако-жъ и теперь всѣ поиски оказались безплодными.

Напрасно еравчій князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ увѣрялъ ихъ, будто Иванъ Кирилловичъ уѣхалъ изъ

Москвы. Стрѣльцы не вѣрили и, собравшись на красномъ крыльцѣ, вызвали къ себѣ бояръ.

— Передайте царяцѣ, кричали они, что если завтра не будетъ выданъ измѣнникъ Ивашка, то всѣ будутъ изрублены и дворецъ сожженъ.

Послѣ этаго мятежники съ прежними предосторожностями оставили Кремль.

На третій день т. е. 17 Мая снова раздался злобщій набатъ и барабанный бой и снова вся кремлевская площадь наполнилась мятежниками, но только крики ихъ теперь стали грознѣе и требованія настоятельнѣе.

Въ страшной тревогѣ собрались бояре въ палатахъ царицы. Каждый въ тайномъ уголѣ своего сердца желалъ избѣжать личной опасности отъ дальнѣйшаго укрывательства Ивана Кирилловича, но никто не рѣшался выразить открыто своего желанія. Болѣе откровенной выказалась царевна.

— Матушка царица! сказала она, неожиданно входя въ палату. Стрѣльцы требуютъ выдачи Ивана Кириллыча, они грозятся всѣхъ изрубить и сжечь дворецъ.

— Я готовъ! вдругъ послышался въ дверяхъ голосъ Кирилловича.

Странное впечатлѣнiе произвело неожиданное появленiе молодаго человѣка. Недоумѣнiе, сожалѣнiе и вмѣстѣ съ тѣмъ радость можно было прочесть почти на всѣхъ лицахъ бояръ. Царица онѣмѣла отъ гора и отчаянiя. Всѣ молчали. Первая пришла въ себя царевна:

— Ты жертвуешь собой за всѣхъ насъ, дядюшка. Жизнь твоя спасаетъ царство и я завидую тебѣ...

И въ первый разъ еще въ душѣ царевны шевельнулось непривычное чувство, такъ рѣзко противоположное прошлому, мягкое чувство, какъ будто симпатiя хоть къ одному изъ всего ненавистнаго рода Нарышкиннхъ.

— Я желалъ-бы только, сказалъ Иванъ Кирилловичъ, прежде, чѣмъ явиться къ нимъ выслушать послѣднее христіанское напутствіе.

Царевна поспѣшила послать къ стрѣльцамъ оповѣ-

стить, что требуемый ими Нарышкинъ передается имъ послѣ обѣдни въ дворцовой церкви Спаса Нерукотвореннаго.

Въ церковь отправились, кромѣ самаго Нарышкина, царицы Натальи Кирилловны, царевны Софіи и бояръ, множество стрѣльцовъ, сторожившихъ жертву. Послѣ исповѣди началась литургія — послѣдняя литургія для несчастнаго. Теперь только стали совершенно понятными для него, добровольно предававшаго себя, за спасеніе другихъ, божественныя слова Спасителя объ искупленіи. Жадно вслушивался онъ въ эти слова и высокая тайна самоотверженія вливала въ его душу чувство успокоенія. Но и въ эти послѣднія минуты земная жизнь мгновѣніями брала свое: мелькали и неуловимо слѣдовали одно за другимъ представленія пережитаго, и дѣтскіе годы и страстныя увлеченія юности и полное гордой надежды будущее. Въ одинъ часъ сконцентрировалась вся человѣческая жизнь.

Подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ важности послѣдняго часа священнодѣйствіе проникалось особеннымъ благоговѣніемъ: понятно и выразительно выговаривались пресвитеромъ слова Спасителя, гармонически-сладко звучали пѣсни и славословія хора. Съ какимъ глубокимъ значеніемъ повторились теперь въ душѣ несчастнаго слова «да будетъ воля Твоя» и «остави намъ долги наши, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ». И отъ всего сердца простилъ онъ теперь долги своимъ должникамъ, мало того, что простилъ, онъ просилъ, онъ молился за нихъ. Наступило высокое таинство общенія съ Богомъ съ призывомъ: «со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите». Совершилось таинственное общеніе и отразилось оно во всемъ существѣ человѣка. Безпредѣльною любовью освѣтился взоръ, безконечной привѣтливостью очертились уста. Легко на сердцѣ, нѣтъ и слѣда животнаго.

Обѣдня кончилась. Настала послѣдняя и самая тяжелая минута прощанія съ близкими. Царица-сестра казалась потеряла сознаніе. Она какъ смотрѣла на любимца

брата, какъ обвилась руками вокругъ его шеи, такъ и замерла.

Вошелъ бояринъ князь Яковъ Никитичъ Одоевскій.

— Государыня, сказалъ онъ съ необычной торопливостью, стрѣльцы тамъ... внизу торопятъ... раздражены... грозятся всѣхъ изрубить... Но не слыхала царица словъ Одоевскаго, по прежнему смотрѣла она на брата, по прежнему рука ея судорожно обвивала его шею.

— Ну прощай сестра, не мучь себя... сказалъ онъ, съ усиліемъ вырываясь изъ рукъ сестры, мнѣ не страшно... готовъ... помни и молись обо мнѣ...

Какое впечатлѣніе произвела эта раздирающая сцена на душу царевны Софьи? Пробудившаяся симпатія въ душѣ ея достигла даже до реального осуществленія на столько, на сколько способно было это чувство умири- ститься съ ея честолюбивыми стремленіями. Она подошла къ иконостасу, взяла съ наоя икону Божіей матери и отдавая ее царицѣ, сказала:

— Передай этотъ образъ брату, можетъ быть при видѣ его стрѣльцы смягчатся и онъ спасется отъ смерти. Слова эти, сказанныя громко и съ особеннымъ удареніемъ, очевидно предназначались матежникамъ.

Принявъ образъ Иванъ Кирилловичъ спокойно пошелъ къ дверямъ золотой рѣшотки въ сопровожденіи царицы и царевны. Внушительный намекъ царевны не остался безплоднымъ. Молодой человекъ не былъ растерзанъ, какъ его предшественники, но тѣмъ не менѣе участь его еще болѣе отягчилась. Ожидавшіе у золотой рѣшотки стрѣльцы взяли его изъ рукъ сестры и племянницы, вывели изъ Кремля и повели—въ Константиновскій застѣнокъ.

Тамъ за столомъ съ свертками бумагъ сидѣлъ подъячій, одинъ изъ преданныхъ и усердныхъ слугъ царевны.

Начался допросъ—съ *пристрастіемъ*.

— Признавайся, бояринъ, допрашивалъ подъячій, замышлялъ ли извести благовѣрнаго царевича Іоанна Алексѣевича? Не сознаешься?.. Надо пытаться...

Жестокія страданія отъ пытки измучили страдальца, но не привели къ сознанию въ ложномъ обвиненіи.

— Опять не сознаешься въ зломъ умыслѣ? Молчишь?.. Впрочемъ молчаніе можно принять и за сознание. Ну, такъ дальше... Надѣвалъ ли на себя царскую порфиру? Молчать... стало согласенъ, сознался... Соображая же теперь твою государеву измѣну, доказанную собственнымъ сознаниемъ съ силою 2-ой статьи главы II уложенія ты подлежишь смертной казни.

Странный судъ и—достойный его приговоръ, на законность или незаконность котораго никто не обращалъ никакого вниманія.

Стрѣльцы повели осужденнаго къ Красной площади.

Въ это время къ Константиновскому застѣну привели еще новаго преступника, одѣтаго въ лохмотья доктора Стефана Гадена. По рассказамъ прибывшихъ, они поймали его передѣтаго нищимъ въ нѣмецкой слободѣ и хотѣли было тутъ же покончить, да онъ чернокожники запросилъ суда.

— Какой судъ чернокожнику! заревѣли стоявшіе кругомъ стрѣльцы, всѣ мы знаемъ, какъ онъ яблокомъ отравилъ покойнаго государя царя Ѳедора Алексѣевича! На Красную его!

Нарышкина и Гадена повели обоихъ на мѣсто казни.

Красная площадь въ тѣ дни служила главнымъ средоточіемъ злодѣйствъ. На ней по преимуществу совершались казни и на нее же приносили и сваливали тѣла тѣхъ бояръ, которые были убиты въ Кремлѣ.—Дорогу! дорогу боярину, кричали съ хохотомъ стрѣльцы, влоча черезъ Никольскія или Спаскія ворота обезображенные трупы, ѣдетъ бояринъ, вланияйтесь его чести!

Приведя съ ругательствами на площадь Нарышкина и Гадена, стрѣльцы раздѣли ихъ, подняли на вопля и, сбросивъ на землю, разрубили по членамъ. Отсѣченные головы подняли на пики.

Въ эту минуту приближалъ на площадь старикъ отецъ Кириллъ Полуектовичъ. Утомленный предшествующею

безсонною ночью, онъ заснулъ въ скрытомъ тайникѣ царевны Марьи Алексѣевны, куда былъ отведенъ вмѣстѣ съ сыномъ Иваномъ. Этимъ то сномъ и воспользовался сынъ, добровольно отдаваясь въ руки убійцѣ.

Проснувшись, отецъ догадался о поступкѣ сына, бросился искать его и вотъ, прибѣжавъ на площадь, увидѣлъ на копьѣ голову любимца.

Старикъ лишился чувствъ.

— Поднимете-ка и его, братцы, что ему горевать, заговорили было нѣкоторые стрѣльцы.

— Нѣтъ, братцы, отвѣчали другіе, кончатъ его не указаю. И послѣ небольшого совѣщанія старика отправили въ Чудовъ монастырь, гдѣ потомъ архимандритъ Адрианъ постригъ его въ монашество подъ именемъ Кипріяна. Вскорѣ несчастный отецъ перевезенъ былъ на покой въ Кирилловъ монастырь на Бѣло-озеро.

Въ эти дни погибли также бояринъ Иванъ Максимовичъ Языковъ, скрывшійся было въ домѣ священника церкви св. Николая на Хлыповѣ, но преданный холопомъ, Василій Филимоновичъ Нарышкинъ, сынъ доктора Гадена, думный дьякъ Аверкій Кирилловъ — завѣдывавшій приказомъ большого прихода, докторъ Гутменшъ и друг. Всего же въ эти дни погибло шестьдесятъ семь жертвъ, слѣдовательно одиннадцатью жертвами болѣе, чѣмъ значилось въ спискѣ, переданномъ Милославскимъ стрѣleckимъ полковникамъ.

Нарышкинская партія обезсилена; крупные ея представители: Артамонъ Сергѣичъ, опасный по опытности государственной и Иванъ Кириллычъ, опасный по энергій и смѣлости — исчезли, — исчезли также и всѣ влиятельные бояре этой партіи. Съ казнью Ивана Кириллыча задача мятежа выполнена и дальнѣйшее продолженіе не имѣло бы смысла. И дѣйствительно вечеромъ послѣ убійства Ивана Нарышкина стрѣльцы воротились въ свои слободы, не оставивъ въ Кремлѣ значительныхъ сторожевыхъ постовъ. Правда, въ Москвѣ еще не водворилось полное спокойствіе, бродячія шайки все еще ша-

тались по улицамъ, грабя, пьянствуя и распѣвая непристойныя пѣсни, это были—эпизоды кровавой драмы.

Первая главная часть задуманнаго дѣла выполнена: Нарышкинныя вѣтъ, но тѣмъ не менѣе на престолѣ оставалась отрасль Нарышкинныя царь Петръ Алексѣевичъ. Необходимо было если не совершенно отстранить, то по крайней мѣрѣ совмѣстить съ его законнымъ правомъ еще болѣе вѣское право первородства, право царевича Ивана Алексѣевича.

Царица Наталья дрожала, уединившись въ дворецъ, боясь разлуки съ сыномъ, боясь насильственнаго заключенія въ монастырѣ, дрожали и бояре, попрятавшись въ своихъ хоромахъ, заперлись посадскіе и торговые люди, закрывъ свои лавки и торговыя помѣщенія, на улицахъ рѣдко можно было видѣть прохожаго не стрѣльца—развѣ ужъ только выгоняла самая крайняя нужда. Не боялась стрѣльцовъ, не пугалась ихъ буйства одна только царевна Софья. Напротивъ она смѣло распоряжалась и они въ ея рукахъ дѣлались вѣрными, хоть и не всегда послушными орудіями. Среди неистовой, буйной толпы мятежниковъ видѣлъ ее датскій резидентъ Бутелантъ фонъ Розенбушъ и лично самъ слышалъ этотъ резидентъ, какъ князь Иванъ Андреечъ Хованскій спрашивалъ царевну, не изгнать ли Наталью Кирилловну изъ царскаго дворца. Этотъ же резидентъ въ донесеніи своему двору объясняетъ свое спасеніе отъ ярости стрѣльцовъ, принявшихъ его за лекаря Данила, только объявленіемъ его проводниковъ, что онъ посланный и говорилъ съ царевной.

И благодарила же царевна Софья Алексѣевна стрѣльцовъ за вѣрную службу. Не успѣлъ еще кончиться мятежъ, какъ каждый изъ стрѣльцовъ получилъ въ награду по 10 руб., если не болѣе, такъ какъ въ награду имъ истратилась огромная сумма, какая могла только набраться въ то время, и весь стрѣлецкій корпусъ получилъ почетное названіе надворной пѣхоты, въ началь-

ники которой назначенъ любимый ими князь Иванъ Андреичъ Хованскій.

Опираясь на такую силу царевна могла смѣло идти впередъ,—и она пошла. Тотчасъ же послѣ мятежа забѣгала по стрѣльцамъ слободамъ довѣренная ея постельница Родимица съ тайными порученіями и приказаніями: результатъ этихъ посѣщеній не замедлил обнаружиться.

Не прошло недѣли (23 мая) какъ явились во дворецъ выборные отъ стрѣлцаго войска, объявившіе черезъ своего начальника Хованскаго желаніе свое и чиновъ московскаго государства видѣть на престолѣ обоихъ братьевъ. При этомъ въ челобитной своей добавляли «если же кто воспротивится тому, они придутъ опять съ оружіемъ и будетъ мятежъ не малый». Стрѣльцы стали понимать свою рѣшающую силу и стали пользоваться ею сначала по указаніямъ сверху, а потомъ и по собственной волѣ.

Для разсмотрѣнія требованія стрѣльцовъ собралась государственная Дума, которая не смѣя противорѣчить, опредѣляла собрать для рѣшенія вопроса соборъ, пригласивъ къ участию выборныхъ изъ всѣхъ сословій. Собравшійся соборъ, принявъ въ руководство примѣры раздѣленія власти между двумя лицами изъ византійской исторіи, рѣшилъ совмѣстное царствованіе обоихъ братьевъ, а патриархъ съ духовенствомъ, отслуживъ торжественное въ Успенскомъ соборѣ благодарственное молебствіе, благословилъ на царство обоихъ братьевъ Ивана Алексѣевича и Петра Алексѣевича.

Новое измѣненіе составляло очевидно только переходный шагъ, такъ какъ оно по слабости и болѣзненности Ивана Алексѣевича не измѣняло сущности дѣла. И вотъ не далѣе, какъ черезъ день (25 мая) снова въ Кремлѣ явились выборные изъ стрѣльцовъ по одному отъ каждаго полка «для устроенія порядка въ государствѣ». Этотъ порядокъ заключался въ назначеніи первымъ царемъ Ивана Алексѣевича, а вторымъ уже—Петра

Алексѣевича. Послушный волѣ стрѣльцовъ новый соборъ 26 мая утвердилъ этотъ порядокъ и цари снова приняли поздравленіе отъ всѣхъ чиновъ, не смотря на пассивный протестъ со стороны Ивана Алексѣевича.

Заручившись въ этихъ опредѣленіяхъ твердой почвой, царевна Софья Алексѣевна рѣшительнѣе двинулась далѣе 29 мая стрѣльцы объявили государевой думѣ новую свою волю, чтобъ правительство по болѣзненному состоянію старшаго царя и малолѣтству втораго было вручено ихъ сестрѣ Софьѣ Алексѣевнѣ. Исполняя эту волю цари и царевны, патріархъ и бояре обратились къ царевнѣ Софьѣ съ моленіемъ о принятіи на себя правленія царствомъ. Долго отказывалась царевна, долго не соглашалась на *общее* желаніе и только послѣ продолжительныхъ общихъ настойчивыхъ просьбъ согласилась наконецъ взять себѣ управление государственными дѣлами. «Для совершеннаго уже утвержденія и постоянной крѣпости» новая правительница повелѣла во всѣхъ указахъ имя свое писать съ именами государей, ограничиваясь титуломъ великой государыни, благовѣрной царевны и великой княжны Софьи Алексѣевны.

ГЛАВА IX.

Въ богато убранной шолкомъ, парчей и золотомъ рабочей палатѣ царскаго дворца правительницы царевны Софьи Алексѣевны докладывали два боярина Иванъ Михайловичъ Милославскій и князь Иванъ Андреевичъ Хованскій.

Новый начальникъ стрѣльцовъ, Иванъ Андреевичъ, могъ по справедливости назваться типомъ боярской са новитости того времени. Далекое еще нестарый (ему было подѣ пятьдесятъ), онъ обладалъ хорошимъ физическимъ развитіемъ, а густые съ просѣдью волосы, длинная, овладистая, полусѣдая борода, густыя, темныя, полухмуренныя брови, блестящіе черные глаза, правиль-

ный орлиный носъ, суровое и важное выраженіе всей фигуры замѣтно выдѣляли его въ средѣ опухлыхъ и расплывшихся отъ жира бояръ. Это былъ цѣльный представитель старой жизни съ ея замкнутостью, фанатизмомъ и безпредѣльнымъ тщеславіемъ. Не обладая обширнымъ умомъ, остававшійся до стрѣлецкаго мятежа постоянно въ тѣни и обязанный настоящимъ высокимъ положеніемъ дружбъ съ Милославскимъ и преданности интересамъ царевны, онъ съ замѣчательною наивностью тотчасъ же нашолъ себя не только въ уровнѣ съ передовыми государственными людьми, но даже выше ихъ, нашолъ себя вдругъ и достойнымъ и способнымъ стать въ главѣ государственнаго движенія изъ того только, что сталъ въ головѣ всерѣшающей грубой силы. Впрочемъ такіе типы еще не рѣдкость и въ наше время, но только въ скорлупѣ болѣе элегантнои.

— Не скупись, государыня, говорилъ онъ царевнѣ, стрѣльцы служили тебѣ вѣрой и правдой... отблагодари и ты ихъ по царски. Они тебѣ пригодятся и впредь...

Легкимъ движеніемъ сдвинулась морщина на лбу правительницы... непріятное впечатлѣніе произвело на нее это напоминаніе, какъ напоминаніе стараго долга, долга еще неоплоченнаго и съ которымъ сливается напоминаніе и нечистаго дѣла, породившаго заемъ.

— Я готова награждать по царски за заслуги, оказанныя государству, но я замѣчаю, князь, и въ медленномъ тонѣ царевны слышалось особенное удареніе, что ты пришиваешь къ государственнымъ дѣламъ какіе то личные счета, которыхъ не было и не могло быть. Стрѣльцы были недовольны неслыханными притѣсненіями и корыстіемъ своихъ начальныхъ людей, какъ были недовольны посадскіе взятками почти во всѣхъ приказахъ... стрѣльцы видѣли какъ ихъ начальныхъ людей поддерживаютъ и покрываютъ временщики Нарышкины, злобились на нихъ и опасались какъ бы эти временщики, повывскаившіе въ бояре чуть-ли не съ пеленокъ, не укрѣпились еще больше за своимъ родичемъ—ребенкомъ и не

извели бы сначала царевича Ивана, а потомъ и ихъ самихъ. Но лично мнѣ ихъ мятежъ принесъ не желанную тягость. Вида общее нестроеніе, шатость и повсюду зло, а противъ воли своей согласилась на общія моленія править государствомъ по моему разуму и по совѣту,—прибавила она съ ласковой улыбкой,—опытныхъ и преданныхъ мнѣ слугъ... твоихъ напримѣръ, вотъ боярина Ивана Михайловича... Василія Васильича...

Во все продолженіе внушительной рѣчи Иванъ Михайловичъ, казалось, весь погруженъ былъ сосредоточеннымъ разсматриваніемъ узорчато-отчеканенной большой серебряной чернильницы въ видѣ глобуса на столѣ правительницы.

— Но, царица, развѣ освободить народъ отъ притѣснителей—не заслуга, развѣ не должна быть награждена? Развѣ не должны мы все сдѣлать, чтобъ успокоить волненіе и шатость умовъ? сказалъ князь Хованскій, насупившая еще болѣе густыя брови.

— Бояринъ, сказала правительница, обращаясь къ Милославскому, укажи намъ какіе награды даны стрѣльцамъ.

— Первая награда, государыня, именоваться впредь вмѣсто стрѣльцовъ — надворной пѣхотой, вторая — выстроить каменный столбъ на Красной площади у лобнаго мѣста, съ прописаніемъ преступленій извѣстныхъ. Потомъ жалованною грамотою 6 іюня повелѣно: дѣянія стрѣльцовъ впредь называть побіеніемъ за домъ Пресвятой Богородицы, воспрещено попрекать ихъ измѣнниками и бунтовщиками. Затѣмъ отъ твоего добраго сердца, царица, пожалованы имъ многія льготы, увеличено жалованье, служба въ городахъ опредѣлена только въ одинъ годъ, строго воспрещено начальнымъ людямъ назначать стрѣльцовъ на свои работы и наказывать тѣлесно безъ царскаго указа, прощены разныя недоимки, предоставлено право судиться съ кѣмъ бы то ни было въ своемъ стрѣльцкомъ приказѣ, куда они могутъ приводить всякаго, кто объявится въ какомъ-либо *воровствѣ*, указано,

чтобъ во всѣхъ приказахъ дѣла ихъ вершились безъ волокиты. А для временной награды деньгами ты, царевна, приказала стольнику князю Львову ѣхать въ монастыри на Двинѣ за монастырской казной, да указала еще выслать таможенныхъ и кабацкихъ головъ съ деньгами въ Москву.

— Что-жь, князь, развѣ этихъ наградъ отъ меня мало? Чего-жь ты хочешь еще.

— Стрѣльцы просятъ, царевна, дозволенія о своихъ нуждахъ прямо просить тебя чрезъ своихъ выборныхъ.

— Я согласна... но безъ особаго указа. Все или еще что есть?

— Стрѣльцы просятъ даровать имъ самимъ своимъ судомъ взымать съ своихъ начальныхъ людей всѣ несправедливо удержанныя у нихъ деньги и вычеты ихъ жалованья.

— Объ этомъ, князь, по настоящему-то не должно бы быть и рѣчи. Всѣ долги свои стрѣльцы выдолтили ужъ съ полковниковъ прѣвеземъ, а позволять это и на будущее, значить потакать своеволюмъ и буйствамъ... Впрочемъ я подумаю... посоветуюсь... Все?

— Да вотъ еще, царевна, и на этомъ стрѣльцы особенно стоятъ. Большая часть стрѣльцовъ держится старой, истинной вѣры... Они желаютъ просить тебя, царевна, дозволить имъ словопреніе съ патриархомъ о вѣрѣ на площади. Таеъ какъ они надѣются уличить обманъ новыхъ толкованій... то отмѣнить неподобныя мѣры, установленныя покойнымъ государемъ царемъ Федоромъ Алексѣевичемъ.

— А сколько, полагаешь, князь, раскольниковъ въ стрѣльцкихъ полкахъ?

— До подлинности сказать не умѣю, государыня, а только бодшая часть ихъ держится старой вѣры. Вотъ на дняхъ весь Титовъ полкъ положилъ единодушно выскать старую вѣру...

— А какъ ты самъ думаешь объ этомъ, князь?

— По моему разуму, государыня, нужно уважить

жалобу стрѣльцевъ. Въ словопреніи обнаружится которая сторона права, которая вѣра настоящая, истинная... тогда уничтожится всякое разномысліе.

Дѣло принимало серьезный оборотъ. Просвѣщенный умъ царевны вполнѣ понималъ всю нелѣпость фанатическаго ослѣпленія раскольниковъ. По ея же мнѣнію были созжены всенародно главные ересіархи Аввакумъ и Лазарь, по ея же мнѣнію установлены были жестокія мѣры созженія въ срубѣхъ противъ закоренѣлыхъ раскольниковъ, а теперь приходилось или стать самой противъ той же силы, которая подвела ее къ престолу, или стать на сторонѣ ихъ, въ ряды грубаго безмысленнаго фанатизма, видѣвшаго въ старомъ свой завѣтный идеалъ и съ отвращеніемъ оттапливавшаго всякое просвѣщенное стремленіе. Вопросъ, поставленный княземъ, не допускалъ никакого примиренія, никакихъ полумѣръ и выжиданій. Она сама испытала къ чему можетъ привести, когда управляющая сила въ рукахъ однихъ животныхъ инстинктовъ.

— Я подумаю, князь, о твоёмъ предложеніи, отвѣтила Софья Алексѣевна, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія. Ты знаешь, какъ я цѣню своихъ вѣрныхъ стрѣльцовъ... я желала-бъ оказать имъ милость, но въ этомъ дѣлѣ нужна осторожность... нельзя возстановить...

— Пока за тебя, государыня, стрѣльцы, тебѣ бояться нечего и некого. Подумай. Вотъ недѣли черезъ двѣ будутъ вѣнчать на царство обоихъ государей... стрѣльцы бояться какъ бы вѣнчаніе не было по нѣоновскому чину. Нельзя ли, государыня, словопреніе назначить до этого времени. Опасно раздражать стрѣльцовъ.

— Я не боялась и не боюсь стрѣльцовъ, князь, и теперь, когда у нихъ любимый начальникъ, мой самый вѣрный и преданный слуга и другъ...

Въ голосѣ царевны слышались мягкость и добродушіе въ глазахъ выражалось столько дружеской привѣтливости... опутала эта ласка суроваго князя и вѣрилъ онъ

ей, какъ, всегда охотно вѣрится въ счастливую будущность.

— Теперь прощай, князь, будь увѣренъ въ моемъ неизмѣнномъ расположеніи. Успокой стрѣльцовъ. Да, чуть было не забыла спросить тебя: какіе поля ты полагаешь назначить на службу по городамъ? Не Титовъ-ли?

— Объ этомъ не заботься, государыня, это мое дѣло и я распоряджусь самъ, когда мнѣ что будетъ нужно, отвѣчалъ князь, низко откланиваясь царевнѣ и гордо оглядѣвъ Милославскаго.

Собралися уходить и Иванъ Михайловичъ; но царевна удержала его. Хаванскій вышелъ, бросивъ искоса суровый взглядъ на оставшагося боярина.

— Ну, что скажешь? спросила царевна, обращаясь съ дружеской короткостью къ родственнику. Вѣдь по твоему совѣту я назначила стрѣльцамъ начальникомъ Ивана Андренча.

— Вижу самъ, государыня. Ошибся. Я зналъ его, какъ человѣка недалежнаго и тебѣ преданнаго, стало самымъ подходящимъ. Не чаялъ я за нимъ такой гордости.

— Извѣстно, чѣмъ глушѣй человѣкъ, тѣмъ больше думаетъ о себѣ, тѣмъ больше въ себѣ увѣренъ. Да не въ этомъ теперь дѣло... каяться поздно. Скажи—что дѣлать?

— Зачѣмъ тебѣ, царевна, мой глупый совѣтъ, есть совѣтники у тебя по опытный да по умный, въ нимъ оборотись.

— На какихъ совѣтникахъ намекаешь, Иванъ Михайловичъ?

— Да вотъ хоть-бы князь Василій Василчъ. Не успѣла и осмотрѣться, какъ пожаловала его въ ближніе, да въ оберегатели большой государевой и малой печати. Онъ человѣкъ умный... совѣтный. А ми что? Намъ можно только лобъ подставлять, а потомъ и въ сторону...

— Грѣшно тебѣ, Иванъ Михайловичъ. Не изъ одного ли мы рода? не одни ли у насъ интересы?

— Куда ужъ мнѣ царевна, я и явился-то къ тебѣ только попроцаться.

— Какъ? ты оставляешь меня на первыхъ же порахъ? ты уѣзжаешь? куда? на долголь-ль?

— Вотчины свои осмотришь, царевна. Давно въ нихъ не бывалъ, а главное изъ Москвы нужно скорѣй выбраться.

— Отчего?

— Развѣ сама не видишь какимъ звѣремъ смотреть на меня князь Иванъ Андреичъ, а онъ теперь человѣкъ властный. Прикажетъ какому ни есть стрѣльцу... изведуть ни за что, ни про что.

— Не осмѣлится.

— Онъ-то? Плохо же ты его знаешь, государыня. Если ты хочешь правды, такъ я тебѣ скажу, что настоящій-то государь онъ, а не ты.

Софья Алексѣевна задумалась.

— Вотъ, государыня, ты не соизволила стрѣльцамъ самовольно расправляться съ своими начальными людьми, а онъ безъ твоего разрѣшенія позволялъ да и теперь запрета не наложить.

— Я властна его смѣнить... казнить...

— Властна? Нѣтъ, Софья Алексѣевна, власть-то у него, а не у тебя. Его стрѣльцы любятъ, роднымъ отцомъ величаютъ, за него головы готовы положить, а стрѣльцы вонъ, сама знаешь, сила... ничего не подѣлаешь въ явь.

— Я найду средства...

— Ну это другое дѣло, если успѣешь вызвать его изъ Москвы, а здѣсь нельзя... стрѣльцы берегутъ.

— Я подумаю и... хотѣла что то добавить царевна и остановилась.

— Подумай, государыня, а меня теперь уволь.

— Ну какъ хочешь, Иванъ Михайловичъ. Прощай. Въ какую вотчину ѣдешь?

— И самъ еще не знаю, государыня. Встрѣтится во мнѣ надобность, такъ потрудишься повѣстить на домъ, тамъ ужъ знаютъ, гдѣ меня найти.

Царевна протянула ему руку,—Иванъ Михайловичъ горячо подаловалъ ее.

ГЛАВА X.

Насмѣшливой улыбкой проводила уходившаго боярина царевна. «Всѣ они таковы, думала она, всѣ они готовы ѣсть другъ друга, унижать, губить, всѣми средствами очищать себѣ дорогу впередъ. А къ чему приводить эта дорога-то? Вотъ и мое желаніе исполнилось, а счастлива ли я? Я думала какое будетъ счастье, когда унижу, уничтожу женщину, которая ввела въ нашу семью раздоръ, которая отвратила отъ родныхъ дѣтей сердце отца и государя. Я достигла цѣли. Эта женщина сброшена, таятся, никто въ ней не ищетъ, ближніе ее уничтожены. А счастлива ли я? Нѣтъ... я дошла до высоты, до которой не доходила еще ни одна женщина въ Московскомъ государствѣ... мнѣ повинуются миллионы людей, мое слово можетъ осчастливить, обогатить и уничтожить тысячи людей, моего взгляда ловятъ, въ моей волѣ—воля земнаго бога, управляющаго царствомъ. Все это я знаю... чего же мнѣ еще и куда мнѣ идти? Я поведу мой народъ къ свѣту. Всѣ силы мои будутъ посвящены этому полудивному, но вѣрному народу, я открою ему лучшую будущность, сведу его съ другими народами, покажу ему что значить просвѣщеніе, наука, искусства, имя мое будутъ благословлять въ потомствѣ, я буду идти къ своей цѣли твердо, и горе тѣмъ, кто станеть мнѣ на дорогѣ. Ужъ конечно я не побоюсь женщины безъ воли и силы или ребенка—товарища уличныхъ мальчишекъ. Я не остановлюсь ни передъ чѣмъ. Я теперь—судьба народа и останусь ею. А между тѣмъ,—и мысль ея снова перебѣжала къ себѣ,—счастлива ли я? Нѣтъ... При счастьи я жила-бы полною жизнью ума и сердца, не было бы тоски, не чувствовала бы себя одинокой... А развѣ я не люблю и развѣ меня не любятъ?... Да, любить... я счастлива его любовью... Только любовь ли это? не просто ли увлеченіе.

И какъ будто отвѣтомъ на этотъ вопросъ вошолъ

безъ доклада князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Князю было лѣтъ сорокъ, но по наружности казался молодецъ. Средняго роста, стройный, съ правильными, не рѣзкими чертами лица, съ нѣжною бѣлизною, съ обычной привѣтливою улыбкой, съ умнымъ взглядомъ почти всегда полуопущенныхъ глазъ, онъ могъ назваться еще красивымъ и привлечь вниманіе женщины.

— Не помѣшалъ тебѣ, царевна? ровнымъ голосомъ сказалъ князь, входя безъ торопливости и волненія.

— Ахъ, Васенька, Васенька! Можешь ли ты когда нибудь помѣшать мнѣ... и Софья Алексѣевна съ необычной порывистостью поднялась къ нему. Руки ея вѣрно обвили около шеи князя и губы горячо прильнули къ его губамъ.

— Я ждала тебя, Васенька, и задумалась. Отчего запоздалъ?

— Надо было повидаться съ патриархомъ, условиться съ нимъ, а потомъ распорядиться, моя дорогая, на счетъ церемоніи вѣнчанія обоихъ царей 25 іюня.

— Ты не ввелъ никакихъ переимѣнъ противъ прежнихъ?

— Никакихъ. Я прочту тебѣ весь порядокъ: по утру всѣ бояре соберутся, съ окольными и думными дворянами у государей въ грановитой палатѣ, а въ сѣняхъ передъ палатою будутъ находиться столы, стряпчіе, дворяне, дѣвки и гости—въ золотомъ платьѣ. Государь прикажетъ мнѣ, князю Голицыну, какъ оберегатели большой и малой государевой печати, принести съ казеннаго двора животворящій крестъ и святыхъ бармы Мономаха для царевича Іоанна и другія точно такія же, сдѣланныя нарочно для царевича Петра. По принесеніи всѣ эти царскія утвари бояре отнесутъ на золотыхъ блюдахъ подъ пеленами, унизанными драгоценными камнями въ Успенскій соборъ и передадутъ патриарху. Въ соборѣ же устроено будетъ противъ алтара у заднихъ столповъ высокое чертожное мѣсто съ двѣнадцатью ступенями, укрытое краснымъ сукномъ. На чертожномъ

мѣстѣ поставлено будетъ двое кресель, обитыхъ бархатомъ и украшенныхъ камнями, а налѣво кресло для патріарха. Отъ чертожнаго мѣста до алтаря съ обѣихъ сторонъ устроены будутъ двѣ скамьи, покрытыя золотыми персидскими коврами для митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ. Когда бояре передадутъ царскія утвари патріарху, онъ положитъ ихъ на шести налояхъ, поставленныхъ на амвонѣ и пошлетъ меня съ боярами звать царей въ соборъ. Государи изволятъ идти въ храмъ съ краснаго крыльца. Впереди государей пойдутъ околичничи, думные дѣяи, стольники, страпчіе, дворяне и протопопъ съ крестомъ въ рукѣ, окропляющій путь ихъ святою водою, позади же государей будутъ слѣдовать бояре, думные дворяне, дѣти боярскіе и всякихъ чиновъ люди, а по сторонамъ поодаль солдатскіе и стрѣльцкіе полковники. Затѣмъ по правую и по лѣвую руку отъ краснаго крыльца будутъ стоять ряды стрѣльцовъ.

— Напрасно меня не вписалъ въ церемоніи, Васенька, перервала царевна чтеніе. Надо же народу привѣчать видѣть меня.

— Привыкнуть, государыня, потомъ, а теперь не слѣдъ нарушать установленный чинъ.

— По пришествіи во храмъ, продолжалъ чтеніе оберегатель, государей встрѣтитъ пѣніе многолѣтія, послѣ чего государи приложатся къ иконамъ, Спасовой ризѣ, мощамъ, и патріархъ благословитъ ихъ. Послѣ благословенія, государи и патріархъ садутъ на мѣста свои и спустя нѣсколько времени, вставъ съ патріархомъ, объявятъ ему, что желаютъ быть вѣнчаны на царство по примѣру предковъ и по преданію святой восточной церкви. Тогда патріархъ спроситъ ихъ: какъ вѣруете и исповѣдуете Отца и Сына и Св. Духа, а государи скажутъ символъ вѣры. Послѣ же сего патріархъ благословитъ царей двумя животворящими крестами и, принявъ съ налоевъ царскую утварь, передастъ ее государямъ, посадивъ ихъ на царскомъ мѣстѣ при пѣніи многолѣтія и затѣмъ общій соборъ, а за нимъ бояре и всѣ нахо-

дѣиися въ храмѣ принесутъ свои поздравленія, чѣмъ и окончится первая часть церемоніи. Начнется литургія, въ продолженіи которой государи будутъ стоять на древнемъ царскомъ мѣстѣ въ правой сторонѣ собора, отъ котораго мѣста до царскихъ вратъ посланъ будетъ алій бархатный коверъ, шитый золотомъ. По этому пути государи приблизятся къ царскимъ вратамъ, а патриархъ выйдетъ изъ алтаря съ митрополитомъ, который будетъ имѣть золотое блюдо съ святымъ мѣромъ въ хрустальномъ сосудѣ. Государи, приложась къ Спасову образу, письма греческаго царя Еммануила, къ иконѣ Владимірской Божіей матери, письма св. евангелиста Луки и къ иконѣ Успенія Богородицы, остановятся передъ царскими вратами, снимутъ вѣнцы и отдадутъ какъ ихъ, такъ скипетры и державы боярамъ. Совершивъ мѣропомазаніе, патриархъ велитъ двумъ ризничимъ и двумъ діаконамъ ввести государей въ алтарь чрезъ царскіе врата, гдѣ подастъ имъ съ дискоса часть животворящаго тѣла и потиръ съ кровію Христовой. Причастившись Св. Тѣмъ цари выйдутъ изъ алтаря и получивъ отъ патриарха часть ангидора, надѣнутъ вѣнцы, возьмутъ скипетры и станутъ на свои прежнія мѣста. По совершеніи литургіи, государей поздравятъ съ помазаніемъ мѣромъ и съ принятіемъ Св. Тѣмъ, а они пригласятъ патриарха, весь соборъ, бояръ, окольныхчихъ и думныхъ дворянъ къ своему государеву столу. При выходѣ царей изъ собора въ вѣнцахъ и бармахъ сибирскіе царевичи (Григорій и Василій Алексѣевичи) осипать ихъ золотыми монетами. Изъ Успенскаго собора цари по устланному красному сукну въ церковь Михаила Архангела приложатся къ мощамъ св. Дмитрія царевича, къ гробницамъ своихъ родителей и къ прочимъ царскаго рода, а изъ церкви Михаила Архангела пройдутъ въ церковь Благовѣщенія Пресв. Богородицы приложатся и тамъ къ св. иконамъ и уже по выходѣ изъ церкви Благовѣщенія возвратятся чрезъ постельное крыльцо въ царскія палаты. Какъ при выходѣ изъ Архангельской церкви,

такъ и изъ Благовѣщенской тѣ же сибирскіе царевичи будутъ осипать государей золотомъ. Вотъ, царевна, весь обрядъ церемоніи вѣнчанія, закончилъ Василій Васильичъ. Какъ ты прикажешь на счетъ обѣденнаго стола? По моему бы быть тремъ столамъ: за особнымъ столомъ сидѣть государямъ и патриарху, за другимъ столомъ по лѣвую руку митрополитамъ, архиепископамъ, епископамъ и всѣмъ священнослужителямъ, бывшимъ при вѣнчаніи, а за третьимъ *кривымъ* столомъ, по правую руку, сидѣть боярамъ, окольныхничимъ и думнымъ дворянамъ. Какъ же прикажешь, государыня, разсаживать бояръ?

— Быть всѣмъ безъ мѣстъ, Василій Васильичъ.

— И я то же думалъ, только ты все таки уважи вому бытъ на первыхъ мѣстахъ.

— На первомъ, конечно, тебѣ, Василій, на второмъ пусть сядетъ Иванъ Махайловичъ, а на третьемъ князь Иванъ Андренчъ. Да встать, Васенька, передъ тобою были Иванъ Михайлычъ да Иванъ Андренчъ. Иванъ Михайлычъ собирается уѣхать въ вотчины...

— Что такъ? Осерчалъ за посольскій приказъ да за оберегателя государевыхъ печатей? На то была не моя воля...

Софья Алексѣевна улыбнулась.

— Не опасайся, Вася, онъ сердится не на тебя, а на князя Ивана Андренча.

— Объ князѣ-то и я хотѣлъ доложить тебѣ. Превозносится ужъ выше мѣры. Вчера послѣ совѣта напомнилъ я ему твое приказаніе на счетъ послышки стрѣльцкихъ полковъ въ Казань на обереженіе тамошнихъ окраинъ, такъ онъ прямо отказалъ, да въ спорѣ-то и говоритъ мнѣ, что онъ то и есть глава всему, что нечего ему вого слушать, что имъ только и держится Московское государство и что де безъ него въ Москвѣ и теперь бы ходили по волѣни въ врови.

— Иванъ Михайлычъ ужъ докладывать мнѣ. Надо бы, Вася, отъ него избавиться.

— Опасно, царевна. Около дома караулы стрѣльцѣе берегутъ. Спускаетъ онъ имъ всякія безчинства. Вотъ хоть бы на счетъ самовольныхъ высканій. какому ни наестъ стрѣльцу вздумается объявить на кого долгъ, такъ безъ всякаго розыска тотчасъ того и тащатъ на правешъ. Навели такой страхъ по городу, что всякій боится за себя да за добро свое.

— Надо же, Вася, положить конецъ своеволю. Придумаемъ средство...

— По моему мнѣнію, царевна, Ивана Андренча нужно захватить не въ Москвѣ, а гдѣ нибудь за городомъ, да прежде тихомолкомъ обезопасить себя ратнымъ ополченіемъ земскихъ людей на случай еслибъ стрѣльцы вздумали выручать его силой.

— Хорошо, князь, спасибо, я придумаю какъ сдѣлать.

— Объ чемъ же тебѣ, царевна, докладывалъ князь Иванъ Андренчъ?

— Передалъ челобитную стрѣльцовъ о назначеніи всенароднаго словопренія съ патриархомъ по вѣрѣ, просилъ назначить этотъ день въ скорости. Я хотѣла посовѣтоваться съ тобой и ничего ему не сказала.

— Видишь что, дорогая моя царевна. Я слышалъ отъ вѣрныхъ людей, будто князь самъ раскольникъ и хочетъ ввести снова прежнія заблужденія. Онъ-то самъ и мутитъ стрѣльцовъ. А съ какой цѣлью — доподлинно не знаю. Говорятъ, будто въ этой смутѣ онъ замыслилъ сначала покончить патриарха, а потомъ будто и все царское семейство, кромѣ царевны Екатерины Алексѣевны, на которой задумалъ женить сына Андрея, а самому управлять государствомъ. Не съ этой ли цѣлью онъ и торопитъ словопреніемъ до царскаго вѣнчанія? Не отказать-ли, государыня, вовсе въ челобитной стрѣльцовъ?

— Нѣтъ, если я прямо откажу, такъ они повторятъ прежнія смуты... лучше назначу словопреніе послѣ вѣнчанія, а тѣмъ временемъ придумаемъ, какъ обезопасить себя отъ стрѣльцовъ на будущее.

— Дѣло не очень мудреное, дорогая, еслибъ удалось только отстранить князя. Тогда бы всё ненадежные полки разослать по дальнимъ городамъ и туда же бы перевести людей безповойныхъ изъ другихъ полковъ. Въ начальники назначить людей сподручныхъ, а главное вѣрнаго человѣка выбрать въ начальники всего стрѣльцкаго приказа.

— Вѣрнаго человѣка... задумчиво повторила царевна, а гдѣ найдешь такого вѣрнаго человѣка? На кого можно положиться-то?

— Знаю я такого человѣка, государыня моя, преданнаго тебѣ и не глупаго: Федоръ Леонтьевичъ Шаловитый...

— Душнаго дѣла?

— Его самаго, царевна.

— Молодъ... и рода невиднаго.

— Что молодъ-то, государыня, не порокъ. Вѣдь управиться съ стрѣльцами — не старикъ нуженъ, а молодой съ свѣжими силами и смѣлый. А что не знатнаго рода — такъ это обезопасить отъ брамолы. Не стать изъ незнатнаго рода лѣзть въ головы. Напротивъ, какъ обязанный всѣмъ тебѣ, онъ будетъ стоять за тебя вѣрно. Да посмотри-ка и на бояръ-то нашихъ... вѣшто люди? Спѣсь, чванство, да дуровство одно...

— Правда твоя, Вася. Да онъ мнѣ и самой нравится. Замѣтила его: онъ такой рѣшительный, а мнѣ такіе люди нужны... При этомъ неожиданно вырвавшимся выраженіемъ, царевна въ первый разъ еще сдѣлала сравненіе и это сравненіе не было въ пользу князя Василья Васильича. Его осторожный, обдумчивый, порою нерѣшительный складъ характера не рождался ея рѣшительному и смѣлому взгляду. Судьба соединила ихъ, но не сроднила.

Замѣтилъ ли мимолѣтнюю мысль царевны или нѣтъ на лицѣ дипломата-князя прочитавъ было нельзя. Въ душѣ своей онъ и самъ сознавалъ рознь между ними, не разъ пугали его смѣлые замыслы царевны, подчасъ

готовъ былъ бы онъ и отстраниться отъ нея да куда идти? Гдѣ дорога? Вездѣ непроходимая глушь да лѣсъ... вездѣ полное бездорожье, а самому прокладывать дорогу не подъ силу было способному, умному, но далеко не энергичному боярину.

— Прощай, царевна, сказалъ Василій Васильичъ, послѣ непродолжительнаго молчанія.

— Какъ? ужъ уходишь! какъ будто очнулась царевна. Куда торопишься?

— Да надо разослать гонцовъ съ извѣстительными грамотами о восшествіи на престолъ царей Ивана и Петра къ иностраннымъ государствамъ.

— Куда посылаешь? Кого?

— Въ Варшаву къ королю польскому посылаю подъячаго посольскаго приказа Нинифора Венюкова, къ королю шведскому въ Стокгольмъ подъячаго Никиту Алексѣева. Венюковъ же потомъ проѣдитъ въ Вѣну, а Алексѣевъ въ Копенгагенъ. Въ Гагу и Лондонъ отправляется гонецъ Дмитрій Симановскій, а къ султану турецкому въ Константинополь Михайло Тарасовъ. Всѣмъ имъ надо дать словесные наказы по разнымъ вопросамъ.

— А вечеромъ придешь, Вася?

— Приду, царевна.

— Ну прощай! Царевна горячо поцѣловала оберегателя.

— Постой, постой! крикнула царевна вслѣдъ уходившему Голицыну. Изготовь пожалованіе во дню вѣнчанія старшаго сына князя Ивана Андрееча въ бояре.

— Какъ, царевна, изъ стольниковъ прямо въ бояре? Да въ тому жъ сына Ивана Андрееча?

— Да, голубчикъ, да. Простъ же ты, Васенька! прибавила она мысленно, да не за это ли я и полюбила-то тебя?

УДАЛЬЦЫ НОВГОРОДСКІЕ.

Сводъ былинъ о Василии Буслаевѣ и Садкѣ купцѣ,
богатомъ гостѣ.

Въ ряду русскихъ богатырскихъ пѣсенъ или *былинъ*, послѣ былинъ древне-кѣвскихъ, слагающихся почти въ одну сплошную богатырскую поэму, слѣдующее мѣсто несомнѣнно должно быть отведено былинамъ древне-новгородскимъ. Не касаясь здѣсь вопроса о первоначальномъ происхожденіи этихъ послѣднихъ былинъ, которыя одними изслѣлователями считаются коренными русскими, другими же производятся, вмѣстѣ съ кѣвскими, отъ поэмъ и легендъ древняго востока,—мы предлагаемъ читателямъ выборку всего лучшаго, чтѣ сохранилось до нашего времени изъ поэзіи новгородской. Въ древнемъ Новгородѣ, этомъ центрѣ торговаго движенія сѣверной Руси, должны были особенно выдаваться два противоположныя начала: начало консервативное—*купечество*, само по себѣ хотъ и хищное, но заинтересованное въ сохраненіи добытаго добра, и начало ультралиберальное—*солнница*, не имѣющая иного достоянія, кромѣ своей кипучей молодости и беззавѣтной отваги. Представителемъ купечества служить *Садкѣ купецъ, богатый гостъ*, представителемъ вольницы—*Василій Буслаевъ*. Ими и ограничивается все новгородское былевое творчество (если не упоминать о небольшой шуточной былинѣ о гостѣ Терентьицѣ *). Въ полномъ смыслѣ богатыремъ ни того,

---

*) Сводъ этой былины см. въ № 3 „Исторической Библиотеки“ 1878 г.

ни другаго назвать нельзя. Правда, оба они, подобно богатырямъ, ратоборствуютъ; но ратоборство это не имѣетъ высшей, безкорыстной общественной цѣли (защита отчизны, вѣры, вдовъ и сиротъ), а сводится къ узкимъ личнымъ интересамъ: Василій Буслаевъ удалъ изъ-за удалства, буянить изъ-за буйства, причемъ воюетъ даже не копьемъ или мечомъ, а просто-на-просто дубиною (червлѣнымъ вязомъ) или осью телѣжною; Садео же борется хоть и не дубьемъ, да рублемъ, вывупая весь Новгородъ. Есть у каждаго изъ нихъ и богатырская дружина; но дружина Васильева слагается изъ разнаго пришлаго и мѣстнаго сброда, такъ-называемой *голи кабацкой*, въ которую идутъ не столько по охотѣ, сколько по нуждѣ, вслѣдствіе совершенной безпріютности или казихъ-нибудь природныхъ недостатковъ, не позволяющихъ взяться за опредѣленное дѣло, требующее физической ловкости и силы: изъ названныхъ братьевъ Василія, одинъ—Потаня-хромъ, другой—Оома-горбать, и мощь ихъ, главнымъ образомъ, связывается въ количествѣ выпитаго вина. Дружина же Садеа—община торговая, необходимая ему, какъ охранная стража, при его кочевомъ, небезопасномъ и полномъ приключеній образѣ жизни. Тѣмъ не менѣе удалство того и другаго развертывается такъ широко, что, возбудивъ къ себѣ невольную симпатію народа, увѣбовѣчилось въ народной пѣснѣ. Десятки вариантовъ былинь о Василіѣ Буслаевѣ и Садеѣ вупцѣ могутъ быть сведены всего къ 4-мъ отдѣльнымъ пѣснямъ: по двѣ на каждаго удалца. Особенно затруднительнымъ для чтенія въ первобытномъ видѣ представляются варианты первой былины—о молодости Василія Буслаева, какъ вслѣдствіе значительнаго разрушенія стиха ея, такъ и вслѣдствіе загроможденія ея подробностями сценъ пьянства и буйства. Построчнымъ сличеніемъ существующихъ вариантовъ и исправленіемъ испорченнаго стихосложенія мы постарались составить каждой изъ 4-хъ былинь, такъ-сказать, нормальный, образцовый сводъ.

БЫЛИНА ПЕРВАЯ.

Молодость Василья Буслаява ¹⁾.

Какъ во-славномъ, во Великомъ Новѣ-городѣ
 Жилъ Буслай да девяносто лѣтъ,
 Девяносто лѣтъ да зуба во рту нѣтъ.
 Со Опсковомъ ²⁾ онъ не вздоривалъ,
 Съ Новымъ-городомъ не спаривалъ,
 Съ мужиками со новгородскими ³⁾
 Поперегъ словечка не говаривалъ ⁴⁾.
 Живучи Буслай состарился,
 А состарившись преставился.
 Послѣ вѣку его долгаго
 Оставалоса его житѣ-бытѣ,
 Все имѣніе-богачество,
 Оставалась матерѣ вдова,
 Матерѣ Мамельфа Тимошеевна ⁵⁾,
 Оставалось чадо милое,

¹⁾ О Василіи Буслаявѣ въ лѣтописи (именно Никоновской) говорится вообще только разъ, какъ о *посадникѣ Васкѣ Буслаявичѣ*, скончавшемся въ 1171 году. Уменьшительное *Васка* въ былинѣ вполне соответствуетъ типу безшабашнаго народнаго удалца; причемъ во второй былинѣ объ немъ (о его смерти), когда удалецъ отчасти остепенился, оно уже не повторяется. Имя отца Василія *Буслай* или *Буслая*—сокращенное славянское *Богуслава*.

²⁾ *Опсковъ*—Псковъ.

³⁾ *Мужики*—т. е. мужи новгородскіе, горожане.

⁴⁾ Изъ этого надо заключить, что отецъ Василія былъ въ древнемъ Новгородѣ лицомъ именитымъ, чуть ли не посадникомъ, — въ пользу чего говорить также, какъ раннее обученіе Василія грамотѣ, писанью и пѣнію церковному, такъ и не знающее удержу дебоширство этого юнаго аристократа — грозы всѣхъ мѣстныхъ почтенныхъ флистровъ.

⁵⁾ *Мамельфой*, или *Амелфой Тимошеевнѣй* (иначе *Авдотья Васильевна*) называется также въ кievской былинѣ о завяземъ богатырѣ *Дюкѣ Степановичѣ* мать послѣдняго.—Эпитетъ *матера, матерая*—престарѣлая и сильная.

Чадо милое, дитя любимое,
 Молодой Васи́лій сынъ Бу́слаевичъ.
 Будеть Васи́нька семи годовъ,
 Отдавала матушка родимая,
 Матерá вдова Мамельфа Тимоѳеевна,
 Обучать его во грамотѣ—
 Грамота ему въ науѣ пошла;
 Присадила Васи́ньку перомъ писать—
 И письмо ему въ науѣ пошло;
 Отдавала пѣнію учить церковному—
 Пѣніе ему въ науѣ пошло.
 А и нѣтъ такихъ пѣвцовъ у насъ
 Въ цѣломъ славномъ Новѣ-городѣ,
 Супротивъ Васи́лія Бу́слаева!

Какъ пошелъ тутъ Васи́нька по городу,
 Сталъ по улочкамъ съ ребятами побалывать,
 Шуточки нелегкія пошучивать:
 За руку ли дѣрнуть—ручку выдернуть,
 За ногу ли хватить—ножеу выломить,
 Въ голову ударить—голова съ плеча.

Приходили мужики новгородскіе
 Къ матерой вдовѣ Мамельфѣ Тимоѳеевнѣ,
 Приносили жалобу великую
 На того Васи́лья на Бу́слаева:
 «Ай, честна вдова Мамельфа Тимоѳеевна!
 Ты уйми-ка свое чадо милое,
 Чадо милое, дитя любимое,
 Молода Васи́льюшка Бу́слаева:
 Съ нашими со малыми ребятами
 Шуточки онъ шутитъ нехорошія,
 Побиваетъ смертію напрасною:
 Не наполнить бюджетъ намъ ребятушекъ.
 Не уймешь Васи́льюшки Бу́слаева—
 Будемъ унимать всѣмъ Новымъ-городомъ,
 Стонимъ Ваську внизъ подъ Волхово,
 Сбросимъ Ваську прямо въ Волхово».
 Дождалася чада милаго

Матерá вдова Мамельфа Тимоѣевна,
 Стала мѣлодца журить-бранить,
 Не журить-бранить—на умъ учить:
 «Чадо ты мое, дитя любимое,
 Молодой Васильюшка Буслаевичъ!
 А и что же ты по гброду уродствуешь? 6)
 Жилъ Буслай да деваносто лѣтъ,
 А ни съ кѣмъ до смерти не перечился;
 Въ твои годы не имѣлъ и ста рублей,
 А имѣлъ дружину добрую, хоробрую; 7)
 У тебя же нѣтъ ни братій, ни дружинушки.
 Долго ли обидѣтъ добра мѣлодца?
 Прибралъ бы себѣ дружинушку—
 Было бы съ кѣмъ попротивиться 8)».
 За тѣ рѣчи Васька принимается: 9)
 «Я тебя-де, матушка, послушаю».

Самъ садился на ременчатъ стулъ,
 Ярлыкн писалъ да скорописчаты: 10)
 «Кому хочется до-сыта ѣсть и пить,
 Тотъ ступай къ Василью на широкій дворъ,
 На широкій дворъ да на почестенъ пиръ».

Ярлыкн привязывалъ ко стрѣлочкамъ,
 Стрѣлочки стрѣлалъ по Нову-гброду;
 Самъ наваривалъ да пива пьянаго,
 Самъ накуривалъ да зеленá вина.
 Разставлялъ чаны середь двора,
 Опускалъ въ нихъ чару—полтора ведра,
 Чарочкѣ да приговаривалъ:
 «Кто подниметъ чару единѣи рукой,
 Выпьетъ чару на единный духъ,
 Будетъ тотъ Василью милый другъ,
 Будетъ милый другъ, названный братъ».

6) Уродствовать—проказить, чудить.

7) Дружина хоробрая—храбрая.

8) Попротивиться—въ бой вступить.

9) За рѣчи принимается—обратить вниманіе.

10) Ярлыкн скорописчаты—грамоты.

Какъ пошли тутъ люди грамотны
 Со той церкви со соборныя,
 Стали стрѣлочки нахаживать,
 Ярлыкн на стрѣлочкахъ прочитывать:
 «Жалуеть-зоветъ Василій на почестень пирь».

Собиралися увалами,
 Что увалами да перевалами,
 Всѣ идуть и старые и малые,
 Всѣ валать въ Василью на широкій дворъ.

Увидалъ Василій изъ окна ребятъ,
 Говорить себѣ да таковы слова:
 «Не наполнить будетъ пива пьянаго,
 Не насытитъ будетъ зеленâ вина».

Бралъ червлённый вязъ ¹¹⁾ въ двѣнадцать пудъ,
 Соходилъ къ ребятамъ со красна крыльца,
 Говорилъ ребятамъ таковы слова:
 Кто подниметь чару единойъ рукой,
 Выпьеть чару на единый духъ,
 Да истерпитъ мой червлённый вязъ,
 Мой червлённый вязъ во буйну голову,—
 Тотъ повлюнъ поставитъ да и въ домъ взойдетъ,
 Будетъ милый другъ мнѣ и названый братъ».

Какъ тутъ большій тѹлится ¹²⁾ за средняго,
 Средній тѹлится за меньшаго,
 А отъ меньшаго-то и отвѣта нѣтъ:
 Вонъ идуть и старые и малые,
 Сами говорятъ промежь себя:
 «Не ушито будетъ, не уѣдено,
 А на вѣкъ увѣчье нажито».

Какъ бѣжитъ на встрѣчу Костя Новоторжанинъ,
 Опрошаетъ на бѣгу ребятъ:
 «Были ли у Васьки на честномъ перу?
 Каково у Васьки упили,

¹¹⁾ Червлёный—багряный, пурпуровый—одинъ изъ любимыхъ эпитетовъ въ былинкахъ. Такъ, дагѣ, корабли Садыа кушца червлёные.

¹²⁾ Тѹлится—прятаться.

Каково у Васьки уѣли?»

«Мы не упили, не уѣли,

Мы на вѣкъ увѣче нажили.

Самъ куда бѣжишь, куда спѣшишь?»

Не даетъ отвѣта Костя Новоторжанинъ,

Онъ одно бѣжитъ, одно спѣшитъ:

Прибѣгаетъ къ Васькѣ на широкій дворъ,

Размахнулъ на чанѣ зеленó вино,

Зачерпнулъ во чару полтора ведра,

Воздымаетъ чару единойъ рукой,

Выпиваетъ чару на единыйъ дѣхъ;

Поскорѣхонько и во второй-то разъ,

Воздымаетъ чару единойъ рукой,

Выпиваетъ чару на единыйъ духъ;

Поскорѣхонько и въ третій разъ...

Только подналъ чару зеленá вина—

Подскочилъ къ нему Василій, сталъ опробовать,

Билъ червлѣнцѣмъ вязомъ въ буйну голову:

Устоялъ дѣтина—не вордхнется,

Синь кафтанъ на плечахъ не колыхнется,

Желты вудри на головушкѣ не трахнутъся,

Полна чарочка въ рукахъ не восплещется:

«Окатилъ меня ты, Васинька Буслаевичъ,

Окатилъ мнѣ ретивó сердце,

Взвеселилъ мнѣ буйну голову—

Ужъ ты дашь ли мнѣ опохмѣлится?»

Бралъ его Василій за бѣлы руки,

Цѣловалъ въ уста сахарныя ¹³⁾,

Проводилъ во горницу столовую:

«Будь же ты мнѣ, Костя, милый другъ,

Будь мнѣ милый другъ, названный братъ!»

И садилъ его онъ за дубовый столъ,

За дубовый столъ да во большой угóлъ ¹⁴⁾,

И кормилъ-пилъ его онъ до-сыта.

¹³⁾ Сахарный—сахарный. (Эпитетъ усть и яствъ).

¹⁴⁾ Большой угол—главный уголъ, гдѣ образа.

Въ тѣ поры было, въ то времячо,
Увидали мужики новгородскіе,
Что бѣжить на встрѣчу имъ Потана Хроменскій,
Говорятъ Потанѣ таковы слова:

«Не ходи, Потана, на почѣстенъ пирь!»

Не дасть отвѣта имъ Патанюшка,
Онъ одно бѣжить, одно спѣшить:
Правой ножкой-то припадываетъ,
Лѣвой ножкой-то прихрамываетъ,
Изъ-подъ рученьки посматриваетъ,
Прибѣгаетъ къ Васкѣ на широкій дворъ,
Размахнулъ на чанѣ зеленѣ вино,
Зачерпнулъ во чару полтора ведра,
Воздымаетъ чару единой рукой,
Выпиваетъ чару на единый духъ;
Поскорѣнко и во второй-то разъ,
Воздымаетъ чару единой рукой,
Выпиваетъ чару на единый духъ;
Поскорѣхонько и въ третій разъ...
Подскачилъ къ нему Василій, сталъ опробовать
Вилъ червленымъ вязомъ по хромымъ ногамъ:
Устоялъ дѣтина — не ворохнется,
Синь кафтанъ на плечахъ не колыхнется,
Желты кудри на головушкѣ не тряхнутся,
Полна чарочка въ рукахъ не всплещется;
Говоритъ дѣтина Васинькѣ Буслаеву:

«Окатилъ меня ты, Васинька Буслаевичъ,
Взвеселилъ мнѣ буйну голову —
Дай-ка ты мнѣ хоть опохмѣлитися!»

Бралъ его Василій за правую руку,
Цѣловалъ въ уста сахариня,
Проводилъ въ горницу столовую:
«Будь же ты, Потанюшка, мнѣ милый другъ,
Будь мнѣ милый другъ, названный братъ!»

Посадила его онъ за дубовый столъ,
Учалъ его подчивать да чествовать.

Мало время позамѣшавши,

Прибѣгалъ на дворъ Оома Горбатенькій, ¹⁵⁾
 Размахнулъ на чанѣ зеленò вино,
 Зачерпнулъ во чару полтора ведра,
 Воздымаетъ чару единойъ рукой,
 Выпиваетъ чару на единый духъ.

Не сошелъ ужъ Васька со красна крыльца,
 Бить не сталъ червленымъ вязомъ Оомушку,
 Прямо звалъ во горницу столовую:

«Будь ты, Оомушка, мнѣ милый другъ,
 Будь мнѣ милый другъ, названый братъ!»

И прибралъ себѣ онъ тридцать мѡлодцевъ,
 Тридцать мѡлодцевъ да безъ одинаго,
 Надо всѣми самъ тридцатымъ сталъ,
 Заводилъ на всѣхъ почестенъ пиръ,
 Говорилъ имъ таковыя слова:

«Гой, моя дружина добрая, хорòбрая!
 Въ Новѣ-городѣ бояться намъ ужъ нѣкого!»

И пошелъ тутъ слухъ по Нову-городу,
 Что прибралъ себѣ Василій тридцать братьицевъ,
 Тридцать мѡлодцевъ да безъ одинаго,
 Что живутъ они съ нимъ всѣ безъ выходу,
 Пьютъ-ѣдятъ съ нимъ съ одного стола,
 Цѣтно платье носятъ съ одного плеча.

Взволновались мужики новгородскіе,
 Собирались въ терема тайницкіе, ¹⁶⁾
 Сошодились во большой совѣтъ,
 Стали думать думу крѣпкую.

Какъ возстанеть съ мѣста чуденъ старецъ тутъ,
 Какъ выходитъ на средину горницы,
 Поклоняется на всѣ четыре стороны,
 Самъ поглаживаетъ сѣду бороду,
 Ударяетъ трижды объ полъ посохомъ,
 Начинаетъ слово мудрое:

«Гой еси вы, мужьяи новгородскіе!»

¹⁵⁾ Въ нѣкоторыхъ вариантахъ *Котельная Пришарина*.

¹⁶⁾ *Тайницкій*—потайной.

Вѣдомо вамъ неудало дѣтище,
 Молодой Василій сынъ Вуслаевичъ:
 Отъ его нелегкихъ шуточекъ
 Нашъ Великій Новгородъ всѣхъ ужъ порѣже сталъ.
 А теперь прибралъ себѣ онъ тридцать братицевъ,
 Тридцать мѣлодцевъ да безъ одинаго;
 Не задумалъ бы онъ зло на нашу голову,
 Не замыслилъ бы прибрать подъ руки вѣрпкія?
 Гой вы, мужики новгородскіе!
 Созовите, братцы, пиръ на цѣлый міръ;
 Хоть не станемъ звать Василю—
 Не утерпите, самъ на пиръ придетъ.
 Поднесемъ ему тогда братину зеленá вина:
 Коль не будетъ пить-инъ мыслить зло на насъ;
 Будетъ пить—такъ во хмѣлю промолвится.»

Поднимались всѣ тутъ съ мѣстъ своихъ,
 Поклонялись старцу всѣ до поясу,
 Говорили во едину рѣчь:
 «Какъ придумалъ чуденъ старецъ, такъ и быть тому.»

На зарѣ было на утренней,
 На восходѣ красна солнышка,
 Поднимались мужики новгородскіе,
 Насбирали хлѣба до двѣнадцатъ мѣръ,
 Накурили зеленá вина,
 Наварили пива пьянаго;
 Становили тутъ столы дубовые,
 Разстилали скатерти да браныя,
 Разставляли яства да сахарныя,
 Приносили вѣдра зеленá вина,
 Зеленá вина да пива пьянаго,
 Созывали на почестенъ пиръ весь Новгородъ,
 Одного Василю не пѣзвали.
 Какъ прослышалъ тутъ Васильюшка
 Про канунъ варѣнъ, про пива ячныя
 У тѣхъ мужиковъ новгородскихъ,—
 Самъ пошелъ на пиръ съ дружиною,
 Проходилъ во мѣсто бѣльшее,

Пораздвинулъ мужиковъ новгородскихъ,
И сѣдился во большой угълъ
Со своей дружиною хороброю.

Говорятъ тутъ мужики новгородскіе:

«Званому-то гостю хлѣбъ да соль,
А незваному и мѣста нѣтъ.»

Говоритъ Василій сынъ Буслаевичъ:
«Званому-то много мѣста надобно,
Много мѣста и большая честь,
А незваному—какъ Богъ пришлетъ.»

И пустились мужики на хитрости:
Наливаютъ во братины зеленà вина,
Приговариваютъ сами усмѣхаючись:
«Кто дружитъ Велику Нову-городу—
Пей свою братину до-суха.»

Возстаетъ Василій, поклоняется,
Принимаетъ онъ братину во бѣлыя руки,
Выпиваетъ единымъ духомъ,
Единымъ духомъ да до-суха.

Заиграла въ немъ хмѣлинушка,
Закипѣла кровь да молодецкая,
И вовговорилъ Василій таковыя рѣчи:

«Глушые вы, неразумные,
Мужики новгородскіе!
Быть за мной вѣдь, за Васильемъ, Нову-городу,
Братъ мнѣ даточныя пошрины со всей земли,
Съ лову заячья и гоголинаго,
Братъ съ гостей заѣзжихъ мытныя,
А вамъ, мужикамъ, лежать у ногъ моихъ!»

Нелюбы тавія рѣчи показались
Мужикамъ новгородскимъ,
Закричали въ единѣ словѣ:
«Младъ еще ты, неудало дѣтище!
Не бывать же за тобою Нову-городу,
Да не честь тебѣ теперь и жить у насъ,
А и нѣтъ здѣсь про тебя земля.
На утро иди изъ Нова-города;

Не пойдешь-инъ выгонимъ не съ честію,
Потеряешь буйну голову!

Отъ такого слова пуце прежняго
Разгоралось сердце молодецкое,
Распалалась буйная головушка:
«Гой еси вы, мужики новгородскіе!
Бьюсь я съ вами о великъ закладъ:
Напускаюсь биться-драться на весь Новгородъ
Со своей дружиною хороброю:
Коль меня съ дружиною побьете Новымъ-городомъ —
Я плачу вамъ дани—выходы по смерти свою;
Буде же я васъ побью и вы мнѣ покоритесь—
Вамъ платить мнѣ дани до-вѣку.»

Сдѣлали они тутъ рукобутьице,
Рукобутьице великое,
Написали записи поручныя:
Заутрѣ идти на Волховъ мость,
Соходиться на побоище на смертное.

Приходилъ Василій въ родной матушѣ,
Въ матерой вдовѣ Мамельфѣ Тимошеевнѣ,
Сталъ рассказывать ей, похвалятися:
«Какъ ударился я не о малъ закладъ,
Не о стѣ рубляхъ и не о тысячѣ,
О своей ударился о буйной головѣ:
За утрѣ мнѣ биться совсѣмъ Новымъ-городомъ».

Матерá вдова Мамельфа Тимошеевна
Какъ услышала—заплакала,
Ухватила сына за бѣлыя руки,
Отводила въ погребѣ глубокиѣ,
Чтобы хмѣль ему-де выпати,
Затворяла самого дверьми желѣзными,
Позащелкнула замками крѣпкими
Позадвинула рогатками булатными.
Спитъ Василій не прохватится,
Не прохватится и не пробудится.

За утрѣ братаны: Костя Новоторжанинъ
Со Потаней Хроменькимъ, Ѳомой Горбатенькимъ

Ото сна встають ранѣшенько,
 Умываются бѣдѣшенько,
 На востокъ, братаны, Богу молятся,
 Бьются со всѣмъ Новымъ—городомъ сражаются.

Какъ не помы воды вешнія
 По лугамъ тутъ разливаются—
 Какъ идетъ—валитъ по улицѣ Рогатицѣ
 Сила та Новгородская;
 Какъ не бѣлы гуси-лебеди
 Съ Ильмень—озера да поднимаются—
 Какъ собирается на Волховъ мость
 Супротивъ Василья цѣлый Новгородъ.
 Не спросясь Василья, не дождавшись,
 Бросились братаны въ страшный смертный бой.
 Чась ужъ бьются съ Новымъ городомъ—
 Не подходитъ къ нимъ Василій сынъ Буслаевичъ;
 И другой-то бьются съ Новымъ городомъ—
 Не видать Василія Буслаева;
 Третій бьются съ Новымъ—городомъ—
 А Василія все въ явѣ нѣтъ ¹⁷⁾.

И попятили дружинишку Васильеву
 Мужики новгородскіе,
 Сами говорятъ да таковыя слова:
 «Еще что же, братцы, Васька за дуракъ такой?
 Измѣнилъ онъ вамъ, своей дружинишкѣ,
 Продавъ за дешево васъ, своихъ товарищей.
 Три часа вы бьетесь за Василія,
 Всѣ головки-то у васъ шалыгами ¹⁸⁾ процѣланы,
 Руки всѣ платками перевязаны,
 Ноги кушавами переверчены,
 А его, Василія, и въ явѣ нѣтъ.
 Еще что же, братцы, Васька за дуракъ такой?»
 А была у матушки Васильевой,
 У честной вдовы Мамельфы Тимошеевны,

¹⁷⁾ По инымъ вариантамъ, бой продолжается трое сутокъ.

¹⁸⁾ *Шалы* или *шалыги*—плеть съ обязанной нудей, кистень.

Дѣвушка малёшенька — чернёшенька,
 Вѣрная служаночка черनावушка,
 Шла она на рѣчку Волховъ по воду,
 Шла съ ведёрками дубовыми,
 Съ коромысельцемъ кленовымъ;
 Увидала то побойще кровавое,
 Увидала — слезно всплакала.

А и взмолятся къ ней добры мблудцы:
 «Гой еси ты, дѣвушка — черनावушка!
 Ты не выдай насъ у дѣла ратнаго,
 У того у часу смертнаго:
 Позови Василья къ намъ на выручку».

Побѣжала дѣвушка — черनावушка,
 Побѣжала скоро-на-скоро,
 Ростеряла и ведёрки-то дубовыя,
 Побросала коромысельце кленовое ¹⁹⁾,
 Прибѣжала къ погребамъ глубокимъ,
 Индо дѣвка запыхалася,
 Закричала во всю голову ²⁰⁾:
 «Спишь ли ты, Василій, или тагъ лежишь?
 Знать, не слышишь шума — грома въ Новѣ-городѣ?
 У твоей дружины у хоробрна
 Всѣ головки ужъ шалыгами прощѣланы,
 Руки всѣ платками перевязаны,
 Ноги кушаками переверчены:
 Одолѣли мужики Новгородскіе».

Ото сна Василій пробуждается,
 Чоботы ²¹⁾ надѣрнулъ на босу ногу,
 Шубу ли накиннулъ на одно плечо,
 А волпакъ надвинулъ на одно ухо;

¹⁹⁾ По нѣкоторымъ разнорѣчіямъ, дѣвушка — черनावушка (иначе Чернашка, дѣвка поварѣная), прежде чѣмъ бѣжать за Васильемъ собственноручно побиваетъ еще коромысломъ малую толку мужиковъ Новгородскихъ.

²⁰⁾ Во всю голову во все горло.

²¹⁾ Чоботь — полусапожекъ, сапогъ.

Поналѣгъ на ободверины укладныя ²³⁾
 Съ одного удара двери высадилъ,
 Разметалъ рогатины булатныя,
 Выскочилъ самъ на широкій дворъ.
 Не попалась Васькѣ палица желѣзная ²³⁾,
 Что попалась ему ось телѣжная;
 Побѣжалъ съ осницею онъ по Нову-городу,
 По тѣмъ улицамъ широкимъ:

«Гой, моя дружинишка хоробрая!
 Продаль-то не я васъ, добрый мблodeцъ,
 Пропала васъ моя матушка родимая.
 Вы садитесь-ка теперь на лавочку,
 Я за всѣхъ васъ, братцы, поработаю.
 Поразстроньтеся ²⁴⁾ только, пораздвиньтеся,
 Чтобы васъ мнѣ не убить замѣсто ново-гброжанъ».

Заходило тутъ оснице да тележное
 По той силѣ по новгородской:
 Гдѣ махнетъ, тамъ будетъ улочка,
 Гдѣ перемахнетъ, тамъ переулочекъ;
 Положило мужиковъ увалами,
 Положило перевалами,
 Понабило что погодую.
 Видать мужики тутъ, что бѣда пришла,
 Что бѣда пришла имъ неминучая,—
 Побѣжали скоро-наскоро
 Въ монастырь тотъ во Кириловскій,
 Насыпали чашу красна золота,
 Насыпали и другую чиста сѣребра,
 Насыпали третью скатна жемчуга,
 Подносили старчицу Одроницу ²⁵⁾,

²³⁾ Укладной—изъ закаленного желѣза.

²³⁾ Палица (палка)—дубинка.

²⁴⁾ Поразстронитесь—посторонитесь.

²⁵⁾ Старчице Одронице (Андронице), иначе *Иматчице*, *Ем-
 зурчице* или *палмеричице*—странникъ (*peregrinus*), каинка переходной,
 жившій долгое время въ мѣстномъ Кирилово-Бѣлозерскомъ
 монастырѣ.

Тому крестному отцу Васильеву;
 Гой еси ты, старчище Ондронище!
 Ты уймн-ка свое чадо милое,
 Чадо милое, дитя любимое,
 Молода Василя Буслаева,
 Ты оставь насъ хоть на сѣмена».

Какъ тутъ старчище Ондронище
 Навалилъ на плечи на могучія
 Монастырскій мѣднй колоколь,
 Не величекъ колоколь—во девяносто пудъ,
 Да идетъ на рѣчку Волховъ, на тотъ Волховъ мостъ,
 Коловольнымъ язвкомъ самъ подпирается,
 Инъ калиновъ мостъ да подгибается.
 Поровнялся съ сыномъ крестнымъ,
 Съ молодымъ Василюемъ Буслаевымъ,
 Окликаетъ громнымъ голосомъ:
 «Стой постой, мой милый крестничекъ,
 Молодой Васильюшка Буслаевичъ!
 Смолода, глудзырь ²⁶⁾ ты, не запархивай,
 Малолѣтнее дитя ты, не заскакивай,
 Прямоѣзжей дорожки не заваливай.
 Съ Волхова воды тебѣ не выпити,
 Въ Новѣ—городѣ людей не выбити;
 Будутъ мѣлодцы и супротивъ тебя ²⁷⁾,
 Да стоимъ мы, мѣлодцы, не хвастаемъ ²⁸⁾!»!

Говорилъ въ отвѣтъ Васильюшка Буслаевичъ:
 «Ай же ты, мой крестный батюшка,
 Ай ты, старчище Ондронище,
 Знать, несетъ тебя лиха судьба твоя
 На меня, на мила крестничка.
 Вѣдь у насъ-то дѣлю дѣется:
 Головами, батюшка, играемся.
 Не даль я тебѣ яичка о Христовѣ днѣ,

²⁶⁾ *Глудзырь*—птенець.

²⁷⁾ *Супротивъ* кого сиюю—ровна.

²⁸⁾ Варіантъ:

«Я иду—Василью смерть несю».

Дамъ же я тебѣ яичко о Петровѣ днѣ ²⁰⁾».

Какъ ударить тутъ Василій въ колоколь
Тѣмъ осищемъ да телѣжнымъ—
Загудѣла красна мѣдь, потрескалась.
А могучій старчище Ондрище
Присядаетъ во сырой землѣ,
Не подаетъ уже голоса.
Заглянулъ Василій внизъ подъ колоколь,
А у стараго во лбу и глазъ ужъ вѣку нѣтъ ²⁰⁾.
Какъ завидѣли Василья добры мѣлодцы,
Та его дружинишка хорѣбрая
У соколиковъ у ясныхъ крылья ѡтросли;
У молодчиковъ у добрыхъ думы прибыло.
А и сталъ ихъ выручать Васильюшка,
Сталъ справляться съ силою по своему,
Гонить силу во чисто поле,
Пригоняетъ силу ко быстрѣй рѣкѣ,
Не даетъ ей развернутися.
Приуныли мужики новгородскіе,
Буйны головы повѣсили;
Посылаютъ посланцевъ во Новгородъ,
Ко той матушкѣ Васильевой,
Къ матерѣй вдовѣ Мамельефѣ Тимоѣевнѣ,
Со подарками великими:
«Государыня, Васильева ты матушка,
Матерѣ вдова Мамельфа Тимоѣевна!
Ты уйми-ка свое чадо милое,
Молода Василья со дружиною,
Ты оставь насъ хоть на сѣмена.
А и рады мы платить тебѣ
Всякій годъ да по три тысячи,
А и будемъ мы носить тебѣ
Всякій годъ со хлѣбника по хлѣбнику,
Со калачника да по калачику,

²⁰⁾ Стало быть, бой былъ въ Петровки.

²⁰⁾ Старецъ и при жизни еще слѣтъ былъ.

Съ молодицы повѣнчаное,
 Со дѣвицы повалешное, ²¹⁾
 Да со всѣхъ людей ремесленныхъ,
 Опричь лишь поповъ и дьяконовъ».

Покидалася старушка, пометалася—
 Анъ нельзя пройти по улицѣ:
 Полтеи ²²⁾ по улицѣ валяются
 Мужиковъ новгородскихъ.
 Прибѣжала старая къ Василю,
 Наскочила свади на Василя,
 Пала мѡлодцу на могучи плечи.
 «Гой еси ты, мое чадо милое,
 Молодой Васильюшка Буслаевичъ!
 Уходи-тко свои плечушки могучія,
 Укrotи сердечушко ретивое,
 И оставь народу хоть на сѣмена.»
 Опускалъ Василій руки ко сырой землѣ,
 Выпадала ось телѣжная изъ бѣлыхъ рувъ,
 Говорилъ Василій таковы слова:
 «Ай ты, свѣтъ мой, государыня да матушка!
 Хорошо ты, матушка, удумала,
 Что свочила на плечи свади меня.
 Второпяхъ-то да въ озорности.
 Не спустилъ бы и тебѣ я, рѡдной матушкѣ,
 И тебя убилъ бы нѣ за что,
 Вмѣсто мужа новгородскаго.
 А теперь тебя послушаю:
 Слушать рѡдную самъ Богъ велить».
 Взялъ ее онъ тутъ за ручки бѣлыя
 И повелъ домой, въ свои палаты бѣлокаменны.
 Такъ-то избыли отъ смерти отъ напрасныя
 Мужики новгородскіе;
 Сами со Васильемъ помирились,
 Помирились и поворились.

²¹⁾ *Повѣнчаное*—пѣдать съ брака, *повалешное*—съ вальса на портомоинѣ.

²²⁾ *Полтеи*—половинки тѣлъ убитыхъ.

ФЛОРЕНЦІЯ ВЪ XIV ВѢКѢ

(культурно-историческій очеркъ).

ИСТОЧНИКИ и ПОСОБІЯ.

O. Hartwig, Quellen und Forschungen zur ältesten Geschichte der Stadt Florenz, 1875.

Dante, Divina Commedia, ediz. 1868.

Boccaccio, Vita di Dante и Decameron.

Scheffer-Boickorst, Florentinez Studien.

Carl. Landau, Giovanni Boccaccio, 1877.

K. Hillebrand, Etudes Jtaliennes.

Fauriel, Dante et les origenes de la langue etc. 1854.

Carriere, in: Die Kunst in zusam de Culturentwickl., III.

Schlosser, Dante Studien, 1855.

Scartazzini, Dante, seine Zeit, sein Leben und seine Werke, 1869.

В. Лесевичъ, Данте, какъ мыслитель. («Знаніе», Іюнь, Іюль 1874).

Macchiavelli, Storia Fiorentina.

Dino Capponi, Tumulto di Ciompi.

Sismondi, Histoire des Republ. Jtaliennes, vol. I—VIII.

E. Quinet, Des Republ. italiennes, t. V.

Ferrari, Histoire des revolutions d'Jtalie etc. t. I—IV. 1859.

Adolph. Tholopes, History of the Commonwealth of Florence, vol. I—IV. 1865.

Karl Hegel, Geschichte der Stadtverfassung von Italien, B. I—II, 1847.

Jac. Burckhardt, Die Cultur der Renaissance in Italien, 1869.

Lb. Cibrario, Economie politique du moyen âge, vol. I—II, 1859.

— Les conditions économique de l'Italie au temps de Dante.

A. Н. Веселовскій, Вилла Альберти.

Hecker, Wolkkrankheiten des Mittelalters, 1865.

Archivio storico Italiano 1862—1865.

Pino Capponi, Storia della Repubblica di Firenze, secon. ediz. 1876.

Perrens, Histoire du Florence, t. I—III. 1877.

Mrs. Oliphant, Makers of Florence, 1876.

Alberto Maria, Teste e figure, studii biografici; Padova, 1877. и мн. другіе.

ВВЕДЕНІЕ.

«La libertà della repubblica fiorentina era una tirannide collettiva della setta vincitrice sulla vinta. Il concetto della libertà derivato dalla uguaglianza dei diritti e fondato sulla giustizia non affacciò mai alle repubbliche del medio evo».

Alberto Mario.

XIV вѣкъ можно по справедливости назвать поворотной эпохой въ исторіи Европы отъ средневѣковаго времени къ новому. Этотъ вѣкъ характеризуется ослабленіемъ католическаго единства и наступающимъ разрушеніемъ феодальнаго общества. Въ этотъ вѣкъ впервые главный управляющій эле-

ментъ новой жизни, элементъ индустріальный, выступилъ на сцену какъ нѣчто вполне развитшееся и самостоятельное; старый строй впервые получилъ сильные удары, потрясшіе его до основанія: возстаніе національныхъ перевей, скептическое направленіе въ обществѣ и литературѣ, выразившееся въ еретическихъ движеніяхъ, протестъ свѣтской власти, преобладаніе свѣтской мудрости надъ духовной и т. д. Вездѣ мы видимъ пробужденіе въ народахъ чувства національности. Нарѣчія языковъ стали выдѣляться; стремленіе къ внѣшнему, матеріальному приобрѣтенію охватило весь христіанскій міръ и союзъ народовъ долженъ былъ распастись: всякій хотѣлъ жить и развиваться по своему, вслѣдствіе чего произошла борьба дворянства съ имперскими городами, францисканцевъ съ доминиканцами, борьба Даніи съ Швеціей, Англии съ Франціей, Франціи съ Арагоніей, Арагоніи съ Кастиліей: даже гвельфы отдѣлились отъ Рима. XIV вѣкъ былъ также эпохой великаго переворота и для славянскаго міра: въ тогдашней Руси и въ Польшѣ является также стремленіе къ собранію раздробленныхъ областей и къ образованію единаго государства. Эта внѣшняя политическая борьба за національности повела за собой борьбу внутреннюю, социальную. Въ безправномъ, поработченномъ плебсѣ пробудилось чувство человѣческаго достоинства и стремленіе къ политической равноправности. Вѣра съ авторитеты, признанные вѣками, пала. Немудрено, что тогда въ народахъ явилась вѣра въ утопію—въ обновленіе міра людьми бѣдными. Арно Вильневъ предсказываетъ близость всемірнаго нравственнаго переворота, послѣ котораго «жестокое, своекорыстное католическое духовенство и церковь, сдѣлавшаяся содомомъ, уступитъ мѣсто церкви бѣдныхъ». Ученые: Джордано, Марсилій Падуанскій, Бонбергеръ, хотя для виду и защищаютъ «законную» свѣтскую власть, но источникъ этой власти видятъ въ народѣ и даже высказываются за преимущество избирательной формы. На практикѣ эти идеи стремились осуществить отчасти Марсилій, Ріензи и др. Но вездѣ, быть можетъ, политическая и социальная борьба классовъ общества не обнаруживалась въ столь рѣзкой формѣ, какъ во Флоренціи, въ средневѣковомъ центрѣ

продвѣтанія искусствъ и промышленности. Политическая судьба Флоренціи, ея богатая культурная жизнь до такой степени интересны и поучительны даже и для насъ, дѣтей XIX столѣтія, что не даромъ современные намъ историки и государственные люди, пораженные двухвѣковымъ блескомъ ея культуры, стали видѣть въ формахъ ея соціального и политическаго строя образецъ для существующихъ государствъ. Однако, разсматривая исторію политическихъ и соціальныхъ учреждений съ точки зрѣнія прогресса и народнаго благосостоянія, мы должны были при изученіи исторіи Флоренціи, вопреки выводамъ современныхъ историковъ, придти къ болѣе отрицательнымъ, нежели положительнымъ выводамъ. Культурно-экономическая жизнь Флоренціи развивалась на счетъ и въ ущербъ рабочимъ классамъ. Въ то время, какъ во Франціи среднее сословіе едва начало заявлять себя на сценѣ исторіи, во Флоренціи оно достигло уже кульминаціоннаго пункта своего матеріальнаго и политическаго могущества. Борьба за существованіе народа съ феодальной аристократіей, а потомъ буржуазіи съ народомъ носила на себѣ совершенно аналогичный съ Франціей характеръ, прошла тѣ же фазы историческаго развитія. И какъ тамъ, такъ и здѣсь слѣдствіемъ такого соціально-экономическаго строя, основаннаго на капиталистическомъ производствѣ, было порабощеніе труда капиталомъ, послужившее причиной политическаго паденія «прекрасной» Флоренціи.

Древнія флорентинскія хроники, а равно и большая часть новѣйшихъ историковъ, мало обращаютъ вниманія на соціально-экономическія условія Флоренціи, а занимаются больше ея политической исторіей. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что ни въ какой другой странѣ не существовало столько затерянныхъ историческихъ рукописей, ни въ какой другой странѣ историческая фальсификація не проявлялась въ столь беззастѣнливой формѣ, какъ въ Италіи и особенно во Флоренціи. Флорентинскіе хроники XIII и XIV вѣковъ имѣли въ своемъ распоряженіи весьма ограниченное количество историческихъ данныхъ. Благодаря кропотливой и добросовѣстной эрудиціи нѣмецкихъ, а частію французскихъ ученыхъ, первоначальная исторія Флоренціи очищена теперь отъ множества ненужнаго

мусора, когорымъ загромождали хроники доступъ къ истинѣ. До самаго XIV столѣтія единственнымъ источникомъ, изъ котораго почерпали свѣденія о древней исторіи Флоренціи Ж. Виллани, Ptolomaeus Luccensis, Малиспини и др., былъ *Gesta Florentinorum Sanzanomes*. Ни въ XII, ни въ XIII столѣтіяхъ Флоренція не имѣла другого писателя, кромѣ Sanzanomes; этому же писателю второй половины XIII в. обязано появленіе и *Chronica de origine civitatis* (1290 г.), изъ которой Ж. Виллани заимствовалъ безъ всякой критической провѣрки свѣденіе объ истребленіи будто бы пожаромъ въ 1117 г. «множества сочиненій» о Флоренціи. Всѣ позднѣйшіе историки Флоренціи брали матеріалъ другъ у друга на вѣру, безъ всякой критики фактовъ. Хроника напр. Малиспини есть ни больше ни меньше какъ литературный плагиатъ у Ж. Виллани; хроника D. Comagni оказалась фальсификаціей XVI столѣтія, какъ это неопровержимо доказали Бюссонъ, Шефферъ-Бугхорстъ, Буркхартъ (послѣд. изд.), Скартаццини и др.; хроника Марко Стефани сокращенно копируетъ Виллани; то же самое слѣдуетъ сказать о хроникахъ Л. Бруни, Сц. Аммирато. Ложь и лицемѣріе, возведенныя въ принципъ политической дѣятельности, сдѣлались руководящимъ принципомъ и въ области исторической литературы. Въ XIV и XV вѣкахъ существовало убѣжденіе, что нисколько не предосудительно списывать чужія историческія сочиненія и выдавать ихъ за свои собственныя. Даже такіе писатели, какъ Гвичіардини и Макіавелли, по словамъ Перрана, почти буквально перевели съ латинскаго языка на итальянскій, первый Галеаццо (*Carpiarellae commentarii* (1542), второй—Кавальканти съ присовокупленіемъ въ переведенныя сочиненія вѣсколькихъ своихъ мыслей и соображеній. Самымъ добросовѣстнымъ изъ древнихъ историковъ можно считать Ж. Виллани, который повѣствуетъ о событіяхъ какъ очевидецъ, доведя свою исторію (въ 12 книгахъ) до 1346 г. Изъ новѣйшихъ историческихъ трудовъ по исторіи Флоренціи самыми замѣчательными оказываются нѣмецкіе и французскіе, тогда какъ итальянскіе блещутъ отсутствіемъ критики фактовъ и отличаются описательнымъ характеромъ изложенія. Къ этой

послѣдней категоріи принадлежать и трудъ маркиза Жино Капони: *Storia della Repubblica di Firenze*, трудъ весьма заурядный, не вносящій ничего новаго въ изученіе исторіи Флоренціи. Авторъ нерѣдко вдается въ самыя странныя парадоксы и прогиворѣчія, доказывающія совершенное его непониманіе исторіи интеллектуальнаго развитія Италіи. Онъ упрекаетъ всѣ европейскіе народы, кромѣ итальянскаго, въ поклоненіи «разрушительнымъ ученіямъ» и благодаритъ Бога, что итальянцы не знали ни сомнѣній Абеяра, ни безразсудныхъ тонкостей Скот-Эригена, причемъ, въ ущербъ исторической истинѣ, превозноситъ этрусковъ, предковъ тосканцевъ, за ихъ своеобразную философію, за отсутствіе въ нихъ средѣ гражданскихъ войнъ, потому что «въ жилахъ ихъ текла менѣе варварская кровь, чѣмъ у всѣхъ другихъ народовъ». Это уже не исторія, а басня. Болѣе интереса и занимательности представляетъ трехтомный трудъ Перрана, доведенный только до 1313 года: *Histoire du Florence*. Это первый опытъ полного и всесторонняго труда, въ которомъ авторъ пользовался источниками первой руки, подвергнувъ ихъ самому тщательному критическому анализу, почему и сочиненіе его, не смотря на отсутствіе въ трудѣ указанія на экономическое положеніе народа, долгое время можетъ служить основаніемъ для дальнѣйшаго изученія исторіи Флоренціи.

I.

Возникновеніе Флоренціи.—Состояніе Италіи въ XII в.—Политическое устройство Флоренціи.—Борьба между феодалами и народомъ.—Анархическое состояніе общества.—Диктаторство Джано-Белла.—Окончательная побѣда народа надъ феодалами.

Въ 44 г. настоящей эры, во время тріумвирата Октавія-Августа, Антонія и Лепида, на берега р. Арно прибыло нѣсколько семействъ римскихъ переселенцевъ. Поселенцы могли въ изобиліи пользоваться всѣми естественными богатствами страны. Долина р. Арно была пересѣкаема высокими горами, на которыхъ росли ели, лиственница, дубы, буки и каштаны,

на равнинахъ можно было въ изобиліи получать всевозможные плоды и овощи, разводить шелковицу и производить виноградное вино; низменность по берегамъ рѣки на многіе десятки верстъ была покрыта роскошной растительностью, испещренной разнообразными цвѣтами, почему жители и дали этому зарождающемуся городу названіе Florentia (цвѣтущая). Самый городъ расположенъ въ срединѣ между р. Арно и возвышенностями, прикрывающими городъ съ сѣверной стороны; широкая долина, идущая вдоль по теченію рѣки, у самаго города суживается, служа такимъ образомъ естественною границею между двумя городами—Пизой и Флоренціей. По своему живописному положенію Флоренція съ давнихъ поръ была любимымъ мѣстопребываніемъ маркграфовъ, отправлявшихся въ Римъ по порученію германскихъ императоровъ, и папъ, путешествовавшихъ по Лангобардіи, Франціи и Германіи. Флоренція сдѣлалась чѣмъ-то въ родѣ папской гостиницы. Поэтому уже рано папы давали любимому своему городу разныя льготы и преимущества, посылая обыкновенно туда такихъ епископовъ, которые бы умѣли ладить съ флорентинцами и не перечить ихъ вольности. Городское населеніе дѣлилось собственно на два класса: на людей свободныхъ и рабовъ и составляло между собой ремесленныя братства, управлявшіяся въ первое время не письменными законами, а обычнымъ правомъ, подобно всѣмъ другимъ политически зарождавшимся обществамъ. Главнымъ занятіемъ жителей были ремесла и торговля. Но кругомъ Флоренціи, во всѣ стороны, на высокихъ горахъ и скалахъ, въ неприступныхъ замкахъ жили феодалы, явившіеся сюда изъ наносовъ лангобардскихъ, франкскихъ и германскихъ. Очень естественно, что, по мѣрѣ увеличенія населенія, развитія промышленности и потребности во внѣшнихъ рынкахъ для сбыта своихъ продуктовъ, флорентинцы волей-неволей должны были сталкиваться съ феодалами, съ оружіемъ въ рукахъ прокладывать себѣ пути, защищать отъ ихъ нападеній свою жизнь и имущество. Такимъ образомъ уже съ первыхъ начатковъ культурной жизни флорентинцевъ мы встрѣчаемся съ борьбой двухъ враждебныхъ элементовъ: народнаго и аристократическаго, феодальнаго. До

XI вѣка Флоренція была незначительнымъ городомъ: внутри ея стѣнъ были все еще пустыя, незастроенныя мѣста, застроенныя же во многихъ мѣстахъ представляли жалкія и грязныя хаты. *) Собственно культурный ея періодъ начинается только съ XIII ст., во время папства Иннокентія III, когда она становится могущественной торговой республикой.

Въ XII вѣкѣ вся почти Италия, за исключеніемъ немногихъ торговыхъ городовъ, принадлежала феодаламъ. Тамъ каждый крестьянинъ—рабъ, вся земля исключительное владѣніе феодала, который сосалъ и изнуралъ крестьянина, подобно паразиту въ живомъ организмѣ. Крестьянинъ имѣлъ право обрабатывать землю, собирать часть продуктовъ для себя, а другую—большую—долженъ былъ отдавать феодалу, собственнику земли; кромѣ всевозможныхъ денежныхъ поборовъ онъ долженъ былъ нести множество другихъ натуральныхъ повинностей: онъ дѣлалъ феодалу огородъ, воздѣлывалъ садъ, строилъ укрѣпленія вокругъ замка, служилъ ему въ войнѣ, а въ случаѣ надобности исполнялъ должность сборщика и палача. Всюду на поляхъ и холмахъ видѣлись замки съ башнями, темницы, въ которыхъ томились крестьяне съ истерзанными членами, отрѣзанными носами и ушами, отрубленными ногами; вездѣ рыскали вооруженные люди, непріатели. Крестьянинъ вѣдъ купецъ, заѣхавъ случайно въ открытое поле, ежеминутно могъ рисковать своей жизнью и имуществомъ. На всѣхъ дорогахъ и тропинкахъ существовали заставы, гдѣ съ купцовъ или путешественниковъ брали пошлины. Всякій человекъ, будучи днемъ мирнымъ солдатомъ, охранителемъ порядка, ночью дѣлался воромъ, почему и самое имя *maspadiego* означало вмѣстѣ ремесло солдата и разбойника. Не было ни одной деревни, ни одного населеннаго мѣстечка, гдѣ бы феодалъ не ввелъ своихъ законовъ, не бралъ пошлинъ, которыя вмѣстѣ съ прочими остатками лонгобардскаго варварства онъ считалъ своимъ неотъемлемымъ правомъ охранять отъ притязаній свободныхъ городовъ. Поэтому можете себѣ представить, какая соціальная и политическая неурядица существовала между

*) Quellen und Forsch. z. ital. Gesch. d. Flor. O. Hartwioj. S. 87.

городами и поселеніями. Вездѣ между начинавшими пріобрѣтать свободу городами и феодалами велась безконечная война изъ-за пастбищъ, лѣсовъ и рѣкъ, отчего все окрестное населеніе находилось точно въ осадномъ положеніи.

Борьба флорентинскихъ гражданъ съ феодалами усѣбно продолжалась въ теченіе XII и XIII столѣтій, что особенно было легко въ Италіи, гдѣ, вслѣдствіе борьбы германскихъ императоровъ съ папая, при чемъ послѣдніе обыкновенно поддерживали сторону стремившихся къ независимости городовъ, и вслѣдствіе выгоднаго географическаго положенія страны, отдаленность которой затрудняла государямъ поддержаніе ихъ власти арміями,—города легко могли превратиться въ независимыя республики и подчинить себѣ все окрестное дворянство. Феодалныя дворяне, по словамъ древнихъ хроникъ, были «убійцы, прелюбодѣи, виновники всѣхъ людскихъ несчастій, люди, считавшіе себя выше законовъ». Еще въ 1107 г. флорентинцы разрушили до 20 феодалныхъ замковъ, расположенныхъ въ окрестностяхъ города; имѣнья дворянъ были конфискованы, а владѣльцы ихъ должны были или бѣжать въ другія страны или же волей-неволей поселиться во Флоренціи въ качествѣ частныхъ гражданъ. Но и поселившіеся во Флоренціи феодалы были все еще довольно сильны, благодаря пріобрѣтенію себѣ новыхъ приверженцевъ среди рабочаго люда—о чемъ будетъ сказано ниже,—и не сливались съ прочими гражданами, а составляли особую сословную корпорацію, съ которою только воздѣе породнились богатые буржуа. Во избѣжаніе дальнѣйшихъ преслѣдованій со стороны гражданъ, феодалы построили высокіе (въ 120 ф.) замки, всѣ въ одномъ мѣстѣ и подъ одну крышу, съ общимъ крытымъ ходомъ; впереди ихъ выдвигались подвижныя зданія (*sergagli*)—родъ баррикадъ, за которыми жили служители, вооруженныя пращами, копьями и грудой камней. Подобныхъ замковъ въ XIII в. было не менѣе 150. Камни, изъ которыхъ они строились, доставались съ береговъ и со дна рѣки Арно и связывались столь прочнымъ цементомъ, что копьемъ или ломомъ ихъ едва можно было разъединить. Въ эти замки входили очень низкой и узкой дверью, поднимались въ одиночку

по еще болѣе узкой лѣстницѣ; въ каждомъ этажѣ существовало только одно окно, на углахъ—небольшія отверстія для прохода свѣта, для наблюденія за непріателемъ и бросанія стрѣлъ и копій. Междоусобная гражданская бойня происходила иногда заравь въ 6—7 мѣстахъ города, вечеромъ мирно подбирали тѣла убитыхъ и раненыхъ, а на другой день занимались похоровами мертвыхъ.

Общія несчастія феодаловъ и непримиримая къ нимъ ненависть остальныхъ классовъ общества внушили первымъ мысль о заключеніи тѣснаго союза (*consorteria*) съ цѣлю поддержанія и распространенія своего сословія ранними супружествами. Едва только успѣли подрости ихъ дѣти, какъ ихъ уже женили и надѣляли нѣсколькими наложницами. Нерѣдко было встрѣтять между ними семейства въ 300 чловѣкъ и болѣе. Такъ Дарвинъ говоритъ, что многія хищныя животныя, ведя борьбу за существованіе, стараются удержать свое положеніе усиленнымъ размноженіемъ, хитростью и пр. Но съ другой стороны постоянно напряженное состояніе духа, постоянныя насилія, злоупотребленіе властью и удовольствіями, постоянная почти изолированность и страхъ за свою жизнь, поддерживаемыя въ теченіи болѣе чѣмъ одного вѣка, воспитали и привили къ нимъ родъ наслѣдственнаго сумасшествія. *)

Выгнанные изъ замковъ, феодалы не оставались спокойными и во Флоренціи до тѣхъ поръ, пока не стояли у кормила правленія. Ихъ власть продолжалась, съ небольшими перерывами до 1282 г. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что со времени появленія во Флоренціи въ началѣ XI вѣка ереси патариновъ феодалы-гвельфы сдѣлались горячими приверженцами этого ученія и привлекли на свою сторону немалую долю рабочаго населенія города. По словамъ Перрана во Флоренціи патаризмъ исповѣдывало не менѣе трети рабочаго населенія,—причина, почему гвельфы такъ долго и безуспѣшно боролись съ своими противниками - гвельфинами.

*) Научныя доказательства въ пользу теоріи сумасшествія, развиваемаго путемъ накопленныхъ наслѣдственно пороковъ, см. въ Maudsley, „Mind and Matter.“

«Люди эти (патаринны), говорить о нихъ Сентъ-Бернаръ, не ѣдятъ своего хлѣба въ праздности. Кто-бы ни вступилъ членомъ въ ихъ общество, выходилъ оттуда богатымъ человекомъ, потому что люди эти съ утра до вечера занимались работою». Во главѣ этого общества стояли многіе талантливыя личности изъ аристократіи, представители идеи императорской власти и враги католической церкви: Гвидо, Кавальканти, Фарината Уберти, Брунето Латини, сынъ знаменитаго Пульчи, сестра самого Пульчи—Маргарита, а впоследствии и Данте. Усиленію власти и вліянію патариновъ во Флоренціи немало содѣйствовалъ рационалистъ-императоръ Германіи, Фридрихъ II, который поддерживалъ ихъ вооруженною рукою. Благодаря этому обстоятельству, патаринны могли открыто проповѣдывать свое ученіе на площадяхъ и въ церквахъ, возбуждая католическихъ священниковъ къ публичнымъ диспутамъ съ учеными сектантами, получавшими образованіе въ Парижскомъ университетѣ. Въ 1237 году флорентинцы избрали себѣ въ подеста патарина Рубаконте, оставившаго по себѣ добрую память тѣмъ, что онъ первый вымостилъ камнемъ грязныя и непроходимыя улицы Флоренціи и соединилъ мостомъ правый берегъ р. Арно съ лѣвымъ; въ тоже время епископъ патариновъ, Фелиппо Патернонь, основалъ въ Поджибовги школу, сдѣлавшуюся разсадникомъ средневѣковаго просвѣщенія. Папа Иннокентій III въ первый разъ осмѣлился призвать патариновъ на судъ инквизиціоннаго трибунала, а Григорій IX засадилъ епископа Патернона въ тюрьму. Какъ сильны были въ это время патаринны, видно изъ того, что они силою освободили епископа изъ заключенія и, поощряемые подестой Паче Пезаннола, ворвались въ нѣкоторыя католическія церкви и перерѣзали много народу. Самъ главный инквизиторъ ихъ, Пьеръ Мартиръ, былъ убитъ въ лѣсу однимъ изъ патариновъ. Само собой разумѣется, что въ этой постоянной борьбѣ партій людскіе нравы грубѣли и на мѣсто права царило грубое насиліе. Въ 1260 году ожесточеніе феодаловъ противъ гвельфовъ дошло до того, что они вмѣстѣ съ патаринами въ совѣтѣ въ г. Эмполи рѣшили стереть съ лица земли Флоренцію, какъ центръ и столицу гвельфовъ всей Тосканы. Про-

тивъ этого варварскаго плана осмѣлился возстать благородный гибеллинъ, Фарината Уберта, которому Данте влагаеть въ уста такія благородныя слова: «изъ всѣхъ этихъ людей я былъ одинъ, рѣшившійся объявить, что, пока я живъ, Флоренція не будетъ разрушена», и, сказавъ это и съ гнѣвомъ потрясая своей саблей, онъ вышелъ изъ залы, готовый призвать на защиту роднаго города своихъ многочисленныхъ друзей. Преждевременная смерть Фридриха II лишила патариновъ и матеріальной, и нравственной поддержки и развязала руки папамъ; гоненія на патариновъ и феодаловъ усилились, такъ что къ концу XIII в. ихъ выгнано было изъ Флоренціи болѣе 1000 человекъ. Имя патарина давалось въ XIV в. всякому гибеллину, уклонявшемуся отъ католической церкви. Съ этого времени, именно съ 1282 г. и политическая власть во Флоренціи была организована на болѣе демократическихъ началахъ.

Буржуазія въ это время не была еще настолько сильна и богата, чтобы могла расходиться въ нравахъ, привычкахъ и образѣ жизни съ простыми рабочими, съ которыми связывали ее еще общіе интересы, общая ненависть къ аристократіи. Буржуа одѣвались просто, ихъ жены и дочери занимались хозяйствомъ, пряденьемъ пряжи и тканьемъ; *) въ то время они не знали еще утонченной роскоши и порождаемыхъ ею разныхъ пороковъ, а потому и не думали еще объ изобрѣтеніи разныхъ хитрыхъ способовъ къ эксплуатированію рабочаго люда, чему впоследствии они посвящали всю свою жизнь. Законы республики не спрашивали итальянца, чѣмъ онъ владѣеть, а чѣмъ занимается. Только личный трудъ давалъ человеку право гражданства, только занимавшійся какимъ-нибудь ремесломъ, внесшій свое имя въ городскую книгу считался полезнымъ членомъ общества и пользовался политическими правами. Установившееся во всей Европѣ цеховое устройство пустило и здѣсь глубокіе корни. Каждое ремесло образовало свой особенный цехъ, корпорацію, не имѣвшую съ другими цехами никакой солидарности, такъ какъ переходъ изъ

*) Dante, Paradiso, cant. XV

одного цеха въ другой не дозволялся закономъ. При такомъ социально-экономическомъ строе Флоренціи аристократія не могла ужиться тамъ, гдѣ всѣ работали. Политическія формы ея быта представляли собой ни больше ни меньше какъ сколокъ съ политической организаціи временъ Римской имперіи. Всѣ граждане раздѣлялись на шесть округовъ и каждый округъ избиралъ двухъ старѣйшинъ, управлявшихъ городомъ вмѣстѣ съ подестой и народнымъ капитаномъ. Старѣйшины—это отжившій остатокъ древней римской муниципальной организаціи, подеста—непрѣменно иностранецъ изъ недовѣрія къ безпристрастію собственныхъ гражданъ,—представлялъ собою вымершую идею императорской власти. Внутри городскихъ стѣнъ онъ имѣлъ право жизни и смерти надъ гражданами. Но уже въ первой половинѣ XIV в. вся правительственная власть фактически перешла въ руки денежной олигархіи, образовавшей семь высшихъ цеховъ. Собственно рабочій людъ не пользовался политическими правами. Въ насмѣшку онъ далъ высшимъ цехамъ характеристическую кличку *popolani grassi* въ противоположность себѣ—*popolani magri*—тощему, бѣдному народу. Власть подесты существовала съ этого времени больше для парада, для блеска, какъ напр. власть королевы въ современной Англіи. Боккачю въ одной изъ своихъ повелѣй представляетъ намъ подесту въ самомъ жалкомъ видѣ, безъ всякой тѣни политическаго значенія. Во время засѣданія суда двое какихъ-то шутниковъ подкрались сзади къ подестѣ и сняли съ него штаны, такъ что онъ остался въ одной рубашкѣ, что однако не помѣшало ему кончить свое дѣло.

Сильные своими территоріальными владѣніями и иностранными связями, съ дѣтства обученные искусству владѣть оружіемъ, феодалы еще разъ попытались вернуть себѣ утраченную политическую власть. Но въ 1293 г. въ битвѣ при Кампальдино они были разбиты и противъ нихъ былъ направленъ рядъ строгихъ узаконеній, изданныхъ въ приорство Джанно Белла. Обстоятельства сдѣлали этого человѣка диктаторомъ. Джанно, богатый торговецъ, родомъ тосканецъ, отказался отъ всѣхъ привилегій, связанныхъ съ его положеніемъ, во имя любви къ свободѣ. Этотъ человѣкъ, хотя и плохой

политикъ, скорѣе теоретикъ, нежели практикъ, но не подкупно-честный и энергичный, вскорѣ сдѣлался идоломъ народа. «Это былъ одинъ изъ благороднѣйшихъ ролапо, человекъ, готовый жертвовать своими личными интересами ради интересовъ общественныхъ», говорятъ о немъ Виллани; «его власть воплощала въ себѣ принципъ справедливости и свободы», говоритъ историкъ Сисмонди. Исправляя должность подесты въ г. Пистойѣ, Джанно не могъ дослужить до установленнаго срока, такъ какъ за преданіе суду одного духовнаго лица онъ отлученъ былъ отъ церкви епископомъ этого города. Являсь потомъ во Флоренцію въ качествѣ частнаго лица, онъ тотчасъ же обратилъ на себя всеобщее вниманіе смѣлостью своихъ рѣчей о политическихъ учрежденіяхъ своего отечества; открыто выражалъ свое негодованіе на наглость феодаловъ и трусость гражданъ, не рѣшающихся разъ на всегда окончить съ крамольными феодалами. Вслѣдствіе сильнаго оскорбленія, полученнаго имъ отъ магната Фрескобальди, который въ пылу разговора схватилъ его за носъ и грозилъ откусить его, Джанно задумалъ лишить феодаловъ на всегда политическихъ правъ и изгнать изъ отечества. 14 февраля 1293 г. произошли выборы членовъ сенъорьи—пріоровъ, подесты и народнаго капитана. Выборы пали на самаго Джанно Белла, Перуцци, Альбицци, Гуалтеротти и Дино Пекора,—все единомышленниковъ Джанно. Теперь уже послѣднему не трудно было убѣдить своихъ сотоварищей назначить комисію изъ извѣстныхъ юристконсультовъ для выработки новыхъ статутовъ въ духѣ Джанно, въ которыхъ были бы указаны карательныя мѣры противъ феодаловъ и права и обязанности мирныхъ гражданъ. Для привлеченія на свою сторону низшихъ классовъ населенія рѣшено было, по мысли Джанно, присоединить къ существующимъ 12 высшимъ цехамъ еще 9 политическихъ-равноправныхъ съ первыми: мясниковъ, трактирщиковъ, мелкихъ торговцевъ солью и масломъ, кузнецовъ, телѣжниковъ, столяровъ, плотниковъ и булочниковъ. Такимъ образомъ въ концѣ XIII столѣтія во Флоренціи въ первый и послѣдній разъ были даны наряду политическія права, отнятыя у него впоследствии въ періодъ господства денежной оли-

гарки. Въ то же время, для наблюденія за феодалами и приведенія въ исполненіе новыхъ статутовъ, была создана высшая судебная власть въ лицѣ гонфалоньера юстиціи, которому дана была въ распоряженіе тысячная военная команда. 12 августа 1294 г. статуты были одобрены и утверждены. Они состояли изъ 12 главъ, къ которымъ до самаго 1306 г. постепенно, по мѣрѣ надобности, добавляли новыя статьи. Написанные первоначально на латинскомъ языкѣ, они были потомъ переведены на народный итальянскій языкъ, такъ чтобы всѣ граждане могли читать и понимать *Ordinamenti della Giustizia*.

«Всѣ дворяне лишаются политическихъ правъ.

«Всякій дворянинъ, убившій или ранившій плебея, если рана повлечетъ за собой смерть, долженъ быть обезглавленъ, а имущество его конфисковано въ пользу республики; тому же наказанію подвергается и тотъ дворянинъ, который подговариваетъ другого къ совершенію убійства.

«Въ случаѣ насилія или оскорбленія дворяниномъ плебея достаточнымъ доказательствомъ виновности перваго можетъ служить одна клятва обиженнаго или клятва его сына.

«Всякій дворянинъ, ударившій плебея въ лицо кулакомъ или какимъ либо оружіемъ, если ударъ оставить по себѣ знакъ, могущій обезчестить обиженнаго, подвергается штрафу въ 2000 лиръ въ пользу обиженнаго; *) въ случаѣ неуплаты штрафа въ теченіи 10 дней, виновному отрубаютъ правую руку. Самъ подеста, если не приступитъ къ изслѣдованію дѣла въ теченіи 5—8 дней, отрѣшается отъ должности и подвергается штрафу въ 500 флориновъ.

«Въ случаѣ появленія мятежа ни одинъ плебей ни подъ какимъ видомъ не долженъ заходить въ домъ, принадлежащій дворянину.

«Ни одинъ дворянинъ не долженъ быть являться въ мѣ-

---

*) Замѣчательно, что тотъ же дворянинъ, который такъ строго наказывался за нанесеніе побоевъ плебею, по закону имѣлъ право беззастѣнливо бить свою прислугу. (*Statut, Rub. 69*).

сто присутствія гонфалоньера во время отправленія имъ правосудія.

«Ни одинъ дворянинъ не долженъ быть членомъ совѣта или предсѣдателемъ цеха.

«Ни одинъ дворянинъ не долженъ носить оружіе во Флоренціи, не внесши предварительно 500 ливровъ залогу.

«Плебей, совершившій уголовное преступленіе сверхъ обыкновеннаго наказанія считается дворяниномъ, слѣдовательно лишается политическихъ правъ.

«Ни одинъ дворянинъ не долженъ являться въ Palazzo республики, подъ опасеніемъ штрафа во 100 лиръ».

Этимъ закономъ болѣе 72 дворянскихъ семействъ лишались политическихъ правъ, нѣкоторые были изгнаны изъ предѣловъ флорентинской территоріи, а имущества ихъ конфискованы. Такія же строгія узаконенія относительно феодаловъ примѣнены были и въ другихъ городахъ: Пизѣ, Пистойѣ, Сиенѣ, Арепцо и пр. Имена и фамиліи наказанныхъ и изгнанныхъ феодаловъ, а также и родъ ихъ преступленій вносились въ особую книгу, прикрѣпленную къ столу, желѣзной цѣпью. Вѣковая междоусобная борьба флорентинскихъ гражданъ съ феодалами воспитала и укрѣпила въ народѣ чувство ненависти къ послѣднимъ въ такой сильной степени, что слово «дворянинъ» сдѣлалось синонимомъ мошенника и разбойника, становившагося внѣ покровительства законовъ. Въ статутахъ Флоренціи титулъ «дворянства» сталъ даваться людямъ pro furto, pro homicidio, pro incestu. Отнынѣ равенство всѣхъ гражданъ становилось принципомъ общественнаго права. «L'uomo abbia la signoria dell'uomo non é niente id natura ma di loro vicio», говоритъ одинъ флорентинскій по-деста въ рѣчи къ гражданамъ. Но не сразу конечно и не безъ борьбы подчинились феодалы столь строгому приговору. Законъ Джанно вызвалъ въ нихъ послѣдній предсмертный взрывъ ярости.

— Что будетъ съ нами — кричали феодалы, если долго еще народомъ будетъ управлять такой умный тиранъ? И когда, нѣсколько дней спустя послѣ обнародованія законовъ, одинъ изъ феодаловъ, скакавшій на лошади по улицѣ, хле-

стнуть плебея нагайкой и поплатился за это большимъ штрафомъ, то всѣ феодалы подняли гвалтъ противъ плебейской «тиранніи», противъ «попиранія ихъ священныхъ правъ».

— Собаки отняли у насъ почести, отняли всякія права на общественныя должности! вопили одни.

— У насъ отняли всякія средства къ защитѣ, мы не можемъ даже требовать удовлетворенія за обиду! голосили другіе.

— Какъ! если на бѣгу моя лошадь случайно лягнетъ плебея, или если кто нибудь изъ насъ въ толпѣ нечаянно толкнетъ локтемъ плебея, то мы одни должны оставаться за это виновными!

— Если я ударю своего слугу по лицу, то и за это насъ будутъ преслѣдовать и грабить! Къ оружію, господа!

Тутъ кстати случилось одно обстоятельство, послужившее было къ выгодѣ феодаловъ и къ невыгодѣ Джанно Белла. Одинъ изъ феодаловъ, подстрекаемый барономъ Корсо Донати, убилъ роролано, народъ заволновался и потребовалъ наказанія виновныхъ. Всѣ, разумѣется, были убѣждены, что барона и убійцу постигнетъ примѣрное наказаніе; но подеста Джанно Лучино, поддуженный ли барономъ или просто изъ страха мести съ его стороны, оправдалъ виновныхъ. Возбужденіе народа не знало границъ. „Съ криками смерти по-дестѣ! къ оружію!“ возмущившаяся толпа бросилась къ жилищу Джанно Белла, прося его вести себя на расправу съ подестой; но тотъ, насколько былъ смѣлъ и грозенъ въ своихъ рѣчахъ, настолько же оказался трусливымъ и нерѣшительнымъ на дѣлѣ: онъ выслалъ толпѣ вмѣсто себя брата Тебальдо, а самъ, бросившись на коня, поскакалъ спасать подесту, который уже успѣлъ убѣжать черезъ крышу дома, и потомъ, явившись передъ толпой, сталъ увѣщевать ее успокоиться и разойтись. Этого было достаточно для того, чтобы сразу лишиться симпатій народа. Феодалы того только и ждали: съ потерей Джанно народной популярности они связывали мысль о возможности уничтоженія ненавистныхъ имъ законовъ. Едва произошли новыя выборы членовъ сенъоріи, они, пользуясь нерасположеніемъ народа къ Джанно, обвинили его передъ

сеньорией въ возмущеніи и подстрекательствѣ народа къ убійству подесты. Начавшійся по этому случаю процессъ кончился однако ничѣмъ, потому что Джанно добровольно покинулъ Флоренцію со всей своей семьей и убѣжалъ во Францію, гдѣ онъ и кончилъ свои дни.

Онъ думалъ, что Флоренція, «раскаившись въ своемъ безуміи», сама призоветъ его на родину. Вслѣдъ за тѣмъ и нисшіе ремесленные цехи лишены были политическихъ правъ и правительственная власть перешла въ руки *popolani grassi* *). Очевидно, возвращеніе на родину бывшаго народнаго любимца не могло быть желательнымъ для той части населенія, которая въ дарованіи народу политическихъ правъ стала видѣть помѣху возникавшему промышленному капиталистическому производству.

Но сила аристократіи была уже сломлена, ея мѣсто занялъ новый торговый, промышленный классъ — буржуазія. Побѣжденная, изгнанная, обязанная воздѣлывать землю своими руками, она вездѣ начинаетъ приравливаться къ новымъ общественнымъ условіямъ, теряетъ уже всякое значеніе какъ сословная корпорація. Она начинаетъ держаться другой политики, политики лести, заискиванья и прихвостничества. Одни изъ ея членовъ идутъ на службу къ мелкимъ князьямъ и тиранамъ, которые даютъ имъ убѣжище и хлѣбъ; другіе у тѣхъ же князей и тирановъ дѣлаются придворными пѣнтами; третьи, забывая свое прошлое, хотятъ возвратиться на родину съ условіемъ оставить свои аристократическія претензіи, переимѣнить свои фамиліи, бросить свое родовое платье, однимъ словомъ — они совершенно ассимилировались съ *popolani grassi*, съ буржуазіей. Побѣдоносная и сильная своимъ матеріальнымъ и политическимъ могуществомъ, Флоренція *de facto* пріобрѣтаетъ гегемонію почти надъ всѣми свободными итальянскими городами, которые обращаются къ ней за значеніемъ новаго подесты. Само папство отказывается отъ посреднической роли, и ищетъ ея расположенія и дружбы, въ виду тѣхъ услугъ, какія оказывали расточительнымъ папамъ

*) Villani, VIII, 8, — Ferrant, II, 428.

своимъ кредитомъ флорентинскіе банкиры. На юбилей папы Бонифація VIII въ 1300 г. Флоренція послала аллегорическое посольство, представлявшее собою самыхъ могущественныхъ государей земли, не исключая и татарскаго хана. Его свита состояла изъ 50 человекъ, одѣтыхъ въ пышныя одежды.

— Что это за городъ—Флоренція?! вскричалъ папа предъ собравшимися у него кардиналами. Такъ какъ никто изъ присутствовавшихъ не отвѣчалъ на этотъ возгласъ, то папа повторилъ его трижды. Если вы мнѣ ничего не отвѣтите, обратился онъ къ молчавшимъ кардиналамъ, то я или оштрафую васъ или засажу въ тюрьму.

— Флоренція, ваше святѣйшество, прекрасный городъ, робко отвѣчалъ одинъ изъ кардиналовъ.

— О злой испанецъ! Онъ лучший изъ всѣхъ городовъ. Развѣ не флорентинцы питаютъ насъ и управляютъ нашимъ дворомъ? Да, они управляютъ всѣмъ міромъ, потому что ихъ посланники—представители всѣхъ государствъ. Флорентинцы представляютъ пятую стихію вселенной.

II.

Сила и богатство флорентинской буржуазіи.—Характеристика представителей партій Бѣлыхъ и Черныхъ.—Причины внутреннихъ неурядицъ Флоренціи.—Внимательство въ дѣла Флоренціи папы Бонифація VIII.—Его характеристика.—Избраніе въ пріори Данте.

Послѣ окончательнаго пораженія аристократіи власть буржуазіи утвердилась на прочныхъ основаніяхъ. Сначала едва еще замѣтная и жившая одними интересами съ ремесленниками и мелкими лавочниками, она вскорѣ, благодаря разившейся промышленности, богатству и родственнымъ связямъ съ оставшимися феодальными родами, начинаетъ пріобрѣтать первенствующее значеніе среди прочихъ социальныхъ классовъ и совершенно выдѣляется изъ низшихъ цеховъ въ высшіе. Вѣсть съ возрастаніемъ богатства возникли новыя потребности, появились новыя отрасли промышленности, которыя

стативали къ себѣ изъ окрестныхъ деревень массу народа. Буржуазія, казалось, достигла всего, чего только желала: власти, богатства, почестей. Она первая завела въ Европѣ банкирскія конторы; къ ней отовсюду обращались за кредитомъ, многіе города—за совѣтомъ и даже за вооруженной помощью. Тѣ права и привилегіи, которыми прежде пользовалась одна аристократія, буржуазія присвоила теперь себѣ: какъ и у феодаловъ, у ней появились въ услуженіи рабы и крѣпостные, которые обрабатывали захваченную или купленную у феодаловъ землю; она построила множество загородныхъ дачъ, а въ городѣ—увеселительныхъ заведеній, гдѣ ея дѣти учились привнзвать къ праздности; но она не чуждалась и образованія: въ построенныхъ ею школахъ обучалось болѣе 10,000 дѣтей. «Никогда Флоренція не находилась въ болѣе счастливомъ положеніи, какъ теперь—пишетъ ея историкъ Аммирато—относительно количества населенія, богатства и кредита. Теперь во всей Тосканѣ не существовало ни одного города, который могъ бы затмить Флоренцію своей славой или устрашить ее. Имя гибеллинской партіи почти совсѣмъ исчезло, такъ что всѣ итальянскія республики или повиновались ей или были ея друзьями. Вслѣдствіе большаго досуга гражданъ и внутреннего спокойствія, литература и искусство получили широкое развитіе и граждане соперничали другъ передъ другомъ въ постройкѣ великолѣпныхъ зданій и церквей». Въ это относительно спокойное время былъ задуманъ планъ постройки одного изъ грандіознѣйшихъ символовъ средневѣковой республиканской славы и величія—Palazzo del Comune; въ это же время было приступлено къ постройкѣ великолѣпной по своей архитектурѣ церкви Santa Maria Novella, Santa Croce и Santa Spirito. Изъ желанія затмить своей славой и пышностью построекъ всѣ другіе европейскіе города буржуазія издала декретъ, которымъ повелѣвалось лучшимъ архитекторамъ соорудить одно изъ чудесъ міра—соборъ Santa Maria del Fiore, «подобнаго которому—говорилось въ декретѣ—во всемъ свѣтѣ не могло бы быть красивѣе и изящнѣе». Къ ея услугамъ были лучшіе художники

Чинчабу и Джото, освободившіе живопись отъ вліянія Востока и введшіе въ ея произведенія естественную красоту.

Въ началѣ XIV вѣка во Флоренціи мы находимъ уже 12 ремесленныхъ цеховъ, а въ концѣ первой четверти того же столѣтія число ихъ возросло до 21, въ конѣхъ 7 высшихъ и 14 нисшихъ. Относительно количества народонаселенія Флоренціи въ началѣ этого вѣка мы не имѣемъ точныхъ данныхъ, такъ какъ флорентинцы до самаго 1450 г. не вели правильныхъ списковъ ежегодно рождающихся и умирающихъ. Съ незапамятныхъ временъ дѣти крестились въ единственной церкви Іоан. Крестителя, священники которой «ради собственнаго любопытства» прибѣгали къ очень оригинальному способу счисленія ежегодно рождающихся дѣтей обою пола: при каждомъ крещеніи они бросали въ купель черный бобъ, если крещаемый былъ мальчикъ, и бѣлый, если—дѣвочка; бобы эти складывались въ одну кучу и въ концѣ года сосчитывались. Хроника единогласно считаетъ приблизительную цифру населенія Флоренціи около 100,000. Ея армія въ военное время могла доходить до 80,000 человекъ; а ея доходы простирались до 400,000 флориновъ золота *), т. е. до 25,000,000 р. на наши деньги.

Но чѣмъ больше росло богатство одного класса общества, тѣмъ больше усиливалась роскошь, непронзводительные расходы и вообще порча нравовъ, и тѣмъ болѣе, слѣдовательно, росла нищета и, какъ слѣдствіе ея, недовольство нисшихъ цеховъ существующимъ политическимъ и социальнымъ строемъ. Изъ одного уже распредѣленія цеховъ на высшіе и нисшіе видно, какъ, по мѣрѣ все большаго сосредоточенія богатствъ и власти въ рукахъ все меньшаго и меньшаго количества лицъ, число высшихъ цеховъ уменьшалось, а нисшихъ—увеличивалось. Подобно всѣмъ странамъ съ капиталистическимъ производствомъ, и здѣсь социальная ровнь усиливалась, эгонстическія чувства развивались въ ущербъ социальнымъ. Уже начало XIV вѣка открывается партизанской, гражданской войной между новыми актерами, новыми лицами, принявшими,

*) По Троллоу флоринъ зол. равнялся 3 ф. стерл. и 6 шилл.

сообразно съ измѣнившимися условіями, новые лозунги партій. Внутреннія несогласія сдѣлались почти обычнымъ явленіемъ Флоренціи съ тѣхъ поръ, какъ исчезла вѣншія. Война между Черными и Бѣлыми велась теперь уже не за политическое господство феодальной и буржуазной партій,—это, напротивъ, начало борьбы за существованіе между богатыми и бѣдными. Причиной ея можно считать отчасти и то, что въ составъ этого первоначально однороднаго организма проникли разнородные элементы, которые никакъ не могли улечься въ новыя общественныя формы, отчего и происходило неустойчивое состояніе общества.

Дѣло начинается съ города Пистойи, гдѣ точно такъ же, какъ и во Флоренціи, издавна велась борьба между гражданами и феодалами. Пистойя; еще прежде Флоренціи, 1286 г., старалась обуздать крамольныхъ феодаловъ строгими законами; но тамъ существовала богатая, сильная фамилія Канчеліери, которую трудно было поставить въ границы закона, такъ какъ члены ея, заключавшіе въ себѣ болѣе 180 членовъ, не легко могли выпустить изъ своихъ рукъ политическую власть. Члены этой фамиліи дѣлились на двѣ партіи—Бѣлыхъ и Черныхъ, получившихъ свое названіе, какъ говорить, первые отъ родоначальницы ихъ, прабабушки Біанки, вторые отъ второй жены одного изъ Канчеліери, Нери. Богатые Канчеліери «не боялись публично оскорбить, изуродовать и даже убить всякаго, кто только почему нибудь имъ не правился и не было надъ ними ни суда, ни расправы». Вслѣдствіе постоянныхъ внутреннихъ раздоровъ партій пистойскій подеста сложилъ съ себя должность и уѣхалъ; тогда Бѣлые, составлявшіе умѣренную партію (*rovati*), обратились за помощью въ Флоренцію. Въ 1296 г. флорентинцы взяли Пистойю подъ свое покровительство на пять лѣтъ, съ правомъ посылать туда на шестимѣсячный срокъ своего подесту, представители же обѣихъ партій были приглашены поселиться во Флоренцію, тѣмъ она и влила въ свое набогѣвшее тѣло новый ядъ. Существованіе во Флоренціи Черныхъ и Бѣлыхъ Данте весьма остроумно сравниваетъ съ обремененіемъ и безъ того слабого и переполненнаго желудка дурною и непереваримой

нищей, слѣдствіемъ чего и явилось разстройство всего организма. Во Флоренціи Канцеліери имѣли много друзей и знакомыхъ, тамъ же они нажили себѣ и новыхъ враговъ.

Бѣлые помѣстились въ домахъ Черки, богатыхъ буржуа, тогда какъ Черные приняли гостепримство Фрескобальди, друзей и союзниковъ Борсо Донати. Главой партіи Бѣлыхъ сдѣлался Віери Черки, въ полномъ смыслѣ слова буржуа, обладавшій большимъ состояніемъ, приобретеннымъ многолѣтней торговлей. Это былъ человекъ изъ партіи умѣренныхъ, почти вовсе неразвитый, осторожный до трусости; но вмѣстѣ съ тѣмъ великодушный и щедрый, готовый на всякую помощь нуждающемуся, за что пользовался уваженіемъ бѣдныхъ и промотавшихся феодаловъ; послѣдніе питались крохами со стола Черки, всегда считали его за человека, отличавшагося снисходительностью къ преслѣдуемымъ гибеллинамъ, и потому остались вѣрными приверженцами его партіи. Беззавражная народная масса стояла за Черки потому, что онъ противился преслѣдованію Джанно Белла, вслѣдствіе чего она перенесла свою любовь на новаго вождя, хотя этотъ вождь въ сущности не стоялъ и пята предшественника; она стояла за него въ видахъ облегченія своей участи, уменьшенія налоговъ, пріобрѣтенія политическихъ правъ. Партія Черки заключала въ себѣ всѣ прогрессивные элементы общества. Данте, Гвидо Кавальканти, Джинно де-Пистойя и весь цвѣтъ лучшаго юношества принадлежали къ партіи Черки въ силу принципа, что изъ двухъ золъ слѣдуетъ избирать менѣе худшее. Совсѣмъ другого закала и характера былъ Донати, глава партіи Черныхъ. Онъ былъ человекъ для своего времени довольно образованный и обладалъ даромъ краснорѣчія и остроумія, чему отчасти и обязанъ своимъ влияніемъ на современниковъ; при томъ же, вмѣстѣ съ красотой лица, обладалъ обольстительными манерами и столь величавой осанкой, что народъ, видя его прогуливающимся по городу съ толпой наемниковъ, верѣдко встрѣчалъ его криками: «ура, бароны!» Своему влиянію на насшіе слои населенія онъ былъ обязанъ отчасти громкими жалобами на тяжесть налоговъ и военной повинности, по которой народъ заставляли строить внѣ города

крѣпости и охранять ихъ, хотя это недовольство вытекало у него не изъ чистаго источника, а изъ желанія свергнуть существующую власть и стать самому у кормила правленія. За разные авантюристскія походы и насилія надъ мирными гражданами, по всей вѣроятности, онъ давно бы уже былъ повѣшенъ, еслибы побѣда, одержанная имъ надъ аретинцами при Кампальдино (1289 г.), не возвратила ему снова популярности. Тщеславіе составляло его господствующую страсть, ради которой онъ жертвовалъ самыми священными общественными и семейными интересами. Не валибивъ свою первую жену, сестру Віери Черки, онъ въ порывѣ гнѣва отравилъ ее, что и послужило главной причиной вражды между представителями обѣихъ фамилій. У Донати была красавица стра, Пиккарда, которую братъ, не спросивъ ея согласія, обѣщалъ въ супружество одному изъ своихъ друзей, Росселино Делла Тозе, славившемуся огромнымъ богатствомъ и распутной жизнью, разумѣется въ надеждѣ поправить черезъ это супружество свои растроеныя дѣла. Само собой разумѣется, Пиккарда не могла согласиться быть женою человѣка, отличавшагося жестокимъ характеромъ и непостоянствомъ въ своихъ привязанностяхъ. Чтобы избѣжать позора сдѣлаться женою этого человѣка, молодая дѣвушка постриглась въ монахини въ монастырь св. Клары, гдѣ она оставалась, впрочемъ, недолго. Едва братъ узналъ о поступкѣ сестры, какъ сейчасъ же скачетъ изъ Болоньи съ 12 отчаянными молодцами во Флоренцію, перескакиваетъ черезъ стѣны монастыря, врывается въ келью и силой увозитъ сестру. Конечно, она была отдана Росселино, но ненадолго. Честная Пиккарда не могла перенести такого позора и лишила себя жизни. Таковъ былъ глава партіи Черныхъ. Къ довершенію всего, оба вождя жили другъ подлѣ друга: Черки—въ богатомъ дворцѣ графовъ Джулли, Донати въ небольшомъ скромномъ домикѣ, окна котораго, почти совсѣмъ заслоненныя задней стѣной дома Черки, скрывали видъ на окрестность, что особенно возбуждало въ немъ зависть и злобу противъ Черки, усилившуюся еще болѣе вслѣдствіе проиграннаго имъ Черки денежнаго процесса.

Вся Флоренція приняла участіе въ этой гражданской борьбѣ

партіи. Дѣло пока ограничивалось ссорами и драками на улицахъ и въ публичныхъ собраніяхъ. Донати иначе не называлъ Віери, какъ осломъ. Когда послѣдній являлся въ общественномъ собраніи, гдѣ онъ долженъ былъ говорить рѣчь, то первый обыкновенно спрашивалъ: «будетъ ли сегодня рѣчь оселъ?» Съ своей стороны Віери не иначе отзывался о Донати, какъ о разбойникѣ. Въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ почти ежедневно на улицахъ совершались убійства, виновниками которыхъ были Донати или его приверженцы. Въ концѣ концовъ дѣло кончилось тѣмъ, что однажды Донати, окруженный толпой преступниковъ, осужденныхъ за воровство и другія преступленія, среди бѣла дня убилъ сына Віери, Николо, конечно съ тою цѣлю, чтобы поодионокѣ уничтожить всѣхъ представителей партіи Бѣлыхъ и возстановить олигархическую власть немногихъ знатныхъ буржуа—аристократовъ.

Нужна была опытная и мудрая рука для испѣленія внутреннихъ золъ. Характеръ правительственной власти воплѣтъ соотвѣтствовалъ такому шаткому общественному положенію. Причины внутренней неурядицы столько же коренились въ самомъ социальномъ строѣ Флоренціи, сколько и въ безтолковой организаціи правительственной власти, которая какъ будто нарочно создана была такъ, чтобы парализовать всякую частную инициативу. Дѣло въ томъ, что флорентинская конституція представляла въ сущности не политическую, а индустриальную организацію,—простую группу гильдій или цеховъ, облеченныхъ правительственнымъ авторитетомъ. Всѣ фракціи, стоявшія у кормила правленія, заботились не объ упроченіи существующей власти, а объ исключеніи, недопущеніи къ власти ненавистныхъ людей, для чего всѣ средства считались позволительными. Пріоры избирались на два мѣсяца и черезъ два же мѣсяца нерѣдко уничтожалось все то, что строилось въ предшествующіе мѣсяцы. Отъ этого происходила непрочность существующаго строя, неувѣренность каждаго въ личной безопасности, изъ страха, что съ появленіемъ новыхъ правителей явятся новыя, непохожіе на прежніе, порядки. Такъ какъ ни кто ни кому не довѣрялъ и всякій подозрѣвалъ въ со-

товарищѣ врага, то было создано множество совѣтовъ, которые опутывали другъ друга сѣтью всевозможныхъ ограниченій и стѣсненій. Такихъ совѣтовъ было 7: *Советъ мудрыхъ или старѣйшимъ, Советъ ста, Великій народный советъ, Великій советъ 300, Специальный советъ 90, Советъ 36 и, наконецъ, Общій парламентъ*. Въ этой одной изъ свободнѣйшихъ средневѣковыхъ республикъ, личная инициатива была стѣснена и права личности нисколько не уважались. Ни одинъ гражданинъ не смѣлъ безъ позволенія властей переселиться на житье изъ одной улицы на другую или перейти съ одной квартиры на другую. Сами представители власти не смѣли брать на себя рѣшенія даже самаго ничтожнаго дѣла. Шелъ ли, на примѣръ, вопросъ объ ассигнованіи суммы 45 флоринновъ на покупку и доставку изъ Пистойи лѣсу, или о томъ, чтобы отослать умирающаго больного въ госпиталь Санъ-Галло, для всего этого требовалось собраніе всѣхъ семи совѣтовъ.

Отправленіе своихъ обязанностей должностными лицами было обставлено во Флоренціи крайне стѣснительными условіями, и въ наше время ни одинъ человекъ, дорожащій своей честью и личной нравственной независимостью, не согласился бы принять на себя, при такихъ условіяхъ, должность, какъ бы высока и почетна она ни была. Постоянная борьба партій, вѣчная необеспеченность жизни и имущества гражданъ отъ произвола и насилія сильныхъ породили недоверіе другъ къ другу, недоверіе даже къ безпристрастію выборной власти. Шпіонство другъ за другомъ было возведено въ систему. Подеста, напр., даже въ цвѣтущее время Флоренціи, избирался на одинъ годъ, и при томъ непремѣнно изъ иностранцевъ, жившихъ по крайней мѣрѣ въ 15 миляхъ отъ Флоренціи. При выборѣ его, въ условія входили малѣйшія мелочныя подробности относительно дома, въ которомъ онъ долженъ жить, его образа жизни, свиты, которую онъ могъ привести съ собой, но изъ которой исключались его родственники и друзья; онъ не долженъ былъ дружить съ гражданами избравшаго его города, не принимать приглашеній на пиръ, крестины и т. п.; 2-хъ мѣсячная дѣятельность членовъ сенгорія — пріоровъ — тоже была обставлена крайне стѣснитель-

ними формальностями, точь—въ—точь какъ наши присяжные засѣдатели, которыхъ запирають въ совѣщательную комнату для обсужденія постановленія вердикта. Они поселялись на это время въ особенномъ домѣ, гдѣ они ѣли и спали, никуда не выходя безъ позволенія пропоста, да и то большею частью ночью.

Общественное неустройство побудило гражданъ, въ виду собственной неспособности, искать спасенія во внѣшней помощи. Съ давнихъ поръ во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ Флоренція обращалась за совѣтомъ и посредничествомъ къ папамъ, а за помощью—къ иностраннымъ принцамъ. И въ данномъ случаѣ Флоренція обратилась къ посредничеству папы Бонифація VIII. Это предложеніе посредничества тѣмъ пріятнѣе было Бонифацію, что богачи Спини, друзья Донати, были главными банкирами папы, слѣдовательно вмѣшательство его въ дѣла республики могло поставить его «у самаго золотого источника, изъ котораго онъ могъ утолять свою жажду». Бонифацій велъ столь роскошную, расточительную жизнь, что флорентинскій банкиръ всегда высылалъ ему больше той суммы денегъ, какая требовалась по конторскимъ книгамъ. Непомѣрный ханжа предъ невѣжественной толпой отъявленный вольнодумецъ въ обществѣ великосвѣтскихъ людей, называя религію «человѣческими выдумками», ласковый и коварный съ тѣми, отъ кого онъ надѣялся извлечь какую нибудь выгоду, онъ въ тоже время отличался жестокостью съ своими врагами; человѣкъ, лишенный какъ всякаго образованія, такъ равно и всякаго чувства стыда и чести, устранивъ хитростью съ папскаго престола Целестина V, Бонифацій вступилъ на престолъ съ единственной цѣлью пожурировать. Такъ какъ Целестинъ, слышій въ народѣ за святого, могъ стоять ему поперекъ дороги, служа какъ бы живымъ укоромъ за его безстыдную жизнь, то Бонифацій постарался освободиться отъ него тюремнымъ заключеніемъ. Целестинъ бѣжалъ. «Тогда его начали преслѣдовать какъ дикаго звѣря, гоняя по горамъ и лѣсамъ, пока онъ снова не попалъ въ руки Бонифація, который заключилъ его въ столь узкую тюрьму, что онъ не могъ ни вставать, ни ложиться и

гдѣ онъ вскорѣ умеръ. Бонифаціи велѣлъ похоронить его какъ злодѣя, но когда, 18 лѣтъ, спустя тѣло его открыли для того, чтобы поклониться ему какъ святому, то черепъ его обвязался проткнутымъ гвоздемъ». Онъ объявилъ крестовый походъ противъ богатыхъ кардиналовъ Колонна, обѣщая отпущеніе грѣховъ тѣмъ, кто возметса противъ нихъ за оружіе за то только, что тѣ, въ конклавѣ по случаю выбора папы, подавая голосъ за Бонифаціи, мелькомъ замѣтили, что выбрать поваго папу въ то время, пока живъ старшій—не совсѣмъ законно. Злопамятность Бонифаціи къ своимъ врагамъ ниеогда не покидала его. Во время богослуженія, постомъ, когда католическій глава по обыкновенію посыпалъ пепломъ головы знатныхъ вельможъ для напоминанія имъ о ихъ ничтожествѣ, къ нему подошелъ для исполненія надъ собой обрядъ личный его врагъ, Поркетто Спиннола, архіепископъ Генуи. Бонифаціи съ яростью бросилъ ему пепломъ прямо въ глаза и неустово закричалъ: «Гибелинцъ! знаешь ли ты, что ты—прахъ, и вмѣстѣ съ другими, подобными тебѣ, гибелинами возвратишься въ землю?» По своимъ нравственнымъ качествамъ, по цѣлямъ и стремленіямъ, обѣ личности — Бонифаціи и Донати—были похожи другъ на друга какъ двѣ капли воды. Это были два типа людей, олицетворявшихъ собою все пороки тогдашняго грубаго общества.

Къ такому-то человѣку Флоренція обратилась, на своѣмъ бѣду, къ посредничеству въ дѣлѣ примиренія враждующихъ партій. Изъ чувства благодарности къ своимъ обязательнымъ кредиторамъ, Бонифаціи вполне раздѣлялъ мнѣніе Черныхъ, что для его собственнаго блага и спокойствія гораздо выгоднѣе поддерживать Черныхъ, нежели Бѣлыхъ. Бонифаціи приказалъ Віери Черки явиться въ Римъ для личныхъ объясненій. Тотъ явился, но на предложеніе примириться съ своими врагами, гордый буржуа съ достоинствомъ отвѣчалъ, что у него «нѣтъ враговъ, и потому не нуждается въ примиреніи». Этотъ смѣлый отвѣтъ еще болѣе озлобилъ Бонифаціи противъ Бѣлыхъ. Какъ разъ въ этотъ самый моментъ, 14 іюля 1300 г., Флоренція приступила къ выбору пріоровъ. Выборъ палъ на Данте Алигieri. Но прежде нежели мы расскажемъ о пріор-

ствѣ поэта-философа, намъ необходимо охарактеризовать въ общихъ чертахъ нравственную личность и литературно-научную дѣятельность этого замѣчательнаго человѣка.

III.

Средневѣковыя школы и университеты.—Воспитаніе Данте.—Его трилогия.—Идея, одушевившая Данте въ его литературной и политической дѣятельности.—Данте популяризаторъ науки.—Причины непопулярности его сочиненій между современниками.—Нравственная параллель между Дантомъ и Петраркой.

Отецъ флорентинской статистики, Джованни Виллиани сообщаетъ намъ любопытныя данныя о количествѣ существовавшихъ въ его время во Флоренціи школъ и учащихся. Флоренція въ то время была тѣмъ счастливымъ, городомъ, гдѣ образованіе давалось возможно большому количеству людей. Въ шести флорентинскихъ школахъ умѣвшихъ читать числилось отъ 8-ми до 10,000 дѣтей, изъ коихъ 1,200 учились ариметикѣ и 600 человѣкъ въ четырехъ высшихъ школахъ латинской грамматикѣ и логикѣ. Изъ того, что на 90—100,000 населенія Флоренція существовало всего 2 школы грамотности и 4 внешія латинскія школы, мы заключаемъ, что собственно о народномъ образованіи правительство заботилось мало, а всѣ свои старанія употребляло на образованіе высшихъ классовъ общества. Образованіе въ этихъ школахъ, разумѣется, было рутинное, схоластическое, состоявшее въ зазубриваніи различныхъ правилъ. Въ ариметику напр. примѣшивались фантазіи Никомаха о таинственной и чудесной силѣ нѣкоторыхъ чиселъ; точно такую же таинственную силу въ словахъ учила находить и диалектика. Въ одной изъ высшихъ флорентинскихъ школъ одно время читалъ лекціи Чекко Дасколи и Брунето Латини, котораго слушалъ и Данте; здѣсь же писали и распространяли свои сочиненія оба Виллиани, Малиспини; но особенно громадное значеніе для жаждущихъ знанія имѣло сочиненіе профессора Trivium и Quadrivium В. Латини—„Il Tesoro“ (сокровище). Изъ этого сочиненія, состоящаго изъ 3,000 сти-

ховъ, мы узнаемъ, что этотъ ученый, еще за долго до открытія Коперника, имѣлъ уже ясное представленіе о шарообразности земли и угадалъ часть великаго закона тяготенія. Въ цѣломъ—его сочиненіе представляетъ энциклопедію научныхъ свѣденій по естествознанію, послужившую Данте прекраснымъ учебникомъ. Университета во Флоренціи не существовало до 1348 года, но жаждущее знанія юношество могло получать образованіе въ Падуанскомъ и Болонскомъ университетахъ, которые существовали уже во время Данте. Во всей Европѣ въ XIV в. существовало до 20 университетовъ, изъ коихъ на одну Италію приходилось 9. Первоначально въ университетахъ существовало только три профессуры: *каноническое и гражданское право и медицина, риторика и астрономія*, обыкновенно отождествляемая съ астрологіей; императоръ Фридрихъ II въ первый разъ велѣлъ ввести въ курсъ университетскаго преподаванія творенія Платона, Аристотеля, Птоломея и Григорія Нисскаго. Профессора приглашались къ преподаванію только на время, иногда даже на одинъ семестръ, такъ что они, подобно тогдашнимъ актерамъ, по большей части вели бродячую жизнь. Университеты были очень бѣдны какъ учебными пособиями, такъ равно и обстановкой: студенты нерѣдко цѣлыми сотнями сидѣли на полу, на соломѣ, и съ жадностью слушали профессоровъ, которыхъ они сами выбирали и сами же имъ платили деньги за слушаніе лекцій, сами выбирали и ректоровъ, при чемъ послѣдніе обязывались предъ общинами вербовать въ свой университетъ какъ можно больше слушателей. Въ началѣ XIV в. положеніе учащейся молодежи измѣняется къ лучшему. Разъ сознавъ, что университеты могутъ сдѣлаться могущественной цивилизующей силой, правительства и общины соревновали другъ передъ другомъ въ привлеченіи въ стѣны университета какъ можно большаго числа слушателей и въ облегченіи ихъ матеріальнаго положенія. Студенты содержались на счетъ общинъ и преподаваніе въ нѣкоторыхъ университетахъ для всѣхъ слушателей сдѣлалось бесплатнымъ. Французскіе короли иначе не называли парижскаго университета, какъ „Alma filia nostra“. Для привлеченія слушателей, правительства и общины давали

имъ всевозможныя льготы и преимущества. Такъ, еще въ 1228 г. въ Вирчелли (Verceil) городская община предоставила студентамъ въ полное распоряженіе странноприимный домъ для 500 человекъ, въ которомъ молодежь могла жить во все время своего ученія. Въ голодные годы—весьма нерѣдкое явленіе въ то время—община выдавала имъ до 500 бочекъ ржаной муки и столько же пшеничной, при чемъ она закономъ постановила, чтобы кредиторы ни подъ какимъ видомъ не преслѣдовали учащихъ за долги; въ случаѣ кражи у нихъ вещей, общество обязывалось вознаградить ихъ. Во время гражданскихъ междоусобій общество старалось обезопасить учащихъ отъ всевозможныхъ оскорбленій и насилій, при чемъ и послѣдніе съ своей стороны обязывались въ такихъ случаяхъ держаться нейтральной почвы и не принимать активнаго участія въ борьбѣ партій. Мало того—сами общества нанимали въ помощь студентамъ копистовъ для переписки лекцій. Благодаря, быть можетъ, этимъ счастливымъ обстоятельствамъ, въ стѣнахъ университетовъ нерѣдко было встрѣтить учащихъ всевозможныхъ національностей: итальянцевъ, французовъ, нормандцевъ, англичанъ, испанцевъ, провансальцевъ и пр. Какойнибудь маленькій городокъ, жители котораго существовали прежде продажей продуктовъ своего жалкаго ремесла, теперь, благодаря приливу множества учащейся молодежи, превращался въ богатый и торговый центръ. Такимъ торговымъ центромъ и колыбелью просвѣщенія и духа терпимости была Сицилія въ XIII ст., при великомъ императорѣ Фридрихѣ II *). Здѣсь, при содѣйствіи ученыхъ арабовъ, были основаны знаменитыя медицинскія школы, куда стремилося все свободо-мыслящее и жаждущее свѣта юношество.

Значить, и тогда уже существовали довольно благопріятныя условія для приобрѣтенія всесторонняго образованія, какое могли получить напр. Бр. Латини и Данте. Передъ нами выступаетъ величавая, благородная личность поэта-философа, личность, обязанная своей славой столько же учено-литературной дѣятельности, сколько и своей страдальческой жизни.

*) A. Lange, Geschichte des Materialismus, 5. 82.

Счастливо протекала жизнь мальчика-Данте до девятилѣтняго возраста, когда съ нимъ случилось одно обстоятельство, имѣвшее громадное вліяніе на характеръ всей его послѣдующей дѣятельности. Обстоятельство это: любовь Данте-мальчика къ восьмилѣтней Беатриче, дочери богатаго флорентинца, Фолько Портинари. Эта горячая любовь переродила всю его нравственную личность, подняла и облагородила все его міросозерпаніе. Беатриче стала для него символомъ высокихъ идей, олицетвореніемъ нравственнаго добра. Оттуда и высокій взглядъ Данте на женщину и то великое значеніе, какое придавалъ онъ этой любви въ дѣлѣ нравственнаго развитія личности. Своимъ нравственнымъ воспитаніемъ онъ обязанъ былъ матери Беллѣ, одной изъ благороднѣйшихъ и образованнѣйшихъ женщинъ своего времени. Впослѣдствіи, въ годы возмужалости, когда судьба такъ немилосердно преслѣдовала его; онъ не переставалъ съ благоговѣніемъ вспоминать о ней:

«Цѣлуя мое лицо—онъ сказалъ:

«Буди благословенно чрево, носившее тебя». Получивъ свое первоначальное образованіе подъ руководствомъ Брунето Латини, онъ докончилъ свое всестороннее образованіе въ Болонскомъ и Падуанскомъ университетахъ. Недостатокъ научнаго образованія онъ пополнялъ чтеніемъ книгъ, которыя онъ пожиралъ съ необычайной ревностью. Рассказываютъ, что, будучи однажды по дѣламъ въ Сіенѣ, Данте зашелъ къ одному своему знакомому за обѣщанной книгой. Выйдя съ книгой на улицу, онъ захотѣлъ взглянуть въ нее и до того увлекся ея чтеніемъ, что сѣлъ у двери дома на скамейку и, не отрываясь, читалъ ее до самаго вечера, совершенно не замѣчая происходившихъ почти предъ его глазами веселыхъ плясокъ и игръ молодежи. *) Вѣроятно онъ занимался также и изящными искусствами, такъ какъ извѣстно, что онъ игралъ на нѣкоторыхъ инструментахъ и занимался живописью. Назелла и Джото были его хорошими друзьями. Самъ принадлежа по рожденію къ аристократической семьѣ, Данте весьма далекъ

*) Mrs. Oliphant, The Takers of Florence, 1876 г. 43.

былъ отъ всякихъ сословныхъ предразсудковъ. Образование и горькій опытъ научили его цѣнить нравственное достоинство во всякомъ человѣкѣ, къ какому бы рангу онъ ни принадлежалъ. Въ *Convito* онъ развиваетъ понятія *nobile* и *nobiltà*, по которымъ «благородство» вовсе не ставитъ въ зависимость отъ породы. *Nobile*, по его понятіямъ, тотъ, въ комъ сильно стремленіе къ умственному и нравственному совершенству *).

Въ трилогіи Данте: *Vita nuova*, *Convito* и *Divina Commedia* представляются главные моменты развитія миро-созерцанія поэта. *Divina Commedia* — энциклопедія всѣхъ знаній, написанная въ формѣ путешествія въ адъ, чистилище и рай,—формѣ, пользовавшейся тогда общимъ сочувствіемъ. Душа поэта представляется лабораторіей, въ которой фигура Беатриче мало по малу преобразовывается, теряетъ свои осязаемыя, чувственныя формы, является символомъ, аллегоріей. Данте—поэтъ, философъ, вѣрующій католикъ, и любовь его обнимаетъ собой искусство, знаніе и религію. Въ *Vita nuova* мы находимъ описаніе перваго періода этой оригинальной любви. Это разсказъ о томъ, что чувствовалъ поэтъ; онъ живетъ еще среди книгъ, со всѣми юношескими, неокрѣпшими мечтами. Здѣсь чувствуется потребность мира, уединенія въ чемъ нуждался тогда всякій, живя среди кровавыхъ гражданскихъ междоусобій. Въ *Convito*, въ которомъ *distribuisce il cibo della sapienza*, господствуетъ разумъ, «уклоняющійся отъ ортодоксальнаго ученія», наконецъ въ *Divina Commedia* является, какъ въ синтезѣ, гармоническое сліяніе всѣхъ трехъ элементовъ человѣческой природы. Жизнь Данте есть постоянное возвышеніе отъ матеріальнаго къ духовному, *salire da carne a spirito*, безконечная борьба, богатая самыми разнообразными эпизодами, одушевленная одной надеждой, одной идеей: достиженія высокаго идеала, во Флоренціи—примиренія партій, въ Италіи—единства въ управленіи, въ Европѣ—всеобщей монархіи, причемъ императоръ долженъ быть вмѣстилищемъ всѣхъ добродѣтелей, подобнымъ Траяну, «кроже вы-

*) *Convito*, *Trat. VI*.

слушивавшему и удовлетворявшему просьбу бѣдной вдовицы^{*)}; въ сферѣ религиозной—единой католич. религіи, наконецъ въ области философической—знанія, обращеннаго исключительно къ достиженію абсолютнаго блага, нравственнаго и умственнаго совершенства, въ чемъ собственно и заключается все людское блаженство. Беатриче ведетъ Данте къ этому идеальному совершенству, котораго онъ достигаетъ только путемъ борьбы съ самимъ съ собою и своими врагами. Тутъ личность поэта совершенно исчезаетъ, самъ онъ становится средневѣковымъ Прометеемъ, сообщившимъ современникамъ божественный огонь знанія и указующимъ имъ путь къ счастью. Онъ самъ говоритъ, что его задачей было «исправить тѣхъ, которые живутъ жалкой жизнью и вести ихъ къ состоянію счастья; указать имъ на болѣе человѣчныя идеалы». Такъ, когда Данте въ «Чистилищѣ» начинаетъ бесѣдовать съ Марконъ Ломбардо о происхожденіи зла на землѣ, то при этомъ онъ оговаривается, что это онъ спрашиваетъ для того, чтобы «я рассказалъ людямъ обо всемъ, что увижу и узнаю^{*)}», хотя бы рассказанное и показалось многимъ горчѣ луку». Беатриче, при встрѣчѣ съ нимъ въ «Раю», тоже проситъ его «не скрывать отъ людей того, что онъ увидѣлъ... Люди, потерявшіе стыдъ и совѣсть—говоритъ она—почувствуютъ твои жесткія слова и зло исчезнетъ... твоя рѣчь будетъ подобна сильному вѣтру, который долетитъ даже до самыхъ высокихъ вершинъ,—и не будетъ для тебя большаго счастья». **) „По понятіямъ Данте, люди дѣлаются злыми не потому, чтобы природа ихъ была развращена, а потому, что ими дурно управляютъ, такъ какъ „народъ, видя, что его вожди ищутъ одного только матеріальнаго блага, которое больше всего прельщаетъ, самъ ищетъ его, пресмищается имъ, и ничего больше не желаетъ“.

Въ „Божественной комедіи“ Данте представляетъ скорѣе принципы, нежели борьбу человѣческихъ страстей, что идетъ совершенно въ разрѣзъ съ характеромъ итальянцевъ, проник-

*) Purgat. XIV, 64.

**) Ibid., XXXIII, 52.

нитою страстностью. Существенныя черты лирики и субъективных стремлений итальянцевъ гораздо рельефнѣе представлены въ канцонахъ Петрарки, нежели въ пластически-объективномъ произведеніи такого ума, какъ Данте. Оттого Данте и не могъ быть любимымъ поэтомъ для современниковъ. И это очень понятно. Итальянская исторія отличается отъ исторій всѣхъ другихъ народовъ трагическими эпизодами. Объясненія подобнаго факта слѣдуетъ искать въ особенныхъ условіяхъ итальянской жизни. Нигдѣ въ Италиі мы не замѣчаемъ внутренней связи между народомъ и высшими классами. Въ очень раннее время политическая власть въ болѣе части государствъ находилась въ рукахъ или безответственныхъ князей, или же въ рукахъ буржуазіи, управлявшей государствомъ въ стѣнахъ palazzo publico, народъ же оставался пассивнымъ зрителемъ современной исторіи; онъ не чувствовалъ интереса къ управленію Висконти, Медичи или Малатести. Среди безконечныхъ иностранныхъ вторженій и войнъ и внутреннего деспотизма, возбуждавшихъ въ итальянскомъ народѣ одинъ ужасъ, народной пѣснью всего пріятнѣе было заниматься воспѣваніемъ личнаго чувства бѣдняка: въ ней, какъ въ зеркалѣ, отражаются его семейное горе, его радости, ревность и отчаяніе. Деспотическое правительство въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ успѣло извратить народныя инстинкты, во всякомъ случаѣ мягкіе и миролюбивые...

Это было, читатель, печальное время. Несмотря на немногія искры свѣта, прорывавшіяся въ народную массу, все-таки это было время повальнаго невѣжества. Большинство ученыхъ и поэтовъ времени Данте, считая себя прямыми наследниками Виргилія и Горация, съ презрѣніемъ и недоумѣніемъ смотрѣли на того, кто пытался писать о „важныхъ предметахъ“ на живомъ народномъ языкѣ; но еще съ болѣе широкимъ презрѣніемъ смотрѣли они на того смѣльчака, который мечталъ провести въ темную массу какую-нибудь свѣтлую идею. Собственно говоря, до народа, его умственныхъ и нравственныхъ интересовъ никому не было дѣла. Ученый Поджіо весьма сожалѣетъ, что Данте написалъ свою „Комедію“ на итальянскомъ, а не на латинскомъ языкѣ, чѣмъ онъ будто-

бы и доказалъ отсутствіе всякаго художественнаго вкуса. Ученые безъ толку корпѣли надъ Пандектами Юстиніана, а поэты сочиняли льстивые стихи въ честь тиранновъ. Ни въ какое время не являлось на свѣтъ столько юристовъ, какъ въ это время, и ихъ томаами можно было запрудить цѣлыя улицы. Обращеніе умовъ къ изученію классическихъ сочиненій имѣло для Италіи и вредныя послѣдствія. Оно отвратило эти умы отъ разработки своего національнаго языка, вырыло еще ббольшую пропасть между образованными людьми и темнымъ людомъ, который, въ теченіи всего XIV и XV столѣтія, не находилъ для себя никакой другой умственной пищи, кромѣ сочиненій Данте и Боккачіо. Но оно имѣло и другія, не менѣ важныя, политическія послѣдствія, расположивъ читателей классич. сочиненій въ пользу швабскихъ императоровъ, Генриха VII и др. и въ пользу тиранноубійства, которое въ Италіи XV в. сдѣлалось добродѣтелью. *) Обыкновенно Данте считаютъ создателемъ итальянскаго языка; но во всей Тосканѣ уже въ XIII в. никто не говорилъ на латинскомъ языкѣ, кромѣ записныхъ ученыхъ. Сицилійскій дворъ великаго императора Фридриха II слѣдуетъ считать мѣстомъ рожденія итальянскаго языка: самъ императоръ, его сыновья и царедворцы еще за 100 лѣтъ до Данте писали поэмы на итальянскомъ языкѣ, называвшемся „придворнымъ языкомъ“ (*curiale*), въ отличіе отъ другихъ итальянскихъ нарѣчій. Во время Данте поэты сѣверной Италіи писали обыкновенно на смѣшанномъ провансальско-латинскомъ языкѣ. Несомнѣнно по крайней мѣрѣ, что флорентинскіе купцы вели свои конторскія счетныя книги (1272 г.) на томъ самомъ языкѣ, на которомъ писали патарины, друзья Фридриха II и гибеллиновъ. Данте принадлежитъ честь дать дальнѣйшее развитіе этому смѣшанному языку и содѣйствовать выработкѣ одного общетальянскаго языка, писать на которомъ онъ приглашаетъ всѣхъ ученыхъ и поэтовъ своего времени. Въ *Convito*, написанномъ на живомъ итальянскомъ языкѣ, онъ старается, по возможности,

*) Florence and Medici Symonds въ „Fortnightly Review“ 1877 p. 283.—
Ed. Freeman. General sketch of european History, p. 209.

сдѣлать доступнымъ для большинства людей привилегированный хлѣбъ науки. Это (наука) будетъ пшеничный хлѣбъ, который соберутъ тысячи людей; это будетъ новый свѣтъ, новое солнце, которое будетъ освѣщать путь всѣмъ слѣпымъ въ то время, когда закатится старое солнце... Любите свѣтъ знанія всѣ тѣ, которые хотятъ стоять близко къ народу. Слѣдуетъ учить простой народъ, популяризировать знаніе; нужно стараться о томъ, чтобы границы, раздѣляющія до сихъ поръ невѣжественный народъ отъ образованныхъ классовъ, пали^{*)}. Это, дѣйствительно, Галилей, открывшій движеніе пять вѣковъ тому назадъ... А между тѣмъ посмотрите—давно ли россійскіе граждане сознали эту простую истину? Не спорять ли у насъ еще теперь о томъ: въ какихъ дозахъ слѣдуетъ давать народу это знаніе?

Само собой разумѣется, что среди дикаго разгула страстей, варварской рѣзни партій, для которыхъ слова „любовь“, „добродѣтель“ были пустымъ звукомъ, Данте долженъ былъ стоять одинокимъ бойцомъ за права человѣка. Историкъ Виллани говоритъ, что Данте былъ „неуживчиваго характера, гордый и упрямый“. Петрарка,—что онъ былъ „нрава упрямаго и слишкомъ свободнаго для того, чтобы нравиться принцамъ нашего времени“. Напротивъ, эта-то нравственная независимость его характера и представляетъ одну изъ самыхъ свѣтлыхъ сторонъ его натуры. Даже и въ то время, когда дѣятельность его ума была направлена на безплотныя абстракціи, сердце его не переставало согрѣвать эту дѣятельность своею теплою^{*)}; нѣтъ-нѣтъ, да и вырвется изъ его груди стонъ о своей несчастной родинѣ. «Читаю ли я книгу, пишу ли о твоёмъ правительствѣ, о моя несчастная родина! въ сердце мое всегда проникаетъ жгучая боль.»^{*)} Сладкозвучный поэтъ-куртизанъ Петрарка еще при жизни своей получалъ много похвалъ за свои канцоны отъ высокопоставленныхъ лицъ. И при папскомъ и королевскомъ дворахъ его принимали съ распростертыми объятіями; ему надѣвали лавровые вѣнки, тогда какъ Данте, какъ нищій, скитался

^{*)} Il Convito, I, IV, c. 27.

изъ страны въ страну и пріобрѣлъ только одинъ вѣнокъ мученичества. Петрарка былъ въ дружбѣ съ самыми отвѣренными негодяями; ему ни почему было утѣшать своими вѣршами безстыдныхъ предателей отечества, возводить въ герои убійцъ своихъ братьевъ. Сообразно съ своей эластической совѣстью, занскивающимъ и льстивымъ характеромъ, онъ сумѣлъ угодить вмѣстѣ и Висконти, и его врагамъ: и тѣ и другіе одинаково любили его какъ друга. Геройство Ріензи вдохновляло его до слезъ, но въ тоже время онъ оплакивалъ и тиранновъ Колонна, убитыхъ Ріензи. На ту же нравственную двуличность этого Аполлона-гермафродита указываетъ его другъ Боккачіо въ письмѣ къ Петраркѣ, гдѣ онъ называетъ его сказочнымъ именемъ Сильвана. «Сильванъ прежде сильно скорбѣлъ о несчастіяхъ Италіи, порицалъ императора и папу, не заботившихся объ интересахъ народа, но особенно, онъ порицалъ и проклиналъ архіепископа Висконти; теперь же я слышу, что этотъ Сильванъ служитъ самому Висконти, который угрожаетъ его родному городу. Кто бы могъ ожидать отъ этого человѣка такой безхарактерности, такого отреченія отъ своихъ принциповъ единственно лишь изъ жажды самокорыстія? Быть можетъ, все это происходитъ изъ чувства ненависти къ своимъ согражданамъ, которые отняли у него насльдственныя отцовскія имѣнія? Но какой же честный человѣкъ заключитъ союзъ съ врагами своего отечества, даже если бы отечество и оказало ему несправедливость?» Человѣкъ, всю свою жизнь восплѣвавшій звучными рѣчами любовь и грацію, пишетъ учителю своего незаконнорожденного сына (род. 1337 г.) одно за другимъ письмо, умоляя его какъ можно чаще прибѣгать къ *verberibus*, къ *frusta* и *bastone* для исправленія недостатковъ сына,—сына, къ которому онъ питалъ какую-то непримиримую ненависть. *) О литературныхъ заслугахъ Петрарки было говорено много въ нашихъ журналахъ, и намъ нѣтъ надобности повторять объ нихъ: своими комментаріями римскихъ классиковъ онъ воз-

*) Francesco Petrarca «e il suo figliuolo Giovanni, въ *Rivista Europea*», 1877, 16 dicembre, p. 1043.

буждалъ къ нимъ въ публикѣ любовь, знакомилъ ее съ ними, хотя всѣ его сочиненія и «не заключали въ себѣ никакого прогрессивнаго начала;» но послѣ всего сказаннаго о его нравственной характеристикѣ мы въ правѣ примѣнить къ нему заключительныя слова Бэна о Беконѣ: «за исключеніемъ однихъ его *idola*, можно бы было пожертвовать всѣми (остальными) сочиненіями, лишь бы только его психическія силы были потрачены на сформировку моральной натуры.» *) Нравственная личность Данте далеко свѣтлѣе, симпатичнѣе. Онъ сходился только съ людьми честными, одинаковыхъ съ нимъ нравственныхъ убѣжденій. Само собой разумѣется, что человѣкъ такого нравственнаго закала долженъ обладать большой энергіей, имѣть непоколебимую вѣру въ идеаль справедливости и вѣру въ самого себя. «Твердо иди своимъ путемъ—нишеть онъ, и не обращай вниманія на людскіе крики, будь гордъ и твердъ, какъ башня, которая никогда не склонитъ своей вершины отъ напора сильнаго вѣтра». Данте былъ человѣкъ партіи. Оставаться безучастнымъ зрителемъ борьбы партій, когда отечество обливается кровью и слезами гражданъ, онъ считалъ позорнымъ даже и для ученаго человѣка, и безпристрастіе его въ этомъ случаѣ граничило бы съ безхарактерностью. Вся жизнь Данте есть отрицаніе этой безхарактерности. Вотъ почему онъ и питаетъ презрѣніе къ людямъ золотой середины, къ этимъ нравственнымъ гермафродитамъ, которымъ онъ не даетъ мѣста ни въ «Аду», ни въ «Раю», а помѣщаетъ ихъ въ срединѣ между тѣмъ и другимъ, такъ какъ они «не служили ни добру, ни злу, а знали только самихъ себя.» **)

Въ 1293 году Данте женился на дѣвушкѣ изъ аристократической фамиліи, сестрѣ Корсо Донати, Джеммѣ, отъ которой имѣлъ семерыхъ дѣтей; но супружеская жизнь ихъ была несчастна. Джемма, по словамъ Боккачіо, была пропитана аристократическими предрасудками, вела пустую жизнь салон-

*) Бэнь, «Объ изученіи характера», стр. 419.

**) *Inferno*, савт. III.

ныхъ барынь и своими капризами нерѣдко отвлекала Данте отъ его привычныхъ занятій». Философы и вообще люди, занимающіеся умственнымъ трудомъ, выводятъ отсюда Боккачіо, не должны жениться на богатыхъ и знатныхъ дуракахъ (stolti), а лучше на бѣдныхъ и трудящихся женщинахъ, что гораздо больше можетъ принести удовольствія и счастья супружеской жизни.»

IV.

Безпорядки, произведенные Черными, и мѣры, предложенныя Данте противъ нихъ.—Карлъ Валуа.—Посольство Данте къ Бонифацію VIII.—Вступленіе К. Валуа во Флоренцію въ союзъ съ Черными.—Терроръ.—Судъ надъ Данте и изгнаніе всѣхъ Бѣлыхъ.—Памфлетъ Данте.

Не задолго до выбора на пріорство Данте во Флоренцію былъ посланъ Бонифаціемъ VIII кардиналъ Маттео Аквиспарта въ качествѣ посредника между враждующими партіями. Въ сущности же затаеннымъ стремленіемъ папскаго легата было измѣненіе основъ конституціи въ томъ смыслѣ, чтобы всю политическую власть представить въ руки Черныхъ. Съ этою цѣлю онъ сталъ проводить въ сеньоріи мысль о допущеніи къ должности пріоровъ всѣхъ гражданъ, по жеребьевкѣ, что имѣло бы слѣдствіемъ превращеніе выборовъ въ азартную игру и пониженіе нравственнаго и умственнаго уровня представителей власти, на которыхъ Черные и вообще всѣ ловкіе люди могли бы вліять такъ или иначе. Бѣлые не соглашались на это и требовали выборовъ пріоровъ въ общемъ парламентѣ большинствомъ голосовъ. Положеніе дѣлъ становилось натянутымъ. Прошло нѣсколько дней. На девятый день послѣ вступленія Данте на должность пріора Флоренція праздновала въ честь Іоан. Крестителя, своего патрона. Представители всѣхъ цеховъ, предводительствуемые своими консулами, сопровождаемые всѣмъ военнымъ и гражданскимъ персоналомъ, съ зажженными свѣчами и знаменами, торжественно шли по улицамъ города въ церковь. Вдругъ въ одной

изъ боковыхъ улицъ является на встрѣчу вооруженная банда съ Довати во главѣ. При крикахъ «это мы побѣдили при Кампальдино, а не вы!» она кидается на мирныхъ гражданъ, бьетъ всѣхъ направо и налѣво и обращаетъ ихъ въ бѣгство. Очевидно, что нападеніе одной части гражданъ на другую, мирную, среди бѣла-дня, доказываетъ грубость тогдашнихъ нравовъ и крайне низкую степень умственнаго развитія флорентинскаго общества, что однако не исключало возможности заниматься ему искусствами и торговлей. Что же могъ сдѣлать хорошаго Данте при такихъ условіяхъ? По совѣщаніи съ другими пріорами онъ пришелъ къ необходимости изгнать изъ Флоренціи представителей той и другой партіи. Онъ хотѣлъ быть безпристрастнымъ, хотѣлъ показать, что дорожить однимъ лишь внутреннимъ спокойствіемъ гражданъ, хотя бы для достиженія этой цѣли пришлось пожертвовать и своими друзьями. Въ числѣ изгнанныхъ фигурировали Довати и Гвидо Кавальканти, лучшій другъ Данте, Вieri же Черки былъ оставленъ въ покоѣ, такъ какъ онъ, вообще отличаясь спокойнымъ характеромъ, не былъ замѣшанъ въ послѣдней исторіи. Но между тѣмъ какъ Бѣлые подчинились приговору суда и отправились въ ссылку въ Сарцано, Довати медлил и велъ переговоры съ кардиналомъ Маттео о призваніи къ себѣ на помощь нѣсколькихъ отрядовъ солдатъ изъ Лукки для низверженія синьоріи. Синьорія во-время узнала объ этомъ и приняла мѣры относительно ссылки Довати. Случай этотъ снялъ маску съ лица кардинала. Народъ негодовалъ. Въ окна дворца, занимаемаго кардиналомъ, посыпались камни и стрѣлы; кардиналъ переселился въ другой домъ, по ту сторону р. Арно. Чувствуя себя глубоко-оскорбленнымъ народной толпой, Маттео просилъ у синьоріи немедленнаго удовлетворенія. Чѣмъ же можно было удовлетворить его оскорбленную честь, какъ не деньгами? За деньги эти попы продавали и совѣсть, и честь, и будущій рай. Данте и тутъ не хотѣлъ ссориться съ кардиналомъ, а желалъ все устроить полюбовно. Синьорія извинилась передъ нимъ и предложила ему въ даръ 1,300 флор. золотомъ, съ которыми Аввиспатра и уѣхалъ изъ Флоренціи, все-таки предавъ ее проклятію.

Дѣло, однако, и со стороны Бѣлыхъ велось не совсѣмъ ладно. Едва только больной Кавальканти возвратился изъ Сардано во Флоренцію съ дозволенія синьоріи, какъ тотчасъ же возвратились за нимъ и всѣ Бѣлые, по причинѣ будто бы «нездороваго климата» тамошней мѣстности. Это развязало руки Чернымъ и они всѣ разбѣжались въ разныя стороны; Донати же съ своей стороны вмѣсто ссылки отправился съ блестящей свитой въ Римъ къ Бонифацію, съ цѣлю склонить его къ соглашенію съ Черными — помочь имъ вооруженной помощію низвергнуть существующую власть. Донати обвинялъ предъ папой Бѣлыхъ въ томъ, что они всѣ до одного гибеллины, почему и дали у себя убѣжище ненавистнымъ папскому престолу Колонна; доказывалъ ему необходимость уничтоженія Бѣлыхъ, такъ отъ этого будетъ зависѣть существованіе въ Италіи гвельфизма, т. е. самаго папскаго престола, при чемъ весьма ловко намекнулъ ему на щедрый кошелекъ Спини и Черныхъ въ случаѣ торжества послѣднихъ. Бонифацій давно уже питалъ мысль о соединеніи королевствъ Сицилійскаго съ Неаполитанскимъ подъ властью брата французскаго короля Филиппа IV, Карла Валуа, что имѣло бы слѣдствіемъ укрѣпленіе папскаго господства въ Римѣ. Филиппъ IV радъ былъ случаю развязаться съ своимъ братомъ-авантюристомъ. Въ 1285 г. К. Валуа, не достигши еще и 15 лѣтъ, получилъ отъ папы Мартина IV инвенституру на королевство Аррагонское, но тотчасъ же продалъ право на него другому, съ тѣмъ, чтобы женитьбой на дочери своего кузена Карла II Неаполитанскаго получить, въ видѣ приданаго, графства Мэнъ и Анжу. Филиппъ IV сильно не любилъ своего брата за жестокость, выказанную имъ въ войнѣ Гасконской въ 1294 г., когда онъ не за что ни про что убилъ 60 человѣкъ и избилъ жителей Реала, которые напрасно у его ногъ молили себя пощадить. Бонифацію вужно было прежде всего низвергнуть власть своихъ враговъ—Бѣлыхъ во Флоренціи и Аррагонской власти въ Сициліи. Въ союзѣ съ Черными ему легко было осуществить свою мечту. Черные не дремали. Изъ желанія привлечь на свою сторону высшіе цехи, они сорили въ народѣ деньгами, распуская слухи, что Черные—гвельфы и истинные друзья на-

родной свободы, а Бѣлме—гибеллины и враги свободы. Данте истощилъ предъ Бѣлми все свое краснорѣчіе, убѣждая ихъ къ сопротивленію папскому вмѣшательству. Не рѣшаясь открыто поднять оружіе противъ враговъ, Бѣлме предпочли роль борцовъ за свободу роли кающихся грѣшниковъ предъ папскимъ престоломъ. Сеньорія рѣшила отправить къ Бонифацію посольство съ цѣлію предотвратить иностранное вмѣшательство. Данте же, напротивъ, отвергалъ необходимость этого посольства. Онъ боялся авантюриста изъ Капетинговъ, «наводнившихъ своимъ родомъ всю вселенную, и ужъ если необходимо покориться иностранному владычеству, то, по его мнѣнію, лучше предпочесть тщеславнаго галла жадному германцу». Онъ доказывалъ, что если Валуа «укрѣпится съ своими приверженцами у насъ, то ужъ не легко будетъ отъ нихъ избавиться... Я предлагаю заставить народъ обратить оружіе противъ тѣхъ, которые замышляютъ порабощеніе отечества». Но противоположное мнѣніе одержало верхъ и сеньорія предложила Данте отправиться въ Римъ въ качествѣ посла, быть можетъ просто—изъ желанія избавиться отъ человѣка, нажившаго себѣ не мало враговъ въ городѣ своими ѣдими, сатирическими стихами. Молчаніе о немъ Виллани, Паолино и Стефани заставляетъ думать, что флорентинцы не высоко цѣнили его въ это время. Для нихъ онъ имѣлъ значеніе какъ ловкій и умный аптекаръ-купецъ—не болѣе.

Данте отправился въ Римъ. Скромная наружность посла, небольшая свита, сопровождавшая его, небольшое жалованье въ 50 су въ день, не могли, конечно, внушить Бонифацію особеннаго уваженія къ послу. Бонифацій давно уже съ затаенной злобой смотрѣлъ на Данте, давно желалъ унизить его за его презрительные отзывы о римскомъ духовенствѣ, о которомъ Данте не могъ говорить безъ отвращенія. «Вашъ алчный духъ всѣмъ въ мірѣ омерзѣлъ, топчя добро и вознося пороки. Вамъ стали богомъ золото и серебро. Невѣрныхъ лучше-ль вы покрайней мѣрѣ? Ихъ Богъ одинъ, у васъ ихъ нынѣ сто» *). Наградивъ двоихъ его спутниковъ порядочной суммой денегъ съ тѣмъ, чтобы

*) Inferno, cant. XIX.

они возвратились во Флоренцію и увѣрили синьорію въ доброжелательствѣ св. отца, Бонифацій удерживалъ Данте у себя, разсыпаясь предъ нимъ въ любезностяхъ и убаюкивая его несбыточными мечтами относительно участи Флоренціи. Страшно-невыносимую пытку долженъ былъ испытывать Данте, когда онъ, колѣнопреклоненный, стоялъ у подножія престола предъ челоуѣкомъ, жирное, обрюзглое лицо котораго, съ хитрыми глазами, чувственнымъ ртомъ и двойнымъ подбородкомъ, выражало одну преобладающую страсть: ѣсть, пить и веселиться; стоялъ и просилъ пощады ни въ чемъ неповинной родиני.

— Предоставьте все мнѣ, довѣрьтесь мнѣ—и все пойдетъ хорошо, вы будете довольны, повторялъ хитрый Бонифацій.

Между тѣмъ на Флоренцію надвигались тучи. Въ сентябрѣ 1301 года Карлъ Валуа съ 500 рыцарей пріѣхалъ въ Падую, а оттуда черезъ Пистойю явился въ окрестностяхъ Рима въ Ананьи, гдѣ у него произошло свиданіе съ папой. Здѣсь между ними рѣшено было порабощеніе или лучше ограбленіе Флоренціи; здѣсь же Валуа принялъ пословъ Черныхъ, явившихся къ нему съ предложеніемъ 70,000 гульденовъ и съ просьбой поспѣшить своимъ отправленіемъ во Флоренцію. На Бѣлыхъ вапала необъяснимая трусости; они бездѣйствовали, хотя и могли располагать достаточнымъ временемъ для организовавія арміи. Ихъ глава, Черки, по своему флегматическому темпераменту не могъ стоять на уровнѣ занимаемаго имъ поста, «изъ трусости великій даръ отвергъ», какъ выразился о немъ Данте. За отказомъ Черки стать во главѣ движенія, синьорія пригласила изъ Пистойи другаго военачальника, Канчеліери, челоуѣка никому почти неизвѣстнаго, столько же горячаго на словахъ, сколько трусливаго на дѣлѣ. Государственная казна Флоренціи была совершенно разорена, солдаты давно уже не получали жалованья и роптали; прибѣгнуть къ новому налогу у синьоріи не хватило мужества. Когда Валуа явился подъ стѣнами Флоренціи, то Черки вступилъ съ нимъ въ переговоры объ условіяхъ вступленія въ городъ. Валуа далъ синьоріи письменную клятву, скрѣпленную его подписомъ и печатью, въ томъ, что не переимѣнитъ законовъ и не нарушитъ конституціи республики, увѣряя, что

единственнымъ желаніемъ его было возстановленіе въ городѣ порядка и спокойствія. Быть можетъ, изъ боязни напугать гражданъ Валуа оставилъ Корсо Донати и солдатъ до поры до времени внѣ городскихъ стѣнъ, а самъ вступилъ въ городъ въ сопровожденіи блестящей свиты, набранной въ Романьѣ. Представители различныхъ цеховъ явились къ нему съ факелами и знаменами. Народъ оставался равнодушнъ, одни только хлѣбопеки воспротивились-было вступленію иностранца во Флоренцію, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, онъ «явился на погибель города», но ихъ было меньшинство. Валуа весьма любезно благодарилъ гражданъ за хорошій приемъ, еще разъ поклонился передъ ними въ вѣрности конституціи; но, не смотря на то, на другой же день обратился къ синьоріи съ формальнымъ требованіемъ себѣ безусловной власти. Городъ былъ очень богатъ, а жадность Валуа пересилила въ немъ дружественныя инстинкты: маска скоро спала. На улицахъ стали появляться вооруженные солдаты изъ Лукки и Сиены, вводимые черезъ городскія ворота по двое и по трое, такъ что число ихъ скоро возросло до 1,200; тутъ же неожиданно-негаданно вышмыгъ на свѣтъ Божій и Корсо Донати съ нѣсколькими изгнанными Черными, которые ворвались въ городъ, изломавъ городскія ворота. Канцеліеры предложили синьоріи арестовать Корсо, но Черки воспротивился этому. Какъ утопающій хватается для своего спасенія и за соломинку, такъ синьорія ухватилась за предложеніе сумасшедшаго монаха «отвратить отъ города гнѣвъ Божій» торжественной церковной процессіей по улицамъ. Когда синьорія приказала нѣсколькимъ десяткамъ рабочихъ заняться укрѣпленіемъ городскихъ стѣнъ, то лишь только они принялись за дѣло, на нихъ вапала вооруженная банда Черныхъ и много разъѣхала. Сидя въ общественномъ дворцѣ, пріоры отдали приказъ бить въ набатъ во всѣхъ церквяхъ, призывая народъ къ возстанію противъ «тиранна», и съ замирающимъ сердцемъ смотрѣли на улицы въ открытыя окна, ожидая результата. Но все было безуспѣшно: одни перешли на сторону Черныхъ, другіе, изъ страха, заперлись въ свои жилищахъ.

Для Черныхъ наступилъ праздникъ. Донати бросается съ

своей шайкой къ тюрьмамъ и выпускаетъ оттуда преступниковъ, посаженныхъ за грабежи и воровство. Онъ даетъ имъ какое ни попало оружіе и мститъ своимъ врагамъ огнемъ и желѣзомъ. Точно дикіе звѣри врываются эти люди въ дома, магазины, лавки, все предавая грабежу и огню; лимонныя и апельсиныя рощи и сады уничтожены и вѣтвями и листьями ихъ усѣяны были почти всѣ улицы Флоренціи. Мужчинъ убивали какъ собакъ, женъ и дочерей безчестили и насильно выдавали за мужъ за разбойниковъ. Окрестныя деревни горѣли. Одинъ изъ партіи Бѣлыхъ, нѣкто Нери Стринати оставилъ любопытныя записки, изъ которыхъ видно, что Черные, «забравшись въ его домъ, сняли рубашки съ мальчиковъ и дѣвочекъ и оставили ихъ въ постели совершенно голыми, чего не дѣлали даже и сарацины». По свидѣтельству Виллани и Стефани, пытками доводили этихъ несчастныхъ людей до сумасшествія. Подобное варварство продолжалось цѣлыхъ 8 дней. Валуа зналъ все это, и не останавливалъ грабителей; мало того—онъ притворился ничего не знающимъ и съ удивленіемъ спрашивалъ, завидѣвъ изъ своего дворца объятые пламенемъ дома: «Что это за свѣтъ такой въ городѣ?—«Эго случайно загорѣлись соломенныя крыши крестьянскихъ домовъ», отвѣчали ему. Валуа низвергнулъ законныхъ пріоровъ и на мѣсто ихъ назначилъ новыхъ, пригласивъ низвергнутыхъ къ себѣ и удерживалъ ихъ у себя въ качествѣ заложниковъ до тѣхъ поръ, пока они не уплатили ему требуемую сумму денегъ «за тѣ обиды и оскорбленія, которыя они нанесли ему будучи правителями города». Какъ видно, собранныхъ такимъ образомъ денегъ было еще мало: придумали открыть какой-то заговоръ, имѣвшій будто бы цѣлю покушеніе на жизнь Валуа, и пытками вымучивали у мнимыхъ заговорщиковъ то, чего хотѣли. Такимъ образомъ буквально исполнились слова Бонифація, сказанныя имъ въ отвѣтъ Валуа, когда тотъ, отправляясь въ походъ, просилъ у св. отца денегъ: «Я отправляю тебя къ золотому источнику—черпай». Валуа удался изъ Флоренціи 5 апрѣля 1302 г. въ Арагонію, «вырвавъ—по словамъ Давте—изъ нѣдръ ея болѣшую часть лучшихъ ея

цвѣтовъ». *) Убѣжая, онъ захватилъ съ собою не менѣе 50000 флор. зол., не считая тѣхъ денегъ, которыя онъ раздѣлилъ своимъ 500 рыцарямъ.

Съ этого времени правительственная власть во Флоренціи надолго оставалась въ рукахъ Черныхъ подъ предсѣдательствомъ креатуры Донати, подесты Канте Габріелли, составившаго себѣ извѣстность тѣмъ, что онъ нажилъ себѣ огромное состояніе открытіемъ разныхъ заговоровъ и конфискаціей имущества Вѣлыхъ. Съ этого же времени Флоренція до самаго своего паденія только номинально слыветь республикой, въ сущности же она становится буржуазной монархіей подъ властью то иностраннаго принца, то своего туземнаго магната. Самымъ возмутительнымъ дѣломъ новаго правительства былъ судъ надъ Вѣлыми, по которому до 5000 людей, не исключая женъ и 14 лѣтнихъ дѣтей, было изгнано, а дома ихъ, въ количествѣ 1700, преданы пламени. Черные преслѣдовали своихъ враговъ какъ дикихъ звѣрей, нигдѣ не давая имъ покою. 7 мая 1302 г. закономъ запрещено было давать убѣжище или оказывать какую бы то ни было помощь Вѣлымъ, подъ опасеніемъ штрафа послушникамъ во 1000 флор., а самый домъ, гдѣ будутъ скрыты преслѣдуемые, будетъ преданъ сожженію; обѣщалась даже денежная награда тому, кто убьетъ или выдастъ преслѣдуемаго въ руки властямъ. Подестѣ было предоставлено право дѣлать ежемѣсячныя обыски въ квартирѣ каштеляновъ, иногда скрывавшихъ у себя Вѣлыхъ изъ жалости. Дѣйствительно, никогда на пергаментѣ или бумагѣ не писалось болѣе жестокаго, варварскаго закона по отношенію къ предполагаемымъ внутреннимъ врагамъ, тѣмъ болѣе въ такомъ *свободномъ, просвѣщенномъ* городѣ, какъ Флоренція... Въ числѣ этихъ изгнанниковъ былъ и Данте. Чрезвычайно любопытно знать, чѣмъ именно мотивировано было изгнаніе Данте. Его осудили не какъ политическаго преступника, а какъ мошенника. Его обвиняли въ томъ, что онъ, будучи пріоромъ, „производилъ разные безпорядки“, «пользовался незаконными средствами,» дѣйствовалъ «противъ папы и господина Валуа, со-

*) De vulgari eloquio, I. 3. c. VI.

противляясь вступленію послѣдняго во Флоренцію и, наконецъ, въ томъ, что изгналъ изъ города „гвельфовъ, вѣрникъ приверженцевъ св. римской церкви.“ На самомъ же дѣлѣ причины осужденія Данте были болѣе личнаго, частнаго свойства. Еще до занятія Флоренціи войсками Валуа, Бонифацій соглашался отказаться отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла республики, если синьорія дастъ ему за это извѣстную сумму денегъ. По словамъ Миссерина (*Vita di Dante*) всѣ пріоры изъявили на это свое согласіе, одинъ только Данте энергически протестовалъ противъ позорной сдѣлки. И Бонифацій и Валуа помнили это и не могли ему простить. Судъ осудилъ его однако не вдругъ, а, для прикрытія своего чернаго дѣла, обставилъ приговоръ разными закорючками, которыя заключали въ себѣ видъ справедливости и даже снисходительности къ невинному человѣку. Данте приговаривался сначала къ изгнанію на два года и къ уплатѣ 8,000 лиръ штрафа, и только въ случаѣ неуплаты этой суммы и неявки черезъ 3 дня во Флоренцію для оправданія въ своихъ преступленіяхъ, его домъ долженъ быть разрушенъ, имущество конфисковано, а самъ онъ навсегда изгнанъ изъ отечества. Уплатить штрафъ небогатый Данте конечно не могъ, прискакать черезъ три дня изъ Рима во Флоренцію по едва пробѣжимъ дорогамъ тоже не было возможности, судъ это видѣлъ и сознавалъ. Несмотря на то, узнавъ о приговорѣ суда, Данте тотчасъ же поспѣшилъ вернуться во Флоренцію, но въ Сіенѣ узналъ, что льготный срокъ для явки уже прошелъ, а потому долженъ былъ оставаться въ изгнаніи, безъ всякихъ средствъ къ существованію. Впрочемъ жена его успѣла заблаговременно скрыть свое движимое имущество у друзей и знакомыхъ. Впослѣдствіи, въ 1310 г., флорентинскій подеста открыто сознавался, что еслибъ онъ и другіе его сотоварищи по изгнанію попали въ руки власти, ихъ непременно сожгли бы живыми на кострѣ.

Данте имѣлъ полное право свалить всю вину несчастій на папу и своекорыстныхъ, невѣжественныхъ правителей. Этотъ варварскій приговоръ надъ людьми, вся вина которыхъ заключалась въ томъ, что они держались иныхъ принциповъ,

иныхъ взглядовъ на правительственную функцію, доводитъ Данте до ожесточенія, онъ дѣлается на время поэтотъ ненависти и мщенія, санкционируемыхъ высшей необходимостью, — спасеніемъ человѣческаго рода. Онъ пишетъ памфлетъ „въ великомъ міра сего,“ въ которомъ призываетъ на враговъ Италіи кары неба и земли. Его произведеніе выражаетъ невольный стонъ наболѣвшей души, „О Италія, раба, обитель скорби, корабль безъ кормчаго, несомный бурей, не владычица міра, а смуть разврата... Нынѣ живущіе въ тебѣ постоянно воюютъ и одинъ другаго грызутъ... Осмотри, несчастная, свои прибрежья, а затѣмъ и въ нѣдра свои загляни: понци, есть ли въ тебѣ хоть одно мѣсто, гдѣ бы наслаждались миромъ... Но ты, моя Флоренція, можешь быть спокойна: мои слова до тебя не касаются, благодаря твоему народу, который любитъ разсуждать. У многихъ живетъ въ сердцѣ справедливость, но не скоро дается ей исходъ, дабы она не коснулась дѣли необдуманно; у твоего народа истина всегда на устахъ. Многіе отказываются нести бремя правленія, твой же народъ, не прощенный, торопливо восклицаетъ: «я его беру на себя!» Радуйся же! ты имѣешь на то причины: въ тебѣ богатство, миръ и разумъ. Послѣдствія покажутъ — правъ я или нѣтъ... Ты принимаешь столь мудрыя мѣры и съ такой легкостью всѣмъ запасаешься, что едва дотягиваешь до половины ноября то, что ты предешь въ октябрѣ. Сколько разъ на нашихъ глазахъ мѣняла ты законы, деньги, нравы, и своихъ правителей! Если ты, все это помня, не захочешь быть слѣпою, то увидишь, что похожа на больную, которая, не находя покоя на пуховомъ ложѣ, ворочается, стараясь избавиться отъ боли.“

Тотъ, кто изучалъ исторію Флоренціи, найдетъ, что этотъ приговоръ вполне былъ заслуженъ ею.

V.

Итальянскіе изгнанники. — Піонеры цивилизаціи и промышленности. — Походъ флорентинцевъ на Бѣлыхъ въ другихъ городахъ. — Внутренняя политика Флоренціи. — Борьба Бонифація VIII съ Филиппомъ IV. — Гильомъ Ногаре. — Смерть Бонифація и Донати. — Походъ Генриха VII въ Италию и надежды на него Данте. — Отказъ Данте возвратиться на родину. — Его смерть и преслѣдованіе духовенствомъ его сочиненій.

Изгнаніе гражданъ изъ многихъ итальянскихъ городовъ имѣло для Италіи важныя послѣдствія. Оно давало изгнанникамъ возможность достигнуть высокаго образованія. „Во всѣхъ нашихъ свободныхъ городахъ, говоритъ Ж. Понтано, мы видимъ множество людей, добровольно покинувшихъ свое отечество; вездѣ они уносили съ собой свои добродѣтели.“ Эти многочисленныя переселенія гражданъ изъ одного города въ другой объясняются невыносимыми политическими и экономическими условіями страны. Флорентинцы переселялись въ Феррару, Луккійцы въ Венецію и вездѣ они основывали промышленныя и торговыя колоніи. Обыкновенно жизнь внѣ отечества и знакомство съ другими народами, съ другой культурой, развивало въ изгнанникахъ духъ космополитизма, по которому ничто человѣческое не становилось для нихъ чуждымъ. Подобно первымъ американскимъ піонерамъ, расчищавшимъ почву для поселеній и насаждавшимъ сѣмена цивилизаціи, и итальянскіе изгнанники приносили съ собой въ чужіе города званіе, искусство и промышленность. Благодаря имъ, Феррара сдѣлалась въ описываемое время первымъ европейскимъ городомъ въ новѣйшемъ смыслѣ. Здѣсь были построены флорентинскими бѣглецами просторныя, удобныя дома въ новѣйшемъ европейскомъ вкусѣ; здѣсь, благодаря сравнительно лучшей системѣ построекъ рабочимъ жилищъ и болѣе мягкому, гуманному управленію тиранновъ, сосредоточивались искуснѣйшіе рабочіе, вслѣдствіе чего и промышленность получила здѣсь широкое развитіе.

Флорентинскимъ „жирнымъ господамъ“, во что бы то ни стало, слѣдовало на-долго закрѣпить за собою власть, а для этого мало было изгнать Бѣлыхъ изъ Флоренціи, — нужно было

разбить ихъ и тамъ, гдѣ они нашли себѣ пріютъ и защиту. Масса изгнанниковъ поселилась въ окрестныхъ городахъ — Болоньѣ, Ареццо и Пистойѣ. Противъ нихъ Черные предприняли рядъ безпрерывныхъ походовъ. Эта травля Бѣлыхъ продолжалась почти цѣлое пятидесятилѣтіе и раззорила всю окрестную страну, что, однако, не мѣшало флорентинской буржуазіи богатѣть и создавать великолѣпные памятники—чудо архитектурнаго искусства, созданные потомъ и кровью нисшихъ классовъ общества. Флоренціи не приходилось для этихъ войнъ отвлекать массу своихъ рабочихъ рукъ отъ производительныхъ занятій,—напротивъ, она проливала не свою собственную кровь, а кровь наемниковъ — сбродъ всякаго рода авантюристовъ и лишнихъ ртавъ, которыхъ она привлекала къ себѣ жалованьемъ и перспективой грабежа завоеванныхъ городовъ. Но такая грабительская война могла вестись только до тѣхъ поръ, пока наемникамъ платилось достаточное жалованье и пока было что грабить; коль скоро это условіе не существовало, коль скоро спросъ на наемниковъ кончился, наемники стали обращать свое оружіе противъ нанимателей. Тогда они сами стали составлять вооруженныя банды, дѣлали набѣги на города, не давали проходу ни одному торговому каравану. Начиная съ XIV вѣка, Италия принуждена была постоянно обороняться отъ этихъ кондотьеры. Нѣкоторые изъ нихъ составляли цѣлыя регулярныя арміи, на знаменахъ которыхъ вышивался девизъ: „враги Бога и людей.“ Итальянскіе города откупались отъ ихъ нашествія громадными денежными суммами; папы объявляли противъ нихъ крестовые походы, но ничто не помогало: они тоже должны были прибѣгать наконецъ къ компромиссамъ и выкупамъ.

Первый походъ Черныхъ былъ предпринятъ на Мугелло, гдѣ Убальдини дали въ своихъ домахъ убѣжище нѣкоторымъ Бѣлымъ. Ихъ дома были разрушены, а скрывавшіеся въ нихъ—перевиты или изгнаны. Затѣмъ въ 1306 году такая же участь постигла и Болонью, славившуюся своимъ университетомъ, причемъ любители изящныхъ искусствъ разрушили самый университетъ, и учащіеся должны были бѣжать въ Падую. Но

ужаснѣе всего велась война съ Пистойей въ 1303 г., однимъ изъ красивѣйшихъ и богатѣйшихъ городовъ, превращенномъ флорентинцами въ груды развалинъ. Флорентинцы давно уже точили зубы на Пистойю, за ея конкуренцію въ торговлѣ. Ихъ особенно оскорбляла построенная пистойцами башня—Карминьяно, на которой возвышались двѣ огромныя мраморныя руки, обращенныя къ Флоренціи, при чемъ большой палецъ обѣихъ рукъ помѣщался между указательнымъ и среднимъ пальцами. Это ужъ было верхъ безчестія! Постоянныя раззорительныя внутреннія и внѣшнія войны до того разстроили денежныя ресурсы Флоренціи, что для веденія этой войны она должна была прибѣгнуть къ займу у банкировъ до 6,225 флорин. зол. «Пистойскіе граждане были самыми красивыми, рослыми людьми во всей Тосканѣ, владѣльцы прекрасныхъ домовъ, окруженныхъ каналами, плодородными полями, цвѣтущими садами, полными и водѣланными ихъ руками. Городъ былъ осажденъ флорентинцами, и такъ какъ осада продолжалась около двухъ лѣтъ, то голодъ принудилъ его жителей ѣсть человѣческое мясо, если только вѣрить мнимому Дино Компаньи, отрѣзывая для этого свои собственныя ноги. И когда правители города выслали изъ города бѣдныхъ, женщинъ вдовъ и стариковъ для того, чтобы поискать за городскими стѣнами кореньевъ въ изсушенной солнцемъ землѣ, то всѣмъ этимъ беззащитнымъ людямъ враги отрѣзали носы, руки и ноги, выкололи глаза и въ такомъ видѣ отослали ихъ обратно въ городъ». Въ 1305 г. Пистойя сдалась на произволъ осаждавшихъ. Всѣ лучшія зданія ея были разграблены и разрушены, вся пистойская территория перешла во власть Флоренціи и Лукки, при чемъ первая оставила за собой право назначать въ Пистойю подесту, послѣдняя — народнаго капитана.

Чѣмъ продолжительнѣе флорентинцы омывали свои руки въ крови жителей завоевываемыхъ ими городовъ, тѣмъ замѣтнѣе исчезали изъ ихъ законовъ принципы гуманности и справедливости и замѣнялись принципами неумолимой жестокости. Съ XIV вѣка смертная казнь, до тѣхъ поръ рѣдкая, стала обычнымъ явленіемъ во Флоренціи. Вѣра въ людей, въ ихъ

неподкупную честность и справедливость, пала. Управляющие классы постепенно замѣщали всѣ высшія должности иностранцами, которые мало по малу привыкали безконтрольно править «республикой». Такъ въ 1307 году существованіе флорентинскаго гонфалоньера было найдено неудобнымъ и замѣнено специальнымъ военачальникомъ изъ иностранцевъ. Подобно подестѣ, его личная дѣятельность была подчинена стѣснительнымъ условіямъ. Для усиленія народныхъ чувствъ флорентинская буржуазія старалась развлекать народъ разными даровыми зрѣлищами, празднествами и увеселеніями. Италия—классическая страна подобныхъ народныхъ зрѣлищъ, страна, въ которой всѣ деспоты со временъ Римской имперіи питали и поддерживали въ народѣ это ложное чувство для извѣстныхъ цѣлей. Вотъ почему «у итальянскаго народа и теперь еще есть стремленіе къ развлеченіямъ и празднествамъ. Крикъ его: «хлѣба и зрѣлищъ!»—и въ наши дни тотъ же самый, какъ и въ давно минувшее время». *) Поэтому и средневѣковыя мистеріи нигдѣ не пользовались такимъ почетомъ, какъ въ Италиі. Когда въ 1304 году во Флоренцію явился папскій легатъ, Дапрато, то правительство, видя, что кардиналъ не прочь былъ заступиться за Бѣлыхъ, угостило его невиданнымъ до сихъ поръ зрѣлищемъ. На мосту рѣчки Карраа были устроены подмостки, на которыхъ въ живыхъ лицахъ явились голые и покрытые шерстью дьяволы со всѣми адскими орудіями для мученія грѣшниковъ. Это былъ адъ. Тутъ же стояло нѣсколько голыхъ грѣшниковъ, которые съ криками, стонами и проклятіями должны были выносить на своемъ грѣшномъ тѣлѣ всѣ адскія муки. Оба берега рѣки и часть самаго моста были запружены любопытной толпой; весь правительственный персоналъ Флоренціи и кардиналъ сидѣли на особомъ богато-убранномъ возвышеніи. *) Вдругъ мостъ, не могши вынести подъ собой тяжести громадной толпы, съ трескомъ рухнулъ и толпа вмѣстѣ съ дьяволами и грѣшниками полетѣла въ рѣку. Спастились могли только немногіе: большинство зрителей и актеровъ потонули.

*) Гарибальди и „Духовное господство папъ“.

Разумѣтся, еслибы друзья человѣчества и здравомыслящіе люди не питали вѣры въ силу мировыхъ идей, въ ихъ торжество, еслибы свѣтъ этихъ идей не обладалъ способностью проникать въ народную массу черезъ всѣ искусственныя загородки и замазанныя щели, которыя устраиваются гасильниками свѣта для того, чтобы въ потемкахъ лучше обдѣлывать свои дѣлишки, то не зачѣмъ было бы друзьямъ человѣчества умирать за эти идеи, не зачѣмъ было бы и искать истины; но, къ счастью человѣчества, свѣтъ истины нигде не угасаетъ, онъ неудержимо проникаетъ во всѣ уголки, и такимъ образомъ простые люди съ удивленіемъ узнаютъ, что то, что во тьмѣ всѣмъ казалось чистымъ, при свѣтѣ знанія оказывается грязнымъ и ложнымъ. Эти мысли могутъ быть примѣнены къ положенію и дѣяніямъ Бонифація VIII и Донати. Критическая мысль аверроистовъ - аристотелианцевъ сдѣлала свое дѣло: она подорвала вѣру въ непогрѣшимость папъ. Бонифацій, «князь новыхъ фарисеевъ», задался мыслью возвратить времена Григорія VII и Иннокентія III. Французскій король, Филиппъ IV, умно сообразилъ, что деньги, платимыя народомъ на папскія прихоти, гораздо цѣлесообразнѣе могутъ идти на удовлетвореніе государственныхъ нуждъ, и потому заставилъ духовенство платить подати. Бонифацій взбѣсился и отвѣчалъ на это распоряженіе грозной буллой: «Бонифацій, рабъ Божій и пр. Знай, что ты обязанъ намъ повиноваться въ духовныхъ и свѣтскихъ дѣлахъ... Если ты отнял у насъ нѣкоторыя бенефіціи, то мы объявляемъ твое повелѣніе незаконнымъ, и возвращаемъ назадъ все отнятое тобою; а кто будетъ думать и дѣлать вопреки нашему повелѣнію, того мы объявляемъ еретикомъ». Филиппъ ничуть этого не испугался и послалъ такой категорическій отвѣтъ на папскую буллу: «Филиппъ, Божією милостію король Франціи, не посылаетъ никакого отвѣта мнимому папѣ Бонифацію. Да будетъ извѣстно твоей глупости, что мы въ свѣтскихъ дѣлахъ никому не повинемся, что наши повелѣнія всегда имѣли и должны имѣть законную силу для всякаго человѣка, а кто думаетъ иначе, того мы считаемъ дуракомъ» и пр. Этими однако дѣло еще не ограничилось. Вѣроятно съ вѣдома самого Филиппа IV,

Гильомъ Ногаре, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ канцлеровъ и юристовъ XIV вѣка, отправился въ 1303 г. съ 1000 солдатами въ Италію, ворвался съ ними въ папскій дворецъ, въ Ананьи, гдѣ онъ засталъ папу, сидящимъ на престолѣ во всемъ священническомъ облаченіи, наругался надъ нимъ какъ только могъ: стащилъ Бонифація съ престола, при чемъ, по словамъ нѣкоторыхъ историковъ, онъ ударилъ его даже по щекѣ. Всѣ его кардиналы разбѣжались. Всѣ папскія сокровища были преданы на разграбленіе солдатъ. Оскорбленіе и позоръ дѣйствительно были велики; самая возможность ихъ совершенія ясно доказываютъ, какъ низко упалъ папскій авторитетъ въ общественномъ мнѣніи, если даже среди невѣжественнаго италіанскаго населенія не нашлось никого, кто бы могъ вступить за оскорбленную честь первосвященника. Бонифацію долго бѣсилъ въ своей безсильной злобѣ на Филиппа и наконецъ сошелъ съ ума; глаза его налились кровью, изо рта текла слѣна; онъ рвалъ на себѣ волосы, бился объ стѣну головой, и когда, спустя нѣсколько времени, кардиналы вошли къ нему силой въ запертыя изнутри двери, то они нашли папу лежавшимъ на полу съ разбитымъ черепомъ. Такую именно позорную смерть пророчилъ ему его предшественникъ, Целестинъ V: «онъ вступилъ на престолъ съ хитростью лисицы, управлялъ своимъ царствомъ съ свирѣпостью льва и умереть собачьей смертью.» Послѣ его смерти, Вѣнскій соборъ, собравшійся 16 октября 1316 г. открыто призналъ всѣ буллы Бонифація противъ Филиппа IV «противными чести, правамъ и свободѣ Франціи» и приказалъ вырвать ихъ изъ папскихъ книгъ. Ногаре первый пытался сдѣлать королевскую власть независимой отъ папскаго авторитета. Его попытка въ Ананьи отерывааетъ новую эру въ исторіи папства: гораздо дѣйствительнѣе всѣхъ усилій германскихъ императоровъ она разрушила папскій авторитетъ и была главною причиною перемѣщенія папскаго престола въ Авиньонъ.

Бѣгле были рады смерти своего злѣйшаго врага, а Черные, напротивъ, сожалѣли о Бонифаціи, со смертію котораго потерялъ всякое значеніе и Донати. Уже на старости лѣтъ, страдающій подагрой, Донати въ третій разъ женился на до-

чери гибеллина, Угучіоне Фаджіола и при его помощи попытался сдѣлаться во Флоренціи неограниченнымъ тиранномъ. Когда въ 1308 г. приверженцы Угучіоне явились вооруженные у Ремоле, почти у самыхъ вѣровъ Флоренціи, то пріоры ударили въ набатъ. Видя свою неминуемую гибель, храбрый магнатъ успѣшно забаррикадировалъ улицы; но послѣ взятія баррикады народной толпой, Донати сѣлъ на коня и пробилъ себѣ дорогу сквозъ густую массу народа. Какъ ни быстра была его лошадь, но его догнали и закололи въ тотъ самый моментъ, когда онъ запутался въ стремена. Тѣло его валялось три дня, ничѣмъ не прикрытое, на городской площади. Со смертію главы Черныхъ не улучшилась однако участь изгнанниковъ; прошло еще много лѣтъ, прежде нежели расчетливые буржуа возвратили ихъ на самыхъ унижительныхъ условіяхъ; но 429 человекъ, въ числѣ которыхъ былъ Данте, никогда не видали своего роднаго очага. Въ продолженіи цѣлыхъ 22 лѣтъ Данте скитался въ изгнаніи изъ страны въ страну, изъ города въ городъ, изъ дома въ домъ, получая, какъ нищій, въ одномъ мѣстѣ отдыхъ, въ другомъ кусокъ хлѣба, „убѣждаясь на опытѣ, какъ горекъ чужой хлѣбъ и какъ тяжело обивать чужіе пороги *).“ „Я уподобляюсь кораблю безъ парусовъ и безъ руля, пишетъ онъ, носимому по волѣ вѣтра и и волнъ, и мнѣ ежеминутно угрожаетъ опасность разбиться о крутые берега изгнанія. Я скитаюсь, какъ бѣдный странникъ, почти какъ нищій, противъ воли показывая всѣмъ и каждому отвратительную рану бѣдности, всю вину которой несправедливый свѣтъ взваливаетъ на несчастнаго, тогда какъ онъ только его жертва.“ Въ это время онъ перебивалъ въ Аренцо Болоньѣ, Веронѣ, Падуѣ, Лундзіанѣ, Урбино, Лондонѣ, и Парижѣ. Его впрочемъ вездѣ принимали съ почестями, особенно при дворахъ князей и знаменитыхъ вельможъ. „Люди весьма хвалили его—говоритъ онъ о себѣ въ „въ Божественной комедіи“, но если бы они знали, какъ страдаетъ его сердце, когда онъ внималъ себѣ хлѣбъ, то они бы еще болѣе превозносили его.“ Нравственныя страданія Данте были тѣмъ сильнѣе,

*) Paradiso, cant. XVII.

что онъ долженъ былъ скрывать отъ публики раны своего сердца и обыкновенно высказывать внѣшніе знаки довольства и счастья. Первымъ его мѣстомъ убѣжища былъ городъ Ареццо, тотъ самый Ареццо, противъ котораго онъ сражался при Кампальдино. Подеста этого города, Угучіоне Фаджіола, съ *tembra castissima*, какъ выражается о немъ Данте, и *straordinaria robustezza del corpo*, сдѣлался другомъ-покровителемъ поэта, изъ благодарности къ гостепримству котораго онъ посвятилъ первую часть своей „*Divina Comedia*“. Но кажется всего дольше Данте жилъ при дворѣ владѣтеля Вероны, Канъ Гранде, одного изъ образованнѣйшихъ людей своего времени. Комнаты этого тиранна были разукрашены разными символами и девизами, сообразно съ вкусомъ и положеніемъ гостя, который находилъ у него гостепримство. Если гость былъ воякъ, то на стѣнахъ занимаемой имъ комнаты онъ видѣлъ побѣду, изгнанникъ—надежду, купецъ—меркурія, папа—рай и т. п. Домъ Канъ Гранде былъ наполненъ музыкантами, шутами, рабами и поэтами; послѣднихъ было много тогда «на кормленіи» почти при каждомъ домѣ мало-мальски зажиточнаго вельможи, которые щедро платили имъ за льстивые стихи. Здѣсь Данте садился за обѣденный столъ вмѣстѣ съ шутами. Рассказываютъ, что однажды, когда веселые гости забавлялись разными фарсами шутовъ въ домѣ Гранде, послѣдній, подозрѣвая, что Данте не нравятся безстыдныя шутки буффовъ, привелъ одного изъ нихъ къ нему и съ неудовольствіемъ замѣтилъ: „Посмотри, даже и этотъ глупецъ умѣетъ быть веселымъ въ обществѣ, тогда какъ ты, ученый, не хочешь доставить мнѣ подобнаго удовольствія“. Презрительная улыбка быстро скользнула по губамъ Данте и онъ не стѣсняясь отвѣчалъ: «Ты нисколько не удивился бы этому, если бы зналъ, что люди веселятся только съ подобными себѣ», т. е. глупцы могутъ веселиться съ глупцами *). Вскорѣ послѣ этого случая Данте удалился и никогда уже больше не возвращался. Подобная черта независимости характера поэта достойна того, чтобы занести ее на страницы исторіи, ибо

*) *Contemporary Review*, 1874, p. 437.

что ваше спасеніе близко. Миръ и вамъ всѣмъ, несправедливо изгнаннымъ со мной! Радуйся, Италия. Отнынѣ тебѣ станутъ завидовать всѣ народы, ибо женихъ твой, радость и слава нашего вѣка, благочестивѣйшій Генрихъ, спѣшитъ къ тебѣ на свадьбу. Утѣшься, Италия, осуши, о прекрасная, свои слезы и перестань печалиться! Онъ уже близко, тотъ, кто освободитъ тебя отъ злодѣевъ и поразитъ сѣятелей беззаконій; онъ поручитъ свой виноградникъ другимъ работникамъ, которые, когда наступитъ время жатвы, станутъ раздавать плоды правосудія“. На дорогѣ къ Генриху присоединялись авантюристы, принцы и раззорившіеся гибеллины, думавшіе въ этой экспедиціи поправить свое состояніе. Генрихъ очень хорошо сознавалъ всю ненадежность этихъ разнородныхъ элементовъ для своего дѣла, тѣмъ болѣе, что Флоренція вездѣ сорила деньгами, возбуждая города къ сопротивленію, тогда какъ у Генриха уже въ Миланѣ чувствовался недостатокъ въ деньгахъ и солдатахъ. Этимъ и объясняются всѣ его колоссальныя медленность и нерѣшительность въ дѣйствіяхъ. Данте торопитъ Генриха поспѣшить своимъ походомъ... „Мы много плакали слезами радованія при твоёмъ приближеніи; но теперь, кажется, наше солнце остановилось или даже возвратилось вспять, и эта неизвѣстность и колебаніе безпокоятъ насъ. Мы опять спрашиваемъ словами Предтечи: «Ты ли это, котораго мы ожидаемъ?» Я, пишущій тебѣ отъ своего имени и отъ имени многихъ другихъ, я видѣлъ твою доброту, я слышалъ о твоей истинно-императорской милости, когда мои руки касались твоихъ ногъ и мои уста привѣтствовали тебя...“

11 ноября Генрихъ съ триумфомъ вступилъ въ г. Асти, а отсюда направился дальше, вездѣ принимаемый „какъ ангелъ Божій, устроившій миръ.“ Въ декабрѣ онъ вступилъ уже въ Миланъ, гдѣ короновался стальной ломбардской короной, сдѣланной на подобіе лавроваго вѣнка. Вездѣ онъ являлся безпристрастнымъ и къ гвельфамъ, и къ гибеллинамъ, вездѣ единственною цѣлю своего похода выставляя миръ и свободу. Генрихъ однако не рѣшился осадить Флоренцію, но дважды посылалъ къ ней пословъ, съ тѣмъ, чтобы они „запретили ей воевать съ его союзниками—аретинцами“. Та молчала. Ген-

рихъ объявилъ флорентинцевъ возмутителями противъ императора и конфисковалъ ихъ товары въ Генуѣ. Флоренція вооружила всѣхъ своихъ гражданъ, съ мала до велика, призвала на помощь къ себѣ даже многихъ изгнанниковъ, забаррикадировала свои улицы кроватями, мебелью и пр. и спокойно ждала приступа. А Генрихъ все еще ничего не предпринималъ рѣшительнаго, войска его отъ бездѣйствія деморализировались и грабили окрестныя деревни. Сильная смертность въ арміи, происходившая отъ невыносимаго зноя, недостатка здоровой пищи, отъ непогребенія мертвыхъ тѣлъ, которыя кучами валялись на поляхъ и тѣмъ усиливали заразу,—заставили императора подумать о приобрѣтеніи денегъ и пополненіи своей арміи. Это-то постоянное требованіе денегъ то у одного, то у другого города, и въ тоже время его полная бездѣятельность и трусость охладили многихъ его поклонниковъ. 8 августа 1313 г. въ Монталорти онъ напился холодной воды и простудился. На колѣнкѣ появился у него черныи чумной нарывъ, послужившій причиною его смерти. Врачи, будучи не въ силахъ вылечить Генриха VII, распустили слухъ о его отравѣ доминиканскими монахами. Такъ кончился пресловутый походъ для восстановления Римской имперіи.

Съ этого времени всѣ идеалы и надежды Данте на возрожденіе Италіи и на возвращеніе на родину должны были рухнуть. Среди нравственнаго одиночества, печально, безотрадно доживалъ свои дни великій поэтъ. И чѣмъ больше длились годы его изгнанія, тѣмъ сильнѣе онъ тосковалъ по родинѣ и тѣмъ глубже его сердце отзывалось на всякое людское горе. „Мнѣ жалко всѣхъ несчастныхъ, — пишетъ онъ, но еще болѣе жаль всѣхъ тѣхъ, которые, живя въ смлѣѣ, видятъ свое отечество только во снѣ...“ По словамъ Гейне, поэтъ поетъ потому, что пѣснь облегчаетъ страданія сердца:

«Klingt das Lied auch nicht ergötzlich
Hat's mich doch von Angst befreit»

Въ этой же пѣснѣ искалъ исхода своему горю и Данте. „Ты лети отъ меня, моя горная пѣснь: можетъ быть, ты поспѣшишь и Флоренцію, мою родину, которая, лишенная любви

и жалости къ людямъ, изгнала меня. Если ты долетишь до нея, то скажи всѣмъ: „мой хозяинъ теперь ужъ не можетъ воевать съ вами: тамъ, откуда я лечу, онъ удерживается цѣпью столь крѣпкой, что не можетъ придти во Флоренцію, эту прекрасную дочь Рима, гдѣ онъ былъ вскормленъ и вскормленъ, гдѣ онъ желалъ бы всею душою кончить дни свои, онъ, утомленный скитаніемъ изъ мѣста въ мѣсто, почти нищенствующій вездѣ, гдѣ только говорятъ твоимъ языкомъ.“ Однако надежда на возвращеніе какъ будто еще разъ улыбнулась Данте. Дѣло въ томъ, что въ 1316 г. на мѣсто жестокаго подеста Ландо-Губбѣо вступилъ Гвидо Баттифоле, человекъ, по отзывамъ современниковъ, гуманный и образованный, въ домѣ котораго еще прежде флорентинскіе изгнанники много разъ находили радушный пріемъ. Теперь было позволено возвратиться всѣмъ изгнанникамъ, не исключая и Данте, на условіяхъ весьма впрочемъ унижительныхъ для человѣческаго достоинства. Во Флоренціи съ давнихъ поръ существовалъ обычай освобождать и прощать политическихъ преступниковъ въ праздникъ Іоанна Крестителя. Съ шутовской митрой на головѣ, съ заженной свѣчой въ рукахъ, преступникъ долженъ былъ торжественно идти по улицамъ города въ церковь, и тамъ принести публичное покаяніе въ своихъ преступленіяхъ и уплатить извѣстный штрафъ, послѣ чего его отпускали на всѣ четыре стороны. Друзья и родственники Данте, жившіе во Флоренціи, убѣждали его принять эти условія. И дѣйствительно всѣ изгнанники не сочли ихъ для себя унижительными и возвратились, тогда какъ Данте гордо отвергъ ихъ. Вотъ его любопытный отвѣтъ, на предложеніе возвратиться, одному духовному лицу, которое больше всѣхъ хлопотало о возвращеніи Данте... „Если мой отвѣтъ не будетъ таинъ, какимъ желали бы найдти его люди трусливые, то я предоставляю его на ваше разсмотрѣніе прежде, нежели вы на что нибудь окончателно рѣшитесь.... Въ силу указа, изданнаго недавно во Флоренціи, я, если соглашусь заплатить извѣстную сумму денегъ и подчиниться унижительному условію, могу немедленно получить разрѣшеніе возвратиться. Въ этомъ, сказать правду, я нахожу двѣ вещи весьма смѣшныя и нелѣпыя, мой достоуважаемый отецъ.

Слова мои относятся къ тѣмъ только, которые мнѣ сдѣлали подобное предложеніе.... Такимъ ли образомъ слѣдуетъ призывать на родину Данте Алигieri, послѣ пятнадцатилѣтняго изгнанія? Этому ли заслуживаетъ всѣмъ и каждому извѣстная моя невинность? Къ тому ли должны были меня привести мои труды и дѣятельность? Прочь отъ меня, философа, подобная низость, достойная подлага сердца, низость, которая побудила бы меня, по примѣру нѣсколькихъ негодяевъ, подвергнуть себя стыду! Прочь отъ человѣка, проповѣдующаго справедливость, слабость, которая заставила бы его, претерпѣвъ несправедливость, заплатить оскорбившимъ его, какъ будто они были его благодѣтелями! Нѣтъ, не такимъ путемъ, достопочтенный отецъ, возвращусь я на родину. Со временемъ, можетъ быть, вы или кто другой, найдете иную дорогу, не унижительную для чести Данте, и тогда я поспѣшу избрать ее. Если же во Флоренцію нельзя войти такимъ путемъ, то я никогда не возвращусь въ нее. Какъ будто на всей землѣ не найдется другаго угла, гдѣ бы я могъ любоваться солнцемъ и звездами!... Развѣ я не могу подъ другимъ небомъ размышлять объ истинѣ, не дожидая того, чтобы меня прежде обезчестили въ глазахъ народа флорентинскаго? Не будетъ у меня недостатка и въ хлѣбѣ....“

Мы нарочно долго останавливаемся на этой благородной личности, чтобы на ней, какъ на зеленѣющемъ оазисѣ, немного отдохнуть, освѣжиться нравственно отъ окружающей насъ житейской лжи и грязи. Подобныя личности принадлежатъ къ отраднѣйшимъ явленіямъ въ исторіи, которыя примиряютъ насъ съ человѣчествомъ и вознаграждаютъ за горькій опытъ....

Въ 1320 году Данте поселился у владѣльца Равенны, Гвидо Полента, поставившаго Данте въ совершенно независимое положеніе, такъ что послѣдній могъ спокойно доживать свои дни, ни въ чемъ не нуждаясь. Незадолго до его смерти Венеціанская республика стала въ непріязненные отношенія къ Равеннѣ. Данте предложилъ Полента свои услуги въ качествѣ посланника въ Венецію для улаженія распри между двумя городами. Его поѣздка (въ 1321 г.) не только не имѣла

никакого успѣха, но венеціанскій сенатъ не далъ ему даже аудіенціи. Эта неудача до того опечалила и разстроила Данте, что овъ слегъ въ постель. Поэтъ-философъ, перенесшій столько несчастій, обманутый во всѣхъ своихъ надеждахъ, идеалахъ, не могъ перенести послѣдняго горя и умеръ 60 лѣтъ отъ роду *) 14 сентабря 1321 г. Смерть Данте нисколько не тронула его соотечественниковъ. Только историкъ Виллани внесъ въ свою хронику годъ его смерти и нѣсколько сочувственныхъ словъ. На его могилѣ съ большою справедливостью можно бы начертать слова, написанныя на памятникѣ Григорія VII: „Dilexi justitiam, odivi iniquitatem, propterea morior in exilio“. Замѣчательно, что послѣ прекрасной, энергической рѣчи, которую произнесъ Полента на могилѣ Данте, Полента былъ изгнанъ изъ города; но зато сыновья Данте, Пьетро и Джакомо, навсегда сохранили о немъ добрую память и впоследствии навсегда переселились на житье въ Верону, подъ покровительство сына Полента, Кане, сдѣлавшись такимъ образомъ натурализованными гражданами этого города. Имя Данте и его сочиненія какъ будто бы не существовали для Флоренціи въ теченіи цѣлыхъ 50 лѣтъ, до семидесятихъ годовъ XIV ст., когда Боккачіо своими лекціями во флорентинскомъ университетѣ возстановилъ предъ слушателями великій нравственный образъ поэта-философа. Самая его „Комедія“ долгое время считалась духовенствомъ еретическою; а книга „О монархіи“, спустя два столѣтія послѣ его смерти, именно въ періодъ Возрожденія наукъ и искусствъ, торжественно была осуждена папой на Триентскомъ соборѣ. Такъ, власть имѣющіе люди всегда утилизировали для себя, для своего безмятежнаго существованія, умственныхъ, культурныхъ силъ народа и въ то же время преслѣдовали людей работавшихъ надъ созданіемъ этихъ силъ. Сама римская церковь до „Вавилонскаго плѣненія папъ“, такъ высоко поднялась въ общественномъ мнѣніи благодаря только монополизированію въ свою пользу работающихъ культурныхъ силъ.

---

*) Passerini, „Il Pretorio di Firenze.“

Библиографическій указатель.

Victor Hugo. Histoire d'un crime.

Подготовка и дѣло.

(Нѣкоторыя подробности дѣла 1851 года).

II:

Дун Наполеону никакъ нельзя было отказать въ тактѣ, умѣньи, проникательности. Но важнѣе всего то, что на его сторонѣ были „счастье“ и „стеченіе обстоятельствъ“. Въ 40-хъ годахъ Бонапартизмъ былъ уже не партией, а просто религіознымъ культомъ, сектою. Къ этому культу подготовило, въ теченіе дѣлхъ десятилѣтій, даже направленіе искусства, — живописи, скульптуры и поэзіи во Франціи. Поэзія въ лицѣ Беранже боготворила „великаго человѣка“ (Наполеона I); живопись, скульптура и даже исторія, въ лицѣ Тьера, нисколько не отставала отъ Беранже, а, напротивъ—какъ будто составлялась съ нимъ; ибо вся сочиненная Тьеромъ исторія есть ни что иное, какъ „бонапартовская эпопея“; не удивительно, поэтому, что ко времени 40-хъ годовъ у Бонапартизма уже были свои „апостолы“, рьяные и почти самоотверженные послѣдователи Наполеоновскаго культа, готовые сдѣлать для воскрешенія „Наполеоновской идеи“ и „Наполеоновской имперіи“ все, что угодно...

Вотъ эту-то тщательной, хотя и вевольной, предварительной подготовкой объясняется, почему счастье, такъ ска-

зять, падало само въ руки принца Наполеона послѣ страшныхъ событій 1848 г. Но кромѣ восторженнаго культа Наполеонизма, объявшаго въ то время значительную часть французскаго населенія, (преимущественно провинціального) успѣхъ принца Наполеона очевиднѣйшимъ образомъ обусловливался и тѣмъ, что у него, какъ уже намъ пришлось упомянуть выше, *были деньги*, тогда какъ у временнаго французскаго правительства этихъ денегъ вовсе не было. Откуда взялъ отважный Наполеонидъ деньги?—Вопросъ этотъ можетъ быть рѣшаемъ съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія, какъ мы видѣли выше. На чьей сторонѣ является успѣхъ, въ пользу того является и кредитъ, и при этихъ условіяхъ уже легко совершать перевороты, и не только совершать, но и придавать имъ внѣшній блескъ, называть ихъ громкими именами „спасенія массъ“, „возстановленія порядка“ и т. д. Деньгами Наполеонида ссужали всевозможные банкиры, какъ выше мы тоже упоминали, и не только англійскіе, но и даже нѣмецкіе, хотя по этому поводу нѣмецкіе радикалы и подняли впоследствіи яростный крикъ. На средства, которыя весьма легко и удобно доставалъ Людовикъ Бонапартъ, онъ могъ нанимать себѣ многочисленныхъ агентовъ, носителей и поборниковъ „Наполеоновской идеи“. Между этими дѣятельными пособниками и, такъ сказать, „апостолами“ Бонапартизма въ особенности получили извѣстность: отставной поручикъ Лети и бывшій фельдфебель Фиаленъ. Этотъ-то послѣдній и превратился впоследствіи въ монсиньера Персиньи. Затѣмъ въ числѣ ревностныхъ дѣятельныхъ агентовъ Бонапартизма нужно отмѣтить нѣкоего г. Лара, нѣкогда служившаго артиллерійскимъ солдатомъ въ Гамбѣ, гдѣ былъ заключенъ принцъ-авантюристъ, послѣ своей неудачной высадки въ Булони. Впоследствіи мы встрѣчаемъ этого Лара банкротившимся парижскимъ виноторговцемъ. Далѣе онъ разыгрывалъ крайне недостойную роль, прикинувшись каменщикомъ и дѣйствуя въ средѣ пролетаріата, въ качествѣ бонапартистскаго агента. Обильныя денежныя средства для этой роли онъ получалъ отъ принца Людовика Наполеона. Ларъ былъ бонапартистскимъ „апостоломъ“, такъ сказать, низшаго полета. Въ высшемъ свѣтѣ, въ блестящихъ салонахъ

Парижа, бонапартистскою пропагандой занимались гг. Вельяръ, Гекеренъ, Абатучи и Ней, Піа, Аладенисъ и Эмиль Томасъ. Последний былъ директоромъ знаменитыхъ національныхъ мастерскихъ и открыто поддерживалъ „бонапартистскія“ стремленія въ рабочемъ классѣ. Къ этой же партіи апостоловъ и поборниковъ Бонапартизма различными подарками склонены впоследствии Эмиль де-Жирарденъ и Фаллу. Далѣе, какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, множество женщинъ, прельщенныхъ золотомъ, сдѣлались ревностными пропагандистками, „Наполеоновской идеѣ“. На помощь Бонапартизму явились даже юродство и ясновидѣніе... Разнаго рода ясновидящія (женщины) предсказывали возстановленіе Бонапартизма. Вотъ что значитъ сила вещей и сила обстоятельствъ!... И поэзія, и искусство пластики въ тѣсномъ смыслѣ слова,—и кредитъ, и средства мистифизма и юродства—все поднялось за возстановленіе династіи Бонапартъвъ,—все провозгласило, безъ околичностей,—что въ одномъ только Наполеонизмѣ заключается спасеніе Франціи...

Если же это такъ, то можно уже было напередъ предсказать, что громадное, возмущающее дѣяніе Наполеонида, 2 декабря, — не смотря на цѣну крови множества невинныхъ жертвъ, кровь которыхъ громко вопіяла къ Небу объ отмщеніи, не смотря на поруганіе, претерпѣнное парламентарями, законными представителями власти народа, и даже верховнымъ уголовнымъ судомъ, пытавшимся было судить „авантюриста“—что это преступленіе найдетъ себѣ лишь *слабое*, крайне слабое сопротивление, и даже найдетъ себѣ оправданіе, какъ ловкій и умный „совершившійся фактъ“. Такимъ дѣйствительно оно и признано, какъ авторитетно подтвердилъ въ своемъ новомъ произведеніи Викторъ Гюго.

Викторъ Гюго еще въ своихъ первыхъ произведеніяхъ окрестилъ неспособныхъ, недалъновидныхъ, робкихъ заговорщиковъ противъ Наполеона III характеристическимъ названіемъ „*Bougraves*“. Объ этомъ названіи мы уже говорили въ началѣ нашей статьи. Оно, съ еще бѣльшимъ юморомъ, упоминается и въ новомъ произведеніи Гюго. Въ одной изъ трагедій французскаго поэта эти господа собираются въ своемъ

клубъ, въ улицѣ *Пуатье*. Большинство этихъ „*Boungtaves*“ состояло изъ роялистовъ и иезуитовъ. Болтовня этихъ завсегдатаевъ почтеннаго клуба была довольно невинна, ибо они еще разсуждали (надо замѣтить—дѣйствіе происходитъ передъ самымъ Декабрскимъ переворотомъ, и самый фактъ взятъ съ дѣйствительности) ни болѣе, ни менѣе какъ о томъ, чтобы „г. Бонапартъ удостоилъ сдѣлать ихъ способниками“ въ великомъ дѣлѣ спасенія французскаго общества... Какъ видите, эти господа почти на самомъ канувѣ переворота только еще пробавляются своими *ria desideria*, — тогда какъ въ головѣ Бонапарта въ это время уже вполне созрѣлъ самый планъ „спасенія общества“. Викторъ Гюго, въ своей новой книгѣ сообщаетъ и о предварительныхъ совѣщаніяхъ для борьбы съ узурпаторомъ-Наполеонидомъ цѣлую массу новаго и, конечно, въ высшей степени интереснаго. Резюмировать это новое — не хватало бы для насъ мѣста, а потому желающихъ отсылаемъ къ самой книгѣ великаго французскаго поэта.

Викторъ Гюго прекрасно даетъ повать—и въ этомъ случаѣ комментируетъ другихъ историковъ—отчего Наполеоновскій переворотъ 2 декабря совершился съ такою страшною жестокостью, запятнавъ безчеловѣчными убійствами, залитъ человѣческой кровью, такъ что сцены этого переворота своимъ мрачнымъ и страшнымъ характеромъ нисколько не уступаютъ красно-республиканскимъ ужасамъ въ 1793 году, и даже какъ будто еще превосходятъ ихъ. На этотъ вопросъ легко найти отвѣтъ съ книгъ Гюго, особенно если внимательно анализировать явленія, которыя сопровождали и терроръ Первой революціи, и декабрскія убійства при Луи-Бонапартѣ. Уже констатировано, какъ непреложный фактъ, что во время первой революціи расправлялась накупѣвшая мечью буржуазія съ ненавистными ей привилегированными сословіями. Буржуазія составляла *третье* сословіе, которое Великая революція воззвала къ жизни и развитію. Въ періодъ времени съ 1793—1848 г. буржуазія успѣла обогатиться, захватить въ свои руки часть земныхъ благъ, но она забыла своихъ обиженныхъ собратьевъ, этихъ поденщиковъ-пролетаріевъ, которымъ въ удѣлъ не осталось никакой собственности и капитала, а только тяже-

лый трудъ, который буржуазія эксплуатировала для своего обогащенія. Точно такъ же, какъ *возставшимъ* элементомъ въ Великую революцію было *третье* сословіе,—такъ въ революцію 1848 г. этимъ возставшимъ элементомъ было сословіе *четвертое*, пролетаріатское, безъимущественное. Оно подняло голову, предъявило свои права—хотя бы только на нѣкоторую долю—въ дѣлѣ имуществва и капитала. Естественно, что разбогатѣвшая, изнѣжившаяся, алчная буржуазія пришла отъ этого притязанія своихъ „меньшихъ братьевъ“ въ трепеть. Опасеніе потерять хотя долю земныхъ благъ, при дѣлѣ съ своими собратьями, возбудили въ буржуазіи ярость и ожесточеніе, пропорціональныя ея страху. Взволновавшійся, поднявшій свою голову, пролетаріатъ былъ подавленъ съ страшнымъ ожесточеніемъ. Такъ и должно было случиться, такъ и случилось. „Голодающіе“ братья требовали въ 1848 г. отъ своихъ „сытыхъ“ братьевъ именно *того же*, чего послѣдніе требовали въ 1789 г. отъ привилегированныхъ сословій. Разъ это воняла буржуазія—и ярость ея уже не знала никакихъ предѣловъ. Пролетаріатъ, послѣ упорнаго сопротивленія, былъ пораженъ, такъ сказать раздавленъ...

Сказаніе о роковой ночи „преступленія“ Лудовика Бонапарта сдѣлалось уже классическимъ. Вечеромъ съ 1-го на 2 декабря у Наполеонида былъ чрезвычайный пріемъ гостей и официальныхъ лицъ и преимущественно клеветовъ заговора, въ числѣ которыхъ особенно красуются сводный братъ Наполеонида, герцогъ Морни, полицейскій префектъ Парижа, г. Мопà, —военный министръ Сентъ-Арно, и, продавшійся за 1/2 милліона франковъ, г. Маньянъ.

Полицейскіе комиссары получили въ ту же ночь отъ префекта полиціи, г. Мопà, приказаніе: арестовать къ 6 часамъ утра и привести въ Мазасскую и другія тюрьмы, между прочимъ, слѣдующихъ плѣнниковъ: 16 членовъ національнаго собранія, въ числѣ которыхъ красуются имена генераловъ: Кавеньяка, Бедо, Ламервьера, Шангарнье и Лефлю; ватѣмъ—лейтенанта Шарраса, капитана Шолла, Валентина, дагѣ—Тьера, База, Боне, Грешио, Лагранжа, Міо, Роже-дю-Нордъ и Надо. Надо замѣтить, что и всѣ эти арестованные господа богѣ

или менѣе считали себя „спасителями общества“, въ особен-ности же Тьеръ и Кавеньякъ (мы уже видѣли выше, что ге-нераль Кавеньякъ, подавляя парижское возстаніе, и самъ-то хорошенъко не понималъ своей роли). Кромя арестованныхъ членовъ національнаго собранія, сейчасъ перечисленныхъ, арестовано въ ту же ночь въ Парижѣ еще 70 человекъ, отъ которыхъ,—основательно или нѣтъ,—клеветы Наполеона ожидали сопротивленія замышляемому перевороту. О судьбѣ этихъ арестантовъ ходили различные слухи. Говорили, что ихъ отправили въ Кайенну. По этому поводу сдѣлался даже классическимъ крайне жестокой отвѣтъ виновника Декабрьскаго переворота, когда ему представили, что отправка въ Кайенну равняется смерти.

— Да, я это знаю, (*je l'entends bien ainsi*) съ невозмутимымъ хладнокровіемъ отвѣчалъ будущій императоръ, и не намѣнилъ безчеловѣчнаго рѣшенія.

Въ настоящее время, по поводу шедшаго въ свѣтъ сочиненія „о Второй Имперіи“ Гранье-де-Кассаньяка Старшаго, представляется умѣстнымъ остановиться на сказаніи о Викторѣ Гюго, который въ страшное время избавился отъ ареста, хотя за его голову была назначена полицейскимъ комиссарамъ огромная, съ полицейской точки зрѣнія, сумма (до 24,000 слишкомъ франковъ). Весьма естественно и понятно, что г. Гранье-де-Кассаньякъ Старшій отрицаетъ этотъ фактъ, какъ нелѣпость и несообразность; въ доказательство—ссылается на свидѣтельство самого префекта полиціи во время Наполеоновскаго переворота, г. Мона; но, затѣмъ, весьма естественно и понятно, что въ этомъ случаѣ свидѣтельство такихъ людей, какъ г. Мона, рѣшительно не заслуживаетъ никакой вѣры. Полицейское презрѣніе г. Мона къ Виктору Гюго весьма понятно. Г. Мона обрадовался случаю похвастаться великодушіемъ, и говорить, что зналъ объ укрывательствѣ Гюго; но такъ какъ не придавалъ этому человѣку большаго значенія, даже считалъ его *не стоящимъ (sic!?) суммы 24 тысячи франковъ*—то и предоставилъ своимъ агентамъ оставить его въ покоѣ, хотя и зналъ, гдѣ онъ скрывается. Вообще, когда побѣдители дѣлаютъ „историческія“ показанія о побѣжденныхъ, когда ограниченное

смысловое высокомеріе свидѣтельствуеть о людяхъ, имѣющихъ дѣйствительныя достоинства, тогда мы бываемъ поставлены въ гораздо худшее положеніе, чѣмъ если бы мы не имѣли никакихъ свидѣтельствъ. Если вы хотите намѣренно извратить въ вашей головѣ приблизительно-вѣрныя извѣстія о совершившихся фактахъ—читайте г. Гранье-де-Кассаньяка—и вы навѣрное достигнете своей цѣли!... Блестательное опроверженіе унижающей клеветы Кассаньяка читатель найдетъ въ книгѣ В. Гюго. Нѣтъ, Бонапартъ дѣйствительно боялся Гюго, и не пожалѣлъ бы денегъ за его голову. Затѣмъ, вѣрно и то, что высокіе принципы морали помѣшали В. Гюго про-извести свой *сюр д'etat*, а для этого онъ имѣлъ, повидному, средства...

Еще не разсѣялся мракъ страшной и томительной декабрьской ночи, въ которую совершился переворотъ. Арестованныхъ все везли, да везли—въ тюрьму Мазасъ и въ форть Валеренъ; въ это же время танулись войска; пѣхотная бригада по бульвару д'Орсе, предводимая Форэ; Дюла расположилъ вторую бригаду около Тюльерійскаго сада; около площади Согласія стояла третья бригада Котте. Въ распоряженіи преданнаго Наполеону генерала Канробера была 4-я бригада, подкрѣпленная кавалерійскою бригадою, подъ начальствомъ Котте и Рейбеля. Эти послѣднія части войскъ окружали Элисейскій дворець. Какъ разъ въ это же время изъ воротъ государственной типографіи выѣзжали возы, нагруженные экземплярами отпечатаннаго декрета, законическій и смѣлый языкъ котораго такъ характеристиченъ для 2-го декабря 1851 года. Декретъ гласилъ:

„Во имя французскаго народа.

Президентъ Республики объявляетъ:

- 1) Національное собраніе распущеннымъ;
- 2) Всеобщую подачу голосовъ (*Suffrage universel*) вновь восстановленной;
- 3) Французскій народъ сзывается между 14-мъ и 21 декабря въ своихъ комиціяхъ (*dans ses comices*);
- 4) Объявляется осадное положеніе во всей области, занятой

1-ю дивизіей (т. е. относительно Парижа и 10-ти осѣднихъ департаментовъ).

5) Государственный совѣтъ объявляется распущеннымъ;

6) На министра внутреннихъ дѣлъ возлагается исполненіе этихъ распоряженій.

„Дано въ Элисейскомъ дворцѣ. 2 декабря 1851 г.

„*Людвигъ Наполеонъ Бонапартъ*“.

„Министръ внутреннихъ дѣлъ, *де-Морни*“.

Вотъ, что называется въ одну ночь „*совершилось*“.. Съ моральной и общечеловѣческой точки зрѣнія,—это совершившееся есть преступленіе, которое повело, затѣмъ, къ цѣлому ряду другихъ преступленій и насилій. Но замѣчательно, что, судя по отзывамъ достовѣрныхъ свидѣтелей, людей мыслящихъ и провидательныхъ, — никого это преступленіе не удивило. Съ первыхъ же шаговъ Наполеонида—особенно послѣ уже совершившихся прецедентовъ въ Страсбургѣ и Булони—ожидали этого, и не могли не ожидать... Но вотъ кто былъ особенно пораженъ—такъ это тѣ господа, которые считали Наполеонида „идіотомъ“, „ничтожествомъ“ (*niais*) это, употребляя снова бессмертное выраженіе Виктора Гюго, „*Messieurs de Boucgravés*“, питомцы французскаго іезуитизма, ограниченные и тупые поборники французской „*gloire*“, — дальше своего носа не могли ничего ни видѣть, ни различать, и предавшіеся вздорной оптимистической болтовнѣ въ улицѣ Пуатье.. Вотъ эти господа, дѣйствительно, были поражены и изумлены Декабрьскимъ переворотомъ, какъ неожиданностью... И эти господа, въ простотѣ души, считали „своимъ“—даже Виктора Гюго, до котораго, однако, имъ было какъ до звѣзды небесной далеко...

Подобно тому, какъ Ахиллесу было суждено имѣть Гомера для описанія подвиговъ взятія Трои, какъ Александру Великому суждено имѣть Квинта Курція Руфа и Арріана,—такъ и герой „Декабрьскаго переворота“ имѣлъ своего „историка“ (официальнаго) въ лицѣ мосье Майера. Описаніе этого историка отличается тѣмъ лапидарнымъ характеромъ, тѣмъ грубымъ солдатскимъ хладнокровіемъ, которое не возмущается и

не устращается отъ потоковъ невинно-пролитой человѣческой крови, — которое сылятся грубыми, какъ солдатскій тесакъ, аргументами, оправдать всякое вопіющее звѣрское насиліе, — потому что это насиліе „увѣнчалось“ успѣхомъ. Въ смыслѣ моральныхъ феноменовъ, подобныя „исторіи“ имѣютъ свою огромную цѣну. И мы, для болѣе рельефной характеристики декабрьскаго преступленія, должны заимствовать главнѣйшія детали именно изъ сказанія мосьё Майера. Въ дополненіе, нужно еще замѣтить, что г. Майеръ еврей по происхожденію, нѣмецъ по фамиліи, французъ изъ экономіи (т. е. въ смыслѣ приверженности къ теплому мѣстечку полицейскаго шпіона) стало быть и чесночный запахъ, и кислое пивное филистерство, и смыщенцкія добродѣтели мушара—все это гармонически, или, точнѣе, дисгармонически, сочеталось у этого „Ксенофонта“. Второй Имперіи. Вотъ какими „философскими соображеніями“ г. Майеръ вводитъ насъ въ исторію Декабрьскаго переворота. „Въ этомъ дѣлѣ (т. е. въ Coup d'Etat) чтобы избѣжать постыднаго пораженія, нужно не только предупредить его, но еще напустить страхъ—(ne pas seulement prevenir, mais épouvanter). Во время государственныхъ переворотовъ неумѣстно разсуждать, тутъ нужно *пришибать* (frapper); при этомъ не резонно *ожидать* врага, а надо *напасть, броситься на него*. Далѣе, въ этихъ случаяхъ уже нѣтъ выхода изъ дилеммы: или „быть самому размноженнымъ, или размножить“ (ou broie ou l'on est broyé) и т. д..

Послѣ этого великолѣпнаго введенія слѣдуетъ грубое солдатское изложеніе самыхъ фактовъ и, разумѣется, съ специфической окраской въ пользу переворота. Изъ дальнѣйшаго изложенія явствуетъ, что „страхъ былъ нагнанъ“ рѣшительно на всѣ партіи: и на роялистовъ, и на республиканцевъ, и на бѣлыхъ, и на голубыхъ, и на красныхъ. Зато солдатамъ, поощряемымъ къ работѣ штыками, было раздолье... Полиція выбрала самыхъ красивыхъ публичныхъ женщинъ разносить въ войска цѣлыя рѣки горячительныхъ напитковъ: вина, водки и т. д. Солдаты пьянствовали, предавались разврату, свирѣпѣли, жаждали крови.. Этимъ путемъ провозглашено было спасеніе общества новымъ Бонапартомъ. Даже теперь, при

безпристрастно спокойномъ взглядѣ, волосы встаютъ дыбомъ, когда разсматриваешь эту дикую, страшную картину, напоминающую времена какого-нибудь византійца-узурпатора, Фоки...

У военнаго министра, Сент-Арно, былъ въ карманѣ приказъ: разстрѣливать плѣнныхъ офицеровъ и такъ называемыхъ заступниковъ народа, если онъ найдетъ это „нужнымъ и полезнымъ“. Затѣмъ, „на случай нужды“, Сент-Арно имѣлъ приказаніе отступить съ войсками къ Элизейскому дворцу, и потомъ, оттуда стаять войска къ фортамъ, чтобы бомбардировать Парижъ.

Въ этой крайней мѣрѣ, однако, не представилось надобности, такъ какъ сопротивленіе оказалось сравнительно ничтожнымъ; „разможжить“ врага—представлялось одною только забавою пьяныхъ и деморализованныхъ солдатъ.... Всего комичнѣе было дѣтское безпомощное сопротивленіе тѣхъ членовъ Національнаго собранія, которые рѣшились протестовать. Эти наивные господа были *Дюпенъ* и *Дарю*—одинъ президентъ, другой вице-президентъ парламента, съ нѣкоторыми товарищами. Они рѣшились противопоставить штыкамъ аргументы (но противъ штыковъ этихъ не устоялъ даже верховный уголовный судъ, *Haute Cour*). „На нашей сторонѣ право и справедливость, а противъ насъ—грубая сила!“ горячо провознесъ *Дюпенъ*. Эти слова, правда, пробѣжали электрическою искрой въ маленькомъ кружкѣ, „сопротивлявшемся перевороту“. Часті Національнаго собранія, 220 членовъ, вмѣстѣ съ *Дарю* и *Дюпеномъ*, собрались въ улицѣ *Гренель*, въ мѣрин 10-го округа Парижа*). Въ этомъ собраніи г. *Бенуа д'Ази* объявилъ президента Республики *Бонапарта низложеннымъ* (какъ комично и безпомощно..) и объявленнымъ „государственнымъ преступникомъ“. Далѣе, потребованъ 10-й легіонъ національной гвардіи (еще комичнѣе) для защиты парламента, и начальникомъ надъ этимъ легіономъ назна-

---

*) Эта безпомощная, хотя и горячая, судорожная дѣятельность членовъ Собранія въ мѣрин X округа Парижа, въ высшей степени художественно обрисована въ книгѣ В. Гюго.

чался генералъ Удино. Вурбоннестъ генералъ Беррье, знаменитый и рыцарный представитель легитимистскаго роялизма, рѣшился даже торжественно *провозгласить съ окна* волю и рѣшеніе Національнаго собранія проходящимъ по улицѣ гражданамъ. Никто изъ гражданъ, однако, не увлекся и не наэлектризовался, никто не пошевелилъ пальцемъ въ пользу воззванія Беррье, по крайней мѣрѣ имѣть историческаго свидѣтельства въ этомъ смыслѣ. Между тѣмъ, пока шли обсужденія «рѣшительныхъ дѣйствій», полицейскіе комиссары, сопровождаемые огромною толпою солдатъ, окружали зданіе, въ которомъ засѣдали и диспутировали навъныне могиканы Національнаго собранія. Еще не успѣли они закрыть рта и докончить своихъ рѣчей, какъ ихъ уже отвели въ казармы, расположенныя на бульварѣ д'Орсе, а отсюда ихъ, вмѣстѣ съ 220 «представителями народа», развели по тюрьмамъ Мазаса, Венсенна и Монт-Валерьена, а затѣмъ большая часть изъ нихъ была назначена къ транспорту на галеры... Такъ плачевно кончилось безпомощное сопротивленіе представителей Національнаго собранія, въ доказательство той грустной истины, что право, даже самое святое, идеальное право, въ большей части случаевъ умолкаетъ предъ грубою силою... Послѣ этого, парижскія тюрьмы, казематы крѣпостей и подземелья уже вскорѣ переполнились массою заключенныхъ. Въ одну крѣпость Висетръ было посажено 750 человекъ; въ Сент-Пелажи томилось 735 человекъ. Общее число арестованныхъ нужно считать тысячами.. Это предметъ въ особенности прекрасно и съ новыхъ сторонъ освѣщаетъ В. Гюго.

Надо констатировать еще одинъ важный фактъ—это тотъ, что собственно народъ Парижа, рабочіе, блузики, давшіе знаменитую генеральную битву буржуазіи въ іюнь 1848 г. если разумѣть подъ этимъ рабочимъ населеніемъ всю массу—относился къ перевороту болѣе пассивно и безразлично, чѣмъ этого слѣдовало бы ожидать. Причину повять легко. Декретомъ виновника переворота, народу, какъ уже упомянуто выше, дано право *всеобщей подачи голоса* (Suffrage universel) Что выйдетъ изъ этого права, какъ оно будетъ осуществляться, не будетъ ли оно безусловно-фиктивнымъ, — масса народа

блужники, поденщики объ этомъ не разсуждали. Самолюбіе этой бѣдной массы все-таки было польщено. Избирательное право, которое народная масса имѣла въ 1848 г. даже въ слѣдующемъ 1849 г., — было отнято у ней въ 1850 г. Послѣдствія такой грубой реакціи не могъ не замѣтить хитрый Наполеонидъ, и когда принялся дѣйствовать рѣшительно, онъ прибѣгъ къ оплоту со стороны массы — дарованіемъ ей „избирательнаго права“. Такое лицемеріе по крайней мѣрѣ не было въ глаза своею яркою грубостью... Даже болѣе: этотъ параграфъ „Декрета“ представлялъ образцовую хитрость и вкрадчивость, достойную Улисса...

Мазасъ, по словамъ Гюго, была худшею изъ парижскихъ тюремъ въ то время, когда совершился Наполеоновскій „*Coup d'Etat*“. Викторъ Гюго замѣчаетъ, что вообще арестованныхъ во время Декабрьскаго переворота раздѣлили на *дѣмъ* категорій: *шадимыхъ*, пользовавшихся снисхожденіемъ, и *нешадимыхъ*. Пользовались „снисхожденіемъ“ члены правой стороны, и ихъ отсылали въ Венсеннъ, весьма сносную тюрьму; ненавидимыхъ же, членовъ „лѣвой стороны“, отсылали въ Мазасъ. Викторъ Гюго сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія, что въ Венсенской тюрьмѣ заключенные получали превосходный обѣдъ въ общей столовой, получали свѣчи; комнаты достаточно отоплялись, и вообще обращеніе съ заключенными было вѣжливое и деликатное. Въ Мазасѣ же „представителей парламента“ принимали буквально какъ колодниковъ, грубо толкали, безцеремонно смѣривали ихъ ростъ, заносили общія примѣты въ тюремный списокъ, и, затѣмъ, еще болѣе грубо вталкивали каждого въ невыносимо-вонючую камеру. Въ назначенный часъ, по звону тюремнаго колокола, грязная рука подовала узнику въ окно миску съ супомъ и кусокъ хлѣба, покрытаго плѣсенью. Многіе изъ узниковъ, не смотря на голодь, кидали этотъ хлѣбъ на тротуаръ. Супъ же, или, точнѣе, мутно-бурая жидкость, — издавалъ такой отвратительный запахъ, что нужна была уже крайняя степень голода, что бы рѣшиться съѣсть его, и дѣйствительно, супъ этотъ ѣли уже въ крайвейей степени голода. Объ этомъ обстоятельствеѣ одинъ заключенныхъ въ Мазасѣ разсказывалъ

Виктору Гюго, причемъ прибавилъ весьма характеристичную фразу. „Голодный желудокъ не знаетъ запаха“ (*Ventre affamé n'a pas de nez*), и затѣмъ на заключенныхъ лежала тяжелая и строгая обязанность молчанія. Преступленіе въ этомъ смыслѣ, хотя бы и не намѣренное, немедленно вызывало угрозу „заковать въ кандалы“!... На историка Тьера, такъ прославившаго Бонапартизмъ, тюремные солдаты любовались какъ на куклу, и заглядывали ему подъ самый носъ...

Но вотъ на С.-Антуанскомъ бульварѣ являлся часть парижскаго населенія, рѣшившаяся биться не на животъ а на смерть. Самые выдающіяся въ борцовъ были трагическія личности *Бодена* и *Мадье-де-Монжо*. Эти люди во имя идеи, во имя правды и справедливости, рѣшились выступить съ ничтожною кучкой въ страшный неровный бой, съ крикомъ: „aux armes“. Они воскресили мысль постройки на улицахъ баррикадъ и борьбы, хотя бы на вѣрную смерть. Героическій Водень былъ убитъ въ свалкѣ, а Мадье-де-Монжо—тяжело раненъ. Кварталомъ возстанія было классическое въ этомъ отношеніи Сен-Антуанское предместье, знаменитое еще съ 1848 г. Съ 2-го на 3-е декабря волненіе въ Сент.-Антуанѣ общало принять даже грозные размѣры. Толпы волновались, подобно настоящей бурѣ, намѣревавшейся охватить собою весь Парижъ, съ криками: „Побѣда или смерть“. Но эта буря разбилась о равнодушіе остальной массы рабочихъ. Затѣмъ генералы Сент.-Арно и Маньянъ, располагая силою въ 80,000 человекъ, сумѣли быстро и безпощадно подавить рокотавшее возстаніе. И это же было печальнымъ поворотомъ къ звѣрскимъ неистовствамъ солдатъ въ этомъ несчастномъ кварталѣ, на бульварѣ, получившемъ съ тѣхъ поръ классическую извѣстность. Въ этомъ смыслѣ Водень и Мадье-де-Монжо были причиною, хотя-бы и невинною, звѣрскаго востребленія массы безоружныхъ драхлихъ стариковъ, даже женщинъ и дѣтей... Это кровавая оргія убійства невинныхъ была названа на безстыдномъ языкѣ Наполеоновскихъ солдатъ „очищеніемъ бульвара“. Подвизались въ этомъ дѣлѣ генералы Рейбель и Канроберъ. Въ парижскихъ анекдотическихъ хроникахъ Рейбель характеризуется „генераломъ-нѣяницей“, а Канроберъ—„резвымъ“. По этому-то

Рейбеля наградить за подвигъ „очищенія бульвара“, было гораздо легче: просто на просто—напоятъ его до-пьяна лучшимъ виномъ, и затѣмъ еще подарить нѣсколько бочекъ въ его погребъ, Награда же трезвому Конроберу, за тотъ же подвигъ представляла большое затрудненіе, которое разрѣшили тѣмъ, что, говорятъ, крайне слабому до женщинъ генералу устроили „rendez-vous“ съ одной красавицей—дамой, нашей русской соотечественницей, какъ прибавляетъ парижская молва. Какъ ни украшена частными сплетнями эта молва, но, конечно, въ ней есть реальная фактическая основа, и мы потому-то и упоминаемъ объ этомъ обстоятельстве, характеристичномъ и въ томъ отношеніи, что вся система Наполеона была основана на деморализаціи и расчетѣ на чувственные инстинкты массы... Здѣсь особенно отличился Маньянъ, и доказалъ, что недаромъ же онъ проданъ Наполеону за 500,000 франковъ...

Грустная и крайне мрачная сторона подвиговъ двухъ генераловъ состояла въ томъ, что, по ихъ распоряженію, или допущенію, совершены были убійства массы невинныхъ и безпомощныхъ, пришедшихъ поглазѣть на бульваръ, изъ простаго любопытства. По данному барабаннымъ боемъ сигналу, произошла рѣзня и прокалыванье штыками множества жертвъ, молодыхъ дѣвушекъ, дѣтей старцевъ... Тѣла этихъ жертвъ запрудили все протяженіе бульвара между улицей *Монмартръ* и воротами *Сенъ-Мартенъ*. Эти изувѣченныя тѣла лежали тагимъ возвышающимся валомъ, что заграждали путь черезъ бульваръ. Пытались-было предполагать, въ видѣ оправданія Наполеонизма, что при этомъ произошло „недоразумѣніе“. Попытка оправданія вздорная и крайне натянутая. Несомнѣнно доказано, даже Гомеромъ 2 декабря г. Майэромъ не опровергнуто; (а напротивъ признано), что войска на бульварѣ ожидали, пока безоружная и беззащитная толпа сбѣгается гуще. Лишь только это исполнилось, какъ на столпившуюся массу бросились и пѣхота, и артилерія, съ дикими криками: „Бей! бей ихъ встѣхъ!“ И это кричали „образованные“ офицеры, подкупленные Бонапартовскимъ золотомъ. Бонапарту же № III почему-то нужно было терроризировать уличныхъ

ребятъ и женщинъ... Въбѣсившіеся и опьянѣвшіе солдаты тоже кричали: „*Вей! руби! стрѣлай ихъ, бедумовъ!*“ (это женщинъ-то, стариковъ и дѣтей!?) И пошли, и пошли во всю пруть работать пули, картечи, штыки, приклады, сабли.. Но и этого еще мало: солдаты вторгались даже въ жилища беззащитныхъ, давили, задушивали и изувѣчивали до смерти... и всѣхъ тѣхъ же бедунновъ, т. е. стариковъ женщинъ и дѣтей. Сохранилось сказаніе, въ свое время появившееся въ газетахъ, что во время боины на бульварѣ, одинъ изъ солдатъ вдѣлъ свою несчастную жертву на штыкъ и долго вертѣлъ и любовался, пока жертва эта томилась страшною агоніей смерти...

Всѣ эти достойные подвиги повергли на время не только Парижъ, но и всю Францію въ какой-то нѣмой ужасъ и безмолвное оцѣпенѣніе... Фактъ подавлялъ всѣхъ и каждого своею страшною истинной. Дѣйствительность оказалась изобрѣтательнѣ всякаго необузданнаго воображенія..'

Наполеоновскій „Мониторъ“ вскорѣ напечаталъ свѣдѣнія о числѣ убитыхъ на бульварѣ. Цифра была показана въ 350 человекъ. Но это чистая ложь—въ этомъ (т. е. въ предположеніи, что это «монтерская» ложь) уже давно всѣ согласны. Еще нужно прибавить по крайней мѣрѣ нѣсколько сотъ, чтобы опредѣлять истинное число убитыхъ.

Послѣ этихъ убійствъ, какъ и слѣдовало ожидать, послѣдовалъ цѣлый рядъ проскрипцій, конфискацій, изгнаній, отпращиваній на галеры...

У Виктора Гюго страница объ этомъ страшномъ событіи написана кровью, жолчью и слезами, въ главѣ XV, II части подъ заглавіемъ «*Le Massacre*». Онъ приводитъ трагическій отчаянно-изступленный вопль одной женщины, которая, увидѣвъ своихъ дѣтей безчеловѣчно изрѣзанными и растоптанными, кричала раздирающимъ голосомъ, поднимая руки къ небу: „*On tue! on tue! on tue! on tue! on tue!*...“

Книга Виктора Гюго заключается особымъ отдѣломъ, озаглавленнымъ „Паденіе“ (*La Chute*) раздѣленнымъ на особія главы. Послѣднія двѣ главы этого отдѣла (IX и X) особенно

замѣчательны. Въ IX главѣ В. Гюго называетъ драму, героемъ которой сдѣлался авантюристъ-Наполеонидъ неслыханною (inouï) что, конечно, совершенно справедливо. Финалъ драмы до такой степени суровъ и грозенъ, что ему позавидовалъ бы самъ Эсхилъ. Всю драму можно раздѣлить на слѣдующіе пять актовъ: 1) *Засада* (Le Quiet-areps); 2) *Борьба* (La lutte); 3) *Убійства* (Le Massacre); 4) *Побѣда* (La Victoire) и 5) *Паденіе* (La Chute). Послѣдній актъ отличается поразительно-грознымъ, суровымъ, неслыханнымъ, характеромъ. При этомъ замѣчательно, что судьба соблюла строгую пропорциональность между преступленіемъ и паденіемъ: на сколько преступленіе 2 декабря было хуже преступленія 18 брюмера, на столько ужаснѣе и позорнѣе пораженіе при Седанѣ сравнительно съ пораженіемъ при Ватерлоо. Съ этической точки зрѣнія это сдѣланное Гюго сопоставленіе получаетъ интересъ огромный. Дѣйствительно, при этомъ сравненіи, какъ будто убѣждаешься, что Немезида умѣетъ выбирать наказанія пропорционально преступленіямъ. Наполеонъ I и послѣ Ватерлоо счумѣлъ быть великимъ и производилъ какой-то благоговѣнный страхъ и удивленіе къ своей особѣ, напоминая падшаго демона... Но въ какое же сравненіе можетъ идти съ этимъ гигантомъ его жалкій племянникъ!..

Послѣдняя X глава заключенія (La Chute) содержитъ великолѣпное лирическое обращеніе къ человѣчеству, по поводу униженной, пораженной, изъязвленной, но, затѣмъ, быстро воскресшей и оправившейся Франціи. (Pauit Dea). Это лирическое воззваніе имѣетъ тѣснѣйшую связь съ общей идеей, проникающей всю книгу Гюго—что преступленіе Бонапарта унизило Францію, повергло ее въ тьму, но лишь не надолго, на 5-ть мѣсяцевъ только! „Въ настоящее время,—заключаетъ поэтъ, Франція еще болѣе велика, чѣмъ когда либо... Временное помраченіе ея горизонта еще болѣе просвѣтило этотъ горизонтъ. Франція обладаетъ братскою любовью безъ усилія; она улыбкою возвышается надъ своими страданіями. Во Франціи нація составляетъ гражданъ, а не стадо робко-нослушныхъ подданныхъ. Военныя побѣды уже миновали для Франціи, въ будущемъ предстоятъ ей побѣды мира. Будущность

ея въ Вольтерѣ, а не въ Крупнѣ, въ книгѣ, а не въ мечѣ. Будущее Франціи—жизнь, а не смерть. Франція обладаетъ просвѣщающею силою: никакая катастрофа, политическая или военная, не въ состояніи отнять у Франціи этой таинственной супрематіи... Заслонявшее облако прошло—возсіяла звѣзда. Но звѣзда чужда гнѣва, заря чужда ненависти. Свѣту долѣетъ быть свѣтомъ; свѣтъ—все и безъ него человечество не имѣло бы взаимной любви. А Франція любима, потому что она добра,—а въдъ наибольшее изъ всѣхъ величій—это быть любимымъ всѣми... Французская революція даетъ приобрѣтенія всему міру. Это битва, постоянно дающаяся во имя свободы и постоянно выигрываемая во имя правды. Справедливость—это основа челоѣка; истина—это основа Бога... Что можно сдѣлать противъ революціи, поднимающейся во имя этихъ основаній?—Ничего. Но любовь обуславливаетъ собою существованіе націй, и дѣлаетъ ихъ солидарными между собою. Франція даетъ—а весь міръ принимаетъ. Въ этихъ немногихъ словахъ заключается весь феноменъ цивилизаторской роли Франціи... Можно противостоятъ вторженію армій, но нельзя противостоятъ вторженію идей. Слава варваровъ должна состоятъ въ томъ, чтобы быть завоеванными гуманностью, слава дикихъ—въ томъ, чтобы быть завоеванными цивилизаціей: слава тьмы должна состоятъ въ томъ, чтобы быть завоеванной свѣтомъ... Вотъ почему Франція представляется и желанною, и сочувствуемою всѣми; вотъ почему Франція чужда всякой ненависти и всякаго страха; вотъ почему она обладаетъ братскою и материнскою любовью; вотъ почему Францію невозможно умалить, невозможно унижить, не возможно раздражить; вотъ почему, послѣ столькихъ испытаній, послѣ столькихъ катастрофъ, несчастій, бѣдствій, столькихъ паденій—Франція остается неповрежденною и неуязвленной и, съ высоты своего царственнаго величія, протаживаетъ руку другимъ народамъ“...

Далѣе, къ концу своего лирическаго воззванія, В. Гюго увѣкается аллегорическимъ сравненіемъ разложенія призмой бѣлага свѣта на 7 цвѣтовъ. Эти 7 цвѣтовъ, по его мнѣнію, отдѣльныя цивилизаціи 7-ми великихъ европейскихъ державъ

(3-хъ южныхъ: Греціи, Италиі, Испаніи; 3-хъ сѣверныхъ: Англии, Германіи, Россіи, и 7-й—Франціи, представляющей, въ одно и то же время, и сѣверную, и южную)—сольются въ *единый блокъ* цвѣтъ обще-европейской цивилизаціи, въ которой война уже не будетъ имѣть мѣста, а тѣмъ болѣе преступленія, подобныя декабрьскому „*Coup d'Etat*“ Наполеона III. Таково пророчество маститаго поэта; но... не представляется ли оно нѣсколько наивнымъ?...

Матеріалы, замѣтки и новости.

Древнія базилики и вліяніе ихъ на общій характеръ архитектуры древней и новой.

Вопросъ о базиликахъ и по настоящее время не перестаетъ возбуждать интересъ всякаго образованнаго человѣка, въ особенности же интересующагося христіанскими древностями и христіанскимъ искусствомъ. Въ послѣднее время о базиликахъ явились новыя сочиненія, трактующія вопросъ по возможности полно и съ новой стороны, на примѣръ послѣдній классическій трудъ г. Зальценберга „Die Christliche Basiliken“. Мы не имѣемъ цѣлю говорить здѣсь о книгѣ г. Зальценберга, но мы намѣрены указать, какъ въ значительно уже давно минувшіе годы подготовлялась и совершалась правильная постановка вопроса о базиликахъ. Значительнѣйшіе труды въ этомъ родѣ принадлежатъ *Христіану Карлу Іосіу Бунзену*, автору великолѣпнаго историческаго изслѣдованія о Египтѣ и другу геніальнаго Нибура. Но до Бунзена была уже собрана масса археологическаго матеріала, для освѣщенія вопроса о базиликахъ. Бунзену представилась только задача правильно и тщательно сгруппировать данныя, — что онъ и исполнилъ.

Чтобы ввести человѣка незнакомаго съ вопросомъ о базиликахъ въ суть этого вопроса и показать его интересъ для исторіи, — обыкновенно начинаютъ вопросомъ: наши современ-

ные христіанскіе храмы (по своей архитектурѣ, на Западѣ или на Востокѣ—это безразлично) развились ли изъ древнихъ римскихъ базиликъ, или же архитектура ихъ развивалась самостоятельно? И затѣмъ: самны базилики Рима развились ли собственно на римской почвѣ или обязаны своимъ происхожденіемъ Греціи? Этотъ вопросъ уже ведетъ насъ къ сравнительному изслѣдованію архитектуръ древней Греціи и Рима и, по тѣсной связи съ этимъ, къ изслѣдованію вообще древнихъ памятниковъ.

Мы не наслѣдовали даже остатковъ греческой базилики; но существованіе базилики въ Аѣнахъ ясно доказываютъ намъ древніе писатели. Во внутренности Керамика Аѣинъ, близъ извѣстной площади (*Ἄγορά*) и внизу холма *Πνικς* въ древнихъ Аѣнахъ находилась галерея, въ которой обыкновенно засѣдалъ Архонтъ-Базилевсъ, украшенный знаками царскаго достоинства. Здѣсь производился судъ, въ особенности по вопросамъ, касающимся религій. Галерея эта, взятая вмѣстѣ, называлась у грековъ *βασιλῆως Στοά* и уже позднѣе была названа «базиликою». Но эта *Στοά* въ христіанскій періодъ уже исчезла съ лица земли. Во времена греческаго путешественника Павзанія (II в. по Р. Хр.) остатки этой знаменитой галереи еще существовали, потому что Павзаній говоритъ о цѣлыхъ группахъ изваяній, украшавшихъ кровлю галереи. Въ наше время (въ 80-хъ годахъ текущаго вѣка) ученый археологъ, г. Панофа, весьма остроумно изъяснилъ и описалъ, основываясь на текстѣ Павзанія, форму самой кровли и постановку статуй. Надо припомнить здѣсь одно весьма важное обстоятельство, что греческіе авторы даже и римскія базилики называли словомъ *Σοά*. Отсюда мы уже совершенно вправѣ заключить, что въ древнихъ Аѣнахъ именно и находилась прототипъ древней базилики. Въ этой первобытной аѣинской галереѣ, конечно, находилось возвышеніе въ нишѣ, для возсѣданія царя-судьи, возвышеніе, называемое также *амсидою* или *земничкомъ* (*ἡμικύκλιον, hemicyclium*). Съ возвышенія открывался судѣ свободный видъ во множество помѣщеній, которыя были отворены и наполнены ищущими суда и защиты. О базиликѣ въ нѣскольکو подобномъ смыслѣ упо-

минаетъ уже Гомеръ, приводя описаніе возвышеннаго сѣдлица для судьи-царя (*Θρόνος*). Это—соображенія, весьма вѣроятныя. Но архитектурно-подробно возстановить древнюю афинскую базилику мы, къ сожалѣнію, не можемъ, за недостаткомъ въ наличности этого рода памятниковъ. Въ Геркуланумѣ и Помпеѣ, какъ оказалось при раскопкахъ, сохранились базилики, архитектура которыхъ обязана греческому вліянію, и притомъ замѣчательно, что эти сохранившіяся базилики довольно существенно отличаются отъ римскихъ. Такъ называемый „корабль“ (средняя часть) зданія этихъ базиликъ не покрытъ; внутри зданіе снабжено двойнымъ рядомъ колоннъ, верхнимъ и нижнимъ. Нижнія колонны іоническаго ордена, верхнія—коринтскаго. Входы въ каждую изъ этихъ базиликъ 5. Три соотвѣтствуютъ среднему кораблю, и два другіе двумъ кораблямъ крайнимъ. На противоположномъ концѣ отъ трехъ среднихъ входовъ (соотвѣтствующихъ среднему кораблю) возвышается столь характеристическая для базиликъ трибунальная ниша. Она имѣетъ четвероугольную форму и представляетъ обыкновенно 7 футовъ вышины.

Теперь посмотримъ, что представляютъ намъ собственно древне-римскія базилики. Первая базилика украсила Римскій Форумъ въ VII вѣкѣ отъ основанія Рима. Несмотря на то, что это была первая, по времени, базилика, она уже отличалась великолѣпіемъ и грандіозностью постройки. Базилики принадлежали къ самымъ любимымъ постройкамъ Рима, и въ этомъ отношеніи римская архитектура выработала совершенно самобытный, величественный, оригинальный характеръ, и римскія базилики получили всемірное значеніе. Вотъ прошло уже 1½, слышомъ тысячи лѣтъ, а мы все еще останавливаемся въ благоговѣнномъ изумленіи передъ этими величественными остатками древней жизни. До насъ сохранился планъ такъ называемой „Двойной“ Базилики Эмилиевъ, отъ VII вѣка. На нѣкоторыхъ монетахъ сохранился видъ этой базилики во всей ея цѣлости. Цезарь и Августъ построили великолѣпную „Юлианскую“ базилику, возстановленную изъ щебня уже въ текущемъ вѣкѣ. Раскопками знаменитой Ульпійской или Троянской базилики мы обязаны Наполеону I. Почти всѣ римскія

базилики принадлежатъ Форуму, построены на немъ. Въ римскихъ базиликахъ уже исчезли стройныя колоннады съ существующими между ними ходами. Колоссальныя столбы образуютъ средній корабль; кровля поддерживается мощными сводами. Къ столбамъ средняго корабля прислонены колонны представляющія остатокъ греческихъ традицій. Самый трибуналъ съ своимъ возвышеніемъ и нишей, или апсидой, находится, сообразно первоначальной идее базилики, въ центральной нишѣ, противъ главнаго входа. Такъ строились въ Римѣ базилики и впоследствии, неизмѣнно, сохраняя древне-римскій *народный* характеръ, и это обстоятельство имѣло величайшую важность для развитія „сводообразныхъ“ построекъ въ Римѣ и, вслѣдъ затѣмъ, для развитія храмовой архитектуры всѣхъ новыхъ народовъ. Изъ базилики, какъ необходимое слѣдствіе, развился *крестообразный* сводъ.

Древне-христіанское искусство, въ смыслѣ архитектуры, представлялось, однакоже, подражаніемъ не той категоріи базиликъ, сводъ которыхъ утверждается на столбахъ, или пиластрахъ, а базиликамъ съ колоннами, первоначальный типъ которыхъ существовалъ въ Афинахъ. Это потому — что знаменитѣйшія базилики древняго Рима принадлежали именно къ этой послѣдней категоріи. Христіанство IV вѣка, покровительствуемое Константиномъ Великимъ, выбрало именно эту послѣднюю форму базиликъ. Въ центрѣ полуокруга, у апсиды, гдѣ на возвышеніи засѣдалъ судья, у христіанъ образовался, олтарецъ, съ возвышеннымъ мѣстомъ для епископа. Но эта послѣдняя категорія базиликъ представляла у римлянъ базилики *судебныя* (всегда двурусныя съ рядами верхнихъ и нижнихъ колоннъ). Вотъ по поводу-то подробнаго разъясненія этихъ базиликъ, въ топографіи, и существовали издавна горячіе споры, именно вслѣдствіе того, что представлялись (да и теперь еще представляются) трудными для пониманія мѣста древнихъ авторовъ, говорящихъ о «судебныхъ базиликахъ». Представленіе объ этомъ предметѣ издавна было такъ не ясно, что даже то мѣсто Новаго Заветъа, гдѣ говорится о судебной обстановкѣ Пилата, судившаго Христа, представляется неточно переведеннымъ LXX толковниками. И «да

[Шлаатъ] на сѣдѣнціи на мѣстѣ глаголющихъ *Λιανοστρωτόν*, Еврейски же Гацца Да (Иоанн. XIX, 13). Это *Λιανοστρωτόν* (по переводу—устланый камнями) есть ничто иное, какъ возвышеніе для судьи, (чаще для претора) возвышавшееся на нѣсколько ступеней. Здѣсь ставилась *Sella* для судьи. Лютеръ перевелъ *λιανοστρωτόν*, съ еврейскаго, точнѣе—словомъ „*Hochpflaster*“ (высоко-взмощенный). Дѣйствительно, если судъ совершался судьей даже не въ базиликѣ, то все-таки устраивалось для судьи возвышеніе, на которое и ставилось судейское кресло. Такъ византійскій историкъ Зосима говоритъ объ императорѣ Юліанѣ, совершавшемъ провѣрку возвращенныхъ варварами плѣнныхъ,—даже подъ открытымъ небомъ, что онъ Объ *βήματος ὑψηλοῦ καθίσας* (Zos. L. III. Cap. IV—V). *ἐπὶ* этомъ же можно найти свидѣтельства и у другихъ древнихъ писателей. У римлянъ вообще отправленіе судебныхъ дѣлъ совершалось съ такою торжественностью, что даже юристъ низшаго разбора судилъ въ своемъ домѣ своихъ кліентовъ не иначе, какъ сидя на возвышеніи (*Solium*).

Подробности о римскихъ судебныхъ базиликахъ мы знаемъ преимущественно изъ писемъ Плинія Младшаго. Письма эти драгоценны для насъ, представляя въ себѣ много данныхъ для уразумѣнія устройства римскихъ общественныхъ зданій и частныхъ жилищъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Плиній описываетъ внутренность Эмилиѣйской или Юліѣйской базилики, припоминая тотъ случай, когда онъ самъ защищалъ предъ трибуналомъ одну дѣвушку, дочь богатаго римлянина, лишенную наслѣдства своею мачихой. «*Sedebant iudices, говорить при этомъ Плиній,—centum octoginta: tot enim quatuor consiliis colliguntur: ingens utrimque advocatio et numerosa subsellia: praeterea densa circumstantium corona latissimum iudicium multiplici circulo ambibat. Ad hoc stipatum tribunal: atque etiam ex superiore basilicae parte, qua feminae, qua viri, et audiendi, quod difficile, et, quod facile, visendi studio imminebant*» (Epist. VI, 33). Т. е.: «На судъ засѣдали 180 присяжныхъ судей, потому что таково должно быть число четырехъ соединенныхъ отдѣленій суда. По объемамъ сторонамъ

(т. е. по обѣимъ сторонамъ преторскаго сѣдалища) находилось огромное множество представителей адвокатуры (стряпчихъ) возсѣдавшихъ на множествѣ скамеекъ. Кромѣ того, предстоящіе густымъ полукругомъ окружали чрезвычайно обширное помѣщеніе преторскаго судилища. Отъ этого трибунала былъ окруженъ и стѣсненъ густою толпою присутствовавшихъ. Да и въ верхнихъ частяхъ базилики (т. е. въ части, имѣющей въ помпейскихъ базиликахъ колоннаду коринтскаго ордена и соотвѣтствующей нашимъ *хорамъ*) тѣснились мужчины и женщины, движимые желаніемъ, — или слышать—что было трудно, или видѣть—что было легко....»

Это мѣсто Плинія имѣетъ для насъ громадную важность во многихъ отношеніяхъ и, главнѣе, потому, что изъ-за болѣе или менѣе неяснаго пониманія его происходили столь долговременные и часто ожесточенные споры о деталяхъ римскихъ базиликъ. Тѣ, что у Плинія названо *latissimum iudicium* — въ архитектурномъ смыслѣ нужно принимать именно за греческое *ἡμίκυκλιον* или апсиду, которая здѣсь различается отъ сѣдалища-трибунала въ тѣсномъ смыслѣ слова; такъ, полукругъ, взятый вообще, былъ огроменъ, и это было выгодно и въ акустическомъ отношеніи, и благодаря этому примѣру древнихъ мы научились удобно устроить наши театры. Но описаніе Плинія, при всей его важности, все-таки коротко; оно, къ счастію, дополняется для насъ описаніемъ Витрувія, находящемся въ I главѣ V книги его знаменитаго труда „Объ архитектурѣ“. Витрувій дѣлаетъ замѣчаніе, что вообще устройство форумовъ въ Италіи обуславливалось народными нравами римлянъ, въ противоположность нравамъ греческимъ. Форумы устраивались для борьбы (гладіаторской). Отъ этого они должны были имѣть не четвероугольную, а продолговатую форму, длина которой относилась къ ширинѣ какъ 3 : 2. „Для базиликъ же—продолжаетъ Витрувій—примѣкавшихъ обыкновенно къ форуму, выбирались мѣста, наиболѣе согрѣваемые лучами солнца. Зимой въ зданія базиликъ собирались производившіе въ Римѣ торговлю купцы, чтобы укрыться отъ непогоды. Ширина базиликъ составляла не менѣе $\frac{1}{2}$, и не болѣе $\frac{1}{2}$ ихъ длины. Если же длина мѣста, избраннаго

для построения базилики, превосходила это отношение, то на концах базилики пристроивали такъ называемыя „халцидики“ или мѣста для прогулокъ, какъ это можно, напримѣръ, видѣть въ базиликѣ Julia Aquitania“. (Здѣсь нужно прибавить для объясненія словъ Витрувія, что *халцидики* были глубокія галлерей съ плоскими кровлями и террасами). Въ XIV в. во Флоренціи стали устраивать подобныя *халцидики*, въ подражаніе римскимъ, подъ именемъ „Loggia Orcagna“. Халцидики во Флоренціи были пристроены тоже къ залѣ, занимаемой судебнымъ мѣстомъ. Изъ халцидики дверь вела въ знаменитую залу Уффици, гдѣ находилось народное судище....

Верхнія колонны „двойныхъ“ или двухэтажныхъ базиликъ, по Витрувію, были меньше (ниже) нижнихъ колоннъ на $\frac{1}{4}$. Далѣе пространство между капителями нижнихъ колоннъ, такъ называемый римлянами *Pluteum*, было тоже на $\frac{1}{4}$ меньше, чѣмъ *Pluteum* верхнихъ колоннъ. Витрувій говоритъ еще, что онъ самъ устроилъ своего оригинальнаго изобрѣтенія базилику въ Рапо. Базилика эта соотвѣтствовала общему типу древнихъ базиликъ, но имѣла и много особенностей. Описание этихъ особенностей, сдѣланное Витрувіемъ, содержитъ, однако, много неясностей и ввело въ заблужденіе многихъ. Напримѣръ, слишкомъ большіе размѣры хорды ниши, простирающіеся до 46 футовъ, тогда какъ глубина равняется и всего то 15 футамъ (вмѣсто нормальныхъ 23). Но это произошло отъ недоразумѣнія чтенія въ анализѣ самаго текста Витрувія.

Вообще нужно прибавить, что общій типъ римскихъ базиликъ всегда представляетъ средній корабль съ двойною колоннадою, съ присоединеніемъ къ этому кораблю двухъ меньшихъ кораблей и другихъ, параллельно ему, по сторонамъ. Ширина cadaго изъ боковыхъ кораблей = $\frac{1}{2}$ ширины cadaго изъ меньшихъ кораблей....

Изъ этихъ типичныхъ для древняго Рима зданій несомнѣнно развилась и европейская архитектура, по крайней мѣрѣ въ самыхъ важныхъ и характернѣйшихъ своихъ проявленіяхъ. На архитектуру же христіанскихъ храмовъ и Востока и Запада, римскія базилики въ своихъ двухъ характе-

рахъ, выражаемыхъ пиллястрами и колоннами, имѣли вліяніе почти исключительное, такъ что совершенно ошибочно производятъ храмовую христіанскую архитектуру отъ *Соломонова храма* *). Можетъ быть, этотъ храмъ и имѣлъ свою долю вліянія на христіанскую храмовую архитектуру, но во всякомъ случаѣ весьма незначительную.

---

*) Защитники этого воззрѣнія обыкновенно ссылаются на то мѣсто текста но во всякомъ случаѣ «Апостольскихъ постановленій», гдѣ сказано: *ὁ οἶκος ἐστὶν ἐπιμνηστικός*. (Домъ Божій долженъ быть продолговатымъ).

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1879 ГОДУ

ЖУРНАЛА

„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

Иллюстрированный журналъ «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ» издается еженедѣльно въ форматѣ большихъ иностранныхъ иллюстрацій не менѣе двухъ съ половиной листовъ въ каждомъ номерѣ по слѣдующей программѣ:

- 1) Романы, повѣсти, рассказы, очерки и біографіи.
- 2) Драмы и драматическія сцены.
- 3) Поэмы, сказки и мелкія стихотворенія.
- 4) Иллюстрированныя путешествія.
- 5) Этнографическіе очерки.
- 6) Статьи научнаго содержанія.
- 7) Статьи техническія и хозяйственныя.
- 8) Новости изъ области наукъ и искусствъ.
- 9) Телеграммы.
- 10) Объясненіе гравюръ.
- 11) Шахматный листокъ.
- 12) Картинки модъ съ объяснительнымъ текстомъ.

При подпискѣ г.г. подписчики получаютъ премію: олеографію, уже полученную въ редакціи. Втеченіи года г.г. подписчики получаютъ вторую олеографію и литературную иллюстрированную премію. Кроме того редакція выдастъ еще одну премію, выборъ которой уже сдѣланъ. Эта гравюра на стали длиною въ $1\frac{1}{4}$ аршина, ширина въ 13 вершковъ, составляетъ снимокъ съ картины одного изъ извѣстнѣйшихъ художниковъ. Эта гравюра настолько хорошо исполнена, что можетъ служить украшеніемъ въ любой гостиной.

Въ журналѣ «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ» принимаютъ участіе своими трудами слѣдующія лица: С. А. Андреевскій, Н. А. Богдановъ, П. В. Быковъ, С. И. Воскресенская, И. Н. Захарьинъ, (Якунинъ), С. М. Крапивина, Н. Н. Каразинъ, Н. Б. Куроѣдовъ, Л. Леванда, А. Майковъ, Е. Л. Марковъ, А. И. Мещерскій, Д. Л. Мордовцевъ, В. И. Немировичъ-Данченко, И. В. Омупевскій, А. В. Разказова, А. Г. Сахарова, В. Славянскій, К. М. Станюковичъ, М. П. Стремоуховъ, В. В. Чуйко, С. С. Шашковъ, А. К. Шеллеръ, (А. Михайловъ), Н. В. Шелгуновъ, Н. И. Шулгинъ, г-жа Юрѣва и другіе.

Въ художественномъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться гравюры различныхъ извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ отъ 7 до 12 гравюръ въ каждомъ номерѣ.

Въ первыхъ номерахъ журнала на 1879 годъ будутъ, между прочимъ, помѣщены: А. Михайлова, «Мужъ и жена» романъ, разсказъ К. М. Станюковича, Омупевскаго «Рыцарь на стражѣ» поэма, «Лѣсное хозяйство» Н. В. Шелгунова, «Козлы отпущенія» очерки Н. И. Северина. Копіи съ картинъ Брюллова, Гуна, Мещерскаго, Шварца.

	На годъ.	На полгода.
Цѣна безъ доставки и пересылки . . .	6 р.	3 р. 50 к.
» съ доставкой и пересылкою . . .	7 р.	4 р.

При выписѣ десяти экземпляровъ одиннадцатый выдается бесплатно, при выписѣ двадцати—два бесплатно и т. д. по расчету. Для гг. служащихъ, подписывающихся за поручительствомъ гг. казначеевъ, допускается уплата помѣсячно.

Медисина на 1879 годъ открыта и принимается въ конторѣ редакціи въ С.-Петербургѣ Новый пресн., близъ церкви Знаменія, № 20.

„НЕВА“ 1879.

(Не слѣдуетъ смѣшивать съ „Нивой“).

Иллюстрированная газета для всѣхъ и обо всемъ, самое разнообразное по содержанію и самое дешевое по цѣнѣ изданіе состоитъ въ сущности изъ 3-хъ журналовъ.

1) «Нева» Современная жизнь въ описаніяхъ и иллюстраціяхъ. Разказы и повѣсти русскихъ писателей. Политика. Внутреннее обозрѣніе. Фельетонъ. Сжатая передача всѣхъ замѣчательныхъ беллетристическихъ произведеній отечественныхъ и иностранныхъ авторовъ. Путешествія. Біографіи. Историческія записки и мемуары. Судебная хроника. Театръ. Изобрѣтенія, открытія и обзоръ всего, что только является замѣчательнаго въ области науки, литературы, художествъ, политики, торговли, ремеслъ и т. д. Текстъ сопровождается бездной роскошныхъ иллюстрацій, составляющихъ собственность газеты «Нева». Ежемѣсячно: каррикатуры и юмористическій фельетонъ 50 ММ въ годъ, 2,400 столбцевъ текста.

2) «Семейное чтеніе»: собраніе романовъ и повѣстей. Даются лучшія и новѣйшія произведенія иностранныхъ писателей. 50 ММ въ годъ, 1,200 столбц. текста.

3) Совершенно самостоятельный и самый полный модный журналъ, подъ названіемъ «Парижскія Моды». (Моды выписываются дѣйствительно изъ Парижа). Ежегодно 12 ММ.

ДАРОВЫЯ ПРЕМІИ:

4) «Пасхальный» № съ соответственными картинами и текстомъ.

5) «Рождественскій» № съ соответственными картинами и текстомъ.

6) «Воспоминаніе о берлинскомъ конгрессѣ». Большая картина въ 1,750 квадр. сантим., съ 23 чрезвычайно вѣрно схваченными, изящно выполненными портретами членовъ конгресса. (Будетъ разослана при первомъ № «Невы»).

7) «Въ память нашихъ умершихъ и современныхъ выдающихся дѣятелей»:

а) «Бывшіе дѣятели», 12 портретовъ, роскошно выполненныхъ на стали, съ біографіями. (Для лицъ не подписавшихся на «Неву» 4 р.).

в) «Современные дѣятели». 12 портретовъ, роскошно выполненныхъ на стали, съ біографіями. (Для лицъ не подписавшихся на «Неву» 4 р.).

Имена 24 лицъ, портреты которыхъ войдутъ въ изданіе, будутъ своевременно опубликованы въ газетахъ.

Въ надеждѣ на благосклонный пріемъ публики, подписная цѣна назнач. самая низкая.

Цѣна «Невы».

	Безъ дост.	Съ дост.	Съ перес.
На годъ	4 р. 50 к.	5 р. 50 к.	6 р. — к.
На 6 мѣсяцевъ	2 > 25 >	2 > 75 >	3 > — >
На 3 мѣсяца	1 > 15 >	1 > 40 >	1 > 50 >

Цѣна «Невы» съ «Вѣстникомъ».

На годъ	7 р. 50 к.	8 р. — к.	9 р. — к.
На 6 мѣсяцевъ	3 > 75 >	4 > — >	4 > 50 >
На 3 мѣсяца	2 > — >	2 > 15 >	2 > 25 к

НВ. Только годовые подписчики получаютъ даровыя преміи.

Имя издателя, основателя иллюстрированныхъ газетъ въ Россіи, ведущаго свое предприятие уже двадцать слишкомъ лѣтъ, можетъ служить ручательствомъ за прочность изданія и самое точное выполненіе предначертанной программы.

Доплативъ 1 р., подписчики могутъ получить съ пересылкою «Иллюстрированный Календарь» Баумана на 1879 годъ въ красивой папкѣ. За роскошный, тисненый золотомъ переплетъ прибавляется 50 к. Требованія адресовать на имя Алексѣя Осиповича Баумана, въ Петербургъ—Вознесенскій просп., № 6.

Иллюстрированный вѣстникъ (годъ 7-й) 1879.

Ежемесячное изданіе, заслужившее самое благосклонное вниманіе публики.

Онъ содержитъ въ годъ до 1,200 столбцовъ текста и множество иллюстрацій. Въ немъ помѣщается, кромя различныхъ статей, касающихся всѣхъ вопросовъ современной жизни, избранные романы любимѣйшихъ авторовъ нашего времени. Съ 1-мъ № годовые подписчики получаютъ даровую премію, состоящую изъ 2-хъ гравированныхъ на стали портретовъ Ихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы.

Цѣна: на годъ безъ доставки 3 р., съ дост. и перес. 3 р. 50 к.; 6 мѣс. 1 р. 50 к., съ дост. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.; за 3 мѣсяца 75 к., съ дост. и перес. 1 р.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„СЪВЕРНАЯ ЗВЪЗДА“

1879. (ГОДЪ ТРЕТІЙ).

Въ годъ пятьдесятъ два №№ и кромя того, двѣнадцать №№
бесплатнаго приложенія «ИЗБРАННЫЕ РОМАНЫ», всего-же въ
годъ 64 нумера.

Годовая цѣна съ пересылкой	8 р. — к.
» » безъ пересылки	7 р. 50 к.
Полугодовая цѣна съ пересылкой	5 р. — к.
» » безъ пересылки	4 р. 75 к.

Лица, бывшія подписчиками прошлаго 1878 г., если пожелаютъ
продолжать свою подписку въ настоящемъ 1879 г. благоволятъ сооб-
щать свои заявленія съ присылкой причитающихся денегъ, и № за
которымъ высылался журналъ, чтобы можно было тотчасъ-же отпра-
вить комплекты по адресу. Адресъ-же и фамилія должны быть напи-
саны особенно четко и разборчиво.

Если Гг. подписчики на 1879 годъ изъявятъ желаніе, по примѣру
1877 и прошлаго 1878 годовъ, получить, кромя прочихъ премій,
олеографическую картину, то прилагаютъ на ея упорку и
пересылку 85 к. деньгами или почтовыми марками.

Лица, желающія приобрести журналъ 1877 и 1878 годовъ, могутъ
получить ихъ и теперь со всѣми приложеніями и преміями за 8 р.
85 к., а въ переплетѣ за 10 р. 85 к., но благоволятъ воспѣшить
своими требованіями, такъ какъ эти годы остались въ незначи-
тельномъ числѣ экземпляровъ.

Къ журналу 1877 года принадлежатъ особо пять большихъ кар-
тинъ, а именно: 1) Парижская всемирная выставка 2) Современное
русское войско, 3) Живописные виды Константинополя, 4) Турецкій
броненосный флотъ и 5) экстренная премія—роскошная олеогра-
фическая картина, печатанная въ 24 цвѣта, а также карты
театра войны: а) Балканскаго Полуострова, на 2 большихъ листахъ,
б) Карта Болгаріи и Румелии, в) карта Сербіи, г) карта Азіатской
Турціи.

Въ двѣнадцати тетрадахъ особыхъ приложеній, за 1877 годъ,
помѣщены два большихъ романа: 1) «Фромонъ и Рислеръ», Альфонса
Доде и 2) «Людвигъ XVI и Революція», Александра Дюма.

Къ журналу 1878 г. принадлежатъ: 1) Роскошная олеографическая
картина «Semdillon», 2) Вольшая хромолитогр. карта Россіи съ
новыми границами Бессарабіи и Батумскаго округа, а также другія
преміи. Въ двѣнадцати-же тетрадахъ особыхъ приложеній два боль-
шихъ романа „Фабіанъ Конде“, пер. съ испанскаго А. П. Молчанова
и „Кавалеръ Краснаго Замка“ пер. съ французскаго М. Л. Дубельта.

Въ журналѣ 1879 года войдутъ, между прочимъ, два большіе романа, а въ числѣ премій, кромѣ *экографическаго мартишка*, будетъ разослана Гг. подписчикамъ большая хромолитогрифованная карта Афганистана и Британской Индіи съ пограничными владѣніями Россіи (Туркест. и Ферганск. областями), а также владѣніями Персіи, Кашгара, Келата и пр.

Гг. иногородные благоволятъ адресовать письма и деньги исключительно: Н. И. Зуеву, въ С.-Петербургѣ, Колом. части, Екатерингофскій просп. подлѣ части, д. № 26, кв. № 8 или въ контору журнала, по Невскому просп. д. № 110, квар. № 6, и по Казанской улицѣ, домъ № 3, квар. № 60.

Петербургскіе подписчики, кромѣ трехъ означенныхъ мѣстъ могутъ подписываться во всѣхъ книжныхъ магазинахъ; въ Москвѣ же, подписка принимается у г. Соловьева на Страстномъ бульварѣ и у г. Живарева въ Охотномъ ряду.

КРОМѢ ТОГО НАХОДЯТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

	Цѣны общія.		Цѣны для подписчиковъ.	
	вмѣстѣ съ пересылкою			
Романъ Альфонса Додэ „Фромонъ и Рислеръ“	1 р.	10 к.	— р.	90 к.
Романъ Дюма „Людовикъ XVI и Революція“	1	60	1	20
Вареоломеевская ночь	—	60	—	50
Желѣзная маска	—	40	—	30
Иллюстр. описаніе Австраліи	—	85	—	65
Большая и подробная Карта Афганистана и британск. Индіи съ пограничными владѣніями Россіи, (Туркест. и Ферганск. областямъ), а также Персіи, Кашгара, Келата и пр.	—	80	—	50
Иллюстр. Физич. географія въ 3 част. 1000 гравиров. рисунковъ	6	50	3	50
Иллюстриров. географія Россіи	2	25	1	50
Карта Балканскаго полуострова	1	10	—	85
> Сербіи	—	35	—	25
> Болгаріи	—	45	—	35
> Ал. Турціи	—	40	—	30
Кавалеръ Краснаго Замка	1	60	1	20

Гг. подписчики журнала, желающіе приобрести изданія по означенной здѣсь, значительно удешевленной цѣнѣ, благоволятъ, кромѣ точнаго адреса, сообщать непременно тотъ №, подъ которымъ высылается имъ журналъ для удостовѣренія, дѣйствительно-ли требованіе адресовано отъ подписчика. Приобрѣтеніе изданій, по удешевленной цѣнѣ предоставляется не только нынѣшнимъ подписчикамъ, но и подписчикамъ прежнихъ годовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
„Русскую Правду“
1879 года.

Газета «Русская Правда» въ будущемъ году будетъ выходить, какъ и нынѣ, ежедневно, листами большаго формата; въ случаѣ надобности, редакція будетъ выпускать полтора листа, вмѣсто одного, какъ это дѣлаютъ всѣ большія газеты. Направленіе остается прежнее. Во всѣхъ отдѣлахъ произведены будутъ значительныя дополненія и улучшенія. Внутренній отдѣлъ будетъ значительно расширенъ, согласно указанію опыта и заявленному желанію публики. Редакція постарается постоянно давать въ газетѣ статьи для легкаго чтенія, т. е. рассказы, новѣсти и стихотворенія.

Подписка открыта въ Петербургѣ — въ Главной Конторѣ газеты (Невскій пр., 44, противъ Гостиннаго двора). — Днюгородные адресуютъ письма и деньги: Спб.—Газетѣ «Русская Правда». — Редакція отвѣчаетъ за вѣрную доставку газеты лишь передъ тѣми лицами, которыя подпишутся по этому адресу. — Просятъ заблаговременно подписываться; поздняя подписка можетъ быть причиною несвоевременной высылки газеты. — Просятъ подписчиковъ писать четко свой адресъ и адресовать газету на тѣ ближайшія станціи, гдѣ есть почтовые учрежденія. — Подписываться можно не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ: для служащихъ—по третямъ, черезъ ихъ казначеевъ; неслужащіе же могутъ обращаться съ своими заявленіями въ Петербургѣ — въ главную контору «Русской Правды» (Невскій пр., 44).

Подписчики, которымъ допускается разсрочка въ платежѣ, за годовой экземпляръ съ пересылкою, доставляютъ деньги: при самой подпискѣ 7 р., въ концѣ марта 7 р. и въ началѣ августа 3 р.; съ доставкой въ Петербургѣ — уплачиваютъ при самой подпискѣ 5 р. 50 к., въ концѣ марта 5 р. 50 к. и въ концѣ іюня 5 р.; безъ доставки—уплачиваютъ конторѣ при подпискѣ 5 р., въ концѣ марта 5 р. и въ началѣ іюля 4 р. 50 к.

Единичная цѣна въ Россіи:

На годъ, съ 1-го января	Безъ доставки.		Съ доставкой.		Съ пересылкою.	
	р.	к.	р.	к.	р.	к.
> 11 мѣсяцевъ . . .	14	50	16	—	17	—
> 10 > . . .	13	—	14	—	15	—
> 9 > . . .	11	—	12	—	14	—
> 8 > . . .	10	—	11	—	13	—
> 7 > . . .	9	—	10	—	12	—
> 6 > . . .	8	—	9	—	10	—
> 5 > . . .	7	—	8	—	9	—
> 4 > . . .	5	50	6	—	7	50
> 3 > . . .	4	50	5	—	6	—
> 2 > . . .	3	—	3	50	4	—
> 1 > . . .	1	50	1	80	2	—

Единичная цѣна за-границею, съ пересылкою.

(Въ рубляхъ).

На годъ	Въ Европу, Сѣвер. Амер. и Египеть.	Въ Китай, Индію и Японію.
	> 9 мѣсяцевъ	26
> 6 >	21	38
> 3 >	14	25
> 2 >	8	15
> 1 >	6	11
> 1 >	3	6

Съ 1879 года газета „Русская Правда“ уже не будетъ разсылаться бесплатно никому изъ подписчиковъ прекратившихся газетъ. Редація еще разъ заявляетъ, что не приняла на себя *никакихъ* дальнѣйшихъ обязательствъ въ этомъ отношеніи.

Редакторъ-издатель Дмитрій Гирсъ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.“

Вступая въ одиннадцатый годъ изданія, журналъ и въ будущемъ 1879 г. будетъ вестись въ томъ-же духѣ и направленіи и съ помощію тѣхъ-же Гг. сотрудниковъ какъ и въ прошлыя десять лѣтъ и всѣми силами постарается сохранить то сочувствіе со стороны публики, какимъ онъ пользовался до сихъ поръ.

Журналъ выходитъ ежемѣсячными книжками не менѣ семи печатныхъ листовъ, со многими политипажками въ текстѣ, отдѣльными картинками и музыкальными приложениями. Годовое изданіе составитъ два большихъ тома, каждый болѣе 600 страницъ.

Журналъ «Дѣтское Чтеніе» одобренъ: Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для возрастныхъ библіотекъ начальныхъ и уѣздныхъ училищъ и женскихъ гимназій и прогимназій, Главн. Управл. Военно-Учебн. заведеній для возрастныхъ библіотекъ младшихъ классовъ военныхъ гимназій и прогимназій, IV Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи для классныхъ библіотекъ женскихъ учебн. заведеній и Ученымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ для училищъ и фундаментальныхъ библіотекъ духовныхъ семинарій.

Въ журналѣ помѣщаются: Небольшія повѣсти, рассказы и стихотворенія, этнографическіе и др. очерки, рассказы изъ всеобщей и отечественной исторіи, біографіи замѣчательныхъ людей, статьи по естествознанію, путешествія, техническія производства и промыслы, занятія, игры, ноты, задачи, шарады, ребусы пр.

При журналѣ издается «Педагогическій Листокъ» (для родителей и воспитателей), большая часть статей котораго посвящается домашнему и школьному воспитанію и разбору вновь выходящихъ дѣтскихъ и педагогическихъ сочиненій. За 10 лѣтъ существованія Педагогическаго Листка рассмотрѣно до 600 названій книгъ.

Подписка отъ иногородныхъ принимается *исключительно* въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ Редакціи журнала «Дѣтское чтеніе», уголъ знаменской и Баскова пер., Городскіе же подписчики могутъ подписываться въ отдѣленіяхъ конторы при книжномъ магаз. Исакова, гостинный дворъ № 24; Мастерской учебныхъ пособій, уголъ Троицкаго и Графскаго пер., Невской книжной торговлѣ, Вас. Остр. 5-я лин. д. № 6.

Подписная цѣна на 1879 г. пренія:

Безъ доставки 5 р. съ доставкой и пересылкой 5 р. 75 к.

За своевременную доставку Редакція отвѣчаетъ только передъ подписчиками, подписавшимися непосредственно въ главной конторѣ.;

За Педагогическій Листокъ (четыре книжки въ годъ) особо 1 руб.

Дѣтское Чтеніе за 1869 и 1870 г. все распродано.

За 1871, 1872, 1873, 1874 и 1875 гг. продается: въ бумажной оберткѣ—3 р. за годъ (2 тома); пересылка 6 ф. За 1876—5 р.; за 1877—6 р. пересылка за каждый годъ по 8 ф. по разстоянію; цѣна за 1878 г. 6 руб. за тисненый золотомъ переплетъ прилагается особо 1 р. 50 к. за годъ (2 книги). Подробное объявленіе и программа журнала по требованію высылаются бесплатно.

Издатель В. И. Бородинъ.

Редакторъ В. П. Острогорскій.

„ГРАЖДАНИНЪ“

на 1879 годъ.

Журналъ литературы, политики, наукъ, искусствъ, церковной, государственной, общественной и народной жизни, экономическихъ и юридическихъ знаній; выходитъ еженедѣльно, безъ цензуры, въ объемѣ отъ 3-хъ до 5-ти печатныхъ листовъ. Всѣ годовыя подписчики на 1879 г., бесплатно получаютъ при журналѣ: 1) Два тома «Русскаго Сборника» или собранія лучшихъ романовъ, повѣстей и серьезныхъ и занимательныхъ статей всевозможнаго содержанія, которыя по значительному своему объему или особому характеру удобнѣе помѣщаются въ книжномъ форматѣ «Сборника». 2) Ежемѣсячное приложеніе «Книжный Листокъ», или обзоръ болѣе замѣчательныхъ, вновь выходящихъ въ свѣтъ, книгъ. 3) Большую (стѣпную) изящную картину, исполненную по заказу редакціи замѣчательными художниками *за границую* (будетъ разослана въ январѣ). — Всѣхъ этихъ премій не нужно смѣшивать съ тѣми, которыя еще будутъ разосланы подписчикамъ сего 1878 г. — Цѣна за годъ 8 р. съ пересылкою.

Желая способствовать распространенію въ средѣ учащихся и учащейся молодежи добрыхъ началъ и серьезныхъ знаній, редакция *понижаетъ* (при подпискѣ на весь годъ) подписную плату на журналъ 79 г. *со семью преміями*: а) для священно-церковно-служителей преподающихъ въ учебныхъ заведеніяхъ и народныхъ школахъ и для всѣхъ вообще учителей и учительницъ, наставниковъ и наставницъ, смотрителей, попечителей и почти, блюстителей — съ 8 до 6 р. за годъ; б) для народныхъ же учителей и учительницъ всѣхъ вѣдомствъ, для студентовъ, воспитанниковъ и воспитанницъ всѣхъ учебныхъ заведеній и ихъ библиотекъ съ 8 р. до 5 въ годъ. Подписываться слѣдуетъ *зблаговременно*. Адресъ: Спб. въ редакцію «Гражданина». Ред.-Изд. В. Ф. Пуцниковичу.

Съ 29 № «Гражд.» начнется печатаніе только что появившагося въ Германіи «*соціально* романа»: *Выси и Глуби* — известнаго писателя *Грегора Самарова*, автора имѣвшихъ повсюду такой успѣхъ романовъ: «*За снѣпеты и короны*»,

«Европейскія минны и контръ-минны» и др. — Въ этомъ интересномъ романѣ выводится на сцену предводители *соціал-сторовъ, коммунистовъ, клерикаловъ* и др. важнѣйшихъ партій на Западѣ Европы и изображаются какъ высше слои общества, такъ и подонки его. Романъ Самарова будетъ печататься въ видѣ приложения къ «Гражд.» и въ 1879 г. Новымъ подписчикамъ на 79 г. при самой подпискѣ будутъ разсылаемы въ видѣ отдѣльныхъ оттисковъ главы романа, которыя будутъ напечатаны до 1 января 79 г. Каждый *новый* подписчикъ, т. е. не получавшій «Гражд.» въ 1878 г., получить эти главы немедленно послѣ высылки въ редакцію своего адреса (написаннаго на отдѣльномъ листѣ) съ приложеніемъ 8 коп. марки.

2—2

ЕЖЕДНЕВНАЯ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

„ОБЗОРЪ“

будетъ издаваться въ г. Тифлисѣ въ 1879 году по той же программѣ, въ томъ же направленіи, въ тѣ же сроки и въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ издавалась въ 1878 году.

Подписная цѣна, съ пересылкою или доставкою: на годъ—15 руб. с.; на полъ-года—8 р., на три мѣсяца—4 р. 25 к. и на одинъ мѣсяць—1 р. 50 к. Желающіе подписаться съ разсрочкою на цѣлый годъ вносятъ по пяти руб. сер. къ началу января, апрѣля и августа.

Подписка принимается: въ конторѣ газеты, въ г. Тифлисѣ, на Головинскомъ проспектѣ, д. № 7. Иногородные адресуютъ свои требованія просто: „Въ Г. ТИФЛИСЬ, въ редакцію газеты ОБЗОРЪ“.

Редакторъ Н. Николадзе.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1879 ГОДЪ.

ОСНОВАНЪ ВЪ 1831 Г.

ВАЗА

СУЩЕСТВУЕТЪ 47 ЛѢТЪ.

**Женскій литературный рукодѣльно-модный иллюстриро-
ванный журналъ.**

ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЪ РОССИИ МОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ СЪ ПРЕМІЯМИ.

Выходитъ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца большими тетрадами.

24 номера журнала 12 рукодѣльно-модныхъ и 12 литератур-
ныхъ (романы; повѣсти, стихотворенія, путешествія, анекдоты,
домашнее хозяйство и т. п.).

1000 полтинажей въ текстѣ.

24 модныя гравюры.

12 листовъ литографированныхъ узоровъ и выкроекъ.

24 вырѣзныя выкройки въ натуральную величину.

6 раскрашенныхъ узоровъ (во второмъ полугодіи).

КАРМАННЫЙ КАЛЕНДАРЬ на 1879 годъ.

Каждый подписчикъ 1879 года получить
ШЕСТЬ ПРЕМІЙ а именно:

- 1) Коверъ къ письменному столу или роялю; на шпеленой корич-
невой канвѣ (новость). Вышивка шерстью. Матерьялъ полный.
(Канва и раскрашенный узоръ — по моделямъ съ Парижской
выставки). Цѣна оконченному въ отдѣльной продажѣ 10 руб.
- 2) Бортовикъ большой къ визитному платью. Работа изъ ильи-
ярдызы, въ видѣ кружева, весьма легкая и изящная. Цѣна го-
тового въ отдѣльной продажѣ 3 руб.
- 3) Абажуръ на большую лампу; состоящій изъ 12 частей; весьма
изящной вырѣзки, соединяемыхъ шерстью. Часъ работы. Цѣна
въ отдѣльной продажѣ 1 руб. 50 коп.

- 4) Нажъ для платья, фигурный, высеребранный, Парижской работы со шнурами. Новость необходимая для нынѣшнихъ костюмовъ. Цѣна въ отдѣльной продажѣ 1 руб. 50 коп.
- 5) Подчасникъ изъ специально для этого приготовленной, тисненой съ вырѣзкою, серебряной канвы. Вышивка шерстью. Полезное украшеніе для письменнаго стола. Цѣна въ отдѣльной продажѣ 1 руб. 25 коп.
- 6) Перевязь для ружья; годится и для пояса). Вышивка по канвѣ шерстью. Матерьялъ полный.

Всѣ преміи предназначенныя для подписчиковъ 1879 года; отличаются необыкновеннымъ изяществомъ и новизною. Цѣнность же ихъ далеко превышаетъ подписную цѣну на журналъ.

Выдача и разсылка премій начнется съ Января по порядку поступления подписныхъ денегъ, а потому лица желающія получить премію раньше, должны ускорить высылку подписныхъ денегъ. Всѣ шесть премій высылаются заразъ—посылкою.—47-ми лѣтняя извѣстность журнала служить ему рекомендаціей.

Разсрочка допускается для служащихъ—по третямъ; для неслужащихъ—по соглашенію съ редакціей.

У С Л О В І Я   П О Д П И С К И :

На годъ безъ премій . . . 7 р. — к. (безъ перес. 6 р. — к.
 На полгода безъ премій . . . 4 р. — к. (безъ перес. 3 р. 40 к.
 На 3 мѣсяца безъ премій . . 1 р. 80 к. (безъ перес. 1 р. 41 к.

Съ преміями 5 рублей дороже.

На упорку премій Редакція проситъ выслать 40 к. (марками)

Адресъ: С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „ВАЗА“,
 Разъѣзжая, д. 32.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА САМУЮ ДЕШЕВУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ
ПОЛИТИЧЕСКУЮ и ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„**НОВОСТИ**“

на 1879 годъ.

Газета «**НОВОСТИ**» выходитъ безъ предварительной цензуры ежедневно, не исключая понедѣльниковъ, полными номерами, а въ дни, слѣдующіе за табельными праздниками, въ видѣ прибавленій или телеграфныхъ бюллетеней.

Газета «**НОВОСТИ**», по подписной цѣнѣ, на половину дешевле всѣхъ большихъ ежедневныхъ газетъ, а по разнообразію, полнотѣ и свѣжести содержанія, стоитъ на одномъ уровнѣ въ ними, въ чемъ можетъ убѣдиться каждый читатель, сравнивъ содержаніе любого номера «**НОВОСТЕЙ**» съ номерами другихъ газетъ, вышедшими въ одинъ и тотъ же день. Редакція газеты «**НОВОСТИ**», не прекращая ежедневно своей дѣятельности раньше 2-хъ часовъ ночи, имѣетъ возможность помѣщать въ каждомъ ближайшемъ номерѣ газеты даже такія извѣстія которыя появляются въ другихъ газетахъ днемъ позже. Затѣмъ Редакція строго соблюдаетъ принятое ею съ самаго начала изданія правило — не сообщать читателямъ ни одного извѣстія позже другихъ газетъ и не помѣщать въ газетѣ никакихъ статей, не представляющихъ общественно-политическаго интереса для большинства ея читателей. Изъ многочисленныхъ же извѣстій административнаго характера газета отдастъ предпочтеніе такимъ, въ которыхъ заключаются рѣшенія какихъ нибудь крупныхъ общественныхъ вопросовъ или отвѣты на различныя ходатайства мѣстныхъ обществъ, вынужденныхъ часто, для полученія подобныхъ свѣдѣній, прибѣгать къ командировкѣ въ Петербургъ специальныхъ уполномоченныхъ или, по меньшей мѣрѣ, къ продолжительной канцелярской процедурѣ переписки. Наконецъ прочитавшій внимательно даже одинъ или два номера газеты можетъ убѣдиться въ томъ, что газета совершенно чужда рутинѣ, господствующей въ старыхъ изданіяхъ; что общій характеръ газеты носитъ на себѣ печать оригинальности, заключающейся именно въ томъ, что ни одинъ, болѣе или менѣе выдающийся изъ ряда обыкновенныхъ, фактъ не остается безъ освѣщенія; что замѣтствованія изъ другихъ изданій подчинены самому строгому критическому выбору и приурочиваются въ текущихъ, наиболѣе популярныхъ вопросамъ. Такъ, напримѣръ, подѣ

рубрикою «Русская печать», Редакция не только знакомит своих читателей со взглядами и суждениями текущей периодической печати, но старается вкратцѣ освѣщать эти взгляды и сужденія съ научной и общественной точек зрѣнія. Также точно и подъ рубрикою «Свѣтъ и Тѣни» наиболѣе выдающіяся явленія общегосударственной и жѣстной жизни приводятся не какъ простые факты, а какъ живой практической матерьялъ, почерпнутый изъ всесторонняго житейскаго опыта, регулирующаго нравственный и матерьяльный уровень общественныхъ и гражданскихъ отношеній. Благодаря этому приему, газета освобождается отъ упрека въ служеніи праздному любопытству и грубымъ инстинктамъ массы. Напротивъ, газета обращается постоянно только къ уму и сердцу читателя.

Что касается литературнаго отдѣла газеты, то Редакция успѣла уже до первой половины сентября помѣстить въ газетѣ болѣе пятидесяти большихъ беллетристическихъ и публицистическихъ произведеній наиболѣе популярныхъ и серьезныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Вотъ названія главнѣйшихъ сочиненій: «*Барбарусса*», ром. П. Гейзе. — «*Трубачъ голубыхъ гусаровъ*», Эркмана-Шатриана. — «*Тысяча одна брачная ночь*», нѣсколько разсказовъ Батреля. — «*Тактика маркиза*», разск. Унда. — «*Исторія преступленія*», В. Гюго. — «*Блудный сынъ*», I. I. Каршевскаго (еще печатается). — «*Банкиръ воровъ*», романъ де-Лоней. — «*Романъ кляпни*», Поля Бонно. — «*Отправительница*», разсказъ. — «*Открытія*», разск. — «*Драматическій эпизодъ изъ исторіи Ватикана*». — «*Не стая вороновъ слеталась*», орг. очеркъ. — «*Среди милостивыхъ государей*», оригинальный очеркъ. — «*Подъ шумъ войны*», орг. романъ изъ петербургскихъ нравовъ. — «*Среди мормоновъ*», очеркъ Пашнино. — «*Изъ области преступленій*», орг. разск. — «*Передъ подпиской*», орг. очеркъ. — «*Кавалеръ на часъ*», орг. разск. — «*Въ приемномъ покоѣ*», орг. сцены. — «*Букетъ изъ пленныхъ турокъ*», орг. очеркъ Пашнино. — «*Осада Индѣйцевъ*», разск. — «*Воспоминанія о королѣ Викторѣ-Эммануилѣ*», Пашнино. — «*Невидимые когти*», орг. разск. — «*Набобъ*», разск. Додэ. — «*Семидесятилтняя годовщина Чарльза Дарвина*». — «*Наспиритическомъ сеансѣ у Слэда*», орг. очеркъ. — «*Что я видѣлъ и смѣшалъ у мистера Слэда*», орг. очеркъ. — «*Возможенъ-ли походъ въ Индію?*», Пашнино. — «*Генри Стэнли*», очеркъ. — «*Возращеніе Стэнли*», очеркъ. — «*59-я годовщина с.-петербургск. университета*». — «*Умственное движеніе во Франціи*». — «*Очеркъ дѣятельности академика Вера*». — «*Суетвѣрія, какъ источникъ преступленій*». очеркъ. — «*Практическій взглядъ на предстоящую тюремную реформу*». — «*Культъ усопшихъ*», ст. Литрова. — «*Мужи-*

чий поэтъ» (характеристика Некрасова). — Статьи «Деруа-Болье и Петтенкофера. — «Походныя письма сестры милосердія» (8 нис.). — «Еще по поводу дѣятельности славянскаго общества». — «Письма о парижской выставкѣ». — «Первая любовь Нодье, разсказъ Поля Феваля. — «Семейныя драмы», рядъ романовъ Монтенена. — «Около чужихъ миллионъ», орг. очеркъ. — «Дневникъ молодой женщины», романъ Октава Фелье. — «Розовые домино», романъ Бувье (печатается). — «Питрилантка», романъ Г. Яковлева (печатается). — «Уголовно-интендантскіе мемуары». — «Историческій очеркъ нашихъ сношеній съ Китаемъ» по непереведеннымъ китайскимъ документамъ. — «Ядовитая трава», разск., перев. съ китайскаго «Мелочи архіерейской жизни», рядъ очерковъ Лѣскова—Стебницкаго (печатается), «М. М. Антасовскій», біогр. въ Д. Леванда, и т. д. Бромъ того, рядомъ съ помѣщаемыми въ газетѣ оригинальными и переводными произведеніями извѣстныхъ писателей, Редакція знакомитъ читателей, посредствомъ компіляцій и извлеченій, съ наиболѣ выдающимися произведеніями нашей журнальной и книжной литературы.

Изъ всего изложеннаго здѣсь читатели могутъ убѣдиться въ томъ, что, при относительно крайне дешевой подписной цѣнѣ, газета «НОВОСТИ» даетъ самое разнообразное чтеніе, удовлетворяющее требованіямъ всѣхъ сословій и классовъ, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ образованности.

Условія подписки:

	на 1 г. 11 м. 10 м. 9 м. 8 м. 7 м.
	Р. К. Р. К. Р. К. Р. К. Р. К. Р. К.
Съ доставкою въ С.-Петербургъ:	8 7 50 7 6 50 6 5 50
	на 6 м. 5 м. 4 м. 3 м. 2 м. 1 м.
Съ доставкою въ С.-Петербургъ:	5 4 50 3 80 3 2 1
	на 1 г. 11 м. 10 м. 9 м. 8 м. 7 м.
Съ пересылкою:	9 8 25 7 50 7 6 50 5 75
	на 6 м. 5 м. 4 м. 3 м. 2 м. 1 м.
Съ пересылкою:	5 4 50 4 3 2 1

Подписывающіеся сразу на всѣ послѣдніе мѣсяцы 1878 г. и на весь 1879 г. платятъ за время съ 1-го сентября 1878 г. по 31-е декабря 1879 г., т. е. за 16 мѣсяцевъ, всего 12 р. 50 к., съ 1-го октября 1878 года по 31-е декабря 1879 г., т. е. за 15 мѣсяцевъ 11 р. 50 к., съ 1-го ноября—10 р. 50 к., и съ 1-го декабря—9 р. 75 к.

Разсрочна платежа допускается чрезъ посредство казначеевъ или по соглашенію съ конторою редакціи.

Письма и деньги адресуются: въ Петербургъ, въ редакцію газеты «НОВОСТИ».

1879. НОВОЕ ХРОМОЛИТОГРАФИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ 1879.

СВѢТЪ И ТѢНИ

ЖУРНАЛЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И КАРРИКАТУРНЫЙ

Успѣхъ предлагаемаго изданія, успѣхъ, вынудившій редакцію, еще задолго до окончанія полнаго подписнаго года, заявить о прекращеніи приема подписки, за распродажей всѣхъ, заготовленныхъ въ количествѣ пяти тысячъ, экземпляровъ служилъ лучшимъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія, какъ относительно его достоинствъ, такъ и той добросовѣстности, съ которой редакція, не смотря на множество, встрѣтившихся на первыхъ парахъ, затруднѣій, старалась выполнять всѣ принятыя ею на себя обязательства.

Примѣчаніе. Главное изъ этихъ затрудненій—неприспособленность даже лучшихъ московскихъ литографій къ исполненію тонкихъ художественныхъ работъ—устранено тѣмъ, что редакція нашла возможнымъ выписать изъ заграницы машины послѣднихъ конструкцій и открыты при Главной Конторѣ собственныя Хромолитографическое и Типографское заведеніе, въ которыхъ съ 15 ноября этого года и будутъ производиться всѣ работы по журналу.

Въ 25-ти выпускахъ, вышедшихъ въ теченіи первыхъ 6-ти мѣсяцевъ существованія, журнала „Свѣтъ и Тѣни“ было помѣщено:

1) Сто страницъ бол. форм. каррикатуръ и рисунковъ, принадлежащихъ карандашу такихъ извѣстныхъ художниковъ, какъ академикъ—К. А. Трутовскій, А. К. Саврасовъ, каррикатуристы—Н. А. Богдашовъ, Н. Н. Клангъ, М. А. Виноградовъ, и др.—2) Около пятидесяти отдѣльныхъ оригинальныхъ и фотогравюрныхъ картинъ (портретовъ, бытовыхъ сценъ, эскизовъ, видовъ замѣчательныхъ мѣстностей, копій съ произведеній великихъ художниковъ и пр.).—3) Шесть ежемѣсячныхъ премій—большихъ (около $\frac{3}{4}$ арш. дл. и 9-ти вершк. выш.) фотогравюръ, и, наконецъ, 4) Литературныя приложенія, въ которыя вошли: два большихъ оригинальныхъ романа Историческій „Драма на Лубянкѣ“. И изъ уголовной хроники новыхъ судовъ—„Глухомъ ночью“. Знаменитая поэма Кольриджа „Песнь стараго моряка“ иллюстрированная 12-ю большими рисунками Густава Доре; множество рассказовъ, повѣстей, стихотвореній, юморстическихъ сценъ, фельетоновъ, очерковъ изъ жизни замѣчательныхъ людей, біографій, исторій происхожденія различныхъ игръ, забавъ и обычаевъ, художественныхъ и театральныхъ обзорѣній и проч.

Если ко всему сказанному прибавить, что большая часть поминновенных картинъ, карикатуръ и рисунковъ, — составляющихъ только половину того, что войдетъ въ полное годовое изданіе, — были иллюминированы красками и, что кромѣ того всѣ г. годовые подписчики получаютъ еще бесплатную годовую премію — большую олеографическую картину, — то успѣхъ журнала сдѣлается повятеъ каждому.

Примѣчаніе. Для подписчиковъ 1879 года въ видѣ такой преміи редакція предлагаетъ выдать олеографическую, сдѣланную въ натуральную величину (около 2-хъ дл. и 1 арш. выш.) копію съ послѣдней, надѣланной столью шума, картина академика Ъ. А. Трутовскаго: „Ночь на Ивана Купалу въ Малороссіи“. Сюжетъ годовой преміи 1878 г. заимствованъ изъ заграничныхъ олеографій, и немедленно по полученіи всего заказа будетъ разосланъ г. подписчикамъ.

Съ января мѣсяца 1879 года редакція, параллельно съ изданіемъ журнала „Свѣтъ и Тѣни“, намѣрена издавать и другое, освобожденное отъ предварительной цензуры и располагающее самой широкой программой, еженедѣльное изданіе:

МИРСКОЙ ТОЛКЪ

ЖУРНАЛЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ПОЛИТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

главной задачей котораго будетъ — отвѣчать на всѣ тѣ вопросы, на которые не въ состояніи отвѣтить журналъ «Свѣтъ и Тѣни», чтобы такимъ образомъ, за сравнительно ничтожную подписную плату (12 р. — за оба изданія) дать возможность, необладающему излишними средствами читателю, замѣнить ими — и ежедневную политическую газету, и литературный сборникъ, и художественное иллюстрированное изданіе и даже журналъ карикатурный и юмористическій.

Согласно съ этой задачей, „Мірской Толкъ“ будетъ тоже, какъ и „Свѣтъ и Тѣни“, выходить еженедѣльными выпусками (50 №№ — въ годъ), въ форматѣ большихъ заграничныхъ иллюстрацій, по слѣдующей программѣ:

- 1) Статьи, извѣстія и обзорія по предметамъ и явленіямъ внутренней жизни: правительственныя распоряженія и узаконенія,
- 2) Статьи, извѣстія и обзорія по предметамъ внѣшней политики.
- 3) Беллетристика — оригинальные, и переводные романы, повѣсти, драмы, комедіи, путешествія, юмористическіе рассказы, сцены и стихо-

творенія.—4) Театры и музыка.—5) Новѣйшія открытія и изобрѣтенія.—6) Очерки изъ исторіи искусствъ и словесности.—7) Критика и библиографія.—8) Фельетоны.—9) Корреспонденція, русскія и заграничныя.—10) Судебная хроника.—11) Смѣсь.—12) Почтовый ящикъ и отвѣты редакціи.—13) Справочный Листокъ.—14) Частныя и казенныя объявленія.

Въ случаѣ возобновленія военныхъ дѣйствій, всѣ гг. подписавшіяся на журналъ „Мірсной Толкѣ“. кромѣ еженедѣльныхъ выпусковъ будутъ бесплатно (съ прибавкою, впрочемъ, 1 р. 20 к. почтовыхъ расходовъ) въ теченіи всего года получать ежедневныя приложенія, заключающія въ себѣ: телеграфныя извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій и всѣ послѣднія политическія новости, сообщаемыя въ лучшихъ, какъ русскихъ такъ и иностранныхъ газетахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ОБА ИЗДАНІЯ.

На журналъ „СВѢТЪ и ТѢНИ“:

На годъ съ достав. и пересылкой . . . . . 9 р.
 „ 1/2 года „ „ „ . . . . . 6 „

На журналъ „МІРСКОЙ ТОЛКЪ“:

На годъ съ достав. и пересылкой . . . . . 7 р.
 „ 1/2 года „ „ „ . . . . . 4 „

Лица подписавшіяся на оба изданія, вмѣсто 16-ти, платятъ всего только 12 р. за полное годовое изданіе и 7 р.—при подпискѣ на 6-ть мѣсяцевъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: 1) Въ Москвѣ въ Главной Конторѣ редакціи (*Стрѣтенка д. Шагаева*) а также и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. 2) Въ С.-Петербургѣ: При книжномъ маг. О. И. Бакста. 3) Въ Казани: При книжномъ маг. „Восточная Лира“. 4) Въ Одессѣ: Въ собств. отд. конторы (*Дерибасовская ул., д. княгини Ди-Самъ-Лоренцо*). 5) Въ Парижѣ: Въ Генеральномъ Агенствѣ редакціи (*Rue Lafayette 142*).

Гг. многогородные благоволятъ обращаться съ требованіями исключительно въ Главную Контору редакціи журнала „Мірсной Толкѣ“ и „Свѣтъ и Тѣни“.

Редакторъ-Издатель Н. Пушкаревъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1879 ГОДЪ
„ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА“

БУДЕТЬ ВЫХОДИТЬ ПО ПРЕЖНЕЙ ПРОГРАММѢ И ВЪ ТѢЖЕ СРОКИ.

Цѣна годовому изданію 6 руб. 50 коп., съ пересылкой и доставкой 8 руб.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ Редакціи журнала (Больш. Садовая домъ 121 кв. 12) и въ книжномъ магазинѣ Я. Исакова, Невскій просп. Гостинный дворъ № 24.

Гг. Иногородные благоволятъ адресоваться: въ Петербургѣ въ редакцію журнала „Историческая Библиотека“ (Больш. Садовая домъ 121, кв. 12).

1. Редакція отвѣчаетъ за доставку журнала подписавшимся только въ мѣстахъ, означенныхъ въ объявленіи.

2. Редакція проситъ гг. подписчиковъ точно обозначать свое имя, отчество и фамилію, а также и то почтовое учрежденіе, куда долженъ быть журналъ адресованъ; иначе редакція не отвѣчаетъ за правильную доставку.

3. Подписчики, желающіе переимѣнить адресъ, благоволятъ своевременно увѣдомить о новомъ мѣстѣ жительства, съ обозначеніемъ прежняго, при чемъ за всякую переимѣну уплачивается 50 коп.

4. Желающіе доставить свои произведенія въ Редакцію должны обозначать свой адресъ и подробныя условія, безъ обозначенія послѣднихъ, редакція не будетъ считать себя обязанною входить съ авторомъ въ какіе-либо расчеты.

Редакторъ-издатель П. В. Полежаевъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИЖНОТОВАРСТВО

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

1879.

№ 2.—Февраль.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФИИ Ф. СУЩИНСКАГО.
Екатерининскій каналъ, 108.

1879

СОДЕРЖАНІЕ № 2-го.

- 1 Семейство Шалонскихъ гл. VII—XII. (Оконч.) **Евгеніи Туръ.**
- 2 Престолъ и монастырь гл. XI—XX. **ИИ—С—снаго.**
- 3 Удальци Новгородскіе **В. Авенариуса.**
- 4 Флоренція въ XIV вѣкѣ гл. VI—IX. (Окончаніе). **ИИ. Красно-черова.**
- 5 Библиографическій указатель.
- 6 Матеріали, замѣтки и новости.
- 7 Объявленія.

1945 г.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИЖНОТОВАРСТВО

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ.

1879.

№ 2. — Февраль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Ф. СУЩИНСКАГО.

Екатерининский каналъ 168.

1879

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1. Семейство Шалонскихъ гл. VII — XII Евгенія Туръ (Окончаніе)	63 116
2. Престолъ и монастырь гл. XI — XX III— С —слага.	87—168
3. Удальцы новгородскіе. В. Асенаріуса	19— 28
4. Флоренція въ XIV вѣкѣ гл. IV—IX и Красноперева (Окончаніе)	65—116
5. Библиографическій указатель	1—24
6. Матеріалы, замѣтки и новости.	1—9
7. Объявленія.	

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 Января 1879 г.

СЕМЕЙСТВО ШАЛОНСКИХЪ.

(Окончаніе).

VII.

Когда мы приѣхали въ бабушкѣ, не походилъ этотъ приѣздъ нашъ на всѣ другіе прошлые приѣзды въ ней: Старушка не вышла встрѣчать насъ, она не ждала насъ и была испугана, когда мы вошли въ диванную. О внукѣ она не могла говорить безъ слезъ и обнимала матушку, обѣ вмѣстѣ плакали онѣ горько. Тетя были перепуганы. Всѣ обращались въ батюшкѣ съ вопросами, но онъ мало зналъ и могъ повторить только то, что сказалъ нашъ Серезенка. На другой же день по приѣздѣ, батюшка уѣхалъ въ Калугу и занялся тамъ формированіемъ ополченія. Онъ прислалъ въ Щеглово большое количество холста и сукна съ просьбою кроить и шить по образцамъ нужныя вещи для ополченцевъ. Весь домъ засѣлъ за работу. Тетушки и бабушка, побросавъ кошельки, вязанья, вышиванья, кроили и шили бѣлье, также и всѣ горничныя дѣвушки и дворовыя женщины. Между тетушками и дворнею произошло сближеніе и водворились отношенія, болѣе близкія. Казалось, что за кройкой и шитьемъ забыли опасаться, забыли плавать и печалиться, забыли, что рѣшается участь всей земли подъ Москвою — по крайней мѣрѣ не говорили о томъ, но я полагаю, что каждый изъ насъ стремился произнести о томъ хотя слово. Это слово не заставило ждать себя.

Однажды во время молчаливаго и грустнаго обѣда

нашего, приващивъ Иванъ Алексѣевъ словно выросъ на порогѣ залы, худой, высокій и въ эту минуту измѣнившійся лицомъ; онъ глухо провизнесъ:

— Матушка, Любовь Петровна.

— Что ти, Иванъ? Да на тебѣ лица нѣтъ! Что случилось, говори ради Создателя.

— Матушка, Любовь Петровна, бѣда великая, страшно вымолвить.

Матушка встала. Она была блѣдна, какъ полотно и дрожала. Старшая сестра ея, тетушка Наталья Дмитриевна схватила ее за руки.

— Варенька! Варенька! Онъ объ Серезенькѣ знать ничего не можетъ. Это что то другое. Не мори ты настъ, говори, сказала она Ивану.

— Въ Москву французъ вступилъ.

— Быть не можетъ! Пустое.

— Не пустое. Истинная правда. Вчера, въ Калугѣ получено извѣстіе, и Григорій Алексѣевичъ въ дворянскомъ собраніи читалъ письмо, присланное ему съ нарочнымъ отъ нашего генерала, брата вашего двоюроднаго.

— Дмитрія Ѳедоровича Кременева?

— Точно такъ.

— Да тебѣ кто сказалъ?

— Ипать. Ипать самъ слышалъ. Вечеромъ у барина, у Григорія Алексѣевича было собраніе дворянъ. На баринѣ, сказываетъ, лица нѣтъ. Многіе даже прослезились, господа то да слуги тоже.

— Гдѣ Ипать? Позвать его!

Пришелъ Ипать и подтвердилъ слова управляющаго. Сомнѣнія быть не могло.

— Что же это? Что же это? говорила бабушка, брѣшко скрыва свои руки, стало быть сраженіе то наши потеряли.

— Сраженія не было. Москву отдали.

— Не можно, не можно этого. Оставить Москву безъ боя, отдать, столицу отдать, святыню отдать! Господи, что же это! Да быть этого не можетъ.

— Самъ слышалъ, своими ушами, матушка барыня.

Григорій-то Алексѣевичъ такъ и затрясся, а другіе господа даже прослезились, самъ я видѣлъ, самъ плакалъ.

Но вся семья отказывалась вѣрить такому ужасу — армія наша прошла черезъ Москву и Москву оставила. Невозможно! Рѣшили послать нарочнаго въ городъ съ письмомъ къ батюшкѣ. Всю эту ночь мы почти что не спали. Кто бродилъ въ большой залѣ, кто сидѣлъ въ углу, кто пытался шить, но бросалъ работу, кто отъ усталости и потрясенія дремалъ на большомъ, полукругломъ диванѣ; только далеко за полночь всѣ мы разбрелись по своимъ комнатамъ, но и тамъ не посѣтилъ насъ сонъ. Поутру посланный возвратился съ братою запиской отъ батюшки. Я и теперь почти наизусть помню эти строки, только разъ прочитанныя и перечитанныя:

«Все правда. Москва оставлена безъ бою и въ нее вступилъ непріятель. Всѣмъ намъ поголовно надо умереть или выгнать врага».

Когда матушка прочла записку прерывавшемся отъ волненія голосомъ, въ диваной поднялись глухія рыданія, и вскорѣ, какъ эхо разошлись по дому, и отсюду послышался плачь и стонъ. Плакали горничныя, слуги, плакали въ кухнѣ, въ прачешной, подлѣтѣ; весь домъ былъ объятъ скорбію и погруженъ въ отчаяніе. Потянулись жестокіе дни, въ продолженіи которыхъ забыты были всѣ порядки дома бабушки. Самое распредѣленіе дня, до тѣхъ поръ наблюдаемое нерушимо, совершенно спуталось. Завтракали когда придется, даже обѣдали не всѣ сполна, особенно матушка, часто неприходившая къ обѣду; безъ доклада входили въ домъ дворовые мужики, часто, приходя въ диванную, передавали вѣсти, либо освѣдомлялись нѣтъ ли чего новаго, либо спрашивали совѣта и просили помощи для уходившихъ въ солдаты сыновей и внуковъ. Много было всякихъ разсказовъ, но одинъ противорѣчилъ другому, а настоящаго положенія дѣлъ никто не зналъ, не знали даже, гдѣ находится наша армія, и почему бездѣйствуетъ. Разсказовъ было много.

Знали вѣрно одно: Москва оставлена, французъ въ Москвѣ. Много было предположеній.

— А что, если французъ пойдетъ дальше?

— Ну, и мы уберемся дальше. Увидимъ—не съ нами же, не съ нами же оставаться. Земля наша велика, не дойдетъ она до конца.

— А если она дойдетъ?

— Пусть идетъ. Наши соберутъ большую силу, окружатъ—тутъ ему и конецъ.

— А я уйду въ Вологодское имѣніе, говорила бабушка. Туда не дойдетъ.

За этими рѣчами слѣдовало общее молчаніе. Каждый думалъ свою думу. Моя душа скорбѣла о матушкѣ. Я знала, что братъ дѣлаетъ свое дѣло, и знала также, что помимо нашего всѣмъ общаго горя ее сокрушаетъ мучительная тревога о сыновьяхъ и мужѣ. Николашу взялъ съ собою батюшка, а ему только что минуло 15 лѣтъ. Онъ былъ чрезвычайно малъ ростомъ, худъ и щедушень. Матушка боялась за него и все твердила: ребенокъ!

— Оба сына и мужъ... сказала однажды матушка старшей сестрѣ своей, когда та зашла къ ней въ комнату ночью и застала ее сидящею на постелѣ, съ головою, подпертою обѣими руками.

— Ты бы заснула, потушила бы свѣчу.

— Не могу.

Однажды дней черезъ семь послѣ того, какъ мы узнали о занятіи Москвы, мы какъ то раньше обыкновеннаго разошлись по своимъ комнатамъ. Всѣ мы были нравственно и физически измучены и начинали спать отъ утомленія. Мнѣ хотѣлось зайти къ матушкѣ, но я не посмѣла. Ея печаль и порою отчаяніе были свойства суроваго. Она не любила, чтобы къ ней входили, чтобы говорили съ ней, или цѣловали ее. Она выносила нетерпѣливо не только наши ласки, но даже заботливость и ласки матери. Все ей было въ тягость, все раздражало ее, хотя она силлась подавить въ себѣ это раздраженіе. Другимъ было легче. Бабушка, кроткая и бого-

мольная, неустанно молилась. Многія тетушки, добрыя и безхарактерныя, поборялись, старшая тетка безустанно поносила французовъ и тѣмъ отводила душу; но всё онѣ въ усиленномъ трудѣ, шитьѣ, вройкѣ искали хотя минутнаго развлеченія. Матушка не могла дѣлать ни того, ни другаго—сердце ея ожесточилось и одеревенѣло.

Раздумывая обо всемъ этомъ, я раздѣлась и легла въ постель, но сонъ бѣжалъ отъ глазъ моихъ. Я потушила свѣчи. Лампада горѣла передъ кіотами и огонекъ ея игралъ и переливался на позолоченныхъ ризахъ и вѣнцахъ. Темные линии иконъ выдавались рѣзко изъ блестящихъ окладовъ, украшенныхъ камнями. Тишина была полная, только сердце мое билось мучительно.

И что я тутъ дѣлаю? И для кого нужна я? думалось мнѣ. Помочь я никому не могу, ни для кого не нужна и во времена такихъ бѣдствій ничѣмъ не могу потрудиться. Зачѣмъ я не мущина! Ушла бы я за братомъ, ни на шагъ бы не отстала отъ него, были бы вмѣстѣ съ нимъ и умерла бы вмѣстѣ съ нимъ или бы побѣдили мы... Что теперь? И зачѣмъ мнѣ моя молодость, здоровье и сила?..

И горько мнѣ сдѣлалось, такъ горько и тяжело, что я и сказать не могу... Не знаю долго ли лежала я подъ гнетомъ моего безсилія помочь кому бы то ни было, но вдругъ отъ глубины души моей, безъ звука и безъ словъ поднялась мысль и полетѣла, понеслась въ иной невѣдомый край, прося помощи, защиты, спасенія отъ этой гнетущей муки. Часто заставлялъ меня батюшка читать наизусть молитвы, но то были слова, и не знала я, что есть молитва, а въ эту минуту сильное, неудержимое чувство объяло мою душу. Я поняла, что вотъ она и есть настоящая молитва, это унесеніе, это стремленіе души. Слово я не говорила, я не могла бы сказать ихъ, ибо не было ихъ у меня для выраженія объявшаго меня чувства. Обильныя слезы лились изъ глазъ моихъ, лились безъ конца, горячія, невольныя. И я всочила съ постели и, движимая неудержимымъ порывомъ, бросилась къ кіоту и упала передъ святыней отцевъ моихъ. Долго ли, мало ли ле-

жизнь я, какъ бы въ самоубвеніи, я не знаю; знаю только, что когда я очнулась и пришла въ себя. легко было у меня на сердцѣ, и я утѣрвала въ помощь и спасеніе. Заснула я безмятежно, въ первый разъ тихо послѣ столькихъ мучительныхъ дней, въ первый разъ послѣ разлуки съ братомъ. Въ эту ночь я познакомилась впервые съ счастьемъ до тѣхъ поръ мнѣ невѣдомымъ — умѣть молиться всею душою и всѣмъ сердцемъ, а не умомъ однимъ и не словами.

Я была внезапно пробуждена изъ глубокаго сна. Кто то сильно толкалъ меня и трясъ за руку.

Кто это? Гдѣ я? Что такое? воскликнула я съ просонокъ.

Была еще глубокая ночь. Лампадка тускло горѣла. Передо мною полуодѣтая стояла моя молодая горничная Маша, проводившая жениха на войну и часто приходившая повѣрять свое горе и плакать подлѣ меня.

— Барышня, сказала она, скорѣе, скорѣе одѣвайтесь. Выходите во дворъ. Всѣ тамъ, всѣ!

— Да что такое, что случилось опять? сказала я съ ужасомъ, одѣваясь въ торопяхъ. Конца бѣдамъ не будетъ. Сердце дрожить!

— Ничего не случилось, то есть, у насъ въ домѣ все благополучно пока, но я, право, не знаю... На небѣ что то страшно...

Я выбѣжала на широкій дворъ бабушкинаго дома. Онъ былъ биткомъ набитъ народомъ. Всѣ были тутъ и слуги, и мастеровые, и крестьяне, и женщины, и дѣти; пугливо жались они къ матерямъ и заворачивались въ ихъ юбки и панѣвы. Всѣ стояли тихо, молча, не шевелились и, какъ ободованные, глядѣли на небо. На дворѣ было свѣтло, какъ днемъ. Глянула и я вверхъ. Господи! страшно то какъ! Все небо, сплошь все небо, весь горизонтъ справа на лѣво и сверху внизъ пылалъ багровымъ отливомъ. Залито было небо огненною, мѣстами кровавою краскою. Будто багряная иелена застигала его. Темная, осенняя, безлунная ночь превратилась въ яркій день.

— Да это зарево, воскликнула я съ ужасомъ, зарево огромное, невиданное.

— Москва горитъ, матушка Москва горитъ, послышалось въ толпѣ, будто ропотъ или стонъ.

И вдругъ при этомъ словѣ толпа колыхнулась и внезапно упала на землю. Всѣ и малые и большіе прильнули къ землѣ и лились на эту холодную, на эту родную землю слезы сыновъ ея. Плачь колющій, хватающій за душу плачь, неудержимый и внезапный, вырвавшійся изъ множества сердець, преисполненныхъ однимъ чувствомъ скорби, огласилъ тишину ночную. Страшная ночь! Ни когда я ея не забуду.

На другой день пріѣхалъ батюшка. Когда онъ вошелъ и молча обнялъ матушку, мы всѣ испугались. На себя не былъ онъ похожъ. Черты лица его какъ то осунулись, линіи сжатаго рта казались вырѣзанными на камнѣ, такъ жестоко и неумолимо вѣлось въ нихъ отчаяніе. Цвѣтъ лица желто-черный, глаза горѣли, судорожныя движенія рукъ обличали нестерпимую внутреннюю боль. Онъ страшно похудѣлъ и сгорбился.

Онъ сѣлъ. Его обступили. Вопросы посыпались.

— Все правда, сказалъ онъ медленно, надорваннымъ голосомъ. Москва давно въ ихъ власти. Армія бездѣйствуетъ, отступила, стоитъ. Москва горитъ. Супостаты и богохульники зажгли ее со всѣхъ сторонъ. Храмы осквернены. Святыня наша поругана. Въ соборахъ Кремля стоятъ лошади, на престолахъ, ободранныхъ и ограбленныхъ, пируютъ эти изверги...

Онъ замолчалъ, и дрожь пробѣжала по всему его тѣлу.

— Ты боленъ, сказала матушка.

— Нѣтъ, усталъ. Дѣла много, надо спѣшить, спѣшить, выступать... Всякая минута дорога... Пріѣхалъ проститься, завтра выступаемъ... Я переночую.

Но не суждено ему было выступать и со славою умереть за отечество. Въ ту же ночь батюшка занемогъ тяжело нервной горячкой. Матушка мгновенно вышла изъ апатіи, ее объявшей. Она безустанно ходила за больнымъ, днемъ и ночью; двадцать ночей она не раздѣвалась, не ложилась и не позволяла никому ухаживать за батюшкой. Она одна, сама, давала ему лѣкарства, не спускала

глядя съ его блѣднаго измученнаго лица, старалась успокоить его во время страшнаго бреда. На 21 день онъ успокоился и впалъ въ тихое забытiе. Мы ждали доктора съ нетерпѣнiемъ и проснувшейся надеждой. Докторъ прiѣхалъ, онъ вѣдилъ каждый день.

— Ну что? Какъ вы его находите? Кажется лучше. Это вриазисъ. Онъ спитъ, спросила доктора тетушка Наталья Дмитриевна.

— Да, кризисъ; только вы приготовьте сестрицу и матушку. Отъ этого сна онъ непроснется.

— Докторъ! Докторъ! воскликнула тетушка съ ужасомъ. Какъ мнѣ готовить? Что я скажу? Онъ жизнь ея жизни, а матушкѣ сынъ родной. Ужели нѣтъ надежды? Никакой?..

— Думаю, никакой. Помолитесь Богу, быть можетъ, Онъ спасетъ его.

Къ вечеру безъ страданiй, безъ сознанiя, безъ прощанiй съ столькими милыми, не благословивъ дѣтей, не поцѣловавъ жены, скончался батюшка, убитый нашею отечественною бѣдою.

Не стану говорить о горести семейства и моей горести. Она была велика, а матушкина скорбь, по истинѣ, сокрушительна. Послѣ похоронъ матушка слегла въ постель и была больна около мѣсяца. Когда она стала поправляться, то часто говаривала намъ такiя слова, которыхъ я во всю мою жизнь не забывала и помню теперь.

— Рѣдкiй человекъ былъ отецъ вашъ, говаривала намъ матушка. Цѣнить я его не умѣла. Я на него сѣтовала за его наружную суровость, за его излишнюю, какъ мнѣ казалось, ревность въ церковнослуженiю. Я не одобряла его пристрастiя въ обрядамъ нашей церкви. За мое ослѣпленiе наказалъ меня Богъ. Послѣ отъѣзда Серезеньки душа его мнѣ открылась вся, вся эта прекрасная, великая любовь, силой и высотой душа. Сказался онъ весь. Сколько любви въ Богу, въ роднѣ, сколько нѣжности во мнѣ выяснилось. Какiя слова говорились, истинно трогательныя и высокiя! Ни женихомъ, ни молодымъ

мушкетъ не знавала я его такимъ. Долгъ ставилъ выше всего, исполнялъ его, себя забывая, а обо мнѣ помнилъ, и что онъ мнѣ выказалъ, когда мы нашего сына, нашего первенца проводили... И поняла я его, всего до глубины узнала, моего дорогого... А тутъ Богъ и отнялъ его у меня. Наказалъ меня за мое малодушіе, суетность, за мое неумѣніе благодарить Его за то сокровище, которое послалъ мнѣ въ мужъ. Горько мнѣ, горько... А вы, дѣти, запомните и учитесь на мнѣ; въ счастьи умѣйте цѣнить счастье, не пренебрегайте; счастье отымается у неблагодарныхъ, невѣдущихъ, у сухихъ сердцемъ.

— Матушка, сказала я, осмѣлившись прервать ее и цѣлуя ея руки, не вешите на себя. Когда же сердце ваше было сухо?

— Быть можетъ не была суха, но была строптива, суетна, попустила себя. Равнодушіе было у меня во многомъ, къ чему слѣдовало быть пристрастной. А его я любила, но не такъ... не такъ... любила, не понимая его добродѣтели, не цѣня... а когда поняла, оцѣнила—лишилась!

И горько плакала матушка, но уже не отстранялась отъ насъ, не оставалась безучастной къ нашимъ ласкамъ, напротивъ того, принимала ихъ съ привнательностію и въ особенности стала нѣжна къ матери.

Дни шли за днями, безконечные, тяжкіе дни. Бабушка исхудала, ослабѣла и вдруго пустилась, казалось, на 10 лѣтъ въ эти два мѣсяца состарилась. Она мало говорила, сидѣла съ вязаньемъ въ рукахъ, а вязала мало, а такъ только держала работу въ рукахъ. Но такова была ясность и кротость ея нрава, что въ ней не только не замѣтно было раздраженія, такъ часто являющагося вслѣдствіе несчастія, но напротивъ того никогда не была она добръе, и не казалась таковой привѣтливою. Она выказывала сердечное участіе ко всякому горю, постигавшему ее окружавшихъ. Когда она узнавала о томъ, что кто либо изъ сосѣдей, изъ дворовыхъ или врестьянъ лишился на войнѣ одного изъ своихъ, то ѣздилъ и ходилъ наѣзжать родныхъ погибшаго и старалась вслѣдствіи

и словами утѣшенія и матеріальной помощи умалить ихъ горестъ. Всякій день, не смотря на старье свои геди, ей было уже 75 лѣтъ, она входила по крутой лѣстницѣ, во второй этажъ, куда переселилась матушка послѣ кончины отца нашего и просиживала съ нею столько, сколько ей казалось это возможнымъ, не утомляя и не стѣсня матушку. А между тѣмъ вѣсти шли коронныя. Въ первыхъ числахъ октября французы оставили Москву, и ихъ бѣгство и гибель восхищали всѣхъ, послѣ столькихъ слезъ и негодованія за сожженіе Москвы и оскверненіе святини. Видѣ несчастныхъ, безъ мѣры страдавшихъ плѣнныхъ партій, которыхъ голодныхъ, холодныхъ и нагихъ, гнали, какъ стадо, мимо нашего Щеглова, не возбуждали ни въ комъ жалости. Тогда никто и не воображалъ, что Москва сгорѣла и отъ руки своихъ и отъ неосторожности. Пожаръ приписывали остервененію врага, его ярости и его жадности къ добычѣ. Отъ брата не рѣдко получали мы письма. Онъ могъ писать ихъ черезъ нашего дядю генерала Дмитрія Ѳедоровича Кременева. Генералъ—дядя былъ очень богатый человѣкъ. Оставшись сиротой, онъ выросъ въ домѣ бабушки съ ея старшей дочерью, съ тетужкой Натальей Дмитриевной, съ которой и сохранилъ самую близкую родственную связь. Они были ровесники, и тетужка любила его, какъ роднаго брата. Онъ находился съ нею въ перепискѣ и постоянно увѣдомлялъ ее о братѣ нашемъ, о томъ, гдѣ онъ находится. Въ своихъ письмахъ онъ пересылалъ намъ отъ него, когда письмо, а когда и коротенькую записочку. Эти письма и записки оживляли матушку. Всякій разъ, какъ приходила вѣсточка о Серезенькѣ, матушка почерпала силы и сходила обѣдать съ нами, разговаривала и оживлялась. Послѣ сраженія при Маломъ Ярославцѣ и потомъ у Березины братъ писалъ намъ нѣсколько словъ. Онъ остался цѣлъ и невредимъ.

Прошла осень, наступила зима. Наша армія остановилась на границѣ, но о мирѣ не было и помину. Прошло лѣто, наступила осень, мы жили уединенно, тихо,

однообразно, оправляясь мало-по-малу отъ сраившаго насъ удара. Въ Германіи и Саксоніи начались битвы. Подъ Дрезденомъ братъ съ полкомъ своимъ участвовалъ въ отбитіи непріятельской пушки, подъ Бауценомъ опять отличился и получилъ чинъ и другія награды. Матушка съ гордостію говорила о немъ.

— Я всегда знала, что мой Сережа чудесный человѣкъ будетъ, говорила матушка. Его многіе считали за простодію, потому что онъ былъ мальчишомъ застѣнчивымъ и скромнымъ—а вотъ вышелъ храбрый офицеръ и отличился. Материнское сердце чутко, оно дальноворое. Никогда я въ немъ не усумнилась. Вотъ и покойникъ мужъ мой прежде несправедливъ былъ къ Сережѣ, а потомъ, когда онъ съ такою горячностію и можно сказать геройскою отвагою рвался въ военную службу, онъ оцѣнилъ его и говаривалъ мнѣ, что ошибся и виноватъ передъ нимъ. Голубчикъ мой, онъ всегда сознавался въ своихъ ошибкахъ, признавалъ ихъ и винился передо мною. «Прости меня, говаривалъ онъ мнѣ, что я почиталъ Сергѣя пустымъ, вижу, что онъ молодецъ и винюсь передъ тобою. Огорчалъ тебя моимъ недоуміемъ. Самомнѣніе наше. Думаемъ судъ нашъ праведенъ—а выходитъ одно наше сомнѣніе. Прости меня». И цѣловалъ онъ меня—и самое это лучшее время было нашего согласія и любви посреди ужасовъ тѣхъ дней... И еслибъ онъ только дожилъ, продолжала матушка помолчавъ, еслибъ только дожилъ! какъ были бы счастливы. Враги наши истреблены, слава наша великая и синомъ Богъ благословилъ—и сынъ помогъ землѣ нашей, служилъ, служилъ ей честию и правдою! Бѣжить врагъ, казнить его наше храброе, христіюлюбивое воинство!

И глаза матушки горѣли; она какъ-то неравномерно соединяла армію и сына, побѣды наши и почести, заслуженныя синомъ.

— Сережа удостоился солдатскаго георгіевскаго креста, двухъ чиновъ и владимірскаго креста, говорила она съ гордостію приѣзжавшимъ навѣстить бабушку сосѣдямъ.

VIII.

Проходила зима тихо, однообразно; время лечило раны, и всё мы оправлялись отъ тяжелой потери нашей и все больше и больше сердца наши, наши надежды и думы принадлежали брату. Меньшой братъ, послѣ смерти отца, былъ отосланъ въ Петербургъ (по малолѣтству) и отданъ въ военную школу, по его настоятельной просьбѣ. Отъ него весьма часто приходили извѣстія — онъ рвался въ военную службу и писалъ съ восторгомъ. Объ успѣхахъ и воинскихъ подвигахъ брата, о славѣ и торжествахъ нашей арміи. Но матушка вся отдалась старшему сыну, жила мыслию о немъ, читала и перечитывала его письма и, получивъ одно, ждала другаго. Наступилъ февраль. Однажды намъ привезли письмо отъ брата. Оно было длинное, радостное и начиналось какъ то восторженно, будто онъ, взявъ перо въ руки, не помнилъ себя отъ радости. Оно сохранилось у меня до сей поры, и я прилагаю его.

«Милая матушка, дорогая бабушка, добрыя тети и всё вы, мои милыя, любимыя сестра и сестренки, и добрая моя няня! еслибы вы знали какою радостію бьется мое сердце и какъ оно хочетъ выпрыгнуть! Оно летитъ къ вамъ. Конецъ нашимъ бѣдамъ и вашему горю. Наши храбрыя войска вездѣ одерживаютъ побѣды, отовсюду идутъ торжественно и побѣдоносно въ столицу враговъ. Несомнѣнно, что на дняхъ Парижъ будетъ взятъ, но мы его не разграбимъ, не сожжемъ, но заключимъ славный миръ и дадимъ великодушно не токмо благоденствіе всей Европѣ, но и самую Францію избавимъ отъ тиранинн и звѣрства Корсиканскаго выходца, Бонапарта. Онъ побитъ вездѣ и бѣжитъ. Куда, еще неизвѣстно, да и все равно, лишь бы Европа была освобождена отъ сего ига, а мы могли бы вкусить плоды нашихъ трудовъ и лишений. Какъ только миръ будетъ объявленъ, а говорить это будетъ весьма скоро, я возьму

отпускъ. Дядя, Дмитрій Ѳедоровичъ, по любви своей ко всѣмъ намъ, а въ особенности къ тетусѣвѣ Натальѣ Дмитриевнѣ, обѣщаль мнѣ выхлопотать отпускъ немедленно; тѣмъ болѣе имѣю я основаніе надѣяться, что мнѣ оказано будетъ предпочтеніе передъ другими въ виду того, что мы понесли тяжкую потерю, лишившись добраго и почтеннаго отца. И такъ скоро, очень скоро, милыя мои и дорогія матушка и бабушка, я буду съ вами, у васъ! Какое счастье—я себѣ не вѣрю. Замолили вы за меня Бога — остался я живъ, невредимъ; изъ всѣхъ сраженій вышелъ безъ царапины и помечу къ вамъ, какъ на крыльяхъ. Нашъ полкъ стоитъ теперь или лучше идетъ по Шампаніи. Какая это прелестная и богатая сторона! Вездѣ виноградники и хотя лѣсовъ не много, но мѣстоположеніе миловидное. Здѣсь уже весна наступаетъ. Зелень въ полѣ и деревья уже распускаются. Одно только видѣть, право, жаль — это ихнія деревни. Вѣрите ли, кромѣ старухъ-женщинъ и дѣтей, никого встрѣтить нельзя. Ни одного мужчины, развѣ мальчишекъ лѣтъ 13, а всѣ постарше забраны въ солдаты. И почитай всѣ погибли на поляхъ нашей матушки Россіи и въ Германіи. Недавно, расскажу я вамъ, случилось курьезное происшествіе, самъ ему былъ очевидцемъ. Нашъ гвардейскій пѣхотный полкъ шелъ. Все богатыри, молодецъ въ молодцу, любо посмотреть. Противъ него изъ лѣсу и выступилъ небольшой непріятельскій отрядъ. Глянули наши солдаты: высочили это изъ за лѣсу мальчишки, маленькіе, да худенькіе, иные лѣтъ 18, а то и 15 лѣтніе дѣти, и начали стрѣлять, только все мимо, да мимо, видно и стрѣльбѣ обучены не были. Солдаты наши на стрѣльбу не отвѣчали, а оперлись на ружья, да какъ захохочуть. Да, такъ залпомъ хохота ихъ и встрѣтили. Ударилась французы назадъ, да и то сказать—было ихъ мало и все почитай дѣти. «Что же дѣтей то стрѣлять—не пригоже воину», говорили солдаты и командиры не перечили имъ. А ужъ въ деревняхъ женщины и особенно старухи какъ клянуть этого Бонапарта! И не му-

дрено: у каждой либо мужъ, либо сынъ убитъ, а часто два, три сына. Брали всѣхъ до послѣдняго и очереди ужъ не было—всѣ пригодны, только бы пополнить убыль. А убыль великая. Остатки арій Наполеоновыхъ держатся еще около Парижа, и скоро либо сдадутся, либо будутъ уничтожены—полагаю сдадутся—имъ уже кромѣ дѣлать нечего. Все это я пишу вамъ и себѣ твержу для того, чтобы увѣрить и васъ и себя, что конецъ войны близокъ и, стало быть, близко наше свиданіе. Кажется не доживу я до этой великой радости, таковой великой радости, что я въ страхъ впадаю. Послѣ такой разлуки, такихъ неслыханныхъ бѣдствій, взятія, разграбленія и пожара Москвы, столькихъ ужасовъ, битвъ отчаянныхъ, холоду и, что всего хуже, сердечной муки, видѣнь счастливыя конецъ. Мы приближаемся къ столицѣ Франціи, войдемъ... и я полечу къ вамъ. Цѣлую и обнимаю всѣхъ сестрицъ, а у васъ, дорогая матушка, и дорогая бабушка и добрыя тетуси цѣлую почтительно ручки и прошу вашего благословенія.

«Покорный сынъ и внукъ

Сергій Шалонскій.

«Скажите милой моей нянѣ, что я не забылъ ее и, будучи съ полкомъ въ городѣ Труа, купилъ ей отличный французскій платокъ, по темному полю бузетами. Ей не стыдно будетъ показаться въ немъ въ люди, и вотъ она у меня, на старости лѣтъ, принарядится, идя къ обѣднѣ. вмѣстѣ пойдемъ. А что я купилъ сестрѣ Любѣ и сестренкамъ о томъ — молчокъ. Доживемъ — увидимъ. Лядемъ въ грязь не ударимъ. А вамъ, милая матушка, я знаю какой подарокъ всего дороже. Я себя вамъ привезу, и если достоинъ вашей любви, то потому, что люблю и почитаю васъ такъ, что выразить того не умѣю. Ваши драгоценныя письма составляли мою отраду, и всегда одно изъ нихъ ношу я на груди, не расстаюсь съ нимъ. Скоро, скоро разцѣлую я ваши ручки и ножки, дорогая матушка».

Трудно описать наше общее восхищеніе при чте-

ни этого письма. Сперва матушка прочла его про себя, потомъ прочла всѣмъ намъ, потомъ пошла читать его съ няней, а потомъ сама одна его перечитывала.

— Милый, безцѣнный, сказала матушка, свертывая письмо и бережно укладывая его въ свой ридиколь *), котораго никогда не покидала, нося его на цѣпочкѣ, навитой на руку.

— Добрый, почтительный, и никого-то не забывъ, этое золотое сердце, сказала бабушка.

— Господь то Богъ какъ милостивъ, сказала торжественно няня, стоявшая поодаль и не замѣчавшая, какъ крупныя слезы капаютъ медленно на ея желтыя, морщинистыя руки, сложенныя одна на другую.

На другой день, желая обмануть наше нетерпѣнiе, мы принялись устранивать комнату для брата. Это былъ большой кабинетъ съ большимъ полузруглымъ итальянскимъ окномъ, выходившимъ въ нижнiй садъ. Яркое уже весеннее февральское солнце входило въ него и золотило бѣлый, чистый, какъ скатерть, лаковый полъ комнаты. Въ прежнее время это былъ кабинетъ батюшки, когда онъ гостилъ въ Щегловѣ. Въ свой послѣднiй прiѣздъ батюшка не жилъ въ Щегловѣ, а когда онъ занемогъ, то лежалъ и скончался въ спальнѣ, находившейся на другой половинѣ флигеля. По единодушному желанiю всего семейства кабинетъ рѣшили отдать брату, а для удаленiя печальныхъ воспоминанiй вынесли прежнюю мебель и купили новую. Для этихъ закупокъ мы отправились въ Тулу съ матушкой и немало хлопотали, закупая все нужное и даже излишнее. Матушка не жалела денегъ и, не смотря на дороговизну послѣ пожара Москвы, купила все, что нашла лучшаго. Я какъ теперь помню зеленую матерiю, называемую, не знаю почему, бомба, похожую на шерстяной муаръ, которую она

*) Ридиколь назывался бархатный или изъ бисера вывязанный мiшпочекъ, куда клали носовой платокъ и который носили на рукѣ, на шнуркѣ и цѣпочкѣ.

выбрала для обивки мебели. Мебель, конечно, обивали дома, свои люди, а мы присутствовали, помогали, и быть может, помогая, мѣняли людямъ работать. За то, какъ весело, какъ неумолчно болтали мы, щебетали, какъ птички, выпущенныя на волю. Болтали съ нами и дворовые люди, обивавшіе мебель, расправлявали, дивились и радовались и своей и нашей радости. Тогда въ домахъ добрыхъ помѣщиковъ, а бабушка, конечно, была не только добрая госпожа, но мать своихъ слугъ по своей о нихъ заботливости, господствовали чисто патриархальные нравы. Слуги разговаривали свободно, хотя и почтительно съ господами и обращались безцеремонно, но ласково и любовно, съ молодыми госпожами. Бабушка приказала отпереть свои обширныя кладовыя и сошла въ нихъ, одѣвшись потеплѣе, такъ какъ холодъ въ подвальномъ этажѣ былъ нестерпимый. Напрасно уговаривали ее не ходить, она никого не хотѣла слушать. Долго она перебирала свои вещи и наконецъ вышла оттуда, сопровождаемая цѣлою свитою слугъ, которые несли всеюю всячину.

— Варенька, сказала она, входя въ кабинетъ, гдѣ матушка хлопотала около обойщиковъ и мебели, воями для Серезеньки. Вотъ два персидскихъ ковра, ихъ привезъ мнѣ покойный батюшка изъ Астрахани, когда онъ былъ тамъ намѣстникомъ. А вотъ китайскаго лаку столики и ларецъ—тоже батюшкинъ подарокъ. Вотъ одѣяло изъ шемахинскихъ шелковъ, для постели. А вотъ эти ковры попроще, ихъ постлать можно въ передней комнатѣ; они изъ моего вологодскаго имѣнія, нашего собственнаго надѣлія. Мои ткачи ткали ихъ, гляди, какъ искусно. А это шандалы изъ Кенигсберга дядя покойной подарилъ мнѣ, пріѣхавъ изъ чужихъ краевъ. А тутъ еще всякія бездѣлушки, разставь на столахъ—вазы китайскія, японскія чашки и идолы ихніе, говорилъ мнѣ дядюшка.

— Что это, маменька, сказала матушка, цѣлуя ея руки, чего-чего не набрали вы. Вы, вѣдь, такъ берегли эти вещи, сами не употребляли?

— Куда мнѣ ихъ, и кому же отдать, если не нашему храброму воину.

Я не могла насмотрѣться на все, что приказала принести бабушка. Такихъ вещей, скажу, вы и не видавали. Персидскіе ковры, что твое поле, покрытое муравой и усѣянное цвѣтами. Яркіе, мягкіе, какъ бархатъ, нога въ нихъ таеъ и тонетъ, прелесть, а не ковры! А что за шандалы! Амуръ бѣжитъ съ волчаномъ, а въ колчанѣ вѣтъ уже стрѣлъ, онъ всѣ ихъ разстрѣлялъ, а въ рукахъ несетъ факель — этоъ-то факель и есть шандаль. А потомъ втащили огромный столпъ, старинные часы съ курантами. Завели ихъ, сперва играютъ они, а потомъ открывается дверь, выходитъ левъ, водить большими круглыми глазами, озирается и бьетъ ногой о камни: что ни ударъ ногой, то ударъ часовъ и бьютъ они тотъ часъ, который наступилъ. Левъ пробьетъ и уходитъ въ дверь, дверь щелкаетъ и затворяется, а куранты опять играютъ — потомъ щелкъ — и все смолкло, до слѣдующаго часа. Мы залюбовались львомъ и его большими желтыми круглыми глазами, которыми онъ водилъ, когда часы били 12. Тутъ бывало на него вволю наглядисься — а когда бьетъ часъ — выскочить, и глядь ужъ и вѣтъ его! А какъ хорошо было одѣяло изъ шемаханскаго шелка, алое съ лазоревыми каймами, такое глянцовитое, яркое и шуршало оно какъ то — особенно подъ рукою. И какіе китайскіе лаки, черные съ золотомъ! На горбатой крышкѣ ларца изображены были золотыя высокія горы, золотыя птицы, китаецъ съ попугаемъ на рукѣ, китайскій домъ, дерево тоже китайское, чудное какое-то, уроливое, но такое красивое, вода и мостикъ, такой затѣйливый, а по бокамъ ларца все золотыя цвѣты, тоже какіе то чудные. А столикъ весь разноцвѣтный, съ цвѣтами всѣхъ красокъ и съ множествомъ ящиковъ. Не успѣли еще налюбоваться и надивиться подарками бабушки, какъ пришли тети, каждая съ своею горничной съ подносомъ. Тетушка Наталья

Дмитріевна взяла съ подноса чернильницу и поставила ее на письменный столъ. Она представляла римлянина въ горестной позѣ, опиравшася на тумбу, въ тумбѣ то и налиты были чернила, а въ урнѣ, стоявшей по другую сторону римлянина, песокъ — но не простой, а золотой песокъ. Она также принесла и прессъ-папье. Казахъ, съ большимъ султаномъ на шапкѣ, сидѣлъ на камнѣ, а у ногъ его лежали сабля, ружье и пика. Около него стоялъ конь, котораго онъ держалъ за узду. Тетя Ольга приказала принести свою бібліотеку изъ какаго то очень красиваго палеваго дерева, съ золочеными по бокамъ сфинксами, съ новенькими, зелеными въ складку сложенными тафтяными заборами, которыми были подложены стекла шкафчика. Тетя Саша, не зная чѣмъ угодить, чѣмъ порадовать, принесла свою любимицу, канарейку Мими, пѣвунью и ручную.

— Все вы повытаскали, сказала матушка, тронутая вниманіемъ матери и сестеръ, и когда ему будетъ время книги читать? Самъ онъ станетъ для насъ живая книга, и какая интересная! То-то расскажетъ, то-то будетъ чего послушать, чему порадоваться, о чемъ поплакать!

— Что за слезы, одна радость, сказала тетушка Наталья Дмитріевна..

— Самъ онъ теперь герой, молвила тетя Ольга, Дмитрій Донской, который освобождалъ отечество. Тотъ отъ татарскаго ига, а нашъ отъ Борсиванскаго разбойника.

Матушка улыбнулась.

— Дмитрій Донской былъ вождь, а мой Серезенька въ чинахъ маленькихъ.

— А бился, чай, также, замѣтила бабушка.

— А моя Мими расгѣвать будетъ, его слушая, сказала тетя Саша.

— И заглушить, перекричить и насъ всѣхъ, сказала я, смѣясь.

— А когда она пронзительно поетъ, ты только ее выпусти, сказала тетя Саша серьезно; она жила въ та-

вой непосредственной близости съ Мими, что знала всѣ ея обычаи, прихоти, и затѣи.—Какъ ее ты выпустишь, она сядетъ на плечо и смолвнетъ. Преумная птичка!

И такъ то въ незатѣйливыхъ разговорахъ и въ убораніи комнатъ проходили дни наши. Кроили, шили, чистили. Окна вымыли, словно зеркало стали; въ Свѣтлomu воскресенію такой чистки и стирки не бываетъ, какая шла у насъ въ ожиданіи Сереженьки. Когда все наконецъ окончили, матушкѣ показалось, что надо еще кое-что устроить, еще кое-что прибавить—но прошелъ еще мѣсяцъ и при всемъ ея желаніи найти еще что нибудь, чѣмъ бы позаняться въ комнатахъ, назначенныхъ брату,—ничего не нашлось. Все было готово—прелестъ посмотреть. Спальня чистенькая, маленькая, кровать новенькая, покрытая яркихъ цвѣтовъ изъ шемахинскаго шелку одѣяломъ, а сверху турецкой матушкиной шалью, подаренной отцемъ, когда онъ былъ женихомъ. Кабинетъ—надиво. Столы и диваны съ полузруглыми изъ краснаго дерева спинками, точно римскія колесницы, столы всѣ новенькіе—такъ и блестятъ, а письменный столъ уставленъ драгоценными бездѣлками. Тогда онѣ казались драгоценными, мы не были избалованы, ни заражены страстью въ роскоши. «Не только поручику, такой кабинетъ годился бы и полному генералу», твердили мы. Мы едва ли не каждый день ходили любоваться этимъ кабинетомъ и всѣ вмѣстѣ, и поочередно. Тянуло насъ туда, будто дорогой нашъ ужъ пріѣхалъ и живетъ тамъ. Всякая изъ насъ принялась за руководѣе. Няня неустанно вязала чулки для своего любимца, бабушка затѣяла вязать кошелекъ изъ бисера, и мы всѣ по узору нанизывали бисеръ на длинныя шелковинки. Матушка, сгорая отъ нетерпѣнія, мало работала, не могла и читать, но впадала въ раздумье, полное умиленія, либо разговаривала въ полголоса съ няней и бабушкой. Всякій день ждали мы письма, ожидали почтаря (всякій день посылали въ Алексинъ нашего вучера за письмами и звали его почтаремъ) и, издали завидя его, кричали ему:

— Письма есть?

— Никакъ нѣтъ, отвѣчалъ онъ, и мы медленно вошли по лѣстницѣ, и по выраженію нашихъ лицъ матушка отгадывала, что надо взять терпѣнія и ждать слѣдующей почты.

Однажды утромъ вмѣсто столько разъ слышаннаго отвѣта: «никакъ нѣтъ», Иванъ сказалъ:

— Писемъ нѣтъ, а посылка есть.

— Гдѣ она?

— А вотъ въ телѣгѣ, сейчасъ выну; куда прикажете?

— Неси въ диванную.

Ящикъ небольшихъ размѣровъ, зашитый въ какую-то ужъ слишкомъ красивую клеенку, внесли въ комнату и поставили на столъ. Всѣ мы столпились вокругъ.

— Отъ кого? Кому? Откуда?

Клейма почтоваго не было. Рѣшили распечатать. Лишь только отворили крышку, какъ оказалось письмо на имя тетушки Натальи Дмитриевны. Она взяла его, посмотрѣла и сказала:

— Отъ брата—генерала.

Такъ звала она, не безъ гордости, Дмитрія Федоровича, своего двоюроднаго брата и друга.

— Читай скорѣе, сестрица, сказала матушка, измѣнившись въ лицѣ.

Тетушка взглянула на нее и сказала:

— Господь съ тобою, что ты!

Она распечатала письмо поспѣшно, пробѣжала его глазами, улыбнулась и сказала:

— Братецъ здоровъ, пишетъ нѣсколько строчекъ, чтобы сказать, что посылаетъ намъ гостинцевъ.

— Объ Серѣжѣ не пишетъ.

— Да, приписка — вотъ гляди, внизу: „Серѣжу не видалъ, но слышалъ, что здоровъ. У. приѣзжаго изъ ихъ полка офицера справлялся“.

Никто, не смотря на любопытство, не прикасался къ открытому ящику *съ юстинцами*; сама бабушка, узнавъ, что ящикъ присланъ тетушкѣ *отъ брата*, отошла и

сѣла на свое обыкновенное мѣсто. Мы всѣ стояли около тетушки, не спуская глазъ съ ящика. Тетушка, не торопясь, стала выкладывать. Прежде всего лежалъ четырехъ-угольный французскій бѣлый платокъ, буръ де-суа, съ широкою каймою на турецкой манеръ и съ буветами въ углахъ. Онъ былъ присланъ бабушкѣ. Певинетовая воясынка, шитая золотомъ, для тѣти Саша. Она такъ и заахала, взяла ее двумя пальцами, высоко подняла надъ головою и въ восторгѣ воскликнула:

— Глядите, паутина, паутина! Тонина то какая! Прелестъ то какая! Милый братецъ: благодарю васъ, сестрица.

— А меня то за что?

— Вѣдь это онъ, всё васъ любя, насъ не забываетъ.

Затѣмъ вынуть былъ токъ изъ певинета, шитый бѣлыми и золотыми бусами для матушки. Она взяла его и отложила въ сторонѣ безучастно.

— Мнѣ ужъ не ридиться, сказала она грустно. Я и траура то никогда не сниму.

— Ну ужъ нѣтъ—прійдетъ сыночекъ, не надо его встрѣчать въ траурѣ, сказала бабушка. Въ старое, очень недавно время матушка залюбовалась бы токомъ—но теперь, послѣ своей скорби объ отцѣ и тревогъ о сынѣ, наряды не шли ей на умъ и опостылили ей; въ ней совершилась большая переменѣна. На днѣ ящика лежалъ небольшой, красный, сафьянный футляръ—тетушка открыла его и, не смотря на свою чинность, важность и сдержанность, ахнула.

— Маменька, посмотрите, сказала она; вѣдь это по-длинно соковище!

Она вынула небольшіе часы, по рѣзбу осыпанные однимъ рядомъ баргизы и двумя рядами жемчугу; на эмалевой крышечкѣ, цвѣту лазурнаго, изображена была головка херувима, съ двумя маленькими, прелестными крылушками. Цѣпочка часовъ была изъ бюризы и золотыхъ звѣздочекъ. И часы и цѣпочка были прелестны.

— Онъ пишетъ, что купилъ ихъ для меня въ городѣ

Франкфуртѣ-на-Майнѣ и просить носить ихъ. Но какъ буду я носить такую дорогую и прелестную вещь, сказала тетушка.

— По праздникамъ, Наташа, замѣтила бабушка, бережно да акуратно, такъ и будутъ цѣлы.

И сколько было восклицаній, удивленія и радости! И кто ни прїѣзжалъ, всѣмъ показывали гостинцы брата-генерала. Всѣ дивились и рассказывали знакомымъ, а эти знакомые, любопытствуя, прїѣзжали оглядывать гостинцы брата-генерала и дивиться имъ.

— А вотъ Богъ дастъ и Сереженька навезетъ гостинцевъ, сказала тетушка. Тогда, Люба, будетъ твой чередъ. Братцы сестрицы не забываютъ, какъ видишь.

— Лишь бы скорѣе, вздохнувъ, замѣтила матушка.

IX.

Вскорѣ послѣ этого прїѣхала сосѣдка наша мелкопомѣстная дворянка, посѣщавшая бабушку очень часто и гостившая по нѣскольгу недѣль у насъ, то съ одною, то съ другою дочерью, и нѣсколькими сыновьями; она, почитай, полгода живья-жила у бабушки, кормилась, одѣвалась и учила дѣтей у нашего дьякона на бабушкинъ счетъ. Катерина Трофимовна Волгина была любима въ Щегловѣ за свою неподдѣльную оригинальность и природный умъ. Поздоровавшись со всѣми, поцѣловавъ въ плечо бабушку, которую звала она не иначе, какъ *матушка моя, сокровище мое безцѣнное*, перецѣловавъ тетушекъ и насъ всѣхъ, усѣлась она на большой полукруглый диванъ, стоявшій въ глубинѣ комнаты, поодаль отъ бабушки и тетушекъ. Она вязала чулокъ такъ быстро, что спицы мелькали молніей, да и языкъ ея работалъ также быстро. Она принялась рассказывать намъ новости сосѣдскія, какъ вдругъ перервала свои рассказы вопросомъ:

— А гдѣ же Наталья Дмитриевна? Я ее, сударыню, не вижу.

— Дни три назадъ уѣхала въ Грамово (Грамово было имѣніе бабушки верстъ за 70 отъ Щеглова). Я просила ее съѣздить туда; управляющій писалъ, что лѣсъ торгуютъ. Она у меня козляка, во всемъ толкъ знаетъ.

— Какъ толку не знать при ихъ умѣ, и, можно сказать, степенствѣ.

— Что это, замѣтила, обидѣвшись, тетя Саша. Это о купцахъ говорить: *его степенство*.

— Разница, матушка Александра Дмитриевна, разница великая. *Его* степенство одно, а степенство *ея* другое — означаетъ ея солидную проникательность. А развѣ я приравниваю столбовую то дворянку, да еще Кременеву, къ купцу — чтой то! Обижаете меня, сударыня.

— Что за обида, сказала бабушка, нѣтъ никакой обиды. Не выщи на словѣ, Сашенька пошутила.

— А когда будетъ Наталья Дмитриевна?

— Нынче ждали; навѣрно завтра прійдетъ.

— Вотъ что! А я имъ письмецо привезла.

— Какое такое письмо?

— Вотъ оно, сударыня, доставая изъ мѣшка письмо, сказала Волгина. Была я намедни въ Тулѣ, а почтмейстеръ, хорошій мой знакомый, говоритъ мнѣ: взяли бы, сударыня, письмо.

— Когда еще овозія будетъ въ Щеглово, неизвѣстно, а посылать въ Алексинъ — не затерялось бы какъ. Что жъ ему, говорить, письму то лежать; вы сосѣдъ имъ, отвезли бы въ Щеглово. Я письмо и взяла.

Матушка быстро встала, взяла большое письмо изъ рукъ Волгиной и перемѣнилась въ лицѣ.

— Маменька, сказала она, обращаясь къ бабушкѣ, это письмо отъ брата Дмитрія Федоровича.

— Ну, чтожъ такое, отвѣтила бабушка спокойно, онъ ей часто пишетъ.

Матушка вертѣла письмо въ рукахъ.

— Ужъ не слишкомъ ли часто? Недѣлю назадъ пришелъ отъ него ящикъ съ подарками и письмомъ, а теперь опять письмо.

— Ты, Варенька, стала ужъ не въ мѣру тревожиться. Ящикъ пришелъ по оказіи, какъ онъ самъ писалъ, съ гостинцами изъ города Франкфурта-на-Майнѣ.

— Маменька, я распечатаю письмо; вѣдь у сестрицы секретовъ никакихъ нѣтъ.

— Конечно нѣтъ, но чужое письмо распечатывать непригоже, сказала бабушка.

— Развѣ это чужое—сестрино!

-- Старшей сестры, сказала бабушка серьезно.

— Мнѣ страшно, маменька; не пишетъ ли онъ чего объ...

— Объ Серезенькѣ? Господь съ тобою. Чего ты не придумаешь. Племянникъ Дмитрій подъ Парижемъ, какъ изъ газетъ видно, онъ въ Государевой свитѣ, а Серезенька идетъ съ полкомъ по Франціи. Развѣ ты не читала въ намеренномъ письмѣ, что онъ его не видалъ, почитай, во время всей кампаніи, и имѣетъ объ немъ вѣсти черезъ другихъ. Да теперь ужъ и сраженій нѣтъ.

— Право, я распечатаю.

— Не дѣлай ты этого, не хорошо, да и Наташа смерть не любитъ этого. Я никогда до ея писемъ не дотрогиваюсь. Получить, сперва сама прочтеть, а потомъ и намъ всегда читаетъ.

— Да, сказала я, преинтересное письмо съ описаніемъ городовъ читала она мнѣ.

— Кто—она?

— Тетушка.

— Такъ ты такъ и говори, Люба; тетушка, говори, а не она; что такое она? невѣжливо!

Я смутилась замѣчаніемъ бабушки; не замѣтила я, что оно было сдѣлано для того, чтобы положить конецъ разговору съ матушкой, который видимо бабушкѣ не нравился. Вечеръ прошелъ, по обыкновенію, въ руководѣлы и домашнихъ разговорахъ. Волгана говорила больше всѣхъ и старалась заставить насъ смѣяться, передавая Алексинскія вѣсти. Пробыло 10 часовъ. Бабушка встала.

— Ну, прощайте, дѣти и дѣточки, прощайте племянницы; спокойной ночи, Катерина Трофимовна.

Всѣ поднялись, подошли, по обыкновенію, цѣловать бабушкину ручку. Она всѣхъ насъ перекрестила, тоже по обыкновенію, и пошла въ свою спальню, но воротилась.

— Варенька, отошли письмо въ комнату Наташи, вели положить его и оставить въ ея спальнѣ. Приѣдетъ навѣрно завтра; быть можетъ и миръ заключенъ.

— Слушаю, маменька, связала матушка и отдала письмо Волгиной, которая отнесла его въ комнату тетуски.

Я пришла къ себѣ; я жила въ мезонинѣ, и внутренняя небольшая лѣстница изъ залы вела въ наши комнаты. Спать мнѣ не хотѣлось; я раздѣлась, надѣла ночную кофту и юбку и сѣла читать привезенныя съ почты газеты. Не знаю, какъ долго я читала, какъ вдругъ услышала какой то протяжный ужасный стонъ, отъ котораго замерло мое сердце и кровь остыла. Я бросилась внизъ, сбѣжала по лѣстницѣ и ринулась въ залу полутемную, едва освѣщенную одной лампой. По ней бѣжала матушка; я бросилась къ ней и схватила ее за талию. Она билась въ рукахъ моихъ, съ безумнымъ лицомъ, и кричала страшнымъ голосомъ:

— Убить! убить! убить!

— Кто убить? Что съ вами? Бога ради, что съ вами?

Но она не узнавала меня, продолжала отчаянно биться въ рукахъ моихъ, порываясь впередъ и все твердила, но тише и тише.

— Убить! Убить!

Я громко звала на помощь; прибѣжали горничныя; матушка глядѣла на верхъ безумными глазами и все шептала одно слово: «убить!»

Принесли свѣчи, прибѣжали тетуски; мы замѣнили, что въ рукѣ матушки вѣрвко сжато смятое письмо. Когда тетуска хотѣла разжать руку матушки и отнять письмо, она пронзительно вскрикнула и упала безъ памяти.

Въ эту минуту вбѣжала Марья Семеновна, няня.

— Кто убить? спросила она, не своимъ голосомъ. Я слышала, она кричала: убить!

— Не знаю, няня, сказала я; молчи, ради Бога не испугай бабушку, она легла почивать.

— Заприте двери, чтобы маменька ничего не слышала, распорядилась одна изъ тетушекъ, и чтобы никто не смѣлъ сказать ей ни слова. Слышите? Въ ея лѣта испугъ — это смерть.

Пока оттирали матушку, я старалась потихоньку вынуть письмо изъ ея руки, крѣпко сомкнутой; мнѣ удалось это, и когда матушку положили въ постель, все еще безъ чувствъ, я отдала письмо тетушкѣ.

Всѣ мы обступили тетушку и черезъ плечо ея читали письмо. Съ первыхъ строкъ всѣ мы зарыдали, но старались заглушить свои рыданія; чтобы не испугать матушки. Марья Семеновна подошла ко мнѣ и крѣпко схватила меня за руку, дико блуждали глаза ея отъ одной къ другой.

— Говори, провзнесла она неистово, кто убить?

— Что ее мучить! сказала сквозь рыданія тетушка, и прибавила: молись Богу, няня, Его святая воля. Сереженька убить.

Марья Семеновна не вымолвила ни слова; она упала замертво, будто скошенный снопъ.

Письмо было отъ Дмитрія Федоровича Кременева къ тетушкѣ Натальи Дмитриевнѣ, другое отъ незнакомаго намъ господина Семигорскаго. Оба письма сохранились у меня. Вотъ они.

«Милая сестрица, писалъ онъ, очень прискорбно и тяжело мнѣ писать къ тебѣ, чтобы извѣстить тебя о новомъ постигшемъ наше семейство несчастіи. Изъ прилагаемаго письма подполковника Семигорскаго ты увидишь, что добрый и милый племянникъ нашъ Сергѣй былъ убитъ на повалъ при стычкѣ, происходившей въ поляхъ Шампаніи между нашими войсками и французскимъ авангардомъ. Приготовь къ этому новому и же-

стокому испытанію сестрицу Вареньку и почтенную тетюшку мою, мать твою. На все воля Божія, а наше дѣло воинское таково, что мы должны быть готовы еже-часно положить животъ нашъ за престоль и отечество. Конечно тяжело это матери и бабушкѣ, а еще тяжелѣе потому, что Сергѣй палъ послѣдней жертвой великой и славной отечественной войны. Пишу тебѣ изъ Парижа, мы вошли въ него. Миръ заключенъ. Прошу Бога под-держать всѣхъ васъ въ столь великой скорби, въ осо-бенности мать и бабушку покойнаго Сергѣя. Если что можетъ утѣшить васъ, то конечно мысль, что онъ исполнилъ долгъ сына въ отечеству и палъ за него въ бою. Господь помянетъ его въ царствіи небесномъ, какъ падшаго за отечество воина, а мы помянемъ его доб-рымъ словомъ. Прекраснѣйшій былъ молодой человекъ и храбрый офицеръ. Сердечно скорбѣю о немъ. Цѣлую ручки тетюшки и всѣхъ васъ, милыя сестрицы, заочно цѣлую. Не убивайтесь безмѣрно и покоритесь волѣ Божіей.

Остаюсь твой навсегда вѣрный другъ и братъ
Дмитрій Кременевъ.»

Вотъ другое письмо.

«Ваше Превосходительство,
Милостивый Государь
Дмитрій Федоровичъ!»

«Извините великодушно, что, не имѣя чести быть зна-комъ съ вами, нахожусь въ необходимости писать вамъ. Считаю моимъ долгомъ сообщить вамъ прискорбное извѣстіе. Вашъ племянникъ, а мой пріятель и другъ, Сергѣй Григорьевичъ Шалонскій убитъ вчера на повалъ при незначительной стычкѣ между нашимъ полкомъ и отрядами французскаго авангарда.

«Я сдѣлалъ всю компанію съ Сергѣемъ Григорьевичемъ Шалонскимъ, и, по истинѣ, долженъ сказать: мало встрѣчалъ столь добрыхъ, честныхъ, храбрыхъ людей, какимъ былъ вашъ покойный племянникъ и, горжусь ска-зать, мой другъ и пріятель. Онъ исполнялъ строго свой

служебный долгъ и вышелъ невредимъ изъ всѣхъ сраженій, сказать по домашнему, безъ царапины. Вмѣстѣ стояли мы при Бородинѣ, Маломъ-Ярославцѣ, Березинѣ; вмѣстѣ били французовъ при Лейпцигѣ, Бауценѣ и Дрезденѣ, и въ ту минуту, какъ почитали себя, такъ сказать, на порогѣ родительскаго дома, въ объятіяхъ семейства, онъ палъ отъ французской пули при незначительной стычкѣ. Еще наканунѣ мы поздно вечеромъ разговаривали о нашихъ родителяхъ, и онъ рассказалъ мнѣ много подробностей о семействѣ своемъ, которое надѣялся вскорѣ увидѣть, такъ какъ ему былъ обѣщанъ отпускъ тотчасъ по заключеніи мира. Въ послѣднее время онъ чаще прежняго говаривалъ о своей матери, старшей сестрѣ и нянюшкѣ и когда начиналъ свои о нихъ мнѣ рассказы, то они текли, не прерываясь, далеко за полночь. Въ самый день смерти, поутру, онъ укладывалъ вновь купленные для нихъ обноры и показывалъ ихъ мнѣ. Внезапное нападеніе непріятеля застало насъ среди сего мирнаго и, такъ сказать, семейственнаго занятія. Мы оба выбѣжали, застегивая мундиры; полкъ нашъ ужъ строился. Мы заняли мѣста наши. Французская кавалерія атаковала насъ, но мы сдержали ее, и она поспѣшно отступила, послѣ минутной свалки. Когда я могъ оглядѣться, то увидалъ вучку около лежавшаго офицера. Я подошелъ и узналъ Сергѣя; но онъ уже былъ мертвъ. Французская пуля убила его на повалъ, попавъ въ самое сердце. Кромѣ него раненыхъ не было, но былъ убитъ рядовой Кузьма Савеловъ. Въ тотъ же день, такъ какъ намъ приказано было выступать, Сергѣя Григорьевича и рядоваго Савелова похоронили съ воинскими почестями близъ католической церкви той деревни, гдѣ мы стояли. Искреннія слезы пролились — на могилу Сергѣя Григорьевича, ибо онъ былъ любимъ и товарищами, и подчиненными. Зналъ, что семейство Сергѣя Григорьевича еще недавно оплакивало потерю супруга и отца, я не смѣю быть вѣстникомъ новаго, роковаго удара и беру смѣлость отнестись къ вамъ, какъ къ

близкому родственнику. Вамъ подобаетъ извѣстить ихъ о постигшемъ ихъ несчастіи. Ваше Превосходительство, не посѣтуете на меня, что я счелъ своимъ долгомъ почтеннѣйше извѣстить васъ о семъ для васъ и, смѣю сказать, для меня горестномъ событіи. Конечно мое дружеское чувство мало значить передъ горестію родныхъ, по могу васъ увѣрить, что такова была моя дружба и уваженіе къ покойному Сергѣю Григорьевичу, что и мое сердце уязвлено чувствительно сею потерею.

«Съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію, имѣю честь быть,

Вашего Превосходительства,
Милостивый Государь,
покорнѣйшимъ слугою
Петромъ Семигорскимъ».

Пришедши въ себя, матушка, по милости Божіей, не потеряла разсудка, чего мы очень страшились, но потеряла силы свои. Она не могла подняться съ постели и лежала недвижимо, закрывъ глаза. Поутру надо было объявить бабушкѣ ужасную вѣсть. Мы такъ боялись этой минуты, что забыли о собственной горести, въ особенности я боялась за бабушку, любя ее горячо. Она встала рано и, по обыкновенію, вышла въ диваную. Тамъ никого еще не было. Ей подали чай.

— Что съ тобою, Федосья, спросила она у своей калмычки, смущенное лицо которой замѣтила.

— Ничего, отвѣтила та довольно твердо, и бабушка, покачавъ головой, принялась за вязанье своего кошелека. Какъ тяжело мнѣ было видѣть этотъ кошелекъ въ ея рукахъ—она вязала его брату; я стояла за дверью, не имѣя духу войти. Пришли тетушки, и всѣ мы вопли вмѣстѣ. Тетушка Наталья Дмитриевна пріѣхала рано утромъ.

— Что такъ поздно, нынче, сказала бабушка, не спускающая глазъ съ работы, ты вѣрно устала съ дороги, Наташа. Гдѣ нитки бисера? дайте, вы знаете, я спѣшу. Тетушка

подошла здороваться, цѣловать ея руку, бабушка взглянула на нее, и кошелекъ упалъ на ея колѣна.

— Что съ тобою? Что съ вами? воскликнула она, испуганно оглядывая насъ.

Мы молчали.

— Говорите скорѣе, не мучьте меня. Случилось что?

— Варенька больна, сказала тетушка.

— Варенька! и растерянная бабушка встала. Варенька! что съ ней, гдѣ она?

Бабушка поспѣшно пошла въ комнату матушки.

— Боже мой, сказала мнѣ тетушка, идя за бабушкой, маменьку туда допустить нельзя, но какъ я скажу ей, какъ? Въ ея лѣта, такъ, вдругъ . . . и тетушка съ отчаяніемъ схватила себя за голову. Я не помню, что со мною стало, но съ рѣшимостію, до тѣхъ поръ мнѣ неизвѣстной, я бросилась къ бабушкѣ и остановила ее.

— Туда нельзя войти, бабушка, сказала я твердо.

Но бабушка отстранила меня рукою и хотѣла пройти. Я упала передъ ней на колѣни, заграждая ей дорогу, и обняла ее. Она остановилась, поблѣднѣла, какъ полотно и сказала тихо, прерывавшимся голосомъ:

— Она . . . жива, или ум . . .

— Нѣтъ, нѣтъ, жива . . . но братъ . . . Серенька . . .

— Боже, Господи! Что?

— Умеръ, убитъ.

Бабушка опустилась въ близъ стоящее кресло. Всѣ молчали. Тишина мертвая. Наконецъ бабушка перевернулась и съ восклицаніемъ:

— Матерь Божія, помоги несчастной матери, ты мать, помоги ей! опустилась на колѣни.

Первые дни отчаянной скорби ужасны, но за ними наступаютъ дни слезъ и страданій, еще болѣе тягостныхъ. Въ эти тяжкіе дни мы могли измѣрить всю любовь бабушки въ дочери, но матушка не была въ состояніи ни видѣть, ни чувствовать; она была погружена въ страшную апатію и лежала недвижимо въ постели, закрывъ глаза, не

процѣноса ни слова и почти не прикасалась къ пищѣ. Она почти не спала, а только забывалась не надолго.

Даже смерть Марьи Семеновны не удивила и не опечалила ее, сердце ея окаменѣло. При вѣсти о смерти брата, няню разбило параличъ; она прожила три недѣли, не приходи въ память, и умерла мгновенно отъ вторичнаго траудара. Въ день ея погребенія матушка въ первый разъ встала съ постели, надѣла мною приготовленное ей траурное платье и, опираясь на насъ, сошла въ домовую церковь. Она повлонила умиравшей, поцѣловала ея руки, безъ всякаго видимаго горя, безъ слезинки и едва добралась до своей постели, въ которую мы опять уложили ее.

— Счастливая, сказала она тихо, ушла къ нему, а я, мать, и умереть не умѣла.

— Варенька, у тебя четверо дѣтей, сказала бабушка такимъ голосомъ, что я вздрогнула, — о себѣ я не говорю, прибавила она, помолчавъ.

Мать моя при этихъ словахъ, сказанныхъ съ трогательною кротостію и глубокимъ чувствомъ, залилась слезами и долго плакала въ объятіяхъ своей матери. Это были первыя ея слезы, послѣ удара ее сразившаго. Понимая всю великость этой минуты, когда мать наша возвращалась вновь къ жизни при голосѣ родной матери, мы потихоньку вышли изъ комнаты, оставивъ ихъ вдвоемъ.

Старость не плачетъ такими обильными горячими слезами, какъ молодость, ни такими горькими и тяжкими слезами, какія льются въ зрѣлыя лѣта. Старость, проживъ долгіе годы, научилась покоряться и смиряться; притомъ она знаетъ, что скоро, очень скоро настанетъ конецъ всякому горю и всякимъ волненіямъ. Вѣрующіе надѣются свидѣться съ милыми отошедшими въ иной жизни, въ лучшемъ мірѣ; невѣрующіе глядятъ на смерть, какъ на уничтоженіе всякихъ страданій. Бабушка богомольная и глубоко вѣровавшая смирялась съ любовію и благословляла Создателя во вся дни, какъ говорила она, во дни радости, какъ и во дни печали. Она не

утишала матушку, но такъ трогательно умѣла высказывать ей всю свою любовь, гораздо менѣе говорила съ ней о сѣбѣ ея, чѣмъ о мужѣ. Она какъ бы хотѣла отвлечь се мысли отъ одной утраты, говоря о другой. Она откурырала ей свое сердце и часто, очень часто возвращалась къ тому времени, когда отецъ нашъ былъ молодъ. а Сережа еще ребенокъ, она говорила, что любила отца нашего столько же, сколько и родныхъ дѣтей. Она рассказывала матушкѣ о томъ, какъ его почтеніе, любовь, постоянная къ ней внимательность, мало по малу, привязывали ее къ нему и какъ, наконецъ, она полюбила его такъ горячо, что не могла въ душѣ своей почитать его иначе, какъ роднымъ сыномъ. Она съ восторгомъ, до тѣхъ поръ намъ незнакомымъ въ ней, говорила о высотѣ его духа и чистотѣ совѣсти и красотѣ души его, о его суровости, вытекавшей изъ его добродѣтели. То были ея подлинныя слова. Случалось, что матушка слушала ее безъ особеннаго чувства, вся поглощенная своимъ горемъ, но иногда вдругъ на нее находили порывы нѣжности. Мы видѣли, что съ теченіемъ времени матушка усиливалась побѣдить свою скорбь ради матери, и ихъ обоюдная нѣжность явилась спасительною для сѣбѣихъ. Когда матушка раздражалась, бабушка говорила такъ кротко, что ея слова производили освѣжающее впечатлѣніе. Послушавъ ее, дѣлалось на сердцѣ легче. Въ самомъ звукѣ ея голоса звучало что то особенное, чего я объяснить не умѣю. Всякое слово было отъ сердца и шло въ сердце.

Однажды матушка послѣ горькихъ слезъ пришла въ возбужденное и страстное состояніе. Она крѣпко сжала свои руки, окинула насъ всѣхъ горѣвшими и высохшими глазами и произнесла съ горестью:

— И зачѣмъ родилась я для такихъ бѣдъ? Какая женщина несчастнѣ меня?

— Ты очень несчастна, сказала бабушка. Какъ не плакать, не мучиться въ такомъ тяжеломъ горѣ!

— У меня и слезъ нѣтъ. И чѣмъ я заслужила такое

несчастье. Сперва мужъ, потомъ сынъ. Никого у меня не осталось. Одна! Одна!

— Милая моя, дочка ты моя любимая, да, очень мы несчастны, но, грѣхъ сказать, что ты одна и несчастѣе другихъ. Посмотри вокругъ, кто не потерялъ сына, мужа, отца, во время нашихъ бѣдствій.

— Ахъ, маменька, не могу я разсуждать.

— Да и я не разсуждаю, я чувствую, что Богъ былъ къ намъ еще милостивъ. У тебя сынъ и дочери, а у другихъ никого и ничего не осталось. Куска хлѣба нѣтъ.

— А мнѣ отъ этого но легче.

— Теперь не легче, но будетъ легче. У тебя дѣти, ты можешь жить безъ нужды и воспитать ихъ.

— Это мнѣ все равно.

— Все равно, если бы я на старости лѣтъ, и дочь твоя невѣста и дѣти твои малолѣтнія не имѣли крова и должны бы были разстаться съ тобою и идти въ чужіе люди, въ услуженіе изъ за куска хлѣба, какъ наша сосѣдка Корохтина? Сынъ былъ ея единственной опорой; онъ служилъ счастливо, содержалъ мать и сестру, а теперь, когда онъ погибъ при Березинѣ, мать его пошла въ эконома, а сестра въ няньки. Легко бы тебѣ было, если бы я должна была идти въ люди изъ за куска хлѣба, да и Люба тоже, да и маленькихъ родать бы надо было. Ну, а легко Сорокиной? Она лишилась двухъ сыновей при Бородинѣ и осталась какъ персть одна, безъ дѣтей и вдовою. Состояніе не поможетъ ей жить одной-одиношенькой, въ кругломъ сиротствѣ. Не грѣши, благодарю Бога.

Мы всѣ молчали, чувствуя справедливость словъ бабушки.

— Бѣда наша въ томъ, продолжала она тихо, что мы никогда не сравниваемъ себя съ болѣе несчастными, чѣмъ мы сами, а всегда сравниваемъ себя съ счастливыми; мы не думаемъ, что на всякаго счастливаго приходится рано или поздно черный день. Мы не умѣемъ

благодарить Бога за дарованныя намъ блага, а ропщемъ и раздражаемся. Вотъ и ты. У тебя добрыя дѣти, благодари за нихъ Бога.

— Не замѣнять они мнѣ сына, восвеличула матушка въ припадкѣ горьбой скорби.

— Конечно не замѣнять. Развѣ одинъ человѣкъ можетъ замѣнить другаго? Утѣшать будутъ.

— Меня никто не утѣшитъ, сказала матушка, начиная плакать, но глаза ея уже не блуждали и не глядѣли бессмысленно. Сердце ея отошло, растаяло. Бабушка тотчасъ замѣтила это, встала и обняла дочь.

Однажды вечеромъ бабушка пришла къ матушкѣ и сѣла у ея постели.

— Варенька, сказала она, намъ бы надо было узнать, откуда тотъ солдатъ Савеловъ, который былъ убитъ подлѣ Сережи. У него, вѣроятно, осталась семья. Тебѣ бы прибрать ихъ, успокоить. Можетъ быть у него осталась мать?...

Матушка отвѣчала, помолчавъ, съ усиленіемъ.

— Я этихъ писемъ не читала и порядкомъ ничего не знаю. Я еще силы не имѣю прочитать эти письма. Какой-такой солдатъ? Богъ съ нимъ.

— Ужъ конечно, Богъ съ нимъ, сказала бабушка, убитые за отечество и правое дѣло съ Богомъ. Это праведные. Твой мужъ говаривалъ: получать вѣнецъ мученическій. Вотъ хоть бы и этотъ Савеловъ, погибъ, сердечный, и дойдетъ вѣсть о его смерти до матери, жены въ какомънибудь привазѣ, что выбылъ изъ строя такой то. Чай и у него остались дорогіе, сироты, быть можетъ, оставилъ. Я не знаю, какъ ты, а я такъ часто думаю, что въ память Сережи...

— Написать братцу Дмитрію Федоровичу, чтобы узналъ, откуда былъ солдатъ. Если онъ оставилъ семейство, я повабочусь. Если Богъ судилъ ему умереть съ моимъ сыномъ, пусть его сироты или мать доживаютъ свой вѣкъ у меня. Ваша мысль хорошая, маменька.

У меня, благодаря Бога, деньги есть, больше чѣмъ собственнo мнѣ нужно. Мнѣ теперь ничего не нужно.

Матушка пригѣпилась къ этой мысли и спрашивала: писали ли къ братцу-генералу. Это было первымъ знакомъ, что она возвращалась къ жизни. Время шло, она встала съ постели худая, какъ скелетъ, желтая, какъ воскъ и, едва передвигая ноги, бродила по залѣ. Когда ей замѣтили, что лучше бы ей гулять на другой сторонѣ дома, она внезапно залилась слезами и сказала:

— Тамъ солнце! Видѣть не могу солнца!..

Х.

Весна наступила, вездѣ журчали ручьи и сбѣгали шумными, мутными струями подъ гору въ нашу рѣчку Щегловку, которая вдругъ разшалилась, понеслась и залила дуга. Одѣлись лужайки нашихъ садовъ, едва освободившись отъ снѣга, онѣ покрылись зеленою, короткою травкою, которая такъ дорога взору, утомленному бѣлыми пеленами снѣга и бурными сугробами около дорогъ; весна на сѣверѣ имѣетъ свою поэзію, свою прелесть. Журчанье воды, послѣ огаменѣлыхъ льдовъ, краснота песку, чернота полей, и зеленѣнье луговинъ, послѣ однообразія снѣговаго савана, прельщаетъ взоръ; самый воздухъ въ началѣ Апрѣля и концѣ Марта содержитъ въ себѣ нѣчто опьяняющее, возбуждающее, живительное. И такъ хочется выйти изъ дома и дышать этимъ воздухомъ! Послѣ затворнической жизни въ продолженіи всей зимы, я надѣвала громадные сапоги, (тогда калошъ не знали женщины) и отправлялась въ верхній садъ. Ноги мои увязали въ размокшей, едва оттаявшей землѣ; липы стояли голыя, черныя, съ темными стволами и вѣтвями, но вокругъ ихъ уже все начинало оживать и надъ ними блѣдно-голубое весеннее небо и яркое, весеннее солнце радовало сердце. Не взирая на столько бѣдъ, столько потерь и недавнюю, сокрушившую всѣхъ насъ,

смерть брата, помимо желанія я чувствовала, что оживляюсь. Но вот наступила и настоящая весна съ первыми цвѣтами, первыми теплыми, свозъ солнце, дождями, точно на землю падаютъ сверкающіе алмазы, съ первымъ чирканьемъ птичекъ и шумомъ одѣвшихъ въ новый уборъ деревьевъ. Солнце грѣло, даже пекло, вѣтерокъ несея изъ рощи теплый и благовонный, вода рѣченки, вошедшей въ берега, ужъ не катила мутныхъ волнъ, а лила прозрачныя, какъ хрусталь, струйки, и наше родное, любезное Щеглово приодѣлось въ пышное праздничное платье. Какъ было оно красиво! Какъ бы хорошо было жить, еслибы въ домѣ не сидѣло-сиднемъ жестокое горе, насъ постигшее. Окна были открыты, дверь на балконъ раскрыта настежь, но никого нельзя было увидѣть на балконъ за чашкой вечерняго или утренняго чая. Малѣйшее нарушеніе будничнаго порядка казалось праздничною затѣю, неприличною и боль причиняющею. Бабушка не покидала своего мѣста, и ея примѣру слѣдовали тетушки; матушка и въ окно не глянула—все было ей постыло и тяжело. Только меня и дѣтей своихъ меньшихъ посылала она гулять, замѣчая, что на мнѣ лица нѣтъ, что я поблѣднѣла, похудѣла и похожа не на девятнадцатилѣтнюю дѣвушку, а на перестарокъ, отказавшійся помимо воли отъ замужества.

Je ne veux pas qu'elle coiffé Sainte Catherine, сказала однажды матушка, говоря по старой привычкѣ по французски, хотя со времени войны она питала ко всему французскому чувство ненависти, похожее на то чувство, которое человекъ испытываетъ, поссорившись съ другомъ. Но привычка сильна и, забываясь, матушка говаривала по французски.

И меня посылали гулять, не смотря на мои просьбы позволить мнѣ остаться—но въ тѣ поры мы не слышкомъ могли предъявлять свою волю, а должны были повиноваться. Жизнь, не взирая на мое горе, брала свое. Время текло и молодость моя, придавленная столбыми бѣдами, мало по малу расправляла ерылушки. Сама того

не замѣчая, гуляя съ сестрами, мнѣ случалось смѣяться и шутить, какъ умѣетъ смѣяться и шутить одна юность. Уже наступило жаркое лѣто, и мы часто уходили въ сѣднй лѣсъ за грибами, ягодами, купались въ быстрой и глубокой Угрѣ, которая протекала за версту отъ бабушкиной усадьбы. Но возвращаясь домой, вдругъ переставали болтать. Сердце наше замирало, когда мы подходили къ дому—тамъ все еще сидитъ, мы знали, уюря себя за минутное удовольствіе, тяжкое горе.

Однажды въ очень душный, лѣтній день, исполняя приказаніе матушки, я отправилась съ сестрами и двумя горничными въ большой лѣсъ за рѣку. Мы переѣхали на паромѣ на ту сторону Угры и увидѣли, что на берегу стоитъ бричка, запраженная ямскою тройкой, а у брички, дожидаясь парома, стоитъ молодой офицеръ. Когда мы сходили съ парома, онъ пристально посмотрѣлъ на насъ. Мы всѣ были въ глубокомъ траурѣ и, не смотря на жаркій іюльскій день, въ тяжелыхъ черныхъ суконныхъ платьяхъ и крепѣ. Въ старые годы носили трауръ долго и строго. Минуло уже 4 мѣсяца, какъ мы лишились брата, а мы и не помышляли снимать траура первыхъ дней, да если бы подумали, то не осмѣлились бы вымолвить слова, боясь оскорбить тѣмъ семейство. Я видѣла, что офицеръ спросилъ что-то у перевозчика, но пошла своей дорогою, не считая приличнымъ глядѣть на проѣзжающихъ. Едва сдѣлала я нѣсколько шаговъ въ гору, взбираясь на крутой берегъ рѣки, какъ свади меня послышались быстрые шаги и раздался незнакомый мнѣ голосъ.

— Извините меня, если я осмѣлюсь рекомендовать себя самъ. Я подполковникъ Семигорской. Знаю, что имѣю честь говорить съ Любовію Григорьевною Шалонской.

Я остановилась, пораженная именованіемъ его.

— Я догадался тотчасъ, что это именно вы, по вашему трауру... онъ смѣшался и прибавилъ: я ѣду къ вашей матушкѣ.

— Ахъ, сказала я едва внятно, почти шопотомъ, вы... пріятель моего брата... вы...

Я не договарила; слезы душили меня и я усиливалась сдержатъ свое волненіе и подавить ихъ. Тогда при чужомъ стыдились всякаго необычнаго движенія души и старались не выдавать ихъ. Я стыдилась слезъ, которыя готовы были хлынуть изъ моихъ глазъ. Онъ продолжалъ:

— Возвратясь изъ Франціи и повидавшись съ семействомъ, я счелъ долгомъ посѣтить вашу матушку, ибо имѣю обязанность вручить ей оставшіяся вещи вашего... Онъ прервалъ свою фразу, замѣтивъ мое волненіе, и продолжалъ: я опасался пріѣхать... неожиданный случай помогъ мнѣ; я имѣлъ счастье встрѣтить васъ. Не будете ли вы столь благосклонны, не возьмете ли на себя приготовить вашу матушку къ моему посѣщенію. Ей будетъ прискорбно видѣть меня...

Я все стояла и силилась одолѣть свое волненіе, наконецъ мнѣ удалось сдержатъ слезы, и я сказала не твердымъ голосомъ.

— Намъ надо опять переѣхать рѣву—я пойду впередъ и приготовлю матушку, а васъ проводить вотъ эта дѣвушка (я указала на мою горничную Машу) садами до флигеля.

— Не лучше ли мнѣ остаться здѣсь, въ этой деревушкѣ, а вы пришлете за мною, когда угодно будетъ вашей матушкѣ принять меня.

— Не можно, сказала я. Матушка и бабушка осудятъ меня за такое невниманіе; вы должны быть приняты въ нашемъ домѣ. Не бойтесь, матушка не увидитъ васъ, она и къ окну никогда не подходитъ, къ тому же васъ проведутъ садами во флигель. Тамъ были приготовлены комнаты для брата—теперь онъ пустой.

При этихъ словахъ я заплакала такъ горько, что никакія усилія не могли прервать слезъ моихъ, и лишь только паромъ причалилъ, какъ я взяла сестеръ за руку и послѣшно, но горько плача, пошла назадъ домой. Сестры тоже плакали. Семигорской шелъ съ моей гор-

ничной, отставъ отъ насъ, и скоро скрылся въ аллеяхъ сада. Я вошла во дворъ и прямо въ бабушкѣ.

— Бабушка милая—не пугайтесь, ничего нѣтъ такого.

— Да ты вся въ слезахъ.

— Это такъ, ничего. Приѣзжій здѣсь изъ арміи... служилъ съ братомъ. Его пріятель. Желаетъ видѣть матушку. Ей будетъ такъ тяжко, а сказать ей надо.

— Кто онъ такой?

Я сказала. Бабушка смутилась, но немедленно встала и отправилась въ комнаты матушки. Черезъ полчаса во флигель бѣжалъ стремглавъ нашъ лакей Алексеѣй, и я видѣла, какъ Федоръ Федоровичъ Семигорской прошелъ черезъ залу и направился въ ея комнату. Онъ былъ высокій, стройный, смуглый и красивый молодой человѣкъ лѣтъ 28. Проходя, онъ почтительно и низко поклонился мнѣ.

Черезъ часъ онъ вышелъ отъ матушки, и по его прекраснѣйшимъ глазамъ видно было, что и онъ плакалъ. Бабушка приняла его не только радушно, но родственно, отрекомендовала ему дочерей, и началось потчиваніе. Не желаетъ ли кушать? Обѣдалъ ли? Или быть можетъ, если обѣдалъ, не угодно ли попопдничать, или чаю откушать—словомъ, бабушка и тетушки наперерывъ запотчивали гостя. Матушка просила его пробыть нѣсколько дней и помѣстила его въ комнатахъ, которыя были приготовлены для брата.

Послѣ ранняго ужина, онъ простился со всѣми, подходя, по тогдашнему обычаю, къ *ручкѣ* всѣхъ дамъ и дѣвушекъ (взрослыхъ). Проходя большую гостиную, гдѣ я сидѣла одна, подошелъ ко мнѣ.

— Я долженъ завтра отдать вашей матушкѣ шкатулку—я не желалъ бы отдать ее самъ, чтобы не стѣснить ее. Кому я могу?

— Мнѣ, сказала я, не размысливъ. Это шкатулка брата?

— Нѣтъ, но въ ней его мелкія вещи всѣ, бережно

собранны... я думалъ... и мундиръ, въ которомъ онъ уб... въ которомъ онъ скончался. Гдѣ же я могу отдать вамъ ее завтра?

— Вынесите въ садъ, я гуляю въ 9 часовъ съ сестрами и прохожу мимо вашего флигеля, идя въ оранжерею.

Лишь только я произнесла эти слова, какъ смутилась и застыдилась—но было уже поздно, онъ поклонился, поцѣловалъ у меня, официально прощаясь, руку, и вышелъ. Я воротилась въ диванную. Тамъ бабушка и тетуски продолжали разговоръ о гостѣ и осыпали его похвалами.

— И уменъ, и вѣжливъ, и начитанъ, и много видѣлъ, и какъ хорошо рассказываетъ и собою красавецъ!.. Какое вниманіе, собралъ всѣ вещи Сережи и самъ привезъ ихъ. Словомъ, онъ превозносили его.

На другой день лишь только я отворила калитку нижняго сада и должна была пройти мимо его оконъ, какъ онъ вышелъ ко мнѣ на встрѣчу; онъ, очевидно, ждалъ меня; въ рукахъ его была шкатулка, которую онъ поставилъ на скамейку, стоящую подъ балкономъ. Тяжкое было это свиданіе; я ужъ ни о чемъ не помышляла, кромѣ убитаго брата, и слезы мои текли на крышку черной шкатулки. Онъ стоялъ подлѣ меня и говорилъ о Сережѣ, а я сидѣла и плакала. Когда наконецъ я вспомнила, что матушка проснулась, встала и взяла шкатулку. Онъ почтительно проводилъ меня до параднаго входа и отворилъ мнѣ калитку и большую дверь крыльца, съ низкимъ поклономъ.

Не хочу входить въ подробности и рассказывать, какимъ приливомъ новой горести наполнилось сердце матушки при видѣ вещей убитаго сына. Долго она глядѣла на нихъ, страшась до нихъ дотронуться. Когда же она разобрала шкатулку и раздала намъ вещи, имъ для насъ купленные, это усиліе надъ собою сломило ее. Она опять расхворалась и слегла въ постель. Всякой день просила она Федора Федоровича Семигорскаго войти къ

ней и заставляла его рассказывать и повторять малѣйшія подробности о Серезенькѣ. Она слушала его жадно. Когда, пробывъ у насъ нѣсколько дней, онъ пришелъ проститься, матушка была поражена и умоляла его пріѣхать опять и скорѣе.

— Я ожила, пока вы здѣсь гостили; одна моя отрада видѣть и слышать рассказы друга моего сына. Не откажите матери, пріѣзжайте опять и ужь погостите у насъ подольше.

— Какъ прикажете, такъ и сдѣлаю, отвѣчалъ онъ, я почитаю себя слишкомъ счастливымъ, что могъ заслужить ваше благорасположеніе.

Прощаясь съ нимъ, матушка взяла его голову въ обѣ руки, нагнула ее и поцѣловала его волосы. Онъ былъ, повидимому, такъ тронутъ, что со слезами на глазахъ поцѣловалъ ее руку, кланаясь низко. Въ то время такое отступленіе отъ обыкновеній и принятыхъ формъ было очень знаменательно, и онъ безмолвно благодарилъ матушку за выказанную ему нѣжность. Онъ стоилъ ея; все, что онъ говорилъ, какъ относился къ матушкѣ и самая заботливость о собраніи вещей брата, прелестная траурная изъ чернаго эбеноваго дерева шкатулка, заказанная имъ въ Парижѣ, свидѣтельствовали о чуткости и деликатности его сердца. Если онъ произвелъ на всѣхъ насъ хорошее впечатлѣніе, то надо думать, что и мы ему понравились. Онъ пріѣхалъ опять черезъ шесть недѣль и былъ принятъ, какъ близкій родственникъ.

— Теперь, сказала ему матушка, я васъ такъ скоро не выпущу.

— Какъ прикажете, я въ вашей волѣ, отвѣчалъ онъ криво и просто.

XI.

Если Семигорской понравился всѣмъ съ перваго раза, то теперь это впечатлѣніе перешло въ положительную къ нему любовь—да и нельзя было не любить его. Онъ

былъ начитанъ, говорилъ красно, рассказывалъ забавно, отличался особенно вѣжливостію, но вмѣстѣ съ тѣмъ откровенностію. Прямота его была неподкупна. Такъ, напримеръ, его мнѣнія часто противорѣчили мнѣніямъ тетушки Натальи Дмитриевны, и онъ, не смущаясь, это высказывалъ. Однажды тетушка, говоря о войнѣ, очень негодовала на французовъ и тутъ же на нѣмцевъ; она выразила мысль, что только Россія и русскіе велики и сравнить ихъ ни съ кѣмъ не можно.

Онъ возсталъ противъ таковаго мнѣнія.

— Я самъ русскій, сказалъ онъ, люблю мою землю, и конечно въ дни опасности готовъ положить за нее мою голову; я имѣлъ честь сражаться за мое отечество и старался дѣлать свое дѣло, но смѣю васъ увѣрить, что ни Франція, ни Германія не могутъ сравниться по благосостоянію съ нашимъ отечествомъ.

— Какъ такъ? восхлинули тетушки.

— Образованнѣе они насъ, да и живутъ иначе. Благосостояніе большое, во всякой деревнѣ чистота, опрятность, трезвость, изобиліе, а пуще всего чистота. У всякой избѣнки деревня, или садикъ. Пьяныхъ я не видалъ. Трудолюбіе, порядокъ, особенно въ Германіи.

— Но вотъ Серезенька писалъ, что во Франціи остались въ деревняхъ одни бабы.

— Это правда; Гишпанія и Россія обезлюдили Францію—но убыль народа поправима. Черезъ 20 лѣтъ слѣда не будетъ, а ихъ порядокъ и трудолюбіе обогатятъ ихъ снова, ибо теперъ отъ постоянныхъ войнъ они замѣтно обнищали.

— Сереза писалъ, что малорослы они, что наши гвардейскіе молодцы и бить ихъ не хотѣли, а хохотали.

— Да знаю, тогда это наши рассказывали, сами очевидцы рассказывали, но дѣло это не мудрое, простое. Мушкетеръ не было—набрали дѣтей пятнадцатилѣтнихъ, и эти дѣти, одержимыя любовію къ отечеству, бросались храбро на нашихъ молодцевъ. Вѣдь это пигмей только по росту и

по лѣтамъ. Духу то у нихъ было много, у дѣтей у этихъ. Сожалѣть надо о землѣ, гдѣ всѣ взрослые погибли, и одни дѣти остались для защиты отечества. Говорили тогда, что наши солдаты раскохотались, но это смѣхъ былъ добродушный, а не злой. Солдатъ и всякій простой человѣкъ чуетъ доблесть врага и не оскорбитъ его намѣренно. Повѣрьте, что таково благосостояніе тѣхъ странъ, что были бы мы счастливы, если бы могли отъ нихъ позаимствоваться многимъ.

— А вотъ вы все же къ себѣ спѣшили, сказала тетушка не безъ ироніи, тамъ не остались.

— Я русскій и мнѣ у себя лучше. Тутъ моя родина, мои родители, мои имѣнія—чтожъ мнѣ тамъ дѣлать—а все таки скажу: ихъ устройство лучше.

— Я всегда это говорила, не бывши тамъ, сказала матушка, судила только по книжкамъ и вижу, что не ошибалась.

— Что книжка и что есть въ самомъ дѣлѣ — великая разница, сказала тетушка. Вотъ Малекъ-Адель прелестный рыцарь—найди-во его на самомъ дѣлѣ.

— И найдете, Наталья Дмитріевна, найдете, вонечно на иной ладъ, но, право, во время войны такіе то рыцари были, что до нихъ куда и Малекъ-Аделю. Все въ томъ, чтобъ умѣть оцѣнить товарища, начальника и подчиненнаго. Какіе есть герои, дивиться надо.

— Милый вы мой, любезный вы мой, сказала матушка съ порывомъ. Благодарю васъ—говорите вы то, что я столько лѣтъ думаю, и въ чемъ никто не только согласится со мною не хочетъ, но и осмѣивали меня всегда.

Между матушкой и имъ установились особыя отношенія. Они уважали и любили другъ друга, а что главное, понимали другъ друга. Онъ выказывалъ къ ней особенное почтительное вниманіе съ примѣсью какъ бы снѣвной нѣжности, а она просто души въ немъ не чаяла. Его мнѣнія подходили подъ ея мнѣнія, но не будь этого, матушка во всякомъ случаѣ полюбила бы его. Онъ, по-

мимо мнѣнїи, нравился ей лично манерами, лицомъ и въ особенности тѣмъ, что любилъ брата и былъ любимъ имъ. Я замѣтила, что онъ совсѣмъ иначе, по своему, глядитъ на вещи и не покоряется принятымъ обычаямъ во многомъ. Такъ, напримѣръ, у бабушки былъ страшный баловень, мальчикъ изъ двора, лѣтъ четырнадцати, для побѣгушекъ. Его звали Ванькой, не изъ презрѣнія, — бабушка никого не презирала да и тетуски, не смотря на рѣшительныя мнѣнія старшей тетки, были крайне добры и не обидѣли бы мухи, — а звали его Ванькой просто такъ, по обычаю, по привычѣ. Никто не думалъ обижать Ваньку, и самъ Ванька не обижался. Я замѣтила, что одинъ Федоръ Федоровичъ звалъ его Ваней и въ разговорахъ не ускользнуло отъ меня, что онъ многое усвоилъ себѣ, чего у насъ не было. Когда я о немъ думала, а думала я о немъ часто, послѣ того, какъ слушала его рассказы по цѣлымъ вечерамъ, онъ какъ то чудно сливался въ моемъ воображенїи съ авторами писемъ «Русскаго Путешественника». Я возымѣла одно впечатлѣнїе, какъ изъ чтенїя этой прелестной книги, такъ и изъ его интересныхъ рассказовъ и завлекательныхъ разговоровъ. Обычай того времени не позволяли мнѣ близко сойтись съ нимъ; тогдашнїя понятїя о приличїяхъ не дозволяли близости между дѣвушкой, молодой женщиной и молодымъ мужчиною. Я сидѣла около бабушки, слушала разговоръ старшихъ, но вступать въ него не могла, и отвѣчала тогда только, когда ко мнѣ обращался кто-либо изъ старшихъ. Но я не проронила ни единого слова изъ всего того, о чемъ онъ говорилъ. Рассказы его о Дрезденѣ привели меня въ восторгъ, но восторгъ этотъ я должна была хранить въ глубинѣ души, ибо я не могла, да и постыдилась бы его выразить, но онъ тѣмъ сильнѣе охватывалъ мою душу. Даже встрѣчаясь съ Федоромъ Федоровичемъ наединѣ, мнѣ и въ помышленїе не входило открыть ему мои мысли и сказать, что я чувствую, слушая его рассказы. А наединѣ видала я его часто. Вотъ какъ это случилось — безъ намѣренїя съ

моей стороны, всеконечно. Я продолжала гулять съ сестрами. Обыкновенно онѣ выходили изъ дома со мною, но вскорѣ убѣгали, а я проходила мимо флигеля по дорожкѣ внизъ, достигала нижней аллеи и обходила прудъ, потомъ подымалась въ верхній садъ и обходила его по липовымъ густымъ аллеямъ. Съ самаго перваго дня своего вторичнаго пріѣзда онъ встрѣчалъ насъ на дорожкѣ, и всякій день выходилъ къ намъ на встрѣчу; мы останавливались, разговаривали и потомъ расходились въ разныя стороны. Однажды онъ попросилъ у меня позволенія идти со мною. Я вспыхнула, и ничего не отвѣтила, но онъ принялъ молчаніе за знакъ согласія и пошелъ за мною. Въ этотъ первый разъ я обратила свою прогулку. Но въ послѣдствіи желаніе его послушать заглушило во мнѣ страхъ, который я испытывала. Часто я просила сестрицу идти рядомъ со мною, но ей наскучали наши разговоры и она убѣгала къ меньшей сестрѣ и ея нянѣ, оставляя меня одну съ нимъ. Мало по малу я привыкла и уже не сокращала своей прогулки; мы обходили оба сада и не видали, по крайней мѣрѣ я не видала, какъ летѣло время. Конечно я совсѣмъ не говорила о себѣ, но мы много говорили о книгахъ, о иныхъ земляхъ, о братѣ, о войнѣ, о моемъ покойномъ отцѣ, котораго онъ называлъ спартанцемъ и рыцаремъ, слушая мои рассказы. Ему, повидимому, очень нравилась моя любовь къ чтенію и моя начитанность. Первымъ его воспитателемъ былъ эмигрантъ, французъ, аббатъ, и онъ говорилъ, что многимъ обязанъ ему, особенно въ отношеніи формъ въ общежитіи. Потомъ, уже будучи молодымъ человѣкомъ, онъ былъ знакомъ съ масонами, и они внушили ему христіанскія чувства, вниманіе и любовное отношеніе къ низшимъ и въ особенности слугамъ. Отличительной чертой его характера было чувство милосердія — не только страданія людей были ему несносны, но онъ не любилъ видѣть, если мучили или жестоко обращались съ животными... Я была очарована его бесѣдами, и уже не дичилась его. О братѣ

я говорила часто, и съ самаго перваго дня нашего знакомства онъ сдѣлался звеномъ, его и меня соединившимъ. Открывая глаза по утру, я думала съ восхищеніемъ, что вотъ одѣнусь, выйду въ садъ, что онъ встрѣтитъ меня и пойдѣмъ мы по аллеѣ, бесѣдуя тихо и радужно. Вечеромъ, ложась спать, я вспоминала всякое его слово и всякое его слово было хорошо, пріятно или казалось мнѣ поучительнымъ и значительнымъ. Такъ прошло недѣль пять. Онъ поговаривалъ объ отъѣздѣ; его удерживали, но ему надо же было уѣхать. При одной мысли о его отъѣздѣ сердце мое зампрало.

Однажды, возвратясь съ прогулки, я нашла тетущку въ цвѣтницѣ, на лавкѣ. Она подозвала меня и приказала идти за собою. Въ тонѣ ея голоса было что-то особенно серьезное, даже строгое, что смутило меня, и я пошла за нею, какъ виноватая, не зная, однако, никакой вины за собою. Но тутъ я вдругъ вспомнила, что гуляла въ саду не одна, и сердце мое мучительно забилося.

Тетущка направилась не въ диванную, а въ образную, находившуюся около спальни бабушки, всегда пустую. Кіоты стояли по стѣнамъ, передъ ними теплились лампы; мебели не было, только два забытые стула стояли въ углу. Тетущка сѣла на одинъ изъ нихъ и указала мнѣ другой. Я сѣла, не смѣя взглянуть, и потупила голову.

— Вотъ оно что, Люба, не хорошо! сказала строго тетущка, я еще тебѣ ничего не сказала, слова не вымолвила, а ты горюшь отъ стыда.

— Но что я сдѣлала такого, тетущка? едва выговорила я.

— Какъ будто ты не знаешь. Не хитри. Не усугбляй вины своей. Стыдно, очень стыдно, а не ждала отъ тебя такого пассажа.

— Но право...

— Не хитри, говорю я, повинись лучше. Не лично, даже предосудительно назначать свиданія въ саду.

— Свиданія! воскликнула я вдругъ съ негодованіемъ, которое смѣнило мгновенно мой испугъ и стыдъ. Нѣтъ,

я не назначала свиданій и даже никогда о томъ и не думала, не помышляла. Могла ли я даже подумать о такой...

И я вдругъ заплакала, очень оскорбленная.

— Нечего плакать. Повинись лучше, говорю я, сказывай правду истинную.

— Вы меня обижаете, тетушка, мнѣ рассказывать нечего.

— Такъ вотъ какъ! Что бы сказалъ твой покойный отецъ, еслибы узналъ, что, пользуясь горемъ убитой матери, которая теперь не въ состояніи наблюдать за вами, ты попустила себя на такіе неприличные дѣвицѣ поступки!.. Вотъ куда повело тебя чтеніе всякихъ поэмъ и романовъ. Я не разъ говорила объ этомъ, меня не хотѣли слушать, а вотъ теперь и завелась своя героиня романа. Хорошо!

— Воля ваша, тетушка, сказала я съ сильно проснувшимся чувствомъ собственного достоинства и невинности, свиданій я не назначала и мнѣ въ голову не входило, что это есть свиданіе. Я просто гуляла, встрѣчала его...

— Его!.. Вотъ какъ! его!..

— Федора Федоровича и ни о чемъ мы не говорили, ни единого слова, котораго вы бы не желали слышать.

Тетушка рѣзко посмотрѣла на меня своими большими, умными, но отчасти суровыми глазами.

— Пусть такъ. Я тебѣ вѣрю, но въ такомъ случаѣ ты поступила неосторожно, предосудительно. Скажу тебѣ, что Федоръ Федоровичъ, видя такое твое поведеніе, не можетъ уважать тебя. Конечно всякому молодому мужчине весело гулять и любезничать съ хорошенькой дѣвушкой, но уважать ее онъ не можетъ.

По боли, которая сказалась въ моемъ сердцѣ, при мысли, что онъ можетъ не уважать меня, я бы должна была понять, какъ я ужъ привязалась къ нему, но я не рассуждала, а только плакала. Тетушка говорила еще довольно долго, но я ужъ не прерывала ее; я слушала,

не понимая ни слова, и сокрушалась, что потеряла уваженіе человѣка, которымъ дорожила.

Тетушка встала.

— Чтобы не было ни встрѣчь, ни прогулокъ, ни раннихъ выходовъ въ садъ! Это не дѣлается, не годится. Не заставь меня огорчить мать, рассказавъ ей, какъ ты ведешь себя. Стыдно!

Какой это былъ печальный для меня день! Подавленная стыдомъ и тревогою, я не смѣла поднять глазъ ни на кого и, сидя въ диванной около бабушки, прилежно вязала косынку, шевеля длинными спицами. Бабушка тотчасъ замѣтила, что со мною что-то случилось и спросила. Я отвѣчала: «ничего не случилось» и вспыхнула, какъ зарево. Бабушка посмотрѣла, не повѣрила, но не повторила вопроса, а по своему обыменовенію, когда не вѣрила, покачала головою.

Прошло нѣсколько дней. Я никуда не выходила и неотлучно сидѣла около бабушки. Два-три раза пыталась я все сказать матушкѣ, но не смѣла, видя ея постоянную печаль. Я замѣтила, что Федоръ Федоровичъ сдѣлался тоже печаленъ и объявилъ, что долженъ уѣхать завтра. Это извѣстіе было мнѣ крайне прискорбно.

Насталъ день его отъѣзда. Мнѣ было такъ грустно сидѣть въ диванной, что послѣ обѣда я ушла въ бильярдную, гдѣ всегда играли дѣти. Испугъ мой былъ великъ, когда вскорѣ туда же пришелъ и онъ.

Боже мой! подумала я, скажутъ опять, что это свиданіе. И зачѣмъ онъ пришелъ, онъ и въ правду видно не уважаетъ меня.

Онъ подошелъ и сѣлъ рядомъ со мною. Я встала и хотѣла уйти.

— Любовь Григорьевна, сказалъ онъ, позвольте мнѣ попросить васъ выслушать меня. Я не долго буду удерживать васъ. Я замѣтилъ въ васъ большую для меня переѣмну; вы избѣгаете разговора со мною. Чѣмъ я могъ заслужить ваше неудовольствіе? Осмѣлюсь ли я спросить васъ о причинѣ вашего нерасположенія ко мнѣ?

Я молчала, совершенно потерянная, и желала одного: уйти, убѣжать. Я силилась не заплакать, считая это верхомъ неприличія.

— Ужели я такъ противенъ вамъ, что вы не удостоиваете меня отвѣтомъ? Я смѣлъ надѣяться, что во время столь дорогихъ сердцу моему нашихъ прогулокъ, я успѣлъ заслужить ваше уваженіе и довѣренность.

Слово прогулка сразило меня. Я вспыхнула и опять хотѣла уйти, но онъ угадалъ мое намѣреніе и продолжалъ, преграждая мнѣ дорогу:

— Одно слово, только одно слово и я уѣду сейчасъ, сію минуту и никогда не поважусь на глаза ваши. Но я не могу, не хочу, продолжалъ онъ съ жаромъ и рѣшимостію, уѣхать, не сказавъ вамъ того, что такъ давно, съ нашего перваго почти свиданія, наполняетъ мое сердце. Я любилъ вашего брата, какъ своего собственнаго брата, я почитаю вашу матушку и все ваше прекраснѣйшее семейство. Васъ я уважаю и люблю съ первой встрѣчи, съ перваго разговора, тамъ на скамейкѣ, въ саду, когда ваша прекрасная душа и чувствительное сердце открылись мнѣ.

Слезы мои хлынули, я закрыла лицо платкомъ, задушая свои рыданія. Онъ продолжалъ:

— Вашъ братъ часто говорилъ о васъ съ нѣжнѣйшею дружбою, но его слова далеко не дали мнѣ о васъ того понятія, которое я теперь имѣю. Не повергайте меня въ отчаяніе, я уважаю и люблю васъ. Осчастливьте меня своимъ согласіемъ.

— Но что вамъ угодно? проговорила я, недоумѣвая. Его слова «уважаю васъ» возвратили мнѣ бодрость. «Тетушка ошиблась, сказала я себѣ мысленно, слава Богу!»

— Неужели вы не хотите понять меня? Я уважаю и нѣжнѣйше люблю васъ. Позвольте мнѣ просить руки вашей.

Я обмерла, но обрадовалась. Сердце мое билось, какъ пойманная птичка. Я хотѣла говорить—и не могла.

— Вся жизнь моя будетъ посвящена вамъ и до гроба

я поставлю моимъ священнѣйшимъ долгомъ дѣлать васъ и сдѣлать жизнь вашу счастливой и пріятной.

— Какъ угодно матушѣ, вымолвила я.

— Но вы, вы сами согласны?

— Да, сказала я шопотомъ. Онъ взялъ мою руку и прижалъ ее къ груди. Сердце его билось такъ же сильно, какъ и мое. Я чувствовала его ускоренное бѣненіе подъ рукой моей.

— Сердце мое принадлежитъ вамъ и всегда вамъ одной принадлежать будетъ.

Я взглянула на него, освободила свою руку и, убѣжавъ къ себѣ, бросилась на постель. Я плакала, плакала . . . . но это были слезы радости и счастія. Я любила его всею душою, всѣмъ сердцемъ.

Матушка вошла въ мою комнату.

— Люба, сказала она, нѣжно цѣлуя меня, Федоръ Федоровичъ Семигорской сдѣлалъ мнѣ предложеніе. Онъ проситъ руки твоей. Это будетъ для меня счастіе. Согласна ли ты? Я вижу, что ты согласна, прибавила она, взглянувъ на меня. Я люблю его, какъ сына, увѣрена, что онъ будетъ тебѣ хорошимъ мужемъ.

Я бросилась въ ея объятія и, прерывая мой рассказъ слезами и поцѣлуями, не утаила отъ ней ни нашихъ прогулокъ, ни выговора тетущки, ни моего смущенія, ни моей радости, ни моей любви къ нему. Она слушала меня молча, съ умиленіемъ и гладила меня по головѣ.

— Зачѣмъ же ты не сказала мнѣ прежде, что ты любишь его?

— Я сама не знала, матушка, клянусь вамъ, не знала. Мнѣ было пріятно гулять съ нимъ, разговаривать... Я ничего не таила отъ васъ.

— Вѣрю, вѣрю! Ну, полно, не плачь. Я этого желала въ послѣднее время. Господь благослови васъ!..

Въ тотъ же день вечеромъ я сняла свое траурное платье и одѣлась въ бѣлое. Обычай строго запрещалъ невѣстѣ носить трауръ. Бабушка была въ восторгѣ. Всѣ осыпали меня ласками. Праздникъ насталъ для семьи нашей. Нынче ужъ не умѣютъ такъ праздновать и такъ ра-

доваться, такъ умиляться въ важныхъ случаяхъ семейной жизни. Чинности нынче много не встаетъ, а задушевности меньше.

На другой день мы всѣ отправились къ обѣднѣ. Даже матушка сняла трауръ и надѣла бѣлое декосовое платье. Бабушка и тетушки нарядились въ парадныя платья. Въ церкви женихъ мой сталъ рядомъ со мною. Послѣ обѣдни, безъ гостей, безъ чужихъ, меня благословили образами и обручили. Я, не смотря на отсутствіе гостей, одѣлась по желанію матушки въ бѣлое кисейное платье, съ розами въ моихъ черныхъ волосахъ. Никогда я не помышляла о красотѣ и была очень удивлена, что не только женихъ мой, но и все семейство говорило, что я одѣта къ лицу и хороша собою. Матушка желала видѣть меня нарядною, какъ прилично невѣстѣ, и говорила, что нарядъ придаетъ торжественность важнымъ эпохамъ въ жизни. Женихъ подарилъ мнѣ кольцо съ брилліантомъ на тоненькомъ ободочкѣ, которое называли тогда *супиромъ*.

«J'ai bien soupiré après ce bonheur, сказалъ онъ мнѣ, надѣвая кольцо на мой палецъ, и нѣсколько разъ поцѣловалъ мою руку, прибавивъ: «je suis le plus heureux des hommes».

ХІІ.

Всю осень я наслаждалась полнѣйшимъ счастіемъ, которое раздѣлило все мое семейство. Федоръ Федоровичъ имѣлъ родство, почтенное и хорошее состояніе. Я по обычаю написала письма ко всѣмъ роднымъ его и получила самые любезные и лестные отвѣты, въ особенности отъ матушки свекрови, которая души не слыхала въ единственномъ сынѣ.

Матушку пугала мысль, что я должна была жить всегда съ свекровью и свекромъ, но я не опасалась будущаго, мнѣ казалось большимъ счастіемъ стать дочерью родныхъ моего жениха и я рѣшилась приобрѣсть любовь ихъ. Моя будущая свекровь осыпала меня подар-

ками и переслала мнѣ мало по малу свои семейные брилліанты. Сперва я получила прекрасный брилліантовый гребень, потомъ пряжку для пояса, тоже брилліантовую значительной цѣны. Съ какимъ удовольствіемъ приносила мнѣ женихъ всѣ эти подарки, и расточалъ мнѣ вниманіе и нѣжность, которыми я дорожила болѣе всего. Наконецъ поздней осенью пріѣхали его родные. Съ какимъ страхомъ не понравится встрѣтила я его мать, но вышло иначе. Съ перваго взгляда я ей приглянулась, а позднѣе она полюбила меня. Мои родные старались на перерывъ принять и угостить на славу родныхъ жениха. Нашъ большой Щегловскій домъ былъ полнехонееъ и, казалось, раздвинулся, чтобы вмѣстить его родныхъ, тетю, вузину и дядей. Братъ Николаша тоже пріѣхалъ изъ Петербурга; онъ ужъ вышелъ изъ школы юнкеромъ и долженъ былъ быть скоро произведенъ въ офицеры. Онъ былъ милъ, веселъ и любезенъ со всѣми. Его встрѣча съ моимъ женихомъ была трогательна. Еще не зная другъ друга, они встрѣтились по дружески, и каждый изъ нихъ, ради меня, горѣлъ желаніемъ стать другому братомъ. Къ счастью, впоследствии, жизнь не развела ихъ, напротивъ, тѣснѣе соединила. Они всю жизнь любили другъ друга и почитались братьями и искренними друзьями.

Дѣвичникъ справили по уставу старины; мое приданое было разложено въ залѣ; призванный священникъ благословилъ его и окропилъ святою водою, затѣмъ всѣ дѣвицы и мои сестры принялись помогать горничнымъ укладывать его въ красные сафьянные кованные жестью сундуки. Его закупили тотчасъ, но такъ какъ я оставалась гостить въ Щегловѣ, то перенесли во флигель, который былъ назначенъ для молодыхъ, и который бабушка отдѣлала чрезвычайно богато по тогдашнему времени. Что было хохота, говора и веселости на дѣвишникѣ! Николаша прельстилъ всѣхъ своею добродушною веселостію и любезностію съ дѣвицами. На другой день онъ обувалъ меня, по обычаю, къ вѣнцу и, прощаясь со мною, положилъ червонецъ въ башмакъ мой. Нѣжно цѣлуя меня онъ сказалъ:

«Ходить тебѣ на золотѣ всю жизнь!» И ходила я всю жизнь, если не на золотѣ по богатству, то въ богатствѣ несмѣтномъ любви и нѣжности ко мнѣ мужа.

Свадьбу мою съиграли пышно, не забывъ ни одного обычая, ни одного повѣрья. Она произошла вечеромъ, какъ всѣ дворянскія свадьбы того времени, при роскошномъ освѣщеніи дома, церкви и всей усадьбы, при большомъ стеченіи народа со всѣхъ окружающихъ селъ и сѣздъ сосѣдей. На широкомъ дворѣ угощали крестьянъ съ ранняго утра, въ подклѣтѣхъ и въ заднихъ комнатахъ Анна Федоровна, разряженная въ пухъ, важно угощала дворовыхъ, а Федосья-калмычка, съ прыгавшими отъ радости маленькими глазками, обила всѣ пятки, какъ сама говорила, угощая бѣдныхъ мелкопомѣстныхъ сосѣдей, пріѣхавшихъ на свадьбу. Словомъ, всѣ безъ исключенія и набѣгались и навеселились въ день моей свадьбы и нарадовались великою радостію. Когда я вошла въ бабушкину домовую церковь, въ пышномъ нарядѣ, ведомая посаженнымъ отцемъ, дядей генераломъ Дмитріемъ Федоровичемъ Кременевымъ въ полной формѣ и во всѣхъ орденахъ, то увидѣла правую сторону церкви наполненною родными жениха, стоявшими позади его. При первыхъ звукахъ концерта: «Се грядетъ голубица» онъ отдѣлился отъ своей семьи, пошелъ мнѣ на встрѣчу, на самомъ порогѣ церкви взялъ мою руку изъ руки посаженаго отца, и повелъ къ налою, отдѣливъ такимъ образомъ меня отъ семьи моей. Матушка говорила мнѣ послѣ, что это была жестокая для нея минута, что ей показалось, что дочь уведена отъ нея безвозвратно, а для меня это была торжественная, поэтическая минута. Объ этомъ обыкновеніи встрѣчать невѣсту у порога и уводить ее къ налою заключался смыслъ и указаніе — мы оба оторвались отъ нашихъ семей и должны были, какъ мужъ и жена, составить новый центръ, новую семью. Но Богъ судилъ иначе. Мы жили счастливо, не-описанно счастливо, другъ для друга и другъ въ другѣ, но Богъ благословилъ насъ дѣтьми, чтобы вскорѣ отнять ихъ. Счастіе мое было такъ велико, что я перенесла

безропотно и это испытаніе. Мой дорогой мужъ наполнилъ мое сердце, и любовь его залечила материнскую рану.

Послѣ свадьбы мы прогостили въ Щегловѣ около двухъ недѣль и жили во флигелѣ; часто матушка приходила вечеркомъ посидѣть съ нами и, къ великой моей радости, я видѣла, что она переноситъ часть любви своей къ Сережѣ на моего мужа. Однажды она сказала мнѣ:

— Ты не вышла замужъ, а ты привела мнѣ въ домъ милаго сына.

Съ своей стороны мужъ мой старался всячески приобрѣсть любовь моего семейства, въ чемъ и успѣлъ совершенно.

Потомъ отправились мы къ роднымъ мужа моего и поселились съ его родителями въ Ярославской губерніи, въ селѣ Привольи. Матушка свекровь полюбила меня и баловала всячески. Жизнь моя подлинно текла молокомъ и медомъ. Послѣ смерти его родителей мы часто ѣзжали въ Москву и всякій годъ навѣщали матушку, до дня ея кончины.

Такъ, въ рѣдкомъ согласіи, прожила я съ мужемъ 32 года. Я была уже старухою, а онъ любилъ меня пожалуй больше, чѣмъ въ первые годы, и лелѣялъ меня все также. Когда мужъ мой 60 лѣтъ отъ роду почувствовалъ приближающуюся смерть, то, подозвавъ меня, взялъ мою руку, положилъ ее на грудь свою и сказалъ чуть слышно:

— Сердце мое принадлежитъ и всегда принадлежало тебѣ одной!

Это были послѣднія слова его. Онъ отошелъ, держа руку мою на сердцѣ своемъ и сказалъ мнѣ, умирая, тѣ же самыя слова, какія говорилъ признаваясь мнѣ въ любви своей и прося моей руки. Такимъ образомъ мы начали нашу жизнь вмѣстѣ и окончили ее при однихъ и тѣхъ же словахъ, сказанныхъ имъ мнѣ и выражавшихъ искреннее, простое, но глубокое чувство.

Евгенія Туръ.

Москва.

Октябрь, 1878.

ГЛАВА XI.

Не безъ основанія бояринъ Милославскій и князь Голицынъ предупреджали правительницу. Смуты и волненія стрѣльцовъ не только не утихали, но напротивъ принимали все большіе и большіе размѣры.

Кромѣ того, что расходившееся раздраженіе не могло само собой скоро улечься, его постоянно поддерживали и пропойки награбленныхъ боярскихъ богатствъ, и легкость добыванія денегъ, и возможность, какъ будто узаконенная самоуправства, а главное, мятежныя рѣчи раскольническихъ поповъ. Въ особенноти отличался, любимый начальникомъ княземъ Хованскимъ, полкъ Титовъ.

Начало раскола относится къ государствованію царя Алексѣя Михайловича. Съ тѣхъ поръ расколъ, вслѣдствіе неудачныхъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ, постепенно принималъ прочное положеніе, проникая во всѣ слои общества, даже въ церковь и царскій дворъ, приобретаая фанатическихъ послѣдователей, запечатлѣвшихъ кровью преданность своимъ убѣжденіямъ. Поводомъ къ расколу послужила мѣра разумная и совершенно необходимая, но, къ несчастью, въ исполненіи допустившая жестокость насилія, немислимаго въ сферѣ внутреннихъ убѣжденій.

Переведенныя еще въ VIII столѣтіи съ греческаго языка славянскими апостолами богослужебныя книги отъ умысленныхъ и неумысленныхъ ошибокъ переписчиковъ, заключали въ себѣ весьма большія уклоненія отъ подлинниковъ и даже разнились между собою. Требовалось исправленіе ихъ по лучшимъ стариннымъ рукописямъ, и наши святители заботились объ этомъ ревностно и усердно. Къ сожалѣнію выборъ лицъ, назначенныхъ къ сличенію и исправленію книгъ, оказался въ высшей степени неудачнымъ. Избранные протопопы Аввакумъ, Иванъ Периновъ, попы Лазарь и Никита, діакопъ Федоръ Ивановъ, по незнанію греческаго языка, не могли

руководствоваться подлиннымъ текстомъ, а потому, ограничиваясь только древними славянскими рукописями, нерѣдко разнорѣчивыми между собою, принимали текстъ своеобразный, по своимъ толкованіямъ и личнымъ взглядамъ. Такимъ образомъ въ кругъ служебныхъ книгъ, напечатанныхъ около половины XVII столѣтія, вошли ложныя ученія о двуперстномъ крестномъ зваменіи, о сугубой аллилуіи, въ символъ вѣры прибавлено о св. Духѣ слово «истиннаго» и проч.

Такое искаженіе церковныхъ книгъ тотчасъ же было замѣчено, какъ у насъ внутри государства, такъ и за границей. Никонъ, бывшій въ то время митрополитомъ Новгородскимъ, энергически писалъ объ этомъ патриарху Іосифу и требовалъ исправленій. Монахи Афонской горы, получивъ эти книги, въ которыхъ заключалось ученіе о двуперстномъ крестѣ, сожгли ихъ на соборѣ и объ этомъ написали въ Москву. И наконецъ, бывшій въ 1649 году въ Москвѣ, Іерусалимскій патриархъ Паисій призналъ напечатанныя книги отступленіями отъ правилъ восточной церкви.

Всѣ эти заявленія открыли глаза патриарху Іосифу, но зло было уже сдѣлано. Патриархъ, отстранивъ Аввакума и его товарищей отъ печатанія церковныхъ книгъ, вызвалъ для этого изъ Кіева людей ученыхъ и православныхъ, которымъ и поручилъ пересмотрѣть уже изданныя.

Но еще болѣе ревности по исправленію книгъ оказавъ, вступившій въ управленіе церковью, Никонъ. Сознавая, что толкованія лжеучителей имѣли значительный успѣхъ въ народѣ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ ученія ихъ получили какъ будто освященіе изданіемъ печатныхъ книгъ, Никонъ нашолъ необходимымъ всенародно на соборѣ 1654 года поставить вопросъ: должно ли руководствоваться вышедшими печатными московскими книгами, несогласными съ греческими, или же держаться древнихъ греческихъ и славянскихъ, которымъ слѣдовали восточныя церкви и московскіе святители?

По единогласному мнѣнію собора положено было исправить вновь изданныя книги по древнимъ оригиналамъ греческимъ и славянскимъ, на что испросить благословенія восточныхъ патріарховъ. Присылая на такое святое дѣло свое благословеніе, патріархъ Паксій прислалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и самый вѣрный списокъ Никейскаго символа вѣры для обличенія Аввакума относительно члена о св. Духѣ.

Заручившись опредѣленіемъ собора и одобреніемъ вселенскихъ іерарховъ, Никонъ съ обычной своей энергіей принялся за исправленіе, изданныхъ при его предшественникахъ, церковныхъ книгъ. Добросовѣстная по вѣрва этихъ книгъ лицами просвѣщенными и сличеніе ихъ съ огромнымъ запасомъ, какъ греческихъ, такъ и славянскихъ оригиналовъ, обнаружили не одно невѣжество прежнихъ издателей, но и умысленныя искаженія. Вслѣдствіе этого бывшіе издатели были преданы суду и обвинены: Аввакумъ сосланъ въ Сибирь къ берегамъ Байкала, а князь Львовъ, начальникъ типографіи, завѣдывавшій изданіями, заключенъ въ Соловецкій монастырь. Ученія ихъ о двуперстномъ знаменіи и сугубой аллилуіи, какъ въ Россіи, такъ и въ Греціи, признаны уклоненіями, а патріархъ Макарій, бывший въ Москвѣ въ 1655 году, предалъ послѣдователей анафемѣ.

Новыя книги изданы, а старыя стали отбираться къ уничтоженію. Вмѣстѣ съ уничтоженіемъ старыхъ книгъ началась по церквамъ принудительная замѣна иконъ стараго письма — новымъ, живописнымъ. Такой крутой поворотъ, дѣйствовавшій не путемъ убѣжденія, а силою власти, не могъ не взволновать умы, склонные упорно держаться старыхъ порядковъ. Въ ихъ глазахъ всякое улучшеніе казалось пагубной новизной, всякая свѣжая мысль обличала опаснаго новатора. Къ несчастью еще большему, крутой и гордый Никонъ, возбудивши противъ себя суровостью требованій большинство общества, въ это критическое время вовлекся въ открытый самонадѣянный споръ съ государемъ. Это обстоятельство развязало руки

врагамъ его и побудило ихъ даже къ открытому осужденію всѣхъ его дѣйствій. Ободрились и послѣдователи старыхъ книгъ и ободрились до того, что ученые Аввакума, Авраамій, Никита и Лазарь осмѣлились даже подать царю челобитную о старой вѣрѣ и выпустить нѣсколько сочиненій въ ея защиту. Самъ ересіархъ Аввакумъ, успѣвъ убѣждать изъ ссылки, явился въ Москвѣ и былъ принятъ тамъ съ большимъ почетомъ.

При такой обстановкѣ, конечно, не могли имѣть серьезнаго вліянія ни соборы греческихъ и русскихъ святителей, одобрявшихъ всѣ распоряженія Никона подѣламъ церковнымъ, ни увѣщанія восточныхъ патріарховъ, ни царскія грамоты. Послѣдователи старыхъ книгъ упорно держались своихъ убѣжденій и образовали собою первую основу раскола, подъ именемъ старообрядцевъ.

Расколу держались и въ простомъ народѣ и при царскомъ дворѣ и въ чернецахъ. При царскомъ дворѣ двѣ знатнѣйшія боярыни, сестры, урожденныя Соковнины, Феодосія Прокопьевна (вдова боярина Глѣба Ивановича Морозова) и Евдокія Прокопьевна (жена боярина князя Петра Семеныча Урусова) предпочли перенести всевозможныя угнетѣнія, чѣмъ отречься отъ раскола. Они умерли въ Боровскомъ заключеніи, заслуживъ у раскольниковъ славу преподобныхъ мученицъ.

Упорство чернецовъ Соловецкой братіи разразилось открытымъ бунтомъ и хотя въ царствованіе Алексѣя Михайловича усмирился мятежъ, но не искоренилось упорство раскольниковъ. Напротивъ того, крутыя мѣры приводили раскольниковъ еще къ большому ожесточенію, еще къ большому ослѣпленію. Они разсѣялись по поморью, завели въ недоступныхъ глухихъ мѣстахъ скиты и сдѣлались рассадникомъ для дальнѣйшихъ развѣтвленій. Правительство, послѣ смерти Алексѣя Михайловича, прибѣгло къ крайнимъ жестокимъ мѣрамъ. По настоянію патріарха Іоакима, главные ересіархи Аввакумъ и Лазарь были сожжены всенародно, и указано сжигать въ

«срубяхъ всѣхъ, упорно держащихся раскола. Вслѣдствіе такого гоненія раскольники становились ожесточеннѣе и многочисленнѣе, — въ особенности въ самой Москвѣ между стрѣльцами.

Назначеніе князя Хованскаго, придерживающагося раскола и обожаемаго раскольниками, должно было имѣть громадное вліяніе. И дѣйствительно, въ двадцатыхъ же числахъ Мая стрѣльцы Титова полка начали составлять круги съ цѣлью взискать старую вѣру. Они составили челобитную, въ которой, дерзко обвиняя православныхъ пастырей, упрекали ихъ въ томъ, «будто они повелѣваютъ христіанамъ ходить безъ крестовъ по татарски, признаютъ Спасителя грѣшникомъ, не вѣруютъ въ пришествіе Сына Божія, не проповѣдуютъ Воскресенія Христова, допускаютъ моленіе въ лукавому духу, умершихъ, вмѣсто елея, посыпаютъ пепломъ, отвергаютъ животворящій крестъ Господень отъ пегга, ведра и кипариса, замѣнивъ его крещемъ латынскимъ, заставляютъ креститься тремя перстами, а не двумя, вопреки преданія св. отецъ, отвергаютъ сугубую аллилуію, издревле установленную, въ молитвѣ господней не именуютъ Іисуса Христа Сыномъ Божиимъ, искажаютъ символъ вѣрм, исключивъ изъ члена о Духѣ Святомъ слово «истиннаго», въ троицкой вечернѣ молятся по римски, стоя на колѣняхъ, не преклоняя главы, допускаютъ истощеніе св. Духа, печатаютъ новые служебники несогласно съ древними харатейными, совершаютъ службу не на седми просфорахъ съ истиннымъ крестомъ, а на пяти съ крещомъ латынскимъ, вмѣсто жезла святителя Петра чудотворца носятъ жезлы съ провлятыми змїями, искажаютъ иноческій чинъ, надѣвая влобуки, каеъ бабы, и наконецъ греческими книгами истребили христіанскую вѣру до такой степени, что и слѣдовъ православія не осталось».

Когда эта челобитная была прочитана въ сѣзжей избѣ Титова полка Саввою Романовымъ, бывшимъ келейникомъ архимандрита Макаріева—Желтоводскаго мо-

настыря, раскольники стрѣльцы умилились и повлялись стоять за истинную вѣру, не пада живота своего. Одинъ экземпляръ челобитной оставленъ былъ въ Титовомъ полку за рукоприкладствомъ девяти стрѣleckихъ полковъ и Пушкарскаго приказа, а другой былъ переданъ князю Хованскому для представленія на царское усмотрѣніе. Князь Иванъ Андреичъ благосклонно принималъ челобитную и обѣщалъ свое содѣйствіе, посовѣтовавъ имъ выбрать для словопренія искуснаго книжника, таеъ какъ представители раскольниковъ, посадскіе люди, Никита Борисовъ, Иванъ Курбатовъ, Павелъ Захарьевъ, келейникъ Савва Романовъ и Нижегородскій чернецъ Сергій далеко не могли назваться искусными адвокатами.

Для защиты своихъ убѣжденій стрѣльцы вызвали въ Москву книжныхъ ересіарховъ отцовъ Великоламскихъ пустынь: Савватія, Дороея и Гавриила, но самымъ горячимъ адвокатомъ выступилъ на сцену извѣстный *Никита Пустосвятъ*. Бывшій Суздальскій священникъ, отличавшійся краснорѣчіемъ, Никита писалъ еще при Никонѣ въ защиту раскола и съ такимъ успѣхомъ, что вызвалъ появленіе противъ себя особаго сочиненія «Жезлъ» Симеона Полоцкаго. За упорное распространеніе раскола Никита Пустосвятъ соборомъ 1667 года лишенъ былъ священства и сосланъ въ заточеніе. Вскорѣ послѣ того онъ притворился раскаявшимся и просилъ патріарха Іоакима о помилованіи. Обманутый патріархъ освободилъ его, но не возвратилъ однакожь священническаго сана. Съ тѣхъ поръ Никита Пустосвятъ жилъ постоянно въ Москвѣ, распространяя расколъ.

Князь Хованскій, лично зная Никиту и считая его за достойнаго соперника патріарху, слышшему между раскольниками подъ названіемъ «хищнаго волка», совершенно одобрилъ выборъ стрѣльцовъ. Полный увѣренности въ побѣдѣ, онъ настаивалъ передъ царевной Софьей о назначеніи словопренія 23 іюня, но правительница отклонила...

ГЛАВА XII.

Вечеромъ 4 іюля въ одной изъ комнатъ солидно устроеннаго дома, передъ отходомъ ко сну, князь Иванъ Андреичъ по обычаю читалъ душеспасительную книгу. Но, или князь былъ плохой грамотей, или печать отъ частаго употребленія сдѣлалась неудобочитаемою, или мѣшало неправильное освѣщеніе отъ лучей западавшаго солнца, лившихся въ комнату черезъ мелко стекольную раму и непрерывно мѣнявшихся цвѣтами въ тѣни оловяныхъ переплетъ, или, что всего вѣроятнѣе, самъ князь былъ настроенъ не для такого навидательнаго занятія, только его чтеніе въ полувслухъ какъ то не клеилось, звуки выходили отрывистыми, непонятными и раздѣлялись значительными паузами. А между тѣмъ книга была поучительная и вразумительная: въ ней заключались и *страданіе священно-протопопа Аввакума много-терпѣливаго и житіе многострадальнаго Іоанна отъ Великихъ Лукъ и страданіе за древнее благочестіе Василія иже бысть Крестецкаго Яму и многа Авраамія, выписано о времени семъ елико отъ отецъ навывокъ, реку тебѣ, разсуди писанія, да познаеши время совершенно.*

Мысли боярина никакъ не могли, несмотря на всѣ усилія чтеца, сосредоточиться ни на Аввакумѣ, ни на Василии, ни на Іоаннѣ. Они поглощались болѣе интереснымъ—самимъ собою.

«Оклеветанъ же бысть отъ нѣкоего боярина ко царю, яко держится древняго благочестія и отвращаетъ народы, еже къ церкви Божіей не приходити и новаго ученія не слушати», произносятъ безсознательно губы боярина, а въ головѣ слагается другая нить мыслей: царица видимо не хочетъ допустить всенароднаго словопренія, не хочетъ торжества истиннаго православія и изгнать хищнаго волка... пусть пеняетъ на себя. Меня грѣшнаго и ничтожнаго избралъ Господь орудіемъ своей

пресвятой воли, по пророчеству отца Никиты, и я повинуюсь призванію. Пусть погибнуть всё претасціе мнѣ.

«Посылаетъ царь гонцы по Іоанна и ятъ бываетъ и къ судіи градскому представиша его. Судія же невѣроваше, зане возрастомъ бѣ Іоаннъ малъ и худощавъ и возопивъ гласомъ велиимъ» снова продолжаетъ читать князь, съ усиліемъ отбрасывая своенравныя мечты, и снова они помимо его воли отрываютъ отъ спасительныхъ словъ и уносятъ къ свѣтлому будущему: если въ праведномъ возстаніи христіанскихъ воевъ погибнетъ царскій родъ и исчезнетъ хищный волкъ — кому править царствомъ?.. конечно мнѣ, держащему и нынѣ тяжкія бразды правленія.. Да и въ комъ же теперь царскій родъ то? Іоаннъ слабъ и немощенъ... Петръ дѣтескъ, неразуменъ и склоненъ къ пагубнымъ забавамъ, а женщинамъ не подобаесть быть въ главѣ православнаго царства.. а можетъ царевна еще согласится раздѣлить со мной...

— Охъ... грѣшныя мысли одолеваятъ, проговорилъ князь, какъ будто очнувшись и снова монотоннымъ голосомъ продолжалъ читать.

— Во имя Отца и Сына и Св. Духа—послышался голосъ за дверью.

— Аминь. Гряди отче Никита, отвѣчалъ князь, поднимаясь съ скамьи.

Въ комнату вошелъ человѣкъ средняго роста, въ монашеской рясѣ, съ блѣднымъ лицомъ и съ длинной сѣдой бородой. Блуждающіе, огневые взгляды, непрерывно подергивающіеся углы рта, продолговатая и узкая форма головы обличали натуру нервную, увлекающуюся и фанатическую. Голосъ его былъ звономъ и довольно пріятенъ, только верхнія ноты выдавались рѣзкостью. Это былъ—Никита Пустосвятъ.

Князь подошелъ подъ благословеніе.

— Благо поучаться житіямъ многострадалныхъ пастырей древняго благочестія, чадо Іоанне, но теперь пришла пора дѣйствовать истиннымъ ревнителямъ.

— Я готовъ, отче Никита. Что прикажешь? съ поборностью отвѣчалъ князь.

— Слово мое одно, чадо: исхитить изъ рукъ хищнаго волка святительскій жезлъ и обличить всенародно на Красной площади у Лобнаго мѣста суемудрыя умыслы нечестивыхъ толкователей. Скажи мнѣ, что сдѣлалъ ты по моему слову?

— Наставлялъ я, святой отче, у правительницы ускорить словопреніе для обличенія и торжества истины, но царица видимо стоитъ за хищнаго волка и до сихъ поръ того словопренія не разрѣшила. Видя ее упорство въ защитѣ неправды, я вчера призывалъ въ Отвѣтную палату всю надворную пѣхоту и пушкарскій приказъ и спрашивалъ ихъ: готовы ли они ополчиться за вѣру православную? Когда они утвердили единодушно, я повелъ ихъ въ Крестовую палату и вызвалъ туда самого хищнаго волка.

— И ты выпустилъ его, чадо, изъ рукъ цѣла и невредима?

— Нельзя было, отче, его окружали всѣ власти. Силой братъ—нерѣшился, пожалуй стрѣльцы не послушались-бы... тогда хуже...

— Нѣтъ достойной ревности въ сердцѣ твоємъ, чадо. Что-жь дальше?

— По вызову моему вышелъ хищный волкъ и спрашиваетъ для чего мы пришли? Пришли, мы, надворная пѣхота, пушкари и всякихъ чиновъ люди, чернослободцы и посадскіе, отвѣчаемъ, просить объ исправленія стараго благочестія православной христіанской вѣры и какъ служили при великихъ князехъ и благовѣрныхъ царяхъ российскіе чудотворцы и святѣйшіе патріархи по старымъ книгамъ, такъ и нынѣ служить бы въ соборной церкви по тѣмъ же книгамъ единогласно и не матажно по апостолу: «единъ Господь и едина вѣра, едино крещеніе и единъ Богъ, отецъ всѣхъ». Потомъ стрѣлецъ Воробьица полка Алексѣй Юдинъ настойчиво допраши-

валъ почему оторнуты старыя книги, печатанныя при великихъ государяхъ и патріархахъ.

— А что-жъ хищный волкъ?

— Принялъ на себя, отче, личину смиренія. Я де не своей волей сѣлъ на апостольскій престолъ, а по выбору покойнаго государя царя Алексѣя Михайловича и по благословенію всего священнаго собора. Потомъ сталъ убѣждать, будто въ старыхъ книгахъ по незнанью вкрались ошибки. Я было испугался, отче, какъ-бы волкъ не смутилъ кого изъ нашихъ, еще не твердыхъ въ нашей истинной вѣрѣ, да благо выручилъ Павелъ Даниловецъ. Онъ съ похвальнымъ дерзновеніемъ спросилъ алчнаго волка: какъ же по старымъ книгамъ угодили Богу наши великіе святители и чудотворцы? Смутился волкъ и началъ ссылаться на наше невѣжество, не дѣло де наше судить о такихъ предметахъ, вы де чина воинскаго и не подобаетъ вамъ судить своихъ пастырей. Тутъ наши стали неотступно требовать и вызывать его на Красную для словопреній... Испугался волкъ и выходить рѣшительно отказался. Какъ-же намъ дѣлать, прикажи, отче!

— Принудить его нечестивца, силою его, чадо Іоанне, тащить. Тебѣ подобаетъ... Можешь приказать ему отъ имени царевны.

— Опасно... вѣдь не всѣ стрѣльцы держатся нашего православія, много изъ нихъ доселѣ пребываютъ въ вогтахъ дьявольскихъ, какъ-бы не навлечь на свою голову напрасной срамоты. Трепещетъ душа моя, отче.

— Маловѣренъ еще ты, чадо, и пути Божіи еще неоткрыты тебѣ. Внимай и уповай на меня, ибо Духъ Божій глаголетъ моими устами. Восторжествуетъ наше древнее благочестіе и погибнуть всѣ супротивныя порожденія сатаны.

— Кто же, отче, погибнуть? И царскій родъ погибнетъ? И цари и царевны?

— И цари и царевны погибнуть, и хищный волкъ и весь сонмъ лжеучителей.

— Кто же царствовать-то будетъ,—съ замраніемъ сердца спрашивалъ князь.

— Ты, чадо Іоанне, будешь царемъ православнымъ и превознесется глава твоя выше всѣхъ владыкъ земныхъ. Изъ царскаго рода произошелъ ты, чадо, и на царство возсядешь!

— Правда твоя, святитель, происхожу я изъ рода литовскаго короля Ягеллы.

— Пути грядущаго открыты мнѣ. Взоры мои видятъ вѣнецъ, опускающійся на главу твою, говорилъ вдохновеннымъ, глубоко-убѣжденнымъ голосомъ Никита. Глаза его горѣли безумнымъ огнемъ, руки, простертыя къ небу, дрожали, дрожалъ и весь самъ онъ въ припадѣвъ фанатическаго изступленія.

Принимая это болѣзненное явленіе за боговдохновенное пророчество, князь палъ ницъ передъ пророкомъ и едва слышнымъ голосомъ пыталъ будущее:

— Царевна Софья погибнетъ?

— Погибнетъ нечестивая.

— Царевна Катерина Алексѣевна?

— Тоже погибнетъ, если не приметъ нашего православія.

— Сынъ мой Андрей приведетъ ее, святой отче, къ нашему благочестію. Онъ задумалъ пріять ее себѣ въ жены.

— Пусть приведетъ заблудшую овцу къ вѣрному единому стаду и тогда получить благословеніе отъ пастыря.

Нервное возбужденіе начинало ослабѣвать, мускульная сила упала, и отецъ Никита съ закрытыми глазами опустился на скамью.

Просидѣвъ нѣсколько минутъ неподвижно, Никита поднялся и упавшимъ голосомъ сказалъ:

— Прощай, чадо Іоанне, приготовь все къ завтрашнему великому дню. Прикажи полкамъ слѣдовать при солнечномъ восходѣ въ Кремлю для исхищенія хищнаго волка.

— Буда градешь теперь, святой отче?

— Иду за Язуу въ слободу Титова полка, оттуда по другимъ полямъ и по всѣмъ градскимъ стогнамъ буду проповѣдывать слово истинное и призывать къ завтешнему подвигу на Красную площадь.

По уходѣ учителя и наставника, князь приказалъ дворецкому позвать очереднаго по его дому стрѣлцаго караульнаго десятника.

— Пошли стрѣльца по всѣмъ полковникамъ, подполковникамъ и пятисотеннымъ, приказалъ князь вошедшему десятнику, и оповѣсти отъ меня явиться сюда немедленно же. А самъ послѣ смѣны, когда воротиться въ слободу, передай мой приказъ съ завтешняго дня явиться ко мнѣ въ домъ не десяти стрѣльцамъ, какъ было до сихъ поръ, а сотнѣ, съ сотникомъ, вооруженными не одними саблями, а и мушкетами.

По выходѣ десятника, князя взяло раздумье. — Завтра, думалъ онъ, великій день. Завтра всѣ вои небесные ополчатся на злаго духа... и побѣда несомнѣнно останется за нами... Идти ли мнѣ завтра самому—забылъ спросить объ этомъ святаго отца. Если пойду—весь подвигъ останется за мной въ случаѣ удачи, а если будетъ неудача? Тогда... тогда... Нѣтъ, лучше я буду пребывать дома и молиться... Молитва—всесильное орудіе на одолѣніе врага Божія. Да... а какъ же стрѣльцы будутъ безъ пастыря, кто-жь будетъ руководить ими? Нѣтъ... лучше буду самъ.

ГЛАВА XIII.

Утромъ 5 Іюля въ слободѣ Титова полка проявилось особенное движеніе: суетились и волновались стрѣльцы этого полка, стекаясь толпами къ площадѣ передъ своей сѣзжей избой, куда прибывали, хотя и меньшими партіями, стрѣльцы и изъ другихъ полковъ. На площадѣ передъ избой служился молебень Никитой Пусто-

святомъ по раскольничему толку. По окончаніи молебна Никита, въ сопровожденіи нѣсколькихъ тысячъ стрельцовъ и простаго народа, постоянно все болѣе и болѣе прибывавшего, направился къ Кремлю для состязанія о вѣрѣ. Толпа представляла странный видъ и не могла не привлечь всеобщаго любопытства.

Впереди открывали шествіе двѣнадцать мужиковъ съ восковыми зажженными свѣчами. За ними шолъ самъ Никита съ крестомъ въ руцѣ, поднятой къ верху, громко говоря по обѣ стороны народу:

— Православные! стойте за истинную вѣру, православіе погibe на земли, ибо антихристъ насталь. Граду, братіе, очистить святую церковь отъ когтей хищнаго волка!

За Никитой по парно шли сподвижники его съ древними иконами, книгами, соловецкими тетрадами и налоями. Вся толпа, войдя въ Кремль, расположилась у церкви Михаила Архангела передъ царскими палатами, установила высокія скамьи, сложила на налои иконы, предъ которыми стали мужики съ зажженными свѣчами.

Устроившись, Никита и чернецы Сергій, два Савватія, проповѣдники Дороев и Гавріилъ разложили свои тетради и начали поучать народъ истинному православію, указывая на храмы, обращенные еретиками въ амбары и хлѣвы. Ихъ проповѣдямъ вторили неистовые крики буйныхъ, изступленныхъ изуверовъ, вызывающихъ патріарха на преніе.

Между тѣмъ патріархъ Іоакимъ съ высшимъ духовенствомъ, бывшимъ тогда въ Москвѣ, и со всѣмъ духовенствомъ Московскихъ церквей совершалъ молебенъ о спасеніи царства и церкви отъ мятежа раскольниковъ. Когда изступленные крики раздались близъ стѣнъ Успенскаго собора, патріархъ выслалъ протопопа Василия для вразумленія народа и обличенія Пустосвята. Посланный при себѣ имѣлъ копію съ той повинной, которою Никита еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ каляся въ своихъ еретическихъ заблужденіяхъ, умолялъ о прощеніи

и отрешался торжественно отъ раскола. Но обличеній отца Василія никто не слушалъ, самого его избили, повинную изорвали въ мелкіе клочки и только чудомъ могъ онъ спастись, скрывшись снова въ Успенскомъ соборѣ.

По окончаніи молебна и обѣдни, патриархъ съ духовенствомъ ушли въ Крестовую палату. Крики, вызывающіе патриарха, обратились въ оглушительный ревъ. Толпа, увеличиваясь съ каждымъ часомъ любопытными, наполнила всю кремлевскую площадь, но въ особенности свучивалась у Краснаго крыльца, гдѣ стоявшіе раскольники держали въ рукахъ камни для убіенія патриарха.

Князь Хованскій пошелъ въ Крестовую палату и передалъ патриарху желаніе государей, чтобы все духовенство, вмѣстѣ съ патриархомъ, пришло во дворецъ черезъ Красное крыльцо. Испуганный патриархъ, опасаясь насилій отъ изступленной толпы, не согласился. Тогда князь явился къ правительницѣ.

— Укажи, царевна, патриарху выйдти на площадь къ народу для словопренія, докладывалъ Хованскій.

— Для какого словопренія, князь, съ кѣмъ и о чемъ? спросила царевна почти ровнымъ голосомъ, едва обличавшимъ признаки внутренняго волненія.

— Видишь, государыня, на площади чернецовъ съ книгами? Они желаютъ говорить съ патриархомъ о вѣрѣ.

— Кто жъ ихъ позвалъ сюда? Кто позволилъ?

— Самовольно, царевна. За нихъ стоятъ весь народъ Московскій и стрѣльцы. Посмотри въ окно, какая давка у Краснаго крыльца.

— И князь Хованскій, глава, начальникъ стрѣльцовъ, любимецъ ихъ, допустилъ къ такому своевольству!? Не ожидала.

— Что-жъ могу сдѣлать одинъ противъ всего народа? Опасаюсь того же, что было пятнадцатаго Мая, если не будетъ уважено. Я готовъ защищать тебя до послѣдней капли крови... но...

— Хорошо, князь.

Послѣ минутнаго раздумья, твердая рѣшимость соедалась, голосъ отвердѣлъ.

— Хорошо. Повози патриарха ко мнѣ во дворецъ, со всѣмъ духовенствомъ.

Князь вышелъ.

По выходѣ князя, Софья Алексѣевна тотчасъ подовала двухъ страпчихъ и послала перваго къ патриарку передать секретное приказаніе спѣшить во дворецъ, но не черезъ Красное крыльцо, а чрезъ лѣстницу Рязположенскую, а втораго отыскать и привести сейчасъ же стрѣльцкихъ начальниковъ полковниковъ Цыклера, Озерова, Петрова и пятисотеннаго Бурмистрова.

Между тѣмъ къ царевнѣ собрались, исключая государей, почти всѣ члены царскаго семейства: царевна Татьяна Михайловна, царица Наталья Кирилловна, царевна Марья Алексѣевна, множество бояръ, окольничихъ и другихъ думныхъ чиновъ. Пришолъ и патриархъ черезъ Рязположенскую лѣстницу. Въ то же время прочее духовенство съ книгами и свертками переходило черезъ Красное крыльцо. Труденъ и опасенъ былъ этотъ небольшой переходъ съвозъ тѣсно сплоченную народную массу, но къ счастью онъ совершился безъ особенныхъ приключеній. Приготовившись убить патриарха во время перехода, изувѣры, не вида его въ числѣ духовенства, не сдѣлали и прочимъ никакого насилія.

Вскорѣ явились въ царскій дворецъ отысканные стрѣльцкіе полковники Цыклеръ, Озеровъ, Петровъ и пятисотенный Бурмистровъ.

— Я призвала васъ, сказала имъ правительница, зная ваше усердіе и преданность намъ. Мятежные отступники отъ вѣры православной съ угрозой и насиліемъ требуютъ состязанія съ патриархомъ. Я согласилась дозволить это преніе въ надеждѣ образумить изувѣровъ, но хочу сама присутствовать на немъ. Вамъ приказываю быть тутъ-же и охранять насъ, святѣйшаго патриарха, православное духовенство и преданныхъ намъ

бояръ. Вы отвѣчаете за безопасность своей головой... а за вѣрную службу обещаю награды.

— Какъ, государыня, вскричалъ воротившійся во дворецъ князь Хованскій, ты сама хочешь присутствовать на словопреніи! Невозможно! Ради своей безопасности, ни ты, ни государи не должны показываться передъ разъяренной толпой...

— Неужели ты думалъ, князь, что я покину святую церковь и нашего пастыря. Если необходимо словопреніе, то... я назначаю соборъ въ Грановитой палатѣ. Я иду туда, и пусть идутъ за мной всѣ, кто пожелаетъ. Вы, полковники, выберите надежныхъ стрѣльцовъ и будьте тамъ, а ты, князь, позови чернецовъ въ Грановитую.

Вслѣдъ за правительницей пошли царица Наталья Кирилловна, царевны Татьяна Михайловна и Марья Алексѣевна, духовенство и вся Государева Дума.

Назначеніе составленія въ Грановитой палатѣ и выборъ надежныхъ стрѣльцовъ разрушали всѣ предположенія раскольниковъ. То, что казалось возможно и легко на площади среди несмѣтной массы, въ хаосѣ общаго движенія, крика и шума, становилось невозможнымъ въ палатѣ, гдѣ за размѣщеніемъ царскаго семейства, духовенства, членовъ Думы, выборныхъ стрѣльцовъ и чернецовъ оставалось слишкомъ мало мѣста для народа. Быстрое соображеніе царевны сказалось и выручило въ рѣшительную минуту.

Ошеломленный князь вышелъ на площадь и объявилъ, что государыня царевны желаютъ лично сами слышать челобитную и присутствовать при словопреніи, а какъ имъ на площади быть зазорно, то и приказали отцовъ ввести въ Грановитую палату.

Масса заволновалась.

— Бояринъ, государь-батюшка, первымъ выступилъ впередъ чернецъ Сергій. Идти намъ въ палату опасно... тамъ мы будемъ одни... народу не пустать, а что мы сдѣлаемъ безъ народу? Пошли лучше хищнаго волка сюда: передъ всѣмъ народомъ препираться...

— Никому не воспрещено быть въ палатѣ, отвѣчалъ князь, а если вы боитесь, святые отцы, то, влянусь пречистою кровью Спасителя, вамъ не сдѣлаютъ никакого зла. Что будетъ со мной, то будетъ и съ вами.

Мятежники колебались, но не колебался Никита, фанатически преданный своему дѣлу.

— Идемъ! вскричалъ онъ, и вся многочисленная толпа его сподвижниковъ двинулась къ дворцу на Красное крыльцо. Здѣсь произошло смятеніе: ломившійся народъ встрѣтился съ возвращавшимися въ Успенскій соборъ священниками, относившими въ дворецъ церковныя книги. Началась драка; нѣсколько священниковъ было изувѣчено и избито, остальные разбѣжались.

Шумно ввалилась толпа въ Грановитую палату, гдѣ уже находилось царское семейство, духовенство и бояре. На царскихъ тронахъ сидѣли царевны Софія Алексѣевна и Татьяна Михайловна, ниже ихъ, въ креслахъ, царица Наталья Кирилловна и Марья Алексѣевна, на особомъ креслѣ патриархъ; на правой рукѣ отъ троновъ размѣстились митрополиты: Корнилій Новгородскій, Никифоръ Астраханскій, Павелъ Сибирскій, Иона Ростовскій, Марвелъ Псковскій, Варсонофій Сарскій, Филаретъ Нижегородскій, Павелъ Рязанскій, архіепископы: Семенъ Вологодскій, Сергій Тверской, Никита Коломенскій, Афанасій Холмогорскій, Герасимъ Устюжскій, епископы: Леонтій Тамбовскій и Митрофанъ Воронежскій, архимандриты, игумены и священники. На лѣвой сторонѣ члены Государственной Думы, между которыми былъ и князь Хованскій, дьяки, придворные и выборные стрѣльцы.

Впереди толпы раскольниковъ ворвались въ палату двѣнадцать мужиковъ съ зажженными восковыми свѣчами, за ними сотоварищи Никиты съ иконами, книгами, тетрадами и налоями; наконецъ самъ Никита съ крестомъ въ рукѣ, поддерживаемый подъ руки Дорофѣемъ и Гавриломъ. За Пустосвятомъ слѣдовали чернецы Сергій и два Савватія. Едва поклонившись царскому семейству и отворотившись отъ духовенства раскольники спѣ-

шли разставить налог и разложить на нихъ иконы, книги и тетради. Впереди каждого налога сталъ мужикъ съ свѣчей.

— Зачѣмъ вы пришли сюда въ царскому дворцу въ такомъ множествѣ, съ угрозами и насиліемъ? спросила царевна, сурово смотря на вошедшихъ.

— Пришли мы, отвѣчалъ Никита, отъ всего народа Московскаго и всѣхъ православныхъ христіанъ просить о восстановленіи старой истинной вѣры, какъ было при покойномъ благовѣрномъ государѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и святѣйшемъ патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ и чтобъ церкви Божіи были въ мирѣ и согласіи, а не въ мятежѣ и раздраженіи.

— Не ваше дѣло—исправленіе церковное, замѣтилъ патріархъ. Заботятся объ этомъ архіереи, которые носятъ на себѣ образъ Христовъ и имѣютъ власть вязать и разрѣщать. Ваша же обязанность повиноваться общей нашей матери соборной апостольской церкви и всѣмъ архіереямъ, пекущимся о вашемъ спасеніи. Вѣра наша стараго православія греческаго закона, исправленная съ греческихъ и нашихъ славянскихъ харатейныхъ книгъ по грамматикѣ, отъ себя мы ничего не внесли, вы же грамматическаго...

— Пришли мы, съ пылкостью перебилъ его Никита, не о грамматикѣ разсуждать, а о догматѣ вѣры.

— Да знаешь ли ты самъ, что такое вѣра и въ чемъ различіе старой вѣры отъ новой? спросила правительница, обращаясь къ Никитѣ.

— Старая вѣра спасаетъ души, а новая ведетъ къ гибели. Старая вѣра наша, а новая послѣдователей антихриста Никона.

— Я тебя спрашиваю, что такое вѣра? повторила вопросъ царевна.

— Не вопрошать слѣдуетъ о вѣрѣ, а слѣдовать ея ученію, никто изъ истинныхъ сыновъ православія и не будетъ спрашивать объ этомъ, только сподвижники антихриста...

— Какъ-же ты смѣлъ явиться сюда, когда самъ не знаешь, чего требуешь? Какъ смѣлъ ты надѣть на себя одежду священника, когда ты лишился ея? Забылъ развѣ свою повинную блаженной памяти отцу нашему, святѣйшему патриарху и всему собору съ великою клятвою никогда впредь не бить челомъ о вѣрѣ!

— Правда, приносилъ я повинную да за мечемъ, да за срубомъ и та повинная не въ повинную. А сана моего священническаго не могъ меня лишить хищный волкъ, такъ какъ самъ онъ антихристъ и нѣтъ у него власти надъ истинными православными...

— Молчи! съ гнѣвомъ перебила правительница.

— Не я говорю, а Духъ Божій говоритъ устами моими. Подавалъ я собору челобитную о вѣрѣ, которую писалъ семь лѣтъ, а что было отвѣтомъ? тюрьма да испытанія. Написалъ, правда, противъ нея Симеонъ Полоцкой книгѣ «Жезль» да въ ней не разобрано и пятой доли моей челобитной. Такъ я теперь готовъ разобрать этотъ Жезль и очистить...

И рѣчь фанатива ересіарха полилась обильнымъ потокомъ витіеватыхъ толкованій и хитрыхъ софизмовъ опытнаго оратора, ловко направленная, чтобъ смутить скромнаго и не бойкаго патриарха. Но этотъ ударъ встрѣтилъ противникъ опытный и сильный—Афанасій архіепископъ Холмогорскій, іерархъ очень почитаемый и, главное, основательно знакомый съ раскольничими софизмами.

— Какъ смѣлъ? Я не тебѣ говорю, а патриарху. Развѣ выше господи становится? въ бѣшенствѣ закричалъ онъ, бросаясь на архіепископа, съ поднятыми кулаками. Выборные стрѣльцы едва могли защитить Афанасія отъ насилія.

— Видите-ли буйство Никиты! закричала правительница, вставая съ трона, въ нашемъ присутствіи осмѣливается бить архіерея, что-жь будетъ безъ насъ?

— Нѣтъ, царевна, заговорили сопровождавшіе Никиту раскольники, онъ только рукой отвелъ, чтобъ не говорилъ прежде патриарха.

Правительница сдержалась. Она умѣла владѣть собой всегда и во всѣхъ обстоятельствахъ. Затворническое дѣтство въ затхлыхъ теремахъ научило искусству уходить въ себя, не выдавать своихъ волненій, и это искусство пригодилося ей въ жизни, полной тревогъ и опасностей.

— Говорите же теперь вы—зачѣмъ пришли сюда? говорила уже спокойнымъ голосомъ царевна, обращаясь къ товарищамъ Никиты.

— Мы принесли тебѣ челобитную, государыня царевна, отвѣчалъ чернецъ Сергій, вынимая бумагу.

Правительница приказала дяку взять бумагу и читать вслухъ.

Эту челобитную составляли двадцать четыре пункта, никѣмъ не подписанныхъ и озаглавленныхъ: «бить челоюмъ святыхъ восточныхъ церкве Христовы, царскіе богомольцы, священнической и иноческой чинъ и вси православныи христіане, опрично тѣхъ, которые новымъ Никоновымъ книгамъ послѣдуютъ, а старыя хулятъ».

Стали прочитывать всѣ пункты, начиная съ перваго по порядку и по каждому изъ нихъ слѣдовали возраженія и опроверженія; нѣкоторые въ особенности возбуждали неистовые крики и проклятія.

Когда прочтенъ былъ пятый пунктъ, въ которомъ говорилось, что будто бы въ новомъ требникѣ изложено моленіе къ лукавому духу, архіепископъ Афанасій спокойно началъ говорить:

— Клевета эта произошла отъ незнанія грамматики. Въ молитвѣ при крещеніи послѣ словъ: «Ты самъ Владыко Господи Царю прииди»,—говорится: да не снидетъ со крещающимся, молимся Тебѣ Господи, духъ лукавый». Въ молитвѣ слова *молимся Тебѣ Господи* поставлены въ звательномъ падежѣ и потому отдѣлены запятыми, какъ слова обращенія, слова же *духъ лукавый* поставлены не въ звательномъ падежѣ, не связано душе лукавый и потому относятся къ словамъ, предшествующимъ словамъ обращенія. Поэтому смыслъ молитвы

таковъ: молимся Тебѣ Господи! да не снидеть съ крещающимся духъ лукавый.

— Что ты мнѣ говоришь, сынъ сатаны, запальчиво возразилъ Никита, о грамматикѣ. Развѣ грамматика учить православному догмату? Это вы антихристовы учения кривите и изворачиваете все подъ видомъ грамматическихъ художествъ, а мы понимаемъ прямо, какъ и слѣдуетъ православнымъ.

По прочтеніи восьмага пунета челобитной, въ которомъ говорилось, что въ новыхъ книгахъ вѣрно креститься не двумя, а тремя перстами, противъ преданія святыхъ отцовъ, тотъ же архіепископъ объяснилъ:

— Ученіе креститься тремя перстами перешло къ намъ отъ греческой церкви еще при Владимірѣ святомъ и сохраняется какъ въ Греціи, такъ и у насъ до сихъ поръ по преданію апостольскому. Смысла ваша на Θεодорита епископа Курскаго—лжива, а дѣйствительно еретикъ Мартинъ армянинъ еще въ 6666 году училъ двухперстному знаменію, но за то въ томъ же году и былъ преданъ за это проклятію кievскимъ соборомъ.

Вмѣсто логическаго возраженія противъ этого объясненія архіепископа, раскольники неистово завопили, поднявъ правыя руки съ сложенными двумя перстами:

— Такъ надо креститься, такъ! А вы сыны дьявола, богоотступники!

Съ трудомъ правительница могла заставить замолкнуть вопли, угрозы и продолжать чтеніе челобитной.

Въ девятомъ пунктѣ заключалось обвиненіе на проповѣдниковъ новой вѣры въ гордости и немилосердіи: за каждое противное слово мучать и предають смерти.

Какъ только кончилось чтеніе этого пунета, Никита развернулъ, лежавшую передъ нимъ, тетрадь и съ жаромъ началъ читать:

«Великіе страдальцы Алексій и Θεодоръ града Ростова начаша обличати Никоново новопреданіе, царь же не восхоте сихъ озлобити, аще и духовніи наступоваху на кровопролитіе, но не послуша царь, во изгна-

ніе осуждаетъ ихъ въ поморскую страну, во окіанскіе предѣлы, близъ Кольскаго острога въ монастырь Кондолажскій идѣже всякую скорбь и тѣсноту и скудость приѣмлюще яко до сорока лѣтъ. Сего ради отвсюду народи притекающе слышати отъ нихъ душеполезныя слова отъ всея поморскія страны. Тогда на Холмогорѣхъ новопоставленному архіепископу Афанасію лютейшу зѣло завистію, Никоновыхъ новопреданій любителю, возвѣщено бысть о сихъ блаженныхъ яко всю поморскую страну подтверждаютъ еже о древнемъ благочестіи. Архіерей яростію расналися, воины взявъ отъ воеводы въ Кондолажскій монастырь посылаетъ. Тогда взяша страдальцевъ, въ темницу за крѣпкую стражу посадиша, посемъ представиша архіерею, и прежде увѣщаваху, еже креститися тремя персты и пріяти новопечатныя книги. Они же не приѣмляху, но и приѣмлющихъ поношаста. Тогда архіерей повеле бити ихъ и вопрошаше: покоряетелися? Страдальцы-же никакого же хотяху, но терпѣти обѣщавоуся за древнее благочестіе. Недоумѣваяся архіерей коимъ бы хитротвореніемъ привлеци въ своей воли, повеле ихъ въ темницу посадити и гладомъ морити, хотя сихъ нѣкими прелестыи одолѣти. Брашно начать въ тѣмъ отъ себя посылати, но прежде вѣчто дѣйствовавъ надъ брашны, и рукою пятиперстымъ благословеніемъ оградивъ посылаетъ. Спяще вседивному Теодору, Алексій брашно приѣмлетъ, и егда гладомъ преклоняемъ восхоте Алексій отъ принесеннаго пріяти брашна, возставъ Теодоръ, удержавъ его за руку и рече: не прикасайся приносимымъ, не видиши ли змія чернаго на брашнѣ лежаща? Прежде помолися се слезами, и увидиши прелестъ. Тогда Алексій начать молитися и виде на всѣхъ брашнѣхъ зміево лежаніе. Тогда вземъ брашно, версе за оконце на землю. Стрегущіи вряху, возвѣщаютъ сія архіерею. И начаста страдальцы гладомъ пребывати, отъ архіерея не приѣмлюще брашна. И нѣкогда Алексій жаждо объять бывъ, повеле стрегущему сосудецъ принести воды. Стрегущій шедъ домо-

жися архіерею. Повеле архіерей принести воды и вземъ къ себѣ нѣчто дѣйствоваше, и рукою оградивъ пятиперстнымъ сложеніемъ, посылаетъ. Но духопрозрительный Θεодоръ, вземъ сосудъ, рече Алексіеви: видиша ли яко змій въ сосудѣ на водѣ плаваеть? Таже дивный Θεодоръ глагола ко стрегущему: былъ гдѣ съ водою? Оному же отпирающуся, глаголаше старецъ: само видѣніе воды являетъ, яко у архіерея былъ еси, сего ради змій черныи по водѣ плаваеть невидимо. И тако вземъ воду за окно изливаеть на землю. Преподобный Θεодоръ гладомъ преставися, многотерпѣливый же Алексій девять седмиць (63 дня) безъ пищи и питія препроводивъ, преставися и тако оба скончастася за древнее благочестіе».

— Вотъ какъ поступаешь ты, порожденіе сатаны, душегубецъ съ праведными, святыми мужами, заключилъ Никита, кончивъ чтеніе и обратасъ къ Афанасію Холмогорскому.

— Новая клевета, какъ и другія всѣ обвиненія, отвѣчалъ Афанасій тѣмъ же ровнымъ голосомъ, въ которомъ слышалась даже нѣкоторая доля ироніи, клевета, видимая сама собой при простомъ чтеніи. Дѣло было такъ. Дошли до меня вѣрныя вѣсти, что сосланные по царскому указу въ Кандолажскій монастырь раскольники учатъ народъ не бывать въ церквахъ и повсюду распространяють свою ересь. Я вызвалъ этихъ раскольниковъ къ себѣ и всѣми средствами убѣжденія и кроткими увѣщаніями старался опять возвратить ихъ къ православной церкви. Но какъ закоснѣлые еретики, они не хотѣли слушать ни разъясненій, ни доказательствъ. Мученій и терзаній имъ никакихъ не было. Голодомъ ихъ нието не морилъ. По моему приказанію имъ носили пищу и питье, и я не виноватъ, если имъ казались плавающими на поверхности пищи черныя змій невидимыя. Самъ же Θεодоръ говорить, что змій были невидимы— какъ же онъ ихъ видѣлъ? И какъ многотерпѣливый

Алексій имѣлъ терпѣніе безъ пищи и питья прожить шестьдесятъ три дня?

Еслибъ это объясненіе было высказано спокойно, тономъ теплаго убѣжденія, то можетъ быть оно бы и имѣло вліяніе, хоть на нѣкоторыхъ изъ еретиковъ, но въ настоящей обстановкѣ оно было искрой для полнаго взрыва. Какъ обыкновенно, ровный и насмѣшливый тонъ на протививша въ состояніи возбужденномъ производить разрушительное дѣйствіе, приводитъ его къ совершенной потери самообладанія, къ полному изступленію.

— Святые Θεодоръ и Алексій, услыште молитву нашу, помогите отомстить за вашу смерть этому нечестивцу, завопили раскольники. И Никита первымъ бросился на архіепископа, замахнулся на его голову тяжелымъ крестомъ, но выборные стрѣльцы удержали поднятую руку.

— Не смѣйте сходить съ мѣстъ своихъ, закричала правительница раскольникамъ, а тебѣ, Никита; если ты осмѣлишься еще разъ поднять руку, я прикажу отрубить голову!

Волненіе стихло, но не надолго. Когда раскольники стали называть еретика Никона развратителемъ души царя Алексѣя Михайловича и доказывать исчезновеніе въ Руси всякаго благочестія, Софья Алексѣевна сошла съ трона и, обращаясь къ боярамъ и стрѣльцамъ, сказала:

— Мы не можемъ выносить таковой хулы. Если Никонъ и отецъ нашъ были еретиками, такъ и мы всѣ тоже. Стало быть и братья мои—не цари и патріархъ не пастырь. Ни мнѣ, ни всему царскому дому оставаться въ Москвѣ больше нельзя, и я удалюсь въ чужія страны.

Не успѣла царевна выговорить свои угрозы, какъ изъ скучившейся толпы ясно послышался чей-то голосъ:— И пора, государыня, давно-бы пора вамъ въ монастырь, полно-де вамъ царствомъ-то мутить, были бы только здоровы цари-государи, а ваше мѣсто пусто не будетъ.

Но этотъ голосъ заглушился громкимъ общимъ крикомъ бояръ и стрѣльцовъ, окружившихъ правительницу съ заявленіями о готовности положить головы свои за царскій домъ. Царевна и бояре воротились на свои мѣста.

Чтеніе челобитной продолжалось. Напрасно патріархъ и все духовенство старались вразумить упорныхъ отступниковъ, доказывая всю ошибочность ихъ мнѣній, напрасно они предлагали имъ греческія и старинныя славянскія рукописи для сличенія съ печатанными при прежнихъ патріархахъ съ указаніемъ явныхъ ошибокъ въ послѣднихъ, раскольники не хотѣли ни видѣть, ни слышать, ни понимать. Такъ, когда одинъ изъ священниковъ указалъ имъ въ книгѣ, напечатанной при патріархѣ Филаретѣ, слѣдовательно авторитетной для нихъ, явную несообразность о разрѣшеніи въ великій четвергъ и въ великую субботу употребленія мірянами мяса, а иноками масла и сыра, Нивита, не задумываясь, отвѣчалъ: «такіе же плуты писали, какъ и вы».

Вечерняя служба въ церквахъ обанчивалась. Всѣ, присутствующіе на преніи съ утра, крайне утомились.

Правительница объявила раскольникамъ, что продолжать преніе невозможно, что челобитная ихъ будетъ разсмотрѣна и чтобъ они ожидали царскаго указа. Высказавъ это, царевна сошла съ трона и удалилась изъ Грановитой палаты, за ней послѣдовали тетка ея Татьяна Михайловна, сестра Марья Алексѣевна, царица Наталья Кирилловна, патріархъ и присутствовавшіе бояре.

Раскольники считали свое дѣло выиграннымъ. Съ торжествомъ они вышли изъ дворца и, поднявъ кверху руки съ сложеннымъ двуперстнымъ знаменіемъ, кричали, ожидавшей ихъ на площади, толпѣ: «Такъ вѣруйте! такъ вѣруйте! всѣхъ архіереевъ препрехомъ и посрамихомъ!» Съ Кремлевской площади торжественной процесіей они перешли на Красную площадь къ Лобному мѣсту, гдѣ остановились, установили снова свои налои и долго поучали народъ по своимъ Соловецкимъ тетрадямъ. Отсюда раскольники въ сопровожденіи многи-

сленной толпы отправились въ томъ же порядкѣ за Язу, гдѣ въ слободѣ Титова полка встрѣчены были колокольнымъ звономъ. Здѣсь отслужено было благодарственное молебствіе въ церкви Всемилостиваго Спаса на Чигацахъ.

Постоянное напряженіе нервной натуры Никиты, не обошлось ему даромъ. При послѣднемъ словѣ молебна, смертельная блѣдность разлилась по лицу, голова запрокинулась на спину, руки вытянулись впередъ, какъ будто ища себѣ опоры, и все тѣло, упавъ на землю, заорчилося въ страшныхъ судорогахъ.

Г Л А В А XIV.

Преждевременно торопились раскольники благодарственнымъ молебномъ. Не легко было Софью Алексѣевну испугать народной смутой и заставить ее растеряться. Она не теряла времени въ обдумываніяхъ и колебаніяхъ... напротивъ быстро и энергично принимала рѣшительныя мѣры. Вечеромъ того же дня она призвала къ себѣ на Верхъ выборныхъ стрѣльцовъ отъ всѣхъ полковъ. По приказу ея явились всѣ, кромѣ выборныхъ Титова полка, не приславшаго ни одного человѣка.

— Вы или ваши товарищи сегодня видѣли сами, говорила выборнымъ правительница, до чего дошла дерзость Пустосвята и раскольниковъ. Они не уважали ни царскаго рода, ни святѣйшаго патріарха, ни именитой издревль боярскаго Думы. Въ нашемъ присутствіи Пустосвятъ осмѣлился нанести руку на служителя Божія и убилъ-бы его, еслибъ не доблестная защита, всегда преданныхъ царскому престолу, стрѣльцевъ. Если оставить безнаказаннымъ подобное оскорбленіе царскаго имени, то до чего дойдетъ ихъ смѣлость? Могутъ ли существовать торговля и промыслы, — чѣмъ занимаетесь и вы также, — если не будетъ порядка и безопасности, если не будетъ никакой управы на злодѣевъ. Никакое царство

не можетъ существовать безъ царской власти, которая казнить и награждаетъ. Стрѣльцы всегда были опорой царей и дѣда моего блаженной памяти царя Михаила Федоровича и родителя моего великаго царя и государя Алексѣя Михайловича и недавно скончавшагося брата царя Федора Алексѣевича. Всѣ они любили, жаловали и награждали васъ. И я развѣ не люблю васъ и не жалею васъ, — голосъ царицы задрожалъ и слезы показались на глазахъ, — развѣ не отличала васъ, своихъ вѣрныхъ слугъ! Вотъ и теперь въ тяжкую смуту я обращаюсь къ вамъ же и требую вашей помощи. Довольно будутъ свободны изувѣры, дотолѣ не будетъ повоая и порядка. Необходимо изыскать Пустосвята и его главныхъ сообщниковъ и представить ихъ къ моему царскому безпристрастному суду. Неужели вы промѣняете насъ на какихъ-то чернецовъ и предадите святѣйшаго патріарха на поруганіе?

Рѣчь царицы, ея умѣнье затронуть живую струну; вовремя стыдить, хвалить и ласкать — произвели глубокое впечатлѣніе на простиы души стрѣльцовъ. И царица достигла своей цѣли: выборные Стремянаго полка, въ рядахъ котораго почти вовсе не было раскольниковъ, первыми заговорили въ одинъ голосъ:

— Мы, государыня царица, за вѣру старую не стоимъ и не наше это дѣло. Это дѣло патріарха и всего освященнаго собора, а за тебя мы готовы положить свои головы съ радостью.

Тоже отвѣчали и выборные другихъ полковъ.

Для поощренія правительница тотчасъ же двухъ пятисотенныхъ Стремянаго полка, особенно выказавшихъ свое усердіе, пожаловала въ Думные дѣяки, а всѣхъ прочихъ угостила виномъ изъ царскихъ погребовъ. Кромѣ того, каждый изъ нихъ въ награду за преданность, въ видѣ особенной милости, получилъ денежный подарокъ.

— Нѣтъ намъ дѣла до старой вѣры, говорили они, возвращаясь въ свои слободы, стоимъ мы за нашу матушку государыню царицу.

Такъ кончился въ Москвѣ день 5-го іюля, богатый событіями, имѣющими особое вліяніе, по мѣстнымъ условіямъ, на весь послѣдующій ходъ общественной жизни. Для насъ, по истеченіи почти двухъ сотъ лѣтъ, эти событія могутъ казаться не особенно рельефными, не выражающими почти никакого значенія. Что значить какойнибудь нелѣпый заговоръ какихъ-то безграмотныхъ, безумныхъ чернецовъ? Но если мы подойдемъ къ этимъ событіямъ ближе, если отрѣшимся отъ настоящаго склада и проживемъ жизнью того времени, то мнимая легкость исчезнетъ сама собою. Въ рѣчахъ Пустосвята и его сообщниковъ не должно видѣть выраженія одиночныхъ воззрѣній... нѣтъ, это былъ формальный протестъ всей старой жизни, страстное стремленіе къ удержанію стараго порядка и къ отрицанію всякаго поступательнаго движенія. Это было не нѣсколько изувѣровъ—это была масса, это было большинство, отвергавшее всякую новизну, видѣвшее въ каждомъ новаторѣ — антихриста. Удайся замыселъ раскольниковъ, — къ чему имѣлось не мало шансовъ, по малолѣтству царей и по разъединенности государственныхъ партій,—теченіе русской общественной жизни, вѣроятно, на долго получило бы иное направленіе. Умъ правительницы поняла значеніе протестаціи, и хотя послѣдняя сворѣе могла бы быть въ пользу ея личныхъ честолюбивыхъ видовъ, могла бы быть могущественнымъ орудіемъ въ ея рукахъ, она безъ колебанія двинулась на встрѣчу поднявшейся грозѣ. Только ея энергическимъ мѣрамъ обязана была новая жизнь своей окрѣпостью, а слѣдовательно и способностью къ дальнѣйшему движенію.

Усталая и измученная легла Софья Алексѣевна въ ночь на 6 іюля, но за то въ полномъ сознаніи исполненнаго долга. Мѣры, принятые ею, оказались дѣйствительными, хотя тѣмъ не менѣе протестація не покорилась безмолвно.

Выборные стрѣльцы всѣми силами старались въ поль-

зу правительницы, но рядовые высказывали явное неудовольствие на нихъ.

— Вы выбраны были говорить правду, кричало недовольное большинство, а вы поступили не по правдѣ. Вы прельстились водкой да краснымъ виномъ.

И неудовольствие росло все больше и больше; опасность становилась грознѣй и грознѣй. Не разъ ужъ приходили выборные къ правительницѣ съ жалобой и мольбой о помощи противъ товарищей, грозившихъ побить ихъ камнями. Въ Титовой слободѣ почти ежедневно слышались крики:

— Добромъ не раздѣлаешься... пора опять приниматься за собачьи шкуры...

Съ другой стороны и выборные царевны не уставали работать. Съ каждымъ днемъ они привлекали на ея сторону новыхъ сподручниковъ, которые, побывавъ у нея на Верху и обласканные, возвращались въ слободы самыми рьяными агентами. Сторона ея росла и чрезъ нѣсколько дней уже на ея ругѣ было большинство. Оставался одинъ опасный и сильный, по своей искренней фанатической преданности своему дѣлу, врагъ — Никита Пустосвятъ. Его привлечь было невозможно; ни на подкупъ, ни на ласки, ни на какія обѣщанія онъ поддаться не могъ. Какъ бы ни были ложны и неосновательны его убѣжденія, во онъ вѣрилъ имъ, они были его плоть и кровь, и съ ними онъ могъ разстаться только съ потерей жизни. И онъ разстался съ ними, только разставшись съ жизнью.

Двое стрѣльцовъ изъ Стремянаго полка дали обѣщаніе правительницѣ изловить Пустосвята и передать его суду. Изловить было нетрудно. Никита не скрывался, напротивъ, онъ ежедневно, то въ одной, то въ другой слободѣ всенародно проповѣдывалъ ученіе. За нимъ стали слѣдить и подстергать.

Разъ уже почти ночью, возвращаясь въ слободу Титова полка съ проповѣди въ другой отдаленной части города, Никита проходилъ длиннымъ, узкимъ переулькомъ,

по бокамъ котораго тянулись нескончаемыя заборы. Сосредоточенный, какъ обыкновенно, Никита не замѣчалъ, какъ почти съ самаго мѣста проповѣди слѣдили за нимъ двое стрѣльцовъ. Въ срединѣ переулка эти два стрѣльца быстро винулись на него и прежде, чѣмъ тотъ замѣтилъ опасность, нанесли ему сильный ударъ въ голову. Никита упалъ безъ чувствъ, не издавъ ни крика, ни стона. Стрѣльцы, вмѣстѣ съ еще нѣсколькими подоспѣвшими къ нимъ на помощь, подняли ошеломленнаго и отнесли на Лыковъ дворъ. Въ этотъ же вечеръ схвачены были и другіе болѣе выдающіеся изъ учителей и приведены на тотъ же дворъ, гдѣ и были разсажены по разнымъ мѣстамъ.

На разсвѣтѣ начался судъ и не болѣе, какъ въ одну часть, Никита былъ приговоренъ къ смертной казни — отсѣченію головы, въ случаѣ нераскаянія, и къ ссылке въ отдаленный монастырь, еслибъ раскаялся въ своихъ преступленіяхъ и всенародно призналъ заблужденіе ереси.

Судъ и исполненіе заняли немного времени. Въ опроверженіе общаго ропота на медленность и волокиту суда того времени, тѣмъ же утромъ и все еще довольно рано Никиту вывели на Красную площадь, быстро наполнившуюся толпами народа.

Думный дьякъ прочиталъ указъ.

Не сказавъ ни слова, не выразивъ ни одной жалобы, ни одной просьбы, осужденный твердыми шагами пошелъ къ приготовленной плахѣ.

— Раскаиваешься-ли? спросилъ его Думный дьякъ.

— Проклинаю антихриста Никона и всѣхъ сподвижниковъ его! сказалъ твердо и громко Никита и потомъ добавилъ еще громче, обращаясь къ народу:

— Пойдите, братія, за старую вѣру православную и истинную.

— Въ послѣдній разъ тебя спрашиваю: раскаиваешься ли? болѣе для соблюденія формальности спросилъ дьякъ.

— Умру за истинное древнее благочестіе!

И перекрестившись двумя перстами, преступникъ склонилъ голову на плаху.

Палачъ, широкимъ кругомъ махнувъ събирой, сильнымъ ударомъ опустилъ ее на плаху. Отсѣченная голова скатилась, и кровь ручьемъ брызнула на помость. Народъ молча разошелся по домамъ.

Изъ послѣдователей Никиты чернецъ Сергій сосланъ въ Ярославль въ Спасскій монастырь, другіе же разосланы по разнымъ отдаленнымъ мѣстамъ въ заточенье. Вся толпа многочисленныхъ послѣдователей разсѣялась въ разныя стороны.

Г Л А В А XV.

Казнь Пустосвята, при остромъ характерѣ положенія общества того времени, оправдывалась государственною необходимостью. Она разрубила главный узелъ, привязывавшій Русь въ старинѣ. Правда, смерть ересіарха не поколебала ложныхъ убѣжденій,—такъ какъ кровью не только никогда не истреблялись никакія вѣрованія и убѣжденія, напротивъ, кровью эти убѣжденія становились жизненнѣе и устойчивѣе,—но она лишила раскольниковъ значенія государственной партіи. Оставшіеся въ Москвѣ раскольники не могли быть опасными; они, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ, сами не были проникнуты силой правоты своихъ вѣрованій и потому не доходили до самоотверженія.

Съ Пустосвятомъ расколъ лишился воодушевленія, но оставалась внѣшняя сила—въ князѣ Хованскомъ. Какъ сила, князь казался громадной опасностью, но и какъ во всякой только внѣшней силѣ, лишенной внутренней крѣпости, эта опасность не имѣла въ себѣ существеннаго значенія.

Князь отслужилъ панихиду по убиенномъ учителѣ и записалъ его кончину, какъ кончину мученика, пострадавшаго за вѣру. Князь не былъ человѣкомъ мысли и

дѣла; храбрость и рѣшительность его всегда были слѣдствіемъ чуждаго побужденія. А теперь явилось перепутье, и ему самому предстояло выбрать себѣ путь. Одна дорога, казавшаяся ему особенно привлекательной, вела далеко—къ самому трону. На эту дорогу указывалъ ему покойный учитель и всѣ его приверженцы изъ старовѣровъ-стрѣльцовъ, этой дороги желалъ старшій его сынъ Андрей и объ этой дорогѣ не разъ мечталъ и онъ самъ. Другая дорога скромно вела къ первымъ рядамъ преданныхъ слугъ Софьи. Последняя дорога безопасна, но совершенно противорѣчила завѣщанію учителя и ставила его лицомъ къ лицу на одну доску съ другими придворными, болѣе его ловкими, болѣе его изворотливыми, подпольная борьба съ которыми была ему не по силамъ. Да и тяжело было ему становиться на одну доску съ тѣми, которыхъ онъ такъ высокоцѣнно унижалъ и оскорблялъ и которымъ не разъ говаривалъ въ Думѣ:

— Никто изъ васъ такъ не служивалъ, какъ я... гдѣ вы ни бывали, куда васъ ни посылали, вездѣ государство терпѣло только вредъ и поношеніе отъ вашей безумной гордости, мною же держится все царство.

Рѣшительный характеръ заставилъ его выбрать средній путь, оставить обстоятельства складываться помимо его воли своимъ обычнымъ теченіемъ, и принять только полумѣры въ видѣ огражденія своей личной безопасности. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ чрезвычайно успѣлъ. Выхлопотавъ формальный царскій указъ о переименованіи стрѣльцовъ въ надворную пѣхоту, исполняя всѣ требованія стрѣльцовъ, когда даже эти требованія расходились съ видами правительства, награждая и одаряя даже при полномъ истощеніи казны, обращаясь привѣтливо и ласково, онъ совершенно овладѣлъ нехитрыми душами стрѣльцовъ. Всѣ полки—за исключеніемъ Сухаревскаго и Стремяннаго, отдѣлявшихся изъ общей массы особнякомъ,—видѣли въ немъ отца роднаго и готовы были положить за него свои головы. Такимъ образомъ, имѣя подъ руками стрѣльцаго слободы

и окружась у себя дома достаточной стражей, онъ могъ считать себя въ полной безопасности, а при благопріятныхъ обстоятельствахъ и полнымъ самовластнымъ рѣшителемъ судьбы государства.

Отчетливо и ясно сознавала Софья Алексѣевна все внутреннее безсиліе князя, и лично онъ самъ не казался ей опаснымъ, но она понимала ненормальность положенія того государства, гдѣ рѣшающая сила находилась въ топорѣ. Воспользовавшись сама этой силой, она не могла не видѣть возможности и другой болѣе смѣлой узурпаціи. Требовалось во что бы ни стало разрушить этотъ грозный фатумъ, сдѣлать изъ него слѣпое и послушное орудіе,—а это казалось невозможнымъ, пока въ главѣ войска стоялъ обожаемый имъ начальникъ, горячо отстаивавшій его интересы.

А между тѣмъ скорѣйшее принятіе мѣръ вызывалось настоятельно. Буйство стрѣльцовъ превосходило всякія границы. На другой день послѣ казни Никиты Пустосвята толпа стрѣльцовъ явилась передъ дворцомъ и требовала выдачи имъ головой нѣкоторыхъ бояръ, будто замыслившихъ *перевести* стрѣльцовъ. Волненіе, продолжавшееся два дня, утихло только съ казнью, путившаго въ ходъ между стрѣльцами этотъ слухъ, Одышевскаго царевича, недовольнаго правительствомъ за малый себѣ почетъ и за скудное содержаніе. Не успѣло стихнуть это волненіе, какъ возникло другое по такому же поводу, вслѣдствіе слуха, распущеннаго какимъ-то посадскимъ человѣкомъ ярославцемъ. Не разъ подавалъ поводъ и самъ князь Хованскій, въ досадѣ на бояръ высказывавшій стрѣльцамъ:

— Ну, дѣти, ужъ и мнѣ за васъ грозятъ бояре, мнѣ дѣлать больше нечего, какъ хотите, такъ и промышляйте сами...

При такой группировкѣ обстоятельствъ судьба князя составляла рѣшительный моментъ, и только недалковидный, нерѣшительный умъ его не могъ сознавать этого

значенія, могъ предоставлять свою судьбу теченію обстоятельствъ.

Въ нѣкоторыхъ нашихъ хроникахъ встрѣчается указаніе на болѣе дѣятельную роль князя, на заговоръ его, на подговоръ будто-бы имъ стрѣльцовъ погубить все царское семейство въ день праздника (19 августа) Донской Богоматери во время крестнаго хода въ Донской монастырь, неудавшійся только по предусмотрительности правительницы, пріѣхавшей съ царями въ монастырь уже послѣ хода, когда началась церковная служба. Это извѣстіе нельзя считать достовѣрнымъ,—оно не встрѣчается въ другихъ, болѣе вѣрныхъ, хроникахъ и не согласно съ характеромъ князя.

За нѣсколько дней до новаго года *) на царскомъ дворѣ началось особенное движеніе. Выдвигались и тщательно осматривались дорожныя объемистыя колымаги, вытиралась и чистилась сбруя, смазывались колеса, нагружались экипажи разнаго рода вещами и, какъ видно, не для одного путешествія, а для болѣе или менѣе продолжительной остановки гдѣ нибудь.

Все царское семейство выѣзжало—но куда? никто не зналъ. Не мало хлопотали узнать комнатныя столѣнники, страпчіе и нисшая дворцовая челядь, да узнали только то, что царица приказала улаживаться, какъ возможно послѣшнѣе. Терялась въ догадкахъ дворцовая челядь да и было отчего растеряться. Съ незапамятныхъ временъ не запомнить, чтобъ весь царскій родъ выѣзжалъ изъ Москвы. Выѣзжали правда и прежде цари-

---

*) До принятія христіанской вѣры въ Россіи годъ считался съ весны отъ перваго новолунія по равноденствію. Послѣ принятія христіанства время стало считаться съ сотворенія міра и новый годъ начинался различно: церковный 1-го Марта, а гражданскій 1-го Сентября. По опредѣленію же Московскаго собора, бывшаго при митрополитѣ Феогностѣ, новый годъ рѣшено считать какъ гражданскій, такъ и церковный 1-го Сентября. Такое исчисленіе продолжалось до 1700 г., когда Петръ Великій указалъ празднованіе новаго года совершать 1-го Января и исчисленіе вести съ Рождества Христова.

государи въ свой подмосковныя села, но не надолго, не всѣмъ семействомъ, а только потѣшиться своей любимой соколиной охотой. Теперь же некому и тѣшиться-то любимой забавой. Старшему царю не до охоты, а младшему не по душѣ были такого рода забавы. Петръ изъ всего урядника охоты нашель любопытными только одну приписку отца покойнаго Алексѣя Михайловича: «правды же и суда и милостивые любви и ратнаго строя николи же не забываютъ: дѣлу время и потѣхѣ часъ» и не плѣняли его молодаго воображенія краснорѣчивые для того времени совѣты урядника охотникамъ: «принимаетъ крещета образцовато, красовато, бережно и держать честно, смѣло, весело, подправительно, подъявительно, къ видѣнiю человѣческому и красотѣ крещатей и стоитъ урядно, радостно, уповательно, удивительно и т. д.» Слѣдовательно о забавѣ соколиной не могло быть и рѣчи.

Да и зачѣмъ бы выѣзжать всѣмъ царевнамъ? на богомолье? Не статочное теперь время для богомолья, да и снаряженье другое. Ѣдутъ вмѣстѣ и отстраненная царица Наталья Кирилловна и правительница Софья Алексѣевна, тогда какъ съ самаго стрѣльцоваго бунта царица Наталья Кирилловна жила въ Преображенскомъ особнякомъ, ни во что не вмѣшиваясь.

Недолго продолжались дорожныя сборы, такъ спѣшили и суетились. Наконецъ, послѣ обычныхъ хлопотъ, бѣготни и размѣщенiй, царскiй поѣздъ тронулся изъ Москвы по Коломенской дорогѣ. За выѣздомъ его съ каждымъ днемъ стали разѣзжаться и боярскiе чины, кто въ Коломенское, а кто по своимъ вотчинамъ и помѣстьямъ.

Съ удивленiемъ провожали Москвичи эти длинныя поѣзды. Не добромъ вѣяло отъ этихъ неожиданныхъ, негаданныхъ отъѣздовъ. Осиротѣла Москва. Когда это бывало, чтобъ вдругъ ни съ того, ни съ чего весь царскiй дворъ повидаль столицу, какъ будто подступалъ къ ней какой нибудь ворогъ съ необъятной силой.

Изъ првостепенныхъ сановниковъ остался въ Москвѣ

только одинъ князь Хованскій. Приунили посадскіе и горожане, поправавшись по домамъ. Только одни стрѣльцы гордо расхаживали по городу, чувствуя себя полными хозяевами и считая себя въ полномъ правѣ опустошать то погребъ, то кѣтъ котораго нибудь изъ уѣхавшихъ бояръ. Да и дѣйствительно фактическое право, право силы, было на ихъ сторонѣ. Куда идти жаловаться? Гдѣ исвать суда и защиты? Въ тѣ же стрѣлцекіе приказы, къ тѣмъ же стрѣльцамъ. Грустно провожали Москвичи послѣдніе дни умирающаго года, и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали наступленія новаго.

Привыкли Москвичи встрѣчать новый годъ, въ общеніи съ своимъ царемъ, усердной молитвой къ Всевышнему о ниспосланіи благъ на грядущее лѣто. Привыкли они присутствовать въ день новаго года вмѣстѣ съ царемъ на торжественномъ молебствіи, совершаемомъ самимъ патриархомъ на кремлевской дворцовой площади. Вѣроятно къ этому дню, чаяли Москвичи, воротится въ Москву, если не все царское семейство, то ужь непременно царь-государь.

Наступилъ и этотъ торжественный день, а никто изъ царскаго семейства въ Москву не пріѣхалъ. Только наканунѣ прискакалъ изъ Коломенскаго гонецъ съ наказомъ царевны къ князю Хованскому быть ему непременно лично на молебствіи, вмѣсто государей, на площади. Задумался старшій князь, получивъ эту грамоту.— Исполнить или нѣтъ? раздумывалъ онъ. Хорошо бы исполнить—пусть народъ видитъ меня вмѣсто царей-государей,—глазъ привыкаетъ... А съ другой стороны—не будетъ ли отъ этого какаго лиха? Съ какою цѣлью царевна велѣла... а спроста она не прикажетъ. Вотъ дескать самовольно занялъ царево мѣсто... недругамъ боярамъ на руку... распишутъ... обвинять. Другое-бы дѣло, еслибъ здѣсь былъ царскій дворъ, тогда... тогда... молодцы мои могли бы сразу порѣшить все... А теперь лучше я вовсе не пойду на площадь, останусь дома... скажусь, дескать, боленъ.

Такъ на молебствіе старый князь и не явился, а послалъ окольного Хлопова. Молебенъ прошелъ благополучно, безъ помѣхи, только какъ-то необычно грустно, да и стрѣльцы не скупилась на неопредѣленныя угрозы и оскорбительныя восклицанія противъ патріарха.

Дни шли за днями однообразно, и утомительно — скучно. Черезъ нѣсколько дней послѣ новаго года новый гонецъ отъ царевны къ князю Ивану Андреевичу съ требованіемъ присылки въ село Коломенское преданнаго правительницѣ стрѣльцаго полка Стремяннаго.

Въ то время, какъ гонецъ явился къ князю, у него въ гостяхъ сидѣлъ стрѣлецкій полковникъ Одинцовъ. Прочитавъ грамоту, князь передалъ ее Одинцову.

— Что скажешь, Борисъ Андреичъ? обратился князь, когда Одинцовъ прочиталъ грамоту.

— Не знаю, какъ и думать, бояринъ, отвѣчалъ Одинцовъ, только не чаю тутъ хорошаго. Для чего царевнѣ понадобился Стремянной полкъ? Не для забавы же Петра Алексѣича? Ему и дворовыхъ мальчишекъ довольно. И замѣть, князь, именно Стремянной — самый для насъ ненадежный.

— Можетъ для собственной охраны, Борисъ Андреичъ.

— Что за охрана, бояринъ, въ селѣ Коломенскомъ-то! Нѣтъ, тутъ, вѣдаю, потаенное... Говорилъ мнѣ сегодня Иванъ Борисовъ, стрѣлецъ моего полка, братъ его еще служить конюхомъ у царевны, будто она разослала гонцовъ по разнымъ городамъ съ приказомъ собирать рать. Не вѣдомо тебѣ для чего?

— Не знаю... не слыхалъ... Борисъ Андреичъ, какъ-бы не зачѣмъ... Недавно поѣхали наши гонцы къ сосѣдямъ съ приглашеніемъ съѣхаться съ обѣихъ сторонъ для переговоровъ о вѣчномъ мирѣ.

— Такъ для чего-жь ополченіе?

— Не знаю... полагаю такъ... пустая болтовня. Мало-ль что врется въ челяди.

— Ну а зачѣмъ Стремянной полкъ царевнѣ?

— Можетъ какая нибудь надобность встрѣтилась. Можетъ жалоба какая на кого изъ стремянныхъ... Она многихъ знаетъ лично, принимаетъ участіе.

— Еслибъ жалоба, то передала бы тебѣ, князь, или переслала-бъ въ приказъ.

— А можетъ и въ самомъ дѣлѣ царю Петру Алексѣвичу хочется научиться воинскому строю. Онъ хотъ и ребенокъ, а вострый.

Да дѣло-то не въ этомъ, Борисъ Андреичъ, продолжалъ князь, а скажи мнѣ: посылать ли стремянцева къ царевнѣ.

— Я бы не послалъ, князь.

— Да и я такъ думаю. Скажу, что, молъ, полкъ собирается идти на очередь въ Кіевъ.

— Да вотъ еще забылъ передать тебѣ, бояринъ. Тотъ стрѣлецъ сказывалъ мнѣ, будто какъ только пріѣхала царевна въ Коломенское, такъ туда тотчасъ же явился Ванька Надорванный.

— Какъ, Надорванный въ Коломенскомъ? съ живостью спросилъ князь. Правду ли сказалъ твой стрѣлецъ? Не вретъ-ли?

— Не ручаюсь, отъ того же брата онъ слышалъ.

— Можетъ оба были пьяны?

— Не знаю. Оно правда, стрѣлецъ-то мой шибко запиваетъ, до безпамятства, да кажись теперь не очередь. А съ Надорваннымъ развѣ ты разошелся, бояринъ?

— Разошелся, отрывисто и насупившись отвѣчалъ князь.

— Что такъ? Про что?

— Да такъ... вздумалъ приказывать. Считалъ на свойство съ царевной и задралъ носъ, да я скоро ошибъ. Молодъ... не больно изъ дальнихъ... старыми князьями помывать не слѣдъ. Я ему и пригрозилъ по своему.

Разговоръ оборвался. Напоминаніе о Милославскомъ видимо раздражило князя. Одинцовъ скоро ушелъ.

На другой день гонецъ уѣхалъ въ Коломенское съ отказомъ князя въ высылкѣ туда Стремяннаго полка.

Г Л А В А XVI.

Между тѣмъ, какъ въ Москвѣ все стихало и таилось въ какомъ-то болѣзненномъ ожиданіи, въ селѣ Коломенскомъ проявились необычныя движеніе и дѣятельность. Давно Коломенское не видало у себя такихъ многочисленныхъ гостей и притомъ такихъ безпобойныхъ. Не успѣвалъ первый поѣздъ разгрузиться, какъ слѣдуетъ домовитымъ хозяевамъ, не успѣвала пыль улечься по старымъ мѣстамъ, какъ новая поднималась въ безвѣтренномъ воздухѣ и новый поѣздъ подходилъ къ селу, а за этимъ поѣздомъ еще и еще... Кончились поѣзды, стали наѣзжать отдѣльные экипажи.

Шумъ, бѣготня, смѣхъ и ругань на царскомъ дворѣ неумолчныя; то ногу кому нибудь прихватить колесомъ, то какой нибудь ловкій царень изловчится ущипнуть бойкую сѣнную дѣвушку на бѣгу, и каждый пользуется неурядицей для своего личнаго дѣла.

Наконецъ разгруженные экипажи задвинуты на задній дворъ, лошади пущены на подножный кормъ. Казалось можно было-бы человѣку и угомониться, сходить въ приготовленную баньку, покушать поплотнѣе на живительномъ деревенскомъ воздухѣ и заснуть сномъ безмятежнаго праведника,—такъ нѣтъ... Несонливые гости наѣхали. Гонцы верхами засновали по дорогѣ, тотъ въ Москву, этотъ изъ Москвы—и конца и счета имъ нѣтъ.

Мало по малу все таки стало поутихать и день новаго года прошелъ благополучно, а на другой день—новая перемѣна.

На разсвѣтѣ втораго Сентября подъѣхалъ къ Коломенскому дворцу преданный царевнѣ стрѣлецкій полковникъ Акинфій Даниловъ. Сойдя съ лошади и подойдя къ запертымъ еще воротамъ, онъ при свѣтѣ пробивающагося дня примѣтилъ прибывшую къ полотну воротъ бумажку.

— Ба, что это? не приказъ ли какой пріѣзжающимъ,

подумалъ онъ, и осторожно снявъ съ гвоздя бумажку, съ трудомъ прочиталъ крупно начерченные знаки: «Вручить царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ». — Странное письмо, а все таки нужно передать государынѣ, рѣшилъ онъ, спрятавъ письмо въ карманъ. Затѣмъ онъ постучалъ въ ворота.

— Что государыня — царевна еще не изволила встать? спросилъ онъ, входя во внутренній дворъ, привратника, лѣниво затворявшаго за нимъ ворота.

— А вонъ видишь отворенное окно-то? Это въ ея опочивальнѣ. Видно ужъ изволила встать.

— Такъ скажи кому нибудь доложить государынѣ о прїѣздѣ изъ Москвы стрѣльцкаго полковника.

Привратникъ направился къ дворцу.

Вскорѣ изъ внутреннихъ покоевъ вышелъ ближній стражчій царевны и, подойдя къ прїѣхавшему, съ неласковостью и видимымъ отгнѣномъ подозрительности допросилъ:

— Кого тебѣ нужно, честной господинъ?

— Къ государынѣ прїѣхалъ, къ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, отвѣчалъ прїѣхавшій.

— А какъ обзывать тебя?

— Афанасій Даниловъ.

— А званья какого и откуда?

— Стрѣлецкій полковникъ — изъ Москвы.

— А съ какимъ умысломъ?

— Про то буду докладывать государынѣ, а не тебѣ, съ досадою уже отвѣтилъ полковникъ.

— Ну, иди за мной. Государыня сама изволила тебя видѣть въ окошко и приказала привести къ себѣ, да опасливо...

Царевна, дѣйствительно, не только встала, но ужъ успѣла сдѣлать свой утренній туалетъ и помолиться Богу. Теперь она у окна читала книгу.

— Здравствуй, мой вѣрный Даниловъ, привѣтливо начала она вошедшему, благосклонно протягивая руку, которую тотъ поцаловалъ.

— Когда изъ Москвы и какихъ вѣстей привезъ?

— Выѣхалъ я, государыня, ночью тайкомъ отъ стрѣльцовъ другихъ полковъ и вѣстей особливыхъ съ собой не привезъ.

— Когда Стремянной полкъ придетъ сюда?

— Не вѣдаю, государыня, а слышалъ я, будто князь назначаетъ его къ походу въ Кіевъ.

— Да, онъ мнѣ писалъ объ этомъ, но я приказала перемѣнить и назначить къ походу другой полкъ, съ раздраженіемъ стала говорить правительница, и снова на лбу ея образовалась знакомая складка.

— На молебствіи вчера ничего не случилось?

— Ничего, государыня, говорили, правда, стрѣльцы изъ раскольниковъ противъ патріарха непригожія слова, да пустое.

— Какъ осмѣлились при князѣ? И онъ дозволилъ... не остановилъ ихъ?

— Князя Ивана Андреича на молебнѣ не бывало.

— Какъ не бывало, когда я ему именно приказывала быть?

— Князь весь день вчера пробылъ дома, можетъ по болѣзни... а на молебнѣ, вмѣсто его, былъ овольничій Хлоповъ.

— А... протянула правительница.

— Вѣсти-то для тебя, царевна, я подобралъ на дорогѣ. Вотъ сейчасъ снялъ съ дворцовыхъ воротъ письмо къ тебѣ, сказалъ полковникъ, вынимая изъ кармана письмо и подавая его царевнѣ.

Софья Алексѣевна взяла письмо и стала читать; по мѣрѣ продолженія чтенія лицо ея становилось безпокойнѣй и мрачнѣй.

Письмо заключало въ себѣ доносъ на князя *).

*) «Царевъ, государевъ и Великихъ княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцамъ, завѣщаютъ Московскою стрѣлецъ, да два человека посадскихъ на воровъ на немѣшниковъ, на боярина князь Ивана Хованскаго, да на сына его князь Андрея. На немѣшникъ надѣлахъ»

— Хорошо, полковникъ, сказала правительница, кончивъ читать, спасибо за преданность, повѣрь не забуду. Оставайся здѣсь при насъ... намъ нужны теперь преданные слуги. Поди отдохни повуда, да скажи, чтобъ позвали ко мнѣ Ивана Михайловича, да Василья Васильевича.

Черезъ нѣсколько минутъ тотъ и другой были въ пріемной.

— Сейчасъ былъ у меня стрѣлецкій полковникъ

призываетъ оны насъ къ себѣ въ домъ девяти человекъ пѣхотнаго чина, да пяти человекъ посадскихъ и говорили, чтобы помогли имъ достигати царства Московскаго, и чтобы мы научали свою братью Вашъ царскій корень извѣсть, и чтобы придти большимъ собраніемъ извѣсть въ городъ и называть Васъ государей еретичскими дѣтми и убить Васъ Государей обонхъ и царицу Наталью Кириловну и царевну Софію Алексѣевну и патриарха и властей, а на одной бы царевнѣ князь Андрей женится, а достальвыхъ бы царевенъ постричь и разослать въ дальніи монастыри, да бояръ побить Одоевскихъ тронхъ, Черкасскихъ двонхъ, Голицыныхъ тронхъ, Ивана Михайловича Милославскаго, Шереметьевыхъ двонхъ и иныхъ многихъ людей изъ бояръ, которые старой вѣры не любятъ, а новую заводятъ; а какъ то злое дѣло учинять, послать смущать во все Московское государство по городамъ и по деревнямъ, чтобы въ городѣхъ посадскіе люди побили воеводъ и приказныхъ людей, а крестьянъ научать, чтобъ побили бояръ своихъ и людей боярскихъ; а какъ государство замутится и на Московское-бъ царство выбрали царемъ ево князь Ивана, и патриарха и властей поставитъ ково изберутъ народомъ, которне-бъ старыя книги любилн; и цѣловали намъ на томъ Хованскіе крестъ и мы имъ въ томъ во-всемъ, что-то злое дѣло дѣлать намъ вообще крестъ цѣловали, а дали они намъ по двѣсти рублевъ человеку и обѣщали предъ образомъ, что если они того достигать, пожаловать насъ въ ближніе люди, а стрѣльцамъ велѣтъ наговаривать: которые будутъ побиты и тѣхъ животы и вотчины продавать, а деньги отдавать имъ стрѣльцамъ на всѣ приказы, и мы три человека убояся Бога, не хотя на такое дѣло дерзнуть извѣщаемъ Вамъ Государемъ, чтобы Вы Государи, свое здоровье оберегли. А мы холопи ваши нынѣ живемъ въ похоронкахъ, а какъ Ваше государское здравіе сохранится и все Богъ утишитъ, тогда мы Вамъ государемъ объявимся: а имая намъ своихъ написать невозможно, а примѣтъ у насъ: у одного на правой плечѣ бородавка черная, у другога на правой ногѣ поперекъ бедра рубецъ, поставлено, а третьяго объявими мы, потому что у него примѣтъ никакихъ нѣтъ.

Акиѳій Даниловъ, прїѣхавшій сюда изъ Москвы ночью похоронкомъ и привезъ нехорошія вѣсти. Вѣрнаго мнѣ Стремянаго полка, не смотря на мое вторичное приказаніе, князь не присылаетъ до сихъ поръ и не знаю пришлетъ-ли когда нибудь. Потомъ приказывала я князю непременно самому лично быть на молебнѣ въ день новаго года, а онъ опять ослушался въ явь, на молебнѣ не былъ, оставилъ нашего святѣйшаго патріарха выносить оскорбленія отъ раскольниковъ стрѣльцовъ. И наконецъ вотъ я получила извѣстительное письмо о злоумышленныхъ дѣлахъ Ивана Хованскаго, какъ измѣнника явнаго. Прочтите и скажите, какъ поступить?

Правительница передала письмо Василью Васильевичу, но тотъ отклонился.

— Пускай прежде, государыня, прочтетъ Иванъ Михайлычъ, онъ постарше меня.

Бояринъ сталъ читать, а мягкій, но внимательный взглядъ князя не уставалъ слѣдить за выраженіемъ лица читавшаго. Это выраженіе читавшаго ясно высказывало удивленіе и негодованіе, но странное дѣло, глаза боярина не слѣдили за каждой буковкой, что можно было бы ожидать отъ небойскаго грамотѣя, а скользили по письму, какъ будто по давно знакомому полю.

Прочитавъ доносъ, бояринъ передалъ его князю. Этотъ напротивъ читалъ, не торопясь и не волнуясь — только углы губъ его передергивало отъ сдержаннаго движенія.

— Что, мои вѣрные, ближніе, посовѣтуете? спросила правительница.

Первымъ началъ говорить Милославскій.

— Я давно говорилъ тебѣ, царевна, давно предупреждалъ о злыхъ умыслахъ Хованскаго, писалъ къ тебѣ не разъ изъ деревни, наконецъ прїѣхалъ самъ лично рассказать, что мнѣ передавали за тайну вѣрные мои люди изъ стрѣльцовъ, а вотъ теперь и письмо... Вѣрно и Василій Васильевичъ тоже...

— Ну положимъ письмо-то ровно ничего не показываетъ, спокойно отозвался князь.

— Какъ? Развѣ не читалъ князь... съ жаромъ заговорилъ Милославскій.

— Читалъ, бояринъ, да не признаю въ немъ важности. Первое — оно пашкивилъ, а пашкивилямъ, по моему, вѣры имѣть не должно, второе — ничего не мѣшало доносчикамъ явиться самимъ къ царевнѣ, бояться имъ нечего, третье, — по характеру князь не способенъ на исполненіе такого дѣла, четвертое — объ такихъ умыслахъ не говорятъ на площадяхъ или, что все едино, съ десятками лицъ, въ вѣрности которыхъ не убѣждены. Правда, нанимаютъ убійцъ, но когда вѣрность ихъ обезпечена. Нѣтъ, не подметнымъ письмамъ вѣрить, а нужно, бояринъ, въ душу человѣка заглянуть, да такъ заглянуть, чтобъ порошинки не осталось утайной... Да что мнѣ тебѣ рассказывать, бояринъ, ты самъ лучше меня знаешь, заключилъ князь, улыбаясь и какъ-то двусмысленно глядя на Милославскаго.

Во все время Софья Алексѣевна съ любовью смотрѣла на князя. Вотъ такимъ-то я и люблю тебя, мой милый, думала она. Выше ты ихъ всѣхъ по разуму, и далеко они отстали отъ тебя... А то иной разъ такимъ покажешься двуличнымъ, да трусливымъ, такъ бы и отвернулась отъ тебя...

— Такъ по твоему, князь, между тѣмъ говорилъ Иванъ Михайловичъ, горячася и съ покраснѣвшими глазами, царевнѣ нужно добровольно протянуть шею и ждать, когда голову снять...

— Ты не понялъ меня, бояринъ, спокойно отвѣчалъ Голицынъ. Я говорилъ только о подметномъ письмѣ, а что до безопасности, такъ я ужъ докладывалъ государнѣ о мѣрахъ...

— Какія-жъ мѣры, князь?

— Долго говорить объ этомъ, бояринъ, теперь не время, уклончиво отозвался князь.

— Видишь въ чемъ дѣло, Иванъ Михайлычъ, еслибъ

дерзость Хованскаго превысила предѣлы моего терпѣнія и сдѣлалась бы опасной, такъ я задумала устранить его отъ стрѣльцовъ, а для своей безопасности призвать къ себѣ земское ополченіе.

— Хорошо, царевна, да невозможно, замѣтилъ Милославскій.

— Отчего-жъ, бояринъ, невозможно?

— Да оттого, что по князѣ всѣ стрѣльцы встанутъ грудью, а земская рать собирается медленно.

— И то, и другое — не помѣха. Князь Иванъ Андреичъ можетъ самъ пріѣхать сюда ко мнѣ—за это я берусь—а земское ополченіе изъ ближнихъ мѣстъ можетъ собраться скоро, особенно если на сборныхъ мѣстахъ будутъ наблюдать и торопить мои гонцы. Готовы-ли у тебя окружныя грамоты, Василій Васильичъ?

— Давно готовы, еще въ Москвѣ, отвѣчалъ Голицынъ, вынимая изъ кармана свертокъ. Не изволишь-ли прислушать.

И обычнымъ своимъ мягкимъ, ровнымъ голосомъ князь прочиталъ воззваніе правительницы о крамолахъ стрѣльцовъ по подстрекательствамъ Хованскаго, избившихъ столько бояръ. «Спѣшите, говорилось въ заключеніе, всегда вѣрные защитники престола къ намъ на помощь; мы сами поведемъ васъ къ Москвѣ, чтобы смирить бунтующее войско, наказать мятежнаго подданнаго, очистить царствующій градъ Москву отъ воровъ и измѣнниковъ и отомстить неповинную кровь».

Такъ вотъ оно что, думалъ Милославскій во время чтенія Голицына, здѣсь все ужъ покончено, все устроено, и я опять лишней спицей. Такъ-то вотъ всегда со мной. Сначала Артамонъ, врагъ мой, мѣшалъ, стеръ его... вотъ, думалъ, буду властвовать, а вышло не такъ... на носъ сѣлъ мой же подручникъ Хованскій. Хлопochу спихнуть этого, скачу сюда, подвожу ловко, а на дѣлѣ опять не причемъ... мѣсто занято. Нѣтъ... вѣрно опять укрыться въ своемъ углу, да забавиться домашней ягодкой.

— Не нужно-ли, Василій Васильичъ, говорила Софья

Алексѣевна, прибавить въ грамотѣ объ умыслѣ Хованскаго извести весь царскій родъ и съѣсть самому на Московскомъ государствѣ.

— Не нужно, государыня, будетъ совсѣмъ лишнее. Затѣмъ по напрасну тѣшить досужихъ вымышленниковъ, отвѣчалъ князь, лукаво и искося поглядѣвъ на Милославскаго. Изъ этого не стоитъ составлять новыя грамоты.

— Еще одно слово, Василій Васильичъ, не находишь ли ты Коломенское опаснымъ? Не переѣхать ли намъ въ другое мѣсто?

— Да, государыня, не мѣшаетъ, отвѣчалъ Голицынъ. Отъ Москвы не далеко, а оборониться здѣсь негдѣ и нечѣмъ. Предложилъ бы я переѣхать въ Саввинъ-Сторожевскій монастырь. Тамъ хоть ветхія, да все таки стѣны и можно отсидѣться хоть нѣкоторое время до ополченія.

— И ты тоже думаешь, Иванъ Михайлычъ?

— Да, государыня, и я тоже думаю, подтвердилъ, Милославскій, почти безсознательно.

— Такъ чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Прикажи Василій Васильичъ собираться въ Савинъ.

Голицынъ вышелъ. Сталъ прощаться и бояринъ Милославскій.

— Ты куда, бояринъ?

— Думаю, государыня, отправиться въ вотчины. Уволь. Здѣсь-то, я вижу, ни къ чему не пригоденъ.

— Полно, Иванъ Михайлычъ, я не отпущу тебя. Кому же, какъ не тебѣ, дѣлать со мной опасное время? сказала царевна съ той улыбкой, которая такъ притягивала къ ней и которая такъ рѣдко въ послѣднее время появлялась у ней.

— А теперь прощай. Иду собираться въ дорогу. Сбирайся и ты со мной, Иванъ Михайлычъ.

И снова колымаги вывозились на передній дворъ и снова начались та же суетна, тѣ же хлопоты, то же ворчанье старыхъ и заигрываніе молодыхъ. Ближайшая по-

стельница царевны лично присматривала за укладкой и торопила. Различнаго рода и вида сундуки и сундучки, ларцы и ларчики, узлы и мѣшки быстро прятались внутри колымагъ. Наконецъ экипажи подвезли къ крыльцу, и все царское семейство и ближніе люди размѣстились на мягкихъ подушкахъ и перинахъ, наложенныхъ чуть не до верха. Поѣздъ тронулся и длинной вереницей потянулся по дорогѣ въ Саввинъ монастырь.

Снова опустѣло Коломенское съ своей немногочисленной дворцовой прислугой. За воротами стоялъ старый привратникъ и долго слѣдилъ за удалявшимся поѣздомъ, прищуривъ прищуренные глазки ладонью отъ лучей западавшаго солнца, бившихъ ему прямо въ глаза.

— Слава тебѣ, Господи, милосердому Создателю нашему, уѣхала съ своей бѣсовской прелестью. Измаялся день деньской. Пойди отдохнуть маленько и, перекрестившись двуперстнымъ знаменіемъ, поплелся старикъ въ свою каморку.

ГЛАВА XVII.

Какъ всѣ почти наши древнія русскія обители, Савво-Сторожевскій монастырь построенъ въ одной изъ самыхъ живописныхъ мѣстностей Московскаго государства, въ пятидесяти верстахъ къ западу отъ Москвы и въ полутора верстахъ отъ Звенигорода на довольно высокой горѣ «Сторожи», составляющей лѣвые берега рѣчекъ Москвы и Разварни. Въ древнія времена, во времена неожиданныхъ, негаданныхъ литовскихъ набѣговъ, передъ основаніемъ монастыря на этой горѣ постоянно находился сторожевой постъ, наблюдавшій надъ Смоленской дорогой. Трудно было выбрать мѣсто болѣе удобное. Съ горы открывался далекій видъ на окрестности, на тянущуюся сърью полосу дороги, обрамленную густою листвою, на разбросанные тамъ и сямъ поселки и на самый удѣльный городъ Звенигородъ.

Основаніе монастыря относится къ послѣднему или предпослѣднему году XIV столѣтія и приписывается Саввѣ, иноку и питомцу Сергія Радонежскаго. Любимый ученикъ св. Сергія, славившійся своей строгой жизнью, Савва былъ духовнымъ отцемъ Дмитровскаго и Звенигородскаго удѣльнаго князя Юрія Дмитріевича, брата Василя Дмитріевича великаго князя Московскаго. По настоятельному убѣжденію духовнаго сына князя Юрья, Савва, покинувъ основанную имъ Дубенскую обитель, гдѣ былъ настоятелемъ, перешелъ въ Звенигородъ и, избравъ мѣсто для новой обители на горѣ «Сторожи», срубилъ деревянную церковь во имя Рождества Богородицы. Вскорѣ вмѣсто этой деревянной церкви ревностью князя Юрья выстроена была новая уже каменная церковь, *) обильно снабженная всей церковной утварью, а весь монастырь обнесенъ деревянной стѣной. Семь лѣтъ управлялъ Савва новоустроеннымъ монастыремъ и умеръ 3 декабря 1407 года. Послѣ смерти основателя, монастырь не только не умалился, но напротивъ все болѣе и болѣе расширялся. Богато надѣлилъ обитель князь Юрій, много далъ онъ ей земель и селъ, но еще болѣе дары умножились, когда въ народѣ стали распространяться слухи о чудесахъ надъ гробомъ почившаго основателя.

Разсказывали напримѣръ, что будто-бы много лѣтъ спустя игумену Сторожевскому Діонисію во снѣ явился инокъ и сказалъ:

— Напиши образъ мой.

— Но кто-жь ты? спросилъ Діонисій.

— Я начальникъ мѣсту сему — Савва, отвѣчалъ инокъ.

Проснувшись, Діонисій сталъ спрашивать о покойномъ Саввѣ. Нашелся одинъ старикъ, еще помнившій Савву, и по его разсказамъ явившійся во снѣ инокъ оказался дѣйствительно почившимъ основателемъ. Діонисій, искусный въ живописи, по памяти написалъ образъ.

*) Церковь эта сохранилась и до настоящаго времени.

Слухи все болѣе и болѣе распространялись, число братій увеличивалось, обитель богатѣла. Великіе князья Московскіе, подѣ влияніемъ религіознаго чувства, стали посѣщать чудотворное мѣсто, совершать обычное богомолье, внося каждый разъ отъ себя щедрыя вклады. Но изъ всѣхъ государей самымъ щедрымъ оказался царь Алексѣй Михайловичъ. Этотъ государь, любя страстно охоту въ привольныхъ монастырскихъ обрестностяхъ, построилъ себѣ на монастырскомъ дворѣ особый дворецъ, съ крытымъ переходомъ въ соборъ.

Одно преданіе, записанное въ монастырскихъ хроникахъ, объясняетъ религіозную ревность государя Алексѣя чудомъ покойнаго, чудомъ, послужившемъ будто-бы основой къ открытію мощей св. Саввы.

Вотъ этотъ случай.

Разъ, охотясь въ лѣсахъ, окружавшихъ Звенигородъ, Алексѣй Михайловичъ отдалился отъ всей сопровождавшей его свиты. Очувшись совершенно одинокимъ въ незнакомомъ мѣстѣ, среди почти непроходной чащи, государь смутился, невольно закралось въ его душу тревожное чувство. Опасность дѣйствительно была и даже близкая, неотразимая. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ государя и прямо къ нему направлялся громадный медвѣдь, по видимому раздраженный шумомъ охоты. Алексѣй Михайловичъ оледенѣлъ отъ ужаса, но вдругъ совершилось чудо: подлѣ государя невѣдомо откуда явился старецъ въ иноческой одеждѣ, отъ взгляда котораго медвѣдь побѣжалъ прочь. Изумленный царь спросилъ объ имени избавителя.

— Я инокъ Сторожевской обители, Савва, отвѣчалъ незнакомый и пошелъ къ монастырю. Государь послѣдовалъ за нимъ, но при вѣздѣ въ монастырь потерялъ изъ виду. Вскорѣ прибыли и отставшіе придворные.

Увидѣвъ архимандрита Сторожевскаго, государь поспѣшилъ разсказать ему объ этомъ случаѣ и приказалъ привести къ нему инока Савву—избавителя.

— Государь, такого инока нѣтъ у насъ въ обители, отозвался настоятель.

— Нѣтъ? а вотъ его образъ у васъ? и государь указалъ на портретъ, рисованный настоятелемъ Діонисіемъ.

Оказанная помощь объяснилась заступничествомъ св. Саввы.

Послѣ этого происшествія Алексѣй Михайловичъ приказалъ вскрыть гробъ покойнаго Саввы. По вскрытіи оказалось, что тѣло, лежавшее въ землѣ болѣе 245 лѣтъ, осталось нетлѣннымъ.

Алексѣй Михайловичъ часто и по долгу, со всѣмъ своимъ семействомъ, живалъ въ монастырѣ, и въ настоящее время сохраняются богатая риза и пелены, низанныя крупнымъ жемчугомъ—руководѣля дочерей царя Алексѣя. Царевна Софья выстроила церковь во имя Преображенія (къ сѣверу отъ главнаго собора). Трапеза этой церкви, по позднѣйшей передѣлкѣ, сдѣлалась помѣщеніемъ для классовъ духовныхъ училищъ.

Начало Сентября и глубокіе сумерки. Какъ будто въ уворъ, въ обличеніе людскихъ несправедливыхъ поговорокъ и прозваній, Сентябрь 1682 г. выдался особенно пріятной погодой. Послѣ душливаго знойнаго лѣта начались теплые, мягкіе дни съ длинными сумерьками осеннихъ вечеровъ. Это—время полного умиряющаго отдохновенія. Производительная сила природы послѣ страстнаго напряженія отдыхаетъ и нѣжится, любуясь грандіозностью созданнаго ею въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Чудный вечеръ. Въ ароматномъ воздухѣ слышится ласкающее, освѣжающее, возбуждающее нервы. Почти полная луна то высвободится отъ быстро бѣгущихъ неопредѣленныхъ очертаній облаковъ, обольетъ матовымъ свѣтомъ и деревья и каждый кустикъ, придастъ имъ вдругъ причудливыя формы, отброситъ отъ нихъ играющія тѣни, то вдругъ мгновенно спрячется въ

бѣгущей воздушной группѣ, оставя прежнюю сѣрую темь.

На довольно обширной дерновой скамьѣ Савино-Сторожевского монастырскаго сада, искусно устроенной монахами подъ кустами аваций, съ переплетенными верхними вѣтвями въ формѣ бесѣдки, полусидѣли, или, лучше сказать, полулежали двое Голицыныхъ, двоюродныхъ братьевъ, Василій Васильевичъ и Борисъ Алексѣевичъ, кравчій двора царицы Натальи Кирилловны.

Трудно представить типовъ болѣе рѣзко различныхъ. На сколько во всѣхъ движеніяхъ Василя Васильича видѣлась холодная сдержанность, обычное свойство дипломатовъ всѣхъ вѣковъ и народовъ, на столько же во всей наружности Бориса Алексѣича такъ и бросалась размахистая славянская натура. Борисъ Алексѣичъ былъ весь наружу и всегда на распашку. Въ большихъ голубыхъ глазахъ его почти постоянно искрилась беззаботная веселость, толстыя подвижныя губы дышали простодушіемъ, а широкій носъ, начинавшій краснѣть, выдавалъ слабость кравчаго къ увеселительнымъ напиткамъ. Откровенный характеръ Бориса Голицына цѣликомъ выливается въ каждой строчкѣ послѣдующей переписки его съ Петромъ, въ которой напимѣръ встрѣчается подобная подпись: «Бориско хотя быть пьянъ».

Но нѣкоторыя черты у обоихъ братьевъ были общими. Оба считались передовыми, образованными людьми своего времени, оба были знатоками латинской премудрости, но одинъ извлекалъ изъ нея уроки житейской горькой опытности, а другой безпечнаго наслажденія благами міра сего. Оба были преданы своему дѣлу и тѣмъ, кому посвятили свои силы. Борисъ Алексѣевичъ душой привязался къ царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ и ея сыну игривому, бойкому мальчику. Не задумавшись, не моргнувъ глазомъ, не поведя бровью отдалъ-бы жизнь свою Борисъ Алексѣевичъ за матушку царицу и за своего питомца Петра и отдалъ-бы со своей всегдашней любящей, незлобной улыбкой. Отдалъ-бы жизнь свою и Васи-

лій Васильичъ за свое дѣло, но отдавъ бы не опрометчиво, а испробовалъ-бы прежде всѣ другія обходныя средства, обезопасилъ-бы себя отъ неприятныхъ случаевъ.

— Я тебѣ говорю, братъ Василій Васильичъ, онъ удивительный ребенокъ. Ты всмотрись хорошенько въ глаза, въ каждое его движеніе: огонь, пламя. Какъ быстро схватываетъ на лету каждую мысль и не какъ ни-будь, а цѣликомъ и не какую ни-будь обиходную, а надъ которой голову поломаешь.

— Ну, ты вѣдь судишь пристрастно.

— Хорошо—согласенъ. Я сужу пристрастно... не отрекаюсь... я люблю его... Ну, спроси Датскаго резидента.

— Жаль, если такимъ способностямъ не дадутъ хорошаго развитія, а, какъ я знаю, его выучилъ только одной грамотѣ дьякъ Никита Зотовъ.

— Въ этомъ я съ тобой, Василій Васильичъ, не согласенъ. По моему пичкать и набивать молоденькую головку ребенка ученьемъ бездарныхъ учителей приносить только вредъ. А гдѣ у насъ хорошіе учителя? Правду сказалъ нашъ Симеонъ Полоцкій о воспитаніи:

Плевелы отъ пшеницы жезлъ твердъ отбиваетъ,
Розга буйство изъ сердець дѣтскихъ прогоняетъ
Родителемъ деревяннй жезлъ буди...

Положимъ, при Наталіи Кирилловнѣ деревяннй жезлъ въ употребленіи не былъ-бы, а все таки въ воспитаніи тоже бездарное вколачиваніе.

— У насъ хорошихъ наставниковъ, конечно, вовсе нѣтъ, но можно бы найти толковаго иностранца.

— Да, конечно, можно-бъ. Да и говорили одно время о генералѣ Мезеніусѣ... какъ-то не состоялось. Сама Наталья Кирилловна не желаетъ изнурять ребенка... Можетъ и къ лучшему. Пусть мальчикъ растетъ и набирается силы, — пригодится потомъ. *Anima sana in corpore sano*. А недостатокъ познаній пополнится. При

бойкости и остротѣ онъ въ часъ сдѣлаетъ, что другой въ годъ. Посмотрѣлъ-бы ты на него въ Преображенскомъ, на его игры съ мальчишками.

— Возня и бѣганье съ дворовыми мальчишками едва-ли, Борисъ Алексѣичъ, полезны ребенку. Разовьются дурныя наклонности, неблагородныя привычки.

— А по моему дурнаго тутъ нѣтъ. Никакой мальчишка на него вліянія имѣть не можетъ. Онъ всѣхъ ихъ выше и умнѣй: ему теперь не вступило 11 лѣтъ, а кажетъ лѣтъ четырнадцати. Да и игры ихъ—потѣшные бои, баталіи, построивка крѣпостей и оборона ихъ всегда на моихъ глазахъ. И посмотрѣлъ-бы ты, какъ онъ распоряжается! Нѣтъ, братъ, съ нимъ ладить не легко. Вотъ годика черезъ три, четыре—изъ него выйдетъ прямой русскій богатырь. Не одобровать тогда сестрицѣ Софѣѣ.

— Улита ѣдитъ—когда-то будетъ. Да и царевна сама не очень покладистая женщина... не дастъ себя сломить мальчику.

— Ну, братъ, каковъ мальчикъ! Нашъ скоро сдѣлается орломъ... не подь силу будетъ бороться съ нимъ царевнѣ. Не забудь, братъ, что всѣ эти смуты стрѣльцовъ и раскольниковъ, убійства родныхъ и дорогихъ лицъ не могли не засѣсть въ впечатлительную душу ребенка, а всѣ эти смуты связаны съ именемъ царевны...

— Такъ по твоему, Борисъ Алексѣичъ, Софья Алексѣевна выходитъ заводчицей смуть... Не кажусь ли я тебѣ убійцей?

— Трудно судить, а тѣмъ больше обвинять въ тайныхъ дѣлахъ, но...

— Да тутъ и тайны никакой нѣтъ, а дѣло явное. Стрѣльцы бунтовали и прежде, злились на начальство. Мудрено-ль сорвать злобу, когда не было твердой руки въ правленіи. На Нарышкиныхъ оборвалось, какъ на времящикахъ...

— Не спорю, братъ Василій Васильевичъ, и не хотѣлось бы видѣть въ царевнѣ злодѣя, а все таки, Богъ знаетъ, чего бы не далъ я видѣть тебя между насъ лю-

дей преданныхъ настоящему государю, а не въ ряду сторонниковъ царевны, съ глубокой грустью высказался Борисъ Алексѣичъ.

— Не долженъ ли я стать на ряду съ Нарышкиными? съ раздражительностью и несвойственной живостью отвѣчалъ Василій Васильевичъ. Не получать ли мнѣ отъ нихъ милостивыя слова, какъ подачекъ? Нѣтъ, братъ, я выбралъ дорогу по убѣжденію, и твердо пойду по ней, куда-бы не привела... хоть на плаху. Не могъ и не могу я иначе, продолжалъ онъ все съ большимъ одушевленіемъ. Государство при послѣднихъ годахъ Алексѣя Михайловича и при Ѳеодорѣ стояло на скользкомъ пути, оно разшатывалось отъ прежнихъ тяжкихъ неустройствъ. Вести государство въ такое время не могъ ребенокъ, да и изъ приближенныхъ Нарышкиныхъ не было способныхъ. Ты уважешь, можетъ быть, на Артамона Матвѣича? Хорошъ онъ былъ въ свое время, какъ совѣтникъ такого государя, какъ Алексѣй Михайловичъ, а заправлять смутой не его силѣ. А между тѣмъ еще при Ѳеодорѣ я сошелся ближе съ царевной, узналъ ея умъ, образованіе, твердую волю, вѣрный взглядъ и горячее желаніе блага государству. Это сближеніе рѣшило...

Василій Васильевичъ вдругъ замолчалъ. Разговоръ оборвался. Оба брата невольно сознали невозможность дальнѣйшей откровенности.

— Въ какомъ, однакожь, мы странномъ положеніи, первымъ заговорилъ Борисъ Алексѣичъ, вдругъ убѣжали изъ Москвы и бѣгаемъ теперь, какъ отъ гончихъ.

— Гоняться-то теперь никто еще не гонится, а могутъ гнаться, и надо принять заранѣе мѣры. Сегодня я разослалъ обружныя грамоты въ Суздаль, Владиміръ и другіе ближніе города съ призывомъ ополченія и велѣлъ гонцамъ лично наблюдать за сборомъ помѣстныхъ. Какъ только соберется сколько нибудь, тотчасъ вести сюда, не ожидая другихъ.

— Сколько тревоги по милости этихъ стрѣльцовъ... не мѣшало-бъ обуздать.

— Для безопасности государства это, пожалуй, что и необходимо, да подходить-то къ такому дѣлу надо съ большой опаской.

Больше этого Василій Васильичъ или не могъ, или не хотѣлъ сказать.

Разговоръ опять приостановился.

— А когда вы ждете первыхъ помѣстныхъ?

— Да такъ, дня черезъ два или три.

— Какъ вы ихъ размѣстите здѣсь? Видишь—вездѣ какая тѣснота?

— Я говорилъ ужъ объ этомъ царевнѣ... Кажется, она думаетъ ѣхать въ концѣ этой недѣли въ Троицкій монастырь черезъ Воздвиженское—дворцовое село.

— Ну... опять перебираться, замѣтилъ съ неудовольствиемъ Борисъ Алексѣичъ, да когда жъ перестанемъ прятаться?

— А вотъ что Богъ дастъ. Что дѣлать—время такое тяжкое...

— Однако поздно, братъ. Пора спать. Прощай.

Братья разстались, отправясь каждый въ свое помѣщеніе.

Г Л А В А XVIII.

Почти три недѣли миновало съ выѣзда царскаго двора и приближенныхъ бояръ изъ Москвы. Испуганные жители, торговые и посадскіе люди ждали какой нибудь рѣшительной перемѣны, и это ожиданіе томилло умы неопредѣленнымъ, давающимъ кашмаромъ. Спокойными казались только одни стрѣльцы, а въ особенности любимый начальникъ ихъ, князь Хованскій.

Оставаясь въ Москвѣ полнымъ распорядителемъ судьбы государства, благодаря всемогущей поддержкѣ стрѣлечкихъ полковъ, князь не проявлялъ никакой дѣятельности, не принималъ никакихъ мѣръ, которыя могли бы его подвинуть къ исполненію его завѣтной цѣли. Это былъ

одинъ изъ тѣхъ, такъ часто встрѣчаемыхъ характеровъ, которые сильны и дѣятельны только подѣ влияніемъ посторонней силы, которые способны и къ великимъ подвигамъ, но когда ихъ приведетъ къ тому сила обстоятельствъ. Но когда обстоятельства выставляютъ ихъ самихъ дѣйствующими лицами и рѣшителями общественныхъ вопросовъ, — тогда эти случайные герои безучасно складываютъ руки. Такъ и теперь. Хованскій оставался сповойнымъ болѣе всѣхъ Москвичей и выжидалъ извѣстїа какаго либо указанїа, не понимая всей важности настоящаго положенїа дѣла и серьезности роли, которую бросила ему судьба.

Въ такомъ странномъ положенїи князь могъ бы оставаться безвѣчно долго, еслибъ не вывелъ его опять таки случай извѣстїа. Въ Москву прискакалъ гонецъ съ извѣстїемъ о скоромъ приѣздѣ туда сына Малороссійскаго гетмана. Надобно было принять гостя, необходимо было сказать слово по назойливому общественному дѣлу. И вотъ Хованскій — Тараруй почувствовалъ себя не въ уровнѣ съ обстоятельствами, не способнымъ къ самостоятельному ходу и вмѣсто всякихъ личныхъ распоряженїй, поспѣшилъ увѣдомить царевну о скоромъ прибытїи гостя и просить ея указанїй. Но вмѣсто просимыхъ инструкцій, онъ получилъ отъ царевны милое письмо, въ которомъ она такъ ласково и любезно хвалитъ его за вѣрную службу и такъ привѣтливо приглашаетъ прїѣхать къ ней на свиданїе для совѣщанїа по Малороссійскимъ дѣламъ.

Быть или не быть? Ѣхать или не ѣхать?

Ѣхать — значило ставить себя въ положенїе опасное, отдать себя въ руки враговъ, отъ которыхъ трудно ожидать пощады, судя по молвѣ о призывныхъ грамотахъ земскихъ ратныхъ людей; не ѣхать — значило сдѣлать рѣшительный шагъ къ возстанїю, открыто поставить себя узурпаторомъ.

Послѣ долгихъ колебанїй, князь рѣшился на первое, какъ болѣе согласное съ его личною храбростью и слабостью воли. Да и чего жъ было опасаться? Не слу-

жилъ-ли порукой безопасности самый день свиданія 17 Сентября, день именинъ царевны Софьи Алексѣевны? Можно-ли бояться ему, князю Хованскому, обожаемому стрѣльцами, готовыми на защиту его встать поголовно? Да, вѣдь, и не одинъ же онъ и побѣдетъ-то на свиданіе въ село Воздвиженское — съ нимъ будетъ его многочисленная дворня и хоть не многочисленный, но вѣрный отрядъ стрѣльцовъ, которыхъ не испугаетъ какойнибудь мужичій сбродъ вовсе непривычныхъ къ ратному дѣлу? А между тѣмъ свидѣвшись лично съ царевной, онъ досконально узнаетъ положеніе дѣлъ и вѣрнѣе можетъ опредѣлить свои будущія отношенія.

Непривѣтливо проглянулъ на свѣтъ Божій день 17-го Сентября. Однообразнымъ сѣренькимъ полотномъ закуталось, такъ недавно сіявшее и блестящее голубое небо. Мелкій почти нераздѣльный для глаза дождикъ моросилъ безъ устали, образуя какой-то сплошной туманъ. Сырой воздухъ съ рѣзвымъ вѣтромъ обхватывалъ человѣка, пронизывалъ его одежду и раздражалъ даже привыкшіе къ всякой непогодѣ нервы. Въ такую непогодъ дороги становились почти непроходимыми. Грязь налипала къ колёсамъ, уходившимъ по ступицу въ размошіе колени. Лошади тонули въ топкой глинѣ, откуда съ трудомъ выдирали ноги.

Угрюмо подвигался небольшой поѣздъ и свита князя Хованскаго въ это утро по дорогѣ къ селу Воздвиженскому.

— Ну ужъ погодка! И что это батюшкѣ вздумалось въ такое время тащиться къ царевнѣ и за какимъ прачомъ! Бросила Москву—сама виновата... проживемъ и безъ нея, говорили провожатые стрѣльцы, ѣжась и кутаясь, протирая глаза, утирая носы и отворачиваясь отъ свѣжаго, рѣзкаго вѣтра.

Невесело было и на душѣ самого князя. Тяжелымъ камнемъ лежали на сердцѣ его размовки съ преданнымъ другомъ, полковникомъ Одинцовымъ и съ любимымъ старшимъ сыномъ Иваномъ. Оба они настойчиво угова-

ривали его не ѣхать къ царевнѣ, не вѣрить льстивымъ словамъ и оба, однако жъ, не хотѣли отдѣлиться и покинуть его въ минуты опасности. Одинцовъ провожалъ его, а сынъ отдѣлился только на время, по крайней нуждѣ заѣхать по дорогѣ въ свою вотчину на Клязмѣ.

Напрасно пытался князь разсѣять свои мрачныя думы, рисуя въ воображеніи ласковый пріемъ царевны, ея внимательность къ нему предпочтительно передъ всѣми боярами, похвальные рѣчи, угодливость его желаніямъ и наконецъ теплый пріютъ и вкусный обѣдъ. Помимо воли непослушная мысль вдругъ переносилась отъ лавомыхъ яствъ къ обезглавленному трупу Пустосвата, отъ задумевныхъ звонкихъ рѣчей царевны къ свисту сѣкиры надъ плахой, отъ фряжскихъ винъ къ теплой крови. Перекрестился князь — и крестъ не помогаетъ.

— Что за чертовщина лезетъ въ голову, говорилъ онъ съ досадою, отряхавъ и внимательно всматриваясь въ дорожную смурюю даль, а между тѣмъ снова передъ глазами тѣ же бессмысленные глаза Пустосвата. И вотъ кажется князю — будто-бы безжизненный трупъ оживаетъ, глаза загораются яркимъ огнемъ, нѣмыя уста шевелятся, и вотъ чудится князю — будто мученикъ машетъ ему рукой, зоветъ къ себѣ..

Съ большимъ трудомъ и вдосталь намучившись, поѣздъ прослѣдилъ только около 25 верстъ и подвинулся къ патриаршему селу Пушвину. Необходимо было и конямъ дать отдыхъ, и людямъ перекусить. Раскинули шатеръ у пригорка при опушкѣ лѣса за Пушвинскими крестьянскими гумнами. Это былъ послѣдній отдыхъ князя.

Извѣщенная о намѣреніи князя Хованскаго пріѣхать къ ней въ село Воздвиженское 17-го Сентября, правительница успѣшила принять рѣшительныя мѣры. По пріѣздѣ въ Воздвиженское, встрѣтивъ первые отряды ратныхъ людей, прибывшихъ по призыву ея на защиту царскаго дома, она тотчасъ же распорядилась послать ихъ подъ начальствомъ боярина князя Ивана Михайлыча Лыкова на дорогу изъ Москвы въ Воздвиженское карау-

лить князя Хованскаго, захватить его, и привезти подъ вѣрѣпкимъ карауломъ къ ней.

Лыковъ расположилъ свой отрядъ по избамъ села Пушкина, выставивъ на дорогу наблюдательные сторожевые посты. Вскорѣ гонцы изъ разставленныхъ постовъ одинъ за другимъ донесли ему о приближеніи князя Хованскаго къ селу Пушкину, а вслѣдъ затѣмъ и о выборѣ имъ мѣста для отдыха. Собравъ свой отрядъ и проведя его незамѣтно по опушкѣ, онъ вдругъ, словно цѣпью, окружилъ шатеръ князя. Безоружные, ошеломленные дворня и стрѣльцы, конечно, не могли сопротивляться, точно также, какъ и князь съ Одинцовымъ.

— Сдайся, князь! сказалъ вошедшій въ шатеръ Хованскаго Лыковъ.

— Какъ смѣешь ты нападать на дорогѣ, какъ разбойникъ? Развѣ не узналъ меня! нахмурившись спросилъ князь.

— Узналъ, Иванъ Андреечъ. Только я не дорожный разбойникъ, а слуга царскій, и беру тебя по приказу царевны. Не самовольно же я могу взять ратныхъ людей!

— Ты лжешь! Я покажу тебѣ милостивое письмо самой царевны ко мнѣ съ приглашеніемъ.

— Можетъ, князь, царевна и вызвала тебя ласковымъ приглашеніемъ изъ Москвы, какъ гостя дорогаго, а на дорогѣ велѣла схватить тебя, какъ измѣнника и ослушника.

Спорить не приходилось. Князь и Одинцовъ дозволили обезоружить себя и связать. Ихъ обоихъ посадили на крестьянскую телѣгу.

— Теперь, ребята, за княземъ Андреемъ, распорядился князь Лыковъ, садясь на коня и отправляя въ то же время нарочнаго гонца къ царевнѣ съ извѣстіемъ о благополучномъ выполненіи порученія.

Отрядъ двинулся къ вотчинѣ князя Андрея Хованскаго.

Здѣсь дѣло не обошлось такъ легко. Выѣхавъ на

деревенскую площадь и окруживъ господскій домъ, князь Лыковъ хотѣлъ войти туда, но двери оказались запертыми. На грозное требованіе отворить ихъ, въ отвѣтъ отворились окна въ верхнемъ жилѣ, и выставились дулы ружей.

— Стрѣляйте въ разбойниковъ! послышался голосъ князя Андрея. Раздались выстрѣлы, и одинъ раненый свалился изъ нападавшихъ.

— Ко мнѣ сюда, молодцы, съ топорами! ломайте двери! закричалъ Лыковъ, и толпа ратниковъ бросилась на крыльцо. Здѣсь они были безопасны отъ выстрѣловъ изъ оконъ. Подъ дружными ударами топоровъ скоро выломались сѣнныя двери, и толпа ворвалась въ комнаты. Испуганная дворня побросала ружья и бросилась бѣжать, оставивъ князя Андрея одинѣкимъ. Не смотря на отчаянное сопротивленіе послѣдняго, его обезоружили, связали и усадили въ телѣгу, рядомъ съ отцомъ и Одинцовымъ.

Выразительнымъ взглядомъ обмѣнялись отецъ съ сыномъ: на любовную мольбу отца, какъ будто искавшаго прощенія, отвѣтило горячее скорбное участіе сына. Одинцовъ сидѣлъ, опустивъ голову.

Окончивъ исполнѣ порученіе, отрядъ, сопровождая телѣгу съ плѣнниками, двинулся къ селу Воздвиженскому.

Во всю непродолжительную дорогу на тряской телѣгѣ, плѣнники не размѣнялись ни словомъ. Томительно жгучій, недоумѣвающий вопросъ поднимался у каждаго въ головѣ, хотя рѣшеніе могло казаться неизвѣстнымъ только для самихъ жертвъ.

Человѣкъ по природѣ своей существо самообольщающееся. Какъ бы ни были грозны и тяжки обстоятельства, онъ всегда отыщетъ въ нихъ сначала вопросъ, недоумѣніе и сомнѣніе, потомъ благопріятную для себя сторону и наконецъ дойдетъ до полной увѣренности въ свѣтломъ оборотѣ. И даже, чѣмъ грознѣе и очевиднѣе обстоятельства, тѣмъ сильнѣе работаетъ самообольщающее чувство. То же испытывалъ и старый князь. Оше-

ломленная неожиданностью удара, его мозговая система парализовалась, но потомъ, мало по малу освобождаясь отъ тяжелаго впечатлѣнія, онъ сталъ обдумывать свое положеніе.

— Что-жъ это значитъ? началъ онъ вопросомъ. Зачѣмъ бы такъ поступать царевнѣ съ такимъ вѣрнымъ и преданнымъ слугою, какъ я? Не я ли работалъ для нея съ стрѣльцами и не я ли подвелъ ее къ престолу? Не я ли защитилъ ее отъ старыхъ ревнителей православія? Нѣтъ... тутъ должна быть очевидная ошибка. Могла царевна обмолвиться, могъ и Лыковъ обслышаться, принять одно имя за другое... мало ли у царевны враговъ. Вотъ придемъ—все разъяснится... тогда ужъ я потребую полного удовлетворенія... Да и опасаться мнѣ нечего, продолжалъ убаюкивать себя князь, мои дѣти—стрѣльцы развѣ потерпятъ лиха надо мной! Какъ только узнаютъ,—а узнаютъ они тотчасъ же,—всѣми полками явятся въ Воздвиженскомъ, камня на камень не оставлять, скорѣе весь царскій дворъ изведутъ, а меня выручатъ. Можетъ это еще и къ лучшему... сама судьба ведетъ къ гибели моихъ враговъ... Припомню-жъ я Ивану Михайлычу.

Въ это время телѣга и ратники вѣзжали въ длинную улицу села Воздвиженскаго. На улицѣ было людно, такъ какъ до солнечнаго заката было еще далеко. Во многихъ мѣстахъ то толпились кучками, то расхаживали по одиночкѣ вновь прибывшіе земскіе ратники. Всѣ оставались и провожали глазами проезжающую телѣгу съ плѣнниками, и изъ многихъ кучекъ слышались слова:

— Ага, попался таки измѣнникъ! Недолго значитъ мы будемъ здѣсь гостить. Скоро, какъ разъ въ время по спѣемъ въ поле къ бабамъ на помощь.

Телѣга между тѣмъ вѣзжала на центральную площадь села передъ царскимъ дворцомъ. На площади точно также сновали люди и въ особенности на одной сторонѣ ея, гдѣ лежало случайно оставленное толстое бревно. Тутъ недалеко отъ этого бревна, почти противъ

царскаго дворца, остановилась телѣга, и плѣнныя поставили на площади. Не долго пришлось имъ ожидать рѣшенія своей участи. Не прошло и десяти минутъ, какъ съ дворцовой лѣстницы уже сходили бояре съ дьякомъ, въ рукахъ котораго находился ужь *готовый* боярскій приговоръ.

Подойдя къ обвиняемому, дьякъ прочиталъ звонкимъ голосомъ во всеуслышаніе толпившемуся народу:

«Князь Иванъ! Завѣдывая стрѣльцкимъ приказомъ, ты дѣйствовалъ самовольно безъ доклада государямъ, ты раздавалъ денежную казну и тѣмъ, кому не надлежало, въ отягощеніе государства и народа, ты позволялъ стрѣльцамъ входить въ царскія палаты съ наглымъ невѣжествомъ, ты пыталъ и истязалъ въ стрѣльцкомъ приказѣ многихъ людей, твоему суду неподсудныхъ, ты взыскивалъ незаконно безчеловѣчнымъ правешемъ съ разныхъ лицъ большія суммы, ты дозволялъ стрѣльцамъ незаконно собрать съ дворцовыхъ волостей болѣе 100.000 рублей, ты, не уважая царскаго присутствія, предъ всѣми боярами съ чрезмѣрной гордостью похвалялся своей службой, ты нѣсколько разъ высказывалъ въ палатѣ, что государство стоитъ только по твою кончину, а послѣ тебя всѣ будутъ ходить по колѣна въ крови, ты съ дерзостью и наглымъ шумомъ оспаривалъ дѣла, вершенныя по уложению, оскорбляя свою братью бояръ и даже угрожая имъ копьями, ты возставалъ вмѣстѣ съ раскольниками на св. церковь и потомъ защищалъ ихъ отъ заслуженной кары, ты ослушался царскихъ указовъ объ отправленіи стрѣльцовъ для защиты казанскихъ мѣстъ отъ калмыковъ и башкирцевъ, ты не отпустилъ въ село Коломенское Стремянной полкъ во дню тезоименитства царя Іоанна Алексѣевича, ты ослушался указа и не присутствовалъ въ Москвѣ на празднованіи новаго лѣта въ неприязнь къ патріарху, ты наскazyвалъ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ на новгородскихъ дворянъ, что они собираются на Москву для избіенія всѣхъ безъ исключенія, ты своевольно назначалъ въ города воеводъ, ты наска-

зывалъ на надворную пѣхоту, будто она питаетъ мятежные замыслы, которыхъ въ дѣйствительности у нея не было, и въ то же время надворной пѣхотѣ, не выходя изъ царскихъ палатъ, говорилъ смутныя рѣчи. Къ тому-жъ на тебя явилось въ селѣ Коломенскомъ обвинительное письмо (при этомъ дьякъ прочиталъ все подметное письмо). А такъ какъ воровскія дѣла твои съ тѣмъ обвинительнымъ письмомъ сходны, злохитростный умыселъ твой на царское здоровье обличился и измѣна твоя несомнѣнна, то *великіе государи указали тебя, князь Иванъ Хованскій, за многія твои великія вины и за многія воровства и за измѣну казнить смертью.*

Смертный же приговоръ былъ прочитанъ и сыну князю Андрею, но только въ немъ, вмѣсто исчисленія винъ, глухо упоминалось «за многія преступленія».

Гробовое молчаніе послѣдовало за объявленіемъ приговора.

— Безъ суда и безъ розыска обвиняете меня, бояре, братья мои. Самаго послѣдняго холопа, вѣдомаго злодѣя, вы спрашиваете, слушаете его оправданій, а меня лишаете слова, не захотѣли выслушать отъ меня правды. Я виноватъ передъ вами, братья, я унижалъ и оскорблялъ васъ, но въ преступленіяхъ я неповиненъ. Я всегда служилъ царевнѣ честно всѣми своими силами. За что же казнить меня? Молю васъ, братья, выслушайте меня, выслушайте мою правдивую рѣчь, исповѣдь мою, какъ предъ Богомъ. Вы узнаете тогда, кто виноватъ, какого голоса я слушался, и вы отмѣните приговоръ. Я навсегда удалюсь отсюда, не буду мѣшать вамъ, похоронюсь въ далекихъ лѣсахъ, и никогда не услышите имени моего — только не убивайте меня, не отрывайте навсегда отъ жены и малыхъ дѣтей. Вы сами мужа и отцы, вы исполните мою послѣднюю просьбу: доложите царевнѣ о моемъ моленіи, и я вѣчно буду молить за васъ Бога.

Правда слышалась въ судорожномъ, прерывистомъ, полномъ рыданія голосѣ стараго князя и отозвалась участливымъ отвѣтомъ въ сердцахъ многихъ. Двое бояръ

выдѣлились изъ толпы и пошли къ дворцу. Ихъ встрѣтилъ во дворцѣ, въ первыхъ же комнатахъ, бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій.

— Царевна приказала сейчасъ же исполнить разговоръ и не слушать отъ князя никакихъ оправданій, проговорилъ онъ, не давая высказать боярамъ ни слова.

— А ты, полковникъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ начальнику Стремяннаго полка, приведи скорѣй надежнаго стрѣльца для выполненія казни.

Бояре и полковникъ вышли на площадь. Молча бояре заняли мѣста свои.

Нѣмымъ, тревожнымъ вопросомъ уставился князь въ глаза пришедшимъ и понялъ бесплодность попытки.

Часто видѣлъ старый князь смерть въ кровавыхъ бояхъ и смѣло, нетрепетно смотрѣлъ ей прямо въ глаза, ведя свой полкъ въ жестокой огонь. Отчего-жъ теперь такъ слѣдно лицо его? Отчего такъ нервно подергиваются его члены? Казалось бы дѣло привычное... Нѣтъ, никогда человѣкъ не можетъ привыкнуть къ смерти, никогда не можетъ съ ней освоиться. Смерть въ бою представляется случайностью, имѣются нѣкоторые шансы на спасеніе... Человѣкъ увлекается примѣромъ товарищей, уврѣпляется необходимостью долга, воодушевляется идеей. Фанатикъ мужественно и безъ всякаго колебанія встрѣчаетъ смерть ради развитія идеи, поглощающей все его существо. Умираетъ съ наслажденіемъ еще тотъ, кто потерялъ для себя всякую цѣль жизни, все для себя дорогое и видитъ въ будущемъ только долгую, безконечную цѣпь страданій. Но князь Хованскій не принадлежалъ къ числу такихъ лицъ. Онъ не былъ фанатикомъ, онъ видѣлъ въ жизни только одну привлекательную сторону: общественное положеніе вполне удовлетворяло его самолюбію, любовь жены и дѣтей приносили ему только радость. Онъ черпалъ всѣ блага земныя, еще неперсытвшись ими. И вотъ все это должно порваться—и какъ порваться! Безчестно, позорно, съ клеймомъ для близкихъ, съ вѣчнымъ осужденіемъ потомства!

Ужасъ насильственнаго перерыва жизни, еще не исчерпанной, и еще жаждавшей, леденилъ весь организмъ стараго князя. Отъ чрезмѣрнаго напряженія духа умственныя представленія прожитаго быстро, неопредѣленно и смутно смѣнялись: то мелькало передъ его глазами дѣтство съ такими давно забытыми подробностями, которыхъ могла вызвать только такая усиленная до послѣднихъ предѣловъ работа духа, то рядомъ съ дѣтствомъ врывались въ память образы царевны, нѣбогда имъ, можетъ быть, слишемъ горячо любимый, то образы товарищей—бояръ, къ которымъ ужь не ощущалось въ глубинѣ сердца ни гнѣва, ни сильной злобы, то образы жены, дѣтей, стрѣльцовъ и всего, что имѣло для него живую окраску.

Не слыхалъ князь, какъ грубая рука служителя взяла его за руку, подвела къ лежавшему на площади бревну, поставила на колѣна и наклонила его голову такъ, что шея приходилась на самой верхней окраинѣ бревна. Но это еще не конецъ. Судорожно дрогнули нервы и голова снова поднялась: мелькнула мысль — молиться... молиться..

— Господи! Господи! начали шептать безкровныя губы, но дальше словъ не было, они не наворачивались на языкъ, не облекались въ форму человѣческой рѣчи. Это была молитва духа, послѣднее прощаніе съ земнымъ. Стремянной стрѣлецъ снова наклонилъ голову князя, снова обнаженная шея очутилась на бревнѣ. Сѣкира взвизнула въ воздухѣ; и голова князя отлетѣла отъ бревна... полились потоки крови...

Князь Андрей рванулся впередъ къ трупу отца, схватилъ отлетѣвшую голову, изъ которой текла ручьями кровь, долго и нѣжно цѣловалъ въ сомкнутые глаза и губы.

— Ну пойдемъ, князекъ, за тобой очередь... сказалъ ему исправлявшій должность палача, взявъ за руку молодаго князя и подводя его къ окровавленному бревну. Юноша самъ скинулъ боярскаго кафтанъ, три раза перекрестился двуперстнымъ знаменіемъ, глянулъ на небо и

безъ всякой жалобы, ропота, не промолвивъ ни одного слова, обнажилъ самъ шею и положилъ ее на бревно. Во второй разъ сверкнула сѣкира въ воздухѣ, и другая голова отскочила отъ бревна. Кровь отца и сына слились вмѣстѣ.

Тупымъ и бессмысленнымъ взглядомъ слѣдилъ за казнью любимаго начальника и его сына третій плѣнникъ, стрѣлецкій полковникъ Одинцовъ. Ему не былъ прочитанъ приговоръ, и онъ не считалъ себя осужденнымъ... И вдругъ къ его крайнему изумленію и ужасу палачъ, послѣ казни Хованскихъ, прямо подошелъ къ нему и точно также взялъ за руку.

— Прочь отъ меня! Меня не судили, мнѣ не читали приговора, кричалъ несчастный, отдергивая локоть изъ сильной руки палача.

— Не читали... стало и не стоило, а мнѣ приказано.

Одинцовъ упирался и отбивался всѣмъ тѣломъ, и хотя руки его были связаны, но нервное напряженіе до такой степени удвоило его отчаянныя усилія, что потребовалась помощь нѣсколькихъ служителей. Одинцова скрутили и уложили на плаху.

— Матушка, царевна Софья Алексѣевна! Смилуйся! Заступись! Я ни въ чемъ не повиненъ передъ тобой... За что хотять казнить меня? Я-ль не служилъ тебѣ? Бояре, дайте мнѣ время покаяться!

Недолго раздавались мольбы и вопли несчастнаго. Въ третій разъ сверкнула сѣкира, и еще новая голова покатила по землѣ, облитая кровью.

Народъ сталъ расходиться съ площади молча, подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ видѣннаго; не слышалось уже уворительныхъ бранныхъ словъ. Не въ русской натурѣ осуждать наказаннаго.

Трупы казненныхъ Хованскихъ, отца и сына, сложили вмѣстѣ въ одинъ гробъ и перевезли въ село Троицкое, Городецъ то жъ, близъ села Воздвиженскаго, а тѣло Одинцова просто зарыли въ ближайшемъ лѣсу.

ГЛАВА XIX.

Въ комнатѣ, смежной съ опочивальней царевны Софьи Алексѣевны, у окна, изъ котораго открывался видъ на всю площадь, во время совершенія казни находились сама царевна, бояринъ князь Василій Васильичъ Голицынъ, бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій и Ѳеодоръ Леонтьевичъ Шахловитый.

Царевна сидѣла за столомъ, бокомъ къ окну, облокотившись на лѣвую руку и отворотившись въ поль-оборота отъ площади. Во всей фигурѣ ея, полной самообладанія и сдержанности, едва было можно уловить определенное выраженіе чувства и внутреннее волненіе. У противоположной стороны стола, прямо къ окну стоялъ бояринъ Милославскій, не сводившій глазъ съ площади. Лицо его, истощенное страстями и носившее ясныя слѣды той болѣзни, которая недолго спустя, послѣ казни Хованскихъ, свела его въ могилу, было блѣдно и подвижно. По вниманію, съ которымъ онъ слѣдилъ за разыгрывающеюся драмой, по легкой усмѣшкѣ, вырѣзавшейся еще болѣе глубокой складкой у угловъ рта, по разширеннымъ носдрамъ можно было ясно видѣть въ немъ, если не автора, то главнаго актера драмы. Напртивъ того, на сколько внутреннее движеніе пробивалось у царскаго свойственника, на столько оно было похоронено у князя—оберегателя. Въ его полуопущенныхъ глазахъ невозможно было ничего прочесть, кромѣ обычной мягкости. Да и стоялъ онъ въ полутѣни, позади царевны. Подлѣ боярина Голицына, нѣсколько позади, стояло новое лицо въ интимномъ кружкѣ царевны—Ѳеодоръ Леонтьевичъ Шахловитый.

По первому взгляду можно было судить, что этому лицу будетъ предстоять видная роль. Высокій, стройный, съ выразительными чертами лица, онъ выдавался именно тою энергическою красотою, которая такъ нравится женщинамъ. Черные волосы, смуглый цвѣтъ лица, правиль-

ныя, хотя и рѣзкія линіи, большіе черные глаза, изъ которыхъ такъ и била беззавѣтная отвага, составляли типъ совершенно противоположный тому типу, представителемъ котораго могъ назваться Голицынъ. Это былъ типъ физической силы, не лишенный здраваго ума, но и не надломленный чрезмѣрнымъ развитіемъ духовной стороны.

— Повончено... не раскаяваюсь, говорила царевна медленно, ни къ кому особенно не обращаясь, какъ будто заикаясь и къ чему-то прислушиваясь внутри себя. Таковой порядокъ, какой былъ при Хованскихъ — невозможенъ.

Никто не возражалъ.

— Василій Васильичъ не совсѣмъ согласенъ? спросила она, ужь прямо обратившись къ Голицыну, и въ то же время взглядъ ея, скользя съ лица любимца, упалъ на красиваго Шавловитаго.

— Нѣтъ, царевна, я то же думаю. Порядки Хованскаго не могутъ быть допускаемы въ государствѣ, но я полагаю-бы... было-бы... могли-бы быть и другія мѣры... не такія рѣшительныя...

— Другихъ мѣръ не было, Василій Васильичъ. Хорошо знаю князя Хованскаго. Никакой монастырь, никакія стѣны не удержали-бы стрѣльцовъ освободить его... Въ этомъ, кажется, нельзя сомнѣваться...

— Да, государыня... но...

— Понимаю, князь. Ты хочешь сказать, что въ Иванѣ Андреечѣ я потеряла вѣрнаго слугу, на котораго могла бы имѣть вліяніе? Въ томъ-то и бѣда, что на повойнаго, при этомъ царевна перекрестилась, могли имѣть, если еще не больше, вліяніе и другіе... Ты знаешь, продолжала она уже съ нѣкоторымъ раздраженіемъ въ голосъ, въ какое опасное положеніе для всѣхъ стали стрѣльцы. Никто, начиная съ насъ и до послѣдняго чернослободца, не былъ въ безопасности. Я не менѣе твоего, Василій Васильичъ, противъ казней,

не менѣе твоего жалѣю Хованскихъ, но никогда не отступлю, когда потребуешь общее благо...

— А ты какъ думаешь? спросила царевна, вдругъ оборотившись къ Шабловитому.

— По моему разуму, государыня, отвѣчалъ Шабловитый, къ цѣли лучше идти смѣло прямой дорогой, а то разные обходные пути могутъ сбить самого и привести совсѣмъ не туда, куда нужно...

Отвѣтъ понравился Софьѣ Алексѣевнѣ, и она милостиво улыбнулась дяку.

— Въ твоихъ словахъ много правды, Федоръ Леонтьичъ, замѣтилъ Голицынъ, только не забудь: иногда прямая дорога бываетъ непроходною.

— Э... бояринъ, была-бы воля... и новую можно проложить.

— По необходимости приговоръ мой исполненъ, и говорить объ этомъ нечего, начала царевна послѣ непродолжительнаго молчанія. Теперь надо подумать кого назначить въ стрѣлецкій приказъ и какія принять мѣры къ оборонѣ.

— По моему мнѣнью, царевна, высказался Голицынъ, лучше всего назначить окольного Змѣева.

— Почему-жъ лучше, князь?

— Змѣева, государыня, стрѣльцы знаютъ давно и не будутъ противъ него, а онъ, хоть и не изъ хутородныхъ, а все изъ твоей воли не выйдетъ.

— Согласится-ли онъ?

— Развѣ государыня должна спрашивать согласія у слуги своего? Будетъ не по силамъ, такъ и самъ попросить уволить.

— Хорошо. Приготовь грамоту. Много будетъ хлопотъ ему, да и всѣмъ намъ, какъ узнаютъ стрѣльцы о смерти *батюшки*. Много-ли у насъ въ сборѣ ратныхъ людей, Василій Васильичъ?

— Стрѣльцовъ, государыня, не опасайся. Будутъ они горланить, да единства у нихъ нѣтъ, а безъ единства только будетъ шумъ да пьянство. Притомъ же съ нашей

стороны надежныя мѣры: сегодня переѣзжаемъ въ Троицѣ, гдѣ, какъ ты сама знаешь, есть и боевой снарядъ и прочныя стѣны, за которыми легко отсидѣться.

— Медленно собираются, Василій Васильичъ, ратные люди, не послать ли гонцовъ съ пенужденіемъ...

— Сегодня утромъ, царевна, отвѣчалъ Василій Васильичъ, вынимая изъ кармана книжечку и справляясь съ замѣтками, я отправилъ боярина Петра Семеныча Урусова въ Суздаль, Владиміръ, Юрьевъ, Лухъ и Шую; околичнаго Матвѣя Петровича Измайлова въ Рязанскіе пригороды; боярина, — Алексѣя Семеныча Шеина въ Коломну, Комиру, Тулу и Крапивну; казначея, Семена Теодорыча Толочанова въ Кострому, Угличъ, Романовъ и Пошехонье; думнаго дворянина, Зова Демидовича Голохвостова въ Ростовъ, Ярославль и Переяславль Залѣсскій. Всѣмъ имъ я навазывалъ, какъ можно настойчивѣй спѣшить, безъ всякихъ отговорокъ, сборомъ ратныхъ людей въ Троицѣ во всемъ вооруженіи. Съ такимъ же требованіемъ послалъ я тоже царскую грамоту и въ Ново-нѣмецкую слободу къ полковникамъ и начальнымъ людямъ. Вѣроятно, передовые скоро ужь будутъ подходить.

— Кому повѣрить главное начальство, Василій Васильичъ?

— Кого назначишь, государыня. Въ твоей волѣ.

— Кому-жъ, какъ не тебѣ, родной мой. Изготовь грамоту о томъ, что государи оборону Троицы и всѣ воинскія распоряженія вѣряютъ тебѣ дворовому воеводѣ и ближнему боярину, а въ товарищи къ тебѣ напиши боярина, князя Михаила Ивановича Лыкова, думнаго дворянина, Алексѣя Ивановича Ржевскаго и думнаго генерала, Аггея Алексѣевича Шепелева.

— Слушаю, царевна. А теперь позволю мнѣ удалиться... прибраться къ дорогѣ.

— Ступай, князь, и торопи другихъ къ выѣзду, сказала царевна, отпуская Голицына и Шакловитаго.

Выйдя изъ комнаты царевны, они молча прошли всѣ повои и молча спустились съ лѣстницы. Только на по-

слѣдней ступени Шапловитый рѣшился спросить все-сильнаго любимца.

— Позволь мнѣ сказать тебѣ, бояринъ, Змѣевъ не сладитъ въ теперешнее смутное время съ стрѣльцами. Царевна, какъ я замѣчаю, желаетъ сократить ихъ, а Змѣевъ не способенъ на такое опасное дѣло.

— Знаю.

— Какой же онъ начальникъ?

— Онъ и не будетъ.

— Да вѣдь, царевна приказала назначить?

— Она приказала, да онъ самъ откажется.

— Откажется... а кто-жъ будетъ?

— Кто? Ты, Ѳеодоръ Леонтьичъ...

— Я? шутишь, бояринъ, надо мной — малымъ чело-вѣкомъ. Стрѣльцкимъ приказомъ всегда заправляли знатные бояре, а я, какъ ты самъ знаешь, изъ худо-родныхъ. И царевна не согласится.

Тонкая улыбка пробѣжала по губамъ Василя Ва-сильича.

— Нынѣ, Ѳеодоръ Леонтьичъ, не прежнія времена, считаются мѣстами не слѣдъ. Царевнѣ не знатные роды нужны, а люди вѣрные. Мало-ль что можетъ случиться... можетъ ты не только что стрѣльцкимъ начальникомъ, а будешь и повыше... Будь только преданъ и не жалѣй головы...

— Я ли не преданъ, Василю Василичъ? отца и мать родныхъ для нея не пожалѣлъ-бы... Да и не только что за нее, а и за тебя готовъ голову свою сложить, кровь пролить.

— Хвалю тебя за это, Ѳеодоръ Леонтьичъ, говорилъ князь съ той-же тонкой улыбкой, смыслъ которой не высказывался словами. Ты пойдешь далеко, но помни всегда: всѣмъ ты будешь обязанъ царевнѣ... для тебя — она свѣтъ Божій. У другихъ... у знатныхъ — сильныя руки въ роднѣ, а у тебя никого и ничего нѣтъ — только она одна... А за твое расположеніе ко мнѣ — спасибо: Вѣрю тебѣ и надѣюсь, — надѣйся и ты на меня.

Новые друзья растались, крѣпко пожавъ другъ другу руки.

Отпустивъ любимца и думнаго дьяка, Софія Алексѣевна крѣпко задумалась.— Вотъ еще новый шагъ по крови, думала она,— а къ чему онъ приведетъ? Какой мудрецъ отвѣтитъ на это?... Но къ чему бы не привелъ онъ, а я пойду впередъ... Я одна въ силахъ вырвать изъ болотной гнили и показать дорогу къ лучшему... Я найду преданныхъ людей и обопрусь на нихъ, людей новыхъ, съ умомъ и дарованіями, дамъ имъ ходъ, съ помощью ихъ уничтожу злоупотребленія тупаго боярства.

Этими думами не старалась-ли она обманывать и сама себя? Не представлялись-ли эти новые люди въ красивыхъ чертахъ думнаго дьяка? Общимъ благомъ не маскировалась-ли потребность собственнаго сердца? Ея любовь къ милому Голицыну приняла съ нѣкоторыхъ поръ странное направленіе. Встрѣтившись у постели больнаго брата въ ту пору женскаго сердца, когда оно жажлетъ любви, не смотря на всѣ оковы замкнутой теремной жизни, она полюбила его неудержимымъ порывомъ, но она полюбила бы въ то время всякаго... Но потомъ, когда насыщенъ былъ первый пылъ страсти, стали возникать иные вопросы. Какъ передовой, умный и образованный человѣкъ, онъ упрочилъ за собой вниманіе и уваженіе молодой женщины, умѣвшей по собственному развитію оцѣнивать эти качества, но вмѣстѣ съ тѣмъ, стало все больше и больше выясняться различіе характеровъ, наклонностей и воззрѣній. Житейская опытность, врожденная и еще болѣе развившаяся отъ склада своихъ обязанностей, сдержанность и осторожность не могли пріурочиваться къ порывистой страсти женщины, только что начавшей такъ повдно жить сердцемъ. И эти чувства женщины оставались неудовлетворенными.

— Позволь и мнѣ удалиться, государыня.

— Какъ, Иванъ Михайловичъ, ты здѣсь еще? неволью сорвалось у царицы, смутившейся отъ нежн-

данности услышать голосъ свойственника, о которомъ она совершенно забыла.

Дѣйствительно Милославскій, такъ внимательно слѣдившій во все время за исполненіемъ казни на площади, по окончаніи ея отошелъ отъ окна въ полутьму простѣнка и во все продолженіе разговора хаяйки съ обычнымъ совѣтникомъ не высказалъ ни слова.

— Куда-жь ты? спрашивала царевна.

— Если позволишь, государыня, такъ я бы отъѣхалъ опять въ вотчины свои... дѣлишки тамъ кой-какія есть... да и здѣсь-то мнѣ оставаться не зачѣмъ.

— Ну какъ знаешь, родной, не удерживаю.

— Не удерживаю... не удерживаю... бормоталъ про себя бояринъ Милославскій, сходя съ лѣстницы. Вотъ тебѣ и награда за вѣрную старую службу. Не удерживаю... значить отправляйся, моль, на всѣ четыре стороны, обойдемся де и безъ тебя. Старые слуги держатся старыхъ порядковъ, а ты, Софія Алексѣевна, пошла по новой дорожкѣ... Только далеко ли уйдешь-то? Намѣтила ты себя высоко... да оборвешься... Новые люди тебя не подержать... Они будутъ на сторонѣ силы и закона, а сторонники твои будутъ брамольниками.

Г Л А В А XX.

Обыкновенно большіе люди не замѣчаютъ людей маленькихъ. Какое имъ дѣло до ихъ ощущеньицъ, чувствуваньицъ! это такъ мелко, ничтожно и не стоитъ обращать никакого вниманія. Такъ и при дворѣ царицы Софіи Алексѣевны не обратили вниманія, что въ числѣ зрителей казни князей Хованскихъ находились: комнатный столыникъ царя, Петра Алексѣевича, юный сынъ казненнаго князя Иванъ Ивановичъ и другъ его, сынъ окольниковаго, Григорій Павловичъ Языковъ.

Ужасное впечатлѣніе произвела на молодыхъ людей казнь дорогихъ для нихъ лицъ, въ ихъ глазахъ невин-

ныхъ и погибшихъ единственно по боярскимъ интригамъ. Безъ опредѣленной цѣли, подъ вліяніемъ обхватившаго все ихъ существо чувства злобы, поскакали они изъ села Воздвиженскаго въ Москву, и не останавливаясь для отдыха, въ ту же ночь явились въ стрѣльцехъ слободахъ.

— Отца нашего казнили поворно по кознямъ бояръ, кричали они собиравшимся стрѣльцамъ, безъ суда, безъ розыска и безъ царскаго указа! Покончивъ съ отцомъ, бояре, по замысламъ Одоевскихъ и Голицыныхъ, хотятъ истребить всѣхъ васъ, стрѣльцовъ, съ вашими женами и дѣтьми, а дома ваши пожечъ. Мы сами дорогою видѣли ратныхъ людей, собранныхъ боярами.

Языкъ глубокаго и истиннаго чувства почти всегда отзывается полнымъ сочувствіемъ, а тѣмъ болѣе, когда этотъ языкъ защищаетъ наши личные интересы. По этому неудивительно, что почти одновременно по всѣмъ стрѣльцкимъ полкамъ разлилось всеобщее волненіе. Въ полночь же во всѣхъ сѣвскихъ избахъ ударили въ набатъ, и загремѣли барабаны. Прежде всего стрѣльцы бросились къ пушечному двору и разграбили его. Изъ захваченныхъ пушекъ часть увезли по своимъ полкамъ, а часть поставили въ Кремль. Изъ другихъ орудій, ружья и карабины, сабли и копыя, а также порохъ и пули, частью взяли себѣ, а частью роздали народу. Рѣшившись *застать* Москву, они поставили сильные сторожевые отряды въ Кремль, на Красной площади, въ Китай и Бѣломъ городѣ и начали устраивать нѣсколько укреплѣній въ Земляномъ городѣ, гдѣ загородили улицы насыпями и полисадами. Семейства свои и имущество для большей безопасности стрѣльцы перевели изъ своихъ слободъ въ Бѣлый городъ.

Москва нежданно, негаданно вдругъ, въ одну ночь, преобразилась въ военный городъ. Почти на всѣхъ площадяхъ раздавались грозные крики стрѣльцовъ, ружейные выстрѣлы, трескъ барабановъ и грохотъ колесъ отъ перевозимыхъ пушекъ и пороховыхъ ящиковъ. Испуганные мирные жители въ просонкахъ повскакали съ по-

стелей, не зная причины волненія, и въ страхѣ и трепетѣ ожидали общей рѣзни.

Но во всей этой суматохѣ не было единства, не было головы, способной руководить опредѣленнымъ движеніемъ. Самые смѣлѣйшіе требовали немедленнаго похода на Воздвиженское уничтожить бояръ, весь царскій дворъ и преобразовать государство. Ночью они ворвались въ Крестовую палату, разбудили патріарха и требовали отъ него грамотъ въ украинскіе города съ призывомъ отсюда на помощь служилыхъ людей. Напуганный патріархъ плакалъ, умолялъ успокоиться, не вѣрить подстрекательствамъ, терпѣливо ожидать царскаго указа и не рѣшаться на своевольный походъ.

— Знай, отвѣчали ему мятежники на увѣщанія, если и ты за одно съ боярами, такъ убьемъ и тебя.

Часы проходили, а буйныя толпы не приходили ни въ какому рѣшенію. Одни упорно кричали «идемъ въ Воздвиженское на бояръ!» другіе, болѣе осторожные, готорили «подождемъ, пока все выяснится».

Настало утро.. Вдругъ шумная толпа, стоявшая въ Крестовой палатѣ, заколыхалась: сторожевой отрядъ привелъ къ патріарху схваченнаго у заставы гонца, стольника Петра Зиновьева, посланнаго изъ Воздвиженскаго съ царскою грамотою къ патріарху. Стрѣльцы требовали прочесть имъ грамоту вслухъ. Въ этой грамотѣ цари извѣщали патріарха о казни князей Хованскихъ за вины, которыя уже извѣстны изъ обвинительнаго приговора и указывали объявить о томъ всему духовному вѣдомству.

Вслѣдъ за Зиновьевымъ явился къ надворной пѣхотѣ стольникъ Григорій Бахметьевъ съ грамотою, въ которой цари извѣщали о томъ же пѣхоту, убѣждали служить вѣрно по прежнему, не вѣрить никакимъ коварнымъ навѣтамъ и не опасаться ни опалы, ни гнѣва. По неопредѣленности своей, грамоты эти, конечно, не могли успокоить мятежниковъ, и они продолжали ожидать съ часу на часъ нападенія бояръ съ ратными людьми.

Прошли сутки, а никакого нападенія не было, и это видимо успокоило стрѣльцовъ. Одумавшись на другой день, бунтовщики явились къ патриарху уже съ поклономъ и просьбой отписать къ царямъ, что съ ихъ стороны никакого злаго умысла нѣтъ, что они готовы слушать вѣрно по прежнему и что они умоляютъ царей возвратиться въ Москву, такъ какъ такое долгое отсутствіе царей ихъ крайне смущаетъ. Патриархъ старался ихъ успокоить, объясняя отсутствіе государей древнимъ обычаемъ творить шествіе въ Троицкую лавру въ память преподобнаго Сергія и обѣщаясь донести царямъ о желаніи надворной пѣхоты. Дѣйствительно онъ исполнилъ свое обѣщаніе, послалъ вмѣстѣ съ стольникомъ Зиновьевымъ въ Троицкую лавру архимандрита Чудова монастыря Адриана, но поручилъ послѣднему тайно предостеречь царевну на счетъ стрѣльцовъ, не отказавшихся еще совершенно отъ мысли истребить бояръ.

Предостереженіе едва ли не было излишнимъ. Правительница знала хорошо положеніе дѣлъ и приняла свои мѣры.

Лавра, поступившая въ вѣдѣніе новаго дворцоваго воеводы, приняла очень внушительный воинственный видъ: на раскатахъ стояли пушки, по стѣнамъ размѣщалась воинская рать, ворота охранялись достаточной стражей, а по дорогѣ къ Москвѣ, по всѣмъ оврагамъ, расположились наблюдательные отряды. Съ каждымъ часомъ прибывали ополченцы, но находя прибывающіе отряды все еще недостаточными, царевна послала съ новыми понужденіями стольника князя Порфирія Ивановича Шаховскаго въ Дмитровъ, Кашинъ, Угличъ и Бѣжецкій Верхъ, стольника князя Ивана Ѳедорыча Волконскаго въ Старицу, Тверь, Торжокъ и Клинь, стольника Дмитрія Артемьича Камынина въ Можайскъ, Верею, Рузу, Звенигородъ, Борисовъ и Волоколамскъ, стольника Ивана Богданьича Яковлева въ Калугу, Малоярославецъ, Боровскъ, Вортыньскъ и Перемышль, стольника Михаила Денисьича Тургенева въ Серпуховъ. Алексинъ и Одоевъ.

Увидѣвъ наконецъ въ распоряженіи своемъ значительныя силы, Софья Алексѣевна стала дѣйствовать смѣлѣе и рѣшительнѣй. Въ отвѣтъ (20 Сентября) на прошеніе стрѣльцовъ, переданное патриархомъ чрезъ архимандрита Адріана, о возвращеніи царей въ Москву, она ужь твердымъ тономъ потребовала отъ стрѣльцовъ отказаться отъ всякихъ мятежныхъ дѣйствій за казнь Хованскихъ, напомнила имъ о достоинствѣ царской власти и объ обязанности безусловнаго ей повиновенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ она поручила патриарху убѣдить стрѣльцовъ въ ея добромъ расположеніи, если только они раскаются, будутъ служить вѣрно и дадутъ обязательства въ своей преданности, доказательствомъ которой должна служить присылка въ Троицкій монастырь лучшихъ людей по 20 человекъ отъ каждаго полка. Увѣщанія патриарха долженъ былъ поддерживать, присланный для смотрѣнья въ Москву, бояринъ Михаилъ Петровичъ Головинъ.

По мѣрѣ того, какъ укрѣплялась одна сторона, сторона правительства, падала бодрость духа у стороны мятежниковъ. Сознавая свое полное безсиліе въ виду собирающихся въ сторонѣ лавры земскихъ ополченій, они думали только о томъ, какъ бы выйдти живыми изъ своего критическаго положенія. По словамъ очевидца Медвѣдева, вмѣсто прежнихъ буйныхъ врывовъ въ стрѣлецкихъ слободахъ, господствовали уныніе и ужасъ. Такъ недавно суровые мстители теперь плакали, какъ дѣти, безропотно перенося насмѣшки мирныхъ обывателей.

—Куда вамъ, сиволапамъ, указывать великимъ государямъ и распоряжаться умными людьми! говорили имъ въ глаза успокоенные Москвичи, и сознавая справедливость насмѣшекъ, стрѣльцы молча выносили оскорбленія. По прежнему толкались они въ Крестовой палатѣ, но теперь ужь не съ наглыми требованіями, а съ слезной мольбой о заступленіи и о милости. Подозрѣвая въ требованіи выборныхъ лучшихъ людей назначеніе имъ заранѣе смертнаго приговора, они нѣсколько дней колеба-

лись, но наконецъ, успокоенные словами патриарха, рѣшились исполнить и это требованіе царевны.

24 Сентября выборные выступили изъ Москвы въ Троицкій монастырь, въ сопровожденіи Суздальскаго митрополита Иллариона, простившись съ братьями, родными и товарищами, какъ прощаются передъ эшафотомъ. Убѣжденные въ неизбежной смерти, несчастные выборные всю дорогу воображали видѣть вездѣ засады, поимки и казни. Въ каждомъ встрѣчавшемся имъ отрядѣ ратныхъ людей на пути черезъ села Мытищи и Пушкино они ожидали своихъ палачей, но отряды проходили мимо и мимо. Когда же передъ селомъ Воздвиженскомъ они увидѣли сплоченную, многочисленную рать, бодрость ихъ совершенно покинула. Многие изъ выборныхъ убѣжали, да вѣроятно они разбѣжались бы и всѣ, еслибъ не подошлѣ къ нимъ стольникъ Нармацкій, высланный царевной съ милостивымъ словомъ и обѣщаніемъ полной безопасности.

Положеніе стрѣльцовъ дѣйствительно было опасное. Сильные отряды земскихъ ополченцевъ все тѣснѣ и тѣснѣ желѣзнымъ поясомъ стягивали Москву: на Тверской дорогѣ въ селѣ Черкизовѣ стоялъ Сѣверскій полкъ боярина князя Андрея Ивановича Голицына, на Владимірской дорогѣ Рогожу занималъ Владимірскій полкъ воеводы князя Петра Семеныча Урусова, на Коломенской дорогѣ, у Боровскаго перевоза, находился Рязанскій полкъ боярина и воеводы Алексѣя Семеныча Шейна и наконецъ Заоцкій полкъ боярина и воеводы Ивана Ѳеодоровича Волынскаго располагался въ Вязьмѣ на Можайской дорогѣ. Правда, всѣ эти войска составляли толпы непривычныхъ къ ратному дѣлу людей, неспособныхъ выдерживать правильнаго боя съ обученными стрѣльцами, но тѣмъ не менѣе они подавляли и душили массами.

Между тѣмъ выборные, прибывъ къ Троицѣ, съ тревогой ждали рѣшенія своей участи. 27 Сентября царевна Софья Алексѣевна вышла къ нимъ и очевидцы передали намъ рѣчь ея, въ которой, вмѣсто прежнихъ

просьбъ и жалобъ, слышалось неудовольствіе укрѣпившейся власти. Выборные, стоя на колѣняхъ, униженно молили о прощеніи, каялись въ своихъ заблужденіяхъ и вручили царевнѣ письменную сказку служить на будущее время неизмѣнно, не слушая никакихъ навѣтовъ. Царевна похвалила покорность, дозволила имъ возвратиться домой и объявить товарищамъ, что государи готовы простить ихъ, но только съ условіями, о чемъ будетъ написано въ особой грамотѣ.

— Но если не выполните этихъ условій, сказала въ заключеніе царевна, то горе вамъ! Великіе государи пойдутъ на васъ съ великимъ воинствомъ.

Радостные отправились домой наканунѣ праздника Покрова Богородицы выборные, и радостно встрѣтили ихъ въ Москвѣ товарищи, отчаявшіеся видѣть ихъ живыми. Послѣ обѣдни въ праздникъ Покрова, патриархъ созвалъ стрѣльцовъ въ Крестовую палату и прочиталъ имъ царскую грамоту, въ которой высказывались условія прощенія. Условія эти состояли: 1) мятежей на будущее время не возбуждать, круговъ не устраивать и въ крамольникамъ не приставать, 2) о всякихъ смутныхъ навѣтахъ и подстрекательствахъ доносить тотчасъ же въ приказъ надворной пѣхоты, 3) къ начальствующимъ съ наглостью не ходить, никого не клепать и не въ свое дѣло не вмѣшиваться, 4) самовольно никого не хватать и быть у начальниковъ въ безответномъ послушаніи, 5) боевой снарядъ, самовольно взятый съ казеннаго двора, возвратить въ цѣлости, 6) на царскую службу, хотя бы и въ походъ, отправляться безпрекословно, 7) чужихъ дворовъ не отнимать и не сговаривать въ пѣхотный строй несвободныхъ, 8) никого безъ царскаго указа въ стрѣльцы не приписывать, а принятыхъ прежде въ смутное время возвратить назадъ ихъ помѣщикамъ, 9) за казнь Хованскихъ не вступаться ни подъ какимъ предлогомъ, 10) служить государямъ впередъ непоколебимо вѣрно, покорно и съ чистымъ сердцемъ и 11) если кто прежнія дѣла начнетъ хвалить или затѣветъ новое смятеніе

или же кто, услыша о такихъ преступныхъ замыслахъ, не донесетъ, того казнить смертью безъ всякаго милосердія.

Такъ какъ эти условія были приняты стрѣльцами безъ возраженій, то оставалось только объявить прощеніе съ приличнымъ торжествомъ. Для этого патріархъ назначилъ день 8 Октября. Въ этотъ день, отслуживъ торжественно литургію въ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи стрѣльцовъ, первосвятитель на амвонѣ предъ св. Евангеліемъ и нетлѣнной рукой апостола Андрея Первозваннаго, прочиталъ во всеуслышаніе милостивую царскую грамоту и условныя статьи. Стрѣльцы единогласно изъявили готовность въ точности выполнить царскую волю. Затѣмъ патріархъ роздалъ по полкамъ отдѣльные экземпляры статей, и каждый полкъ, подходя къ налою, клялся въ исполненіи надъ Евангеліемъ и рукой св. апостола. Послѣ этого полки возвратились въ слободы. Здѣсь снова въ своихъ сѣзжаняхъ избахъ стрѣльцы перечитали статьи и снова не нашли въ нихъ никакого повода къ возраженію.

На слѣдующій день выборные отъ всѣхъ полковъ приходили къ патріарху благодарить его за ходатайство и снова повторили обѣщаніе служить на будущее время вѣрно и безъ всякой шатости.

Отдаваясь на всю волю правительницы, стрѣльцы выдали боярину Головину молодого Ивана Иваныча Хованскаго, виновника послѣдняго мятежа. Бояринъ переслалъ его къ правительницѣ въ Троицкій монастырь, гдѣ ему объявили смертную казнь, но приговора не привели въ исполненіе; его сняли съ плахи и сослали.

Мятежь совершенно прекратился еще въ первыхъ числахъ Октября, но царскій дворъ медлилъ переѣздомъ въ Москву и распущеніемъ собраннаго ополченія. Какая была причина медленности неизвѣстно, но вѣроятно правительница все еще не довѣряла вѣрности стрѣльцовъ и желала обезпечить безопасность болѣе коренными мѣрами.

Возвращеніе въ Москву царскаго двора совершилось только 6 Ноября въ сопровожденіи многочисленнаго ополченія, которое и расположилось караулами, вмѣсто стрѣльцовъ, во всѣхъ палатахъ Кремля.

Но еще за нѣсколько дней до переѣзда въ Москву всѣ стрѣлцкіе полки просили правительницу о дозволеніи уничтожить тотъ поворный столбъ на Красной площади, который неустанно напоминалъ имъ о Майскихъ преступленіяхъ. Получивъ это дозволеніе, стрѣльцы Ермолаева полка 2 Ноября, отодравъ жестяные листы съ именами жертвъ, сожгли ихъ, а самый столбъ разметали до основанія, уничтоживъ даже бутъ его. Вслѣдъ затѣмъ уничтожена была и похвальная грамота, въ которой мятѣжъ назывался побѣніемъ за домъ Пресвятой Богородицы, и замѣнена новою, дошедшею до насъ. Въ этой послѣдней грамотѣ вся стрѣлцкая смута объясняется злоумышленіемъ князя Хованскаго и раскольника Алексѣя Юдина, и въ ней не встрѣчается уже особенныхъ милостей и льготъ, кромѣ прибавки по рублю на челоувѣка къ подъемнымъ деньгамъ въ случаѣ дальнихъ походовъ, да запрещенія полковникамъ употреблять стрѣльцовъ на работы по своему хозяйству. Вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожено и самое названіе надворной пѣхоты.

Конечно подобнымъ мѣрами еще не могла уничтожиться возможность волненія на будущее время, и дѣйствительно волненія возникали. Въ первый день праздника Рождества Христова нѣкоторые стрѣльцы полка Ивана Бохина, съ наглостью явившись въ привазъ, требовали перевода нелюбимыхъ ими двухъ пятисотенныхъ, а на другой день уже всѣ стрѣльцы того полка явно и единогласно заговорили въ защиту бунтовщика Ивана Жаренаго.

— Пусть всѣхъ насъ казнятъ, кричали они, а Ивашку мы не выдадимъ...

Но прошло время прежнихъ безнаказанныхъ смуть. въ главѣ стрѣлцкаго приваза сталъ новый начальникъ — думный дьякъ Федоръ Леонтьевичъ Шаковитый, чело-

вѣкъ энергичный, готовый проводить идеи правительницы безпрекословно, не стѣсняясь выборомъ средствъ.

Новый начальникъ быстро подавилъ мятежь... казнью мятежныхъ зачинщиковъ. Недовольствуясь такимъ чувствительнымъ внушеніемъ, онъ принялъ мѣры, вполне обезпечившія спокойствіе на долго: онъ перебралъ всѣ полки, отдѣлилъ людей неспокойныхъ и сомнительной вѣрности и отослалъ ихъ на службу въ украинскіе города, оставивъ въ Москвѣ только людей не способныхъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

Второй стрѣлецкій бунтъ составилъ второй актъ драмы, выдвинувшей женщину изъ глухаго запертаго театра на новый путь... И быстро шла эта женщина на гору, высоко поднимаясь, почти до самой вершины...

Не даромъ 11 января 1683 года явилось въ Москвѣ на небесахъ, въ третьемъ часу дня, знаменіе: отдался кругъ отъ солнца, свѣтелъ и великъ, и по немъ недалеко отъ солнца съ обѣихъ сторонъ два круга, видомъ и сіяніемъ подобные солнцу, а на нихъ и самомъ солнцѣ были кресты свѣтлые, четырехконечные, въ срединѣ же круга большаго стоялъ серпъ острыми концами отъ солнца прочь, цвѣтомъ же какъ-бы радуга, бывающая во время дождя. И то знаменіе стояло надъ Москвою до самаго вечера.

Въ тѣ времена еще не разучились люди читать сокровенный пророческій смыслъ въ небесныхъ знаменіяхъ, и знаменія все еще указывали на путь грядущихъ событій.

УДАЛЬЦЫ НОВГОРОДСКІЕ.

БЫЛИНА ВТОРАЯ.

Смерть Василя Буслаева.

Какъ подъ славнымъ, подъ Великимъ Новымъ-городомъ,
Да по славному по озеру, по Ильмену,
Плаваешь-поплаваешь сѣръ селезѣнь,
Какъ бы ярый гоголь да пон риваесть—
Плаваешь—поплаваешь червлѣнь корабль
Молода Василя Буслаева,
Молода Василя со дружиною,
Со дружиною его хороброку,
Тридцать да удалыхъ молодцевъ ¹⁾.

---

¹⁾ Есть слѣдующее отрывочное начало этой-же былины, которое могло бы служить какъ-бы присказкой ея:

«По синю морю корабличекъ сбѣжить, таки-сбѣжить,
Бъ Нову-городу корабличекъ сбѣшигъ, таки-сбѣшигъ;
По кораблику Васильюшка погуливаесть,
Онъ во звонкія гусельчичи понгрываесть:
«Ахъ, вы гусли, вы гусли, гусельчичи мои,
Заиграйте, вы гусли, при мнѣ, таки-при мнѣ,
При мнѣ, таки при мнѣ, при Васильѣ-молодцѣ,
При Васильѣ-молодцѣ, при купеческомъ сынѣ!»

Костя Новотóржанинъ корму́ держитъ,
 Маленькій Цотаня на носу стоитъ,
 Рядомъ съ нимъ Оома благоуродливый;
 Самъ Васильюшка по кораблю похаживаётъ,
 Таковы́ слова да поговариваётъ;
 «Свѣтъ моя дружинушка хорóбрая,
 Тридцать добрыхъ мóлодцевъ да безъ одинаго!
 Ставьте-ка корабликъ поперегъ Ильменя,
 Приставайте, мóлодцы, ко Нову-городу.»

А и къ берегу тычѣами притыкались,
 Пометали сходни на крутой бережокъ;
 Походилъ Василій къ своему двору,
 А за нимъ идетъ дружинушка хорóбрая;
 Только караульщико́въ оставили.

Приходитъ Василій къ своему двору,
 Къ государынѣ своей ко матушкѣ,
 Къ матерѣи вдовѣ Мамельфѣ Тимоѣевнѣ;
 Вьюномъ около старушки увивается,
 Проситъ дать родительско благословеніе:
 «Свѣтъ моя ты государыня да матушка,
 Матерѣи вдова Мамельфа Тимоѣевна!
 Дай ты мнѣ родительско благословеніе:
 Молодеццо сердце пожадѣлося ²⁾,
 Пожадѣлось сердце, разгорѣлося,
 Далъ себѣ я заповѣдь ³⁾ великую
 Съѣздить со дружиною хорóброю
 На ту матушку Ердань—рѣву,
 Ко тому ко граду Ерусѣлиму,

Хотя, однакоже, умѣнье играть на гусяхъ ни мало не противорѣчило бы общему характеру новгородской вольницы, но нигдѣ, кромѣ приведеннаго отрывка, не упоминается о подобномъ искусствѣ Василя Вуслаева; почему оно присвоено ему здѣсь едвали не случайно отъ настоящаго «загусельщика» Сады́ купца или же отъ кievскаго заѣзжаго артиста—богатыря Соловья Будимировича, которые оба также «похаживаютъ» по своимъ кораблямъ.

²⁾ Сердце *пожадѣлось*—исполнилось жажды, изныло.

³⁾ *Заповѣдь*—завѣтъ, обѣтъ.

Той святой святынѣ помолитися,
 Ко Господню гробу приложитися,
 Во Ердань-рѣкѣ да искупатися,
 На Оаворь-горѣ ⁴⁾ да осушитися:
 Сдѣлалъ я велико прегрѣшеніе,
 Прибилъ много мужиковъ новгородскихъ!»

Отвѣчаетъ матеря-вдова,
 Матеря вдова Мамельфа Тимоеевна:
 «Гой еси ты, мое чадо милое,
 Молодой Василій сынъ Буслаевичъ!
 Коли ты пойдешь на дѣло доброе—
 Дамъ тебѣ родительско благословеніе;
 Коли же, дитя, ты на разбой пойдешь—
 Нѣтъ тебѣ благословенія,
 А и не носи Василю сыра земля!»

Камень отъ огня да разгорается,
 И булатъ отъ жару растопляется,
 Материно сердце распущается;
 И даетъ она Василю въ дальный путь
 Много-множество запасовъ хлѣбныхъ,
 И даетъ оружье долгомѣрное:
 «Береги-де буйну голову свою!»

Своро мѣлодцы собираются,
 Съ матерей вдовой прощаются;
 Оснастили свой червленъ корабль,
 Поднимали тонки парусы камчатные,
 И поѣхали во граду Ерусалиму.
 И погодѣ не сдержатъ ужъ мѣлодцевъ:
 Противъ вѣтра ѣдутъ, какъ соволъ летить.
 Ёдутъ день они, другой и третій день,
 Ёдутъ и недѣлю и другую-то;
 Въ встрѣчу имъ тутъ гости-ворабельщики ⁵⁾:

⁴⁾ *Оаворь-гора* иначе — *Сіонь-гора*, *гора Сорочинская* (т. е. сардинская, арабская, встрѣчающаяся весьма часто въ былинахъ и предполагаемая гдѣ-то на берегу Каспійскаго моря).

⁵⁾ *Гость* (лат. *hostes* — гость, чужой, или *hostis* — врагъ) — купецъ, такъ какъ купцы на древней Руси были люди пришлые, ваѣзжіе.

«Здравствуй ты, Василій сынъ Буслаевичъ,
Со дружиною хоробрюю!
Погулять, знать, братцы, поивволили?»

Отвѣчаетъ имъ Василій сынъ Буслаевичъ:

«Гой еси вы, гости корабельщики!
Паше ли гулянье неохотное:
Съ молоду-то много бито, граблено,
Такъ подъ старость спасти душу надобно.
А скажите-ка вы, мѣлодцы:
Намъ прямымъ путемъ далѣколи
Ко святому граду Ерусѣлиму?»

Отвѣчаютъ гости-корабельщики:

«А и гой еси, Василій сынъ Буслаевичъ!
Вамъ прямымъ путемъ во Ерусѣлимъ градъ
Будеть ѣхать ровно семь недѣль,
А окольною дорогою полтора годѣ.
Да стоитъ на славномъ морѣ на Каспійскомъ,
На томъ островѣ Куминскомъ ⁶⁾,
Крѣпкая застава молодецкая ⁷⁾,
Стары атаманы все разбойничьи,
Что не много и не мало ихъ—три тысячи:
Грабятъ—топятъ бусы-галеры ⁸⁾,
Разбиваютъ корабли червлѣнные».

Говоритъ Василій да Буслаевичъ:

«А не вѣрюю я, Васинька, ни въ сонъ, ни въ чохъ,
А и вѣрюю я въ свой червлѣнный вязъ:
Ужъ бѣгите-ка, ребята, вы прямымъ путемъ».

Побѣжали по морю Каспійскому,
Набѣжали ту заставу корабельную,
Старыхъ атамановъ тѣхъ разбойничьихъ;
А на пристани ихъ дѣ ста человекъ стоитъ.
Приставали мѣлодцы къ крутѣ берегу,
Пометали сходни на крутой бережокъ,

⁶⁾ Островъ *Куминскій*—въ устьѣ р. Кумы, впадающей въ Каспійское море.

⁷⁾ *Застава*—преграда вражьи или противъ враговъ.

⁸⁾ *Бусы-галеры*—извѣстный родъ судна.

Соскочилъ Василій на крутой бережокъ,
 Самъ червлѣннымъ вазомъ подпирается.
 Караульщики, удалы добры молодцы
 Испужались, не дожидались,
 Побѣжали съ пристани со корабельныя
 Бѣ атаманамъ тѣмъ разбойничьимъ.
 Атаманы слушаютъ—не надивуются,
 Сами говорятъ да таковы слова:
 «Тридцать лѣтъ на острову стоимъ,
 А такого страха вѣкъ не видѣли!
 Это-де идетъ Василій сынъ Буслаевичъ:
 Знать-де по полетѣхъ совоиной,
 Видѣтъ по поступѣхъ молодецкой!»

Пошагалъ Василій со дружиною
 Бѣ атаманамъ ко разбойничьимъ;
 Стали съ ними во единый кругъ.
 На всѣ стороны Василій поклоняется,
 Говорить самъ таковы слова:
 «Здравствуйте, разбойнички удалые!
 А скажите-ка вы мнѣ прямой-то путь
 Ко святому граду Ерусалиму».

Говорятъ разбойнички удалые:
 «Гой еси, Василій сынъ Буслаевичъ,
 Со своей дружиною хороброю!
 Милости васъ просимъ за единый столъ,
 За единый столъ хлѣбъ-соли кушати!»

Въ тѣ поры Василій не ослушался:
 Бѣ нимъ садился за единый столъ.
 Наливали ему чару зеленѣ вина,
 Зеленѣ вина во полтора ведра.
 Принималъ Василій единой рукою,
 Выпилъ чару единымъ духомъ.
 Атаманы смотреть да дивуются:
 Сами-то и по полу-ведру не могутъ пить:
 Хлѣбъ-соли Василій пооткушавши,
 Собирается на свой червлѣнъ корабль;

Атаманы же несутъ ему свои подарочки:
 Перву мису чиста сѣребра,
 Другу мису красна золота,
 Третью мису скатна жемчуга.
 Благодарствовалъ за то Василій, кланялся,
 Самъ просилъ еще съ собою провожатаго.
 Не отказывали тутъ ему и въ томъ,
 Дали провожатаго до Ерусалима,
 Сами повлонулися, прощалися,
 Собрался Василій на червлѣнъ корабль
 Со своей дружиною хороброю,
 Подымали тонки парусы камчатные,
 Побѣжали по морю Каспійскому.

Будутъ молодцы у матушки Фаворъ-горы,
 Приставали ко крутому берегу.
 Походилъ Василій на Фаворъ-гору,
 А за нимъ летитъ дружинишка хоробрая.
 Поднялся до полу-горы—
 На пути сухая голова лежитъ,
 Голова сухая, человѣчья кость ⁹⁾.

Говоритъ Василій сынъ Буслаевичъ:
 «Ты провѣщись, голова ты человѣческа,
 Будешь ли ты кость мошенница.
 Али кость ты подорожница? ¹⁰⁾
 Будешь ли ты кость татарская,
 Али же ты кость христьянская?»

Чоботомъ тутъ кость подхватывалъ,
 Прочь съ дороги голову пошнывалъ—
 Улетѣла голова въ подоблачье,
 Пала голова да на сыру' землю,
 Говорить сама, провѣщится:
 «Ай же ты, Василій сынъ Буслаевичъ!
 Я вѣдь кость-то не мошенница,

⁹⁾ Голова эта нѣкоторыми изслѣдователями сравнивается съ древне-греческою головою Медузы.

¹⁰⁾ Подорожница—разбойница.

Я вѣдь востъ не подорожница,
 Я вѣдь востъ и не татарская,
 А была я востъ христьянская.
 Не тебѣ меня бы и попинывать,
 Не тебѣ меня побрасывать.
 Самъ я молодець тебя не хуже былъ,
 Да умѣю, молодець, валятися.
 А и гдѣ теперь сухая голова лежитъ,
 Тамъ же и Василию кататися,
 И Васильевой головушкѣ валятися».

Тутъ Василій сынъ Буслаевичъ
 Плюнулъ только, да и прочь пошелъ:
 «Али врагъ-де говорить въ тебѣ,
 Али говорить нечистый духъ!»

Соходилъ съ Фаворъ-горы на поль-пути,
 Ъдетъ со дружиною во Ерусалимъ градъ.
 Приѣзжалъ во Ерусалимъ градъ,
 Заходилъ во церковь во соборную,
 Отслужилъ обѣдню тутъ за здравье матушки
 И за самого себя, Василя,
 Отслужилъ обѣдню съ панихидою
 По своемъ по рѣдномъ батюшкѣ,
 По всему по роду-племени;
 На другой день отслужилъ обѣдни со молебнами
 Про удалыхъ-добрыхъ мблодцевъ,
 Чтѣ имъ съ молоду-то бито, граблено;
 И дарилъ поповъ и дьяконовъ,
 Одѣлялъ, всѣхъ старцевъ богородныхъ ¹¹⁾
 Золотой казною не считаючи.

Походилъ тогда съ дружиною
 Во Ерданъ-рѣвѣ купатися.
 Вся-то братія купается въ рубашечкахъ,
 А Василій окунается нагимъ тѣломъ.

---

¹¹⁾ Старцы *богородные* — богадѣленные въ церковномъ странно-
 приимномъ домѣ.

Проходила женщина да престарѣлая,
Говорила таковы слова:

«Ай, Василий сынъ Буслаевичъ!

Что купаешься нагимъ тѣломъ въ Ердань-рѣкѣ?

Вѣдь нагимъ тѣломъ крестился самъ Исусъ Христось!

А и потерять вамъ, добры мблодцы,

Братца ббльшаго, Василия Буслаева!»

Говорять въ отвѣтъ ей добры мблодцы:

«А не вѣруеть Василий нашъ ни въ сонъ, ни въ чохъ».

Самому Василию стосковалось тутъ,

Говорить дружинишнѣ хороброей:

«Гой еси, моя дружинишка хоробрая!

Были мы намени на Оаворъ-горѣ,

Уходя-то съ костью разбранилися,

Разбранилися съ костью, не простилися.

Ужъ заѣдемъ-ка на матушку Оаворъ-гору

Попроститъся съ костью, помиритъся».

Сѣли на червлѣнъ корабль, поѣхали;

Заѣзжали на Оаворъ-гору.

А и гдѣ лежала человѣчья кость,

Увидали камень превеликій тамъ,

Превеликій ббль-горючъ камень: ¹²⁾

Въ долину ¹³⁾ сажѣнъ печатная,

Въ вышину три сажени печатная,

Поперегъ же только топоромъ подать,

А на самомъ камнѣ подпись ¹⁴⁾ да подписана:

«Бто у камня станеть тѣшиться,

Тѣшиться, да забавлятися,

Камень вдоль да перескакивать —

Тому буйну голову сломить».

¹²⁾ *Блмнй горючій камень*—янтарь, имѣющій, по представленію народному, чародѣйныя свойства, является въ былинахъ всегда въ роковыя моменты.

¹³⁾ *Долина*—длина.

¹⁴⁾ *Подпись*—надпись.

Разгорѣлось сердце молодецкое,
 Говоритъ Василій сынъ Буслаевичъ:
 «Ужь давайте-ва вы, братцы, тѣшиться,
 Тѣшиться да забавлятися:
 Вы скачите поперѣгъ камнѣ,
 Поперѣгъ камнѣ да напередъ лицомъ,
 Самъ я вдоль скачу назадъ лицомъ».

Какъ тутъ вся дружинушка хорóбрая
 Стала тѣшиться и забавлятися,
 Поперѣгъ камнѣ сказати со ратовьемъ ¹⁵⁾.
 Самъ Василій разбѣжался, вдоль камнѣ скочилъ,
 Вдоль камнѣ скочилъ назадъ лицомъ —

И задѣлъ за камень чоботомъ сафьяннымъ,
 О сырѹ землю головушкой ударился,
 А и тутъ же ли кончатся сталь.
 Умирая, братіи навазывалъ:
 «Вы скажите, братцы, рóдной матушѣ,
 Что сосватался Василій на Оаворъ-горѣ,
 Что женился на томъ бѣль-горючемъ камешѣ» ¹⁶⁾.

Только вымолвилъ, да и преставился.
 Какъ тутъ братіи, дружинушка хорóбрая,
 Выкопали яму на полу-горѣ,
 Опустили мóлодца во мать-сырѹ землю,
 Ставили надъ мóлодцомъ животворящій крестъ,
 Сами соходили на червлѣнъ корабль,
 Подымали тонны парусы камчатные,
 Побѣжали къ Нову-гóроду,
 Къ рóдной матушѣ Васильевой.

¹⁵⁾ Ратовье—жердь.

¹⁶⁾ Новгородскій вольнодумецъ хотя и рѣшился страстиемъ къ святымъ мѣстамъ испунить юношескія прегрѣшенія, но, по привычкѣ, нѣсколько разъ нарушаетъ связанныя съ обѣтомъ условія, и даже въ смертный часъ не можетъ воздержаться отъ воп-моя; почему неминуемо долженъ погибнуть.

Какъ встрѣчаетъ ихъ тутъ родна матушка:
«А и гдѣ же, молодцы, вашъ большій братъ,
Молодой Василій сынъ Буслаевичъ?»

«А сосватался Василій на Фаворъ-горѣ,
А женился на томъ бѣль-горючемъ камешѣ».

Тутъ-то его матушка расплакалась,
Собрала свое имѣніе-богачество,
Раздала все по божьимъ церквамъ,
По божьимъ церквамъ да по монастырямъ.

Съ тѣхъ-то поръ Василю славу поютъ,
И во вѣкъ та слава не минуется.

ФЛОРЕНЦІЯ ВЪ XIV ВѢКѢ .

(культурно-историческій очеркъ).

(Окончаніе)

VI.

Совпаденіе процвѣтанія искусствъ во Флоренціи съ упадкомъ умственнаго и нравственнаго развитія. — Семейное и общественное положеніе женщинъ. — Общее состояніе нравовъ въ Италіи вообще и во Флоренціи въ особенности.

Ближайшимъ результатомъ борьбы Черныхъ съ Бѣлыми было раздѣленіе флорентійскаго общества на нѣсколько фракцій, произведшихъ въ общественномъ организмѣ такую анархію, что сдѣлалось, наконецъ, необходимымъ поставить республику подъ покровительство иностраннаго potentata. Послѣ Карла Валуа былъ избранъ въ 1344 г. герцогъ Аеннскій, управлявшій Флоренціей диктаторски, въ формѣ военнаго деспотизма. Его непродолжительное владычество имѣло, однако, весьма важныя послѣдствія: политическая власть распространилась на нисшіе цехи; примитивная социальная іерархія классовъ вслѣдствіе этого исчезла. Гражданская борьба различныхъ классовъ общества приняла теперь острый характеръ борьбы между трудомъ и капиталомъ. Въ исторіи итальянскихъ городовъ XIV в. мы повсюду наталкиваемся на тѣ же

самыя соціально-экономическія явленія, какія вызываються и въ наше время ненормальнымъ складомъ всей общественной жизни въ западно-европейскихъ государствахъ, а именно: на одновременное существованіе, вмѣстѣ съ накопленіемъ богатствъ въ рукахъ меньшинства, и крайней степени нищеты и приниженности большинства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы встречаемся здѣсь и со всеми послѣдствіями такого порядка вещей—съ крайней нравственной испорченностью высшихъ классовъ и упадкомъ политической свободы. Эпохи сильнаго промышленнаго развитія, при господствѣ силы на мѣсто права, большею частію совпадаютъ и съ процвѣтаніемъ изящныхъ искусствъ и вообще преобладаніемъ эстетическаго развитія въ ущербъ умственному и нравственному. „Въ исторіи, за исключеніемъ греческаго періода, почти всѣ остальные блестящія эпохи искусства совпадаютъ съ обстоятельствами крайне невыгодными въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Латинская поэзія эпохи Августа прославилъ цезаризмъ, соотвѣтствовала нравственному и политическому утомленію, религиозной реакціи. Такъ и эпоха процвѣтанія живописи въ Италіи совпала съ ея политическимъ униженіемъ, съ выработкою нравственныхъ типовъ, въ родѣ Донати, Петрарки или такихъ, которые начерчены Макіавелли въ его „Государѣ“ и его комедіяхъ, съ ослабленіемъ въ Италіи научныхъ работъ*.“

Такъ называемая блестящая образованность высшихъ и среднихъ классовъ въ цвѣтущее время свободныхъ городовъ не могла имѣть никакого благотворнаго вліянія на общественный духъ народа, потому что представители ея не были одушевлены благороднымъ патриотизмомъ, не были прежде всего гражданами, а сухими, высовомѣрными педагогами. Правда, въ описываемое нами время флорентинская молодежь получала кое-какое образованіе, но это образованіе не воспитывало въ ней нравственнаго чувства, не давало ей никакихъ положительныхъ знаній, ибо не существовало свободного научнаго изслѣдованія. Въ школахъ учили читать и пи-

---

* „Научныя основы исторіи цивилизаціи“ („Знаніе“ февр., 1872, стр. 107).

сать не на родномъ итальянскомъ языкѣ, а на средневѣковомъ латинскомъ. Въ пылу благоговѣйнаго поклоненія древности національный языкъ и національный гений, еще въ началѣ XIV в. двинутые мощной рукой Данте, были задержаны въ своемъ полетѣ; ученые думали, что распространеніе сочиненій на родномъ языкѣ унижить ихъ ученость и породить въ народѣ духъ ереси и неповиновенія, и потому стыдились даже писать по итальянски. *) Вслѣдствіе такого ложнаго мнѣнія о родномъ языкѣ, итальянскій языкъ сдѣлался для ученыхъ анахронизмомъ. Когда спустя столѣтіе (1480 г.) Боярдо вздумалъ написать *Orlando innamorato* на забытомъ итальянскомъ языкѣ, то языкъ этотъ представлялъ собою смѣсь латинскаго съ итальянскимъ, и его сочиненіе уже далеко уступало по красотѣ, легкости и плавности языку Данте. Латинская ученость и составленіе библиотекъ изъ латинскихъ и греческихъ классиковъ заступили мѣсто проповѣди народу истины и свободы на родномъ языкѣ. И на дѣлѣ дѣйствительно оказывается, что одновременно съ пробужденіемъ стремленія знатныхъ и ученыхъ людей къ изученію классическихъ авторовъ, политическая жизнь почти совсѣмъ умерла. Народъ и въ концѣ XIV и въ XV вѣкахъ ничего не могъ читать, кромѣ Данте, сонетъ Петрарки, новеллъ Боккачіо, и нѣсколькихъ проповѣдей. Ученые люди перестали даже говорить на языкѣ непросвѣщенной черни, да классики и не могли имѣть просвѣтительнаго, гуманизующаго вліянія на народныя массы, такъ какъ предметами ихъ изученія были не свободныя учрежденія Греціи и Рима, не живые современные вопросы, волновавшіе народъ, а изученіе элликтика-Цицерона, Сенеки и Аристотеля, которыхъ они впрочемъ и понять-то не могли, какъ слѣдуетъ. Умственное пробужденіе началось съ отрицанія всѣхъ общественныхъ и политическихъ формъ, новый духъ исходилъ отъ францисканцевъ съ ихъ «вѣчнымъ евангеліемъ», отъ сатириковъ и комиковъ и отъ тѣхъ народныхъ проповѣдниковъ, которые касались въ своихъ проповѣдяхъ всѣхъ современныхъ неустройствъ. (Буркхардтъ). Не муд-

*) Петровъ, „Очерки изъ всеобщей исторіи“, стр. 474—80.

рено поэтому, что, при отсутствіи въ тогдашней жизни умственной и нравственной пищи, высшіе классы отличались отъ низшихъ не образованіемъ, а однимъ вѣшнимъ лоскомъ. «Молодежь—говоритъ Макіавелли въ «Исторія Флоренціи»—живя независимой жизнью, умѣла тратить свои деньги на одни наряды, пиры и дебоширство. Единственнымъ ея занятіемъ было—блестать роскошью нарядовъ, звонкими фразами и любезностью въ салонахъ. Тотъ, кто умѣлъ написать язвительную сатиру и эпиграмму, слылъ за самаго образованнаго человека». Фактъ поголовнаго невѣжества флорент. молодежи подтверждаетъ и Боккачіо. «Нѣтъ ничего необыкновеннаго въ томъ, что въ нашей прекрасной Флоренціи зачастую можно встрѣтить людей, учившихся въ Болонскомъ университетѣ и получившихъ степень адвоката, доктора или нотаріуса и въ тоже время скрывающихъ подъ своимъ длиннымъ платьемъ одно глупое высокомеріе—плодъ грубаго невѣжества». Сабеллико, уроженецъ изъ Тиволи, съ удивленіемъ замѣчаетъ, что молодые Nobili, слушавшіе его утреннія чтенія, нисколько не интересовались тѣмъ, что называютъ злобою дня. «Если я ихъ спрашивалъ, что они думаютъ о томъ или другомъ движеніи въ Италіи, то всѣ въ одинъ голосъ отвѣчали, что ничего не знаютъ». Главнымъ стремленіемъ этихъ людей было—стать выше своего положенія и сдѣлаться рыцарями, которые, разодѣтые въ шелкъ и бархатъ, шли въ праздничный день въ церковь, гдѣ для нихъ приготовлялось омовеніе розовой водой, или же въ будни—посвящали себя собакамъ и лошадамъ. Лучшіе люди тогдашняго общества, представители интеллигенціи, обыкновенно, если хотѣли кого нибудь похвалить изъ современниковъ, то съ гордостью говорили, что такой-то «сидѣлъ въ лавкѣ». Пандольфини первую изъ всѣхъ добродѣтелей считаетъ „умѣнье вести свое хозяйство“, потомъ умственные занятія, хорошія манеры и, наконецъ, религіозность. При господствѣ матеріальныхъ интересовъ, при всеобщемъ поклоненіи золотому тельцу вырабатывались одни „дѣлды“ и не было мѣста „идеалистамъ“, ибо, по словамъ Тацита, „Virtutes iisdem temporibus optime aestimantur quibus facillime gignuntur“.

Чтобы рельефнѣе охарактеризовать состояніе общественныхъ нравовъ Флоренціи, слѣдуетъ разсмотрѣть семейное и общественное положеніе женщины, такъ какъ положеніе ея всегда можетъ служить критеріумомъ для опредѣленія степени умственнаго и нравственнаго развитія общества. Вышепоименованный Пандольфини оставилъ намъ любопытный трактатъ *Del governo della Famiglia* (о семейномъ домоправительствѣ), нѣчто въ родѣ нашего Домостроя, съ которымъ онъ имѣетъ много точекъ соприкосновенія по нравственному міросозерцанію его автора. Пандольфини былъ образованнѣйшимъ буржуа своего времени, поэтому и возрѣнія его на женщину и вообще на нравственные вопросы могутъ служить выраженіемъ общественнаго мнѣнія. Флоренція не одинъ разъ пользовалась его услугами въ качествѣ посла къ императору Сигизмунду и папѣ Мартину; кромѣ того, онъ трижды былъ избираемъ гонфалоньеромъ и нѣсколько разъ засѣдалъ въ синьоріи въ качествѣ пріора. Не задолго до своей смерти Пандольфини оставилъ всѣ житейскія тревоженія и переселился на покой въ свою загородную виллу, гдѣ онъ прожилъ до самой своей смерти на 86 году жизни. Его деревенскій домъ представлялъ собой полную чашу. Всѣ надворныя службы были заняты лошадьми, охотничьими собаками, соколами и всякаго рода припасами. Нѣ проходило ни одного дня, чтобы за столомъ хлѣбосола - буржуа не сидѣло нѣсколько почетныхъ гостей. Случалось, что когда его дѣти Карло и Джанноццо, пріѣзжали домой изъ города одни, то отецъ ихъ сильно журилъ за то, что они не привезли съ собой ни одного гостя. Весьма любопытно, что, давая своимъ сыновьямъ наставленія о томъ, какъ обращаться съ своими тѣломъ и душой, Пандольфини совершенно игнорируетъ въ своей книгѣ вопросы религіозные, хотя и затрогиваетъ вопросы нравственные, что служить лучшей характеристикой современнаго ему общества, вообще индифферентнаго и скептическаго въ области религіи. Отецъ особенно прославляетъ своимъ сыновьямъ деревенскую жизнь со всей ея простотой и спокойствіемъ; но совѣтуетъ имъ, однако, жить въ городѣ, потому что Флоренція, по его мнѣнію, «лучшая школа для молодыхъ людей для распознаванія поро-

ковъ и умѣнья удаляться ихъ», при чемъ единственно хорошимъ практическимъ занятіемъ считаетъ торговлю и «сидѣнье въ лавкѣ». Единственно хорошее качество, которое нашъ авторъ совѣтуетъ дѣтямъ искать въ своихъ женахъ, это — умѣнье печь, варить и вообще стирать, такъ, чтобы онѣ могли и другихъ поучить кулинарному искусству, но ни какъ не позволять имъ чтеніе книгъ. «Найденныя случайно у моей жены мои рукописи и книги, говоритъ Пандольфини, я всегда велѣлъ ей возвращать мнѣ, не читая». Почему же такой остракизмъ на книги? А потому, что «глупо вѣрить въ женскій умъ и думать, будто женщина способна подать мужчинѣ какой-нибудь благоразумный совѣтъ, да и женщина никогда не можетъ держать языкъ за зубами». Въ этомъ отношеніи эстетически развитые флорентинцы, по своимъ нравственнымъ понятіямъ, стояли ни чуть не выше понятій попа Сильверста, который на женщину смотрѣлъ только какъ на мать и кухарку, да и оба совершенно сходятся во взглядахъ на обращеніе съ женой и прислугой: послѣднюю позволяется и по зубамъ бить, что «никакъ не можетъ принести стыда домохозяйину». Власть отца и мужа была безгранична. Онъ творилъ обычную молитву въ семьѣ, водилъ въ церковь жену и дѣтей, наказывалъ за вины по своему полному усмотрѣнію: за невѣрность жены билъ ее кулаками и палкой, за дурное поведеніе дѣтей имѣлъ право подвергать ихъ и тюремному заключенію. Женщина и юридически была поставлена на самую низкую ступень. По закону, за ея преступленія отвѣчалъ отецъ или мужъ; въ гражданскихъ дѣлахъ она могла дѣйствовать только чрезъ посредство куратора. Судья, допустившій ея личное присутствіе въ судѣ, подвергался штрафу въ 50 ливровъ. Разсматриваемая, какъ существо высшаго порядка, женщина могла выдти за мужъ только, такъ сказать, дополнявъ себя приданымъ. Во Флоренціи выдти за мужъ безъ приданаго не было никакой возможности, такъ какъ ни умъ, ни внутреннія качества ея не цѣнились: женская добродѣтель и глупость были синонимами, такъ что быть въ одно и то же время умной и добродѣтельной женщиной считалось въ понятіи флорентинцевъ равносильнымъ безнравственности. Въ XIII в. количество-при-

данаго полагалось въ 300 ливровъ, въ XIV в. мало-мальски зажиточному буржуа выдать дочь въ замужество стоило до 2,000 ливр. Очень понятно, что, видя въ женщинѣ только самку и кухарку, ее ничему не учили, поэтому встрѣтить во Флоренціи въ то время женщину, умѣющую читать и писать, было большой рѣдкостью; по словамъ Боккачіо, она не умѣла даже сосчитать до 50. Мужъ цѣнилъ въ женѣ прежде всего безгласность и повиновение и нерѣдко говорилъ ей при дѣтяхъ о такихъ вещахъ, о какихъ едва-ли бы въ наше время позволилъ себѣ говорить и отъявленный негодяй. При отсутствіи высшихъ общественныхъ интересовъ, женщина, очень естественно, жила среди нарядовъ, сплетенъ и разнаго рода удовольствій; заботу о дѣтяхъ она предоставляла прислугѣ и рабамъ, а сама все время посвящала румянамъ, бѣлиламъ, гостямъ и ворожбѣ. Ворожили и ставили восковыя свѣчи предъ Мадонной о томъ, чтобы отыскались потерянные кошечки и собачки; молились о томъ, чтобы Мадонна заставила мужа забыть то, что онъ говорилъ ей недавно и пр. Моды мѣнялись во Флоренціи такъ же часто, какъ ея законы и правители. Саккети говоритъ, что женщины «не оставляли въ покоѣ ни своего лица, ни одного своего члена такимъ, какими создалъ ихъ Господь Богъ *). Данте въ своей «Divina commedia» со скорбью въ сердцѣ оплакивалъ отсутствіе прежней простоты и скромности флорентинцевъ. „Тогда (въ XIII в.) еще люди не носили на себѣ золотыхъ цѣпей и коронъ, дамы не надѣвали на ноги вышитыхъ золотомъ сандалій, а дѣвочекъ не учили съ малыхъ лѣтъ кокетничать. Тогда отецъ еще не боялся, что тотчасъ же послѣ рожденія дочери онъ долженъ будетъ копить для нея громадное приданое; не существовало тогда и пустыхъ домовъ, жильцы которыхъ погибали бы въ междоусобной войнѣ. Тогда не было между нами Сарданапаловъ, утопавшихъ въ излишествахъ свѣтской жизни... Я видѣлъ на улицѣ Беллинчіо-Берти въ простой одеждѣ, подпоясанную кожанымъ поясомъ, не подходившую къ зеркалу

---

*) Sacchetti, nov. 86, t. II, p. 66.

съ нарумяненнымъ лицомъ“ *). Данте называетъ Берти рѣдкою и добродѣтельною женщиною за то только, что она не румянилась! Не значить ли это, что нравственная испорченность владѣющихъ классовъ достигла громаднхъ размѣровъ?

Правительство видѣло это зло, но не повинамо причинъ возникновенія его, а потому и не могло ослабить его своими строгими законами: общественное зло никогда не уничтожается предписаніями и законами. Флорентинское правительство могло бы видѣть это изъ опыта временъ Римской имперіи. Тацитъ въ своихъ «Анналахъ» передаетъ разсужденія въ сенатѣ при Тиберіи, возникшія вслѣдствіе заявленія консуловъ о несоблюденіи изданныхъ при Октавіанѣ Августѣ законовъ противъ роскоши. Тиберій весьма здраво разсудилъ, что „законами тутъ нельзя сдѣлать ничего“. „Почему прежде была бережливость? спрашиваетъ Тиберій у сената. Потому, что у насъ во владѣніи былъ только одинъ городъ. Послѣ побѣдъ надъ сосѣдями мы выучились расточать имущество чужія, а во время гражданскихъ войнъ, и свои **). „Тѣми же самыми причинами объясняется происхожденіе подобнаго зла и во Флоренціи. Въ половинѣ XIV в. правительство старалось ограничить распространеніе роскоши и „безстыдныхъ“ нарядовъ строгими законами. Такъ ни одной женщинѣ законъ не позволялъ носить больше фунта золота или серебра въ гирляндахъ или повязкахъ на головѣ и плечахъ; запрещалось дѣлать вырѣзки (intagli) на платѣхъ, на груди или плечахъ болѣе чѣмъ на $\frac{1}{4}$ арда; на рукахъ запрещалось носить болѣе трехъ перстней, при чемъ на каждомъ допускалось имѣть не болѣе одного перла или драгоцѣннаго камня. Портнымъ и швеямъ строго запрещалось шить недозволенными закономъ платья, ювелирамъ — готовить перстни, купцамъ — продавать. За нарушеніе этихъ постановленій полагался штрафъ въ 50 ливровъ. Само собою разумѣется, вмѣстѣ съ роскошью распространялись и другіе пороки: пьянство и проституція. Трезвость, которою издавна хвалятся южныя расы, составляла похвальное

*) Paradiso, XV, 112.

**) Драгомановъ, „Объ историч. значеніи Римской имперіи“, стр. 30.

качество однихъ крестьянъ, молодые же люди высшихъ и среднихъ классовъ съ раннихъ уже лѣтъ знакомились съ разными спиртуозными напитками. Служители Фемиды, по мнѣнію Боккачіо, считались главными кабацкими подпорами. По видимому и сама католическая церковь снисходительно смотрѣла на нѣкоторые пороки, такъ какъ она разрѣшала строить кабаки близъ монастырей. Число проститутокъ до того увеличилось, что правительство вынуждено было совсѣмъ изгнать ихъ изъ города и позволяло входить имъ въ него только на нѣсколько минутъ въ 9 часовъ утра для покупки провизіи. Законъ дозволялъ ихъ бить палкой, а само правительство выжигало на ихъ лицахъ позорныя клейма раскаленнымъ желѣзомъ *). Эти варварскія мѣропріятія ни къ чему, однако, не привели, и правительство скоро должно было въ этомъ раскаяться. Проституція, преслѣдуемая и изгоняемая изъ города, не ослабѣла, а еще болѣе усилилась и приняла опасные симптомы. Слѣдствіемъ всего этого было то, что, по словамъ Аммирато, законъ снова долженъ былъ отворить проституціи городскія ворота, обѣщая даже вознагражденіе тому, кто приведетъ проститутку въ городъ...

И духовенство тоже не отставало отъ духа времени. Многие историки считаютъ средневѣковые монастыри какими-то книгохранилищами, единственными будто-бы мѣстами, гдѣ въ періодъ господства кулачнаго права нашла себѣ пріютъ и защиту наука, гдѣ монахи будто-бы занимались перепиской классическихъ сочиненій и рукописей. И черное, и бѣлое духовенство были совершенно чужды умственныхъ интересовъ. Въ своихъ стремленіяхъ и дѣйствіяхъ они руководились исключительно матеріальными, мірскими интересами. Классическія сочиненія монахи нерѣдко продавали лавочникамъ и, на мѣсто книгъ, ставили на полкахъ бутылки съ винами и ликерами. Въ бытность Петрарки въ Люттихъ онъ не могъ найти въ его многочисленныхъ монастыряхъ ни чернилъ, ни пера для того, чтобы переписать рѣчи Цицерона. Даже въ знаменитомъ бенедиктинскомъ монастырѣ Монте-Кассино Боккачіо нашелъ

---

*) Provvisioni, XVI, цитирован. Перраномъ въ III т. р. стр. 445—6.

библіотеку безъ оковъ и дверей; манускрипты ея разорванными и покрытыми пылью. На вопросъ Боккаціо о причинѣ столь жалкаго состоянія библіотеки, ему отвѣчали, что суетѣрные монахи соскребали со старыхъ манускриптовъ чернила и употребляли ихъ вмѣсто амулетовъ. Аббаты и монахи занемались не книгами и наукой, а охотой, пирушками и турнирами. Священники были крайне невѣжественны и нерѣдко не умѣли даже прочитать молитву; съ церковныхъ кафедръ произносились не проповѣди, а рассказывались забавные анекдоты, и всякій проповѣдникъ считалъ свой долгъ вполне исполненнымъ, если онъ вызывалъ въ слушателяхъ гомерическій смѣхъ. Во Флоренціи въ описываемое время существовало 110 церквей и 24 женскихъ монастыря съ 500 монахинь; монаховъ числилось болѣе 1000 и 300 человѣкъ бѣлаго духовенства. Чтобы жить въ довольствѣ и на уровнѣ съ расточительнымъ вѣкомъ, католическое духовенство придумывало ежегодное открытіе мощей, производило чудеса, бесѣдовало со святыми и ангелами, и этимъ мороченьемъ людей зашибало себѣ копейку. Каждый скитъ, каждая церковь имѣли не мало своихъ мощей, производившихъ разныя чудеса. Нужно прочитать у Боккаціо правдивую исторію объ итальянскомъ Тартюфѣ, чтобы видѣть, до какихъ границъ дошло это мороченье людей, съ цѣлю приобрѣтенія денегъ. Большинство духовенства имѣло любовницъ и дѣтей, которые содержались на счетъ монастырскихъ доходовъ въ качествѣ „племянниковъ“ и „племянницъ.“ Существовало цѣлое законодательство о конкубинатствѣ монаховъ и ихъ дѣтяхъ *). Весьма рельефно описываетъ нравы и бытъ духовенства Боккаціо въ своемъ знаменитомъ „Декамеронѣ.“ Въ это время (послѣ 1348 г.) все католическое духовенство предавалось необузданному разврату, пьянству и обжорству. Подобно днѣмъ звѣрямъ, оно стремилось только къ удовлетворенію своихъ чувственныхъ потребностей, вмѣстѣ съ тѣмъ оно было жадно и скупое, торговало человѣческой кровью и даже священными предметами... Обратите только вниманіе на общее паденіе нравовъ: законы

*) Laurant, Etudes sur l'histoire de l'humanité, t. VIII p. 220.

стали бессильны, суды закрыты, повсюду распущенность, и никто теперь не боится ни Бога, ни дьявола, единственнымъ предметомъ заботливости каждаго стала холя собственнаго тѣла. Увы! въ стыду этого развращеннаго вѣка нужно сказать, что монахи не краснѣя показываються на улицахъ жирными, нарумяненными и расфранченными, показываються не какъ кроткіе голуби, а какъ гордые пѣтухи, распустившіе свои гребни. Кельи этихъ людей полны разныхъ изысканныхъ яствъ, лучшихъ греческихъ и заморскихъ винъ, ликеровъ и прочихъ деликатныхъ напитковъ, такъ что вы входите туда не какъ въ келью монаха, а какъ въ лавку бакалейщика или парфюмера. Я не могу смотрѣть безъ негодованія и удивленія на то, какъ они съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе выражаются. Надо открыть глаза тѣмъ глушцамъ, которые питаютъ и утучняютъ этихъ людей своими приношеніями.“ Саккети хвалитъ венеціанцевъ за то, что закономъ въ Венеціи будто бы было позволено бить духовное лице, лишь бы только побой не имѣли послѣдствіемъ смерть. „Всякій, говоритъ онъ, кто побиваетъ въ Венеціи, увидитъ весьма немного священниковъ, лица которыхъ не были бы раскроены *).“ И въ такое-то время трибуна Кола-Риензи хотѣлъ вдохнуть въ городское населеніе энтузіазмъ къ основанію замышляемой имъ федеративной римской республики!

Мы теперь легко можемъ понять тотъ протестъ, ту реакцію, которая подыалась въ итальянскомъ народѣ противъ тунеядства церкви, высшихъ классовъ и ихъ угнетенія. У крестьянъ этотъ протестъ принималъ форму насилія, грабежа, возмущенія, у немногихъ ученыхъ — форму устной проповѣди, сатиры и пасквиля противъ лицъ и учреждений. Появленіе разныхъ ересей было естественнымъ явленіемъ этого времени: первая работа критической мысли—всегда неизбѣжно отливается въ религіозныя формы. Вѣра въ промыслъ Божій должна была пасть и въ высшихъ классахъ общества, вслѣдствіе повсюду царствовавшей несправедливости, и замѣнилась вѣрой въ астрономическія бредни. Астрологи

*) Sacchetti, nov, III t. II, p. 148.

имѣли такое же вліяніе на рѣшеніе общественныхъ и семейныхъ дѣлъ, какое въ древней Греціи имѣли пиеіа или авгуры въ Римѣ. Народъ потерялъ уваженіе къ установленнымъ авторитетамъ. Еще въ XII в. въ Италіи образовались общества, члены котораго обязывались бить духовныхъ лицъ палками; они такъ и назывались *babitores clericorum*. Членовъ преимущественно вербовали на рынкахъ итальянскихъ городовъ изъ среды низшихъ классовъ народа. Для взаимныхъ сношеній сектаторы изобрѣли особенный условный языкъ фигурально-апокалипсической. Въ началѣ XIV вѣка въ Италіи появилась рукопись неизвѣстнаго автора, *Initium malorum*, вся испещренная каррикатурами папъ, подъ которыми въ краткихъ, но рѣзкихъ словахъ изображался характеръ и администрація каждаго папы—„волка и сатаны.“ Презрѣніе къ папству и католической обрядности весьма ясно выражается и въ пѣсняхъ трубадуровъ, и даже въ скульптурныхъ произведеніяхъ нѣкоторыхъ готическихъ церквей. Народъ дѣлалъ чучелы папъ, которыя сожигалъ на кострахъ; свѣтскіе судьи, захвативъ духовныхъ лицъ на мѣстѣ преступленія, отпускали ихъ со скандаломъ: повѣсивъ на ихъ шею всѣ орудія преступленія, ихъ водили по улицамъ среди бѣлаго дня съ барабаннымъ боемъ. Народъ совсѣмъ почти пересталъ ходить въ церковь. Въ XIV вѣкѣ папы постоянно жалуются на то, что приходскія церкви совсѣмъ почти опустѣли; они стали прибѣгать къ анаемъ и отлученіямъ отъ церкви, но это имѣло слѣдствіемъ то, что отлученные, разъ очутившись внѣ возможности посѣщать церковь, не торопились вступать въ нее и нерѣдко совсѣмъ отпадали отъ нея. Въ слѣпотѣ своей папы приписывали распространеніе ересей и вольнодумства свободному толкованію Священнаго Писанія, сдѣлавшагося доступнымъ большинству переводомъ его на французскій языкъ, и потому запретили свѣтскимъ людямъ имѣть у себя и читать свящ. книги. Въ теченіи XIV вѣка собиралось до 10 соборовъ, на которыхъ обсуждались и издавались правила, имѣвшія цѣлю приведеніе невѣрующихъ въ лоно католической церкви. Видя, что ни

*) Laurent, Etud. sur. l'hist. l'humain. t. VIII. p. 241.

грозныя буллы, ни отлученія не помогаютъ, папы стали преслѣдовать ученыхъ и еретиковъ кострами и тюремными заключеніями. Вмѣстѣ съ людьми жгли и книги. Всѣ книги и рукописи катаровъ, вальденцевъ и тамплиеровъ были сожжены, почему и осталось ихъ такъ мало. Высшіе, владѣющіе классы общества, стояли за одно съ духовенствомъ. Флорентинская буржуазія терпѣть не могла ученыхъ: все, что казалось ей выше ея торгашескихъ интересовъ, все, въ чемъ проявлялась хоть капля духа независимости и свободы, все это она жестоко преслѣдовала. Вездѣ она старалась противоудѣйствовать проявленію духа свободы и вѣкъ ея предѣловъ, вездѣ, гдѣ только могла, вводила тираннію: Она напр. поддерживала папскаго легата Маттео-де-Пеполи, желавшаго тираннически захватить власть для папы Іоанна XXII; при ея посредничествѣ Плезансъ, Кремона и Лоди отданы во власть Висконти, Парма—Мастино Скала, Реджіо—Генуѣ, Модена—Маркизу д'Эсте. Въ 1327 г. былъ приведенъ на судъ инквизиціи ученый Чекко д'Асколи, который развивалъ передъ слушателями, въ своихъ лекціяхъ, начала астрономіи и естествознанія. Чекко предсказывалъ, по звѣздамъ, передъ слушателями рожденіе Іисуса Христа, и отсюда же выводилъ Его крестную смерть, совершенно независимо отъ догматическихъ взглядовъ на этотъ вопросъ. Фарисейски-религіозные флорентинцы сочли его еретикомъ и торжественно сожгли его на кострѣ. Чѣмъ больше свѣтъ знанія проникалъ въ народъ, тѣмъ сильнѣе дѣлались преслѣдованія; духовная и свѣтская власти боялись, что свѣтъ побѣдитъ тьму, и потому вездѣ старались гасить его. Но непобѣдимый духъ времени заражалъ и само духовенство: большая часть пасквилей и сатиръ на духовенство исходила отъ самихъ же духовныхъ лицъ и монаховъ. Чтобы обезопасить себя отъ преслѣдованія, ученые стали говорить въ своихъ сочиненіяхъ о различіи сферъ научной и религіозной, утверждая, что то, что считается ложнымъ съ точки зрѣнія религіозной, можетъ быть истиннымъ съ научной. Но тогда папы стали преслѣдовать и политическихъ вольнодумцевъ. Ученые должны были искать убѣжища въ другихъ центрахъ просвѣщенія и терпимости—въ Парижѣ, Англии и отчасти въ Люттихѣ.

VII.

Дѣтскіе и юношескіе годы Боккачіо—Первыя его юношескія литературныя произведенія—*Десапегон*, Впечатлѣніе, произведенное имъ на публику, и его преслѣдованіе — Дальнѣйшая судьба *Десапегон*'а — Боккачіо профессоръ итальянской литературы во флорентинскомъ университетѣ.

Изъ дѣятелей въ области прозаической литературы этого вѣка особенно прославился Боккачіо. Едва ли во всемъ XIV вѣкѣ существовалъ другой литераторъ-публицистъ, который бы однимъ своимъ произведеніемъ составилъ эпоху въ исторіи національной итальянской литературы, привлечь бы къ себѣ такую массу поклонниковъ и подражателей, какъ Боккачіо своимъ *Десапегон*'омъ. Большинство историковъ, смотрящихъ на нравственность съ официально-житейской точки зрѣнія, видятъ въ Боккачіо скорѣе рассказчика фривольныхъ новеллъ во вкусѣ Поль-де-Кока, нежели серьезнаго ученаго, великаго патріота и вѣрнаго друга. Отецъ Боккачіо долгое время жилъ по торговымъ дѣламъ въ Парижѣ, гдѣ влюбился въ одну молодую вдову, и плодомъ этой любви было проявленіе на свѣтѣ Боккачіо, въ 1313 году. Послѣдній въ своемъ пастушескомъ романѣ *Амето* рисуетъ намъ живыми красками печальную исторію своей несчастной матери и виѣсть съ тѣмъ высказываетъ свое ожесточеніе и негодованіе честнаго сына противъ безчестнаго отца, рѣшившаго бросить свою возлюбленную на произволъ судьбы и жениться на другой во Флоренціи, хотя и клялся передъ первой въ своей домогильной вѣрности. Мать Боккачіо не могла перевести этого гора и умерла отъ чахотки. Это обстоятельство послужило причиной того, что Боккачіо во всю свою жизнь остался въ холодныхъ отношеніяхъ къ своему отцу. Первоначальное свое образованіе Боккачіо получилъ въ общественной школѣ во Флоренціи, откуда отецъ его еще мальчикомъ взялъ и посадилъ за изученіе купеческаго и конторскаго дѣла; а потомъ, для составленія его блестящей карьеры, заставилъ изучать каноническое право, для чего и отправилъ его въ 1326 г. въ Неаполитанскій университетъ. Но сынъ, однако, не оправдалъ надеждъ

отца и, вмѣсто каноническаго права, принялся за изученіе латинскихъ классиковъ, исторіи и астрономіи. Неаполею въ это время управлялъ король Робертъ, прославленный льстецами какъ другъ и покровитель наукъ. Съ цѣлю избавить неаполитанскій университетъ отъ конкуренціи съ другими учебными заведеніями своего королевства, король стѣснилъ въ послѣднихъ свободу преподаванія и тѣмъ привлекъ въ стѣны своего университета немалое число слушателей, хотя и цѣной опустенія и паденія прочихъ школъ. Большую часть своихъ доходовъ король тратилъ не на покровительство наукъ и искусствъ, а на покупку флота для завоеванія Сициліи и приобрѣтенія вліянія въ городахъ средней и верхней Италіи.

Въ 1341 г. Боккачіо былъ вызванъ отцомъ во Флоренцію, но онъ нѣсколько разъ еще возвращался въ свой любимый Неаполь. Здѣсь впервые загорѣлась его юношеская любовь къ дочери короля, которая является въ *Ameto* подъ аллегорическимъ именемъ Фіамметы. *Ameto*, *Filosoro* и *Амогова visione* навѣяны тоже его любовью, и по формѣ и содержанію не представляютъ ничего замѣчательнаго. Въ *Filosoro* авторъ рассказываетъ исторію своей собственной судьбы, перемеживая рассказъ съ греческой мифологіей и христіанскими легендами. Въ *Амогова visione*, написанной за 4 года до ужасной флорентинской чумы, онъ передаетъ всѣ перипетіи своей первой любви. Форма, въ которую онъ облекъ свою новеллу, заимствована у Данте. Его Марія, подобно Беатриче Данте, тоже *donna gentile, piacente bella*, тоже ведетъ его въ жилище любви, славы и мудрости, по которому молодые путешествуютъ съ книгами въ рукахъ: Цицерономъ, Гомеромъ, Виргиліемъ, Гораціемъ, Саллюстіемъ, Ливіемъ, Авиценною, Галеномъ, Катонемъ, Вегеціемъ и Данте, — писателями, сочиненія которыхъ составляли любимое чтеніе Боккачіо. Здѣсь особенно хороши и полны неподдѣльнаго плаеса картины страданія бѣдныхъ людей. Въ концѣ концовъ авторъ прилепляетъ къ своей новеллѣ слѣдующее правоученіе: всѣ земныя блага ничтожны и непостоянны, только одна добродѣтель дѣлаетъ насъ счастливыми и благородными; правоученіе это очевидно указываетъ на разочаро-

ваніе и утомленность отъ юношескихъ увлеченій и пустой жизни среди того общества, въ которомъ авторъ вращался въ то время. Любознательность и жажда знанія до того были въ немъ сильны, что онъ буквально пожиралъ книги. Уже на 40 году своей жизни онъ пригласилъ въ свой домъ ученаго грека Леонтія Пилата и цѣлыхъ три года усидчиво занимался съ нимъ изученіемъ греческаго языка, археологій и мисологій. Плодомъ этихъ занятій былъ переводъ на латинскій языкъ Иліады. Однако Боккаччо не сдѣлался сухимъ ученымъ и буквѣдомъ, какъ можно было, повидимому, судить по характеру его ученыхъ занятій. Онъ былъ слишкомъ живаго, эмоциональнаго темперамента, слишкомъ впечатлительнымъ человекомъ для того, чтобы современные вопросы не волновали его души. По своимъ политическимъ убѣжденіямъ онъ былъ ярнй республиканецъ. Если для Данте древній Римъ казался не больше какъ Римомъ Цезаря и Августа, то для Боккаччо онъ былъ Римомъ Катона и Сципіона; Данте садитъ Брута въ аду, кающимся грѣшникомъ, Боккаччо утираетъ ему слезы и садитъ его рядомъ съ Помпеемъ и Цicerономъ. Поэтому не мудрено, что онъ глубоко сочувствовалъ фантастическому предпріятію Ріензи и плакалъ о его неудачѣ. Подобно многимъ другимъ итальянскимъ патріотамъ, Боккаччо бредилъ римскою республикой, въ которую всѣ другіе итальянскіе города могли вступить на основѣ федераціи, хотя никто изъ этихъ патріотовъ не задавалъ себѣ вопроса о возможности въ то время образованія обширной республики среди множества независимыхъ мелкихъ князей и тирановъ, соперничающихъ городовъ и пр. Въ книгѣ «Знаменитыхъ мужей» Боккаччо изливаетъ свою желчь на князей и тирановъ, принимаетъ на нихъ гнѣвъ народа въ выраженіяхъ, которыя могли бы показаться теперь нецензурными.

Чтобы составить себѣ вѣрное понятіе о Десаггеронѣ, нужно знать положеніе самого автора и дѣйствующихъ лицъ среди тѣхъ условій и обстановки, которыя ихъ окружали. Нравственная испорченность высшихъ классовъ общества въ Неаполѣ проявлялась въ болѣе возмутительныхъ формахъ, чѣмъ гдѣ либо, особенно когда королева Іоанна послѣ чумы

1348 г. перевела свой дворъ въ Неаполь. Оставаясь во все время чумы въ Неаполѣ, Боккачю успѣлъ отлично изучить дѣйствующихъ лицъ придворной комедіи. Неаполь—настоящее мѣстороженіе *Decamerone*'а. Это, пожалуй, «Собачій пиръ» Барбье или Зола, въ которомъ охарактеризовано общество—XIV вѣка въ его нравственномъ развитіи. Всѣ дѣйствующія лица этой сатиры взяты изъ живой, реальной дѣйствительности; но Боккачю хорошо знакомъ и съ горькой жизнью обездоленнаго бѣдняка. Сохраняя во всѣхъ своихъ новеллахъ веселый юмористическій тонъ, нигдѣ не выпуская изъ виду цѣль «забавлять праздныхъ людей и особенно дамъ», нравы которыхъ онъ думалъ исправить дагерротипнымъ изображеніемъ ихъ нравственнаго безобразія во всей его неприкрытой наготѣ, возбудивъ въ нихъ отвращеніе къ этому безобразію и жажду лучшей жизни, лучшихъ нравственныхъ идеаловъ,—онъ нерѣдко среди фривольныхъ картинъ, какъ бы въ укоръ знатнымъ, представляетъ намъ высоко-трагическіе случаи изъ жизни простыхъ людей, представляетъ напр. честнаго, безкорыстнаго крестьянина, готоваго дѣлиться съ ближнимъ своимъ послѣднимъ достояніемъ, или благородную и чистую любовь врестыанской дѣвушки. Какъ видно, нравственно-наболѣвшая душа автора, стремившаяся поселить въ людяхъ миръ и любовь, отчаявается въ возможности нравственнаго возрожденія богатыхъ классовъ; онъ ищетъ идеала справедливости и добродѣтели между простыми бѣдняками. «Увы!—заключаетъ онъ свою послѣднюю новеллу—прекрасныя дѣйствія этихъ добродѣтелей теперь стали рѣдки. Люди, сдѣлавшись эгонстами, стерли съ лица земли это божество... Я убѣжденъ, что въ самыхъ убогихъ хижинахъ гораздо больше живетъ людей съ великимъ умомъ и благороднымъ сердцемъ, чѣмъ въ богатыхъ палатахъ, откуда выходятъ существа, способныя управлять развѣ только скотами, а никакъ не людьми». Знаніе людей, умѣнье рисовать ихъ характеры замѣчательны. Мы видимъ здѣсь, какъ въ калейдоскопѣ, фигурирующихъ королей и врестыанъ, рыцарей, старыхъ дѣвъ и двусмысленныхъ женщинъ, которые проходятъ предъ вами точно живые. Что касается самого языка *Decamerone*'а, формы выраженій, то на

него слѣдуетъ смотрѣть съ исторической точки зрѣнія, въ связи съ вѣяніями его эпохи. Это былъ вѣкъ, когда ни дѣти, ни женщины не стѣснялись въ способѣ выраженія своихъ мыслей и чувствъ. И Данте, и Петрарка, и трубадуры вмѣстѣ съ дамами, и чопорные англичане употребляли въ своихъ сочиненіяхъ такіа выраженія, которыя теперь могли бы оскорбить эстетическое чувство европейца. Многіе продолжаютъ думать, что Десамегон можетъ имѣть дурное, развращающее вліяніе на молодыхъ людей; но не вина, конечно, автора, что его произведенія дають читать не зрѣлымъ умамъ. Съ другой стороны, однако, благодаря своему классическому языку, прекрасному стилю, нерѣдко достигающему неподражаемой граціи, интересному содержанію, онъ долго еще будетъ классной книгой для чтенія, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя новеллы. Въ Десамегонѣ мы находимъ богатый кладъ новыхъ словъ и оборотовъ рѣчи; поэтому Боккачіо по справедливости считается творцомъ итальянской прозы. Когда въ XVI столѣтіи вновь пробудилась любовь къ національной итальянской литературѣ, за Десамегон ухватились какъ за настольную книгу или азбуку. Первое изданіе его вышло въ свѣтъ въ 1470 г. *) и затѣмъ, въ теченіе 30 лѣтъ, вплоть до 1500 г. послѣдовало не менѣе 10 изданій, но съ этого времени Десамегон сдѣлался уже библиографической рѣдкостью. Дѣло въ томъ, что когда въ концѣ XV в. Савонаролла своими проповѣдями приобрѣлъ во Флоренціи сильное вліяніе и соединилъ въ своемъ лицѣ обязанности нравственнаго реформатора и политическаго правителя, онъ возымѣлъ желаніе, ради возвышенія во флорентинскихъ гражданахъ нравственнаго уровня, уничтожить нѣкоторыя книги и художественныя произведенія. Во время карнавала въ 1497 г. флорентинскія дѣти, ходя изъ дома въ домъ, собирали ненавистныя Савонароллѣ «безнравственныя» предметы: шахматныя доски, игральныя карты и кости, румяны и духи, арфы и гитары, шляпы съ перьями, картины, магическія книги и пр., которыя, вмѣстѣ съ сочиненіями Пульчи, Петрарки и

*) Первая печатная итальянская книга появилась въ 1465 году.

Боккаціо, преданы были auto-da-fe. Въ этомъ отношеніи самовластіе реформатора перелилось черезъ край: онъ уничтожалъ самыя источники духовныхъ наслажденій человѣка. Примеръ подобнаго auto-da-fe былъ совершенъ въ Римѣ въ 1866 г., по приказанію папы Пія IX, надъ книгой Ренана: «Vie de Jesu»... Далѣе, въ 1573 г. съ Десадегоп'омъ страхась новая исторія. Папскій дворъ, встревоженный безнравственностью его содержанія, предложилъ Флоренціи на выборъ: или сжечь Десадегоп, или же выпустить его въ свѣтъ въ исправленномъ, искалѣченномъ видѣ. Герцогъ Козьма I Медичи составилъ цензурную комиссію подъ предсѣдательствомъ папскаго уполномоченнаго Локателли, изъ двухъ академикомъ—Антинори, Агноло Гвнчардини и двухъ духовныхъ лицъ—Винченціо Боргини и Антоніо Бенивьени, которая подвергла Десадегоп необходимой операціи, послѣ чего онъ вышелъ книгой весьма приличной для чтенія монаховъ и монахинь. Монахи были въ ней переодѣты въ волшебниковъ и свѣтскихъ повѣсь, монахини въ графинь и т. д. Впрочемъ, благодаря распространенію книгопечатанія, переводы Десадегоп'а стали появляться на всѣхъ европейскихъ языкахъ: въ 1496 г. на нѣмецкомъ и испанскомъ, въ 1564 и 1732 гг. на голландскомъ, въ 1620 г. на англійскомъ, польскомъ, венгерскомъ и латинскомъ; кромѣ того, въ предѣлѣхъ для дѣтскаго возраста, онъ распространился въ тысячахъ экземпляровъ по Германіи, Англии, Голландіи и Швеціи; переводъ Гривелидъ нашель доступъ даже и въ нашей дѣтской литературѣ, въ собраніи сказомъ Аванасьева (т. 5). Цѣнность одного его экземпляра достигла такой высоты, что въ XVIII ст. она подвиглась до 100 гиней; въ 1812 г. богачь, лордъ Вландфордъ, за одиень такой экземпляръ заплатилъ 2,260 ф. стерл., но спустя 7 лѣтъ тотъ же самый экземпляръ лордъ Спенсеръ купилъ за 918 ф. стерл. Десадегоп нашель себѣ массу подражателей. М. Landau въ своемъ послѣднемъ сочиненіи: *Beiträge zur Geschichte der italienischen Novelle* приводитъ списокъ болѣе 30-ти подражателей, не говоря уже о постоянныхъ заимствованіяхъ изъ него многими писателями сюжетомъ для своихъ драмъ и комедій. Шекспиръ бралъ оттуда

сюжеты для своихъ трагедій, Лессингъ заимствовалъ Натана и пр. Вотъ какъ высоко выросла слава «безнравственнаго» *Decameron'a*

Сатира Боккачіо произвела потрясающее дѣйствіе на духовенство, которое она язвитъ своимъ острымъ языкомъ. Оно попыталось принудить автора если не совсѣмъ уничтожить книгу, то по крайней мѣрѣ уничтожить въ ней всѣ рѣзкія мѣста касательно духовенства. Къ нему явился нѣкій картезианскій монахъ Джани и въ тайномъ свиданіи объявилъ ему, что онъ пришелъ «по повелѣнію богобоязненнаго и благочестиваго отца Петронія, которому Богъ въ ночномъ видѣніи открылъ, что ангелъ тьмы приведетъ его, Боккачіо, къ неминуемой гибели, т. е. если онъ не измѣнитъ образа своихъ мыслей, то Богъ накажетъ его ужаснымъ образомъ.» А это наказаніе могло заключаться ни въ чемъ другомъ, какъ въ тайномъ убійствѣ кинжаломъ или ядомъ. Объятый страхомъ передъ откровеніемъ монаха-фанатика, Боккачіо обѣщаль бросить свои литературныя и ученые занятія и письменно сообщилъ о своемъ намѣреніи своему другу Петраркѣ. Нравственная энергія его поколебалась, а опасеніе за свою собственную жизнь побудило его удалиться изъ города въ деревню, гдѣ онъ долгое время жилъ въ бѣдности и невзвѣстности, поддерживаемый приношеніями своихъ друзей. Въ сочиненіяхъ его, относящихся къ этому времени, проглядываетъ уже христіанское смиреніе. Глашатай истины, беспощадный обличитель людскихъ пороковъ, превратился въ жалкаго собирателя реликвій, въ кающагося грѣшника... Петраркѣ принадлежитъ та заслуга, что онъ ободрилъ и направилъ Боккачіо на старый путь. Онъ указывалъ ему на примѣры древней исторіи, указывалъ на великое значеніе славы и безсмертія ученыхъ и поэтовъ — Гомера, Аристотеля, Сципіона и Катона, смѣялся надъ его малодушіемъ и ложнымъ страхомъ. Для Боккачіо скоро представился случай выступить на новое общественное поприще, въ качествѣ профессора итальянской литературы въ флорентинскомъ университетѣ.

Основаніе флорентинскаго университета въ 1348 г. вызвано было не внутренней потребностью гражданъ въ образо-

ваніи юношества, а совершенно внѣшними, случайными причинами, главною изъ которыхъ было желаніе флорентинцевъ пополнить убыль собственнаго населенія, послѣ опустошенія чумы, приливомъ въ городъ свѣжихъ, молодыхъ силъ, во вторыхъ—соперничествомъ съ Пизой изъ-за торговыхъ интересовъ, ненависть къ которой дошла въ это время до того, что Флоренція запретила своимъ дѣтямъ получать высшее образованіе въ пизанскомъ университетѣ (основ. въ 1338 г.). Несмотря на свободу и привилегіи, данный университету папой Климентомъ VI наравнѣ съ парижскимъ и болонскимъ, флорентинскій университетъ находился въ самомъ жалкомъ состояніи, вслѣдствіе скупости на денежные затраты буржуазіи, цѣнившей матеріальныя, осязательныя блага болѣе нежели духовныя. Въ это время слава Данте гремѣла уже по всей Италіи; его „Божественную комедію“ читали и многіе стихи ея заучивали наизусть; бѣда только въ томъ, что не всѣ въ состояніи были понять таинственный, аллегорическій смыслъ стиховъ Данте. Поэтому многіе флорентинскіе граждане подали въ сенъорію петицію, въ которой заявляли желаніе пригласить въ университетъ „ученаго человѣка для объясненія книги Данте.“ Сенъорія послала съ Воккачіо пригласительное письмо къ Петраркѣ, который жилъ въ то время въ Падуѣ; но практическій Петрарка предпочелъ это почетное мѣсто болѣе выгодному служенію ломбардскимъ князьямъ, да и по самому характеру своихъ занятій, посвященныхъ исключительно составленію канцонъ и классической литературѣ, онъ едва ли былъ бы въ состояніи удовлетворить любознательности гражданъ, тѣмъ болѣе, что, по словамъ біографа Воккачіо, Ландау, Петрарка до своего знакомства съ Воккачіо былъ дурнаго мнѣнія о сочиненіяхъ Данте и цѣнилъ гораздо выше свои латинскія вирши и сочиненія. Тогда Флоренція обратилась съ тѣмъ же предложеніемъ къ самому Воккачіо. И вотъ въ 1373 г. въ церкви San-Stefano Воккачіо открылъ рядъ чтеній о „Божественной комедіи“, продолжавшихся вѣроятно до самой его смерти, но доведенныхъ только до 17 пѣсни „Ада.“ Лекціи свои онъ началъ съ того, что открыто обратился съ горькими упреками къ флорентинцамъ, за ихъ не-

благодарность и несправедливую жестокость къ „великому поэту.“ Слѣбая Флоренція прозрѣла. Она старалась теперь загладить передъ свѣтомъ свою несправедливость къ поэту, котораго при жизни преслѣдовала и позорила. Портретъ Данте торжественно, въ сопровожденіи правительства, вносится въ церковь Сантъ-Джованни, при звукѣ колоколовъ и погребальной музыки; въ честь Данте вычеканиваются медали, его статуя ставится во дворцѣ сеньоріи... Многіе итальянскіе комментаторы сочиненій Данте называютъ его предтечей Возрожденія, пророкомъ, святымъ, апостоломъ гуманизма; съ университетскихъ кафедръ его стихи приводятся какъ текстъ закона, а въ церквахъ — какъ священный текстъ.

Комментаріи Боккачіо и другія его сочиненія, составляющія его собственную бібліотеку, еще при жизни автора были пожертвованы имъ августинскому монастырю ордена Эрмитовъ, который вмѣстѣ съ книгами сгорѣлъ въ 1471 году, во время отправленія монахами торжественной церковной церемоніи сошествія св. Духа. Боккачіо имѣлъ возможность доживать свои дни счастливѣе, независимѣе Данте, хотя и бѣдно, потому что Флоренція платила за его лекціи только по 100 гульденовъ въ годъ. Впрочемъ Петрарка нерѣдко помогалъ ему своимъ кошелькомъ. Боккачіо умеръ въ 1375 г. на 62 году своей жизни.

VIII.

Богатство Флоренціи и ея промышленность. — Экономическое положеніе народа.— Народныя бѣдствія: неурожай, голодная смерть, чума 1348 г.— Слѣдствія чумы и др. народныхъ бѣдствій.

Сильна и могущественна была Флоренція въ половинѣ XIV вѣка. Количество ея населенія и границы ея владѣній ежегодно увеличивались и расширялись присоединеніемъ къ ней новыхъ территорій и городовъ; она подчинила своей власти Ареццскую, Луккскую и Комскую территоріи съ 18 крѣпостями; вы-

сокія городскія стѣны ея съ 9 воротами и 68 башнями, поднимавшимися вверхъ на 60 фут., опоясывали ея со всѣхъ сторонъ, придавая ей видъ неприступной крѣпости. Ея богатство основывалось главнымъ образомъ на мануфактурномъ производствѣ и банкирскомъ дѣлѣ. Въ первой половинѣ XIV вѣка торгующая, эксплуатирующая Флоренція раздѣлялась на 21 цехъ, изъ коихъ семь цеховъ считались высшими, 14—меньшими; но вся промышленная и политическая сила сосредоточивалась въ рукахъ высшихъ цеховъ, составлявшихъ сливки флорентинскаго общества. Важнѣйшимъ по богатству и политическому вліянію на дѣла Флоренціи былъ цехъ Calimala—суконщиковъ. Онъ имѣлъ болѣе 200 фабрикъ, дававшихъ работу 30,000 рабочимъ рукамъ, которыя ежегодно производили отъ 70 до 80,000 кусковъ сукна, на сумму 26.000,000 фр., т. е. болѣе чѣмъ общій годовоі доходъ Англіи при королевѣ Елизаветѣ; но такимъ доходомъ владѣли только 20 флорентинскихъ тузовъ. Лучшая шерсть, изъ которой приготавливались тонкія сукна, получалась изъ Испаніи и Португаліи, а также и изъ Англіи, гдѣ аристократія приступила уже въ это время къ насильственной системѣ экспроприаціи общинныхъ земель и обращенія ихъ въ пастбища для овецъ. Развитие промышленной техники, знаніе усовершенствованныхъ способовъ производства доведены были во Флоренціи до виртуозности. Лучшія брабантскія и фландрскія сукна, прежде нежели идти на западно-европейскіе рынки, отправлялись предварительно во Флоренцію для чистки, подрѣзыванія, приглаживанья и подкрашиванья, послѣ чего они продавались уже за удвоенную цѣну на рынкахъ Ліона, Монпелье, Авиньона, Лондона и пр. Туземная шерсть, особенно тосканская, была болѣе худшаго качества, какъ вслѣдствіе сырости мѣстнаго климата, такъ и по недостатку пастбищъ въ странѣ, почему и приготавливаемое изъ нея сукно шло на продажу мѣстному не менѣе зажиточному населенію, ежегодно въ количествѣ не менѣе 10,000 кусковъ. Для предупрежденія разнаго рода фальсификаціи товара на каждомъ кускѣ сукна значилась печать цеха и ярлыкъ съ обозначеніемъ имени фабриканта, мѣста производства, длины, ширины и цѣны флор. зол. Разосланные по

европейскимъ городамъ 300 агентовъ обязаны были слѣдить за доброкачественностью товаровъ, и въ случаѣ открытія со стороны торговцевъ обмана, виновные по суду цеха могли навсегда лишиться права торговли. Другая не менѣ обширная отрасль промышленности была производство шелковыхъ мануфактуръ. Шелководство первоначально было введено маврами въ Испаніи, а отсюда въ 1148 г., черезъ Грецію, было перенесено въ Сицилію. Въ 1315 г. оно приняло во Флоренціи обширные размѣры, благодаря выселенію туда изъ Дукки значительнаго числа шелководовъ; шелка-сырца не мало привозилось также изъ Нима, Монпелье и Леванта. Цехъ банкировъ состоялъ изъ 80 домовъ. Богатѣйшіе изъ нихъ: Строцци, Альберти, Барди, Фрескобальди, позднѣ Медичи имѣли банкирскія конторы въ Парижѣ, Лондонѣ, Римѣ, Неаполѣ, Венеціи, Константинополѣ и др. городахъ, и обладали важнымъ капиталомъ по крайней мѣрѣ въ 60.000,000 фр. Англійскій король Эдуардъ I со всѣми членами своей семьи постоянно кредитовался у Фрескобальди, гарантировавъ уплату долга налогами на ленъ и сырыя кожи. Во Флоренціи ежегодно чеканилось 300,000 флориновъ зол., но оборотный капиталъ ея простирался до 2.000,000 флор., что на наши деньги составитъ около 50.000,000 руб., и торговля ея далеко распространилась за гредѣлы республики. Франція была для флорентинцевъ вторымъ отечествомъ. Тамъ жило не мало итальянскихъ колонистовъ, образовавшихъ особый цехъ подъ главенствомъ своего выборнаго капитана, который имѣлъ непосредственныя сношенія съ самимъ королемъ, имѣлъ свою печать съ изображеніемъ человѣка, сидящаго на тронѣ между двумя мѣшками. Сухопутная торговля производилась обыкновенно на волахъ и мулахъ, морская же на плоскодонныхъ и длинныхъ венеціанскихъ и генуэзскихъ корабляхъ, обыкновенно стоявшихъ въ ближайшей отъ Флоренціи пизанской гавани. Оттуда и важный интересъ для Флоренціи въ завоеваніи Пизы и постоянныя съ нею войны.

Отношенія капитала къ труду были основаны на принципѣ полнѣйшаго рабства. Только одни мастера и представители цеха пользовались всѣми выгодами производства, тогда

какъ подмастерья и рабочіе служили у хозяевъ въ качествѣ простыхъ машинъ. Уже однѣ издержки на выправку патента за право сдѣлаться мастеромъ весьма ясно указываютъ на полнѣйшую невозможность рабочему выбиться изъ своего положенія. При населенія въ 100,000 жителей, только 25,000 человѣкъ, имѣвшихъ свои собственные дома, пользовались правомъ носить оружіе, пользовались всѣми льготами и преимуществами, да и изъ атихъ 25,000 не всѣ имѣли одинаковыя политическія права, такъ какъ, по закону 1346 г., права эти предоставлялись только тѣмъ изъ нихъ, которые сами, ихъ дѣды и отцы, родились въ предѣлахъ Флоренціи и ея территоріи *). Такъ называемые *beneficiati*, принадлежавшіе къ 7 мышимъ цехамъ въ числѣ 4,000 человѣкъ, составляли Великій Совѣтъ Флоренціи и заправляли всѣми дѣлами республики **). Вотъ это-то незначительное меньшинство и жило на правахъ политически-полноправныхъ гражданъ, которые сами издавали законы, регулировали отношенія труда къ капиталу, назначали налоги и пр. Уже тогда „жирнымъ“ господамъ гремѣла красная призракъ коммунизма, отъ котораго они старались обезопасить себя лишеніемъ большинства всякаго участія въ общественныхъ дѣлахъ. Гордый буржуа смотрѣлъ на пролетарія какъ на вьючный скотъ, созданный будто бы самимъ Богомъ „для низкаго, подлаго труда“. Онъ крестилъ этотъ народъ самыми презрѣнными эпитетами: *popolo minuto*, *popolaccio*, *breve*, *plebaglia* и проч. Самъ М. Виллани, обыкновенно добросовѣстный и безпристрастный хроникеръ, когда заходитъ рѣчь о народѣ, выходитъ изъ себя, теряетъ свою обычную роль рассказчика событій и называетъ рабочихъ „безчувственными, безстыдными авантюристами“. „Что намъ за дѣло до мнѣній и криковъ толпы? самолюбиво спрашивалъ эстетически-развитой буржуа. При своемъ невѣжествѣ она не можетъ ни понимать, ни цѣнить справедливости и честности. Пускай эти мелкіе торгаша продаютъ свои товары, кууютъ желѣзо, пускай добы-

*) Cronaca, ediz. Donato Velluti, 1731 г. p. 148.

***) Nardi, Istor. di Fir., lib. I, c. IV.

вають себѣ хлѣбъ низкимъ трудомъ: они созданы для низкаго труда. Но глупо было бы слушать мнѣнія людей, не обладающихъ ни какими знаніями. Когда дѣло требуетъ благородія и мудрости, пусть они не мѣшаются съ людьми серьезными и не спорятъ съ ними о томъ, чего они никогда не поймутъ. Они должны отказаться отъ политическихъ правъ въ пользу высшихъ классовъ". При такомъ взглядѣ на рабочаго, какъ на выючнаго животнаго, какъ на машину, онъ и жить долженъ былъ какъ животное. Рабочіе селились обыкновенно на концѣ города, въ грязныхъ подземныхъ жилищахъ въ подвалахъ, составлявшихъ цѣлыя улицы. Людей этихъ можно было узнать по сѣрой рубашкѣ, иногда безъ панталонъ, грязныхъ и оборванныхъ съ ногъ до головы. Такъ какъ ихъ рабочая плата была чрезвычайно низка — отъ 30 сант. до 1 фр. въ день, то до 30,000 рабочихъ, составлявшихъ низкіе цехи и всѣ не принадлежавшіе ни къ какому цеху—трепальщики льна, кожевники, красильщики, плотники, портные, слѣсаря, сѣдельники и поденщики—питались одними овощами съ хлѣбомъ. Съѣстные припасы обыкновенно были дороги вслѣдствіе постоянныхъ неурожаевъ: съ 1328 по 1350 гг. шеффель ржи стоилъ до 25 р. сер. Во Флоренціи нерѣдко чувствовался недостатокъ въ хлѣбѣ, почему законъ и запрещалъ вывозить его на продажу. Ухудшенію экономическаго положенія рабочихъ немало содѣйствовали многочисленные налоги и разнаго рода поборы. До 1336 года доходы Флоренціи простирались до 300,000 фл., а расходы до 40,000, слѣдовательно излишекъ въ бюджетѣ доходовъ надъ расходами составлялъ 260,000 фл. Съ этого же времени постоянныя войны Флоренціи съ завоевательной цѣлью истощили въ конецъ финансовыя и экономическія силы страны, и не только поглотили всѣ ея доходы, но, къ концу XIV столѣтія, на ней лежало уже болѣе 11.000,000 флор. внѣшняго долга. Весь государственный бюджетъ шелъ на войны, на содержаніе правительства, на сооруженіе памятниковъ зодчества и живописи. Буржуазная олигархія не щадила общественныхъ средствъ на украшеніе города разными памятниками и не обращала ни какого вниманія на ропотъ и насмѣшки народа надъ этими

дорогими, непронзводительными тратами *). Содержаніе подесты и его сборровъ стоило 15,240 фл. въ годъ, капитана народнаго и его семейства 5,800 фл., чиновника, на обязанности котораго лежало „вскорененіе“ роскоши между женщинами, 1000 фл.; столъ пріоровъ ежемѣсячно обходился въ 3000 фл.; отопленіе и освѣщеніе общественнаго дворца 2,400 фл.; общественныя церемоніи и конскіе бѣги 310 фл.; шпионы при иностранныхъ дворахъ и посланники 16,000 фл. Вообще же на содержаніе всѣхъ членовъ правительства, его работъ и лошадей иногда ежемѣсячно требовалось до 40,000 фл. Вся податная система была организована къ выгодѣ имущихъ классовъ и къ невыгодѣ бѣдныхъ. Подать была почти исключительно личная, а не имущественная, и всей своей тяжестью ложилась на бѣдныхъ, тогда какъ богатые платили очень мало **). Во время Данте аристократія платила налога не болѣе 2,000 фл.; земледельцы и ростовщики, люди обладавшіе миллионными капиталами, давали налогу всего 3,000 фл. Между тѣмъ, недвижимыя крестьянскія имущества несли налогъ въ размѣрѣ 10% съ чистаго дохода, что давало въ общей сложности до 31,000 фл. дохода. Было много видовъ косвенныхъ налоговъ, которые опять-таки лежали на плечахъ бѣдныхъ классовъ, потому что предметами обложенія служило потребление. Не существовало почти ни одного предмета потребления, который не оплачивался бы пошлиной или налогомъ. Не говоря уже о существованіи ввозныхъ и привозныхъ пошлинъ, налогами облагались даже мясо, хлѣбъ, молотьба хлѣба, мука, рыба, вино; добываніе и продажа соли составляли монополію нѣсколькихъ богатей. Но однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ видовъ налога для бѣдныхъ былъ налогъ на контракты и судебныя акты, платимый въ размѣрѣ четвертой части цѣнности выиграннаго иска и дававшій правительству ежегодно 20,000 фл. дохода. Не платившіе налога, по какому бы-то ни было причинамъ, лишались права иска въ судѣ, лишались и политическихъ правъ. Послѣдній налогъ уже прямо ставилъ рабочаго

*) March. Stefani, lib XII, rub. 946.

***) Varchi, Stor. Fiorent., t. III, p. 34.

въѣ покровительства законовъ, отнималъ у него всякое право на защиту въ судѣ, такъ какъ рабочіе, эксплуатируемые хозяевами, весьма часто принуждены были жаловаться на послѣднихъ въ судѣ, и если на жалующемся числились неλοιимки, судъ не принималъ отъ него жалобы. Законъ запрещалъ азартныя игры, но за деньги онѣ дѣлались предметомъ монополіи богатыхъ людей и духовенства; даже и самыя уличныя игры законъ разрѣшалъ только тѣмъ; это платилъ за это налогъ. Такимъ образомъ правосудіе, удовольствія и уличныя игры составляли монополію однихъ богатыхъ классовъ. Очевидно, что если рабочій хотѣлъ жить вполнѣ человѣческой жизнью, то не могъ: законъ обдиралъ его предварительно съ ногъ до головы, какъ липку. Какія бы усилія ни направлялъ онъ для того, чтобы выбиться изъ своего положенія, онъ не могъ этого сдѣлать уже просто вслѣдствіе отсутствія къ нему довѣрія и кредита. Между тѣмъ, какъ фабрикантъ могъ пользоваться кредитомъ за 4°/_o, купецъ за 8°/_o, рабочій едва-едва могъ добиться получить его за 20°/_o. Отказаться отъ работы и искать себѣ другой, въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, тоже не было возможности, потому что законъ строго говорилъ ученикамъ и подмастерьямъ: „не броди около лавокъ и магазиновъ съ цѣлю присканія себѣ работы“. Люди эти не имѣли даже права безъ позволенія хозяина брать себѣ спутницу жизни въѣ Флоренціи *).

Слѣдствія такого жалкаго соціального и экономическаго положенія народа были очевидны: громадный процентъ всевозможныхъ преступленій, опустошительныя эпидеміи и невѣроятная смертность между бѣдными классами. Флоренція была переполнена ворами и нищими. Что число послѣднихъ было громадно, мы видимъ изъ того, что когда въ 1330 г. одинъ богатый флорентинецъ передъ смертью завѣщалъ свой капиталъ для раздачи нищимъ, то послѣднихъ оказалось 18,000 челоуѣкъ обоаго пола! Нищія составляли свою особенную корпорацію, предводимую начальникомъ. Съ пѣвнѣемъ ходили они по улицамъ города и предмѣстьямъ, вочуя обыкновенно годъ портками домовъ и церквей. Законъ однако выгналъ

*) Statut. Florent. § 74—5.

ихъ изъ города и впускалъ туда только тѣхъ изъ нихъ, которые обѣщались платить подати и не нищенствовать; но онъ не указывалъ имъ пути къ честному труду, и потому единственнымъ исходомъ для нихъ служили воровство и тюрьма. Существовавшія во Флоренціи пять подземныхъ тюремъ были переполнены преступниками, которые нерѣдко умирали въ нихъ съ голоду, такъ какъ на содержаніе преступника отпущалось 25 сант., а содержаніе напр. собачки-левретки знатнаго буржуа стоило 30 сант. Правительство „свободной“ республики не принимало никакихъ мѣръ для облегченія участи бѣдныхъ. Флорентинскія улицы были узки и грязны; жалкія жилища рабочихъ были также полны грязи и вони; крестьянскія хижины тѣсно лѣпились около феодальныхъ замковъ окруженныхъ рвами съ стоячей водой. Самыя древнія изъ существующихъ флорентинскихъ зданій не восходятъ далѣе XV вѣка. Въ XIV вѣкѣ, на улицахъ Флоренціи, сплошь и рядомъ можно было встрѣтить дома богатыхъ гражданъ, покрытые соломой или тесомъ. Двери дома прямо открывались на извилистую, узкую улицу, на которой во время дождя образовывались цѣлыя лужи, въ жаркое время въ полуотгоренную дверь вихремъ неслась пыль; свиньи, разгуливавшія по улицамъ, могли свободно войти въ эти двери и расположиться въ нижнихъ комнатахъ, какъ у себя въ хлѣву; но не лучше было и въ верхнихъ жилыхъ покояхъ. Подъ постелью знатнаго буржуа-милліонера валялись всякія нечистоты: обѣдки овощей и плодовъ, яичная скорлупа, кожа только что убитаго животнаго и т. п. Во Флоренціи существовало до 30 госпиталей съ 10,000 больныхъ и нѣсколько богадѣленъ, изъ коихъ нѣкоторыя устроены были самими же рабочими, какъ напр. извѣстный домъ призрѣнія *Misericordia*, существующій вотъ уже болѣе 600 лѣтъ. Начало этого учрежденія относится къ 1240 году. Рабочіе обыкновенно еще на зарѣ выходили на площадь Сантъ-Джованни и стояли предъ дверьми фабрикъ подъ открытымъ небомъ, въ ожиданіи работы. Здѣсь, въ какомъ-то „пустомъ“ погребѣ, принадлежавшемъ Адимари, рабочіе нерѣдко сидѣли, спасаясь отъ дождя и утренняго холода, и отъ нечего дѣлать играя въ кости. Однажды здѣсь,

въ этомъ убѣжищѣ, рабочій старикъ Піетро Борзи предложилъ товарищамъ по ремеслу подвергать денежному штрафу въ количествѣ $\frac{2}{3}$ пенни всякаго, кто будетъ „вести съ ба дурно и ругаться“. Штрафныя деньги клались въ ящикъ, а по прошествіи нѣкотораго времени на нихъ покупали носилки, предназначенныя для нечаянно заболѣвшихъ или умершихъ рабочихъ, которыхъ уносили въ построенный ими же госпиталь. Изъ всѣхъ 60 докторовъ, составлявшихъ особый пекъ, большинство оказывались шарлатанами. Хирурги умѣли только пускать кровь и выдергивать зубы. Въ животу больного прикладывали теплую капусту, лихорадочнаго сажали въ холодную ванну, надѣвали на голову шапочку или мятру какого-либо святаго; а для распознаванія состоянія болѣзни пациента осведомлялись главнымъ образомъ о свойствѣ его мочи; въ чемъ собственно и заключалась вся суть медицинскихъ познаній. Остроумный Заветти передаетъ, по этому случаю, одинъ чрезвычайно забавный анекдотъ. Нѣкто Макеруффо, явившійся изъ Падуй во Флоренцію, для исправленія должности подесты, въ докторской мантии и рыцарской шляпѣ, былъ принятъ гражданами за настоящаго врача. На другой день утромъ едва только онъ вышелъ на улицу, какъ нашель у наружныхъ дверей своего дома множество урыльниковъ съ мочей, которые принесены были ему для освидѣтельствованія, какъ врачу. Зарожденію и распространенію болѣзней немало содѣйствовало, кромѣ дурныхъ, гигиеническихъ условій, общераспространенное желаніе быть похороненнымъ въ самыхъ церквахъ или около церквей, при чемъ покойниковъ зарывали въ землю кое-какъ, почему свиньи, собаки и волки могли найти въ этихъ мѣстахъ богатую добычу. Чума и другія эпидеміи были обыкновеннымъ явленіемъ въ то время. Въ 1301 г. чума опустошила южную Францію, въ 1311 г. Италію, въ 1316 г. Италію, Бургундію и сѣверную Европу, въ 1335 г. среднюю Европу, въ 1340 г. верхнюю Италію, въ 1342 г. Францію, въ 1347 г. Марсель и побережья Средиземнаго моря, въ 1348 и 1360 гг. Италію. Въ теченіе одного XIV вѣка чума посѣтила Италію 16 разъ.

Самая ужасная изъ всѣхъ эпидемій была чума 1348 г.,

несомнѣнно вызванная жалкимъ экономическимъ положеніемъ народа, постоянными неурожаями, дурнымъ питаніемъ народа, дурными гигиеническими и социальными условіями. Сильные осенніе дожди въ октябрѣ и ноябрѣ 1345 г. препятствовали крестьянамъ застѣвать поля, а немногое посѣянное совсѣмъ сгнило, вслѣдствіе чего по всей Италіи свирѣпствовали страшный голодъ. Слѣдующей весной опять таже исторія: дожди почти непрерывно шли въ продолженіе апрѣля, мая и іюня, хлѣбъ опять не былъ посѣянъ, и теперь уже страдали отъ голода вся Италія и Франція. вмѣстѣ съ необыкновенной дороговизной хлѣба — единственнаго предмета потребленія простонародья — цѣны поднялись и на другіе предметы потребленія: мясо, масло, вино и т. д. Въ знатныхъ домахъ вся дичь была переколота и мясо должны были провозить изъ другихъ городовъ. Шефель ржи, напримѣръ, стоилъ 25 р., пара каштановъ отъ 1 до 4 фл., мясо даже самаго низшаго качества не менѣе одного рубля за фунтъ, даже отруби продавались на вѣсъ золота. Случаевъ голодной смерти было особенно много между бѣдными семействами: въ одномъ апрѣлѣ 1347 г. такихъ случаевъ насчитывали во Флоренціи до 4,000! О какой нибудь частной инициативѣ въ дѣлѣ облегченія участи нуждающагося населенія ни кто и не помышлялъ: всѣ поклялись головой, всѣ опустили руки и всю надежду о народномъ здоровіи возлагали на правительство, которое должно было, наконецъ, взяться за умъ. Оно заключило контрактъ съ генуэзскими и пизанскими купцами, съ обязательствомъ закупить пшевицу и ячмень въ Греціи, Сардиніи, Сициліи, Туяисѣ и Калабріи, и доставить во Флоренцію, на что было ассигновано до 332,400 флор.; но пизанскіе и генуэзскіе купцы привезли во Флоренцію только половину условленнаго хлѣба, такъ какъ, по случаю повсюду свирѣпствовавшаго голода, правительства этихъ городовъ удержали половину хлѣба у себя. Такимъ образомъ сеньорія съ трудомъ удалось закупить до 26,000 четвертей пшевицы и 1,700 четв. ячменя, да и то дурнаго качества. Чтобы помочь какъ можно скорѣе нуждающемуся населенію, сеньорія устроила во многихъ мѣстахъ на концѣ города огромныя печи, въ которыхъ ежедневно день и ночь

мужчины и женщины пекли «твердый, отвратительный на видъ, и невкусный хлѣбъ», раздаваемый тутъ же на мѣстѣ нуждавшимся особыми надсмотрщиками, въ видѣ полуфунтовыхъ хлѣбовъ. Такихъ хлѣбовъ ежедневно приготавлилось болѣе 250,000. Съ самаго ранняго утра голодная толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей бѣжала, по звону колокола, за получениемъ хлѣба. Въ теченіи цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ Флоренція буквально была переполнена голоднымъ людомъ, сбѣжавшимся сюда за помощью изъ всѣхъ окрестныхъ селъ и деревень. Трудно представить себѣ болѣе ужасную, потрясающую душу картину нищеты и страданій народа, криковъ и стонров умирающихъ на улицахъ людей. Какъ велико было въ городѣ скопленіе нуждавшагося люда, видно изъ того, что въ половинѣ апрѣля 1347 г. число выданныхъ билетовъ на получение хлѣба доходило до 94,000! Мудрено ли послѣ этого, что бѣдствіа несчастнаго народа вызвали появленіе страшной эпидеміи? Хилые, слабые, истощенные физически субъекты, какъ извѣстно, легко воспринимаютъ болѣзни. И вотъ не успѣвъ еще народъ оправиться отъ голода, какъ во Флоренціи появилась небывалая по своей силѣ и жестокости чума.

Чума явилась сначала въ Малой Азіи и потомъ быстро распространилась по всему Леванту, Сиріи, Халдеѣ, Месопотаміи, Египту, по островамъ Архипелага, Турціи, Греніи и Россіи. Флорентинскіе купцы, желая спастись отъ чумной чаразы, уплыли изъ Леванта на корабляхъ, но чума преслѣдовала ихъ по пятамъ: изъ 8 кораблей, отплывшихъ отъ береговъ Малой Азіи, только 4 были пощажены заразой, на остальныхъ умерли всѣ до единаго человѣка. Многіе искали спасенія на корабляхъ, пускаясь въ открытое море, „но случалось видѣть, что корабли качались по волнамъ и приливали къ берегу свѣрху донизу наполненные трупами“. Черезъ Сицилію чума быстро распространилась по всей Италіи, Испаніи, Франціи, Англій, Швеціи и Давіи. Симптомы ея были слѣдующіе: на Востокѣ она начиналась кровотеченіемъ изъ носу, въ Россіи ознобомъ, жаромъ, ломотою въ плечахъ и спинѣ, кровохарканіемъ и смертію на другой или третій день. Во Флоренціи она обнаруживалась чернымъ или багровымъ нарывомъ, величиною съ яйцо, въ

наху или подъ мышкой; потомъ нарывы быстро распространялись по всему тѣлу, которое покрывалось твердой сплошной черной корой. Больные, большую частію молодые и бѣдные люди, умирали на другой или третій день, но многіе вдругъ падали на землю, точно пораженные молніей, и тотчасъ же умирали. Болѣзнь распространялась быстро отъ одного прикосновенія къ зачумленному, или его платью, точно огонь при соприкосновеніи съ сухимъ деревомъ. Умирали не только люди, но даже животныя и птицы, если они случайно прикасались къ платью зачумленнаго: сотнями и тысячами умирали свиньи, собаки, кошки, куры, гуси, утки и пр. Городскіе бѣдняки и крестьяне умирали почти всѣ до одного, лишь только чума проникала въ ихъ среду, такъ какъ ихъ никто не лечилъ, за ними никто не ходилъ; многіе изъ нихъ, „не имѣя гдѣ главу приклонить“, умирали на улицахъ и около заборовъ, и о ихъ смерти узнавали только по гнилному запаху, распространявшемуся отъ трупа по улицамъ города. Трупы клали на улицѣ у дверей дома умершаго и каждое утро ихъ подбирали, клали, баграми и лопатами, на носилки или просто на доску и потомъ бросали въ первую попавшуюся яму. По деревнямъ, по дорогамъ и полямъ крестьяне умирали «не какъ люди, а какъ животныя», которыя нерѣдко служили добычей хищныхъ животныхъ и птицъ. Поля вездѣ осгавались невоздѣланными, на всѣхъ навла общая паника, всѣ были увѣрены, что скоро наступитъ день Страшнаго суда, и потому ни о чемъ не заботились. Богатые покинули свои дома, переселились на дачи и веселились.» Чума внушала богатымъ людямъ мысль—говорить Боккачіо во введеніи къ своему „Декамерону“, — мысль совершенно противную чувству христіанской любви—бѣжать изъ города. Одни изъ нихъ, думая, что удовольствія служатъ лучшимъ предохранительнымъ средствомъ отъ заразы, заперлись въ своихъ домахъ и питались одними изысканными яствами, пили лучшія вина, развлекались музыкой и другими удовольствіями, не допуская къ себѣ ни какихъ свѣдѣній извнѣ; другіе же, напротивъ, были того мнѣнія, что лучшее лекарство отъ этой заразы заключается въ обжорствѣ, пьянствѣ, въ удовлетвореніи всѣмъ чувственнымъ потребностямъ и въ

насмѣшкѣ надъ всѣмъ. День и ночь шныряли эти люди изъ таверны въ таверну, изъ дома въ домъ, всюду проводя веселую, разгульную жизнь. Казалось, всѣ божескіе и человѣческіе законы были поправы, всѣ семейныя и общественныя связи порваны... Дѣти покинули своихъ родителей, мужа своихъ умирающихъ женъ, отцы и матери своихъ дѣтей. Отчаяніе и страхъ превратили всѣхъ людей въ эгоистовъ, въ безчувственныхъ скотовъ, потерявшихъ всякое чувство любви и состраданія". „Ѣшь, пей и веселись сегодня, потому что завтра всѣ умремъ",—вотъ принципъ, которымъ руководилось общество. Никогда нравственное паденіе общества не доходило до такихъ размѣровъ, какъ въ это время. „Можно было бы думать—пшеть М. Виллани,—что тѣ, которымъ удалось избѣжать чумы, сдѣлаются лучше, добродѣтельнѣе и сострадательнѣе къ другимъ; но не успѣла еще эпидемія прекратиться, какъ люди стали показывать совершенно противное. Люди, получившіе богатое наслѣдство отъ своихъ умершихъ родственниковъ, забывъ все прошлое, предались необузданному разврату и разгулу, какъ никогда прежде. Даже *popolo minuto*, получивъ даромъ разныя вещи отъ богатыхъ покойниковъ, не хотѣлъ теперь больше работать, но ѣлъ утонченную пищу, совершалъ супружескія связи *ad libitum*". Сеньорія была не въ силахъ справиться съ этимъ «бичемъ Божиимъ». она только выпустила изъ тюремъ посаженныхъ за небольшіе долги рабочихъ и, чтобы не пугать гражданъ, запретила обнародывать списки умершихъ отъ чумы. Барнабо Висконти разослалъ своимъ подданнымъ такого рода приказъ: «всякаго зачумленнаго слѣдуетъ немедленно вынести вонъ изъ города и бросить на полѣ, съ тѣмъ, чтобы онъ или умеръ или выздоровѣлъ». Разумѣется, брошенный на произволъ судьбы, больной умиралъ и служилъ пищей волкамъ и собакамъ. Папа Климентъ VI далъ всѣмъ умершимъ отъ чумы отпущеніе грѣховъ. Къ чести его слѣдуетъ сказать, что онъ сдѣлалъ все для облегченія несчастныхъ, что могъ сдѣлать въ его положеніи человѣкъ: платилъ изъ своихъ средствъ врачамъ за уходъ и лечение больныхъ, хоронилъ умершихъ, защищалъ евреевъ отъ насилія разъяренной черни. Евреи издавна во всѣхъ общественныхъ

бѣдствіяхъ и у всѣхъ почти народовъ служили козломъ отпущенія. Народъ воображалъ, что они отравляли зельемъ колодцы и потому бросился ихъ избивать, грабить и жечь ихъ дома. Ихъ избивали цѣлыми массами; но особенно отличились въ этой позорной бойнѣ Швейцарія и Германія. Въ Майнцѣ во время чумы ихъ избито было до 12,000, въ Страсбургѣ 2,000 сожгли живыми на кострѣ.

Правительствамъ итальянскихъ городовъ, до сихъ поръ занятыхъ внѣшними войнами и преслѣдованіемъ своихъ личныхъ интересовъ, никакъ не могла прійти въ голову мысль искать причинъ появленія эпидеміи въ жалкой участи народа, а исцѣленія зла—въ улучшеніи его экономическаго положенія. Они обратились по этому случаю съ запросомъ къ парижскому медицинскому факультету, слышшему въ то время за мудрѣйшаго оракула въ рѣшеніи всѣхъ естественно-научныхъ вопросовъ. Медицинскій факультетъ отвѣчалъ на этотъ запросъ слѣдующей замысловатой реляціей: «Мы, члены парижской медицинской коллегіи, по зрѣломъ обсужденіи и обстоятельномъ изслѣдованіи настоящей болѣзни, пришли, сообразно съ законами и основаніями астрологіи и естествознанія, къ слѣдующему заключенію: извѣстно, что въ Индіи, странѣ великаго моря, нѣкоторыя созвѣздія обратили теперь свою силу противъ этого моря и вступили съ нимъ въ жаркую борьбу, отчего съ моря стали подниматься пары, которые затмили солнце и превратили свѣтъ въ тьму. Въ теченіе 28 дней море это высохло. Вскорѣ паръ отъ моря распространился по далекимъ странамъ въ видѣ тумана. Такъ напр. случилось въ Аравіи, части Индіи, на о. Критѣ, въ равнинахъ Македоніи, въ Венеціи, Албаніи и Саціліи. Отъ этого и люди тамъ умираютъ. Это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока солнце не вступитъ въ знакъ Льва... Мы убѣждены, что созвѣздія, согласно съ законами природы и помощію Божіею, пощадятъ человѣчскій родъ, прорвутъ туманъ дѣйствіемъ солнечнаго жара. Въ теченіе 10 дней до 14 іюля туманъ этотъ превратится въ вонючій вредный дождь, послѣ чего воздухъ опять очистится и болѣзнь прекратится» (Hecker, 5 87). Однако, вопреки предсказаніямъ парижскихъ мудрецовъ, чума еще

долго продолжала свирѣдствовать и послѣ 14 іюля. Общая цифра умершихъ отъ чумы была громадна, но всего сильнѣе чума свирѣдствовала на Востокѣ и въ Италіи. Въ Каирѣ въ одну недѣлю умерло отъ 10 до 15,000 человѣкъ, Каиръ лишился почти всѣхъ жителей. По показаніямъ самого папы Климента VI на Востокѣ чума унесла болѣе 20,000,000 жертвъ; Флоренція потеряла до 70,000 человѣкъ, Венеція 100,000, Марсель въ одинъ мѣсяць 16,000, Сіена 70,000, Авивьонъ 60,000, Парижъ 50,000, Страсбургъ 16,000, Любекъ 90,000, Базель 14,000, Генуя 40,000, Неаполь 60,000. Были и такіе города, какъ напр. Трапани въ Сициліи, въ которомъ не осталось въ живыхъ ни одного человѣка. Вся Германія потеряла среднимъ числомъ до мильона жителей, Италія половину всего населенія, въ Англіи осталась пощаженною чумой только десятая часть населенія, въ Польшѣ — четвертая часть, въ Ирландіи умерло почти все населеніе (?). Изъ статистическихъ данныхъ, собранныхъ докторомъ Геккеромъ, видно, что Европа въ періодъ чумы 1348—1350 г. потеряла $\frac{3}{4}$ общаго числа населенія, т. е. 25.000.000 человѣкъ.

Страданія народа были велики; его положеніе было безотраднo. Онъ изъ всѣхъ силъ рвался и тянулся на свѣтъ, добивался счастья, искалъ хоть какого нибудь утѣшенія—и въ результатѣ видѣлъ только пытки, костры и всевозможныя бѣдствія. Отчаяніе овладѣло всѣми людьми. Ихъ организмы ослабли, нервныя силы истощились, всѣ техническія и физиологическія функціи очутились въ ненормальномъ, патологическомъ состояніи. Мы можемъ положительно сказать, что всѣ политическіе кризисы, эпохи религіознаго фанатизма, военныя и естественныя катастрофы, опустошительныя эпидеміи и т. п., вывода человѣка изъ нормальнаго состоянія, поражаютъ его психическую дѣятельность болѣзненными припадками. «Я нисколько не преувеличу—говорятъ англійскій докторъ Буль,—если скажу, что есть такіе моменты въ исторіи народовъ, когда душевное разстройство дѣлается общимъ правиломъ, а нормальное состояніе—исключеніемъ.» Этими ненормальнымъ, психо-патологическимъ состояніемъ человѣческихъ организмовъ, какъ слѣдствіемъ дурныхъ экономическихъ, социальныхъ

и гигиеническихъ условій, объясняются и такія историческія явленія, какъ Крестовые походы, средневѣковыя секты пласуновъ, хлыстовъ и т. д., еще болѣе усилившіяся послѣ описанной чумы. «Люди вдругъ падали въ обморокъ и долгое время оставались въ такомъ положеніи; въ этомъ состояніи ихъ организмъ былъ чрезвычайно чувствителенъ, воспріимчивъ къ музыкальнымъ звукамъ, такъ что малѣйшій музыкальный звукъ заставлялъ ихъ вскакивать, и они начинали прыгать, плясать до тѣхъ поръ, пока не падали на землю въ изнеможеніи. Иные весь день плакали и находились въ грустномъ, меланхолическомъ состояніи» (Necker). Не видя исхода изъ своего положенія, не зная, какъ и чѣмъ помочь своему горю, гдѣ искать источника всѣхъ социальныхъ золъ, люди сами надѣли на себя ярмо, предали свое тѣло самобичеванію, думая тѣмъ угодить Богу и получить отъ Него прощеніе грѣховъ. Отъ тѣхъ же самыхъ причинъ распространились и другія нервно-психическія эпидеміи. Тарантисмъ (оттуда пляска тарантелла), Витова пляска напр. болѣзни, имѣвшія одинъ общій характеръ: люди впадали въ глубокую меланхолію, въ состояніе отупленія и безчувственности ко всему окружающему. *) Подобныя нервно-психическія болѣзни распространились и по другимъ странамъ: Россіи, Германіи, Венгріи, Польшѣ, Богеміи и пр. Въ одной Италіи самобичующихся было болѣе 15,000 человекъ. Но, какъ извѣстно, не существуетъ ни одного вонючаго болота, ни одного тяжкаго общественнаго бѣдствія, изъ котораго эгоисты и хищники не сѣумѣли бы извлечь для себя выгоды. Изъ всѣхъ этихъ бѣдствій, пережитыхъ народомъ, католическое духовенство извлекло для себя большія выгоды. Церковная іерархія невѣроятно усилилась въ тѣхъ странахъ, гдѣ свирѣпствовала чума, такъ какъ церковь приобрѣла громадныя помѣстья—вслѣдствіе ли пожертвованій, или вслѣдствіе наслѣдованія имѣній мертвой руки и т. д., и эти выгоды даже значительно превышали тѣ, какія церковь извлекла изъ Крестовыхъ походовъ. Но странное дѣло!.. Въ эту безправную, полунагую, голодную и темную массу какимъ-то чудомъ проникъ

*) Кандивскій, «Душевные эпидеміи», Природа, 1876 г., кн. 3, стр. 176.

лучь сознанія своего положенія, сознанія своихъ правъ на чело-
вѣческое счастье. Помѣщенная въ самомъ низу этого громаднago
соціального зданія, построеннago изъ гранитныхъ камней и
изукрашеннago орнаментами, эта масса пожелаала выйдти на
свѣтъ Божій и посчитаться съ жившими на верху этого
зданія...

IX.

Недовольство рабочихъ буржуазнымъ правленіемъ. — Попытки рабочихъ
основать свой собственный независимый цехъ, помимо согласія и участія
работодателей — Возстаніе рабочихъ (сіопрі); ихъ требованія реформъ—
Диктатура Микеле-Ландо—Его неудачныя попытки примирить рабочихъ
съ буржуазіей.—Общее заключеніе.

Вражда между рабочими и буржуазіей съ каждымъ годомъ
усиливалась. Но не вдругъ первые рѣшились на открытую
борьбу съ послѣдними. Рабочіе придумывали всевозможные
законные выходы изъ своего положенія. Такъ, опираясь исклю-
чительно на свои силы и способности, они возъмѣли мысль
основать свой собственный цехъ, независимый отъ вмѣша-
тельства ихъ хозяевъ и стѣснительныхъ цеховыхъ регламен-
товъ. Въ 1345 г. 24 мая капитанъ Флоренці ночью аресто-
валъ одного изъ рабочихъ, Чіуто Брандини, и его сыновей за
то, что тѣ, въ союзѣ съ другими рабочими, хотѣли основать
свой особенный цехъ. Узнавъ объ этомъ, рабочіе (сіопрі и
гребенщики) прекратили всякую работу на фабрикахъ, и яви-
лись къ сеньоріи съ требованіемъ освобожденія ихъ товари-
щей; при этомъ они жаловались еще на дурное обращеніе съ
ними хозяевъ и на низкую рабочую плату. Сеньорія не обрати-
ла на ихъ просьбу ни какого вниманія, разогнала ихъ силой, а
самого Чіуто приказала повѣсить *). Но разъ среди рабочихъ

---

*) Объ этомъ интересномъ фактѣ можно найти свѣденія въ отрывкѣ
изъ *Storia* аса, напечатанной въ изд. Donato Velluti, Firenze, 1731 г.,
р. 148.

пробудилось сознание тягости своего положенія, они непременно будутъ такъ или иначе искать выхода изъ этого положенія. Кромѣ своихъ непосредственныхъ „враговъ“—хозяевъ, рабочимъ и всѣмъ друзьямъ свободы особенно ненавистны были такъ называемые „капитаны гвельфской партіи“. Эта горсть олигарховъ-диктаторовъ, вызванная на свѣтъ въ 1260 году, въ періодъ борьбы народа съ аристократіей, для храненія денежныхъ суммъ, образовавшихся отъ продажи конфискованныхъ имуществъ политическихъ изгнанниковъ,—обратила теперь свое оружіе противъ тѣхъ, которые создали этотъ институтъ. Этотъ совѣтъ изъ 9 лицъ пользовался властью гораздо большею, нежели власть самой сеньоріи. Громадныя денежные суммы, находившіяся въ ихъ рукахъ въ безконтрольномъ распоряженіи, тратились на постройку въ городѣ множества укрѣпленныхъ замковъ, которые столько же могли служить мѣстомъ убѣжища въ случаѣ иностраннаго вторженія, сколько и для обороны отъ возмущившагося народа. Капитаны изъ охранителей общественной собственности сдѣлались диктаторами, имѣвшими право всякую неблагонадежную въ политическомъ отношеніи личность оставлять „на испытаніи“, т. е., по-просту, подвергать ее полицейскому надзору. Власть ихъ сдѣлалась громадною и вмѣстѣ съ тѣмъ ужасною: это былъ терроръ, возведенный въ систему. Ни одинъ человѣкъ не чувствовалъ себя свободнымъ и безопаснымъ отъ подозрѣній капитановъ. Достаточно было сказать кому-нибудь одно неосторожное слово не въ пользу этого института, чтобы лишиться навсегда свободы и имущества. Этимъ людямъ всюду грезился красный призракъ коммунизма, и они, неспособные руководить общественнымъ мнѣніемъ, старались запугать и задушить его. Когда въ 1378 г. капитаны изъ личной ненависти оставили „на испытаніи“ нѣкоего Джованни Дино, одного изъ пламенныхъ защитниковъ народныхъ интересовъ, то народъ страшно возмутился этимъ произволомъ и сталъ открыто помышлять о низверженіи существующей власти. „Эти капитаны—тѣже аристократы, говоритъ недовольный народъ. Они сочувствуютъ не нашимъ интересамъ, а интересамъ аристократіи и чужестранцевъ: жалкому французскому папѣ и его кардина-

ламъ, которые уже не гвельфы, а гибеллины и сообщники королей. Теперь пора и покончить съ ними“.

1 мая 1378 г. произошли выборы въ новую сеньюрію и гонфалоньеромъ юстиціи былъ избранъ Сильвестръ Медичи, давно уже искавшій популярности въ народѣ съ цѣлію пріобрѣсть вліяніе на дѣло республики. Онъ очень хорошо понималъ, что только опираясь на народъ, на недовольное большинство, можно достигъ своей цѣли. 18 іюня Медичи былъ выбранъ пропостомъ, — достоинство, которое давало избранному право предлагать сеньюріи проекты реформъ, и первымъ предложеніемъ его былъ проектъ объ уничтоженіи власти капитановъ гвельфской партіи. Въ то время, когда сеньюрія собралась въ одномъ изъ залъ общественнаго дворца для обсужденія этого предложенія, Медичи постарался собрать на другомъ концѣ дворца нѣсколько сотъ рабочихъ съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ противодѣйствія со стороны сеньюріи, его проекту, можно было обратиться къ силѣ. Тактика была рассчитана вѣрно. Послѣ продолжительныхъ и бурныхъ преній, сеньюрія отвергла предложеніе и разгнѣванный Медичи сейчасъ же явился къ рабочимъ съ объясненіемъ настоящаго положенія дѣлъ. „Граждане! заявилъ онъ, я старался сегодня очистить городъ отъ чумной тираниіи притѣснителей-капитановъ, но мои усилія остались тщетными, такъ какъ этого вовсе не желаютъ мои товарищи. Я хотѣлъ это сдѣлать во имя общаго блага, но на слова вашего гонфалоньера не обратили никакого вниманія. И такъ, послѣ того какъ мои усилія на пользу гражданъ не имѣли успѣха, я не хочу больше оставаться ни пріоромъ, ни гонфалоньеромъ. Я удаюсь въ свой домъ, а вы изберите на мое мѣсто кого-нибудь другого“, и Сильвестръ направился къ двери; но народъ не пустилъ его и клялся скорѣе умереть, нежели уступить „великимъ“. Когда въ этотъ моментъ въ залу вошелъ Строцци, одинъ изъ сторонниковъ „великихъ“, то одинъ башмачникъ грубо схватилъ его за шиворотъ, говоря, что „теперь пришелъ конецъ великимъ“. Строцци едва-удалось вырваться и убѣжать, товарищъ же его Альберти сталъ на сторону народа. Послѣдній даже подскочилъ къ окну и прокричалъ: „да здравствуетъ на-

роды!“ Купцы, объятые страхомъ, заперли всѣ лавки и магазины. Собравшаяся на улицѣ толпа народа сильно волновалась и ругала знатныхъ. Сеньорія велѣла ударить въ набатъ во всѣхъ церквахъ, призывая къ себѣ на помощь всѣ цехи. Быть можетъ, обращеніе къ мирнымъ гражданамъ нѣсколько раньше имѣло-бы какой нибудь смыслъ; но теперь почти всѣ 14 меньшихъ цеховъ смѣшались съ толпой недовольныхъ *сіо шрі*, скорняковъ и ткачей, и кричали: «Да здравствуетъ народъ!» и «смерть тиранамъ!» Широкой, волной, вооруженная чѣмъ ни попало, народная толпа разлилась по всѣмъ улицамъ и стала предавать пламени дома своихъ враговъ. Тюрьмы были отворены, политическіе преступники выпущены на свободу, нѣкоторые монастыри разрушены и монахи частію избиты, частію изгнаны. Теперь только сеньорія согласилась отмѣнить всѣ прежніе декреты относительно подозрительныхъ лицъ и назначить комиссію для изслѣдованія *народныхъ нуждъ*. Но народъ прямо заявилъ, что не положить оружія до тѣхъ поръ, пока сеньорія не назначитъ новыхъ выборовъ и не подумаетъ о введеніи общаго подоходнаго налога. Сеньорія обѣщала подумать. Рабочіе, какъ видно, еще не выработали себѣ опредѣленной политической программы, не знали, что имъ дѣлать и чего еще требовать, такъ какъ, по окончаніи новыхъ выборовъ въ члены сеньоріи, волненіе умовъ, повидимому, успокоилось. Но это была зловѣщая тишина передъ страшной бурей, которая вскорѣ должна будетъ разразиться.

Въ продолженіи іюня и іюля мѣсяцевъ, городъ находился въ какомъ-то возбужденномъ, напряженномъ состояніи: всѣ ждали чего-то необыкновеннаго. Вездѣ день и ночь стояли караулы; всѣ лавки и магазины были заперты, даже общественныя церемоніи совершались въ тишинѣ внутри церквей и домовъ и безъ всякой пышности. Между тѣмъ рабочіе не дремали, и готовились къ рѣшительной битвѣ.

Правительство давно уже предвидѣло замышлявшееся возстаніе рабочихъ. Оно вызвало изъ окрестныхъ деревень нѣсколько сотъ вооруженныхъ крестьянъ, увѣривъ ихъ, что рабочіе хотятъ «сжечь весь городъ, всѣ окрестныя деревни и

разграбить имущество крестьянъ». Въ то же время оно издало декретъ, которымъ повелѣвалось рабочимъ немедленно сложить оружіе подъ опасеніемъ смертной казни. По всей вѣроятности, правительство не лишилось бы власти, если бы оно не раздражало рабочихъ безтактной жестокостью. Какимъ то образомъ правительству удалось захватить нѣкоего рабочаго Симончино, заподозрѣннаго въ участіи въ заговорѣ. Начались допросы и пытки, имѣвшіе цѣлю раскрыть имена всѣхъ злоумышленниковъ. Его привели въ тайную капеллу и тамъ, предъ алтаремъ, заставили рассказать обо всемъ обстоятельно.

— Чего же хотятъ эти люди отъ сеньорин? допытывался пріоръ у Симончино.

— Они жалуются на то, что низшіе цехи находятся въ полной зависимости отъ купцовъ и фабрикантовъ, что съ рабочими жестоко обращаются, не платятъ жалованья и подчинили ихъ самымъ стѣснительнымъ правиламъ. Они требуютъ полной независимости цеховъ и участія во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ республики.

— Нѣтъ ли между ними какихъ нибудь коноводовъ?

— Есть... Вотъ напр. Джованни Дини, Гуглиельмо Андрео—мостильщики, Мазо—канатный мастеръ... ну, и много другихъ... не помню всѣхъ. Больше отъ него ничего не могли добиться. Пріоръ сообщилъ показанія Симончино своимъ товарищамъ; тѣ не удовлетворились ими и, приказавъ схватить указанныхъ Симончино лицъ, велѣли предать ихъ пыткѣ, надѣясь такимъ образомъ узнать всю подноготную. На дворѣ дома народнаго капитана, ночью, при свѣтѣ факеловъ, Симончино подняли на дыбу; онъ не вытерпѣлъ и закричалъ, что готовъ рассказать всю правду.

— Рассказывай, кто еще коноводы и гдѣ происходили народные собранія? приставалъ судья.

— Самый главный былъ Сильвестръ Медичи... На дняхъ было четыре собранія: одно въ церкви Сан-Спирито, гдѣ собралось до 1,000 человекъ, другое въ церкви Санто-Стефано, всего человекъ 4,000, а можетъ и больше, третье въ Сан-теро Маджіоре до 800 человекъ, четвертое въ Сан-Лоренцо, гдѣ было столько людей, что и не перечесть»...

Стоны и крики пытаемыхъ рабочихъ донеслись до часовыхъ дѣлъ мастера Николо Орелли, приглашеннаго во дворецъ для починки на башнѣ часовъ. Едва только Николо услышалъ крики пытаемыхъ, какъ «сердце его облилось кровью». Онъ бросилъ работу и мигомъ побѣжалъ по направленію къ монастырю Камальдони, по обѣ стороны котораго тянулась большая улица, населенная рабочими. «Къ оружію, граждане! Сеньоры убиваютъ нашихъ (fanno carne)! Вооружайтесь скорѣе, если не хотите, чтобы всѣхъ перебили!» неистово кричалъ Николо. И его крикъ точно молнія пронесся по всѣмъ самымъ отдаленнымъ домамъ и закоулкамъ, и тотчасъ поднялъ на ноги все рабочее населеніе, отъ мала до велика. На колокольняхъ забили въ набатъ. Вооруженныя толпы народа, въ числѣ 10,000 человекъ, сбѣжались на площадь къ общественному дворцу. Сеньорія всю ночь засѣдала въ полномъ составѣ. Въ рѣшительную минуту солдаты, до 1130 копейщиковъ, отказались бить народъ, а изъ 16 гонфалоньеровъ явились на зовъ сеньоріи только двое, да и тѣ скоро присоединились къ возставшимъ. «Отдайте намъ нашихъ товарищей, которыхъ вы мучите!» неистово кричала толпа предъ окнами дворца, бросая туда стрѣлы и камни. Народъ разсыпался по улицамъ гѣрода и началъ опять предавать пламени дома пріоровъ, гонфалоньера и пр. историкъ Сисмонди, отдавая должную дань уваженія представителямъ демократическихъ идей того времени, обзываетъ недовольныхъ сіопри «сборищемъ черни, преданной самымъ низкимъ порокамъ, жаждавшей одной власти и грабежа, и потому неспособной къ либеральнымъ чувствамъ», совершенно забывая, что та же самая «низкая чернь» выказала себя въ періодъ общаго броженія съ самой лучшей стороны. Въмѣстѣ съ варварствомъ она проявила и грандіозные порывы великодушія и самоотверженія, несомнѣнно доказывающіе, что народъ боролся за идею свободы и справедливости. И конечно, если владѣющіе классы старались въ послѣдствіи запятнать дѣйствія народа влеймомъ убійствъ и грабежа, то только для того, чтобы подобными обвиненіями умалить въ глазахъ легковѣрныхъ людей собственное варварство съ угнетенными классами. Всякія болѣе или менѣе цѣн-

ныя вещи, которыя находила толпа въ буржуазныхъ домахъ—шелковныя ткани, золото, серебро, игрушки,—все это она уничтожала, бросала въ огонь и воду. Сами «сіомрі» поставили на площади висѣлицу для воровъ, покусившихся на чужое добро. Зная вліяніе на толпу Сильвестра Медичи, сеньорія пригласила его быть посредникомъ между ею и народомъ, предупредивъ его между прочимъ, что показанія противъ него Симончино она считаетъ „чудовищной клеветой“. Умѣренные Santi, въ числѣ 8 человекъ, избранные для веденія войны, заботились теперь не о спасеніи порядка и правительства, а о самихъ себѣ, о спасеніи своихъ домовъ, для охраненія которыхъ они воспользовались оставшимися въ ихъ распоряженіи солдатами. Когда сеньорія потребовала отъ нихъ отрядъ солдатъ для охраненія дворца, то Santi отвѣчали, что въ ихъ распоряженіи нѣтъ ни одного солдата, такъ какъ „всѣ они были отправлены на войну противъ графа Франческо Довола“, владѣтеля одного изъ замковъ по сосѣдству съ Флоренціей. Большинство купцовъ и фабрикантовъ разбѣжались по окрестнымъ деревнямъ, а товары постарались припрятать въ Пизу и Болонью. Сеньорія осталась беззащитною.

21 іюля народная толпа бросилась ко дворцу и завладѣла выставленнымъ въ окнѣ знаменемъ—символомъ власти. Сеньорія согласилась даже на требованіе рабочихъ наложить контрибуцію на богатыхъ въ пользу бѣдныхъ. Но возмущившимся рабочимъ нужно было вынудить отъ сеньоріи такія уступки, которыя бы гарантировали ихъ на будущее время отъ произвола высшихъ классовъ, облегчили бы ихъ матеріальное положеніе. Тутъ же на площади они формулировали свои требованія въ слѣдующихъ семи пунктахъ, которые были представлены рабочими въ сеньорію для немедленнаго исполненія:

1) Большая часть низшихъ цеховъ, находившихся въ зависимости отъ высшихъ, отнынѣ должны считаться независимыми корпораціями съ своими гонфалоньерами (т. е. право судиться своими выборными судьями).

2) Необходимость образованія трехъ новыхъ цеховъ—„сіом-рі“ (чесальщиковъ шерсти), красильщиковъ и поденщиковъ съ

предоставленіемъ имъ политическихъ и гражданскихъ правъ.

3) Введеніе подоходнаго и прогрессивнаго налога.

4) Общая амнистія за политическія преступленія и возвращеніе на родину всѣхъ изгнанниковъ, пострадавшихъ за народное благо и награжденіе ихъ.

5) Уничтоженіе смертной казни и вообще всякаго уродованія человѣческихъ членовъ и замѣна ихъ штрафомъ и тюремнымъ заключеніемъ.

6) Изгнаніе изъ отечества на 10 лѣтъ тѣхъ изъ гражданъ, дома которыхъ были сожжены.

7) Предоставить народу домъ для его собраній, а если таковаго не имѣется, то назначить на постройку новаго 500 флориновъ.

Эти требованія народа, выраженныя въ такой категорической формѣ, доказываютъ признаки нравственной жизни народной массы; они дышатъ гуманностью и справедливостью; которыхъ совершенно была чужда „культурная“ буржуазія, одеревѣвшая въ своихъ старыхъ понятіяхъ и привычкахъ. Сама буржуазія, даже въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, никогда не помышляла о рѣшеніи такихъ вопросовъ, какъ уничтоженіе смертной казни и установленіе подоходнаго налога. Жажда приобрѣтенія успила въ ней всѣ здравыя понятія о долгѣ и справедливости. Послѣ непродолжительнаго совѣщанія сеньорія дала свое согласіе и на эти требованія, тѣмъ болѣе, что невыносимый жаръ и духота, недостатокъ състныхъ припасовъ во дворцѣ отнимали у ней всякую охоту къ сопротивленію въ четырехъ стѣнахъ. Но чѣмъ уступчивѣе становилась сеньорія, тѣмъ требовательнѣе былъ народъ. Въ залу засѣданія сеньоріи явился Альберто Бенедетти и потребовалъ, чтобы сеньорія сейчасъ же допустила засѣдать съ собой двухъ народныхъ представителей, общаясь, въ случаѣ исполненія этого требованія, сейчасъ же сложить оружіе. Согласіе было дано и на это. Рано утромъ 22 іюля толпы народа еще шумѣе и многолюднѣе явились передъ дворцомъ сеньоріи. Всѣ улицы были забаррикадированы. Прошелъ слухъ, что изъ Пистойи и Вальденева идутъ на помощь сеньоріи войска что они уже находятся въ 10 миляхъ отъ Флоренціи.

Народная толпа, испуганная и ожесточенная такимъ оборотомъ дѣла, отвергла всякія компромиссы съ сеньоріей. „Насъ столько разъ оскорбляли и обманывали эти господа“—говорила толпа, „что мы уже не можемъ имъ больше вѣрить. Мы не нуждаемся больше ни въ какой сеньоріи, и требуемъ, чтобы она сейчасъ же удалась изъ дворца“, грозя въ противномъ случаѣ съечь дворецъ вмѣстѣ съ пріорами. Можете себѣ представить, какой между пріорами подвѣлся гвалтъ! Нѣкоторые изъ нихъ ударились въ слезы, другіе съ отчаянія ломали себѣ руки; но двое похрабрѣе, Николо Дельнеро и Аляманно Аччаули, рѣшительно объявили, что „готовы скорѣе погибнуть на мѣстѣ, чѣмъ безстыдно поживуть свой постъ“; гонфалоньеръ юстиціи до того упалъ духомъ, что началъ вѣть и причитать о своей женѣ, о сговхъ дѣтяхъ. Всѣ служители, швейцары и булавоносецъ уснѣли заблаговременно убѣжать. А между тѣмъ народная толпа съ двухъ сторонъ все ближе и ближе подступала ко дворцу, все яснѣе и яснѣе доносились до сеньоріи ея грозные крики... Вотъ она уже поднимается по лѣстницѣ... двери трещать отъ напора сильныхъ кулаковъ толпы. Растерянные пріоры начали метаться по залѣ какъ угорѣлые. Гонфалоньеръ, „подобно жалкому, несчастному, созданію“, тихонько убѣжалъ отъ своихъ товарищей къ Томазо Строцци, человѣку, пользовавшемуся расположеніемъ народа, прося его защиты; тотъ незамѣтно скрылъ его въ своемъ собственномъ домѣ. Тѣ неустрашимые два пріора, которые рѣшились, „во чтобы то ни стало умереть на своемъ посту“, теперь, въ рѣшительную минуту, струсили и убѣжали. Въ одну минуту народная толпа выломала двери и хлынула въ залъ съ чесальщикомъ во главѣ, Микелемъ Лавдо. „Долой всѣ! не надо намъ больше пріоровъ!“ кричала толпа, думая, что кто-нибудь изъ пріоровъ оставался еще во дворцѣ. Оборванный и босой, Лавдо всталъ на президентское мѣсто со знаменемъ въ рукѣ, изображавшимъ ангела съ распростертыми крыльями, и взволнованнымъ отъ радости голосомъ прокричалъ: „Дворецъ теперь вашъ, граждане! Какія же будутъ ваши распоряженія?“ Народъ единогласно провозгласилъ его диктаторомъ, гонфалоньеромъ юстиціи. Всѣ бумаги прежней сеньоріи были сожжены народомъ.

Тутъ же Ландо на влочкѣхъ бумаги написалъ нѣсколько декретовъ о правахъ и вольностяхъ народа, тутъ же онъ назначилъ синдиковъ гвельдій для охраненія общественнаго порядка. Микеле Ландо имѣлъ въ своихъ рукахъ полную диктаторскую власть, гораздо большую, чѣмъ власть герцога Аонискаго, но не хотѣлъ воспользоваться ею по произволу, такъ какъ „искренно любилъ свободу и отечество“. Мужествомъ и благородствомъ своего сердца—замѣчаетъ Маккиавелли—Ландо достоинъ занять мѣсто между небольшими числомъ патриотовъ, оказавшихъ услуги отечеству. Еслибы республика попала тогда въ руки какаго-либо тирана, она лишилась бы и остатка свободы“. Въ первое время послѣ переворота буржуазія была устранена отъ участія въ правленіи, такъ какъ боялись, что если допустить хоть одного буржуа въ чинъ о пріоровъ, онъ непременно постарается усилить вліяніе свей партіи на ходъ общественныхъ дѣлъ. „Эти люди—пишетъ Паррони—не хотѣли видѣть ни одного почтеннаго гражданина, одѣтаго въ приличное платье, но охотно видѣли и слушали только равныхъ себѣ.“ Чтобы отнять у буржуазіи всякую возможность пробраться во дворецъ и захватить власть, народъ образовалъ изъ себя вѣчто въ родѣ національной гвардіи въ 1200 человекъ, изъ коихъ 100 человекъ день и ночь должны были охранять дворецъ, а 300 сторожить городскія ворота. За этимъ страннымъ и безцѣльнымъ распоряженіемъ послѣдовало и другое, не менѣе странное, заключавшееся въ томъ, что народъ, не любившій людей, стоявшихъ выше его въ общественной іерархіи, захотѣлъ теперь самъ изъ себя создать привилегированное сословіе. Людей, почему либо понравившихся народу, наградили титуломъ „рыцарей“, между прочимъ и Сильвестра Медичи. Всѣхъ ново-испеченныхъ рыцарей было 72 человекъ. Лучшіе, мыслящіе люди буржуазной партіи смотрѣли на этотъ переворотъ и его послѣдствія какъ на „гнѣвъ Божій, ниспосланный на Флоренцію за ея грѣхи.“

Но вотъ, по желанію Ландо, въ сентябрѣ начались новыя выборы въ сенъорію, послужившіе яблокомъ раздора между самими рабочими и поведшіе къ паденію ихъ власти. Народъ

сильно опасался перевѣса при выборахъ буржуазнаго элемента. Въ то время какъ во дворцѣ происходили выборы новыхъ пріоровъ, народная толпа собралась въ церкви Санта-Марія-Новелла, для избранія комиссіи изъ 8 лицъ, съ тѣмъ, чтобы она слѣдила за правильностью выборовъ. Результатъ выборовъ былъ слѣдующій: 7 человекъ было выбрано изъ высшихъ цеховъ и 14 изъ меньшихъ, но ни одного изъ цеха портняжъ, красильщиковъ и поденщиковъ, за исключеніемъ „сіопрі“ ни одинъ изъ вновь учрежденныхъ цеховъ не имѣлъ въ сенъ-оріи своихъ представителей. Восемь требовали, чтобы буржуазія на время была устранена отъ участія въ выборахъ. Ландо находилъ это требованіе несправедливымъ и хотѣлъ основать власть на примиреніи капиталистовъ съ рабочими, почему съ перваго же раза назначилъ начальникомъ стражи Джоржіо Скали, богатаго торговца, принадлежавшаго къ одному изъ высшихъ цеховъ. Думая, что буржуазія подкупила Ландо въ свою пользу, народъ сталъ считать своего гонфалоньера предателемъ и измѣнникомъ. Пользуясь раздѣленіемъ силъ среди самаго народа, Ландо напалъ съ своимъ отрядомъ солдатъ на собравшуюся на площади недовольную толпу и разсыпалъ ее; но битва была еще нерѣшительна. Утомленный и голодный народъ расположился въ оградѣ церкви Санта-Марія, подъ палящими лучами солнца. Здѣсь, подъ вліяніемъ мучительной мысли объ измѣнѣ своего вождя, народомъ овладѣла глубокая печаль... Всѣ почти рыдали отъ горя. Толпа опять направилась ко дворцу, грозная, неумолимая. «Восемь» стали упрекать Ландо въ измѣнѣ народному дѣлу; тотъ оскорбился, бросился за ними съ саблей.—«Кто эти измѣнники? Гдѣ они? Укажите ихъ!» кричалъ Ландо, бѣгая по крыльцу дворца и, въ ярости, думая ударить своего оскорбителя, нечаянно ударилъ шедшаго съ кружкой монаха; но узнавъ ошибку, бросился опять впередъ и успѣлъ ударить одного изъ «восьми». Между тѣмъ на улицахъ города толпа неистовствовала, разрушая и сожигая дома. Мигомъ Ландо вскочилъ на лошадь, кинулся съ отрядомъ буржуазныхъ солдатъ съ «золотой молодежью» на толпу и разбилъ ее на голову. Много тутъ было убитыхъ и раненыхъ... Ландо съ торжествомъ возвра-

тился во дворецъ. Ландо смѣнилъ уже теперь свою оборванную рубаху на приличный европейскій костюмъ, ѣлъ изысканныя блюда и пилъ заморскія вина, получалъ льстивыя похвалы отъ своихъ прежнихъ враговъ и теперешнихъ друзей. Можетъ быть, его желаніе водворить во Флоренціи миръ путемъ компромиссовъ и уступокъ въ пользу обиженной знати было искренно и справедливо, но онъ забывалъ, что буржуазія, льстивыя похвалы которой онъ принималъ за чистую монету, никогда не могла простить ему того униженія и позора, которыя она вынесла отъ его партіи въ продолженіи послѣднихъ мѣсяцевъ.

Дни его власти и народной свободы были сочтены. Послѣдствія для побѣжденныхъ были ужасны. Въ тотъ же день вечеромъ отрядъ «золотой молодежи» преслѣдовалъ «мятежниковъ» далеко за предѣлы республики; нагнанныхъ избили, а убѣжавшіе никогда уже болѣе не возвращались въ предѣлы родного города: они вели жизнь нищихъ и бродягъ. На другой день полилась кровь отъ руки палача, и первыми его жертвами, разумѣется, были «восемь». Болѣе тысячи рабочихъ было изгнано. Спустя нѣсколько времени изгнали и Микеле Ландо. Правда, до 1382 года «сіотрі» имѣли своихъ представителей въ сеньоріи, но эта уступка, данная имъ изъ боязни «не дразнить народъ», была только кажущаяся, а недѣйствительная, такъ какъ имъ не давали ни какого голоса въ совѣтъ. «Люди эти, по мнѣнію Каппони, потому уже были недостойны занимать высшія должности, что были низки по рожденію и до того бѣдны, что едва-могли одѣться въ какое нибудь платье». Этимъ движеніемъ весьма ловко сдумъли воспользоваться Медичи, которые съ тѣхъ поръ стали диктаторски заправлять всѣми дѣлами республики.

Итальянскія республики, и въ томъ числѣ Флорентинская, по самому строю своей политической и социальной организаціи, заключали въ себѣ зародышъ недолговѣчнаго существованія. Онѣ были муниципалитетами, подобно греческимъ *πόλεις*, состояли изъ небольшого числа гражданъ, имѣвшихъ исклю-

чительно въ своихъ рукахъ политическую власть, тогда какъ все остальное населеніе, хотя и платило налоги, участвовало въ торговыхъ и промышленныхъ дѣлахъ, но не имѣло голоса во внутреннемъ управленіи. Принципъ постепеннаго роста, который при извѣстныхъ условіяхъ даетъ силу и стойкость политическимъ и социальнымъ учрежденіямъ, не признавался итальянцами. Просматривая всѣ сочиненія флорентинскихъ философовъ и историковъ, вы всюду встрѣчаете у нихъ вѣру въ искусственныя и произвольныя перемѣны въ государствѣ, при которыхъ правительства исполняли роль машинъ, способныхъ удовлетворить требованія извѣстнаго момента, но не способныхъ успокоить и удовлетворить внутреннее недовольство. Существовала, правда, возможность поддержать отдѣльную политическую независимость каждой республики путемъ федеративнаго союза, съ цѣлю противодѣйствія притязаніямъ феодальныхъ государствъ, какъ опытъ уже разъ блистательно доказалъ состоятельность подобнаго союза въ XII вѣкѣ во время походовъ Фридриха Барбаруссы. Но между итальянскими городами не могло быть ни какой общей связи, живаго сознанія единства интересовъ, такъ какъ Флоренція напр. считала другіе города, соперничествовавшіе съ ней въ торговлѣ и промышленности, своими непримиримыми врагами, а потому и старалась или уничтожить ихъ политическую самостоятельность, или подчинить своей власти, чѣмъ и объясняется содержаніе ею наемныхъ войскъ, разорявшихъ страну и вызывавшихъ внутреннія возстанія. Для устойчиваго равновѣсія политическихъ и социальныхъ учрежденій требовалось еще сдѣлать народную массу свободною и обезпеченною въ экономическомъ отношеніи, безъ чего она не могла стоять грудью за отечество. Между тѣмъ стремленіе держать народъ въ уздѣ толкало владѣющіе классы къ деспотизму. Ни въ одномъ изъ итальянскихъ городовъ почти нельзя указать момента, когда бы императорская власть или власть тирана пришла къ концу. Но по мѣрѣ того, какъ власть иностраннаго владыки постепенно исчезала, власть внутренняго, *своего*, тирана постепенно росла. Въ средней Италіи, подобно тому какъ и въ древней Греціи, власть тирана была безгранична,

хотя, повидимому, онъ и считался только вождемъ партіи. Мы видимъ, какъ власть его постепенно росла: будучи сначала выборнымъ подестой, княземъ, онъ дѣлался потомъ наследственнымъ владыкой. Флоренція именно и представляетъ намъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ примѣровъ того, какъ семья одного изъ популярныхъ вождей могла дорости до семьи князя. Власть Медичи была даже сильнѣе власти римскихъ цезарей. Благодаря влиянію личныхъ заслугъ одного изъ нихъ, ихъ власть сдѣлалась наследственной, такъ что изъ рукъ Косьмы она прямо перешла въ руки его неспособнаго сына, которымъ руководили другіе. Въ ближайшемъ поколѣніи Лоренцо принимаетъ чувства, осанку и привычки короля, и когда его фамилія изгоняется изъ города, то члены ея начинаютъ смотрѣть на себя не какъ на частныхъ гражданъ-изгнанниковъ, а какъ на королей, лишенныхъ наследственной власти. Еще одинъ шагъ—и Флоренція становится столицей «Великаго герцогства Тосканскаго». Что же мы видимъ внутри республики? Въ теченіи XIV и XV вѣковъ аристократія и промышленно-торговая буржуазія бросались изъ одной крайности въ другую, принимая мѣры, одна другой безчеловѣчнѣе, для обузданія и истребленія народа. Съ 1378 и по 1400 годы народъ почти совершенно исчезъ изъ Флоренціи. По свидѣтельству историка Сисмонди, въ XIII вѣкѣ во всей Италіи свободныхъ людей было 1.000,800; въ XV вѣкѣ уже только 18,000, а во Флоренціи 5,000, изъ коихъ политически полноправныхъ гражданъ было не болѣе 3,200 человекъ! Владѣющіе классы обезлюдили и обанкротили страну. Чѣмъ же могъ дорожить этотъ народъ-рабъ, что защищать, за что бороться, когда для него не существовало ни свободы, ни отечества, когда тѣло Италіи было разорвано на мелкіе куски разными тираннами-авантюристами? Изгоняемый цѣлыми массами, народъ нигдѣ не находилъ безопаснаго убѣжища: немногіе города отказывали ему въ правѣ гражданства; одни изъ крестьянъ и рабочихъ дѣлались наемными солдатами или бандитами, другіе безжолвно владели жизнью въ рабствѣ. Флоренція потому и пала, что владѣющіе классы слишкомъ мало дорожили благосостояніемъ и жизнью тѣхъ людей, которымъ «не во что было одѣться».

Другіе свободныя города одинъ за другимъ пали безъ шума; волненія сдѣлались рѣдки: вездѣ слѣды рабства; самый даже духъ фракцій исчезъ, осталась только гражданская война безъ принциповъ и вѣры въ какой бы то ни было идеалъ. Италию-рабу весьма рельефно олицетворяетъ собой поэтъ-слѣпецъ, Баярдо, которому герцогъ Миланскій приказываетъ сочинить для своего развлечения рыцарскую поэму. Въ началѣ каждого стиха поэтъ невольно начинаетъ выливать печальные звуки, полные скорби и отчаянія, а потомъ, какъ будто опомнившись, что онъ стоитъ передъ гордымъ и грознымъ владыкой, котораго слѣдуетъ забавлять, а не жалобить, онъ старается улыбаться. «Часто я не знаю, поэтъ онъ, живъ я или нѣтъ?» Онъ проситъ господина сжалиться надъ нимъ; ему хочется лучше молчать и плакать, но безжалостный герцогъ требуетъ отъ него веселыхъ пѣсней—и слѣпецъ повинуется ему. Но наконецъ-таки нервы его не выдерживаютъ: изъ груди его вылетаетъ стонъ объ Италиі... «Я вижу Арно и Тибръ, несущихъ не воду, а человѣческую кровь... Но если случится какимъ-нибудь чудомъ, что я увижу Италию, наслаждающуюся миромъ и счастьемъ, Италию, которая теперь перемѣнила свой смѣхъ на слезы и ищетъ быстро лекарства отъ своего несчастія, — то я буду пѣть на звучной и веселой лирѣ». Ея счастье могло заключаться въ приобрѣтеніи ею національнаго единства и въ общемъ благосостояніи народныхъ массъ; политическій же прогрессъ народа будетъ зависеть отъ его способности къ свободной ассоціаціи индивидуальныхъ силъ. Перваго Италия добилась путемъ вѣковой кровавой борьбы, послѣднее и до сихъ поръ—*ria desideria* ея сыновъ, ибо и до сихъ поръ правящіе и владѣющіе классы Италиі «питають презрѣніе къ мускульному труду, до сихъ поръ вся страждущая Италия полна великой жажды реформъ и политической честности».

Библиографическій указатель.

Историческіе Этюды Русской жизни. «Очеркъ исторіи музыки въ Россіи въ культурно-общественномъ отношеніи» Вл. Михневича. С.-Петербургъ 1879 г.

Такъ называемыми «подарками публикѣ къ новому году» представляющими какое-либо отношеніе къ *исторической литературѣ*, въ строгомъ смыслѣ слова, послѣдніе мѣсяцы истекшаго года не были богаты, равно какъ и вообще весь минувшій годъ. Напротивъ: крайняя бѣдность относительно продуктовъ исторической литературы просто бросалась въ глаза. Вышелъ объемистый и весьма хвастливо озаглавленный II томъ „Исторіи Всемирной Литературы въ общихъ очеркахъ и характеристикахъ“. История эта составляетъ г. Зотовымъ, человѣкомъ, какъ всего нагляднѣе доказываетъ самое произведеніе автора, вовсе не компетентнымъ въ томъ предметѣ, за который взялся,—и издается неутомимымъ и энергическимъ г. Вольфомъ, всегда бьющимъ на всемірное, многообъемлющее, обширное, преимущественно въ пользу своего многообъемлющаго кармана. Впрочемъ, намъ еще представится случай поговорить какъ объ общемъ характерѣ „Исторіи Всемирной Литературы“, составленной г. Зотовымъ, такъ и о недавно вышедшемъ II томѣ ея. Вышло, затѣмъ, къ новому году вновь переработанное и дополненное изданіе „Исторіи Славянскихъ литературъ“ Гг. Спасовича и Пыпина. Объ этомъ, дѣйствительно прекрасномъ, подаркѣ на новый годъ мы предоставляемъ

себѣ поговорить въ слѣдующей книгѣ „Истор. Библиотеки“. Если, затѣмъ, не считать, имѣющихъ большія или меньшія достоинства, историко-этнографическихъ очерковъ Балканскаго Полуострова, принадлежащихъ разнымъ авторамъ, бывшимъ корреспондентами съ театра минувшей войны,—если не считать, далѣе „историческихъ“ неудачныхъ хотя и обширныхъ, компиляцій (въ родѣ опять-таки Вольфовской — „Откуда пошла Русская земля“ *) то почти и останавливаться-то не на чемъ. Можно, правда, еще отмѣтить дѣйствительно выдающуюся монографію г. Брикнера о князѣ Голицинѣ, извѣстномъ фаворитѣ царевны Софьи. Въ виду такой значительной пустоты въ исторической литературѣ намъ представляется отраднымъ остановиться на поставленной нами въ заголовкѣ книгѣ „Очеркъ Исторіи музыки въ Россіи въ культурно-общественномъ отношеніи“, г. Михневича. Мы должны, во первыхъ, назвать „Очеркъ“ г. Михневича удачнымъ и въ высшей степени оригинальнымъ потому, что „Исторіи музыки“ въ рутинномъ и общепринятомъ смыслѣ этого слова, у г. Михневича вовсе нѣтъ, а есть исторія безобразныхъ и ненормальныхъ явленій, скоморошества и дурачества въ жизни русскаго общества до-Петровскаго времени и опереточнаго (Екатерининскаго) періода Русской музыки до дѣятельности въ Петербургѣ итальянца Кавоса (пріѣхавшаго въ Петербургъ въ началѣ текущаго вѣка). Это не „исторія музыки“—это исторія русской культуры, выразившейся въ борьбѣ „сатанинскими“ игрищами, въ изуверномъ преслѣдованіи „дьявольскихъ потѣхъ“, съ одной стороны, и въ лицемеріи и невыдержанности въ самомъ этомъ аскетически-византійскомъ подвижничествѣ — съ другой. Точка зрѣнія автора, его мысль, положенная въ основу труда, весьма рельефно выдается. Это—та неоспоримо-вѣрная мысль, что потребность изящнаго (наравнѣ съ потребностью мышленія и личнаго блага) есть самая существенная и самая неотъемлемая человѣческая потребность, и что подавленіе ея ведетъ лишь къ ненормальнымъ и глубоко-болѣзненнымъ общественнымъ

---

*) Это обширное изданіе, стоящее 15-ть рублей, кажется намъ непо-
хѣрно-дорогимъ. Для кого оно явилось въ свѣтъ?

явленіямъ, въ родѣ глубоко-скрытаго лицемѣрія и тайнаго разврата. Что славянскія племена, къ числу которыхъ принадлежить и наше русское племя,—по природѣ племена въ высшей степени „музыкальныя“ (которыхъ потребность въ этомъ искусствѣ представляется весьма существенною)—авторъ доказалъ множествомъ мастерски-сгруппированныхъ примѣровъ, начиная съ сказочнаго новгородскаго купеческаго гостя Садко.

Интереснѣйшимъ отдѣломъ книги г. Михневича мы считаемъ 17-ть главъ, изъ которыхъ 1-я начинается рубрикою „Византійско-Московская тишина“ до „Опереточнаго Вѣка“, гдѣ уже начинается покровительство „русскихъ меценатовъ“ искусствамъ и гдѣ факты и различные анекдоты представляются для читателя болѣе извѣстными, чѣмъ до Екатерининской эпохи. Этой послѣдней посчастливилось обиліемъ матеріаловъ, сообщаемыхъ о ней въ различныхъ нашихъ археологическихъ сборникахъ, въ родѣ „Русск. Старинны“, „Р. Архива“, „XVIII Вѣка“ и т. д. Но именно факты XV, XVI и XVII вѣка очерчены г. Михневичемъ съ мастерствомъ необыкновеннымъ; приводимыя и группируемыя имъ сказанія не только обрисовываютъ „искусство или музыку“ въ древней Руси, но и освѣщаютъ всю эпоху, русскую культуру, если уже необходимо такъ выразиться. Объ культурѣ въ европейскомъ и общечеловѣческомъ смыслѣ слова и о примѣненіи ея къ древней Руси—говорить было бы столь же странно, какъ и объ обществѣ и общественной жизни въ той же древней Руси. Если смотрѣть на культуру, какъ на нѣчто положительное, то отмѣтить ея чистые элементы и ихъ развитіе въ исторіи представляется задачей крайне-трудною. Въ самой Европѣ, во всемъ насъ опередившей, подобная исторія культуры представляется еще только не удачною попыткой, хотя даже уже въ одной только Германіи по настоящее время явилась цѣлая масса разныхъ „Culturgeschichte“. Неудачны эти Culturgeschichte потому, что авторамъ ихъ приходится въ изложеніи имѣть дѣло съ элементами, противоположными культурѣ, слѣдовательно обращать вниманіе не на положительную, а на отрицательную сторону культурнаго развитія народа и общества. Дурачества, скоморошество, мракобѣсіе и лицемѣріе и проч. сковывали ходъ культурнаго

развитія не только у насъ на Руси, но и во всей Европѣ, вплоть до конца XVIII вѣка. Но и XIX вѣкъ, особенно періодъ реакціи, далеко не представляетъ отрадныхъ, въ смыслѣ культуры, явленій. Разница въ самомъ характерѣ противокультурныхъ элементовъ у насъ, на Руси, и въ Европѣ прекрасно указана самимъ г. Михневичемъ. Свѣтъ Христіанства, говоритъ онъ, проникъ на Русь изъ Византіи, съ его мѣстнымъ духомъ и колоритомъ, въ полной неприкосновенности той обстановки и тѣхъ требованій, которыя, не составляя сущности ученія, обуславливались и вырабатывались почвою самой византійской жизни. Пришлие просвѣтителі принялись укладывать самобытно развивавшуюся русскую жизнь въ чуждую ей „византійскую рамку“, безъ пощады ломая, ломая и отсѣкая все то, что могло мѣшать такой совершенно ненужной укладкѣ... Молодой, свѣжій, патриархально-неспорченный народъ сталъ вдругъ изобличаться въ неслыханныхъ въ немъ доселѣ закоренѣлыхъ порокахъ „треклятого“ эллинизма. То, чѣмъ болѣло развратное, извѣженное и дряхлое византійское общество, противъ чего справедливо возставали учителя Церкви,—то стало преслѣдоваться ими и въ неповинной во всемъ этомъ русской средѣ. Пошли, съ больной головы на здоровую, суровыя обличенія такихъ золь и преступленій, которыхъ не существовало въ дѣйствительности. „Эллинизмъ“,—совершенно справедливо замѣчаетъ авторъ, —имѣло свой смыслъ и свою исторію въ Византіи, но на Руси это эллинизмъ являлось фикціей, подъ которую прятывались понятія и явленія, въ сущности ни чего походяго на „эллинизмъ“ не имѣвшія.—Это вѣрно, и тысячу разъ вѣрно!..

Въ главѣ IV, можетъ быть, лучшаго изъ отдѣловъ книги г. Михневича, озаглавленнаго «Византійско-Московская типина», даровитый авторъ характеризуетъ «Московское лицемѣріе» и, въ частности, какъ онъ выражается „сокальносчетническія забавы Грознаго“. О лицемѣрїи Грознаго уже нечего говорить,—оно уже достаточно выяснено въ нашей литературѣ. Однако черты, приводимыя авторомъ „Исторіи музыки въ Россіи“, до того характерны, что мы рѣшаемся привести ихъ здѣсь. Грозный очень любилъ скомоховъ и гудошниковъ,

которые нарочно прислали ему из Москвы, вмѣстѣ съ медвѣдями. При дворѣ этого царя былъ постоянно многочисленный штатъ всевозможныхъ „умѣльцевъ“ и шутовъ. По извѣстиямъ Грозный не иначе могъ заснуть, какъ подъ монотонныя повѣствованія „бахарей“ (болтуновъ, говорунновъ, краснобаевъ). Въ числѣ упрековъ, сдѣланныхъ Грозному княземъ Курбскимъ, существуетъ одинъ весьма характеристичный— за то, что онъ собиралъ скомороховъ „съ дудами и богоненавистными пѣснями“. Характеристична еще въ устахъ Грознаго фраза, обращенная имъ однажды къ бѣлозерскому игумену: „язъ видалъ по чоткамъ матерны ладть: что въ тѣхъ чоткахъ!..“ На пирахъ Грозный не только съ охотой смотрѣлъ на скомороховъ, но еще и самъ распѣвалъ отвратительно-грязныя циническя пѣсни, а иногда наряжался, по выраженію благочестивыхъ людей того времени, въ богомерзкія хари“, т. е. въ маски. Царь, поправшій скоморошество въ Московскомъ государствѣ, отнюдь не считалъ это запрещеніе обязательнымъ для себя. Однажды, во время подобнаго веселья, царь, желая развеселить князя Михайлу Репнина, намѣревался надѣть на благочестиваго князя харю (маску). Репнинъ, въ негодованіи, бросилъ „харю“ на-полъ, растопталъ ее ногами, произнеся: „Государю ли быть скоморохомъ? По крайней мѣрѣ, я, думный бояринъ, имъ не стану. Ужасны были послѣдствія этого поступка. Князь Михайло Репнинъ былъ *заръзанъ* въ церкви за сказанную царю дерзость и за дурное мнѣніе о скоморошествѣ. Въ высшей степени характерестично для того времени помѣщенное въ той же главѣ свѣденіе объ извѣстномъ, почитаемомъ нашими раскольниками, протопопѣ Аввакумѣ, который „ревнуя о Христвѣ“, тоже являлся ревностнымъ раторборцемъ противъ скоморошества, выгонялъ скомороховъ, „домалъ ихъ хари и бубни“. Одинъ назидательный фактъ въ этомъ родѣ приводится въ житіи знаменатаго протопопа. — „Прядоша въ село мое (т. е. въ приходѣ) пашеть Аввакумъ, плясовне медвѣди съ *бубнами* и *досирами*, и я, грѣшникъ, о Христвѣ ревнуя, *измалъ ихъ*, и хари и бубны изломалъ на полѣ единъ у многихъ, и медвѣдей двухъ великихъ отнялъ, одного убилъ и паки ожилъ, а другаго отпу-

стилъ въ поле... И за сіе меня—продолжаетъ Аввакумъ—Василій Петровичъ Шереметевъ, плывучи Волгою въ Казань на воеводство, взявъ на судно, браня много и гораздо осердясь, велѣлъ бросить въ Волгу.» Къ счастью, однако, этаго не случилось. Но за то юрьевцы (въ Юрьевцѣ-Повольскомъ) не взяли Аввакума и разъ «замертво убили» — (т. е. избили). Весьма характеристиченъ также и тотъ фактъ, что разъ въ Москвѣ одинъ иностранецъ, голландскій фельдшеръ Квиринусъ, любитель музыки, чуть-было не былъ сожженъ на кострѣ: разъ какъ-то онъ игралъ на лютнѣ въ своей комнатѣ, при открытомъ огнѣ. Вѣтеръ, при этомъ, шевелѣлъ висѣвшія на стѣнѣ въ комнатѣ фельдшера кости скелета. Стрѣльцы замѣтили это, и тотчасъ же разнесли молву, что фельдшеръ своею игрой на лютнѣ «заставляетъ плясать мертвецовъ». Дошла молва объ этомъ до патриарха,—и уже несчастному Квиринусу предстоялъ-было костеръ... Но за Квиринуса, къ счастью, заступился князь Черкасскій. Фельдшера выслали изъ Россіи, а скелетъ торжественно сожгли за Москвой-рѣкою...

Вотъ подобное этому изложеніе злочастной исторіи нашего внутренняго развитія мы считаемъ крайне-желательнымъ. Это именно исторія русской общественной жизни и культуры, хотя и обработываемая такъ называемымъ «отрицательнымъ» методомъ.

Возьмемъ еще на выдеѣжку мастерскія страницы, характеризующія нашихъ отечественныхъ трубадуровъ (скомраховъ).

Взамѣнъ древнихъ пѣвцовъ, бояновъ, гуслировъ, въ Московскомъ періодѣ русской исторіи, являются разнообразныя искусники и представители поэтическаго народнаго творчества. Они были охарактеризованы общимъ названіемъ «умѣльцевъ». Дѣлились «умѣльцы», по роду своей артистической спеціальности, на слѣдующія категоріи: *бахари* (или сказочники) *домрачей* (отъ домры) *накрачей* (отъ накрѣ), *гусельники*, *гудѣльники*, *скрыпачники*, *волянщики*, *скоморохи*, *медведчики* и т. д. *) Соединялись они артелями и стравство-

*) Описаніе музыкальныхъ орудій древней Руси г. Михневичъ приводитъ слѣдующее (заимствуя его изъ интереснаго „Сказанія о неудобопознаваемыхъ рѣчахъ“, относящагося къ XVI столѣтію). „*Музикія*—гуденіе, рекше *игра гусельная* и *кинарное*, рекше *лырей* (т. е. лира) и *домръ*

вали по русской землѣ, увеселяли русскій людъ своимъ искусствомъ, переносили во всѣ мѣста вѣсти и сказанія о событіяхъ и дѣяніяхъ временъ текущихъ и отдаленныхъ. Уже вслѣдствіе самой своей профессіи, людъ этотъ былъ находчивъ и боекъ на языкъ и, конечно, игралъ важную роль въ умственной жизни нашего народа. Но, съ другой стороны, эти буйныя головы плохо подчинились требованіямъ порядка и устава мирной гражданской жизни. Только и думали они, что о гульбѣ, да объ молодечествѣ, о полномъ просторѣ «вольнаго» беззаботнаго житья. Кормились они, конечно, отъ своего искусства, на пожертвованія отъ добродотныхъ дателей. Если подачи имъ казались мало, то захватывали насильно что попадалось имъ подъ-руку. Эти же артисты являлись разбойниками на большихъ дорогахъ, грабили прохожихъ и проезжихъ. Все это подтверждается прямыми свидѣтельствами «Стоглава», въ которомъ прямо говорится, что у христіанъ по деревнямъ *сило* (т. е. насильно) ядятъ и пьютъ (эти артисты), изъ влѣтъ животы грабятъ, а по дорогамъ людей разбиваютъ... Замѣчательно, что слова «художество», «художникъ» въ нашемъ простонародѣ и до сихъ поръ употребляются въ дурномъ смыслѣ, почти въ смыслѣ «лиходѣйства» и «лиходѣя». Не уваслѣдовано ли такое народное представленіе о «художествѣ» отъ временъ Руси Московскаго періода, когда «художники-скоморохи», разгуливали по всей Руси? Вопросъ крайне любопытный; ибо въ народномъ и простонародномъ говорѣ ни что не является, какъ говорится, ни съ того, ни съ сего, даромъ—а все имѣетъ несомнѣнно историческую причину своего происхожденія. Даже слово «качество» нашъ современный простолюдинъ принимаетъ въ дурномъ смыслѣ. Вотъ какъ сильны въ языкѣ и представленіяхъ народа слѣды древняго скоморошества!... Совершая разныя „художества“ и „качества“, скоморохи должны были соединяться большими толпами. И въ „Стоглавѣ“, въ самомъ дѣлѣ, гово-

---

всякаго рода устроенія гудебнаго. Родъ же мусикіевъ: *трубы, свирѣли, еже и пюлоами наричутся, пѣсневцы, рекше псалтырь, самоикіи еже естъ цѣница, киниры свирѣхъ мери (лири?)*.

рится, что „по стропѣ ходили скомрахи *ватачами* многими, по 60-ти, 70-ти человекѣ и по 100. („Стоглавъ“ 137). Странствуя артелями, „умѣльци“ и скоморохи играли, пѣли, плясали, и, кромѣ того, представляли различныя „дѣйства“, бывшія, конечно, зачатками и слабыми намеками театра, какъ это было и во всѣхъ странахъ. О древнихъ „дѣйствахъ“ нашей старой Руси упоминаетъ Олеарій. Устроивались „дѣйства“ на-скорую руку, гдѣ-нибудь на площади. Ставили шатерь, который игралъ у скомороховъ роль кулисъ; предъ самымъ же шатромъ происходилъ спектакль. Олеарій говоритъ и о кукольныхъ театрахъ. Для этого, по его словамъ, комедіанты устранивали изъ холста, обязаннаго вокругъ тѣла, родъ сцены, которая помѣщалась надъ ихъ головами и на которой куклы представляли разнаго рода фарсы. Производили скоморохи также извѣстную игру съ медвѣдемъ и ковою. Въ нашихъ лубочныхъ картинкахъ сохранилось изображеніе этой игры, съ невѣроятнымъ безграмотнымъ описаніемъ сюжета: „Медведь славомъ прахлажаются на музыкѣ своей забавляются а медведь шляпу снялъ да влутку игралъ“ и проч.

О музыкѣ въ Россіи при Петрѣ Великомъ приведено у автора много фактовъ интересныхъ и типичныхъ. Музыки и драматическихъ представленій, какъ свободнаго, изящнаго, образовательнаго искусства, и въ эпоху Петра (не смотря на ея отличительный характеръ «эпохи преобразованій») — не было. Правда, Петръ выписывалъ изъ-за границы, на ряду съ различными иностранными мастерами, и иностранныхъ музыкантовъ. Такъ, въ 1699 г. бранденбургскій посланникъ привезъ съ собою въ Москву хоръ музыкантовъ-мальчиковъ (гобистовъ), и они такъ понравились Петру, что онъ уговорилъ учителя продать ему весь хоръ, и тотъ, дѣйствительно, продалъ царю своихъ учениковъ за 1200 алотыхъ. Петръ и вообще на этотъ предметъ не скупился и не пропускалъ ни одного удобнаго случая завести въ Россіи музыкально-сценическія учрежденія. Въ этомъ ему содѣйствовалъ нѣкто Иванъ Силавскій, поступившій на службу къ царю въ 1698 г. Этого Силавскаго отдали въ вѣденіе посольскаго приказа и отправили за-границу, для вербованія въ Москву актеровъ, пѣв-

цовъ и музыкантовъ. На расходы Силавскому было выдано 200 рублей, да женѣ его съ дочерью, во время его отсутствія, положили по 5 рублей въ мѣсяцъ. Дѣйствительно, Силавскій договаривалъ въ Данцигѣ нѣкоего Ягана-Куншта, который контрактомъ обязался прїѣхать съ своею труппою въ Россію, за 5000 ефимковъ въ годъ. Яганъ-Кунштъ, прїѣхавъ въ Россію, дѣйствительно, въ 1702 г. устроилъ въ Москвѣ на Красной площади „комедіальную деревянную хранину“ и въ ней „театрумъ и хоры, и лавки, и двери, и окна“. Спектакли въ новомъ театрѣ начались не медля же, хотя эти спектакли представляются для насъ крайне неудобоваримыми даже по названіямъ. Напримеръ, одна пьеса называлась „Тюрмовый заключенникъ, или принцъ Пикель-Гарингъ“, другая изъ пьесъ называлась „Сципіи, (Сципіоновъ). Африканскій“. Для характеристки дѣла нужно прибавить, что пьесы „на случай“ болѣею частью составлялъ самъ Кунштъ. А что за актеры были подъ командою Куншта—объ этомъ сохранились любознательныя свѣденія. Это были *подъячїе* въ разныхъ приказахъ, по «наряду». Артистовъ для подобнаго театра вербовали, и часто весьма страннымъ образомъ. Артистическое сословіе, набранное изъ самаго разнообразнаго сброда, отличалось крайней дикостью и необузданностью нравовъ, пьянствомъ и разгуломъ. Игль или нѣтъ человекъ отъ природы музыкальныя способности—на это обыкновенно не смотрѣли, и если учащійся не успѣвалъ или плохо успѣвалъ, то его били батогами, ради исправленія, до тѣхъ поръ, пока онъ «не научится и не станетъ играть». Придворные пѣвчіе въ 1714 г. открыто «безчинствовали въ Царевомъ кабакѣ». Перессорившись, они съ такимъ усердіемъ колотили другъ друга „большими коромыслами по заушью“, что нѣкоторыхъ снесли изъ кабака за-мертво. Особенно знаменитъ былъ своимъ «художествомъ» комедіантъ Василій Теленковъ, онъ же и «Шмага-пьяный».

Получая содержаніе крайне неудовлетворительное, тогдашніе артисты, и иностранные, и русскіе, волей-неволей, должны были иными путями снискивать себѣ пропитаніе. О такомъ бѣдственномъ положеніи актеровъ Петровскаго времени упоминаетъ и Берхгольдъ въ своемъ «Дневникѣ». Между про-

чимъ, характеристиченъ приводимый Берхгольцомъ фактъ, что одинъ изъ разносившихъ афиши актеровъ (ибо афиши въ это блаженное время разносились самими актерами), вздумалъ помочь своей горемычной бѣдности, выпрашивая деньги за афиши. Но бѣдняга долженъ былъ жестоко поплатиться *своей спиной*. Ему отсчитали 200 ударовъ батолами... Но и послѣ наказанія, въ тотъ же день вечеромъ, этотъ выдраннй актеръ уже игралъ роль короля, и герцогиня Мекленбургская, дочь царицы Прасковьи (самая игра происходила въ театрѣ царицы Прасковьи) смѣясь, рассказала гостямъ объ этомъ „забавномъ приключеніи“. Берхгольцъ при этомъ выражаетъ удивленіе, что съ «выпоротымъ» королемъ не женировались играть княжны и благородныя дѣвицы. Тѣлесныя наказанія, отпускаемыя актерамъ (чаще плетью), были у насъ на Руси въ полномъ ходу еще въ началѣ текущаго вѣка на любительскихъ частныхъ театрахъ, собственниками которыхъ были богатые помѣщики, составившіе разношерстныя театральныя труппы изъ своихъ крѣпостныхъ. Любопытные и многочисленные примѣры этого указаны г. Михневичемъ въ послѣднемъ отдѣлѣ его книги, озаглавлиющемся «Кавось и его время», въ послѣдней VIII главѣ. Во главѣ подобныхъ нашихъ театромановъ, чаще всего самодурныхъ, фигурируетъ напримѣръ, помѣщикъ Каменскій, совершенно убившій свое громадное состояніе (хотя и безъ толку) на „театръ и музыку“. Нельзя, поэтому, считать какимъ-то дикимъ явленіемъ въ мірѣ, что у римлянъ актеровъ подвергали «тѣлеснымъ наказаніямъ», какъ объ этомъ свидѣтельствуемъ комизъ Плавтъ. Видно участь бѣдныхъ актеровъ, при колыбели какихъ бы то ни было театровъ, всегда была жалкая... Въ классическомъ мірѣ ихъ пороли, въ образованной Европѣ, когда въ ней только что начинались театры, несомнѣнно пороли, въ нашемъ отечествѣ пороли, а провинціальныхъ «лицедѣевъ» даже пороть-то перестали весьма недавно...

Въ заключеніе выскажемъ привѣтъ книгѣ г. Михневича и пожелаемъ ей полнаго успѣха... Изъ приложенныхъ къ ней слишкомъ 300 цитатъ нѣкоторыя приводятся не изъ первыхъ источниковъ, а напримѣръ изъ исторіи Карамзина. Затѣмъ, ми

еще считаемъ недостаткомъ *пропускъ* довольно важнаго для „исторіи русской музыки“ факта—изъ Екатерининской эпохи — это великолѣпнаго исполненія хорами, въ паркѣ Царскаго-Села, извѣстнаго стихотворенія римскаго поэта Горація „*Carmen Saeculare*“. Въ исполненіи участвовали хористы и симфонисты, одѣтые въ римскіе костюмы. Паркъ изображалъ собою „Священный лѣсъ“. Юноши носили треножки съ курящимся ладаномъ и другими драгоценными благоуханіями. Это исполненіе „*Carmen Saeculare*“ произвело громаднѣйшій эффектъ даже за границей и вызвало громадныя издержки. Вотъ почему этотъ фактъ стоитъ упоминанія. „*Carmen Saeculare*“ переложено на музыку *Филлidorомъ* въ 1780 г.—Пробѣлъ этотъ, конечно, неважный. Во всякомъ случаѣ, книга г. Михневича составляетъ весьма отраднѣйшій и желательнѣйшій вкладъ въ русскую историческую литературу...

Къ выдающимся трудамъ по древней исторіи, составляющимъ пріятнѣйшій подарокъ въ наступившему 1879 году, мы забыли-было отнести *«Древнюю Исторію Востока»*, г. *Зайцева*, составленную имъ, по его собственнымъ словамъ, по анналамъ *Менана*, а также по сочиненіямъ *Масперо* и *Отперта*. Къ книгѣ г. *Зайцева* приложены двѣ таблицы іероглифическихъ и клиновидныхъ надписей и карты Авіи. Сочиненіе г. *Зайцева* написано съ большимъ талантомъ и, какъ можно замѣтить, послѣ продолжительнаго изученія и тщательнаго ознакомленія съ дѣломъ. Другое важное достоинство книги г. *Зайцева* — заключается въ стремленіи автора сообщить русскимъ читателямъ послѣдніе результаты историческихъ изслѣдованій о Востокѣ западныхъ ученыхъ. Это очень важно, потому что наши историческія книги и учебники, трактующіе о Востокѣ, крайне-крайне отстали. Не можемъ не упомянуть, въ заключеніе, о блестящемъ и увлекательномъ языкѣ книги г. *Зайцева*, — что въ нашихъ русскихъ историческихъ книгахъ составляетъ значительную рѣдкость. Объ ней подробнѣе мы поговоримъ въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ.

Иностранная литература.

China, a History of the laws, manners and customs of the people. By John Henry Gray. In two volumes. London 1878 г.— Это прекрасное сочинение г. Грея, снабженное значительнымъ количествомъ рисунковъ (замѣчательныхъ по своеобразности композиціи) представляетъ для насъ въ настоящее время тѣмъ болѣе интересъ, что въ нашей періодической литературѣ поднять вопросъ объ отношеніяхъ нашихъ къ Китаю и китайскіе посланцы въ Петербургѣ недавно еще продолжаютъ представлять интересъ дня. Общество наше продолжаетъ еще интересоваться Кульджинскимъ вопросомъ, вопросомъ о дипломатической связи нашей съ Китаемъ, о союзѣ съ обширной Небесной имперіей и т. д. Въ виду этого возбужденнаго въ обществѣ интереса, мы желаемъ хотя до вѣкоторой степени резюмировать тѣ данныя, какія представляетъ книга г. Грея, рассматривающая Китай съ самой интересной его стороны,—со стороны народной жизни, со стороны духа его учреждений, его обычаевъ, религиозныхъ вѣрованій, философіи и т. д. Это тѣмъ болѣе считаемъ мы умѣстнымъ и полезнымъ, что книга г. Грея, при роскоши ея изданія, по цѣнѣ недоступна большинству нашей русской публики и врядъ-ли когда-либо будетъ переведена на русскій языкъ.

Пока для настоящей 2-й книжки нашего журнала мы резюмируемъ содержаніе 1-го лежащаго предъ нами тома. Здѣсь трактуется о китайскомъ правительствѣ, о тюремныхъ заключеніяхъ и вообще о наказаніяхъ, о Конфуціевой религіи (Конфуціонизмѣ) о народныхъ китайскихъ божествахъ, китайскомъ воспитаніи и китайской прессѣ, брахѣ, разводѣ, объ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ, праздникахъ, похоровахъ, разныхъ церемоніяхъ и увеселеніяхъ. Уже изъ этого перечня читатель видитъ, какой культурный и историческій интересъ представляетъ книга г. Грея. Начнемъ съ правительства. Правительство Китая—это абсолютная монархія. Императоръ китайскій считаетъ себя посредникомъ между народомъ и божествомъ.

ствомъ, истолкователемъ небесной воли. Самый титулъ императора выражается словами: *Сынъ неба, Господь десяти тысячъ лтъ, Верховный императоръ*. Въ государственной администраціи страны этотъ владыка участвуетъ посредствомъ государственнаго совѣта, которому передаетъ свою волю, и совѣтъ этотъ состоитъ изъ *четырехъ* великихъ министровъ государства. Въ придачу къ государственному совѣту, существуетъ *шесть* верховныхъ учреждений для завѣдыванія различными правительственными частями. Общее названіе этихъ *шести* учреждений «Loo-roo». *Первое* изъ нихъ носитъ названіе «Lee-roo» и подраздѣляется на 4 департамента, (если употребить нашъ терминъ). *Второе* учрежденіе называется «Hoo-roo», и завѣдываетъ государственными доходами. *Третье* учрежденіе (Lee-roo) имѣетъ назначеніе охранять древніе религіозные обычай и нравы народа и наблюдаетъ надъ храмами, сооруженными правительствомъ. *Четвертое* учрежденіе «Ping-roo». Оно завѣдываетъ флотомъ и военными силами всей имперіи. *Пятое*—«King-roo» завѣдываетъ судомъ и вообще отправленіями юрисдикціи. *Шестое* и послѣднее (Kung-roo) завѣдываетъ общественными работами въ рудникахъ, мануфактурахъ, при прорытіи каналовъ, проведеніи дорогъ мостовъ и т. под. Каждымъ изъ этихъ учреждений заправляетъ особый министръ, слѣдовательно они соотвѣтствуютъ министерствамъ европейскихъ государствъ и каждый изъ этихъ шести второстепенныхъ министровъ даетъ о дѣлахъ своего управленія отчетъ *четыремъ* великимъ министрамъ, о которыхъ сказано было выше. Но самая власть всѣхъ вышеназванныхъ министровъ большею частью номинальная, потому что деспотизмъ императора неограниченъ, и онъ считаетъ себя обязаннымъ давать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ только одному Богу, представителемъ котораго онъ считаетъ себя. На народъ этотъ императоръ смотритъ какъ на своихъ дѣтей, находящихся въ полной и безусловной его власти. Санкція императора внѣшнимъ образомъ проявляется приложеніемъ печати на всѣхъ письменныхъ законахъ и эдиктахъ. Подписываетъ императоръ обыкновенно красными чернилами, приго-

товляемыми изъ киновари, (что, замѣтимъ мимоходомъ, напоминаетъ обычай Византіи) *).

Но кромѣ вышеисчисленныхъ первостепенныхъ учреждений, нужно упомянуть еще о двухъ, имѣющихъ особенное значеніе, о „*Тоо-ча-юнгъ*“ и „*тсун-нин-фо*“. Первое есть учрежденіе цензуры, или, точнѣе, государственныхъ шпионовъ, потому что члены этого учрежденія рассылаются въ разныя части государства съ шпионско-полицейскими цѣлями и подозрѣваемое гдѣ-либо присутствіе ихъ всегда наводитъ на жителей сильный страхъ. Каждый комиссаръ или цензоръ этого учрежденія, имѣющій названіе *Амъ*, носитъ весьма значительный титулъ, соотвѣтствующій „сіятельству“ (*Excellence, Durchlaucht, Excellency*). Второе учрежденіе—именно *тсун-нин-фо*, завѣдываетъ записями числа рожденій, браковъ и смертности въ государствѣ. Это же учрежденіе завѣдываетъ дѣлами о наслѣдованіи принцевъ царской крови и періодически дѣлаетъ императору донесенія о поведеніи этихъ принцевъ. Регистръ или списокъ, въ которомъ записаны имена лицъ, происходящихъ отъ императорской фамиліи, обыкновенно пишется на *желтой* бумагѣ, а имена лицъ, происходящихъ отъ императорской фамиліи только побочнымъ образомъ, пишутся на бумагѣ *красной*. Въ каждыя *десять* лѣтъ подобныя списки или регистры должны быть представлены императору, и вотъ тогда-то императоръ распредѣляетъ титулы и матеріальное содержаніе близкихъ къ своей фамиліи подданныхъ. Титулы эти раздѣляются на *четыре* класса: первый классъ—титулы наслѣдственные, второй—почетныя, третій—титулы, жалованые за особыя заслуги государству; четвертый—титулы, жалованые за *литературное дарованіе* (это представляется особенно замѣчательнымъ въ примѣненіи къ Китаю). Далѣе императоръ имѣетъ неограниченное право назначать себѣ наслѣдника престола; въ престолонаслѣдіи не существуетъ особыхъ законовъ, и рѣшительно все равно—происходитъ-ли наслѣдникъ престола отъ царской крови или нѣтъ. Однако

*) Левъ-Діаконъ свидѣтельствуетъ, что чернила византійскихъ императоровъ приготовлялись изъ смѣси пурпура и киновари.

по утвердившемуся обычаю (а не закону) императору, наследует его старший сынъ. Всѣ подданные Китайскаго государства раздѣляются на обширныя фамиліи, или, какъ выражается мистеръ Грей, на *кланы* (это именно семейства, разросшіяся до своего крайняго предѣла) и какъ въ обыкновенныхъ семействахъ, такъ и въ фамиліи императорской, члены весьма многочисленны, и такъ какъ порядокъ престолонаслѣдія не опредѣленъ особымъ закономъ, то и случались прежде въ Китаѣ относительно-частыя возмущенія по поводу престолонаслѣдія,—и этому особенно способствовало то обстоятельство, что, по прежнему порядку, всякій членъ императорской фамиліи занималъ видное оффиціальное мѣсто. Но этотъ порядокъ въ настоящее время отмѣненъ. Теперь уже каждый принцъ крови въ Китаѣ довольствуется только своимъ громкимъ титуломъ—не больше.

Китайскій народъ смотритъ на императора какъ на *представителя неба*, а на императрицу—какъ на представительницу *матери-земли*. Надо замѣтить, что и самая религія китайцевъ состоитъ въ поклоненіи небу и земли, но не какъ разѣдиненнымъ божествамъ, не дуалистически,—а какъ соединеннымъ въ *единое* божество, слѣдовательно даже народная религія китайцевъ есть *монотеизмъ*, весьма прочно утвержденный на политической основѣ, и всѣ учрежденія китайскія проникнуты однимъ и тѣмъ же духомъ; во всѣхъ ихъ замѣчается неразрывная связь религіи съ государствомъ. Это, очевидно, государство принадлежащее къ типу „*первобытныхъ*“ и окаменѣвшее и оставшееся до насъ въ своей первоначальной формѣ. По общей наивной вѣрѣ китайскаго народа, императрица имѣетъ непосредственное вліяніе на природу и можетъ производить въ ней различныя превращенія.—Кромѣ императрицы, императоръ, по обычаю, долженъ имѣть еще *восемь* женъ и каждая изъ этихъ женъ носить рангъ и титулъ полной царицы. Придворныя фрейлины раздѣляются на два разряда. Первый разрядъ принадлежитъ къ первымъ тремъ женамъ царя, второй—къ послѣднимъ пяти. Но кромѣ этихъ 8 женъ у императора есть еще много наложницъ.

Жестокія пытки при судебныхъ розыскахъ въ полномъ упо-

требленіи въ Китаѣ. Жестокіе мандарины (чиновники, играющіе важную роль при судебныхъ допросахъ и слѣдствіяхъ) не даютъ ни кому пощады. Этотъ процессъ суда и самое засѣданіе суда носятъ техническое названіе *Ямунъ*. Во время засѣданія судья возсѣдаетъ за широкимъ столомъ, покрытымъ красною матеріей. Приводимый на судъ узникъ обыкновенно становится на колѣни, въ знакъ уваженія къ судѣ. По обѣимъ сторонамъ стола присутствуютъ только секретари, толкователи закона, тюремная стража. Всѣ они стоятъ; ни кто не имѣетъ права сидѣть, во время производства суда, кромѣ судьи. Приложенныя къ книгѣ г. Грея иллюстраціи показываютъ и судопроизводство, и пытки весьма отчетливо и наглядно. Однако же внѣшняя формальность судоговоренія чрезвычайно страннымъ образомъ напоминаетъ подобную же формальность въ европейскихъ государствахъ. Судья спрашиваетъ подсудимаго вслухъ, со всею важною: признаетъ ли онъ себя виновнымъ или нѣтъ? Затѣмъ, по всѣмъ правиламъ судейскаго искусства, спрашиваетъ: что его заставило совершить то или другое преступленіе? Если отвѣты обвиняемаго представляются уклончивыми и двусмысленными (а когда-жъ они не представляются такими? — ибо въ волѣ судьи придать отвѣтамъ тотъ или другой характеръ),—то немедленно же предлагается пытка. Самый простой и обыкновенный видъ пытки состоитъ въ сѣченіи обнаженныхъ плечъ преступника тростниковыми палками, затѣмъ слѣдуютъ множество видовъ утонченныхъ и ужасныхъ пытокъ, которыя подробно описываетъ г. Грей, иллюстрируя свое описаніе рисунками. Тюрьмамъ китайскимъ г. Грей посвящаетъ подробное описаніе, приступая къ которому онъ выражаетъ чувство ужаса и отвращенія.

„Hear it not ye stars

And thou pale moon turn paler at the sound* *).

сказалъ поэтъ Юнгъ, содрогаясь при воспоминаніи объ избиеніи дѣтей, для жертвы богамъ, въ священномъ городѣ Индіи, Бенаресѣ. Такой же ужасъ выражаетъ и Грей при опи-

*) Не внимайте этого, о вы, звѣзды! И ты, блѣдный мѣсяцъ! отвернись, поблѣднѣвъ, при этомъ звукѣ...

саніи китайскихъ тюремъ. Это мученія Дантова ада,—это страданія Байронова Шильонскаго узника. Предъ нами заключенные, подобные мертвецамъ, высохшіе скелеты, со страшно впалыми глазами, выражающими совершенное безучастіе къ себѣ и къ своимъ страданіямъ... Эти несчастные одѣты въ грязныя лохмотья, покрытыя разнаго рода нечистотами; къ ихъ длиннымъ чернымъ волосамъ цѣлые годы, часто десятки годовъ, не касался гребень, ибо чесать узникамъ свои волосы строго запрещено китайскими тюремными законами, да и мыться имъ тоже строго запрещено. Въ страшно всклокоченныхъ волосахъ и въ грязныхъ лохмотьяхъ кинать міриады извѣстныхъ насѣкомыхъ, Узники эти какіе-то демоны царства смерти, или тѣни, а не люди. Звукъ цѣпей, которыми скованы ноги каждого изъ заключенныхъ, еще болѣе усиливаетъ страшное общее впечатлѣніе подобной тюрьмы... Вся тюрьма образуетъ видъ обширнаго параллелограмма, раздѣленнаго стѣнами и корридорами на кельи, изъ которыхъ каждая имѣетъ, правда, довольно широкій размѣръ. Полъ въ кельяхъ гранитный, и кельи снабжены нарами или лавками, на которыхъ арестанты сидятъ днемъ и спятъ по ночамъ. Въ центрѣ каждой кельи находится родъ священнаго возвышенія или алтаря, на которомъ всегда стоятъ идолъ—смягчитель ожесточенныхъ сердецъ арестантовъ, божество носящее имя *Гон-хон-чу-му*. Въ честь этого бога устраиваются даже празднества въ тюрьмахъ. Къ самому зданію тюремному ведетъ узкая дорожка, и входная въ тюрьму дверь украшена на верху фигурою тигра съ безобразно-страшно выпученными глазами и выпущенными когтями, Этотъ тигръ считается покровительствующимъ божествомъ тюрьмы. Смертность въ каждой китайской тюрьмѣ весьма велика, потому что въ самыхъ кельяхъ въ огромныхъ ушатахъ гвѣютъ изверженія арестантовъ, и ушаты никогда не вычищаются—запахъ въ тюрьмѣ невыносимый. За незначительное уже воровство въ Китаѣ вора подвергаютъ публичному сѣченію по обнаженнымъ плечамъ, связавъ ему назадъ руки и проводя по двумъ-тремъ длиннымъ городскимъ улицамъ. При этомъ украденныя вещи вѣшаются на грудь истязуемаго. Впереди подобной процессіи идетъ чиновникъ и бьетъ

въ барабанъ. При каждомъ ударѣ тростниковыхъ батога по плечамъ преступника исполнитель казни восклицаетъ: „*вотъ какъ нужно наказывать вора!*“ Истечение крови при этой длинной экзекуціи бываетъ сильно, такъ что воръ часто изнемогаетъ и умираетъ. Но самыя жестокія наказанія—это много-различныя виды *кангъ* (Cangue) или сажанія въ тѣсную клітку. Это за тѣ роды преступленій, которые можно причислить къ категоріи прелюбодѣянія или волокитства. За болѣе важныя преступленія ноги преступниковъ забиваютъ въ колоды или вѣшаютъ имъ на шею огромныя тяжести...

Религія китайцевъ, какъ упомянуто выше, монотеизмъ. Каноническія книги вѣры, числомъ 5, даны Конфуціемъ. Замѣчательно, что религіозный переворотъ въ Китаѣ, дѣятельностью Конфуція, совершился во *второй* половинѣ VI вѣка, одновременно съ дѣятельностью *Лау-Чие*, основателя «тауизма», дѣятельностью Браммы въ Индіи и Пифагора въ Греціи. Всѣ эти великіе люди, не смотря на разстояніе, ихъ отдѣлявшее, напримѣръ Пифагора отъ Конфуція, какъ будто согласились провозвѣсть религіозно-философскій переворотъ въ одно время. Система Конфуція не есть философско-отвлеченно-религіозная, а по преимуществу практическая. Онъ заповѣдуетъ безусловное повиновеніе дѣтей отцу, и на этомъ строить все зданіе государства. Безъ неограниченной отеческой власти надъ сыномъ и безъ безусловнаго повиновенія сына отцу—что составляетъ основу всѣхъ благоустроенныхъ семействъ—нѣтъ государства, и дѣйствительно китайское государство, какъ мы уже видѣли выше, основано именно на этомъ принципѣ. Важнѣйшіе изъ религіозныхъ обрядовъ, завѣщанныхъ Конфуціемъ, состоятъ въ поклоненіи душамъ или тѣнямъ предковъ. Но если религіозная система Конфуція имѣетъ въ высшей степени практическій характеръ, то система Лау-Чие имѣетъ характеръ отвлеченной философско-религіозной системы, обозначаемой словомъ *тауизмъ*. Этическія доктрины этой системы изложены въ особенной книгѣ. По этому ученію, высшее благо (Summum bonum) должно быть основано на метафизическихъ спекуляціяхъ, контемпляціи. Нужна безусловная тишина (пустыня) и глубокое созерцаніе, чтобы соединиться съ бож-

ствомъ *Tau* (Тау)—отсюда и названіе всей системы *тауизмъ*. Это божество—Тау представляетъ верховный принципъ и можетъ быть отождествлено съ греческимъ словомъ *archè*. Если приравнивать систему Тау-Чше къ европейскимъ философскимъ системамъ, что ее нужно назвать пантеистическою. Затѣмъ тауизмъ, по-своему, тоже благопріятствовалъ развитію алхиміи, и тауисты обыкновенно отыскивали способъ превращенія неблагородныхъ металловъ въ благородные — золото и серебро—и старались отыскать эликсиръ безсмертія, точь въ точь какъ въ Европѣ въ XVII вѣкѣ. Система тауизма предписываетъ какую-то духовную медицину... Можно себя представить, что это за медицина... Это прискиваніе пищи изъ драгоценныхъ камней, фонтановъ изъ нектара, благоуханныхъ веществъ и т. д. Весьма понятно, что суевѣріе въ Китаѣ господствуетъ во всей силѣ, и суевѣріе самое мрачное. Если, напримѣръ, заболѣетъ серьезно отецъ семейства, то любящій его сынъ часто долженъ бывать вырѣзать *«кусочъ живаго мяса»* изъ своего бедра или руки, для доказательства, своей сыновней любви и испѣленія страждущаго, и китайскіе доктора не только одобряютъ эту операцію, но и считаютъ ее дѣйствительно цѣлительною. Тоже должна сдѣлать и женщина, родственница заболѣвшаго старшины семейства, если ее подозрѣваютъ въ порчѣ...

Кромѣ высшаго существа, которое наглядно изображаютъ небо и земля, понимаемая въ своемъ единствѣ, въ народной религіи Китая существуетъ еще множество такъ сказать простонародныхъ боговъ и божествъ; въ честь каждаго изъ нихъ существуютъ особые обряды. Не лишены интереса народныя возрѣнія на награды и наказанія въ аду. Принимается обыкновенно нѣчто въ родѣ чистилища; да и самое мученіе въ аду грѣшниковъ не принимается за вѣчное. Промучившись въ адскомъ огнѣ цѣлыя сотни лѣтъ, грѣшныя души возвращаются въ міръ и входятъ въ тѣла пресмыкающихся и другихъ отвратительныхъ животныхъ. Души же праведныхъ получаютъ въ первыхъ награду, пропорціональную ихъ добродѣтелямъ, напримѣръ мѣрочку рису, за такую же мѣрочку рису, данную бѣдному и голодному, благодарность за наученіе невѣжды и

т. д. Но это частныя награды. Вообще же праведные получают почести и богатства, возвратившись на землю.

Тѣла нераскаянныхъ грѣшниковъ вѣчно терзаютъ въ аду тигры—и никогда не растерзываютъ, подобно тому, какъ, по миеологии грековъ, коршунъ вѣчно терзаетъ печень Прометея...

Относительно браковъ существуютъ въ Китаѣ, два, одновременно, одинаково дозволяемые закономъ обычая, одноженство и многоженство (полигамія). Многоженство существуетъ потому, что законодательство китайское весьма благоприятно смотритъ не только на размноженіе народа вообще, но и на размноженіе отдѣльнаго племени, какъ смотрѣли на это и древніе евреи. Но при этомъ нужно еще замѣтить, что теоретически китаецъ склоненъ къ одноженству, тогда какъ на практикѣ большею частью встрѣчается многоженство. Понятно, что, при такомъ порядкѣ вещей, сцены ревности и убійства встрѣчаются весьма часто. Случаются часто и побѣги женъ и невѣстъ. Вообще относительно обрядовой стороны браковъ, напримѣръ обрядовъ въ чертогахъ невѣсты,—г. Грей дѣлаетъ любопытныя сравненія между браками нынѣшнихъ китайцевъ и древнихъ евреевъ. Напримѣръ, обычай относительно брачныхъ подарковъ, обычай поставлять свидѣтелей непорочности и дѣвственности невѣсты, въ первую же ночь... Если невѣста оказывается не цѣломудренною, то весьма часто немедленно совершается разводъ...

Къ сожалѣнію, за недостаткомъ мѣста, мы должны здѣсь остановиться въ резюмированіи содержанія прекрасной книги м-ра Грея.

Художественно-литературное изданіе профессора Эберса по Египтологіи. („Egypten in Bild und Wort“).

Профессоръ Эберсъ получилъ европейскую извѣстность какъ оригинальный романистъ, берущій сюжеты для своихъ романовъ изъ древняго міра. Основательное изученіе археологіи, преимущественно египетской, многостороннее изученіе подробностей древняго быта, неутомимая энергія въ вслѣдованіи дали г. Эберсу возможность, при его огромномъ художествен-

номъ талантѣ, воспроизвестъ людей давно-минушаго времени, представить ихъ какъ бы живыми. Извѣстный оригинальный романъ г. Эберса изъ древней жизни „Дочь Египетскаго Царя“ — это великолѣпная проба романа изъ древней жизни, знакомой намъ лишь по памятникамъ. Оригинальный романъ этотъ переведенъ на многіе европейскіе языки, переведенъ и на русскій, знакомъ онъ слѣдовательно и нашей русской публикѣ. Въ нашемъ журналѣ помѣщенъ въ прошломъ году переводъ недавняго произведенія профессора Эберса (сюжетъ этого произведенія тоже заимствованъ изъ древней жизни). „Ното Sum“. — Теперь уже, конечно, съ полнымъ правомъ можно предположить, что имя г. Эберса извѣстно русской публикѣ, и затѣмъ, конечно, русской публикѣ будетъ интересно узнать о новомъ литературно-художественномъ предпріятіи Эберса. Предпріятіе это — грандіозно по размѣрамъ и къ исполненію его призваны многія художественныя силы Германіи. Этому обширному изданію Эберсъ далъ заглавіе: „Egypten in Bild und Wort“ (Египетъ въ картинахъ и въ разсказахъ). Исполненіе этого почтеннаго предпріятія начато г. Эберсомъ въ началѣ истекшаго года, и теперь уже доведено до половины. Съ каждымъ выпускомъ изданіе г. Эберса и въ литературномъ, и въ художественномъ отношеніи становится все полнѣе и интереснѣе. Въ художественномъ отдѣлѣ, въ исполненіи рисунковъ памятниковъ участвовали, многія первоклассныя силы германскихъ художниковъ; и первое мѣсто изъ этихъ художниковъ занимаютъ классическія имена *Вернера*, *Генца* и *Мюллера*. По достоинству исполненія эти художники мало чѣмъ уступаютъ тѣмъ первокласснымъ художественнымъ силамъ Германіи, какія представляются намъ въ Рихтерѣ и Гансѣ Макартѣ. Вернеръ, Генцъ и Мюллеръ нарисовали много въ высшей степени характеристичныхъ (въ анатомическомъ отношеніи) головъ племенъ, населяющихъ современный Египетъ, а также воспроизвели много типовъ, съ рельефовъ, изображенныхъ на гробницахъ и на стѣнахъ египетскихъ храмовъ. Затѣмъ, слѣдуетъ еще цѣлая плеада художниковъ, трудившихся надъ художественнымъ отдѣломъ изданія г. Эберса и надъ иллюстраціями. Таковы художники:

Сеенъ, Тадема, Кельнеръ, Фидлеръ, Губеръ, Вельмиъ и Гнаутъ. Тетстъ изданія г. Эберса иллюстрировала другая плеяда не менѣе даровитыхъ художниковъ, каковы: *Диллонъ, Креушмеръ, Кернеръ, Шенъ, Бурьеръ, Шморанцъ, Гейнъ, Страсбергъ.* Всѣ эти нѣмецкіе художники не только обладаютъ, что называется „силою карандаша“, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, суть специалисты въ египтологіи. Всѣ они ревностно трудились надъ воспроизведеніемъ рельефовъ древнихъ храмовъ и гробницъ; въ особенности же они производили усиленные работы у такъ называемой „Гробницы Зейденбаха“. Читатели, хотя нѣсколько знакомые съ египтологіей, поймутъ какой глубокой интересъ представляютъ рельефы этой гробницы. Изложеніе предмета (не смотря на его строго-научный археологическій характеръ) отличается и въ этомъ послѣднемъ прозведеніи г. Эберса въ высшей степени популярнымъ характеромъ. Особенное вниманіе обращено на общественный бытъ древняго Египта. Общеизвѣстные факты, каковы: пребываніе евреевъ въ Египтѣ, разныя чудесныя сказанія, напримѣръ о построеніи пирамидъ, Сфинксѣ, Лабиринтѣ XII царей, о птицѣ Фениксѣ, вѣчно возраждающейся изъ пепла — всѣ эти сказанія изложены въ высшей степени художественно и взаимно объясняютъ другъ друга. Чтобы ближе охарактеризовать интересъ изложенія статей въ изданіи г. Эберса, не излишне припомнить, что онъ приводитъ и подробно комментируетъ разныя поэтическія легенды и преданія, которыми богатъ Египетъ, эта „страна чудесъ“, — и которыя всегда имѣютъ для насъ таинственную привлекательность. Напримѣръ, г. Эберсъ приводитъ легенду о престарѣломъ *сикоморѣ*, который еще и теперь растетъ въ Гелиополисѣ недалеко отъ Каиро, и подъ которымъ, по преданію, отдыхала Св. Дѣва Марія съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, во время бѣгства въ Египетъ...

Теперь встаетъ сказать нѣсколько словъ о томъ пути, о тѣхъ цѣляхъ и средствахъ, которыми развивалась въ Европѣ теперь уже обширная по объему, *египтологическая литература*. Нашия научнымъ свѣденіямъ объ Египтѣ мы обязаны экспедиціи Бонапарта въ 1798 — 1801 г., въ которой участвовало много гениальныхъ французскихъ ученыхъ. Съ

тѣхъ поръ, какъ извѣстно, Европа научилась разбирать египетскіе гіероглифы (Розеттскій камень.) Но политическія условія были все-таки и послѣ этого неблагоприятны для изслѣдованія Египта, — до тѣхъ поръ, пока въ обладаніе Египтомъ не вступилъ геніальный паша Мехемедъ-Али, одинъ изъ немногихъ великихъ организаторовъ, которыхъ когда-либо представлялъ мусульманскій міръ. Къ несчастію, Мехемеду-Али, какъ это часто бываетъ, не нашлось достойнаго послѣдователя. Даровитый сынъ его, *Ибрагимъ*, умеръ еще при его жизни. Другіе же сыновья его, *Аббасъ* и *Саидъ* были неспособны. Впрочемъ, при хедивѣ Сандѣ уже начались работы по прокопкѣ Суэзскаго канала, блистательно закончившіяся содѣйствіемъ геніальнаго Лессепса при новомъ хедивѣ Египта Измаиль-пашѣ, властвующемъ въ Египтѣ и въ наши дни. Измаиль-паша, обладающій громадными и многосторонними знаніями управляемой имъ страны, содѣйствовалъ и европейскимъ ученымъ въ ихъ изслѣдованіяхъ и раскопкахъ въ Египтѣ. Такъ, просвѣщенный паша всѣми мѣрами содѣйствовалъ французскому ученому египтологу *Мариетте*, а также нѣмецкому египтологу, профессору *Брушу*, которые въ свою очередь пошли по слѣдамъ ученаго *Ленсіуса* (нѣмца), котораго громадные знанія въ этой области до сихъ поръ обезпечиваютъ за нимъ титулъ перваго египтолога во всемъ мірѣ. *) Затѣмъ, когда уже былъ, въ 1869 г., открытъ Суэзскій каналъ и Египетъ получилъ огромное значеніе для международнаго обмѣна, естественно увеличилась въ Европѣ и литература по египтологіи. Появилось множество статей, брошюръ, дѣлныхъ книгъ; важнѣйшими дѣятелями при этомъ явились нѣмцы. И вотъ съ этого-то времени начинается и дѣятельность Георга Эберса, столь блистательно заявившаго свои знанія по египтологіи и, вмѣстѣ, художественный талантъ. Надо прибавить, что хедивъ Египта, Измаиль-паша, много старался въ смыслѣ облегченія ученымъ изслѣдованія

---

*) Великолѣпное классическое твореніе Ленсіуса по египтологіи озаглавляется „*Denkmäler aus Egypten und Ethyopie*“. Оно снабжено до 1,000 превосходныхъ гравюръ большого формата.

Египта, да и самъ относился и относится къ этому предмету съ истинно-европейскимъ вниманіемъ, рѣдко встрѣчающимся между мусульманами. Такъ, по иниціативѣ Измаила-паши, основанъ обширный музей египетскихъ древностей въ *Булако*. Ученые Бругшъ, Мариетте и Эберсъ не иначе отзываются о просвѣщенномъ египетскомъ пашѣ, какъ съ глубокимъ уваженіемъ...

Въ заключеніе, мы отъ души привѣтствуемъ литературно-художественное предирятіе г. Эберса и желаемъ ему распространенія и у насъ, въ Россіи. Читатели, конечно, раздѣлятъ наше желаніе, такъ какъ знакомы съ духомъ и характеромъ Эберсова таланта по его глубоко-психологическому роману «*Nomo sum*», печатавшемся въ нашемъ журналѣ.

Матеріалы, замѣтки и новости.

Чума въ древнее и новое время.

Этотъ вопросъ не лишень интереса въ настоящее время, въ виду появленія эпидеміи на юговосточной нашей окраинѣ—эпидеміи, возбуждившей столько опасеній. Собственно объ источникахъ и происхожденіи чумы до сихъ поръ существуютъ лишь предположенія и гаданія, имѣвшія силу тысячу лѣтъ тому назадъ и имѣющія теперь. Въ этомъ отношеніи мы не далеко ушли отъ древнихъ народовъ. Любая изъ нашихъ современныхъ газетъ расскажетъ о чумѣ въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ и съ тою же шаткою неопредѣленностью терминологіи, какъ это, на примѣръ, рассказалъ бы какой-нибудь анналистъ въ эпоху Юстиніана. По этому-то на поставленный въ нашемъ заголовкѣ вопросъ нужно отвѣтить почти положительно: древнимъ точно такъ же была знакома чума, какъ и намъ. Разсадниками чумы древніе, начиная съ Фукидида и его предшественниковъ, считали *Эвѳію* и *Египетъ*, вслѣдствіе довольно основательныхъ соображеній, бывшихъ доступными древнимъ наблюдателямъ. Въ Египтѣ воздухъ былъ всегда зноенъ, обильно насыщенъ влажностью, неподвиженъ. Влажность воздуха обусловливалась періодическими разливами Нила. Лишь только разливъ этой священной для египтянъ рѣки кончался, въ массѣ осѣвшаго ила начинали гнить разные органическіе и животные остатки. Часто, на примѣръ, въ Египтѣ умирали громадныя массы саранчи („гусеницы и пружки“ нашихъ славянскихъ лѣтописцевъ). Эти массы саранчи,

опустошивъ поля въ южной Европѣ, перелетали Средиземное море и находили себѣ смерть въ сѣверныхъ частяхъ Африки. Явленіе это не чуждо и нашему времени. Какъ въ древности, такъ и на нашихъ глазахъ, саранча представлялась и представляется гибельною въ двойномъ отношеніи. *Живая*, она опустошаетъ засѣянные поля, *мертвая*, она заражаетъ воздухъ и производитъ эпидеміи. Въ первый разъ это явленіе представляется особенно рельефнымъ въ царствованіе Юстиніана Великаго (въ VI в. по Р. Хр.) и его преемниковъ, Юстиниана II Младшаго и Тиверія II. При Юстиніанѣ опустошительная чума появилась близъ *Пелузіума*, между извѣстными *Сиробонійскими* болотами, и восточнымъ рукавомъ Нила. Отъ этого пункта, какъ отъ центра, страшная эпидемія чрезвычайно быстро распространилась на Востокъ, въ Сирію, Персію, Индію. Жившій въ то время знаменитый византійскій историкъ Прокопій рассказываетъ, что *на второй* годъ появленія чумы при Юстиніанѣ, весной, въ теченіе трехъ или четырехъ мѣсяцевъ, эпидемія три раза возобновлялась съ новою силою. Надо замѣтить, что историкъ Прокопій смотрѣлъ на эту эпидемію глазами весьма свѣдущаго человѣка, даже до нѣкоторой степени медика, и употреблялъ для обозначенія нѣкоторыхъ болѣзненныхъ явленій довольно точные медицинскіе термины. Изъ этого обстоятельства нѣкоторые ученые прошлаго вѣка дѣлали выводъ, что историкъ Прокопій обладалъ медицинскими познаніями. Такое мнѣніе впервые высказалъ въ прошломъ вѣкѣ д-ръ Фрицъ, въ своей замѣчательной для своего времени „*Historia Medica*“. Но дѣло въ томъ, что въ VI вѣкѣ многіе извѣстные намъ теперь медицинскіе термины имѣли право гражданства въ византійскомъ народномъ языкѣ. Что касается внѣшней формы описанія «Византійской чумы» въ VI вѣкѣ, то Прокопій, очевидно, старался въ своемъ описаніи подражать Фукидиду, оставившему намъ превосходное, хотя и недлинное, описаніе чумы бывшей въ Аѣнахъ при Периклѣ, въ эпоху Пелопоннесской войны. Прежде чѣмъ резюмировать сообщаемыя историкомъ Прокопіемъ свѣденія о чумѣ, бывшей при Юстиніанѣ, — мы остановимся на описаніи Аѣнской чумы, которое представляетъ намъ Фукидидъ.

Появившаяся въ Аѣнахъ эпидемія (loimos) говорить Фукидидъ ¹⁾, имѣеть свое происхождение изъ Ливіи или Египта. Началась она въ Пирей (т. е. въ сѣверной гавани Аѣнъ) и началась, какъ говорятъ, отъ того, что пелопонесцы (вѣроятно, плѣнники) бросали какія-то снадобья (pharmaka) въ колодцы. Далѣе Фукидидъ рассказываетъ, что онъ самъ былъ въ числѣ больныхъ чумою; что болѣзнь поражала людей вдругъ, безъ предварительныхъ симптомовъ. Начиналась она сильнымъ жаромъ въ головѣ, воспаленіемъ и краснотой глазъ. Горло и языкъ дѣлались сухими и получали красный кровавый цвѣтъ (i te faragx kai i glossa euthis aimatodi in) дыханіе дѣлалось крайне затруднительнымъ и вонючимъ, затѣмъ слѣдовали чиханье и хрипота (ptarmos kai branchos) Въ груди чувствовалось сильное стѣсненіе и боль и потомъ начинался сильный кашель (meta bechos ischiros). Тѣло зараженнаго, правда, не было слишкомъ высокой температуры. Оно не было блѣднымъ (chloron) но *мертвенно-матово-красноватымъ*. Намъ кажется, такъ нужно перевести слова Фукидидова: „oute chloron all' urethron pelidnon“. Замѣтимъ, что, по отзывамъ многихъ компетентныхъ наблюдателей, такой цвѣтъ тѣла весьма характеристиченъ для зачумленныхъ. Подобный цвѣтъ тѣла у зачумленныхъ мы видѣли на картинѣ одного изъ величайшихъ колористовъ нашего времени, Ганса Макарта ²⁾. Далѣе Фукидидъ говоритъ, что къ аѣнскимъ зачумленнымъ нельзя было приложить даже легкой одежды или самой тонкой ткани, не возбудивъ въ нихъ чувства ужасной боли. Отъ невыносимаго внутренняго жара больные бросались въ колодцы съ холодной ключевой водою. Упоминаетъ Фукидидъ и о многочисленныхъ пестулахъ и нарывахъ, покрывавшихъ тѣла зараженныхъ ³⁾. Въ виду стѣсненія

¹⁾ См. Thucyd. Hist. Lib. II, Cap. 47.

²⁾ На его картинѣ „Семь смертныхъ грѣховъ“, сюжетъ которой заимствованъ изъ „Декамерона“ Боккаччо. Эта картина, или, точнѣе, три части ея, составляющія одно цѣлое,—находилась въ Петербургѣ, въ Академіи Художествъ, въ 1870 г.

³⁾ Нашему медицинскому термину „пустуль“ соответствуетъ греческое phlictaina, а нарыву elcos.

населенія въ одномъ городѣ, въ виду бѣдственной войны, населеніе Аоннѣ укрывалось въ жалкихъ грязныхъ, душныхъ хижинахъ, или просто шалахахъ, наскоро устроенныхъ на площадяхъ и улицахъ Аоннѣ (En kalibais pnigais). Храмы были наполнены или зараженными, или ищущими убѣжища. Религіозное чувство упало. Объ религіозныхъ обрядахъ, вообще имѣвшихъ у грековъ громадное значеніе, ни кто не думалъ. Даже можно сказать, что и храмы превратились въ мрачные гробы. Жажда жизни и опасеніе разстаться съ нею заставляли здоровыхъ пускаться въ самыя необузданныя и грязныя оргіи. У всѣхъ источниковъ валялись полумертвыя, желавшія, хотя немного, утолить свою жгучую жажду...

Возвратимся теперь къ Прокопію. Мы замѣтили выше, что въ своемъ описаніи Византійской чумы этотъ историкъ подражаетъ Овидію. Но подражаніе его касается, разумѣется, преимущественно стила, а не содержанія. Собственно въ характеристикѣ припадковъ эпидеміи Прокопій является болѣе точнымъ, чѣмъ Овидіидъ: онъ говоритъ о распуханіи у больныхъ желѣзъ (паховыхъ и ушныхъ) объ относительной продолжительности этого процесса. Онъ говоритъ, что если вскрывали нарывы у больного (непремѣнно мягкіе и назрѣвшіе, ибо твердыя опухоли не поддавались этой операціи) то вынимали оттуда сгустокъ *чернаго улеобразнаго* вещества, величиною въ чечевичное зерно. Если нарывъ назрѣвалъ и являлся съ мякотью, то являлась ѣ надежда на выздоровленіе; если опухоль оставалась сухой, то больной, на *пятый день*, обыкновенно умиралъ. Пустулы и карбункулы, покрывавшія тѣло, служили предвѣстниками неминуемой смерти. Беременные женщины почти безъ исключенія дѣлались жертвою чумы. Но вообще, независимо отъ беременности, женщины, оказывали меньшую воспримчивость къ чумной заразѣ, чѣмъ мужчины. Все это, съ точки зрѣнія исторической этиологіи (или историческаго вслѣдованія существа болѣзней) представляетъ, конечно, большой интересъ, и, намъ кажется, нѣтъ нужды сомнѣваться въ вѣрности сообщенныхъ Прокопіемъ свѣденій. Можетъ показаться невѣроятною только уже слишкомъ громадная цифра умершихъ, которую приво-

дять Прокопій, выражаясь, что вообще умерло въ Византіи отъ чумы „*miriadas miriados mirias*“ (т. е. миллионъ миллионъ). Это уже слишкомъ много. Съ другой стороны нужно принять въ соображеніе, что пораженный страшными опустошеніями чумы, Прокопій (что весьма естественно) выразился риторически и иперболически. Надо сказать и то, что чумное опустошеніе Византіи въ VI вѣкѣ, дѣйствительно, было громадно-велико. Многія цвѣтуція области и города буквально обратились въ пустыни, особенно на Востокѣ. Да и на Западѣ, въ Италіи напримѣръ, виноградники и богатныя жатвы полей пропали и сгнили непродуцительно — ибо не кому было собирать, да и не для кого... По соображеніямъ Гиббона, во время наибольшаго разгара чумной эпидеміи (а разгаръ этотъ нужно положить въ три мѣсяца) въ Константинополѣ ежедневно должно было умирать сначала 5-ть, а потомъ, когда развитіе эпидеміи дошло до maximum'a, 10-ть тысячъ человекъ въ день... Очевидно, что общее число жертвъ, покищенныхъ чумою, нужно считать *десятками миллионъ*. Для любопытства можно сопоставить, сколько чума похитила у Европы населенія въ XIV в. (1348—1350). По исчисленіямъ Геккера, Европа тогда потеряла $\frac{3}{4}$ всего населенія, т. е. 25.000,000 человекъ.

Итакъ—вотъ въ какой формѣ и въ какихъ размѣрахъ являлась у древнихъ народовъ чума, по свидѣтельствамъ Фукидида и Прокопія. Но отъ VI в. по Р. Хр. мы имѣемъ еще свидѣтельство о чумной эпидеміи византійскаго ритора Евгарія, а изъ западныхъ писателей свидѣтельство Григорія Турскаго, рассказывающаго о чумѣ на Западѣ въ 555 г., и въ слѣдующихъ годахъ, въ гг. Арлѣ, Нарбоннѣ, Марсели, Авиньонѣ и другихъ городахъ Франціи. Объ эпидеміи, свирѣпствовавшей въ Германіи, свидѣствуетъ Варнефридъ (Павелъ Діаконъ) тоже въ VI вѣкѣ. Но затѣмъ, существуютъ еще свѣденія о „*бубонной чумѣ*“ (соединенной съ сильными опухолями желѣзъ) принадлежащія ко II вѣку по Р. Х. и отличающіяся даже болѣею опредѣленностью, чѣмъ свѣденія, сообщенныя, напримѣръ, Фукидадомъ. Эти свѣденія принадлежатъ александрийцу Руфу, жившему какъ сказано въ II в.

по Р. Х. Въ одной изъ цитатъ Руфа сказано: „Чумныя опухоли (бубоны)—принадлежать къ самымъ опаснымъ и скоротечнымъ болѣзнямъ, встрѣчаются преимущественно въ Ливіи (восточной части сѣвернаго берега Африки), а также въ Египтѣ и Сиріи.

Точныхъ отчетовъ смертности отъ чумы въ VI вѣкѣ, при Юстиніанѣ, конечно, не было и быть не могло, Габбонъ при опредѣленіи числа похищенныхъ чумою, основывается на гадательныхъ и приблизительныхъ цифрахъ Прокопія и Евагрія. Если бы эти цифры могли быть опредѣлены статистически точно, то онѣ могли быть меньше, но могли быть и больше. Последнее ни сколько не представляется удивительнымъ, если судить о числѣ жертвъ чумы, по сравненію съ XIV вѣкомъ.

Начиная съ XIV в. мы уже имѣемъ о чумѣ врачебныя отчеты. Особенно много эпидемиологическихъ мемуаровъ сохранилось о чумѣ XVI вѣка. Эти мемуары принадлежать лучшимъ врачамъ того времени, и изъ нихъ видно, что въ XVI вѣкѣ было лишь нѣсколько счастливыхъ годовъ, когда не обнаружилось извѣстій о появленіи эпидеміи чумы въ томъ или другомъ углу Европы. Въ слѣдующемъ XVII вѣкѣ стало замѣтно ослабѣваніе эпидеміи на европейской почвѣ, особенно это бросалось въ глаза начиная со второй половины столѣтія, такъ что, съ потуханіемъ эпидемій 1660—1661 въ Италіи, 1665 г. въ Англии, 1666—67 гг. въ западной Германіи, 1677 г. въ Нидерландахъ и, наконецъ, 1678—1681 гг. на Пиринейскомъ полуостровѣ—болѣзнь изъ этихъ странъ навсегда исчезла. Затѣмъ, въ XVIII вѣкѣ были въ Европѣ (не считая юговосточныхъ мѣстностей, граничащихъ съ Турціей) только двѣ большія чумныя эпидеміи: одна въ 1703—1713 годахъ, когда болѣзнь, пробравшись изъ Турціи въ Венгрію, Россію и Польшу, распространилась на часть Австріи, Богемію и восточную Германію, по направленію къ западу—почти до Эльбы, къ сѣверу—до береговъ Остзейскихъ земель; другая эпидемія посѣтила Провансъ въ 1720—1722 гг. Когда и эта эпидемія кончилась, Европа, наконецъ, вздохнула свободно и считала себя уже избавленною отъ большихъ взрывовъ чумы.

Чума, однако, не переставала существовать въ пограничныхъ съ Турціей странахъ: въ Далмаціи, Трансильваніи, Валахіи и южной Россіи. Слѣдуетъ припомнить, что значительныя эпидеміи въ сейчасъ исчисленныхъ земляхъ всегда вѣдѣли связь съ военными движеніями; напримѣръ: съ 1770 — 1772, съ 1812—1815 и съ 1828—1829 гг. Послѣдняя чумная эпидемія въ Европѣ была вѣдѣ Турціи, въ 1837 г. Въ XIX вѣкѣ, главнымъ центромъ, изъ котораго распространялась чума, была Турція и въ особенности Константинополь. Въ текущемъ столѣтіи эпидемія, съ большей или меньшей силою и на большемъ или меньшемъ пространствѣ, свирѣпствовала: въ 1800, 1803, 1808, 1812, 1814—15, 1828—29, 1834, 1836—37 и 1842. Но съ этого послѣдняго (1842) года чума совершенно исчезла изъ турецкихъ провинцій.

Но въ Африкѣ, по вычисленіямъ д-ра Гарша, чумныя эпидеміи свирѣпствовали гораздо чаще. Область господствованія чумы идетъ здѣсь (по Гаршу) полосою, простирающеюся вдоль сѣвернаго африканскаго берега, отъ Египта до Марокко, причемъ главнымъ *источкомъ* чумы все-таки является Египетъ,—что совершенно согласно съ предположеніями древнихъ историковъ Фукидида и Проконія,—которыя мы привела выше. Но при этомъ замѣчательно, что и въ Африкѣ чума никогда не доходила до Ассуана, никогда не была въ Нубіи и Абиссиніи. Какъ часто чума вообще вспыхиваетъ въ Египтѣ—видно уже изъ того факта, что въ промежутокъ времени 1800—1842 гг. въ Египтѣ было 15 чумныхъ годовъ. Въ послѣдній разъ чума посѣтила Египетъ въ 1843 г., и съ этого времени Египетъ былъ уже свободенъ отъ этой эпидеміи. Упомянутый сейчасъ 1843 г. составляетъ *финалъ* великаго чумнаго опустошенія, происходившаго въ трехъ частяхъ свѣта, въ теченіе почти 1,200 лѣтъ (т. е. съ VI вѣка по Р. Хр., со времени охватившей большую часть міра чумы при Юстиніанѣ и до 1843 г.). Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что чума окончательно исчезла; напротивъ, съ 1867 г. явилась, повидному, *новая* эра развитія и появленія чумы. Она появилась въ указанномъ году въ арабійскихъ караванахъ и названа нѣкоторыми медицинскими чиновниками «*tuphus loimoides*» (чумовидный тифъ);

но другая, и наиболѣе авторитетная, часть медиковъ признала эпидемію 1867 г. за настоящую чуму. Лишь только взрывъ этой эпидеміи затихъ, какъ, уже черезъ 4 года, въ 1870 г., на западной границѣ Курдистана, между озерами Урміей и Ваномъ, является новый взрывъ чумы. Взрывъ этотъ утихаетъ, но не больше, какъ черезъ годъ, въ 1873 г., является новый взрывъ точно въ той же мѣстности (Иракъ-Аравія) какъ и въ 1867 г. При этомъ чумный характеръ эпидеміи признавъ былъ уже всѣми посѣтившими Иракъ-Аравію медиками, отправленными изъ Багдада и Тегерана. Въ Иракъ-Аравіи, съ небольшимъ промежуткомъ, чума продолжалась до лѣта 1875 года.

Но уже въ болѣе близкое къ намъ время чумная эпидемія вспыхивала въ Багдадѣ и Рештѣ (въ Рештѣ была самая послѣдняя чумная эпидемія). Послѣдніе взрывы чумы были въ Месопотаміи, Аравіи и Персіи, поэтому нужно предположить, что чума въ эти страны не была занесена, а вызвана мѣстными причинами. Замѣчательно, что д-ръ Гиршъ, два года тому назадъ, такъ сказалъ *предсказалъ возможность вторженія чумы съ Европы*, и именно черезъ Арменію или Кавказъ, и предсказалъ онъ на томъ солидномъ основаніи, что мѣстности, въ которыхъ чума снова начала свивать себѣ гнѣзда, прорѣзываются большими дорогами, сухопутными и рѣчными, соединяющими Месопотамію и Персію съ Сирією и Турціей. Еще два года назадъ, д-ръ Гиршъ прозорливо утверждалъ, что какъ только чума прорвется на одну изъ торговыхъ дорогъ, ведущихъ вдоль Евфрата въ Сирію и вдоль Тигра въ Арменію и на Кавказъ — она пойдетъ шагать дальше къ западу, и тогда Малой Азіи и Европейской Турціи будетъ грозить серьезная опасность. Это, повидимому, дѣйствительно оправдывается на нашихъ глазахъ...

Выводъ изъ сказаннаго нами естественно тотъ, что какъ бы ни называть появившуюся въ Астраханской губерніи, въ концѣ минувшаго года эпидемію—чумою или просто тифомъ, но если болѣзнь заразительна и смертельна, то нужно придать значеніе предусмотрительнымъ расчетамъ д-ра Гирша и нынѣшнюю Астраханскую эпидемію неизбежно нужно будетъ привести въ связь съ послѣдними чумными эпидеміями, го-

сподствовавшими въ Рештѣ и Багдадѣ. Замѣтимъ, что, появляясь въ разныхъ странахъ, чума въ каждой изъ странъ имѣетъ свои симптомы, свой *отличный* характеръ. У насъ, въ Россіи, *Черная смерть*, опустошавшая страну въ XIV вѣкѣ, характеризовалась ознобомъ и жаромъ, какъ первыми признаками, — а также ломотою въ плечахъ и спинѣ, иногда кровохарканіемъ. Во Флоренціи же, въ тоже самое время, первоначальные симптомы чумы характеризовались *черными* или *багровыми* нарывами, величиною въ яйцо, въ пахахъ или подъ мышкой, и затѣмъ уже нарывы быстро распространялись по всему тѣлу, такъ что тѣло покрывалось ими, какъ сплошною корою. Хотя нарывы принадлежали къ симптомамъ и нашей «Черной смерти», но они не были симптомами «первоначальными». На Востокѣ же, въ древній періодъ, чума почти всегда начиналась кровотеченіемъ изъ носу. Замѣтимъ, что въ числѣ симптомовъ эпидеміи, еще повидному продолжающей существовать у насъ въ Астраханской губерніи, также замѣчено кровохарканіе, что отчасти напоминаетъ симптомы эпидеміи на Руси въ XIV вѣкѣ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

„ВѢСТНИКЪ РЕАЛЬНЫХЪ ЗНАНІЙ“

состоящій изъ двухъ отдѣловъ, выходящихъ въ концѣ каждаго мѣсяца книгами въ 8—10 листовъ съ полнѣтпажами и таблицами чертежей и рисунковъ по слѣдующей программѣ:

Программа 1-го отдѣла:

народная гигиена, народное хозяйство; народное образование; всѣ отрасли сельскаго хозяйства; технология химическая и механическая; ремесла; торговля; промыслы; монографіи животныхъ и растений по отношенію ихъ къ сельскому хозяйству и технологіи; товаровѣдѣніе. Критика и библиографія; новости, мелочи и рецепты по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства, ремеслъ, технологіи и пр.

Программа 2-го отдѣла:

путешествія; народовѣдѣніе; естествознаніе; гигиена; домоводство; охота; пчеловодство, птицеводство, шелководство; садоводство и огородничество. Новости по всѣмъ отраслямъ реальныхъ знаній; критика и библиографія по программѣ. Мелочи, рецепты по домоводству, пчеловодству, птицеводству, шелководству, садоводству и огородничеству.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

1-го отдѣла:

на годъ . . . . . 7 р.
на полгода . . . . . 4 „

съ пересылкою:

на годъ . . . . . 8 „
на полгода . . . . . 5 „

1-го и 2-го отдѣловъ вмѣстѣ:

на годъ . . . . . 13 р.
на полгода . . . . . 7 „

съ пересылкою:

на годъ . . . . . 14 р.
на полгода . . . . . 8 „

Отдѣльно на 3-й отдѣлъ подписка не принимается.

Гр. иногородныхъ просить адресовать подписку на журналъ единственно въ Редакцію „Вѣстника Реальныхъ Знаній“, въ Москву. Адресъ почтатму извѣстенъ. Только при подобномъ адресованіи тревованій редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

Въ Москвѣ подписка принимается въ редакціи, Покровка, близъ Гаврикова пер., на Череведеновской ул., домъ Алексѣевой.

Редакторъ-издатель Д. Кнѣпенскій.

МК-249365

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1879 ГОДЪ

„ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА“

БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ПО ПРЕЖНЕЙ ПРОГРАММЪ И ВЪ ТѢЖЕ СРОКИ.

Цѣна годовому изданію 6 руб. 50 коп., съ пересылкой и доставкой 8 руб.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ Редакціи журнала (Больш. Садовая домъ 121 кв. 12) и въ книжномъ магазинѣ Я. Исакова, Невскій просп. Гостинный дворъ № 24.

Гг. Иногородные благоволятъ адресоваться: въ Петербургъ въ редакцію журнала „Историческая Библиотека“ (Больш. Садовая домъ 121, кв. 12).

1. Редакція отвѣчаетъ за доставку журнала подписавшимся только въ мѣстахъ, означенныхъ въ объявленіи.

2. Редакція проситъ гг. подписчиковъ точно обозначать свое имя, отчество и фамилію, а также и то почтовое учрежденіе, куда долженъ быть журналъ адресованъ; иначе редакція не отвѣчаетъ за правильную доставку.

3. Подписчики, желающіе переимѣнить адресъ, благоволятъ своевременно увѣдомить о новомъ мѣстѣ жительства, съ обозначеніемъ прежняго, при чемъ за всякую переимѣну уплачивается 50 коп.

4. Желающіе доставить свои произведенія въ Редакцію должны обозначать свой адресъ и подробныя условія, безъ обозначенія послѣднихъ, редакція не будетъ считать себя обязанною входить съ авторомъ въ какіе-либо расчеты.

Редакторъ-издатель П. В. Полежаевъ.

0
рслав 379.55

ИСТОРИЧЕСКАЯ

КНИЖНОТОВАРСТВО

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ.

1879.

№ 3.—Мартъ.

С.ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Ф. СУЩИНСКАГО.

Еваторинскій каналъ, 168.

1879

СОДЕРЖАНІЕ № 3-го.

- 1 Очерки древне-римской жизни. Теодора Симона переводъ М. Лютена.
- 2 Новгородскій Погромъ. Историческая повѣсть гл. I—IX. В. Полицковскаго.
- 3 Удальцы Новгородскіе В. Амнеріуса.
- 4 Очеркъ исторіи Провансальской поэзіи любви Ф. Деларю.
- 5 Библиографическій указатель.
- 6 Матеріалы, замѣтки и новости.
- 7 Объявленія.

1945г.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ.

1879.

№ 3.—Мартъ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Ф. СУЩИНСКАГО.

Екатерининскій каналъ 168.

1879

PSlav 3:19.55 (1879, no. 3-4)

ОГЛАВЛЕНИЕ.

1. Очерки древне-римской жизни. Теодора Симона
переводъ М. Лютова. . . . . 1—38
2. Новгородскій погромъ. Историческая повѣсть гл. I—IX.
В. Шелтмановаго. . . . . 1—84
3. Удальцы новгородскіе. В. Аленаріуса . . . . . 29—36
4. Очеркъ исторіи Провансальской поэзіи любви. Ф. Деларю. 1—45
5. Библиографическій указатель. . . . . 1—14
6. Матеріалы, замѣтки и новости. . . . . 15—16
7. Объявленія.

Въ Редакціи имѣется небольшое количество экземпляровъ «Исторической Библіотеки» изданія 1878 года. Цѣна годовому изданію 6 руб. 50 к. съ пересылкою 8 рублей. Для подписчиковъ же 1879 года—7 руб. съ пересылкой, и 6 руб. безъ пересылки.

Доволно цензурою. С.-Петербургъ, 20 февраля 1879 г

О Ч Е Р К И ДРЕВНЕ-РИМСКОЙ ЖИЗНИ.

Быки Максенція.

312 г. по Р. X.

Motto: «In hoc signo vincis»!

Неизвѣстная.

Къ югу отъ вѣчнаго города, тамъ, гдѣ волны Тибра текутъ помутившимися, и городскія влоаки наносятъ въ его русло цѣлыя груды грязи—вмѣсто рыбъ, гдѣ одни лягушки, ужи и змѣи копошатся въ мутной, медленно ползущей вонючей жидкости,—тамъ каждоднѣвно изъ густыхъ прибрежныхъ камышей выходитъ какая-то мрачная, вся въ черномъ, старуха, тростникъ разступается передъ ней, мгновенно пробуждается въ немъ жизнь и движеніе.

Мошки и тонкія мухи, присмирѣвшія отъ жары, снова оживляются, міриадами поднимаются къ верху, и какъ-бы готовясь къ битвѣ, расправляютъ крылья, точатъ жала о гладкую поверхность камышевыхъ листочковъ, и все крылатое населеніе болота, среди гармоническаго жуужанья, начинаетъ кружиться хороводами надъ головой старухи.

Но вотъ старуха дѣлаетъ какой-то таинственный знакъ, и рои насѣкомыхъ, покорные ея волѣ, насыщенные ядомъ болотныхъ испареній, быстро раздѣляются на отдѣльныя кучки, несутся къ югу, къ сѣверу, къ

западу и цѣлыми облаками опускаются надъ моремъ до-
мовъ колоссальнаго города.

Подобно полководцу, который, размѣстивъ своихъ
воиновъ по заранѣ обдуманному плану, идетъ за ними
слѣдомъ ихъ руководительница, тѣнью слѣдовала таин-
ственная старуха за своимъ крылатымъ войскомъ че-
резъ городскіе ворота и мосты, по улицамъ и площадямъ.
Глаза у ней впалые съ тупымъ змѣинымъ выраженіемъ;
змѣи кольцомъ обвиваютъ ея блѣдный лобъ. Ея беззубыя
челюсти стучать, какъ-бы отъ сильнаго холода. Кожа
на увядшей костистой груди виситъ, какъ паутина.

Безъ образа, безъ формы, но все же изъ чего-то
сформированная и скорѣе паря въ воздухѣ, чѣмъ ступая
по землѣ, безъ звука движется она, какъ тѣнь, какъ
призракъ.

При ея приближеніи у птички отнимаются крылья,
блѣкнетъ стебелекъ травы, быстро обсыпается цвѣтокъ,
обданный ея ядовитой слюной, въ предсмертныхъ судо-
рогахъ искривляется червякъ у ней подъ ногами, и по-
всюду по пути, гдѣ идетъ грозная старуха, остаются по-
зади ея голодъ, нужда, страданія.

Безъ жалости, безъ состраданія—она не знаетъ ихъ,
потому что сердце у ней каменное, отнимаетъ она мужа
у жены, ребенка отъ груди матери, разъединяетъ дру-
зей, истребляетъ цѣлыя семейства и роды и съ одина-
ковымъ спойствиемъ умерщвляетъ своимъ ядовитымъ
дыханіемъ, какъ возленка и овцу, какъ какую нибудь
маленькую мышъ, такъ и гіену, и гордую львицу цирка.

«Чума» ей имя!

Ни коренья эскулаповъ, ни таинственныя средства
волшебницъ, законищъ, бѣлена, мухоморный настой, ни
яды и таинственныя заклинанья маговъ не могутъ про-
тивостать ей, ужасной, ибо легионъ у ней помощниковъ,
истребляющихъ по ея волѣ все живое.

Помимо своей воли, повинуюсь только ея велѣнію,
прилежно разноситъ маленькая муха семена злой бо-

лѣзни изъ улицы въ улицу, изъ дома въ домъ. Въ каждой стебелькѣ травы, въ цвѣткѣ и даже въ каждой водяной каплѣ лежитъ червячокъ и хранить въ себѣ зародышъ смерти, равно какъ и въ сладкомъ плодѣ виноградной лозы и на днѣ холоднаго ручья. Даже самый воздухъ, одинаково необходимый какъ для раба, такъ и для знатнаго господина, какъ для благородной матроны, такъ и для послѣдней гетеры, — есть ея преданный союзникъ. Трупы людей и животныхъ обозначаютъ ея путь. Перекрестки улицъ, мосты и мраморныя ступени амфитеатра служатъ для нея мѣстомъ стоянокъ, и подобно пламени, которое крутятся, и извиваясь языками, все болѣе расширяетъ свой кругъ, покрывъ полъ города мрачнымъ покровомъ бѣдствій, неудержимо восходитъ ужасная выше и выше и достигаетъ уже блестящихъ дворцовъ Авентина. Оттуда она сойдетъ внизъ на Палатинъ и форумъ, чтобы съ разсвѣтомъ, въ сопровожденіи своихъ мрачныхъ вогорть, возвратиться опять въ клоаки.

Кто думаетъ спастись отъ нея наверху, того настигнетъ она, навѣрное, внизу, въ долинѣ. Кто осмѣлится насмѣяться надъ ней, тотъ самъ себя добровольно обречетъ на гибель. Солому бѣдняка, какъ и пуховую перицу богача, равно отравляетъ она своимъ ядомъ; даже не побоялась она осквернить священныя зданія храмовъ, гдѣ, доведенный до отчаянія, римскій народъ тщетно молить разгнѣванныхъ боговъ о пощадѣ.

Нищета, голодъ и жажда — усердные слуги чудовища. Черезъ стѣны, валы и рвы Рима протягиваетъ оно костлявую руку своей вѣрной союзницѣ — фуриі войны, обружившей тройнымъ кольцомъ несчастный городъ. Длинными тягучими прядями отрѣзываютъ безжалостныя Парки нити жизни въ вѣчномъ городѣ.

Передъ его стѣнами стоитъ съ войскомъ Константинъ *), и его осадныя машины съ стѣнобитными ору-

*) Максенцій, сынъ Максимилиана, возведенный на императорскій тронъ преторіанцами, прославилъ себя дѣломъ рядомъ преступ-

дѣями неуслонно продолжаютъ дѣло разрушенія. Между тѣмъ на Авентинѣ цезарь Максенцій удерживаетъ еще власть дрожащими руками, запятнанными измѣной и преступленіями, покрытыми обильно пролизою кровью поданныхъ.

Измѣна.

Дерать, домашній префектъ императора Максенція, прячетъ въ футлярѣ свое камышевое перо и еще разъ перечитываетъ въ полголоса, только что оконченное имъ, греческое письмо, передъ тѣмъ какъ приложить въ свертку восковую печать:

«Дерать привѣтствуетъ могущественнаго Константина. Со времени моего послѣдняго письма къ тебѣ, положеніе дѣлъ въ Римѣ, благодаря моимъ стараніямъ, приняло неблагопріятный оборотъ для цезаря Максенція. Болѣзни, голодъ и нужда довели народъ до отчаянія: народъ волнуется. Храмы опустѣли, авгуры перебиты. А цезарь по прежнему утопаетъ въ роскоши и удовольствіяхъ. Войско ропщетъ. Голодные солдаты требуютъ жалованья, уже нѣсколько недѣль не получающаго. Воспользуйся благопріятной минутой. Скоро—я надѣюсь,—Римляне будутъ служить другому повелителю. Прощай».

леній и жестокостей. Встревоженный Максимлианъ, опасаясь за свою жизнь, бѣжалъ въ лагерь соправителя Константина, своего зятя, котораго въ 306 г. во время похода въ Британію войско провозгласило Августомъ. Максимлианъ былъ убитъ. Выведенные изъ террѣнія жестокостями Максенція, римляне призвали противъ него Константина, который не замедлилъ подступить съ своимъ войскомъ къ Риму. Бездѣятельность Максенція облегчила Константину дѣло. По требованію войска, Максенцій выступилъ къ нему на встрѣчу, но у Саха Вабга проигралъ битву и, спасаясь отъ побѣдителя, погибъ въ волнахъ Тибра.

Описанное въ нашемъ рассказѣ происходило въ ночь передъ этою катастрофою.

Вотъ что писалъ измѣнникъ. Запечатавъ письмо и передавъ его вѣрному рабу, онъ осторожно вышелъ изъ комнатъ. По дворцу прозвучалъ рѣзкій звукъ удара о серебряное блюдо: это Цезарь зоветъ своего префекта. Согнувшись всѣмъ тѣломъ и съ выраженіемъ рабской поворности на лицѣ, спѣшить Дерать въ атриумъ своего повелителя, который отъ страшной боли ворочался изъ стороны въ сторону на своихъ шелковыхъ подушкахъ.

— Придумай для меня, Дерать, какое нибудь новое развлеченіе, игру, зрѣлище до сихъ поръ еще никѣмъ невиданныя. Я не могу больше слышать звуковъ флейты, мнѣ опротивила игра въ кости, отъ запаха жареннаго мяса происходитъ у меня тошнота, танцами и пѣніемъ вакханокъ я пресытился. Придумай-же еще что нибудь, или... клянусь Юпитеромъ—я сейчасъ прикажу защекотать тебя перьями цапли до бѣшенства.

По знаку домоправителя смолкаетъ звукъ трубъ и флейтъ въ галлереяхъ. Отъ гнѣвныхъ взоровъ Максенція робко прячутся ручные леопарды, лизавшіе ему передъ тѣмъ руки и, тихо скользя по коврамъ, поспѣшно удаляется толпа прекрасныхъ полуодѣтыхъ вакханокъ, танцовавшихъ передъ цезаремъ...

— Не нужно больше сладкихъ напитковъ, раздражительно говорить онъ мальчишкамъ-невольникамъ, и золотыя чаши съ медомъ и виномъ быстро уносятся прочь.

Префектъ находится въ сильномъ смущеніи, его остроуміе и изобрѣтательность истощились.

Насколько прежде легко было развлечь Цезаря, настолько трудно это теперь, когда невоздержность и пресыщеніе окончательно испортили его организмъ. Удовольствія охоты и соколиной ловли забыты. Безъ дѣла стоятъ педики, вапсаны, которыми искусный охотникъ ловилъ лисицъ и шакаловъ, равно какъ и дентаты, куда прежде не мало попадалось неосторожныхъ сернъ и оленей. Въ темномъ углу лежатъ безъ употребленія *уепашула*, *могае* и *плагае*, въ силахъ которыхъ гибли прежде

барсуки и рыси. Никто не дотрогивается до бассовъ съ эпидромами, ловившихъ живьемъ свою добычу *).

Пресыщенный пирами Цезарь требуетъ новыхъ развлеченій: охота, вино, женщины потеряли уже въ его глазахъ всякую цѣну. Даже жестоги казни не волнуютъ больше его притупленныхъ чувствъ.

Дерать вздыхаетъ, ломаетъ голову, напрягая свои мысли.

Вдругъ новая мысль осѣняетъ его, онъ бѣжитъ изъ залы внизъ, въ кухню, и здѣсь вынимаетъ изъ стоявшей въ темномъ углу корзинки двухъ маленькихъ родосскихъ пѣтушковъ, которые были незадолго передъ тѣмъ куплены на рынкѣ и пощажены поваромъ только по ихъ худобѣ.

Онъ тащитъ за крылья красивыхъ птицъ, обрываетъ имъ гребни и брызжи, натираетъ грудь и шею краснымъ перцемъ, заостраетъ шпоры и вливаетъ по нѣскольку капель вина въ ихъ открытыя глотки. Затѣмъ спѣшитъ съ ними къ своему повелителю.

У ногъ Максенція ставитъ онъ обоихъ пѣтушковъ, назвавъ одного «Fas», другого «Nefas», и разглаживаетъ рукою имъ крылья **).

— Посмотри, великій Цезарь, что осмѣлился сегодня

*) Римскія принадлежности охоты были слѣдующія: *Corula*—свора для собакъ, *lorum*—привязь для нихъ. *Corula* и *lorum* дѣлались всегда очень длинными. *Millus*—ошейникъ съ иглами (*clavis ferreis*), предназначившійся для защиты собакъ отъ зубовъ дикихъ звѣрей (по стѣпному рисунку въ Геркуланумѣ). *Pedica*—сѣть для ловли оленей съ деревянной колотушкой, которая была животное по ногамъ во время его бѣгства. Описание этого снаряда оставилъ намъ Ксенофонтъ. *Venabulum*—рогатина для охоты на вепря. *Pedum*—кривая палка, съ помощью которой были зайцевъ. *Plaga, cassis, rete*, послѣдняя употреблялась также для рыбной ловли. *Epidromus*—снурокъ для притягиванія сѣти, когда звѣрь уже попался. *Morae*—рогатины съ рукоятками—для кабаньей охоты.

***) *Avium lanistae* назывались люди, которые приучали птицъ къ бою. Пѣтушки и перепелиные бои были любимымъ развлеченіемъ древнихъ.

твой рабъ представить тебѣ. Корабль сегодня только привезъ этихъ рѣдкихъ птицъ въ подарокъ тебѣ отъ персидскаго царя Сафира: эти два пѣтушка посвящены богу Марсу и, подобно истымъ воинамъ, вступивъ въ поединокъ, они тогда только прекращаютъ бой, когда смерть поразитъ одного изъ нихъ. Никогда еще глаза римлянина не видали такихъ благородныхъ птицъ—такъ говорилъ Дерать, съ насмѣшливой и льстивой улыбкой глядя на своего повелителя.

Максенцій въ изумленіи смотритъ то на своего домоправителя, то на обоихъ пѣтушковъ, которые съ наклоненными головами стоятъ, какъ прикованные, другъ противъ друга.

Дерать щекочетъ слегка остриемъ своего меча одного изъ бойцовъ, и тотъ, испустивъ короткій крикъ, устремляется на противника. Слышатся только всхлопыванья крыльевъ, перья и пухъ летать во всѣ стороны; то и дѣло напрыгивающіе другъ на друга бойцы, цѣпляющіеся другъ въ дружку шпорами и носами, представляютъ дѣйствительно довольно интересное зрѣлище.

Все оживленнѣе становится поединокъ, все окровавленнѣе мѣсто боя. «Fas» уже лишился половины своихъ перьевъ, лѣвый глазъ у «Nefas'a» виситъ изъ глазной впадины на одномъ тоненькомъ мускулѣ. Вдругъ... извнѣ съ площади, находящейся передъ дворцомъ, раздается гулъ, напоминающій шумъ и ревъ бури. Вслѣдъ за тѣмъ два невольника быстро вбѣгаютъ въ покой императора, и, указывая руками по направленію къ площади, кричатъ:

— Цезарь! весь городъ въ волненіи! бунтъ! Народъ приближается ко дворцу. Улицы наполнены яростными толпами, громко называющими твое имя. «Хлѣба и пищи» требуютъ они. Они хотятъ ворваться во дворець!

Едва ушли эти, какъ за ними вбѣжали другіе, блѣдные и дрожащіе:

— Максенцій! кричали они. Непріатель въ виду города. Съ валовъ видны передовые отряды Константина,

а наши легионы отказываются повиноваться. Спасайся и спасай насъ!

Максенцій въ ужасѣ приподнимается съ ложа и, качаясь, хватается руками за своего префекта:

— Дерать! заклинаю тебя всѣми богами, спѣши, пока они не рѣшились на чтонибудь отчаянное, спѣши внизъ, раздавай золото, обѣщай имъ вина и хлѣба, вели открыть храмы и приносить жертвы. Устрой торжественное богослуженіе и зрѣлища. Только сегодняшній день оставь меня въ покоѣ. Завтра кончаются ноны настоящаго мѣсяца, и Константинъ, какъ предсказывали авгуры, узнаетъ, что такое мщеніе разгнѣванныхъ боговъ, онъ долженъ будетъ уйти изъ—подъ стѣнъ нашего города, и мы всѣ будемъ спасены.

Два невольника отводятъ Максенція подъ руки въ вѣрѣпную дворцовую башню, а Дерать, потирая себѣ отъ удовольствія руки, идетъ внизъ на площадь.

Все сильнѣе и сильнѣе шумятъ народныя волны.

Предводимая свирѣпнымъ пастухомъ Поркомъ и бѣжавшимъ съ галеръ рабомъ Ремексомъ, толпа съ воемъ и ревомъ устремляется ко дворцу. «Хлѣба, хлѣба!» слышится раздражающій душу крикъ *).

Ремни, кожа и солома, уже нѣсколько дней служившіе единственной пищей, не въ состояніи больше поддерживать голодающій народъ. Напрасно глаза несчастныхъ стараются увидеть остовы павшихъ животныхъ, ихъ давно растащили собаки, и напрасно трудятся они, отыскивая червей въ землѣ... Ни въ землѣ, ни въ воздухѣ не осталось ничего, что могло бы спасти отъ голодной смерти...

Большія ворота дворца наконецъ уступаютъ напору толпы, и она врывается. Конная императорская стража устремляется на нее, старается раздѣлить на отдѣльныя кучки и разогнать.

---

*) Въ то время „Roma magna famens fuit“ (въ Римѣ былъ большой голодъ) пишетъ Ламбецій.

Великанъ Поркъ, скрежеща зубами, выдерживаетъ напоръ всадниковъ и опрокидываетъ, схватившись руками лошадь ближайшаго изъ нихъ. Его примѣръ сейчасъ-же нашель подражателей, и скоро три другихъ лошади, подъ ударами дубинъ, повалились на мостовую вмѣстѣ со своими всадниками.

— Цезарь Максенцій устраиваетъ вамъ здѣсь угощеніе, кричитъ Поркъ, указывая со смѣхомъ на валяющихся лошадей. — На костеръ ихъ!

— На костеръ! повторяетъ за нимъ хоромъ толпа, женщины и дѣти хватаютъ лошадей за хвосты и тащатъ на средину площади; сюда наносятъ дровъ и другого горючаго матеріала, и скоро яркое пламя запылало подъ трупами животныхъ.

Запахъ жженныхъ волосъ, кожи и пары отъ кипящей крови наполнили воздухъ, трещить на огнѣ жиръ, обугливаются кости. Женщины, подобно фуриямъ, танцуютъ вокругъ костра, рвутъ крючьями и просто руками грубые полусырые куски мяса и жадно суютъ въ ротъ. Дѣти за-одно съ собаками теребятъ внутренности, волоча ихъ длинными тягучими кусками по мостовой; изъ-за ляшекъ и костей, изъ-за печени и легкаго идетъ драка; но скоро пирующие начинаютъ облизывать себѣ окровавленные пальцы и даже камни мостовой, такъ какъ больше уже ничего не осталось.

Четыре лошади! Сущіе пустыки для такого множества голодныхъ людей. Ненасыщенная, но скорѣе только раздраженная, яростная толпа устремляется въ Тибру, завладѣть тамъ судами съ хлѣбомъ и мукой, которыя Цезарь Максенцій ложно обѣщалъ толпѣ, желая отвлечь ея вниманіе отъ дворца.

Впереди всѣхъ идетъ великанъ Поркъ, неся на остриі копыя голову одной изъ лошадей. За нимъ гіены, волки и шакалы въ человѣческомъ образѣ: женщины, съ воплемъ и стономъ волоча по мостовой трупы своихъ дѣтей, за ними — завывающія стаи собакъ; затѣмъ, повозки съ за-

чумленными... По истинѣ камни могли содрогнуться при видѣ этой процессіи.

Они идутъ черезъ велабрумъ, присоединяя по дорогѣ все новыя и новыя толпы страдальцевъ, и вотъ они на берегахъ Тибра. Но рѣка пустынна по прежнему, ни кораблей, ни судовщиковъ не видно, только всплывшіе трупы людей и животныхъ медленно движутся по волнамъ, проплывая подъ сводами моста. Обманутые снова, несчастные испускаютъ страшный, потрясающій душу, вопль отчаянія, промешійся перекатнымъ эхомъ по городу. Съ проклятіями и ругательствами, собравъ послѣдній остатокъ угасающихъ силъ, народъ бросается въ купеческій кварталъ—грабить лавки.

Уже нѣсколько недѣль, какъ заволоженные магазины осаждаются толпами этихъ живыхъ мертвецовъ со впалыми и потускнѣвшими глазами. Двери уступаютъ наконечъ ихъ напору, и весь товаръ летитъ изъ лавокъ на мостовую. Все переломано, перебито, обысканы всѣ уголки, но ни крошки хлѣба, ни куска съѣстнаго не найдено и здѣсь! Разбитая посуда и различная утварь валяются на мостовой, течетъ масло изъ расколотыхъ амфоръ... Домашняя мебель, кожаненные товары, изображенія боговъ, бронза, шелкъ, солома и ковры валяются въ общей грудѣ на землѣ. Но «хлѣба!» слышится вриѣ, и въ чему послужила бы голодающимъ эта дорогая утварь и пестрая матерія?

— Къ ремесленникамъ! кричить громкимъ голосомъ Ремексъ, и въ сосѣднюю улицу устремляются всѣ, кого голодная смерть еще не приговала къ мѣсту.

Быки.

Мрачная ночь смѣнила этотъ полный ужасовъ день. Густыя, черныя облака заволокли луну и скрыли отъ взоровъ римлянъ движенія Константина, который съ своими всадниками все ближе и ближе подступалъ къ городу.

Голодь и отчаяніе достигли въ столицѣ своей высшей степени.

Желѣзныя ворота его новаго цирка *) открыты настежь. Тысячи лампъ свѣтятъ съ корнизовъ и сводовъ галлерей. Искрящіеся смоляные факелы висятъ по стѣнамъ и въ нишахъ, прикрѣпленные желѣзными врючьями и цѣпами, и посылаютъ широкія полосы свѣта.

На Апіевой дорогѣ горятъ костры; они должны указывать народу путь въ цирку, гдѣ сегодняшнюю ночь, при свѣтѣ многочисленныхъ факеловъ, римляне должны забыть о своей нуждѣ и страданіяхъ. Максенцій не можетъ спать, и Римъ долженъ бодрствовать вмѣстѣ съ нимъ.

Его знаменитые быки **) будутъ сегодня биться; такъ это-же въ состояніи отказаться отъ такого зрѣлища? Любопытство и неотразимая притягательная сила арены оживляютъ снова готовую угаснуть жизнь въ Римѣ. Зачумленный больной, покрытый нарывами и язвами, поднимается черезъ силу съ своей постели, снимаетъ съ корниза глиняную лампу и плетется на Апіеву дорогу, падаетъ отъ боли и истощенія, встаетъ опять и тащится дальше, едва передвигая ноги. Куда везутъ въ повозкѣ дѣти того дряхлаго старика? Куда стремятся эти блѣднотлицыя дѣвушки, глаза которыхъ блестятъ сегодня, можетъ быть, послѣдними искорками жизни? Эти мужчины, со впалыми и покраснѣвшими отъ лихорадочнаго жара щеками? Куда — эти поденщики, давно лишенные своего заработка, нищіе и воры, и тѣ знатныя дамы въ носилкахъ, тѣ юноши на коняхъ и въ колесницахъ? Всѣ въ циркѣ Максенція на зрѣлище. У нихъ нѣтъ теперь дру-

---

*) Циркъ Максенція находился влѣво отъ Апіевой дороги, какъ разъ противъ церкви Св. Себастьяна. Это былъ одинъ изъ самыхъ большихъ въ Римѣ.

**) Бов быковъ были въ Римѣ однимъ изъ самыхъ любимыхъ зрѣлищъ и существовали еще во время Гордіана. Изъ Рима они перешли въ Испанію, гдѣ, какъ извѣстно, они существуютъ и теперь.

гихъ желаній, нѣтъ другихъ цѣлей! Вѣдь въ циркѣ легче живется, легче тамъ и умирать. Голодъ, страданія, чума и всѣ бѣдствія забыты въ эту минуту; вражда отсрочена до другого времени; споры и распри, казалось, исчезли навсегда. Всѣ стремятся туда, къ этимъ любезнымъ мраморнымъ скамейкамъ, къ этому колоссальному каменному здавію, многочисленныя огни котораго окрашиваютъ горизонтъ въ яркій багровый цвѣтъ.

Входите! Чего вы медлите? Вѣдь Цезарь Максенцій отдалъ приказъ своему домоправителю, чтобы ни одинъ гражданинъ, ни одинъ гость не вышелъ отсюда недовольнымъ. Но прежде оглянитесь назадъ. Видите-ли это множество лампъ, которыя, подобно блуждающимъ огонькамъ, мелькаютъ на дорогѣ? Видите-ли эти фавелы, которые то тутъ, то тамъ, бросаютъ на дома багрово-красныя полосы? Слышали-ли звуки трубъ и этотъ глухой крикъ? Это Максенцій приближается въ своихъ носилкахъ среди толпы слугъ и рабовъ, въ блестящихъ одеждахъ. За нимъ слѣдуютъ скрипящія колесницы его женъ и наложницъ, одѣтые въ золотыя ткани будрявыя мальчишки съ курильницами въ рукахъ и конная стража на бѣлыхъ лошадяхъ, въ шлемахъ и полномъ вооруженіи.

Толпа тѣснится. Большая лѣстница амфитеатра стонетъ подъ тяжестью шаговъ. Пищать женщины и дѣти, баять въ тактъ имъ мужчины. Вомиторіи *) окончательно запружены народомъ, и только силой можно пробраться впередъ.

Какъ тамъ все блеститъ и искрится! Какъ отражаются лучи свѣта на ослѣпительно-бѣломъ мраморѣ! Темныя массы тутъ и тамъ, длинныя ряды головъ и фигуръ, напоминающихъ призраки...

Наконецъ, раздается сигналъ. Свѣжіе смоляныя фавелы выбрасываютъ цѣлыя снопы свѣта и освѣщаютъ исполнскихъ слоновъ, которые съ башнями на спинѣ

---

*) Vomitoria—проходы въ театрѣ, которые вели къ мѣстамъ простаго народа.

обходить тяжелыми шагами арену. Пущенныя стрѣлками, сидящими въ этихъ башняхъ, стрѣлы свистятъ въ воздухѣ, направленныя въ стаю быстрыхъ длинноногихъ страусовъ, вращающихся съ вытянутыми шеями вокругъ мраморной группы Нептуна. Въ быстромъ бѣгѣ хотятъ они спастись отъ своихъ враговъ и ихъ стрѣлъ. Но оперенныя стрѣлы настигаютъ ихъ, вонзаясь въ грудь и крылья. Избѣжавшіе смертельнаго удара, погибаютъ на обратномъ пути отъ петель, которыя искусная рука ловчаго успѣваетъ по три и по четыре раза обвить вокругъ ихъ шей.

Максенцій, закрывъ руками лицо, боязливо прислушивается къ шуму извнѣ и нетерпѣливо ждетъ посла, который долженъ принести ему извѣстія о неприятелѣ; затѣмъ машинально опускаетъ взоръ внизъ, на арену.

Слоны, страусы и стрѣлки удалились, маленькая предварительная забава окончилась. Милліоны свѣтящихся пылинокъ носятся въ воздухѣ... Среди громкихъ рукоплесканій цѣлымъ стадомъ появляются быки цезаря, останавливаются на минуту, ослѣпленные яркимъ блескомъ огней и, опустивъ головы, идутъ дальше.

Впереди маленькіе гальской породы, бурные съ крѣпкими короткими рогами и согнутой шеей; за ними кипрскіе съ огромными рогами и могучимъ хребтомъ, дальше черные четырехногіе титаны Испаніи, Норійскіе буйволы и дикіе бизоны лѣсовъ Германіи. Народъ знаетъ ихъ всѣхъ по именамъ, и отовсюду слышатся имъ пріветственные крики:

— Пріветствуемъ васъ, Гигесъ, Птоль, Атласъ и Кей! Да здравствуетъ храбрый Япетъ и ты, мужественный Фавтонъ! Посмотрите на могучаго Гиперіона, Офіона и Окибра! Желаемъ успѣха вамъ, благородные Крей, Океанъ и Эгеонъ! Густымъ ревомъ отвѣчаютъ животныя на эти пріветствія, и принимаются за свой свѣжій кормъ, выпуская изо рта длинныя цѣпки нити слюны. Медленно, какъ будто бы пришли на пастбище, а не для вроваваго боя отходить они попарно вкругъ арены.

При первомъ звукѣ трубъ они боязливо приподнимаютъ головы, раздуваютъ ноздри, поворачиваютъ глазами; начатый однимъ ревъ подхватывается всѣми и тысячекратнымъ эхомъ раздается по амфитеатру, заглушая на минуту шумъ толпы.

Максенцій, пробужденный внезапно отъ своего бо-
лѣзненнаго сна, тревожно поворачиваетъ голову изъ стороны въ сторону, судорожно сжимаетъ пальцы и щиплетъ края своей пурпуровой мантии.

— Дерать, обращается онъ къ своему префекту, мнѣ слышется глухой шумъ и какъ будто раскаты грома съ запада. Что это? Гдѣ Кальваръ, мой посланный?

— Успокойся, мой повелитель, Римъ спитъ, но бодрствовать твоя вѣрная стража.

— Дерать, говоритъ опять Максенцій, весь дрожа въ лихорадочномъ ознобѣ, посмотри: вонъ, въ воздухѣ кружатся коршуны, они гонятся за моими голубями! Подойди ближе, Дерать. Не оставляй меня. Въ лихорадочномъ бреду схватываетъ несчастный Цезарь руку своего измѣнника-префекта.

Громкій ревъ снова огласилъ арену: на нее со всѣхъ сторонъ летать пылающіе смоляные вѣнки. Сначала испуганные этимъ огненнымъ дождемъ, котораго напрасно стараются избѣжать, потомъ приведенные въ ярость животныя съ поднятыми хвостами быстро кружатся по аренѣ. Взбитый песокъ затемняетъ свѣтъ лампы, затрудняетъ дыханіе.

На легкихъ коняхъ, какъ будто не касаясь земли, въѣзжаютъ черезъ южныя ворота, перерѣзывая другъ другу дорогу, тавроценты и тауралии, вооруженные луками и стрѣлами, за ними венаторы, въ парфянскомъ вооруженіи и метатели копій мавры. Лошади, подстрекаемые острыми шпорами и яркими удилами всадниковъ, смѣло устремляются противъ бѣгущихъ вокругъ арены буйволовъ, андалузскихъ и германскихъ быковъ. Тѣ, раздраженные красными платками сукурзоровъ и градомъ маленькихъ острыхъ стрѣлъ, доведенные до яр-

сти, наконецъ останавливаются передъ своими преслѣдователями. Сильны и страшны удары ихъ роговъ, но опасны и искусны удары противниковъ, быстры и легки ихъ кони. Зрители едва успѣваютъ слѣдить за этимъ колоссальнымъ побоищемъ. То привлекаетъ вниманіе радостный крикъ здѣсь, то жалобный стонъ и вой въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь падаетъ лошадь вмѣстѣ съ своимъ всадникомъ, тамъ валится быкъ, но они встаютъ снова, и снова начинается кровавая схватка на жизнь и на смерть.

Максенцій смотритъ неподвижнымъ взоромъ изъ своей ложи внизъ на арену. Напрасно старается онъ совладать съ собой и разогнать тревожныя мысли.

— Развѣ это не звуки роговъ съ Янивула? Максенцій напрягаетъ изо всѣхъ силъ свой слухъ, хочетъ подняться, но въ безсиліи упадаетъ снова на свои подушки.

— Дерать, кричитъ онъ, приготовь лошадей и собакъ. Мы поѣдемъ на охоту, воздухъ цирка причиняетъ мнѣ головокруженіе, крики и ревъ возбуждаютъ нервы. Дерать, прислушайся: что это за вой, доносящійся сюда съ вѣтромъ изъ города?

— Не тревожься, государь. Въ Римѣ все спокойно. Это часовые перекликаются съ валовъ, отвѣчаетъ подкупленный слуга, и обманутый повелитель снова погружается въ забытiе.

Ужасный видъ имѣетъ побоище. Почти ни одно животное не осталось не поврежденнымъ. Потъ, смѣшанный съ кровью, течетъ съ гладкихъ спинъ. Стрѣлы и переломленные копыта, глубоко торчатъ въ ранахъ.

Вонь поднимается на дыбы конь храбраго Парфа, и мечъ всадника вонзается въ шею Норійскаго быка. Шатаясь падаетъ прекрасное животное, и горячая кровь ручьями льется изъ его рта и поздравей.

Преслѣдуемый и настигнутый сѣвернымъ бизономъ, сукеурзоръ вдругъ дѣлаетъ быстрый оборотъ, сгибаетъ свой вооруженный свинцомъ кулакъ, размахивается, и отъ сильнаго удара по лбу животное падаетъ безъ звука.

Бѣлый андалузскій быкъ, задыхаясь отъ жары и пыли, подходит къ водоему Нептуна. Погрузивъ ноздри свои въ воду, съ наслажденіемъ глотаетъ онъ прохладную влагу и не замѣчаетъ, какъ коварный врагъ, подстерегая, спрятался сзади за мраморнымъ подножемъ. Сильной рукой натягиваетъ мавръ свой лукъ, прицѣливается; стрѣла шипитъ въ воздухъ, какъ змѣя, и вонзается въ глазъ неосторожнаго звѣря. Раненый быкъ, доведенный болемъ до бѣшенства, бросается то вправо, то влево и, испуская ревъ, бьетъ хвостомъ по воздуху. Потомъ вдругъ останавливается: мраморнаго коня Нептуна онъ принялъ за своего коварнаго врага и бьетъ въ него съ такою силой, что крѣпкіе рога его трещать; но мраморный конь остается по прежнему неподвижнымъ и по прежнему льются струи воды изъ его рта и ноздрей; быкъ еще больше разъяряется и снова устремляется на него. Какъ пихта въ лѣсу, подрубленная, острымъ топоромъ, трещитъ при паденіи, такъ трещать его черепъ и рога, при ударѣ о твердый мраморъ. Изъ расколотой чашки черепа течетъ бѣлый мозгъ, животное падаетъ мертвымъ.

Къ черному бизону, который поднялъ на рога и бросилъ въ сторону своего противника, подѣзжаетъ суккурзоръ и ослѣпляетъ его, набросивъ платокъ на глаза, помогая такимъ образомъ таурарію опять встать на ноги и избѣжать мести раненаго звѣря.

Какой хаосъ теперь на аренѣ изъ животныхъ и людей, среди облаковъ пыли! Здѣсь издыхающія лошади, съ проколотымъ брюхомъ, среди оружія, платковъ, сѣделъ и изорванныхъ поясовъ, тамъ у бруствера тяжело раненые, умирающіе бойцы, судорожно сжимающіе въ слабыхъ рукахъ окровавленное оружіе. Внутренности, подобно исполинскимъ червямъ, сломанные рога, доспѣхи, мечи, копыя, шлемы безобразными кучами покрываютъ взбитый песокъ.

Утомленные боемъ, ослабѣвшіе отъ жары, потери крови и боли, причиняемой ранами, люди и животныя,

казалось, начали шадить другъ друга; кровожадная толпа уже обнаруживаетъ признаки нетерпѣнія.

Снова огненный дождь горящей смолы падаетъ на замученныхъ до смерти животныхъ, и они должны бороться теперь на жизнь и на смерть ужъ не съ людьми, а съ огнемъ. Убѣгая отъ пламени, которое со всѣхъ сторонъ взвивается въ воздухъ, животныя бьютъ рогами въ брустверь арены, чтобъ найти себѣ выходъ, но твердый камень не уступаетъ, и многіе разбиваютъ себѣ черепа въ отчаянномъ упорствѣ. Вдругъ заскрипѣли, отворяясь, входныя ворота, и всадники въ шлемахъ и доспѣхахъ, истомленные, покрытые кровью, възвѣшаютъ на арену, преслѣдуемые шумною толпой народа.

Сначала изумленіе, потомъ ужасъ охватываетъ всѣхъ зрителей: это не бойцы цирка, нѣтъ, всемогущіе боги!— это вѣрная стража императора Максенція, преслѣдуемая взбунтовавшейся чернью и ищущая спасенія и защиты у своего повелителя. Возстаніе охватило весь городъ; все истребляя на пути, производя поджоги и убійства, толпы мятежниковъ движутся по улицамъ. Ночное небо ярко освѣщено отблескомъ безчисленныхъ пожаровъ.

— Долой Максенція, долой злодѣя! реветъ толпа, отыскивая въ циркѣ своего императора.

Тщетно старается конная стража изъ преданныхъ варваровъ заслонить собою входныя ворота на арену и удержать съ каждой минутой возрастающую, бѣшеную толпу, которая, вооружившись награбленнымъ оружіемъ, тѣсняемая сзади, неудержимо рвется впередъ, прокладывая мечами дорогу. Въ узкомъ проходѣ начинается кровопролитная схватка, такъ какъ никто не хочетъ уступить!

Подъ сильными ударами дубинъ падаютъ лошади и всадники, подъ ударами копій валятся нападающіе. Трупы горами громовдятся въ воротахъ. Истомленная и на половину перебитая, стража начинаетъ колебаться.

Вдругъ раздается ревъ, отъ котораго кровь можетъ застыть въ жилахъ. Предводимое огромнымъ разъяреннымъ быкомъ, все стадо, перераненныхъ и не охраняемыхъ

теперь людьми животныхъ, тщетно старавшееся до сихъ поръ спастись отъ огня, вырывается наружу и, магнувъ впередъ рога, сокрушая и разбрасывая все, въ дикомъ хаосѣ на пути, — и людей, и лошадей, гоня передъ собой народъ, бѣшеные четвероногіе заворачиваютъ на Аппіеву дорогу; слѣдомъ за ними бѣгутъ зрители, перепрыгивая черезъ брустверы и ступени, спѣша вырваться наружу... ужасно это общее замѣшательство! Черезъ тѣла еще живыхъ людей и валяющихся въ крови животныхыхъ, между разнузданныхъ лошадей, и неудержимо стремящихся впередъ быковъ, черезъ потоки горячей смолы, идетъ эта дикая погоня, которую никакая сила не могла бы удержать!

Скоро циркъ былъ повинуть живыми, только убитые, обгорѣлые, больные и тяжело раненые, остались на взбитомъ пескѣ арены. Густая облака пыли и дыму, извиваясь по стѣнамъ, клубятся въ опустѣвшемъ циркѣ, слабо освѣщенные пламенемъ опрокинутыхъ смоляныхъ корзинокъ.

Постепенно гаснутъ лампы на своихъ цѣпяхъ, тухнутъ смоляные факелы въ нишахъ, замирая въ собственномъ чаду.

Въ мраморные бассейны падаютъ послѣднія капли изъ изсякшихъ фонтановъ, и Нептунъ, одинъ съ своей колесницей, господствуетъ надъ покрытыми пылью и кровью волнами.

На брустверѣ большого водоема виситъ, на половину погруженная въ воду, обшитая золотомъ, пурпуровая мантия Максенція, которую онъ уронилъ здѣсь, спасаясь отъ бунтовщиновъ. Бренные остатки погибшаго величія!

Она служитъ теперь ложемъ не поворотливому крокодилу, который, вытянувшись, спитъ въ ея складкахъ.

Помпейскія ночи.

79 г. по Р. X.

Юба.

— Простая, дрянная работа! ворчить себѣ подъ носъ Скаврѣ, членъ магистрата города Помпеи, презрительно поправляя шелковыя подушки своего ложа, на которыхъ онъ возлежалъ за обильно установленнымъ столомъ эдила, слѣдя блестящимъ взоромъ за единоборствомъ двухъ гладіаторовъ, нарочно выписанныхъ для потѣхи пирующихъ изъ знаменитой фехтовальной школы въ Путоли и терзающихъ теперь другъ другу тѣло своими тупыми мечами.

— Жалкіе бездѣльники, не знающіе ни приемовъ, ни умѣнія переносить боль! такую дрянь можно найти только у насъ,—ворчалъ онъ, кладя въ ротъ кончиками пальцевъ своей благородной руки два сваренныхъ въ винѣ пѣтушинныхъ гребешка, взятыхъ со стоящей передъ нимъ серебряной тарелки.

Въ честь дня рожденія императора ¹⁾, эдилъ Поввинъ Прокль пригласилъ своихъ друзей на обѣдъ въ парад-

¹⁾ До времени Триумvirата не было обычая праздновать всенародно дни рожденія высокопоставленныхъ лицъ. Но изъ преувеличенной лести въ 43 г. до Р. X., слѣдовательно, два года спустя послѣ смерти Юлія Цезаря было предписано всемъ и каждому праздновать день рожденія этого великаго человѣка, громко свидѣтельствуя свою радость и украшая себя лаврами. Тяжелый штрафъ угрожалъ тѣмъ, кто пренебрегалъ этимъ предписаніемъ; народу раздавались тогда такъ называемыя *spartulae*. День рожденія Тита былъ двѣмъ овацій въ честь этого любимца народа, и даже въ провинціи считался праздникомъ, въ который прекращались всякія дѣла и всякая работа.

ныхъ покояхъ своей роскошной виллы ¹⁾ у Нолланскихъ воротъ Помпей: такой чести, безъ сомнѣнія, удостоены бла-

¹⁾ Древнiе чрезвычайно любили деревенскую жизнь, и считалось признакомъ хорошаго тона имѣть вблизи города дачу, гдѣ бы можно было отдохнуть отъ дѣлъ, не предпринимая дальняго путешествiя.

Эти дачи назывались *Suburbana* или *Prædiola urbana*. Если къ дачѣ принадлежало полное хозяйство, то она называлась тогда виллой; современное представленiе о виллѣ поэтому не вѣрно. Богатые люди обладали нѣсколькими подобными имѣнiями и могли переимѣнять свое мѣстопробыванiе. Если путешествiе продолжалось болѣе одного дня, то останавливались почевать въ такъ называемыхъ *deversoria*, чтобы обгѣть скудныхъ гостиницъ. Отдаленныя виллы отдавались на опредѣленный срокъ (*Lustrum*) въ аренду поселянамъ. Временемъ уплаты аренды былъ мѣсяць мартъ. На восемь участковъ земли (приблизительно 2, 4 гектара) обыкновенно приходился одинъ рабъ.

Настоящая вилла состояла изъ трехъ отдѣленiй.

a) *urbana*, жилище владѣльца.

b) *rustica*, помѣщенiе для рабовъ и скота.

c) *fructuaria*, кладовая для плодовъ.

Нашъ рассказъ разыгрывается въ виллѣ эдила Плавта, къ которой, конечно, принадлежитъ прекрасный садъ.

Сады были устроены всѣ по одному плану, с которымъ въ настоящее время можно составить понятiе по садамъ виллы Боргезе въ Римѣ: большiя аллеи, обрамленныя кипарисами, клумбы маленькихъ деревъ или кустовъ, подстригаемыхъ въ видѣ животныхъ, обставленные каменными скамейками съ высокими спинками, круглая площадка (*Xistus*), посреди которой былъ фонтанъ, запутанныя тропинки и ходы подъ навѣсомъ вѣтвей, гипподромъ для игръ и гимнастическихъ упражненiй, иногда также и зоологическiй садъ, все это среди луга, орошаемаго ручьемъ и установленнаго множества статуй. — *Rustica* соединялась съ *urbana*; въ послѣдней жилъ управляющiй (*villicus* или *procurator*). Она заключала стойла для крупнаго скота (*bubilia*) и для овецъ (*ovilia*), стойла для лошадей и ословъ (*equilia*), жилище рабовъ (*ergastula*), лазаретъ для больныхъ (*valetudinorium*), птичникъ (*aviaria* или *gallinaria*), стойла для свиней и наконецъ сарай (*horreum*) для храненiя полевныхъ орудiй.

Fructuaria заключала: прессъ для видѣлки масла и вина (*toncularium*) погребъ для вина (*cellae*), кладовую для плодовъ (*penus*) и житницу (*orotheca*).

На дворѣ находились корыта для скота и ямы для храненiя навоза (*sterquilinum*). Въ окружающихъ постройкахъ находились (*pistrina*) сѣноваль (*tenile*), магазинъ (*palearium*) и гумна (*itrea*).

Земледѣльческiя орудiя были: родъ бороны (*rotellum*, *punicum*) цѣны (*basali*) и различныя плуги. Кромѣ того, каждая вилла обладала плодовыми

городные гости, собравшіеся въ тотъ торжественный день у Прокла.

По приглашенію прибыли Сквары, Сирики, Фабіи, Церты, Диомеды, Плиніи, славные потомки Руфа и Фаустула.

Вотъ миновалъ первый рядъ яствъ, удалились вонючіе гладиаторы, оставивъ за собой на мазанковомъ полу лужу крови, которую стирають слуги, вооруженные ведрами и губками; сотни лампъ, наполненныхъ ароматнымъ народнымъ масломъ, явились на смѣну погасающему дневному свѣту. Одинъ рабъ возлагаетъ свѣжій вѣнокъ изъ фіалокъ на курчавые, темные волосы молодого и богатаго гуляки Попидія Руфа, котораго вся Помпея знаетъ, любя его и ненавидя въ одно и тоже время: Другой льетъ новые духи на бѣлья, благородныя руи друга Попидія, Марка Фаустула, которому пять отцовскихъ галеръ доставляють необходимыя средства для его разгульной жизни.

Только теперь при свѣтѣ лампъ въ полномъ блескѣ обнаруживается роскошь столовой. Полированные камни стѣнъ, колонны со стройными капителями, карнизы, рѣшетчатые потолки поражаютъ своимъ величіемъ и богатствомъ; душистые цвѣты луговъ Компаніи наполняютъ ниши, чаруя взоръ и обоняніе.

Столъ уставленъ богатѣйшими древними сосудами, переходящими отъ поколѣнія къ поколѣнію, и гнется подъ ихъ тяжестью. — Наступаетъ чередъ второго ряда яствъ.

Количество и выборъ рыбъ еще болѣе возвышаютъ репутацію садковъ знатока-хозяина, не имѣющихъ по величинѣ и содержанію себѣ подобныхъ въ цѣломъ государствѣ.

садокъ (pomarium), заведующій которымъ назывался arboreator. Къ фруктовому саду прилегалъ огородъ и пчельникъ. Были еще сады для дичи (vivaria), для откармливанія мишей и бѣлокъ (gliraria), для улитокъ (cochlearia) и для различныхъ рыбъ (piscinae).

Слѣды такихъ владѣй попадаются во всей Европѣ, особенно въ мѣстностяхъ живописныхъ и плодородныхъ; остатки мозаичныхъ половъ и статуи свидѣтельствуютъ объ ихъ роскоши и богатствѣ.

Раки, раковины, луеринскія устрицы, улитки, морскіе ежи, звѣзды, морскіе пауки изъ Аверни, способные выдержать по качеству и окраскѣ всякое сравненіе и созданные природой, какъ будто только для услады зрѣнія, украшаютъ собой исполинскія блюда, предлагаемыя поворомъ гостямъ.

Равнодушно, какъ и подобаеъ тонкимъ гастрономамъ, пробуютъ благородные гости то и другое.

Но гостепріимный хозяинъ позаботился и объ удовольствіи для глазъ.

Борьба и поединки слишкомъ обыкновенны и уже наскучили; пусть граціозный танецъ развлекаетъ теперь пирующихъ. «Евое» проносится по залѣ и смуглая дѣвушка, сопровождаемая префектомъ дома, смущенно выступаетъ передъ зрителями; она смотритъ своими большими глазами на всю обстановку и затѣмъ тимпаномъ заслоняетъ отъ себя блескъ свѣтильниковъ, а жадные взгляды присутствующихъ вызываютъ краску на ея лицѣ. Появленіе ея возбуждаетъ восторгъ самыхъ равнодушныхъ изъ гулякъ. На ней нѣтъ, какъ бываетъ обыкновенно на танцовщицахъ, ни драгоценныхъ тканей, ни покрывалъ съ острова Коса, ни браслеты, кольца, ни цѣпи не украшаютъ собой и безъ того прекраснаго тѣла. Скромно облекаетъ дѣвическій станъ пожелтѣвшая полотняная туника, подпоясанная темнымъ поясомъ, ея маленькія боснія ножки носятъ слѣды мостовой, ея руки, безъ украшеній, открыты воротными и широкими рукавами, а на прекрасной шеѣ вмѣсто жемчуга виситъ на пеньковомъ шнурѣ, какъ у бѣдныхъ уличныхъ дѣтей, простой амулетъ.

Держа лѣвой рукой тимпанъ, она стоитъ беззащитная, подобно полювому цвѣтку въ роскошной вазѣ или новенькой мѣдной монетѣ между червонцами, передъ кутилами, собравшимися въ обширномъ триклиніумѣ эдила и сильно заинтересованными, благодаря ея неожиданному появленію.

Ея трепеть и блѣдность обличаютъ страхъ и смущеніе въ этомъ обществѣ мужчинъ, дотогѣ невѣдомымъ

ея невинности. Префектъ дома схватилъ ее у воротъ, можетъ быть, просящую милостыню для своихъ родителей и братьевъ, и привлекъ, не смотря на ея сопротивленіе къ гостямъ. Пирующіе требуютъ развлеченій. Не все ли равно, какъ оно имъ будетъ доставлено? Случай предлагаетъ имъ болѣе, чѣмъ они желали, и какъ бы говорить: «возьмите, наслаждайтесь, сколько душѣ угодно, а затѣмъ бросьте, какъ бросаютъ въ кучу мусора никому ненужную скорлупу.»

Безсознательно беретъ дѣвочка свой тамбуринъ; первый звукъ, раздавшійся отъ удара, разсѣиваетъ ея страхъ; ея инструментъ, другъ и помощникъ въ нуждѣ помогъ ей и здѣсь.

Тончайшій десертъ: мурены, устрицы, омары, фалернское и фаустиинское вино почти забыты гостями теперь, когда дикое дитя Африки, еще болѣе обольстительное и прекрасное въ невѣдѣніи своей красоты, очаровываетъ ихъ въ танцѣ стройнымъ станомъ, жаркимъ взоромъ своихъ глазъ и волокнами кудрей, не знавшихъ гребня. Ея тонкіе пальцы то нѣжно, то порывисто стучатъ о туго натянутую желтоватую волгу тимпана, бубенчики которой звенятъ, ударяя другъ о друга, подобно звонкамъ проѣзжающихъ вдали муловъ. Мѣрно слѣдуютъ за ударами маленькія ножки танцовщицы, которая то приподнимается на нихъ, то вращается съ неподдѣльнымъ увлеченіемъ, закинувъ назадъ голову. Пляску африканки нельзя назвать правильнымъ танцемъ. Дико и вмѣстѣ съ тѣмъ причудливо, страстно и снова дѣтски-вращается она, вздрагивая всѣми мускулами отъ полуоткрытаго рта до кончика ноги. Все сильнѣе и сильнѣе бьютъ ея пальцы по тимпану, все быстрѣе и быстрѣе вращается этотъ грубый, но благовзвучный инструментъ въ лѣвой рукѣ; смуглыя щеки покрываются яркимъ румянцемъ, и жаркое дыханіе волнуется грудь; юная кровь волнуется и кипитъ въ ея жилахъ, и не можетъ отвести глазъ отъ нея очарованный зритель.

Гости, позабывъ все на свѣтѣ, съ открытыми ртами

слѣдять за маленькой волшебницей, каждый ударъ тимпана которой проникалъ имъ въ сердце, и даже самъ старый эдилъ, Поввинъ Прокль, онѣмѣлъ отъ восхищенія. Рабъ, заглядѣвшійся на танцовщицу, забываетъ наполнять виномъ, висящій на его ругѣ золотой кувшинъ, безъ дѣла стоятъ поваренки, въ пищѣ болѣе нѣтъ надобности и даромъ дыматся въ вострюляхъ жаркія, соусы, рыбы и паштеты, Столовая превратилась въ маленький амфитеатръ, въ которомъ гости эдила играютъ роль зрителей.

Наконецъ танцовщица Юба бросается на колѣни, граціозно изгибаясь назадъ, таеъ что волосы ея касаются пола, снова быстро выпрямляется и, схвативъ со стола кубокъ, залпомъ его опоражниваетъ; затѣмъ, бросивъ сосудъ съ жестомъ опьяненія на середину залы, подобно пантерѣ, исчезаетъ она изъ глазъ зрителей. Но волшебница не исчезла въ глубинѣ эфира; нѣтъ! она побѣжала на кухню, ароматъ которой предательски щеботалъ ея обоняніе. Бѣдняжка, уже нѣсколько дней питавшаяся только случайными находками на улицѣ, очень голодна. Съ мольбою на устахъ и поднятыми руками стоитъ она у дверей кухни, представлявшей ей теперь раемъ, — гдѣ блестятъ яркое пламя и дыматся многочисленные горшки, повара и поваренки въ бѣлыхъ фартукахъ размахиваютъ ложками и вертелами, сдираютъ кожу съ птицъ и рыбъ, шпигуютъ бѣлымъ жиромъ голубей и зайцевъ и мѣсятъ въ кадкахъ тѣсто...

На полу ползаютъ раки, и слизкіе угри извиваются, подобно змѣямъ.

Въ углу трещитъ вертелъ подъ тяжестью жаркаго, и поваренки льютъ въ изобилии жиръ на овсянокъ, куръ и гусей. Въ ароматномъ дыму стряпаетъ и роется въ массѣ провизіи вся кухонная прислуга; изысканность соединяется здѣсь съ обиліемъ, доходящимъ до крайней расточительности. Какія Танталовы муки должна выносить проголодавшаяся дѣвочка, прислонившаяся теперь къ двери съ тимпаномъ въ ругѣ и жадно смо-

трящая на проносимыя мимо разнообразныя и причудливныя блюда! Хоть бы достался ей кусочекъ этой пулярки, голубка или рыбы, или этой волосальной сосиски, которую поваръ искусно разрѣзываетъ на тысячи ломтей! Съ какою болью сжимается ея голодный желудокъ, этотъ самый требовательный органъ нашего тѣла, мучащій одинаково богатаго и бѣднаго, и неудовлетвореніе потребностей котораго влечетъ смерть.

— Я голодна! тихо шепчетъ танцовщица и киваетъ головой толстому слугѣ, проносящему мимо нея изъ залы вучу объѣдковъ, предназначенныхъ собакамъ, съ мольбою смотреть она на раба и протягиваетъ ему на встрѣчу тимпанъ, въ который онъ и сыпаетъ объѣдки, крошки паштетовъ и яичную скорлупу, пожелавъ ей презрительно хорошаго аппетита. По бѣлымъ, полированнымъ ступенямъ мраморной лѣстницы, уставленной статуями боговъ и цвѣточными вазами, африканка сбѣгаетъ въ паркъ, и увидавшій ея теперь принялъ бы за садовую нимфу, проносящуюся надъ лугомъ.

Яркій мѣсяцъ освѣщаетъ поля; голубоватый туманъ носится надъ лужайками, въ которыхъ бвакаютъ лягушки, и трещать миллионы кобылокъ. Въ лавровыхъ кустахъ соловьи заливаются перекатными трелями, и перепѣла громко зовутъ своихъ самокъ.

Съ легкостью газели, робко прокрадывается она по широкой аллеѣ, окаймленной съ обѣихъ сторонъ темными кипарисами. Но скоро кругозоръ расширяется. На полянахъ показываются чудовища, искусно выстриженныя изъ кустарниковъ: здѣсь исполинская бѣлка съ загнутымъ вверху хвостомъ, тамъ свирѣпый медвѣдь, простирающій свои лапы, далѣе рысь, волкъ, кабанъ, крокодилъ, и все это кажется еще ужаснѣе при лунномъ свѣтѣ.

Впечатлѣніе усиливается еще болѣе ревомъ львовъ и медвѣдей, и вивгомъ обезьянъ, доносящимся изъ звѣринца, перебѣгающимъ дорогу зайцемъ, спугнутымъ съ

своего логовища и стопами совы въ дуплѣ стараго дерева.

Прижимая къ груди амулетъ, съ мольбою въ своимъ ларамъ, молодая скиталица достигаетъ наконецъ средней площадки сада (хустус).

Посреди площадки плещеть фонтанъ изъ раковины тритона и нисподаеть въ большую каменную чашу, по бокамъ которой висятъ темнозеленыя водоросли. Вокругъ посыпанной пескомъ площадки тянется темный рядъ скамеекъ съ высокими спинками; онѣ походятъ на какія то скамьи исполиновъ. Здѣсь не такъ страшно, какъ въ окружающемъ лѣсу съ его непроницаемой и мрачной ночной тѣнью. Здѣсь останавливается Юба, ставитъ тимпанъ съ его драгоценнымъ содержаніемъ на край водоема, предварительно утоливъ свою жажду, и начинаетъ рыться въ сокровищахъ, такъ снисходительно представленныхъ ей рабомъ. Подобно знатной дамѣ, съ наслажденіемъ перебирающей свои драгоценныя уборы, вынимаетъ она изъ тимпана то куриную кость, то голубиное крыло, раскусываетъ острыми зубами раковую скорлупу, облизывая и обгладывая остатки всѣхъ этихъ локомыхъ кушавій, совершенно ей неизвѣстныхъ. Вытаскиваетъ раковины, любуясь ихъ причудливыми формами, прежде чѣмъ разбить ихъ о камень, и пробуетъ то кусочекъ паштета, то конфекту, которая таетъ у ней на языкѣ; ей нужно еще обгладать ребро поросенка и полакомиться вареными въ меду каштанами и луковымъ салатомъ....

Никакой поваръ не придумалъ бы, вѣроятно, такого разнообразнаго списка блюдъ.

«Голодъ лучшая приправа» — и Юба, вполне удовлетворенная и въ первый разъ въ жизни насытившаяся, облизываетъ кончики пальцевъ и утираетъ ротъ краемъ своей туники; затѣмъ вымываетъ запачканный тимпанъ въ струѣ фонтана, и довольная бранчить имъ надъ головой. Поднявшись, она замѣчаетъ на пескѣ свою тѣнь и, рѣзвась, начинаетъ съ ней заигрывать, бѣжить отъ

нея или гонить её отъ себя, насмѣшливо изгибаясь всѣмъ тѣломъ въ разныя стороны, издѣвается надъ своимъ темнымъ спутникомъ, который въ точности подражаетъ всѣмъ ея движеніямъ. Она говоритъ съ тѣнью, блянется ей съ истинно-дѣтскимъ весельемъ, а тѣнь, благодаря лучамъ мѣсяца, повторяетъ на пескѣ всѣ эти движенія. Но вдругъ тѣнь исчезла — «мѣсяць закатился» — думаетъ дѣвочка, глядя на небо; и только темныя, окаймленные серебромъ облака указываютъ мѣсто, куда скрылось ночное свѣтило. Руками посылаетъ она мѣсяцу прощальное привѣтствіе и медленно перекидываетъ тимпанъ черезъ плечо, затѣмъ идетъ, привлекаясь ароматомъ, изливающимся ночью въ изобиліи изъ чашечекъ цвѣтовъ, въ кусты розъ и жасминовъ, рветъ цвѣты, которые точно сами, добровольно, во множествѣ попадаютъ ей въ руки, и, перевязывая нардовой травой въ маленькіе букеты, наполняетъ она ими доверху свой тимпанъ. Её радуетъ это невинное воровство, и, какъ газель, беззаботно пасущаяся въ высокой травѣ оазиса, идетъ то медленной, то быстрой походкой сквозь кусты лавровъ и томариндовъ къ выходу изъ парка.

О х о т а .

Красивый Попидій Руфъ незамѣтно для прочихъ гостей эдила ускользнулъ изъ залы, гдѣ сотоварищи его собрались для игръ и попойки. Онъ ищетъ подъ арками и на терасѣ маленькую танцовщицу, которая уже успѣла завладѣть его сердцемъ.

Мѣсяць позволяетъ обвинуть взоромъ всѣ ален и тропинки парка, но, не смотря на напряженное вниманіе, ни вблизи, ни вдали онъ не замѣтилъ ни одного живаго существа.

Съ громкой бранью идетъ онъ обратно въ залу. Но вдругъ онъ останавливается, прислушиваясь: свора хозяйскихъ собакъ залилась лаемъ, слышавъ шаги чужаго.

Внезапная мысль промелькнула въ умѣ молодого чело-
вѣка. Ласково называя по именамъ собакъ, онъ, отворилъ
двери псарни, и два молосскихъ пса съ колючими ошей-
никами, лая и обнюхивая дорогу, бросились по слѣдамъ
африканки. Попидій слѣдовалъ за ними. Африканка,
испуганная приближающимся лаемъ, удвоиваетъ шаги и
бѣгомъ достигаетъ высокихъ рѣшетчатыхъ воротъ, нахо-
дящихся на восточной сторонѣ парка. Но какъ она ни
трясетъ замка, тяжелый желѣзный засовъ, запирающій
ворота, остается неподвижнымъ.

Все ближе и ближе собаки, ихъ лай уже раз-
дается въ лавровыхъ кустахъ, которые она только
что миновала. Въ тоскѣ отчаянія, съ трудомъ проти-
скиваетъ дѣвочка свое гибкое тѣло вмѣстѣ съ тимпаномъ,
наполненнымъ цвѣтами, сквозь рѣшетку и выходитъ изъ
парка въ тотъ самый моментъ, какъ псы съ яростнымъ
лаемъ бросаются на ворота, отдѣляющія ихъ отъ
жертвы. Тщетно стараются псы прорваться сквозь нихъ:
колючіе ошейники мешаютъ имъ, и дѣвочка съ побѣ-
левшими отъ страха губами убѣгаетъ отъ разъяренныхъ
звѣрей. Она переходитъ въ бродъ маленькій ручеекъ,
текущій между холмами и, надомленная усталостью и
страхомъ, ложится на другомъ берегу въ камышъ, ко-
торый скрываетъ ея своими длинными стеблями. До
нея доносится еще въ тишинѣ ночи, лай собакъ,
но все тише и тише; наконецъ успокоившись и пере-
ведя духъ, она выходитъ изъ своего убѣжища и пу-
скается въ путь вдоль берега ручья въ то самое вре-
мя, когда серпъ луны исчезаетъ за горнымъ хребтомъ,
но черезъ нѣсколько шаговъ, ея нога скользитъ и ухо-
дитъ по волѣно въ яму, прикрытую сверху камышею
и хворостомъ и по тому незамѣтную для глаза. Въ ис-
пугѣ пытается она вытащить ногу... Она чувствуетъ
себя пойманной.

Какъ змѣя обвилась вокругъ ея ноги петля, которую
хитрый охотникъ поставилъ для ланей и козъ, прихо-
дившихъ на водоной, и чѣмъ болѣе она желаетъ осво-

бодиться, тѣмъ крепче затягивается узелъ веревки, обмотанной другимъ концемъ разъ пять или шесть вокругъ коряваго пня ивы. Напрасна всякая попытка къ бѣгству! Пойманная въ глухую ночь, связанная, какъ добыча, вдали отъ всякой помощи, она шлетъ мольбы къ богинѣ Діанѣ, покровительницѣ охотниковъ, и ложится на землю, стараясь достать изъ ручья камень, чтобъ имъ перерѣзать веревку. Но для этого рука ея слишкомъ коротка. Въ безсиліи падаетъ она на землю—дождаться утра. Но вдругъ снова слышится лай на этотъ разъ уже внѣ парка, и мужской голосъ, подстрекающій собаку къ поискамъ. Въ смертельномъ страхѣ перегибается она всѣмъ тѣломъ назадъ и начинаетъ грызть острыми зубами веревку, подобно пойманной крысѣ. Нѣсколько волоконъ уже разорвано, но она должна бросить работу, чтобы набраться свѣжихъ силъ....

А собаки, снова напавшіе на слѣды, подходятъ все ближе и ближе къ берегу. Въ невыразимомъ страхѣ дѣвочка снова начинаетъ грызть веревку, пока наконецъ, веревка перегрызенная на двѣ трети, не уступаетъ сильному напряженію и не освобождаетъ добычи. Петля глубоко врѣзалась въ тѣло, и нога затекла кровью. Но нечего терять времени... преслѣдователи уже близки. Схвативъ свой наполненный цвѣтами [тимпанъ Юба бѣжитъ изъ этого опаснаго мѣста и скоро достигаетъ знакомой дороги, ведущей въ ту часть города, которая извѣстна у жителей Помпеи подъ названіемъ «Улицы Гробницъ». Обѣ стороны ея украшены мавзолеями, колумбаріями, колоннами и аркадами, подъ которыми покоятся прахъ усопшихъ. Уже наступилъ день, когда Юба скрылась въ мавзолеѣ Савровѣ. Изнемогая отъ боли, развязываетъ она узелъ петли и омываетъ свою опухлую ногу въ мраморномъ бассейнѣ, украшающемъ входъ въ гробницу.

Праздество.

Никогда еще столь ясное и свѣжее утро не занималось надъ Помпеей, никогда еще не вѣялъ съ моря такой живительный вѣтерокъ, какъ сегодня въ день рожденія многолюбимаго Тита.

Какъ будто и сами небожители присоединились къ чествованію любимца человѣчества. Помпея убралась въ свой праздничный нарядъ. Улицы и площади блистаютъ украшеніями: Множество народа изъ окрестныхъ сторонъ стеклось сегодня въ этой прекраснѣйшей изъ городовъ Кампаніи...

Волнуются улицы, шумитъ рынокъ, форумъ и прилежащіе кварталы.

Все болѣе и болѣе густѣющія массы народа покрываютъ мостовую.

«Улица Гробницъ», эта *via Appia* Помпей, красотѣ и пышности которой завидуютъ даже сами Римляне, превратилась въ какую то цвѣточную галерею, черезъ которую пойдутъ сегодня знатнѣйшіе старѣйшины города и всадники съ ихъ семействами.

Лавки, ремесленныя и торговныя заведенія закрыты. Помпея празднуетъ, и вмѣстѣ съ нею празднуютъ всѣ сосѣдніе города, Стабія, Геркуланумъ и даже Бай, избилующіе наслажденіями и однако такъ завистливо смотрящіе на свою богатую сосѣдку. Шумная и веселая толпа движется въ различныхъ носилкахъ, двухъколесныхъ экипажахъ и четверняхъ, верхомъ и пѣшкомъ, взадъ и впередъ по «Улицѣ Гробницъ», представляя собою рѣзкій контрастъ царству смерти, разстилающемуся на право и на лѣво. Быстро мелькаютъ мимо украшенныя золотомъ *цизии* *), запряженныя тройками муловъ, *chedae* и *covini* съ сидящими въ нихъ красавицами, затѣмъ сопровождаемые

*) *Cisium*—легкая повозка на двухъ колесахъ, нѣчто въ родѣ нашего кабриолета.

рабами *servi*, ѣдущіе въ которыхъ щеголи сами управляютъ лошадьми. Имъ предшествуютъ нумидійскіе всадники, щелкая своими длинными бичами.

Скороходы, съ подобранной одеждой, прокладываютъ дорогу несомымъ восьмью невольниками носилкамъ, распавшійся пологъ которыхъ даетъ иногда зрителямъ замѣтить роскошныя формы сидящей въ нихъ красавицы. Величественно возлежатъ на своихъ подушкахъ матроны, несомыя роскошно одѣтыми слугами съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ.

Закутанные въ свои плащи, члены магистрата, окруженные большой свитой и гражданами въ вѣнкахъ изъ розъ, придаютъ зрѣлищу еще большую пышность.

На гробницахъ, отвосахъ и колонадахъ, украшающихъ улицу, сидятъ, одинъ возлѣ другаго, горожане, весело смотря на пышную процессію, которая непрерывно тянется по длинной Улицѣ Гробницъ.

А какимъ блескомъ ослѣпляютъ всѣ эти Диомеды, Савры и Сирики, Фаби и Проклы, Церты и Симилиціи!

Фаустулъ съ другомъ своимъ Попидіемъ Руфомъ обгоняетъ на своихъ прекрасныхъ лошадяхъ ряды другихъ экипажей. Не мало дѣвичьихъ сердець забьется при взглядѣ на красавца Руфа, не мало хорошенькихъ щечекъ покроется яркимъ румянцемъ, замѣтивъ его взглядъ или поклонъ. Никто изъ жителей Помпеи не носитъ тоги съ такимъ достоинствомъ, никто не имѣетъ такихъ мудрей, такихъ благородныхъ чертъ лица и тонкой усмѣшки, какъ Попидій Руфъ!

Истинный сынъ Помпеи, онъ былъ всегда баловнемъ женщинъ, которыя всегда любили его, не смотря на его пороки, (а можетъ быть, впрочемъ, и вслѣдствіе ихъ!)

Однако же не смотря на ласковое вниманіе дамъ, взоры и мысли Попидія устремлены не на экипажи и носилки страстныхъ помпеянокъ... Его рѣчи сбивчивы, и разсѣянъ взглядъ его темныхъ глазъ.

Ему стоило бы только кивнуть, и сердце самой неприступной изъ красавицъ отозвалось бы на его желанія. По-

бѣды надъ разодѣтыми въ шелкъ и пурпуръ красавицами слишкомъ обыкновенны и надоѣли ему, и не для нихъ онъ раскинетъ свои сѣти! Нѣтъ! теперь онъ преслѣдуетъ звѣрка, ускользнувшего вчера отъ его преслѣдованія, — Юбу, африканку, которая теперь нивѣмъ не замѣченная, бросаетъ букеты въ экипажи и носилки, получая за то мелкую монету.

— Купите цвѣтовъ, господа, для вашихъ милыхъ, кричитъ она, догоняя щегольской экипажъ.

Но едва не растоптанная всадниками, перебѣгаетъ она черезъ образовавшійся между экипажами промежутокъ на другую сторону улицы, осыпая по пути букетами носилки эдила, который, бросая ей деньги, не подозреваетъ, конечно, что платитъ за собственные цвѣты.

Однако же смутное воспоминаніе пробуждается въ немъ при взглядѣ на африканку.

— Это прелестное созданье не та ли маленькая волшебница, которая очаровала насъ всѣхъ вчера во время пира? спрашиваетъ онъ всадника, придерживающаго лошадь у его носилокъ. Горящимъ взоромъ выглядываетъ Попидій Руфъ на преслѣдуемую имъ жертву, которая кажется ему сегодня еще обворожительнѣе. Отплативъ за поданную ему розу червонцемъ, тихо говоритъ онъ ей:

— Скоро, прелестное дитя, ты будешь продавать другіе цвѣты; это также вѣрно, какъ то, что меня зовутъ Руфомъ!

Африканка блѣднѣетъ при видѣ этого человѣка, котораго она боялась больше всѣхъ изъ гостей и въ роскошной залѣ эдила.

Его взоры, проникающіе въ душу, какъ стальное лезвіе, оскорбляютъ, но не воспаляютъ ее. Монета жетъ ея руку, какъ раскаленный металлъ; она страшится ее, какъ какое-нибудь ядовитое насѣкомое на землю, и та теряется въ пыли.

— Купите цвѣтовъ, господа! снова кричитъ она въ путаницѣ экипажей, и, достигнувъ воротъ, скрывается въ городъ.

Ночь.

Освѣжившись и очистившись отъ пыли въ ваннахъ термъ, украшенные свѣжими вѣнками изъ розъ, Фаустулъ и Руфъ гуляютъ вечеромъ подъ руку по оживленнымъ улицамъ города,—не безъ труда пробираясь сквозь толпу, не смотря на старанія скороходовъ пинками и ударами очистить имъ дорогу.

Рынокъ и форумъ, площади и улицы освѣщены развѣшенными разноцвѣтными фонарями. Базилика сіяетъ въ морѣ огня, музыка и веселье несутся изъ домовъ, двери которыхъ открыты для каждаго желающаго.

Собаки привратника сегодня на цѣпи, всѣ покои дома предоставлены, въ честь императора, въ полное распоряженіе гостей, Попидій и Фаустулъ торопятся войти въ сферистерій, клубъ помпейской знатной молодежи, гдѣ она забавляется игрой въ мячъ и стрѣльбой изъ лука.

Въ ярко-освѣщенныхъ аркадахъ, окружающихъ залу игръ, сидятъ молодые аристократы, слѣдя внимательно за любопытными играми. Радостные крики несутся на встрѣчу новымъ пришельцамъ, которые рука объ руку идутъ мимо аркадъ. Въ воздухѣ носятся мячи, со свистомъ летаютъ стрѣлы, и каменные шары, брошенные лопаткой, пересѣкаютъ другъ другу путь въ разныхъ направленіяхъ. Минуту слѣдятъ красавцы за теченіемъ игръ, небрежно прислонившись къ колоннѣ, затѣмъ сбросивъ тогу, Попидій Руфъ выходитъ на арену, надѣваетъ на правую руку одну изъ кожаныхъ перчатокъ, предложенныхъ ему слугой, и становится въ вызывающую позу. Всеобщій восторгъ привѣтствуетъ юношу. Прочіе игроки покидаютъ поле битвы, ибо каждый увѣренъ, что оно останется за прекрасными героями дня, искусными во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ. Подобно молодому льву, стоитъ Попидій одинъ посреди арены, раскачивая исполинскій мячъ и слегка подбрасывая его,

чтобы снова поймать кончиками пальцев и за спиною перевести въ другую руку. Какъ стройно двигаются его грудь и бедра, какъ благородно поворачивается его голова! Мягкій шаръ, какъ бы не хочетъ разстаться съ рукою игрока, постоянно въ нея возвращаясь.

Небрежно заломивъ лѣвую руку и гордо поднявъ голову, слѣдитъ Попидій за шаромъ, который повинуваясь движеніямъ руки то поднимается, то опускается, то, подобно планетѣ вкругъ солнца, кружится вкругъ головы и плечь игрока. Послѣ этой искусной игры, сопровождаемой громкими рукоплесканіями присутствующихъ, выходитъ юный герой, какъ гладіаторъ, на арену, вызывая взглядами достойнаго себѣ противника.

Модестъ Сирикъ, молодой патрицій Помпеи, опоясавшись, принимаетъ вызовъ.

Противники привѣтствуютъ другъ друга, и каждый выбираетъ себѣ удобную лапту. И вотъ маленькій твердый каменный шаръ (Pila), подбрасываемый лаптою, начинаетъ съ невѣроятной быстротою летать между противниками. Не смотря на ихъ старанія обмануть другъ друга, мячъ каждый разъ попадаетъ на лапту.

Попидій бьетъ съ своимъ обыкновеннымъ искусствомъ и хладнокровіемъ, но и Модестъ спокойно и зорко слѣдитъ за противникомъ, не мало доставляя ему хлопотъ своими увертками; мячъ скачетъ, подобно стреловѣ, и ударъ за ударомъ раздается въ залѣ. Побѣда переходитъ съ одной стороны на другую; борцы истощаютъ все свое искусство. Но вотъ Сирикъ не подхватилъ шара, который подпрыгивая покатился по аренѣ. Напряженно слѣдившіе за игрою, зрители разразились аплодисментами, и Попидій прибавляетъ новую побѣду, къ преже одержаннмъ. Затѣмъ идетъ онъ въ отдѣленіе, гдѣ стрѣлки пробуютъ свое искусство въ стрѣльбѣ изъ лука; беретъ лукъ, и посылаетъ стрѣлу въ самый центръ цѣли. Стрѣла за стрѣлою вонзается въ деревянный кружокъ, и ни одинъ стрѣловъ не осмѣливается состязаться съ Попидіемъ, которому счастье сегодня особенно везетъ.

Весело надѣвъ тогу, Попидій съ своимъ другомъ оставляетъ собраніе, чтобы снова потеряться въ уличной толкотнѣ. Пробираясь сквозь шумную толпу, усталые достигаютъ они, наконецъ, дома Эдила и, въ сопровожденіи дежурнаго слуги, направляютъ свои шаги въ атриумъ.

— Купите цвѣтовъ, добрые господа! кричитъ имъ навстрѣчу смуглая африканка, которая сидѣла у входа въ залу и поднимала надъ головою тимпанъ, еще на половину наполненный букетами. Плутовскимъ взоромъ осматриваетъ она двухъ молодыхъ людей, переступающихъ черезъ порогъ комнаты.

Попидій Руфъ! вдругъ въ ужасѣ вскрикиваетъ дѣвушка, какъ птичка, околдованная взглядомъ змѣи, забываетъ о спасеніи, такъ и она безсильная и окаменѣвшая отъ взора Попидія Руфа, не сопротивляется горячему поцѣлю, который даетъ ей тотъ мимоходомъ.

— До свиданія! говоритъ онъ ей; но дѣвушка, не слушая его и не оборачиваясь, быстро вскакиваетъ и покидаетъ этотъ грозящій ей несчастіемъ домъ, исчезая въ ночной темнотѣ.

Все, что вчера въ этомъ домѣ порожало блескомъ и роскошью: сосуды, кружки, кубки, блюда, стоитъ сегодня въ живописномъ безпорядкѣ на полкахъ, столахъ и подставкахъ.

Сиравускіе ковры устилаютъ мозаичный полъ, на стульяхъ лежатъ подушки изъ Селевкіи; львиныя и пантеровыя шкуры изъ Оксуса и Гетулія разложены на диванахъ, и роскошныя, золотомъ шитыя ткани Вавилона и Сидона закрываютъ входы въ сосѣднія комнаты, откуда доносятся звуки лиры...

Кто осмѣлился-бы сорвать эти качающіеся на искусственныхъ вѣткахъ золотыя плоды садовъ Гесперидъ?

Кто осмѣлится отвѣдать драгоцѣннаго вина, которое молодыя дѣвушки цѣдятъ въ плоскія чаши?

Ужели не сонъ все, что насъ здѣсь окружаетъ?

Толпа стоитъ и съ любопытствомъ смотритъ на мно-

жество рабовъ и богато одѣтыхъ слугъ, то и дѣло бѣгающихъ по заламъ и коридорамъ.

Друзья дома, Попидій и Фаустулъ проходятъ незамѣченные черезъ таблинумъ въ каведіумъ. Кто изъ здѣшнихъ богачей не знаетъ этого тихаго убѣжища съ потолкомъ, усыяннымъ звѣздами, таинственно плещущими фонтанами, съ темными аркадами, гдѣ вдали отъ уличнаго шума братски царятъ спокойствіе, поэзія и любовь, гдѣ вдали отъ любопытнаго взгляда возникаютъ и находятъ себѣ удовлетвореніе страсти и желанія?..

Здѣсь въ кабинетѣ эдила садятся друзья на мягкіе ковры, отдохнуть отъ впечатлѣній утомительнаго дня.

Фаустулъ скоро отдался въ объятія Морфея, но Попидію не спится. Безпокойно ворочается онъ, ища забвенія неотвязнымъ мыслямъ. «Купите цвѣтовъ, добрые господа!» чудится ему—будто все твердитъ этотъ милый серебристый голосокъ, такъ глубоко запавшій ему въ сердце. Тихо, чтобы не разбудить спящаго товарища, онъ поднимается и идетъ искать ее. На улицѣ все еще шумятъ и волнуются толпы. Попидій снова исчезаетъ въ нихъ.

Передъ домомъ серебряника Нисомеда, неаполитанскаго грека, давно уже прославившагося своимъ искусствомъ, стоитъ въ удивленіи толпа народа. Всевозможныя вещи, начиная отъ простыхъ поварскихъ ложекъ, чашекъ, лампъ и кончая великолѣпными кубками, зеркалами и треножниками, разложены въ мастерской художника.

Между ними, ослѣпляя глаза, лежатъ кольца, маленькіе браслеты и брошки, иглы, цѣпочки, серьги, колокольчики, гребни, пояса, жемчугъ и всевозможные драгоценные камни.

Сюда входитъ Попидій Руфъ, торопливо выбираетъ рубиновый браслетъ, и бросивъ кушчу на прилавокъ требуемую сумму, удаляется по направленію въ рынокъ.

Яркіе огни, горящіе среди площади, освѣщаютъ тамъ пестрыя, разнообразныя сцены: акробаты и борцы соперничаютъ другъ съ другомъ въ своемъ искусствѣ, пред-

сказатели, толкователи сновъ, фигляры и ванатные плясунки всячески стараются заслужить одобреніе толпы.

Привлекаетъ большое вниманіе прелестная смуглая испанка, ходящая на рукахъ: ей случается не рѣдко продѣлывать свое представленіе съ голоднымъ желудкомъ, такъ какъ такія торжества, какъ сегодня, случаются не часто. Напротивъ нея расположился со своимъ столикомъ продавецъ всевозможныхъ снадобьевъ и лекарствъ.

Жители Помпей тѣшатся до сыта всѣми этими уличными забавами. А кто вдоволь на все насмотрѣлся, отправляется въ вабачекъ въ объятія бога Вакха.

— Купите цвѣтовъ, добрые господа! снова раздается въ толпѣ голосокъ дѣвочки.

— Куда ты спѣшишь, прелестное дитя? говорить долго ее искавшій Попидій Руфъ, увлекая ее въ темную портику и внося на рукахъ на его ступени.

Силы, сначала оставившія, снова возвратились къ ней, когда Попидій хочетъ надѣть ей на лѣвую руку рубиновый браслетъ. Вскрикнувъ отъ ужаса, сбрасываетъ она украшеніе, какъ какую нибудь ядовитую змѣю, съ силой отчаянія вырывается изъ рукъ преслѣдователя, сбѣгаетъ съ портика, и быстро исчезаетъ въ сосѣднемъ переулкѣ.

Мравъ, господствующій тамъ, скрываетъ ее отъ взоровъ преслѣдователя. Тихо и темно въ этомъ притонѣ гора и нищеты. Лампы не освѣщаютъ темныхъ и сырыхъ стѣнъ. Но, зная дорогу, увѣренно шагаетъ африканка черезъ лужи и канавы, пересѣкаетъ арену, обходитъ негостепріимные полукруги амфитеатра и достигаетъ навонецъ городской стѣны, замыкающей городъ съ сѣверовостока. Дѣвушка идетъ вдоль большой трубы для стока нечистоты и, согнувшись, входитъ въ одно изъ отверстій подъ арками амфитеатра. Подъ сырмъ сводомъ, истомленная, худая, какъ скелетъ, лежитъ на гнилой соломѣ женщина; ея блѣдное лицо освѣщаетъ слабый свѣтъ дымной лампы.

— Я принесла тебѣ, сестра, вина и хлѣба изъ дворца эдила—и немножко меду для твоего ребенка, говоритъ дѣвушка, нагнувшись къ лежащей женщинѣ и нѣжно взявъ ее за руку.

— Встань же, сестрица, я принесла тебѣ денегъ, да еще поклонъ отъ твоего коварнаго возлюбленнаго, Попидія!

Но женщина по прежнему остается нѣмой и неподвижной... часъ уже тому назадъ вылетѣлъ послѣдній вздохъ изъ ея увядшей груди! Въ углу, около покойницы, слабо вскрикнулъ и зашевелился завернутый въ лохмотья младенецъ, онъ дышалъ порывисто и рѣдко:—и съ нимъ уже агонія... еще нѣсколько минутъ и жизнь покинетъ его. Тихо, какъ въ гробу, стало въ ужасномъ подземельи.

Въ тупомъ отчаяніи стоитъ Юба у одра усопшихъ, потомъ порывисто выходитъ наружу, отправляется снова на «Улицу Гробницъ», и садится на ступени мавзолея, но уже не цвѣты предлагать проходящимъ, а просить у нихъ милостыни...

НОВГОРОДСКІЙ ПОГРОМЪ.

Историческая повѣсть изъ русской жизни XV столѣтія.

ГЛАВА I.

Бояринъ Устрѣль-Закрутинскій.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ свѣтловодная Мста сжимается мѣловыми горами скаль, бурлитъ и пѣнится съ глухимъ рокотомъ, разбивая волны объ обточенные вѣками камни, и распыляется алмазными брызгами, стояла на крутой горѣ, поросшей дубовымъ гаемъ, усадьба бояръ Устрѣль-Закрутинскихъ. Съвозъ вѣчный сумракъ густой листвы деревьевъ проглядывали высокія каменные стѣны съ узорчатыми башенками по угламъ и пробитыми въ нихъ бойницами, какъ видно, приготовленныя на случай осады. Эти старинныя стѣны, кое-гдѣ подновленныя, были такъ прочны и толсты, что придавали боярской усадьбѣ видъ крѣпости; они окружали пространство около 400 квадратныхъ сажень и съ четырехъ сторонъ запирались желѣзными воротами, которыя могли бы выдержать удары тарана, стѣнобитнаго орудія того времени.

Густой боръ съ рѣки на востокъ, понижаясь, постепенно рѣдѣлъ и переходилъ въ низкія заросли, къ западу

шла гладкая равнина безъ малѣйшихъ неровностей почвы, покрытая колючимъ репейникомъ, пробивавшимся съвозъ мѣловые полосы, оголенные отъ всякой растительности и блестящія на солнцѣ, какъ полосы снѣга между лѣтней зелени. На сколько видѣ съ рѣки былъ оживленъ лѣсомъ и водой, на столько здѣсь онъ былъ пустыненъ и угрюмъ.

Все было тихо кругомъ; изрѣдка раздавался рѣзкій крикъ степнаго коршуна, кружащагося высоко надъ землей, высматривая добычу: полевую мышъ, какуюнибудь мелкую птичку или звѣрка, пугливо пробѣгавшаго по равнинѣ; либо слышался порой хриплый лай лисицы въ погонѣ за зайцемъ или сусликомъ, добѣгавшей до самыхъ стѣнъ. Нивакого жилья не было вокругъ усадьбы, и на пятнадцать верстъ оно являлось единственнымъ пунктомъ, обитаемымъ людьми, которыхъ большую часть дня совсѣмъ не было видно изъ-за стѣнъ; только звонъ колокола въ полдень да вечеромъ извѣщаль о томъ, что и въ этомъ уединенномъ жилищѣ время шло обычной чередой и строго заведеннымъ порядкомъ. Нѣсколько разъ въ день усадьба оживлялась: рано утромъ изъ отворенныхъ воротъ выгоняли большое стадо рогатаго скота на паству. Часто также изъ этихъ воротъ выѣзжала толпа всадниковъ на превосходныхъ коняхъ; къ вечеру стадо возвращалось, возвращались и всадники съ богатой добычей всякаго пушнаго звѣря и разной дичины... и ворота снова запирались, скрипя тяжелыми засовами...

Не смотря на унылый и мрачный видъ неприступныхъ стѣнъ, внутренность усадьбы была живописна, обличая обиліе и довольство ея обитателей. На южной сторонѣ ютились огороды и сады съ яблонями и кустами смородины, крыжовника, да малины, между которыми весело отражали солнечный блескъ небольшіе пруды. Кучки липъ, въ перемежку съ огромными вѣковыми явзами, словно сторожили, возвышаясь надъ прочей растительностью.

На противоположной сторонѣ стояли полуругомъ хозяйственные деревянныя постройки: сарай, житницы, конюшни, птичники и скотный дворъ, обнесенный толстымъ частоколомъ. Посреди двора барскія хоромы пестрѣли украшенемъ и яркой живописью по бѣлому камню, гладко обтесанныхъ стѣнъ. По тогдашнему вкусу это было рѣдкостное зданіе, и много труда да золота пошло на его постройку. Окнами домъ былъ обращенъ на югъ прямо на сады и огороды, а сзади на широкой площадѣ возвышалась родъ башенки, предназначенной для стражи и боевой челяди, что составляло необходимую охрану и свиту знатнаго боярина той эпохи. Передъ башней на деревянныхъ коновязяхъ привязывалось для чистки и осмотра около восьми десятковъ верховыхъ жеребцовъ, а на возвышеніи стояла на станкѣ съ колесами мѣдная пушка—орудіе рѣдкое, но начинавшее занимать почетное значеніе въ военномъ быту тогдашней Руси.

Покои и горницы были богато убраны: стѣны обдѣланы рѣзнымъ дубомъ и тисненой кожей, вездѣ на мѣдныхъ крюкахъ повѣшано оружіе, блестящее серебромъ и золотомъ: щиты, шелома, кольчуги, копыя, сайдаки, сабли польскія и татарскія, ослопы, палицы, кидени, бердыши, булавы, пищали и проч. Полы были устланы циновками и звѣриными шкурами. Въ маленькихъ оконцахъ, вмѣсто стекла, была вставлена слюда; тогда это считалось роскошью, доступной только богатымъ, а кто побѣднѣе натягивали на окна телячьи пузыри, листья намасляннаго пергамента или тонкую льняную ткань. Широкія поляи кругомъ стѣнъ были уставлены серебряными и мѣдными кубками, ендовами, рогами, братинами, стопами; дубовыя лавки и скамьи, покрытыя краснымъ сукномъ, вмѣстѣ со столами, на которыхъ были постланы тонкія бранныя скатерти, разшитыя серебромъ и шелками, составляли всю мебель, а иконы въ дорогихъ овладахъ съ глиняными росписными лампадами довършали убранство покоевъ, жарко натопливаемыхъ печами изъ израз-

цевъ, добываемыхъ боярами отъ заморскихъ гостей, торговыхъ Голандцевъ, Ляховъ и Шведовъ, которые издревль вели торговля дѣла съ вольными городами Новгородомъ и Псковомъ. Въ углахъ покоевъ обыкновенно ставили большіе массивные сундуки и ларцы, кованые желѣзомъ, либо обложенные листами жести, гдѣ хранились семейныя драгоценности, уборы, мѣховая одежда и пергаментъ съ родовыми печатами, замѣнявшими у неграмотныхъ бояръ подпись и рукоприкладство.

На высомомъ, рѣзномъ крыльцѣ на лавочкѣ, опершись правымъ плечомъ о балясины, сидѣлъ высокаго роста человѣкъ лѣтъ 50, плотный, сильный и здоровый; борода его слегка серебрилась, а волосы на головѣ напротивъ еще сохранили темный цвѣтъ и густоту. Проницательные глаза изъ-подъ черныхъ нависшихъ бровей, и вѣрно сжатые губы съ рѣзкими складками вокругъ рта и носа, придавали ему видъ гордый и угрюмый; встрѣчавшій его въ первый разъ испытывалъ—страхъ и отталкивающее впечатлѣніе. На немъ былъ надѣтъ широкій и длинный кафтанъ изъ ярко-синяго сукна съ воротникомъ и полами, выложенными золотымъ позументомъ, подпоясанный шелковымъ кушакомъ, а на груди висѣла массивная золотая цѣпь съ алмазами и яхонтами. Этотъ человѣкъ былъ послѣдній и единственный потомокъ знаменитаго боярскаго рода Устрѣль-Закрутинскихъ, Иванъ Артемьевичъ, владѣлецъ 10 селъ съ деревнями въ Вяткѣ, двухъ домовъ въ Великомъ Новгородѣ и усадьбы Устрѣлы на берегу рѣки Мсты, гдѣ мы и встрѣчаемъ его. Наружность его обличала суровый и деспотичный нравъ; онъ не любилъ общенія съ людьми, а предпочиталъ уединеніе. Развлекаясь охотой и живя на широкою барскую ногу того времени, онъ держалъ вокругъ себя до трехъсотъ тѣлохранителей и разной челяди, готовой идти за своего повѣлителя въ огонь и въ воду. Въ хоромахъ онъ жилъ одинъ, не имѣя ни жены, ни семьи и, вообще, избѣгалъ женскаго общества. Свободный доступъ къ нему во всякое время имѣли только трое приближенныхъ: дьякъ,

Андрей Печора, старикъ лѣтъ 65 съ хитрымъ лицомъ, занимавшій должность секретаря и писака, татарскій выходецъ Угачъ, малый лѣтъ 20, выросшій въ домѣ боярина, одинъ изъ покинутыхъ оборвышей Золотой Орды, вытѣсненной изъ Москвы, и потерявшей деспотическую власть на Руси, да влючиниѣ, Василискъ Перепелвинъ, ровестникъ боярину съ сѣдою и морщинистой фizioноміей, на которой труды и заботы наложили глубокія борозды.

Всѣ трое стояли теперь передъ крыльцомъ въ почетительномъ безмолвіи, ожидая приказаній боярина, который словно забылъ о ихъ присутствіи.

Наконецъ полуденный зной вывелъ его изъ задумчивости.

— Василь! обратился онъ къ влючинику, принеси-ко мнѣ холодной браги со льдомъ...

Еще не дослушавъ фразы, влючиниѣ проворно юркнулъ въ одну изъ пристроекъ къ дому, гдѣ помѣщалась стращающая горница, и черезъ минуту принесъ дубовый съ вычурной рѣзьбою жбанъ и серебряный ковшъ. Бояринъ испилъ съ растановкой холодной пѣнистой браги, врякнулъ, обтеръ усы полой кафтана, и обратился къ татарину.

— Угачъ! Все ли у меня въ порядкѣ на конномъ дворѣ и на псарьѣ... Вечоръ я никуда не ѣздилъ, разнемогся отъ жары, а ноне хочу посмотреть...

— Воля твоя, бояринъ! а кони и псы твоей милости и сыты и выхолены... отвѣчалъ Угачъ, котораго обязанность состояла въ присмотрѣ за охотой боярской.

— А вотъ догляжу, что не ладно... строго молвилъ Иванъ Артемьичъ, сходя со ступенекъ, и медленными важными шагами отправился осматривать порядоки въ усадьбѣ. Сначала онъ осмотрѣлъ конный дворъ, приказавъ вывести на площадку любимыхъ коней. Здѣсь были и донскіе, и калмыцкіе, и даже арабскіе жеребцы великолѣпныхъ формъ; конюхи едва могли удерживать огненное нетерпѣніе выхоленныхъ коней, которые, взнуздан-

ные и осѣдланые, дѣлались послушными малѣйшему движению руки всадника. Птичники, коровники и страпушіе бояринъ прошелъ не оглядывая, но съ особеннымъ вниманіемъ осматрѣлъ жилища своихъ ратныхъ челядинцевъ и оружіе, которое было у нихъ на рукахъ. Свиснувъ въ кулакъ, бояринъ сѣлъ на лавку передъ башенкой, и любовался, какъ изъ нея высыпалъ стройный рядъ вооруженныхъ холоповъ въ разноцвѣтныхъ узорчатыхъ кафтанахъ. Кончивъ осмотръ и не найдя никакого предлога къ выговору или наказанію, Иванъ Артемьевичъ влѣвъ по узкой лѣстницѣ на башенку и заглядѣлся въ даль.

Степь развѣртывалась передъ его взорами унылой, однообразной картиной, обрамленной неясными, синеватыми контурами холмовъ и горъ.

Долго бояринъ глядѣлъ, разсѣянно покручивая усы, пока не замѣтилъ изъ дали легкое облочко пыли. Онъ молча указалъ на черную точку своимъ спутникамъ, которые сзади его влѣзли тоже на башенку. Черная точка, постепенно приближаясь, медленно увеличивалась и, наконецъ, уже можно было разглядѣть, что это былъ всадникъ, усталая лошадь котораго понуро шагала по пыльной степи, направляясь прямо къ усадьбѣ.

— Надо полагать къ намъ—посланецъ какой ни есть, сказалъ Печора.

— Кто-бъ онъ ни былъ, вели впустить его въ ворота, да къ крыльцу подведите ко мнѣ, приказалъ бояринъ, и Угачъ побѣжалъ внизъ по лѣсенкѣ.

Иванъ Артемьевичъ тоже сошелъ съ башенки и, войдя въ горницу, сѣлъ за столомъ, въ ожиданіи гостя.

Пріѣзжій былъ пожилой, небольшого роста, коренастый человекъ, въ смуромъ запыленномъ кафтанѣ. Лошадь его, должно быть, прошла не малый путь,—тяжело дышала и была вся въ поту.

Угачъ оповѣстилъ боярина, что это-де пріѣхалъ посланецъ изъ Новгорода. Иванъ Артемьевичъ велѣлъ на-

кормить и коня, и всадника, потомъ привести посланца въ хоромы.

Черезъ четверть часа прїѣзжіи прївѣтствовали боярина, отвѣщая ему земные поклоны.

— А, это ты, Егорычъ, сказалъ Иванъ Артемьевичъ, протягивая руку, которую прїѣзжіи почтительно поцѣловали. Что то молвишь ты мнѣ про славный градъ Новгородъ?.. хорошія ли вѣсти привезъ? Какъ тамъ други мои поживаютъ? Что про Москву слышно?

— Живемъ—можемъ, осударь бояринъ, Богъ грѣхи терпитъ; а на счетъ дѣловъ, коли на то будетъ твоя боярская милость, прикажи мнѣ своему холопу покорному объяснить обстоятельно, опять низко кланаясь, началъ Егорычъ, какъ видно привыкшій разговаривать съ знатными лицами.

— Ладно... Ладно... Начинай сначала, да мотри не путать и не забывать ничего. Перво молви, какъ промежъ Литвы и Москвы?.. Да ты присядь-во.

Егорычъ сѣлъ на циновку у ногъ боярина, отеръ рукавомъ потъ съ лица и началъ рассказывать.

— Изволишь видѣть, осударь батюшка Иванъ Артемьевичъ, какое у насъ ноне дѣло въ вольномъ градѣ Новгородѣ. Выѣхалъ я вчерась съ утра, а ровно за семь дѣнь до того, прїѣзжали послы отъ великаго князя Ивана съ грамотами къ боярамъ, посадскимъ, а писанъ въ тѣхъ грамотахъ приказъ Новгородцамъ исправлять воды, а земли Московской не брать, и за то будетъ князь Иванъ свою любезную вотчину—сирѣчь Новгородъ—по старинѣ править. Послѣ того собралось у насъ вѣче великое: бояре иные и сама осударыня, боярыня Марфа съ сынами боярами Бороцкими уговоръ скрѣпили на сторону королевскую Литовскую, а другіе—то есть други и пособники Московскіе за князя Ивана стояли, да кричали: великій осударь князь намъ прощенье за смуты сулитъ, будемъ-де ему вѣрой и правдой служить, а Казимира не хотимъ. Наши, вѣстимо свое, а тѣ свое... чуть что до вулаковъ не дошло... самъ-то я къ концу вѣча

поспѣлъ, и сердце кровью облилось: одолѣли Московскіе!... Наши, какъ ни бились, а ничего не подѣлали... весь народъ стоитъ за Москву. Ради посуловъ, уговоровъ, да даровъ не сегодня—завтра челобитье въ Москву покорную рабскую пошлютъ... Ну бояринъ Борецкій, Дмитрій Исаковичъ, не медля, меня къ твоей милости и послалъ: рублевиковъ, казны для даровъ просить прислать, а если промедлишь, то все дѣло прогоритъ наше и лопнетъ...

По мѣрѣ того, какъ этотъ рассказъ приходилъ къ концу, лицо Устрѣль—Заврутинскаго хмурилось болѣе и болѣе.

— Дмитрій Исаковичъ тебѣ наказывалъ казны у меня просить, сказалъ бояринъ подумавъ. А Селезневъ да Калянскіе что творять?

— Они на вѣче громко кричали: не хотимъ князя Московскаго. Пособники они вѣрные, и много у нихъ тайныхъ околицъ, да казны—то мало!...

— Ну, а какъ поживаетъ бояринъ, Семенъ Корольковъ?

— Живеть, ничего!... скоро свадьбу будетъ играть, на дочери князя Аломольскаго; свадьба будетъ богатая, не бойсь и твою милость степеннымъ гостемъ звать будутъ... и Егорычъ кинулъ испытующій взглядъ.

Бояринъ презрительно усмѣхнулся.

— Добро... А въ Москвѣ какъ слышно здравствуютъ?

— Въ Москвѣ—то? Да, вотъ пріѣхалъ оттуда гость посадскій — ближній человекъ мнѣ: такъ-то, молвить, злятся въ Москвѣ, такое-то гнѣванье, что ума не приложишь! Коли-де честью не покается Новгородъ во грѣсѣхъ, надобе на воней лѣзть, ратью намъ идти на княжескихъ послушниковъ, отступниковъ, холоповъ Латинскихъ, на вороговъ Московскихъ... Ну, да ладно—молъ, будетъ кичиться! близокъ-ловотъ, да не укусишь... такъ-то...

Произошла довольно длинная пауза. Устрѣль—Заврутинскій долго о чемъ-то соображалъ; наконецъ, поднявъ опущенную голову, сказалъ:

— Ступай, Егорычъ, отдохни, сосни, да медку испей, а я грамоту Семену Нивитичу изготворю...

Егорычъ отвѣсилъ земной поклонъ и удалился въ сопровожденіи Угача.

Иванъ Артемьевичъ остался наединѣ съ дьякомъ, да ключникомъ, которому велѣлъ достать изъ своего кармана ключъ, что Перепелвинъ и исполнилъ.

— Отопри ларецъ, указаль бояринъ на стоявшій въ углу сундукъ, обитый жестью и полосками мѣди.

Ключникъ отперъ висчій замокъ и поднялъ крышку сундука, прислонивъ ее къ стѣнѣ.

Въ ларцѣ сверху до низу были наложены стопы серебряной русской монеты, старинныя куны и даже Венеціанскіе золотыя, въ перемежку съ зернами бурмицкаго жемчуга, алмазами, и равныя дорогіе камни—самоцвѣтныя; все вмѣстѣ, по тогдашнему счету, составляло огромную цѣнность, равную нынѣшнимъ миллионнымъ капиталамъ. Устрѣль-Закрутинскій приказалъ наполнить монетами кожаный новый и врѣпкій мѣшокъ. Затѣмъ крышка казнохранилища захлопнулась, и ключъ щелкнулъ въ замокъ.

Дьякъ и ключникъ ушли, а бояринъ сѣлъ у открытаго окна и погрузился въ глубокія думы.

Настоящее отошло на дальній горизонтъ, а прошлое выдвинулось на передній планъ яркими картинками, которыя, какъ живая панорама, быстро смѣнялись въ его воображеніи...

Солнце горитъ на востокѣ, обливая свѣтомъ пробудившуюся отъ сна землю... Вотъ молодой, красивый бояринъ на рыжемъ конѣ подъѣзжаетъ въ озеру и поить коня. Въ этомъ юномъ цыломъ всадникѣ, съ черными кудрями и шапкой, сдвинутой набекрень, съ стройнымъ станомъ и ловкими движеніями, богато одѣтомъ, опоясанномъ дорогимъ оружіемъ Устрѣль-Закрутинскій узнаетъ самого себя. Онъ разсѣянно оглядывается, пова коня тянетъ въ себя чистую, прохладную струю воды. Невдалекѣ отъ него боярская усадьба съ поселкомъ и церковью.

Вдругъ взглядъ его оживляется и блеститъ; изъ рожи

выходятъ три дѣвушки и, звонко смѣясь, направляются къ озеру; одна изъ нихъ прекрасная боярышня въ малиновомъ сарафанѣ, а другія, повидимому, ея сѣнныя дѣвушки. Онѣ собираются купаться; едва красавица успѣла растегнуть сарафанчикъ и полуобнажить розовыя плечи, она съ испугомъ вскрикиваетъ, встрѣтивъ огненный взоръ незнакомаго юноши. Пугливыя дѣвушки исчезаютъ, какъ видѣніе. Смущенный бояринъ поводитъ ременной плеткой надъ головой коня, тотъ скачетъ и уноситъ сѣдока, чтобы наавтра опять вернуться съ нимъ на то же мѣсто...

Вечеръ. Закатъ солнца... рощи и сады тонутъ въ розовыхъ сумеркахъ, соловьиныя пѣсни льются изъ чащи, жаворонки вторятъ имъ, кружась надъ полями, словно провожая послѣдніе лучи зари.

Въ саду подъ вишенемъ въ цвѣту сидитъ тоже боярышня, задумчиво опустивъ голову; тотъ же молодой бояринъ подбѣгаетъ къ ней и, смѣлой рукой обхвативъ станъ, цѣлуетъ свою невѣсту.

Стушевывается и эта картина, и выступаетъ новая еще прекраснѣе: церковь полна народу... Онъ и она стоятъ передъ аналоемъ, окруженные родней и знатными гостями. Сѣдой почтенный священникъ надѣваетъ вѣнцы имъ на головы и мѣняетъ ихъ обручальныя кольца. Вотъ они: мужъ съ женою. Какъ радостно бьется сердце молодого, и какъ стыдливо прекрасна его молодая подруга. Вѣнчанье кончено... вокругъ стола пируютъ гости... вино и медъ развеселило всѣхъ; они шумятъ, смѣются и любятъ красивую парочкой.

Вдругъ сквозь окна доносятся со двора крики, топотъ коней и бряцаніе оружія... Въ хоромы вламывается отчаянная ватага вооруженныхъ холопьевъ, расталкиваетъ гостей и окружаетъ молодую боярыню Устрѣль-Закрутинскую. Ужась и смятеніе, крики и вопли смѣшиваются со стукомъ оружія. Молодой бояринъ одной рукой обхватываетъ обезпамятѣвшую отъ страха жену, а другой выхватываетъ изъ-за пояса острый ножъ, которымъ поражаетъ перваго изъ нападавшихъ; но другіе напираютъ... онъ

чувствуетъ ударъ въ голову... ужасную боль... глаза засти-
лаетъ кровавое облако... потомъ непроницаемый мракъ...

Устрѣль-Закрутинскій быстро всталъ и тряхнулъ
головой... Картины прошлаго отлетаютъ прочь, оставивъ
на лицѣ рѣзкія складки не радостныхъ думъ.

Онъ оглядѣлся; у дверей стоялъ Угачъ.

— Ну, спросилъ бояринъ равнодушно.

— Твоя милость велѣлъ привести Николу: онъ тутъ
дожидается... что изволишь приказать?

— Позови его... да подай вонъ пергаментъ.

Когда Угачъ исполнилъ его приказаніе, Иванъ Ар-
темьевичъ сѣлъ къ столу и началъ писать медленно, но
четко, вывода красивыя славянскія буквы, съ разными
завитками и росчерками. Бояринъ Устрѣль-Закрутинскій
былъ, для того времени, очень образованный человѣкъ.
Кончивъ посланіе, онъ досталъ изъ ларца фамильную
печать и воскъ, и поручилъ грамоту запечатать Угачу.

Бояринъ ударилъ въ ладоши, и вошелъ высокаго ро-
ста человѣкъ лѣтъ 30, кривой и рабой. Это былъ Нов-
городецъ, довѣренный посланецъ, по важнѣмъ дѣламъ
у Устрѣль-Закрутинскаго.

— Возьми грамоту и отвези къ боярину, Семену Ни-
китичу Королькову, въ собственныя рубли. Понялъ?

Кривой Никола взялъ пергаментъ съ висѣвшей на
красной бичевѣ восковой печатью и, осторожно завер-
нувъ его въ кусокъ тонкаго полотна, вложилъ въ кожан-
ную сумку, которую спряталъ за пазуху.

— Какъ не понять, осударь бояринъ! отвѣчалъ онъ,
не впервой ѣздитъ къ Корольковымъ отъ твоей милости
съ поклономъ да съ грамотами.

— Ты поѣдешь вмѣстѣ съ Егорычемъ. Возьмите про-
вожатыхъ на коняхъ, да мотри не оброни!..

— Сохрани меня Пресвятая Богородица и мать
Софія. Коли не исполню твоего велѣнія, казни меня.

— Ладно!.. Иди съ Богомъ; а ты Угачъ позови-ка
Егорыча.

Когда Егорычъ явился, Устрѣль-Закрутинскій ска-
залъ ему:

— Слушай, Егорычъ! Ты малый надежный, и я на тебя полагаю весь успѣхъ нашего дѣла... Вотъ мѣшовъ: береги его пуще зеницы ока... пуще жизни. Передай казну боярынь Марфѣ и скажи, что молъ Иванъ Артемьевичъ прислалъ съ поклономъ, да съ зароконъ ни пади не уступать Москвѣ... Серчаетъ молъ, что вы на вѣчѣ, какъ овцы отъ волка прычетесь, когда святое дѣло Великаго Новгорода на волоскѣ висить... Пускай, не жалѣючи денегъ, завидали бы ими народъ, чтобъ переманить его отъ нашихъ супротивниковъ!..

Голосъ боярина все возвышался, глаза разгорались и мускулистая руки крѣпко сжимали край дубоваго стола.—Да скажи, воль черезъ недѣлю не одолѣютъ они Мосевы, я самъ явлюсь въ Новгородъ, да на вѣчѣ ихъ, какъ свиней, своими холопьями разгоню... Скажи!.. пока живъ Устрѣль-Закрутинскій не дастъ онъ Великій Новгородъ и Святую Софію въ полонъ князю Ивану... Я со всей казной своей, со всѣми людьми ратными подымусь на выручку... Костями лягу, а не уступлю Москвѣ!..

Егорычъ и Никола молчали; лица ихъ выражали страхъ и почтеніе. Взволнованный бояринъ махнулъ рукой, и они вышли, оставивъ его одного.

— Анафемскіе дѣти... Труссы... Псы проклятые... Провалитесь вамъ и съ Москвою-то... глухо ворчалъ суровый бояринъ... и снова впалъ онъ въ раздумѣ.

Вотъ какъ молва народная объясняла ненависть боярина Устрѣль-Закрутинскаго къ Москвѣ и всему Московскому княжеству: былъ у него сродникъ Московскій бояринъ, Никифоръ Антоновичъ Губастый, и оба они полюбили одну боярышню. Устрѣль-Закрутинскій былъ знатнѣй и богаче, а потому и досталась боярышню ему. Обвинчался Иванъ Артемьевичъ, но Губастый, собравъ свою удалую челядь, невзначай награнулъ на пировавшихъ, перебилъ слугъ боярскихъ и увезъ молодую...

Хотѣлъ было въ свою очередь Иванъ Артемьевичъ идти съ своими холопьями и избить врага, но боярыня его прислала посланца съ такими рѣчами: не любь-де

миѣ Устрѣль-Заврутинскій, и отдали меня силкомъ; а любовь миѣ Губастый, и въ нему-де я охотой ушла!..

Иванъ Артемьевичъ былъ слишкомъ гордъ, чтобъ просить любви, какъ милостыни!..

— Пуцай владѣть женой блудною!.. сказалъ онъ, плюнувъ послѣдцу чуть не въ бороду...

— Съ той поры онъ сталъ угрюмъ и суровъ. Двѣ страсти проявлялись въ немъ: любовь къ охотѣ и конямъ, да непримиримая вражда съ Москвою... Новгородъ служилъ ему только оплотомъ, чтобы вредить Москвѣ.

ГЛАВА II.

Въ дѣбряхъ.

Солнечный свѣтъ едва проникаетъ черезъ густую листву дремучаго лѣса. Невиданной въ наше время толщины и вышины дубы, липы, сосны и ели, раскинувъ на большое пространство свои вѣтви, переплетались между собою въ одну сплошную массу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лѣсъ образуетъ словно арки изъ листьевъ и сучковъ, а въ другихъ частый молодой ельникъ и сваленные бурей стволы вѣковыхъ дубовъ составляютъ природныя баррикады. Въ такихъ борахъ трава не растетъ, а земля покрыта колючими иглами и мхомъ; на встрѣчу тому, кто заглянулъ бы въ глубь лѣсовъ, пахнуло бы вѣчной сыростью и гнилью. Вершины деревъ населены сотнями мелкихъ пернатыхъ, не умолкающихъ отъ зари до зари; веселое гнѣе птичекъ нарушается крикомъ ястребовъ, коршуновъ, а огромные филины да совы сидятъ неподвижно, начиная жить и двигаться только ночью, пугая безмолвіе природы дикимъ хохотомъ и ауканьемъ. Цѣлыя стаи вертяльвыхъ бѣлокъ рѣзвятся по вѣтвямъ и отваживаются спрыгивать на землю, гдѣ подкарауливаютъ ихъ враги: хорьки, куницы, лисы и горностаи. Порой трескъ валежника и сердитое хрюканье извѣща-

еть о приближеніи щетинистаго вепря, преслѣдуемаго взѣрошенной бурой рысью съ огненными глазами... вотъ спѣшились два хищника, летять ключья шерсти, и крики хищниковъ нарушаютъ лѣтний покой зубра, лежащаго въ прохладномъ болотѣ... Вотъ встаетъ великанъ, съ разбѣга подхватываетъ на острые рога одного изъ борцовъ, чѣмъ даетъ возможность другому уйти, оставляя за собой кровавый слѣдъ. Иногда раздается лай дикихъ собакъ, охотящихся за оленемъ или косулей, воторые, закинувъ красивые головы, мчатся, какъ вѣтеръ... Изрѣдка, извиваясь зеленой спиной, проползетъ змѣя мѣдница, распугивая сѣрыхъ ужей и разноцвѣтныхъ ящерицъ... Въ жаркій полдень все смолкаетъ, и тяжелая дрема охватываетъ лѣсъ.

Въ такой-то полдень въ безмолвіи чащи раздались человѣческіе голоса и топотъ лошадиныхъ копытъ. На едва замѣтной тропѣ показалось челоуѣкъ пятнадцать всадниковъ; они ѣхали тихо, одинъ за другимъ, прочищая путь межъ кустовъ. Впереди ѣхалъ Егорычъ съ своимъ драгоценнымъ мѣшкомъ на торокахъ; за нимъ зривой Никола; остальные составляли хорошо вооруженный вонвой, ради опаски,—тогда на пути легко было натолкнуться на лихаго челоуѣка или лютаго звѣря.

— Пора бы, ребята, дать конямъ передохнуть: вишь какъ задрѣли сердечные, сказалъ одинъ всадникъ, проводя рукой по взмыленной шеѣ лошади.

— Вздохнуть надоть, отвѣчалъ другой, натягивая поводья и соскакивая съ сѣдла. Время полуденное — пора и намъ перекусить.

— Коли не пора! Солнышко на самой середкѣ стоитъ... Такъ ли, дядя Егорычъ? согласился Никола.

— Такъ!.. что правда, то правда! Эй, вы мальчешки!.. спѣшивайся и за ѣду, помолясь Богу, а тамъ опять въ путь, чтобъ до ночи доѣхать... скомандовалъ Егорычъ.

— Ну, дяденька! доставай полдникъ изъ мѣшка-то, сострилъ молодецкій челядинецъ.

Остальные захохотали.

— Лавомъ больно!... Облопаешься!.. Ъда-то тутъ не твоему рылу!.. проворчалъ Егорычъ, старательно подтягивая мѣшокъ.

— И сладко бы, да не угрызешь! поперегъ глотки станеть, добавилъ кривой Никола. Будеть вамъ лясы-то разводить, садитесь, да живо брюхо набивайте.

Они сгруппировались вокругъ разсланнаго холстиннаго мѣшка, на которомъ были насоро собраны неприхотливыя закуски: вяленая рыба, сушеное мясо, нѣсколько ломтей хлѣба и боченовъ съ брагой.

— Хороша брага, да тепла!.. Хорошо бы теперь прямо съ ледника, наливая ковшъ, сказалъ Никола.

Не успѣлъ онъ вымолвить, какъ что то съ рѣзкимъ свистомъ шлепнуло его по лбу...

Несчастный, раскинувъ руки, опрокинулся навзничь... съ окровавленнаго лба упалъ на землю остроконечный видень. Всѣ словно одурѣли... первый очнулся Егорычъ.

— Отцы мои... смотрите-ка!.. Душегубы разбойники... На коней!.. коли... рубись!..

Всѣ, какъ бы оживленные его крикомъ, бросились въ конямъ, карабаясь на нихъ и выхватывая оружіе.

Нѣсколько стрѣлъ просвистѣли мимо ихъ; одна царапнула грудь лошади, другая угодила въ бокъ всаднику: онъ схватился за рану рукою и выхватилъ стрѣлу съ кускомъ мяса; кровь хлынула, онъ зашатался, и выпустилъ поводъ... лошадь поднялась на дыбы и бросилась въ чащу, ударяя убитымъ по стволамъ деревьевъ. Слѣва изъ лѣсу со свистомъ и гикомъ выскочило съ десятокъ вооруженныхъ удалцовъ... Глухой выстрѣлъ изъ тяжелаго тюфяка прокатился по лѣсу. Огнестрѣльное оружіе было тогда рѣдко и наводило ужасъ даже на храбрецовъ. Егорычъ круто поворотилъ лошадь.

— Спасайсь!.. крикнулъ онъ, и помчался по тропинкѣ, сопровождаемый своими провожатыми, которые хлестали коней нагайками, и черезъ немного времени топоть копытъ и трескъ сучьевъ замеръ вдаль...

На лужайкѣ остался только трупъ криваго Никола,

не дожденный завтракъ, да человекъ двѣнадцать загорѣлыхъ оборванныхъ обитателей дремучихъ дебрей новгородскихъ. Это были рыцари проселочныхъ дорогъ, непримиримые враги купцовъ и торговыхъ гостей, которые не иначе отваживались возить товары, какъ подъ сильной охраной наемной рати, весьма часто предательски выдающей купцовъ и товары въ жадныя руки разбойниковъ, своихъ благопріятелей и данниковъ. Шайки грабителей бродили по всей Русь, безъ боязни за свои шоловы; конечно, правительство издавало указы и дѣлало распоряженія ловить воровъ да казнить, но народъ не смѣлъ преслѣдовать отчаянныхъ удалцовъ, а ратнымъ людямъ только въ пору было охранять города, да воевать съ врагами молодого государства Московскаго. Большая часть разбойниковъ состояла изъ бѣжавшихъ отъ тяжелаго холопства боярскаго, да изъ кабалы, куда попадали цѣлыя семьи и даже поселки, за неплатежъ дани князьямъ. Этотъ сбродъ людей, разорвавшихъ связи съ обществомъ и закономъ, бывалъ одѣтъ въ самые разнообразныя костюмы: тутъ были и свитки мужицкія, и кафтаны ратницкіе, и камзолы польскіе, и халаты татарскіе. Всякая вѣра и всякая національность браталась въ привольномъ житьѣ, при быстрой наживѣ чужимъ добромъ. Самой большой драгоценностью они считали оружіе и не промѣняли бы его на золото, ни на вино, ни на красную дѣвицу.

— Эхъ, соволики! Ноне мы порядкомъ прозѣвали добычу: кромѣ этого дохлаго холопа, да кое-какихъ оглодковъ ничего не поймали!.. Пошарьте-ка у него въ карманахъ да въ одежѣ, не припрятаны ли или не зашиты ли гдѣ рубли, а можетъ и золото? крикнулъ высокій плечистый молодецъ, одѣтый щеголеватѣе прочихъ; на немъ былъ польскій камзолъ со шнурами да пуговицами и войлочная шапка съ перомъ кречета; за поясомъ—заткнутъ большой кинжалъ въ ножнахъ съ серебряной насѣчкой, а въ рукахъ то неуклюжее огнестрѣльное оружіе, которое обратило въ бѣгство ратныхъ челя-

динцевъ Устрѣль-Закрутинскаго. Лицо атамана рѣзко отличалось отъ его товарищей по ремеслу: ничто въ немъ не напоминало заворенѣлаго злодѣя; каріе глаза смотрѣли бойко и весело, на губахъ, едва опущенныхъ небольшими усами, мелькала беззаботная улыбка; гладкое лицо не омрачалось ни одной морщинкой, словно ни горе, ни укоры совѣсти не знакомы были Петру, какъ звали его другіе.

Напрасно искалъ одинъ изъ разбойниковъ въ карманахъ убитаго Николы.

— Ни лѣшаго нѣтъ... съ досадой сказалъ онъ.

— Ищи!.. эти боярскіе холопы ловко умѣютъ притавать... Пошарь-ка за пазухой-то... понукалъ Петръ. На этотъ разъ поиски были успѣшнѣе.

— Вотъ, что то завернуто... только не рублевки, легко и мягко, подавая свертокъ и ощупывая его, сказалъ искавшій.

Петръ нетерпѣливо разорвалъ обертку и шнуръ съ печатью. Грамота!.. объявилъ онъ.

— Ну ка, ну!.. Что тамъ написано?.. Что? Мы слушаемъ, любопытствовали разбойники, обружая Петра. Онъ умѣлъ грамотѣ и, развернувъ пергаментъ, началъ читать вслухъ.

— Другу моему, милостивому боярину, Семену Никитичу Королькову, отъ друга его боярина, Ивана Артемьевича Устрѣль-Закрутинскаго нижайшій поклонъ: пошли тебѣ Господи много лѣтъ здравствовать. Наслышаны мы, что ты бояринъ свадьбу затѣваешь и берешь дочь князя Аломольскаго...

Петръ остановился... Лицо его омрачилось, товарищи переглянулись межъ собой и, не спрашивая болѣе, отошли въ сторону.

— Что это? На яву или во снѣ... Опять старая боль въ сердцѣ... словно кто ножомъ пырнулъ... княжна... Алевтина выходитъ замужъ... и за кого же? за Королькова!.. за вдовца!.. Петръ сѣлъ у корня дуба, зарылъ лицо руками и забылъ все окружающее.

Петръ былъ родомъ изъ Новгорода, сынъ причет-

нива, отъ котораго онъ и выучился чтенію и письму. Пономарь, Парамонъ Лопатовъ желалъ, чтобы сынъ пошелъ по духовному званію, но Петръ не любилъ смиренныхъ занятій при церкви, къ которымъ приучалъ его отецъ: заставить ли его паперть вымести, онъ изъ метлы нарываетъ копье сдѣлать, пошлютъ ли за углями съ кадиломъ, онъ начнетъ махать имъ прямо въ глаза поповскимъ ребятамъ, которыхъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, буянъ Петрушка калачивалъ такъ, что, наконецъ, батька рѣшительно объявилъ Парамону: «Либо я, либо Петрушка!... Пойду съ жалобой къ самому Владыкѣ Юнкѣ!...» Испугался Парамонъ, что изъ за сынишки потеряетъ мѣсто и отдастъ Петра къ князю Аломольскому, не то въ услуженіе, не то въ кабалу. И жилось Петру въ усадьбѣ княжеской ни худо, ни хорошо до 20 лѣтъ; худо бывало ему отъ суроваго обращенія самого князя, зато и хорошо было отъ ласковыхъ рѣчей Алевтины, княжны Аломольской. Таковой красавицы писаной не было во всемъ бѣломъ свѣтѣ. Между ними не было и не могло быть любовныхъ объясненій, а между тѣмъ княжна была увѣрена, что Петръ готовъ за нее жизнь положить, а Петръ зналъ, что княжна любитъ его больше ближнихъ.

Долго бы любили они молча, и были бы счастливы, если-бъ коварныя подружки не подмѣтили ихъ выразительные, восторженные взгляды...

Петръ не ждалъ бѣды, а бѣда упала ему, какъ громъ на голову. Князь позвалъ его къ себѣ и, безъ всякихъ объясненій, сказалъ: «Чтобъ духу твоего не было въ моемъ домѣ... Ступай куда глаза глядятъ, да помни... Нетолько на мою землю, а и близко подходить не можешь... Узнаю, что ты шляешься, собаками затравлю тебя, плетью отодрать велю...»

Петръ зналъ, что князь исполнить обѣщаніе и потому, скрѣпя сердце, поспѣшилъ убраться, пока цѣль.

У Петра никого не было родни, кромѣ тетки въ городѣ Боровичахъ, и онъ пошелъ къ ней; но дорогой попался въ руки разбойниковъ. Взять съ него было не-

чего, и ему предложили поступить въ шайку. Передъ Петромъ открылось широкое поприще, которое могло привести или къ петлѣ, или къ богатству: послѣднее, конечно, казалось ему болѣе вѣрнымъ, и онъ, очертя голову, бинулся въ омутъ грабежа и разбоя. Какъ грамотный и болѣе развитый между товарищами, онъ скоро забралъ власть въ свои руки. Изъ своихъ походовъ онъ вкратцѣ передалъ имъ свою вражду съ княземъ Аломольскимъ, и они не спрашивали всѣхъ подробностей. Онъ не любилъ крови и, по возможности, избѣгалъ убійства. Стычка съ челядью Заврутинскаго произошла потому, что за нѣсколько недѣль до того, владѣлецъ Устрѣлы поймалъ и казнилъ одного изъ шайки; товарищи требовали мщенія и выслѣживали боярина на охотѣ, но напасть на его хорошо вооруженную и многочисленную свиту не рѣшались. Они видѣли, какъ вѣхалъ въ усадьбу посланецъ Новгородскій, и дожидались его возвращенія, подозрѣвая, что онъ повезетъ деньги. Имъ предстояло два повода къ нападенію: отмѣстка за смерть товарища и добыча; но послѣднее, какъ мы видѣли, имъ не удалось.

Мѣсяцевъ шесть прошло съ той поры, какъ Петръ былъ атаманомъ, а онъ сталъ ужъ тяготиться вольной жизнью въ чащѣ лѣсовъ. Богатство не такъ-то легко добывалось; если и грабили купцовъ, то товаръ не куда было поставлять, а казны мало возили, мѣняя товаръ на товаръ, какъ тогда имѣли обычай на Руси. Онъ искалъ случая раздѣлаться съ товарищами безъ явной ссоры, когда извѣстіе, что любимая имъ дѣвушка сосватана, заставило его ускорить развязку. Перехвативъ письмо Устрѣлы-Заврутинскаго, Петръ рѣшился идти съ нимъ къ Корольову, а если удастся, то и къ князю Аломольскому, увидаться съ княжнѣй и растроить свадьбу. Для этого могли ему понадобится помощники, и онъ уговорилъ товарищей пробраться къ усадьбѣ князя, и ждать его тамъ.

— А я пойду впередъ и, быть можетъ, съ этой грамотой добуду столько рублей, что всѣмъ вамъ будетъ богатая пожива, посулилъ онъ разбойникамъ.

Г Л А В А Ш.

На вѣчѣ въ вольномъ городѣ.

Въ то время, когда на княженъ Московскимъ государствомъ вступилъ сынъ Василья Темнаго II, Иванъ III Васильевичъ, отношенія Москвы къ Новгороду можно было назвать натянутыми. Отецъ Ивана Васильевича, домогавшійся всѣми силами присоединить этотъ вольный городъ къ своему княжеству, умеръ, не успѣвъ въ своемъ предпріятіи; но онъ передалъ своему наслѣднику тѣ же планы и виды на этотъ отдѣльный и ни кому не подчиненный уголокъ Великой Россіи. Иванъ Васильевичъ видѣлъ въ Новгородѣ уже пошатнувшуюся скалу, которую необходимо было или разбить сразу, или подвергнуть медленному разрушенію времени, безъ труда и усилій.

Второе болѣе правилось миролюбивому и нерѣшительному князю Ивану, хотя для болѣе воинственнаго государя было бы не трудно одолѣть Новгородцевъ, потому что страшное татарское иго, давившее русскій край тяжелымъ деспотизмомъ, постепенно рушилось само собою. Его жалкіе остатки—Золотая Орда существовала только фиктивно, терзаемая внутренними раздорами враждебныхъ партій Ахмата, Менгли-Гирея и другихъ хановъ. Золотой-Ордѣ, въ ея агоніи, было не до Руси. Исконная соперница Москвы — Литва тоже не могла страшить Ивана III; Литовцы напрягали послѣднія силы, чтобы выпутаться изъ своихъ неурядицъ съ Польшею; кромѣ того Пруссія, Венгрія и Богемія были для Казимира столь грозными сосѣдями, что онъ боялся отвернуться отъ нихъ и сосредоточивалъ всѣ силы своей арміи на случай нападенія съ юго-западной стороны

тогдашней Европы. Наконецъ послѣдній удѣлъ, Тверское княжество, разрозненное, ослабѣвшее готово было присоединиться къ велико-княжеству Московскому. Такимъ образомъ покореніе безпокойнаго, вольнаго Новгорода не представляло Ивану III большихъ затрудненій, но первое, — оно было не въ его характерѣ, а второе, — его останавливало уваженіе къ заступнику Новгорода, тамошнему архіепископу Іонѣ. Вообще Иванъ Васильевичъ любилъ миролюбивыя средства и избѣгалъ войны до послѣдней возможности. Такъ и съ Новгородцами онъ употреблялъ и ласки и посулы для добровольнаго присоединенія къ Москвѣ; умный, осторожный и расчетливый князь выжидалъ, чтобъ Новгородцы разстроились и ослабли сами, какъ Золотая Орда, отъ раздоровъ и неурядицъ въ самоуправленіи вольнаго города. Да и сами Новгородцы хорошо понимали свое опасное положеніе. Удѣльная система кончилась, и на Руси союзниковъ противъ Москвы для нихъ не было. Сосѣдомъ и союзникомъ ихъ являлся врагъ Москвы — Казиміръ Литовскій, который горячо желалъ забрать богатый вольный городъ подъ свое покровительство, для чего много разъ присылалъ пословъ къ Новгородскимъ вѣчникамъ; но чѣмъ болѣе вникали умные посадники въ намѣренія Казимира, тѣмъ страшнѣе казалась имъ его хитрая и льстивая политика. Какъ главное препятствіе къ соединенію съ Литвою, составлявшею часть Руси и родственныи народъ, стояло католическое вѣроисповѣданіе. Подчиниться латинскому духовенству не могло Новгородское православное вѣче. Надо было бы признать надъ собою власть митрополитовъ Киевскихъ, которыхъ ставилъ и избиралъ Римскій папа... Новгородцы видѣли въ этомъ измѣну православію, но не всѣ, были и такіе, которые легко относились къ этому затрудненію. Поэтому въ описываемую эпоху Новгородское вѣче раздѣлялось на двѣ враждебныя и непримиримыя партіи. Первая была сторонницей князя Московскаго и митрополита Филиппа; вторая, — недовольная Москвою или подкуплен-

ная Казиміромъ, стояла за присоединеніе къ Литвѣ и къ Киевской митрополіи.

Прекрасное осеннее утро еще мало напоминало приближеніе зимы. Все еще зелѣнѣло кругомъ, и только поля золотились готовой жатвой и пестрѣлись людьми, убравшими хлѣбъ. Пѣсни жнецовъ и стувъ цѣповъ далеко раздавались по окрестностямъ Новгорода, гдѣ въ это утро замѣтно было большое оживленіе, и народъ въ праздничныхъ одеждахъ сновалъ по улицамъ.

Старый историческій Новгородъ былъ хорошъ и малочѣмъ уступалъ Москвѣ. Солнце обливало яркими лучами башни городскихъ и кремлевскихъ стѣнъ, церковныя главы и куполь собора Св. Софіи. Сотни посадскихъ домовъ утопали въ зелени садовъ и огородовъ. Въ воздухѣ раздавался глухой людской говоръ. Со всѣхъ сторонъ ѣхали къ одному центру небольшія группы конныхъ бояръ и посадскихъ гостей съ своими свитами челядинцевъ да холопьевъ. Разнощники лакомствъ и съѣстныхъ припасовъ сновали въ народъ и на разные тоны предлагали товаръ покупателямъ.

Вдругъ эту шумную толчею прервалъ густой протяжный звукъ, и все мгновенно смолкло и остановилось въ ожиданіи повторенія этого звука. Онъ снова раздался и охватилъ общее вниманіе переливающимися звуками знаменательнаго вѣчеваго колокола на соборѣ Св. Софіи.

На площади передъ соборомъ собралось вѣче. Ряды скамеекъ были покрыты краснымъ сукномъ и до половины наполнены именитыми боярами, сотниками, посадскими, купцами, дяками. Вновь прибывающіе рассаживались по череду, отдавая коней на руки провожатыхъ, которые отводили ихъ въ особо отгороженное мѣсто, и привязывали къ коновязямъ. Толпы народа запружали не только площадь, но и прилегающія улицы и переулки, но не беспорядочно, а какъ будто особенными ватагами, плотно держащимися вмѣстѣ. Это были наемныя или подкупленныя личности всякаго сословія, готовые стоять за того, кто ихъ манялъ, и кричать то, что имъ

было заранѣе подсказано. Нѣсколько степенныхъ посадниковъ и самыхъ вліятельныхъ бояръ сидѣли на возвышенныхъ ступеняхъ соборной паперти. Когда всѣ заповодаме члены вѣча собрались, серебряный звонъ колокола, послѣ трехъ частыхъ ударовъ, оборвался и замолкъ. Посадники приказали дьяку читать грамоту, присланную Иваномъ III. Дьякъ всталъ на верхней ступени и началъ громко читать. Когда его монотонный голосъ прерывался на нѣсколько секундъ, то тишина кругомъ доказывала, съ какимъ вниманіемъ всѣ слушали.

Однако окончаніе грамоты не понравилось Новгородцамъ: «Отчина моя Новгородъ исправься», читалъ дьякъ. «Земли и воды моеи не берите, имя мое Княжеское чтите гровно, да честно, пословъ челомъ бить съ повинною посылайте въ Москву, а я свою вотчину Новгородъ буду любить, да жаловать, да держать по старинѣ»...

Глухой ропотъ пробѣжалъ по вѣчу.

Со ступеньки собора всталъ степенный посадникъ Дмитрій Исаковичъ Борецкій, средняго роста мужчина, съ выразительными глазами и небольшою рыжеватой бородой. Онъ поклонился собору, колоколу, всѣму вѣчу, и началъ рѣчь:

— Народъ православный и вы, бояре, посадники, гости Новгородскіе, со всѣми ратными людьми и приказными, собрались вы на вѣче великое: совѣтъ держать и думу думать, и дѣла рѣшать по чистой совѣсти, во славу и во благо нашего роднаго Новгорода... Слышали вы слова великаго князя Московскаго: пишетъ онъ, дабы вотчина его исправилась и поваялась...

Снова ропотъ неудовольствія пробѣжалъ по собранію.

— А за то князь, Иванъ Васильевичъ сулитъ вамъ свою вотчину по старинѣ держать... Слышали?... продолжалъ Борецкій, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ общаго неудовольствія.

— Слышали... слышали!... отделинулись изъ толпы.

— Князь Московскій на рѣчахъ общается васъ лю-

бить да жаловать, а вѣдомо намъ, что онъ городъ Псковъ уговариваетъ отъ насъ отдѣлиться и противу насъ войной идти... Не желательно намъ, чтобы такіе подлопы вести безъ нашего согласія, друзей нашихъ исконныхъ смущать и обманывать...

— Ладно!... Истинно такъ, слышались одобрительные возгласы.

— Думаемъ мы, люди православные, честные Новгородцы, что отдавать земли Москвѣ намъ не придется, потому взяли мы ее не чужую а свою, какъ она по старинѣ наша споконъ вѣку и была...

— Наша... наша!.. Москва ее у насъ отняла, кричали изъ гучки народа подготовленные заповвалы.

— Коли земля наша, такъ не стать намъ ее уступать, да въ небывалыхъ грѣхахъ каяться, еще громче и рѣшительнѣе говорилъ Борецкій. Вотъ еще и добродетель нашъ Казиміръ, король Литовскій прислалъ въ славному великому народу Новгородскому грамоту и просить сообща съ нимъ на Москву идти. Дьякъ чти... и онъ подавъ дьяку листъ пергамента.

Дьякъ развернулъ грамоту, съ привѣшанной на ней на красной лентѣ королевской печатью, и началъ читать слѣдующее воззваніе.

«Славному вольному граду Новгороду и всему Великому Вѣчу съ посадниками, степенными боярами, тысяцкими и людьми ратными, отъ короля Литовскаго и Россійскаго Казиміра Гедиминовича поклонъ...

«Пишу онуку грамоту, чтобы предостеречь васъ, любезные Новгородцы, отъ ухищреній Московскихъ, и прошу вмѣстѣ со мною общей силой отстаивать права исконные, дабы овладѣть Московскимъ княжествомъ, а согласіе ваше съ княземъ Иваномъ Васильевичемъ, ничего кромѣ вреда и ущерба не можетъ вамъ предоставить. Вѣдомо мнѣ, что на Великомъ Вѣчѣ сторонники Москвы всячески васъ противъ меня смущаютъ, это мнѣ горько и обидно. Коли хотите со мною дружбу и со-

вѣтъ вести, прочный и для васъ полезный, выдайте опасную грамоту для проѣзда моимъ посламъ... и проч.»

— Какой-же отвѣтъ мы дадимъ на эту грамоту? спросилъ Борецкій.

— Не бывать этому... вотъ нашъ отвѣтъ! крикнулъ одинъ изъ бояръ, стоявшій за Москву, Павелъ Семеновичъ Подмѣсовъ. Вѣдь, еще на томъ вѣчѣ была рѣчь... рѣшили, чтобы съ Казиміровою не путаться...

— А по твоему, у князя Ивана ноги цѣловать? раздался насмѣшливый голосъ.

— Кто это молвилъ,—ни въ какихъ дѣлахъ не смѣнить... Обсудите, православные, какая намъ выгода съ Казиміромъ вязаться. Помочи онъ намъ не пришлетъ, а еще на нашихъ же спинахъ наровить ѣздить. Коли мы сайдаки изъ мѣшковъ вынемъ и противъ князя Московскаго воевать пойдемъ, то бѣда будетъ неминуемая: у Москвы ратныхъ людей много, не чета Литвѣ, подступать они подъ Великій Новгородъ, пожгутъ его, насъ побьютъ, поплѣнятъ дѣтей нашихъ, и придетъ нашему великому вѣчу конецъ!... А, поклонимся мы Ивану Васильевичу, такъ онъ наши вѣчевыя дѣла не тронетъ, и все по старинѣ будетъ. Не волчи у насъ шеи, что поклониться трудно, да неужто Новгородъ такъ оскудѣлъ, что десяти рублей въ даръ князю собрать не можетъ?...

— Что правда, то правда!... По что не поклониться... и десять рублей собрать можно... успѣшили согласиться сторонники Москвы.

— Ладно!.. Можно!.. крикнули голоса изъ толпы народа.

Тогда всталъ съ своего мѣста Новгородскій гость Авдотьянъ и съ улыбкой поклонился на всѣ стороны. Вѣче православное! началъ онъ. Дозволь мнѣ гостю Ивану Иванову, сыну Авдотьяну, слово молвить...

— Молви!.. а мы слушаемъ.. отвѣчали бояре.

— Иные изъ васъ за Москву стоятъ, а иные за Казиміра Литовскаго, и сойтись вы не можете... я человекъ маленький, мнѣ все равно что Москва, что Литва,

а не утерплю словечко замолвить: вотъ бояринъ, Павелъ Семенычъ молвить, чтобъ князю Ивану поклониться и покаяться, и тѣмъ де дѣлу конецъ... А Москва только того и ждетъ, найдутъ бояре Московскіе съ тамошними подьячими, во всѣ дѣла носы совать будутъ; со всѣхъ дань срывать и кровные рублевники Новгородскіе въ свои палаты Московскіи... Въ Москвѣ голтыбы много, всѣхъ не удивишь казной-то Новгородской...

Въ народѣ послышался смѣхъ. Сторонники Москвы поблѣднѣли. Бояринъ Подмѣсовъ всочилъ съ мѣста и навинулся на Авдотина:

— Ты, Иванъ Ивановъ, не вѣчникъ, а посмѣшище народное!... За такія рѣчи, тебя-бъ въ колодеу!

— Высоко, не достанешь, вольнаго гостя въ колодеу сажать! не менѣе гнѣвно отвѣчалъ Авдотинъ. Не тебя ли съ послами-то Московскими съ вѣча метлой надо согнать...

Дѣло дошло чуть не до драки. Посадники поспѣшили разнять и развести въ разныя стороны спорщиковъ. Борецкій крикнулъ громко.

— Что же, мы сюда пришли ругаться, да по пусту языки чесать?.. Вѣче пускай рассудитъ кому лучше быть съ нами въ союзѣ, Москвѣ или Литвѣ... Подавайте голоса... Кто за кого?..

— Мы за короля, Казимира Гедиминовича Литовскаго...

— Мы за великаго князя, Ивана Васильевича Московскаго...

Раздались возгласы, бояре и народъ раздвинулись на двѣ стороны, и всѣ встали въ оборонительную позу.

— Новгородцы!.. Сторонники Литвы чего вы смотрите... Али ждете, чтобы Московскіе крамольники васъ камнями зашвыряли? крикнулъ Егорычъ изъ толпы.

— Не хотимъ Москвы!.. Къ лѣшему ее!.. За короля, за Святую Софію!.. за Великій Новгородъ! кричали съ Литовской стороны; градъ камней и наложъ полетѣлъ на заступниковъ Москвы.

Поднялась потасовка. Такъ весьма часто кончалось вѣче, которое имѣло такое же значеніе для Новгорода, какое имѣла земская дума въ Москвѣ, то есть и въ томъ, и въ другомъ случаѣ правленіе созывало бояръ, людей служилыхъ и военныхъ, наконецъ весь народъ на совѣтъ, чтобы общими мнѣніями обсудить положеніе дѣлъ и сдѣлать необходимыя распоряженія. Вѣче отъ думы отличалось только тѣмъ, что, какъ собранное изъ никому не подчиненныхъ личностей, — было шумнѣе и безпокойнѣе. Каждый посадникъ и значительный бояринъ имѣлъ въ Новгородѣ свою партію приверженцевъ; по словамъ лѣтописцевъ, бояре нанимали «худыхъ мужиковъ», заставляя ихъ кричать или пускать въ дѣло кулаки. Въ описываемое время этотъ обычай принялъ огромные размѣры, и на каждомъ вѣчѣ противники попеременно имѣли перевѣсъ, судя по тому, кто больше далъ денегъ «худымъ мужикамъ» и сброду городскихъ поддонковъ. Вслѣдствіе такихъ раздоровъ, не только кучки поклонниковъ, но и цѣлыя слободы вступали между собой въ брань и драку.

Когда приверженцы Литвы кинулись на Московскихъ, — тѣ отступили и кинули свою челядь; кулаки, камни и палки были пущены въ ходъ, но другое оружіе не допускалось. Наконецъ нѣсколько бояръ сторонниковъ Литвы повскакали на коней и съ своими конными ратниками врѣзались въ толпу, подъ предлогомъ усмиренія драки; тогда Московскіе заступники не выдержали натиска и бросились въ бѣгство, преслѣдуемые насмѣшками, бранью и смѣхомъ противниковъ.

Разсерженные, оскорбленные бояре, стоявшіе за Москву, удалились и заперлись въ своихъ домахъ, опасаясь чтобы Литовцы отъ дерзостей не перешли къ насилію. Весь этотъ день, до самой ночи, по улицамъ Новгородскимъ ходили толпы не въ мѣру увившихся крикуновъ; пѣсни, насмѣшки и угрозы не умолкали.

Пособники Казимира торжествовали. Посадникъ Дми-

тріи Исаковичъ Борецкій позвалъ всѣхъ своихъ друзей на пиръ въ свои боярскія хоромы.

Въ хоромахъ встрѣтила гостей мать Дмитрія Исаковича боярыня, Марфа Борецкая, вдова посадница. Она была высокаго роста, еще весьма красивая женщина, очень бойкая и умная, съ рѣзкими чертами лица и огненными глазами, выразившими характеръ крутой, неподатливый и великое властолюбіе.

— Какъ наши дѣла? съ нетерпѣніемъ спросила она.

— Дѣла, матушка, поправились! Спасибо денежкамъ Закрутинскимъ... Нескоро Московскіе забудутъ конешней перетряски... весело отвѣчала Дмитрій.

— Небойсь, серчаютъ...

— Коли не серчаютъ! особенно Подмѣсовъ, да Петровъ, да Оболенскій—Летуня... Чуть не передрались съ нашими-то... Ну, да что про битыхъ толковать... Проголодались мои други, бодрее на вѣчѣ... прикажи, матушка, пиръ начинать...

Боярыня Борецкая захопоталась, вмѣстѣ съ молодой снохой Аннушкой, женой Дмитрія Исаковича. Марфа была тайной воротилой вѣча, не стыдилась и сама на вѣчѣ выступать въ споры со сторонниками великаго князя Ивана, но въ то же время слыла за примѣрную хозяйку, умѣла угостить, обласкать, и успѣхъ Дмитрія Исаковича и другихъ пособниковъ Литвы, много выигрывалъ отъ ловкости и проницливости боярыни Марфы.

Долго въ хоромахъ Борецкихъ шель великій пиръ; медъ, брага и вина заморскія лились рѣкою, пѣли пѣсни, похвалялись, а главное ругали Москву. Между тѣмъ главные вожди стороны Московской: Подмѣсовъ, Оболенскій-Летуня, Петровъ, Мушенинъ, и другіе собрались въ домъ Павла Семеновича,—посоветоваться, что предпринять. Только что такъ неблагоприятно окончившееся вѣче доказало имъ, что нельзя было медлить ни одной минуты, не опасаясь потерять все дѣло. На сколько у пировавшихъ въ домъ Борецкихъ гостей были лица веселы, на столько здѣсь онѣ были сумрачны. Передъ го-

стами хоть и стояли братины съ медомъ, но никто не прикасался къ ковшамъ.

— Какъ быть, бояринъ, Павелъ Семеновичъ? Ты намъ старшій, рѣшай... что нибудь да надо предпринять?

— Вижу я, други мои, что дѣла худыя, а какъ быть не придумаю: послать посланца къ князю Ивану Васильевичу съ извѣстіемъ, что его сторонниковъ на вѣчѣ побили—не годится! Осерчаетъ князь, и благо осень красная, наслѣтъ рать на нашу Новгородъ, а это мнѣ больно не по душѣ, и раздора своей сторонѣ я не хочу. А не изувѣдомить князя объ этихъ беспорядкахъ—еще хуже: узнаетъ стороною, тогда на насъ боаръ будетъ гнѣваться, что дѣло сладить не умѣли... Ума не приложу, сказалъ Подмѣсовъ, окидывая гостей грустнымъ взглядомъ. Испейте-ка медку, гости дорогіе, да закусите чѣмъ Богъ послалъ, а я тѣмъ временемъ можетъ что придумаю. Гости испили меду, закусили рыбой и мясомъ, да лебедемъ жаренымъ, да пирогомъ съ яблочками; а Подмѣсовъ, насупивъ брови, да постукивая пальцами по свицовому переплету окна, выдумывалъ планы. Когда гости развеселились подъ вліяніемъ вѣрпаго меда да вкуснаго завтрака, хозяинъ сказалъ:

— Вотъ что, други мои, какъ ни гадай, а надо послать къ князю человека поумнѣе, чтобы передалъ все съ осторожностью, просилъ бы потерпѣть, обѣщая не жалѣть казны нашей, ни силъ и умѣнья Латинцевъ одолѣть и нашихъ отступниковъ образумѣть... наконецъ рѣшительно сказалъ Подмѣсовъ.

— Что правда, то правда, бояре, мѣшкать не слѣдъ, а ѣхать къ князю хоть меня пошлите; я все улажу и буду челомъ бить: Осударь князь помилосердуй—моль, своихъ рабовъ неразумныхъ, обожди, потерпи, не затѣвай брани тамъ, гдѣ можно миромъ склонить... предложилъ молодой, симпатичный бояринъ, Алексѣй Алексѣевичъ Подбѣльскій.

— Инъ такъ!.. съ записью отъ насъ поѣдешь, а тамъ что Богъ дастъ—Его святая воля, рѣшили бояре.

ГЛАВА IV.

Ночное свиданіе.

Петръ ѣхалъ на рысяхъ и на третій день приблизился въ усадьбѣ боярина Королькова, въ востоку отъ рѣки Волхова и верстахъ въ тридцати отъ Новгорода. Здѣсь мѣстность во всемъ отличалась отъ усадьбы За-крутинскаго, которая съ вѣшной стороны казалась печальной и угрюмой, а Локотокъ—усадьба Ивана Никитича Королькова нравилась своей веселостью и разнообразіемъ. Холмистая долина на югѣ окаймлялась склонами горъ, на западѣ блестя издали воды Волхова, а на сѣверѣ видны были куполы Новгородскихъ церквей, съ Софійскимъ соборнымъ крестомъ выше всѣхъ. Сады и огороды яркой зеленью отдѣлялись на скошенныхъ лугахъ и нивахъ, пруды стояли, какъ зеркала въ рамахъ; живописно раскинутая деревня окружала усадьбу, не обнесенную ни рвомъ, ни стѣнами, боярскій домъ стоялъ по среди хозяйственныхъ построекъ, пестрыя стада бродили по скошенному лугу, позванивая надѣтыми на шею колокольчиками; не много далѣе вѣтранныя мельницы махали крыльями, а по узкой, но глубокой рѣчкѣ Колѣновеѣ медленно тянулись небольшіе струга. Петръ вошелъ въ деревню увѣренный, что никто его не узнаетъ. На немъ была искусно наклеенная борода, новая свитка, красная рубаха, сафьяновые сапоги и шапка съ золотымъ шнуромъ.

Онъ велъ свою лошадь за узду и, подойдя къ одной избѣ, привѣтствовалъ, сидѣвшаго возлѣ воротъ, старика.

— Здорово, дѣдушка! Конь мой присталъ, дозвожь-ка присѣсть да пораспросить... не здѣшній, вѣдь, я... сказалъ Петръ. Старикъ, прикрывъ глаза ладонью, рассматривалъ со вниманіемъ новопривывшаго.

— Посидѣть можно.: Да ты чей и откелсва?..

— Я, дѣдушка, Новгородецъ исконный, а служу у боярина Устрѣль-Закрутинскаго... Слыхаль-ли?..

— Слыхаль!... Онъ нашему боярину другъ и пріатель. Ты къ нему, что-ль?..

— Да! съ грамотой. Скажи-ка, по правдѣ, не крутъ-ли бояринъ вашъ, и какъ мнѣ къ нему подойти?..

— Ничего!.. не бойсь!.. бояринъ обходительный.

— Слышно, что бояринъ-то вашъ овдовѣлъ? опять началъ Петръ, какъ будто равнодушно.

— Овдовѣлъ... ужъ и другую невѣсту сосваталъ: княжну Аломольскую... Можетъ, знаешь князя-то?..

— Нѣтъ, не знаю...

— Табъ вотъ, свадьба будетъ послѣ Козьмы-Демьяна безсребниковъ, продолжалъ словоохотливый старикъ.

— Ну... а невѣста хороша-ли? Охотой-ли за вдовца-то идетъ?.. и Петръ съ замиравшемъ сердца ждалъ отвѣта.

— Невѣста-то?.. старикъ оглянулся, — не слушаетъ-ли кто. Невѣста хороша, да вотъ... люди говорятъ... Не знаю, правда-ли... будто насилкой отдають ее...

Лучъ радости сверкнулъ въ глазахъ Петра.

— Ой-ли?.. Отъ кого это ты слыхаль? воскликнулъ онъ.

— Что ты гаддишь?.. Ты, мотри, не сболтни кому!.. испугался старикъ.

— Не сумлѣвайся, старина!.. Я нешто изъ хитрости?.. Мнѣ что за дѣло?.. успокоивалъ его Петръ, потомъ пристился и побрелъ къ боярскому дому. Когда онъ подошелъ на нѣсколько десятковъ шаговъ, три огромныя собаки винулись было на него съ лаемъ, но обнюхавъ, замахали хвостами, изъясняя дружелюбное настроеніе.

— Эхъ вы, шельмы! Узнали по чутью, проводя рукой по косматымъ спинамъ, сказалъ Петръ.

На дворѣ встрѣтилъ его конюхъ и окликнулъ.

Эй, куда ты прѣшь?.. Чего тебѣ?..

— Посланный отъ боярина Устрѣль-Закрутинскаго, къ вашему боярину Семену Никитичу съ грамотой и поклономъ... отвѣчалъ Петръ.

— А... изъ Устрѣловки! добро... иди, я провожу тебя къ ключнику.

Петръ отдалъ лошадь челядникамъ и пошелъ въ холопскую, гдѣ надѣялся еще кое-что разузнать про свадьбу, но напрасно онъ закидывалъ всѣхъ вопросами; холопы были словоохотливы обо всемъ, исключая интересовавшаго его сватовства, о которомъ они упорно умалчивали. Около часу прешло въ пустой болтовнѣ; наконецъ его позвали къ боярину.

Въ пріемной горницѣ сидѣлъ почти слѣпой старикъ-отецъ Семена Никитича, его старая боярыня, нѣсколько членовъ семейства и самъ бояринъ, Семенъ Никитичъ, средняго роста, вѣрнѣй мужчина лѣтъ подъ тридцать, съ обладистой бородой и непріятнымъ выраженіемъ лица, по крайней мѣрѣ, такъ показалось Петру.

— Ты отъ Ивана Артемьевича? Не видалъ я его недѣль восемь... Ну какъ онъ живетъ, можетъ? спросилъ Корольковъ.

— Живетъ, по милости Бога, хорошо; поклонъ твоей милости прислалъ, да вотъ эту грамоту, — подавая письмо, доложилъ Петръ.

— Грамоту!.. Что-то тебя я не припомню; прежде бояринъ Ниволу-криваго посмалъ? распрашивалъ Семенъ Никитичъ.

— Да прихворнулъ, дядя онъ мнѣ доводится, вотъ меня и прислали, объяснилъ Петръ. — Еще окромя писанья, велѣлъ бояринъ, Иванъ Артемьевичъ, тебѣ словечко молвить одному..

Корольковъ привыкъ къ тайнымъ порученіямъ по дѣламъ Новгородскимъ, которыя неудобно было писать на пергаментѣ.

— Ладно! кивнулъ онъ головой и пошелъ впередъ, а Петръ за нимъ.

— Ну, теперь мы одни, говори безъ опаски, сказала Корольковъ, входя въ отдѣльную горенку и садясь на скамью.

— Вотъ что, бояринъ, Иванъ Артемьевичъ велѣлъ

тебѣ сказать: свадьба у твоей милости затѣвается, такъ не вышло-бъ худо... Слышно, что князь Аломольскій съ Москвою сноится... Перехватили мы и грамоту къ нему московскую... я теперь къ князю, поразунать тамъ бояринъ Иванъ Артемьевичъ велѣлъ, да не дашь-ли, бояринъ, мнѣ отъ себя письма... я бы доставилъ... гдѣтъ Петръ, не смущаясь испытующихъ взоровъ Королькова, котораго эти слова замѣтно озадачили.

Нѣсколько времени онъ сидѣлъ нахмуренный и поче- сывалъ бороду.

— Мнѣ Богъ съ нимъ съ княземъ-то, и съ невѣ- стой.. Это мать съ отцемъ сосватали... пробормоталъ онъ въ раздумѣ.

Петръ зналъ, что Корольковъ женится не по любви, а изъ корысти, изъ-за богатства Аломольскихъ; но пуще корысти, ненависть къ Москвѣ руководила всѣми его дѣйствіями. Петръ съумѣлъ затронуть его слабую струну. вмѣстѣ съ предостереженіемъ, глухо выраженнымъ въ письмѣ Закрутинскаго, слова мнимаго посланца глу- боко запали въ подозрительный умъ Королькова.

Позвавъ дѣяка, онъ продиктовалъ ему письмо къ своему нарѣченному тестю, приложилъ свою печать вмѣ- сто подписи и, вручая пергаментъ Петру, сказалъ:

— Передай мой поклонъ князю, а если что допо- длинно узнаешь, то на обратномъ пути заходи во мнѣ и повѣдай.. Я съ измѣнникомъ родниться не хочу...

Петръ былъ внѣ себя отъ радости; онъ держалъ въ рукахъ средство попасть въ домъ Аломольскихъ, гдѣ надѣялся увидаться и объясниться съ княжною.

Онъ ужъ отѣхалъ версть пятнадцать по берегу Волхо- ва къ сѣверу, когда издали увидалъ отрядъ всадниковъ, на превосходныхъ коняхъ и одѣтыхъ въ щегольскіе вафтаны. Впереди ѣхалъ толстый бояринъ съ ожирѣвшимъ лицомъ и заплаканными глазами, одѣтый въ распашной охабень съ длинными рукавами и въ казакнѣ, опоясанномъ, бо- гато унизаннымъ алмазами, поясомъ.

Сердце Петра тревожно забилось. — Никакъ это

князь?.. Ну, какъ онъ меня признаетъ?.. мелькнуло у него въ умѣ. Онъ соскочилъ съ лошади и почтительно уступилъ дорогу. Подѣхавшіе всадники остановились.

— Ты, что за человекъ? Кого тебѣ надобно? спросилъ князь.

Петръ объяснилъ и подалъ посланіе Королькова.

Князь благосклонно улыбнулся:

— Отъ зятѣа — нарѣченнаго... Ладно!.. Ѣдемъ съ нами. Дома прочтемъ грамоту и угостимъ посланца, какъ подобаетъ.

Ни князь, ни еѣ приближенные не узнали Петра, благодаря искусно прилаженной черной бородѣ—издѣлю одного нѣмца въ Новгородѣ.

— Спасибо нѣмцу... Куда хитеръ этотъ народецъ!.. думалъ Петръ. Какъ буду въ Новгородѣ крѣпкое ему спасибо скажу, и подарокъ отвезу.

Вѣхавъ во дворъ княжеской усадьбы, Петръ овинулъ взоромъ знакомыя ему постройки и, съ особеннымъ вниманіемъ, поглядѣлъ на лѣвое крыло дома, гдѣ былъ теремъ княжны и ея сѣнныхъ дѣвиць.

— Накормите, напоите посланца и коня его, распорядился князь.—Ты переночуй у меня, молодецъ, а утрось я отвѣтъ изготавлю.

Время было подѣ вечеръ. Вся челядь была на работѣ и спѣшно убирала коней, скотъ и собирала трапезу княжескую.

Петру наскоро собрали поужинать, поставили брагу и, не спрашивая, оставили одного, чему онъ былъ очень доволенъ, опасаясь быть узнаннымъ.

Ѣда ему и на умъ не шла; онъ раскидалъ ужинъ собакамъ и вышелъ на крыльцо. Осеннія сумерки быстро надвигались, окутывая предметы въ синеватую дымку легкаго тумана. Петръ сошелъ со ступенекъ и, отворивъ калитку въ садъ, шелъ задумчиво и безъ цѣли по знакомымъ тропамъ. Передъ нимъ шла женщина; Петръ перегналъ ее и оглянулся.—Это Тана, любимица княжны, подумалъ онъ, и схватилъ ее за руку.

Дѣвушка вскрикнула, потомъ сказала усповоеннымъ

голосомъ: — Это ты, Королькова посланецъ. Что?.. аль поклонъ княжнѣ принесть отъ нарѣченнаго?

— Принесть поклонъ, да не отъ него, а отъ себя!.. сказала Петръ. — Аль не узнала, Татьяна Дементьевна. Погляди-ка поближе-то!..

Таня проговорила съ сомнѣніемъ:

— Обличіе словно Петрово... да откуда-же такая у него бородача?..

Петръ снялъ бороду; Таня ахнула, но онъ приложилъ ладонь въ ея губамъ.

— Тссс... Молчи... коли не хочешь меня погубить.

— Ахъ, Петръ, Петръ!.. За чѣмъ ты пришелъ? Узнаетъ князь, тебѣ не здоровать, велитъ тебя избить, да еще посадитъ въ погребъ... со страхомъ говорила дѣвушка.

— Татьяна Дементьевна!... ради Христа, пусти ты меня въ теремъ въ княжнѣ... Я вотъ тебѣ серьги, да ожерелье въ даръ принесть... и Петръ сунулъ узелокъ въ руки сѣнной дѣвушки.

— Что ты?... Въ умѣ нивагъ рехнулся!... Мнѣ съ тобой пропадать не охота, упиралась она, а между тѣмъ спрятала наряды за пазуху.

— Ты скажи хоть княжнѣ: — Петръ, молъ, такую вѣсточку тебѣ принесть, что никто не долженъ знать, кромѣ тебя одной... Гдѣ княжна почиваетъ, и съ кѣмъ?... выспрашивалъ Петръ.

— А вонъ оконце-то угловое свѣтится, это ея опочивальня; а рядомъ въ свѣтелѣ мы съ Соней спимъ, указала Таня.

— Ты попроси княжну оставить оконце не запертое... а сама съ Соней спи по крѣпче... Вотъ и ей гостинецъ: парчевая фата, да поясъ... и Петръ досталъ изъ кармана вещи, попавшіяся ему между товаромъ, отнятымъ у прѣѣзжихъ купцовъ. Таня колебалась. А коли узнаютъ?

— Ни кто не узнаетъ! Мнѣ шкура-то своя дорога;

не бойсь! Если и поймають, за вора примуть, да отдюють, а ты съ Соней въ сторонѣ останешься.

Раставшись съ дѣвушкой, Петръ вошелъ въ холопскую избу, гдѣ челядинцы укладывались спать.

— Какая духота стоитъ, словно лѣтомъ... а бы на волѣ легъ, тутъ у васъ и безъ меня тѣсно, сказалъ Петръ.

— Какъ угодно, хотъ тутъ, хотъ на сѣнцахъ, вотъ войлочекъ твоей милости, предложилъ ему старый ключникъ.

— Спасибо, дѣдушка! Спать я больно здоровъ, побуди-ка меня утромъ... говорилъ Петръ, уходя съ войлокомъ.

— Знакомъ мнѣ голосъ, а рожа не та... пробормоталъ ключникъ, провожая гостя въ сѣнцы.

Петръ кинулъ войлокъ въ темный уголъ сѣней и легъ, но дремота не брала его взволнованную голову. Онъ упорно смотрѣлъ въ полу-отворенную дверь на крыльцо. Ночь была темная, хотъ глазъ вывали; вкругомъ было тихо, только изъ холопской избы доносился дружный храпъ. Петръ вышелъ на крыльцо, и тамъ со всѣхъ угловъ боярскихъ построекъ и скотныхъ, и вонныхъ дворовъ все тотъ же беззаботный храпъ, вмѣстѣ съ монотоннымъ чириканьемъ сверчковъ, успокоили Петра. Подождавъ до вторыхъ пѣтуховъ, онъ рѣшился пуститься на рискованное свиданіе. Мысли бурной волной нахлынули на его напряженное воображеніе. Отворить ли она окно, выслушаетъ ли его, не разлюбила ли?... Ну, какъ клянется она холопьевъ, и выдастъ дерзкаго грозному князю—отцу... Бросать его въ подземелье, пытать будутъ...

Морозъ пробѣжалъ по кожѣ Петра, но любовь преодолѣла страхъ. «Быть не быть!...» махнулъ онъ рукой.

Женскіе хоромы были, какъ и всѣ тогдашніе дома, въ одинъ этажъ и тянулись разными пристройками безъ плана и симметріи. Дѣвичій теремъ выходилъ угломъ въ садъ, огороженный вѣршицею частоголоомъ. Лѣтняя свѣ-

телека возвышалась надъ подвалами; выложенными изъ камня безъ оконъ и безъ всякой шероховатости въ стѣнѣ съ небольшимъ досчатымъ навѣсомъ, сажени въ полторы надъ землей, а сверху уже въ видѣ башенки была горенка-опочивальня княжны, гдѣ окно было полуотворено, и свѣтилась тусклымъ лучемъ свѣча у иконъ. Петръ добрался безпрепятственно до этого заповѣднаго уголка: «Окно не заперто... Она не спитъ и ждетъ меня!» мелькнула радостная мысль. Петръ смѣрилъ глазами расстояние отъ земли до навѣса, попробовалъ стѣну, но не нашелъ опоры для рукъ или ногъ. Однако это его не затруднило. Вытащивъ острый ножъ изъ-за пояса, онъ усердно началъ выдалбливать изъ крѣпкаго камня рядъ ступеней. Цѣпляясь за суки деревьевъ, росшихъ возлѣ стѣны, онъ медленно взбирался, продолжая работать ножомъ; потъ струился съ его лица, руки были въ крови отъ ссадинъ, но онъ поднимался все выше и выше. Вотъ навѣсъ... Петръ протянулъ руку и ухватился за край; нога его сорвалась съ выдолбленной въ стѣнѣ ямки, и молодецъ повисъ въ воздухѣ... Вдругъ подгнившая доска навѣса затрещала, гнилушки обсыпали голову висѣвшаго на одной рукѣ смѣльчака... еще одинъ мигъ, и онъ бы полетѣлъ внизъ... но изъ окна брошенный конецъ длиннаго полотнца избавилъ отъ паденія; Петръ схватилъ свободной рукой холстъ, обшитый кружевомъ, и ловко вскоробкался на навѣсъ. Еще одинъ прыжокъ, и онъ, какъ кошка, юркнулъ въ узкое окошко...

Петръ стоялъ въ нѣмомъ восторгѣ. Княжна не спала; она даже и не ложилась, постель ея была не помята, а одежда, какъ была съ вечера, такъ и теперь осталась на ней. Прислонясь къ стѣнѣ противъ окна, она, сложивъ на трепетной груди руки, смотрѣла на Петра и, казалось, не вѣрила глазамъ. Княжнѣ было не болѣе пятнадцати лѣтъ. Не очень высокаго роста, но стройно сложенная, она еще отчасти напоминала дѣтскій возрастъ; большіе темные глаза, розовые пухлые щечки, полу-испустанннй, полу-улыбающійся ротъ и боричневые, мягкіе

волосы, заплетенные въ длинную косу съ лентой, показались Петру какимъ-то волшебнымъ видѣніемъ.

— Господи!... Алевтина! Княжна! Неужто я опять тебя вижу?... говорилъ Петръ, дрожащимъ отъ радости голосомъ.

— Какъ ты-то сюда попалъ, Петруша? Что такое тебѣ нужно передать мнѣ.. Коли отъ Королькова... не хочу я слушать... Грѣхъ тебѣ его холопомъ ко мнѣ ходить... съ упрекомъ сказала княжна.

— Я не холопъ... я не отъ Королькова... это предлогъ, чтобы тебя увидеть.. Аль тебѣ-то не грѣшно за не милаго идти?... Аль не милъ тебѣ Петръ, а захотѣлось мачихой въ чужимъ дѣтямъ стать, поганые поцѣлуй вдовца знать слаще тебѣ мовхъ?.. Забыла, что на прощанье сулила и божилась не разлюбить?.. въ свою очередь попрекалъ Петръ.

Княжна заплакала: Мать пресвятая Богородица!... что ты городишь?... Нешто я вольна идти или не идти?.. Нешто меня спрашивали?.. Мнѣ въ пору хоть руки на себя наложить, либо въ Волховъ винуться...

Петръ и самъ заплакалъ: доля наша горькая!.. Изъва тебя я чѣмъ сталъ?... Пугаломъ честныхъ людей, отступникомъ. На этомъ свѣтѣ мнѣ висѣлица, а на этомъ—вѣчныя муки лютыя...

— Ну полно... не кручинься желанный!.. ласкала его Алевтина. Авось Богъ не безъ милости!.. Еще я, вѣдь, не вѣнчана... еще и не обручена, только сватовство одно.

— Вотъ что, голубица моя сизая!.. Упрись... не ходи насильно: за вдовца-де не хочу!.. Али-моль у князя другихъ ватевъ лучше не найдеть сваха Новгородская... А я соберу своихъ лихихъ товарищей, подхвачу свою ненаглядную, да въ Москву къ князю Ивану Васильевичу: ему люди ратные нужны на Новгородъ идти... строить воздушные замки влюбленный юноша.

Время незамѣтно летѣло. Сѣровая полоса на востогѣ напомнила имъ, что пора разстаться. Въ послѣд-

нѣй разъ крѣпко прижалъ Петръ къ груди неутѣшную Алевтину, и быстро спустился по полотенцу на навѣсъ, а оттуда по сучьямъ на землю, гдѣ разровнялъ и замель слѣды ногъ и помятую траву.

Онъ спалъ, какъ убитый на своемъ войлокѣ, когда по утру разбудили его и позвали къ князю.

Петръ натянулъ кафтанъ, расчесалъ пальцами волосы и пошелъ за старымъ ключникомъ, продолжавшимъ его оглядывать съ подозрительностью.

У крыльца стояла чья-то осѣдланная лошадь, какъ видно, далеко проѣхавшая.

— Чья это лошадь?.. Словно я ее видалъ? спросилъ Петръ:

— Не знаю, уклончиво отвѣчалъ ключникъ.

Войдя въ княжескую горницу, Петръ тотчасъ замѣтилъ, что лицо у Аломольскаго было пасмурно, и брови сердито нахмурены.

— Ты привезъ отъ Устрѣль-Закрутинскаго моему нарѣченному зятю грамоту? спросилъ князь сурово.

— Я, отвѣчалъ Петръ.

— А гдѣ ты ее взялъ? продолжалъ допрашивать князь.

Петръ смутился недобримъ предчувствіемъ.

— Тебѣ незнакомъ ли вотъ этотъ человекъ? и князь указалъ на входившаго въ двери Егорыча.

Егорычъ сталъ передъ Петромъ въ вызывающей позѣ, подперши руки въ бока.

— Воръ ты, самозванный холопъ!.. крикнулъ князь. Какъ же ты смѣлъ себя посланцомъ именовать?.. И гдѣ ты грамоту взялъ?.. Какъ тебя по имени звать?.. Петръ молчалъ.

— Да, ты присмотрись-ка, Егорычъ, не былъ ли онъ въ шайкѣ съ душегубами-то?..

— Не могу сказать... словно такого межъ нихъ не было... отвѣчалъ Егорычъ. Да гдѣ тутъ, отъ страху ихъ разбирать... Вѣрно, что былъ, коли грамота у него, что была у Николи криваго...

— Ну, да ладно!.. Теперь мнѣ недосугъ, а завтра все у него допытается!.. Эй, холопы!.. Тащите его въ подполье... приказалъ Аломольскій.

Черезъ четверть часа Петръ очутился въ сыромъ подземномъ чуланѣ, съ крошечнымъ отверстіемъ наверху за рѣшеткою. Когда его тащили, онъ примѣтилъ, что надъ подваломъ былъ дѣвичій теремъ, гдѣ наканунѣ онъ видѣлся съ княжной.

— Что это? сонъ, али въ явь я подъ заперъ попалъ?.. грянувъ головой, разсуждалъ Петръ. Кажись, какъ дѣло ловео я приноровилъ... И дернула же нелегкая меня тутъ остаться до утра!.. Да еще этотъ проклятый Егорычъ... Погоди... старый песь! Коли Господь меня отсюда вынесетъ, я тебѣ это припомню!.. И онъ метался по узкой каморѣ, но выхода не было, кромѣ крѣпкой дубовой двери, запертой на замокъ.—А она, вѣдь, тамъ наверху!.. Чуетъ ли ея сердечко?.. Что-то мнѣ завтра будетъ?.. Охъ, горе мое горькое! Напрасно онъ придумывалъ планы бѣгства; никакого спасенья ему не представлялось. День показался ему вѣкомъ. Измученный отчаяніемъ и безнадежностью, онъ наконецъ заснулъ тревожнымъ сномъ.

Въ гробовой тишинѣ подвала самый легкій шорохъ казался громкимъ звукомъ. Петръ проснулся, ему почудилось, что кто-то шарилъ за дверью. Онъ взглянулъ въ отверстіе, откуда былъ давеча свѣтъ, но теперь все было кругомъ темно—должно быть, ночь смѣнила день.—Не за мной ли къ допросу и пытѣ? съ ужасомъ подумалъ онъ, когда услышалъ, что запоры скрипнули въ двери. Инстинктивно онъ прижался въ уголъ и судорожно схватилъ свой ножъ, который у него не отобрали. Дверь скрипнула...

— Петръ!.. тихо произнесъ женскій голосъ.

— Таня!.. Татьяна Дементьевна!.. Никакъ это ты? обрадовался заключенный.

— Я... я... тише... Княжна прислала меня. Мы украли ключи, напоили сторожа брагой съ маковымъ зельемъ.

Бѣги немедля, ты всё ходы знаешь, подѣ большой яблоней веревка, перекинь черезъ частоволь, на той сторонѣ мой братъ Иванъ лошадь твою вывелъ... Бѣги... бѣги!.. шептала Тани, и толкала Петра изъ подвала.

— Какъ мнѣ за тебя, да за княжну Богу молить?.. говорилъ Петръ. Поклонись ей, скажи, чтобъ не забыла, да упиралась бы за этого проклятаго идти...

— Да ну-же... бѣги, говорятъ!.. Княжна сама все знаетъ... торопила Тани. Прощай же.. Храни тебя Господь.

Съ радостнымъ чувствомъ свободы и минувшей бѣды вышелъ Петръ на свѣжій ночной воздухъ. Ясное небо горѣло звѣздами, молодой мѣсяцъ крутымъ серпомъ закатывался на западъ, было свѣжо, а трава бѣлѣлась отъ сильной росы.

Петръ нашель веревку подѣ яблоней, перелѣзъ черезъ частоволь и нашель на другой сторонѣ сада свою лошадь, которую держалъ одинъ изъ псарей князя Аломольскаго:

— Петръ!... ты это?... тихо спросилъ тотъ.

— Я... Здорово, Иванъ Дементычъ!.. отвѣчалъ Петръ.

— Ну!.. не поминай моего имени-то... Садись скорѣй, да уноси свою удалую башку!... Эхъ, вѣдь, какую штуку выдумалъ... смѣялся молодой парень.

— Иди со мной въ лѣсные товарищи... говорилъ Петръ, садясь на коня.—Что ваше за житье холопское! то ли дѣло наше самовольное... Скажи-ка, какъ Егорычъ въ князю попалъ?

— Да вотъ слышалъ я отъ ключника: прѣехалъ Егорычъ-то къ Корольковымъ, тамъ и говорятъ, былъ-де посланецъ отъ Устрѣль-Закрутинскаго... Ну, онъ и повѣдалъ имъ, что посланца-то Николу криваго убили, а, вѣрно-де, это душегубъ разбойникъ грамоту перехватилъ. Ну, Корольковы испугались и къ князю извѣстіе прислали... рассказалъ Иванъ.

— Ну, ладно... прости.. да подумай, что я говорю: еще изъ челяди не хотятъ ли это во мнѣ въ товарищи?.. говорилъ Петръ, тихо отъѣзжая отъ часто-

кола. Добравшись шагомъ до роши, онъ поѣхалъ рысцою, а оставивъ за собой владѣніе князя Аломольскаго, ударилъ коня ременной плетью, и послушный товарищъ его скитаній по лѣсамъ и доламъ, понесся, какъ стрѣла изъ лука.

— Прощай, княжна, до поры до время... оглянулся Петръ на ту сторону, гдѣ за лѣсомъ скрылась усадьба.

ГЛАВА V.

Послы Новгородскіе.

Путнику, подходившему къ Москвѣ въ 1470 году, видъ этого знаменитаго города «сердца Россіи», съ именемъ котораго связана вся русская исторія и всѣ геройскіе подвиги единосборцевъ за вѣру и отечество, представлялся совсѣмъ инымъ, чѣмъ въ нынѣшнія времена. Если день былъ ясный и свѣтило солнце, то еще издали отъ его лучей искрились и горѣли высокія главы и кресты многочисленныхъ церквей и соборовъ, изъ числа которыхъ были особенно замѣчательны: Успенскій, Благовѣщенскій и Архангельскій. Первый изъ нихъ былъ построенъ при Иванѣ Калитѣ около 1340 года, а Благовѣщенскій при великомъ князѣ Васильѣ Дмитріевичѣ около 1400 года. Впоследствии они были Иваномъ III перестроены съ большою роскошью, но эта постройка началась послѣ описываемой эпохи черезъ четыре года, когда Иванъ III женился на Софьѣ Палеологъ и по ея совѣту вызвалъ изъ Италіи болонскаго архитектора Аристотеля Фиоравенти, привезшаго съ собой сына и другихъ хорошихъ мастеровъ. Благовѣщенскій соборъ былъ также перестроенъ въ концѣ XV вѣка, а наконечъ и Архангельскій, первоначально построенный въ 1333 году, былъ вновь передѣланъ въ 1509 году. Но въ 1470 году эти три собора сохраняли еще свой древній видъ и вмѣстѣ съ крѣпостными кремлевскими башнями составляли высшіе пункты тогдашней Москвы, такъ какъ

бросающаяся нынѣ за нѣсколько верстъ въ глаза путешественника колокольня Ивана Великаго тогда еще не существовала (она была начата послѣ Ивана IV и окончена Борисомъ Годуновымъ). На мѣстѣ ея стояла при Иванѣ III небольшая деревянная церковь во имя св. Іоанна «Списателя Лѣтвицы».

Чѣмъ ближе подходили тогда къ Москвѣ, тѣмъ красивѣе и оригинальнѣе представлялась ея панорама. Весь городъ былъ обнесенъ правильными кольцами крѣпостныхъ стѣнъ, одно кольцо въ другомъ. Первые стѣны были красныя кирпичныя съ зубцами и башенками, омываемыя рѣчками Москвою и Неглинной; они окружали святилища Москвы, Кремль, съ его теремами и соборами. Внутренняя стѣна и площадь раздѣляли его на двѣ половины: въ одномъ соборы, дворцы велико-княжескіе и дома знатнѣйшихъ сановниковъ государства, а другая заключала въ себѣ такъ называемый Китай-городъ, гнѣздо всѣхъ торговыхъ лавокъ, лабазовъ, базаровъ, ярмарокъ, куда стекались со всей Россіи и даже изъ-за границы продавцы и покупатели, представляя оживленную картину пестротой и разнообразіемъ націй и нарядовъ. Здѣсь же продавали коней, скотъ, срубленныя избы со строевымъ лѣсомъ, камнемъ и другими матеріалами для построекъ; тутъ-же вѣчно стучали и дымилась кузницы дляковки и починки оружія; пекарни и съѣстные балаганы для продовольствія постоянно толпившагося промышленнаго и мастераваго люда.

Кругомъ Китай-города и Кремля второй рядъ стѣнъ заключалъ въ себѣ посадъ, называемый по цвѣту его стѣнъ «бѣлымъ городомъ»; обитали тутъ дворяне, приказные люди и торговые гости, то есть купцы. За этими стѣнами шла уже болѣе бѣдная обстановка и жили простые горожане, посадскіе мужики; вся эта мѣстность была защищена кругомъ валомъ изъ земли и рвомъ, отчего это третье кольцо укрѣпленій и жилищъ называлось землянымъ городомъ. Затѣмъ, кишили села, деревни, поселки велико-княжескіе и, наконецъ, боярскія имѣнія

съ усадьбами и крестьянами, окружая Москву, какъ-бы живымъ, тѣсно населеннымъ богатымъ поясомъ.

Улицы московскія были тѣсны и узки, представляя легкую добычу пламени пожаровъ, которые часто опустошали столичный городъ. Особенно сильныя пожары, запечатлѣвшіяся въ памяти народной, были въ 1468 году, когда выгорѣло до 8 улицъ посадскихъ; въ 1469 году снова выгорѣлъ посадъ съ 25 храмами, а въ 1430 году погорѣлъ весь Кремль.

Однако въ описываемый періодъ времени, мы застаемъ Москву совершенно оправившуюся отъ этихъ бѣдствій: дешёвая работа рабочихъ рукъ, обиліе строительнаго матеріала, непочатые углы лѣсовъ подъ Москвою давали возможность черезъ двѣ, три недѣли возводить новые деревянные дома и церкви; каменныхъ же построекъ тогда было мало; кирпичъ и камень служилъ болѣе для укрѣпленій.

Москва переживала въ то время кризисъ и готовилась къ тому перевороту, который начался въ ней съ женитьбой Ивана на византійской царевнѣ Софьѣ Палеологъ. Когда Константинополь былъ взятъ турками и Софья бѣжала въ Римъ, то папа Павелъ II искалъ ей жениха въ разныхъ государствахъ и черезъ кардинала Висарьона предложилъ ее въ супруги тогда вдовствующему Ивану III Московскому, первая супруга котораго Марія Борисовна княжна Тверская умерла въ 1467 году. Съ женитьбой Ивана въ Россію нахлынули иностранныя искусства и ремесла. Софья показала палаты княжескія тѣсны и храмы не благолѣпны; явились архитекторы, по тогдашнему «муромі» и инженеры «размысли» и наполнили Москву дворцами и храмами въ византійскомъ стилѣ. Съ тѣхъ-то поръ и заглянула впервые въ Москву западная цивилизація и знакомство съ Европой установилось прочно.

Въ 1470 году еще только велись о вторичной женитьбѣ великаго князя переговоры. Князь былъ одиновъ и вдовъ; дворецъ его, срубленный изъ дубовыхъ брусевъ

считался лучшимъ домомъ не только въ Москвѣ, но и во всемъ Московскомъ государствѣ; черепичная кровля съ крутымъ высокимъ конькомъ блистала всѣми цвѣтами радуги; стѣны были размалеваны и изукрашены золоченой рѣзьбою сплошь, какъ кружевомъ, покрывавшей все зданіе; небольшія окна высоко отъ земли прикрѣплялись свинцовыми переплетами и загоразивались плотными ставнями.

Большое съ точеными столбами крыльцо, устланное краснымъ сукномъ, вело въ просторныя сѣни, раздѣлявшія весь дворецъ на двѣ половины. Въ сѣняхъ по стѣнамъ стояли скамьи, тоже покрытыя сукномъ, а по полу постланы были ковры татарскіе и заморскіе; кругомъ, гдѣ только было мѣсто, были навѣшаны иконы въ драгоценныхъ окладахъ, съ рядами неугасаемыхъ лампадъ. Кое-гдѣ по стѣнамъ висѣли серебряные кованые умывальники надъ мѣдными тазами для умыванія придворныхъ и всѣхъ посѣщавшихъ велико-княжескія хоромы. Въ одной половинѣ, налѣво отъ сѣней, были терема жилые, домовая церковь, столовая, опочивальни, дѣвичьи, дѣтскія и прочія комнаты, приспособленныя для семейной жизни. Въ правой отъ сѣней половинѣ въ велико-княжескихъ покояхъ первая комната называлась думою и была убрана съ роскошью и богатствомъ: тутъ собирали именитыхъ бояръ на совѣтъ, присутствовало высшее духовенство и давались великолѣпныя пиры посламъ и гостямъ чужеземнымъ.

Мы застаемъ Ивана III на своей домашней половинѣ въ столовой, гдѣ онъ только что покончилъ трапезу и собирався на отдыхъ. Наружность великаго князя была весьма привлекательна: при высокомъ ростѣ и худощавости, онъ имѣлъ умное, красивое лицо, съ черноватой окладистой бородкой, нѣкоторая сутуловатость не портила общаго впечатлѣнія, хотя давала его врагамъ случай глумиться, называя его «Тимофей-горбунъ». Извѣстно, что въ древнія времена на Руси удѣльнымъ и великимъ князьямъ при святомъ брещеніи давали два

имени, такъ и Ивану дано было еще имя Тимофей. Одѣтъ былъ Иванъ Васильевичъ въ длинный тонкаго сукна охабень, распахнутый на малиновой шелковой рубахѣ, вышитой бисеромъ (жемчугомъ) и подпоясанной серебрянымъ поясомъ; грудь его была украшена рядами бурмицкихъ зеренъ и камней самоцвѣтныхъ «лалъ, яхонтовъ и иныхъ». Дорогіе ручки, то есть манжеты, придерживали разръзные рукава охабня, а ноги были обуты въ сапоги изъ желтаго сафьяна съ разводами и загнутыми носками. Иванъ Васильевичъ сидѣлъ на лавкѣ возлѣ окна и утолялъ жажду медомъ сыченнымъ, когда взоръ его различилъ у рѣшетки, которой былъ обнесенъ широкій дворъ между дворцомъ и соборами, колымагу и вылѣзавшаго изъ нея боярина. Княжескіе конюхи подхватили лошадей подъ уздцы, и повели ихъ, почтительно раскланявшись съ пріѣхавшимъ бояриномъ.

— Кого это Богъ принесъ? подумалъ Иванъ Васильевичъ. Обликъ словно знакомый.. не изъ Новгорода ли?

Вошелъ очередной бояринъ, находившійся со стражей въ сѣняхъ и доложилъ:—Осударь князь! Къ твоей милости прибылъ гость изъ Новгорода; прикажи ему челомъ бить твоей милости.

— Какъ его звать? освѣдомился Иванъ Васильевичъ.

— Алексѣй Алексѣевъ сынъ Подбѣльскій.

— Знаю... знаю... Пускай отдохнетъ, пока мы послѣ трапезы поживать будемъ, сказалъ великій князь, потомъ прибавилъ: а если дѣла спѣшныя, можно сонъ отогнать. Новгородскія дѣла такъ интересовали князя, что онъ рѣшился нарушить обычай послѣобѣденнаго отдохновенія.

Черезъ нѣсколько минутъ въ покои вошелъ уже знакомый намъ Новгородскій бояринъ. Помолясь на иконы, онъ поклонился князю «земно», но князь поднялъ его и ласково облобызалъ.

— Здорово-ль живешь? спросилъ князь, и не дожидаясь отвѣта, еликнулъ отрока: меду сюда, вина фряжскаго, перепечей, да сластей разныхъ, приказалъ онъ.

Когда передъ княземъ явились на столѣ, покрытомъ штофной скатертью, дорогія вина заморскія и медъ, и пирожное съ пряниками, да коврижеами, онъ выпилъ изъ серебрянаго кубка и подалъ боярину, который, низко кланяясь да желая вслѣднихъ благъ князю, осушилъ кубокъ до дна, такъ какъ оставлять хоть ваплю считалось невѣжествомъ. Закусивъ пряниками, бояринъ приступилъ къ изложенію своего дѣла.

— А я къ тебѣ, княже, посломъ отъ Новгородскихъ посадниковъ, не отъ всѣхъ, что дѣлать!.. много межъ нихъ непутныхъ супротивниковъ!.. а отъ друзей и слугъ вѣрныхъ твоей милости...

— Такъ и быть, что не ото-всѣхъ: «много званыхъ, да мало избранныхъ», не томо у насъ много-грѣшныхъ, а и у Господа-Бога... со вздохомъ молвилъ князь.

Подбѣльскій подробно разсказалъ все происходившее на послѣднемъ вѣчѣ... Иванъ Васильевичъ слушалъ молча, сжавъ губы и сдвинувъ брови; видно было, что онъ огорченъ, но старается удержатъ себя.

— Теперь, осударь князь, тебѣ извѣстны наши смуты... Други твои бьютъ челомъ твоей милости, не серчай на насъ неразумныхъ и дозволь совѣтъ нашъ тебѣ молвить, заключилъ бояринъ.

— Добрый совѣтъ всегда къ пользѣ, Алеша, сказала смягченный князь. Послушаемъ совѣта друзей моихъ вѣрныхъ.

— Мы всѣ, княже, за тебя животы свои готовы положить... а супротивниковъ хоть и меньше числомъ, да хитры океанные: на народъ и на горожанъ деньгою сыплютъ и къ себѣ за Казимира да за латинскую вѣру сманивають; вѣдомо тебѣ княже, кто холопьямъ больше посулу, и угощенія сдѣлаеть, будь хоть ляхъ, хоть татаринъ — за того они на вѣчѣ и кричатъ. Съ помощью Господа Бога, Пресвятой Богородицы и Заступницы нашей Св. Софіи мы крѣпко уповаемъ все окаянное ухищреніе литовское и римское одолѣть съ терпѣніемъ и со временемъ, а тебѣ бьемъ челомъ, мило-

стивый осударь князь, не губи нашъ родной городъ, обожди и походомъ къ намъ не ходи, просилъ Подбѣльскій, и въ тонѣ его слышалось искреннее желаніе сохранить мирныя отношенія съ Москвою. Грустная улыбка скользя на устахъ князя.

— Видитъ Богъ, Алѣша! не охотно мнѣ противу своихъ единовѣрныхъ воевать!.. Не люблю я крови проливать русской... безъ того враговъ у насъ много. Желалъ бы я держать народъ ласкою и стариной... да видишь самъ, съ крамольниками ничего не беретъ, сами на брань лѣзутъ! молвилъ Иванъ Васильевичъ.

— Потерпи Христа-ради, княже!.. Горько и намъ, вѣрнымъ рабамъ твоимъ, что братья наши отъ вѣры православной отшатнулись, къ папскому латинству перешли, митрополита Московскаго не чтутъ... Про себя скажу не облыжно, коль прикажешь, готовъ я за тебя на смерть, крови своей не жалѣючи... говорилъ Подбѣльскій и искренность свѣтилась въ его глазахъ.

Великій князь положилъ руку на плечо боярина.

— Спасибо тебѣ, Алѣша, что вѣру православную и вѣрность къ государству Московскому держишь крѣпко и честно... А что до брани... я повременю еще: худой миръ все же лучше доброй брани... Какъ Богъ святъ, я дотолѣ на коня не саду супротивъ Нова-города, пока совсѣмъ всѣ мѣры любви и кротости не испытаю... обѣщаль князь.

Милостиво простясь съ Подбѣльскимъ онъ отпустилъ его. На третій день посолъ уѣхалъ въ Новгородъ, успокоенный и ободренный; а на четвертый день въ Москву пріѣхалъ изъ Новгорода же другой посолъ, но на этотъ разъ уполномоченный отъ всего вѣща, такъ сказать официальный, который испортилъ дѣло, такъ ловко улаженное Подбѣльскимъ.

Посадника Василья Ананьина, какъ посла настоящаго, надобно было принять болѣе торжественно, а потому пріемъ ему былъ назначенъ на слѣдующій день. Въ думной палатѣ собралось высшее духовенство и

бояре. Послѣ всѣхъ вошелъ великій князь роскошно одѣтый, въ сопровожденіи свиты тѣлохранителей съ золочеными протазанами и мечами на голо въ рукахъ. Какъ на князѣ, такъ и на боярахъ были надѣты шубы соболиныя, крытыя бархатомъ съ серебряными украшеніями и драгоценными каменьями, а на Иванѣ Васильевичѣ шапка съ опушкою, ннзанная бисеромъ и алмазами да яхонтами.

Новгородскій посолъ Василій Ананьинъ прибылъ не съ пустыми руками. На золоченомъ блюдѣ онъ поднесъ великому князю даръ: деньгами двадцать рублей, сорокъ соболей и нѣсколько дорогихъ кубковъ, что составляло въ ту пору около двадцати пяти тысячъ рублей, на наши деньги.

Начался приѣмъ. Посолъ поклонился государю и, стоя передъ нимъ, изложилъ дѣло, по которому былъ присланъ. Послѣ разныхъ вопросовъ болѣе или менѣе важныхъ, Ананьинъ сталъ жаловаться, что Московскіе-де порубежники грабятъ села Новгородскія, отнимаютъ ихъ земли и воды, которыя просилъ возвратить, а виновныхъ наказать.

Насмѣшливая улыбка пробѣжала по лицамъ присутствующихъ.

— Чудно мнѣ то, Василій, что Новгородцы жалуются на порубежниковъ, а порубежники ходятъ въ намъ челомъ бить, что Новгородцы у нихъ волости отнимаютъ, слободы жгутъ и народу нашему всякое утѣсненіе чинять... молвилъ великій князь.

— Великій осударь, княже милостивый!.. воля есть твоя выслушать меня раба твоего: что мнѣ приказано, то я и молвлю, а чинять ли утѣсненія наши люди Новгородскіе твоему народу Московскому, про то мнѣ говорить не велѣно, да и мнѣ о томъ ничего не вѣдомо! уклончиво отвѣчалъ посолъ.

— Ты самъ посадникъ: тебѣ должно быть вѣдомо... замѣтилъ одинъ изъ бояръ Московскихъ.

— Посадникъ я—это точно, только я безъ прочихъ вѣчниковъ отвѣта никакого не могу дать...

— Чѣмъ по пусту-то великаго князя нашего беспокоить, не худо-бъ было тебѣ, посодъ имянитый, да и всему вашему боярству посадскому, повиниться да покаяться передъ милостивымъ нашимъ осударемъ въ великихъ дерзостяхъ вашихъ супротивъ его власти, что вы на вѣчѣ своемъ дозволяли себѣ, да супротивъ всей Москвы всякия хуленія изрыгали, въ латинскую вѣру народъ склоняли и королю Литовскому Казимиру Гедиминовичу челомъ били!.. вспылчиво сказалъ воевода, князь Данило Дмитриевичъ Холмскій, извѣстный и заклятый врагъ Новгорода.

— На твои рѣчи, княже, я не отвѣчу, пока мнѣ на то приказа отъ пославшихъ меня не будетъ... сухо и коротко отвѣчалъ Ананьинъ.

Ропотъ неудовольствія пробѣжалъ по собранію: Нѣкоторые замѣтили, что не худо-бъ посла такого въ подполье запереть, да и продержатъ, пока другаго болѣе толковаго пришлютъ вѣчники—кромольники.

Иванъ Васильевичъ, не смотря на явное неудовольствіе, которое это посольство внушило ему, поспѣшилъ остановить начинавшуюся распрю и, сдѣлавъ надъ собой усиліе, отвѣчалъ Ананьину кротко и спокойно:

— Скажи своему народу Новгородскому, что бы моя вотчина любезная исправилась и во грѣбахъ своихъ спѣшно покаялась, чтобы впредь на вѣчахъ раздоровъ съ моими вѣрными сторонниками не было, имяни-бъ моего не позорили, отъ святой православной вѣры не отступались, латинство къ себѣ-бъ не пускали и съ королемъ Казиміромъ супротивъ Москвы въ союзъ бы не входили. Буде все сіе исполнять свято и непреложно, то и я по старинѣ вотчину свою Новгородскую любить и жаловать буду... а коли упорствовать стануть въ такихъ противъ Москвы и противъ князя своего законнаго дерзостяхъ, то видитъ Богъ и Пресвятая Царица Небесная, соберу я рать воинскую, влиевну кличь къ на-

роду Московскому православному и, сѣвъ на коней, поидемъ на крамольниковъ, посѣчемъ ихъ, переказимъ, а городъ вашъ огню предадимъ и повору великому... такъ и передай своимъ посадникамъ и всему вѣчевому соборищу Новгородскому. Сказавъ эти рѣшительныя слова, Иванъ III подошелъ подъ благословеніе митрополита Филиппа и торжественно удалился изъ думной палаты, сопровождаемый вельможами и охранной стражей. Бояре, помня наказъ княжескій не вступать въ распри и открытую ссору съ Новгородцами, а, особенно, уважать пословъ, воздержались, по уходѣ князя, отъ выраженія своего неудовольствія. Они сухо и холодно проводивъ Ананьина изъ велико-княжескаго двора, разошлись и разѣхались по домамъ, убѣжденные въ томъ, что весьма скоро терпѣнье великаго князя истощится, и Новгородъ жестоко поплатится за свои своеволія и дерзости.

Князь Данило Дмитріевичъ Холмскій больше всѣхъ желалъ войны: ему было скучно, и бездѣйствіе придворной жизни утомляло его пылкій нравъ. Отпросившись у князя, онъ уѣхалъ изъ Москвы на нѣсколько дней.

ГЛАВА VI.

Охота на медвѣдя.

Стоялъ ноябрь. Сухая ясная осень быстро перешла въ зиму; не успѣли еще облетѣть послѣдніе желтые листья, какъ запорошили первыя бѣлыя мухи, которыя вскорѣ перешли въ густые хлопья снѣга и дня черезъ три вся тогдашняя Русь отъ сѣвера до южныхъ предѣловъ покрылась бѣлымъ саваномъ на цѣлые шесть мѣсяцевъ. Путь установился, и полетѣли во всѣ концы съ нетерпѣніемъ ждавшіе прямаго сообщенія санныя подводы, потянулись обозы всякаго хлѣба и товара къ Москвѣ, къ Новгороду, Пскову и другимъ пунктамъ густаго населенія.

Не слишкомъ еще злы морозы и не очень глубокіе снѣга, а главное твердо замерзшія рѣки да болота давали возможность безпрепятственнаго передвиженія, которое замѣдлалось, а въ иныхъ мѣстахъ и вовсе прекращалось лѣтомъ за неимѣніемъ удобныхъ путей сообщенія. Всѣ какъ будто ожили, отъ бояръ до холоповъ и крестьянъ. Всѣ радовались матушеѣ—зимѣ, встрѣчая ее хлопотливыми сборами да проводами въ путь дорожку, кто по торговымъ дѣламъ, а иные для свиданія съ родней и друзьями.

Верстахъ въ 25 отъ Москвы, въ нынѣшнемъ Дмитровскомъ уѣздѣ, были тогда обширныя, непроходимыя болота, называемыя Сестрорѣцкими, на которыхъ росли вѣковые дубовые боры; изъ нихъ еще и до нашихъ временъ остались обрашки, близъ Николы Песношскаго монастыря, а тогда вся эта мѣстность вплоть до Москвы составляла неразрывную цѣпь болотъ и лѣсовъ. Лѣтомъ тутъ не было проходу людямъ, за то звѣрья водилось такое множество, что для охоты представлялось раздолье. Въ болотахъ копошились стада пернатыхъ, которымъ было и сытно и безопасно, даже легкая лиса да куница не могли достать ихъ въ густой осокѣ, покрывавшей тинистое дно глубокихъ трясинъ. Къ зимѣ вся перелетная дичь исчезала, а оставались тетери, рябцы да лѣсная курица то есть куропатка. Между звѣрами особенно было много зайцевъ, лисъ, куницъ, горностаевъ, хорей, барсуковъ, волковъ черныхъ и бурыхъ, лосей, вепрей, буйволовъ, оленей разнаго рода и царей русскихъ лѣсовъ косматыхъ медвѣдей.

Въ одномъ мѣстѣ въ лѣсу тянулась версты на три равнина и по ней шла узкая дорога, соединявшая нѣсколько поселковъ между собою.

Однажды въ началѣ ноября равнина оживилась и эхо, окружавшихъ ея лѣсовъ, понесло отголоски людской рѣчи и звуки роговъ. По дорогѣ шли охотники гурьбой до десятка разнаго возраста и вели на привязи 4 пары со-

Багъ замѣчательно крупной породы. Охотники были хорошо одѣты и вооружены, а одинъ изъ нихъ отличался отъ прочихъ своей шубой, крытой чернымъ бархатомъ, да дорогою собольной шапкой. На видъ ему было около 30 лѣтъ; круглое, румяное лицо, черные блестящіе глаза и небольшая темная борода придавали ему ту русскую красоту, о которой въ наше время мало имѣютъ понятія. Вся стройная, атлетическая фигура охотника носила отпечатокъ отваги до безумія, молодецкой удали и добродушной безпечности, съ легкимъ оттѣнкомъ боярской гордости. Это князь Данило Дмитріевичъ Холмскій, котораго мы уже видѣли при приемѣ пословъ Новгородскихъ, гдѣ онъ смѣло подавалъ голосъ, хотя былъ и моложе другихъ бояръ. Онъ считался любимцемъ великаго князя.

Князья Холмскіе были родомъ изъ Тверскихъ удѣльныхъ; въ началѣ княженія Ивана они перешли къ нему на службу и заняли видныя мѣста въ воеводствѣ и думѣ. Данило Дмитріевичъ, по обычаю той эпохи, былъ женатъ въ юныхъ годахъ, но жена, выбранная родителями безъ его согласія, была ему не мила. Когда она умерла, онъ не жалѣлъ о ней, а напротивъ почувствовалъ всю цѣну свободы. Отца у него уже не было въ живыхъ, а старая княгиня Холмская не торопила сына вторымъ бракомъ, такъ какъ всѣ хозяйственныя распоряженія были въ ея рукахъ, и она имѣла на сына большое вліяніе, которое боялась потерять, если сынъ возьметъ сноху съ большимъ гнѣздомъ. Пожилыя женщины имѣли тогда большое вліяніе не только въ семьѣ, но и въ дѣлахъ. Въ описываемую эпоху простая не царственной породы женщина Марфа Борецкая не мало способствовала борьбѣ Новгорода съ Иваномъ III; да и вообще можно безошибочно сказать, что если и были несчастныя угнетенныя жертвы, то по большей части вслѣдствіе слабости характера, или же въ столкновеніи съ другими болѣе сильными и энергичными женщинами—своими соперницами. Князь Данило

Дмитріевичъ имѣлъ характеръ хоть и вспылчивый, но податливый на ласковыя рѣчи, и его легко можно было подчинить постороннему вліянію, хотя при случаѣ онъ умѣлъ выказать и непреклонную волю и неодолимую храбрость, что уже и успѣлъ доказать на ратномъ полѣ, разбивъ съ горстью удалцовъ въ пятеро сильнѣйшую толпу татаръ, при одномъ изъ набѣговъ хана Ахмата. Успѣхи князя Данилы и любовь къ нему великаго князя могли бы возбудить въ другихъ боярахъ вражду и зависть, но его добродушіе и обходительность со всѣми, примиряли недруговъ и враговъ. Они видѣли, что въ немъ не было ни корысти, ни властолюбія.

Князь Данило Дмитріевичъ вздумалъ воспользоваться твердымъ настомъ; свободно, не проваливаясь, прыскать по лѣсамъ да болотамъ за дичиной и звѣрьемъ. Оставивъ колымаги и сани въ ближнемъ селенѣ, охотники разбрѣлись пѣшкомъ и спустили собакъ, которыя, побѣгавъ и обнюхавъ слѣды, побѣжали на прямикъ къ лѣсу. Легкій иней мелькалъ въ тихомъ, морозномъ воздухѣ, сверкая тысячами огней при яркихъ лучахъ восходящаго солнца; глаза съ трудомъ переносили этотъ ослѣпительный свѣтъ, отражаемый серебристой одеждой земли. Весело шагала молодой князь по лѣсу, прислушиваясь къ его таинственному гулу, и утренній морозецъ пріятно пощипывалъ его румяныя щеки. Тихая лѣсная нарушалась иногда небольшимъ звѣрькомъ, преслѣдуемымъ ворономъ или коршуномъ между вѣтвями деревъ, осыпая князя рыхлымъ снѣгомъ и прячась въ расщелину въ ту минуту, когда хищникъ распускалъ надъ добычей острые когти. Данило Дмитріевичъ съ любопытствомъ слѣдилъ глазами за этой своего рода охотой, когда до его слуха донесся отрывистый лай собаки; вскорѣ къ ней присоединились и другія, и громкій лай ихъ возвѣстилъ, что онѣ напали на слѣдъ крупнаго звѣря, который приближался къ той сторонѣ, гдѣ его долженъ былъ встрѣтить князь. Онъ выхватилъ ножъ изъ за

пояса и, снявъ съ плеча пицаль, приготовился къ нападенію или оборонѣ, судя по величинѣ и смѣлости звѣря. Вотъ показались собаки съ взъерошенными отъ злости спинами; онѣ гнались по слѣду, но звѣря еще не было видно. Пробѣжавъ мимо Данилы Дмитріевича, на зовъ хозяина. собаки только обернули къ нему свои умные глаза, словно приглашая его съ собою и снова устремились въ чащу лѣса, гдѣ вскорѣ ожесточенный лай на одномъ мѣстѣ убѣдилъ князя о мѣстѣ боя.

— Это косматый! рѣшилъ онъ и поспѣшилъ на помощь къ собакамъ, осторожно раздвигая вѣтви деревъ. Собака кидалась въ кучу валежника, изъ которой показалась огромная голова царя русскихъ лѣсовъ. Сердито рыча, лѣвъ медвѣдь изъ теплой берлоги... склокоченная бурая шерсть его была вывалена въ снѣгу, острые клыки оскалены, а маленькіе глаза сверкали отъ ярости. Сначала онъ оттолкнулъ лапой слишкомъ назойливыхъ собакъ, полетѣвшихъ далеко съ визгомъ отъ этого могучаго толчка; но увидавъ новаго врага—человѣка, онъ уже не обращалъ вниманія на собакъ, а пошелъ быстро на князя. Данило Дмитріевичъ, стоя на мѣстѣ, твердо выжидалъ минуты пустить звѣрю осколокъ желѣза изъ дула своего огнестрѣльнаго дорогаго по той эпохѣ оружія.

Подойдя шаговъ на пять, звѣрь всталъ на заднія ноги и съ раскрытыми объятіями направился на противника смять и задавить его на своей широкой груди. Упершись ногой въ пень, Данило Дмитріевичъ дернулъ за спускъ. Легкое облачко дыма, какъ тонкое кружево, на минуту застлало предметы передъ глазами Данилы. Когда облако разсѣялось, князь увидалъ, что медвѣдь не раненъ, а только трасеть ухомъ, за которое зацѣпила пуля, пролетѣвъ мимо въ толстый сукъ осины и расщепивъ его. Князь, отбросивъ пицаль, такъ какъ заряжать ее уже было поздно, схватилъ ножъ и, прижавшись спиной къ дереву, ждалъ нападенія противника, чтобъ всадить ему ножъ въ горло, отскочить и спрятаться за стволъ дерева. Но его ожиданіе было напрасно: косма-

тѣй, вѣроятно, впервые еще услышалъ выстрѣлъ, и онъ произвелъ на него панику. Со всѣхъ ногъ бросился неповоротливый звѣрь, только трескъ пошелъ по кустамъ!.. Собаки погнались за нимъ прямо на равнину и черезъ дорогу.

Засмѣялся молодой охотникъ трусости врага и, на скоро зарядивъ свое неуклюжее, тяжелое оружіе, побѣжалъ также по слѣду, не обращая вниманіе какъ вѣтви хлестали его по лицу; его одежда цѣпцалась за суки, и на одномъ изъ нихъ осталась его шапка соболіная.. До шапки ли тутъ, когда ускользаетъ хорошая добыча изъ рукъ ретиваго охотника!

Но чу!... крики уже не звѣриныя, а человѣчьи!.. Не попалъ-ли на его товарищѣй лютый космачъ?

Князь выскочилъ на опушку и глазамъ его представилась неожиданная картина: хорошіе пошивни, обитые кожей съ мѣдными и красными украшеніями, своротивъ съ дороги, увязли въ овражѣ, до половины занесенномъ снѣгомъ. Лошади, испуганныя медвѣдемъ, бѣшено бились и рвали упряжь. Напрасно возница пытался ихъ успокоить. Не далеко отъ саней, по волѣно въ снѣгу, стояла закутанная старуха и кричала на весь лѣсъ.. Въ саняхъ была еще другая женщина, повидимому, болѣе благоразумная, которая старалась собрать возжи, выпущенныя изъ рукъ старикомъ вучеромъ.

Данило забылъ про добычу и охоту. Передъ нимъ были люди, просившіе о помощи, и онъ кинулся помогать имъ. Первымъ дѣломъ было овладѣть бившимися лошадьми: схвативъ за узду коренника, онъ кривнулъ старику, чтобъ онъ поймалъ одну изъ пристяжныхъ, а другая лежала подъ оглоблями и храпѣла, придавленная коренной. Овладѣвъ лошадьми, надо было освободить ихъ изъ полуоборванной упряжи; все это ловкостью и силой молодаго князя было вскорѣ устроено. Лошади еще дрожали отъ страху, дико озираясь, но уже не порывались бѣжать. Обтеревъ потъ, струившійся со лба, Данило Дмитриевичъ полюбопытствовалъ узнать кому

онъ оказалъ такую услугу: вмѣсто какой нибудь старой боярыни, какую онъ думалъ увидать въ саняхъ, изъ за собольяго воротника шубейки выглядывало на него прелестное личико молодой дѣвушки, укутанной въ мѣховую фату, такъ что только испуганно расширенные красивые каріе глаза, да румяныя щеки съ небольшимъ свѣжимъ ротиномъ были открыты.

Князь постѣшилъ подойти къ санямъ, съ поклономъ.

— Спасибо тебѣ, боярыня! Господь услышалъ мою молитву грѣшную. Кабы не ты, кони-то убили бы мою ненаглядную, зашамкала старуха—нянька, выльзшая изъ сугроба, гдѣ она такъ отчаянно кричала, вмѣсто того чтобъ помогать кучеру.

— Да!... ловко ты бережешь свою боярышню-то: первая выскочила, а ее бросила. Жаль, что Мишея-то тебя не придушилъ, ворчалъ старикъ возница.

— Спасибо тебѣ. Безъ тебя пришлось бы намъ тутъ сидѣть въ овражкѣ, да замерзнуть, али звѣрьямъ лютымъ въ лапы попасть... сказала въ свою очередь прѣкрасная дѣвушка.

— За что тутъ спасибо-то!... Всякъ бы тоже сдѣлалъ. Это надо Бога благодарить, что космачъ-то мой вась не поранилъ, да меня на эту дорогу навелъ... Все это отъ того и приключилось, что я промахнулся и звѣря сразу не убилъ... отвѣчалъ князь.

— Да ты никакъ убился самъ-то? тревожно спросила дѣвушка, указывая на его руку.

Тутъ только Данило замѣтилъ, что рукавъ шубы его былъ разорванъ и окровавленъ. Стеревъ кровь слѣгомъ, онъ увидалъ на рукавѣ ниже локтя порядочную ссадину, какъ видно лошадинымъ копытомъ.

— Ничего!.. это все тоже, что тебѣ, боярышня, иглою палець оцарапалъ... засмѣялся онъ.

— Скажи-во мнѣ, красавица, какъ тебя звать и откуда ты?..

— Небось слыжалъ про боярина Полянина?.. Вотъ

не далече его вотчина.. Это вот боярышня его—дочка родная, одна у него одинешенька отъ семерыхъ дѣтвѣвъ осталась, затораторила нянька.

— Какъ не слыхать, сказалъ князь. У меня крестный былъ изъ рода Поляниныхъ; онъ умеръ, когда я еще мальчишкой былъ, а звали его Евграфъ Сидорычъ.

Глаза дѣвушки радостно блестнули.

— Евграфъ-то Сидорычъ Полянинъ мой покойный родитель, а звать меня Людмила Евграфовна! воскликнула она. Данило Дмитріевичъ тоже обрадовался.

— Неужто?.. Да ты не изъ Анеудинскаго ли села?

— Изъ Анеудинскаго и есть!.. я тутъ съ тетвой живу, а больше у меня и сродниковъ близко нѣту, отвѣчала она.

— Ань есть... я то!.. Вѣдь мы съ тобой крестовые братъ съ сестрой, сказалъ князь. Ты не припомнишь ли про князей Холмскихъ, родитель твой не поминалъ ли?.. Ну я изъ ихъ рода, звать меня Данило Дмитріевичъ!..

— Мать пресвятая Царица Небесная! крикнула нянька, да вѣдь я тебя на рукахъ нянчила, какъ князь—отъ упокойный Дмитрій Андреичъ въ нашему то боярину ѣзжалъ и съ княгиней!.. Запоматовалъ ты Ѳадѣвну?

— Забылъ!.. давно вѣдь! улыбнулся Данило Дмитріевичъ; а бы посмотрѣлъ на ваше житье бытъе, боярышня, кабы ты меня въ гости позвала къ своей тетужкѣ.

— Просимъ милости, осударь князь Данило Дмитріевичъ, краснѣя пригласила Людмила.

— Ну спасибо за привѣтъ!.. теперь надо санки да коней твоихъ справить, да вотъ шапку мою отыскать... засуетился князь. Топора нѣтъ ли у тебя старина? обратился онъ къ кучеру. Къ счастью топоръ былъ въ саняхъ; его брали на всякій случай, гдѣ дорогой для ходу прочистить въ лѣсу, а иной и звѣра пугнуть.

Князь орудовалъ топоромъ, словно всегда въ холопской работѣ былъ; нянька и кучеръ диву дались. Скоро оглобли поспѣли, сбрую кое-какъ привязали и можно было ѣхать.

— Золотые у тебя руки князь! сказалъ возница.

— Въ ратной службѣ приобънешь, замѣтилъ князь. Всякому дѣлу нужда выучить.

Тутъ подошли его товарищи охотники, и онъ послалъ ихъ исвать свою шапку, взявъ одну изъ ихъ шапокъ.

— А я побѣду вотъ тутъ недалече въ село Анкудинское, сказалъ онъ, вы туда уже съ конями за мной прѣзжайте.

— На что же, князь Данило Дмитріевичъ. Пускай охоту свою продолжаютъ; а ты погости у насъ, мы тебя на своихъ коняхъ отправимъ по домамъ, сказала Людмила.

— Коли милость ваша будетъ, это мнѣ по душѣ, что сродниковъ я нашелъ нежданно, не гаданно, согласился Данило Дмитріевичъ.

Усадивъ няньку Фадѣвну съ Людмилой и укутавъ ихъ кошмой да мѣхами, князь сѣлъ съ кучеромъ на облучкѣ, изъ опасенія, чтобы опять лошади не сшиблись съ узкой дороги. Озавшіе и все еще напуганные кони помчались безъ удержа, только снѣгъ изъ подъ копытъ летѣлъ во всѣ стороны, да бубенцы звонко бряцали. Скоро изъ за рощи показалось село съ деревянной церковью и барской стройвой, окутанной садами съ пушистымъ инеемъ на кустахъ и плодовыхъ деревьяхъ.

— Вотъ и наша Анкудиновка, весело сказала Людмила, да ты небось бывалъ тутъ, княже?

— Бывалъ въ дѣтствѣ съ покойнымъ родителемъ, да не помню видалъ ли тебя-то? отвѣчалъ князь.

— Я жила тогда съ отцемъ да съ матерью во Псковѣ. Послѣ нихъ такъ тамъ и осталась съ теткой, а теперь мы недѣль пять, какъ сюда прѣехали, пожить въ этой вотчинѣ хотимъ... Нынѣ я помолиться въ обитель вздумала—въ бору-то этомъ иноки келии срубили, житья они строгаго, святаго. Къ благословенію старца Евлампія мы съ няней подходили... рассказывала дѣвушка, всходя по ступенькамъ крыльца.

Князь Данило Дмитріевичъ только дивился, глядя на боярышню, такъ развязно съ нимъ обходившуюся, словно всегда съ нимъ была знакома. Ни застенчивости, ни

притворнаго жеманства въ Людмилѣ не было и тѣни; глаза глядѣли прямо, улыбка не походила съ прекрасныхъ губъ; она вовсе не похожа была на тѣхъ боярышень, которыхъ держали въ теремахъ чуть не за замками.

— Вотъ иди на эту сторону въ теткины покои, а я въ свой дѣвичій теремокъ сбѣгаю, шубу сниму и приѣду туда же, указывая на право, пригласила она.

Данило Дмитріевичъ вошелъ въ просторную горницу, гдѣ нѣсколько холопьевъ съ низкими поклонами встрѣтили гостя, обтряхнули съ него снѣгъ и подали умыться. Утираясь ручникомъ съ тонкими кружевами, Данило Дмитріевичъ взглянулъ въ дверь, отворявшуюся съ легкимъ скрипомъ въ другую комнату. На порогѣ стояла стройная фигура дѣвушки съ какой-то дивой, но замѣчательно красивой наружностью, хотя смуглая кожа, черныя длинныя волосы и большіе черные глаза напоминали татарскій типъ. Встрѣтивъ взглядъ князя, татарка вздрогнула и поспѣшно скрылась за дверь. Взойдя вслѣдъ за нею, князь уже не нашелъ ея въ этой горницѣ, убранной довольно хорошо, изъ чего можно было составить себѣ понятіе о достаткѣ и вкусахъ хозяекъ: деревянный потолокъ и стѣны сіяли чистотой; бѣлые, какъ снѣгъ, половики поверхъ войлоковъ покрывали полъ; росписныя изразцовыя печи занимали два угла широкими лежанками и наполняли покои такимъ тепломъ, что съ морозу пріятно было присѣсть на нихъ; вдоль стѣнъ шли скамьи изъ точенаго и лощенаго дуба, на нихъ были посланы ковры и пестрыя татарскія кошмы; два большихъ тяжелыхъ стола стояли въ противоположныхъ отъ печей углахъ. Маленькія со слюдою оконца давали немного свѣту, а свѣчи желтаго воску у иконъ обливали всѣ предметы красноватымъ отблескомъ. На одной скамьѣ стояла пралка, а на столѣ лежала подушка съ начатымъ кружевомъ, да пестрая фата, изукрашенная шелками и серебрянной канителью; это послѣднее рукодѣлье, вѣроятно, исполнялось искусными смуглыми руками молодой татарки, а пралка принадлежала старухѣ теткѣ; Люд-

мила же бѣлыми барсеими нальчиками выводила изъ научнообразныхъ нитовъ пѣтуховъ да павлиновъ, цвѣтныи, крестныи да звѣздки на кружевахъ.

Въ ожиданіи хозяйки, Данило Дмитріевичъ все это осматривалъ внимательнымъ взоромъ. Передъ нимъ ясно и отчетливо вставали картины однообразной жизни этихъ трехъ женщинъ, въ ихъ деревенскомъ уединеніи. Спокойно и отрадно стало на душѣ князя послѣ шумной и тревожной жизни въ стольномъ градѣ Москвѣ, очутиться въ тихомъ боярскомъ гнѣздѣ, и невольно мелькнула въ его головѣ мысль:

Хорошо боярину послѣ охоты, брани, либо съ думы осударевой возвратиться въ родное гнѣздо, гдѣ такая боярыня, какъ Людмила Евграфовна, медомъ напоить, кудри расчесеть и на мягкую постель уложить!... Вздохнулъ князь и въ первый разъ въ жизни одинокая жизнь показалась ему пустой и безцвѣтной.

Размышленія гостя были прерваны вошедшей въ покой боярыней довольно пожилой, плотной, съ крупными чертами лица, и съ нѣсколько прищуренными отъ близорукости глазами. Она была въ бархатной душегрейкѣ съ мѣховой опушкой, въ черной вдовой повязкѣ и въ зеленомъ сарафанѣ съ золоченными пуговицами. Авдотья Васильевна Алексина, вдова, долго жившая въ монастырѣ, послѣ смерти своего двоюроднаго брата Евграфа Сидоровича Полянина, взяла на попеченіе сироту Людмилу, не постриглась въ инокини, какъ прежде хотѣла, а принялась хозяйничать въ вотчинахъ Поляниныхъ и воспитывать дѣвочку, которая со временемъ, при большомъ состояніи, могла выйдти замужъ за боярина, либо князя. Авдотья Васильевна очень ласково приняла Данилу Дмитріевича, припомнила всю его родословную, распросила про сродниковъ, не переставая говорить безъ умолку. Князь слушалъ словоохотливую хозяйку, а самъ все посматривалъ на дверь. Вошла Людмила, и онъ созвался, что такой красавицы и въ Москвѣ поискать. Закутанная въ шубу и фату, она

была хороша, а теперь въ штофномъ сарафанѣ, въ кружевной рубашкѣ съ золотыми да бисерными запястьями, въ низанной жемчугомъ повязкѣ на темныхъ волосахъ, заплетенныхъ въ длинную косу—Людмила совсѣмъ очаровала князя.

Что за ростъ, что за очи ясные, что за уста медовыя, что за шея лебединая! восхищался онъ. Тетва и племянница угощали дорогого гостя пирогами да перепеченными, медомъ сотовымъ съ яблочками, жирной гусятиной да курятиной и никакъ не могли успокоиться, пока не накормили гостя до истощенія силъ.

— Нѣтъ, ужъ уволь, боярыня! не въ маготу мнѣ! отнѣживался князь отъ тридцать третьяго подчиванья и, оберевъ потъ со лба, онъ рѣшительно всталъ изъ-за стола, помолился Богу и поклонился хозяйкамъ.

За столомъ прислуживала татарка, и нѣсколько разъ глаза князя встрѣчали пристальный и какъ бы испытующій взглядъ ея черныхъ очей. Онъ спросилъ, кто эта дѣвушка.

— Зовутъ ее Стояна, отвѣчала Людмила. Покойный мой родитель нашелъ ее въ полѣ послѣ боя съ татарами; мать ея лежала, убитая, отца вѣрно тоже убили; онъ мнѣ дѣвочку вмѣсто куклы привезъ. Съ той поры Стояна у насъ и живетъ, любя она мнѣ и меня сильно любитъ.

Долго еще князь бесѣдовалъ съ Людмилой Поляниной и тетвой ея Авдотей Васильевной Алексиной, которая между прочимъ сказала ему:

— Небойсь тебѣ чудно, что племяннущка моя такая вольница, да ничего съ ней не подѣлаешь. Жила она безъ матери сиротой во Псковѣ съ своимъ родителемъ, а моимъ братомъ. Послѣ упокойной жены онъ опять ни за что жениться не хотѣлъ, а безъ матерей, извѣстно, какой присмотръ!... Людмилушка съ десяти годовъ, что хотѣла то и дѣлала. Опять же Псковъ—городъ вольный, дѣвки тамъ безъ фаты по улицамъ бѣгаютъ, а жены боярскія въ дѣла посадскія за частую вступаются, не плоше боярыни Борцекой въ Новгородѣ. Гостей торговыхъ тамъ

много изъ иныхъ земель: голандцы, шведы, литвины и ляхи... У басурмановъ-то бабье... упаси Господи!... въ плясы пускаются, пѣсни всякія поютъ, играща заводятъ... вольницы, одно слово!... Я, какъ ни билась, не могла отучить Людмилушку... Ты ужь не обезсудь ее сиротку!... Глупа вѣдь еще!...

Во время этого объясненія Людмила, слегка покраснѣвъ, съ плутовской улыбкой взглядывала на Данилу Дмитріевича. Онъ поспѣшилъ успокоить ее тету, что и въ Москвѣ-де боярники да боярышни отъ людей не прячутся.

— Вѣдь не татары же мы, слава-те Господи... у тѣхъ жены на привязи подъ запорами... ну да теперь они намъ не указъ... похозяйничали въ Московскомъ княжествѣ довольно!...

— Это истинно, княже!... затѣмъ же женъ и дочерей православныхъ запираетъ да прятать!... Вѣдь и въ святыхъ книгахъ писано, какъ жены иудейскія были свободны и разумны... Самъ Спаситель нашъ не гнушался съ женами бесѣдовать... замѣтила, Людмила.

Князь Данило Дмитріевичъ удивился такимъ умнымъ рѣчамъ въ молодой шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ.

Онъ вынесъ изъ Анекудинскаго самое пріятное впечатленіе. Ни одна еще женщина такъ ему не нравилась, какъ Людмила, и онъ рѣшился посоветоваться съ матерью и просить ее побывать къ Авдотѣ Васильевнѣ по праву стариннаго знакомства и родства.

Г Л А В А VII.

П и р ъ.

Въ первыхъ числахъ ноября великій Новгородъ былъ взволнованъ важными событіями.

Московцы и Литовцы никакъ не могли помириться, и ихъ ссоры становились все ожесточеннѣе съ каждымъ днемъ. Къ увеличенію смутъ по Новгороду разнеслась

зловѣщая новость о смерти примирителя враждующихъ и усерднаго сторонника Москвы, архіепископа Новгородскаго Іоны. Ходили темные слухи о какомъ-то кушаньѣ, со-страпанномъ зачинщиками литовскаго отпаденія, отъ котораго кушанья будтобы и приключилась смерть миротворца. Эти мрачныя и недоказанныя вѣсти еще болѣе разъединяли Москву съ Новгородомъ и заронили искру мщенія, увеличивъ разладъ противниковъ.

Политическій горизонтъ кругомъ заволакивало грозными тучами. Всѣ ждали только перваго удара зажечь огонь, который могъ быстро охватить не только Новгородъ, но и всю тогдашнюю Русь. Даже въ торговыхъ отношеніяхъ Новгородцевъ съ Москвою былъ полнѣйшій застой; порубежники вооружались, ополчали холоповъ да крестьянъ и укрѣпляли усадьбы, слободы и селенія. Купцы не иначе отваживались возить товары, какъ подъ охраной сильной и многочисленной рати. Таково было положеніе новгородскихъ дѣлъ, когда на третій день послѣ кончины архіепископа Іоны, главная улица города оживилась прїѣздомъ дорогихъ, давно ожидаемыхъ гостей. Пестрая, живописная толпа всадниковъ, въ стройномъ порядкѣ по три въ рядъ ѣхали ровнымъ шагомъ, не торопясь, словно давая время высыпавшимъ изъ домовъ обывателямъ полюбоваться на красные камзолы, отороченные мѣхомъ и отдѣланные золоченымъ шнуромъ, на синіе плащи, висѣвшіе съ плеча, на шапки съ плоскимъ дномъ и перомъ, на желтые сафьянные сапоги со шпорами. Польскіе сабли на боку, топоры за сѣдлами и пищали за плечами довершали этотъ красивый нарядъ. Впередѣ всѣхъ на аргамакѣ стального цвѣта съ крутой шеей и густымъ чернымъ хвостомъ, ѣхалъ статный молодой человѣкъ, возлѣ котораго юный пажъ на небольшой бѣлой лошадекѣ везъ малиновое знамя съ крестомъ и короной.

Это ѣхалъ изъ Кіева въ Новгородъ братъ намѣстника Кіевского Семена Александровича, Михаилъ Омельковичъ.

Для угрозы и въ насмѣшку Москвѣ, Новгородцы пригласили его, и Олельовичъ, понимая свою роль, выказывалъ важность своего назначенія и рисовался, горюча своего сѣро-желѣзнаго аргамака.

Онъ прямо направился къ дому Борецкихъ и зара-нѣе предувѣдомленный посадникъ приготовилъ почетную встрѣчу и пиръ Литовскому князю со свитою и всѣмъ посадникамъ да боярамъ своей партіи.

На пиръ собрались главные представители оппозиціи Москвѣ, бояре Селезевы, Телятевъ, Ѳедоровъ, Памфиловъ, Афанасьевъ, Корольковъ и другіе. Столы ломались подъ разными яствами и питіями. Хозяева Ѳедоръ и Дмитрій, съ своей матерью Марфой, сами за столы не сажались, а, переходя отъ одного гостя въ другому, кланялись и безустанно подчивали, едва ненасильно; гости же, отнѣживаясь и ломаясь изъ чести, словно въ угоду хозяевамъ ѣли да пили съ такимъ аппетитомъ, что скоро церемонность и сановитость ихъ перешла въ болѣе задушевную бесѣду, рѣчи пошли безъ натяжки и слились въ общій шумъ и говоръ. Хмѣль началъ разбирать гостей, только Михаилъ Александровичъ былъ трезвъ, да еще три гостя въ черныхъ длинныхъ одеждахъ, которые сидѣли по обѣ стороны Литовскаго гостя.

На право сидѣлъ духовникъ умершаго архіепископа Іоны, Варсонофій, сѣдой старикъ съ окладистой бородой, круглымъ краснымъ носомъ и отдутлыми щеками; характера онъ былъ тихаго, въ дѣла новгородскія не вмѣшивался и больше всего любилъ ковшь крѣпкаго меду да кубокъ вина фряжскаго. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ включникъ Пимень среднихъ лѣтъ, высочій человекъ съ сердитымъ выраженіемъ лица, нахмуренными бровями, жидкой бородой и плоскими широкими губами. На лѣво отъ Олельовича помѣстился тучный монахъ съ привѣтливой фізіономіей; улыбка мелькала на его губахъ, а въ глазахъ свѣтился умъ и хитрость; это былъ ризничій при покойномъ архіереѣ, Ѳеофилъ. Всѣ трое мѣтили въ преемники Іоны и были между собою заклятыми врагами.

— Что же, княже Михаиле, не откушаешь еще медку, али не хорошь?... подчиваль Олельковича, Дмитрій Исааковичъ Борецкій

— Медъ-то вашъ хорошь, да крѣповъ; съ двухъ ковшей голова ходенемъ пошла, а не годится, коли говоръ пойдетъ по Новгороду, что съ перваго пиру да князь Литовскій пьянъ съ скамьи свалится, отвѣчалъ Олельковичъ съ улыбкою.

— Что правда, то правда. Наши сопотивники и безъ того на тебя зубы грызутъ, рады тебя всячески жорить, согласился Борецкій. Ну хоть ты, отче Варсонофіе, откушай братину медку.

— Не зазорно ли будетъ, Дмитрій, отвѣчалъ Варсонофій, искоса посматривая на Олельковича. Хоть пословица и говоритъ «отъ хлѣба-соли не отказывайся», да и въ святомъ писаніи сказано «предлагаемое да адите»...

— Сказано, такъ и слѣдуетъ тебѣ, отче, уважать хозяина, крикнулъ сидѣвшій напротивъ бояринъ Селезневъ. Выпей же съ нами за великій Новгородъ, за святую Софію да за Литву заступницу нашу.. и онъ высоко поднялъ серебряный кубокъ съ виномъ.

— Вѣрно! поддакнулъ бояринъ Телятевъ. Теперь намъ Москва не страшна: шапками закидаемъ, рѣчами засыплемъ, духомъ забьемъ... Только бы намъ новаго архіепископа поставить, Москвѣ не кланаясь, такъ дѣла наши пойдутъ, какъ по маслу.

— Скажите мнѣ, честные бояре—посадники, какъ вы думаете владыку своего избирать? спросилъ Олельковичъ, и кого именно вы желаете поставить на мѣсто о. Іоны.

— А вотъ трое на мѣсто владычнее желающихъ стать: отцы Теофилъ, да Пименъ, да Варсонофій, отвѣчалъ посадникъ Оленинъ.

— Какже это троихъ на одно мѣсто ставить?

— Жребій положимъ на престолъ во храмѣ матери нашей Софіи; кому изъ трехъ достанется—того Господь и назначить архіепископомъ Новгородскимъ.

— Такъ!... Но вѣдь новаго архіепископа еще посвя-
тить надо, замѣтилъ Олельковичъ.

— Посвятить надо... безъ того нельзя, согласились
бояре.

— А гдѣ же посвящать - то будете? допытывался
князь.

— Посвящать-то?... и бояре въ недоумѣніи пере-
глянулись.

— Да!.. вотъ рѣшить надо, гдѣ посвящать, въ Москвѣ
либо въ Кіевѣ? молвите бояре—посадники, что вы поло-
жите, то и будемъ знать, подхватилъ подготовленный
вопросъ Дмитрій Исаковичъ.

— Да прежде въ Москвѣ посвящали, заговорилъ
одинъ.

— А отъ чего же и не въ Кіевѣ? рѣзко возвысилъ
голосъ ключникъ Пимень. Гдѣ же, какъ не въ матери
градѣ русскихъ приличествуетъ посвящать на архіе-
пископство?

Феофилъ востепенулся и возразилъ:

— Не ладно ты молвишь, братъ Пимень. Зачѣмъ
же новые обычаи заводить. Какъ прежде въ Москву
ѣздили, такъ и ныне надо ѣхать, сказалъ онъ.

— Такъ по твоему къ Тимофею горбуну челомъ
бить! вскричалъ Пимень, сверкая глазами. Нивогда этого
не будетъ.

— Мы не Ивану Васильевичу поѣдимъ челомъ бить,
а ко владыкѣ нашему митрополиту Фалиппу!... Въ Москвѣ
всѣ наши архіепископы съ незапамятной поры посвяща-
лись, и намъ слѣдъ туда же, возразилъ Феофилъ.

— Коли мнѣ жребій достанется, и я отъ Господа
Бога буду назначенъ на мѣсто владыки нашего Іоны,
ни за что я въ Москву не поѣду — это также вѣрно,
какъ то, что ты съ пьяну не знамо что городишь, дерзко
молвилъ злобный Пимень.

Феофилъ поднялся съ мѣста; добродушная улыбка
сбѣжала съ его поблѣднѣвшаго лица.

— Бояре посадники, и ты княже Михаиле!... Вы

видѣли, что я хмѣльнаго здѣсь не пилъ, а вотъ какіе на меня извѣты кладеть этотъ человекъ! Разсудите вы нашу распрю. Куда ѣхать на поставленіе въ Москву— православную или въ Кіевъ латинскій?

Бояре молчали. Большая часть ихъ нихъ была за поставленіе архіепископа въ Москвѣ, какъ это всегда прежде водилось, и они считали признаніе власти митрополита Кіевскаго Григорія, такъ называемаго латинскаго, поруганіемъ надъ православной вѣрой, но сознавая это въ душѣ, они не посмѣли явно при Олельвовичѣ высказаться противъ Кіева.

Не дождавшись отвѣта, Теофилъ продолжалъ:

— Если меня Господь Богъ уважаетъ, то я заранѣе вамъ, бояре, объявляю, что къ Григорію латинскому я не поѣду! Пускай ѣдетъ туда этотъ кощунствующій надъ православной церковью.

— Кто? я кощунствую? заревѣлъ Пименъ, замахи-ваясь тяжелымъ серебрянымъ ковшемъ, но Михаилъ Александровичъ его остановилъ и тихо просилъ успокоиться.

Понявъ свою неприличную выходку, Пименъ опомнился и, не возражая болѣе, сѣлъ опять на свое мѣсто, злобно сверкая глазами.

— Ну, а ты отецъ Варсонофій за кого стоишь—за митрополита Филиппа или за Григорія Кіевскаго? спросилъ Олельвовичъ.

— Мнѣ что! Куда пошлетъ великое вѣче, туда я и пойду! отвѣчалъ захмелѣвшій Варсонофій; потомъ прибавилъ: помните, бояре: «а кто испьетъ вино древле— тотъ не восхоцетъ пити вина новаго»!...

Олельвовичъ поспѣшилъ заглушить это изрѣченіе:

— А мое сужденіе таково, бояре—посадники! Коли жребій падеть на отца Пимена — пусть по желанію своему ѣдитъ въ Кіевъ, коли Теофила назначить Богъ— воленъ онъ въ Москвѣ поставляться, а коли Варсонофью достанется архіепископство—ему все равно—такъ опять жребій кинуть въ Мосеву ли, въ Кіевъ ли!...

Бояре дружно одобрили это мнѣніе. Всѣ были рады

окончить неприятный и щекотливый споръ. Пиръ продолжался безъ дальнѣйшихъ помѣхъ.

Всѣ уже были зѣло упившись, когда въ пировальную хоромину вошелъ, тоже пошатываясь, уже знакомый намъ бояринъ Василій Ананьинъ, котораго мы видѣли посломъ у великаго князя Московскаго.

— Что это ты такъ нахмурился? спросилъ его бояринъ Селезневъ. Ай что худое изъ Москвы услыхалъ?

Ананьинъ сумрачно отвѣчалъ на привѣтствія пировавшихъ пріятелей и шепнулъ Селезневу:

— Вызови бояръ Андрея, Моисея да Павла, да брата твоего, да Памфилова, нужда мнѣ до нихъ великая, вотъ въ сѣни ихъ зови, отъ чужихъ ушей подале...

Ананьинъ вышелъ въ сѣни и сѣлъ на скамью; вскорѣ въ нему вышли бояре: Андрей, да Павелъ Телятевы, Яковъ, Матвей и Василій Селезневъ, Яковъ и Моисей Ѳедоровы и Памфиловъ, старшина одной изъ улицъ Новгородскихъ.

— Что тебѣ? Какая такая нужда великая? спросилъ Василій Селезневъ.

— Были вы мнѣ допрежде друзьями вѣрными... Вотъ и ныне покажите-ка дружбу свою на дѣлѣ, сказалъ Ананьинъ.

— Говори чего надо, мы не прочь тебѣ услужить, отвѣчалъ Андрей Телятевъ.

— Первое дѣло — никому ни слова о томъ, что я просить буду, предупредилъ Ананьинъ.

— Это напрасно и просишь: никогда мы друга не выдадимъ, сказалъ Моисей Ѳедоровъ.

— И за то спасибо. Ну слушайте: знаете вы Евстигнея Гаврилова, старосту слободы Никитиной да слободы Славковой?...

— Какъ не знать! Евстигней-то на вѣче бываетъ: мужикъ вѣршій и зѣло упрямо за Москву стоитъ, отвѣчалъ Матвѣй Селезневъ.

— Ладно... За Москву — такъ намъ ворогъ! Вотъ у этого упрямаго мужика дочь хороша, Настасей прозывается. Вольно она мнѣ по душе... да въ отца упряма... я и съ

дарами въ ней и съ посулами... Ни чего не беретъ. Послать намедни посланца съ бисерными запястьями, она отцу нажаловалась, а онъ, сабачій сынъ, посланца-то моего батогоми искалѣчилъ, бисеръ свиньямъ разсѣлъ и велѣлъ мнѣ сказать, что и со мной, коли въ Настасьѣ сунусь, ту же-де расправу учинить...

Бояре засмѣялись, а Селезневъ Андрей сказалъ:

— Эхъ, братъ Василій, у тебя сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро... не по годамъ тебѣ за дѣвченкой гоняться.

— Самъ-отъ ты хорошъ... а мнѣ не мѣшай!.. Задумалъ я эту дѣвку у Евстигнея отбить силкомъ, да въ тому случаю и Славковцевъ съ Никитинцами поучить, чтобъ въ Москвѣ не перебѣгали, да на вѣчахъ въ Новгородцевъ каменьями не швыряли... Соберемте-ка челядь да холопство свое, да и ударимъ на супротивниковъ врасплохъ, пока наши тутъ бражничаютъ, говоромъ, да смѣхомъ пустымъ забавляются. Бояре изъявили согласіе, а староста Памфиловъ добавилъ:

— Ужь за одно, други любезные, уважьте и меня старика. Возлѣ слободы Славковой живутъ братья Полинарьевы, третьегось они меня чуть что не избилъ за то, что я ихнаго влючника собаками потравилъ... поучить ихъ подсобите-ка мнѣ...

— Ладно, гулять—такъ гулять, руки грѣть, что объ Евстигнеевы слободы Славкову, да Никитину, что объ Полинарьеву вотчину—намъ все равно... Всѣ они за Москву—Новгороду крамольники, рѣшили бояре и прямо съ пиру, съ похмѣлья отправились собирать холопьевъ на ервавую потѣху надъ мирными и ни чемъ не повинными крестьянами да дворянами.

Г Л А В А VІІІ.

Отъ чужаго пиру—похмѣлье.

Слободы Славкова и Никитина были во враждѣ съ другими улицами. Они на вѣчахъ всегда твердо стояли

за Москву и великаго князя Ивана Ш, такъ какъ отцы ихъ стояли за князя Василья, который за то и даривалъ ихъ неоднократно землями и деньгами.

Въ этихъ слободахъ жили вольные крестьяне, промышлявшіе сгонкой лѣса по рѣкѣ Волхову, почему ихъ дома были окружены строительнымъ матеріаломъ, приготавливаемымъ въ отправкѣ по весеннему водополю. По большей части Никитинцы и Славковцы были люди смиренные и работающіе; надъ ними старостой стоялъ Евстигней Гавриловъ, человекъ честный, добрый, зажиточный и очень любимый.

Дѣло было подѣ вечеръ. Славковцы и Никитинцы спокойно кончали свои обычныя занятія, когда спѣшно прискакалъ молодой парень на рыжей кобылицѣ и рукояткой плети, оправленной въ олово, стукнулъ въ ворота Евстигнея Гаврилова.

— Кто тамъ?.. Чего надоть?.. испуганно спросилъ, выскочивъ на улицу въ одной рубахѣ, не смотря на морозъ, старикъ батракъ старосты.

— Доложь Евстигнею Гавриловичу, по нужному-моль дѣлу! запыхавшись, сказалъ парень.

— Да что? ты молви по какому дѣлу-то?

— Эхъ старина! Не до сказанней тутъ... Пусти-вось, я самъ добѣгу къ хозяину!.. и верховой, бросивъ поводъ на шею усталой лошади, побѣжалъ по лѣсенкѣ въ домъ.

Распахнувъ дверь горницы, онъ былъ охваченъ клубами пара и тепломъ, жарко натопленной печи.

Семья Гаврилова сидѣла за полдникомъ, староста удивился, что безъ доклада въ нему вбѣжалъ незнакомый молодець. Онъ хотѣлъ было и прикрикнуть, но вошедшій не далъ ему на то время:

— Евстигней Гаврилыч! бѣда большая! на Славкову да на Никитину идутъ съ холопьями бояре Ананьинъ, Селезневъ, Телятевъ, Федоровъ да Памфиловъ староста, побить хотять особливо тебя, пограбить, пожечь слободы, а дочку твою Настасью Евстигневну въ полонъ взять. Староста съ сыновьями повывскочили изъ

за трапезы; женщины заголосили; Настасья блѣдная и испуганная винулась отцу въ ноги: родимый ты мой батюшка, изъ за меня какая напасть!.. Ужь лучше отдай меня окоянному Ананьину: пушай наругается, только-бъ неповинныхъ васъ да другихъ не казнилъ, не грабилъ... плакала прекрасная дѣвушка.

— Молчи, дѣвка неразумная!.. Отдамъ ли тебя на срамоту!.. Да и православные слабожане тебя ни за что не выдадутъ!.. Эдакъ всѣхъ нашихъ дочерей да женъ у насъ поберутъ!.. отталкивая Настасью, сказалъ староста.

— Да ты не брѣшишь ли зря, молодець? Ты можешь во хмѣлю, аль не въ разумѣ? обратился онъ къ посланцу.

— Какой хмѣль!.. Меня послалъ ключникъ Полинарѣва боярскаго сына. Я самъ видѣлъ, какъ холопы Ананьины коней сѣдлали, колья да батоги тесали!.. Не мѣди, Евстегней Гаврилычъ, повѣсти православнымъ слобожанамъ, чтобъ успѣли добро попрятать, ворота заперѣть и оружіе какое есть припасти, совѣтовалъ посланецъ.

— Дѣльно ты молвишь. Не объ себѣ надо, а объ слобожаныхъ мнѣ заботиться, твердо и воодушевляясь сказалъ староста. Иванъ, Герасимъ, живѣе бѣгите по дворамъ, чтобъ ворота запирали, сабаки спускали, бревна, да рычаги готовили, да бабъ съ пожитками въ подполье прятали, приказалъ онъ своимъ сыновьямъ, которые бросились безъ возраженій исполнять приказаніе отца.

— Хоть бѣда на носу, а меду поднести надоть тебѣ, добрая душа! сказалъ Евстигней, наливая вожшь меду и подавая посланцу. Какъ тебя звать-то?

— Парфеномъ меня зовутъ, выпивая медъ, отвѣчалъ онъ.

— А отъ куда родомъ?

— Я сирота: былъ Селезневъ холопъ, да били меня больно, я и ушелъ къ Палинарѣвымъ, отвѣчалъ парень.

— Бѣгунъ, значить, молвилъ староста, не находя ничего худаго въ томъ, что Парфень бѣжалъ отъ злаго боярина, такъ какъ это случилось на каждомъ шагу, и одинъ

отъ другого бояре переманивали цѣлыя семьи холоповъ, которые еще тогда не были прикрѣплены къ помѣстьямъ.

Менѣе, чѣмъ черезъ полчаса, всѣ слободскіе жители были увѣдомлены; ворота приперты бревнами, окна заткнуны, ставни прикрѣплены изнутри; улицы опустѣли и избы, строенныя изъ вѣрцеаго дуба, представляли удобную защиту, которая легко можетъ поддаться только одному нападенію—пожару! Злыя сабаки, спущенныя на дворахъ, также готовы были въ оборонѣ по первому слову хозяина. Мужское населеніе Славковой и Никитиной, попрятавъ добро, женъ и дѣтей въ подвалы, спѣшно точили топоры, мечи, затесывали колья для копій, ломали даже печи, чтобы камнями угостить нападавшихъ, если дойдетъ до драки.

Во время этого затишья, предвѣщавшаго грозу, на улицѣ, бѣжалъ молодой человекъ безъ шапки и въ кафтанѣ, накинутаго на одно плечо. Это былъ обыватель Никитинской слободы Семень Красавчикъ, нарѣченный женихъ старостиной дочери Настасьи.

— Пусти, Евстигней Гаврилычъ, ради Христа, отопрись! стуча въ ворота, крикнулъ Семень.

— Чего тебѣ надоть? Иди съ Богомъ домой! черезъ толстыя ворота отвѣчалъ староста.

— Не пойду домой, тутъ у воротъ лягу: пускай черезъ меня окаянныя перескачутъ, когда меня пришибутъ. Нечто я дамъ въ обиду свою нарѣченную? умолялъ Семень.

— Вотъ неотвязчивый! ворчалъ староста. Пооди теперь для него отваливай бревна отъ воротъ.

— На что ворота отпирать, сказалъ Иванъ Евстигнѣевъ, лѣзъ черезъ частоколь сзади избы.

— И то дѣло, согласился Семень, и черезъ пять минутъ былъ на дворѣ, гдѣ напрасно ожидалъ увидать свою невѣсту, которая была заперта вмѣстѣ съ другими женщинами въ подпольѣ.

Славковцы и Никитинцы были готовы къ оборонѣ, не ожидая ни отъ куда помощи и не ища правосудія,

которое въ ту эпоху было на сторонѣ сильнаго да богатаго. Прошло съ полчаса томительнаго ожиданія. Напрасно они напрягали слухъ и зрѣніе; все было тихо и сумрачно, какъ будто бы гроза миновалась, а она еще только собирала свои силы поразить несчастныхъ.

Вдругъ пронесся пронзительный свистъ, обдавшій ужасомъ, непривычныхъ къ борьбѣ, подгородныхъ крестьянъ. Вслѣдъ за свистомъ послышался топотъ коней по крѣпко замерзшей улицѣ. Показались всадники и рассыпались по обѣимъ улицамъ; тутъ было человекъ 200 разной челяди и холоповъ, да болѣе десятка бояръ, которые прискакали словно на потѣху, безъ оружія, но съ толстыми палками и ременными нагайками.

— Какой нибудь воръ изъ нашей холопской рати оновѣстилъ мошенниковъ!.. Ворота успѣли запереть, съ досадой крикнулъ посадникъ Ананьинъ. Ну да ладно, мы силою войдемъ, коли честью не впустятъ. Эй ты чертовъ внукъ, Евстигней! не слышишь нечто — гости прѣѣхали?.. и онъ застучалъ палкой объ ворота.

Отвѣта не было. Притаивъ дыханіе, сыновья, батраки и самъ староста ждали приступа.

Наскучивъ ждать, Ананьинъ клинулъ холоповъ.

— Лѣзь кто нибудь на ворота, съемандовалъ онъ.

Нѣсколько удалцовъ подѣхали, а одинъ высокій, здоровый паренъ вскочилъ на сѣдло и ухватился за навѣсъ воротъ, чтобъ вскарабкаться на нихъ; но Семень Красавчикъ съ бѣгуномъ Парфеномъ тоже вскарабкались, чтобъ видѣть въ щель, что дѣлалось на улицѣ. Почувявъ врага такъ близко, Семень не вытерпѣлъ и ударомъ рычага нахлобучилъ шапку нахала. Охнулъ онъ и грузно свалился на снѣгъ.

— Что Сафрошка! Ловко съѣлъ?.. захохотали товарищи, Сафрошка вскочилъ какъ бѣшеный.

— Дьяволъ васъ задави, проклятые супротивники, гаркнулъ онъ и, выхвативъ изъ за пояса топоръ, началъ рубить ворота.

Между тѣмъ другіе холопы также безуспѣшно пы-

тались влѣзть черезъ ворота и заборы, вездѣ ихъ встрѣчали камнями и рогатинами.

— Ломай ворота, приказали бояре.

По всей улицѣ раздались дружные и ожесточенные удары топоровъ, палокъ и камней въ ворота, но они не подавались, а съ крыши, куда забрались осажденные сыпались камни, кирпичи и деревянные чурки довольно увѣсистые, чтобъ раскроить лобъ или расквасить носъ. Съ дома старосты Евстигнея Гаврилова два камня, ловко пущенные Семеномъ и Парфеномъ, попали въ шапку посаднику Ананьину и въ голову лошади; она взвилась на дыбы и, опрокинувъ всадника, помчалась по улицѣ, но была поймана. Ругаясь и съ пѣной у рта, влѣзъ опять Ананьинъ на коня. Онъ потерялъ всякое сознание.

— Рубите, жгите!.. бейте!.. кричалъ онъ, какъ бѣшеный, свача вдоль улицы.

Это было сигналомъ для общей схватки. Боярская рать со всею силою наперла на ворота: ломая ихъ и врываясь въ дома обывателей, холопы били осажденныхъ, чѣмъ попало, вытаскивали имущество изъ подваловъ и издѣвались надъ попавшимися въ ихъ руки женщинами. Нѣкоторые дома выстояли напоръ и, между прочимъ, были несокрушимы старостины ворота, что еще болѣе подзадоривало Ананьина съ его челядью.

Улицы представляли безобразное зрѣлище насилія и грабежа: повсюду валялось вытасканное изъ домовъ добро, женщины и дѣти кричали и плакали, мужчины отбивались отъ нападавшихъ дерзкихъ холоповъ, которые, выкативъ бочки вина и меда, потопили въ хмѣльныхъ напиткахъ и разумъ и память.

Долго бы еще хозяйничали они, еслибы внезапный звукъ набатнаго колокола не заглушилъ шумъ и гулъ человѣческихъ голосовъ. Старостинъ домъ пылалъ, охваченный пламенемъ. Это было дѣло рукъ самого Ананьина, не нашедшаго другого средства ворваться въ домъ. Бояре очнулись и испуганно собрали свою челядь; потѣха перешла границы и грозилъ задушить ихъ самихъ въ огнѣ.

Пѣсни и ликованье смолкли. Всѣ поспѣшно сѣдлись на коней убраться во свояси, но осажденные, видя, что противники обращены въ бѣгство, пустились въ догонку; раздалось нѣсколько выстрѣловъ изъ пищалей, полетѣли стрѣлы изъ луковъ и нѣсколько всадниковъ свалились съ коней, окрашивая кровью стоптанный снѣгъ. Между тѣмъ Ананьинъ съ немногими изъ своихъ холоповъ дождался таки минуты, когда ворота Евстигнеева двора отворились, и семья старосты кинулась тушить подпаленную клѣть. Вмѣстѣ съ другими выбѣжала и Настасья, но только что она переступила за ворота, какъ нѣсколько крѣпкихъ рувъ схватили ее; одинъ сильный и рослый холопъ поднялъ ее и перекинулъ за сѣдло.

— Валяй во всю прыть!.. крикнулъ Ананьинъ и поскокалъ впередъ, а за нимъ и его слуги.

Семень, какъ безумный, бросился догонять холопа, увозившаго его сокровище. Настасья кричала о помощи и билась на сѣдлѣ. Вотъ оборвалась веревка, которой она была закручена и на всемъ скаку несчастная дѣвушка свалилась съ коня. Кони, скакавшіе вслѣдъ, затоптали ее своими кованными копытами...

Черезъ пять, десять минутъ бояръ и холоповъ слѣдъ простылъ... Только раненные и избитые слобожане остались на улицѣ.

Кто такъ горько плачетъ?.. Чья стоны, не смотря на общее горе, поражаютъ сердца собравшейся кучки людей надъ трупомъ убитой дѣвушки?

Это Семень Красавчикъ, ломая руки и выдирая пучки своихъ шелковитыхъ кудрей, плачетъ надъ покойницей Настасьей, красой и утѣхой слободы Славковой.

Пришелъ и Евстигней Гавриловъ, успѣвшій потушить зажженную клѣть. Онъ не плачетъ, а молча и неподвижно смотритъ на обезображенный трупъ дочери.

— Нечего попусту выть да голосить, Семень, похоронимъ ее съ честью, да пойдемъ къ великому осударю Ивану Васильевичу челомъ бить... чтобъ казнилъ воровъ, грабителей, душегубовъ окаянныхъ, осударевыхъ супро-

тивниковъ!.. сказалъ наконецъ Евстигней и слобожане одобрили его намѣреніе идти съ жалобой въ Московскому государю.

Староста Памфиловъ съ отрядомъ человекъ до 30-ти еще въ началѣ схватки отдѣлился отъ прочихъ и напалъ на братьевъ Полинарьевыхъ, жившихъ на углу улицы Никитиной, въ большомъ хорошемъ домѣ. Полинарьевы, не ожидавшіе нападенія, сначала поддались робости; батраки и дворня ихъ было бросилась бѣжать, но одинъ изъ братьевъ Полинарьевыхъ, Павелъ, воротилъ дворню и обошелъ въ тылъ Памфиловскихъ сообщниковъ, которые были такъ заняты грабежемъ, что не замѣтили подоспѣвшихъ на помощь вооруженныхъ людей. Поднялась страшная драба, во время которой самому старостѣ Памфилову вышибли глазъ и со срамомъ прогнали его холопьевъ.

На другой же день обиженные слобожане пошли жаловаться на Новгородское вѣче, но не добились никакого удовлетворенія. Новгородскія власти остались глухи къ ропоту народа, только Московскіе друзья поврчали, но ихъ рѣчи были гласомъ вопіющаго въ пустынь. Наконецъ, Славковцы и Никитинцы убѣдились, что необходимо послѣдовать совѣту своего старосты и поручили Евстигнею Гаврилову, да Павлу Полинарьеву челобитную въ великому князю Московскому Ивану Васильевичу.

Г Л А В А IX.

В ы б о р ы .

Ризничій Теофилъ сидѣлъ въ своей келіи за обильной трапезой и бесѣдовалъ съ своимъ молодымъ велейникомъ Платошей. На столѣ стояли блюда всякихъ вкусныхъ снѣдей, не запрещенныхъ монастырскимъ уставомъ: грибы, огурцы, яйца, варенцы молочные, пироги,

сласти, рыбины рѣчныя и заморскія, вино греческое, медь смоченный и пѣнная густая брага.

— Такъ-то, сынокъ Платоша! авось Господь дастъ намъ счастье, этого охальника Пимена одолѣть. А что-то страшно мнѣ!.. Ну какъ да неудача!.. Тогда онъ меня со свѣту сживетъ, говорилъ ризничій.

— Полно тебѣ, отче, попусту тревожиться. Лучше надѣйся на Господа. Онъ не попуститъ такой неправды, да и Московскіе други твои не выдадутъ, вѣдь мы за Московскаго князя стоимъ, усноковалъ его келейникъ.

Еофилъ улыбнулся и потеръ себя по животу.

— Да, Платоша! за Ивана Васильевича!.. а давно-ль за Казиміра вино литовское пили?..

— Всяко бываетъ!.. скромно протянулъ служба.

— Это такъ!.. а все-таки чудно: сперва за Литву, а теперь за Москву!.. Грѣхи тяжкіе!.. Суета суеты!.. Господи помилуй!.. Подай-ка мнѣ, сынокъ, ковшичекъ, да вaley медку.

Келейникъ налилъ полный ковшъ; осушивъ его до дна, Еофилъ продолжалъ:

— Завтра все рѣшится... все: либо мы съ тобой на архіепископство засадемъ... либо отъ возней Пименовыхъ къ князю Ивану въ Москву сбѣжимъ!.. либо къ Казиміру въ Литву... вздохнулъ ризничій.

— Нѣтъ, отче, по моему лучше къ Ивану Васильевичу: онъ сильнѣй Литвы-то будетъ, замѣтилъ Платонъ.

— Такъ, такъ, силенъ-то онъ силенъ, а и съ Литвой совсѣмъ разрывать не можно: не ровенъ часъ!.. пожалуй и Казимірека пригодится, вѣдь я изъ-за него въ ризничіе вылѣзъ. Ну, да что Богъ дастъ! впередъ нечего загадывать...

Еофилъ крѣпко задумался. Онъ думалъ о той пере-мѣнѣ, которая произошла въ немъ самомъ. Нѣсколько дней тому назадъ онъ былъ явнымъ сторонникомъ Литвы, а какъ померъ архіепископъ Иона, и Литва выказала предпочтеніе Пимену, то съ цѣлью завладѣть опорой Москвы, Еофилъ круто повернулъ мнѣніе и применилъ къ пар-

тін Івана Васильевича. Разумѣется, эта перемѣна была не искренняя, и онъ уже размышлялъ о томъ, какъ по достиженіи архіепископства, онъ снова поворотитъ рычагъ и станетъ подъ стягъ Казиміра.

Черезъ нѣсколько дней въ Новгородѣ снова произошло необычное движеніе. Гудятъ колокола, а вѣчевой колоколь покрываетъ ихъ своимъ гуломъ, призывая Новгородцевъ въ соборъ св. Софіи для избранія новаго владыки — архіепископа.

Всѣ двери собора, не смотря на морозъ, настезь распахнуты. Соборъ переполненъ народомъ. Впереди всѣхъ стоятъ посадники, бояре, воеводы, тысяцкіе, гости торговые и другіе важные лица вольнаго города.

Царскіе врата тоже отворены и на престолѣ стоятъ золотая чаша и три разнаго цвѣта шарика съ вырѣзанными на нихъ именами трехъ претендентовъ на архіепископство Новгородское: Теофиловъ — бѣлый, Пименовъ — красный, а Варсонофьевъ — желтый.

Торжественная тишина и благоговѣнное настроеніе царствуютъ послѣ только что оконченной литургіи. На амвонѣ передъ царскими вратами стоятъ: Теофилъ въ бѣлой ризѣ, Пимень въ красной, а Варсонофій въ золоченой, подъ цвѣтъ избирательныхъ шариковъ. Священнодѣйствующій іерей вышелъ и произнесъ громкимъ голосомъ: «Съ помощью Господа Бога, молитвами Пречистой Богородицы и заступницы нашей матери Софіи приступаемъ къ избранію въ святительство архіепископа новгородскаго... Потомъ онъ вошелъ въ алтарь, положилъ три земныхъ поклона и въ виду всѣхъ взявъ чашу тряхнулъ ее, чтобы смѣшать шары. Дно чаши отерлось и шарикъ съ металлическимъ звукомъ упалъ на подставленное снизу серебряное блюдо.

Всѣ взоры впелись въ блюдо, сердца претендентовъ и ихъ друзей учащенно забились. Іерей поднялъ блюдо и вынесъ его изъ алтаря; лежавшій на немъ шаръ былъ бѣлый.

Теофилъ былъ избранъ, и его противники, со всѣми

боярами—посадниками и со всѣмъ народомъ Новгородскимъ поклонились ему до земли.

Послали въ Москву извѣщеніе о результатѣ выбора, и Иванъ III, довольный избраніемъ, прислалъ Теофилу охранную грамоту, по которой онъ безпрепятственно прибылъ въ Москву, гдѣ его и посвятили въ санъ архіепископа Новагородскаго.

Страшно озлобленный воротился Пимень въ свою келью. Кляня судьбу, поборовшую его надмѣнныя замыслы, онъ упалъ на скамью и долго оставался безъ движенія; можно бы подумать, что онъ спитъ, если бы его зрачки, расширенные отъ волновавшихъ его страстей, не бѣгали кругомъ кельи, не останавливаясь ни на одномъ предметѣ. Мысли въ его головѣ путались и сталкивались въ какомъ-то хаосѣ. Самые ужасные планы мщенія мелькали передъ его раздраженнымъ воображеніемъ. Онъ не замѣтилъ, какъ вошелъ его велейникъ и только тогда очнулся, когда тихій, равнодушный голосъ спросилъ его: не желаетъ ли онъ потрапезничать? Этотъ обыденный вопросъ почему-то представился ему до того дерзкимъ, что, схвативъ со стола книгу, рукопись въ кожанномъ переплетѣ, онъ бросилъ ее прямо въ голову велейника, но промахнулся, и книга, ударивъ въ стѣну, упала на полъ. Испуганный и удивленный велейникъ поспѣшилъ удалиться, а Пимень, пославъ ему бранное слово, снова впалъ въ раздумье.

Наконецъ, лицо его просвѣтлѣло; глаза перестали дико блуждать; онъ даже слегка усмѣхнулся и пробормоталъ:

— Пойду, придумаю я такое дѣло, что солоно будетъ расклеивать новому владыкѣ заваренную кашу... Да!.. одному не совладѣть!.. Съ кѣмъ бы въ союзъ вступить? Чего же лучше?... Пойду къ боярынь Борецкой Марфѣ, повѣдаю ей.

Ключникъ всталъ, надѣлъ простую рясу, взялъ посохъ и, принявъ смиренный видъ, побрелъ къ дому Борецкихъ.

Боярыня Марфа привѣтливо встрѣтила ключника и

захлопоталась обѣ его угощеніи, но онъ остановилъ и отказался отъ трапезы: — Боярыня! сказано въ писаніи: «Марфо! Марфо! печешесе о мноземъ». Оставь суету и выслушай меня.

— Молви, отче! я готова слушать твои рѣчи, отвѣчала боярыня, садясь возлѣ Пимена.

— Вѣдомо тебѣ, боярыня, что новый владыко нашъ Теофилъ отшатнулся отъ насъ и сталъ за Москву, да за Ивана, началъ ключникъ.

— Правда, отче! Это намъ великая помѣха, отвѣчала Борецкая. Не по душѣ Новгородцамъ этотъ архіепископъ.

— Коли не по душѣ—попытаемъ его устранить. Я вотъ пришелъ тебѣ совѣтъ добрый подать.

— Какой же совѣтъ? Какъ его одолѣть? заинтересовалась боярыня Марфа.

— Соберите вѣче; денегъ не жалѣючи, наберите худыхъ мужиковъ, чтобы кричали:—не хотимъ Московскаго слугу Теофила, хотимъ Новгородскаго вѣрнаго слугу Пимена... либо Варсонофія... научалъ Пименъ.

— Охъ, отче!.. Намъ желательно тебя, а не Варсонофія—бражника... Одно горе: казны нѣтъ и худыхъ мужиковъ подкупить нечѣмъ, возразила Борецкая.

Пименъ загадочно и радостно ухмылялся:

— Ну, это еще не горе!.. Казны нѣтъ!.. Я вамъ достану!..

— Ой ли?.. да ты знаешь ли сколько нужно? Вѣдь воровъ пять мѣди, да серебра надо!.. сказала Марфа.

— Больше достану!.. На что же я и ключникъ архіепископскій?.. Ключи-то вотъ: отопру сундуки, только подводы готовъ... наклонивъ губы къ ея уху, молвилъ Пименъ.

Боярыня Борецкая встрепенулась, и глаза ея заблестѣли.

— Да ты чаровникъ, отче Пимене! Чего же легче-то?.. вѣдь Иона-то неожиданно померъ, казну не повѣрили, кто ее учтѣтъ!.. Навалилъ на подводы и вези къ намъ!..

Сказано-сдѣлано. Каждую ночь ключникъ Пименъ тайно ходилъ въ казнохранилище архіепископское, а Борецкіе присылали подводы, которые нагружали мѣдью, серебромъ, драгоценностями и увозили ни бѣмъ не замѣченными.

Полился золотой дождь, подкупая народъ за Литву и за Пимена; къ тому еще изъ Пскова прибыли послы съ извѣстіемъ, что князь Иванъ поднимаетъ-де ихъ на Новгородъ войной идти. Это извѣстіе окончательно разорвало всякія узы съ Москвою и подняло Новгородъ на явный раздоръ съ партией великаго князя. Собралось вѣче и оно торжественно провозгласило союзъ съ Литовскимъ королемъ Казиміромъ Гедиминовичемъ.

Однако Пименова выдумка не долго оставалась тайною.

Однажды въ новому архіепископу Теофилу водовозъ пришелъ и неотступно просилъ его выслушать.

Теофилъ велѣлъ его позвать и спросилъ, что ему надо?

— Прости Христа ради и не осуди меня раба твоего, владыко, поклонился водовозъ. — Въ кладовыхъ твоихъ много всякой казны, а считалъ ли ты ее?

— Что мнѣ считать! На то ключникъ есть! отвѣчалъ Теофилъ, удивленный словами водовоза.

— Ключникъ-то есть, владыко!.. А по ночамъ злато да серебро изъ кладовыхъ возами вывозятъ, объявилъ водовозъ.

— Какъ? воскликнулъ архіепископъ. — Ты почему это вѣдаешь?.. Ты не во хмѣлю ли городишь? Аль ума не рехнулся ли?

— Не во хмѣлю я и ума не рехнулся. Возу я воду во дворъ архіепископскій и что сказано, то своими глазами видѣлъ. Убей меня Богъ, воли казна владычья не у Борецкихъ въ сундукахъ попрятана...

Взволнованный Теофилъ наказалъ водовозу молчать, а самъ съ Платономъ ночью спустился въ кладовымъ и увидалъ тяжело нагруженные воза, которые съѣхали со двора и скрылись въ темнотѣ.

На утро по его просьбѣ собралось вѣче.

Новгородцы удивлялись и задавали другъ другу вопросы: «что это за дѣло важное?»

Феофилъ отслужилъ въ Софійскомъ соборѣ молебень и, выйдя на высокое крыльцо, громогласно обратился къ боярамъ и народу съ такой рѣчью:

— Православные христіане, прошу защиты отъ воней вора и грабителя казны архіепископской!

Народъ заволновался и слышались возгласы: — «Кто, какъ?»

— Вотъ человекъ сей, ключникъ Пименъ расхищаетъ сокровища, скопленные владыкой Іоною и прежними архіепископами. Я требую провѣрки по счету и росписи. Если окажется кража, судить и казнить вора!..

Пименъ блѣдный и дрожащій отшатнулся отъ своего обличителя; но черезъ минуту смущеніе его перешло въ ярость. Видя свою гибель и невозможность оправданія, ключникъ гордо поднялъ голову и крикнулъ:

— Да! я взялъ казну и положилъ ее въ тайникъ отъ Московскаго холопа сего, чтобъ нечѣмъ было ему поддупать крамольниковъ противъ Новгорода...

Яростные крики всего народа заглушили дальнѣйшія слова злодѣя. Борецкіе и другіе бояре, участники въ кражѣ, хотѣли защитить его, но народъ бросился на помосты, сволокъ Пимена и, осыпая его бранью да побоями, потребовалъ заключенія злоумышленника въ тюрьму.

Начался судъ. На допросѣ и пыткѣ Пименъ упорно скрывалъ имена своихъ сообщниковъ. Преданье говорить, что, опасаясь его показаній, Борецкіе съ сообщниками подеушили палачей, которые и задушили Пимена, повѣдавъ вольному граду Новгороду, что воръ и измѣнникъ ключникъ бѣжалъ черезъ подконтъ и невѣдомо куда скрылся.

Дѣло было прекращено и истины не дознались.

Послѣ гибели своего заклятаго врага, Феофилъ сталъ твердо на давно желаемомъ мѣстѣ. Новгородцы негодовали на Борецкихъ и подозрѣвали ихъ въ соучастіи съ

воромъ Пименемъ, но доказательствъ не было, а тотъ, кто могъ обличить ихъ, то-есть водовозъ, внезапно умеръ.

Пока Новгородцы волновались и судили и редили дѣло о вразѣ казны архіепископской, Михаилъ Александровичъ, князь Олельковичъ забиралъ по немногу въ свои руки власть надъ вѣче; ничего не дѣлалось и не рѣшалось безъ его согласія. Между прочимъ, онъ устроилъ сватовство будущаго намѣстника Литовскаго въ Новгородѣ Станислава Болеславича на Марьѣ Борецкой, которая согласилась на этотъ бракъ изъ властолюбія. Договоръ между Литвою и Новгородомъ былъ скрѣпленъ приложеніемъ печатей и торжественнымъ цѣлованіемъ креста. Великій князь Иванъ III Московскій окончательно потерялъ надежду на миролюбивое соглашеніе съ крамольниками, но не начиналъ военныхъ дѣйствій всю зиму 1470 года до весны 1471, памятнаго для Новгорода.

УДАЛЬЦЫ НОВГОРОДСКІЕ.

БЫЛИНА ТРЕТЬЯ.

Садко дѣлается богатымъ гостемъ.

Какъ во славномъ Новѣ-городѣ
Былъ Садко, веселый молодецъ;
Не имѣлъ онъ золотой казны,
А имѣлъ лишь гуселки яровчаты;
По пирамъ ходилъ—игралъ Садко,
Спотѣшалъ купцовъ, людей посадскихъ ¹⁾.
Какъ тутъ надъ Садкомъ случилось,
Цѣлый день ужъ не зовутъ Садка да на почѣстень пирь,

---

¹⁾ Въ былинѣ Садко, прежде чѣмъ сдѣлаться богатымъ гостемъ,— не болѣе какъ *веселый молодецъ*, т. е. гуслирь или даже скomorохъ, добывающій себѣ хлѣбъ насущный игрою на гусляхъ *яровчатыхъ* (яворчатыхъ, изъ дерева явора). Въ лѣтописяхъ же XII вѣка онъ упоминается неоднократно уже какъ *Сотко Богатый* или *Содко Сынъ Сынъ*, построившій въ 1167 году церковь св. мучениковъ Борна и Глѣба въ Новгородѣ. Такимъ образомъ, Садко долженъ былъ быть современникомъ Василія Буслава, умершаго, по лѣтописи, въ 1171 году.—Производить имя *Садко* различно: отъ слова *Садокъ* (уменьшит. слова *садъ*), отъ званія *сотникъ* (сотскій) или же, наконецъ, отъ лѣтописнаго отчества его *Сынъ Сынъ* (*Сынъ Сынъ*), происходящаго отъ имени *Сынъ* или *Сытой* (нѣм. *Satt*, лат. *Satur*).

Не зовуть другой да на почестень пирь,
 Не зовуть и третій на почестень пирь.
 Какъ потомъ Садку соскучилось,
 И пошелъ Садко во Ильмень-озеру,
 И сядилъ да на бѣль-горючъ камень,
 Сталъ играть во гуселки яровчаты,
 Да игралъ съ утра до вечера.

Какъ тутъ въ озерѣ волна сходилася,
 Какъ вода пескомъ да замутилася,
 Одолѣлъ Садка великій страхъ:
 Выходилъ со озера Поддонный Царь ²⁾,
 Говорилъ самъ таковыя слова:
 «Влагодарствую тебя, веселый молодець,
 Что спотѣшилъ насъ во озерѣ:
 У меня вѣдь столованье да почестень пирь,
 Всѣхъ развеселилъ ты мнѣ гостей любезныхъ.
 Чѣмъ тебя, не знаю, жаловать:
 Аль безчетной золотой казной?
 Ты ступай-ка молодець, во свой во Новгородъ
 И ударься о великъ закладъ
 Со купцами со новгородскими:
 Заложь имъ свою буйну голову,
 Съ нихъ же выражай въ ряду гостинюемъ
 Лавочки товара краснаго:
 Что-де рыба есть во Ильмень-озерѣ,
 Рыба чудная да золоты перья.
 Какъ ударишь о великъ закладъ,
 Поклонися башлыкамъ ³⁾ на Ильмень-озерѣ,
 Чтобы дали те три невода
 Съ тѣми со людьми работными,

²⁾ *Поддонный Царь* — также *Царь Морской*, *Царь Водяной*, *Водамикъ*, *Водовикъ*. По одному варианту, Садко является въ Новгородъ съ матушки Волги-рѣки, поклонъ которой приноситъ братку ея, озеру Ильмень; Ильмень же, въ образѣ добраго молодца, даетъ Садку тотъ же совѣтъ, что и Поддонный Царь.

³⁾ *Башлыкъ* (отъ восточнаго *башъ*)—голова, атаманъ, преимущественно рыболовный.

Неводы заметывай во озеро:

Будеть надъ тобою милость Божія».

Какъ пошелъ Садко́ отъ Ильмень-озера,

Какъ пришелъ во свой во Новгородъ,

Позвали Садка́ тутъ на почестенъ пиръ

Ко богатому купцу новгородскому.

Стали мѳлодца подпавать,

Стали мѳлодцу поднашивать;

Заиградь Садко́ во гуселки яровчаты,

Самъ передъ гостями порасквастался:

«Ай же вы, купцы ногородскіе!

Знаю чудо-чудное я въ Ильмень-озерѣ,

Знаю рыбу—золоты перья».

Позаспорились купцы новгородскіе:

«А не можетъ быть во Ильмень-озерѣ

Этой рыбы чуда-чуднаго,

Чуда-чуднаго да золоты перья!»

«Ай же вы, купцы новгородскіе!

Будемъ биться о великъ закладъ:

Заложу я свою буйну голову —

Болѣ заложить мнѣ нечего».

Говорять купцы новгородскіе:

«Мы заложимъ во ряду гостиноемъ

Три купца да по три лавочки,

По три лавочки товара краснаго».

Походилъ тутъ скоро мѳлодецъ

Къ башлыкамъ на Ильмень-озерѣ,

Приходилъ къ нимъ, низво кланялся,

Говорилъ самъ таковѳ словѳ:

«Гой еси вы, башлыки новгородскіе!

Дайте-ка вы мнѣ три невода

Съ тѣми со людьми работными,

Рыбы половить во Ильмень-озерѣ:

Я васъ, мѳлодцы, за то поблагодарствую!»

Не отказывали башлыки Садку,

Сами шли да со людьми работными.

Выѣзжали мѳлодцы во Ильмень-озеро,

Да закинули три невода во озеро:
 Первый неводъ къ берегу пришель —
 Въ немъ была все рыба бѣлая,
 Бѣлая вѣдь рыба мелкая.
 И другой-то неводъ къ берегу пришель —
 Среди мелкой бѣлой рыбки
 Въ немъ была и рыба красная.
 А и третій неводъ къ берегу пришель —
 Въ немъ была одна ужъ рыба красная,
 Рыба красная въ три четверти.
 И перевозились мѡлодцы
 Съ рыбой ловленою на гостинный дворъ,
 Клали рыбу во три погреба,
 Запирали каждый погребъ на-крѣпко,
 Бараулы къ каждому приставили.
 Благодарствовали тутъ башлыковъ Садкѡ:
 Отдалъ за труды имъ сто рублей.
 Самъ пошелъ да по двору гостиному,
 Созывалъ купцовъ новгородскихъ:
 «Ай же вы, купцы новгородскіе!
 Вы ступайте-ка да поглядите-ка:
 Наловилъ я рыбы чуда-чуднаго,
 Чуда-чуднаго да золоты перья,
 А и въ первый погребъ какъ заглянетъ онъ, —
 Двери-то насилу ѡтперлись:
 Гдѣ лежала рыба мелкая,
 Все-то стали деньги дробныя.
 Во другой-то погребъ какъ заглянетъ онъ:
 Гдѣ была, среди мелкой рыбы, рыба красная,
 Среди мелкихъ дробныхъ денежекъ
 Очутились червонцы красныя.
 Въ третій погребъ какъ заглянетъ онъ:
 Гдѣ одна была лишь рыба красная,
 Все лежать червонцы красныя.
 Говорять купцы новгородскіе:
 «А вѣдь правду говорилъ Садкѡ,
 Наловилъ онъ рыбы чуда-чуднаго,

Чуда-чуднаго да золоты перья.
Дѣлать-то намъ, братцы, видно, нечего*.

Отдали ему купцы новгородскіе
По три лавочки товара краснаго.
Записался тутъ Садкó въ купцы новгородскіе,
Сталъ и самъ темерь купецъ, богатый гость;
Зачалъ торговать тепѣричко
Во своемъ во Новѣ-городѣ,
Зачалъ ѣздить, торговать по всѣмъ мѣстамъ,
По всѣмъ прочимъ городамъ по дальнимъ,
Получать сталъ барыши великіе.
А и взялъ себѣ тутъ молодую жену,
Выстроилъ палаты бѣлокаменны,
Все въ палатушкахъ устроилъ по-небесному:
На небѣ ли красно солнышко —
И въ палатахъ красно солнышко;
На небѣ ли младъ свѣтѣль мѣсяць —
И въ палатахъ младъ свѣтѣль мѣсяць;
На небѣ ли звѣзды частыя —
И въ палатахъ звѣзды частыя;
Всѣмъ Садкó свои палатушки
Изукрасилъ по небесному ⁴⁾.

Заходилъ Садкó купецъ, богатый гость,
Столованье тутъ, почестень пирь
На купцовъ на всѣхъ новгородскіихъ
Да на тѣхъ людей посадскіихъ,
Настоятелей новгородскіихъ:
На того Луку Зиновьева,
На другаго—на Ѡому Назарьева ⁵⁾.

⁴⁾ Здѣсь едва ли не слѣдуетъ разумѣть, что палаты Садкó были разукрашены камнями самоцвѣтными, свѣтящимися какъ солнце, мѣсяць и звѣзды. Эта метафора встрѣчается и въ кievскихъ былинахъ (о *Соловѣ Будимировичѣ* и *Турилѣ Лажковичѣ*).

⁵⁾ Въ первой былинѣ о *Василіи Буслаевѣ*, по нѣкоторымъ вариантамъ, въ числѣ мужей (мужиновъ) новгородскихъ называются *Николѣ Зиновьевичѣ* и *Ѡома Родимовичѣ*. Весьма вѣроятно, что это—тѣ же настоятели Лука Зиновьевъ и Ѡома Назарьевъ, такъ какъ Садкó и *Василій Буслаевъ*, какъ выше сказано, должны были быть современниками.

Какъ теперь-то на честномъ пиру
 Дб-сыта всѣ наѣдались,
 Дб-пьяна всѣ напивались,
 Похвальбами похвалялись.
 Иной хвастаетъ добрымъ конемъ,
 Иной—силою-удачею великою,
 Иной—славнымъ отечествомъ,
 А иной—удальимъ молодечествомъ,
 Умный хвастаетъ отцомъ да матушкой,
 А безумный—молодой женой.

И Садво съ хмѣлю захвастался:
 «А и гой еси вы, молодцы, славны купцы!
 Иной хвастаетъ у васъ былицею,
 А иной и небылицею.
 Чѣмъ-то будетъ мнѣ, Садку, теперь похвастати?
 У меня ли золотá казна не тóщится ⁶⁾,
 У меня ли цвѣтно платице не держится ⁷⁾,
 У меня дружинushка хорóбра не мѣняется.
 Коли будетъ чѣмъ Садку похвастати,
 Такъ безсчетной золотой казной:
 Припасите мнѣ товаровъ въ Новѣ-гóродѣ
 На три дня и въ три уповода ⁸⁾;
 И худые-то товары всѣ и добрые
 Выкуплю въ три дня и въ три уповода,
 Не оставлю вамъ товаровъ ни на денежку,
 Ни на малую полупешечку;
 А коли товаровъ всѣхъ не выкуплю,
 Заплачу я вамъ казны сто тысячей».

Какъ тутъ люди да посадскіе,
 Настоятели новгородскіе
 За тѣ рѣчи принимались,
 Сдѣлали имъ записи великія.
 Скоро всѣ тутъ съ пиру разѣзжались,

⁶⁾ *Тощиться* — истощаться.

⁷⁾ *Держаться* — издерживаться, изнаниваться.

⁸⁾ *Уповодъ* — приемъ.

Со честнѣго разбиралися
 По своимъ домамъ да по своимъ мѣстамъ.
 А Садкѣ купецъ, богатый гость,
 На другой день всталъ ранѣмъ рано,
 Разбудилъ свою дружинишку хоробрую,
 Дѣ-люби ⁹⁾ давалъ имъ золотой казны,
 Да спущалъ по улицамъ торговнымъ
 Всякіе товары въ Новѣ-городѣ
 Закупать цѣной повольною;
 Самъ шолъ во гостинный радъ,
 Выкупалъ цѣной повольною
 Всѣ товары; и худые-то и добрые,
 Не оставилъ вѣдь товару ни на денежку,
 Ни на малую полушечку.
 И вложилъ Господь желанье въ ретивѣ сердце:
 Шелъ Садкѣ, храмъ Божій сѣрудилъ
 Что во имя ли Стефана Архидьякона,
 Кресты-маковицы золотомъ позолотилъ,
 Всѣ честныя иконы изукрашивалъ,
 Чистымъ жемчугомъ усаживалъ,
 Царски двери вызолачивалъ.
 По другой день ходитъ онъ по Нову-городу:
 А товару вдвое противъ прежняго
 Принаезено да принаполнено
 На великую на славу Нова-города.
 Выкупилъ товары онъ и по другой-то день,
 И худые всѣ и добрые,
 Не оставилъ ни на денежку,
 Ни на малую полушечку.
 И вложилъ Господь желанье въ ретивѣ сердце:
 Шелъ Садкѣ, храмъ Божій сѣрудилъ
 Что во имя Сѣфіи Премудряя,
 Кресты-маковицы золотомъ позолотилъ,
 Всѣ честныя иконы изукрашивалъ,
 Чистымъ жемчугомъ усаживалъ,

⁹⁾ До-любѣ—сколько угодно.

Царски двери вызолачиваль.
 Ходить онъ по Нову-городу по третій день:
 А товару втрое противъ прежняго
 Принавезено да принаполнено:
 Подоспѣли, знать, товары-то заморскіе
 На великую на славу Нова-города ¹⁰⁾.
 Выкупилъ Садкѣ товары въ половину дня,
 И худые-то и добрые,
 Не оставилъ ни на денежку,
 Ни на малую полушечку.
 Много у Садкѣ еще казны осталось;
 И вложилъ Господь желанье въ ретивѣ сердце:
 Шелъ Садкѣ, храмъ Божій сбрудилъ
 Что во имя Николая да Можайскаго,
 Кресты-маковицы золотомъ поволотилъ,
 Всѣ честны иконы изукрашиваль,
 Чистымъ жемчугомъ усаживаль,
 Царски двери вызолачиваль.

А и ходить по четвертый день Садкѣ
 По всему по Нову-городу;
 Цѣлый день ходилъ до вечера:
 Не нашель товаровъ въ Новѣ-городѣ
 Ни на денежку, ни на малую полушечку.
 Заходилъ Садкѣ во тѣмный рядъ:
 Черепаны тутъ стоятъ, гнили горшки,
 Все гнили горшки одни да битые.
 Усмѣхается на то Садкѣ,
 Выкупаеть и гнили горшки,
 Говорить самъ таковѣ словѣ:
 «Пригодятся черепки—дѣтямъ играть,
 Поминать Садкѣ, гостя богатаго!
 Что богатъ не я, Садкѣ, а Новгородъ
 Всякими товарами заморскими:
 Черепанами, горшками битыми!»

---

¹⁰⁾ Разнорѣчіе: Садкѣ «пораздумался», что не выкупить ему товаровъ со всего бѣла свѣта: «богатъ я, Садкѣ, да богатѣе меня Новгородъ»,—и отдаетъ свой проигранный закладъ.

Очеркъ исторіи Провансальской поэзіи любви.

Любовь испоконъ-вѣка была однимъ изъ главныхъ стимуловъ лирической поэзіи. Всѣ народы, начиная съ древнѣйшихъ временъ, заплатили въ своихъ пѣсняхъ значительную дань этому чувству; они сдѣлали изъ него особенное божество, на алтарѣ котораго постоянно курился жертвенный фимиамъ. Даже народы самыя матеріальныя, повидимому мало способныя къ одушевленію, а тѣмъ болѣе къ изліанію своихъ чувствъ, какъ напримѣръ Китайцы, и у тѣхъ мы находимъ обильный запасъ пѣсней, воспѣвающихъ любовь. Китайцы, не смотря на то, что всецѣло погрузились въ практическія и меркантильныя расчеты и, по самой природѣ своей, способны болѣе жить умомъ, чѣмъ сердцемъ, обладаютъ богатѣйшимъ сборникомъ любовныхъ пѣсней, въ которыхъ восторженно описываютъ узенькія глазки, черныя брови и маленькія ножки монгольскихъ красавицъ. Романы, повѣсти и драмы ихъ всѣ исключительно основаны на любовныхъ интригахъ и похожденіяхъ героевъ, большинство которыхъ достигаетъ высшихъ ученыхъ степеней для того только, чтобы сдѣлаться достойными своихъ возлюбленныхъ. Впрочемъ, какъ ни сентиментальна любовь Китайцевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ она и чрезвычайно практична и умѣетъ соединять требованія сердца съ условіями служебной карьеры.

Еще большее количество любовныхъ пѣсней находимъ мы

у Индусовъ. Природа и климатъ дали имъ возможность выработать у себя направленіе совершенно противоположное тому, которое выработали Китайцы. Въ Индіи фантазія и чувство взяли верхъ надъ разсудкомъ и окончательно поработили его себѣ. Любовь Индусовъ есть по преимуществу любовь чувственная, животная. Попадаются, правда, самыя нѣжныя картины, которыя ничѣмъ не уступаютъ пьесамъ Петрарки и другихъ итальянскихъ пѣвцовъ любви, но на ряду съ такими картинами по большой части стоятъ самыя грубыя матеріальныя выходки ¹⁾. Индусъ отъ своей возлюбленной не требуетъ ничего, кромѣ красоты физической, да и эта физическая красота, подобно всему въ Индіи, имѣетъ характеръ совершенно особенный: все въ индійской красавицѣ должно быть роскошно и грандіозно; толстыя ноги, большія руки, густые и длинныя волосы, большіе и жгучіе глаза, пухлыя и румяныя щеки и широкія плечи — вотъ идеалъ женской красоты по понятіямъ Индусовъ. То, что для насъ кажется безобразнымъ, было предметомъ обожанія въ древней Индіи. Приведу для примѣра нѣкоторыя небольшія пьески, которыя еще нагляднѣе докажутъ высказаное.

1. Изрѣченіе Амара.

„Влажный лотосъ глаза, предупреждающаго свое собственное желаніе, таетъ; на пурпурные цвѣты щекъ улыбка расплываетъ бѣлый жасминъ.

Капли пота блестятъ на грудяхъ, какъ священная вода въ жертвенныхъ чашахъ; такъ приносится подать всѣми членами (ея тѣла), чтобы отпраздновать прибытіе милаго ²⁾.

---

¹⁾ Исключеніемъ въ этомъ отношеніи можно считать только «Гатакарпаромъ» и «Мегадута», полныя нѣжной прелести и чуждыя всякой животной чувственности. Первая и вторая пьеса переведены были и напечатаны мною въ моемъ изслѣдованіи «Очеркъ исторіи поэзіи древнихъ индусовъ». Кіевъ, 1866 г. стр. 85—89 и 91—98. Первая переведена съ нѣм. перевода *Bohlen'a*, въ его соч. „Das alte Indien“ т. 2, а 2-я съ франц. перевода *Hippolita, Fauch'a* „Oeuvres complètes de Kalidasa“ т. I.

²⁾ См. *Bohlen* „Das alte Indien“ т. 2, или „Очеркъ исторіи поэзіи древнихъ индусовъ“, стр. 79—80.

2. Верхъ наслажденія (Амара).

Пусть въ Лонѣ нѣгъ живѣвшихъ,
 Когда власи ея
 Вавѣвають въ безпорядѣ,
 Столь миломъ для очей,
 И сѣрыи, въ быстрой встрѣчѣ
 Ударившись, звенять;
 Когда чело прекрасной
 Жемчужною росю
 Унизано слегка:
 О пусть въ сіе мгновенье
 Любовница твоя
 Къ тебѣ вдругъ обратитъ
 Съ томленьемъ страстнымъ очи,
 Усталыя отъ нѣгъ...
 Скажи, счастливый смертный,
 Что бѣ ббльшаго и боги
 Могли бы для тебя? ¹⁾

3. Женская красота (Віартригари).

Лицо свѣтлое, какъ полный мѣсяць,
 Глаза блестящіе, какъ яліи,
 Какъ смоль черные волосы,
 Румянецъ, горящій ярче золота,
 Слегка округленная грудь
 Лобъ высокій и блестящій, какъ у слона,
 И голосъ, подобный дуновенію Зефира—
 Вотъ качества, которыя украшаютъ дѣвушку ²⁾.

4. Богиня (его-же).

Высокая и полная грудь,
 Лице нѣжное, какъ мѣсяць,
 Легко порхаетъ она съ мѣста на мѣсто,
 Окруженная божественнымъ блескомъ ³⁾.

¹⁾ См. *М. Деларю* „Опыты въ стихахъ“. Спб. 1835 г. стр. 143 Переводъ сдѣланъ съ Рюкертотскаго перевода.

²⁾ См. *Die Sprüche des Bhartriharis* aus den Sanskrit übertragen von *Bohlen* 1835, стр. 5.

³⁾ См. тамъ же, стр. 10.

Страсть самая чувственная, животная проглядывает почти въ каждой строчкѣ приведенныхъ мною стихотвореній и мѣшается предлести нѣкоторыхъ картинъ.

Такимъ же почти характеромъ запечатлѣны и любовныя пѣсни Арабовъ и Персовъ; самая религія Могаммеданъ благопріятствовала такому развитію чувственности: рай, по ученію корана, представляетъ собою нѣчто въ родѣ гарема, гдѣ вмѣсто простыхъ женщинъ утѣшаютъ правѣдниковъ безсмертныя гуріи; чувственныя наслажденія—вотъ награда, ожидающая на томъ свѣтѣ человѣка правѣднаго.

Совершенно другое значеніе и другой смыслъ пріобрѣтаетъ любовь у древнихъ Грековъ, этого, по преимуществу, эстетическаго народа. Любовь и красота, красота истинная, возвышенная, дѣлаются у нихъ понятіями неразлучными. Не однѣ только женщины, но все прекрасное въ природѣ:—красивый мужчина, прекрасный ребенокъ, стройное дерево, живописная мѣстность, хорошая картина или статуя, — все это способно было воодушевить восторженную натуру грека и возбудить въ душѣ его чувство пламенной любви. Любовь возводится Греками на степень особаго божества: прекрасный крылатый ребенокъ съ лукомъ и стрѣлами за плечами.

Доказательствомъ того, какое возвышенное понятіе составили себѣ древніе Греки о чувствѣ любви, можетъ служить знаменитый мифъ о Пигмалионѣ и Галатей¹⁾. Ваятель Пигмалионъ изваялъ статую прекрасной женщины (Галатей); произведеніе его, вышедшее верхомъ совершенства, до того поразило самого художника, что онъ не могъ надивиться на свое твореніе и по цѣлымъ часамъ просиживалъ передъ нимъ, любуясь его красотами, въ нѣмомъ восторгѣ. Чувство восторга вскорѣ смѣнилось чувствомъ любви, и вотъ Пигмалионъ до безумія влюбляется въ статую и въ порывѣ страсти обращается къ безсмертнымъ богамъ, умоляя ихъ дать жизнь его творенію. Боги, видя всю чистоту и силу любви художника, одушевляютъ мраморную статую. Мифъ этотъ, одинъ изъ самыхъ поэтическихъ мифовъ Греціи, ясно свидѣтельствуетъ о томъ,

¹⁾ Мифъ этотъ прекрасно изложенъ стихами нашимъ поэтомъ *Мейеръ*.

какъ высоко чтили Греки чувство любви: сильная и чистая любовь, по ихъ понятіямъ, въ состояніи одушевить даже камень.

Любовь въ Греціи, будучи предметомъ поэзіи и религіи, сдѣлалась вскорѣ и достояніемъ философіи: Платонъ посвятилъ этому чувству цѣлый трактатъ, въ которомъ ясно опредѣлилъ идеаль идеалъ всего греческаго народа. Отъ самого философа и любовь греческая, въ отличіе отъ любви народовъ востока, получила названіе любви «платонической», т. е. идеальной.

Ученіе Христа придало слову «любовь» еще болѣе возвышенное и болѣе широкое значеніе; любовь сдѣлалась теперь основою нравственности, стала чуждою всякой чувственности; христіанство, если можно такъ выразиться, довело идеаль любви до идеала, выше котораго себѣ ничего невозможно представить. Но, вслѣдствіе этой самой высоты и чистоты воззрѣній, христіанское ученіе въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, не могло сразу привиться къ цѣлымъ массамъ языческаго народа и, входя въ нихъ, потерпѣло сильныя искаженія, происшедшія главнымъ образомъ отъ непониманія. Только немногія, далеко опередившія массу личности, постигли и приложили къ жизни высоконравственное ученіе о любви. Большинство же народовъ Европы, принявшихъ христіанство, примѣшало къ христіанскому понятію свои національныя языческія воззрѣнія. Въ такомъ уже искаженномъ видѣ перешло понятіе о любви въ средніе вѣка и, подъ вліяніемъ религіозно-геронческаго характера германскихъ феодаловъ, скоро сдѣлалось одною изъ существенныхъ принадлежностей рыцарства, а вмѣстѣ съ тѣмъ перешло и въ поэзію. Защита угнетенныхъ, борьба съ врагами христіанской вѣры, любовь и вѣрность къ своей дамѣ,—вотъ основные принципы средне-вѣковаго рыцарства, принципы, нарушеніе которыхъ влекло за собой безчестіе (*félonie*). Словомъ, любовь къ женщинѣ ставится уже на ряду съ религіей и добрыми дѣлами; скажу даже болѣе—она дѣлается своего рода религіознымъ культомъ, который находитъ себѣ безчисленное множество послѣдователей въ средѣ феодальнаго дворянства, девизомъ

котораго становится: „Dieu et ma Dame“. Богъ и возлюбленная ставятся на ряду фанатическими приверженцами этого культа, которые, въ чаду всего поклоненія, не замѣчали, да и не могли замѣтить того, что впадали въ страшное богохульство. Думая въ точности исполнить заповѣди христіанскаго ученія, они совершенно отделились отъ нихъ и, забывши слова Евангелія, что невозможно въ одно и тоже время служить двумъ господамъ—Богу и Мамонѣ, избрали девизомъ христіанскаго воинства выраженіе радикально противоположное словамъ священнаго писанія.

Къ числу такихъ послѣдователей культа любви въ средніе вѣка принадлежатъ главнымъ образомъ провансальскіе поэты, извѣстные подъ именемъ трубадуровъ; они черпали изъ этого культа свои поэтическія вдохновенія и сдѣлали «изъ любви» божество поэзій, божество, замѣняющее собою сразу всѣхъ девять греческихъ музъ.

Но прежде, чѣмъ приступить къ подробному обзору этой поэзій, что и составляетъ предметъ настоящей статьи, слѣдуетъ нѣсколько остановиться на разсмотрѣніи причинъ, по которымъ поэзія любви въ средніе вѣка раньше всего развилась на югѣ Франціи, а оттуда уже перешла въ другія страны Европы. Главныхъ причинъ этому было двѣ: выгодное положеніе страны и сосѣдство Арабовъ. Разсмотримъ по порядку то и другое и постараемся выяснитъ значеніе этихъ причинъ для развитія поэтическаго духа въ жителяхъ южной Франціи.

Южная часть Франціи, извѣстная до сихъ поръ подъ именемъ Прованса, представляетъ собою всѣ выгоды для жизни человѣка. Защищенная съ сѣвера и востока горами, прилегаетъ она въ тоже время къ Средиземному морю, испаренія котораго умѣряютъ ея климатъ. Величественная Рона прорѣзываетъ страну и своими ежегодными разлитіями оплодотворяетъ и безъ того щедрю почву. Самые прекрасныя растенія юга (апельсины, лимоны, виноградъ, маслина, смоковница и т. п.) провзростаютъ здѣсь въ обиліи. Древніе классическіе народы (Греки и Римляне) обратили вниманіе на эту страну и устроили здѣсь свои колоніи, между которыми Массилія, нынѣшній Марсель, вскорѣ превзошла богатствомъ свою ми-

трополию. Юлій Цезарь въ своихъ запискахъ (*De bello Gallico*) описываетъ эту прекрасную страну и, во многихъ отношеніяхъ, отдаетъ ей преимущество передъ Италіей. Съ началомъ великаго переселенія народовъ южная Галлія сдѣлалась предметомъ постоянныхъ споровъ: Римляне долѣ всего удержали здѣсь свое владычество и, только послѣ жестокаго кровопролитія, уступили ее Готамъ и Бургундамъ, которые избрали Провансъ своимъ мѣстожителемъ. Меровингамъ также стоило не мало труда подчинить своей власти эту прекрасную страну. Вслѣдствіе смѣшенія разныхъ національностей, подклонившихся господствовавшему въ ю. Франціи римскому образованію, и вслѣдствіе мягкаго и умѣреннаго климата жизнь здѣсь сложилась удобнѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ Римской Имперіи, завоеванныхъ Германцами. Народъ скоро усѣлся и привыкъ къ правильному образу жизни. Подъ вліяніемъ тѣхъ же причинъ началъ ранѣе другихъ романскихъ языковъ развиваться языкъ провансальскій, такъ называемый «*langue d'oc*», отъ слова *oc*—да, которое на сѣверѣ Франціи произносилось *oil*, вынѣшнее *oui* ¹⁾). Въ Италіи, гдѣ образованность Рима подавляла всякое развитіе новыхъ національностей, долго еще господствовалъ языкъ латинскій, какъ языкъ судебный и литературный. Правда, что этотъ языкъ, подъ вліяніемъ языковъ германскихъ, потерпѣлъ значительныя измѣненія и искаженія, но, тѣмъ не менѣе, онъ все таки напоминалъ собою древній языкъ Рима, и всякое отступленіе отъ него въ пользу языка простонароднаго считалось чуть ли не святотатствомъ. Въ южной Франціи, напротивъ того, языкъ латинскій вскорѣ уступилъ мѣсто новому, развившемуся изъ смѣшенія римскаго и германскихъ. Народъ сталъ говорить на этомъ новомъ языкѣ, который былъ несравненно звучнѣе и мягче латинскаго.

Одновременно съ усвоеніемъ римскаго образованія и съ выработкой новаго языка, усвоили себѣ жители Прованса и

¹⁾ Языкъ этотъ назывался также *Лимузинскимъ*, отъ мѣстности „*Limousin*“, въ которой господствовало самое чистое нарѣчіе. См. *Diez* „*Die poesie der Troubadours*“ и *Brinkmeier* „*Die provenzalischen Troubadours*“.

всѣ германскія понятія о рыцарствѣ. Какъ во всей прочей западной Европѣ, такъ и здѣсь появляются феодалы и рыцари, посвящающіе себя служенію Бога и своей дамѣ. Пирь, турниры и другія увеселенія рыцарей находятъ себѣ и здѣсь пріютъ, а вмѣстѣ съ ними появляются и пѣвцы (жонглеры), на обязанности которыхъ лежитъ увеселеніе пирующихъ. Подобно тому, какъ въ древней Греціи, разные пѣвцы воспѣвали дѣянія боговъ и героевъ, а на сѣверѣ Европы барды и скалды славили подвиги своихъ конунговъ, такъ точно было и въ южной Франціи; разница заключается только въ томъ, что въ Провансѣ вмѣсто боговъ, героевъ и битвъ воспѣвались—природа, прекрасныя женщины и любовныя похождения рыцарей. Причиной этому было, съ одной стороны, различіе религіи и убѣжденій, а съ другой—природа и климатическія и социальныя условія. Греки, въ первую эпоху своего развитія, находились подъ непосредственнымъ вліяніемъ религіознаго страха, почему религіозные вопросы и составляли главный предметъ ихъ мысли. Подвиги боговъ и героевъ, оказавшихъ услуги соотечественникамъ, интересовали всѣхъ и сдѣлались предметомъ пѣснопѣнія. Впослѣдствіи, когда Греки достигли большой степени образованности, они перемѣнили предметъ пѣснопѣній и стали воспѣвать любовь и вино. Природа и климатъ страны, особенно въ Іоніи, на островахъ и на берегу Малой Азіи, располагали Грековъ къ этому болѣе, чѣмъ къ воспѣванію геройскихъ подвиговъ. На сѣверѣ Европы, напр. въ Скандинавіи или Шотландіи, скалды и барды, воспитанные подъ вліяніемъ суроваго климата и гористой природы, воспѣваютъ мужественные подвиги героевъ, которые, для добыванія насущнаго хлѣба и славы, должны были странствовать по морямъ и грабить болѣе счастливыя по природѣ и климату и болѣе богатая мѣстности. Цѣлыя толпы смѣлчачковъ ежегодно покидаютъ родину, которая даетъ имъ мало матеріальныхъ удобствъ, и устремляются на своихъ лодкахъ въ невѣдомыя страны за добычей. Природа, климатъ и образъ жизни чуждыхъ осѣдлыхъ народовъ производятъ на нихъ такое впечатлѣніе, что они, по возвращеніи на родину, сообщаютъ о нихъ своимъ соотечественникамъ самыя преувели-

ченныя и разукрашенныя фантазіей свѣдѣнія. Свѣдѣнія эти, переходя изъ устъ въ уста, принимаютъ наконецъ форму цѣлыхъ разсказовъ, героями которыхъ являются, конечно, конунги, побывавшіе въ чужихъ странахъ и счастливо верзувшіеся съ добычей на родину. Совершенно другое видимъ мы въ Провансѣ. Мягкій климатъ, плодородная почва, отсутствие внутреннихъ горъ, разнообразіе царства растительнаго, все это развивало въ жителяхъ совершенно другое направленіе, чѣмъ то, которое развилось на сѣверѣ. Не менѣе рѣзко отличіе Прованса и отъ Греціи: въ послѣдней море со всѣхъ сторонъ охватываетъ страну и даже, во многихъ мѣстахъ, рѣзко вдается въ материкъ, чѣмъ какъ бы вызываетъ жителей на торговую или мореплавательскую дѣятельность; между тѣмъ, какъ на югѣ Франціи море только съ одной стороны опоясываетъ берегъ и, за исключеніемъ Лионскаго залива, нигдѣ не вдается далеко въ страну; поэтому жители болѣе предалися мирнымъ земледѣльческимъ занятіямъ и, вмѣсто воспѣванія богатырскихъ подвиговъ, внесли въ свои пѣсни прославленіе природы и ея прелестей. Рыцарство прибавило къ этому воспѣванію природы еще новый мотивъ, состоящій въ близкой связи съ первымъ, а именно воспѣваніе любви.

Такимъ образомъ постепенно развивалась въ Провансѣ поэзія любви и развивалась путемъ совершенно естественнымъ. Скорѣйшей ея выработкѣ способствовало болѣе всего вліяніе сосѣднихъ Мавровъ ¹⁾. Природа, образъ жизни и религія развили въ Испанскихъ Маврахъ самыя чувственныя представленія о женщинахъ и любви. Выходцы съ востока, они и въ Европу перенесли съ собою тѣже самыя восторженныя представленія и ту же самую пылкость натуры, которая всецѣло вылилась въ ихъ поэзіи. Арабы, страстно любя своихъ женъ, позволяли имъ однако пользоваться нѣкоторой свободой, а въ Испаніи эта свисходительность къ женщинамъ дошла до болѣе степеней, чѣмъ гдѣ-либо, и сильно напоминала собою средневѣковое рыцарство. Вообще Испанскіе Мавры, вслѣдствіе высокаго развитія наукъ и искусствъ, опередили во

¹⁾ *Guinguéné*, „Histoire littéraire d'Italie.“ Paris 1811, т. I стр. 256—258.

всѣхъ отношеніяхъ прочихъ Арабовъ и, между прочимъ, гораздо терпѣливѣе относились къ христіанамъ и евреямъ, такъ что въ мавританскія школы часто пріѣзжали учиться Итальянцы и Провансалы. Кромѣ того и самый языкъ Мавровъ, вслѣдствіе вліянія языка латинскаго и греческаго, изученію которыхъ они ревностно предавались, потерпѣлъ сильное измѣненіе и значительно отступилъ отъ языка прочихъ Арабовъ. Такимъ образомъ многое сдѣлано Мавровъ народомъ европейскимъ и сблизило ихъ съ народами христіанскими, а потому и понятно, что они постоянно сносились со своими сосѣдами и, принимая отъ нихъ нѣкоторыя особенности, сами оказывали на нихъ вліяніе. Вліяніе это было сильно, потому что Арабы стояли несравненно выше европейцевъ по образованности, и христіанскіе народы невольно должны были признавать ихъ превосходство. Кастилія, Аррагонъ и Провансъ, какъ ближайшія къ Маврамъ мѣстности, скорѣе и сильнѣе прочихъ государствъ Европы ощутили благое вліяніе мавританской цивилизаціи; двѣ первыя страны были даже до того подавлены этой цивилизаціей, что не могли еще долгое время выработать самостоятельнаго развитія національностей, а усвоили себѣ всецѣло обычаи и нравы болѣе просвѣщенныхъ сосѣдей. Провансъ былъ въ этомъ отношеніи счастливѣе. Жители этой страны переняли многое отъ Мавровъ, нерѣдко даже получали образованіе въ мавританскихъ школахъ, но не подчинились имъ совершенно и не утратили своей самостоятельности. Вліяніе Арабовъ не пошло далѣе научныхъ свѣдѣній и внѣшняго доска и способствовало только развитію національнаго духа, отнюдь не поработивши его. Между прочимъ особенно замѣтно это на поэзіи: Провансальскіе поэты переняли отъ Мавровъ внѣшнюю форму своихъ пѣсней, созвучное окончаніе стиховъ или риму и разнообразіе метровъ и видовъ лирики; но содержаніе осталось чисто національнымъ: во многихъ пѣсняхъ встрѣчаемъ даже общую германскимъ рыцарямъ ненависть къ невѣрнымъ.

Окончательное сформированіе провансальской поэзіи, какъ было замѣчено выше, началось со времени установленія рыцарства и получило сильный толчекъ вслѣдствіе знакомства и сближенія съ народами и поэзіей востока. При всѣхъ германскихъ герцогскихъ и княжескихъ домахъ всея западной Европы вошло въ обыкновеніе услаждаться во время пиршествъ пѣніемъ пѣвцовъ. Тоже самое видимъ мы и въ южной Франціи: пѣвцы, танцоры и музыканты были очень любимы феодальными рыцарями и безъ нихъ не могло обходиться ни одно празднество. Цѣлыми толпами странствовали они иногда съ мѣста на мѣсто и не разъ вызвали недоброжелательство духовенства. Эти первоначальные пѣвцы, извѣстные подъ именемъ *Joculatores Jongleurs*—сжомороховъ, долгое время удерживались въ южной Франціи и продолжали даже свое существованіе тогда, когда появились истинные поэты, называемые трубадурами (провансальское *trobair*, асс. *trobador*)¹⁾. Въ послѣдствіи названія жонглеровъ и трубадуровъ такъ перепутались, что трудно было опредѣлить степень разницы между ними, хотя истинные трубадуры, какъ напр. Видаль, Петръ Овернский и др., сильно обижались названіемъ жонглеровъ. Вообще надо полагать, что подъ именемъ жонглеровъ (*Joglar*) разумѣлись всѣ тѣ лица, которыя изъ поэзіи или музыки сдѣлали особое ремесло; а подъ именемъ трубадуровъ, напротивъ того, тѣхъ, которые занимались искусственной поэзіей, т. е. сами сочиняли пѣсни²⁾. Жонглеры были нѣчто вродѣ рапсодовъ древности; на ихъ обязанности лежало пѣніе уже сочиненныхъ трубадурами пѣсней, сопровождая самое пѣніе игрою на музыкальномъ инструментѣ³⁾. Иногда трубадуры сами исполняли обязанности жонглеровъ и пѣли свои произведенія, но по большей части они имѣли при себѣ особыхъ жонглеровъ, аккомпанировавшихъ ихъ пѣнію на какомъ нибудь инструментѣ; этимъ жонглерамъ трубадуры удѣляли всегда часть подарковъ, которые доставались на ихъ

¹⁾ *Diez* „Die Poesie der Troubadours“ стр. 35. и *Konnegiesazer* „Gedichte der Troubadours“ Einleitung. стр. XVII. 1852 г.

²⁾ См. *Diez* „Тамъ же“ стр. 31 и 32.

³⁾ См. тамъ же стр. 41.

долю. Иногда случалось и такъ, что жонглеры, передавая сначала чужія пѣсни, научались впоследствии слагать собственные и такимъ образомъ дѣлались трубадурами.

Когда именно начали провансальскіе поэты дѣлать изъ поэзіи ремесло, опредѣлить трудно; это вѣроятно произошло весьма рано ¹⁾, потому что уже въ началѣ двѣнадцатаго вѣка находимъ мы положеніе трубадуровъ вполне установленнымъ: они образуютъ собою отдѣльное сословіе гражданъ. Если и не подвержено никакому сомнѣнію, что богатые и знатные трубадуры не пѣли своихъ произведеній ради вознагражденія, а передавали таковыя подчиненнымъ имъ жонглерамъ, то извѣстно также, что небогатые пѣвцы снискивали себѣ хлѣбъ пѣніемъ сочиненныхъ ими пѣсней при дворахъ королей, князей и богатыхъ рыцарей. Такіе пѣвцы или имѣли постоянное мѣстожительство при какомъ нибудь дворѣ въ качествѣ придворнаго поэта, или же переходили изъ замка въ замокъ, изъ двора во дворецъ, пѣли свои произведенія за деньги или подарки и всюду пользовались любовью и почетомъ ²⁾. Вообще, какъ придворные, такъ и странствующие трубадуры всегда находились въ большой милости у богатыхъ дворянъ и князей; часто даже находились они съ ними въ самыхъ дружески-интимныхъ отношеніяхъ. Разсматривая исторію провансальскихъ трубадуровъ, мы постоянно встрѣчаемъ черты самой искренней дружбы между придворными поэтами и ихъ покровителями; нерѣдко случается даже, что эти покровители сами, увлекаясь примѣромъ своихъ любимцевъ, начинаютъ сочинять пѣсни ³⁾ и вступаютъ въ поэтическія состязанія со своими

¹⁾ *Diez* „тамъ же“ стр. 16—17—относитъ окончателное установленіе поэзіи трубадуровъ къ 1140 г., о *Brinkmeier* „die Provenzalische Troubadour“ стр. 18—относитъ таковое ко времени за-долго до крестовыхъ походовъ.

²⁾ *Brinkmeier*—стр. 24.

³⁾ Въ числѣ такихъ трубадуровъ попадаются и короли, какъ напр. *Альфонсъ II*—Арагонскій и *Ричардъ Львиное Сердце*, произведенія которыхъ сохранились до настоящаго времени. См. *Rayncard* „Choix des rosiets originales des troubadours“ Paris 1819. т. 3 и 4.—Даже *Фридрихъ Барбаросса* хорошо звалъ провансальскій языкъ и сочинялъ на немъ пѣсни, изъ которыхъ до насъ впрочемъ дошла только одна. См. *Guinqueni* „Histoire littéraire d'Italie“ т. 1-й стр. 263.

клиентами. „Какая-то страсть къ поэзии и стихотворству, говоритъ *Guinguiné* ¹⁾, подобная эпидеміи, обуяла въ это время сильныхъ міра сего и даже королей. Не только свои любовныя чувства, но даже политическія соображенія и военные планы выражаютъ они стихами.“ Почетнымъ положеніемъ пользовались трубадуры не только между мужчинами, но и между знатными женщинами того времени. Свѣтскость и умѣнье обращаться въ дамскомъ обществѣ (*Courtoisie*) считались одинаково необходимыми принадлежностями какъ рыцаря, такъ и поэта. Любить трубадура и пользоваться его взаимностью не только не считалось позоромъ для знатной дамы, но было даже дѣломъ обиденнымъ; въ укоръ женщинъ того времени не ставилось даже и то, если она оказывала предпочтеніе трубадуру передъ знатнымъ герцогомъ. При этомъ должно замѣтить, что значеніе трубадуровъ не ограничивалось только тѣмъ, что они были уважаемы и любимы за свой поэтический талантъ и свою *courtoisie*; нередко принимали они дѣятельное участіе въ дѣлахъ политики и своими совѣтами и стихотвореніями вліяли на рѣшеніе многихъ государственныхъ вопросовъ. Такъ напримѣръ Вертранъ-де-Борнъ возбуждалъ старшаго сына англійскаго короля Генриха III къ возстанію противъ отца.

Вознагражденіе, получаемое трубадурами за ихъ пѣсни, часто бывало весьма значительно. По большей части состояло оно изъ лошадей, дорогихъ одеждъ, разной утвари, а иногда и денегъ ²⁾. Во время празднествъ случалось имъ получать даже по нѣскольکو тысячъ золотыхъ монетъ. Какъ самые щедрые и замѣчательные покровители трубадуровъ извѣстны: графы барселонскіе, нѣкоторые короли Арагона и Кастиліи (особенно Альфонсъ II Арагонскій), графы прованскіе, маркграфы Монферрата, графы д'Эсте и Малатина и Дофинъ Робертъ Овернскій, который, вслѣдствіе своей неимовѣрной щедрости къ трубадурамъ, прожилъ болѣе половины своего графства ³⁾.

¹⁾ Тамъ же стр. 269.

²⁾ *Diaz* стр. 50.

³⁾ См. *Brinkmeier* стр. 25. о *Kouuegieszer*—стр. XIX.

Часто, щедро одаренные за свои пѣсни на родинѣ, трубадуры переходили въ Италію или Испанію. Ихъ слава предшествовала имъ въ этихъ государствахъ и нерѣдко еще возрастала. Особенно любили и ласкали ихъ въ Италіи при небольшихъ княжескихъ дворахъ, образовавшихся на развалинахъ прежнихъ республикъ. Для лучшаго пониманія и оцѣнки поэзиі трубадуровъ итальянцы и испанцы брались за изученіе провансальскаго языка. Между трубадурами, сочиненія которыхъ дошли до насъ, мы можемъ насчитать многихъ уроженцевъ Италіи и Испаніи ¹⁾.

Отличительною чертою провансальской поэзиі служатъ то, что всѣ произведенія трубадуровъ до того проникнуты однимъ и тѣмъ же характеромъ, что всѣ ихъ можно бы было признать за созданія одного лица, написанныя только при разныхъ обстоятельствахъ и различномъ настроеніи духа. Конечно, отдѣльныя индивидуальности проглядываютъ и здѣсь, но, тѣмъ не менѣе, общее сходство просто поразительно: всюду находимъ мы одну и ту же точку зрѣнія на воспѣваемые поэтами предметы ²⁾. Особенно рѣзко бросается въ глаза однообразіе воззрѣній въ стихотвореніяхъ, посвященныхъ описанію природы: мы у всѣхъ почти трубадуровъ встрѣчаемъ при этомъ одни только указанія на отдѣльныя красоты природы, но нигдѣ эти красоты не сгруппированы и нигдѣ не находимъ мы цѣльной картины. Даже Бернардъ Вентадорнъ, самый щедрый и даровитый въ этомъ отношеніи, часто повторяется и нигдѣ не представляетъ намъ образной картины природы ³⁾.

Одною изъ характеристическихъ особенностей этой поэзиі является необыкновенная простота и несложность содержанія и идей; но за то нельзя не удивляться тому искусству, съ которымъ трубадуры умѣютъ придавать выраженію этихъ идей самыя разнообразныя формы, облекая ихъ въ самыя милостивыя, плѣнительныя образы. Эта простота и несложность

¹⁾ *Guinguène*, стр. 272.

²⁾ См. *Diez*, стр. 122—123.

³⁾ Доказательствомъ этому могутъ служить отрывки, приведенные Дюдомъ и два цѣльныхъ стихотворенія Вентадорна, помѣщенные у *Calleguiescer'a*, стр. 41—43. *Diez* стр. 124.

содержанія происходитъ главнымъ образомъ отъ того, что провансальскіе поэты не получали никакого научнаго образованія, не имѣли никакихъ научныхъ знаній: весь кругъ ихъ учености ограничивался кое-какими смутными свѣдѣніями, почерпнутыми изъ сочиненія „*Ars amandi*“ Овидія, которое, какъ полагаетъ Дяцъ ¹⁾, было уже переведено на провансальскій языкъ въ половинѣ XII вѣка. Что же касается другихъ поэтовъ Рима, то трубадуры, за немногими развѣ исключеніями, едва знали ихъ по имени.

Любимою темою трубадуровъ была психологія любви, попытка объяснить противорѣчія и сущность этого чувства, а также аллегорическія или пластическія представленія любви. Любовь у нихъ является часто поэтической, т. е. созданной для поэтическихъ цѣлей. Поэтъ выбиралъ предметомъ своей любви и пѣсней какую нибудь даму, не обращая вниманія на то, замужемъ она или нѣтъ. Серьезнаго увлеченія здѣсь, конечно, не было, да и въ самомъ дѣлѣ мы не встрѣчаемъ ни одного примѣра, чтобы такая любовь окончилась бракомъ. Здѣсь по большей части обѣ стороны разсчитывали главнымъ образомъ на честь и славу. Трубадуръ, въ большинствѣ случаевъ, выбиралъ предметомъ своимъ дочь, родственницу или даже жену своего покровителя, при чемъ имъ, конечно, руководилъ личный разсчетъ. Покровительница же должна была радоваться тому, что въ ея власти находится пѣвецъ, который прославляетъ ея имя.

Особенно любятъ трубадуры дѣлать въ своихъ произведеніяхъ аллегорическія представленія любви. Она является у нихъ существомъ женскаго рода, вѣроятно вслѣдствіе того, что слово *amor*, какъ и всѣ существительныя этого окончанія, стало женскаго рода на языкѣ Прованса. Э. а богиня всегда носитъ въ рукѣ копье или дротикъ, которымъ она ранитъ сердца. Укъ *Брюнетъ* изображаетъ ее слѣдующимъ образомъ:

¹⁾ *Diez* стр. 127—128.

«Любовь легко попадаетъ въ насъ своимъ копьемъ,
Она есть духъ и ведетъ тонкую игру,
Ее можно видѣть только въ воображеніи.
Ея сладкій скачекъ переходитъ пѣз глаза въ глазъ,
Изъ глазъ въ сердце, а изъ сердца въ чувство.

Такъ осиливаетъ и побѣждаетъ она всѣхъ,
Которыхъ она избрала для служенія ея цѣлямъ;
Но тѣмъ большія страданія доставляетъ она имъ,
Такъ какъ она требуетъ, чтобъ намъ причиняемая ею
боль нравилась,
И чтобы благодарили ее за ея несправедливость по отно-
шенію къ намъ». ¹⁾

Жиро де Калансонъ (de Calanson) называетъ любовь до такой степени зѣвной, что ея нельзя видѣть, и столь быстрой, что ея нельзя избѣжать. «Отъ ея остраго жала, говоритъ онъ, ²⁾ не можеть защитить никакой щитъ; свачала пускаетъ она въ свою жертву золотыя, а потомъ свинцовыя стрѣлы; ³⁾ она носитъ на головѣ золотую корону; глаза ея никогда не останавливаются на томъ предметѣ, который она собирается поразить; причиняемая ею раны производятъ наслажденія; она живетъ счастьемъ, защищается и нападаетъ, не обращая вниманіа ни на рожденіе, ни на могущество.

Впрочемъ не только изъ любовныхъ исторій отдѣльных трубадуровъ, переходившихъ отъ одной знатной дамы къ другой, и потому не могшихъ проникнуться истинной страстью, но изъ всѣхъ почти произведеній провансальской лирики ясно видно, что объ искреннемъ чувствѣ нигдѣ у нихъ не могло быть и рѣчи. Поэтовъ воодушевляла далеко не любовь, а господствовавшее въ то время обыкновеніе, такъ называемая *Galanterie*, служеніе женщинамъ, которыя облевались въ формы любви и замѣняли истинное чувство. «Существенную

¹⁾ *Diez* стр. 139-я.

²⁾ См. *Brinkmeier* стр. 28.

³⁾ *Sagetos d'aur* или *dart de plom.* Тамъ же.

часть куртуазія, говоритъ Шерръ, ¹⁾ составляло служеніе женщинамъ, имѣвшее, конечно, религиозное основаніе въ поклоненіи Маріи, которое особенно сильно развилось во время крестовыхъ походовъ. Если мы примемъ въ соображеніе съ какой наивно-чувственной стороны позимался этотъ культъ,— я напомню только тѣ средне-вѣковыя картины, на которыхъ изображена Мадонна, кормящая грудью особенно заслуженныхъ и пріятныхъ ей поклонниковъ,—то не трудно будетъ понять, что со стороны рыцарства поклоненіе Божіей Матери легко могло быть перенесено на весь прекрасный полъ. По-святить себя этому служенію женщинамъ—называлось «натодиться въ школь женщины» и это считалось до того необходимымъ для рыцарскаго образованія, что рыцарь не признавался достойнымъ своего званія, если онъ не обладалъ искусствомъ нравиться женщинамъ. Одинъ изъ трубадуровъ, Раймондъ де Мираволь, считаетъ тяжкимъ уворомъ для рыцаря, если про него могутъ сказать: «По немъ видно, что женщины его не любятъ».

Вслѣдствіе господства такой утонченной вѣжливости по отношенію къ прекрасному полу, не возможно предполагать, чтобы женщины, которыхъ прославляли и воспѣвали въ своихъ пѣсняхъ трубадуры, всегда были ихъ возлюбленными и отвѣчали пѣвцамъ взаимностью. Поводомъ къ пѣснѣ служила обыкновенно или красота какой нибудь женщины или просто долгъ вѣжливости и приличія. Эти произведенія были не что иное, какъ дань, которую трубадуры должны были платить своимъ пэровительницамъ. Такой обычай до того вкоренился, что одинъ изъ самыхъ серьезныхъ трубадуровъ, Guigaut de Borneil, который смотрѣлъ на поэзію, какъ на благороднѣйшее изъ призваній чловѣка, въ числѣ четырехъ главныхъ условій всякаго стихотворенія ставитъ прославленіе любви. Это считалось до того важнымъ, что даже монахъ, какъ напримѣръ Montaudoп, если онъ бы изъ поэтовъ, долженъ

¹⁾ Шерръ „Исторія цивилизаціи Германіи“ перев. Д. Писарева. Спб. 1869 г. стр. 105.

былъ къ своимъ произведеніямъ непремѣнно говорить о любви. ¹⁾

При такихъ условіяхъ понятно, что главною задачею каждаго трубадура было стремленіе прославить даму своего сердца, какъ первую красавицу въ мірѣ. Чѣмъ восторженнѣе и преувеличеннѣе были похвалы, тѣмъ большая награда ожидала ихъ создателя. «Красота моей дамы, говоритъ Петръ Рожіеръ ²⁾ распространяетъ вокругъ себя такой блескъ, что ея присутствіе превращаетъ ночь въ самый свѣтлый день. Счастливы тоть, чьи очи удостоятся видѣть и оцѣнить всѣ ея прелести». Подобныя преувеличенія были до такой степени обыкновенны и такъ свойственны всѣмъ поэтамъ, что многіе трубадуры сами указываютъ на нихъ, какъ на недостатки. Самымъ лучшимъ доказательствомъ этому можетъ служить слѣдующее стихотвореніе Раймонда де Мираваль: «Всѣ трубадуры, безъ исключенія, расточаютъ своимъ дамамъ самыя неумѣренныя похвалы, не обращая вниманія на то, до какой степени ихъ прославленія вѣроятны. Тотъ, кто приписываетъ своей возлюбленной качества, которыхъ она не имѣетъ, подвергаетъ ее справедливому насмѣшкѣ. Что меня касается, то я люблю столь совершенную женщину, что, хваля ее, никогда не можешь сказать неправды». ³⁾

Подобная страсть къ преувеличеніямъ не могла не оказывать дурнаго дѣйствія и на нѣкоторыя изъ произведеній трубадуровъ, которыя, вслѣдствіе этого, являются рядомъ напыщеннѣхъ выраженій, имѣющихъ значеніе случайныхъ произведеній, вызванныхъ требованіемъ моды. Очень часто встрѣчаемъ мы въ такихъ пѣсняхъ вычурные обороты рѣчи, ничего не говорящія фразы, громкія слова и нелѣпыя сравненія. Такъ напримѣръ «*Folquet*» говоритъ въ одной изъ своихъ канцонъ, ⁴⁾ что „любовь его дамы держитъ его такъ крѣпко, какъ сумасшедшій крѣпко держитъ вобчана, котораго онъ душитъ до смерти!..“ а Петръ Видалъ увѣряетъ свою возлю-

¹⁾ *Brankmeier* стр. 31.

²⁾ Тамъ же стр. 32.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Тамъ же стр. 33.

бленную, что она для него дороже ста верблюдовъ, навьюченыхъ золотомъ». ¹⁾

Если уже въ обыкновеніи того времени было, чтобы всякій рыцарь или трубадуръ, не желавшій навлечь на себя нареканія общества, непремѣнно былъ привязанъ къ какой либо дамѣ, то находились верѣдко и такія личности, которыя считали за особенную честь, если имъ удавалось отличиться какъ нибудь своеобразнымъ любовнымъ подвигомъ. Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить исторія трубадура *Рюделя*, который до безумія влюбился въ графиню Мелизанду Триполискую, никогда ея не выдавши; онъ обращаетъ къ ней самыя восторженныя пѣсни и, наконецъ, горя пламеннымъ желаніемъ ее увидѣть, дѣлается крестоносцемъ и садится на корабль. Дорогой заболѣваетъ онъ и большой прѣзжаетъ въ Триполисъ. Графиня, узнавши о прибытіи ея восторженного поклонника, приходитъ на корабль посѣтить больного. Радость при видѣ своей возлюбленной такъ сильно потрясаетъ Рюделя, что онъ вскорѣ умираетъ на рукахъ графини. Оригинальность этой исторіи заключается въ фантастическомъ происхожденіи столь серьезной, по видимому любви; а между тѣмъ подобная любовь, появляющаяся вслѣдствіе воображенія, была обыкновеннымъ явленіемъ въ средніе вѣка и не представляла ничего особеннаго.

Почти во всѣхъ произведеніяхъ трубадуровъ встрѣчаемъ мы вѣкторую сдержанность (скромность) по отношенію къ ихъ розлюбленнымъ, въ особенности, когда дѣло идетъ о высказываніи чувствъ и желаній. Эта своего рода стыдливость, этотъ кажущійся недостатокъ всякой смѣлости по отношенію къ женщинамъ можетъ быть объясненъ только характеромъ средневѣковаго рыцарства. Разсмотрѣвая сама по себѣ, эта стыдливость производитъ на читателя весьма благопріятное впечатлѣніе; такъ напримѣръ *Кайрель* говоритъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній о своей возлюбленной: «Достоинства ея такъ велики, что я не осмѣливаюсь говорить съ ней о вѣжности моихъ чувствъ, потому что такимъ образомъ я могу

¹⁾ Тамъ же.

ея лишеться, а потеря моей дамы повлечетъ за собою мою смерть. ¹⁾ Подобныя выраженія звучатъ естественностью и не рѣдко бывають необыкновенно поэтичны и граціозны. Но, по большей части, такая стыдливость доводится трубадурами до крайности. Восхищаясь совершенствами своихъ возлюбленныхъ, они плачутся на то, что недостойны любви этихъ сверхъестественныхъ созданій. Такъ Видадь называетъ себя работою своей дамы, „работою, котораго она можетъ продать или подарить другимъ; но ему отраднѣе страдать и мучиться у ея ногъ, чѣмъ блаженствовать съ другимъ“ ²⁾. Эта сдержанность въ произведеніяхъ трубадуровъ по отношенію къ воспѣваемымъ ими дамамъ была, помимо всего другаго, необходима для самихъ поэтовъ, такъ какъ, къ любовнымъ интригамъ трубадуровъ со знатными дамами мужа послѣднихъ не всегда оставались равнодушными, и пѣвцамъ-волокамъ нерѣдко приходилось дорого платиться за свои похищенія. Доказательствомъ этому могутъ служить Гильомъ де Кабестенъ и Видадь, изъ которыхъ первый поплатился жизнью, а второй языкомъ. ³⁾ Даже свои нѣжные намеки на дѣвицу долженъ былъ поэтъ выражать крайне осторожно, чтобы не раздражить какънибудь своенравныхъ родственниковъ, или не оскорбить чувства стыдливости самой дѣвушки: знатныя женщины держали себя по большей части весьма гордо по отношенію къ страствующимъ пѣвцамъ и не терпѣли съ ихъ стороны перехода за извѣстныя предѣлы. ⁴⁾

Наибольшей естественностью и искренностью чувства отличаются пьессы женщинъ-поэтовъ того времени. „Тотъ, кто порицаетъ мою любовь, говоритъ *Clara d'etndous* ⁵⁾, и тотъ, кто мнѣ запрещаетъ любить тебя, оба не могутъ перемѣнить моего сердца; они даже не въ состояніи увеличить моей потребности, моего желанія и моего счастья нравиться тебѣ. Нѣтъ на свѣтѣ человѣка, какъ бы сильно я его ни ненави-

¹⁾ *Brinkmeier* стр. 34.

²⁾ Тамъ же стр. 36.

³⁾ *Diez* стр. 149.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ См. *Kanuegiesez* стр. 295—6 строфа 2-я.

дѣла, который бы не сталъ моимъ другомъ, еслибъ я услышала, что онъ хвалить тебя; но тотъ, кто дурно отзывается о тебѣ, во всю жизнь не можетъ сдѣлать ничего, что могло бы мнѣ быть приятно.“ Еще большей искренностью и поэтичностью отличается стихотвореніе графини *Beatrice de Die*, въ которомъ она, упрекая своего невѣрнаго возлюбленнаго за то, что онъ покинулъ ее, увѣряетъ его въ своей невинности въ отношеніи къ нему и выражаетъ всю свою къ нему любовь ¹⁾. Любовь, выражаемая въ этой пьесѣ, чисто идеальная: за свою любовь графиня проситъ только взаимности.

И такъ, только въ рѣдкихъ случаяхъ встрѣчаемъ мы въ произведеніяхъ трубадуровъ черты искренняго чувства; большинство же изъ нихъ отличается искусственностью, которая была вызвана обязанностью прославлять женъ своихъ патроновъ. Поэтому-то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что произведенія провансальской поэзіи представляютъ весьма мало оригинальнаго; всѣ почти наборъ выспреннихъ фразъ и вычурныхъ словъ. Единственная своеобразная черта этой поэзіи, которой мы не находимъ въ поэзіи другихъ народовъ,— это какое-то мистическое сліяніе любви и религіи. Богъ, Пресвятая Богородица, ангелы и святые и всѣ основные догматы вѣры смѣшиваются съ культомъ любви и почитаніемъ женщины. Объясненіемъ этому заблужденію можетъ служить только рыцарство, которое иногда въ своемъ религіозномъ рвеніи доходило до богохульства. Провансальскіе трубадуры внесли эти представленія и возрѣнія католическаго средневѣковаго рыцарства въ свои пѣсни. Такъ Петръ Раймондъ Тулузскій говоритъ: „Еслибы мнѣ благопріятствовала любовь и она бы (возлюбленная) не отказала мнѣ въ моемъ сватовствѣ, то я бы пріобрѣлъ большее наслажденіе, чѣмъ попасть въ рай.“ ²⁾ Петръ Видалъ, обращаясь къ своей дамѣ, говоритъ: „Владычица! я воображаю себя Богомъ, когда смотрю на ваше прелестное тѣло“ ³⁾.

¹⁾ Тамъ же—стр. 77.

²⁾ *Diez* „die Sonne der Troubadurs“ стр. 163.

³⁾ Тамъ же.

Ознакомившись съ характеромъ и содержаніемъ провансальской эротической поэзии, мы постараемся теперь нѣсколько ознакомиться и съ жизнью нѣкоторыхъ самыхъ замѣчательныхъ трубадуровъ, которые могутъ служить типическими образцами своего времени ¹⁾.

1) Бернаръ де Вентадуръ.

Бернаръ, одинъ изъ первыхъ и изъ самыхъ искреннихъ пѣвцовъ любви, былъ сыномъ истопника въ замкѣ вице-графовъ де Вентадуръ. Родился онъ около 1140 г. Въ дѣтствѣ уже обнаружилъ онъ необыкновенныя способности и страсть къ поэзии, чѣмъ и обратилъ на себя вниманіе вице-графа, который приблизилъ его къ себѣ и сталъ самъ обучать его правиламъ стихотворства. Кромѣ того, покровитель его позаботился и о томъ, чтобы дать ему вообще соотвѣтствующее его призванію образованіе: Бертранъ былъ однимъ изъ немногихъ трубадуровъ, которые довольно основательно прошли курсъ тогдашней церковной школы, т. е. онъ изучилъ самыхъ доступныхъ латинскихъ писателей, священное писаніе и скоропись.

У вице-графа была прелестная жена Агнеса де Монлисонъ, вѣтвь дома Бурбоновъ, съ которою, какъ увѣряетъ самъ Бернаръ де Вентадуръ, онъ знакомъ былъ съ самаго дѣтства. Ей очень нравились пѣсни Бернара, и она поэтому относилась къ нему весьма благосклонно. Поэтъ нашъ влюбился въ нее и сдѣлалъ ее предметомъ своихъ пѣснопѣній; но любовь эту онъ долженъ былъ скрывать, такъ какъ упоминать имя госпожи было ему строго воспрещено. Поэтому ему пришлось прибѣгнуть къ аллегоріи и во всѣхъ своихъ пѣсняхъ, отнесающихся къ этому времени, онъ величаетъ Агнесу подъ именемъ „прекрасный взоръ.“ Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній онъ говорить, что „когда зеленѣетъ трава

¹⁾ Всѣ, приведенныя мною ниже біографіи трубадуровъ, составлены мною по сочиненіямъ *Reynoud's* „Choix des poésies originales des Troubadours.“ Paris 1876—1881. т. 5-й, *Biographies et fragments des Troubadours*“ и *Diez's* „Leben und Werke der Troubadurs zwickau.

и появляются на деревьях листья, когда начинают распускаться цветы и раздается звонкій голос соловья, радуется онъ красотаѣ природы, а еще болѣе своей любви; онъ удивляется тому, какъ онъ, въ присутствіи ея чудныхъ глазъ въ состояніи обуздывать свои страсти, а не предается имъ безрассчетно; еслибъ онъ былъ волшебникомъ, то онъ обратилъ бы своихъ враговъ въ дѣтей, чтобы мочь тогда вдоволь насмотрѣться на прекраснѣйшіе въ мірѣ глаза и на свѣжую краску ея лица и такъ крѣпко разцѣловать ея ротикъ, чтобы въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ замѣтенъ былъ слѣдъ этого поцѣлуя. Часто погружается онъ такъ глубоко въ свои мечтанія, что воры могли бы незамѣтно для него самого украсть его. Ему бы хотѣлось застать возлюбленную спящею, чтобы похитить у нея поцѣлуй, котораго онъ не отваживается у нея попросить.*

Такъ какъ Агнеса иногда призывала его къ себѣ послушать его пѣсней и, при этомъ, ему не разъ удавалось видѣть ее утромъ въ постели, когда она, казалось ему, „была свѣжа и бѣла, какъ рождественскій снѣгъ,“ то это до того ободрило его, что онъ рѣшился въ одной изъ посвященныхъ и представленныхъ ей канцонъ попросить у нея поцѣлуя. Это стихотвореніе, могшее компрометировать вице-графиню, было причиною того, что она упрекнула его за дерзость и перестала съ нимъ видѣться. Бернаръ удалился изъ замка *Вентадуръ* и поселился вдали, гдѣ сочинилъ самыя лучшія и нѣжныя свои пѣсни, въ которыхъ выразилъ всю свою безграничную преданность графинѣ.

Такая постоянная любовь и нѣжность поэта смягчили наконецъ Агнесу: она снова призвала его къ себѣ, наградила столь желаннымъ имъ поцѣлуемъ, а вслѣдъ затѣмъ всецѣло отдалась его любви. Эти любовныя отношенія продолжались довольно долго, пока, наконецъ, самъ мужъ Агнесы не провѣдавъ о нихъ и не положилъ имъ конца. Удивительно при этомъ то, что графъ въ высшей степени снисходительно поступилъ съ пѣвцомъ, котораго онъ могъ уничтожить, онъ даже не подвергнулъ изгнанію, а только воспретилъ видѣться съ графинею, за которою сталъ зорко слѣдить и къ которой

приставилъ стражей. Ради своего спокойствія Агнеса упростила Бернара удалиться изъ предѣловъ ихъ владѣній.

Теперь Бернару пришлось навсегда покинуть замокъ, въ которомъ онъ родился, выросъ и такъ горячо любилъ; на нѣкоторое время поселился онъ еще не въ далекомъ разстоянн отъ Вентадура и предался сильной грусти объ утраченной имъ безвозвратно возлюбленной. „Я, говоритъ онъ въ одной изъ своихъ канцонъ, сочиненныхъ въ это время, буду считать себя вполне счастливымъ, если только Богу угодно будетъ охранять мою возлюбленную.“ Въ другой пѣснѣ, посланной имъ графинѣ, выражаетъ онъ ей всю свою тоску, въ отвѣтъ на которую Агнеса велѣла ему удалиться. Послѣ этого покидаетъ онъ Лимузенъ и удаляется на сѣверъ, во Францію, гдѣ сочинилъ канцону, въ которой онъ прощается со своей возлюбленной, но притомъ клянется ей въ вѣчной любви.

Бернаръ отправился въ Нормандію, гдѣ онъ надѣялся найти радушный приемъ при дворѣ герцогини Элеоноры, жены Людовика VІІ французскаго короля, которую король отвергнулъ и съ которою формально развелся вслѣдствіе ея невѣрности. Элеонора впрочемъ не долго оставалась въ одиночествѣ: она вскорѣ вышла замужъ за герцога Нормандскаго Генриха, сдѣлавшагося около этого времени королемъ Англіи подъ именемъ Генриха II Плантагенета. Элеонора вмѣстѣ съ мужемъ удалилась въ 1154 г. въ Англію. Когда Бернаръ впервые явился къ Элеонорѣ, ей всего только было около тридцати лѣтъ и красота ея была въ полномъ цвѣтѣ. Она приняла его весьма благосклонно и охотно слушала посвященные ей пѣсни. Самъ король Генрихъ любилъ и поощрялъ поэтовъ, а потому положеніе Бернара стало снова весьма хорошимъ. Онъ вскорѣ влюбился въ Элеонору, и она стала отвѣчать ему тѣмъ же. Когда она уѣхала съ мужемъ въ Англію, онъ написалъ ей пѣсню, въ которой называетъ себя ея рабомъ, „котораго она можетъ подарить или продать. Дурно дѣлаетъ она, говоритъ онъ дальше, что не призываетъ его къ себѣ, когда раздѣвается: онъ бы униженно, стоя на колѣняхъ, снялъ бы съ ея ноги прекрасныя башмаки.“ Въ заключеніе

общаетъ онъ ей еще до зимы посѣтить ее. Впрочемъ во всѣхъ пѣсняхъ Бернара, обращенныхъ къ Элеонорѣ, замѣчаемъ мы сдержанность и вѣжливость въ выраженіяхъ. Онъ только восхваляетъ ее прекрасный станъ, слушаетъ ее сладкую рѣчь и выражаетъ единственное желаніе быть ее крѣпостнымъ; когда онъ вдали отъ нея, то духъ его пребываетъ съ нею, и лучшая вѣсть, получаемая имъ отъ нея — это его воображеніе, которое воспроизводитъ ему ее прекрасныя черты. Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній объявляетъ онъ Элеонорѣ, что онъ живетъ вдали отъ двора ради нея и проситъ ее не ставить ему этого въ вину. Изъ этого заявленія мы дѣлаемъ предположеніе, что королю наконецъ не понравились любовно-поэтическія отношенія Бернара и королевы и что вслѣдствіе этого поэту пришлось покинуть дворъ.

Долго ли пробылъ Бернаръ въ сѣверной Франціи, намъ неизвѣстно; мы знаемъ только, что отсюда онъ перешелъ въ Тулузу къ графу Раймунду V, при дворѣ котораго онъ прожилъ до самой смерти графа. — Конечно, поэтъ не оставался и здѣсь безъ дѣла: кромѣ многихъ любовныхъ стихотвореній, обращенныхъ къ разнымъ дамамъ, онъ въ это время сочинилъ нѣсколько стихотвореній, обращенныхъ къ императору германскому Фридриху I, съ которымъ графъ Раймундъ былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Въ этихъ стихотвореніяхъ старается онъ убѣдить императора непременно завоевать г. Миланъ. — По смерти Раймунда удаляется Бернаръ въ монастырь Долонскій въ Лимузенъ, гдѣ и кончаетъ свою жизнь около 1195 года.

2) Гилльомъ де Кабестейнгъ (Guillaume de Cabestaing).

Любовная исторія этого трубадура, кончившаяся для него весьма трагически, представляетъ собою характерное явленіе изъ жизни средне-вѣковаго рыцарства, когда необыкновенная вѣжливость по отношенію къ женщинамъ уживалась рядомъ съ самою страшною грубостью. Вотъ что рассказываетъ преданіе:

Гилльомъ былъ сынъ бѣднаго рыцаря изъ замка Cabestaing. Не имѣя средствъ къ существованію и обладая даромъ

сочинять стихи, онъ поступилъ на службу въ качествѣ рыцаря и трубадура къ богатому и знатному рыцарю Раймунду de Roussillon. Раймунду чрезвычайно понравилась красивая наружность Гилльома и его благородная осанка, вслѣдствіе чего онъ приблизилъ его къ себѣ, удостоилъ его своей дружбы и привкомандировалъ къ свитѣ жены своей Маргариты, прекраснѣйшей во всѣхъ отношеніяхъ женщины того времени. Гилльомъ сталъ употреблять всѣ усилія, чтобы оправдать довѣріе своего покровителя и старался отличаться словомъ и дѣломъ, но прекрасная наружность поэта и его пѣсни зажгли пламя любви въ сердцѣ Маргариты и однажды, встрѣтясь съ нимъ, она спросила его: «Скажи мнѣ, Гилльомъ, еслибы какая-нибудь дама дала тебѣ замѣтить свою любовь, имѣлъ-ли бы на-столько смѣлости, чтобы отвѣтить ей тѣмъ-же?» Поэтъ, понявшій смыслъ этихъ словъ, отвѣчалъ ей: «Да, конечно, еслибы только зналъ, что знаки, выражающіе ея любовь, правдивы.»—«Клянусь Св. Іоанномъ, воскликнула красавица, ты отвѣчалъ, какъ подобаетъ мужчинѣ; но мнѣ хотѣлось бы узнать отъ тебя, умѣешь-ли ты отличать истинные знаки любви отъ притворныхъ?» Услышавши это, Гилльомъ отвѣчалъ: «Все должно совершиться, сообразно вашему желанію.»—Послѣ этого разговора сталъ Гилльомъ задумчивъ; вскорѣ любовь овладѣла всѣмъ его сердцемъ, и онъ сталъ обращать къ своей возлюбленной самыя пламенныя пѣсни, которыя еще болѣе разжигали любовь Маргариты и не давали ей покоя ни днемъ, ни ночью.—Однажды отвела она Гилльома въ сторону и сказала ему: «Скажи мнѣ теперь, искренне или нѣтъ мое обращеніе съ тобой?»—«Клянусь Богомъ, отвѣчалъ поэтъ, что съ того часа, когда я поступилъ къ вамъ на службу, мнѣ никогда не приходило на умъ другой мысли, кромѣ той, что вы благороднѣйшая и правдивѣйшая изъ женщинъ. Я въ этомъ убѣжденъ и буду убѣжденъ всю мою жизнь. Благородная дама возразила: «А я тебѣ, Гилльомъ, клянусь Богомъ, что никогда ты мною не будешь обманутъ или оставленъ безъ вознагражденія.»—Сказавши это, раскрыла она свои объятія и крѣпко прижала его къ груди. Съ этихъ поръ начинаются ихъ любовныя отношенія.

Счастье ихъ, впрочемъ, продолжалось не долго.—Придворные сплетники, замѣтивши дружеское расположеніе госпожи къ поэту, стали болтать о ихъ взаимной любви и отыскивать въ пѣсняхъ Гилльома намековъ на Маргариту. Болтовня ихъ дошла до слуха Раймунда, котораго сильно огорчило какъ то, что онъ теряетъ друга, такъ и то, что жена его опозорила, и онъ рѣшился объясниться по этому поводу съ Гилльомомъ.— Однажды, когда этотъ послѣдній, въ сопровожденіи одного только слуги, отправился, съ соколомъ на рукѣ, на охоту, Раймундъ, узнавшій объ этомъ, тотчасъ же велитъ себѣ осѣдлатъ коня, надѣлъ подъ платье кольчугу и отправился отыскивать трубадура, котораго, послѣ долгихъ поисковъ, наконецъ находитъ. Когда Гилльомъ увидѣлъ своего покровителя, то онъ сильно удивился и сталъ догадываться о причинѣ его пріѣзда, но, тѣмъ не менѣе, пошелъ къ нему на встрѣчу и сказалъ: «Здравствуйте, сеньѣры! Но почему-же вы одни?» Раймундъ отвѣчалъ ему: «Это оттого, что мнѣ хотѣлось провести время съ вами на-единѣ. Поимали-ли вы чтонибудь?»—«Я, сеньѣръ,—не много поймалъ, потому что мало нашелъ; вѣдь вы знаете пословицу: гдѣ мало можно отыскать, тамъ не много съ собой унесешь.»—«Отложимъ пока этотъ разговоръ, сказалъ Раймундъ. Я имѣю вамъ предложить вопросъ и заклинаю васъ вѣрностью, которою вы мнѣ обязаны, сказать мнѣ всю правду.»—«Клянусь Богомъ, отвѣчалъ Гилльомъ, что если я могу дать отвѣтъ, то отвѣчу вполне правдиво.»—«Вы не должны прибѣгать ни къ какимъ уверткамъ, строго замѣтилъ Раймундъ, а должны отвѣчать по правдѣ.»—«Сеньѣръ, возразилъ поэтъ, такъ спрашивайте же все, что вамъ будетъ угодно; я вамъ ничего не скажу, кромѣ правды.»—«Скажите тогда, Раймундъ, ради Бога, имѣете-ли вы даму, которую вы воспѣваете и любите?»—«Какъ-же бы я могъ создавать пѣсни, еслибы я не любилъ! воскликнулъ Гилльомъ; знайте, что любовь всецѣло овладѣла мною.»—«Я въ этомъ увѣренъ, сказалъ Раймундъ, потому что вы не могли бы безъ этого сочинять и пѣть такія прекрасныя пѣсни; но мнѣ хотѣлось бы знать, кто эта дама?» — «О, сеньѣръ, возразилъ трубадуръ, ради Бога обдумайте то, о чемъ вы меня спрашиваете;

развѣ честно открывать предметъ своей любви всякому, который не можетъ помочь тебѣ въ этомъ дѣлѣ?" — „Я дамъ вамъ слово, сказалъ Раймундъ, что я вамъ охотно готовъ помогать на сколько это въ моихъ силахъ.“ — Послѣ этого уговаривалъ онъ Гилльома до тѣхъ поръ, пока тотъ не сказалъ: „И такъ знайте-же, что я люблю сестру вашей [жены Маргариты, люблю ее и надѣюсь добиться отъ нея взаимности. Теперь, когда вамъ все стало извѣстно, то умоляю васъ, или помочь мнѣ, или, по крайней мѣрѣ, не мѣшать.“ — „Вотъ вамъ мое слово и моя рука, воскликнулъ Раймундъ: я клянусь честью, что оbaumъ вамъ помощь въ этомъ дѣлѣ! — Но теперь-же должны мы отправиться въ домъ вашей возлюбленной, который отсюда недалеко.“ — „Объ этомъ я хотѣлъ просить васъ“ сказалъ Гилльомъ.

Послѣ этого разговора отправились они въ замокъ Лиетъ, гдѣ были весьма радушно приняты Робертомъ Тарасконскимъ и его женою Агнесою, сестрою Маргариты. — Раймундъ взялъ Агнесу за руку и, уведя въ отдѣльную комнату, сталъ умолять ее сказать ему, любить ли она кого нибудь помимо мужа. Агнеса, догадываясь по печальному виду Гилльома, о любви котораго къ сестрѣ она знала, и вслѣдствіе угрозы Раймунда, что Маргаритѣ угрожаетъ серьезная неприятность, отвѣчала своему зятю, что она дѣйствительно любитъ Гилльома. — Раймундъ пришелъ въ восторгъ, а Агнеса удалилась къ мужу и передала ему содержаніе всего ихъ разговора, онъ одобрилъ ея поступокъ и обѣщаль помочь спасти Гилльома и Маргариту. — Тогда Агнеса позвала къ себѣ Гилльома и долго сидѣла съ нимъ въ своей комнатѣ, что заставило Раймунда предположить, что она, наконецъ, наградила поэта за его любовь и что все, что ему передавали о Маргаритѣ и ея отношеніяхъ къ Гилльому, было клеветою. — Когда къ вечеру Гилльомъ и Агнеса вышли изъ комнаты и присоединились къ обществу, то подали ужинъ и всѣ въ хорошемъ расположеніи духа отправились спать. — На другое утро, послѣ завтрака, вернулись Раймундъ и Гилльомъ въ замокъ Руссимонъ. — Раймундъ немедленно-же сообщилъ женѣ обо всемъ случившемся. — Извѣстіе о взаимной любви Гилльона и Агнесы какъ

громомъ поразило Маргариту: цѣлую ночь провела она безъ сна, а утромъ послала за поэтомъ, приняла его холодно и назвала коварнымъ измѣнникомъ.—Гилльомъ сталъ просить у нея прощенья и сообщалъ ей подробно, почему и какъ все произошло; но она, недовольная этимъ, послала за сестрою и только послѣ разговора съ нею убѣдилась въ невинности своего поклонника. Вслѣдъ за симъ потребовала она отъ Гилльома, чтобы онъ сочинилъ канцону, въ которой бы онъ прямо высказался, что онъ никого не любитъ, кромѣ нея.—Трубадуръ исполнилъ ея желаніе и пѣсня, сочиненная имъ начинается слѣдующимъ куплетомъ: „Сладкія мечты, доставленныя мнѣ любовью, заставляютъ меня начать прекрасную пѣсню о васъ, моя возлюбленная ¹⁾.“

Когда Раймундъ услышалъ канцону, посвященную Гилльомомъ Маргаритѣ, то онъ вызвалъ его на два слова изъ замка, отрубилъ ему тамъ голову, спряталъ трупъ въ ящикъ, вырѣзавши предварительно изъ него сердце. За тѣмъ вернулся онъ домой, велѣлъ изжарить сердце трубадура и подать его за обѣдомъ Маргаритѣ, которая, ничего не подозревая, съѣла ей подавшее жаркое. Тогда Раймундъ всталъ и, торжественно сообщивши женѣ о томъ, что она съѣла сердце своего возлюбленнаго, показалъ ей его отрубленную голову и спросилъ, вкусно-ли ей показалось это сердце? — Услышавши это отъ мужа и увидѣвши окровавленную голову Гилльома, Маргарита отвѣчала, что съеденное ею только-что такъ было хорошо и вкусно, что никогда болѣе никакая пища и никакое питье не будутъ ею употреблены, изъ опасенія прогнать вкусъ, оставленный у нея во рту сердцемъ возлюбленнаго.—Раймундъ бросился на жену съ обнаженнымъ мечемъ, но она выскочила на балконъ, оттуда бросилась внизъ головою на скалу и разможила себя черепъ.

Вѣсть объ этомъ происшествіи распространилась по всей Каталоніи и другимъ владѣніямъ *Альфонса*, короля Аррагонскаго. Альфонсъ, бывшій самъ поэтомъ, страстно любившій поэзію, былъ сильно опечаленъ смертію Гилльома и его возлю-

¹⁾ *Kannedjesser* стр. 89.

бленной и до нельзя возмущенъ жестокииъ поступкомъ Раймунда. Соединившись съ родственниками Маргариты и Гильюма, вторгнулся Аррагонскій король во владѣнія Руссильонъ, взялъ въ плѣнъ Раймунда и заключилъ его въ темницу, въ которой онъ и умеръ, а тѣла трубадура и Маргариты велѣлъ положить въ одинъ гробъ и похоронить въ Перпиньянѣ при входѣ въ церковь. Въ продолженіи нѣкотораго времени всѣ рыцари и дамы окрестныхъ мѣстъ торжественно праздновали день смерти Гильюма и Маргариты, а всѣ влюбленные молились Богу о душѣ усопшихъ. Владѣнія Раймунда были переданы Альфонсомъ родственникамъ убитыхъ.

3) Петръ Видалъ (1175—1215).

Этотъ трубадуръ родился въ Тулузѣ и былъ сыномъ бѣдныхъ родителей. Почувствовавши въ себѣ поэтическое дарованіе, принялся онъ за изученіе стихотворства, а потомъ рѣшился искать счастья при дворахъ князей и рыцарей. Вслѣдствіе своего безпокойнаго характера и крайне подвижной натуры, не могъ Видалъ нигдѣ долго удержаться и всю свою жизнь провелъ въ странствованіяхъ съ одного мѣста на другое. Онъ прошелъ всю южную Францію, Испанію и сѣверную Италію, и всюду имѣлъ любовныя интриги. — Прежде всего встрѣчаемъ мы его въ услуженіи у одной знатной дамы въ Монтескье, Тулузскомъ замкѣ. Хотя онъ къ этой дамѣ обращаетъ самыя страстныя пѣсни, въ которыхъ увѣряетъ, что «любовь ея рождаетъ для него розы во время морозныхъ дней и что слова ея для него слаще меда», но въ тоже самое время влюбляется въ молодую Кастильянку и говоритъ ей, что «она для него дороже ста верблюдовъ, нагруженныхъ золотомъ». Вскорѣ послѣ этого переходитъ онъ на службу къ вице-графу Марсельскому *Barral de Baux* и страстно влюбляется въ жену его, прекрасную Адолазію. Видалъ дѣлается любимцемъ всего двора и пользуется особеннымъ расположеніемъ самаго вице-графа. Въ угоду мужу относилась и Адолазія весьма привѣтливо къ поэту и, изъ кокетства, дѣлала ему разныя обѣщанія, которыя тотъ принималъ за серьезныя. Вскорѣ пришлось ему впрочемъ убѣдиться въ томъ, что она

его дурачила. Раздраженный и обиженный предполагаемой имъ невѣрностью по отношеніи къ нему своей дамы, выражаетъ онъ всю свою скорбь въ канцонѣ, гдѣ называетъ ее вѣроломной и говоритъ, что «она поступила бы лучше, если-бы, вмѣсто того, чтобы заманивать и дурочить его, съ самаго начала отнеслась къ нему рѣзко и грубо», удаляется изъ Тулузы и странствуетъ по Аррагоніи и Кастиліи; но привязанность къ Адолавін и желаніе побѣдить ея упорство заставляютъ Видалю снова возвратиться во Францію и поселиться въ Марсели, гдѣ въ то время жила его возлюбленная. Графиня приняла его очень любезно, но этимъ только и ограничилась, что снова крайне опечалило поэта. Преданіе рассказываетъ, что онъ рѣшился во чтобы-то ни стало добиться поцѣлуя отъ своей гордой возлюбленной; ночью прокрался онъ въ ея спальню и, увидя ее спящею, напечатлѣлъ на ея лицѣ два жаркихъ поцѣлуя. Графиня, конечно, проснулась, пришла въ негодованіе и стала требовать отъ мужа, чтобы онъ отомстилъ наглому трубадуру. Графъ, однако, совершенно равнодушно отнесся къ дѣлу, успокоилъ жену и сталъ выражать ей свое удивленіе на счетъ того, какъ подобная мелочь могла взволновать и обезпокоить его супругу.—Извѣстіе объ этомъ происшествіи передаетъ намъ самъ Видалъ въ своемъ стихотвореніи «Похищенный поцѣлуй».

Не смотря на снисходительность мужа Адолавін, Видалъ считъ себя обязаннымъ бѣжать изъ Франціи, поступилъ на службу къ Ричарду Львиное Сердце и вслѣдъ за нимъ отправился было въ Палестину; но въ Италіи нагнало его письмо отъ графа Барроля, въ которомъ онъ приглашалъ поэта возвратиться въ Марсель. Видалъ принялъ приглашеніе, вернулся въ Марсель и не только помирился съ дамой своего сердца, но даже, при содѣйствіи ея мужа, получилъ отъ нея добровольный поцѣлуй.

Вскорѣ послѣ этого умеръ Барроль. Видалъ опять пустился странствовать и, наконецъ, отправился въ Палестину съ намереніемъ пристать къ войску Ричарда Львиное Сердце. На островѣ Кипрѣ влюбился онъ въ одну гречанку, женился на ней и, отказавшись отъ похода въ Палестину, вернулся въ

Европу. Родственники его жены и нѣкоторые благопріятели, знавшіе странности Видаля, стали его убѣждать въ томъ, что жена его дочь—византійскаго императора и что, слѣдовательно, онъ имѣетъ теперь права на византійскій престолъ. Съ этого времени начинается цѣлый рядъ сумасбродныхъ выходовъ Видаля: онъ надѣваетъ корону, обзаводится трюмомъ, величаетъ себя императоромъ и начинаетъ копить деньги, для сооруженія флота, при помощи котораго думаетъ завоевать Константинополь.

Долго-ли продолжалось подобное сумасбродство, намъ неизвѣстно. Мы знаемъ только, что страсть къ перемѣнѣ мѣста жительства заставила Видаля бросить свою супругу и переселиться въ Каркасонну, гдѣ онъ влюбляется въ прекрасную *Laube de Pénauthier*.—Чтобы заслужить ея расположеніе, дѣлаетъ онъ множество сумасбродствъ, называетъ себя волкомъ и, въ принадлежѣ сумасшествія, надѣваетъ на себя волчью шкуру, отправляется въ лѣсъ и подкрадывается ночью къ стаду овецъ; пастухи выпускаютъ на него собакъ, которыя до такой степени искушали его, что онъ за мертво былъ доставленъ въ замокъ своей возлюбленной. Мужъ Лобы сжался надъ несчастнымъ поэтомъ и послалъ за докторами, которымъ удалось спасти его отъ смерти. О дальнѣйшей жизни и подвигахъ Видаля не имѣемъ мы никакихъ извѣстій; вѣроятно онъ скорѣ послѣ послѣдняго происшествія и умеръ.

Видаля былъ однимъ изъ самыхъ плодовитыхъ трубадуровъ: всѣ обстоятельства своей жизни, всѣ женщины, къ которымъ онъ питалъ нѣжную страсть, были имъ воспѣты во множествѣ стихотвореній. До насъ дошло ихъ только шестьдесятъ, но и по нимъ можно прослѣдить почти всѣ событія изъ жизни поэта-сумасброда.

Видаля своею жизнью довелъ до крайности все то, что было дѣлаемо и другими трубадурами. Если его и считали сумасбродомъ, то это только за то, что онъ никогда не сдерживалъ своихъ порывовъ и всегда дѣйствовалъ подъ вліаніемъ перваго впечатлѣнія. Подъ вліаніемъ этого же перваго впечатлѣнія создаетъ онъ и свои пѣсни и это даетъ имъ преимущество передъ произведеніями большинства его современни-

вовъ: въ пѣсняхъ Видала встрѣчаемъ мы сумасбродныя выходы, какъ и въ его жизни, но нѣтъ за-то нигдѣ натяжекъ и неестественности; если онъ и преувеличиваетъ красоту своихъ возлюбленныхъ, то это преувеличеніе выходитъ у него какъ-то естественно; видно, что поэтъ писалъ отъ души и въ ту минуту самъ вѣрилъ всему, что говорилъ.

4) Бертранъ де Борнь. (конецъ XII ст.)

Бертранъ де Борнь представляетъ собою типъ, совершенно противоположный Видалу. Ни объ одномъ изъ трубадуровъ не сохранилось столько извѣстій, какъ объ немъ. Онъ былъ одновременно пѣвцомъ любви и пѣвцомъ войны, какъ называетъ его Данте, который высоко цѣнитъ его поэтическій талантъ.

Какъ вице-графъ въ Перигорѣ и владѣтель замка Готефоръ, находился Бертранъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ дѣтymi англійскаго короля Генриха II. Смотра по обстоятельствамъ, принималъ онъ, во время ихъ междуусобій, сторону то одного, то другаго и его острый мечъ и еще болѣе острый языкъ дѣлали его опаснымъ противникомъ и немаловажнымъ союзникомъ. Предметомъ его любви и пѣсенъ была жена графа Мовтиньяка Перигорскаго, Матильда, которая славилась своею красотою и недоступностью. Суля по пѣснямъ самаго Бертрана, она отвергла любовь самыхъ могущественныхъ владыкъ, а именно Ричарда Львиное Сердце и Альфонса, короля Арагонскаго, и предпочла имъ нашего трубадура, чѣмъ онъ необыкновенно гордился.—Добрыя ихъ отношенія продолжались, впрочемъ, не долго.—Когда Бертранъ воспѣлъ въ одной канцовѣ женитьбу своего друга, вице-графа Комборнскаго на Гулскардѣ Бургундской, то враги и соперники его постарались оклеветать его въ глазахъ Матильды и увѣрили ее, что Бертранъ измѣнилъ ей и сталъ поклонникомъ другой женщины. Матильда холодно приняла поэта и послѣ того порвала съ нимъ всякія сношенія.—Бертранъ былъ этимъ крайне опечаленъ и рѣшился, во чтобы то ни стало, снова вернуть къ себѣ расположеніе своей дамы; онъ надѣялся достигнуть примиренія при посредствѣ своего поэтическаго та-

ланта. Съ этою цѣлю посвящаетъ онъ ей пѣсню, въ которой влѣнется ей въ своей невинности. Это однако не помогло. Тогда Бертранъ рѣшился создать въ честь своей возлюбленной такое произведеніе, которое бы возбудило всеобщій восторгъ и всеобщее удивленіе. И дѣйствительно, онъ написалъ сирвенту, которую впослѣдствіи брали за образецъ многіе трубадуры. Въ этой пѣснѣ заимствуетъ онъ у всѣхъ извѣстныхъ въ то время красавицъ самыя лучшія ихъ черты для того, чтобы, соединивши ихъ въ одно, нарисовать образъ Матильды. Онъ надѣялся, что такое прославленіе заставитъ смягчиться сердце обиженной красавицы. Но и тутъ онъ обманулся: графиня не измѣнила къ нему своихъ отношеній. Тогда поэтъ прибѣгаетъ къ посредничеству прекрасной *Тибурги*, жены вице-графа Халайскаго. Эта послѣдняя соглашается взять на себя это дѣло съ условіемъ, что, если Бертранъ окажется виноватымъ въ своемъ разладѣ съ Матильдою, то его стануть презирать всѣ женщины.—Ходатайство Тибургини имѣло болѣе успѣха, чѣмъ всѣ канцоны трубадура, и Матильда снова приблизилась къ себѣ Бертрана.

Но не одно воспѣваніе красоты своей возлюбленной было предметомъ пѣсней Бертрана. Большинство его произведеній восхваляетъ войну, грабежъ и отчаянныя жаркія схватки съ врагами. «Сонъ, пища и питье не доставляютъ мнѣ такого наслажденія, говоритъ онъ, какъ бранимый кликъ двухъ устремляющихся другъ на друга войскъ. Тогда въ лѣсной чащѣ раздается ржаніе коней, лишенныхъ своихъ всадниковъ; крикъ о помощи пробуждаетъ друзей; сильнаго и слабого покрываетъ зеленый дернъ могилы и многіе, у которыхъ еще бьется въ груди сердце, лежатъ распростертые вмѣстѣ съ грудью мертвыхъ». Въ особенно дружественныхъ отношеніяхъ находился Бертранъ къ сыну Генриха II, который извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ Генриха Младшаго. — Въ 1170 г. короновалъ Генрихъ II своего сына. Два года спустя потребовалъ молодой король, чтобы отецъ уступилъ ему въ управленіе или Англію, или Нормандію и, когда получилъ отказъ, то бѣжалъ къ своему тестю Людовику VII, королю Франціи, и соединившись съ братьями своими Ричардомъ и Готфридомъ, двинулся

подъ знаменами Людовика противъ отца. Въ этой ссорѣ отца съ сыномъ Бертранъ не принималъ впрочемъ никакого участія, а главною причиною ея была Элеонора, жена Генриха II, которая считала себя въ это время оскорбленною мужемъ. Восстаніе же Генриха Младшаго противъ отца, возбужденное Бертраномъ и о которомъ упоминаютъ Данте и самъ трубадуръ, было уже вторымъ.

Дѣятельность Бертрана, какъ воина и пѣвца, прежде всего высказалась во время восстанія аквитанскихъ дворянъ противъ Ричарда Львиное Сердце, которому отецъ его уступилъ въ управленіе Аквитанію въ 1169-мъ году. Ричардъ послалъ туда штатгальтера; но этотъ послѣдній возбудилъ противъ себя своею жестокостію и своимъ высокомѣріемъ всѣхъ дворянъ, которые взяли было за оружіе. Ричардъ съ войскомъ явился для подавленія восстанія и успѣшно окончилъ это дѣло, но съ этого времени вассалы пользовались всякимъ случаемъ, чтобы выразить Ричарду свою ненависть. Во время отсутствія Ричарда въ 1175-мъ году сдѣлали они снова попытку къ восстанію, но вскорѣ были снова усмирены внезапно явившимся Ричардомъ. Въ этихъ двухъ восстаніяхъ Бертранъ не принималъ никакого участія, но за то послѣднее и самое серьезное было главнымъ образомъ его дѣломъ. Причиною ненависти, которую питалъ трубадуръ къ Ричарду, было то, что этотъ послѣдній помогъ брату Бертрана овладѣть замкомъ, который принадлежалъ обоимъ братьямъ. Ближайшимъ поводомъ къ восстанію былъ раздоръ между сыновьями Генриха II. Преданіе рассказываетъ намъ объ этомъ слѣдующее событіе: Генрихъ II потребовалъ отъ своихъ младшихъ сыновей, Ричарда и Готфрида, чтобы они (въ 1182-мъ г.) присягнули въ вѣрности своему старшему брату Генриху. Готфридъ охотно исполнилъ требованіе отца, а Ричардъ отказался, говоря, что онъ по рожденію равный брату и не желаетъ признавать себя его подданнымъ. Король сталъ уговаривать и настаивать до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не уломалъ упрямаго Ричарда; но тогда Генрихъ не согласился принять присяги отъ брата. Раздраженный этимъ Ричардъ покинулъ дворецъ и удалился въ Пуату, гдѣ сталъ готовиться къ

борьбѣ. Когда рыцари и дворяне Аквитаніи узнали объ этой размолвкѣ, то обратились къ Генриху Младшему, который былъ всѣми любимъ за свою кротость и благородство, съ просьбою принять ихъ провинцію подъ свое непосредственное управленіе. Генрихъ изъявилъ на это свое согласіе и послалъ брата Готфрида въ Бретань, чтобы тамъ собрать войско, а самъ сталъ готовиться къ отъѣзду въ Аквитанію. Между тѣмъ Ричардъ тоже сталъ готовиться къ оборонѣ и, овладѣвши замкомъ Клерво, принадлежавшимъ Генриху, сильно укрѣпилъ его. Бертранъ де Борнъ воспользовался этимъ случаемъ и въ одной сирвентѣ сталъ поддразнивать Генриха тѣмъ, что братъ его отнял лучшее изъ его владѣній.

Когда король узналъ о приготовленіяхъ, дѣлаемыхъ старшимъ сыномъ къ войнѣ противъ брата, то сильно вознегодовалъ на него. Чтобы успокоить отца, Генрихъ заявилъ ему, что главною причиною его ссоры съ Ричардомъ было занятіе этимъ послѣднимъ замка Клерво. Вмѣстѣ съ тѣмъ поклялся онъ отцу на евангеліи не выходить изъ его послушанія. Король потребовалъ отъ Ричарда возвращенія брату замка, что и было исполнено. Такимъ образомъ, казалось, миръ между братьями былъ установленъ, и Генрихъ вмѣстѣ съ Готфридомъ обѣщалъ помочь брату усмирить возмущившихся аквитанцевъ, которые потеряли мужество и легко были стѣснены Ричардомъ. Король послалъ младшаго сына Готфрида на помощь брату. Все это до чрезвычайности раздражило Бертрана, который въ двухъ своихъ пѣсняхъ осмѣиваетъ упреками Генриха и Готфрида. Насмѣшки и упреки поэта не остались безъ вліянія. Готфридъ, явившись съ войскомъ въ Аквитанію для усмиренія возставшихъ вассаловъ, вдругъ измѣнилъ клятвѣ, данной отцу, и перешелъ на сторону возмущившихся, обратилъ оружіе противъ Ричарда и поставилъ послѣдняго почти въ безвыходное положеніе. Когда Генрихъ Младшій узналъ объ этомъ, то вызвался быть посредникомъ между братьями, выпросилъ у отца отпускъ и отправился въ Лиможъ. По прибытіи туда, сбросилъ онъ съ себя маску и объявилъ себя врагомъ Ричарда. Король нѣкоторое время относился спокойно къ этой междуусобной войнѣ, но, когда онъ увидѣлъ, что Ри-

чарду угрожаетъ окончательная гибель, то принявъ его сторону и, соединившись съ Альфонсомъ Аррагонскимъ, явился къ нему съ войскомъ на помощь. Генрихъ Младшій, узнавши объ этомъ, обратился съ просьбою о помощи къ закланному врагу Альфонса графу Тулузскому Раймунду V, а также къ своему тестю Филиппу Августу и къ Гуго, Бургундскому герцогу. Всѣ они не замедлили оказать ему содѣйствіе. Бертранъ де Борнъ, главный подстрекатель и виновникъ всей этой кутерьмы, торжествовалъ и радость свою выразилъ въ цѣломъ рядѣ пѣсень.

Когда Генрихъ II явился въ Лимузень, то, прежде чѣмъ приступить къ военнымъ дѣйствіямъ, сталъ уговаривать сыновей своихъ Генриха и Готфрида вспомнить о давной ему клятвѣ и прекратить распрю. Но это не помогло. Тогда подступилъ онъ къ Лиможу, гдѣ сильно укрѣпился Генрихъ. Жители города встрѣтили короля такимъ градомъ стрѣлъ, что онъ долженъ былъ отступить. Соединившись съ Ричардомъ, онъ снова подступилъ къ городу, подъ стѣнами котораго встрѣтилъ геройскій отпоръ. Между тѣмъ Генрихъ удалился изъ города, чтобы приготовить отцу рѣшительный ударъ, но вдругъ сильно занемогъ и долженъ былъ лечь въ постель въ замкѣ Мартель. Чувствуя приближеніе смерти, послалъ онъ къ отцу уполномоченнаго, съ просьбою о прощеніи и съ выраженіемъ желанія повидаться съ королемъ. Генрихъ II готовъ былъ уже исполнить просьбу кающагося сына, но приближенные, боясь ловушки для короля, уговорили его не ѣхать. Тогда снялъ онъ съ пальца свой перстень и послалъ его сыну въ знакъ прощенія, примиренія любви. Генрихъ, мучимый совѣстью, прижалъ вѣрно къ губамъ отцовскій подарокъ, громко исповѣдалъ свои грѣхи и, велѣвши положить себя, въ рубахѣ и съ веревкой на шеѣ, на грудь цепля, испустилъ духъ.

Смерть Генриха была громовымъ ударомъ для Бертрана, который былъ всею душою привязанъ къ этому храброму и благородному юношѣ. Свою скорбь излилъ онъ въ двухъ сарвентѣхъ, въ которыхъ выставляетъ своего друга идеаломъ рыцаря и героя. Между тѣмъ союзъ, душою котораго былъ Ген-

рихъ, распался: Раймундъ Тулузскій и Бургундскій герцогъ отозвали свои войска, а Готфридъ примирился съ отцомъ. Покинутые союзниками, аквитанцы не могли болѣе сопротивляться королю, который прошелъ съ огнемъ и мечемъ всю страну и сравнялъ съ землею многіе города и замки. Возмущившіеся князья и рыцари изъявили свою покорность и просили мира и пощады, но ничего не сообщили объ этомъ Бертрану, который заперся въ своемъ замкѣ Готефоръ и рѣшился защищаться до послѣдней крайности. Семь дней продолжалась осада. Наконецъ замокъ былъ взятъ штурмомъ и Бертранъ, по приказанію короля, приведенъ къ нему въ палатку. «Помнится мнѣ, сказалъ король, обратившись къ плѣннику, что ты, Бертранъ, когда-то хвастался тѣмъ, что у тебя столько ума, что тебѣ нужна бываетъ только половина его. Теперь, кажется, и всего его тебѣ не хватитъ на спасеніе». — «Государь, отвѣчалъ трубадуръ, вы правы, что и говорилъ это и теперь утверждаю, что говорилъ тогда истину. Но теперь у меня ума совсѣмъ нѣтъ». — „Какъ это понять?“ спросилъ король. — „Государь, возразилъ Бертранъ, смерть вашего сына, горячо любимаго мною юнаго короля, отняла у меня весь умъ и все сознаніе“. Тронутый этимъ отвѣтомъ, Генрихъ II возвратилъ поэту свободу и замокъ, а Ричардъ съ нимъ окончательно помирился.

Едва успѣлъ Бертранъ получить свободу и водвориться снова въ своемъ замкѣ, какъ братъ его Константинъ опять сталъ у него оспаривать право на владѣніе этимъ замкомъ и, соединившись съ нѣкоторыми сосѣдними рыцарями, сталъ угрожать поэту, что онъ силою отниметъ у него Готефоръ. Въ отвѣтъ на всѣ угрозы Бертранъ отвѣчалъ пѣсней, въ которой смѣется надъ своими противниками и ихъ могуществомъ и смѣло объявляетъ, что пока онъ живъ, онъ не уступитъ имъ своего законнаго наслѣдія.

Къ этому же времени относится вторая любовь Бертрана къ женѣ Генриха Льва, которая была сестрою Ричарда и матерью германскаго императора Оттона. Въ пѣсняхъ своихъ къ ней, которыя могутъ считаться лучшими изъ его любовныхъ произведеній, величаетъ онъ ее подъ именемъ прекрасной Елены.

Знакомство трубадура съ герцогинею относится къ 1181—1184-мъ годамъ, когда Генрихъ Левъ, помирившись съ императоромъ, обязался на нѣсколько лѣтъ удалиться изъ Германіи и поселиться въ Нормандіи.

Между тѣмъ безконечныя войны, перемирія, споры и сношенія Генриха II и Ричарда съ Филиппомъ Августомъ давали постоянный матеріалъ Бертрану для его военныхъ пѣсней. Онъ постоянно стоялъ на сторонѣ англійскаго короля. Если же мы и находимъ сирвенты, обращенныя къ Филиппу Августу, въ которыхъ поэтъ возбуждаетъ этого послѣдняго къ войнѣ, то на нихъ должно смотрѣть, какъ на стремленіе Бертрана непремѣнно возбудить военныя дѣйствія, обѣщавшія ему лично многія матеріальныя выгоды. Время мира отъ 1183 до 1187-го года было самымъ тяжелымъ для Бертрана; но въ 1187 году положеніе дѣлъ измѣнилось въ его пользу.

Ричардъ уже задолго передъ этимъ посватался къ сестрѣ Филиппа и получилъ отъ будущаго тестя, какъ приданое, нѣкоторые города и мѣстности, лежавшія на границѣ Нормандіи. Не смотря на это, онъ все откладывалъ женитьбу и, кромѣ того, отказался признавать себя ленникомъ французскаго короля за владѣніе Пуату и Гиенной. Послѣ долгихъ и безплодныхъ переговоровъ взялись обѣ партіи за оружіе. Оба войска уже стояли въ виду другъ друга, но папскимъ легатамъ удалось убѣдить враговъ заключить перемиріе, по которому Филиппъ сохранилъ за собой захваченную имъ крѣпость Изодюнъ, а рѣшеніе всего спора предоставлено собранію французскихъ князей и бароновъ. Такой исходъ войны крайне опечалилъ Бертрана, и онъ все свое неудовольствіе излил въ пѣснѣ, въ которой равно бранить и стыдить французскаго и англійскаго королей.

Къ удовольствію Бертрана миръ долго продолжаться не могъ. Раймундъ V, графъ Тулузскій, уже давнишній врагъ Ричарда, вторгся въ 1188-мъ г. во владѣнія послѣдняго. Ричардъ въ свою очередь вступилъ съ войскомъ въ предѣлы Тулузскаго графства и сильно стѣснилъ своего противника, который обратился за помощію къ Филиппу. Французскій король не замедлилъ выступить на его защиту. Эта новая война

ознаменована только разореніемъ разныхъ городовъ и замковъ и опустошеніемъ мѣстностей. Бертранъ, желая поощрить Филиппа къ болѣе серьезной войнѣ, написалъ двѣ сирventы, въ которыхъ смѣется надъ его образомъ дѣйствій. «Ричардъ, говоритъ онъ, охотится за львами и тиграми, а Филиппъ за малыми пѣццами».

Подобно прочимъ современнымъ ему трубадурамъ, воспѣвалъ и Бертранъ де Борнъ третій крестовый походъ и королей и рыцарей, принимавшихъ въ немъ участіе; но пѣсни его, касающіяся этого предмета, можно считать худшими изъ произведеній нашего поэта-воина; истиннаго чувства въ нихъ мы нигдѣ не встрѣчаемъ.

Временемъ пребыванія Ричарда въ Палестинѣ и въ плѣну, воспользовались его враги, Раймондъ Тулузскій и Филиппъ Августъ. При этомъ случаѣ они соединились съ аквитанскими рыцарями и баронами, вторглись въ Нормандію, при чемъ, конечно, не пощадили и Бертрана. Къ счастью послѣдняго, вдругъ, совершенно неожиданно, возвратился Ричардъ, и Бертранъ своими пѣснями сталъ опять разжигать его къ мести. Ричардъ всюду поразилъ враговъ своихъ и вскорѣ водворилъ спокойствіе во всѣхъ своихъ владѣніяхъ.—Съ этого времени заканчивается какъ поэтическая, такъ и политическая и военная дѣятельность нашего трубадура. Утомленный вѣчною суетою и чувствуя приближеніе старости, принимается онъ за устройство своихъ домашнихъ дѣлъ, и наконецъ постригается въ монахи Цистерціенскаго ордена и оканчиваетъ свою жизнь въ монастырѣ.

5. Монахъ де Монтодонъ. (Конецъ XII ст.).

Собственное имя этого трубадура намъ неизвѣстно, мы знаемъ только, что онъ происходитъ изъ знатнаго рода въ Оверни.—Еще молодымъ человѣкомъ рѣшился онъ сдѣлаться монахомъ, поступилъ въ Орлаксское аббатство и былъ посвященъ тамошнимъ аббатомъ въ пріоры Монтодонскаго монастыря.—Здѣсь сталъ онъ сочинять свои пѣсни, въ которыхъ воспѣвалъ всѣ событія, случившіяся въ околodѣ. Эти пѣсни вскорѣ обратили на себя вниманіе окрестныхъ рыцарей и

бароновъ и до того полюблились имъ, что они стали зазывать пріора въ свое общество и, наконецъ, убѣдили его покинуть монастырь. Съ разрѣшенія аббата сталъ онъ вести странническую жизнь трубадура, но не сбросилъ своего монашескаго одѣлнѣя.—Всѣ доходы, получаемые за пѣніе своихъ пѣсень, отдавалъ онъ своему монастырю, вслѣдствіе чего этотъ послѣдній достигъ значительнаго процвѣтанія.—Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ странствованія обратился онъ къ своему аббату съ Орлакѣ съ просьбою разрѣшить ему отправиться ко двору Арагонскаго короля Альфонса и жить тамъ сообразно съ требованіями своего покровителя.—Просьба его была уважена, и онъ представился королю. Альфонсъ принялъ его къ себѣ на условіи ѣсть мясо, играть роль влюбленнаго, сочинять пѣсни и пѣть ихъ. Какъ король, такъ и многіе гранды Арагови полюбили пѣвца-монаха и щедро награждали его деньгами и подарками, которые онъ обращалъ на пользу своего пріорства. Довольный имъ аббатъ Орлакскій перевелъ его изъ прежняго пріорства въ пріорство Виллефрантъ, находившееся въ Русселіонѣ, которому нашъ поэтъ также принесъ много пользы и гдѣ онъ наконецъ поселился и умеръ.

Любовныя пѣсни монаха де Монтодонъ имѣютъ мало значенія. На нихъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на дань, которую поэтъ обязанъ былъ заплатить своему времени. Лучшими его произведеніями, безспорно, почитаются тѣ, въ которыхъ онъ осмѣиваетъ современное ему общество. Любви и красотѣ посвятилъ поэтъ только нѣсколько канцонъ, въ которыхъ онъ постоянно прибѣгаетъ къ сравненіямъ, уподобленіямъ и аллегорическимъ представленіямъ. Гораздо оригинальнѣе его сатирическія пѣсни, хотя во многихъ изъ нихъ поэтъ доходитъ до грубаго цинизма. Въ одной изъ такихъ пьесъ осмѣиваетъ онъ всѣхъ современныхъ ему трубадуровъ, при чемъ, конечно, главное вниманіе критика обращено не на достоинства и недостатки поэтическихъ произведеній, а на честную жизнь и обстановку ихъ творцовъ. Такъ напр. надъ трубадуромъ Пейрлемъ смѣется онъ за то, что тотъ «тридцать лѣтъ носить одно и то же платье и имѣетъ изможденный видъ, подобный

обгорѣлому шесту», а *Трасломелу* упрекаетъ въ томъ, что онъ красить себѣ волосы.»¹⁾

Двѣ тенконы монаха де Монтодонъ направлены противъ существовавшаго въ то время между женщинами обычая бѣлиться и румяниться. Въ первой изъ нихъ представляетъ поэтъ судъ на небѣ, въ присутствіи самого Бога. Истцами являются монахи, а отвѣтчиками—женщины. Монахи жаловались на то, что женщины, воспользовавшись изобрѣтеннымъ святыми отцами искусствомъ живописи, такъ разрумяниваютъ и бѣлятъ свои лица, что затемняютъ собою иконы въ церквахъ и часовняхъ. Женщины, напротивъ того, утверждаютъ, что искусство румяниться и бѣлиться было ими самими изобрѣтено гораздо раньше, чѣмъ искусство живописи и иконописи. Одна изъ нихъ замѣчаетъ при этомъ, что она никакъ не можетъ понять того, какой ущербъ имѣютъ монахи отъ того, что женщины, на зло насмѣшникамъ, умѣютъ подкрашивать себѣ морщины подъ глазами и скрывать, при посредствѣ румянъ и бѣлилъ, недостатки своего лица.—Выслушавши обѣ стороны, Богъ предлагаетъ имъ помириться на слѣдующемъ условіи: онъ проситъ монаховъ, чтобы они разрѣшили женщинамъ имѣющимъ не свыше двадцати-пяти лѣтъ, употреблять румяны и бѣлила въ теченіи тридцати лѣтъ. Монахи заявляютъ на это, что только ради уваженія къ самому Богу согласны они дозволить женщинамъ румяниться и бѣлиться въ теченіе десяти лѣтъ. Наконецъ вступаются въ это дѣло св. Петръ и св. Лаврентій и при ихъ посредствѣ женщины получаютъ право употреблять косметическія средства въ теченіе пятнадцати лѣтъ. Женщины, однако, какъ продолжаетъ далѣе авторъ, вскорѣ нарушили это постановленіе. Онѣ владутъ на лица свои такое количество румянъ и бѣлилъ, какого никогда не потребляется ни на одну картину или икону; кромѣ того прибавляютъ онѣ къ краскамъ ртуть, лошадиное молоко и особенную породу бобовъ, употребляемыхъ старыми монахами въ пищу.“

Въ другой кантонѣ представляется разговоръ въ раю между

¹⁾ См. *Kannegieszer*—стр. 231—232.

Богомъ и самимъ трубадуромъ.—Иконы пожаловались Богу, что бѣленіе и румяненіе женщинъ возвысило цѣну на краски. Богъ поручаетъ монаху уговорить женщинъ отказаться отъ ихъ привычки румяниться. — Трубадуръ возражаетъ на это, что отстать отъ этой привычки женщины не могутъ, потому что она обратилась у нихъ въ страсть, и проситъ Бога, чтобы онъ оказалъ снисхожденіе. Богъ отказываетъ монаху въ его просьбѣ и говоритъ при этомъ, что смертные, которымъ предназначено старѣть, не имѣютъ права молодиться и такимъ образомъ дѣлать попытку сравчаться съ Богомъ. Монтодонъ отвѣчаетъ Богу, что только тогда перестанутъ женщины румяниться и бѣлиться, когда Господу угодно будетъ изродить ихъ красоту до самой смерти, или же уничтожить съ земной поверхности всѣ бѣлѣла и румяны. Въ заключеніе тенционъ разговоръ между Богомъ и поэтомъ дѣлается уже до того циничнымъ, что приводитъ его нѣтъ никакой возможности.

Ознакомившись съ сущностью и содержаніемъ провансальской поэзіи и съ біографіей главныхъ трубадуровъ, намъ остается только, въ заключеніе, указать на причины бысграго паденія этой поэзіи.—Главною причиною была, съ одной стороны, зависть, съ которою сѣверно-французскіе рыцари смотрѣли на цвѣтущій Провансъ, а съ другой—фанатизмъ папы Иннокентія III.

Одновременно съ развитіемъ провансальской поэзіи появилось на югѣ Франціи и нѣкоторое религіозное броженіе.—Жители этой страны, отчасти подъ вліяніемъ забредшихъ сюда сектаторовъ, катаровъ, а отчасти вслѣдствіе притѣсненій и придирокъ со стороны римскаго духовенства, выработали себѣ нѣкоторые религіозные догматы, несогласные съ тѣми, которые были освящены и утверждены католическою церковью, такъ напримѣръ, они требовали, чтобы Евангеліе и Библія были даны въ руки всякому мірянину и чтобы толкованіе ихъ никому не запрещалось, вслѣдствіе чего все священное писаніе и было переведено ими съ латинскаго языка на народный, провансальскій; кромѣ того заподозрили они святость папской власти.—Узнавши обо всемъ этомъ, папа Иннокентій III призналъ жителей южной Франціи еретиками и отправилъ къ нимъ

пословъ своихъ съ требованіемъ покориться и вернуться въ доно православія. Папскіе легаты прошли весь Провансъ и, при помощи монаховъ цитойскихъ, проповѣдывали, оспаривали еретиковъ и угрожали имъ карою со стороны Рима и Неба; но повсюду встрѣтили они сильное упорство, къ которому никакъ не были приготовлены. Прибывши во дворецъ Раймунда V, графа Тулузскаго, застали тамъ папскіе легаты множество трубадуровъ, жонглеровъ и музыкантовъ и между ними нѣсколькихъ еретиковъ, потому что графъ одинаково покровительствовалъ поэзіи и свободомыслию. Папскіе послы тотчасъ же предъявили графу требованіе, чтобы онъ примѣрно строго наказалъ диссидентовъ. Раймундъ былъ сильно испугавъ этимъ и обѣщалъ выполнить предъявленное ему требованіе, но вслѣдствіе своей нерѣшительности и мягкости характера, медля исполненіемъ. Тогда легаты стали распорядиться во владѣніяхъ графа совершенно своевольно: они отлучили отъ церкви многихъ изъ приближенныхъ Раймунда и нѣсколькихъ епископовъ лишили сана и діоцеза. Графъ воспротивился подобному своеволю пришельцевъ, за что самъ былъ отлученъ отъ церкви. Однако это мало помогло: Раймундъ продолжалъ стоять на своемъ и не обратилъ никакого вниманія на посыпавшіяся на его голову проклятія. — Раздраженные этимъ легаты удалились изъ Тулузы; но, по несчастію, на дорогѣ встрѣтились въ одной гостиницѣ съ придворнымъ графа. Между ними завязался споръ, который кончился тѣмъ, что рыцарь убилъ одного изъ папскихъ уполномоченныхъ.

Вѣсть объ убійствѣ одного изъ легатовъ привела въ страшное негодованіе папу, и онъ тотчасъ же разослалъ буллы ко всемъ дворамъ Европы, приглашая королей, герцоговъ, графовъ и князей вступить за религію, отомстить за святотатство и уничтожить враговъ церкви. Возбужденные словомъ св. отца и влекомые жаждой овладѣть цвѣтущимъ Провансомъ, собрались на зовъ папы цѣлая толпа рыцарей сѣверной Франціи и, подъ предводительствомъ Симона де Монфора, ринулись на югъ противъ еретиковъ. Раймундъ Тулузскій смѣло выступилъ на встрѣчу гораздо многочислѣннѣйшимъ

врагамъ, но былъ разбитъ на голову и убитъ. Въ самое не продолжительное время вся эта богатая страна была обращена въ пустыню; жители тысячами гибли при осадѣ городовъ и деревень и никому не было оказано пощады.—„Бейте всѣхъ безъ исключенія, говорили служители Рима, руководившіе этимъ нашествіемъ, Богъ съумѣетъ отличить своихъ приверженцевъ отъ враговъ!“—Трудно себѣ представить что либо ужаснѣе того, что происходило тогда въ Провансѣ, никакое перо не въ состояніи описать тѣхъ звѣрскихъ поступковъ, которые совершались тамъ во имя Бога и были оправдываемы и поощряемы Римскою церковью. Альбигойская война, какъ обыкновенно называютъ эту бойню, лежитъ кровавымъ пятномъ на католической церкви и никогда не будетъ ею смыта, самая инквизиція не можетъ быть поставлена на ряду съ этимъ избиеніемъ сотенъ-тысячъ невинныхъ жертвъ.

При такихъ обстоятельствахъ не могло быть, конечно, и рѣчи о дальнѣйшемъ существованіи цивилизаціи, а тѣмъ болѣе поэзіи. И дѣйствительно, послѣ этого погрома въ Провансѣ мы уже болѣе не встрѣчаемъ трубадуровъ: они или пали подъ ударами сѣверно-французскихъ рыцарей, геройски защищая свою отчизну, или бѣжали въ Италію и Испанію, или же перемѣнили прежнее свое направленіе и изъ пѣвцовъ любви сдѣлались „пѣвцами ненависти“. До насъ дошло нѣсколько пьесъ, въ которыхъ воспѣваются ужасы Альбигойской войны; всѣ онѣ проникнуты глубокою ненавистью къ Риму, одно имя котораго возбуждаетъ въ поэтахъ негодованіе. „Римъ! ты имѣешь наружность агненка, говорится въ одной изъ такихъ пьесъ, а внутри—ты бѣшеный волкъ, отродье ехидны!—Вотъ почему дьяволъ считаетъ тебя своимъ созданиемъ“.—Всѣ пѣсни этого времени проникнуты такою же ненавистью къ Риму, и эта ненависть воодушевляетъ поэтовъ.

Мелитополь.

1878 г. 12 Декабря.

В. Деларю.

Библиографическій указатель

Руководство всемірной исторіи.

Древняя исторія Востока съ 4-мя картами, 3-мя таблицами іероглифическихъ и клинообразныхъ письменъ. В. А. Зайцева. С.-Петербургъ 1879.

Въ «Библиограф. указателѣ» февральской книжки «Истор. Библиотеки» мы въ общихъ чертахъ упоминали о «Древней исторіи Востока» (*Руководство* (къ?) *Всемирной исторіи*). В. А. Зайцева. Теперь когда книга г. Зайцева лежитъ передъ нами, намъ представляется случай познакомить съ нею нашихъ читателей нѣсколько подробнѣе. Надо, во первыхъ, замѣтить, что если судить по внѣшнему объему книги, то произведение г. Зайцева въ любительѣ толстыхъ тяжеловѣсныхъ историческихъ томовъ можетъ возбудить нѣкоторое разочарованіе, ибо въ книгѣ г. Зайцева всего-то около 18-ти печатныхъ листовъ. Тѣмъ не менѣе, не смотря на тощій внѣшній объемъ, «Древняя исторія Востока» все-таки солидна по содержанію, пріятно дѣйствуетъ на читателя весьма разумною экономіей изложенія, сжатостью, но въ то же время ясностью и, затѣмъ, такъ сказать, „осязательностью“ въ группировкѣ фактовъ, какое качество дается только талантомъ и нисколько не зависитъ даже отъ доброй воли какаго либо автора. Мы съ особою охотою привѣтствуемъ эту книгу особенно потому, что она принадлежитъ къ категоріи такихъ,

которые заставляют „полюбить историю“ даже читателя не особенно расположеннаго къ историческому знанію.

Книгъ сисей г. Зайцевъ предпосылаетъ «Замѣтку», въ которой, по нашему мнѣнію, весьма справедливо утверждаетъ, что существующія у насъ (по древней исторіи) сочиненія *Дункера* и *Ленормана* представляются „неудовлетворительными“. Дункеръ неудовлетворителенъ потому, что, напримѣръ, въ исторіи Египта держится *Бунзена* и современнаго ему состоянія науки (тогда какъ историческая наука древняго міра, и въ частности Египтологія, сдѣлала со временъ Бунзена огромные успѣхи. Что касается „*Les premières civilisations*“ *Ленормана*, книги превосходной даже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, то отъ высказанныхъ въ ней возрѣній въ послѣднее время долженъ былъ отказаться даже самъ авторъ, г. Леорманъ. Обращая вниманіе на орфографическія особенности и особенности произношенія, читатель замѣтитъ, что въ этомъ отношеніи г. Зайцевымъ сдѣланы нѣкоторыя нововведенія, хотя и не особенноважныя. Напримѣръ греческая *o* выговаривается за *t*, а *ρ* за *b*; но странно, что въ то же время пишется (или это ошибка типографская?) *Виѳинія* вмѣсто Вивинія!.. Въдъ нашему русскому звуку *т* соотвѣтствуетъ греческая *o*, а не *phi*..

Нововведенія собственно въ возрѣніяхъ на многіе факты древней исторіи весьма значительны и довольно многочисленны, и замѣна ими нашихъ рутинныхъ, предвзятыхъ возрѣній при изложеніи фактовъ древней исторіи представляется весьма желательною. Напримѣръ, новость — уже во взглядѣ на греческаго историка Манетона, написавшаго исторію Египта. До сихъ поръ у насъ держались преимущественно Бунзеновскаго возрѣнія на Манетона. Затѣмъ еще болѣе важная новость состоитъ въ опредѣленномъ и твердомъ установленіи факта, что въ Египтѣ, собственно говоря, *касты жрецовъ* вовсе не было, даже и вообще кастъ не существовало, что свѣденія „или, точнѣе, предположенія о египетскихъ кастахъ явились въ исторической наукѣ со словъ греческихъ писателей, преимущественно Римской эпочѣ, не умѣв“ ихъ возвыситься до объективнаго возрѣнія на учрежденія Египта и

часто навязывавшихъ древнимъ народамъ то, чего у нихъ вовсе не было. Если нашъ читатель познакоится съ новѣйшими изслѣдованіями европейскихъ ученыхъ о Египтѣ, то онъ найдетъ въ греческихъ описаніяхъ, напримѣръ хотя бы Діодора Сицилійскаго, значительное искаженіе названій (а отъ искаженія названій, какъ извѣстно, уже не далеко и до искаженія идей).

Датѣе — о самой египетской расѣ, о заблужденіяхъ въ этомъ вопросѣ собраны у автора соображенія, полныя глубокаго интереса и поучительныя.

Болѣе или менѣе подробныя замѣчанія о «доисторическихъ временахъ» человѣчества составляютъ самое существенное требованіе каждой книги нашего времени, трактующей о древней исторіи. Г. Зайцевъ предпосылаетъ замѣчанія о «доисторическихъ временахъ» довольно полныя. О существованіи людей въ доисторическія времена мы имѣемъ *двоюкако* рода данныя: во первыхъ преданія и легенды древнѣйшихъ и въ цивилизованныхъ народовъ, относящіяся къ ихъ первобытному существованію, во вторыхъ данныя такъ называемой «доисторической» археологіи. Согласовать тѣ и другія данныя между собою, по справедливому замѣчанію автора, до сихъ поръ оказывалось крайне труднымъ, и потому ихъ всего удобнѣе можно разсматривать безотносительно одно къ другому, въ отдѣльности.

Что касается преданій и легендъ, то всѣ народы, которыхъ преланія извѣстны намъ, считали себя выходцами изъ первобытнаго отечества, которое у *всѣхъ* народовъ описывается въ весьма *сходныхъ* чертахъ. Этотъ центръ, изъ котораго вышли народы, представляется или *нагорьемъ*, или высокою плоскою, почти квадратною возвышенностью. Изъ середины этой возвышенности, обыкновенно, по преданію, вытекали въ равныя стороны *четыре* рѣки (припомнимъ здѣсь, что въ бытописаніи Моисеевомъ, въ описаніи рая, также упоминаются четыре рѣки). Въ странѣ этой находился центръ міра, она отличалась изобиліемъ, и люди наслаждались въ ней блаженствомъ. Это былъ *рай*, преданія о которомъ болѣе или менѣе родственными чертами напоминаютъ библейскій

рай. По преданіямъ народовъ Западной Азіи, эта блаженная страна находилась на востокѣ отъ нихъ, а по преданіямъ народовъ Индіи она находилась отъ нихъ на сѣверъ. У туранскихъ народовъ, населяющихъ теперь сѣверъ Азіи и Европы, первобытнымъ ихъ отечествомъ считались горы, лежація къ югу (Алтайская цѣпь). Обращаясь къ картѣ, мы найдемъ мѣстность, соответствующую этому описанію. Вся внутренность азіатскаго материка занята нѣсколькими большими горными хребтами, идущими въ продольномъ направленіи съ востока на западъ, и перпендикулярно къ этимъ продольнымъ хребтамъ идетъ поперечный хребетъ, какъ бы связывающій ихъ посрединѣ узломъ. Этотъ поперечный хребетъ есть Белоръ-Тахъ, связывающій Тянь-Шань съ Гинду-Ѳу, или горную систему Алтайскую съ системой Гималайской. Узелъ этотъ, расширившись, составляетъ плоскогорье Памиръ, которому Белоръ-Тахъ (Меру) служить вершиной. Вотъ съ этого-то Памира, какъ настоящаго географическаго центра въ Азіи, берутъ начало четыре великія рѣки, текуція въ 4 разныя стороны: *Индъ* на югъ, *Гельмендъ* на западъ, *Оксусъ* и *Яксартъ* на сѣверъ (послѣднія двѣ рѣки текутъ не просто на сѣверъ, а въ сѣверо-западномъ направленіи, на востокъ же въ озеро Лобъ-Норъ течетъ рѣка Таримъ. Затѣмъ, всѣ преданія согласно говорятъ о 10-ти царяхъ, царствовавшихъ въ первобытную эпоху надъ народами, которымъ принадлежатъ эти преданія. Цари эти, весьма естественно, имѣютъ миѳическій характеръ полу-боговъ; они были благодѣтелями человѣчества, отличались мудростью и жизнь ихъ далеко выходила за предѣлы обычной человѣческой жизни. Сгруппировавъ эти преданія въ одно, вавилонскій историкъ Берозъ, имѣющій для исторіи Вавилона и Ассиріи почти то же значеніе, какое Манетонъ для Египта. «Въ началѣ, говоритъ Берозъ, люди жили совершенно безъ правилъ, по звѣриному; но вотъ изъ Краснаго моря, тамъ гдѣ оно смежно съ Вавилоніей, вышло разумное животное по имени *Оаннесъ*, съ туловищемъ рыбы, но надъ рыбьей головой была у него другая, человѣчья, и изъ-подъ рыбьяго хвоста были видны человѣческія ноги. Голосъ у этого животнаго былъ человѣческій; оно проводило дни среди людей, не принимая

никакой пищи, учило их письменамъ, наукамъ, искусствамъ, научило ихъ строить города, храмы, преподало имъ начала законовъ и геометріи, показало какъ сѣять и жать—дало людямъ все, что способствуетъ украшенію жизни, и съ этихъ поръ существеннаго ничего не было изобрѣтено. На закатѣ солнца животное-Огяньсь погружалось въ море и проводило тамъ ночь, потому что было амфибіей; о происхожденіи вещей оно написало книгу, которую и подарило людямъ. Затѣмъ, у Бероза слѣдуетъ рядъ царей, царствованіе которыхъ, по обычнымъ восточнымъ представленіямъ, было весьма продолжительно (напр. по 36,000 лѣтъ); при каждомъ изъ этихъ царей выходило изъ моря чудовище, аналогичное съ первымъ (Огяньсь).

Такия представленія, облеченныя, по обыкновенію Востка, символами, осязательно доказываютъ поступательный ходъ цивилизаціи тѣхъ племенъ Востока, происхожденіе и развитіе которыхъ связано съ центральною нагорною возвышенностью. Обращаясь, затѣмъ, къ священнымъ книгамъ арійскихъ народовъ, извѣстныхъ подъ именемъ «Ведь» мы находимъ въ нихъ преданія о царствованіи десяти царей пейшдадійскихъ, „людей стараго закона“, питавшихся „водою жизни“ и „хранившихъ святость“.

Затѣмъ, у всѣхъ народовъ въ болѣе или менѣе образной символической формѣ, сохранилось преданіе о потопѣ.

Но несравненно интереснѣе и, что особенно важно, тверже сейчасъ охарактеризованныхъ легендъ и преданій о доисторическомъ періодѣ человѣчества—другая часть данныхъ для изслѣдованія исторіи человѣчества—это *доисторическая археологія*, иначе называемая человѣческою палеонтологіей, постепенно, хотя и медленно, но съ большою твердостью, основывающей свои гипотезы и выводы на ископаемыхъ остаткахъ доисторическаго быта человѣчества. Эта часть изученія исторіи весьма тѣсно связана съ тщательнымъ изученіемъ геологіи и палеонтологіи,—такъ что въ наше время быть историкомъ и вмѣстѣ геологомъ и палеонтологомъ не только не составляетъ страннаго и труднаго совмѣщенія разнородныхъ элементовъ, но напротивъ составляетъ „настоятельную потреб-

ность“ для серьёзно занимающихся изученіемъ судебъ чело­вѣчества. Французскій ученый, глубокой по своимъ идеямъ, блестящій по своимъ знаніямъ и пронизанный вдохновеннымъ энтузіазмомъ поэта, Эрнестъ Ренанъ уже давно высказалъ мысль, что настоящія *итогы* (о которыхъ говоритъ Аристо­тель), изслѣдованіе которыхъ и до нынѣ составляетъ пробле­му, что эти настоящія гипогей суть геологическіе слои и пла­сты. Но еще только недавно, въ 60-хъ годахъ вашего вѣка, труды ученыхъ Буше де-Перта, Лайэля, Ларте и друг. создали цѣлую науку объ ископаемомъ, или *допотопномъ чело­вѣчествѣ*. Не смотря на сравнительно недавнее время, какіе-ни­будь 20 лѣтъ, успѣхи этой науки уже громадны.

До сихъ поръ изслѣдованія этой великолѣпной и пло­дотворной по своимъ ожидаемымъ, будущимъ, несомнѣнно-вели­кимъ результатамъ ограничивались одною Европою, и даже только западною частью Европы. Въ результатъ изслѣдова­ній было найдено, что въ Европѣ чело­вѣкъ уже существо­валъ въ томъ періодѣ образованія земнаго шара, который геологи называютъ *третичною* формаціей. Эта формація раз­дѣляется на группы *міоценовую*, *пліоценовую* и *эоценовую*. Міоценовый слой—это средній слой третичной формація; вотъ въ немъ-то и находятъ слѣды существованія чело­вѣка. По нѣкоторымъ давнымъ, вапримѣръ, по остаткамъ растеній, нужно полагать, что въ Европѣ былъ въ то время тропиче­скій климатъ; въ нижнѣйшей Франціи жили тогда чело­вѣко­образныя обезьяны, носороги и проч. Въ упомянутомъ сей­часъ міоценовомъ слоѣ, въ департаментѣ Мэна и Луары, ученые Буржуа и Делоне нашли остовъ китообразнаго живот­наго, выброшеннаго на берегъ моря—остовъ несомнѣнно об­глоданный людьми (потому что по слѣдамъ зубовъ, современ­ный палеонтологъ можетъ безошибочно заключить объ ихъ формѣ.) Но что особенно представляется поразительно-важ­нымъ для результатовъ науки—такъ это аналоги и сравненія слѣдовъ зубовъ, находимыхъ на палеонтологическихъ остат­кахъ, съ слѣдами зубовъ современныхъ намъ дикарей Океа­нів, которые точно также обглаживаютъ остовы, выбрасывае­мыхъ изъ моря животныхъ. Въ слѣдующемъ (пліоценовомъ)

періодъ третичной формаціи климатъ въ нынѣшней Европѣ измѣнился, температура понизилась и средняя степень ея стала 13°. Въ этомъ словѣ еще до сихъ поръ не удалось найти слѣдовъ существованія человѣка. Температура съ 13° все болѣе и болѣе понижалась и около срединнѣ этой эпохи настала *первый Ледяной періодъ*, въ который льды покрыли среднюю Европу, подобно тому какъ они покрываютъ теперь Гренландію. Въ слояхъ этой эпохи даже не найдено остатковъ позвоночныхъ животныхъ, жившихъ здѣсь раньше. Очевидно, что въ это время животныя и, быть можетъ, люди, переселились уже на югъ. Къ концу эпохи третичной формаціи Ледяной періодъ уже кончился; температура возвысилась и снова стала близка къ нынѣшней. Въ Европѣ жили въ то время послѣдніе мастодонты и появились первые слоны, и тутъ уже мы опять встрѣчаемъ остатки человѣка. Въ промежутокъ между третичною эпохой и слѣдующею за тѣмъ произошли измѣненія въ расположеніи водъ и материковъ. Такъ, въ концѣ третичной эпохи, Британія была соединена съ материкомъ и Темза была не болѣе какъ притокомъ Рейна, Испанія и Сицилія соединялись прямо съ Африкой, а на мѣстѣ Западнаго океана былъ материкъ, извѣстный подъ именемъ Атлантиды, о которой говоритъ въ одномъ изъ своихъ діалоговъ древнегреческій философъ Платонъ. Затѣмъ, съ теченіемъ, быть можетъ, громаднаго періода времени, (ибо подобные перевороты не могутъ совершаться внезапно), все это измѣнилось. Атлантида погрузилась въ океанъ, оставивъ по себѣ воспоминаніе только въ самомъ названіи океана (Океанъ Атлантическій). Британскіе о-ва и Сицилія отдѣлились отъ материка. Нынѣшняя Сахара превратилась въ море. Сѣверо-востокъ же Европы былъ залитъ океаномъ, который носилъ ледяныя глыбы по пространству, занимаемому теперь Пруссіей, Польшей и Россіей. Льды эти проникли до Альпъ, Карпатовъ, Балкановъ и Пиреней. Затѣмъ настала новая Ледяная періодъ, *второй* по числу. Въ это время въ южной Европѣ жили мохнатыя звѣри сѣвера, а долины были населены горными животными; тогда обитали въ нынѣшней южной Европѣ: мамонты, сурки, сѣверный олень, мускусный быкъ,

россомаха, но одновременно съ ними жили и звѣри теплаго климата: слоны, бегемоты, пещерный олень, пантеры.

Все это не предположенія только, но вѣроятные факты, для восстановленія которыхъ нужны, конечно, продолжительныя, обширныя наблюденія и длинная цѣль умозаключеній, всестороннія сравненія ископаемыхъ остатковъ, заключающихся въ костяхъ, первобытной утвари и орудіяхъ (топорахъ, стрѣлахъ, копьяхъ и т. д.). Даже окаменѣвшія изверженія какого либо допотопнаго животнаго, найденныя гдѣ либо, могутъ пролить массу свѣта на громадно давно отжившую жизнь. Химическіе реактивы откроютъ вамъ составные элементы окаменѣлыхъ изверженій животныхъ. По преобладающему составу въ нихъ известковыхъ солей и вообще извести, химикъ и палеонтологъ заключатъ о томъ, что существовавшія въ данный отдаленный періодъ животныя были хищныя и плотоядныя и т. д.

Назадъ тому два-три десятка лѣтъ, еще нельзя было предпосылать подобное введеніе книгъ, трактующей объ исторіи народовъ, хотя бы и древнихъ. Теперь все измѣнилось. «До-историческій» міръ наука тѣсно связываетъ съ «историческимъ». Связь эта еще болѣе скрѣпляется, интересъ къ многообъемлющей исторіи человѣческаго рода еще болѣе увеличивается по мѣрѣ нахожденія, среди ископаемыхъ остатковъ, человѣческихъ череповъ, принадлежащихъ къ той или другой отдаленной эпохѣ, къ тому или другому отдаленному періоду. Въ наше время первоклассныя звѣзды ученаго міра, каковы, на примѣръ, хотя бы Р. Вирховъ, ревностно обогащаютъ краіюлогію, (науку о черепахъ), служащую существенною отраслью антропологіи и затѣмъ—исторіи. Нельзя, однако, не сказать, что по-сю пору матеріала все еще собрано слишкомъ мало для того, чтобы дѣлать какіе-либо не то что широкіе, а хоть сколько нибудь значительные выводы относительно расовыхъ и племенныхъ особенностей, хотя бы только европейскіхъ народовъ. Даже нѣкоторые выводы, сдѣланные новѣйшими учеными, относительно, на примѣръ, древнихъ галловъ, (при сравненіи ихъ съ нынѣшними французами) оказались не совсѣмъ удачными, даже въ нѣкоторыхъ деталяхъ наивными. Словомъ: самая пора теперь собирать (я собирать сколько возможно

равностно) матеріалъ; но для какихъ либо выводовъ еще не настало время.

Въ такъ называемой „Четверной“ геологической формации (на что, основательно) съ особымъ удареніемъ указываетъ г. Зайцевъ,—найденн весьма многочисленныя слѣды существованія человѣка: напримѣръ, человѣческіе черепа и кости, найденны въ бассейнѣ р. Мааса, въ Неандерталѣ, въ Клиши и другихъ мѣстахъ Франціи. Неандертальскій черепъ, благодаря энергіи извѣстнаго ученаго Карла Фохта, успѣлъ уже сдѣлаться „популярнымъ“. Затѣмъ, кромѣ Западной Европы, слѣды человѣческаго существованія въ отдаленную эпоху найдены въ Швеціи, Греціи, Египтѣ и Сиріи, въ Индіи и Америкѣ. Въ это отдаленное время человѣкъ былъ, конечно, дигаремъ, бродящимъ въ лѣсахъ и укрывавшимся въ пещерахъ, жившимъ исключительно охотою, еще не приручивъ къ себѣ ни одного животнаго. Въ упомянутомъ нами выше миоценовомъ періодѣ человѣкъ стоялъ уже на замѣтной степени преусиѣнія; у него были уже орудія, онъ умѣлъ уже добывать огонь и пользоваться имъ. Возвращаясь еще на время къ ископаемымъ черепахъ, мы замѣтимъ, что сравнительное изученіе череповъ „Четверной“ эпохи привело ученыхъ къ убѣжденію, что въ то время существовали въ Европѣ *два* различныя расы: *доликоцефальная* съ продолговатымъ черепомъ и болѣе древняя (*dolichos* и *serhalé*) и *брахикефальная* (*brachus* и *serhalé*) съ болѣе круглымъ черепомъ. По организаціи эти ископаемыя черепа очень напоминаютъ черепа современныхъ намъ эскимосовъ и чукчей. Во время Четвернаго періода, о которомъ уже была у насъ рѣчь, поднялись и части материка, до того времени погружавшіяся въ воду, а затѣмъ приняли свою нынѣшнюю форму и расположеніе континентовъ. По окончаніи Четвернаго періода началась современная геологическая эпоха и затѣмъ, въ это же время, брахикефальная порода людей оттѣснена „доликоцефалами“ къ сѣверу, вмѣстѣ съ своимъ оленемъ. Въ это же время совершенно прогрессъ въ обработкѣ орудій, въ изобрѣтеніи илифовки камня, съ этихъ поръ и начался вѣкъ „Полированного камня.“ Но самый такъ называемый „Камен-

ный“ періодъ челоѣчества представляетъ двѣ обширныя эпохи: эпоху неполированного и полированного камня. Въ связи съ этимъ является *первобытная архитектура*, представляющая намъ крытые ходы, узкіе корридоры, покрытые сверху тесаными камнями. Это такъ называемыя *долмены*. Значительно, конечно, усовершенствованный типъ такихъ построекъ первобытной архитектуры и донинѣ сохранился въ древнихъ гробницахъ, встрѣчающихся въ руинахъ городовъ Малой Азіи.

Затѣмъ, что касается другихъ остатковъ доисторическаго быта, каковы каменные орудія, бронзовыя вещи, желѣзныя вещи и орудія, свайныя постройки и т. д., то хотя самый характеръ этихъ орудій и служилъ многимъ палеонтологамъ основаніемъ дѣленія на послѣдовательные періоды: каменный, бронзовый, желѣзный, но нашъ авторъ, съ кннгомъ котораго мы имѣемъ дѣло, справедливо замѣчаетъ, что эти періоды не строго различались между собою по времени и не подчинялись искусственной постепенности, которую имѣли въ виду ученые, а бывало, обыкновенно, такъ, что гдѣ не было мѣди, (слѣдовательно не было возможности выдѣлывать бронзу) тамъ челоѣкъ отъ камня прямо переходилъ къ выдѣлкѣ орудій изъ желѣза, такъ что бронзовыя и желѣзныя орудія существовали одновременно, — разница объясняется находженіемъ у того или другаго народа мѣди или желѣза. Но мѣдь вообще старѣе желѣза, и для выдѣлки употреблялась раѣе. Процентное отношеніе лигатуры къ мѣди въ бронзѣ стояло въ древнія эпохи почти всюду на одной нормѣ 10%.

При раздѣленіи челоѣческой бѣлой расы на племена г. Зайцевъ принялъ послѣдніе результаты науки—именно дѣленіе бѣлой расы на 4 великія племена: I) *кушитовъ* или *хананеесовъ* отъ легендарнаго предка Куша, сына Хама и предка Нимрода) II) *семитовъ*; III) *арійцевъ* или *индо-европейцевъ* (племя, могучая цивилизація котораго сдѣлалась всемірною) и IV) *туранцевъ*. При этомъ представляется весьма характерннчннмъ, что кушиты представляютъ собою переходъ отъ бѣлой расы къ черной, а туранцы — подобный же переходъ отъ бѣлой расы къ желтой. Семиты же и арійцы или индо-европейцы представляютъ собою чистые, не смѣшанные

типы бѣлой расы. Имя Кушъ сохранилось къ географическомъ названіи горнаго хребта *Гинду-Кушъ*, отдѣляющаго Бухарію отъ Ирана. Затѣмъ, типы народа *Кушъ* можно найти въ многочисленныхъ памятникахъ живописи древнихъ египтянъ (на рисункахъ, украшавшихъ внутреннія стѣны ихъ гигантскихъ храмовъ). Перелистуйте великолѣпное французское изданіе „*Expédition en Egypte*“—и вы замѣтите постоянный характеристичный типъ этого народа съ смуглою, сѣрватою или черноватою кожей, вьющимися кудрявыми волосами и стройнымъ тѣлосложеніемъ. Что касается племени туранскаго, то оно, и въ области преданій и легендъ, и по другимъ соображеніямъ, считается изобрѣтателемъ металловъ, имѣло огромное вліяніе на цивилизацію въ началѣ, но потомъ сдѣлалось ея тормозомъ и имѣло лишь отрицательное значеніе.

Книга г. Зайцева содержитъ исторію слѣдующихъ древнихъ народовъ: египтянъ, сиріанъ, вавилонянъ, мидянъ, и персовъ. Въ концѣ книги приложено весьма интересное для каждого читателя „приложеніе“ о древней письменности. Это прибавленіе стоитъ въ связи съ помѣщенными въ концѣ книги 2-мя таблицами: іероглифическихъ и клинообразныхъ письменъ и снимкомъ съ древнихъ алфавитовъ. На первой изъ приложенныхъ таблицъ изображены письма изъ Бегистунской клинообразной надписи Дарія, написанной, какъ извѣстно, на трехъ языкахъ: персидскомъ, мидійскомъ и ассирійскомъ. Въ гвоздеобразныхъ или клинообразныхъ письменахъ представляется намъ такъ называемая халдейская письменность. Всѣ письма халдеевъ состоятъ изъ одного и того же значка, въ формѣ *клина*, *воздя* или *стрѣлы*. Ученые различаютъ *дѣтъ* системы клинообразнаго письма. *Первая* изобрѣтена халдейскими туранцами и была въ употребленіи въ Ассиріи, Халдеѣ, Эламѣ, Арменіи и въ древней туранской Мидіи. Эту систему клинообразнаго письма, обыкновенно, называютъ *анарійскою* или *не-арійскою*, въ отличіе отъ другой клинообразной системы письменности персовъ, на ихъ арійскомъ языкѣ.

Но клинообразная письменность не есть изобрѣтеніе самобитное, а въ свою очередь произошла отъ іероглифическаго письма, такъ что прототипъ письменъ составляютъ все-таки

іероглифы. Дѣйствительно, можно найти и доказать періодъ, въ который халдейскіе туранцы, подобно египтянамъ, сначала рисовали изображенія предметовъ, давали имъ образъ, а не идею, не символъ. Это можно видѣть на одной совершенно іероглифической надписи, сохранившейся въ Сузѣ. Но клинообразное письмо халдеевъ соотвѣтствуетъ „демотическому письму египтянъ. Не владѣя съ такимъ искусствомъ кистью, какъ египтяне и не имѣя папируса, халдеи чертили грубыя и неуклюжія фигуры на каменныхъ плиткахъ, которыя служили имъ, вмѣсто папируса, письменнымъ матеріаломъ. Для скорости, писцы выпарывали на плиткахъ остриемъ значки, получавшіе форму стрѣлокъ, съ узкимъ и широкимъ концами, — широкимъ тамъ, гдѣ штрихъ начинался. Сначала старались, насколько могли, придавать фигурѣ форму изображаемаго предмета. Напримѣръ, въ первой (верхней) линіи таблицы г. Зайцева изображены: „солнце“ „рыба,“ „лопата,“ „ухо,“ клинообразныя очертанія которыхъ все-таки напоминаютъ хотя часть изображаемаго предмета.

Въ заключеніе, мы еще разъ привѣтствуемъ книгу г. Зайцева, какъ подарокъ русской публикѣ прекрасный, вполне цѣлесообразный и желательный. Намъ именно нужна такая популяризація исторіи.

Иностранная литература.

„Geschichte der Juden in Polen“ unter den Platten und den Jagellonen. Nach polnischen und russischen Quellen bearbeitet von Hermann Sternberg. Leipzig 1878 г. — Книга, заглавіе которой мы сейчасъ означили, написана съ большимъ талантомъ, знаніемъ, трудолюбіемъ, но въ тоже время—съ замѣтною, довольно ярко мелькающею, какъ красная нить, тенденціей защитить евреевъ, съ одной стороны, и представить довольно шаржированную картину изувѣрдаго преслѣдованія евреевъ христіанами въ Средніе вѣка—съ другой. Тенденція книги состоитъ еще и въ томъ, что такъ какъ Польша отнеслась къ пришельцамъ—евреямъ гораздо гуманнѣе и съ не-

сравненно большою вѣротерпимостью, чѣмъ другія государства въ одно и тоже время, какъ въ особенности напримѣръ, Голландія. то, очевидно, Польша въ отношеніи гуманности и общечеловѣческой культуры должна занять одно изъ самыхъ высокихъ мѣстъ. Мы не споримъ, конечно, съ авторомъ безусловно; мы соглашаемся, что культура Польши дѣйствительно высока, что литература ея въ высшей степени богата и блестяща; но намъ было бы пріятнѣе говорить и думать такъ безъ отношенія къ еврейскому элементу, населившему Польшу. А то, вѣдь, у автора является замысловатое хитрослѣтеніе идей. Еврей—народъ торговый, рано сдѣлались богатыми, переселились съ своими богатствами въ Польшу; ссудили деньгами ея правителей. Тѣ, на ссуженныя евреями деньги начали насаждать просвѣщеніе, культивировать свою страну. Ergo—безъ евреевъ не было бы и польской культуры! Вотъ какое выходитъ заключеніе. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и до нѣкоторой степени авторъ является и безпристрастнымъ къ потомкамъ Израиля. Напримѣръ, онъ говоритъ, что еврей въ Польшѣ занимался продажей и скупкою плѣнныхъ и рабовъ, и доказываетъ это документами. (Глава III, стр. 12—13).

Крайне интересно представляется приводимая авторомъ *in extenso*. данная польскимъ евреямъ королемъ Болеславомъ Благочестивымъ привиллегія, состоящая изъ 36 §§. Въ ней много параграфовъ, касающихся спеціально заклада движимостей у евреевъ христіанами и размѣра взимаемыхъ за это „интересовъ“, или процентовъ. Замѣчательно, напримѣръ, въ Болеславовой привиллегіи 5-й параграфъ, гласящій: „Еврей все можетъ взять въ закладъ, исключая церковныхъ украшеній, церковныхъ сосудовъ, а также мокраго и пропитаннаго кровью платья“. Послѣднія двѣ черты, должно быть, служатъ для того, чтобы отъ ростовщика-еврея отклонить подозрѣніе въ убійствѣ.

Если еврей не сознавался во вводимомъ на него христіаниномъ обвиненіи, то онъ произносилъ клятву. Образецъ еврейской клятвы такъ интересенъ, что мы приводимъ его дѣликомъ. Клятва произносилась преимущественно въ томъ случаѣ, когда еврей отрицался, что онъ не долженъ извѣстной

суммы денегъ извѣстному христіанину: „Будь свидѣтель мнѣ Богъ неба и земли, воздуха и росы, горъ и долинъ, цвѣтовъ и травъ, что я не долженъ того, что требуетъ съ меня этотъ христіанинъ. И если я долженъ, то пусть поразить меня проказа и ядъ, отъ котораго исцѣлилъ Илія Наамана Сиріяннина... и если я долженъ, то пусть меня сожжетъ небесный огонь, пусть нападетъ на меня лютая болѣзнь и кровотеченіе, и если я долженъ, то пусть погибнетъ мое тѣло, моя душа и мои занятія (т. е. гешефты); пусть меня постигнетъ судьба Лотовой жены, превратившейся въ соляной столбъ; пусть я не попаду въ лоно Авраамово, пусть самъ Аѳонаи-Господь меня отвергаетъ; пусть унесетъ меня дьяволъ въ погибель вѣчную, Аминь“.

Вотъ какъ клялся средневѣковный еврей, часто богатый, часто изъ-за того, что не хотѣлъ отдать бѣдняку-христіанину грошоваго долга или возвратять почему-либо поправившагося залога.

И въ періодъ Пастовъ, и въ особенности въ періодъ Ягеллоновъ, было много прамѣровъ обвиненія евреевъ въ убійствѣ христіанскихъ дѣтей и въ употребленіи ихъ крови для своей паски. Существовало также повѣрье, что еврейка даже разрѣшиться отъ бремени не можетъ безъ помощи христіанской крови, и что если еврейка умретъ беременною, то на томъ свѣтѣ разрѣшиться отъ бремени помогаетъ ей самъ сатана. Далѣе, было негѣлое повѣрье, что правильное мѣсячное очищеніе (регулы) у евреевъ имѣли оба пола, и мужчины, и женщины!..

Въ документальномъ отношеніи книжка г. Штернберга крайне интересна.

Матеріалы, замѣтки и новости.

Археологическое открытіе въ Іерусалимѣ.

До прошедшаго года упоминаемымъ въ Евангеліи мѣстомъ отдохновенія Іисуса Христа и бесѣды его съ сестрою Лазаря Мартею считали камень (извѣстный подъ названіемъ «Камня встрѣчи») сѣроватаго цвѣта съ черными жилками, почти овальной формы, высунувшійся изъ земли на полъ-аршина, лежащій къ юго-востоку отъ селенія Виваніи, при проѣздѣ кочевнической дорогѣ въ пустыню Мертваго моря въ нѣсколькихъ саженьхъ къ сѣверу. Поэтому-то камень этотъ для указанія его паломникамъ Св. мѣстѣ и былъ окруженъ, на разстояніи отъ него двухъ аршинъ, линіей камней. Но въ минувшемъ году новое археологическое открытіе обнаружило ошибочность этого предположенія и указало на подлинный «Камень встрѣчи».

Поводомъ къ открытію было слѣдующее обстоятельство: на правой сторонѣ дороги, въ нѣсколькихъ десяткахъ сажень отъ «Камня встрѣчи», возвышался неправильнаго очертанія холмъ, видимо насыпнаго образованія. На этотъ холмъ обратилъ вниманіе начальникъ нашей іерусалимской миссіи, и разъ, проѣзжая мимо для осмотра развалинъ *Раукасъ*, разспрашивалъ даже феллаха, владѣльца холма, не пробовалъ ли онъ дѣлать раскопокъ. Разспросы эти побудили крестьянина (феллаха) по-рыться въ своемъ холмѣ. Трудъ оказался не безплоднымъ. Съ

первыхъ же приѣмовъ раскопки показалась часть стѣны какъ будто-бы обрушеннаго свода. Затѣмъ, при дальнѣйшей работѣ, открылась стѣна изъ огромныхъ правильно освѣченныхъ камней съ горбинами по срединѣ. Стѣна обнаружила постройку, обращенную лицомъ къ востоку, а къ западу оказалась полу-круглая площадка, позади которой, въ видѣ параллелограма, площадь. Очевидно постройка была христіанская церковь съ толстыми въ два аршина стѣнами, сходящими на одну треть бывшей высоты своей, безъ свода. Объ открытіи этомъ скоро стало извѣстно въ Виваніи (Эль-Азирь), Элеонѣ (Джебелтурѣ) и Силоамѣ.

Одинъ изъ членовъ Святогорской общины, архимандритъ Спиридонъ, поспѣшилъ купить у феллаха многозначительный холмъ за 60 турецкихъ лиръ, и вслѣдъ затѣмъ немедленно приступилъ къ самой тщательной расчисткѣ развалинъ. По очисткѣ пола открытой церкви обнаружилась у южной стѣны каменная плита, какъ видно, могила въ видѣ продолговатаго, съ каменными стѣнками, ящика, въ которомъ лежали незначительные остатки костей. Наконецъ далѣе открылся, въ томъ же церковномъ помостѣ и у той же правой стѣны, только аршина на два впереди могилы, камень сѣраго цвѣта, неровной поверхности и овальной формы. На поверхности камня ясно сохранилось изображеніе креста.

Такимъ образомъ, сообразивъ сохранившееся въ церкви преданіе о мѣстѣ бесѣды Спасителя съ сестрою Лазаря, становится яснымъ, что теперь-то наконецъ найденъ истинный «Камень встрѣчи». Въ настоящее время архимандритъ Спиридонъ, какъ передаютъ за вѣрное, обращается къ нѣкоторымъ изъ извѣстныхъ ему лицъ въ Россіи съ просьбою о вспоможеніи для возстановленія драгоценной развалины.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

„ВѢСТНИКЪ РЕАЛЬНЫХЪ ЗНАНІЙ“

состоящій въ двухъ отдѣловъ, выходящихъ въ концѣ каждаго мѣсяца книгами въ 8—10 листовъ съ политипажамъ и таблицами чертежей и рисунковъ по слѣдующей программѣ:

Программа I-го отдѣла:

народная гигиена, народное хозяйство; народное образование; всѣ отрасли сельскаго хозяйства; технология химическая и механическая; ремесла; торговля; промыслы; монографія животныхъ и растений по отношенію ихъ къ сельскому хозяйству и технологіи; товаровѣдѣніе. Критика и библиографія; новости и мелочи и рецензы по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства, ремеслъ, технологіи и пр.

Программа 2-го отдѣла:

путешествія; народовѣдѣніе; естествознаніе; гигиена; домоводство; охота; пчеловодство, птицеводство, шелководство; садоводство и огородничество. Новости по всѣмъ отраслямъ реальныхъ знаній; критика и библиографія по программѣ. Мелочи, рецензы по домоводству, пчеловодству, птицеводству, шелководству, садоводству и огородничеству.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

I-го отдѣла:

на годъ . . . . . 7 р.
на полгода . . . . . 4 „

съ пересылкою:

на годъ . . . . . 8 „
на полгода . . . . . 5 „

I-го и II-го отдѣловъ, вмѣстѣ:

на годъ . . . . . 13 р.
на полгода . . . . . 7 „

съ пересылкою:

на годъ . . . . . 14 р.
на полгода . . . . . 8 „

Отдѣльно на 2-й отдѣлъ подписка не принимается.

Гг. многогородныхъ просятъ адресовать подписку на журналъ единственно въ Редакцію „Вѣстника Реальныхъ Знаній“, въ Москву. Адресъ почтамту извѣстенъ. Только при подобномъ адресованіи требованій редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

Въ Москвѣ подписка принимается въ редакціи, Покровка, близъ Гагарикова пер., на Переделовской ул., домъ Алексѣевой.

Редакторъ-издатель Д. Нишненскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„СЪВЕРНАЯ ЗВЪЗДА“

1879. (годъ третій).

Въ годъ пятьдесятъ два №№ и кромѣ того, двѣнадцать №№ безплатнаго приложения «ИЗБРАННЫЕ РОМАНЫ», всего же въ годъ 64 нумера.

Годовая цѣна съ пересылкой	8 р. — к.
» » безъ пересылки	7 р. 50 к.
Полугодовая цѣна съ пересылкой	5 р. — к.
» » безъ пересылки	4 р. 75 к.

Лица, бывшія подписчиками прошлаго 1878 г., если пожелаютъ продолжать свою подписку въ настоящемъ 1879 г. благоволятъ сообщить свои заявленія съ присылкой причитающихся денегъ, и № за которымъ высылался журналъ, чтобы можно было тотчасъ же отправить комплекты по адресу. Адресъ-же и фамилія должны быть написаны особенно четко и разборчиво.

Если Гг. подписчики на 1879 годъ изъявятъ желаніе, по примѣру 1877 и прошлаго 1878 годовъ, получить, кромѣ прочихъ премій, **олеографическую** картину, то прилагаютъ на ея укупорку и пересылку 85 к. деньгами или почтовыми марками.

Лица, желающія приобрести журналъ 1877 и 1878 годовъ, могутъ получить ихъ и теперь со всѣми приложениями и преміями за 8 р. 85 к., а въ переплетъ за 10 р. 85 к., но благоволятъ посѣшнить своими требованіями, такъ какъ эти годы остались въ незначительномъ числѣ экземпляровъ.

Къ журналу 1877 года принадлежатъ особо пять большихъ картинъ, а именно: 1) Парижская всемирная выставка 2) Современное русское войско, 3) Живописные виды Константинополя, 4) Турецкій броненосный флотъ и 5) экстренная премія—роскошная **олеографическая** картина, печатанная въ 24 цвѣта, а также карты театра войны: а) Балканскаго Полуострова, на 2 большихъ листахъ, б) Карта Болгаріи и Румелии, в) карта Сербіи, г) карта Азіатской Турціи.

Въ двѣнадцать тетрадахъ особыхъ приложенийъ, за 1877 годъ, помѣщены два большихъ романа: 1) «Фромовъ и Рислеръ», Альфонса Доде и 2) «Людовикъ XVI и Революція», Александра Дюма.

Къ журналу 1878 г. принадлежатъ: 1) Роскошная олеографическая картина «Semiramel», 2) Вольшая хромограф. карта Россіи съ новыми границами Вессарабіи и Батумскаго округа, а также другія преміи. Въ двѣнадцати-же тетрадахъ особыхъ приложенийъ два большихъ романа «Фабіанъ Ковде», пер. съ испанскаго А. П. Молчанова и «Кавалеръ Краснаго Замка» пер. съ французскаго М. Д. Дубельта.

Въ журналъ 1879 года войдутъ, между прочимъ, два большихъ романа, а въ числѣ премій, кромѣ **олсографическою мартишки**, будетъ разослана Гг. подписчикамъ большая хромолитографированная карта **Афганистана и Британской Индіи съ пограничными владѣніями Россіи** (Туркест. и Ферганской областями), а также владѣніями Персіи, Кашгара, Келата и пр.

Гг. иногородные благоволятъ адресовать письма и деньги исключительно: Н. И. Зуеву, въ С.-Петербургѣ, Колом. части, Екатеринбургскій просп. подлѣ части, д. № 28, кв. № 8 или въ контору журнала, по Невскому просп. д. № 110, квар. № 6, и по Базанской улицѣ, домъ № 3, квар. № 60.

Петербургскіе подписчики, кромѣ трехъ означенныхъ мѣстъ могутъ подписываться во всѣхъ книжныхъ магазинахъ; въ Москвѣ же, подписка принимается у г. Соловьева на Страстномъ бульварѣ и у г. Живарева въ Охотномъ раду.

КРОМѢ ТОГО НАХОДЯТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

	Цѣны общія.		Цѣны для подписчиковъ.	
	вмѣстѣ съ пересылкою		—	
Романъ Альфонса Додэ „Фромонъ и Рислеръ“	1 р.	10 к.	— р.	90 к.
Романъ Дюма „Людвигъ XVI и Революція“	1	60	1	20
Вареломеевская ночь	—	60	—	50
Желѣзная маска	—	40	—	30
Иллюстр. описание Австраліи	—	85	—	65
Большая и подробная Карта Афганистана и британск. Индіи съ пограничными владѣніями Россіи, (Туркест. и Ферганск. областямъ), а также Персіи, Кашгара, Келата и пр.	—	80	—	50
Иллюстр. Физич. географія въ 3 част. 1000 гравиров. рисунковъ	6	50	3	50
Иллюстриров. географія Россіи	2	25	1	50
Карта <i>Балканскаго</i> полуострова	1	10	—	85
> Сербіи	—	35	—	25
> Болгаріи	—	45	—	35
> Аз. Турціи	—	40	—	30
Кавалеръ Краснаго Замка	1	60	1	20

Гг. подписчики журнала, желающіе приобрести изданія по означенной здѣсь, значительно удешевленной цѣнѣ, благоволятъ, кромѣ точнаго адреса, сообщать непременно тотъ №, подлѣ которымъ высылается имъ журналъ для удостовѣренія, действительно-ли требованіе адресовано отъ подписчика. Приобрѣтеніе изданій по удешевленной цѣнѣ предоставляется не только нынѣшнимъ подписчикамъ, но и подписчикамъ прежнихъ годовъ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.“

Вступая въ одиннадцатый годъ изданія, журналъ и въ будущемъ 1879 г. будетъ вѣденъ въ томъ-же духѣ и направленіи и съ помощію тѣхъ-же Гг. сотрудниковъ какъ и въ прошлыя десять лѣтъ и всѣми силами постарается сохранить то сочувствіе со стороны публики, каковымъ онъ пользовался до сихъ поръ.

Журналъ выходитъ ежемѣсячными книжками не менѣ семи печатныхъ листовъ, со многими политическими въ текстѣ, отдѣльными картинками и музыкальными приложеніями. Годовое изданіе составитъ два большихъ тома, каждый болѣе 600 страницъ.

Журналъ «Дѣтское Чтеніе» одобренъ: Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для возрастныхъ библиотекъ начальныхъ и уѣздныхъ училищъ и женскихъ гимназій и прогимназій, Главн. Управл. Военно-Учебн. заведеній для возрастныхъ библиотекъ младшихъ классовъ военныхъ гимназій и прогимназій, IV Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи для классныхъ библиотекъ {женскихъ учебн. заведеній и Ученымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ для училищъ и фундаментальныхъ библиотекъ духовныхъ семинарій.

Въ журналѣ помѣщаются: Небольшія повѣсти, рассказы и стихотворенія, этнографическіе и др. очерки, рассказы изъ всеобщей и отечественной исторіи, біографіи замѣчательныхъ людей, статьи по естествознанію, путешествія, техническія производства и промыслы, занятія, игры, ноты, задачи, шарады, ребусы пр.

При журналѣ издается «Педагогическій Листокъ» (для родителей и воспитателей), большая часть статей котораго посвящается домашнему и школьному воспитанію и разбору вновь выходящихъ дѣтскихъ и педагогическихъ сочиненій. За 10 лѣтъ существованія Педагогическаго Листка рассмотрѣно до 600 названій книгъ.

Подписка отъ иногородныхъ принимается *исключительно* въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ Редакціи журнала «Дѣтское чтеніе», уголъ знаменской и Баскова пер., Городскіе-же подписчики могутъ подписываться въ отдѣленіяхъ конторы при книжномъ магаз. Исакова, гостинный дворъ № 24; Мастерской учебныхъ пособій, уголъ Троицкаго и Графскаго пер., Невской книжной торговлѣ, Вас. Остр. 5-я лин. д. № 6.

Подписная цѣна на 1879 г. премія:

Безъ доставки 5 р. съ доставкой и пересылкой 5 р. 75 к.

За своевременную доставку Редакція отвѣчаетъ только передъ подписчиками, подписавшимися непосредственно въ главной конторѣ.

За Педагогическій Листокъ (четыре книжки въ годъ) особо 1 руб.

Дѣтское Чтеніе за 1869 и 1870 г. все распродано.

За 1871, 1872, 1873, 1874 и 1875 гг. вродается: въ бумажной оберткѣ—3 р. за годъ (2 тома); пересылка 6 ф. За 1876—5 р.; за 1877—6 р. пересылка за каждый годъ по 8 ф. по разстоянію; цѣна за 1878 г. 6 руб. за тисненый золотомъ переплетъ прилагается особо 1 р. 50 к. за годъ (2 книги). Подробное объявленіе и программа журнала по требованію высылаются бесплатно.

Издатель В. П. Бородинъ.

Редакторъ В. П. Острогерскій.

ЭМИЛЬ ГАРТЬЕ,

КНИГОПРОДАВЕЦЪ-ИЗДАТЕЛЬ, КОММИСИОНЕРЪ

ПО РУССКОЙ И ИНОСТРАННОЙ КНИЖНОЙ ТОРГОВЛѢ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ Большая Конюшенная, д. № 6. С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Гг. ИЗДАТЕЛИ И АВТОРЫ

ученныхъ, литературныхъ и музыкальныхъ произведеній, газетъ, журналовъ и періодическихъ изданій, эстамповъ, фотографическихъ снимковъ, предназначаемыхъ къ продажѣ, географическихъ картъ, учебныхъ пособій, образовательныхъ игръ и т. под.

приглашаются доставлять постоянно въ контору редакціи журнала:

„РОССІЙСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ“

(свидѣтельный вѣстникъ книжной и музыкальной торговли, графическихъ искусствъ, типографскаго дѣла, бумажнаго производства и вообще всѣхъ искусствъ, ремеслъ и промысловъ, имѣющихъ отношеніе съ торговлею произведеніями печати).

Большая Конюшенная, д. № 6.

подробныя названія или заглавія своихъ изданій, вышедшихъ или имѣющихъ выйдти послѣ 1-го января 1879 г., для того, чтобы таковыя могли быть своевременно включены въ перечни новыхъ книгъ, нотъ, картъ и пр., поступившихъ въ продажу, печатаемые въ каждомъ номерѣ «Россійской Библіографіи». Необходимо, чтобы при извѣщеніи о выходѣ въ свѣтъ книгъ,

ноть и т. п., сообщались свѣдѣнія о ихъ цѣнѣ, форматѣ, числѣ страницъ и входящихъ въ книгу рисунковъ или чертежей, а еще лучше, если гг. издатели будутъ доставлять въ редакцію по одному экземпляру своихъ изданій, тотчасъ же по выходѣ ихъ въ продажу. Въ послѣднемъ случаѣ, названіе присланной книги, ноть и т. п., непременно войдетъ: 1) въ еженедѣльный алфавитный перечень ближайшаго нумера журнала; 2) въ ежемѣсячные систематическіе каталоги и 3) въ годовую алфавитный и систематическій каталоги. Каталогъ эти будутъ прилагаться къ журналу для гг. подписчиковъ безплатно.

Доставляемыя въ редакцію экземпляры изданій будутъ сохраняться въ конторѣ ея, для возвращенія, по требованію, приславшимъ ихъ лицамъ, въ теченіи трехъ мѣсяцевъ; не взятыя же обратно въ теченіи этого срока экземпляры будутъ сочтены присланными въ даръ редакціи «Россійской Библиографіи».

Кромѣ того, въ отдѣлѣ объявленій, гг. издатели могутъ помѣщать, извѣщенія о своихъ изданіяхъ, съ платою по слѣдующему разсчету:

За 1 страницу (въ $\frac{1}{8}$ долю листа)	10 р.	— к.
> $\frac{1}{2}$ страницы	6 "	— "
> $\frac{1}{4}$ "	3 "	— "
За одну строку въ 70 буквъ	— "	25 к.

Цѣна годовому изданію «Россійской Библиографіи» со всѣми приложениями безъ доставки 6 р.; съ доставкою въ С.-Петербургъ 7 р.; съ пересылкою 8 р.

Для гг. книгопродавцевъ и издателей существуютъ особыя условія подписки.

Желающіе получить подробную программу изданія и 1-й номеръ журнала, таковыя будутъ высланы безплатно, по первому требованію.

Эмиль Гартъс

Издатель «Россійской Библиографіи».

Вольшая Конюшенная, № 6, въ С.-Петербургѣ.

СВѢТЪ и ТѢНИ

ЖУРНАЛЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И КАРРИКАТУРНЫЙ

Успѣхъ предлагаемаго изданія, успѣхъ, вынудившій редакцію, еще задолго до окончанія полнаго подписнаго года, заявить о прекращеніи пріема подписки, за распродажей всѣхъ, заготовленныхъ въ количествѣ пяти тысячъ, экземпляровъ служилъ лучшимъ выразителемъ общественнаго мнѣнія, какъ относительно ея достоинства, такъ и той добросовѣстности, съ которой редакція, не смотря на множество, встрѣтившихся на порвухъ парахъ, затрудній, старалась выполнять всѣ принятыя ею на себя обязательства.

Примѣчаніе. Главное изъ этихъ затрудненій—неприспособленность даже лучшихъ московскихъ литографій къ исполненію тонкихъ художественныхъ работъ—устранено тѣмъ, что редакція нашла возможнымъ выписать изъ заграницы машины послѣднихъ конструкций и открыть при Главной Конторѣ собственнаго Хромолитографическаго и Типографскаго заведеніе, въ которыхъ съ 15 ноября этого года и будутъ производиться всѣ работы по журналу.

Въ 25-ти выпускахъ, вышедшихъ въ теченіи первыхъ 6-ти мѣсяцевъ существованія, журнала „Свѣтъ и Тѣни“ было помѣщено:

1) Сто страницъ бол. форм. каррикатуръ и рисунковъ, принадлежащихъ карандашу такихъ извѣстныхъ художниковъ, какъ академики—К. А. Трутовскій, А. К. Саврасовъ, каррикатуристы—Н. А. Богдановъ, Н. Н. Клангъ, М. А. Виноградовъ, и др.—2) Около пятидесяти отдѣльныхъ оригинальныхъ и фотогравюрныхъ картинъ (портретовъ, бытовыхъ сценъ, эскизовъ, видовъ замѣчательныхъ мѣстностей, копій съ произведеній великихъ художниковъ и пр.).—3) Шесть ежемѣсячныхъ премій—большихъ (около $\frac{3}{4}$ арш. дл. и 9-ти верш. вып.) фотогравюръ, и, наконецъ, 4) Литературныя приложенія, въ которыя вошли: два большихъ оригинальныхъ романа Историческія „Драма на Лубянкѣ“. И изъ уголовной хроники новыхъ судовъ—„Глухою ночью“. Знаменитая поэма Кольриджа „Песнь стараго моряка“ иллюстрированная 12-ю большими рисунками Густава Доре; множество рассказовъ, повѣстей, стихотвореній, юморестическихъ сценъ, фельетоновъ, очерковъ изъ жизни замѣчательныхъ людей, біографій, исторій происхожденія различныхъ игръ, забавъ и обычаевъ, художественныхъ и театральныхъ обзорній и проч.

Если ко всему сказанному прибавить, что большая часть помеченных картинъ, карикатуръ и рисунковъ, — составляющихъ только половину того, что войдетъ въ полное годовое изданіе, — были иллюминированы красками и, что кромѣ того всѣ гг. годовые подписчики получаютъ еще бесплатную годовую премію — большую олеографическую картину, — то успѣхъ журнала сдѣлается понятенъ каждому.

Примѣчаніе. Для подписчиковъ 1879 года въ видѣ такой преміи редакція предлагаетъ выдать олеографическую, сдѣланную въ натуральную величину (около 2-хъ дл. и 1 арш. выш.) копію съ послѣдней, надѣлавшей столько шума, картина академика К. А. Трутовскаго: „Почъ на Ивана Купалу въ Малороссіи“. Сюжетъ годовой преміи 1878 г. заимствованъ изъ заграничныхъ олеографій, и немедленно по полученіи всего заказа будетъ разосланъ гг. подписчикамъ.

Съ января мѣсяца 1879 года редакція, параллельно съ изданіемъ журнала „Свѣтъ и Тѣни“, намѣрена издавать и другое, освобожденное отъ предварительной цензуры и располагающее самой широкой программой, ежедневное изданіе:

МИРСКОЙ ТОЛЪ

ЖУРНАЛЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ПОЛИТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

главной задачей котораго будетъ — отвѣчать на всѣ тѣ вопросы, на которые не въ состояніи отвѣтить журналъ «Свѣтъ и Тѣни», чтобы такимъ образомъ, за сравнительно ничтожную подписную плату (12 р. — за оба изданія) дать возможность, необладателю извѣстными средствами читателю, замѣнить ими — и ежедневную политическую газету, и литературный сборникъ, и художественное иллюстрированное изданіе и даже журналъ карикатурный и юмористическій.

Согласно съ этой задачей, „Мирской Толъ“ будетъ тоже, какъ и „Свѣтъ и Тѣни“, выходить ежедневными выпусками (50 №№ — въ годъ), въ форматѣ большихъ заграничныхъ иллюстрацій, по слѣдующей программѣ:

- 1) Статьи, извѣстія и обзорѣнія по предметамъ и явленіямъ внутренней жизни: правительственныя распоряженія и узаконенія,
- 2) Статьи, извѣстія и обзорѣнія по предметамъ внешней политики.
- 3) Беллетристика — оригинальные, и переводные романы, повѣсти, драмы, комедіи, путешествія, юмористическіе рассказы, сцены и стихи

творенія.—4) Театры и музыка.—5) Новѣйшія открытія и изобрѣтенія.—6) Очерки изъ исторіи искусствъ и словесности.—7) Критика и библиографія.—8) Фельетоны.—9) Корреспонденціи, русскія и заграничныя.—10) Судебная хроника.—11) Семья.—12) Почтовый ящикъ и отвѣты редакціи.—13) Справочный Листокъ.—14) Частныя и казенныя объявленія.

Въ случаѣ возобновленія военныхъ дѣйствій, всѣ гг. подписавшіяся на журналъ „Мірской Толкъ“, кромѣ еженедѣльныхъ выпусковъ будутъ безплатно (съ прибавкою, впрочемъ, 1 р. 20 к. почтовыхъ расходовъ) въ теченіи всего года получать ежедневныя приложенія, заключающія въ себѣ: телеграфныя извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій и всѣ послѣднія политическія новости, сообщаемыя въ лучшихъ, какъ русскихъ такъ и иностранныхъ газетахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ОБА ИЗДАНІЯ.

На журналъ „СВѢТЬ и ТѢНИ“:

На годъ съ достав. и пересылкой . . . . . 9 р.
 „ 1/2 года „ „ „ . . . . . 6 „

На журналъ „МІРСКОЙ ТОЛКЪ“:

На годъ съ достав. и пересылкой . . . . . 7 р.
 „ 1/2 года „ „ „ . . . . . 4 „

Лица подписавшіяся на оба изданія, вмѣсто 16-ти, платятъ всего только 12 р. за полное годовое изданіе и 7 р.—при подпискѣ на 6-тъ мѣсяцевъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: 1) Въ Москвѣ въ Главной Конторѣ редакціи (*Стрѣтенка д. Шамова*) а также и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. 2) Въ С.-Петербургѣ: При книжномъ маг. О. И. Бакста. 3) Въ Кавказѣ: При книжномъ маг. „Восточная Лира“. 4) Въ Одессѣ: Въ собств. отд. конторы (*Дерибасовская ул., д. книжки Ду-Санъ-Лоренцо*). 5) Въ Парижѣ: Въ Генеральномъ Агентствѣ редакціи (*Rue Lafayette 142*).

Гг. иногородные благоволятъ обращаться съ требованіями исключительно въ Главную Контору редакціи журнала „Мірской Толкъ“ и „Свѣтъ и Тѣни“.

Редакторъ-Издатель М. Пушкиревъ.

„РУССКОЕ БОГАТСТВО“

НА 1879 ГОДЪ.

Ежемесячный иллюстрированный журнал промышленности, сельского хозяйства, торговли и естествознания.

«Русское Богатство» по своей программѣ есть единственное въ Россіи изданіе.

Журналъ этотъ въ особенности полезенъ и даже необходимъ для помѣщиковъ, сельскихъ хозяевъ, заводчиковъ, фабрикантовъ и ихъ управляющихъ, и вообще для людей промышленнаго и коммерческаго міра.

При журналѣ «Русское Богатство» будутъ высылаться въ видѣ преміи отлично выполненныя картины и фотографическіе снимки, по содержанию своему соответствующіе направленію журнала.

Цѣна годовому изданію (12 книжекъ) съ пересылкою во всѣ гор. Имперіи пять рублей; безъ доставки четыре рубля; а со всѣми преміями семь рублей.

Требованія адресовать: въ Петербургъ, издателю «Русскаго Богатства» Д. М. Рыбакову (Загородный просп. д. 20, кв. 8), а также во всѣ извѣстные книжные магазины въ Спб.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1879 ГОДУ
ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА
ДЛЯ ДѢТЕЙ
СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ И ЮНОШЕСТВА
„СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА“
ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

Удостоеннаго Высочайшаго покровительства ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ; рекомендованнаго Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для гимназій, уѣздныхъ училищъ и начальныхъ школъ; состоящимъ при IV Отдѣленіи Собственной ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцеляріи, учебнымъ Комитетомъ для чтенія воспитанницамъ женскихъ учебныхъ заведеній ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ. Духовно-Учебнымъ Управленіемъ рекомендованнаго начальствамъ духовныхъ семинарій и училищъ, и Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ заведеній рекомендованнаго для библиотекъ Военныхъ Гимназій и Прогимназій, какъ изданіе, представляющее обильный матеріалъ для выбора статей, пригодныхъ для чтенія воспитанниковъ.

„Семейные Вечера“ въ 1879 году будутъ издаваться въ томъ же направленіи, подъ тою же редакціею, съ тѣми же сотрудниками, и будутъ выходить по прежнему, ежемѣсячно, книжками отъ 7 до 12 листовъ для каждаго отдѣла.

Отдѣлъ для дѣтей, какъ и въ прошлые года, будетъ распадаться, какъ бы на двѣ половины: одна будетъ заключать въ себѣ матеріалъ для чтенія дѣтямъ отъ 8 до 14 лѣтъ, — а другая (въ видѣ приложенія къ каждой книжкѣ, подъ заглавіемъ: *для самыхъ маленькихъ дѣтей*) отъ 5 до 8 лѣтъ. Въ томъ и другомъ отдѣлѣ будетъ обращено особенное вниманіе на бытовую, этнографическую, какъ равно научно-естественную и биографическую стороны — путемъ живыхъ рассказовъ, освѣщаемыхъ описаніемъ мѣстностей и природы.

Что же касается отдѣла для *семейнаго чтенія и юношества*, то онъ будетъ наполняеь, какъ и въ прошедшихъ годахъ, такими статьями, которыя составили бы приятный и полезный матеріалъ для чтенія всему семейству.

Редакція приметъ всё зависящія мѣры къ иллюстрированію журнала лучшими произведеніями русскихъ и иностранныхъ художниковъ, также будутъ помѣщаться копіи съ лучшихъ гравюръ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	безъ дост.	съ дост.
Полный журналъ (въ 24 нн.). . . .	10 р.	11 р.
Отдѣлъ для дѣтей (въ 12 нн.). . . .	5 >	5 > 50 к.
„ „ семейн. чт. (12 нн.). . . .	5 >	5 > 50 к.

Для всѣхъ учебныхъ заведеній, подписывающихся прямо въ редакціи на полный журналъ, уступается 1 р.

Для земскихъ школъ, подписывающихся не менѣе, какъ на 25 полныхъ экземпляровъ, уступается 2 р.

Кромѣ того, плата можетъ быть разсрочена: для лицъ, служащихъ въ казенныхъ заведеніяхъ, за ручательствомъ гг. казначеевъ; для воспитательныхъ и учебныхъ заведеній—за ручательствомъ ихъ начальствъ; для частныхъ лицъ,—не иначе, какъ по соглашенію съ редакціей.

Разсрочка допускается по третьямъ, слѣдующимъ образомъ:

На одинъ изъ отд. съ дост.	На полн. журн. съ дост.
За 1-ю тр. впер. 2 р. 50 к.	За 1-ю тр. впер. 4 р.
> 2-ю > 2 >	> 2-ю > 4 >
> 3-ю > 1 >	> 3-ю > 3 >

Подписка принимается: Въ редакціи журнала «Семейные Вечера», у Симоновскаго моста, на углу Караванной и Фонтанки, въ д. Раля, № 1—2, кв. № 21.

Редакторъ-издательница СОФІЯ КАШПИРЕВА.

За всѣ года, начиная съ 1873 г., имѣются полные экземпляры въ изящныхъ переплетахъ съ хромолитографированной картиной.

Ц Ѣ Н А.

Семейное чтеніе въ 3-хъ книгахъ.	5 р. — к.
<i>Пересылка за 3 фунта, смотря по разстоянію.</i>	
Отдѣлъ для дѣтей въ 1-ой вн.	4 р. 75 к.
<i>Пересылка за 3 фунта.</i>	
Отдѣлъ для самыхъ маленькихъ дѣтей	1 р. 30 к.
<i>Пересылка за одинъ фунтъ.</i>	

Для всѣхъ подписавшихся на «Семейные Вечера» въ 1879 году и выписывающихся прямо изъ редакціи 6 прежнихъ годовъ разсрочку, уступается на старыя года 25%, именно: вмѣсто 66 руб. 30 коп. За 50 руб. безъ пересылки.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1879 ГОДЪ

„ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА“

БУДЕТЬ ВЫХОДИТЬ ПО ПРЕЖНЕЙ ПРОГРАММѢ И ВЪ ТѢХЪ СРОКИ.

Цѣна годовому изданію 6 руб. 50 коп., съ пересылкой и доставкой 8 руб.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ Редакціи журнала (Больш. Садовая домъ 121 кв. 12) и въ книжномъ магазинѣ Я. Исакова, Невскій просп. Гостинный дворъ № 24.

Гг. Иногородные благоволятъ адресоваться: въ Петербургъ въ редакцію журнала „Историческая Библиотека“ (Больш. Садовая домъ 121, кв. 12).

1. Редакція отвѣчаетъ за доставку журнала подписавшимся только въ мѣстахъ, означенныхъ въ объявленіи.

2. Редакція проситъ гг. подписчиковъ точно обозначать свое имя, отчество и фамилію, а также и то почтовое учрежденіе, куда долженъ быть журналъ адресованъ; иначе редакція не отвѣчаетъ за правильную доставку.

3. Подписчики, желающіе перемѣнить адресъ, благоволятъ своевременно увѣдомить о новомъ мѣстѣ жительства, съ обозначеніемъ прежняго, при чемъ за всякую перемѣну уплачивается 50 коп.

4. Желающіе доставить свои произведенія въ Редакцію должны обозначать свой адресъ и подробныя условія, безъ обозначенія послѣднихъ, редакція не будетъ считать себя обязанною входить съ авторомъ въ какіе-либо расчеты.

Редакторъ-издатель П. В. Полежаевъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ВИСЯЮЩАЯ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

1879.

№ 4.—Апрѣль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Ф. СУЩИНСКАГО.
Екатерининскій каналъ, 168.

1879

СОДЕРЖАНИЕ № 4-го.

- 1 Очерки древне-римской жизни. **Теодера Симонса** переводъ **М. Лютова.**
- 2 Новгородскій Погромъ Историческая повѣсть гл. X—XV. **В. Нелитовскаго.** (Окончаніе)
- 3 Удальцы Новгородскіе **В. Аснариуса.** (Окончаніе)
- 4 Индусы и Будда. **Е Новоселова.**
- 5 Библиографическій указатель.
- 6 Матеріалы, замѣтки и новости.
- 7 Объявленія.

ИСТОРИЧЕСКАЯ

К И Б Л И О Т Е К А

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ.

1879.

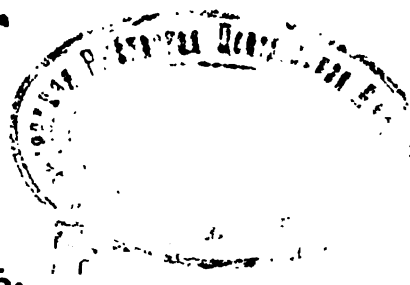
№ 4.—Апрѣль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Ф. СУЩИНСКАГО.

Историческій каналъ 108.

1879

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1. Очерки древне-римской жизни. **Теодора Сименса**
переводъ **М. Лютова**. . . . . 39—116
2. Новгородскій погромъ. Историческая повѣсть гл. X—XV.
В. Политковскаго. (Окончаніе) . . . . . 85—138
3. Удальцы новгородскіе. **В. Авсариуса**. (Окончаніе). 37—46
4. Индуси и Будда. **Е. Новоселова** . . . . . 1—48
5. Библиографическій указатель. . . . . 1—8
6. Матеріалы, замѣтки и новости. . . . . 1—4
7. Объявленія.

Въ Редакціи имѣется небольшое количество экземпляровъ «Исторической Библіотеки» изданія 1878 года. Цѣна годовому изданію 6 руб. 50 к. съ пересылкою 8 рублей. Для подписчиковъ же 1879 года—7 руб. съ пересылкой, и 6 руб. безъ пересылки.

О Ч Е Р К И ДРЕВНЕ-РИМСКОЙ ЖИЗНИ.

Триумфальный въезд Тита *).

71 г. по Р. Х.

Motto: „Memento, quia homo es!“ **)

Придворный шутъ Фока.

На насъ повѣяло школьной атмосферой. Слышится точно жужжанье пчелъ въ ульѣ. «Магистръ Церберъ» — такъ школьники называютъ въ шутку своего стараго учителя — сидитъ на высокой кафедрѣ, лѣнливо держа въ рукѣ свою ферулу и видимо черезъ силу борясь съ усталостью и сномъ, которые нагоняетъ удушливая жара, стоящая въ воздухѣ. Мальчики облизываютъ свои грифеля и старательно пишутъ заданную работу на восковыхъ дощечкахъ, положенныхъ на колѣни. Въ нетерпѣннѣи то-и-дѣло косятся они изъ подъ-лобья на своего строгаго учителя: урокъ

---

*) Титъ, сынъ Веспасіана, взялъ въ 70 г. по Р. Х. Іерусалимъ, столицу Іудейскаго царства и вмѣстѣ съ своимъ отцомъ, какъ его соправитель, триумфъ въ Римѣ. 700 знатнѣйшихъ Іудеевъ съ первосвященниками Іоанномъ Гизалой и Симономъ Баръ-Гіорасъ во главѣ шли въ цѣпяхъ за триумфальной колесницей Тита. Баръ-Гіорасъ тотчасъ послѣ триумфа, какъ требовалъ обычай, былъ въ Капиталии наказанъ плетью и казнень.

***) „Memento, quia homo es!“ помни, что ты человѣкъ! этими словами встрѣчали обыкновенно триумфатора, чтобы предостеречь его отъ суетности и тщеславія.

близится къ концу, и они ожидаютъ позволенія встать. «Titus triumphator» они написали и вотъ трудъ цѣлаго сегодняшняго утра. Едва учитель успѣлъ встать, чтобы взглянуть на песочные часы, какъ вся ватага бѣжала уже вонъ изъ дверей на улицу, волоча на суркахъ свои доски. На цѣлыхъ восемь дней распрошались дѣти съ противными школьными скамейками. Не до школы теперь: имъ нужно то встрѣчать Тита и Веспасіана, то привѣтствовать боговъ, то кричать «Евое» іудеямъ. Триумфъ, театры, травля іудеевъ дикими звѣрями, казни, состязанія, общественное доровое угощеніе — сколько интересныхъ зрѣлищъ и удовольствій для молодежи!

Вотъ счастливое совпаденіе обстоятельствъ! по улицѣ мимо школы плетется Фока, придворный шутъ Веспасіана, съ какимъ-то большимъ краснымъ узломъ за спиной. Онъ прихрамываетъ на правую ногу: ее повредилъ ему въ прошломъ году камень непріятельскаго баллиста. Прикрывъ своимъ тѣломъ Тита, онъ спасъ ему жизнь. Благодарный императоръ взялъ къ себѣ тяжело раненаго еврея и послѣ его выздоровленія отправилъ въ Римъ. Здѣсь Фока занялъ должность придворнаго шута и скоро сталъ довѣреннымъ лицомъ императора. Половина города знаетъ его. Школьники его скоро замѣтили и обступили со всѣхъ сторонъ.

Стой, Фока, храмоногій! кричатъ ему они. Пойдемъ-ка съ нами; намъ по дорогѣ. Несчастный горбачъ, ковыляя, переходитъ на другую сторону улицы и, размахивая своимъ узломъ, защищается отъ преслѣдователей. Вдоль городскихъ улицъ, черезъ мосты и площади идетъ эта веселая погоня. Ватага дѣтей все увеличивается, Фока пытитъ, задыхается и не можетъ дальше бѣжать. Онъ влѣзаетъ на постаментъ статуи Діаны; охватываетъ лѣвой рукой ея мраморныя ноги и осматриваетъ съ своего высокаго сидѣнья толпу мучителей, которые съ свистомъ, кривомъ и хохотомъ обступаютъ его.

— Онъ долженъ намъ показать свое искусство, кричитъ хоръ мальчиговъ, — иначе, мы его не отпустимъ. Да,

да пусть построить гримасы и посмѣшить насъ. Позабавь насъ, другъ Фока!

Шутъ не заставляетъ себя долго просить, скалитъ зубы, свергаетъ глазами, надуваетъ щеки, кладетъ пальцы въ ротъ и носъ, высовываетъ языкъ и поворачиваетъ глазами. Молодежь хохочетъ до упаду. Вдругъ съ серьезной миной, смотря въ сторону, шутъ совершенно измѣняетъ черты лица. Мальчишки хлопаютъ въ ладоши и кричатъ:

— Смотрите, смотрите! какъ онъ похожъ на Веспасіана! Затѣмъ перетянувъ платкомъ подбородокъ и сложивъ губы, какъ бы для поцѣлуя, онъ лукаво косится въ сторону, вызывая кривы изумленія среди молодежи:

— Ахъ! смотрите, какъ есть Домиція! кричатъ зрители, топая отъ удовольствія ногами.

Къ счастью Фоки сильный дождь вскорѣ разогналъ веселую публику. Фока спрыгиваетъ съ своего возвышенія и, взявъ узелъ, спѣшитъ въ кварталъ вальяльщикова.

Скоро онъ достигъ цѣли своего путешествія, квартала фулоновъ, съ резервуаромъ голубоватой жидкости по срединѣ. Шутъ входитъ въ одинъ изъ домовъ; на площадѣ передъ домомъ Фаустулы кладетъ свою ношу, развязываетъ узлы и принесенное имъ грязное бѣлье императрицы передаетъ прачкѣ, которая пересчитываетъ его и помѣчаетъ на стѣнѣ:

4 простыхъ туники ¹⁾.

5 столъ ²⁾ съ пурпуровыми каемками.

3 кумантилы ³⁾.

4 вышитыхъ плюмантилъ ⁴⁾.

3 шитыхъ золотомъ патагіазы ⁵⁾.

7 полотняныхъ индузіей.

¹⁾ Tunica—нижняя одежда у мужчинъ и женщинъ, вродѣ нашей рубашки; у женщинъ tunica была длиннѣе и перетягивалась кушакомъ.

²⁾ Stola—форменная туника.

³⁾ Cumantila—пестрая, цвѣтная одежда.

⁴⁾ Plumantile—одежда съ рисунками въ видѣ перьевъ.

⁵⁾ Patagiana—платье съ золотыми или пурпуровыми полосами.

2 фасціи ¹⁾).

15 локтей парагауды ²⁾).

— Вотъ тебѣ бѣлье, Фаустула, завтра передъ солнечнымъ восходомъ я приду за нимъ. Постарайся вычистить хорошенько, такъ какъ Марція, моя повелительница, во время триумфа мужа, будетъ возсѣдать на подіумѣ триумфальной арки и хочетъ явиться во всемъ блескѣ. Да не забудь вотъ еще что: не клади въ бѣлье нитра, а мой гальскимъ мыломъ ³⁾, у моей повелительницы весьма тонкое обняніе.

Фаустула бивнула головой въ знакъ согласія и стала отдѣлять каемки отъ туникъ и класть бѣлье въ большой котелъ, обливая кипяткомъ.

Фока распростился съ прачхой и отправился въ такъ называемый *Vicus Tuscus*, гдѣ живутъ прядильщицы.

Хлопаютъ въ прядильнѣ челноки, стучать утки и скрещиваются пестрыя нити. Дѣвушки — прядильщицы поютъ за работой пѣсни. Много заказовъ предстоитъ имъ окончить къ наступающимъ праздникамъ: вотъ уже нѣсколько недѣль работаютъ онѣ день и ночь, чтобы выполнить заказанныя къ предстоящему триумфу работы.

Фока желаетъ купить для своей высокой госпожи шитой золотомъ шелковой каемки. Хозяинъ роется въ «сундукѣ» (*thesa*), вынимаетъ оттуда самые лучшіе и дорогие образцы и вертитъ ихъ передъ солнцемъ, заставляя блестѣть. Фока съ миной знатока осматриваетъ товаръ, пробуетъ руками, торгуется и выбираетъ наконецъ одинъ сортъ каймы, украшенной вавилонскими значками. На нѣсколько минутъ прахи оставляютъ работу, заслушавшись городскихъ сплѣтень, которыя съ удовольствіемъ передаетъ шутъ: онъ рассказываетъ о Титѣ, о плѣнныхъ евреяхъ и еврейкахъ, о любовныхъ похожденіяхъ Доми-

¹⁾ *Indusia*—женская рубашка безъ рукавовъ.

²⁾ *Paragauda*—каемка отъ туники.

³⁾ Попадѣе, вмѣсто урины, стали употреблять составъ въ родѣ нашего мыла; этотъ составъ, вывозимый изъ Галліи, приготовлялся на благовонныхъ эссенціяхъ.

ціана и приготовленіяхъ къ казни іудейскаго первосвященника Симона, затѣмъ о самоубійствѣ актрисы Лизибиды, о новомъ головномъ уборѣ императрицы, о томъ, сколько золотыхъ вѣнковъ заготовлено для триумфатора, что стоятъ фальшивые зубы Дамиціи и отчего танцоръ Парисъ выгнанъ изъ Рима.

Въ углу комнаты стоитъ прялка, покинутая хозяйкой. Разорвана цѣпочка, сломанъ утокъ и ярмо покрыто пылью. Недотканый кусокъ матеріи печально свѣсилъ своими спутавшимися нитями; челнокъ валется на полу: бѣдная Тея пряла на немъ свое свадебное платье; она была грустна и часто плакала о своемъ миломъ женихѣ, ушедшемъ на войну, но... она узнала, что онъ не вернется больше... непріятельское копье пронзило грудь храбраго юноши... И съ тѣхъ поръ Теи не видно, ея скамейка пуста. Она не придетъ больше никогда: быстрѣе, чѣмъ утокъ въ прялкѣ, стучало у ней сердце... Она нашла себѣ покой въ Тибрѣ; быстрыя волны рѣки унесли уже въ море ея безжизненный трупъ.

Цирюльня Лицинія.

Слѣдуйте за мною, друзья, въ кварталъ моряковъ къ ученику Эскулапа, мастерская котораго сегодня съ полночи осаждается посѣтителеми: «Лициній изъ Саракузъ брѣшетъ, стрижетъ волосы, устраиваетъ ванны, дергаетъ зубы, вылечиваетъ нарывы, мелетъ рожъ на своей конной мельницѣ и мѣняетъ золотыя и серебряныя монеты.»

Войдите въ дверь, гдѣ виситъ тазъ съ ножомъ и сидитъ на двухъ скрещенныхъ полкахъ сонливая сова, охраняя входъ. Шкурки ящерицъ и змѣй, склянки, ручныя зеркала, банки съ мастикой и масломъ, расположенныя на красивомъ столѣ въ передней комнатѣ, показываютъ, что мы у цирюльника *).

Цирюльники играли въ Римѣ большую роль, такъ какъ бриться самимъ у римлянъ было не принято. Они въ то же время исполняли обязанности парикмахеровъ и врачей. Въ Помпеѣ открыли офисину

Лициній и его помощники сегодня съ утра заняты по горло, имъ нужно подстригать бороды, завивать волосы, каждый римскій гражданинъ хочетъ прилично одѣтымъ, вымытымъ и завитымъ встрѣтить торжественный день, въ который всеобщій любимецъ Тить вступить въ стѣны города. Длинными рядами сидятъ мушны по скамьямъ обширной комнаты, слышится шершанье бритвъ и скрипъ ножницъ. Одинъ только что перенесъ операцію, а другой ужъ занимаетъ его мѣсто. Поль усьянъ пучками черныхъ, коричневыхъ и сѣдыхъ волосъ. Кусокъ бѣлаго полотна, накинутый на шею и плечи съ узломъ за спиной, закрываетъ одежду посѣтителя.

Выбирайте между ножемъ и щипцами. Лициній съ одинаковымъ искусствомъ владѣетъ обоими инструментами. Если вы хотите обриться, то онъ намажетъ вамъ щеки *смолянымъ масломъ* (*droгах*) и совершитъ операцію безъ всякой боли. Но, можетъ быть, вы пожелаете вымыть волосы? тогда цирюльникъ смочитъ гребень теплой водой, расправитъ вамъ бороду рукой, чтобъ сдѣлать ее годной для подстрижки, наточитъ бритву на ремнѣ, подуеъ на нее, и черезъ минуту нѣсколькими искусными штрихами сдѣлаетъ вашу кожу такую же гладкою, какъ у угря. Воздухъ въ комнатѣ пропитанъ запахомъ благовоннаго масла, различныхъ мастигъ и духовъ, которыми содержатель цирюльни обильно вспрскиваетъ головы и лица посѣтителей. Брови великолѣпно сравнены и подкрашены; съ помощью вользеллы (маленькія щипчики) удалены волоски изъ ноздрей; съ помощью пемзы сглажены всѣ неровности на кожѣ. Острыя кривыя ножницы закругляютъ или заостряютъ, смотря по желанію, окрашенные въ розовую краску ногти на рукахъ. Если васъ мучитъ больной зубъ, то опять обратитесь къ Лицинію: онъ превосходно владѣетъ щипцами. Безъ всякой боли — могу васъ увѣрить, —

цирюльника, въ которой нашли родовспомогательныя ножницы, катедръ и щипцы для выдергиванія зубовъ.

уничтожаетъ онъ бородавки и вереды, вынимаетъ занозы и никогда при этомъ не торгуется о вознагражденіи.

Въ Римѣ Лиціній давно уже у всѣхъ вошелъ въ моду. И знатный вельможа и простолюдинъ равно обращаются къ его помощи. Въ праздничные дни на его долю даже выпадаетъ честь завивать волосы самого императора; и мы знаемъ дамъ самаго высшаго круга, которыя во всѣхъ болѣзняхъ слѣдуютъ совѣтамъ красиваго и услужливаго цирюльника. Термы — это его арена. Тамъ онъ, пустить кровь тучному, страдающему одышкой сенатору, и отпустивъ его, уже завиваетъ волосы другому посѣтителю, третьему чиститъ щеточкой зубы, вынимаетъ занозу изъ руки рабочаго и проворно накладываетъ пластырь на пораненное мѣсто.

Женскія купальни для него всегда открыты. Что онъ дѣлаетъ съ прекраснымъ поломъ, можно догадаться по особаго рода ножницамъ и инструментамъ, многочисленнымъ мастивамъ, снадобьямъ, перевязкамъ и бинтамъ, находящимся въ его потертой сумкѣ.

Даже на форумѣ, въ судилищѣ, его мнѣнія и взгляды имѣютъ вѣсь. Онъ умѣетъ поговорить объ устройствѣ клоакъ и улицъ, объ общественныхъ играхъ, о войнѣ и о мирѣ; онъ даже сумѣетъ выступить на арену въ качествѣ гладіатора. Не смотря на большія каждодневныя занятія, онъ находитъ еще времени, чтобы заняться своимъ любимымъ мельничнымъ и пекарнымъ ремесломъ. Снятая имъ въ аренду мельница у Фламинскихъ воротъ считается образцовой у всѣхъ: здѣсь жернова приводятся въ движеніе не невольниками, какъ на другихъ мельницахъ, но лошадьми, на что указываетъ и досечка, прибитая къ мельничнымъ воротамъ. Здѣсь видите вы въ исполнскихъ амфорахъ пшеницу изъ Кампаніи (*siligo*), и изъ Африки (*triticum*), которыя не даютъ, какъ то бываетъ обыкновенно, изъ 5 сектаріевъ муи, 4 сектарія отрубей на одинъ модій. Надъ входомъ въ мельницу возвышается желѣзное изображеніе богини *Fornax*.

Но далѣе, далѣе, друзья! Свѣтаетъ и на улицахъ уже толпится народъ. Всадники съ маслинными вѣтвями въ волосахъ, одѣтые въ трабеи, проѣзжаютъ на красивыхъ бѣлыхъ лошадяхъ по направленію къ Форуму. Граждане и простолюдины направляютъ свои шаги къ Марсову полю, гдѣ будетъ происходить триумфъ; какая тѣснота, не смотря на ранній часъ, въ термахъ Тита! какая давка у храма Венеры! Какъ волны колеблются народныя массы въ Флавійскомъ театрѣ. Каждый спѣшитъ занять получше мѣсто, чтобы вполне налюбоваться рѣдкимъ зрѣлищемъ. Черезъ поле Быковъ, Веллабрумъ положительно не проберешься; точно перлы на одномъ шнуркѣ, тянутся безконечныя ряды головъ. Отъ Тибра въ Помпейской колонадѣ медленно двигаются народныя волны, которыя скоро должны наводнить собою Марсово поле.

На Авентинскомъ холмѣ.

О присутствіи человѣческихъ существъ въ золотомъ дворцѣ императрицы Марціи, можно только догадываться. Ковры и занавѣсы, которыми укрыты и увѣшаны всѣ площадки, ходы, ступени и колонны совершенно скрадываютъ въ своихъ волнистыхъ складкахъ шумъ шаговъ и всякій звукъ; но однако же говорить тамъ каждое дыханіе, съ которымъ вдыхаешь этотъ благовонный воздухъ, говорятъ богато-украшенныя стѣны, блестяція зеркала, шелковыя подушки на обдѣланныхъ слоновой костью лежанкахъ, говорятъ тысячи этихъ алебастровыхъ горшечковъ и склянокъ, покрывающихъ, подобно яблочному цвѣту, столики изъ ведра, треножники, бронза изъ Эгины, алмазы изъ Британіи, фригійскія золотыя ткани, тонкія вуали съ острова Коса, пышно развѣшанныя по спинкамъ стульевъ, львиныя шкуры изъ Гетуліи и цинамоновая фриза—все ясно говоритъ намъ, что мы, незванные, попали въ святилище земной богини. Въ передней комнатѣ здѣсь все дышетъ красотой, все воз-

буждаетъ желаніе въ таблинумѣ и жаръ любви въ атриумѣ этого волшебнаго замка, куда мы рѣшились святотатственно проникнуть.

Ядовитая змѣя не угрожаетъ намъ здѣсь своимъ смертоноснымъ ядомъ, ничье «save» не предупреждаетъ насъ здѣсь отъ цѣпной собаки. Одни горлинки мирно воркуютъ на капителяхъ колоннъ... Жасминъ, шафранъ, фіалки и ириды, точно готовящіяся выпрыгнуть изъ своихъ корзинокъ, указываютъ дорогу въ спальнй покой повелительницы этого царства фей. Чѣмъ дальше вы идете, тѣмъ сильнѣе у васъ бьется сердце, и тѣмъ таинственнѣе охватывающая васъ тишина. Здѣсь за волнистыми складками этихъ пурпуровыхъ тканей, столь желанная цѣль? Нѣтъ еще! Насъ отдѣляетъ отъ спящей не большое пространство, слабо освѣщенное черезъ отверстие въ куполѣ. Здѣсь находится послѣдняя защита женщины, дремлющей за этимъ занавѣсомъ. Богато украшенная сандалии лежатъ брошенныя, какъ попало, рядомъ съ роскошной туникой, облежавшей очевидно еще не задолго передъ тѣмъ чей-то женскій станъ. На подушкѣ блестя, подобно золотистымъ червямъ, лежатъ серги, вольца, записья, цѣпочки.

На полу свѣтятся алмазные нити и связки коралловъ, сброшенные съ головы и шеи чей-то торопливой рукой. Полузавядшія розы, украшавшія волосы земной богини, валяются изломанныя на мраморномъ столикѣ возлѣ открытой дактиліютики. Въ воздухѣ еще чувствуется дыханіе ея розовыхъ губъ, коверъ еще не расправился, примятый ея ногой. Перина, на которой покоилось ея роскошное тѣло, также еще смята...

Кто осмѣлится безъ трепета приподнять занавѣску? Кто безъ замиранія сердца вошелъ бы въ сосѣднй покой? тамъ спитъ сама повелительница властителя Рима?

Красавица спитъ, разметавшись по мягкимъ подушкамъ. Скорѣе обнаруживаетъ, чѣмъ скрываетъ прелести, небрежно накинутое бѣлое одѣяло на утопающее въ

душистыхъ перинахъ ея тѣло. Какъ роскошно покоится локоть на спинкѣ кровати! представляется, будто золотой языкъ, высунутый изъ разинутой львиной пасти, обра-зующей рукоятку, жадно лжеть ея нѣжную руку. Достоенъ зависти платокъ, покрывающій такую величественную голову, такіе волосы! Достоенъ зависти воздухъ, который впитываетъ въ себя дыханіе такой пышной красавицы! Изъ Индіи привезены ковры, устилающіе полъ, изъ Селивкии — перины. Всѣми ароматами, какіе могутъ только дать сады востока, пропитана атмосфера этой комнаты, дающей пристанище императрицѣ Рима.

Точно полярная звѣзда на темной лазури свѣтитъ кроткимъ свѣтомъ серебряная лампа съ одного изъ карнизовъ.

Струны лиры умоляли у ногъ императрицы, ни чей шелестъ, ни чье дыханіе не смѣютъ нарушить сладкаго покоя, царящаго въ святилищѣ.

Еще заманчивѣе сегодня сны, грезящіеся императрицѣ, сегодня Титъ, ея супругъ, вѣзжаетъ въ Римъ, какъ триумфаторъ — «Титъ, любимецъ народа».

Уже колесница бога солнца достигаетъ середины неба, все согрѣвая, освѣщая и оживляя. Ярко блестятъ обелиски, храмы, куполы гордаго Рима въ лучахъ солнца; и надъ Целійскими высотами медленно плыветъ прозрачное бѣлое облачко, обрамленное золотомъ по краямъ. Изъ улицъ разукрашеннаго по праздничному города несется шумъ пробудившейся жизни, достигая и высоты дворцовъ.

Въ эту минуту дважды прокричалъ павлинъ, расправляя свой пышный, украшенный золотыми и зелеными глазами хвостъ и дважды откликнулась на его зовъ самка. Императрица слегка вздрогнула... вѣки ея глазъ открылись и струя жизни мгновенно пробѣжала по всѣмъ ея членамъ. Какъ бы медля разстаться съ сладкимъ сномъ, она осматривается кругомъ, протираетъ свои большіе темные глаза, медленно приподнимаетъ свою роскошную голову, и продолжительный вздохъ вырывается

изъ ея груди; какъ будто ей жаль скорого конца заманчивыхъ грезъ! но скоро очнувшись, она оправила одежду, свалившуюся съ плечъ и груди и ударомъ въ серебряную чашу позвала служанокъ. На ципочкахъ вошли молодыя невольницы въ спальню своей повелительницы. Занавѣски приподняты и чрезъ клипеусъ, отверстіе въ золоченомъ куполѣ, падаетъ лучъ свѣта въ святилище земной богини, затѣйливо играя на арабескахъ цвѣтныхъ ковровъ у ея ногъ и отливаясь то золотомъ, то пурпуромъ, то голубымъ, то зеленымъ цвѣтомъ, смотря по рефлексу стеколъ.

Императрица смотритъ задумчиво на пеструю игру цвѣтовъ, расправляетъ рукой свои сбившіеся локоны и затѣмъ приказываетъ невольницамъ приготовить себѣ купанье.

Оставляя отпечатокъ верхней части тѣла на мягкихъ перинахъ, спускаетъ она ноги въ сидонъ и вся закутывается въ бѣлую, какъ только что выпавшій снѣгъ, одежду.

Невольница сиріянка расплѣтаетъ ея роскошныя волосы и собираетъ въ пучекъ на головѣ. Какъ манить въ купанью сосѣдняя комната съ своимъ волшебнымъ пурпуровымъ свѣтомъ! Ея занавѣси открываются передъ Марціей. Въ глубинѣ комнаты таинственно журчитъ фонтанъ. Сочные зеленые листья индѣйскихъ вееровыхъ пальмъ сгибаются въ красивыя дуги надъ алебастровымъ брустверомъ водоема. Императрица поднимается и идетъ.. идетъ?! развѣ можно про нея сказать, что она *идетъ*? Можетъ идти нищій съ своей сумой, земледѣлецъ за плугомъ, невольникъ слѣдомъ за господиномъ. А императрица? нѣтъ, она не идетъ, но скользитъ, какъ тѣнь отъ облака надъ спаленной солнцемъ нивой или какъ нимфа рѣчная, безъ шума, едва касаясь ногой до мягкаго ковра. Только шлейфъ длинной волнистой одежды слегка шелеститъ за ней..

Когда она опустила на сидѣнье въ своемъ любимомъ аподитеріи, тяжелыя занавѣси упали опять, не пропуская ни малѣйшаго звука извнѣ.

Проворно сняты кольца и браслеты, вынуты серьги из ушей и падаютъ, слабо звеня, въ дактилотеку, алебастровая бѣлизна которой отражается въ гладко отполированной поверхности столика. Погрузившись въ раздумье, Марція долго смотритъ въ кристаллическую влагу украшенной позолотой ванны и затѣмъ, выставивъ впередъ свою обнаженную ногу, кокетливо играетъ съ струей фонтана, а она такъ свѣжительна, такъ прозрачна и серебриста!

О своемъ супругѣ, Титѣ, о славлѣ и величїи Рима, граждане котораго сегодня, привѣтствуя, упадутъ къ ногамъ ея мужа, могла задуматься она... какъ вдругъ, точно распущенная рукой феи, роскошная ночная одежда медленно, словно жалѣя разстаться съ прекраснымъ станомъ, который окутывала, скользитъ съ плечъ и спины мечтательницы и съ легкимъ шумомъ ниспадаетъ къ ногамъ... Марція приказываетъ подать себѣ зеркало. Изъ гладко отполированного металла улыбается ей ея изображеніе. Игриво вертитъ она зеркало изъ стороны въ сторону, то поднесетъ его къ глазамъ, то удаляетъ, сама чаруясь своей волшебной красотой; любитъся глянцемъ своихъ зубовъ, блескомъ огненныхъ глазъ, своими черными, какъ смоль, волосами и тонкими изгибами бровей, смотритъ на свою пышную грудь и плечи и весело смѣется отъ восхищенїя. Величественно поднимается она съ своего мягкаго сидѣнья и подобно рѣчной нимфѣ граціозно погружается въ кристальную влагу, которая дрожа и пуская круги съ восторгомъ принимаетъ свою прекрасную добычу. Цѣлый дождь розъ, нарцисовъ и шафрану сыплется на купающуюся. Эпидриты со стѣны, вазалось, съ завистью смотрѣли на императрицу, свою соперницу, глаза которой въ эту минуту задумчиво слѣдятъ за пестрымъ мотылькомъ, прилетѣвшимъ на лаковую приманку и усѣвшимся у ней на рукѣ. Ни чей непосвященный глазъ, ни чей чужой взоръ не проникаетъ въ это таинственное убѣжище. Только Эротъ, Аморгъ, Панъ и Купидопъ остаются вѣчно нѣмыми свидѣтелями такихъ

прелестей... Когда Марція выходитъ изъ купальни, влага шумитъ подъ ея ногами, какъ-бы робча на скорую съ ней разлуку. Какъ перлы блестятъ на ней водяные капли и слезками падаютъ назадъ въ ванну. Невольница набрасываетъ на свою госпожу широкій, весь въ складкахъ плащъ, слегка нагрѣтый на угляхъ и начинаетъ осторожно растирать рукою ея эластическіе члены, а синдонъ жадно всасываетъ влагу. Щетки изъ слоновой кости скользятъ подъ искусной рукою служанки по нѣжной кожѣ и ея блѣдный цвѣтъ быстро переходитъ въ красноватый. Мягкіе антипелосскія губки трениемъ гонятъ кровь отъ сердца къ головѣ и обратно, повторяя это нѣсколько разъ. Финикійскія діапазмы и эссенціи, впитанныя порами, придаютъ тѣлу необыкновенную свѣжесть и бѣлизну.

Наброшенный на плечи тонкій биссусъ скрытъ въ своихъ волнистыхъ складкахъ станъ императрицы. Въ серебряный сосудъ съ медомъ опускаетъ императрица кончики своихъ пальцевъ и подноситъ руку къ губамъ, лакомится сахарными бобами, кормитъ лакомствомъ изъ рукъ маленькую ручную обезьяну, которая приворнула у ней на груди и нѣжно гладитъ ее по спинѣ.

Входитъ Лара, невольница, неся *пиксисъ* ¹⁾, *дисперникулумъ* ²⁾, *кринале* ³⁾, и *акусъ* ⁴⁾, опускается на правое колѣно передъ своею госпожей и начинаетъ расплѣтать двойные узлы ея влажныхъ волосъ, но мѣшкая и какъ бы боясь чего-то.

Должно быть, она вспомнила тѣ жестокіе уколы золотой иглой, которыми капризная госпожа награждала ее нерѣдко даже за малѣйшую неловкость и опущеніе; о чемъ свидѣлствуютъ многочисленныя рубцы на ея рукахъ и груди ⁵⁾; или боится она обезьяны, злость и

¹⁾ коробка съ мастикой.

²⁾ гребень.

³⁾ головная булавка.

⁴⁾ Знатныя римлянки обыкновенно наказывали своихъ невольницъ уколами иглы.

жоварство которой ей также хорошо знакомы. Бѣдная дѣвушка нѣма, но она не родилась нѣмою: языка она лишена умышленно еще въ ранемъ дѣтствѣ рукою цирюльника; такимъ образомъ она сдѣлалась неспособной выдать непосвященнымъ тайны своей госпожи.

Какъ искусно завиваются локны подъ ея рукою, какъ красиво заплетаются косы подъ тонкими зубьями гребня! Тягучія капли благовоннаго масла смачиваютъ густыя пряди волосъ; горячій *каламиструмъ* ¹⁾ приводить въ порядокъ волосы, не слушающіеся гребня.

Алмазы украсили прическу, и головной уборъ готовъ. Теперь императрица закрыла глаза, такъ какъ невольница обводитъ маленькой кисточкой тонкіе изгибы ея бровей; затѣмъ накладываетъ на щеки бѣлила, такія-же нѣжныя какъ цвѣтъ яблони и легкія, какъ пыль съ крыла бабочки, подкрашиваетъ губы пурпуровой краской изъ Пренесте и, наконецъ, чиститъ зубы нардовой травой.

Сердце императрицы хочетъ выпрыгнуть отъ радости; изъ города доносятся до ея слуха безконечные привѣтственные крики римлянъ въ честь ея мужа, ея дома. Нетерпѣливо отталкиваетъ она отъ себя вкусные плоды, даръ дальнаго востока, которые служанка поднесла ей на золотомъ блюдѣ. Раскрываются настежь сундуки, и изъ своего тѣснаго заключенія освобождаются дорогіе наряды императрицы; шельъ, бѣлый какъ снѣгъ и голубой какъ лазурь, украшенная золотой каемкою цвѣтными плюмантины, которыя пестрою и изяществомъ узора могли-бы перещеголять самыхъ красивыхъ птицъ; вавилонскія индюзіи, сотканныя изъ тончайшихъ серебряныхъ нитей, прозрачныя и легкія, какъ утренняя роса, сандали, туники, цвѣтомъ напоминающія и розовое вечернее небо и темно-голубую зыбь моря. Трудно выбирать изъ такого множества дорогихъ предметовъ, разложенныхъ цѣлымъ цвѣтнымъ лугомъ у ногъ императрицы. Глазъ ослѣпленъ блескомъ, пестрою цвѣ-

¹⁾ Calamistrum—щипчики для прижиганія волосъ.

товъ и разнообразіемъ узоровъ: здѣсь изображены какія то мифическія птицы, качающіяся на вѣткахъ ведра, тамъ яблоки Гесперидъ среди пышныхъ цвѣтовъ и листьевъ. Четырехъугольныя и совершенно квадратныя перепутавшіяся и скрещенныя, идущія, по видимому, неправильно, но между тѣмъ вполне систематически, здѣсь теряясь въ густыхъ складкахъ, тамъ опять блестя на виду, подобно змѣямъ вьются бардюры надъ всѣмъ этимъ роскошнымъ хаосомъ.

Къ каждому платью идетъ свой поясъ, въ каждомъ поясу идетъ особенная застежка и даже завязки у сандалій подбираются подъ тонъ остальному. Сегодня Марція выбираетъ небесный цвѣтъ и тотчасъ-же въ рукавахъ у служанокъ появляются лазоревыя одежды, по видимому очень тяжелыя и неуклюжыя, и межъ-тѣмъ такія легкія и статныя на самомъ дѣлѣ. На нихъ вытканы знаки Задіака: Стрѣлки, Телецъ и Дѣва, Рыбы, Козерогъ, Левъ и Овенъ, образующіе какой-то волшебный хороводъ. Выборъ конченъ; невольницы убрали ненужное платье. Сбросивъ съ себя утренній покровъ, императрица облеклась въ роскошную бѣлую какъ снѣгъ индузію; на нее надѣта дорогая шелковая туника съ застежкой за плечемъ, какъ облако спустилась изъ искусныхъ рукъ служанокъ на голову императрицы голубая палла; и поясомъ стануты многочисленныя складки широкаго верхняго платья. Какъ-бы прикованныя къ мѣсту въ нѣмомъ изумленіи стоятъ служанки: шелковыя занавѣсы отдернуты и море свѣта хлынуло на это божество, сошедшее на землю, и нѣтъ словъ передать всю обаятельную прелесть этой красоты! Подъ затѣйливой сѣткою греческой крепиды скрылась ея нѣжная ножка и блеститъ своими бѣлыми лоснящимися повязками, какъ мраморъ Пентеликона...

Среди своего параднаго покоя остановилась Марція, величественная какъ Юнона, и бросила взоръ на обширное море домовъ, храмовъ, портиковъ, улицъ вѣчнаго города, который весь въ вѣнкахъ и цвѣтахъ готовится

сегодня праздновать триумфъ великаго Тита, ея дорогаго супруга. Безконечные восторженные крики народа достигаютъ дворца. Звуки роговъ и рѣзкій звукъ цимбаловъ оглушаетъ ее, когда она садится въ носилки, чтобы отправляться на торжество. Медленно спускается съ холма императрица Рима, направляясь къ триумфальнымъ воротамъ, среди своей пышной свиты, толпы музыкантовъ съ лирами и арфами въ рукахъ, молодыхъ дѣвушекъ и юношей, усыпавшихъ дорогу цвѣтами, в льющихъ ароматы: такова процессія, сопровождающая къ триумфальной аркѣ эту новую Афродиту, будто только лишь вышедшую изъ морской пѣны.

Триумфъ.

Такъ какъ сегодня, никогда еще не шумѣли на Марсовомъ полѣ межъ двухъ зубчатыхъ каменей пѣнищеся каскады Соляріума и никогда еще не били такъ высоко фонтаны въ аркадахъ Октавіа и рѣдко бывали такъ чисты, освѣжительны струи ручья въ портикѣ Аргонавтовъ и *галлерей народовъ*. Едва ли могла быть когда—либо погода лучше и небесный сводъ свѣтлѣе, чѣмъ сегодня.

Подобно оленю, всасывающему въ себя въ жаркій день воду прохладнаго ручья, глотаетъ въ себя путникъ свѣжій воздухъ обширнаго Марсова поля послѣ долгой утомительной дороги. Позади остались мощенныя камнемъ городскія улицы, которыя, разсваленныя полуденнымъ зноемъ, только что жгли ему ноги. Забыты и отражающія яркое іюньское солнце стѣны и ослѣпляющія, блестящія крыши храмовъ, забыта пыль и тѣснота столь возбужденнаго сегодня города... Здѣсь лавровая роща, кусты жасмина и розъ, мягкія зеленныя лужайки ободраютъ и освѣжаютъ путника. Повсюду видны сотни любопытныхъ, расположившихся съ ранняго утра и терпѣливо выжидающихъ начала праздника и зрѣлищъ, подобныя которымъ такъ рѣдко удается видѣть простымъ

смертнымъ. Грубыя варварскія нарѣчія тутъ и тамъ поражаютъ слухъ. Странныя, никогда не виданныя одежды изобличаютъ прїѣзжихъ чужеземцевъ: скифовъ, грековъ, египтянъ, мавровъ, персовъ, индусовъ, карфагенянъ, испанцевъ. Не изъ одной Италиі, но представители всѣхъ племенъ и народовъ стеклись на сегодняшній величайшій праздникъ столѣтія, и все новыя и новыя толпы прибываютъ и съ юга и съ сѣвера и съ запада и съ востока. Свѣозвѣ шумныя народныя массы послѣдно пробирается процессія представителей цеховъ: изъ квартала *Vicus Tuscus* фабриканты шелковыхъ матерій и золотыхъ дѣлъ мастера, предводимые ихъ старѣйшинами съ различными эмблемами и знаками сословныхъ отличій въ рукахъ. На перекресткѣ четырехъ улицъ они встрѣчаются съ баппачниками изъ *Аргилетума* и ветошниками изъ портика *Агриппы*; подъ звуки трубъ выходятъ также на священную дорогу (*Via Sacra*) и торговцы различными предметами роскоши, нагруженные дорогами товарами изъ своихъ магазинововъ, предназначаемыми въ подарокъ *Титу*. Съ презрѣніемъ смотрятъ они на своихъ меньшихъ братій изъ *Septa Julia*, которыхъ они непремѣнно хотятъ обогнать. *Forum Piscarium* выслалъ сюда рыбныхъ торговцевъ, а *Olitorium*—своихъ зеленщиковъ. Кондитеры въ фартукахъ и колпакахъ спѣшатъ отъ подножія *Палаціума*, опережая мясниковъ изъ *Аввилеума* и избѣгая всякаго общенія съ презрѣнными свинопасами изъ квартала *Юлійской Базилики* *).

Всѣ цехи несутъ жертвенные дары въ честь бога войны, *Марса*,—кто въ карзинкахъ, кто на листахъ, кто на носилкахъ: дичь, рыбу, зелень, хлѣбъ и плоды; медъ, яйца и овощи; шелкъ, ленъ, хлѣбныя зерна, вино и ко-

*) Триумфальная процессія всегда выходила съ *Марсова поля*, проходила черезъ триумфальную арку, *Velabrum*, *Circus*, *Maximus*, поднималась по Священной дорогѣ на *Форумъ* и останавливалась у храма *Юпитера Капитолійскаго*. Мѣста и порядокъ для всѣхъ принимавшихъ участіе въ процессіи были строго опредѣлены.

лосья; никто не хочет остаться неблагодарнымъ предъ великимъ богомъ войны.

Мельники, валяльщики съ своими хозяевами, въ башмакахъ и фартукахъ; арендаторы, сборщики податей и чиновники среди купцовъ, мѣняль и кліентовъ; патриціи на носилкахъ; плебеи въ поношенныхъ грубыхъ кафтаныхъ; ткачи, валяльщики изъ Веллабрума, судовладѣльцы изъ Эмпоріума, конководы съ Авентина— всѣ здѣсь смѣшались, каждый помѣстился, не разбирая, тамъ гдѣ пришлось. Стулъ лошадиныхъ копытъ, сѣриль повозокъ, слившійся съ криками народа, не прекращаются ни на минуту. По временамъ вся толпа останавливается, подобно тому, какъ останавливаются волны диваго горнаго потока, неожиданно стѣсненнаго на своемъ пути паденіемъ каменной глыбы. Всадники безцеремонно провадываютъ себѣ дорогу бичами, точно такъ-же, какъ рослые ливторы, идя впереди префектовъ. Евнухи и скороходы прилежно работаютъ кулаками, прочищая дорогу для своихъ господъ. Пыль густымъ облакомъ стоитъ надъ дорогой, не смотря на старанія мораторовъ *), то и дѣло поливающихъ улицы.

Но понемногу тѣснота и давка начинается. Кто не нашелъ еще удобнаго мѣста, тотъ долженъ быть доволенъ, если умѣстится гдѣ нибудь на столбѣ, на камнѣ или за небольшую серебряную монету заберется на плечи къ какому нибудь рослому нубійцу. Архитравы колоннъ, перила и выступы лѣстницъ, запоры у воротъ, сучья деревьевъ— все занято любопытными, и иной съ завистью поглядываетъ на голубей и ласточекъ, которыя усѣвшись гдѣ нибудь на cornice или на самомъ верху кровли, спокойно смотрятъ на этотъ хаосъ, господствующій внизу.

Блещущія роскошью и богатствомъ аркады Ливіи, ложи для знатныхъ римскихъ женщинъ, обвѣшенныя кам-

---

*) *Moratores* — невольники, на обязанности которыхъ лежала поливка улицъ.

кой и пурпуромъ сидѣнья въ портикѣ Октавіи — походить на Олимпъ среди колоннъ и балдахиновъ. Курильницы, бьющіе фонтаны, исполинскія амфоры, съ рѣдкими тропическими растеніями, идутъ веру́гъ ротонды, за которыми римскіе магнаты и богачи впереди всѣхъ будутъ наслаждаться зрѣлищемъ.

Богатыя наслѣдницы дворцовъ Авентина, Палатина, Эсвилина и Люперкала, углубившись въ свои шелковыя шитыя золотомъ подушки, хотятъ сегодня особенно блистать роскошью своихъ нарядовъ, бувально усыпанныхъ алмазами и всевозможными драгоцѣнными камнями и спорящими яркостью красокъ съ цвѣтомъ звѣзднаго неба, румянцемъ зори, синевою моря и бѣлизною только что выпавшаго снѣга. Покачивая въ тактъ веерами, красавицы охлаждають пылъ своихъ щекъ и умѣряють огонь взоровъ, невольно щуря отъ быстрого маханья свои глазки. Золотая пылъ блестяка и мельчайшія пылинки бѣлаго мрамора *), блестя въ волосахъ римлянокъ, заставляютъ казаться еще чернѣе ихъ и безъ того черныя, какъ смоль вьсы, пышно спускающіяся на плечи и грудь. Странно, но пріятно поражаютъ взоръ золотокудряя дочери сѣвера, которыя, сидя между римскими красавицами, походятъ на перлы среди углей. Кто возьмется перечислить имена всѣхъ этихъ очаровательницъ, собравшихся здѣсь?

Миловидныя дочери Карлины, Ламы и Коріолы; дочери Тертуллы, находящейся въ родствѣ съ императорскимъ домомъ; далѣе Домиціи и Флавіаны, Филиды и Корнелии, принадлежащія къ самымъ знатнымъ и древнимъ родамъ страны; гордыя жены Сильвы и Цереала и мн. др.; благородствомъ и прирожденнымъ достоинствомъ дышетъ отъ этихъ нѣжныхъ созданій природы; съ завистью смотрятъ на нихъ дамы средняго класса, на долю которыхъ выпадаетъ меньше привѣтствій, но нѣтъ недостатка въ насмѣшкахъ и острогахъ, слышащихся на ихъ счетъ изъ толпы.

*) Женщины пудрили себѣ волосы блестякомъ и истертымъ въ пылъ бѣлымъ мраморомъ.

Ложи всадниковъ и знати мало по малу наполняются. Безконечными привѣтствіями встрѣчаетъ народъ старѣйшихъ представителей фамилій при появленіи ихъ на трибунѣ. Несчетныя толпы слугъ и кліентовъ ихъ сопровождаютъ. Цвѣтъ римской аристократіи появляется сегодня во всемъ своемъ блескѣ.

Плающіе треножники между колоннъ храмовъ и галерей, трофеи изъ блестящаго непріятельскаго оружія, развѣвающіеся значки и ленты, дымящіеся алтари и курильницы, вѣнки на дверяхъ и воротахъ и усыпанныя розами мостовыя—придаютъ городу какой-то торжественный и величественный видъ.

Уже старѣйшины города, въ окаймленныхъ пурпуромъ тогахъ, съ лавровыми вѣтвями въ правыхъ рукахъ, вступили въ галерею Октавіи и заняли свои почетныя украшенныя слововой костью кресла. Робко и почтительно смотритъ на нихъ толпа, удерживаемая литорами въ приличномъ отдаленіи. Поднявъ на руки своихъ дѣтей, матери показываютъ имъ здѣсь Эмилию Муціана, тамъ Муція Руфа, далѣе Юлія Агриколу рядомъ съ сѣдобородымъ Валеріемъ Флаккомъ, дальше Люція Муціана Младшаго, Ацилія Ламу, Юлія Рустика, Гельвидія Присва, Маврика Сенекіона и Юлія Кара.

Толпа рвется въ триумфальной аркѣ: императрица Марція среди громкихъ привѣтствій народа, окруженная своимъ дворомъ и свитой, сейчасъ вошла въ ложу. Парча и шелковыя пурпуровыя матеріи, украшающія сидѣнье, исполинскія опахалы изъ страусовыхъ перьевъ, защищаютъ ее отъ солнца. Ея щеки пылаютъ, грудь порывисто дышетъ при видѣ восторженной толпы народа; у ея ногъ сидитъ придворный шутъ Фока и раздуваетъ огонь въ курильницѣ. Взоры всѣхъ устремлены на величественную фигуру супруги цезаря.

Высоко, почти на самой срединѣ неба, остановилась огненная колесница солнечнаго бога, и новая жизнь пробѣжала по жиламъ уже цѣлые часы терпѣливо ожидающихъ римлянъ; образовались шеренги, толпа раз-

ступилась, давая дорогу: привѣтствуемый звуками трубъ мѣрнымъ шагомъ идетъ высокій сенатъ, направляясь къ триумфальной аркѣ; шеи всѣхъ вытянулись, головы поднялись, заиграли военный маршъ, и городъ огласился громкими криками народа, возвѣщающими, что триумфъ начался. Ликторы съ трудомъ удерживаютъ толпу; народныя массы волнуются, какъ море, заключенное среди скалъ. Впередъ можно пробраться только силой. Крики о помощи и жалобныя стоны раздавленныхъ теряются среди гула восторженной толпы.

Не исчислить всѣхъ сокровищъ, которыя провозятся мимо насъ. Предметы роскоши и искусства всѣхъ непріятельскихъ провинцій, хранившіеся тамъ нѣсколько столѣтій и сдѣлавшіеся теперь добычей побѣдителя, наполняютъ триумфальныя колесницы, покрываютъ подіумы и тащутся по землѣ: вавилонскіе ковры, сирійскія покрывала, финикійскія шерстяныя ткани, персидскія матеріи, индійская парча, пурпуровыя занавѣси, биссусъ, понтійскія хлопчато-бумажныя ткани, очень страннаго вида и работы, запыленные, запачканныя и изодранныя, но все же свидѣтельствующія о процвѣтаніи искусства и промышленности у поверженныхъ народовъ; наложенныя въ нѣсколько рядовъ на повозки искрятся и блестятъ на солнцѣ священныя покрывала изъ храма Сіона, подавляя своею тяжестью нагруженныхъ ими животныхъ; по верхъ лежатъ кубки, вазы, чаши и другіе священныя и жертвенныя сосуды, похищенныя съ алтарей. Ничего не осталось у несчастнаго Израиля, кромѣ разграбленныхъ храмовъ, оскверненныхъ святынь и разоренныхъ городовъ!

Бто оцѣнить дорогую ношу муловъ и поклажу запряженныхъ четверками колесницъ, кто сосчитаетъ, сколько оружія и доспѣховъ, какія груды мѣдныхъ изваяній, статуй и слоновой кости были провезены предъ глазами изумленныхъ римлянъ? Вырывается крикъ изумленія при видѣ провозимыхъ тамъ корзины, наполненныхъ золотыми монетами, шестовъ, гнущихся подъ тяжестью вѣн-

ковъ, цѣпей и драгоценныхъ украшеній. За ними идутъ носильщики съ титулами *) въ рукахъ, на которыхъ означено количество добычи. Но народъ почти не обращаетъ вниманія на ихъ монотонные крики: не число, но богатство и блестящій видъ награбленныхъ предметовъ интересуется его.

Но что означаютъ эти возобновившіеся крики? На что устремлены глаза всѣхъ? Что такъ сильно взволновало толпу? Изъ общаго хаоса, представляемаго процесіей, выдѣляются исполинскія темныя массы слоновъ и безобразныхъ верблюдовъ, привезенныхъ побѣдителями изъ далекихъ восточныхъ странъ и выведенныхъ сегодня на показъ. Украшенные дорогими дорсаліями, покрывалами и поясами, они несутъ на своихъ спинахъ различныя произведенія востока: шелкъ, шерсть, масло, коренья, занимая уллицу почти во всю ширину. Цѣлая толпа улличныхъ дѣтей бѣжитъ за ними слѣдомъ, не спуская глазъ съ этихъ неуклюжихъ и смирныхъ животныхъ; рядомъ съ ними мѣрными шагами выступаютъ ихъ жожаки, черныя косматыя нубійцы. Не меньше любопытства въ зрителяхъ возбуждаютъ и показавшіеся вслѣдъ за слонами и верблюдами свирѣбые обитатели пустынь на цѣпяхъ и въ клеткахъ, столь цѣнимые любителями кровавыхъ зрѣлищъ: черногривые месопотамскіе львы, гирванскіе тигры, гіены изъ Оксуса, пантеры изъ Аравіи, рыси, медвѣди, дикіе ослы и лошади съ желѣзными кольцами, продѣтыми въ ноздри. Глаза утомились, но еще не насытились; языки и глотки у всѣхъ пересохли, щеки и лбы покраснѣлись, но для зрителей много еще любопытнаго осталось впереди. Ни голодъ, ни жажда, ни зной, ни утомленіе не заставятъ римлянъ отказаться отъ зрѣлища, ибо какоѡ другое можетъ замѣнить сегодняшнее?

Провезены уже сокровища храма, груды золота и

---

*) Titulus—мѣдная доска на шесть, на которой означалось количество награбленной добычи.

весь хаосъ прочей добычи, прошли животныя, пронесены статуи и мѣдныя изваянія, проѣхали мимо колесницы и повозки съ ихъ возницами.

Вслѣдъ за всѣмъ этимъ, среди движенія живыхъ стѣнъ народа, настоящій лѣсъ изъ тропическихъ растений, усвоившая своимъ мирнымъ видомъ взволнованныя страсти зрителей. Всевозможные представители растительнаго царства востока, посаженные въ серебрянные сосуды, проносятся на красиво убранныхъ носилкахъ. Цѣлая странствующая роща изъ различныхъ бустарниковъ и деревьевъ съ цвѣтами и плодами наполняютъ воздухъ ароматами: тутъ мы видимъ румяный плодъ вишни, миндаль, оливки, понтіійскіе каштаны, яблоки, айвы съ береговъ Крита, александрійскіе стручки изъ Аскилона; тутъ же и краснощекіе плоды персикового дерева изъ Колокассіи, за ними виднѣются абрикосовыя деревья изъ Арменіи; дальше фисташки съ береговъ Инда; за ними сочныя дыни съ Оксуса, якартскіе лимоны и мидійскія фиги;— всё это среди свѣжей зеленой листвы и благоухающихъ цвѣтовъ. Напоследокъ проносятся возбуждающіе общее удивленіе исполинскіе древенные стволы, вырубленные въ дѣвственныхъ, еще не початыхъ тогда, лѣсахъ Азіи.

Послѣ этого невиданнаго, великолѣпнаго зрѣлища предъ глазами зрителей потянулась жертвенная процессія, составляемая непремѣнную принадлежность всякаго торжества. Какъ невыносимо медленно выступаетъ бѣлый жертвенный быкъ, вскормленный на тучныхъ пастбищахъ Клитумна и разжирѣвшій до безобразія! навѣшенные на него покрывала и различныя металлическія украшенія дѣлаютъ бѣдное животное еще неуклюжѣе.

Еще болѣе, чѣмъ ѣдущіе за ними жрецы съ своими одѣтыми въ красныя одежды помощниками, мучаютъ несчастное животное пыль, жажда и тучи мухъ, забивающихся ему и въ ноздри и въ уши.

Величественной поступью шествуетъ за своей жертвой Pontitex Maximus съ ложкой, топоромъ и опахаломъ. Больше по привычкѣ, чѣмъ изъ дѣйствительнаго уваже-

нія, преклоняется передъ нимъ толпа, въ душѣ вѣроятно желавшая, чтобы провадилась въ преисподнюю и быль и *ronitex* со всѣмъ Олимпомъ, растаявшимъ безконечными рядами вдоль улицы.

Развѣвающіяся на листахъ картинки съ изображеніемъ завоеванныхъ народовъ и различныхъ эпизодовъ минувшей войны, почти не обращаютъ на себя вниманія толпы. Громкіе звуки трубъ и роговъ, раздавшіеся послѣ монотоннаго пицанья умолившихъ наконецъ флейтъ жрецовъ, дали новую жизнь толпѣ, утомленной случнымъ видомъ религіозной процессіи.

Какъ магнитъ притягиваетъ желѣзо, такъ привлекло на себя взоры всѣхъ появленіе героев дня. Увѣнчанные лавровыми вѣнками съ масляничными вѣтвями въ рукахъ слѣдуютъ за своими вождями, покрытые славой воины, всадники и пѣхотинцы, рослые, закаленные въ битвахъ люди, мужественнѣйшіе и храбрѣйшіе изъ всего войска. Суровый мотивъ военной пѣсни, смѣшанной съ насмѣшками и остротами отзывается стократнымъ эхомъ въ толпѣ. Одинъ сына, другой брата или друга, считавшихся уже умершими, узнаетъ въ рядахъ храбрецовъ и высоко вздымается отъ радости грудь римлянина при видѣ героев. Не мало рубцовъ скрыто подъ лаврами и ранъ подъ гладкой жестью панцыря. Какъ восторженно встрѣчаются сегодня всѣ эти легаты, трибуны, префекты и центуріоны:

— Пенаты привѣтствуютъ васъ, Лабій, Мавриль, Фестъ! слава вамъ, Андій, Траксъ, Патеркулъ и Квинтъ, Муріонъ и Кай! Въ воздухѣ машутъ платки, виднѣются сотни приподнятыхъ рувъ; гордые вои храпятъ и бьютъ копытами усыпанную розами землю. Въ промежуткахъ между вогортами появляются повозки, нагруженные тяжелыми снарядами балистовъ, катапультовъ и осадныхъ машинъ; земля дрожитъ подъ ихъ тяжестью.

Толпа становится все возбужденнѣе и возбужденнѣе.

Слившіеся въ одинъ неопредѣленный гулъ крики напоминаютъ и паденіе скалъ и раскаты грома.

Но что это? это уже не крики восторга, нѣтъ! это крики ярости и озлобленія!

Пусть сильнѣе гремятъ трубы и рога, пусть громче звѣнятъ цимбалы и литавры: приближаются сыны Израиля въ цѣпяхъ и оковахъ! Народъ нельзя больше удержать, страсти въ полномъ разгарѣ. Люди превратились въ свирѣпыхъ животныхъ.

Окруженные конной стражей, длинными, мрачными рядами тянутся плѣнные, скованные по рукамъ и ногамъ.

Сѣдовласые старцы и юноши въ черныхъ таларахъ, съ головами, посыпанными пепломъ съ опущенными къ землѣ взорами проходятъ черезъ триумфальную арку, это исполненное ярмо, устроенное имъ высокомѣрнымъ побѣдителемъ. Унизительнымъ и обезпеченнымъ вошелъ этотъ нѣбогда гордый и сильный народъ въ стѣны Рима. Первосвященникъ Симонъ-Баръ-Гиорасъ ѣдетъ на ослѣ, съ желѣзнымъ кольцомъ на шеѣ; его тяжелыя желѣзныя оковы свѣсались по бокамъ животного. Въ безсильномъ озлобленіи, Симонъ сжимаетъ кулаки, посылая проклятія мучителямъ. Слѣдомъ за нимъ ѣдетъ согнувшійся подъ бременемъ лѣтъ и перенесенныхъ страданій, его боевой товарищъ Іоаннъ Гишала, старѣйшина іудейскій. Осыпаемые насмѣшками и бранью толпы, открываютъ они собою печальную процессію плѣнныхъ, въ цѣпяхъ и оковахъ, среди бдительной стражи, потянувшихъ безконечными рядами по усыпанной розами мостовой. Ихъ черныя талары изодраны; ихъ платье, подвязанное желѣзными цѣпами вмѣсто поясовъ, въ пыли и грязи. Босые, съ непокрытыми головами, съ растрепанными волосами, совершенно чернаго, краснаго или серебристаго цвѣта,—всѣ они носятъ на себѣ слѣды пережитыхъ душевныхъ и физическихъ страданій; но изъ ихъ сжатыхъ устъ не вырывается ни одного стона, ни одной жалобы, на глазахъ не видать ни одной слезинки, никто не облег-

часть вздохомъ стѣсненной груди. Молча, опустивъ глаза къ землѣ, идутъ они своимъ тернистымъ путемъ, среди ливующей и доведенной до изступленія толпы.

Вонъ Ардавъ Идумеянинъ; рядомъ съ нимъ Финеасъ, казначей Иерусалимскаго храма, вмѣстѣ съ зелотомъ Баръ-Созомъ, дальше Исусъ-Баръ-Фебутисъ, Ананія, Элеазаръ изъ Беезоба съ Ефремомъ, Ионофаномъ и Алексомъ, ихъ храбрыми сыновьями. За ними Малахія-Гуда, сынъ Мертонна, скованный цѣпью съ Симономъ-Баръ-Ари, Абесанъ и Ахіалонъ, завулониты; Аббонъ, Суризадаи, Аннанія и Тефтай изъ Гарзиды, храбрѣйшіе и отважнѣйшіе изъ сыновъ Израиля.

Въ облакахъ пыли, поднимающейся тутъ и тамъ отъ копытъ лошадей проходятъ потомки царскаго рода, Изатенды, взятые въ плѣнъ послѣ отчаяннаго сопротивленія. Царскіе вѣнцы сняты съ ихъ головъ. Горе имъ! тяжкое наказанье понесли они за свои грѣхи! При видѣ ихъ дикое злородство овладѣваетъ римлянами, разразившимися бранью и проклятіями. Толпа рвется впередъ, каждый хочетъ подойти ближе къ плѣнникамъ. Стража едва въ состояніи сопротивляться напору. Съ взорами, выражающими глубокое презрѣніе, съ вѣрѣпо заменутыми устами пробираются несчастные царственные юноши сквозь толпу, не выдавая ни однимъ мускуломъ лица ѣдкую боль, раздирающую грудь.

Трижды опутанъ цѣпями силачъ Набатаи, тяжелая рука котораго не мало римскихъ мечей раздробила на мелкія части.

Дико развѣваются черные локоны вокругъ безбородаго лица прекраснаго Захарія-Баръ-Каина изъ Берита, который, несмотря на свою молодость, съ толпою подобныхъ себѣ храбрецовъ, какъ извѣстно, выдерживалъ нападеніе цѣлаго римскаго легіона. Симонъ-Кафма, Симонъ-Баръ-Аринъ, Гадіель-Ахіоръ, окруженные семьюстами поробощенныхъ сыновъ Израиля, слѣдуютъ въ безмолвіи за своими соотечественниками. Только оковы, ударяясь о мостовую, звучатъ въ тактъ ихъ шагамъ. Ни одного

слова состраданія, ни одного знака, выражающаго участіе. Нѣтъ! лишь чувство злобы и вражды выражаютъ лица зрителей. Чтобы переполнить до верху чашу страданій этихъ несчастныхъ, за ними ведутъ ихъ матерей, сестеръ, женъ, также связанныхъ по рукамъ и ногамъ: сѣдовласыхъ старухъ, больныхъ и слабыхъ; молодыхъ жонъ, похищенныхъ отъ семейнаго очага, дѣвушекъ, едва вышедшихъ изъ дѣтства. Завутанныя въ черныя покрывала идутъ онѣ, орошая землю своими слезами, отъ жары, усталости и перенесенныхъ страданій многія падаютъ въ изнеможеніи, но суровая брань и удары стражи заставляютъ ихъ снова приподниматься, собрать остатокъ силъ и волочить дальше свои тяжелыя оковы.

Римскія красавицы, расположившись на устланныхъ коврами трибунахъ, играютъ своими веерами, жемчужными ожерельями и весело смѣются, лакомятся различными сластями, наслаждаются благовоніемъ, разпространяемымъ золотыми и хрустальными флакончиками и любуются довно-желаннымъ зрѣлищемъ, которое представляетъ процессія плѣнныхъ іудейскихъ женщинъ. Что имъ за дѣло до Сарей и Мелхи, которыя лишились всѣхъ своихъ семерыхъ сыновей и теперь, ослѣпленныя, идутъ впереди триумфальной колесницы! Развѣ трогаетъ ихъ участь дочерей Еши, похоронившихъ подъ развалинами Сіона своихъ мужей, братьевъ и сыновей. Гуманныя чувства не доступны изящнымъ римскимъ дамамъ. Суровая участь несчастныхъ служить для нихъ забавой и случаемъ пощеголять своими нарядами. Внизу Вала, Васемаа, Суэ, Агарь, Махелеа въ пыли и грязи, вверху надъ ихъ головами—Плотилла, Ритія, Оцелла, Мись и Клавдія въ пурпурѣ и шелку. Израиль и Римъ, униженіе и могущество! можно-ли сопоставить болѣе рѣзкія противоположности?

Всѣ новыя и новыя толпы проходятъ: вонъ Тамна Мектабель, Дина, Цетура, Агарь, Азелиа и много—много другихъ. Какъ блѣдны ихъ лица и красны глаза отъ слезъ! Медленно, для того, чтобы какъ можно продолжить стра-

данія жертвъ и удовольствіе зрителей тянется безконечная процессія, останавливается или заворачивается, чтобы пробраться сквозь толпы зрителей, которые, издѣваясь надъ самыми святыми чувствами человѣка, стараются увеличить и словомъ и дѣломъ страданія несчастныхъ. Женщины и дѣти бѣгутъ за ними, осыпая ихъ всевозможными ругательствами и насмѣшками.

Но вотъ опять появляются носилки, обруженныя хоромъ музыкантовъ съ флейтами и трубами. Но не на сокровища храмовъ, не на золотые столы, семисвѣчники и пурпуровыя завѣсы будутъ любоваться римляне, нѣтъ, показались уже носильщики съ изображеніемъ богини Побѣды, предшествующіе самому триумфатору; уже слышится ржаніе бойкихъ коней триумфальной колесницы; вѣнки тучами летать къ верху и громкими криками восторга оглашается воздухъ. Герой дня приближается на своей кубкообразной колесницѣ *), въ пурпуровой тогѣ и съ золотымъ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ.

— Слава Титу, побѣдителю, отцу отечества, слава, слава ему!

Всѣ подмостки и турбины внезапно рушатся подъ ногами неистово шумящей толпы. Раздавленные дѣти, сбитыя съ ногъ женщины, опрокинутые треножники — ничто не удерживаетъ хлынувшей къ колесницѣ толпы. Шествіе остановилось, ибо толпа, бросившаяся на встрѣчу, загородила дорогу. Титъ блѣденъ и взволнованъ. Признавательнымъ взоромъ отвѣчаетъ онъ на привѣтствія. Рядомъ съ нимъ верхами ѣдутъ, раздѣляя почести, Флавій Веспасіанъ, его отецъ, и Титъ Домиціанъ, братъ его.

Возпользовавшись этимъ замѣшательствомъ и оставкой процессіи, Домиціанъ быстро отъѣзжаетъ отъ

*) Триумфаторъ ѣхалъ, стоя на колесницѣ, нѣющей видъ кубка, которая запрягалась четверкой лошадей. На головѣ у него былъ лавровый вѣнокъ. Богато украшенную драгоценными камнями золотую корону (согона аугеа), держалъ надъ его головой стоявшій сзади невольникъ.

триумфальной колесницы и, прорываясь съ трудомъ черезъ толпу, добирается до идущихъ впереди процессіи плѣнныхъ. Глазами, пылающими страстью, ободить онъ ряды плѣнницъ: Іезавель, прекрасная дочь Іоанна Гишала, зажгла эту бурную страсть въ его груди. Вотъ онъ открылъ свою жертву. Его конь касается уже ея одежды. Іезавель вздрогнула и отступила предъ его дикимъ взглядомъ. Быстро накинувъ покрывало на свое прекрасное лицо, она скрывается отъ своего свирѣпаго обожателя.

Но Дамиціанъ скорѣе ободренный этимъ, чѣмъ смущенный, перекидывается нѣсколькими словами съ однимъ изъ стражи, и горячій конь опять несетъ его черезъ толпу; взранные и сбитые имъ съ ногъ зрители, раздражаются проклятіями и бранью. Никто, конечно, не замѣтилъ испуга еврейки при приближеніи всадника? Никто не слышалъ словъ Домиціана, обращенныхъ имъ къ стражѣ? Но вонъ Фока спрыгиваетъ съ своего подіума, сидя на которомъ онъ зорко слѣдитъ за происходившимъ и все время не спускалъ глазъ съ Домиціана; придворный шутъ сразу догадался о его намѣреніяхъ. Прокравшись чрезъ толпу, онъ подошелъ къ Іезавели и нагнувшись къ смертельно перепуганной женщинѣ, шепнулъ ей на ея родномъ языкѣ:

— Господь Израиля бодрствуетъ!

Онъ скрылся въ одной изъ сосѣднихъ улицъ, и между тѣмъ какъ процессія подъ дребезжащій звукъ роговъ направилась въ *Circus Maximus*, Фока спѣшитъ къ Целію и оттуда чрезъ городскія ворота выходитъ за городъ. Когда черезъ нѣсколько времени онъ присѣлъ отдохнуть, изъ города донеслись до него громкіе крики народа, Фока вздрогнулъ... онъ понялъ, что означаютъ эти крики: «первосвященникъ іудейскій, Симонъ-Баръ-Гіорасъ казненъ».

Воспныя игры.

Какъ рѣка, разлившаяся послѣ бури, далеко затопившая сосѣднія нивы и медленно возвращающаяся опять въ свои берега, когда пройдетъ буря, такъ теперь, по окончаніи торжества, толпы народа медленно расходились во все стороны, наполняя кабаки, съѣстные лавочки и таверны или отправляясь на Марсово поле, гдѣ устроено даровое угощеніе для народа.

Солдаты, бывшіе почетной свитой триумфатора, спѣшатъ за городъ въ свой лагерь. Титъ обѣщалъ имъ сегодня устроить игры и военный праздникъ и раздать награды отличившимся въ минувшей войнѣ. Напѣвая пѣсни и размахивая оружіемъ, приходятъ они въ свои палатки, богато украшенныя флагами; здѣсь привѣтствуютъ ихъ оставшіеся въ лагерьѣ товарищи - новобранцы, которые не могли раздѣлить съ ними почестей дня. Предъ пурпуровой палаткой главнокомандующаго пылаютъ многочисленные жертвенники, гдѣ горятъ кости принесенныхъ въ жертву богу Марсу животныхъ; вокругъ нихъ стоятъ орлы и другіе военные значки; густой дымъ разносится отъ нихъ по долинамъ. Вправо и влево отъ палатки командира, идутъ кожанныя солдатскія палатки. Обитые желѣзомъ полисады окружаютъ валъ и рвы, за которыми мирно пасутся въючныя животныя.

Затрубили сигнальные рожен и въ рядахъ палатокъ началось движеніе. Всадники и центуріоны съѣзжаются въ палаткамъ трибуновъ, чтобы узнать лозунгъ и получить приказанія на нынѣшнюю ночь: даже во время мира военная дисциплина была необыкновенно строга.

При свѣтѣ заходящаго солнца солдаты въ разсыпанную, кто какъ попало, чрезъ Декуманскія ворота отправились въ сосѣднюю долину, которая, съ окружающими ее небольшими высотами, представляетъ какъ-бы устроенное самой природой ристалище; пестрыми рядами располо-

жилося войско на лужайкахъ. Далеко выдающіяся впередъ подошвы возвышенностей быстро украсились изображеніями боговъ, захваченныхъ изъ лагеря и трофеями, состоящими изъ отнятаго у непріятеля оружія. Лавочки и столы продавцевъ, обильно снабженные виномъ и прохладительными напитками, скоро осаждаются толпами покупателей. Подъ тѣнистымъ столѣтнимъ дубомъ распорядители послѣдно укладываютъ пувлинаръ императора и его полководцевъ; стволъ дерева украшаютъ щитами и оружіемъ, а на его вѣтвяхъ развѣшиваютъ бычачьи кожи для защиты отъ солнца. Возлѣ самаго ристалища стоятъ заволенные въ битвахъ триаріи, за ними бораріи, и еще неопытные, молодые ассенсі, въ племахъ и латахъ; дальше велиты съ звѣриными шкурами на головахъ, вмѣсто шапокъ, смѣшавшіеся съ сагиттаріями и фаренталіями изъ отряда стрѣльцовъ; наконецъ *cinicularii* *), и лагерная прислуга. Безконечные ряды головъ виднѣются направо и налево. Тутъ есть и варвары, такъ какъ въ лагерѣ остались только очередные на своихъ постахъ. Въ толпѣ зрителей слышенъ сдержанный говоръ, напоминающій шумъ вѣтра въ верхушкахъ деревь.

Но вотъ загремѣли рога, шеи вытянулись, руки у всѣхъ поднялись, слышится звонъ оружія: это Титъ, виновникъ сегодняшняго торжества, приближается къ войску, окруженный центуріонами и трибунами.

Громкими, восторженными криками привѣтствуютъ его воины, когда онъ садится на свою устланную драгоцѣнными шкурами скамейку. Снова дымятся алтари, сожигая трупы жертвенныхъ животныхъ.

Предводимые центуріонами, особенно отличившіеся воины подходятъ къ цезарю и получаютъ изъ его рукъ, кто почетное кольцо, кто украшеніе въ шлему или цѣпь на шею, всадники получаютъ фалеры и «почетныя копья». (*hastae purgae*). Затѣмъ Титъ благодаритъ всѣхъ

*) *Cinicularii* дѣлали подкопы. Они составляли вѣчто въ родѣ нашихъ минныхъ отрядовъ.

вообще и, поднавшись съ своего мѣста, даетъ знакъ къ началу игрѣ.

На восточной сторонѣ ристалища рѣшетки сняты, слышится военная музыка букцинаторовъ и въ отворенныя ворота быстро въѣзжаетъ сотня римскихъ всадниковъ и столько же варваровъ. Они быстро облетаютъ ристалище. Мягкая лужайка стонетъ подъ ударами копытъ. Всадники скачутъ, большею частію лежа на своихъ коняхъ, всячески подстрекая ихъ; но никто еще не выигралъ: римляне обогнали, но варвары догоняютъ ихъ и теперь противники другъ отъ друга лишь на длину лошади. Только красные гребни римскихъ шлемовъ да свѣтлые султаны варваровъ развѣваются на вѣтру. Много разъ уже объѣхали арену: «Впередъ Сципіонъ, Мавръ, впередъ, Нигръ, Цестъ, Анзеръ! кричатъ одни. «Не робѣйте, Милонъ, Калкаръ, Коттъ! долой варваровъ!» кричатъ другіе. Всѣ притаили дыханіе... всадники послѣдній разъ объѣзжаютъ кругъ; римляне впереди; за ними слѣдомъ ихъ противники. Наѣзники такъ сильно пришпориваютъ бѣдныхъ животныхъ, что кровь, смѣшавшись съ потомъ, бѣжитъ съ ихъ спинъ, и подобно лавинѣ несутся они къ намѣченной цѣли.

Какая сила могла бы остановить эту безумную скачку? Земля дрожитъ, ничего кромѣ облаковъ пыли и, по временамъ, развѣвающихся значковъ не видитъ глазъ и не можетъ различить, кто выигрываетъ, свой или врагъ. Сидящіе ближе къ цѣли въ страшномъ лихорадочномъ напряженіи всплескиваютъ руками, машутъ платками и кричатъ лошадей по именамъ.

Вдругъ раздался крикъ: «Побѣда! римляне побѣдили!» Толпа разразилась дикимъ восторженнымъ воплемъ; звуки роговъ огласили сосѣдніе холмы и долины.

Медленно подъѣзжаютъ къ сидѣнью цезаря, покрытые пылью и потомъ побѣдители; и деньгами и лаврами награждаетъ ихъ щедрый Титъ. Бѣдія насмѣшки и остроты сыплются на побѣжденныхъ, которые, срежесца зубами, повидаютъ арену.

Ивовые плетни въ ростъ человѣка, поставленные съ большими промежутками другъ отъ друга, глубокіе и широкіе рвы, наполненные горящимъ хворостомъ, совершенно измѣняютъ картину. Почти не дожидаясь, въѣзжаютъ на арену знаменитые маврскіе наѣздники; размахивая копытами и съ воемъ, который испугалъ бы, пожалуй, волковъ, быстро объѣзжаютъ они уставленную различными преградами арену. Смѣлыми прыжками перескакивали черезъ рвы, рѣшетки и пылающій хворостъ. Кажется, ни что не въ состояніи удержать этихъ отважныхъ коней и ихъ наѣздниковъ, и зритель почти не знаетъ, кого ему больше хвалить, лошадь или всадника. Управляя такъ искусно лошадьми, мавры въ тоже самое время то бросаютъ копы въ цѣль, разлетающуюся въ щепки отъ ихъ меткихъ ударовъ, то сшибаютъ шлемъ съ шеста, то пускаютъ острымъ топоромъ въ дерево такъ сильно, что кора широкими кусками летитъ съ него прочь. Римляне никогда еще не видали такой силы и такого искусства, изумленіе овладѣваетъ присутствующими, оглашающими воздухъ громкими криками одобренія, служащими для недавно еще всѣми презираемыхъ варваровъ едва-ли не болѣе пріятной наградою, чѣмъ какіе—нибудь почетные подарки.

Въ то время, какъ войны готовятся къ новымъ играмъ, Титъ обходитъ ряды своихъ храбрецовъ, которые цѣлуютъ полы его тоги и осыпаютъ его восторженными привѣтствіями.

Но пауза продолжается не долго: выступаетъ манипула тяжелооруженныхъ римскихъ воиновъ, въ шлемахъ и панцыряхъ, съ мечами и круглыми щитами, и стройнымъ маршемъ подъ звукъ рожковъ проходитъ мимо полатки цезаря. Выполняя различные военные артикулы, они то какъ будто вызываютъ врага, то собираются въ кучу, какъ-бы готовясь встрѣтить натискъ, то, наконецъ, съ громкимъ воинственнымъ крикомъ устремляются впередъ, представляя, такимъ образомъ, весьма оживленное зрѣлище. На западной сторонѣ слышенъ звукъ

роговъ: это врывается конница, и передніе ряды воиновъ быстро опускаются на колѣни, средніе наклоняются, задніе твердо стоновятся на своихъ мѣстахъ и всѣ, прикрывшись щитами, ожидаютъ нападенія конницы. Подобно исполинской черепахѣ, выставлая нападающимъ со всѣхъ сторонъ одну гладкую поверхность щитовъ, фаланга стоитъ непоколебима, какъ кименная стѣна. Всадники скучиваются, насканивая цѣлыми массами, но ноги лошадей скользятъ по гладкому панцирю. Вдругъ этотъ четырехугольникъ разсыпается, точно ледъ подъ теплыми лучами весенняго солнца и слышится только грескъ ударовъ мечей о щиты и доспѣхи. Еще разъ мѣняется картина: на сцену являються легко-вооруженные стрѣльцы; съ ними вступаютъ въ состязаніе метатели копій, *hastati*, поражающіе зрителей своей необыкновенной меткостью.

Обитатели горъ сѣвера, Ретійцы, прислали сюда храбрѣйшихъ изъ своихъ сыновъ. На невздвужданныхъ лошадяхъ со шкурами вмѣсто сѣделъ, вооруженные только ножами и копьями, вѣвзаютъ они на арену. Кому это кричать они на своемъ варварскомъ нарѣчій? Едва-ли обращаются они къ людямъ — такъ страшны ихъ тѣлодвиженія. Быки, самыя свирѣпыя изъ боевыхъ животныхъ, выпускаются на арену. Дивіе обитатели горъ неустрашимо устремляются на нихъ, размахивая копьями и цѣлясь арканами. Быки, опустивъ головы, съ глухимъ ревомъ, встрѣчаютъ врага, и иной копь падаетъ съ пропоротымъ брюхомъ за мертво на землю, прежде чѣмъ острая сталь всадника успѣетъ вонзиться въ загорбокъ животнаго. Описывая длинную дугу, свиститъ въ воздухѣ свинцовый шарикъ на шнурѣ и три и даже четыре раза обвивается вокругъ могучей шеи быка; всадникъ поварачиваетъ коня и, сильно потянувъ арканъ, валитъ быка на землю, затѣмъ ударъ копьемъ въ лѣвый бокъ, и животное больше не встанетъ. А всадникъ съ ловкостью рыси вскакиваетъ на другаго быка, схватываетъ его за рога и, упершись колѣнами, сидитъ какъ прикованный, на спинѣ

животнаго. Напрасно бьетъ трясеть своей головой, напрасно бьетъ направо и налѣво своимъ сильнымъ хвостомъ! Отважный важдникъ, какъ клещъ, впился ему въ шею; дважды обѣгаетъ животное съ своей тяжелой ношей вокругъ ристалища. Кто видя подобную отвагу, не счель-бы смѣльчака погибшимъ? Но вотъ Ретіецъ беретъ свой ножъ и сильной рукой вонзаетъ его въ шею быка. Прекрасное животное падаетъ, пораженное на смерть, а побѣдитель поднимаетъ надъ головой своей окованный влинокъ.

Изумленіе овладѣваетъ зрителями, и ихъ крики смѣшиваются съ ревомъ издыхающихъ животныхъ.

Нѣсны нѣсны.

Отложила въ сторону прекрасная танцовщица свой барбитонъ, лиру и плектрумъ. Съ своего мягкаго ложа въ бивлиніумъ встаетъ отуманенный винными парами Домиціанъ, бросаетъ свой кубокъ и игральныя кости въ уголъ комнаты и, вырвавшись изъ объятій красавицы, — поспѣшно выходитъ наружу, въ сопровожденіи, раба съ фавеломъ въ рукахъ, ждавшаго уже нѣсколько часовъ у воротъ виллы. Путники сходятъ съ Яникула, направляясь къ тому мѣсту Тибра, гдѣ черезъ него можно переходить въ бродъ. Легкая плоскодонная лодка быстро переноситъ ихъ на другую сторону рѣки. Густая ночная темнота лежитъ надъ Палатиномъ, Авентиномъ и Форумомъ. Городъ спитъ. По узкимъ, пустыннымъ улицамъ ведетъ опытный невольникъ своего господина къ городской тюрьмѣ, Туллиануму, примыкающему своей задней стороной къ большому аввадуку. Нѣсколькими бѣглыми словами обмѣнивается онъ съ сторожами, и оба путника безпрепятственно входятъ внутрь зданія.

Ни на минуту не можетъ сомкнуть глазъ Іезавель, прекрасная дочь Іоанна Гишалы: мысль объ ужасахъ предыдущаго дня, жаръ и духота смрадной тюрьмы бесплодно гонять отъ нея сонъ. Согнувшись, сидитъ она у

ногъ своего старика—отца, который въ лихорадочномъ бреду, будить образы недавняго прошлаго:

«Какъ потемнѣло золото, — едва внятно бормочетъ онъ: какъ измѣнился его прекрасный цвѣтъ! Разбросанными валяются камни святыни на всѣхъ углахъ улицъ.»

«Господь излилъ свой гнѣвъ, и огонь, возженный въ Сионѣ, разрушилъ его основанія.....»

Такъ въ болѣзненномъ жару говорилъ Иоаннъ Гипала, между тѣмъ какъ Іезавель, прижавъ въ камнямъ свое прекрасное лицо, мочила слезами тюремный полъ.

Блескъ факеловъ внезапно освѣтилъ мрачные своды. Іезавель подняла глаза; крикъ ужаса вырвался изъ ея усть: кровь у ней застыла въ жилахъ... въ эту минуту предъ нею стоялъ Дамиціанъ! Отталкивая его отъ себя обѣими руками, она прячется за постель лежащаго въ безпамятствѣ отца; Домиціанъ бросается за нею, обнимаетъ, хочетъ повалить... Вдругъ стройное пѣніе оглашаетъ тюрьму: то приговоренные въ смерти іудеи запѣли свои величавые священные гимны.

Какъ вкопанный, стоитъ сынъ цезаря, опираясь о колонну, поддерживающую сводъ: волшебные звуки проникли въ глубь его зачерствѣлой души, смутили и сковали его, какъ цѣпами! Но вотъ звуки мало по малу умолкають, Домиціанъ опомнился и, какъ дикій звѣрь, освободившійся отъ оковъ, бросился прочь отъ прекрасной еврейки, которая, выправившись во весь ростъ и простирая руки, преслѣдуетъ бѣглеца долгимъ пронизательнымъ взглядомъ. Закрывши лицо, съ проклятіями выбѣгаетъ онъ вопъ, а тюрьма огласилась снова торжественнымъ пѣніемъ.

— На слѣдующую ночь придутъ опять, злобно бормочетъ онъ, выходя.

Іезавель падаетъ на колѣни и схватываетъ за руку своего отца, который мало по малу приходитъ въ сознание и наконецъ приподнимается съ своего ложа.

— Что съ тобой, дочь моя? твои руки дрожать и холодны, какъ ледь.

— Домицианъ былъ здѣсь, когда ты спалъ, отецъ. Мой языкъ не поворачивается, чтобы сказать тебѣ, что замышлялъ онъ. Но священныя пѣсни нашего народа смутили его и не дали повергнуть новый позоръ на голову дочери Сіона. Завтра ночью онъ придетъ опять, но твоя дочь не переживетъ завтрашняго дня. Спасай, отецъ, свой несчастный народъ, а дочери тебѣ ужъ не спасти!.. такъ говоритъ Іезавель, и слезы стыда и отчаянія крупными каплями катятся изъ ея прекрасныхъ, темныхъ, какъ ночь, глазъ.

Старикъ закрылъ лицо своей исхудалой рукой и, схватившись за голову, проговорилъ:

— Уже ли еще мало позора обрушилось на мою сѣдую голову? Нѣтъ! пусть лучше эти своды упадутъ и похоронятъ меня подъ своими развалинами, восклицалъ онъ въ отчаяніи, и впиался ногтями въ известку стѣны.

Вдругъ камни и цементъ посыпались къ его ногамъ, стѣна какъ будто разступилась, свѣжій прохладный вѣтерокъ пахнулъ въ лицо плѣннику, и чрезъ образовавшуюся нишу, согнувшись, ползло какое-то маленькое уродливое существо. Это былъ придворный шутъ Фока. Платье на немъ все мокрое. Онъ только что вышелъ изъ аквадука, чрезъ который долженъ былъ идти въ бродъ. Въ страхѣ отступаютъ отъ него плѣнники, но Фока говоритъ, успокаивая ихъ:

— Господь Израиля бодрствуетъ; Онъ слышалъ стоны ваши и сдѣлалъ меня орудіемъ вашего избавленія отъ тюрьмы и мученій. Іоаннъ Гисала! Я Фока изъ Цезареи, твой соплеменникъ и пришелъ служить тебѣ. Знай, что васъ ожидаетъ позорная смерть на пескѣ арены; но чтобы помѣшать презрѣннымъ слугамъ Ваала насладиться видомъ вашей смерти и пришло въ сюда. Съ разсвѣтомъ придутъ сюда палачи Тита за вами. Скорѣй, скорѣй отсюда! слѣдуйте за мною и вы будете свободны.

Фока опять хочетъ войти въ стѣнную щель и тащить за собою обонхъ плѣнниковъ, но Іезавель заступаеъ ему дорогу:

— Нѣтъ, Фока, спаси прежде моего отца, а я останусь здѣсь, чтобы обмануть стражу. Меня, слабую женщину, пощадят римляне. Только поклянись, Фока, исполнить мою послѣднюю просьбу: ни одинъ членъ моего тѣла не долженъ быть принесенъ въ жертву презрѣнному Домиціану.

Фока снова зажегъ свою маленькую лампу, и оба они, шутъ и священникъ, исчезли въ стѣнномъ отверстіи и скоро вошли въ сресис, маленький боковой каналъ аквадука. Они должны идти согнувшись и по колѣни въ водѣ. Капли, падающія со сводовъ, оканчивали ихъ, какъ дождемъ, и Фока принужденъ былъ постоянно закрывать рукою пламя лампы, чтобы оно не погасло. Черезъ отверстія въ верху путники ясно слышали шумъ пробуждающагося города, и когда они съ великимъ трудомъ достигли, наконецъ, выхода изъ канала, то первый лучъ новаго дня уже освѣтилъ семиходную столицу. Іоаннъ Гисала глубоко вздохнулъ и, упавъ на землю, бормоталъ благодарственную молитву Богу своихъ отцовъ. Онъ направилъ шаги свои на востокъ, а шутъ исчезъ опять подъ сводами аквадука. Въ третій разъ совершилъ Фока благополучно этотъ опасный путь, но когда вошелъ въ тюрьму Іезавели, то она была пуста! вмѣстѣ съ другими плѣнными дѣвушками увели уже въ Флавійскій театръ. Въ изнеможеніи Фока опустился на полъ темницы. Въ эту минуту вошли солдаты, которые искали бѣжавшаго священника. Не найдя никого кромѣ Фоки, они взяли его и связаннаго повели на Форумъ.

— Іегова будетъ моимъ заступникомъ! тихо бормоталъ онъ, ковляя среди солдатъ.

Жертва

Золотая колесница солнечнаго бога уже достигла зенита, а Фока еще въ преторіумѣ и все еще ждетъ своего приговора.

Наконецъ подъ стражей отсылають его во дворець цезаря. Вопрошающимъ взоромъ взглядываетъ онъ еще разъ на солнце и переступаетъ хорошо знакомый ему порогъ императорскаго дворца, сопровождаемый сотнями любопытныхъ.

Упавъ къ ногамъ своего повелителя, несчастный тотчасъ сознается въ преступномъ содѣйствіи побѣгу іудейскаго священника.

— Въ Беритскомъ лагерѣ, говоритъ онъ потомъ, лежалъ Титъ больной и былъ близокъ къ смерти. Осмыслить своими милостями обѣщаль онъ того, кто спасетъ ему жизнь. И такъ Титъ еще въ долгу предъ своимъ вѣрнымъ рабомъ, который валяется теперь въ пыли у его ногъ.

— Встань, Фока — кротко отвѣчаетъ ему Титъ. Ты долженъ быть свободенъ; но бѣги отсюда, не медля. Отъ ярости народной не спасетъ тебя даже моя власть.

Фока поднимаетъ руки въ знакъ просьбы.

— Что хочешь ты еще?

— Титъ! единственная дочь того священника томится въ тюрьмѣ, вмѣстѣ съ своими единоплеменницами. Взгляни сюда, на мою переломленную ногу. Сдѣлай ихъ свободными! и шутъ и цезарь съ этого времени будутъ квиты.

— Многого желаешь ты, Фока, но пусть будетъ по твоему. Титъ не передъ кѣмъ не хочетъ быть неблагодарнымъ. Возьми это кольцо и письмо. Они откроютъ двери тюрьмы для еврейки, но скорѣе вонъ изъ стѣнъ Рима! римляне никогда не простятъ тебѣ, что ты лишилъ ихъ столь интереснаго зрѣлища. Бѣги, Фока! слышишь этотъ вой нетерпѣливой толпы?

Дрожащей рукою беретъ Фока кольцо и письмо у императора, прячетъ то и другое въ складки своего кушака и хорошо знакомыми ходами чрезъ заднія ворота и садъ идетъ торопливой поступью къ Флавійскому театру. Чтобы сократить путь, онъ скоро свернулъ въ одну узкую боковую улицу. Посрединѣ ея протекаетъ мутный

бѣловатый ручей, въ который справа и слѣва втекаютъ струйки такой же мутной жидкости. Онъ былъ въ кварталѣ *валльцинокъ*. Изъ отворенныхъ дверей ему вездѣ кланяются, «вуда»? «зачѣмъ»? сыплются вопросы, но онъ не имѣетъ времени отвѣчать на нихъ, такъ какъ день клонится къ вечеру, и еврейка давно уже ожидаетъ...

Вдругъ на встрѣчу ему попадается толпа пьяныхъ солдатъ; схватившись за руки, они перегородили всю улицу. Чтобы не встрѣтиться съ ними, Фока спрятался за дверь сосѣдняго дома, но его скоро замѣтили.

— Что дѣлаешь ты здѣсь, старый кротъ? грубо допрашивала его обступившая ватага — или подкарауливаешь насъ?

— Ахъ, нѣтъ! любезнѣйшіе; пропустите меня, пожалуйста, я иду навѣстить одну опасно больную.

— Хорошо! но пусть будетъ свидѣтель Марсъ, что ты не пройдеши безъ выкупа.

— Охотно бы далъ его, но у меня нѣтъ съ собой ни квадранта; смотрите сами! и онъ выворотилъ поясъ; хранившееся тамъ кольцо императора (въ испугѣ Фока о немъ совершенно забылъ) — повалилось на мостовую, предательски звеня.

— Клянемся Стиксомъ! онъ носитъ на тѣлѣ драгоцѣнные камни—кричали солдаты;—конечно стануль гдѣнибудь, но все равно! Теперь мы можемъ идти въ заведеніе госпожи Сузы, а онъ лишается свободы по собственной винѣ и пусть ее заслужить.

Пьяная толпа тащитъ несчастнаго за собою и приручиваетъ къ ближайшему столбу.

— О Иезавель! стонетъ бѣднякъ. Иегова! повели не двигаться солнцу, чтобы могъ я сдержать свое обѣщаніе.

Со смѣхомъ начинаютъ солдаты бросать въ него мелкой мѣдной монетой, цѣлясь въ голову и въ шутку называя эту забаву «Palagia» *), Монеты бьютъ не-

*) Palagia—собственно военное упражненіе, состоявшее въ метаніи копья въ доску, имѣвшую видъ человѣческой фигуры. Потомъ такъ стала называться и игра въ монеты.

счастливаго по головѣ и по лицу и отскакивая падаютъ ему на грудь. Весь затылокъ покрылся шишками, кровь течетъ изъ рта и носа.

Насытившись до сыта, мучители наконецъ отпускаютъ свою жертву. Очувившись на свободѣ, шутъ пошелъ къ ручью, омылъ кровь съ рукъ и лица, затѣмъ отеръ свои окровавленные дорого доставшіяся монеты, и, взглянувъ на заходящее солнце, торопливой походкой пошелъ дальше, спѣша довести до конца начатое имъ святое дѣло.

Больше никто не задерживалъ его; да и трудно его было бы узнать: до такой степени изуродовали ему солдаты голову и лицо. Еще нѣсколько шаговъ, и онъ у тюремныхъ воротъ Флавійскаго театра.

— Пропустите меня! закричалъ онъ стражѣ, но карательные заградили ему дорогу. — Вотъ письмо императора; я долженъ видѣть еврейку.

— Я не умѣю читать, отвѣчалъ солдатъ — если у тебя нѣтъ ничего другаго, чтобы могло отпереть дверь тюрьмы, то ты не пройдеши туда.

— Да, да! кольцо Тита, быстро вскричалъ Фока и сталъ шарить въ кушакѣ. Ахъ, несчастье! опомнился онъ потомъ, вѣдь его унесли солдаты. Но у меня есть деньги, деньги! вотъ, другъ, возьми эти монеты и пропусти меня.

Дорого доставшіяся деньги посыпались въ шлемъ караульнаго, онъ отступилъ, давая дорогу, и Фока по желѣзнымъ ступенямъ лѣстницы сталъ послѣшно спускаться внизъ, въ тотъ самый моментъ, когда солнце погасло за горизонтомъ.

У тюрьмы, гдѣ была заключена Изавель, онъ останавливается и нѣсколько разъ называетъ ея имя; отвѣта нѣтъ. Въ страхѣ онъ громче и громче повторяетъ свой зовъ, ощупывая руками въ темнотѣ. Но ни малѣйшаго признака живаго существа. Онъ бѣжитъ назадъ, схватываетъ лампу съ стѣнной ниши и обыскиваетъ всѣ углы темницы... Онъ въ ужасѣ остолбенѣлъ! на полу у сво-

ихъ ногъ онъ увидѣлъ прекрасную еврейку недвижно лежащую... лице было блѣдно, ротъ полуоткрытъ, вокругъ шеи была опутана трижды ея длинная коса. Она наложила на себя руки, избравъ орудіемъ добровольной смерти собственные волосы! Слишкомъ поздно пришелъ онъ! Еще нѣсколько минутъ тому назадъ она была жива, но послѣдній лучъ солнца унесъ съ собою и ея послѣдній вздохъ. Фока упалъ на колѣни, нагнулся и поцѣловалъ ея холодный лобъ.

— Иезавель! клянусь Богомъ отцовъ нашихъ—я не забылъ о тебѣ, но судьба переступила мнѣ дорогу. Прости меня, но я невиненъ передъ тобой! такъ бормоталъ Фока и крупныя слезы падали изъ его глазъ на трупъ дѣвушки.

— «Ни одинъ членъ моего тѣла ни при жизни, ни послѣ моей смерти не долженъ достаться въ жертву презрѣнному Домиціану» — вотъ было послѣднее завѣщаніе Иезавели.

Фока быстро приподнялся, сносилъ въ кучу солому изъ всѣхъ угловъ и тростникъ, взвалилъ на верхъ тюремную деревянную скамью и на устроенный такимъ образомъ костеръ положилъ трупъ еврейки, облилъ всю кучу масломъ изъ бывшего съ нимъ ящика съ мастиками и поставилъ лампу. Сухая солома быстро вспыхнула. Упавъ на землю, Фока схватилъ блѣдную руку Иезавели, обвилъ свои колѣни ея волосами и прильнулъ къ ней. А пламя уже охватило костеръ.

Въ эту минуту снаружи послышались шаги и голоса. Историческій смѣхъ вырвался изъ устъ Фоки:

— Спѣши, Домиціанъ! иди скорѣе взять ее! пробормоталъ его высохшій языкъ...

Огонь заключилъ въ свои страшныя объятія ихъ обоихъ... Густой смятъ задушилъ послѣдній вздохъ несчастнаго, онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и... жертва была принесена.

Морское сраженіе.

52 г. по Р. X.

Мotto: „Vae victis“!

Остія.

«Клавдій *) — ты кровожадный палачь,
Клавдій — ты царства подземнаго пещь,
Проклятье тому, кто тебя произвелъ,
Проклятіе той, что носила тебя!

Эту пѣсню сложили и стали распѣвать римскій народъ, когда суровымъ повелителемъ его довольно уже было пролито крови и всаднической, и сенаторской.

*) Тиберій Клавдій, дядя Калигулы, провозглашенъ императоромъ послѣ смерти племянника въ 41 г. по Р. X. Это былъ свирѣпый идиотъ, подверженный припадкамъ бѣшенства, любившій однакожь въ непродолжительныя минуты спокойствія заниматься науками. Онъ всегда былъ игрушкой нѣсколькихъ своихъ любимцевъ-отпущенниковъ, которые завѣдывали и судомъ въ государствѣ, и высшими государственными должностями, раздавая послѣднія за деньги. Первая его супруга была извѣстная Мессалина; ее онъ велѣлъ умертвить. Во второй бракъ Клавдій вступилъ съ Агриппиной, матерью Нерова, которая въ 54 г. отправила своего мужа на тотъ свѣтъ, поднеся ему ядъ; послѣ чего императоромъ былъ провозглашенъ посышокъ Клавдія, Неронъ. Клавдій прославилъ свое царствованіе двумя колоссальными предпріятіями: устройствомъ гавани въ Остіи и спускомъ воды изъ Фунтинскаго озера съ помощью туннеля, надъ прорытіемъ котораго трудилось 30,000 человекъ въ продолженіи 11 лѣтъ. При теперешнихъ усовершенствованіяхъ въ технику ту же работу могли бы выполнить 21 человекъ въ 9 мѣсяцевъ! Передъ спускомъ воды Клавдій устроилъ на озерѣ невиданное до тѣхъ поръ для римлянъ зрѣлище—сраженіе между двумя флотами, съ 10,000 человекъ экипажа; они почти всѣ погибли въ этой битвѣ, которая и служитъ темой нашему разсказу.

И гдѣ ни появлялся императоръ и на Форумѣ, и на улицахъ всюду раздавалась эта пѣсня.

Чтобы не слышать ее, Клавдій удаляется въ Остію, въ свой загородный дворецъ.

Здѣсь на роскошномъ Тиренскомъ берегу сидитъ теперь по цѣлымъ днямъ, безцѣльно устремивъ глаза въ даль, этотъ идиотъ, это уродливое чудовище среди окружающей гармоніи и красоты.

Нигдѣ такъ хорошо, какъ въ лавровыхъ рощахъ Лациума, не пропоетъ соловей свою пѣсню любви, нигдѣ съ такимъ, какъ здѣсь, трудолюбіемъ не воцопатся и не работаютъ пчелы и міриады другихъ насѣкомыхъ въ душистыхъ чашечкахъ цвѣтовъ.

Гладкая, какъ зеркало, темноглубая поверхность моря убѣгаетъ въ необозримую даль. Дельфины и летучія рыбы безопасно рѣзвятся поверхъ воды, не подстерегаемые невидимымъ врагомъ и не тревожимые шумомъ весла. Чайки и рѣзвые ласточки бороздятъ воздухъ, то и дѣло купая въ теплыхъ волнахъ свои крылья.

Взоръ императора мраченъ, верхняя губа у него какъ-то странно приподнята; голова тяжело свѣсилась на грудь...

Онъ здѣсь въ той-же Остіи, гдѣ прежде, въ его молодые годы, Эмилиа Лепида, Плавта Ургуланила, Ливія Медулина, послушными рабынями лежали у ногъ его, нашептывая льстивыя, ласковыя рѣчи, гдѣ любимцы его Феликсъ, Гарпократъ, Нарциссъ и Палласъ учили его искусству повелѣвать и готовили изъ болѣзненного юноши орудіе для своихъ низкихъ, корыстныхъ цѣлей.

«Клавдій, ты кровожадный палачъ!» по прежнему звучитъ у него въ ухахъ, и онъ въ безпокойствѣ ворочается изъ стороны въ сторону на своихъ мягкихъ подушкахъ, въ раздраженіи бросаетъ песокъ и дресву въ сосѣдній кустарникъ, чтобы распугать чирикающихъ тамъ птичекъ, бьетъ концомъ своей тоги мухъ, жужжащихъ вокругъ него — давить золотистаго жучка, который ползетъ вонъ по песку... вѣдь, ему ненавистна гармонія жизни, которая здѣсь го-

сподствуетъ, ему противенъ этотъ миръ въ природѣ, этотъ покой, котораго давно уже нѣтъ въ его груди!

Въ эту минуту случайно взглянувъ внизъ, онъ видитъ на пескѣ какую-то суетню и движеніе: танущаяся по землѣ черная лента приковываетъ его вниманіе, и блѣдныя черты его вдругъ измѣняются; эта лента — цѣлыя когорты муравьевъ. Они ползутъ возлѣ его ногъ по бѣлому песку, перелезаютъ черезъ вѣтки, листочки, цвѣтки, которые, перѣгораживая дорогу, представляютъ маленькимъ животнымъ тысячи препятствій на ихъ трудномъ пути; но неутомимо идутъ впередъ маленькіе путешественники. За вожаками — воинами слѣдуютъ цѣлыя мириады крылатыхъ самокъ и муравьевъ-работниковъ, несущіе свои свѣтло-желтыя яички и имущество — стебельки и соломенки: муравьиный мірокъ переселяется на новыя жилища.

Императоръ нѣсколько времени смотритъ на маленькихъ переселенцевъ, потомъ вдругъ вскрикиваетъ: — «Здѣсь есть жизнь, жизнь... ее нужно уничтожить, и дикая страсть въ истребленію овладѣваетъ всѣмъ его существомъ. Онъ топчетъ ногами и сталкиваетъ беззащитныхъ насѣкомыхъ въ неглубокую у берега воду, но которая будетъ бездонной пучиной для бѣдныхъ животныхъ; вода дѣлается черной отъ множества въ страхѣ кружащихся по поверхности ея насѣкомыхъ; маленькіе звѣрки бьютъ крыльями, ножками, цѣпляются другъ за друга, стараясь выкоробаться на берегъ. Но тщетно! серебристая волна дальше и дальше отбрасываетъ ихъ отъ него. Въ страхѣ насѣкомыя цѣпляются за стебельки и листочки, разбросанные зефиромъ по водяной поверхности, но маленькія суденышки не выдерживаютъ ихъ тяжести, и погружаются вмѣстѣ съ ними.

Съ злорадствомъ продолжаетъ суровый десногъ свою забаву, наслаждаясь страхомъ бѣдныхъ насѣкомыхъ, мутить своей тростью воду, усиливая волненіе, и давить ногами тѣхъ, которымъ удалось выползти на берегъ.

— Сегестъ! ты пришелъ очень кстати, говоритъ онъ, увидавъ своего любимца-евнуха, принесшаго ему теплый

плащъ для вечера,—ты ничего не замѣчаешь тамъ въ водѣ?

— Ничего, государь, отвѣчалъ тотъ, но знаю, что отъ вечерней сырости ты опять получишь кашель.

— А тамъ, Сегестъ? продолжалъ спрашивать Клавдій, не поднимая глазъ на собесѣдника,—посмотри, какая борьба кипитъ здѣсь и тамъ за жизнь,—какъ кружатся галеры изъ листочковъ, черные бойцы хватаютъ красныхъ, цѣпляются за листы и тонутъ вмѣстѣ съ ними. Смотри, Сегестъ! къ нимъ идутъ бѣлые на помощь. Ба! на лѣво тонетъ цѣлая куча разомъ. Еще одна минута и—смотри же, Сегестъ, продолжаетъ цезарь, все болѣе и болѣе воодушевляясь, наклоняя къ землѣ изумленнаго раба и самъ становясь на колѣни, чтобы лучше наблюдать. Видишь, какъ маленькіе пловцы захлебываются одинъ за другимъ. Сегестъ! о чемъ задумался ты? Какъ ты находишь, хорошо-бы, если-бъ тамъ вмѣсто муравьевъ были люди и вмѣсто этихъ суденишекъ изъ листьевъ настоящія галеры, и я бы могъ распоряжаться ими, и утопить ихъ потомъ всѣхъ, какъ теперь муравьевъ, пригласивъ предварительно на это зрѣлище моихъ римлянъ. Воображаю, въ какой неистовый восторгъ пришелъ бы народъ! Право, не придумаешь лучшаго средства для того, чтобы заставить этихъ несчастныхъ забыть свою проклятую пѣсню! Сами боги внушили мнѣ эту мысль, Сегестъ! Да, да! я сдѣлаю это! запру спускъ изъ Фуцинскаго озера, остановлю воду и, когда озеро наполнится съ краями, отопру всѣ римскія тюрьмы и темницы, дамъ свободу рабамъ, грабителямъ, убійцамъ, соберу толпы голодныхъ кліентовъ и всю праздную и бездомную сволочь въ городѣ, и прикажу имъ всѣмъ участвовать въ представленіи. Ты будешь тоже въ числѣ зрителей, Сегестъ! Какъ теперь муравьевъ, такъ хочу утопить въ волнахъ озера всѣ эти многотысячныя толпы и, клянусь Нептуномъ, ни одинъ не выйдетъ отсюда живой. Эта морская битва, битва такая, какой никогда еще не слышалъ Римъ, будетъ записана кровью на его стѣнахъ, и

вѣсть о ней разнесется по всѣмъ концамъ вселенной. На этомъ зрѣлищѣ въ опьяненіи отъ восторга римляне забудутъ свою любимую пѣсню, и это вѣрно такъ же, какъ то, что я императоръ—такъ говорилъ Клавдій, все болѣе и болѣе воспламеняясь. Глаза его блестя, щеки покрылись яркимъ румянцемъ, у рта показалась пѣна. Морская битва! и весь Римъ будетъ приглашенъ сюда! слышишь-ли ты, Сегестъ? уже въ изступленіи кричить несчастный идиотъ, ворчася и изгибаясь въ отвратительныхъ судорогахъ.

Безродные.

— Нашъ идиотъ поправляется; боги какъ будто снова возвратили ему разсудокъ! такъ толкуютъ уже съ недѣлю изумленные римляне. Сумазбродная идея большаго, возникшая у него въ Остіи, получила теперь опредѣленный образъ и близка къ осуществленію. Едва-ли какой-нибудь государственнй актъ, реформа могли приобрѣсти такое участіе и возбудить такъ любопытство, какъ возбуждаютъ намалеванныя красной краской и изукрашенные корабельными носами афиши на углахъ улицъ, колоннахъ и портикахъ храмовъ, гласящія о имѣющей произойти наумахія, которой не видалъ Римъ уже со времени Августа, наумахія со всѣми ея ужасами и жестокостями, такъ нравящимися простому народу. Неудивительно поэтому, что повсюду въ городѣ, на улицахъ и площадяхъ, во всѣхъ кабакахъ и лавчонкахъ, только и рѣчи было, что о предстоящемъ зрѣлищѣ. Даже прекратились обычные толки о постановленіяхъ сената, и замокъ ропотъ на чрезмѣрное возвышеніе налоговъ и податей.

Къ большому удовольствію народа въ афишѣ было сказано, что всадническое сословіе и знать не будутъ допущены на зрѣлище, одинъ простой народъ долженъ присутствовать на представленіи, и всѣ, даже самый

бѣднѣйшій классъ будетъ имѣть тамъ мѣсто и право голоса. Мало того, афиша гласитъ, что за зрѣлицемъ послѣдуетъ даровое угощеніе для народа, и, по возможности, подъ навѣсомъ для защиты отъ солнца, и многія другія увеселенія. Афиши буквально осаждены народомъ, и перечитываются едва ли не по сту разъ, а кто не грамотенъ, тому услужливые сосѣди съ удовольствіемъ рассказываютъ и объясняютъ содержаніе заманчивыхъ объявленій. Всѣ спѣшатъ въ мѣстамъ, гдѣ вывѣшены афиши, потому что каждый, не довѣря слухамъ, хочетъ удостовѣриться самъ, своими собственными глазами.

Полное прощеніе преступленій, большая награда и выдача впередъ задатковъ, обѣщаны тѣмъ, кто захочетъ принять участіе въ битвѣ, и люди, которыхъ императоръ называлъ «своими муравьями», со всѣхъ сторонъ съ необыкновенной поспѣшностью стекаются на его зовъ.

Изъ мрачныхъ колумбаріевъ Апіевой дороги выходятъ человѣческія существа, которыя, какъ совы, боятся свѣта и проводятъ день въ темныхъ подземельяхъ, чтобы ночью выйти на свой преступный промыселъ. Подземные своды термъ и цирка, лупанаріи и клоаки выслали своихъ мрачныхъ обитателей... Отперты тюрьмы и опустѣли скамейки на галерахъ. Нищіе, бурлаки, носильщики тяжестей, воры и убійцы и весь этотъ грязный, покрытый лохмотьями и незнакомый съ трудомъ людъ, котораго не мало въ вѣчномъ городѣ,—а также оштрафованные слуги, бѣглые солдаты, скрывавшіеся отъ кары правосудія, радуясь возможности теперь избавиться отъ нея, толпами бѣгутъ записываться къ вербовщикамъ. Рабы съ галеръ, борцы и фехтовальщики приходятъ цѣлыми тысячами съ предложеніемъ своихъ услугъ. Изъ Капуи, Равенны и Путеолы толпами идутъ гладіаторы, соскучившіеся своей бездѣтельностью и надеющіеся стяжать теперь новыя лавры. Императорскія галеры, по повеленію ихъ высокаго хозяина, отсылаютъ на готовящееся представленіе остатокъ своихъ солдатъ и офицеровъ. Такимъ образомъ ничего не жалѣли, что-

бы сдѣлать зрѣлище достойнымъ его учредителя и придать ему наибольшій блескъ и пышность. Въ харчевняхъ по городскимъ предмѣстьямъ торговля оживилась необыкновенно, такъ какъ полученный задатокъ расходуется весьма щедро, и трактирщики никогда еще не получали лавныхъ хорошихъ барышей. И неудивительно, если они забыли теперь извѣстную пѣсенку про императора, стали величать его любимцемъ народа и другомъ человѣчества.

Съ наступленіемъ вечера эти «безродные» съ клеймомъ на лбу и плечахъ, какъ бы вычернутые изъ числа людей, *pullum caput habentes* т. е. неимѣющие человѣческой личности, веселые съ пѣснями идутъ на встрѣчу ожидающей ихъ участи.

Что можетъ огорчить, опечалить этихъ людей, не знавшихъ въ жизни ничего, кромѣ горя и лишеній? Да едва ли испугаетъ ихъ самая смерть, которой не разъ ужъ имъ приходилось смотрѣть прямо въ глаза!

И не зная, что ждетъ ихъ впереди, они идутъ, распѣвая отвратительнымъ хоромъ:

„Клавій—ты кровожадный палачъ!
Клавій—ты царства подземнаго пещь!“

Всѣ улицы, гдѣ они проходятъ, оглашаются тысячекратнымъ эхомъ этой пѣсни. Окруженные стражей, тянутся они, звеня цѣпами, рядъ за рядомъ, по направленію къ Марсову полю.

Римляне стоятъ у дверей своихъ домовъ, съ любопытствомъ смотря на это рѣдкое зрѣлище, подаютъ безроднымъ мелкую монету и хлѣбъ, и кричатъ имъ «еуо», привѣтствіе, которымъ народъ встрѣчаетъ обыкновенно лишь героевъ.

Процессія миновала Велабрумъ и кварталъ Тибра, и каторжанники вступили на Марсово поле. Здѣсь императоръ приготовилъ для «своихъ муравьевъ» въ послѣдній разъ угощеніе. Здѣсь каждый изъ этихъ несчастныхъ можетъ еще разъ поѣсть и попить на общественный счетъ. Но вѣтъ на Марсовомъ полѣ ни левтижь, ни покры-

тыхъ столовъ, и приготовленныя кушанья и напитки далеко не отличаются изяществомъ и разнообразіемъ: вбиты въ землю колья; на нихъ постланы доски, окрашенныя въ бѣлую краску; вмѣсто стакановъ на этомъ импровизованномъ столѣ стояли глиняныя кружки; большія чашки съ крупной солью; для каждаго положено по три фунта хлѣба и по куску жестяго, сухаго мяса.

Приглашенные на этотъ пиръ усѣлись на стоящихъ вокругъ стола скамейкахъ, какъ кому удобнѣе и какъ позволяли кандалы, кто верхомъ, кто полулежа, сидя къ столу бокомъ и подпирая голову рукойъ съ засученными до локтя рукавами. Большинство гостей въ рваныхъ лохмотьяхъ: на обнаженномъ тѣлѣ виднѣются таинственныя синія черточки — мистическіе знаки, которые будто бы предохраняли отъ бѣды всякаго, кто ихъ имѣетъ. На ихъ блѣдныя, изтомленныя лица голодъ и нужда положили неизгладимую печать...

Ихъ грязныя пальцы скоро принялись съ жадностью теревить хлѣбъ и, омывнувъ его въ соль, съ необыкновенной поспѣшностью совать въ ротъ. Зубы принялись за работу, только слышно, какъ потрескиваетъ между ними песокъ, попадая вмѣстѣ съ хлѣбомъ. Поданный на первое блюдо кисель, запивается глоткомъ кислаго вина, и въ ожиданіи втораго пирующіе затыгиваютъ свою любимую пѣсенку:

„Главдій—ты кровожадный палачъ!“

стуча ногами и барабана по столу, такъ что вся посуда на немъ пляшетъ.

Между тѣмъ повара приносятъ изъ устроенной тутъ же по близости печи большой котелъ съ дымящейся похлебкой. «*Menſa ſecunda!*» (вторая смѣна) въ шутку называютъ похлебку гости императора и, вооружившись ерючьями, вылавливаютъ изъ похлебки мясо. Нѣкоторымъ счастливымъ достается печень, легкое и другіе лакомые куски, но не многимъ удастся достигъ таинственнаго дна въ котлѣ. Затѣмъ приносятся *torunda*, медовыя лепешки, которыми и заканчивается обѣдъ.

Вдругъ въ толпѣ начинается движеніе, всѣ при-
встаютъ, оглядываются. На золотыхъ носилкахъ среди
многочисленныхъ кліентовъ и слугъ появляется импера-
торъ, пожелавшій лично посѣтить «своихъ муравьевъ.»
Едва увидѣли его ваторжники какъ сразу, точно по
командѣ, грянула отовсюду ихъ старая любимая пѣсня:

Клавдій—ты кровожадны плачъ,
Клавдій—ты царства подземнаго песѣ!

Цезарь улыбается, машетъ имъ рукой въ знакъ своего
благоволенія, а между тѣмъ у самаго вся кровь заки-
пѣла отъ ненавистной пѣсни, отъ которой—онъ теперь
видитъ—не удастся ему отучить своихъ муравьевъ.

— До свиданія на купанья, несчастные крикуны!
шепчетъ онъ, отдавъ приказаніе нести себя прочь.

На Фуцинскомъ озерѣ.

На востокъ отъ Рима идетъ дорога къ болотамъ.
Размоченная вчерашнимъ дождемъ, она сдѣлалась почти
непроходимой, и тянущіеся по ней проѣзжіе въ повоз-
кахъ, запряженныхъ лошадьми и мулами, тонуть въ грязи.
Уже нѣсколько дней по этой дорогѣ совершается что-то
въ родѣ переселенія. Устроенные на ней постоялые дворы
принимаютъ нынче небывалое число посѣтителей. У кого
есть какой нибудь экипажъ, тотъ можетъ рассчитывать
сегодня на хорошій заработокъ. Многимъ путь даль-
ній, а между тѣмъ всѣ повозки, какія только были въ
Римѣ, весь вьючный скотъ, даже быки собраны у го-
родскихъ воротъ, нагружены багажемъ, людьми и го-
товы отправиться въ путь, къ озеру на устраивающіяся
тамъ зрѣлища. Но значительную часть путешественни-
ковъ составляютъ пѣшеходы, такъ какъ многие изъ нихъ не
въ состояніи были платить возвышенной провозной платы
и, однакожъ, не хотѣли отказать себѣ въ удовольствіи
быть на зрѣлищѣ.—Путешественники представляютъ со-

бой весьма интересную картину переселенія въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Колеса вязнуть въ грязи, и часто цѣлый рядъ повозокъ останавливаетъ какое нибудь сломавшееся колесо или дышло, или упавшій и бьющійся на землѣ мулъ. На ночной пріютъ рассчитывать нельзя, пріѣхавшіе раньше наполнили всѣ постоялыя дворы, даже сквирды на поляхъ даютъ сегодня пріютъ проезжимъ.

Кто не запасся съѣстными припасами дома, тому придется голодать всю дорогу, такъ какъ на пути ничего нельзя достать. Проселочныя дороги, пересѣкающія справа и слѣва большую, доставляютъ новыя толпы путешественниковъ и еще больше увеличиваютъ господствующій тамъ хаосъ.

Съ большимъ трудомъ достигаютъ наконецъ путешественники береговъ Фудинскаго озера, гдѣ ихъ очень любезно встрѣчаетъ давно ожидавшій ихъ цезарь. Если изорвано въ клочки на нихъ платье и изранены, и обиты ноги, то что до того? они достигли цѣли своего путешествія, и завтра насладятся давно и страстно ожидаемымъ зрѣлищемъ. Они ложатся теперь на лужайкѣ, забывъ о трудностяхъ дороги.

Какъ измѣнилось все здѣсь! На пустынныхъ незадолго передъ тѣмъ и уединенныхъ берегахъ горнаго озера, гдѣ одни серны и олени сходились на водопой, гдѣ рѣдко ступала нога человѣческая, гдѣ рѣчныя птицы укрывали въ камышѣ и кустахъ свои гнѣзда, да цапли и аисты, стоя на своихъ длинныхъ ногахъ, ловили въ озерѣ рыбу, тутъ повсюду теперь бѣжитъ жизнь и дѣятельность. Вокругъ озера идутъ высокія въ два этажа галлерей, съ красивыми башенками съ юга и сѣвера, съ ложами, балконами и выступами, съ многочисленными сидѣньями, украшенными арками, сводами, колоннами, отражающимися въ зеркальных водахъ озера, спорящими съ лучшими мраморами бѣлизной и блескомъ отдѣлки. Архитравы увѣнчаны морскими чудовищами, искусно сдѣланными вазами съ змѣевидными ручками и дельфинами на гребнѣ, выбрасываю-

щими струи воды. Съ бруствера свѣшиваются тяжелыми складками ковры, украшенные кистями и богатой вышивкой, блестящими на солнцѣ, какъ золото. Глиняныя изображенія боговъ закрываютъ ниши между колоннами. Спускъ изъ озера уже нѣсколько недѣль, какъ запертъ, воды остановились и поднялись, и по озеру уже свободно могутъ плавать самыя большія галеры. Здѣсь нѣтъ, какъ на аренѣ горячаго и блестящаго песку, затрудняющаго дыханье и ослѣпляющаго глаза. Темно—голубая поверхность воды распространяетъ пріятную прохладу, и глазъ видитъ на ней, какъ въ зеркалѣ, отраженными все зданіе и безчисленную толпу зрителей.

Прибывшіе изъ Рима гости поторопились еще съ вечера занять лучшія мѣста и не мало не заботятся о томъ, что придется ночь провести безъ сна.

На востокѣ—едва еще брезжится, а ужъ всѣ скамьи и сидѣнья вокругъ озера заняты многочисленными зрителями и зрительницами.

Здѣсь нѣтъ сословныхъ различій и не видно ни савонниковъ въ бѣлыхъ тогахъ, ни ликторовъ, нахально разгоняющихъ народъ. Нѣтъ всадническихъ ложъ, не видно даже тѣснящихся впередъ голодныхъ кліентовъ, которые бывають всюду, гдѣ можно льстить и подлизываться. Напрасно даже вы стали бы искать представителей жреческаго сословія, обыкновенно, по требованію обычая, не пропускающихъ ни одного общественнаго зрѣлища, ни одного собранія. Безъ жертвоприношеній, священныхъ обрядовъ и ауспицій происходитъ сегодня представленіе, попирая такимъ образомъ наслѣдованныя отъ предковъ и освященные законами обычай страны.

Сегодня царствуетъ народъ и даетъ тонъ всему, и могучъ онъ въ сознаніи своего достоинства! Ни окаймленныхъ пурпуромъ, шелковыхъ матерій, ни діадемы, ни перловъ не видно въ ложахъ, и не пахнетъ въ воздухѣ благовонными эссенціями. Здѣсь видишь варишневые, голубые, сѣрые кафтаны, простые, головные наряды и

фартуки. Атмосфера пропитана запахомъ пота, жира, лука и чеснока.

Валяльщики въ бѣлыхъ фартукахъ и также бѣлыхъ чисто-вымытыхъ шапкахъ рѣзко отличаются отъ своихъ неопрятныхъ сосѣдей, и составляютъ здѣсь что-то въ родѣ всадническаго сословія. Обращаютъ на себя вниманіе и сидящіе среди мельниковъ, пекарей и трактирщиковъ ювелиры, отличающіе своимъ праздничнымъ нарядомъ, дорогими золотыми перстнями и цѣпочками, взятымъ ими на этотъ день изъ своихъ-же магазиновъ.

По повелѣнію императора солдатамъ было выдано впередъ жалованье. По правую и по лѣвую руку цѣлыми манипулами расположились въ ложахъ: Hortati, principes, triarii въ форменномъ платьѣ, велиты, съ волчьими шапками на головахъ — сагиттаріи, ферентаріи, стрѣлки, пращники. Своими пестрыми костюмами и блестящими доспѣхами они придаютъ всей картинѣ весьма любопытный и своеобразный характеръ. Говоръ, крикъ, смѣхъ, пѣніе, свистъ—все смѣшивается въ одинъ неопредѣленный гулъ, напоминающій и жужжанье пчелъ и шумъ отдаленнаго водопада. Нельзя найти мѣста и случая болѣе удобнаго для римлянъ обмѣняться своими мыслями, чувствами, новостями, какъ здѣсь во время длинныхъ часовъ ожиданія.

Здѣсь каждый, кто платитъ каковой нибудь налогъ, считалъ себя въ правѣ громко и открыто разсуждать о порядкахъ въ государствѣ, и о его главѣ. Всѣ, воспользовавшіеся гостепріимствомъ цезаря, были равны, и одинаково всѣ господа и своихъ словъ, и своихъ дѣйствій.

Погонщики муловъ, мельники, матросы, возничіе протягиваютъ другъ другу грязныя мозолистыя руки и клянутся другъ другу въ вѣчной дружбѣ, которая однакожь не доживаетъ и до завтрашняго дня. И немало женскихъ сердець въ опьяненіи отъ восторга размягчаются, и иная недоступная прежде красавица такъ добра и уступчива сегодня! На скамьяхъ нѣтъ ни одного свободнаго мѣстечка. Гдѣ прежде воссѣдали чинно почтенные жрецы,

тамъ сегодня видны менѣ достойныя уваженія личности, въ самый передъ пробрались, какъ знатоки дѣла, лучшіе цѣлители, логтями и кулаками прочищая дорогу, гладіаторы и фехтовальщики. Помѣстившіяся рядомъ съ ними дамы—гнусныя жрицы Венеры, явившіяся сюда изъ храмовъ Люпанаріума, безстыдствомъ и наглостію онѣ стараются всѣхъ превзойти. Мѣста въ первомъ ряду, рядомъ съ ложей императора, принадлежація цѣломудреннымъ весталкамъ, теперь заняты торговками изъ Мацеллюма, одѣтыми въ грязные покрытыя пятнами рыбьей крови платья съ засученными рукавами и разстегнутыми кушаками, то и дѣло почесывающимися и вертящимися изъ стороны въ сторону. Шумно привѣтствуютъ ихъ, расположившіяся немного повыше ихъ коллеги по ремеслу, торговцы зеленью и дичью:

— Привѣтствуемъ васъ, Кушлола, Теодората, Калирива Евое! Неволія, Сульпиція, Кварта, Атилія. Смотрите тамъ и Понція, и Анвента, и Уцилія Полла. Здравствуйте, здравствуйте! Низжайшее почтеніе хромой Оливинѣ! Слава твоей ногѣ, которая, ковыляя, доставила тебя намъ.

Граціи Марцеллума отвѣчаютъ ѣдкими насмѣшками на циническія любезности, которыми встрѣчаютъ ихъ съ галерей, и стойко выдерживаютъ всѣ нападенія.

Блѣднлицыя портные и сапожники помѣстились скромно сзади, какъ прилично ихъ цеху; однакожь, впрочемъ, не съ меньшимъ нетерпѣніемъ, чѣмъ ихъ товарищи, ожидаютъ представленія. Далеко не такъ скромно держатъ себя ихъ сосѣди справа, судовщики и рыбаки, они пришли сюда, какъ гордо объявляютъ сами, чтобы привѣтствовать своихъ сотоварищей — моряковъ, которые какъ и они, одинаково молятся Нептуну.

Наконецъ, днемъ свободы и отдыха пользуются и рабы, слуги, носильщики и скороходы знатныхъ вельможъ Рима, эти игрушки прихоти, эти животныя въ человѣческомъ образѣ, осужденныя на вѣчный позоръ и поруганіе. И съ какимъ наслажденіемъ упиваются они этими немногими минутами освобожденія отъ своего ярма,

которое должны носить всю жизнь! И смѣются, и поютъ, и присвистываютъ, сидя на своихъ скамейкахъ! По повелѣнію цезаря, они ушли сюда отъ своихъ господъ на цѣлыхъ три дня!...

Учащаяся молодежь, т. е. та часть человѣческаго общества, въ которой никогда не будетъ недостатка тамъ, гдѣ царятъ разнузданность и удовольствіе, имѣетъ здѣсь также многочисленныхъ представителей. Кто не видитъ ихъ глазами, тому о ихъ присутствіи можетъ доложить его ухо.

Высоко въ воздухѣ кружатся журавли, голуби, чайки, выражая громкими криками свое негодованіе на наглое вторженіе людей въ этотъ мирный край, который природа какъ бы оставила въ ихъ владѣніе. Но слабый долженъ уступать сильному и... «Горе побѣжденнымъ»!

Наумахія *).

Уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ сосѣднія горы оглашаются звукомъ топора, пилы и трескомъ падающихъ подъ ударами деревьевъ. Звѣри и птицы въ испугѣ покидаютъ эти мѣста, бывшія для нихъ до сихъ поръ такимъ мирнымъ и безопаснымъ пріютомъ; даже упрямый вепрь, хрюкая, встаетъ съ своего ложа, видя что

---

*.) Наумахія, бывъ сперва простыми состязаніями между весельными судами, превратились потомъ въ жестокія битвы, которыя рѣдко кто изъ участвовавшихъ переживаетъ. Юлій Цезарь первый устроилъ такую наумахію въ 46 г. до Р. Х. въ специально для этой цѣли вырытомъ бассейнѣ. На обонхъ сражавшихся флотахъ было 19,000 человекъ экипажа, представлявшихъ пеструю смѣсь изъ различныхъ народностей. Они дрались съ страшнымъ ожесточеніемъ, и лишь немногіе изъ нихъ остались въ живыхъ. Императоръ Августъ за Тибромъ также велѣлъ вырыть бассейнъ для наумахій въ 1,000 футовъ длины и 200 ширины. Клавдій одинъ только изъ цезарей воспользовался для представленій озеромъ.

рѣдѣть вѣрнѣе вѣковой дѣвственный лѣсъ, пожертвовавший для прихоти цезаря своими прекрасными столѣтними деревьями. Тысячи стройныхъ пихтъ падаютъ подъ ударами топора и превращаются въ гибкія гладко обтесанныя весла, для того чтобы послужить людямъ въ ихъ страсти къ разрушенію.

Въ наскоро-устроенныхъ полевыхъ кузницахъ изъподъ искусныхъ рукъ сыновей Вулкана, точно по волшебству, являются гвозди, скобы, петли, цѣпи, якоря, острія для стрѣлъ и копій. На верфи озера корабельныя доски сѣрпяются загнутыми на огнѣ желѣзными обшивками, и быстро появляющіеся, одинъ за другимъ, судовые корпуса увѣнчиваются башнями и мачтами.

И вотъ оба флота, египетскій и тирскій, блестя свѣжестью и бѣлизной отдѣлки, становятся другъ передъ другомъ, готовые выкинуть свои желтые и голубые флаги, чтобы устремиться другъ на друга, и многомѣсячный тяжелый трудъ многихъ тысячъ искусныхъ рукъ разрушить и истребить въ ожесточенномъ бою.

Печально смотрятъ обнаженные вершины обрестныхъ горъ, какъ-бы грустя, что пришлось имъ пожертвовать своимъ зеленымъ головнымъ нарядомъ для дивой людской потѣхи...

Полунагіе темнокожіе франиты, зигиты и фаламиты сѣли за свои весла *). Тихо, безъ звука, (говорить имъ

---

*) Для такихъ морскихъ битвъ обыкновенно употреблялись легкіе, построенные на скорую руку корабли. По большей части это были *триремы*, т. е. суда съ тремя рядами устроенныхъ другъ надъ дружкой веселъ. Виремы были такого же устройства, но съ двумя рядами веселъ — квинкверемы съ пятью рядами. Весла были такъ расположены, что верхнія — болѣе длинныя, приходились въ промежуткѣ между нижними болѣе короткими. На триремахъ въ нижнемъ ряду обыкновенно сидѣло 54 человѣка: это такъ называемые фаламиты, въ среднемъ столько-же зигитовъ, а въ самомъ верхнемъ ряду сидѣли 62 человѣка такъ называемыхъ франитовъ. Римская квинкверема имѣла по 60 человѣкъ въ каждомъ ряду; слѣдовательно, всего экипажа на ней было 300 человѣкъ. На знаменитой октерѣ Лизандрѣ было 1,600 человѣкъ гребцовъ.

запрещалось подѣ страхомъ строгаго наказанія), сидятъ несчастные гребцы на своихъ жесткихъ скамьяхъ и жуютъ свой скудный завтракъ, который, быть можетъ, будетъ уже послѣднимъ въ ихъ жизни... Занимаемое ими помѣщеніе такъ низко, что только согнувшись можно войти туда. Чистый воздухъ проходитъ къ нимъ лишь сквозь колумбаріи, небольшія отверстія, сдѣланныя для весель. Свѣтъ проникаетъ чрезъ полуоткрытые люки въ палубѣ. Атмосфера тяжела и душлива, а запахъ потомъ отъ множества этихъ несчастныхъ, скопившихся здѣсь въ тѣсныхъ конурахъ, идущихъ пятью рядами другъ надъ дружкой, дѣлаетъ ее, положительно, невыносимой. Кто попалъ сюда, тотъ долженъ былъ сказать «прости» всему и навсегда, больше онъ не увидитъ свѣта. Надъ головой каждаго невольника-гребца виситъ дощечка съ его номеромъ: ибо онъ уже вычерпнуть изъ списковъ живыхъ людей, и до имени его нѣтъ никому дѣла. Въ одномъ изъ угловъ — скамейка съ ремнями и скобами; на ней несчастные подвергаются жестокому истязаніямъ за малѣйшій проступокъ. Надъ скамейкой — короткія плети съ свинцовымъ наконечникомъ; ихъ невольники называютъ въ шутку «кудрами Нептуна».

Дальше камера фаламитовъ—это уже область мрачнаго Орка. Туда ужъ не проникаетъ ни одинъ лучъ свѣта. Только дымящіяся, слабо-мерцающія лампы, привѣшенныя въ потолоку, распространяютъ слабый свѣтъ, облегчая надсмотрщикамъ исполненіе ихъ обязанностей. Кто при видѣ этихъ людей, сотнями наполняющихъ ряды скамеекъ, въ ужасѣ не отступитъ назадъ? Чудовища, посѣдѣвшія до времени въ нуждѣ и лишенияхъ, воры, грабители, убійцы, которымъ не на что надѣяться въ жизни и вечего больше терять, собраны здѣсь со всѣхъ концовъ вселенной; это вырожденіе человѣчества, на которыхъ порокъ и преступленіе положили неизгладимую печать. Только ихъ физическая сила нужна еще, пусть они двигаютъ весла и потомъ идутъ ко дну!

Весла лежатъ уже въ своихъ колумбаріяхъ, *) полу-круглыхъ отверстіяхъ въ бокахъ корабля, прикрѣпленныя петлями къ колѣамъ. Положивъ руки на весельныя рукоятки и выгнувшись впередъ всѣмъ тѣломъ, ожидаютъ гребцы привязаній своего начальника, гортатора, который помѣщается на носу, чтобы выбивать гребцамъ тактъ деревянной колотушкой.

Наконецъ весла касаются воды и даютъ сильный толчокъ кораблю. Точно исполинскіе водяные пауки съ тысячами тонкихъ длинныхъ ногъ, скользятъ суда по гладкой водяной поверхности, богато изукрашенные флагами и выпелями, и своимъ острымъ носомъ прорѣзываютъ воду, вызывая на бой противника. Командиръ стоитъ на агеѣ и отдаетъ приказанія рулевому, искусно направляющему ходъ корабля. Осыпаемые громомъ рукоплесканій, въ стройномъ порядкѣ, проходятъ передъ зрителями оба флота, египетскій и тирскій съ массами вооруженныхъ людей на палубахъ и кормовыхъ башняхъ. Они, казалось, предлагали зрителямъ раздѣлиться на партіи. За квинкверемами слѣдуютъ квадриремы и триремы, съ небольшими промежутками, и всѣ одинаково хорошо построены и вооружены, и публика еще не знаетъ, чью сторону ей принять.

Какъ на скачкахъ знатокъ дѣла сперва узнаетъ походу лошади, ея легкость, узнаетъ возрастъ, такъ и теперь зрители, прежде чѣмъ встать на ту или другую сторону, стараются узнать быстроту кораблей, силу гребцовъ и опытность кормчихъ.

•Идущіе на смерть привѣтствуютъ тебя, цезарь! кричать съ кораблей бойцы своему высокому повелителю. И каждая галера шлетъ этотъ печальный привѣтъ, но «адскій пѣсъ» пропускаетъ его мимо ушей, какъ бы не слышитъ... Вполнѣ равнодушными остаются и зрители къ участи этихъ несчастныхъ. Къ чему, въ самомъ дѣлѣ,

---

*) Отверстія для веселъ назывались колумбаріями (columbaria) по причинѣ ихъ сходства съ голубатнями (columba—голубь).

пришли сюда римляне, подвергаясь такимъ лишеніямъ во время длиннаго пути, какъ не для того, чтобы видѣть смерть и мученія этихъ людей и насладиться вполне страшной картиной разрушенія?

Гонки судовъ, которыя должны были предшествовать бою, встрѣчаются зрителями холодно и сдержанно, какъ зрѣлище, скорѣе приличное для дѣтей, чѣмъ для нихъ. Но между тѣмъ никогда еще римляне не видали такой ловкости и граціи, какъ здѣсь на гонкахъ, происходящихъ между биремами тирскими и такимъ же числомъ биремъ египетскихъ. Точно стрѣлы изъ лука носятся онѣ по гладкой поверхности озера, и глазъ едва можетъ слѣдить за быстротою всѣхъ движеній. Въ стройномъ порядкѣ, какъ хорошо организованная фаланга, совершаютъ онѣ свой бѣгъ вдоль озера и, обгоняя то одна, то другая, объѣзжаютъ наконецъ вокругъ цѣлевыхъ столбовъ. Здѣсь въ первый разъ обнаруживается знакомство съ дѣломъ въ командирѣ и вся ловкость кормчаго. Лишь немногимъ судамъ удалось выдаться впередъ при круговомъ поворотѣ, выѣхать опять на прямую дорогу и перерѣзать путь противнику. Многія изъ отставшихъ полопались и перепутались между собою веслами, другія, еще цѣльныя, тщетно стараются выбиться изъ этой общей путаницы. Наконецъ и отставшія, одна за другой, достигаютъ столба, который ихъ противники уже давно объѣхали. Тирійцы остались побѣдителями.

Но равнодушно отнеслись къ нимъ зрители. Ни радостныхъ криковъ, ни восторженныхъ одобреній, которыми встрѣчаются обыкновенно побѣдители въ циркѣ, они не слышать. И совершенно напрасенъ былъ бы весь ихъ трудъ и всѣ ихъ усилія, если бы экипажъ кораблей не поддержалъ своихъ товарищей, одобряя ихъ громкими привѣтствіями. Для болѣе интересныхъ сценъ, предстоящихъ впереди, берегутъ зрители свое вниманіе. А теперь иной, забравшись на верхнія скамейки, жуетъ захваченный на завтракъ кусокъ хлѣба съ лукомъ и печеными яйцами, и только изрѣдка взглядываетъ внизъ

на озеро, на которомъ до сихъ поръ еще нѣтъ ничего, чтобы могло заставить его позабыть о ѣдѣ. Это замѣчательное искусство кормчихъ, сейчасъ нами описанное, когда быстрыя биремы съ поразительною ловкостью, какъ змѣи, проскользаютъ между двумя рядами галеръ, на пространствѣ такомъ узкомъ, что едва хватаетъ мѣста для ударовъ веселъ и при этомъ, не задѣвая другъ друга, быстро вылетаютъ впередъ и, казалось, уже насканиваютъ другъ на друга, между тѣмъ какъ ловкая рука кормчаго отводитъ ударъ, и онѣ несутся дальше—такое искусство можетъ привлечь вниманіе только знатока, который, умѣетъ оцѣнить всю трудность его; но собравшаяся невѣжественная толпа что тутъ можетъ смыслить?

Какъ молнія, упавшая на соломенную кровлю, производитъ пожаръ, такъ же быстро воспламеняютъ зрителей раздавшіеся сигнальные звуки трубъ и рожковъ, возвѣщающіе, что цезарь приказалъ прекратить гонки и начать настоящій бой.

Уже скрипятъ засовы въ воротахъ шлюзъ, открывая гавани, изъ которыхъ въ одной стоитъ египетскій, въ другой тирскій флотъ, возвратившіеся туда послѣ перваго привѣтственнаго объѣзда вокругъ озера и выѣзжающіе теперь оттуда, готовыми вступить въ кровавый бой.

Вдругъ по срединѣ озера, точно по волшебству, появляется Тритонъ, въ сопровожденіи своей свиты и всевозможныхъ рѣчныхъ божествъ, nereидъ, нимфъ, дельфиновъ и морскихъ чудовищъ.

Хотя для римлянъ они не представляютъ ничего новаго, но ихъ появленіе встрѣчается теперь съ большей росторженностью, чѣмъ когда нибудь. Морскіе боги посылаютъ своихъ вѣстниковъ; слава имъ, подателямъ радостей и счастья людскаго!

Во второй разъ появились оба флота передъ зрителями, но не напоказъ только, а для кровавой битвы выѣзжаютъ они, одинъ за другимъ, безконечными рядами изъ шлюзъ. Величественный видъ представляютъ галеры, съ ихъ экипажемъ въ полномъ вооруженіи, съ

великолѣпно украшенными башнями и блестящими металлическими носами. Мачты украшены флагами, на верхахъ сидятъ сторожевые; кажется, ничего не забыто, чтобы увеличить силу впечатлѣнія на зрителей. У тирійцевъ развѣвается желтый, у египтянъ—голубой флагъ. На кормахъ у однихъ волчья голова, у другихъ—крокодилъ, у тирійцевъ баранъ, у египтянъ клювъ Изиды. Перетянутые желѣзными цѣпами носы кораблей даютъ имъ видъ почти непреступныхъ твердынь. Квинкверемы, триремы и биремы, фалангой плывутъ на встрѣчу другъ другу, въ сопровожденіи судовъ съ камнями, зажигательными снарядами и другими военными принадлежностями на палубахъ. Съ каждой стороны отдѣляются въ одинаковомъ числѣ и одинаково вооруженныя галеры, и стремительно бросаются другъ на друга. Когда разстояніе между ними равняется двойной длинѣ весла, съ обѣихъ сторонъ летятъ зажигательные снаряды, бороздя огненными кругами воздухъ. Многіе не попадаютъ въ цѣль и шипя тонутъ въ водѣ. Но тамъ, куда попадалъ такой снарядъ, быстро начинался пожаръ, и не малаго труда стоило экипажу прекратить его разрушительное дѣйствіе. Огненный дождь съ каждой минутой все усиливается, и вонь на одномъ суднѣ горитъ палуба, на другомъ—нужно тушить снасти.

Между тѣмъ бойцы закрываютъ головы щитами, и рулевой искусно подводитъ корабль къ боку непріятельскаго судна. Тамъ и тутъ взвились въ воздухъ абордажные крючья и, подобно волеу, выхватившему изъ стада козленка и волокущему за собой добычу, выхватываютъ болѣе сильныя суда изъ среды непріятелей небольшія и слабосильныя галеры и, не смотря на ихъ отчаянное сопротивленіе, быстро оттискиваютъ въ сторону, чтобы здѣсь также быстро уничтожить. Гибель каждаго судна сопровождается громкими восторженными криками со всѣхъ галерей. Если храбрость и мужество можно цѣнить по числу жертвъ, то преимущество теперь на сторонѣ египтянъ, такъ какъ тирійцы сдѣлали въ ихъ рядахъ чув-

ствительные пробѣлы, что показываютъ плавающіе вокругъ египетскихъ кораблей трупы. Охваченные отчаянной храбростью, египтяне выкидываютъ сигналъ, вызывающій одно изъ непріятельскихъ судовъ на поединокъ; тирійцы, не мѣшая, принимаютъ вызовъ. Суда втораго и третьяго ряда, отступаютъ, давая мѣсто двумъ тяжелымъ галерамъ, готовымъ вступить въ единоборство. Тирійцы употребляютъ маневръ, который ослабляетъ противника и лишаетъ его возможности двигаться: они оставляютъ непріятельскіе суда безъ весель. Прикрѣпивъ къ задней части своихъ галеръ петли, крючья кольца и другіе употребляющіеся для ловли снаряды, они бросаютъ ихъ на канатахъ въ воду и тащатъ за совою по фарватеру. Въ яростномъ преслѣдованіи египтяне влетаютъ въ эти желѣзныя сѣти и въ нѣсколько минутъ остаются и безъ весель, и безъ рулей, которые, какъ тонкіе стебельки, ломаются десятками, и тамъ, гдѣ не задолго передъ тѣмъ былъ полный порядокъ, господствуетъ общій хаосъ. Тщетно стараются египтяне вырваться изъ когтей противника. Скоро безчисленные обломки весель покрываютъ воду, и египетскія галеры становятся похожими на какихъ то общипанныхъ гусей, которые не въ состояніи ни бѣжать, ни сопротивляться. Удары градомъ сыплются на ихъ обнаженные корпуса, оглашая своимъ рѣзкимъ звукомъ воздухъ. Точно отвѣтное эхо вторить имъ неистово рукоплещущая толпа.

Напрасно думаютъ египтяне оборонить себя еще остающимися въ ихъ распоряженіи средствами. Подобно брошеннымъ въ воду орѣховымъ скорлупамъ, качаются изъ стороны въ сторону несчастныя галеры, и все, что неприкрѣплено гвоздемъ или скобой, не исключая экипажа, летитъ черезъ бортъ. Башни, разшатаанныя въ основаніи, рушатся, и даютъ бойцевъ подъ своими обломками. Свалка съ каждымъ часомъ увеличивается, враги бьются все съ большимъ и большимъ ожесточеніемъ.

Въ камерахъ гребцовъ слышится извнѣ одинъ глухой

шумъ; воздухъ наполненъ пылью, которая, поднимаясь густыми облаками при каждомъ ударѣ, еще болѣе увеличиваетъ страданія несчастныхъ гребцовъ, не имѣющихъ даже возможности спастись, бросившись черезъ бортъ въ воду. Даже самыми равнодушными изъ нихъ овладѣваетъ ужасъ передъ невидимымъ для нихъ, а только слышимымъ врагомъ, который пробиваетъ стѣны ихъ тюрьмы, чтобы впустить воду и утопить ихъ, какъ крысъ, вмѣстѣ съ западней. Машинально двигаютъ несчастные своими веслами, пока новый ударъ не сбиваетъ ихъ съ мѣстъ.

А тамъ снаружи, въ водѣ среди балоу, досокъ и обломковъ весель плаваютъ покрытые ранами, но еще живые люди; непріятельскія лодки подплываютъ къ нимъ, и добываютъ веслами и камнями... Иной подъ тяжестью своего панцыря камнемъ идетъ ко дну, не издавъ ни одного звука, обрадованный, что сейчасъ избавится отъ страданій.

Въ восторгъ отъ такого занимательнаго зрѣлища кровавые римляне расточаютъ привѣтствія и похвалы побѣдителямъ, поощряя ихъ на новые подвиги, ожидающіе зрителей въ эпилогъ этой кровавой драмы.

Замѣтно порѣдѣлъ и экипажъ тирійцевъ, огонь, мечъ и топоръ отчаянно сопротивлявшихся непріятелей, уменьшили ихъ число. Притупились и загнулись носы и тараны ихъ кораблей; изъ всего флота осталось у нихъ только три неповрежденныхъ судна, которыя до сихъ поръ стояли въ бездѣйствіи сзади, съ нетерпѣніемъ ожидая привазанія вступить въ бой.

Мокрымъ полотноу тшатъ мораторы пожаръ, который непріятельскіе баллисты то и дѣло производятъ въ снастяхъ тирійскихъ кораблей.

Тамъ, гдѣ вцѣпился абордажный крюкъ, быстрый ударъ топора отрубаетъ держащую крючекъ веревку, и иная палуба снова свободна отъ страшныхъ желѣзныхъ когтей непріятеля. Храбрый предводитель тирійцевъ, Наутиллъ, неустрашимо стоитъ впереди всѣхъ и съ удовольствіемъ смотритъ на картину разрушенія, — плодъ его собственнаго искус-

ства и изобрѣтательности. Новые подвиги занимаютъ его острый умъ, и приказаніе за приказаніемъ летать отъ него съ одного конца флота на другой, передаваемыя дальнимъ судамъ посредствомъ небольшихъ флаговъ и непонятныхъ для противника значковъ, вывѣшенныхъ на верхушкахъ мачтъ. Звуковые сигналы посредствомъ трубъ помогаютъ тамъ, гдѣ въ жаркой битвѣ въ дыму отъ пожаровъ не видно корабля предводителя. Небольшія плоскодонныя лодки непрерывно подвозятъ обоимъ флотамъ изъ складочныхъ мѣстъ свѣжіе боевые припасы или же стараются отнять у противниковъ средства въ оборонѣ. Лодки гоняются одна за другой, настигаютъ, быстро сворачиваютъ въ сторону... просверливаютъ и поджигаютъ непріятельскія суда.

По срединѣ озера большая египетская галера тщетно старается освободиться отъ непріятельскихъ кораблей, которые со всѣхъ сторонъ, какъ зубами, впились въ ея палубу своими абордажными крючьями. Коротенькіе, изрубленные обломки остались у нея вмѣсто весель. Большой руль также сломанъ и печально свѣсилъ, не дѣйствуя больше, въ воду.

Какъ вепрь отъ стаи собакъ, защищается галера отъ своихъ враговъ, вертится изъ стороны въ сторону, описываетъ круги въ то время, какъ ея уже приходящій въ отчаяніе и на половину перебитый экипажъ, отстаиваетъ палубу. Крѣпко держатъ орлиные когти абордажныхъ крючьевъ свою добычу; и вся трясется галера, какъ вепрь, старающійся сбросить повисшихъ на немъ собакъ, нанося жестокіе удары на право и на лѣво; не мало уже враговъ, уцѣпившихся за ея палубу, попадали назадъ въ воду съ отрубленными руками. Защитники походятъ на львицъ, защищающихъ своихъ дѣтенушей, но однако же не надолго имъ удастся отсрочить участь, ожидающую корабль. Сотни желѣзныхъ когтей вцѣпились въ него; удары градомъ сыплются на обнаженный корпусъ, и онъ весь вздрагиваетъ и точно стонетъ отъ боли.

Свзвонъ пробитую щель вода съ силой хлынула внутрь,

гребцы отливают ведрами, ковшами, шлемами, но напрасны ихъ усилія! вода уже затопила второй этажъ и, шума съ каждой минутой возрастающимъ потокомъ, врывается въ нѣдра корабля.

Вопли ужаса, вырвавшіеся у египтянъ и восторженные крики — у тирійцевъ одновременно огласили воздухъ.

Корабль тонетъ, всемогущіе боги! Быстро, какъ камень, пошла ко дну гордая прекрасная галера со всѣми своими храбрыми защитниками, и быстро закрылась всплывавшая бездна, поглотивъ добычу. Только нѣсколько расколотыхъ плавающихъ досокъ да пузыри на водѣ, это послѣднее дыханье угасающей жизни, обозначаютъ мѣсто, гдѣ нашла себѣ могилу толпа храбрыхъ бойцовъ.

Общее уныніе овладѣваетъ при этомъ зрѣлищѣ египтянами, какъ овцы большого стада, въ которомъ вожакъ внезапно убитъ молніей, въ ужасѣ и замѣшательствѣ недвижно стоятъ, понуривъ головы и глупо смотря на убитаго предводителя, такъ съ тупымъ равнодушіемъ смотрятъ египтяне на гибель своего передоваго судна. Однако же битва не превращается ни на минуту. На восточной сторонѣ озера, гдѣ дрались съ такимъ ожесточеніемъ, какъ будто дѣло шло о спасеніи отечества, раздались сигналы, призывающіе на помощь. Съ египетской триремы, со всѣхъ сторонъ окруженной врагомъ, поднялся черный дымъ. Бросаемые тирійцами просмоленные зажигательные снаряды нашли тамъ обильную пищу, и пылающая смола течетъ по корпусу египетскаго судна, обливая своими красными огненными языками сухое дерево. Съ каждой минутой усиливается огненный дождь съ непріятельскихъ метательныхъ машинъ. Смерть и дымъ, стѣсняющій дыханіе, охватываетъ бойцовъ, проникаетъ подъ палубу, въ камеры гребцовъ и не позволяетъ уже совсѣмъ различать окружающіе предметы. «Сфинесь» горитъ въ не малому ужасу и самаго врага. Растреснувшійся носъ египетскаго судна на половину вошелъ внутрь непріятельскаго, которое, погружаясь, топить и его съ собой. Вся искалеченная трирема пла-

ваетъ среди страшнаго огненнаго моря, одинаково избѣгасмая и друзьями и врагами, равно боящимися ея губительнаго прикосновенія. Оба враждебные элемента, огонь и вода, казалось, здѣсь братски обнимались. Снасти, мачты, башни, канаты, горятъ на водѣ, какъ исполинскіе фавелы; люди, одинъ за другимъ, прыгаютъ за бортъ, ища спасенія въ волнахъ отъ всепожирающаго пламени. Только начальникъ судна стоитъ еще на своемъ посту, проклиная низкихъ трусовъ, покинувшихъ свой корабль и предводителя, и потомъ, какъ прилично герою, смѣло бросается въ огненное море. Но ни состраданія, ни удивленія не возбудилъ онъ въ зрителяхъ, — бойцамъ, которые идутъ на смерть для потѣхи народа, не полагается ни пріѣтственнаго «евое», ни благодарности. Презрѣніемъ платятъ имъ римляне за ихъ самопожертвованіе. Они падаютъ и умираютъ, какъ звѣри, оставаясь никому неизвѣстными.

Надъ закрывшейся могилой «Сфинкса» и его героевъ пробѣгаетъ тирійскій флотъ, приближаясь къ непріятелю, который, благодаря дыму и общему замѣшательству, опять успѣлъ поставить въ ряды своихъ корабли. Надъ тирійскимъ флотомъ развѣвается флагъ, предлагающій египтянамъ сдаться. Но противникъ, не смотря на свою слабость и чувствительныя потери, по прежнему выкидываетъ красный вымпелъ и становится, защищенный близостью берега съ тылу, лицомъ къ лицу съ непріятелемъ. Засвистѣли стрѣлы и, описывая красивыя дуги въ воздухѣ, градомъ падаютъ на навѣсы, защищающіе воиновъ. Даже тяжелыя метательныя вопля, ударясь о щиты, сдѣланные изъ крѣпкой валовой вожи, отскакиваютъ отъ нихъ и только, когда египтяне начинаютъ метать боевые топоры, съ необыкновенной правильностью попадающіе въ цѣль, щитъ и панцырь уступаетъ ихъ разрушительному дѣйствию. Въ отвѣтъ имъ тирійскіе баллисты пускаютъ въ дѣло свои тяжелые камни. Эти страшные метательные снаряды насквозь пробиваютъ палубы и проникаютъ

даже во второй этажъ, всюду принося съ собой смерть и опустошеніе. Каждый камень, попавшій въ цѣль, производитъ необычайное замѣшательство въ рядахъ непріятелей. Весла ломаются, и открытыя лужи указываютъ дорожку исполнскимъ метательнымъ снарядамъ непріятеля все уничтожающимъ на своемъ пути. Такая битва, наблюдаемая съ безопаснаго мѣста, какое удовольствіе должна доставить благороднымъ гостямъ цезаря, воторыхъ конечно не займетъ какое нибудь обыденное зрѣлище!

Что такое для римлянъ «уколы иголками» какъ они въ шутку называютъ бой гладиаторовъ, привлечетъ ли ихъ вниманіе какая нибудь дюжина труповъ, кто нынче станетъ обращать вниманіе на такое зрѣлище? Но такое побоище, какое устроили сегодня, займетъ даже грубаго раба, сидящаго на этихъ скамейкахъ гостемъ императора. Нечего удивляться, что весь театръ, устроенный вокругъ озера, оглашается сегодня такими восторженными криками и рукоплесканіями, какихъ никогда еще не слыхивали до нынѣшняго дня. Зрители барабанятъ руками, топаютъ, неистово машутъ платками и въ опьяненіи отъ восторга просто переходятъ на толпу сумасшедшихъ. Всякіе споры забыты, и не найдемъ ни одного, кто не держалъ бы сторону тирійцевъ и не желалъ бы погибели ихъ врагамъ.

Даже кушанья и напитки, которые императоръ велѣлъ приготовить для своихъ дорогихъ гостей, хлѣбъ, вино, поджареное мясо, яйца, огурцы, всегда встрѣчаемые съ такимъ удовольствіемъ, теперь оставлены безъ всякаго вниманія. Стоя и совѣмъ свѣсившись черезъ брустверь ложъ, страстно слѣдятъ зрители за ходомъ битвы.

Раздается сигнальный звукъ трубы; метанье снарядовъ прекращается и изъ обоихъ непріятельскихъ флотовъ выѣзжаетъ по прекрасной галерѣ. Готовы вступить

въ поединкоѣ¹⁾, противницы выкидываютъ свои флаги, поломанныя весла замѣнены новыми, число воиновъ уравнено, и сила здѣсь должна уступить передъ ловкостью и искусствомъ кормчаго. Таранъ египетскаго судна, крокодилъ съ чешуйчатымъ панциремъ и иголкой гривой, смѣло выставляетъ свои раздутыя ноздри противъ острыхъ зубовъ тирійскаго вола. Тотчасъ же, чтобы показать силу и ловкость гребцовъ, оба судна объѣзжаютъ нѣсколько разъ красивыми кругами по озеру; затѣмъ выѣзжаютъ на средину его и въ виду обоихъ флотовъ начинаютъ медленно съѣзжаться. При каждомъ взмахѣ весель вода кипитъ подъ килемъ, волны, пѣнясь, подпрыгиваютъ одна на другую, громадное судно качается изъ стороны въ сторону и точно танцуетъ на водѣ. Еще разъ звучитъ сигнальная труба, и оба судна постепенно, усиливая ходъ, устремляются другъ на друга. Зрители не смѣютъ пошевелиться, почти не дышать. Обѣ противницы находятся другъ отъ друга лишь на длину весла, раздаются рѣзкіе свисты командировъ, весла дѣлаютъ могучій взмахъ въ воздухѣ, и носы кораблей сталкиваются, какъ два орла, распустивъ крылья и выставивъ впередъ свои желѣзныя когти. Въ страшномъ напряженіи слѣдятъ гости цезаря за поединкомъ. Точно громовые удары оглашаютъ воздухъ, слышатся стоны и трескъ, напоминающій паденіе скалъ... египетская галера, подхваченная снизу и пробуравленная, поднимается на мгновеніе вверхъ и затѣмъ, какъ смертельно раненый звѣрь, снова летитъ въ пропасть. Грудь у ней проколота, бока избиты непріятельскими таранами. Всѣ три ряда весель съ лѣвой стороны отбиты, гребцы переранены. Башня съ ея защитниками рухнула въ воду, палуба расколота. Какъ сломленные бурей древесные стволы, свѣслись черезъ бортъ мачты; руль и кормчій

¹⁾ Тогдашнія битвы на морѣ были ничто иное, какъ поединки между одинаковымъ числомъ равносильныхъ кораблей. Битвы массами между весельными судами неудобны.

исчезли. За нѣсколько минутъ передъ тѣмъ гордая галера представляетъ теперь одинъ жалкій оставъ, качающійся еще нѣсколько времени на водѣ и готовый сейчасъ погрузиться въ бездну... Вотъ слышится точно изъ подъ воды глухой отчаянный крикъ невольниковъ—гребцовъ и... все кончено! Тирійская галера, не менѣе тяжело поврежденная, съ расколотымъ носомъ спѣшитъ обратиться въ безопасную гавань, чтобы не раздѣлить участь своей противницы. Безконечныя рукоплесканія раздаются въ честь побѣдительницы.

А тамъ, у противоположнаго берега схватились въ плотную нѣсколько маленькихъ лодовъ, и помѣщающіеся на ихъ палубахъ наемные бойцы бьются грудь съ грудью съ страшнымъ ожесточеніемъ. Мечи и топоры свистятъ въ воздухѣ, и кто не найдетъ смерти на кораблѣ, тотъ можетъ быть увѣренъ, что сыщеть ее въ волнахъ озера, такъ какъ разставленные вдоль его береговъ, по приказанію цезаря, полицейскіе служители уничтожаютъ всякую возможность къ спасенію. Никто не долженъ выйти живымъ изъ этого побоища... какъ еще въ Остіи императоръ клялся самимъ Нептуномъ.

Лодки во всѣхъ направленіяхъ бороздятъ воду, разнося приказанія начальниковъ и доставляя имъ свѣденія о состояніи отдѣльныхъ частей флота. Битва разгорѣлась жаркая по всему озеру. Четырехъ-этажныя суда мѣряются въ силѣ, искусствѣ и быстротѣ съ трехъ-этажными.

Вотъ на одной сторонѣ весла не двигаются, и при взмахѣ противоположныхъ судно дѣлаетъ быстрый поворотъ. То корабль летитъ, напрягая всѣ свои силы, чтобы спастись отъ преслѣдующаго противника, то еле касается воды своими веслами, довая гребцамъ перевести духъ: въ ихъ тѣсныхъ камерахъ жара и духота достигли высшей степени, и не мало этихъ несчастныхъ попадало съ скамеекъ въ совершенномъ изнеможеніи. Нечеловѣческой силы и терпѣнія требуетъ ихъ ужасная работа.

Трубить рогъ; въ отвѣтъ имъ раздаются всевозмож-

ные сигналы, передающіе приказанія командировъ съ одного конца ряда кораблей въ другой. Только мертвые мирно спятъ... Новые подвиги храбрости, новые способы истребленія, невиданные до сихъ поръ и нечеловѣческія усилія показываютъ оставшіеся еще въ живыхъ бойцы на потѣху и удовольствіе доброму римскому народу, сврежеща зубами, проклиная и его и «адскую собаку» и отирая кровь, потъ и копотъ съ лица, лишашую ихъ возможности видѣть.

Не мало еще потрясающихъ сценъ ожидаетъ толпу впереди. Быстрая тирійская бирема летитъ полнымъ ходомъ, преслѣдуемая тремя непріятельскими галерами, старающимися перерѣзать ей дорогу. Слышатся сильные удары полтораэта весель подъ глухой припѣвъ гребцовъ изъ подъ палубы; корабли стройно плывутъ, одинъ за другимъ, управляемые рукою невидимаго кормчаго. Взглянувъ на эти корабли, съ перваго раза можно было-бы подумать, что они съѣхались сюда съ мирной цѣлью помѣриться быстротой хода.

Искусными маневрами, летя какъ перышко, тирская бирема постоянно ускользаетъ отъ трехъ своихъ преслѣдователей, уже измученныхъ продолжительной и бесполезной погоней. Раздается рѣзкій свистокъ командира и бирема, дѣлая быстрый поворотъ, ударяетъ носомъ въ бокъ гонящагося по пятамъ противника, такъ что весла у того гнутся, какъ камышъ подъ вѣтромъ, и ломаются въ щепки, а она летитъ дальше, какъ ни въ чемъ не бывало. Во второй и въ третій разъ прибѣгаетъ она къ такой хитрости, чтобы окончательно ослабить и искалечить врага, и затѣмъ уже ни кѣмъ не преслѣдуемая пробирается на южную сторону къ своимъ.

Не мало геройскихъ подвиговъ и примѣровъ самоотверженія, оставшихся безъ всякаго вниманія со стороны зрителей, а между тѣмъ иной бьется съ такимъ ожесточеніемъ и презреніемъ къ жизни, что какъ будто хочетъ пожертвовать ею для какой нибудь высо-

вой цѣли *); присущія каждому римлянину пылкость и страсть не даютъ мѣста благоразумію.

По срединѣ озера схватились на abordажъ два непріятельскихъ судна. Ихъ палубы и башни соединены переходными мостами, дающими возможность свободно переходить съ одного корабля на другой. Бойцы то и дѣло мелькаютъ на мостахъ. Горы труповъ служатъ валомъ, защитой отъ нападающихъ. Звуки рожковъ ободряютъ сражающихся. Вотъ, отступая передъ врагами, горсточка оставшихся въ живыхъ тирійцевъ скрывается черезъ палубные люки въ камеры гребцовъ; но египтяне съ ножами и топорами въ рукахъ находятъ ихъ и тамъ и въ темныхъ камерахъ среди опровинутыхъ скамеекъ, порванныхъ канатовъ и снастей начинается жестокая схватка въ рукопашную. Здѣсь дерутся уже не стоя, а лежа другъ на другѣ, даже не различая врага отъ своего, и битва превращается въ страшную поголовную рѣзню. Бровь хлыщеть ручьями изъ весельныхъ люковъ, окрашивая воду въ темно-красный цвѣтъ.

Но мало по малу шумъ, крикъ и стоны внутри корабля начинаютъ смолкать, все тише и тише стонотится тамъ... Только хрипѣнье да подавленный слабый стонъ, эти послѣднія проявленія готовой угаснуть жизни, время отъ времени слышатся оттуда.

Кто осмѣлится взглянуть на мѣсто побоища, тотъ увидитъ безобразныя массы, отвратительныя груды человѣческихъ членовъ, цѣлый хаосъ изъ истерзанныхъ тѣлъ, оружія, досокъ и канатовъ, окрававленныхъ и плавающихъ въ окрашенной кровью водѣ.

«Хвала тебѣ, цезарь! идущіе на смерть привѣтствуютъ тебя!»!

Страшная истина заключается въ этихъ словахъ, раздающихся снова въ ушахъ цезаря — идіота! Ряды

*) На этихъ играхъ бились съ такимъ же ожесточеніемъ, какъ и въ настоящихъ битвахъ и не рѣдко совершали подвиги, достойные другой лучшей доли и проходившіе здѣсь однако совершенно незамѣченными.

новых бойцовъ, остававшихся до сихъ поръ безъ дѣйствій, чтобы потомъ замѣнить собой раненныхъ и убитыхъ, проходить мимо императорской ложи. Мрачные, угрюмые съ искаженными нуждой и порокомъ лицами, осыпаемые насмѣшками зрителей, медленно двигаются они въ озеру, покрытому изуродованными трупами ихъ товарищей!

И здѣсь имъ среди повсюду витающей смерти, кому съ мечомъ въ рукахъ, кому съ весломъ, предстоитъ одинаково всѣмъ отправляться въ царство мрачнаго Орка. «Хвала тебѣ, цезарь, хвала!»

Вывавшись разомъ, болѣе чѣмъ изъ двухъ тысячъ глотокъ, летитъ страшный привѣтственный крикъ въ пурпуровой ложѣ, гдѣ Тиберій Клавдій уже нѣсколько часовъ, какъ предается своему любимому занятію, сну...

Эти люди добровольно идутъ въ волны озера, и высокому повелителю не придется швырять ихъ въ воду ногами, какъ въ Остіи муравьевъ.

Наступилъ перевывъ, о которомъ возвѣщаетъ Тритонъ съ своей серебряной раковинной. Зрители и бойцы, или по крайней мѣрѣ первые, могутъ отдохнуть; галереи, ложи и скамьи быстро пустѣютъ. За театромъ въ ближней миртовой рощѣ, на гладко выкошенной лужайкѣ у подножія покрытой снѣгомъ горной вершины, питающей своими снѣгами озеро, для гостей цезаря устроены столы и скамьи, а за ними не вдалекѣ въ исполинскихъ свородахъ, развѣшанныхъ надъ ярко пылающими кострами, жарятся куски мяса и сала, которыми будутъ лакомиться благородные гости. Подвисленная вода и разбавленное вино скоро освѣжатъ ихъ окрипшія отъ крика и пересохшія отъ жары глотки. Соль и хлѣбъ стоятъ цѣлыми корзинами, и гости съ сіяющими отъ удовольствія лицами располагаются, кто верхомъ, кто полулежа на уставленныхъ веругъ столовъ скамейкахъ. Забѣдая жирное мясо кускомъ хлѣба и запивая глоткомъ вина, пирующие толкуютъ о томъ или другомъ обстоятельстве

боя; одни порицають боевые приемы египтянъ, съ жаромъ доказывая, какъ имъ нужно было дѣйствовать, а другіе недовольны и счастливыми противниками. Не менѣе возбужденными кажутся женщины и даже дѣти, всосавшія страсть къ кровавымъ потѣхамъ съ молокомъ матерей.

Многочисленные балаганы, устроенные тутъ же на лужайкѣ, не вдалекѣ отъ столовъ, биткомъ набиты зрителями.

Тамъ показываетъ свое искусство Гарпократъ, знаменитый обжора, предлагая съѣсть за своимъ обѣдомъ цѣлую свинью; тамъ угрюмые египетскіе фокусники заставляютъ танцовать змѣй подъ тактъ флейты; другіе дивятъ толпу, проглатывая мечи и горящую лучину. Канатные плясуны, гладиаторы, актеры, прорицатели и истолкователи сновъ, укротители звѣрей съ танцующими козами и медвѣдами развлекають толпу и получаютъ сегодня хорошій барышъ.

Наконецъ Клавдій пробудился отъ своего продолжительнаго сна *), и снова должна начаться кровавая потѣха.

Загремѣли рога, началась суматоха, слышатся громкія приказанія начальниковъ и звуки трубъ, призывающіе толпу занять мѣста. Поверхность озера очищена отъ досокъ, балокъ, весель и человѣческихъ труповъ, насколько позволилъ короткій перерывъ. Снова дышатъ на минуту мирнымъ привѣтомъ голубья воды озера, отражая въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, и театр и безчисленныя толпы зрителей. Дневное свѣтило близится къ закату; въ воздухѣ повѣяло пріятной прохладой; свободнѣе вздохнули отдохнувшіе зрители и съ дѣтскимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ кровавыхъ сценъ, готовыхъ снова разыгратъ у нихъ подъ ногами на озерѣ.

Подобно лебедямъ съ распущенными крыльями снова

---

*) Императоръ Клавдій, во время этихъ зрѣлищъ, обыкновенно погружался въ глубокій сонъ. Во время важныхъ моментовъ, какъ рассказываетъ Светоній, слуги обязаны были всѣми средствами стараться разбудить его—даже ударами и толчками.

стоять другъ противъ друга два непріятельскихъ флота, на сколько возможно исправленные и приведенные въ порядокъ, съ новыми веслами и свѣжимъ экипажемъ. Но замѣтно прорѣдѣли ряды бойцовъ: немало поглотило ихъ сегодня озеро. Большинство кораблей носить на себѣ слѣды недавняго боя. Утомленные гребцы замѣнены новыми, и новыми свѣжими силами командуютъ опять начальники и рулевые.

Тирійскій флотъ, по повелѣнію его опытнаго начальника Наутила, становится угломъ. Впереди во главѣ помѣщаются сильные боевые корабли и таранныя суда, по бокамъ менѣе сильные и сзади въ аррьергардѣ небольшія галеры съ различными боевыми припасами. Подобно стаѣ большихъ перелетныхъ птицъ несется острымъ треугольникомъ тирійская фаланга по озеру и, подъ тактъ сильныхъ ударовъ многихъ тысячъ весель, приближается къ египтянамъ. Вода пѣнится и кипитъ подъ носами кораблей, и взволнованная поверхность озера походитъ на море во время бури. Вправо и влѣво бѣгутъ, врутятся, волны и какъ въ бурю лизутъ и омываютъ берега. Сцена принимаетъ дикій характеръ, передающійся и зрителямъ: галереи достигаютъ высшей степени возбужденія. Звуки, рожковъ и трубъ сливаются въ одинъ гулъ, разнося приказанія. Удары безконечныхъ рядовъ весель въ тактъ вспѣниваютъ воду.

Неудержимо стремится впередъ тирійская фаланга, врывается въ непріятельскую линію, ломаетъ непріятельскія весла на право и на лѣво тысячами, какъ сухіе стебли травы, и во всемъ, что не въ силахъ сопротивляться, производитъ хаосъ и замѣшательство. Египтяне защищаются отчаянно, напрягаютъ всѣ свои силы и готовы биться до послѣдней капли крови. Но вотъ первый и второй рядъ кораблей уже пробиты, и тирійцы, какъ стая голодныхъ волковъ, врываются въ самое сердце египетскаго флота, уничтожаютъ у него весла, снасти и оттѣсняютъ до самаго берега.

Въ западныхъ берегахъ озера подъ навѣсомъ высокихъ прибрежныхъ скалъ находится большая шлюзовая камера, входъ въ туннель, который долженъ будетъ свести воды озера въ рѣку Лирисъ. Этотъ колоссальный туннель цезаря проходить черезъ подошву горы, подобно исполинской трубѣ—представляя рядъ шахтъ съ искусно устроенными сводами. Еще цѣло это знаменитое сооруженіе, трудъ многихъ лѣтъ, какъ будто только сейчасъ овоенное и готовое принять воды озера и отвести ихъ въ море. Упираясь угломъ другъ въ друга, чтобы лучше сопротивляться напору воды, стоятъ эти огромныя ворота, скрѣпленныя желѣзными болтами, цѣпями и запорами, закрывая зияющую бездну и эти построенныя изъ громадныхъ камней водопадныя ступени, черезъ которыя должны нестись въ глубь воды озера, теперь въ безсиліи потрясающія ворота шлюза, какъ поиманный левъ свою рѣшетку.

Отъ тирійскаго флота, который, какъ вихрь, вдругъ выпущенный Посейдономъ на свободу, гонять предъ собою египтянъ, отдѣляются два таранныхъ судна и по повелѣнію командира полнымъ ходомъ направляются къ шлюзовымъ воротамъ, испробовать концами своихъ носовъ ихъ крѣпость. Первые удары съ трескомъ отскакиваютъ отъ нихъ, какъ отъ каменной скалы. Но сильныя галеры все съ большимъ и большимъ ожесточеніемъ возобновляютъ свои нападенія. Ворота стонутъ и наконецъ планки раскалываются; только желѣзные болты крѣпко еще держатъ. Какъ вѣрный союзникъ, помогаютъ воды озера дѣлу разрушенія; тамъ, гдѣ подъ разрушительнымъ дѣйствіемъ тарановъ образовались щели и отверстія въ деревянныхъ доскахъ, вода бьетъ сперва слабыми струями, затѣмъ все сильнѣе и сильнѣе... наконецъ деревянная плотина съ громовымъ трескомъ рушится подъ напоромъ воды и ударами каравельныхъ носовъ и... воды озера исполинскими потоками, все увлекая за собой, съ ревомъ несутся въ зияющую бездну... Такъ реветъ стадо быковъ, преслѣдуемое голодными волками;

такъ шумать и стонуть снѣговныя лавины, снося съ собою въ долины камни, дѣса, скалы...

Озеро какъ будто радуясь, что вырвется наконецъ изъ каменнаго бассейна, гдѣ выносило тысячелѣтнюю неволю, прыгая съ ступени на ступеньку, исполнили каскадами несется подѣ каменные своды тунеля, кпящее, пѣнящееся, влокачущее....

И скоро отнесенный на западъ, отступающій египетскій флотъ чувствуетъ на себѣ страшное дѣйствіе потока. Безъ весель и рулей и не въ состояніи будучи сопротивляться, какъ дивій олень стаѣ настигшихъ его собакъ, быстро приближаются египетскіе корабли, схваченные все усиливающимся водоворотомъ, къ зіяющей безднѣ. Крики ужаса и отчаянія, раздавшіяся съ нихъ, крики, могущіе потрясти скалы, огласили воздухъ. «Спасайся, кто можетъ»!...

Но уже обѣ галеры, подхваченныя водоворотомъ и приподнятыя на мгновенье надѣ пѣнящимися волнами, летять въ бездну со всѣмъ своимъ экипажемъ и вооруженіемъ. За ними быстро стремящейся вереницей летять туда оставшіяся отъ флота безпомощныя биремы и гордыя галеры; плавающіе по поверхности озера люди, башни, весла—все дѣлается добычей страшной бездны.

На тирійской центерѣ, корабль начальника флота Наутилла, развѣвается, въ знакъ побѣды, бѣлый флагъ съ изображеніемъ змѣи. Побѣдные крики оглашаютъ воздухъ, гремятъ рога и трубы.

Подѣ аркадами, поднявшись на свои скамейки и сидѣнья, стоитъ римскій народъ, неистово размахивая руками и платками; въ сосѣднихъ горахъ тысячекратнымъ эхомъ отдаются его восторженные крики. Это гости благодарятъ своего цезаря. Но вотъ внизу подѣ его ложей медленно проѣзжаютъ мимо корабли побѣдителя съ собранными вмѣстѣ остатками бойцовъ, и съ ихъ палубы вдругъ глухо и сурово звучитъ опять мотивъ старой пѣсни:

Клавдій—ты кровожадный палач,
Клавдій—ты царства подземного пещь!

Закрывши лицо тогой, несчастный идиотъ въ ужасѣ
бѣжитъ вонъ, хватается за руку своего евнуха и кричитъ,
корчась въ отвратительныхъ судорогахъ:

— На помощь, на помощь, Сегестъ! муравьи пре-
слѣдуютъ, жалятъ меня.

НОВГОРОДСКІЙ ПОГРОМЪ.

Историческая повѣсть изъ русской жизни XV столѣтія.

(Окончаніе).

Г Л А В А X.

Стояна.

Весенній дождичекъ бьетъ въ глаза Данилѣ Дмитріевичу; но онъ съ веселымъ, разруманившимся отъ рѣзкаго вѣтра лицомъ, даетъ полную волю каплямъ обсыпать его ловкую, стройную фигуру, забиваться въ волосы, скользнуть за воротъ камзола.. Все ему ни по чемъ, все его радуетъ, веселыя думы копошатся въ беззаботной, удалой головѣ князя Холмскаго.

Легкій, какъ птица, стѣтный и крѣпкій зонъ вороной масти безъ отмиѣтинъ, съ длиннымъ хвостомъ и развѣвающейся волнистой гривой, крупной иноходью несетъ молодаго человѣка къ завѣтной цѣли, къ селу Анкудинскому, къ прекрасной Людмилѣ. А кругомъ все дышетъ обновленіемъ. Отъ весенняго дожда поля подернуло изумруднымъ оттѣнкомъ, ручьи бѣгутъ съ веселымъ рокотомъ, грачи выютея надъ распускающимися рощами, жаворонокъ высоко кружится и поетъ свой привѣтъ лучу

солнца, прорѣзавшему набѣжавшую тучу, изъ подъ которой широкими прогалинами синѣетъ чистое небо.

Вмѣстѣ съ природой и душа человѣческая оживляется послѣ зимней стужи; все веселитъ, все радуется, и надежды радужной вереницей летятъ на встрѣчу, какъ перелетныя птицы, почуя весну и тепло.

Все это чувствовалъ князь Данило Дмитріевичъ, подѣзжая къ крыльцу боярской усадьбы.

— Батюшка княже!.. добро пожаловать, что-то давненько не жаловалъ, никакъ что четвертый день... принимая поводыя лошади, привѣтствовалъ князя старикъ— конюхъ.

— Дѣла позадержали, старина!.. А дома ли твои боярыни-то?... разсѣянно отвѣчалъ князь.

— Дома, княже... дома... боярыня послѣ трапезы почиваетъ, а боярышня въ саду гулять изволить... Теплынь-то какая ноне послѣ дожличка... Благодать...

Не слушая болтовни старика, Данило Дмитріевичъ, какъ свой человѣкъ, сродникъ, прямо вошелъ въ хоромы, гдѣ никого не нашель. Всѣ, пользуясь сномъ Авдотьи Васильевны, разбрелись кто на покой, а кто и подышать первыми теплыми испареніями весенней поры.

Подойдя къ окошку, открытому въ садъ, князь увидалъ сцену, заставившую сердце его учащенно забиться. Людмила и Стояна, разговаривая и смѣясь, обрѣзали сухія вѣтви на яблоняхъ. Обѣ дѣвушки были прекрасны съ открытыми головами и съ засученными выше локтя рукавами рубашки, но красота ихъ была совершенно противоположна. На сколько Людмила имѣла цвѣтъ кожи бѣлый и щеки румянные, на столько Стояна была блѣдна съ золотымъ отливомъ лица и рукъ. Боярышня была высока ростомъ, стройна, но форма ея плечъ уступала въ пышности полногрудой татаркѣ, которая была меньше ростомъ, но сильнѣе и ловчѣе справлялась съ работой садовницы. Глядя на Стояну Данило Дмитріевичъ не могъ не сознаться, что многіе бы изъ Московскихъ бояръ, его

товарищей, не побрезговали бы ласками такой черноглазой красотки.

Для него же ни одна красавица въ свѣтѣ не могла сравниться съ Людмилой Евграфовной Поляниной. Самъ себѣ не давая отчета въ своихъ намѣреніяхъ, Данило Дмитріевичъ, пользуясь правомъ родства, часто навѣщалъ Анкудининскую боярыню, и между молодыми людьми завязались самыя дружественныя отношенія. Авдотья Васильевна не находила неприличнымъ бесѣды князя съ Людмилой на томъ основаніи, что они были крестовые братъ и сестра, не подозрѣвая, что сердце можетъ и недовольствоваться холоднымъ чувствомъ родства, а загорѣться и другой болѣе горячей страстью. Князь ни однимъ еще словомъ не намѣкнулъ о своей любви, и Людмила не совсѣмъ еще ясно давала себѣ отчетъ въ тревогѣ душевной, когда Данило Дмитріевичъ долго не ѣхалъ, или въ радости при встрѣчѣ съ нимъ.

Однако почему то ей чаще стала приходиться мыслить о замужествѣ. Она спрашивала себя—какое счастье быть женою такого добраго, ласковаго, прекраснаго боярина? потомъ задавала другой вопросъ: каковъ-то будетъ у ней женихъ? и ей становилось грустно... Замужество съ незнакомымъ, можетъ быть, суровымъ бояриномъ казалось ей невыносимымъ несчастьемъ... Тогда она начинала плакать, и на вопросъ Стояны о причинѣ слезъ, отвѣчала:

— Ахъ Стояночка... страшно мнѣ за немилаго замужь идти... Но Стояна старалась ее успокоить.

— Зачѣмъ же за немилаго? Кто тебя неволить станеть?

— Одинъ мнѣ милъ... да за него идти нельзя, отвѣчала Людмила. Стояна поблѣднѣла, но, скрывъ свое смущеніе, спросила: отчего нельзя?

— Грѣхъ... попь вѣнчать не будетъ... говорила Людмила севозъ слезы. Стояна больше не спрашивала. Ей стало понятно зачѣмъ князь Данило Дмитріевичъ такъ часто ѣзжалъ въ Анкудинское и гащивалъ по нѣскольбу дней... Горько было бѣдной дѣвушкѣ сознаться,

что любовь князя была вся сосредоточена на боярышнѣ, а ей и мѣста не осталось въ его сердцѣ... А между тѣмъ ея собственное сердце при первомъ взглядѣ на князя вспыхнуло той страстью, на которую способна горячая кровь воеводъ.

Жизнь въ чужихъ людяхъ, сиротство и почти что рабская зависимость обуздали ея дикія наклонности; она обучилась удерживать себя, таить чувства, и никто бы не догадался, какъ часто въ ней происходила борьба добра со зломъ.

Она любила свою госпожу. Изъ всѣхъ въ домѣ Поляниныхъ одна Людмила обходила съ ней, какъ съ ровной, ни однимъ намекомъ не дотрогиваясь до раны ея сердца— до ея необъятной гордости и своеволія. Не такъ обращались другіе обитатели Анкудинскаго, бросавшіе нерѣдко ей въ глаза названіе «некрещенной, поганой и бусурманки»:

Двѣ страсти боролись въ ней съ тѣхъ поръ, какъ она поняла взаимную любовь князя Данила и Людмилы. Стояна была ревнива до безумія, бывали минуты, когда она была способна погубить свою соперницу, но чувство дѣтской привязанности и благодарности обуздывали злые порывы... Только темная ночь да изголовье, гдѣ Стояна напрасно искала покоя, были ея повѣренными. Для постороннихъ она стала только серьезнѣй и похудѣвшей; одна Людмила замѣчала въ ней странную и необъяснимую переменѣ, но на всѣ вопросы боярышни, Стояна отвѣчала: я здорова, я ничего... это тебѣ померещилось...

Были еще и другія обстоятельства, которыя усложняли затруднительное положеніе Стояны. Во дворѣ Поляниныхъ былъ молодой парень, сирота, также какъ и татарка, взятый отцемъ Людмилы во дворъ по добротѣ душевной. Артемъ и Стояна сблизились общей долей и подружались съ дѣтскихъ лѣтъ. Мальчикъ былъ тихій, добрый, но не красивый; однако Стояна не обращала вниманіе на наружность, и питала къ нему самую теплую дружбу,

но когда Артемъ намекалъ о томъ, что имъ, какъ сиротамъ, надо бы жениться, она отдѣлывалась шутками да смѣхомъ. Артемъ возмужалъ. Его поставили въ помощь пасѣчнику, и онъ очень полюбилъ лѣсъ, пасѣку и пчель, за которыми ухаживалъ. Стояна тоже любила бѣгать по лѣсу за ягодами, либо по грибы и заходила въ избу старика пасѣчника, гдѣ ее кормили сотовымъ медомъ и орѣхами съ густаго орѣшника, окружавшаго пасѣку.

Авдотья Васильевна рѣшила женить Артема на Стоянѣ, которая безъ особеннаго сопротивленія начинала осваиваться съ мыслью быть женою товарища своего дѣтства, какъ вдругъ, послѣ появленія князя Данила Дмитріевича въ Анкудинское, мнѣніе ея и обхожденіе съ женихомъ круто перемѣнились. Напрасно Артемъ доискивался правды. Стояна не отвѣчала на его вопросы и избѣгала встрѣчи съ нимъ. Бѣдный парень тосковалъ и не зналъ, чѣмъ пособить своему горю.

Какъ-то по зимѣ захотѣлось Людмилѣ меду, который сохранялся круглый годъ въ корытахъ и кадкахъ подъ ключемъ у стараго пасѣчника, такъ какъ онъ одинъ умѣлъ сохранить его свѣжимъ и душистымъ, а главное убережеть отъ лакомое—сѣнныхъ дѣвокъ. Ужъ какъ бывало онъ не умасливали старика, онъ былъ неумолимъ, даже боярынямъ отпускалъ съ ворчаньемъ, одной Стоянѣ давалъ безъ отказа, по этому-то ее и посылали всегда за медомъ. Людмила дала ей блюдо и велѣла бѣжать на пасѣку.

— Данило Дмитріевичъ любитъ медъ, смотри самаго бѣлаго крупчататаго выпроси у пасѣчника, наказывала боярышня.

Стояна пошла, не боясь встрѣчи съ Артемомъ, который въ ту пору былъ въ боярской усадьбѣ. Обойдя садомъ, Стояна, ни кѣмъ не замѣченная, вышла въ поле, а потомъ и въ лѣсъ; день былъ ясный; солнце серебрило сосны, покрытыя снѣгомъ; морозъ похрустывалъ подъ ногами, а надъ головой между деревьями севозило голубое небо; на душѣ Стояны стало легче; таинственный говоръ со-

сень убавивалъ ея скорьбь, и она шла не торопливо, прислушиваясь и всматриваясь въ чашу лѣса. Вдругъ ей послышалась чья-то спѣшная поступь; Стояна остановилась, сердце у ней защемило. Это Артемъ, подумала она и отчаяннымъ взоромъ окинула мѣстность, какъ бы ища куда укрыться... но по обѣимъ сторонамъ узкой тропы поднимались сугробы снѣга, а впереди еще не замѣтно было близости пасѣки... дѣваться некуда, пришлось покориться и выслушать тѣ упреки, которые накопили въ душѣ немилаго жениха.

— Здорово, Стояночка! сказалъ Артемъ, догоняя ее.

— Здорово! коротко оборвала дѣвушка, не останавливаясь.

Онъ пошелъ съ ней рядомъ, прямо по сугробамъ, тропа была слишкомъ узка для двоихъ.

— Давно я тебя не видалъ... надо мнѣ съ тобой перемолвиться, началъ Артемъ взволнованнымъ голосомъ.

— Мнѣ некогда... Людмила Евграфовна меду дожидается, возразила дѣвушка. Какъ ты скоро воротился...

— Я все ждалъ тебя на дворѣ... да вышла Марфуша, сѣнная дѣвка, и я спросилъ гдѣ ты? Въ пасѣку за медомъ, говоритъ, пошла... я бѣгомъ за тобой... Стояна! что ты со мной дѣлаешь? За мужъ общалась... и вотъ ни съ чего носъ воротить... Что я за недругъ тебѣ сталъ?

Стояна молчала и прибавила шагъ.

— Да ты не бѣги... Надо-жъ правду вымолвить! Ай тебѣ кто другой полюбился? выпрашивалъ Артемъ.

— Вотъ что, Артемъ!—рѣшительно объявила Стояна, общалась я тебѣ съ дуру, не подумавши, что не любой мужъ хуже смерти... Ну, а теперь я лучше удавилась, а за тебя не пойду...

— Смотри дѣвка!.. не шути съ огнемъ... мрачно сказалъ оскорбленный женихъ. Я тебѣ честию молвлю: общалась, такъ иди... не то... и Артемъ, дико сверкнувъ глазами, схватилъ дѣвушку за руку. Но Стояна была сильна и ловка, она вырвала руку и оттолкнула Артема.

— Ай ты сбѣсился?.. гнѣвно крикнула она. Еще мы не вѣнчаны, а ты чуть не въ драку лѣзешь...

— Смотри, говорю, не ровець часъ... лѣсъ глухой.. никого кругомъ!... придушу... да въ сугробъ зарюю... и Артемъ, обхвативъ дѣвушку, крѣпко прижалъ ее къ груди.

Артемъ вскрикнулъ и выпустилъ Стояну... рука его была въ крови. Татарка, какъ кошка, впиалась въ нее зубами... но за этимъ припадкомъ злости, произошла реакція: дѣвушка опустилась на пѣнь и горько зарыдала.

Ошеломленный Артемъ, не смотря на боль въ рукѣ, спросилъ ее съ участіемъ: Объ чемъ ты такъ убиваешься?

— Охъ, горе мое, горе великое!.. Жизнь не мила, свѣтъ постылъ.. раступись мать сыра земля, прими меня бездомную, сироту несчастную!.. Прожила-бъ я вѣкъ припѣваючи съ тобой, Артемъ, да грѣхъ таковой приключился. Полюбился мнѣ князь Данило Дмитрячъ... Знаю я, что онъ на меня не посмотритъ, какъ на холопку, на поганую татарку... да не могу я силкомъ за другаго идти... лучше помру... либо сбѣгу... плакала Стояна:

Артемъ измѣнился, словно состарѣлся, лицо осунулось, глаза заволокло, руки опустились.

Горе его не выражалось ни слезами, ни жалобами; онъ слишкомъ страдалъ, чтобы бранить или проклинать Стояну. Нѣсколько минутъ онъ молча стоялъ надъ ней, а она все плакала и всхлипывала, закрывъ лицо руками.

Наконецъ Артемъ тихо промолвилъ: Давно бы такъ... Прощай дѣвка... не поминай лихомъ... и шатаясь побрелъ впередъ къ пасѣбѣ.

Стояна, проводивъ его глазами, забывъ про медъ, пустилась бѣгомъ назадъ и сказала боярышнѣ, что въ бору ей встрѣтился волкъ.

— Какъ же одну дѣвку посылать?... повѣривъ, сказала Авдотья Васильевна. Теперь волки-то злы, какъ разъ рovorвутъ.

Данило Дмитріевичъ, услыжавъ о волкѣ, объявилъ, что ночью онъ поѣдетъ къ пасѣбѣ.

Артемъ, какъ вошелъ въ избу, такъ и повалился на лавку и пролежалъ до поздняго вечера, не отвѣчая на распросы пасѣчника.

— Экъ вѣдь грѣхъ-отъ! парень былъ не пьющій... а вотъ какой хмѣльной пришелъ ноне, ворчалъ старикъ, качая головой.

Степнѣло, и полный мѣсяцъ взошелъ надъ боромъ, обливая кровлю избы и луговину передъ воротами бѣлымъ, мягкимъ свѣтомъ. Артемъ всталъ и, взявъ топоръ да лукъ со стрѣлами, вышелъ на крыльцо. Все было кругомъ полно торжественной тишины; пасѣчникъ спалъ на печкѣ, подъ трескъ сверчка, а на дворѣ не было ни живой души. Артемъ отперъ калитку и переступилъ за порогъ. Рѣзкій вѣтеръ потянулъ ему въ лицо и освѣжилъ болѣвшую голову; парень затворилъ за собой калитку и пошелъ по тропѣ, безъ цѣли... Вотъ что-то треснуло, онъ прислушался.. это морозъ... Опять какой-то шумъ, не звѣрь ли?.. Артемъ отошелъ въ тѣнь и притаился подъ деревомъ... Далеко гдѣ-то собаки залаяли, знать въ селѣ на боярскомъ дворѣ... потомъ шаги конскіе.. ближе, да ближе, кто-то показался межъ деревъ на конѣ...

— Это князь!.. мелькнуло въ головѣ Артема. Безсознательно онъ выхватилъ стрѣлу изъ за пояса, положилъ на лукъ и натянулъ тетиву..

Данило Дмитріевичъ ѣхалъ шагомъ и вглядывался въ ту сторону лѣса, которая была освѣщена луной. Онъ поравнялся съ Артемомъ... Артемъ навелъ стрѣлу.

За что?... Онъ вѣдь ее не любитъ... словно добрый ангелъ шепнулъ ему и отвелъ руку отъ гнуснаго убійства... Давно Данило Дмитріевичъ проѣхалъ ужъ, и ступъ лошадиныхъ копытъ по мерзлой землѣ давно заглохъ вдаль, а Артемъ все стоялъ съ натянутой тетивой. Вотъ онъ спустилъ ее, и стрѣла свистя пролетѣла... воткнулась въ сосну и затрепетала словно отъ радости, что не въ человѣка попала...

Князь стоялъ у окна и любовался на дѣвушекъ, хлопотавшихъ возлѣ яблони.

— Ты повыше меня, боярышня, нагни-ка сучекъ— отъ, половина его засохла, говорила Стояна.

Людмила подошла къ яблонѣ и подняла было руку достать сукъ, но глаза ея встрѣтили любовный взглядъ изъ окна.

— А у насъ гость, весело сказала она, указывая на окно. Стояна, увидавъ князя, покраснѣла и, собравъ ножки да ножницы, пошла къ барскимъ хоромамъ. Только что Данило Дмитриевичъ хотѣлъ идти къ Людмилѣ въ садъ, какъ вышла сама Авдотья Васильевна, которой что-то не спалось послѣ обѣда.

Поздоровавшись съ ней и съ Людмилой, князь ска- залъ.

— А я къ вамъ съ важнымъ извѣстіемъ:

— Что такое? въ одинъ голосъ спросили обѣ жен- щины.

— Пріѣхалъ я къ вамъ на три дня, а тамъ про- щусь на долго и уѣду далеко...

— Буда это? съ живостью воскликнула Людмила.

— Войной пойдемъ на Новгородъ: меня осударь ве- ликій князь воеводой поставилъ. Рать собрали: только дѣло стало за великой Земской Думой...

— Вотъ напасть-то! ахала тетка. Ужъ этотъ воль- ный Новгородъ довелъ таки до брани!.. Спаси Господи... не убили бы тебя, родимый!..

— Не убьютъ, улынулся князь. Мы и съ татарвою бились, да Господь помиловалъ, а тамъ холопья!.. го- лымъ тѣла, да мужики худые!.. это намъ не страшно!..

При словѣ «война... убьютъ» Людмила поблѣднѣла. Данило Дмитриевичъ глядѣлъ ей въ очи и увидалъ, какъ они заволакиваются слезами. Онъ прочелъ въ нихъ при- знаніе въ любви и счастливъ онъ былъ въ эту минуту, какъ будто нашелъ сокровище.

— Погости же, родной, на послѣдехъ... Охъ скучно

намъ безъ тебя будетъ... Пойди-ка угощеніе тебѣ приготовить, и тетка ушла, оставивъ князя съ Людмилой.

— Что—ты не молвишь на прощанье-то, Людмила Евграфовна, жалко ли тебѣ меня? Любовь ли я тебѣ? спросилъ Данило Дмитріевичъ.

— Любовь ты мнѣ крѣпко, Данило Дмитричъ, и жалко мнѣ съ тобой разлучаться... а пожалуй это и къ добру будетъ намъ разлука... прошептала Людмила.

— Не возьму я въ толкъ, что ты молвишь?

— А то, что грѣхъ мы беремъ на душу, княже, потому любить-то можно послѣ вѣнца, а намъ вѣнчаться не можно... отвѣчала дѣвушка.

— Ты про то, что твой родитель меня крестилъ, ну это еще невелика помѣха: я такія поминки (подарки) понамъ справлю, что мнѣ запрету не будетъ тебя женой назвать... А ты то согласна ли?.. Чтожь ты молчишь? Обрадуй меня ласковымъ словомъ: мнѣ легче будетъ на ратномъ полѣ, а ворочусь, Богъ дастъ, въ добромъ здравіи и сватовъ настоящихъ пришлю съ дарами къ Авдотѣ Васильевнѣ, и князь, взявъ за руку Людмилу, близко, близко пригнулъ къ ней свое лицо... она чувствовала на своей щекѣ его горячее дыханіе.

— Пусти, Данило Дмитричъ, отшатнувшись сказала Людмила. Коли разрѣшить владыко Филиппъ нашъ бракъ, я буду тебѣ вѣрной и любящей женою... а коли не дозволить, пойду служить Господу, постригусь въ иночини, а за другаго ни за что не пойду..

Данило Дмитріевичъ былъ совершенно увѣренъ въ томъ, что дозволеніе онъ получить. Въ ту эпоху, когда на Руси татарщина да латинство имѣли огромное вліяніе на нравы и обычаи, для богатаго боярина можно было кунить всякія индульгенціи.

Три дня, проведенные имъ передъ походомъ на Новгородъ въ селѣ Анеудинскомъ, сблизили его съ Людмилой и скрѣпили данную ей клятву, не смотря ни на какія препятствія жениться на ней послѣ похода.

Авдотья Васильевна очень желала назвать свою пле-

мянницу княгиней Холмской и привела въ примѣръ разные браки своихъ родныхъ и знакомыхъ.

— Вотъ братъ мой двоюродный отъ живой жены женился, а дядя мой такъ еще лучше сдѣлалъ: умеръ у него братъ, оставилъ жену молодую, а онъ возьми да и женись на братниной-то вдовѣ: извѣстно село свое, церковь своя, и попъ отъ боярина ругу да поминки получаетъ, значить ублажать долженъ... Такъ-то и ты Данило Дмитричъ: награди нашего батьку Тихона, онъ и спрашивать не будетъ кто тебя крестилъ, разсуждала говорливая боярыня.

Вѣсть, что князь за боярышню сватается, облетѣла все село и дошла до Артема. Вражда и ревность въ его душѣ перепли въ раскаянье, и онъ рѣшился просить князя взять его съ собой на войну, такъ какъ жизнь на пасѣѣ ему опыстлила, и тоска не давала ему покоя.

— Что же ты задумалъ на брань идти, аль не хорошо тебѣ? спросилъ князь.

— Житье хорошее, боярыня добрая, отъ боярышни я тоже обиды не видывалъ... а такъ не въ могути мнѣ тутъ оставаться, хотъ бѣжать, такъ въ ту же пору, тяжело вздохнуть, отвѣчалъ Артемъ.

— Коли хочешь, чтобъ я тебя выпросилъ у боярыни, такъ говори безъ утайки: кто тебя обижаетъ?

— Обижаетъ меня дѣвка... полюбилась мнѣ нуще бѣла свѣта, замужь общалась, а теперь рыло воротить... Богъ съ ней... На ратномъ полѣ, можетъ быть, размыкаю свое горе, либо сложу побѣдную головушку... со слезами на глазахъ говорилъ бѣдный парень.

— Ладно! приходи завтра: я спрошу Авдотью Васильевну, коли отпуститъ, такъ со мной и поѣдешь.

Когда князь сказалъ Авдотѣ Васильевнѣ, что желаетъ взять съ собой Артема, она воскликнула:

— Какъ же Стояна-то? Вѣдь мы его на ней женить хотѣли?..

— А, вотъ кто надъ тобой издѣвается, бѣдный Артемъ, некрещенная татарка... подумалъ князь и очень

не дружелюбно посмотрѣлъ на Стояну, когда та прислуживала Людмилѣ.

Стояна встрѣтила взглядъ князя и прочла въ немъ презрѣніе, и это презрѣніе поразило ее, какъ смертный приговоръ. Послѣдніе дни пребыванія Даниила Дмитриевича въ Анкудинскомъ Стояна ходила, словно помѣшанная. Всякая забота обыденной жизни потеряла для нея значеніе, одна мысль преслѣдовала ее: онъ меня ненавидитъ...

Когда князь и Артѣмъ уѣхали, село Анкудинское и весь Вожій міръ показались Стоянѣ пустынею.

— Къ чему мнѣ жить? Кому я нужна? Дурную траву изъ поля вонъ, скажутъ добрые люди, узнавъ, что татарка поганая померла... И какъ бы мнѣ умереть поскорѣе?.. Можетъ тамъ лучше?.. думала дѣвушка, глядя вверхъ на звѣздное небо, такъ тихо, да ласково мигавшее ей своими безчисленными свѣтлыми точками. И вспомнила татарка, словно съвозъ сонъ, преданіе могометанъ о небесныхъ гуріяхъ, о садахъ, полныхъ цвѣтовъ да плодовъ, гдѣ послѣ смерти живутъ непорочныя дѣвы, о томъ надзвѣздномъ краѣ, гдѣ горе и мученія душевныя не вѣдомы... и страстно захотѣлось ей въ тотъ блаженный край, и мысль о смерти показалась ей однимъ исходомъ изъ ея печальнаго земнаго бытія.

Какой то шумъ и плескъ воснулись ея слуха... то была рѣка Сестра, еще шумѣвшая въ полномъ разливѣ. Машинально Стояна пошла въ рѣкѣ и вдругъ очутилась на возвышеніи, откуда могла окинуть взоромъ водное пространство. Кругомъ плескалась вода, мѣсяцъ вышелъ изъ за облака, и все засверкало, засеребрилось, волны ватились одна за другой, словно играли да рѣзвились. Говорятъ, что вода притягиваетъ: Стояна не могла оторваться отъ прекрасной картины разлива, облитого луннымъ свѣтомъ. Ее бросало то въ жаръ, то въ холодъ, ноги дрожали, а руки бессознательно протягивались къ рѣкѣ... Тихо спустилась Стояна, волны плеснули ей на ноги... Берегъ былъ покать, дѣвушка поскользнулась... и

вода быстро закружилась, принявъ въ свои холодныя объятія живое тѣло. Вотъ это тѣло черезъ нѣсколько минутъ всплыло на верхъ, но всплыло безжизненнымъ трупомъ... А мѣсяцъ все свѣтилъ, волны, покружившись, дружно подняли мертвую татарку... Соловей продолжалъ свою пѣсню, полуночникъ скользилъ надъ рѣкою, пиглица пугливо вскрикивала въ осоеѣ... Ничего не измѣнилось въ природѣ, и никто не заплакалъ надъ безродной Стояной.

Г Л А В А XI.

Война.

Май 1471 года ознаменовался въ Москвѣ важнымъ событіемъ. Гудѣли колокола на всѣхъ церквахъ, со всѣхъ концовъ Москвы народъ валилъ къ Кремлю по бокамъ улицъ, на серединѣ которыхъ рядами строились рати со знаменами да стагами, съ пѣсельниками, да гудошниками, оглашавшими трубнымъ звукомъ и пѣньемъ.

Бонные бояре да ратники толпами скакали повсюду съ криками, разгоня нагайками встрѣчныхъ пѣшеходовъ, собѣгавшихся полюбоваться на торжество въ Кремлѣ, гдѣ великій князь Иванъ Васильевичъ собралъ Земскую Думу для совѣщанія и объявленія войны, хотя всѣ уже заранѣе знали о ней, и всѣ приготовленія были кончены.

Къ девяти часамъ утра всѣ бояре, воеводы и другіе московскіе сановники собрались на великокняжескомъ дворѣ, куда послѣ всѣхъ вышелъ Иванъ III съ митрополитомъ Филиппомъ, да съ своими братьями Юріемъ, Борисомъ, и Андреемъ. Отслуживъ торжественный молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ, Иванъ III пошелъ во дворецъ, а за нимъ, со стройнымъ соблюденіемъ первенства, бояре, князья, воеводы, а послѣ нихъ и дьяки съ подьячими для записи въ грамоты рѣшеній Земской Думы. Иванъ III открылъ Думу такой рѣчью: Ты, богомолецъ нашъ владыко митрополить, вы, архіереи право правя-

щіе, вы, ратные бояре, воеводы, думные, приказные дьяк, головы, да старосты, всѣ мои честные, путные пособники и совѣтники! Нынѣ созвалъ я васъ на великое дѣло и крѣпкую помощь: надлежитъ обдумать и рѣшить идти ли намъ походомъ на вотчину мою крамольную, отъ православной вѣры отпавшую, имя мое носящую и порубѣжныя земли въ полонъ съ людьми и скотомъ захватывающую. Вѣдомы вамъ мои намѣренья въ мирѣ и согласіи держать Новгородскій народъ, но дерзости и измѣна ихъ превзошли всѣ мѣры моего долготерпѣнія: крамольники ужъ явно съ Литвою союзъ заключили, крестъ цѣловали и влѣтвенно обѣщали королю Казиміру Гедиминовичу помощь противъ меня и государства Московскаго. Выслушайте договоръ Новгорода съ Литвою и подайте мнѣ совѣтъ добрый, какъ въ семъ дѣлѣ поступить.

По приказанію великаго князя думный дьякъ развернулъ листъ пергамента, на которомъ была списана съ договора копія, присланная въ Москву однимъ изъ приверженцевъ Ивана Васильевича.

Дьякъ громко и внятно прочелъ:

— Великій, вольный Новгородъ, съ посадскими боярами...

— Постой! перервалъ чтеніе Иванъ Васильевичъ, не нужно намъ слышать величанья ихъ отступническаго, а читай уставъ и заключеніе грамоты.

Дьякъ пробѣжалъ глазами копію и остановился на слѣдующемъ:

— Уставъ первый: король Казиміръ Гедиминовичъ обязывается на Городищѣ поставить намѣстника православнаго. 2) Тиуны королевскіе больше 50 людей въ Новгородѣ не могутъ при себѣ держать. 3) Буде Московскій князь пойдетъ на Новгородъ, то королю Литовскому идти противъ Москвы намъ на помощь. 4) Суды и земли съ водой въ Новгородѣ по старинѣ держать. 5) Въ латинство король Новгородцевъ силою приводить не можетъ. 6) Церквей латинскихъ въ Новгородѣ не

строить. 7) Когда король съ Москвою миръ заключить, то взять ему черныи боръ одинъ разъ, а въ другіе миры не брать. 8) Тѣснить Новгородъ, король не можетъ, а править имъ предоставитъ мужамъ вольнымъ Новгородскимъ по кресту и старинѣ. 9) Крестное цѣлованіе творить за себя передъ Новгородомъ за раду Литовскую и за королевство Литовское.

По окончаніи чтенія, Иванъ Васильевичъ продолжалъ свою рѣчь: вы слышали уставы договора съ Литовскимъ королемъ. Какъ вы молвите, можетъ ли великій князь Московскій попустить такую измѣну?

Собранье разомъ встало, а митрополитъ Филиппъ отвѣчалъ за всѣхъ:

— Буде что Господь велить, а съ ересью Новгородомъ надо покончить походомъ, коли на то воля будетъ осударева.

Бояре и воеводы единогласно подтвердили это рѣшеніе, съ криками: долой вѣтчѣ! Не попустимъ измѣну! Не хотимъ съ ересью брататься! будетъ Новгороду противъ Москвы вичиться да своевольничать!.. Когда общее раздраженіе утихло, великій князь сказалъ:

— Теперъ, бояре и воеводы мои вѣрные, надлежитъ рѣшить, когда намъ идти на Новгородъ, нынѣ весною, али до зимы пообождать?

— Есть на то воля твоя, осударь князь, а идти надо не мѣшкаая, отвѣчалъ престарѣлый бояринъ Еропкинъ.

— Твоя правда, бояринъ честной! и мы тоже дуемаемъ, подхватили другіе.

— Други мои! вы знаете, что земля Новгородская вся въ озерахъ, да рѣкахъ, да въ топяхъ болотныхъ, замѣтилъ осторожный Иванъ Васильевичъ. Припомните, что наши отцы да дѣды хаживали лѣтомъ на Новгородъ и ни съ чѣмъ возвращались; какъ бы и намъ тоже не было.

— Воленъ ты, княже, рѣчи наши выслушать, а подобаетъ идти прежде, нежели Казимиръ рать свою въ

Новгороду придвинеть... тогда тяжелѣй будетъ, совѣтовалъ бояринъ князь Раполовскій-Стародубскій.

Иванъ Васильевичъ все еще колебался. Онъ дорожилъ ратными людьми и не любилъ бесполезнаго кровопролитія. Онъ обратился къ своимъ братьямъ:

— Братья мои любезные, какъ по вашему совѣту да разуму, идти немедля, али обождать?

Андрей старшій да Андрей младшій, Юрій да Борисъ Васильевичи отвѣчали въ одинъ голосъ:

— Идти теперь на супротивниковъ!

Всѣ бывшіе въ собраніи сановники приступили къ великому князю:

— Молимъ тебя слезно, княже многомилостивый... Не посрамимъ Москвы любезной противъ мятежнаго Новгорода! Идемъ войной, не отълаживая.

— Дѣдъ твой Дмитрій Ивановичъ ходилъ же на супротивниковъ гораздо сильнѣйшихъ и съ Божьею помощію одолѣлъ супостатовъ. Ужели ты, княже, опасаясь худыхъ мужиковъ, да голтыбы наемной, дрекольемъ вооруженной, въ дырavyя кафтанья одѣтой, что ратью въ Новгородъ прозывается? молвилъ князь Семень Ярославскій, опытный въ дѣлахъ.

Наконецъ Иванъ III уступилъ общимъ просьбамъ:

— Да будетъ воля Господня, глаголемая устами вашими! Идите на землю Новгородскую, пожгите вольный воровской городъ, поплѣните вранольниковъ латинству присягнувшему!... А напередъ просите благословенія у владыки нашего Филиппа—митрополита.

— Благославляю тебя, осударь, и рать твою и буду денно и ночью о благоденствіи и побѣдѣ твоей надъ мятежниками возносить молитвы къ Господу! поднявъ руку съ крестомъ, благословилъ митрополитъ.

— Тебѣ, братъ мой Андрей, какъ старшему послѣ меня, поручаю я, послѣ моего отбытія, править Москвою честно и по правдѣ, во славу Спаса нашего и къ пользѣ государства, обратился великій князь къ Андрею Васильевичу, который поклонился ему въ ноги. Въ пособ-

ники тебѣ назначаю царевича Муртоза, показывая на молодого татарскаго князя, сказалъ Иванъ Васильевичъ. Самъ же я, съ вами братья Юрій, Андрей да Борисъ, съ тобой Михайло Андреевичъ воевода Верейскій, да съ тобой царевичъ Даньяръ, объявилъ наконецъ Иванъ Васильевичъ, пойдемъ въ походъ. Царевичи Муртоза и Даньяръ съ своей татарской ратью состояли на службѣ и на жалованьѣ у Ивана.

— А гдѣ же князь Холмскій? спросилъ великій князь.

Данило Дмитріевичъ вышелъ изъ рядовъ и приблизился къ князю.

— Хоть ты и молодъ, а я крѣпко на тебя уповаю, сказалъ ему великій князь. Возьми, назначенную тебѣ рать, и выступай впередъ завтра же. Начинай брань съ Новгородомъ, какъ умѣешь, да смотри не посрами Москвы передъ вольнымъ городомъ.

— На все воля Господня! а я, осударь великій княже, по силѣ и охотѣ своей готовъ тебѣ служить правдою, отвѣчалъ Холмскій, съ воодушевленіемъ.

— Въ пособники себѣ возьми друга своего Федора Давыдова и ступай съ Богомъ, собирайся въ путь, молвилъ Иванъ Васильевичъ. А вы, бояре, приготовьте посла въ Новгородъ съ разметными письмами ¹⁾ да пошлите къ князю Тверскому, да просите помощи у Псковичанъ и Вятчанъ, чтобы выходили на Новгородъ.

Москва засуетилась. Вокругъ нея въ пригородныхъ слободахъ и поселкахъ были расположены войска, обозы, да наряды ²⁾, готовые къ выступленію въ походъ.

По улицамъ и день и ночь шла большая суетня: посланцы, конные бояре, да ратники скакали съ привазами. Торговые люди укладывали товаръ и съѣстные продукты, чтобы идти за арміей и продовать все въ три—дорога, какъ Московцамъ, такъ и Новгородцамъ.

¹⁾ Прокламаціи къ народу, съ воззваніемъ примкнуть къ Москвѣ.

²⁾ Артилерія.

Русское войско въ то время было самое сбродное. Оно состояло изъ четырехъ отдѣловъ: первый отдѣлъ преимущественно пополнялся высшимъ классомъ: боярами, боярскими дѣтьми, дворянами; кромѣ того тутже были татарскіе служники, не умѣвшіе вести войну пѣшую, ибо татаринъ былъ тогда какъ бы нераздѣльный товарищъ коня, почему и считались превосходными кавалеристами; мурзы были оглашенные то есть изъявившіе желаніе вступить въ православіе, либо перекрещенные; къ конницѣ же принадлежали казаки и вольные люди (волонтеры), и наконецъ въ видѣ резервовъ такъ называемые люди даточные, набираемые на случай надобности. Во второмъ отдѣлѣ, въ пѣхотѣ состояла меньшая часть войска, выставленная разными сословіями: тутъ были крестьяне, горожане, холопыя и челядь боярская, охочіе, наемники, а въ случаѣ надобности и перебѣжчики то есть бѣгуны, не имѣвшіе ни осѣдлости, ни опредѣленнаго званія, однимъ словомъ люди темные, въ происхожденіи которыхъ никто не доискивался истины, если они заявляли охоту воевать и пополнять сборныя рати, весьма мало знакомые съ дисциплиной, не получавшіе жалованья, а промышлявшіе кто чѣмъ зналъ, въ мирное время подавнѣемъ, а въ военную пору грабежомъ. Третій отдѣлъ: нарядъ, или артилерія, въ 1470-тыхъ годахъ заключался въ крупныхъ пищаляхъ то есть пушкахъ трехъ родовъ осадныхъ, крѣпостныхъ и полевыхъ то есть довольно легкихъ, чтобы ихъ можно было возить на дрогахъ.

Наконецъ въ четвертомъ отдѣлѣ арміи былъ обозъ съ кормомъ для людей и лошадей, боевые запасы, оружіе, подводы для пушекъ и прислуга всякаго рода, боярская изъ холоповъ и наемная для пѣхоты.

Конныя рати были вооружены ручницами то есть легкими пищалями, копьями, дротыками, саблями, ножами, сайдаками, лубами, вистенями и прочее; а конные татары имѣли оружіе своеобразное: кривыя сабли то есть шашки, длинныя копья, да сайдаки. Пѣхотное вооруженіе было самое разнородное: что у кого было, топоры, булавы, пи-

щали, которыя при стрѣльбѣ становили на станокъ, кидени, бросаемаы въ ряды непріятеля, джиды, мечи, засапожники то есть ножи, носимые за сапогами, сѣбири, бердыши, булавы и прочее. Для предохраненія отъ ударовъ противника употребляли нагрудники, называемые «тишляи» съ нашитыми на нихъ пластинками изъ мѣди и желѣза; а болѣе богатые надѣвали кольчуги и панцыри, юшаны, куюки, калантары; головы прикрывали шлемами и металлическими шапками.

При всякой рати были особые музыканты, трубачи, гудочники, игравшіе на трубахъ, треугольникахъ, рожкахъ, сурнахъ и гудкахъ. Конечно звуки этихъ инструментовъ были лишены мелодичности, но за то производили довольно шума и нескладнаго гула, что нравилось неразвитой въ музыкальномъ искусствѣ народной массѣ. При томъ было очень много знаменосцевъ съ разными великовняжескими и боярскими стягами да значками.

Рать раздѣлялась обыкновенно на пять частей: центръ или сердце, на десную и ошую то есть фланги и на передовой да сторожевой отряды, какъ нынѣ авангардъ и аріергардъ. Обозъ или кошъ сопровождали охранные отряды, называемые кошевники, а между пушкарями были хитрецы, служилые люди изъ иноземцевъ, какъ на примѣръ Фіоравенти, наводившіи мосты и строившіи дороги для удобнаго проѣзда конницы и наряда.

Таково-то было ополченіе Московскаго государства, выступившее въ началѣ іюня 1471 года въ походъ на Новгородъ. Подъ распоряженіемъ князя Данилы Дмитріевича Холмскаго былъ передовой отрядъ, обило 10 тысячъ ратниковъ.

Г Л А В А XII.

Битва на Шелонѣ.

Данило Дмитріевичъ подступилъ къ городу Русѣ съ своимъ передовымъ отрядомъ; а вторая рать, подъ на-

чалствомъ князя Оболенскаго—Стриги, да съ татарскимъ ополченіемъ царевича Митраджи, двинулась къ Вышнему—Волочву и пошла вдоль рѣки Мсты; третья рать съ велико-княжескими братьями и княземъ Верейскимъ въ одно же время вступила въ предѣлы Новгородскіе. Озлобленные противъ Новгорода, воеводы высылали легкіе конные отряды жечь села и поселки безъ пощады, а плѣнныхъ обывателей въ цѣпяхъ да колодежахъ отпирывали въ Московскія владѣнія. Центръ арміи съ Иваномъ во главѣ 23 іюня перешелъ Волокъ и занялъ на Новгородской землѣ городъ Торжекъ, гдѣ и поселился впредъ до новыхъ завоеваній. Посмотримъ, что въ это время дѣлали знакомые намъ приверженцы Новгородской вольности.

Бояринъ Устрѣль-Заврутинскій сидѣлъ въ своемъ домѣ за трапезой, но ѣда ему на умъ не шла. Блюда смѣнялись почти не тронутыя, а сѣдые усы боярина еще ниразу не окунулись въ ковшь съ медомъ. Иванъ Артемьевичъ былъ мраченъ и неотвязное злое предчувствіе сосало его сердце. Онъ зналъ, что полчища Московскіе переступили за рубежи Новгородскихъ земель, но давно онъ не получалъ новыхъ извѣстій; нетерпѣливое ожиданіе и неизвѣстность томили его пуще хрипыхъ вѣстей. Онъ хотъ и не допускалъ возможности, чтобы Москвичи подошли къ его вотчинѣ, но онъ боялся какъ-бы несогласія между Новгородскими властями не испортили оборону. Его душа рвалась къ дѣятельному участию въ войнѣ, но самолюбіе, не позволявшее встать въ ряды воиновъ, домогалось воеводства надъ ними. Новгородскіе же посадники, прибѣгавшіе къ его щедрости для тайныхъ подкуповъ, теперь словно позабыли, что съ его мужествомъ и разумомъ, онъ могъ бы принести огромную пользу общему дѣлу. Это произошло, вѣроятно, вслѣдствіе размолвки между нмъ и Борецкими, послѣ знаменитой исторіи съ ключникомъ Пименомъ, расхитившимъ казну архіепископскую, потому что бояринъ Устрѣль-

Закрутинскій правдиво и сурово высказалъ свое неодобреніе такимъ подпольнымъ интригамъ.

Размышленіе Ивана Артемьевича перерывалъ Угачъ.

— Что ты? очнувшись, спросилъ бояринъ.

— Гонецъ къ твоей милости! Съ ратнаго поля вѣсти.

— Зови... веди!.. крикнулъ Закрутинскій, и самъ пошелъ къ двери, гдѣ встрѣтился съ гонцемъ, усталымъ и запыленнымъ. Что скажешь и откуда ты? нетерпѣливо спросилъ бояринъ.

— Изъ Руси... а зовутъ меня Гаврило Архиповъ... отвѣчалъ парень съ довольно глупой наружностью.

— Ты вѣсти-то молви... перебилъ его рѣчь бояринъ.

— Вѣсти худыя!.. и гонецъ уныло почесалъ затылокъ.

Такія-то плохія вѣсти, что и молвить не охотно!.. Иванъ Васильевичъ въ Торжкѣ стоитъ, а воевода Холмскій Русу снегъ до чиста, а горожанъ поплѣнилъ... Наши было на Ильменѣ-озерѣ у Боростыни подплыли на стругахъ и рать воеводскую врасплохъ захватили; иначе онъ самъ въ битву кинулся и побилъ цѣлую тьму... а какъ пошелъ Холмскій-то отъ Руси, наши загородили ему путь на рѣкѣ-Полѣ, да ратью въ двѣ тьмы наперли на него...

— Ну скорѣе молви: побили Москвичей-то?..

— Охъ бояринъ!.. побили... да не мы... а насъ такъ-то разбили, что и половину не собрали людей ратныхъ послѣ побойща!.. вздохнувъ, сказалъ гонецъ.

Иванъ Артемьевичъ стукнулъ булавомъ по дубовому столу такъ, что онъ затрещалъ.

— Анафема!.. крикнулъ онъ. Кой чортъ деретъ ихъ лѣзть на Холмскаго и зря народъ губить, чѣмъ бы всѣ силы беречь для настоящей битвы...

Гонецъ и Угачъ испуганно переглянулись. Послѣ минутнаго волненія, бояринъ подавилъ свой гнѣвъ и спросилъ.

— Еще чего не слыхалъ ли?

— Изъ Новгорода тоже вѣсти худыя. Я встрѣтилъ

гонца оттуда, онъ и связывалъ: за помощьюъ въ королю Казимиру посылали, а онъ не идетъ; потомъ къ Ливонскимъ рыцарямъ бросились, а они съ Литвой то въ раздоръ, мы-де нашего врага союзникамъ не пособники...

— А Псковъ-то что?.. да Вятка?.. спрашивалъ бояринъ.

— Псковъ-то отъ Новгорода съ себя крестное цѣлованіе сложилъ и помощьюъ шлѣтъ Московскому князю, а Вятка и ему и намъ отказала: «свои-де псы грызутся, а чужая въ нимъ не лѣзь»...

— Неудачи за неудачами! Соберу свою рать и поѣду въ Новгородъ... авось разобью Москву проклятую, молвилъ бояринъ.

— Нѣтъ, бояринъ!.. не сокрушить тебѣ Москву!.. видно воля Божія и покаяться надо!.. Не размысливъ что говорить, бухнулъ гонецъ.

Какъ обшешный вскочилъ съ лавки бояринъ, не ожидавшій такой выходки.

— Что ты смѣлъ молвить холопъ! измѣнникъ!.. крикнулъ Закрутинскій и, схвативъ массивную серебряную чашу, бросилъ ее въ гонца...

Ударъ попалъ въ голову... обливаясь кровью, несчастный упалъ за мертво.

На ступъ вбѣжалъ Угачъ и остановился пораженный удивленіемъ. Бояринъ рѣзво сказалъ: Вытащи его и убери кровь...

Угачъ безпрекословно повиновался.

Все тѣснѣй да тѣснѣй окружали Москвичи Новгородъ, словно желѣзнымъ кольцомъ. Уже подъ самымъ Городищемъ пылали селы и слободы, поджигаемыя надъ рѣвой Волховомъ отрядами, подплывавшими въ легкихъ челнокахъ и быстро убѣгавшими отъ тяжелыхъ Новгородскихъ струговъ. Князь Холмскій рядомъ удачныхъ битвъ утвердился на занятой имъ мѣстности и навелъ страхъ на Новгородцевъ. Псковъ съ 14 посадниками и воеводою княземъ Васильемъ Ѳедоровичемъ Шуйскимъ присоединился къ Московскому войску; а Новгородцы воспользо-

вались отсутствіемъ рати и напали на порубѣжныя Псковскія волости, начали жечь ихъ села и рѣзать жителей. Узнавъ объ этомъ, Псковичи вернулись и загнавъ въ городъ Вышгородъ Новгородцевъ, обружили ихъ со всѣхъ сторонъ.

На другой день, видя недостатокъ въ хлѣбѣ, Новгородцы должны были сдаться Псковичамъ съ 5,000 воиновъ, да совсѣмъ оружіемъ. Кромѣ того Псковичи отняли тутъ обратно награбленное Новгородцами имущество и много уведенныхъ въ полонъ жителей, такъ что и тутъ враги Ивана потерпѣли поражение.

Казалось сама природа стала на сторону Московцевъ: лѣто, не въ примѣръ прежнихъ, стояло жаркое, и засухи высосали всю влагу земли, покрытой топкими болотами, сдѣлавшимися по этому стеченію обстоятельствъ доступными для передвиженія Иванова войска. То, что при прежнихъ попыткахъ никогда не удавалось предшественникамъ Ивана, то есть походъ лѣтомъ въ глубь Новгородскихъ владѣній, теперь стало дѣломъ весьма легкимъ; а для Новгородцевъ эта самая переменна климата была гибельна, такъ какъ они увѣренные въ непроходимости своихъ болотъ и не ожидая столь быстро и успѣшнаго перехода московскаго войска, конницы и наряда не укрѣпили порубѣжныхъ пунктовъ. Такія удачи воодушевляли и ободряли Московскихъ ратниковъ, а Новгородскихъ, напротивъ, приводили въ уныніе и безнадежность.

Когда князь Данило Дмитріевичъ увѣдомилъ Ивана Васильевича о побѣдѣ при Полѣ, то великій князь приказалъ ему раздѣлить свое войско на двѣ части и подступить съ лучшимъ отрядомъ конницы къ рѣкѣ Шелонѣ, оставивъ при Демонѣ, гдѣ тогда стоялъ Холмскій, подручныхъ ему князя Михайла Андреевича Верейскаго да Федора Давыдова съ остальными ратниками.

Князь Холмскій, отобравъ двѣ съ половиной тысячи лучшихъ кавалеристовъ и тысячу татарскаго ополченія, безъ обоза и безъ наряда, скорымъ шагомъ двинулся на Шелонь, но застигнутый ночной темнотой, не рѣшился

идти ночью, чтобы не попасть въ засаду, а остановился въ верстѣ отъ рѣки и послалъ развѣдчиковъ. Устроивъ коновязи, поставили лошадей въ центръ, окруживъ его вольцомъ, и расположились варить пищу. Каринно раскинулась рать Холмскаго на равнинѣ при свѣтѣ погасавшей зари и яркихъ костровъ, пылавшихъ подъ котлами. На разосланномъ коврѣ, ближе къ рѣкѣ, сидѣлъ Данило Дмитріевичъ съ своими боярами и татарскими начальниками. Онъ разсѣянно вслушивался въ говоръ своихъ воиновъ на русскомъ и татарскомъ нарѣчій; глаза князя были устремлены по направленію рѣки, откуда онъ ждалъ возвращенія развѣдчиковъ, а мысли его были далеко, далеко, въ томъ мирномъ угольѣ, гдѣ любимая имъ дѣвушка тихо и грустно бродила по саду и можетъ быть въ эту минуту со слезами шептала его имя!

Въ двухъ шагахъ отъ Данилы Дмитріевича стояли его подручники Артемъ и Петръ, изъ атамана—разбойника преобразовавшійся въ честнаго воина за князя Московскаго. Движеніе и шумная ратная жизнь были для Петра необходимы, какъ отвлеченіе отъ горя въ разлукѣ съ княжной Аломольской; притомъ же Петръ имѣлъ въ виду при удобномъ случаѣ напасть съ легкимъ отрядомъ на княжескую усадьбу и увести свою милую Алевтину.

Развѣдчики возвратились и увѣдомили, что Новгородцы стоятъ верстахъ въ 19 отъ Шедони, а потому нападенія отъ нихъ въ эту ночь нельзя опасаться. Князь Холмскій, совершенно успокоенный, далъ приказъ ночевать на равнинѣ, чтобы при первыхъ лучахъ утренней зари вновь быть готовымъ выступить. Бояре и татарскіе мурзы оставили князя и ушли отдыхать въ своимъ людямъ и лошадямъ.

При князѣ остались Артемъ и Петръ. Закусивъ на-соро, изжареннаго на желѣзномъ крюкѣ надъ костромъ, убитаго мѣткой стрѣлой Артемовой, тетерева-черныща и заливъ эту закуску ключевой водою, они собирались на

отдыхъ, когда со стороны Шелони показался несущійся во весь опоръ всадникъ.

Спросивъ гдѣ воевода, онъ подсказалъ къ князю и спрыгнулъ съ сѣдла, едва переводя духъ отъ усталости.

— Что тебѣ? спросилъ Данило Дмитріевичъ.

— Доложу я твоей воеводской милости, что прилучилось мнѣ быть за Шелонью рѣкой. Увидавъ всадниковъ Новгородскихъ человекъ 15, я спрятался въ кусты откуда ихъ рѣчи слышалъ, будто рать Новгородская идетъ къ тебѣ на встрѣчу. Хоть я и поспѣшилъ къ тебѣ съ извѣстіемъ, но прямо ѣхать было нельзя, и я ѣхалъ далеко въ обходъ, а они-то шли на прямикъ, теперь поди не далече... объявилъ неожиданную вѣсть развѣдчикъ знакомый намъ бѣгунъ Парфень, участвовавшій въ защитѣ слободы Славковой.

— Эка помѣха! пробормоталъ Данило Дмитріевичъ. Ну спасибо, Парфень, кабы не ты, искрошили-бы насъ Новгородскіе худые мужиченки. Эй вы, добрые молодцы! кривнулъ онъ, обращаясь къ Артему и Петру. Знать не придется намъ ноне соснуть: вѣлите-ко лошадей сѣдлать, оружіе приспастать да къ бою готовиться не мѣдла.

Петръ и Артемъ бросились передавать приказъ.

— Подайте мнѣ коня моего, да Парфену тоже коня добраго: мы съ нимъ поѣдимъ впередъ, посмотримъ издали что за рать на насъ идетъ?.. сказалъ князь.

Сѣвъ на коней, они рысью поѣхали къ рѣкѣ. Сперва дорога шла открытой равниной, потомъ всадники въ ѣхали въ мелкій лѣсъ, но такой густой, что едва можно было пробраться по одиночѣй. Наконецъ выбрались на плоскій песчаный берегъ рѣки Шелони, которая тутъ была шириной сажень въ 10, но не глубока, такъ что можно было переѣхать въ бродъ. Всадники осторожно, вымѣривая дно рѣки шестомъ, переправились на противоположную сторону, поднялись на гористый берегъ и передъ ними открылось на далекое пространство голое мѣсто съ торчащимъ пересошимъ камышомъ и кочками бывшаго болота.

— Тутъ на коняхъ ѣхать опасно, надо ихъ спрятать, посоветывалъ Парфень.

Они спѣшились и привязали коней къ ивамъ, растущимъ по берегу.

— Незабудь, гдѣ мы коней-то оставили, наказалъ князь.

— Я и въ глухомъ гаю да найду, княже. У меня такая снаровка, коли разъ прошелъ, такъ не вовѣкъ не позабуду, сказалъ Парфень. Только не отставай отъ меня, а я прямо тебя выведу къ вражей рати.

Князь послѣдовалъ за нимъ и безъ отдыха версты четыре шли они, опасаясь, чтобы на разсвѣтъ не быть замѣченными на обратномъ пути.

Однако они начинали чувствовать утомленіе, и подойдя къ группѣ деревьевъ, изрѣдка росшихъ на полянѣ, рѣшились тутъ перевести духъ.

— Еще версты три надо идти до того мѣста, гдѣ я видѣлъ тѣхъ всадниковъ, говорилъ Парфень.

Ночь была тихая; туманъ слася надъ болотомъ и бѣлыми ключьями поднимался надъ головами путниковъ. Послѣ удушливо-жаркаго дня влажная прохлада ночи пріятно освѣжала усталаго Данилу Дмитріевича.

Вдругъ Парфень положилъ руку на колѣно князя и шепнулъ: слышешь?

Князь прислушался, какіе-то неопредѣленные звуки, похожіе на шумъ воды, донеслись до его слуха.

Чтобы это такое? недоумѣвалъ онъ.

— Словно вѣтеръ гудитъ, а вѣтру нѣтъ, сказалъ Парфень.

Князь досталъ ножъ изъ за сапога; вырвавъ ямку въ землѣ, онъ прилегъ ухомъ и еще болѣе удивился: гулъ усилился, а земля словно вздрагивала и колѣбалась. Парфень тоже прилегъ къ землѣ.

— Господи, ужъ не конецъ ли земли приходитъ?.. Не провалиться бы намъ въ преисподнюю?.. Знать—это мѣсто не чистое... съ ужасомъ воскликнулъ онъ.

— Слыхалъ я, что въ иныхъ земляхъ трясеніе бы-

ваетъ и дома разваливаются и земля разсѣдается, говоритъ Данило Дмитриевичъ. Только это не у насъ и не въ Новгородскихъ волостяхъ, а къ Византіи да къ Царь-граду ближе...

Гуль увѣличивался и становился явственнѣе.

— Влѣзь-ка на дерево, да оглядись вокругъ, приказалъ князь. Парфенъ влѣзъ на дерево и нѣсколько минутъ внимательно осматривалъ горизонтъ.

Вскорѣ Парфенъ спустился на землю.

— Новгородцы идутъ, объявилъ онъ. Гуль-то и трясеніе земли отъ ихъ конницы. Вонъ гляди-ка, княже, теперь и отсюда видно ихъ.

Данило Дмитриевичъ сталъ всматриваться въ прозрачную даль, очистившуюся отъ тумана, который поднявшись на верхъ, стоялъ облакомъ, въ ожиданіи утренняго вѣтра, разсѣяться по воздуху.

Вся сѣверная сторона долины была какъ будто темной лентой охвачена; яснѣй да яснѣй выдѣлялись очертанія лошадей и людей. Шумъ выяснялся все болѣе и болѣе въ крики, бряцаніе оружія и ступъ дружно идущихъ коней по твердой, высохшей отъ жаровъ почвѣ.

— Эва силища-то!.. пробормоталъ князь.

— Вотъ-те худые мужики, голыдба Новгородская, протянулъ Парфенъ. Жарко намъ уже будетъ съ ними биться-то!..

Князь съ Парфеномъ хотѣли удалиться, когда вся вражья рать внезапно стала, и всадники стали спѣшиваться. Черезъ нѣсколько минутъ заблестѣли костры, и Новгородцы расположились на отдыхъ, осмотрѣвъ внимательно окружающую ихъ мѣстность. При свѣтѣ занимавшагося зарѣва отъ костровъ, князь Холмскій и Парфенъ пошли назадъ, безпрепятственно достигнувъ берега, гдѣ были привязаны ихъ лошади.

Вскочивъ на коней, они познакомому уже броду перѣехали на другой берегъ и позвакали что есть духу въ лагерь, который въ отсутствіе ихъ заснулъ мирнымъ сномъ.

Зная привычки Новгородцевъ, князь Холмскій былъ увѣренъ, что если они стали бивуакомъ, то не поднимутся не выславшись, поэтому онъ не потревожилъ своихъ людей, чтобы они послѣ спокойно проведенной ночи были бодрѣе въ предстоящему далеко неровному бою. Онъ видѣлъ, насколько сила Новгородская превосходитъ силу его рати, но отступать было не въ характерѣ князей Холмскихъ; въ тому же удачи первыхъ битвъ удвоили его природную храбрость, а на мужество своихъ избранныхъ товарищей онъ вполне надѣялся. У меня немного, да люди опытные въ ратномъ дѣлѣ и незнакомые со страхомъ... а тамъ много, да сбродъ, холопья, да неумѣлые люди торговые, думалъ Данило Дмитріевичъ.

Онъ велѣлъ разбудить Артема да Петра и съ сторожевымъ небольшимъ отрядомъ отпавилъ ихъ къ рѣкѣ, не допускать переправы враговъ.

Разумѣется сонъ ни на минуту не сомнѣлъ глазъ бодрствующаго за всѣхъ воеводы. Едва заря занялась, онъ созвалъ совѣтъ бояръ и татарскихъ мурзъ: лучше ли ждать нападенія, или самимъ переправиться да напасть на непріятеля? задалъ онъ имъ вопросъ. Всѣ единодушно согласились съ его мнѣніемъ, что первый изъ двухъ плановъ вѣрнѣе и надежнѣе въ случаѣ неудачи, когда могли потонуть въ торопяхъ въ малознакомой рѣкѣ. Затѣмъ изъ предосторожности татарская дружина была отправлена въ засаду, чтобы переправившись южнѣе черезъ Шелонь, ждать окончанія боя, или напасть на побѣжденныхъ враговъ и добить ихъ, или же прикрыть отступленіе своихъ.

По уходѣ татаръ, Москвичи помолились Богу и плотно поѣли, по русскому обычаю полагая, что сытому веселѣе работать и драться. Потомъ не спѣша вычистили лошадей, приготовили и зарядили огнестрѣльное оружіе, и собравъ все, какъ слѣдовало, сѣли на коней.

Князь Данило Дмитріевичъ сѣлъ на подведеннаго ему коня, вытащилъ изъ за пазухи серебряный складень со святыми мощами, набожно перекрестился и, поцѣло-

вавъ его, опять спряталъ. Потомъ вынувъ подаренный великимъ княземъ мечъ съ оправленной въ золото и камни самоцвѣтные рукоятю, но съ лезвіемъ немного зазубреннымъ отъ недавнихъ битвъ, онъ скомандовалъ выступленіе.

Вся рать весело и бодро мелкой рысью послѣдовала за воеводой.

Это было раннимъ утромъ 14 іюня 1471 года.

Яркое безоблачное небо улыбалось. Солнце ласкало Московскихъ богатырей, съ такой гордостью шедшихъ на несмѣтные вражескія силы.

— Ну ребята!.. сказалъ Холмскій, когда не вдалекѣ засеребрились волны Шелони. Держитесь крѣпко, не посрамите Москвы передъ вранольнымъ Новгородомъ: у него много силы, но Господь Богъ за правое дѣло заступникъ!.. Не смущайтесь и дружнѣй напирайте.

— Ладно! Ладно, княже воевода! Ужъ поподчуемъ гольтѣбу-то! не захочетъ въ другой разъ соваться! Даромъ что насъ мало!.. за то славы будетъ много! отвѣчала дружина, состоявшая по большей части изъ молодежи, цвѣта московской конной рати.

Передъ ними развернуса видъ на рѣку Шелонь, за которой догорали костры, паслись лошади и бродили сторожевые новгородскіе ратники.

— Вотъ они, окоянные! указывая другъ другу, говорили Москвичи, останавливаясь въ нѣсколькихъ сажняхъ отъ рѣки. Вдругъ въ Новгородскомъ лагерѣ поднялась тревога и смятеніе: воины видались въ табуны, обратывали коней, а пѣшіе собирали оружіе; завывли трубы да гудки, и черезъ пять минутъ все войско знало о приближеніи Московцевъ. Скоро войско выстроилось и двинулось къ рѣкѣ. Только безшабашное удалство Московскихъ дружинниковъ могло рискнуть на бой съ такими неровными въ числѣ врагами: по всему берегу плотными рядами, сплошь покрывая обширную равнину, двигались Новгородцы съ криками да пѣснями, среди которыхъ былъ слышенъ бранный вличъ: за великій Новгородъ и

Св. Софью! Московцы вытянулись въ линію на правомъ берегу Шелони, а Новгородцы на лѣвомъ. Послѣдніе видѣли малочисленность первыхъ, но, испытавъ не разъ ихъ несокрушимое мужество, не рѣшались переправиться, а тѣ, на оборотъ, не изъ трусости, а изъ предосторожности не хотѣли оставить за собой рѣву.

Въ то время былъ обычай передъ битвой оглаживать другъ друга и перебраниваться; такъ и теперь: Новгородцы, выскакивая изъ рядовъ, «яко пси изрыгали всякую хулу и ругань». Не стерпѣли Московскіе ратники и пошла перестрѣлка бранными словами...

Вниманіе князя Холмскаго привлекла группа всадниковъ на отличныхъ коняхъ и въ богатомъ одѣяніи.

Онъ подозвалъ Парфена.

— Ну-ка ты, бѣгунъ Новгородскій, обратился онъ къ нему шутливо—ласково, ты знаешь этихъ небойсь, что это за воеводы такіе?

— Какъ не знать, отвѣчалъ Парфенъ. Вонъ въ зеленомъ-то съ позолотой кафтанѣ—это посадникъ Дмитрій Исаковичъ Борецкій; а вонъ этотъ въ красномъ-то Павелъ Телятевъ; на Яковѣ Ѳедоровѣ синій камзолъ съ серебряной кольчугой, а вонъ и ворогъ мой Василій Селезневъ... Погань Новгородская тѣфу!.. крикнулъ Парфенъ, выскакивая впередъ, пси паршивые, чортовы пасынки!.. Эхъ, княже! прикажи ударить въ нихъ, а то простоишь тутъ зря! Вишь они опалѣли отъ страха, душа въ пятки ускачила!..

— И впрямь, намъ стоять не досужно. У насъ и корму не хватить, сказалъ князь Холмскій. Потомъ крикнулъ:

— Съ Богомъ, дружина моя! впередъ! за Москву и князя Ивана Васильевича!

Онъ дернулъ поводъ бона, тотъ поднялся вскачь и со всего маху бросился въ рѣву. Вода, словно удивилась, зашумѣла, запѣнилась и раступилась передъ ратью, дружно плывшую за своимъ воеводою.

Высочивъ изъ Шелони, Московская рать, какъ ураганъ, винулась на Новгородскую: завязался жестокой бой.

Переправа Московцевъ за рѣку была почти мгновенная. Не успѣли ихъ противники мигнуть, какъ они налетѣли на нихъ, и булатные клинки сабель да мечей врѣзались въ оторопѣвшіе ряды ратниковъ.

Какъ лютые звѣри дрались Московцы, но очнувшіеся Новгородцы напирали многочисленностью и, гдѣ падалъ одинъ изъ нихъ, являлся на смѣну десятокъ. Крики, звуки трубъ, стоны раненныхъ, ржаніе коней, лягъ холоднаго оружія и выстрѣлы пищалей слились въ одинъ ужасный гулъ. Пыль поднялась облакомъ и застлала горизонтъ.

Съ полусотней всадниковъ Данило Дмитріевичъ съ Артемомъ, Петромъ и Парфеномъ были оторваны отъ своихъ и увлечены въ водоворотъ сѣчи.

Посадничья рать Новгородская столонулась съ ними. Дмитрій Борецкій въ золоченомъ шелоу, потрясая мечомъ, крикнулъ громовымъ голосомъ:

— «Эй молодчики, Новгородскіе соколики! Вотъ они воеводы то Московскіе: бей ихъ по шеемъ! не жалѣючи боярской крови!...

Толпа непріателей съ Васильемъ Селезевымъ впереди всѣхъ бросилась на Холмскаго, но Парфенъ только того и ждалъ. Однимъ взмахомъ сабли онъ отсѣкъ ухо Селезеву, сбросивъ его съ коня, потомъ пришибъ другаго дюжана Новгородца, проткнулъ брюхо третьему и продрался къ князю на помощь.

Быстро и дружно сомкнулись ряды Московцевъ и врѣзались въ рать Новгородскую съ несокрушимой силою. Борецкій и другіе воеводы были опрокинуты... Новгородцы не выдержали и смѣшались... послѣдствія одной минутной слабости были для нихъ ужасны!

Холмскій крикнулъ: Други мои, мужайтесь! Посадники побиты! Новгородъ бѣжить!...

— Москва!... Иванъ Васильевичъ! грянули удалцы и винулись догонять отступавшихъ противниковъ, кото-

рыхъ съ тылу встрѣтило татарское ополченіе, довершившее побѣду. Сорока тысячное войско Новгородское позорно бѣжало, покидая раненныхъ и обозы. Только ручьи крови на равнинѣ, гдѣ недавно такъ бодро и стройно двигались блестящіе ряды конницы...

Въ пылу общей свалки Холмскій получилъ царапину бердышемъ на колѣникѣ, Петру содрало кожу съ руки, а Артемъ палъ за мертво отъ вражяго меча!...

Въ разсыпную мчались Московскіе кавалеристы, топчя пѣшихъ враговъ и добывая обезумѣвшихъ отъ паники худыхъ мужиковъ, Новгородскихъ холоповъ, которые бѣжали куда глаза глядятъ, заботясь только о своей кожѣ и пробивая путь между товарищами. Двѣнадцать тысячъ легли востыми на полѣ.

Наконецъ Московскіе ратники натянулись на кошъ Новгородскій: окруживъ себя колымагами да повозками засѣли кошевники и отстрѣливались, но нападавшіе опрокинули телѣги, добрались до припасовъ и забрали все, что было цѣннаго.

Князь Холмскій, опасаясь, чтобы Новгородцы не воротились, отдалъ приказъ собирать рати и воды Шелони поставить между собой и полемъ битвы, рѣшившей участь Новгородской вольности.

Шелонская побѣда слыветъ примѣромъ богатырскихъ дѣлъ: сорокъ тысячъ Новгородцевъ были побиты тремя съ половиною тысячами. Жалкіе остатки непріятельской арміи разсѣялись и не могли быть собраны для новыхъ битвъ; взято въ плѣнъ болѣе 1.700 человекъ и въ томъ числѣ Дмитрій Борецкій, Василій Селезневъ, Яковъ Ѳедоровъ и Павелъ Телятевъ. Добыча въ обозѣ была богатая: много серебра и денегъ, всякихъ припасовъ, оружія, боевыхъ снарядовъ, боярскаго имущества, посадничія печати и наконецъ подлинная договорная грамота съ королемъ Литовскимъ.

За то и войско Московское потеряло изъ отряда Холмскаго много героевъ и почти что всѣ участвовавшіе въ знаменитой битвѣ были болѣе или менѣе ранены.

Заслуга и слава князя Холмскаго были щедро награждены Московскимъ государемъ, въ которому онъ тотчасъ же послалъ гонца съ радостнымъ извѣстіемъ.

Паника послѣ этой побѣды была такъ велика, что послѣ пораженія Псковичей при рѣкѣ Лютой, вступившіе было въ Псковскія владѣнія Новгородцы, услыжавъ о Шелонскомъ боѣ, воротились назадъ.

Великій князь стоялъ при Яжолбицѣ, когда получилъ извѣстіе отъ Холмскаго; онъ пошелъ въ Демону, который посѣшилъ сдаться. 24 іюля Иванъ вступилъ въ Русу и послалъ въ Новгородъ опасную грамоту для проѣзда пословъ Новгородскихъ, бить челомъ осударю Московскому о мирѣ. Но послы не являлись, упрямый вольный городъ не думалъ покоряться, а рѣшился держаться до послѣдней возможности.

Г Л А В А XIII.

Пшеничники и ржанники.

27 Іюля въ пригородѣ была ярмарка, на которую со всѣхъ окрестностей собрались поселяне, кто покупать, а кто продавать разный товаръ и скотъ. Прежде ярмарка бывала здѣсь 6 августа, но теперь ее ускорили, потому что ближайшіе жители къ мѣсту военныхъ дѣйствій навезли всякаго добра, спѣша распродать свое имущество изъ опасенія потерять его, а Новгородцы охотно покупали, надѣясь, что Московскихъ ратниковъ не допустятъ до ихъ твердыни, какъ они полагали, не сокрушимой.

Ярмарка была въ самомъ разгарѣ; погода стояла отличная, и торговля шла очень ходко; всѣ были веселы и не очень-то смущались Московской рати.

Вдругъ крики и шумъ обратили на себя общее вниманіе, и народъ столпился, желая узнать причину сума-

тохи. Отрадь вонныхъ всадниковъ мчался вдоль ярмарки, разгонная толпу нагайками и крича:

— Князь Московскій изъ Русы на Новгородъ идетъ!

Нашихъ всѣхъ на Шелонѣ перебили!...

Всадники поскакали далѣе къ Городищу, а народъ испуганно спрашивалъ другъ друга: что? какъ!...

Разумѣется вѣсти въ преувеличенномъ видѣ, облетѣвъ всю ярмарку, произвели невообразимый хаосъ. Люди, какъ полумумные, кидали свой скотъ, товаръ и воображивъ, что Московская рать уже близко, бѣжали на площадь къ Софійскому собору.

Къ полудню печальныя вѣсти разнеслись по всему городу и окрестностямъ. Всѣ тужили да плавали о гибели сродниковъ подъ Шелонью и съ ужасомъ говорили, что теперь Московской рати не предстоитъ препятствій ко взятію Новгорода, такъ какъ нѣтъ войска для его защиты. Къ вечеру того же дня нѣсколько сотниковъ и старость выѣхали по окрестнымъ селамъ и вызывали обывателей во внутрь города. Подводы и толпы женщинъ съ дѣтьми непрерывно тянулись въ городскіе ворота, вокругъ которыхъ хлопотали кузнецы да каменщики, укрѣпляя ихъ и городскія стѣны, кругомъ рыли рвы да банавы и устанавливали орудія. Въ самомъ городѣ тоже царствовало смятеніе и торопливыя приготовленія къ защитѣ: каждый домъ укрѣплялся; посадники со стражниками ходили по улицамъ, вербуя обывателей для рати; кто не шелъ охотой, того волокли силкомъ. Суетливое движеніе продолжалось и послѣ того, какъ стемнѣло. Никто не думалъ объ отдыхѣ и снѣ; среди ночи свѣтъ необычайный озарилъ новгородскія окрестности, все разливаясь выше и сильнѣе, словно самое небо кругомъ разверзлось. Ужасъ объялъ толпы народа, собравшіяся на улицахъ: не свѣту ли представленіе? не конецъ ли міру? не знаменье ли какое? волновался народъ.

Нѣтъ! это былъ огромный костеръ, по приказанію посадниковъ, зажженный вокругъ Городища, чтобы уничтоживъ всѣ пригородные поселки до слободы, отнять у

врага средство къ засадѣ и укрѣпленію. Городъ съ его крѣпкими стѣнами стоялъ, какъ островъ среди моря огня; мрачно и безмолвно слѣдили за опустошеніемъ прекрасныхъ мѣстностей жители, только что покинувшіе, свои дома въ добычу пламени и разрушенія. Черезъ три дня вся окрестность около Новгорода превратилась въ пустыню и пепелище, гдѣ еще дымилась и чадила догоравшія головы!

Вербовка въ пополненіе войска усиленно подвигалась. Вербовщики съ сотниками да стражниками хватали по домамъ всѣхъ годныхъ, по ихъ мнѣнію, къ службѣ, и если случалось, что ослушники упирались, то ихъ безъ суда и расправы волокли къ берегу рѣки Волхова и съ камнемъ на шеѣ стлбывали въ воду.

Прошла недѣля. Спѣшныя приготовленія къ защитѣ были окончены, Московскія рати еще не являлись, и всѣ понемпогу успокоились, при чемъ уснувшія было распри и вражда снова оживились съ прежней яростью. Однако на этотъ разъ друзья Литовскіе упали духомъ: главные ихъ зачинщики были въ плѣну въ Москвѣ, а Олельковичъ, видя, что обстоятельства запутываются, заблаговременно убрался со всѣми своими Литовцами, чѣмъ наглядно доказалъ несостоятельность надежды на Казимира. Дорогой онъ даже ограбилъ и выжегъ нѣсколько порубежныхъ новгородскихъ городовъ. Бояринъ Устрѣлъ - Закрутинскій, прибывшій въ Новгородъ въ продолженіе войны, выѣхалъ изъ него на защиту Заволочья, вмѣстѣ съ княземъ Шуйскимъ-Гребенюю. Съ Московской стороны появилось множество разметныхъ писемъ и перевѣдчиковъ, уговаривавшихъ народъ къ покорности великому князю Ивану.

Особенно враждебнымъ Литовской партіи былъ перевѣдчикъ Упадышъ, пользовавшійся большою популярностью. Сильно негодовали и точили зубы на Упадыша Литовцы, а изловить его ни какъ не удавалось. Нѣсколько разъ Упадышъ подносилъ крѣпостнымъ стражникамъ сонпаго зелья и дурмана, при чемъ, пользуясь

ихъ безпамятствомъ, заклепывалъ и портилъ орудія, успѣвъ такимъ образомъ пять крупныхъ пищалей сдѣлать негодными къ защитѣ.

Однажды Упадышъ ошибся въ размѣрѣ зелья, и заснувшіе стражники скоро очнулись. Едва принялся онъ заклепывать пушку, какъ оправившіеся ратники подхватили его и поволокли къ допросу.

— За кого ты? спрашивали его на пыткѣ.

— Не знаю!.. запаматовалъ! вотъ все, что отъ него добились. На утро его столкнули съ берега въ Волховъ.

Однако дѣло, начатое Упадышемъ, пускало ростки да корни; перевѣдчики переманивали народъ массами. Горожане, недовольные пристрастіемъ и самоуправствомъ посадниковъ съ боярами, роптали, волновались и ухватились за первый предлогъ къ возмущенію.

Державшійся въ осадномъ положеніи Новгородъ вскорѣ сталъ нуждаться въ самомъ необходимомъ во время осаднаго сидѣнья — въ хлѣбѣ! Простонародье и бѣдные горожане голодали; рожь поднялась въ цѣнѣ, а потомъ вовсе исчезла съ торговъ новгородскихъ. За мѣшокъ ржаной муки запрашивали отъ рубля до двухъ рублей серебрянныхъ, что на наши цѣны стоило отъ 100 до 200 рублей!.. Цѣна чудовищная, небывалая на Руси.

Конечно бояре, имѣвшіе большіе запасы и потреблявшіе хлѣбъ пшеничный, были ограждены отъ голода; но простой народъ и ремесленники, не имѣя хлѣба ржаного, голодал и тянули на сторону Москвы, обѣщавшей обильную пищу. Образовалось двѣ партіи: сторонниковъ Москвы — ржанниковъ, и сторонниковъ Литвы и осаднаго сидѣнья пшеничниковъ.

Въ первыхъ числахъ августа, на знакомой намъ Славковской улицѣ собрались слобожане; небольшая толпа сначала потолковала про домашнія дѣла, а потомъ рѣчь перешла на политику.

— Да, дѣла, прости Господи, творятся чудныя! сказаль сынъ старосты Герасимъ Евстигнеевъ. Помирать надо, безъ ржаного-то хлѣба! А все бы пошло по ста-

рому и хлѣба было бѣ вволю, кабы покорились Московскому осударю Ивану Васильевичу!

— Суцая правда! согласились его собесѣдники. Все худо отъ того, что боярамъ, да посадникамъ свою гордыню смирить не хочется, шей-то съ жиру не гнутса.

— Да имъ что, пшеничникамъ-то тужить: муки бѣлой полны закрома... сказалъ старикъ — крестьянинъ съ исхудалымъ лицомъ. А вотъ какъ у меня въ семьѣ-то 16 душъ, а хлѣбушки ни ломтя!.. вотъ горе-то... Пошелъ я вечеръ на торгъ, сталъ торговать полъ-мѣшка муки ржаной, а съ меня купецъ-то заломилъ цѣлую полтину... Да у меня ниволи и въ жизнь то такихъ деньжищъ не бывало!.. Охъ горе наше мужицкое!..

— Да... плохо мужику, подхватилъ молодой парень. Приходится затынуть пѣсню:

Какъ ни хлѣба вѣту дома, вѣтъ и толоконца,
 Какъ добыть его не знаю, денегъ ни алтына;
 А работай въ кабалѣ—то до седьмого пота.
 Эхъ возьму я ножъ булатный, да кистень тяжелый:
 Какъ пойду я въ мать дуброву добывать прокорма!
 А за это какъ десятникъ вздернетъ на осину,
 Да почнуть клевать вороны мое бѣло тѣло!

— Знать съ голодухи-то хмѣль тебя разбираетъ! перервалъ его пѣсню шустрый мужикъ, по видимому изъ числа перевѣдчиковъ. Эхъ вы народъ горемычный! попусту язвы чешете, да пѣсни складываете! Кто же въ вашей нуждѣ повиненъ, коли не вы сами? Бабе вы, просто бабы трусливы! Развѣ васъ мало ржанниковъ-то? Вѣдь болѣ, чѣмъ пшеничниковъ! Собрались бы всѣ, да на вѣчѣ: не хотимъ-де въ осадѣ сидѣть, хотимъ въ Ивану Васильевичу челомъ бить. А коли кто супротивъ васъ, берите рычаги да рожны, гоните ихъ съ вѣча, да набать въ колокола ударьте!.. Вы что ждете? вотъ подойдетъ Московская рать, посѣчетъ васъ, Городище сожжетъ, а женъ и ребятъ въ полонъ поберетъ!

Ропотъ одобренія пробѣжалъ въ толпѣ.

— И впрямь, добрые люди! Мы себѣ не лютые вороги!

Не хотимъ пропадать лютой смертью... Идемъ на вѣчѣ.

— Идите, православные! Московскій князь милостивъ и щедръ, хлѣба у него много!.. крикнулъ проѣзжавшій по улицѣ на ворономъ конѣ бояринъ Алексѣй Подбѣльскій.

Это было какъ бы сигналомъ. Изъ оконъ и воротъ высовывались головы и кричали: «гей православный народъ, выходи на помощь ржанникамъ противу Литвы измѣнницы, за Москву родную, за Ивана Васильевича». Толпа все росла, народъ валилъ сотнями, улицы Новгородскія наполнились ржанниками, которые подойдя къ Софійскому собору, уже въ числѣ 7 тысячъ человекъ, запрудили площадь и переулки къ ней.

Алексѣй Подбѣльскій, ѣхавшій на своемъ ворономъ конѣ впереди всѣхъ, соскочивъ съ сѣдла, вошелъ на паперть, сотворилъ три земные поклона и смѣло ударилъ въ вѣчевой колоколъ; другіе волокола церковные загудѣли...

— Что это за звонъ!.. Не Московская ли рать идетъ?.. испуганно спрашивали бояре-пшеничники, вскакивая на коней и спѣша къ площади.

Раньше всѣхъ явился на соборный помостъ архіепископъ Теофілъ.

— Что вы, православные! опомнитесь, теперь не та пора, чтобы крамолы чинить, а Богу надо молиться!.. уговаривалъ онъ.

— Гей вы, голытьба, холопы, худые мужики! Кто это смѣлъ въ вѣчевой колоколъ ударить?.. Идите по домамъ, пока нагайками васъ не разогнали! неосторожно и запальчиво крикнулъ подоспѣвшій Василій Ананьинъ.

— Толпа молчала, но не расходилась, а бояре все прибывали.

— Вы чего стали?.. Что хотѣли молвить? Ай забыли? крикнулъ, выступая впередъ Славковецъ Герасимъ

Евстигнеевъ. Ты, бояринъ, не очень-то надъ нами ругайся, мы не бабы!.. вспомни-ка Настасью, старостину дочь! обратился онъ къ Ананьину. Нехотимъ мы съ Иваномъ Васильевичемъ брань держать. Долой измѣнниковъ, латинцевъ, Козиміровыхъ холоповъ!..

Ржанники дружно грянули: за Москву, за Ивана Васильевича!.. Отворяй ворота, выноси ключи, идите къ Московскому князю челомъ бить!

Тщетно посадники и ратные люди пытались водворить спокойствіе. Шумъ и крики не переставали.

Тогда архіепископъ Теофилъ собственно-ручно ударилъ въ вѣчевой колоколь, и все мгновенно смолкло:

— Православный народъ Новгородскій! началъ онъ спокойно. Мы не прочь обсудить ваши рѣчи... Только не подобаетъ всѣмъ голосить; пускай выборные изъ васъ подойдутъ, а мы выслушаемъ.

Ржанники начали совѣщаться и рѣшились поручить вести за нихъ переговоры Алексѣю Подбѣльскому.

— Хотимъ подъ Московское владѣнье!.. Хотимъ Ивану Васильевичу челомъ бить! Съ Литвою договоръ разорвать!.. Коли вы намъ хлѣба дать не можете, мы и сами ворота на Городищѣ сломаемъ, да подъ Русу къ великому князю гурьбой идемъ... сказалъ за всѣхъ Алексѣй. Бояре задыхались отъ бессильной ярости; но сила ржанниковъ была значительнѣй и имъ невозможно было преословить. Одинъ Ананьинъ ничего не хотѣлъ уступить.

— Прочь, крамольники!.. оралъ онъ съ пѣной у рта. Гей вы, челядь моя! ратные люди! стражники! старосты! сотники, тысяцкіе!.. Бейте, вяжите эту сволочь!..

Эти бранныя рѣчи подѣйствовали, какъ электрическая искра. Поднялись крики и ругань; толпа хлынула на помость, стащила Ананьина и другихъ Литовскихъ сторонниковъ, побила ихъ и разогнала остальныхъ; а ратные люди, силою набранные, тоже голодающіе, примкнули къ ржанникамъ.

Пшеничники, посрамленные и избитые, бѣжали съ вѣча. Цѣлый день, гуляя и бражничая, побѣдители хо-

дили по улицамъ, разъясвивая враговъ и грабя ихъ жилища. На другой день собралось вѣче и рѣшено было архіепископу Теофилу съ избранными посадниками ѣхать бить челомъ Ивану князю Московскому.

В Л А В А XIV.

Осада Устрѣлы.

Черезъ нѣсколько дней, когда Шелонскіе богатыри очнулись отъ утомленія послѣ битвы, Петръ неотступно сталъ просить у князя Холмскаго позволенія съ небольшимъ отрядомъ сходить на Мсту побить одного изъ своихъ враговъ, Новгородскихъ сторонниковъ. Данило Дмитіевичъ далъ ему въ распоряженіе сотню конныхъ ратниковъ и татаръ. Петръ постарался разжечь ихъ обѣщаніемъ богатой наживы, и они бодро отправились въ набѣгъ. Наконецъ-то счастье улыбнулось Петру, и онъ заранѣе радовался, воображая, какъ прижметъ онъ къ горячему сердцу молодецкому свою милую, въ вѣрности которой онъ ни на минуту не усомнился. Цѣлый день шли они по пустыннымъ, выжженнымъ и опустошеннымъ междуусобицей, берегамъ Мсты. Вотъ вдаль показалось какое то зданіе, во всей своей нетронутой красотѣ, удивляя ратниковъ, послѣ общаго запустѣнія, обиліемъ и густотой растительности вокругъ него. Петръ взглянулся въ эту знакомую ему мѣстность и припомнилъ, что именно въ этой сторонѣ находилась Устрѣла усадьба Закрутинскаго. Добыча была заманчива для его товарищей, и онъ готовъ былъ пожертвовать имъ на расхищеніе боярское гнѣздо заклятаго врага Мосевы.

— Постойте-же-ка здѣсь, вотъ въ этомъ дубовомъ бору, сказалъ онъ своимъ дружинникамъ, а я пойду напередъ и развѣдаю здѣсь ли самъ бояринъ и какъ легче овладѣть его усадьбою. Тихо и осторожно пробираясь по чащѣ, Петръ подошелъ на довольно близкое разстоя-

ніе отъ красныхъ стѣнъ, окружавшихъ со всѣхъ сторонъ домъ Ивана Артемьевича. Что то стукнуло въ рощѣ. Петръ спрятался за дерево: съ тяжелой вязанкой дровъ шель крестьянинъ и, остановившись возлѣ Петра, свалилъ дрова въ вучу. Пока онъ возился съ своей ношей, Петръ подерался сзади и, схвативъ его за локти, скрутилъ ихъ снятымъ съ себя поясомъ.

Мужикъ обомлѣлъ отъ страха и взмолился не убивать его.

— Пусти, кормилецъ, душу на покаяніе! плакалъ онъ, валяясь въ ногахъ у Петра.

— Не бойся, я тебя не убью, коли ты мнѣ всю правду молвишь, отвѣчалъ Петръ, не выпуская его изъ рукъ

— Что же тебѣ знать желательно? спросилъ нѣскольکو успокоенный дровосѣкъ, взглядываясь въ лицо Петра. Словно я тебя видалъ и допрежде?

— Видалъ, аль нѣтъ, а узнавать не могли! остановилъ его Петръ. Ты мнѣ молви ка, да не ври, дома ли вашъ бояринъ Иванъ Артемьевичъ?

— Нѣту его, вотъ-те Христокъ! Въ Новгородъ онъ свою рать увелъ, а нынѣ, слышно, у Двины противъ Московцевъ бьется, рассказалъ дровосѣкъ.

— Добро!.. а кто же въ усадьбѣ-то живетъ?

— Живетъ тутъ бояринъ Семень Нивитичъ.

— Какой это?.. Откуда онъ?

— Село тутъ не далече, Локотовъ прозывается?..

— Корольковъ? воскликнулъ изумленный Петръ.

— Онъ самый: съ женою тутъ и съ холопьями!

Петръ отступилъ на два шага и выпустилъ изъ рукъ конецъ пояса, на которомъ придерживалъ мужика, но тотъ и не думалъ бѣжать. Повидимому онъ узналъ Петра, но не смѣлъ назвать по имени.

— Съ женой... повторилъ Петръ. Давно ли онъ женатъ и на комъ?

— Да молвили конюхи наши, что женатъ онъ не-

давно, а взялъ онъ жену молодую изъ княжескаго рода, Аломольскую Алевтину Никифоровну.

Будто ножемъ кто рѣзнулъ Петра: онъ прислонился къ дубу и забылъ про мужа, который все стоялъ и съ любопытствомъ вглядывался въ Петра.

Знать въ Московскіе ратники попалъ. Словно бояринъ!.. вотъ диво-то! думалъ дровосѣкъ.

Мысли вихремъ носились въ головѣ Петра: она замужемъ!.. волей или силкомъ ее отдала?.. тоскуетъ ли она по мнѣ, или разлюбила?

Немного прійдя въ себя отъ неожиданнаго удара, Петръ продолжалъ распросы: много-ль у васъ тутъ челяди... есть-ли оружіе?

— Челяди немного. Нашу-то всю захватилъ съ собою Иванъ Артемьичъ, а Семенъ-то Никитичъ у себя набралъ ратниковъ полсотни. Его-то усадьба открытая, безъ защиты, онъ поопасся, что разграбятъ да пришибутъ, а тутъ крѣпко, вотъ и просилъ нашего-то боярина пустить его, а тотъ радъ, что безъ него охрана осталась.

— Пищали-то есть ли?

— А кто ихъ знаетъ? замаялся дровосѣкъ.

— Да ты, братъ, не вилай хвостомъ-то, а то какъ разъ приходи! пугнулъ его Петръ. Сколько у нихъ пищалей и гдѣ они стоятъ?

— Они не стоятъ... они попрятаны... отвѣчалъ мужикъ. Въ тутъ въ бору... и земіе тутъ и начинка чугунная...

— Что ты брѣшешь? Какъ тутъ? изумился Петръ.

— Коли угодно, пойдемъ, я укажу. Бояринъ-то назавалъ, коли Новгородскіе одолѣютъ, опять выкопать да въ усадьбу стащить, а коли Московскіе, такъ пуцай-де имъ не достается... Окромя того и казны тутъ зарыто много, откровенно объявилъ мужикъ. Теперь отпусти меня, кормилецъ!

— Укажи сперва, гдѣ то мѣсто! Мужикъ привелъ его въ чащу лѣса и, раскопавъ мечемъ землю, Петръ

наткнулся на твердый предметъ: это было неуклюжее орудіе того времени.

Отпустить дровосѣва было бы неосторожностью, такъ какъ онъ могъ повѣстить находившимся въ усадьбѣ ратнымъ холопьямъ Королькова. Петръ передалъ его на руки двухъ воиновъ изъ своей дружины, которую привелъ на указанное ему мѣсто.

— Други! сказалъ онъ имъ. Тутъ владъ зарыть, а въ хоромахъ боярскихъ добыча богатая: все себѣ берите, а мнѣ только одно сокровище надобно—молодую жену Королькова, силкомъ за него отданную.

Алчные глаза ратниковъ перебѣгали отъ мѣста, гдѣ зарыть былъ владъ, въ дому, гдѣ они ожидали получить большую поживу.

— Оставимъ тутъ стражу и этого стараго пса... сказалъ одинъ татаринъ.

— Теперъ за мной и попытаемъ одолѣть вѣрныя стѣны Устрѣловскія! крикнулъ Петръ, вскакивая на сѣдло и пуская коня крупноі рясью.

Вся дружина, кромѣ оставленнаго на сторожѣ десятка татарскихъ всадниковъ, съ гнѣвомъ и свистомъ ринулась изъ лѣсу къ воротамъ; но они были заперты. Обѣжавъ кругомъ, они нашли другой входъ, но забитымъ и заваленнымъ на глухо.

— Ждали гостей, поганое отродье! сѣрдито ворчалъ Петръ.

— Эй, отпирайтесь, коли не хотите смерти лютой! крикнулъ онъ, стуча топоромъ въ ворота.

Вмѣсто отвѣта съ стѣны мелькнулъ фитиль, и пуля свистнула мимо виска Петра.

— Лихо! Знать они посидѣть хотятъ! злобно крикнулъ Петръ. Не ждуть, измѣнники, гостинцу свинцоваго, что сами себѣ припасли!.. Вытащимъ, други мои, пицаль-то изъ земли, да и давай катать въ ворота.

Вернулись въ лѣсъ и принялись выкапывать двѣ мѣдныя пушки голандскія полуторныя; тутъ же были

зарыты каменныя ядра и десятеа три «свинчатоеъ нѣмцевихъ» *) да два боченка пороху.

— Вонъ онъ, кладь-то! радостно воскликнули ратники, зеля-то **) сколько, на свою погибель они тутъ его зарыли...

Накинувъ веревки воеругъ пушекъ, привязали ихъ къ конскимъ сѣдламъ и, подсобляя кто какъ могъ, подтащили на нѣсколько сажень отъ воротъ. Осажденные, увидя приготовления враговъ, зачастили выстрѣлы со стѣнъ изъ ручныхъ пищалей, которые, задѣвъ кое кого изъ осаждающихъ, еще болѣе разсердили ихъ.

Застучали топоры, засуетились Московскіе ратники и скоро устроили подмостки для пушекъ, привязавъ ихъ къ толстымъ дубамъ, чтобъ не раскатывались отъ выстрѣловъ; потомъ выбравъ удобныя возвышенности, зарядили каменными ядрами. Нацѣлившись въ главный ворота, Петръ приложилъ къ затравкѣ зажженую сухую вѣтку сосны...

Бѣловатый клубъ дыма вылетѣлъ изъ жерла орудія, мгновенно раздался выстрѣлъ, и ядро глухо ударилось въ желѣзныя скобы воротъ.

Первый ударъ не прошибъ воротъ, но навелъ ужась на осажденных... Даже другой и третій выстрѣлы не сокрушили крѣпкихъ воротъ.

Петръ бѣсился отъ неудачи.

— Эй вы, капустники! берегись! кринулъ со стѣнъ насмѣшливый голосъ, и полсотни стрѣлъ завизжали въ воздухѣ.

— Лѣшій васъ задави! ругнулся Петръ, вытаскивая изъ плеча, попавшую въ него стрѣлу.

Одинъ изъ татаръ навелъ пушку на то мѣсто, откуда вылетѣли стрѣлы, запалилъ пукомъ соломы, и его выстрѣлъ былъ удачнѣе. Нѣсколько осажденныхъ были ранены, а одинъ покотился со стѣны и замертво гранулся на землю.

*) Свинцовыя ядра.

**) Порохъ.

Татаринъ захохоталъ и продолжалъ стрѣлять. Между тѣмъ начинало смеркаться, набѣжали тучи, и ночь стала такая, что хоть глазъ выколи. Зажечь костеръ было опасно, огонь могъ послужить цѣлью для выстрѣловъ, а потому и пришлось отступить въ рошу. Оставивъ стражу возлѣ пущевъ, раздосадованная дружина полегла на травѣ для отдыха. Громъ гудѣлъ вдали, изрѣдка синеватая зарница на мгновеніе освѣщала контуры башенъ и стѣнъ, вновь погружая ихъ въ непроницаемый мракъ.

Петръ не спалъ: далеко ли до завѣтной цѣли? Рукой бы досталъ!.. анъ сиди тутъ и мучайся!.. А она, быть можетъ, ждетъ его не дождется... а быть можетъ обнявъ любимаго мужа, сладко повоится на пуховой постелѣ!..

Петръ вскакивалъ и бормоталъ несвязныя рѣчи. Голова его пылала и какія-то безумныя мысли путались въ его разстроенномъ воображеніи.

Послѣ полуночи внезапно раздались крики, и въ беспорядочномъ смущеніи товарищи Петра вскочили со сна... Осажденные вышли изъ воротъ и думали въ распlochъ захватить враговъ; но стража схватилась съ ними въ перестрѣлку и остановила ихъ натискъ. При свѣтѣ сверкавшей молніи ихъ легко было сосчитать: человекъ 25 дрались съ ожесточеніемъ. Петръ бросился съ саблей въ ружѣ; неровный бой продолжался нѣсколько минутъ, и осажденные, потерявъ четырехъ раненныхъ, отступили къ воротамъ. Преслѣдуя отступавшихъ, Петръ едва, едва не ворвался въ ворота, но неуспѣлъ, ворота захлопнулись передъ нимъ, и загремѣвшіе запоры раздѣлили бойцовъ. Въ пылу схватки онъ узналъ самаго Королькова и, наскочивъ на него, повалилъ было на землю, ужъ рука Петра занесла надъ противникомъ послѣдній ударъ, когда свадѣ кто-то выхватилъ его саблю, и ею же нанесъ Петру ударъ по головѣ, отъ котораго защитила, хоть и согнулась, его желѣзная шапка. Корольковъ успѣлъ таки высвободиться и убѣжать, Петръ жаждалъ снова схватить врага, но запертые ворота не поддавались никакимъ усиліямъ.

Утро застало Московскихъ ратниковъ въ напрасныхъ попыткахъ овладѣть усадьбой. Начинали роптать: 18 человекъ были ранены, а успѣха не предвидѣли. Петръ и самъ отчаявался, когда къ нему подошелъ татаринъ Хамедуль.

— Бачка! сказалъ онъ. Я гнался за утками тамъ на рѣбѣ и подшибъ одну; она упала въ кусты, я полѣзъ за ней и вижу яма... глубокая, а въ ней сбоку лазейка такая, что можно двоимъ въ рядъ пролѣзть и камнемъ выложена...

Петръ вострепнулъся: онъ слышалъ, что изъ Устрѣлы было тайное подземелье къ рѣбѣ.

— Спасибо, Хамедуль, это ходъ въ боярскій теремъ. Покажи, гдѣ яма-то?

Татаринъ повелъ Петра, и онъ удостовѣрился, что вырытый въ землѣ ходъ не защищенъ и едва ли запертъ. Безъ боярина никто и не позаботился о немъ, а можетъ быть онъ никому кромѣ его и не былъ извѣстенъ.

— Хочешь идти со мной въ ихъ стѣны? спросилъ Петръ у татарина.

— Что жъ, бачка! Убить, тамъ и здѣсь убьютъ; Аллахъ великъ и Магометъ пророкъ его!

— Ну живѣе раздѣнь-ко вотъ этихъ мертвыхъ челядинцевъ, что вѣчеръ на насъ высочили, какъ угорѣлые; мы надѣнемъ ихъ холопскую одежду и заберемъ туда. А вы, лихіе товарищи, ждите; я отопру ворота и впущу васъ или сложу тамъ голову... сказалъ Петръ и, не смотря на увѣщанія друзей, перерядился вмѣстѣ съ татаринѣмъ.

— Простите, други вѣрные! не поминайте лихомъ! и Петръ быстро удалился къ рѣбѣ; Хамедуль шелъ за нимъ. Разсчистивъ обвалившуюся землю, они пролѣзли въ узкое отверстіе и тамъ нашли болѣе обширный ходъ. Тихо, ощупывая стѣны и почву, пробирались они въ потемкахъ. Повидимому очень давно никто не бывалъ въ этомъ подземномъ ходѣ, земля и камни во многихъ мѣ-

стахъ обвадились и наши авантюристы должны были расчищать землю и отваливать камни, при чемъ надъ головами ихъ почва обсыдала и грозила похоронить ихъ. Петръ шелъ упрямо впередъ; лихорадочное состояніе и боль въ головѣ его усиливались, порой онъ падалъ въ изнеможеніи, но послѣ минутнаго отдыха опять принимался за дѣло. Татаринъ работалъ безъ ропота: у обоихъ была заманчивая цѣль, для одного любовь, а для другаго богатая добыча. Они слышали глухіе удары и содроганіе земли:

— Это наши отъ скуки палать, сказалъ Петръ.

— А небойсь вечеръ на дворѣ, замѣтилъ Хамедуль.

— Намъ и на руку: ночью-то лучше никто не узнаеть...

Да вотъ что, Хамедуль, прибавилъ Петръ. Что-то у меня въ башкѣ не ладно и томно что-то въ очахъ, не помереть бы мнѣ прежде, чѣмъ дойдемъ... такъ ты и одинъ, иди... помни, что какъ стемнѣетъ да сторожа отъ воротъ отлучатся, ты засовы отодвинь, и воли приперты чѣмъ, отвали... меня не дожидайся!..

— Ладно!.. отвѣчалъ татаринъ.

Послѣ двѣнадцатичасоваго упорнаго труда, Петръ съ товарищемъ почувствовали прохладную струю воздуха.

Близко! слава Аллаху! обрадовался Хамедуль и пощупалъ карманы, сожалея, что они не довольно широки захватить всѣ мѣшки съ драгоценностями, которыя мерещились ему.

Тонкая полоска свѣта проникала съ верху: Петръ вскоробкался по развалинамъ и увидалъ небольшую дверь, сгнившую отъ времени. Оттопнувъ ее, онъ высунулъ голову: надъ нимъ были вучи хлама, поросшаго крапивою да репейникомъ. Подождая еще, когда совсѣмъ сѣло солнце и сумракъ подернулъ туманомъ дворъ усадьбы, Петръ вылѣзъ на землю, а татарину велѣлъ ждать его.

— Боли не вернусь къ ночи.. Иди одинъ... ворота вонъ на правой сторонѣ... Прощай Хамедуль! и онъ исчезъ между кустами репейника, пробираясь ползкомъ.

— Кто тутъ копошится? обликнулъ его сторожъ.

— Ну! попался молодець! подумаль Петръ. Я, Андрей, отвѣчалъ онъ громко.

— Ой ли? А мы думали ты у чорта! Какъ это ты воротился? воскликнулъ сторожъ.

— Да вонъ черезъ стѣну перелѣзъ тамъ у старыхъ воротъ... тамъ бы надо сторожить, а то и Московскіе воры влѣзутъ; не больно высоко...

— И то дѣло... пойду скажу боярину Семену Никитичу... а тебя влючница ихняя спрашивала... да вонъ она; ей ты, молодка!.. вотъ Андрей-то живехонекъ!.. и сторожъ ушелъ.

Петръ смутился: ну какъ она узнаеть?

Подошла женщина, и знакомый голосъ спросилъ: Андрей! ты?

Петръ узналъ Татьяну сѣнную дѣвушку, которая выручила его изъ подвала князя Аломольскаго.

— Татьяна Дементьевна! Я не Андрей... это я... Петръ...

Татьяна испуганно отскочила: Господи!.. Вѣдь намъ сказали, что тебя повѣсили!.. Не съ того ли ты свѣта оборотень.

Она крестилась и шептала молитвы.

— Нѣтъ! я еще въ петлѣ не бывалъ, а коли ты меня не проведешь къ бояринѣ, такъ и впрямъ вздернутъ на вашемъ дворѣ!.. отвѣчалъ Петръ.

— Охъ ты сумасбродъ!... Зачѣмъ ты лѣзешь въ бѣду!.. сказала Татьяна.

Приближалась кучка ратниковъ. Схвативъ Петра за руку, Татьяна шепнула: иди!.. пушай боярыня серчаетъ, а не выдамъ я тебя!.. Петръ поспѣшилъ идти за ней. Когда они вошли въ хоромы, то встрѣчали челядь, которая не обращала на нихъ вниманія. У всякаго было много заботъ, и страхъ, что ворота пробьютъ московскія свинчатки, сталъ подтачивать энергію Корольковыхъ защитниковъ.

— Подожди тутъ! я скажу ей, что бояринъ прислалъ къ ней холопа... а тамъ ваше дѣло... какъ знаете, такъ

и расклебывайте вашу-то! Сама виновата!.. и съ этими загадочными словами Татьяна ушла, оставивъ Петра въ необъяснимой тревогѣ: не любовь ужъ волновала его, а ужасныя сомнѣнія и ревность.

Вотъ послышались сиѣшныя шаги, дверь скрипнула, и вошла жена Королькова съ свѣчей въ руцѣ.

Красноватый свѣтъ толстой свѣчи желтаго воска оварилъ лицо и фигуру Алевтины.

Петръ обомлѣлъ. Разжирѣвшая, съ неуклюжей таліей тяжелой бабы, растрепанная и заспанная стояла передъ нимъ она... она, которую еще такъ недавно онъ покинулъ красавицей, въ полномъ блескѣ юности и непорочности!..

Она едва невыронила свѣчу и грузно опустилась налавку.

Петръ!.. Чего тебѣ надо!.. упавшимъ отъ смущенія голосомъ спросила боярыня Королькова.

— Я пришелъ спросить... зачѣмъ ты обманула?.. Силкомъ тебя отдали, али ты охотой пошла за него? задыхаясь спрашивалъ Петръ.

— Никто меня не неволилъ. Слухъ прошелъ, что тебя нѣтъ въ живыхъ... Поплавала я... и пошла за Семена... онъ меня не обижаетъ, я свѣклась и вотъ скоро ребенка Богъ дастъ... Ты не сердчай, голубчикъ Петръ, иди съ Богомъ, дѣвокъ много опричь меня, оставь ты меня, Христа ради!.. говорила Королькова кажимъ-то деревяннымъ, холоднымъ тономъ.

Послѣдняя искра прежней страсти еще не погасла въ душѣ Петра.

— Слушай, боярыня! Семену твоему недобровать: стѣны ваши ужъ распатались, ворота ищеплены, ворвутся мои ратники и посѣкутъ всѣхъ вашихъ!.. Брось ты его, бѣги со мной... Я у великаго князя Ивана Васильевича въ ратникахъ, князь Данило Дмитричъ Холмскій меня жалуетъ, при Шелонѣ вашихъ всѣхъ побили и Новгородъ скоро сожгутъ да всѣхъ бояръ посадниковъ перебьютъ. Чѣмъ погибать съ вранолюбниками, иди ко мнѣ, пока Устрѣла еще держится.. уговаривалъ онъ.

— Нѣтъ!.. не пойду! рѣшительно отвѣчала она.

— Да ты молви: ужель ты совсѣмъ меня разлюбила? Петръ съ тревогой ждалъ отвѣта, который долженъ былъ рѣшить его судьбу.

— Разлюбила!.. молвила Алевтина равнодушно.

Петръ вздрогнулъ. Тупая боль, какъ желѣзнымъ кольцомъ, стиснула его голову, онъ застоналъ.

Не помня самъ себя, онъ вышелъ изъ двери и въ потемкахъ началъ бродить по хоромамъ, гдѣ все было безпорядочно раскидано, словно собирались къ бѣгству при послѣдней крайности. Петръ наткнулся на вкрутую лѣстницу и влѣзъ по ней: это былъ чердакъ.

Изъ слуховаго оконца виднѣлись равнина за стѣнами, контуры лошадей и людей, двигавшихся у опушки дубовой рощи. По двору усадьбы тоже сновали люди: почти всѣ отошли къ заднимъ воротамъ и укрѣпляли ихъ; теперь была самая удобная минута впустить осаждающихъ. Ясная мысль озарила разстроенный мозгъ Петра: зажгу домъ, а въ суматохѣ отопру ворота!..

Онъ досталъ огниво, кремень и труть: искры посыпались подъ огнивомъ и труть затлѣлся. Петръ раздулъ его и приложилъ къ кучкѣ трепья, валявшася у печной трубы... Трепья вспыхнуло, все было кругомъ сухо, и пламя охватило кровлю.

— Горимъ, горимъ!.. поднялись крики на дворѣ, и всѣ бросились тушить пожаръ. Хамекуль, какъ тѣнь, скользя къ воротамъ и началъ отваливать бревна, припиравшія расщепленные доски. Петръ полѣзъ съ лѣстницы, но кто-то лѣзъ къ нему на встрѣчу. Пламя ярко пылало: Корольковъ и Петръ узнали другъ друга.

Они схватились на шаткой лѣстницѣ, борьба продолжалась недолго. Съ сверхъестественной силой, Петръ поднялъ въ охапкѣ своего врага, воротился съ нимъ на чердакъ и, подбѣжавъ къ окну, сбросилъ его внизъ... Глухо стувнулась на землю раздробленная масса человѣческихъ костей!..

Петръ дико хохоталъ... а пламя ужъ охватывало его

волосы и одежду... Скоро крыша рухнула и покрыла трупъ безумца головнями и углями.

Ворота распахнулись и Московскіе ратники съ криками ворвались въ усадьбу Устрѣль-Закрутинскаго.

Произошла страшная рѣзня: ни одинъ изъ осажденныхъ не спасся... Ограбивъ домъ, побѣдители выкатили бочки меду и вина изъ подваловъ, и при свѣтѣ догораваго зданія, пили да ликовали на равнинѣ.

Поутру стали искать Петра, но нигдѣ не нашли. Жена Королькова тоже пропала безъ вѣсти; развалины не раскапывали, и они долго стояли живымъ доказательствомъ кары.

Г Л А В А XV.

Послѣдняя борьба Новгородской вольности.

Архіепископъ Новгородскій Теофилъ съ посадниками и многими вліятельными лицами поѣхали въ великому князю Московскому бить челомъ и молить о пощадѣ. Иванъ III обрадовался неожиданному обороту дѣла и приказалъ прекратить военныя дѣйствія.

Заключили мирный договоръ, по которому Новгородцы уплатили огромную контрибуцію. При дѣлежѣ порубежныхъ земель большая часть захваченныхъ Москвою городовъ осталась во владѣніи Ивана, какъ на примѣръ: Калмагоры, Уна, Ненокса и другіе.

Въ концѣ августа Московское войско оставило разоренную и опустошенную землю Новгородскую.

Жители стали вновь селиться на родныхъ пепелищахъ, при чемъ имъ представился случай убѣдиться въ правдивости пословицы—худой миръ лучше доброй брани. Къ тому же разныя бѣдствія продолжали таготѣть надъ побѣжденными: болѣзни эпидемическія, частые пожары и ужасныя бури; такъ при возвращеніи жителей въ городъ Русу, отъ сильной бури на озерѣ Ильменѣ потонуло до 150 судовъ и изъ числа переправлявшихся на нихъ 500 человекъ погибли.

Въ сентябрѣ Иванъ былъ уже въ Москвѣ, а Теофилъ, утвержденный въ архіепископствѣ, вернулся въ Новгородъ, и все пошло мирнымъ порядкомъ.

Забранные въ полонъ Новгородцы были отпущены, исключая зачинщиковъ возмущенія, изъ которыхъ двое: пасадики Дмитрій Борецкій и Василій Селезневъ были казнены, а Павелъ Телятевъ, да Яковъ Ѳедоровъ сосланы въ Коломну, гдѣ и умерли въ заточеніи.

Еще во время переговоровъ о мирѣ Московскій воевода Образецъ съ четырьмя тысячами ратниковъ да двумя тысячами вояковъ встрѣтилъ на рѣкѣ Двинѣ Новгородское двѣнадцати-тысячное ополченіе, подъ начальствомъ бояръ Василія Шуйскаго да Устрѣль-Закрутинскаго.

Завязался ожесточенный бой и продолжался почти цѣлый день. Наконецъ Новгородскій стягъ былъ отбитъ, Василій Шуйскій раненъ, а войско разбѣжалось. Устрѣль-Закрутинскій съ горстью своей отчаянной челади не хотѣлъ отступить. Окруженный со всѣхъ сторонъ, онъ бился, какъ дикій звѣрь, но наконецъ, покрытый ранами и истекая кровью, упалъ на полѣ битвы; спутники его были изрублены.

Былъ ясный сентябрскій день. Кругомъ еще все дышало лѣтомъ и въ густой листьѣ лѣсовъ почти незамѣтно было желтыхъ листьевъ; только осина покраснѣла и придавала пейзажу пріятную пестроту. На солнцѣ рдѣлись пунцовыя кисти рябины, а въ садахъ спѣли наливныя, румяныя яблоки. Серебряныя нити паутины, предвѣстники сухой осени, тянулись по свощеннымъ и сжатымъ полямъ, перекидывались съ вѣтки на вѣтку и летали по вѣтру спутанными прядями. Дикіе гуси, журавли и утки кривливыми стадами направляли къ югу свой тяжелый полетъ.

По знакомой дорогѣ прямо къ селу Анкудинскому скачетъ всадникъ на золотистомъ жеребцѣ. Гордо загнувъ шею и гремя удило, покрытый цѣной, конь какъ будто раздѣляетъ нетерпѣніе сѣдока, который, послѣ полной тревогъ и утомленія боевой жизни, спѣшитъ отдохнуть душою въ тихомъ и отрадномъ жилищѣ любимой женщины.

Веселая улыбка озаряетъ загорѣлое лицо князя Холмскаго, глаза блестятъ счастіемъ.

Еще, еще быстрѣе скачетъ всадникъ по лѣсной тропѣ, мимо пасѣи и вливается взорами въ группу избѣ села Анкудинскаго, за которыми бѣлѣтъ церкви и наконецъ между зелени сквозитъ пестрая кровля боярскаго дома.

Вотъ онъ у желаннаго крыльца.

Челядь и холопы Поляниныхъ выбѣгаютъ, охая и привѣтствуя дорогаго, нежданнаго гостя; но онъ, не отвѣчая на распросы, разсѣянно кланяется старикамъ и, бросивъ удило коня, соскакиваетъ съ сѣдла. Безъ доклада проходитъ князь знакомые повои и, отворивъ дверь, пылливо заглядываетъ въ теремъ, гдѣ бывало Людмила съ теткой, да съ сѣнными дѣвками, коротали длинные дни въ тоскливомъ ожиданіи вѣстей изъ Новгородскихъ земель, куда пошли на брань родные и друзья московскіе.

Людмила была тутъ одна. Она сидѣла задомъ къ двери за прялкою, но веретено не вертѣлось въ ея рукѣ, опущенной безъ движенія; голова ея склонилась подъ тяжестью печальныхъ думъ.

Данило Дмитріевичъ тихо подошелъ и, взявъ обѣими руками голову дѣвушки, повернулъ ее къ себѣ, и прежде чѣмъ она успѣла вскрикнуть отъ радости, его губы прильнули къ ея губамъ.

— Дорогая моя! говорилъ князь, цѣлуя Людмилу.

— Желанный мой! отвѣчала Людмила, прижимаясь къ нему и обхватывая его шею руками, словно бѣлая повилыка около ерѣвскаго дуба. На долго ли воротился? Не раненъ ли, голубчикъ мой сизокрылый?.. всматриваясь въ утомленное лицо воеводы, спрашивала боярышня.

— Царапинъ много натворили мнѣ мечи булатные новгородскіе, а больно-то недосталось. Слава Господи живъ вернулся и здоровъ!.. а на долго ли, про то осударь великій князь Иванъ Васильевичъ вѣдаетъ, пошлетъ на супротивниковъ, такъ и завтра уйду. Да ты не горюй, моя золотая: авось крамольники-то не скоро отъ нашихъ побѣдъ очнутса... Спасибо тебѣ, что меня не

разлюбила, а я-то и въ жаркой сѣчѣ Шелонской и въ другихъ бояхъ, все по тебѣ тосковалъ! такъ бы и полетѣлъ къ вамъ, какъ соколъ въ родимое гнѣздо, да служба осударева, послѣ Господа Бога, первый долгъ!..

Этотъ первый походъ Ивана III, въ 1471 году Новгорода не покорилъ окончательно.

Въ октябрѣ 1475 года великій князь снова былъ вынужденъ ѣхать въ Новгородъ для усмиренія тамошнихъ смуть; но на этотъ разъ дѣло обошлось безъ военныхъ дѣйствій. Главная причина народныхъ волненій и жалобъ происходила отъ притѣсненій посадниковъ и вельможъ. Цѣлые три мѣсяца пробылъ великій князь, чиня судъ и расправу. Василій Ананьинъ, староста Памфиловъ и многіе другіе, уличенные въ злоупотребленіяхъ всякаго рода, были наказаны иныя смертной казнію, иныя ссылкой и заключеніемъ въ темницѣ.

Но и эти карательныя мѣры необразумили Новгородскихъ агитаторовъ. Въ 1477 году Иванъ предпринялъ третій походъ для усмиренія смуть.

Наконецъ уже въ 1478 году былъ четвертый походъ, во время котораго Московское войско, осадивъ Новгородъ, окончательно покорило его.

Архіепископъ Теофилъ, уличенный въ тайныхъ сношеніяхъ съ Литвою и Казиміромъ, былъ лишенъ своего сана и заключенъ въ Чудовъ монастырь.

Марфу Посадницу съ ея соучастниками казнили.

Вѣчевой колоколъ увезли въ Москву и вѣчевые порядки, вмѣстѣ съ вольностью, были уничтожены, хотя еще лѣтъ десять вспыхивали народныя волненія, но безъ всякихъ результатовъ. Постепенно Новгородскія земли и жители, входя въ составъ Московскаго государства, слились въ одинъ общій строй правленія и составили одну общую семью народа русскаго.

И такъ въ 1878 году исполнилось ровно четыреста лѣтъ со времени послѣдней борьбы Новгородской вольности.

В. Политковскій.

УДАЛЬЦЫ НОВГОРОДСКІЕ.

БЫЛИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Садко въ Поддонномъ Царствѣ.

Какъ по мѣрю, морю синему
Тридцать чёрныхъ ¹⁾ кораблей плывутъ,
А одинъ корабль-то передомъ летитъ,
Передомъ летитъ, что бѣль кречётъ —
Самого Садка, гостя богатаго.

Какъ сходилась тутъ погода сильная,
Всѣ-то корабли что соколы летятъ,
А Садковъ корабль-то становится сталь,
Застоялся среди моря.

И волной-то бьетъ и наруса-то рветъ,
Изломаетъ весь корабль сейчасъ —
А корабль ни съ мѣста на синѣмъ морѣ.

Воскричитъ Садко тутъ громкимъ голосомъ:
«Ай же дружки-братья, корабельщичи ²⁾!
Вы берите-ка щупы желѣзные,

---

¹⁾ Чёрные корабли, вмѣсто обычнаго эпитета «червлѣнные», въ противоположность Садкову кораблю—бѣлому кречету.

²⁾ Иначе: «Ярыжки, люди наемные, наемны люди, подначальны».

Щупайте-ка во синёмъ морѣ:
 Нѣтъ ли тамъ луды ³⁾ подводныя,
 Нѣтъ ли отмели песочныя?»
 Они щупали въ синёмъ морѣ.
 Не нашли луды подводныя,
 Не нашли и отмели песочныя.

Воскрячить Садко купецъ, богатый гость:
 «Эй вы, дружки-братья, корабельщики!
 Вы спускайте въ морѣ мѣртвы явори,
 Становитесь всѣ по поряди ⁴⁾.»

Опускали въ морѣ мѣртвы явори,
 Становились всѣ по поряди,
 Собирались на одинъ корабль.

И въздворить Садко купецъ:
 «Ай вы, дружки-братья, корабельщики!
 Я, Садко, теперь вѣдь знак-вѣдаю:
 Бѣгаемъ мы по морю двѣнадцать лѣтъ,
 А тому Царю Поддонному
 Не платили дани-пошлины,
 Никогда ему вѣдь во синё море
 Не опускавали хлѣбъ-солі:
 Вѣрно, пошлины съ насъ требуетъ!
 Вы возьмите-ка, мечите во синё море
 Бочку сороковку чиста сѣребра.»

Брали бочку-сороковку чиста сѣребра
 И метали во синё море.
 Все волной-то бьетъ, и паруса-то рветъ,
 Изломаетъ весь корабль сейчасъ;
 Самъ корабль ни съ мѣста во синёмъ морѣ.

Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
 «Видно, мало пошлины Царю Поддонному.
 Вы возьмите-ка, мечите во синё море
 Другу бочку-красна злота.»

³⁾ Луда—подводный камень.

⁴⁾ По поряди—рядкомъ.

Брали и металн во синѣ море
 Другу бочку-красна злота.
 Все волной-то бьеть, и паруса-то рветь,
 Изломаеть весь корабль сейчасъ;
 Самъ корабль ни съ мѣста во синѣмъ морѣ.

Говорить Садко купецъ, богатый гость:
 «Знать, и этой дани мало во синѣ море.
 Вы берите третью бочку-сватна жемчуга
 И выдайте во синѣ море.»

Брали третью бочку-сватна жемчуга
 И видали во синѣ море.
 Все волной-то бьеть, и паруса-то рветь,
 Изломаеть весь корабль сейчасъ;
 Самъ корабль ни съ мѣста во синѣмъ морѣ.

Говорить Садко купецъ, богатый гость:
 «Ай вы, дружки-братья, корабельщики!
 Знать, не дани Царь Поддонный требуетъ:
 Требуетъ онъ голову да челоуѣческу.
 Не бранилъ ли кто изъ васъ отца да матери,
 Да не клялся ли кто родомъ-племенемъ?
 Ужь вы рѣжьте жеребья поволжаны ⁵⁾,
 Всякъ пишишь на жеребьѣ поименно,
 И бросайте во синѣ море:
 Чьи тутъ жеребья да поверху плывутъ,
 Тѣхъ ли душеньки, знать, правыя;
 А чьи жеребья ко дну пойдутъ,
 Тѣмъ идти къ Царю Поддонному ⁶⁾»

⁵⁾ *Поволжаны*—изъ дерева иволги.

⁶⁾ Известный купеческій девизъ: „не надуть не продать“ въ бы-
 лое время, когда юсти торюеме, какъ птицы залетныя, всегда
 могли уклониться отъ преслѣдованія со стороны обманутыхъ покуша-
 телей, безъ сомнѣнн, былъ еще болѣе въ ходу, чѣмъ въ нашъ прак-
 тическій, но и просвѣщенный вѣкъ. Садко, конечно, не составлялъ
 исключенія изъ общаго правила, и потому совершенно понятно его
 желаніе, во что бы то ни стало, по древнему языческому обычаю,
 откупиться отъ подлежащаго божества, сначала богатымъ даромъ, а
 затѣмъ и челоуѣческой жертвою.

И забрасывали жеребья повалжаны,
 амъ Садко закинулъ хмѣлевò перо:
 Всѣ-то жеребья ли по верху плывуть,
 Какъ-бы яры гоголи по заводамъ;
 Одинъ только жеребій ключомъ ко дну —
 Хмелевò перо Садка богатаго.

Говоритъ Садкò купецъ, богатый гость:
 «Это, братцы, жеребья неправильны!
 Рѣжьте жеребья ветляные,
 Да которые ко дну пойдуть,
 Толи душеньки, знать, правыя.»

Самъ закидывалъ булатный жеребій,
 Синяго булату да заморскаго,
 Вѣсомъ жеребій во десять пудъ.
 Всѣ-то жеребья ключомъ ко дну,
 Одинъ только поверху плыветь —
 Жеребій булатный самаго Садка

И возговоритъ Садко, богатый гость:
 «Знать, бѣда пришла мнѣ неминучая:
 Самому Садку итти въ Царю Поддонному!
 Ужъ вы, дружки-братья, корабельщики,
 Принесите-ка мнѣ шубу соболиную.»

Скоро тутъ онъ снаряжается;
 И беретъ онъ гуселки яровчаты
 Съ золотыли струнами звончатыми ⁷⁾,
 И прощается съ дружиною хорóброку,
 И прощается съ бѣлымъ свѣтомъ,
 Отвести еще велить поклонъ
 Молодой женѣ во Новѣ-городѣ.
 И спускали сходеньку серебряну,
 Что серебряну подъ краснымъ золотомъ;
 Походилъ Садкò, спускался на синѣ море,
 Самъ садился на дощечку на дубовую ⁸⁾.

⁷⁾ По одному варианту, Садко въ правую руку беретъ образъ «Ми
 воли угодника», а въ лѣвую гусли.

⁸⁾ Или на доску шахматную съ золотыми «таблетки вальцатыми»
 (съ шахматами рѣзными).

Понесло Садѣа да по синю морю.
 А его дружинушка хордбрая
 Принимала сходеньку серебряну,
 Что серебряну подъ краснымъ золотомъ.
 Побѣжалъ корабликъ по синю морю;
 Всѣ-то корабли что соколы летять,
 А одинъ корабль-то передомъ бѣжитъ,
 Передомъ бѣжитъ какъ бѣлъ кречеть —
 Самаго Садѣа, гостя богатаго.

Въ тѣ поры молитвами великими
 Самаго Садѣа, гостя богатаго,
 Подымалася погода тихая,
 И заснулъ Садкѣо глубокимъ сномъ.
 Коротко ли было, долго ли,
 Просыпається Садкѣо, дивуется:
 Очутился во синѣмъ морѣ, на самомъ днѣ,
 Передъ нимъ палаты бѣлокаменны,
 А скровь воду свѣтитъ красно солнышко.
 Заходилъ Садкѣо въ палаты бѣлокаменны;
 А сидитъ тамъ самъ Поддонный Царь
 Со своей Царицею Поддонною,
 Межъ собою перетакивають, споруютъ.

Бьетъ челомъ Садкѣо Царю съ Царицею,
 Говоритъ самъ таковы слова:

«Ай ты, батюшка Поддонный Царь!
 А зачѣмъ меня сюда ты требовалъ?»

Говоритъ ему Поддонный Царь:
 «А зачѣмъ тебя сюда я требовалъ:
 Ты скажи по правдѣ, не утай себя,
 Чтѣ у васъ тамъ, на Руси, дороже есть?
 У меня съ Царицей разговоръ идетъ:
 Я-то спорю, что дороже красно золото,
 А Царица, что желѣзо-де булатное.»

Говоритъ Садкѣо купецъ, богатый гость:
 «Ай ты, батюшка Поддонный Царь!
 Я скажу по правдѣ вамъ, не утаю себя:
 Красно золото у насъ на Руси дорого,

Да булатное желѣзо не дешевле есть;
Вѣдь безъ красна золота-то сколько можно жить,
Безъ желѣза же булатнаго жить нѣ можно,
Нѣ можно жить нивакому званію».

Говорить Царица да Поддонная:

«А не даромъ же я спорила,
Что желѣзо-то булатное дороже есть!»

Не слюбилсь тѣ слова Царю Поддонному;
Какъ вскочилъ онъ на рѣзвы ногѣ,
Скоросхватить саблю острую,
Чуть былó — и отсѣчетъ ей буйну голову...

Поскорѣ-ли того Садкó
Бралъ свои гусѣлюшки звончатя,
Да ударилъ по тѣмъ струнамъ золоченымъ —
Опускались руки у Царя Поддоннаго,
Выпадала на полъ сабля острая,
А и самъ-то распотѣшилса,
Сталъ Поддонный Царь скакать, плясать
По палатѣ бѣлокаменной,
Шубой машеть и полами бьетъ,
Бьетъ полами по бѣлымъ стѣнамъ.
Пронгралъ Садкó да ровно три часа.

Какъ тутъ тронуло въ плечо его во правое,
Обернулся за себя Садкó:

Позади стоить Царица да Поддонная ⁹⁾,
Говорить ему да таковы слова:

«Какъ ужъ полно те играть, Садку,
Рви ты свои струны золоченыя,
И сломай свои гусѣлюшки звончатя:
Тебѣ кажется, что скачешь по палатамъ Царь,
А онъ скачешь по крутымъ вряжамъ ¹⁰⁾,
По крутымъ вряжамъ, по бѣрегамъ;

⁹⁾ Или же во снѣ ему является святитель Никола (образъ котораго имъ взять былъ съ собой).

¹⁰⁾ Крутой вряжъ — каменистый берегъ.

Распотѣшился Поддонный Царь—

А синѣ море восколебалоса,

Быстры рѣки разливались,

Тонуть-гинуть бусы корабли,

А и многи души безповинныя».

Изорвалъ Садѣо тутъ струны золочѣныя

И сломалъ гусѣлюшки звончатя.

Пересталъ Поддонный Царь скакать плясать:

Улеглося море синее,

И утихли рѣки быстрыя.

Говоритъ Садѣу Поддонный Царь:

«Распотѣшилъ ты мнѣ душу, молодець,

Взвеселилъ мнѣ буйну голову!

Чѣмъ бы мнѣ тебя поблагодарствовать?

Не угодно ли жениться те въ синемъ морѣ

Что на душечкѣ на красной дѣвушкѣ?»

Говоритъ Садѣо купецъ, богатый гость:

«Надо мною волюшка твоя во синемъ морѣ».

И пошелъ Поддонный Царь по красныхъ дѣвушекъ.

Говоритъ Садѣу Цариха да Поддонная:

«Ай же ты, Садѣо купецъ, богатый гость!

Какъ начнетъ тебя женить Поддонный Царь,

Приведеть онъ триста красныхъ дѣвушекъ,

Чтобы выбралъ ты княгинюшку ¹¹⁾ по разуму,—

Перво триста стадо пропусти, смотри,

Не бери себѣ княгинюшки;

И другое триста стадо пропусти, смотри,

Не бери себѣ княгинюшки.

А какъ третье триста стадо пропускать зачнешь

На концѣ идетъ, увидишь, дѣвица,

Коей хуже нѣтъ, чернѣе нѣтъ ¹²⁾:

¹¹⁾ *Княгиня*—молодая въ бракѣ.

¹²⁾ Дѣвушка *черная* или *поварѣная*, играющая извѣстную роль и въ первой былинѣ о Васильи Буслаевѣ, — едва ли не разновидность встрѣчающейся столь часто въ сказкахъ разныхъ народовъ *Замарашица* (*Сандрильоны*).

Ту проси себѣ въ княгинюшки.
 Да смотри, когда поженисься,
 Не цѣлуй, не обнимай ее.
 Быть тебѣ тогда вѣдь на святой Руси,
 Увидать тогда и бѣлый свѣтъ,
 Увидать и солнце красное.»

Приводилъ Царь триста красныхъ дѣвушекъ,
 Приглашалъ Садкѣ, купца богатаго,
 Выбирать себѣ княгинюшку по разуму.
 Перво триста стадо пропустилъ Садкѣ:
 «Нѣтъ-де мнѣ княгинюшки по разуму».
 И другое триста стадо пропустилъ Садкѣ:
 «Нѣтъ и въ этомъ стадѣ мнѣ княгинюшки».
 Какъ тутъ третье тристо стадо пропускать зачалъ —
 Увидалъ въ концѣ остатномъ дѣвицу,
 Коей хуже нѣтъ, чернѣе нѣтъ.
 Бралъ ее себѣ въ княгинюшки по разуму:
 «Ай ты, батюшка Поддонный Царь!
 Эта мнѣ дѣвица полюбилася».

Не отказывалъ ему Поддонный Царь,
 Отдавалъ ему дѣвицу во княгинюшки;
 Заводилъ по нихъ почѣстенъ пиръ,
 Столованьнице на весь поддонный міръ.
 Не забылъ Садкѣ наказа строгаго:
 Не обнялъ онъ, не поцѣловалъ жены,
 А какъ послѣ пиру заспалъ въ крѣпкій сонъ,
 Свои рученьки еще къ груди прижалъ...

По утру проснулся ото сна Садкѣ —
 Увидалъ тутъ бѣлый Божій свѣтъ,
 Увидалъ и солнце красное.
 Самъ лежить-то онъ подъ Новымъ-городомъ
 На крутомъ вряжу у Волхъ—рѣки ¹³⁾,
 Только лѣвой-то ногою во быстрой рѣкѣ,
 А жены поддонной и во слыху нѣтъ.

¹³⁾ Волхъ—рѣка—Волховъ.

И вскочилъ Садко тутъ, испужался онъ,
 Оглянулся на родной свой Новгородъ:
 Свою церковь, свой приходъ узналъ,
 Николая да Можайскаго,
 Осѣнилъ себя крестомъ своимъ.
 И глядитъ Садко по Волхъ-рѣкѣ:
 Отъ того отъ озера отъ Ильмена
 Да по славной матушкѣ по Волхъ—рѣкѣ,
 Тридцать черныхъ караблей бѣгутъ,
 А одинъ каравль-то передомъ летитъ,
 Передомъ летитъ, что бѣлъ вретъ—
 Самого Садка, госта богатаго.

Какъ увидѣла дружинишка хоробрая
 Что стоитъ Садко да на крутомъ вряжу,
 Счудовалася ¹⁴⁾ дружина, сдивовалася:
 «Поминали мы Садка въ синѣмъ морѣ,
 А Садко встрѣчаетъ насъ со Волхъ-рѣки,
 Очутися впереди насъ въ Новъ-городѣ!»

Становили корабли на пристани,
 Пометали сходни на крутой берѣгъ,
 Выходили на крутой берѣгъ.
 И здоровался Садко съ дружиною:
 Здравствуйте вы дружки—братья корабельщики!
 И повелъ въ свои палаты бѣловаменны.

Взрадовалася тутъ молода жена,
 И брала Садка за ручки бѣлыя,
 Цѣловала во уста сахарныя,
 Говорила таковы слова:
 «Ай же ты, любимая семейшка ¹⁵⁾.
 Полно тебѣ ѣздить по синю морю,
 Тосковать мое ретливое сердечушко
 По твоей по буйной по головушкѣ:
 Много есть у насъ имѣнница—богачества,

¹⁴⁾ Счудоваться—быть пораженнымъ чудомъ.

¹⁵⁾ Семья, семейшка—общее названіе супруговъ отношеніи другъ друга.

И растеть у насъ вѣдь мало дѣтище».

А и сталъ Садкѣ тутъ съ вороблей своихъ
Выгружать свое имѣньице.

Сталъ выкатывать несчетну золоту' казну—

Во три дни не выгрузилъ, не выкаталъ.

И не сталъ Садкѣ ужъ ѣздить на синѣ море,

Поживать сталъ въ Новѣ-городѣ.

Да тенерь тому всему славу поютъ.

В. Авсариусъ.

ИНДУСЫ и БУДДА *).

Природа Индіи.

На югъ отъ Гималайскихъ горъ между $34\frac{1}{2}^{\circ}$ и 6° с. ш. и 86° и 114° в. д. простирается Передняя Индія. Если провести прямую линію отъ устья въ Инда въ устьямъ Ганга, то она раздѣлитъ полуостровъ на 2 почти равные треугольника. Сѣверный треугольникъ представляетъ низменность, западная часть которой нѣсколько холмиста, а восточная покрыта непроходимымъ бустарникомъ, высокими джунглями съ роскошной травой.

На сѣверѣ Индіи возвышаются горы Гималая („снѣжные чертоги“), заключающія въ себѣ вершины до $9\frac{1}{2}$ верстъ, высочайшія на земномъ шарѣ. Гребни и пики горъ покрыты вѣчнымъ снѣгомъ и громадными глетчерами. Величественная сама по себѣ, страна эта производитъ подавляющее впечатлѣніе вслѣдствіе той торжественной тишины, которая постоянно царствуетъ тамъ.

Далѣе къ югу идетъ 2-й рядъ вершинъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга расщелинами. И здѣсь еще все пусто и одиноко; въ трещинахъ камня не растетъ еще ни мохъ, ни трава, и въ то недолгое время, когда снѣгъ таетъ подъ лучами лѣтняго солнца, здѣсь не появляется никакой растительности.

*) Max Duncker, Geschichte des Alterthums.

Третій рядъ горъ (отъ 12 до 13,000 ф. высоты) покрытъ европейскими лѣсными породами: березой, липой и дубомъ. Затѣмъ нагорье постепенно понижается: появляются густые лѣса величественной индійской пальмы, достигающей громадной высоты. Этотъ мощный хребетъ, простирающійся болѣе чѣмъ на 350 миль отъ запада къ востоку и имѣющій среднимъ числомъ отъ 40 до 50 миль въ ширину, опредѣляетъ природу низменности, растилающей къ югу отъ него. Хребетъ защищаетъ ее отъ тѣхъ суровыхъ и разрушительныхъ вѣтровъ, которые дуютъ съ сѣвера надъ центральнo-азиатскимъ нагорьемъ. Онъ же останавливаетъ теченіе дождевыхъ облаковъ, образующихся изъ испареній океана и гонимыхъ съ юга пассатными вѣтрами. Облака эти осаждаютъ на горахъ, свои воды которыя въ соединеніи съ тающими снѣгами и льдомъ, покрывающими вершины, даютъ начало величественнымъ и громаднымъ рѣкамъ. Обильное орошеніе умѣряетъ климатъ и превращаетъ выжженную растительность въ свѣжую зелень.

На высокомъ плато въ 14,000 ф. высоты изъ снѣжныхъ полей, окружающихъ альпійскія озера, вытекаетъ Индъ. Сначала слѣдуетъ онъ по направленію ложбины между параллельными горными цѣпами на востокъ. Мѣстность эта, не смотря на долгую и суровую зиму благопріятна для жилья, богата козами и овцами, а почва содержитъ золотой песокъ. Къ югу отъ теченія рѣки лежатъ среди горъ нѣсколько долинъ съ здоровымъ климатомъ. Самая величайшая изъ нихъ долина Кашмира лежитъ на высотѣ 6,000 ф. надъ моремъ, образуя правильный овалъ между снѣговыми горами. Западнѣе Кашмира Индъ поворачиваетъ вдругъ свое теченіе къ югу; онъ пересѣкаетъ рядъ горъ, заграждающіе ему путь, и потомъ сопровождаетъ восточный склонъ Иранскаго нагорья вплоть до его устья. На его лѣвомъ берегу отъ самыхъ Гималайскихъ горъ идетъ холмистая мѣстность, простирающаяся между притоками Инда дальше къ востоку, и отличающаяся умѣренной теплотой и роскошною растительностью. Послѣ того какъ Индъ принимаетъ пятирѣчье долина его ограничивается тѣснѣе на западѣ близъ подступающими горами Ирана, на востокъ—широкой безводной степью, простирающейся отъ предгорій Гималаевъ до моря

и дающей скудную пищу стадамъ буйволовъ, верблюдамъ и осламъ. Чѣмъ ровнѣе становится мѣстность, тѣмъ дальше рѣка течетъ къ югу, тѣмъ жаръ становится сильнѣе, почва трескается во время сухихъ мѣсяцевъ и растительность исчезаетъ. Развитію рѣки во время таянія снѣга на горахъ препятствуютъ высокіе берега. Дельта, которую Индъ послѣ теченія въ 320 миль образуетъ предъ своимъ устьемъ, содержитъ только немногія полосы хорошей болотистой почвы. Море заливаеъ плоскій берегъ далеко внутрь земли, а выше по рукавамъ условія не благоприятны ни для водвѣливанія почвы, ни для густаго населенія.

Недалеко отъ потоковъ Инда, тамъ гдѣ находятся самыя высочайшія вершины Гималая, берутъ начало Ямуна и Гангъ. Этотъ послѣдній, образуясь изъ трехъ источниковъ, направляется къ югу и достигаетъ здѣсь равнинъ; но широкій и густопорослій гористый поясъ Винды принуждаетъ рѣку поворотить къ востоку. Усиленная множествомъ притоковъ съ сѣвера и юга рѣка разливается чрезъ низкіе берега ежегодно на широкое пространство и превращаетъ равнины, чрезъ которыя протекаетъ, въ жирную плодосную почву, здѣ пышно развивается тропическая растительность.

Здѣсь именно находится страна риса, хлопчатника, сахарнаго тростника, страна голубаго лотуса, питательныхъ банановъ и исполинскихъ фиговыхъ деревьевъ. Въ нижнемъ теченіи Ганга, гдѣ приближается къ нему Брахмапутра, начинается жаркая, сырая и роскошная впадина (Бенгалія) съ жокосовой и орѣховой пальмами, съ корицей и бетелемъ, съ безконечными вьющимися по стволамъ деревьевъ растеніями. Рѣка становится здѣсь такъ широка, что съ одного берега не видно другаго. Въ области устья, гдѣ Гангъ соединившись съ Брахмапутрой, развѣтвляется на множество рукавовъ, образуются горячія болота, въ которыхъ растительность такъ сильна, джунгли бамбукова тростника такъ густы и непроходимы, что вся эта обширная мѣстность должна быть безраздѣльно предоставлена носорогу, слону и тигру, родина котораго находится именно въ этой мѣстности.

Уже одинъ перененъ растеній и животныхъ Индіи дастъ

представленіе о богатствѣ флоры и фауны этой страны, освобождающей въ соединеніи съ климатомъ жителей почти отъ всякихъ заботъ объ удовлетвореніи потребностей пищи, одежды и жилища. Стоитъ труда, однакожь, поближе познакомиться съ растительностью этой страны, чтобы ясно понять, какую важную роль играла природа въ быту и исторіи ея жителей.

По вычисленію Гумбольдта, пространство земли приносящее у насъ 33 фунта пшеницы, будучи засажено бананами, даетъ до 100 пудовъ питательной пищи и на клочкѣ земли, гдѣ въ Европѣ едва можетъ прокормиться одинъ человѣкъ, въ Индіи отъ банановыхъ плодовъ можетъ жить громадное семейство. Растеніе это такъ быстро развивается, что въ продолженіи 8—10 мѣсяцевъ корневой отпрыскъ достигаетъ высоты въ 20 фут. и превращается въ великолѣпное дерево. Правда, что стебель приноситъ одинъ только цвѣтковой колосъ и только однажды, но число плодовъ его доходитъ до 300, и каждый пучекъ плодовъ вѣситъ до 60—70 фунтовъ. Плоды эти также хороши вареные какъ и сырые, равно какъ и измельченные въ муку. Остальныя части растенія не менѣе важны: листья употребляются на крыши или нитки, изъ которыхъ приготовляются веревки, ткани, одежды; сокъ даетъ отличное вино; сердцевина дерева идетъ въ пищу.

Продукты кокосовой пальмы еще разнообразнѣе: народныя поговорки гласятъ, что ова годна для 99-ти употребленій и что хорошая ховяйка каждый день въ теченіи мѣсяца можетъ приготовлять изъ нея новое блюдо.

Въ самомъ дѣлѣ, стволъ доставляетъ стровельный матеріалъ, старыя листья употребляются на крыши, молодыя—даютъ овощъ или служагъ для плетенія корзиннокъ, изъ листовыхъ черенковъ приготовляютъ швабры, гребни, паруса, бумагу; сладкій сокъ кожистой оболочки цвѣтковъ даетъ укрѣпляющее пальмовое вино. Посредствомъ выпариванія сока добывается сахаръ, при броженіи вино, уксусъ. Громадный плодъ—орѣхъ доставляетъ пищу, питье и масло. Выжимки доставляютъ кормъ для свиней и домашней птицы, скорлупа идетъ на посуду, волокнистое вещество около ядра даетъ матеріалъ для крѣпкихъ канатовъ. Десять ланкихъ пальмъ, не

требующихъ ни малѣйшаго ухода, вполне достаточны для прокормленія цѣлаго семейства т. е. доставляютъ тоже самое, что у насъ цѣлое поле съ хлѣбными растеніями. Бамбукъ, занимающій въ Индіи нерѣдко громадное пространство, служитъ для приготовленія веревокъ, циновокъ, тростей, мебели, посуды; изъ него строятъ цѣлыя дома, листья идутъ на крыши или на бумагу. Индійская смоковница, вѣтви которой спускаясь къ землѣ превращаются въ новые стволы, образуетъ громадные лѣса; въ тѣни одного дерева могутъ укрываться тысячи человекъ и мы увидимъ впоследствии, какое значеніе это обстоятельство имѣло въ исторіи Индіи. Но самая обыкновенная пища индуса—рисъ представляетъ самый питательный продуктъ на земномъ шарѣ съ огромнымъ содержаніемъ крахмала. Полагаютъ, что родина его—Индія; здѣсь на всякомъ мѣстѣ, гдѣ только есть влажная почва, онъ родится самъ 65, а въ Пятирѣчьи—даже самъ 400. Вѣтви мелкій пухъ, обнаруживающійся при растрескиваніи плода хлопчатника даетъ вату,—драгоценный матеріалъ для тканей столько же дешевыхъ, сколько и удобныхъ. Индиго доставляетъ превосходное красильное вещество, требуя весьма незначительнаго труда для обработки. Сахарный тростникъ доставляетъ въ обилии пріятный и питательный сокъ, ободрающий и укрѣпляющій. Любимое лакомство индуса—бетелевый перецъ, въ листья котораго завернуты кислые орѣхи орѣховой пальмы. Кора коричневаго дерева, отличающагося благоуханіемъ и вкусомъ, даетъ отличную пряность, а масло изъ плодовъ этого дерева—свѣчи. Здѣсь произрастаютъ мирра, кармонъ, сандалное дерево, пардъ, камфара, индиго.

Животныя Индіи, не уступая растеніямъ въ разнообразіи, немного уступаютъ имъ и относительно пользы. Но ихъ вліяніе на міровоззрѣніе Индуса было несравненно значительнѣе.

Слонъ, умное животное, служитъ и боевымъ и вычнымъ животнымъ; буйволъ важенъ для перевозки тяжестей и обработки полей; термиты—насекомыя, разрушающія зданія, уничтожающія деревья, поля, дома, мебель, одежду, приносящія своимъ укушеніемъ боли въ тѣлѣ человѣка, доставляютъ

въ тоже время вкусное блюдо; рога носорога имѣютъ то свойство, по мнѣнію туземцевъ, что въ сосудѣ, сдѣланномъ изъ нихъ, всякій, ядовитый напитокъ мутнѣетъ; рога и кожа служатъ драгоценнымъ матеріаломъ торговли. Но животныя Индіи важны еще и въ томъ отношеніи, что большая часть изъ нихъ хищныя и страшныя для человѣка, вынуждаютъ его вступать съ ними въ борьбу и воспитываютъ въ немъ враждебныя, даже воинственныя наклонности и благоговѣнный ужасъ передъ природой. Обезьяны цѣлыми стадами нападаютъ на поля и сады. Носорогъ во время гнѣва становится бѣшеннымъ. Очковая змѣя въ высшей степени опасное животное по своему яду. Рѣки кишатъ крокодилами (гавьяль). Тигръ,—по мнѣнію древнихъ греческихъ путешественниковъ, особенно свирѣпое животное, болѣе сильное и хитрое, чѣмъ левъ,—пріютился въ джунгляхъ Ганга и Инда. Мускиты—(комары) мучительны для индуса. А маленькій электрической угорь опасенъ своими ударами.

Минеральныя богатства Индіи не менѣе взумительны: она содержитъ алмазы, золото, серебро, соль, горный хрусталь, карбункулы (Страбонъ). *)

Разнообразіе естественныхъ произведеній, величіе природы оказало могущественное вліяніе на первоначальное міросозерцаніе индуса. Произведенія индуской природы имѣютъ еще одну особенность: они почти совершенно освобождаютъ человѣка отъ труда. Рабскій и безпечный характеръ индуса обусловленъ именно этою особенностью, дѣлающей его неспособнымъ ни къ какой трудной работѣ. Но были еще явленія природы, которыя внесли въ характеръ индуса непостоянство.

Періодическіе дожди 4 мѣсяца каждагодно останавливаютъ почти всякую дѣятельность. Знойно-сырой климатъ поражаетъ болѣзнями: холеру въ устьяхъ Ганга, во многихъ другихъ мѣстахъ лихорадки.

Поверхность всей Индіи равняется 65,000 квадратнымъ

*) Древняя Индія описана отлично Геродотомъ и особенно Ктезіемъ, врачомъ при Персидскомъ дворѣ Артаксерса II въ V вѣкѣ до Р. X., Мегастеномъ около 300 г. до Р. X. и Страбономъ. Индія стала извѣстна Грекамъ особенно послѣ похода Александра Македонскаго въ 327 г.

милъ, изъ нихъ 34,800 приходится на долю сѣвернаго треугольника, а остальные 30,200—на Деканъ.

Этотъ южный треугольникъ представляетъ плоскую возвышенность съ тропическимъ характеромъ, покатую къ востоку и наполненную холмами и нагорными равнинами. На сѣверѣ отдѣляютъ его отъ Индостана (сѣвернаго треугольника) разорванныя горы Винды, вдоль береговъ тянутся хребты Гатесовъ, обуславливая собою быстрое теченіе рѣкъ и ихъ направленіе къ Бенгальскому заливу. Берега Индостана, незначительныя по протяженію, удобны особенно по тому, что здѣсь находятся устья большихъ судоходныхъ рѣкъ, принимающихъ въ себя множество притоковъ. Берега Декана наиболѣе удобны на западѣ (Малабарскій берегъ).

Такимъ образомъ, на громадномъ протяженіи отъ Ганга до мыса Коморина человекъ встрѣчаетъ удивительное разнообразіе климатическихъ явленій и географическихъ очертаній. Чтобы эти контрасты остались безъ вліянія на умственную дѣятельность индуса, не побуждая его къ сравненію и анализу, этого нельзя допустить. И дѣйствительно, самыя раннія торговныя сношенія развились на западѣ между жителями по Инду и Малабарскому берегу. Правильно дующіе муссоны должны были значительно облегчить сношенія.

Такъ преданіе рассказываетъ, что около того времени, когда у Іудеевъ царствовалъ Соломонъ, Финикіане отплыли съ сѣверо-востока краснаго моря къ югу въ океанъ и высадились въ Офирѣ. Изъ Офира привезли они съ собою въ Сирію сандалное дерево, обезьянъ, павлиновъ,—все произведенія Индіи. Самое названіе продуктовъ приобретенныхъ Финикіанцами въ эту поѣзду взято въ книгахъ Евреевъ изъ Санскрита. По индійскимъ свидѣтельствамъ при устьѣ Инда жили Абира т. е. пастухи. Сопоставляя эти данныя, можно съ достовѣрностью принять, что Офиръ Финикіанъ была страна Абира въ дельтѣ Инда. Такимъ образомъ, устье Инда было въ то время во владѣніи Арійцевъ—Индусовъ. Въ книгѣ евреевъ говорится, что Финикіане привозили оттуда много золота. Но такъ какъ въ нижнемъ теченіи Инда вовсе нѣтъ золота, то очевидно, что оно должно было приходить или

изъ долины верхняго Инда или изъ переднихъ цѣпей Гималаевъ, гдѣ его приносятъ горные потоки; слѣдовательно, уже около 100 года предъ Р. Х. существовали дѣятельныя сношенія между верхнимъ и нижнимъ Индомъ. Сандальное дерево, покупаемое Финиціанами въ Офирѣ, могло достигать туда только съ Малабарскаго берега, гдѣ оно подъ палящимъ солнцемъ особенно хорошо растетъ. Это указываетъ на морскія торговыя сношенія между названными мѣстностями. Преданіе, рассказанное здѣсь, опредѣляетъ также и время, съ котораго можно начать болѣе или менѣе достовѣрную исторію Индіи.

Чтоже за народъ жилъ въ этой странѣ?

Греки рассказываютъ, что Индусы стройнаго и красиваго тѣлосложенія, что они не такъ неуклюжи, какъ другіе народы. Сѣверные Индусы по ихъ сказаніямъ похожи по цвѣту кожи и по виду всего болѣе на Египтянъ, южные—хотя и не были такъ черны и такъ сухощавы, какъ Эфіопы, имѣли такіе же тупые носы и курчавые волосы.

Еще теперь распадаются жители Индіи на двѣ главныя массы, существенно отличающіяся другъ отъ друга какъ строеніемъ тѣла, такъ и языкомъ. Въ широкомъ и непроходимомъ хребтѣ Винды, отдѣляющемъ Даканъ отъ Индостана, живутъ племена Гонда густо-темнаго цвѣта, съ толстыми, черными и длинными волосами, отличающіяся дикими нравами и своеобразнымъ языкомъ. Этими народамъ близко родственны стройные темные малорослые Билла, обитающіе западный склонъ Винды, и Кола, живущіе на холмахъ Гузурата и теперь еще составляющіе двѣ трети населенія этихъ земель. Отъ этихъ грубыхъ народцевъ отличаются племена, владѣющія берегами Декана, преданныя иному образу жизни и имѣющія менѣе черный цвѣтъ кожи (Карната, Тулуво, Малабары).

Но исторія принадлежитъ не этимъ племенамъ: въ Индіи жилъ народъ кавказскаго типа, свѣтлаго цвѣта, одаренный большими способностями къ развитію и говорившій развитымъ санскритскимъ языкомъ. Онъ совершенно противоположенъ тѣмъ грубымъ племенамъ и противоположность эта, какъ сказано, не скрылась отъ Грековъ; они различали сѣверное свѣт-

локожее населеніе, живущее по всей области Инда и достигающее до устья Ганга, причѣмъ мѣстность, ими занимаемая, къ востоку все больше и больше сѣуживается, и южное темно-кожее. Но и на Индѣ, Гангѣ равно какъ и на Гималаѣ, сохранились отчасти и до сихъ поръ остатки темныхъ и черныхъ народовъ.

Въ эпосѣ Индусовъ говорится о темныхъ обитателяхъ Гималая, о черныхъ судрахъ при устьи Инда, что подтверждается и греческими извѣстіями (Эфіопы востока) по Геродоту. Такая противоположность двухъ элементовъ народонаселенія, изъ котораго одна часть, владѣвшая всей областью, стояла на довольно значительной степени культуры, другая находилась въ состояніи дикости и рабства, составляя особенный и презираемый классъ, даетъ основаніе думать, что черному населенію принадлежала нѣкогда вся область отъ Инда до устьевъ Ганга, отъ Гималая до мыса Коморина, и что кавказское племя переселилось впослѣдствіи. Завоевавъ сначала равнины, оно оттѣснило прежнихъ обитателей въ горы или покорило себѣ, сообщивши имъ нѣкоторыя черты собственной культуры. Это переселеніе должно было идти съ запада, такъ какъ свѣтлое племя занимало здѣсь всегда самую обширную территорію, и въ древнѣйшихъ источникахъ этого племени весьма часто упоминается объ Индѣ и вовсе не говорится о Гангѣ.

Типъ племени характеризуется слѣдующими чертами: волосы черные, длинныя, гладкіе и мягкіе, борода густая, станъ гибкій, фигура стройная, кожа темножелтая и тонкая, ростъ средній. Народъ этотъ называлъ себя именемъ Арія, одинаково съ Персами, Мидянами, Бактрами и другими племенами Ирана (Аріяна). Слово это означаетъ способныхъ, достойныхъ.

Религіозныя воззрѣнія Иранцевъ и индусовъ представляютъ поразительныя черты близкаго родства: громадное число названій боговъ, мѣоувъ, жертвъ и обычаевъ при нѣкоторомъ различіи въ ихъ значеніи встрѣчаются одинаково и тамъ и здѣсь, языкъ представляетъ также многія черты, указывающія на общее происхожденіе.

Очевидно, что Ариі на Иранскомъ плоскогорьи и Ариі на Индѣ и Гангѣ суть вѣтви, выросшія изъ одного ствола.

О мѣстѣ ихъ первоначальной общей родины сказать навѣрное ничего нельзя; несомнѣнно только, что они сошли съ Иранскихъ горъ и заняли плодородную долину Инда и его пяти притоковъ и отсюда, нѣца пастбищъ, распространились все дальше и дальше къ востоку.

Рѣку, которая орошала ихъ землю, называли они Синду (потокъ), а живущихъ на ней Сайндава. Иранцы называли область Инда съ Пенджабомъ Гента Гинду т. е. семирѣчье. Греки передали это названіе словомъ Индосъ.

Индусы въ области Пятирѣчья.

Древнѣйшія свѣдѣнія о жизни Ариіцевъ содержатся въ Ригведѣ, сборникѣ молитвъ и хвалебныхъ пѣснопѣній. *)

Эти пѣснопѣнія, составленныя по всѣмъ вѣроятіямъ въ періодъ времени съ 1800 до 1500 г. предъ Р. X. даютъ намъ возможность узнать бытъ и нравы Ариіцевъ въ эпоху ихъ появленія. Народъ раздѣленъ на мелкія племена, во главѣ которыхъ стоятъ князья, называемые Виспати т. е. племен-

---

*) Пѣсни эти составлены не въ одно время; нѣкоторыя изъ нихъ обозначаются какъ переданныя предками, о другихъ говорится, что они составлены и пѣты въ первый разъ. Въ Ригведѣ различаются мудрецы (Рши) стараго времени и современники, упоминается о древнерожденныхъ людяхъ, о людяхъ стараго, новаго и новѣйшаго времени. Несомнѣнно, что пѣсни эти составлены на берегахъ Инда, такъ какъ рѣка эта особенно прославляется въ нихъ, а «Семирѣчье», т. е. Индъ и пять притоковъ и рѣка Сарасвати, обозначается какъ мѣстожительство и родина Ариіцевъ; о Гангѣ, Индья, Нармадѣ вовсе не упоминается, о Ямунѣ—два раза. Очевидно, что во время составленія гимновъ Индусы жили исключительно въ области Пенджаба и о областяхъ лежащихъ на В. и Ю. отъ нихъ не знали. О прежней родинѣ нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ воспоминанія; впрочемъ, исчисленіе продолжительности времени сначала по зимамъ, потомъ по осенямъ указываетъ на болѣе стѣсненные или болѣе возвышенныя мѣстности: въ странѣ Ганга Индусы считали время по періодамъ дождя.

ные властители или Гоа, слово первоначально означавшее коровьяго пастуха.

Имущество состоятъ въ стадахъ, и скотоводство является преимущественнымъ занятіемъ; упоминается, впрочемъ, и о земледѣліи, о городахъ и деревняхъ. Все это показываетъ, что пѣсни Ригведы возникли еще въ пору пастушеской жизни Индусовъ. Большая часть образовъ въ пѣсняхъ заимствованы отъ коровъ и коней. Однимъ и тѣмъ же словомъ (гошта) обозначается и собраніе племени и ограда, въ которую запрягаютъ коровъ. Дочь называется „доющая“ и даже въ эпосѣ гораздо позднѣе разившемся супруга князя называется самкой буйвола. Всѣ заботы Индуса сосредоточены на стадахъ и особенно на стадахъ коровъ, и боги не безучастны къ его желаніямъ. Ихъ просятъ онъ о кормѣ и защитѣ коровъ, о размноженіи стадъ; онъ надѣется, что они найдутъ его стадамъ хорошія пастбища, предохранять ихъ на пути отъ несчастія, наполнять вымя коровъ молокомъ, накормятъ ихъ, дадутъ ему сокровище, пошлютъ съ неба воду и рѣки изъ горъ. Боги защищаютъ и его самого: онъ проситъ ихъ, чтобы они предохранили его отъ болѣзни и злыхъ духовъ, даровали долгую жизнь, побѣду, славу, добычу, помощь противъ враговъ. Самые предметы молитвы показываютъ, что мы имѣемъ дѣло съ свѣжимъ, мужественнымъ и воинственнымъ народомъ. Мелкія войны велись съ цѣлью грабежа и добычи; они угоняли другъ у друга скоть и бились изъ за хорошихъ пастбищъ. Упоминается однакожъ о крѣпостяхъ, вооруженіи, знаменахъ и военныхъ колесницахъ. Послѣ побѣды дули въ раковину. Словы не употреблялись еще для военныхъ цѣлей.

Вокругъ племеннаго князя стояли представители родовъ, выдававшихся или своимъ происхожденіемъ или личными качествами; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этимъ знатнымъ принадлежало даже и управленіе. Ратные подвиги князей вмѣстѣ съ дѣяніями боговъ воспѣвались пѣвцами, которые иногда сопровождали князя въ битвѣ и совершали, по его порученію, жертвоприношенія.

Религія первобытныхъ Индусовъ была, какъ и слѣдовало ожидать, простымъ олицетвореніемъ силъ природы, отношеніе

къ которымъ опредѣлялось соотвѣтственной пользой или вредомъ ихъ для человѣка.

Свѣтъ, огонь, голубое небо, чистый воздухъ, молнія, сопровождаемая обыкновенно дождемъ,—все это добрыя божества въ противоположность злымъ духамъ тьмы, ночи и засухи. Во главѣ свѣтлыхъ божествъ, называемыхъ Дэва (блистающіе), стоитъ могущественный богъ прозрачнаго воздуха, свѣтлыхъ облаковъ, въ которыхъ по мнѣнію Индусовъ и была собственно вода, голубаго неба,—богъ, сражающійся съ злыми духами въ буряхъ,—Индра. Его можно сравнить съ Зевсомъ Грековъ, Вуотаномъ Германцевъ, Перуномъ Славянъ и Литовцевъ. Сила громаднаго Индры, обладающаго большими руками, также велика какъ и само небо. Онъ называется копьеносцемъ, владыкой стадъ и людей; самъ борецъ, онъ держитъ въ своей власти исходъ сраженій. Во множествѣ молитвъ просятъ его вмѣшаться въ ряды сражающихся на своей колесницѣ, приблизиться къ мѣсту битвы, подобно дикому свирѣпому льву, обитающему въ горахъ, неся острую стрѣлу и громовые удары, увеличить силу сильныхъ и отдать толпу враговъ въ пищу коршупамъ. Онъ разрушитель укрѣпленій; онъ богъ войновъ по преимуществу, и тотъ кто сражается впереди, слѣдя за его побѣдной колесницей, тотъ отравитъ стрѣлы враговъ.

Такия представленія, безъ сомнѣнія, вызваны обоюднымъ вліяніемъ условій быта и впечатлѣній природы: весьма трудно себѣ представить что нибудь ужаснѣе и разрушительнѣе чѣмъ тропическая буря: кажется, что въ воздухѣ происходитъ гигантская борьба разъяренныхъ противниковъ. И Индусъ знаетъ, кто эти противники Индры. То былъ злой духъ Вритра (укриватель), въ видѣ чернаго облака заволакивающій небо съ тѣмъ, чтобы оправить свѣтъ и покидать съ неба воды. Вмѣстѣ съ нимъ злой Аги лишаетъ пастбищъ молокодающихъ коровъ т. е. рѣкъ: онъ скрываетъ ихъ въ нѣдрахъ горъ. Но Индра въ вѣчной борьбѣ съ ними: онъ поражаетъ мощнымъ ударомъ чернаго Вритру, сокрушивъ плечи, прогоняетъ его съ неба, убиваетъ на горѣ Аги, выпускаетъ дождь и освобождаетъ запертыя въ горахъ рѣки, которыя побѣжали черезъ его тѣ-

ло. Орудіемъ ему служатъ славное смертоносное копье, выкованное Тваштиромъ, художникомъ неба. Вѣтры которые тоочящаютъ своимъ легкимъ дуновеніемъ воздухъ и умѣряютъ зной, то стремительно гонятъ передъ собою облака, возвращая небу его прежній блескъ,—вѣтры для аріидцевъ были дружественные боги. Мчатся они на колесницахъ, запряженныхъ быстрыми оленями. Во главѣ толпы вѣтровъ (Матура) стоитъ утренній вѣтеръ Вайю (дующій). Онъ освобождаетъ ночное небо отъ темныхъ облаковъ, предшествуя собою появленіе утренней зари, олицетворенной въ особое дѣяственное божество (Ушась) и часто сравниваемое съ красной коровой. Наиболѣе страшный изъ вѣтровъ тотъ воющій ураганъ, который предшествуетъ тропической бурѣ: это Рудра, отецъ вѣтровъ. Не смотря на то, что онъ убиваетъ въ гнѣвѣ своими губительными стрѣлами людей и животныхъ, онъ, однакожь, вовсе не злой богъ. Въ союзѣ съ нимъ Индра поразилъ черныхъ демоновъ. Индусы обоготворяли дальше первые лучи утренняго свѣта, разгоняющаго мракъ ночи и отгоняющаго духовъ тьмы. Они называли ихъ Ашвинами, двумя братьями—близнецами. Къ нимъ обращался Аріецъ съ мольбами войти въ домъ благочестивыхъ людей, на колесницѣ, запряженной конями, быстрѣйшими, чѣмъ вѣтеръ, чѣмъ мысль человѣка, онъ просилъ ихъ наполнить коровъ молокомъ, накормить лошадей и умножить достойное потомство.

Благодѣтельные божества, они приносили пищу Атри нѣкогда брошенному въ мрачную темницу и освободили его отъ позорныхъ оковъ; смѣлому Квивѣ возвратили они зрѣніе.

Почитаніе боговъ свѣта сосредоточивается естественнымъ образомъ на божествѣ солнца.

Богъ солнца называется Сурья, Савитаръ, т. е. производящій, и Пушанъ, т. е. питающій. Рядомъ стоятъ другіе боги свѣта: Вага, Митра, Арваманъ,—все божества непобѣдимой силы; позади ихъ и надъ ними — Варуна, т. е. объемяющій: онъ поддерживаетъ небесный сводъ. По словамъ гимновъ, Сурья возвышается надъ людьми и богами; предъ нимъ, всевидящимъ, бѣгутъ звѣзды ночи, какъ воры. На богато украшенной колесницѣ, влекомой семью желтыми бѣлоногими ко-

нями, съ золотымъ остриемъ въ рукахъ, онъ проѣзжаетъ по небу и своимъ дальнозоркимъ взглядомъ озираетъ народы. Появляясь, онъ призываетъ боговъ и людей къ ихъ мѣстамъ, то идя вверхъ по восходящей тропѣ, то спускаясь по нисходящей, онъ, блистающій, удаляетъ всякое преступленіе, отгоняетъ злыхъ духовъ (Ракшаса). Какъ и всѣ дэвы, богъ солнца называется сыномъ Адити т. е. вѣчнаго. Эпитеты солнца: обновляющій, податель, и пр. показываютъ, что индусъ ясно понималъ разнообразныя вліянія этого свѣтила. Къ сильному Багѣ (подателю) обращаются съ мольбой съ полной надеждой какъ бѣдный и больной, такъ и царь, говоря: дай намъ нашу часть. Митра, богъ свѣта и Варуна, богъ высочайшаго небеснаго свода, враги лжи и праведныя божества. Митра зоветъ людей къ ихъ занятіямъ; онъ смотритъ на народы, не смыкая глазъ. Тотъ, кого защищаетъ Митра будетъ имѣть все въ изобиліи, не подвергнется никакому несчастію; не будетъ онъ ни убитъ, ни даже раненъ. Вмѣстѣ съ нимъ Варуна повелѣваетъ водами неба, поддерживаетъ небесный сводъ и воссѣдаетъ на тронѣ выше всѣхъ боговъ; онъ царь боговъ и людей. Два эти божества распредѣлили дни и ночи, времена и свѣтъ, указали путь созвѣздіямъ. Ему открыты тайны и сокровенныя имена коровъ. Онъ далъ коровамъ молоко, лошадямъ силу, людямъ разумъ. Онъ держитъ веревки и окопы для грѣшниковъ, связываетъ ихъ болѣвнями и сковываетъ смертью, но раскаявшимся доставляетъ утѣшеніе и спасеніе. Весьма важное значеніе для первобытнаго индуса имѣлъ огонь. Среди ночной тьмы огонь разливаетъ свѣтъ, отгоняетъ хищныхъ звѣрей отъ стадъ и жилищъ людей; злые духи не смѣютъ явиться при огнѣ, и онъ преимущественно называется побѣдителемъ злыхъ духовъ, убійцей демоновъ. Представляли его въ видѣ прекраснаго могучаго юноши. Едва ли не большую роль игралъ огонь въ семействѣ: онъ доставлялъ тепло, на немъ приготовлялась пища, и жертвы достигали до боговъ только при его посредствѣ. Около домашнего очага группировалось все семейство. Огонь, поэтому, дорогой другъ, товарищъ и братъ людей, блюстительный домохозяинъ, богъ дающій богатство и пищу.

Ману, отцу людей, боги оставили Агни на землѣ. Онъ былъ скрытъ въ деревѣ и добытъ оттуда посредствомъ тренія. Но Агни имѣетъ и небесное происхождение: онъ сходитъ на землю въ молніи. Видя, какъ здѣсь, равно какъ и въ лучахъ солнца, огонь сходитъ на землю и соединяя это явленіе съ восходящимъ къ небу пламенемъ во время приношенія жертвы, первобытный индусъ легко могъ придти къ заключенію, что именно Агни есть истинный жертвоприноситель и жрецъ, посредникъ между небомъ и землею, вѣстникъ людей. „Агни, говорится въ одномъ гимнѣ, дарующаго нищу, признаваемъ мы торжественными пѣснями, тебя выбираемъ вѣстникомъ къ всевѣдущему, твой восходящій блескъ свѣтитъ далеко въ небо! Смертный, который почитаетъ тебя, достигаетъ богатствъ; ты утѣшитель, покровитель торговли; тебѣ, юноша, приносятся каждая жертва; будь милостивъ къ намъ и въ будущемъ; жертвуй тогда самъ могущественнымъ богамъ, приноси имъ наши жертвы. Сильный, какъ конь, который ржетъ во время битвы, даруй, о Агни, просящему богатыхъ дары! Сядь къ намъ, могучій, свѣти, возлюбленный между богами, пусть восходитъ крылатый дымъ. Приди къ намъ ты, котораго заботливые боги оставили нѣкогда на землѣ Ману! Даруй намъ сокровища, утѣшь насъ; восходя помоги намъ, какъ Савитаръ, охрани насъ свѣтомъ познанія предъ грѣхомъ, сдѣлай насъ сильными въ трудѣ и жизни, уничтожь враговъ, охрани насъ, Агни, предъ злыми духами (Ракшаса) предъ убійцей, хищнымъ звѣремъ и предъ врагомъ, задумывающимъ погубить насъ, о свѣтлый юноша! поражай повсюду враговъ, которые не приносятъ тебѣ даровъ, которые острятъ стрѣлы для насъ, поражай ихъ раскаленной сталью, какъ дубиной: да не властвуютъ надъ нами враги наши! Пусть не смѣетъ никто приближаться къ твоему сверкающему, страшному пламени; сожги злыхъ духовъ и всякаго врага“. *)

Было бы впрочемъ совершенно напрасной попыткой передать ту изумительную полноту представленій и образовъ, которую создала свѣжая, дѣвственная фантазія индусовъ: боже-

*) Ригведа 1, 36; сравни 1, 27, 58, 76.

ство охватывало своимъ вліяніемъ всѣ отношенія человѣческой жизни.

Резюмируя все сказанное объ отдѣльныхъ божествахъ, мы можемъ составить нѣкоторое понятіе о физическомъ и нравственномъ свойствахъ, которыя воображеніе индуса придавало божеству, понимаемому какъ нераздѣльное цѣлое.

Боги одарены тѣломъ, ѣдятъ, пьютъ и даже подвержены опьяненію; ѣздить на колесницахъ съ быстротой, впрочемъ, людямъ не доступной; сражаясь другъ съ другомъ, они употребляютъ оружіе, приготовленнымъ особеннымъ художникомъ неба; получаютъ раны; злой Аги лишень даже жизни. Они имѣютъ тѣже чувства, что и люди, и различіе здѣсь только количественное: такъ, они могутъ слышать на далекое пространство, видятъ все совершающееся на землѣ и никакое злодѣяніе скрыться отъ ихъ глазъ не можетъ. Къ свѣтлымъ божествамъ не смѣетъ приближаться ни темнота, ни сонъ: они не только сами бодрствуютъ, они призываютъ людей къ бдѣнію и дѣятельности. Они обладаютъ всезнаніемъ. Творческая дѣятельность ихъ обнаружилась тѣмъ, что создала свѣтъ, времена и всѣ богатства земли, привела въ порядокъ дни и ночи.

Первый человѣкъ (Яма) называется сыномъ бога Инвасвата и Сарани. Божество же и поддерживаетъ сотворенное: Варуна держитъ небесный сводъ. Боги блюстители людской чистоты: они отталкиваютъ отъ себя порочнаго человѣка. Но благочестивый человѣкъ, будетъ ли онъ бѣднякъ или могущественный царь, можетъ смѣло приближаться къ нимъ съ своими просьбами. Того, кто повинуется богамъ, они награждаютъ всѣми благами. Но, напротивъ, у преступника отнимаютъ благосостояніе и миръ, наказываютъ болѣзнями и смертью. И преступникъ, впрочемъ, если онъ покается, можетъ надѣяться на помилованіе. Боги свѣта называются Адитья, т. е. дѣтьми вѣчно существующаго. Но сознаніе индуса кажется колебалось приписать божеству эпитетъ безсмертія; злыя божества подвержены неволи. Аги пораженъ на смерть Индрою и могучіе плечи мрачнаго Вритри сокрушились подъ его же ударами. Внося въ представленіе о божествѣ начало существа вредоноснаго,

враждебнаго человѣку, сознание тѣсно сближило нѣкоторыхъ благодѣтельныхъ боговъ съ человѣкомъ: Агни, Ашвини. Въ обращеніи къ нимъ человѣкъ употребляетъ выраженія, доказывающія увѣренность его въ ихъ постоянномъ содѣйствіи. Боги, однакожь, не лишены пристрастія: они благосклонны наиболѣе къ тому, кто приноситъ имъ въ изобиліи жертвы и возливаетъ имъ напитокъ сома. Въ опьяненіи отъ этого напитка, боги вступаютъ въ битву и легко побѣждаютъ враговъ молящагося. И вообще отношенія человѣка къ божеству основаны на желаніи получить отъ него какую бы то ни было пользу. Это легко видѣть изъ содержанія молитвъ (просить о пищѣ, молокѣ, коровахъ, побѣдахъ, славѣ, плодородіи земли и пр.) такъ и прямыми выраженіями гимновъ: Индра долженъ воздавать за дары дарамъ; если люди будутъ щедро получать отъ него коней, быковъ, колесницы, онъ всегда будетъ имѣть жертвы. «Какъ мухи вокругъ сосуда съ медомъ, сидятъ жрецы вокругъ жертвенной чаши, какъ твердо стоитъ нога на колесницѣ, такъ крѣпка на Индру надежда жрецовъ, жаждущихъ богатствъ».

Весьма важно знать также какъ великъ былъ кругъ дѣйствій божества по представленію Индуса: вся ли дѣятельность человѣка во всѣхъ ея мелкихъ проявленіяхъ исходила и подчинялась божеству, или было оставлено что нибудь и для свободной воли человѣка. Кругъ вмѣшательства божества долженъ былъ представляться тѣмъ шире, что нравственныхъ преградъ для него не существовало: божество совершало не только доброе, но и то, что Индусъ считалъ злымъ. Всякое счастье и несчастье происходить отъ него. Оно, и только оно одно, даетъ людямъ богатство и сокровища. Боги заботятся о лугахъ, о кормѣ и охраненіи стадъ; они даютъ молоко коровамъ, силу лошадямъ, заботась о ихъ хорошемъ содержаніи, и разумъ людямъ. Они предохраняютъ человѣка отъ болѣзней, даютъ ему долгую жизнь, побѣды надъ врагами, при чемъ боги не рѣдко лично вмѣшиваются въ битвы, пуская въ ходъ стрѣлы и громы (Индра), защиту предъ злыми духами. Божество останавливаетъ и посылаетъ дождь съ неба, скрываетъ и освобождаетъ воды изъ горъ. Такимъ образомъ, завостъ ли буря, загремитъ ли

громъ, настанеть ли голодъ или засуха, заболѣеть ли кто, Индусъ вѣрилъ, что это дѣло какого нибудь бога и онъ зналъ какого. И такъ всѣ явленія природы были превращены въ божества и божества другъ отъ друга независимыя, какъ и слѣдовало ожидать при ничтожной слабости Индуса къ обобщеніямъ.

Легко видѣть, что эта религія есть политеизмъ, граничащій съ фетишизмомъ. Но и въ этой религіи встрѣчаются, хотя и въ чрезвычайно слабой степени, уже зародыши монотеизма. Въ свойствахъ, которыя приписаны Варунѣ, лежитъ несомнѣнно стремленіе сосредоточить въ высочайшемъ и отдаленнѣйшемъ божествѣ высшую божественную власть. Съ другой стороны и Индра „мощный быкъ, убійца демоновъ, герой битвъ“ называется вседержителемъ, владыкой твердаго и жидкаго, сооружающимъ горы, дающимъ мѣру пространному воздуху и поддерживающимъ небо. Онъ сосредоточиваетъ въ себѣ міръ, какъ лучи круга, и если бы было сто небесъ и сто земель и тысяча солнцевъ, не охватили бы громометателя ни сотворенное, ни міры. Конечно, эти элементы вѣрованія развились сравнительно позднѣе. Это были только слабые зародыши, которымъ предстояло въ будущемъ мощное развитіе.

Культъ.

Культъ былъ простъ. Каждый отецъ семейства зажигалъ жертвенной огонь и приближался къ богамъ съ молитвой. Женщины не были устранимы отъ жертвы. Приносили жертвы въ домѣ, на чистомъ воздухѣ; о храмахъ и идолахъ вовсе не упоминается. Такъ какъ по своимъ свойствамъ боги подвержены голоду и жадѣ, то нужно было предлагать имъ пищу и питье. Агни бросали въ огонь масло. Видя какъ огонь увеличивается при сожиганіи жертвы, Индусъ думалъ, что она угодна богу. Главная жертва, приносимая божествамъ свѣта былъ наркотическій, одуряющій сокъ растенія сомы, (*asclerias acida*) который, смѣшанный съ мукой и молокомъ, предлагался въ питье богамъ. Очень вѣроятно, что этотъ

напитокъ былъ избранъ для жертво-приношеній вслѣдствіе того, что для людей самихъ онъ былъ наилучшимъ. Приготовленный съ извѣстными обрядами ¹⁾ напитокъ ставился на мягкія травы, накрытыя покрываломъ, затѣмъ просили Вайю, Матуру, Ашвининовъ, Индру сойти съ неба, сѣсть на жертвенное покрывало и выпить приготовленный напитокъ.

По вѣрованіямъ Арійцевъ, Индра сражается и доставляетъ побѣду тому племени, котораго сому онъ пилъ. Понятія первобытнаго Индуса о силѣ жертвъ были таковы, что онъ считалъ ихъ столько же полезными для человѣка, котораго онъ освобождалъ отъ многихъ грѣховъ, сколько и необходимыми для самихъ боговъ. Этими послѣдними, кромѣ наслажденія и удовлетворенія голода и жажды, дають онѣ силу для борьбы съ злыми духами и съ врагами жертвующаго племени. Во время борьбы кромѣ силы нужно и мужество, и человѣкъ думалъ, что напитокъ сома, воодушевляющій его самого къ битвамъ, долженъ возбуждать отвагу и въ богахъ. Въ объясненіи отъ сомы, Индра легко и навѣрно побѣждаетъ демоновъ (Вритри и Аги). Молитвы наравнѣ съ жертвами также имѣли назначеніемъ увеличить силу боговъ. „Гимны изощряютъ твою великую крѣпость, Индра, твое мужество, твою силу, твои славныя громовыя стрѣлы“.

Если человѣкъ долженъ былъ служить и приносить жертвы для того чтобы получить помощь боговъ, то весьма естественно могло возникнуть вѣрованіе, что и боги, получая обильную жертву, не должны оставаться неблагодарными: индусу казалось, что человѣкъ, приносящій жертву, приобретаетъ надъ ними въ некоторую власть; онъ вправѣ былъ требовать исполненія просьбы. Но при этомъ требовалось, однакожь, чтобы жертва была принесена сообразно съ тѣми завѣщанными обрядами, которые

¹⁾ Обряды эти, судя по свидѣтельствамъ Ригведы и Сомаведы, достигли довольно полнаго развитія. По позднѣйшимъ предписаніямъ, кусти Сомы должны быть собираемы при лунномъ свѣтѣ на горахъ и вырываемы съ корнемъ; листья отрываются; въ жертвенный домъ везли сому на колесницѣ, запряженной двумя козлами. Сомы по Ведѣ выдаивалась между камнями, затѣмъ пропускали его чрезъ цѣдку изъ волосъ и бараньихъ хвостовъ.

одни могутъ сдѣлать ее угодной богамъ. И тѣ, которые знали истинный способъ жертвоприношенія, слыли за чародѣевъ, владѣющихъ силою принуждать боговъ. Представленіе о возможности принуждать боговъ свойственны всѣмъ неразвитымъ народамъ; оно лежитъ въ основаніи фетишизма, гдѣ бьютъ идоловъ, если просьба не исполнена. Но Индійцы отличаются отъ фетишистовъ тѣмъ, что они считали дѣйствительнымъ не внѣшнее, а болѣе внутреннее принужденіе; они вѣрили, что вмѣстѣ съ жертвой необходимо для приобрѣтенія благосклонности боговъ благосовѣнное настроеніе ума, настойчивая молитва.

Основателемъ культа считали Индусы Яму, перваго человека и перваго царя, происходящаго отъ бога солнца. Онъ впервые уничтожилъ темноту и уравнилъ путь благочестивыхъ. Онъ первый испыталъ на себѣ смерть, первый вошелъ съ земли на небо и показалъ, такимъ образомъ, этотъ путь другимъ; первый нашелъ мѣсто безмятежнаго спокойствія, откуда никто не можетъ выгнать тѣхъ, кто находится тамъ. Онъ считался образцомъ доброй жизни для потомства. Рядомъ съ Ямой стоитъ братъ его Ману, отецъ и родоначальникъ людей.

Первая жертва сомы была предложена Индрѣ Ману. Ему оставили боги огонь, скрытый въ деревѣ, снабдили пищей и послѣ того, какъ Агни научилъ его знать небо, Ману установилъ въ честь его культъ. Онъ приготовилъ миръ и счастье, указалъ средства къ спасенію. Позднѣйшія сказанія представляютъ Ману святымъ и царемъ. Кромѣ этихъ двухъ людей, въ пѣсняхъ Веды называются мудрецы и пѣвцы, благочестиво жившіе во времена предковъ и приносившіе богамъ угодныя жертвы. Между жертвоприносителями прославляется Пуруравасъ, который первый зажегъ тройной огонь (Индусы брали для большихъ жертвъ три огня: одинъ съ сѣверовостока, другой съ юговостока, третій съ востока). Между пѣвцами Ангирасъ считается старшимъ. Въ позднѣйшихъ пѣсняхъ Ригведы число этихъ «древнерожденныхъ мудрыхъ предковъ» доведено было до семи. О нихъ вспоминали съ благодарностью за то, что они показали путь, т. е. исти-

ное почитаніе боговъ, ихъ имена жили въ родахъ, которые считали себя ихъ потомками.

Къ старѣйшимъ пѣвцамъ присоединились новые: они сла-тали отдѣльныя пѣсни и потомки ихъ хранили эти творенія. Такимъ образомъ между арійцами былъ классъ людей, преимущественно занятый молитвами и пѣніемъ, была традиція священныя пѣсенъ, традиція искусства призывать боговъ и пѣть гимны, традиція, переходящая въ извѣстныхъ родахъ по наслѣдству. Эти послѣдніе начали весьма рано отличаться отъ другихъ манерой носить волосы. Родъ Васишта носилъ заплетенную косу на правой сторонѣ; родъ, ведущій свое происхожденіе отъ Ангора, носилъ пять локоновъ, мнимые потомки Атри носили три косы; Бригу стриглись, иные носили только одинъ локонъ на макушкѣ.

Пѣсни Ригведы совѣтуютъ князьямъ при жертвахъ, приносимыхъ за ихъ племя съ цѣлью испросить побѣду и добычу, ставить впереди пѣвца священныя молитвъ и гимновъ, прошту (т. е. впереди поставленнаго) и щедро награждать его. «Тому царю, которому предшествуетъ такой пурешта, охотно покоряются всѣ племена; онъ приобрѣтаетъ богатство отъ друзей и враговъ. Царя, награждающаго пѣвца, защищаютъ боги!» Подарки были верѣдко щедрн. Пѣвецъ Какшиватъ хвалился, что онъ получилъ отъ царя 100 золотыхъ гирь, 100 быковъ, десять чегырехъ-упряжныхъ колесницъ и стадо въ 1000 коровъ.

Представленія о загробной жизни были, какъ и всегда въ эту пору исторіи, не ясны. Первый человѣкъ, котораго постигла смерть, былъ Яма; онъ взшелъ съ земли на небеса. Здѣсь пьетъ и шутитъ онъ съ Варуной и другими богами, здѣсь собираетъ онъ вокругъ себя всѣхъ умершихъ, которые жили на землѣ подобно ему; какъ на землѣ, такъ и здѣсь на небѣ властвуетъ онъ царствомъ полнымъ счастья и блаженства. На небо Яма, которое позднѣйшіе памятники помѣщаютъ на юго-востокъ на 1000 дней конной ѣзды отъ земли, вступаютъ герои, павшіе въ битвѣ, благочестивые люди, отличившіеся жертвами и мудростью,—всѣ, которые были щедрн, шли по пути добродѣтели и хранили правду. Здѣсь на небѣ Яма

тѣло ихъ становится яснымъ и прекраснымъ; они живутъ, наслаждаясь сокомъ сомы, которымъ наполнены цѣлые чаны, молокомъ, медомъ, масломъ; разлученные смертью соединяются здѣсь снова и «Яма не крадетъ производительной силы». Тысячами пребываютъ здѣсь толпы предковъ наслаждаясь вѣчными удовольствіями неба. Наказаніе злыхъ состоитъ въ томъ, что они не принимаются на небо Ямы. Они исключены отъ свѣта и идутъ въ «густѣйшую тьму». Мѣсто тьмы не опредѣляется, но представляли его гдѣ то далеко. При дальнѣйшемъ развитіи представленій о загробной жизни Яма сдѣлался судьей мертвыхъ; онъ призываетъ живущихъ въ свое царство и судить о ихъ чистотѣ или порочности. Въ позднѣйшихъ пѣсняхъ Ригведы Ямѣ приданы двѣ собаки съ четырьмя глазами и широкими ноздрями; онѣ обходятъ землю, чтобы привести на небо тѣхъ, которыхъ зоветъ Яма и преградить доступъ всѣмъ, живущимъ не благочестивой и нечистой жизнью.

Трупы Ариіи или погребали въ землѣ или сожгали. Последній способъ вытѣснилъ вполнѣ въ послѣдствіи обычай погребенія. Но даже пѣсни позднѣйшей части Ригведы указываютъ на погребеніе, какъ на обычай существующій. Ариіи часто поминали умершихъ. Предки, достигшіе неба Ямы были для потомковъ свѣтлыми образцами жизни, защитниками ихъ родовъ противъ злыхъ духовъ. Въ память умершихъ каждое новолунье были совершаемы возліянія. Умершихъ приглашали къ жертвенному пиру. Они приходять толпами и наслаждаются пищей и питьемъ. Это доказываетъ, что индусы вѣрили, что и въ могилѣ мертвый живетъ тою же жизнью, какъ на землѣ.

Завоеваніе области Гандга. Образованіе сословій.

Скотоводство, какъ было сказано, было главнымъ занятіемъ Ариевъ на Индѣ. Имъ нужны были обширныя пастбища для стадъ. Съ увеличеніемъ народонаселенія пастбища оказались тѣсны: приходилось племенамъ или вступать другъ съ другомъ въ борьбу изъ за обладанія ими, что имѣло результатомъ тѣ-

постоянными стычками, разбойничьи набѣги и грабежи, которыми была наполнена жизнь индусовъ на Индѣ, или отступать дальше къ востоку. И то и другое явленіе дѣйствительно имѣло мѣсто, послѣднее въ особенно сильной степени. Передвиженіе направлялось вдоль предгорій Гималаевъ, гдѣ пустыня не преграждала пути, и слѣдовало отсюда по долинѣ Ямуни на югъ, затѣмъ вдоль Ганга.

Конечно, завоеваніе и заселеніе такой обширной области не могло совершиться быстро. Старое населеніе нужно было или выгнать или покорять, а этого нельзя было достигнуть безъ долгой борьбы. Къ тому же сами Арійскія племена тѣснили другъ друга, позднѣе выселившіеся гнали прежде поселившихся соплеменниковъ дальше къ востоку, что вело также къ борьбѣ. Дралась изъ за обладанія лучшими полосами земли. Во время этихъ битвъ и странствованій, въ этомъ взаимномъ давленіи мелкія племена слились въ большія группы, народы. Какъ эти событія происходили, исторія не знаетъ. Несомнѣнно только то, что земли по Ямуни въ верхнему Гангу были заняты и заселены особенно густо. По сказаніямъ Аріевъ, движеніе послѣ великой войны впервые успокоилось именно здѣсь, здѣсь же образовались государства, раньше другихъ достигшія мирнаго состоянія. На Ямуни поселились народы Матья и Ядава, между верхней Ямуни и Гангомъ-Панчала т. е. пять племенъ, на верховьяхъ самаго Ганга-Барата, къ востоку отъ нихъ къ Сорайю внизъ по Гангу-Косала. Еще дальше къ востоку на сѣверѣ Ганга жили Видеа, на самомъ Гангѣ-Касп и Анга, на югѣ Ганга-Магада.

О судьбахъ, испытанныхъ этими народами прежде чѣмъ они заняли названныя мѣстности, свѣдѣній исторія не имѣетъ. Только нѣкоторыя молитвы и побѣдныя гимны въ Ригведѣ бросаютъ немного свѣта на движеніе арійскихъ племенъ во время начала переселенія, когда онѣ еще не переходили Ямуни. Десять племенъ изъ западной области Инда, между которыми Барата занимаетъ первое мѣсто, собираются въ походъ противъ царя Суды, царствующаго надъ Тритсу въ новоприобрѣтенной землѣ между Сарасвати и Ямуни. На сторонѣ союзниковъ стоятъ жрецъ Висвамитра, а на сторонѣ ихъ против-

ника жреческій родъ Васишта. Соединенныя племена для того чтобы навасть на Тритсу должны перейти Випосу и Сятадру.

Висвамित्रа обращается съ молитвой къ Индрѣ и переходъ обѣихъ рѣкъ удается, но въ противномъ лагерѣ Васишта смиренно признаваясь, что сыны Бараты искусны въ бою, что ихъ крѣпкій лугъ губителенъ въ битвѣ, возлагаетъ всѣ свои надежды также на Индру. Его молитва взяла верхъ и союзники поражены; царь Суда вторгается даже въ ихъ область и отнявши, при помощи Индры, многія области возвращается домой съ огромной добычей. Слава этой побѣды приписывается въ Ригведѣ преимуществею жрецу Васиштѣ и его сыновьямъ, что и понятно при всепоглощающемъ значеніи религіи. Индра, привлеченный издали возліаніемъ сомн отъ Васишта, услышалъ ихъ молитву и сокрушилъ Барата, какъ сокрушаетъ посохъ погонщика воловъ.

О дальнѣйшемъ процессѣ переселенія, о занятіи долины Ямуны, верхняго и средняго Ганга нѣтъ никакихъ свѣдѣній. О битвахъ арійскихъ племенъ между собою свидѣлствуютъ въ высшей степени невѣрные указанія индѣйскаго эпоса, эпоса, дошедшаго до насъ послѣ многочисленныхъ переработокъ и измѣненій въ формѣ, данной ему въ послѣднія столѣтія передъ Р. X. Эпосъ этотъ сложился постепенно изъ военныхъ и побѣдныхъ пѣсенъ, составленныхъ жрецами,—свидѣтелями битвъ времени переселенія. Когда настала мирная пора, состояніе возбужденія уступило мѣсто спокойному обзору, воспоминанію о великихъ дѣлахъ прошедшаго. И чѣмъ дальше воспѣваемые событія и герои отступали въ прошедшее, чѣмъ большія пространства времени отдѣляли отъ нихъ, тѣмъ болѣе должно было все содержаніе ихъ сосредоточиться около отдѣльныхъ именъ и событій. Мало по малу составилось сказаніе о великой войнѣ (Магабарата) и о дѣяніяхъ Рамы (Рамаяна).

Въ такомъ эпосѣ напрасно было бы искать какихъ нибудь историческихъ фактовъ. Онъ даже не можетъ дать вѣрной картины быта того времени, которую описываетъ или въ которую возникъ: каждая эпоха оставила на немъ свои слѣды. Тендеція жрецовъ сдѣлать изъ воспоминаній народа опору

своего высокаго положенія сгладили или уничтожили воинскій характеръ поэмъ и придали имъ религіозно-нравственное значеніе. Вслѣдствіе этого вся эпоха переселенія остается неизвѣстною.

Результатъ ея былъ, однакожь, тотъ, что Индусы Пятирѣчья завоевали страны по Ямунѣ и Гангу. Здѣсь подѣ влияніемъ новыхъ условій произошли значительныя измѣненія въ бытѣ переселенцевъ. Мѣсто стичекъ, походовъ съ цѣлью добычи, похищенія стада, которыми занимались Индусы Пятирѣчья, заступили другія явленія: переселеніе, завоеваніе, заселеніе, споры въ за занятыхъ земель, основаніе обширныхъ царствъ, военная, но болѣе или менѣе организованная дѣятельность.

Мелкіе роды слились въ большія массы, народы; вмѣсто племенныхъ властителей выступили предводители войскъ, достигшіе гораздо большей власти, чѣмъ первые: нужно было дѣлать завоеванія, защищать свое государство отъ покоренныхъ туземцевъ и своихъ соплеменниковъ, что требовало болѣе независимаго положенія, чѣмъ то, какимъ владѣлъ патриархальный глава рода. Явились наследственные царскія династіи, достигшія мало по малу неограниченной власти.

На западномъ берегу Ямуны жили Матья, къ югу отъ нихъ въ городахъ Матура и Кришнапура, древней области Яуавы, Сурадена. На верхнемъ теченіи Ямуны и Гангеса потомки Панду царствовали надъ народами Барата и Панчала, имѣя свою резиденцію сначала Гатнапуру, (на верхнемъ Гангѣ) потомъ, когда господство ихъ распространилось еще далѣе къ югу, Клаусамби (близъ нынѣшняго Аллагабада). Восточные жители Косала (на сѣверъ отъ Ганга до Сарайю), князья которыхъ правили въ Аюдья, еще далѣе къ востоку Видеа съ резиденціей царей Митилай (Тируть). На самомъ Гангѣ внизъ отъ впаденія въ него Ямуны владѣли въ Бенареса цари Каси, далѣе къ востоку цари Анга въ Гампѣ, равно какъ и на Гангѣ. На югѣ Ганга Магади завоевали громадную область. Ихъ цари, ведшіе свой родъ отъ Куру, жили въ Рачагригѣ. Такимъ образомъ здѣсь возникла группа

обширныхъ государствъ, въ которыхъ значеніе родовъ уничтожилось, уступивши мѣсто власти нѣсколькимъ царствующимъ династіямъ.

Такой политической переворотъ избавилъ индусовъ отъ множества постоянныхъ и кровавыхъ войнъ и обезпечилъ миръ настолькоъ, что внутреннее развитіе быта въ теократическо-военномъ направленіи не могло встрѣчать препятствій. Это обнаружилось прежде всего въ выдѣленіи различныхъ элементовъ изъ смѣшанной массы народа, въ образованіи сословій.

Новые завоеватели страны Ганга называли себя въ противоположность покореннымъ туземцамъ, и въ сознаніи своего единства именемъ Ванси, т. е. соплеменники. Они смотрѣли на прежнихъ жителей съ гордостью побѣдителей, съ сознаніемъ превосходства оружія, крови и образа жизни. И на первыхъ порахъ, до болѣе или менѣе полнаго восстановленія спокойствія, можно различать только два эти элемента: гордыхъ завоевателей и презираемыхъ покоренныхъ. Но и въ составѣ самихъ завоевателей рано обнаружился весьма существенный измѣненіи. Они оказались господами массы рабовъ, имъ досталась въ собственность обширная страна и плодородіе вновь приобрѣтенной земли въ богатой мѣрѣ вознаграждало обработку ея. Кому удалось завладѣть болѣе обширными полосами земли и добыть въ битвѣ рабовъ, тотъ былъ свободенъ отъ заботы о средствахъ къ жизни, заставивши ихъ работать за себя и предаваясь занятіямъ охотой и войной. Онъ могъ слѣдовать за царемъ, чтобы отразить нападеніе сосѣда, подавить возстаніе покоренныхъ или произвести вторженіе въ чужую область. Военственный духъ отцовъ переходилъ на дѣтей и мало по малу изъ массы Вансиевъ выдѣлилась многочисленная группа семействъ съ обширными поземельными владѣніями, преданныхъ воинскимъ занятіямъ: сословіе благородныхъ.

Въ то время какъ это сословіе, называемое *кшатрия*, т. е. сильное, вмѣстѣ съ царемъ защищало предѣлы страны, другая часть населенія получила возможность спокойно заниматься обработкой земли и безопасно пасти стада и приобрѣло право не только на существованіе, но и на уваженіе воинскаго сословія, вытекавшее изъ очевидной для всѣхъ необхо-

димости. Воспоминаніе дѣяній благородныхъ, воспѣваемыхъ вѣвцами, укрѣпляло ихъ первенствующее положеніе, которое мирный земледѣлецъ волей-неволей признавалъ за ними. Весьма повѣрно, что кшатрии высоко цѣнили себя и свое положеніе, что они не были склонны прѣмѣнять свои благородныя занятія на низкія и болѣе трудныя работы земледѣльцевъ, въ опыта у нихъ возникло легко убѣжденіе, что только они способны выполнять воинскія обязанности, что они предназначены для такихъ занятій.

Мы видѣли, что въ Пятирѣчьи уже было положено начало образованію жреческаго класса и видѣли, что пѣвцы употребляли всѣ усилія укрѣпить за собою свое высокое положеніе. Во время эпохи переселенія они должны были уступить первенство воинамъ. Въмѣсто молитвъ имъ пришлось составлять пѣсни въ честь царей и воиновъ, за которыми они слѣдовали, приносить по требованію ихъ жертвы предъ битвами. Около каждого царя были извѣстные роды жрецовъ. У Косала-Васишта, у Видаа-Гатама и пр. къ родамъ этихъ жрецовъ примыкали часто совсѣмъ чужіе, принимаемые для обученія и усвовленія. Но по установленіи болѣе мирныхъ отношеній положеніе дѣлъ измѣнилось.

Жреческіе роды были близки къ царямъ. Они собрали въ одно цѣлое всѣ пѣсни и рассказы, составленные въ эпоху войнъ, и имъ легко было доказать, что битвы, которыми всегда предшествовали жертвы, выигрывались благодаря ихъ молитвамъ, что боги вступали въ ряды воиновъ и помогали тому лагерю, въ которомъ приносились болѣе обильныя жертвы и болѣе искреннія молитвы. Кромѣ того, имъ одному оставалась извѣстная система древнихъ обрядовъ и культа богамъ, они одни хранили истинные приемы при принесеніи жертвъ, дающіе силу молитвамъ, возносимымъ при жертвоприношеніяхъ.

Сплоченіе отдѣльныхъ родовъ въ народъ соединило также и остальные жреческіе роды. Обладая теперь общимъ для всѣхъ сокровищемъ обрядовъ и пѣсней жрецы почувствовали себя отдѣльнымъ могучимъ классомъ народа съ общимъ названіемъ *Браминовъ*. Съ этого времени начинается для нихъ эпоха теологическихъ изслѣдованій и всесторонняго вліянія, и

мы увидимъ къ какимъ результатамъ привело это измѣненіе въ ихъ положеніи.

Сословіе людей, посвятившихъ себя торговлѣ и промышленности, оставило за собою старое названіе Ваисьевъ.

Не все прежнее населеніе новыхъ государствъ на Гангѣ было уничтожено, изгнано или превращено въ рабовъ. Тѣ, которые покорились и подчинились закону побѣдителей, удержали свободу; но имъ не было позволено приобрѣтать повемельной собственности: какъ рабы и слуги должны были они проводить свою жизнь при дворахъ Ариевъ. Они носили общее названіе Судра, названіе туземное, потому что слово это чуждо Санскриту, и пользовались презрѣніемъ какъ нисшіе.

Такимъ образомъ, населеніе всѣхъ новыхъ государствъ на Гангѣ было раздѣлено на двѣ массы, рѣзко различавшіяся языкомъ, правами, религіей. Смѣшеніе между ними было невозможно: такъ безпредѣльно было презрѣніе Ариевъ къ Судрамъ, презрѣніе вызванное естественнымъ сознаниемъ превосходства и дѣятельно поддерживаемое религіей, которая при слитіи должна была бы принять въ себя чуждые элементы и исказиться.

Путь къ этому слитію, браки были безусловно запрещены.

Нельзя однакожь приписывать образованіе сословій народа одному завоеванію. Причины ихъ развитія надо искать въ экономическихъ условіяхъ, опредѣленныхъ природой страны. Но эти причины дѣйствовали лишь какъ второстепенныя условія и не имѣли бы значенія безъ завоеванія.

Наклонность къ неподвижности и санкція религіи закрѣпили социальное раздѣленіе на-всегда. Разслабляющее дѣйствіе зноя новой страны, неизмѣющаго ничего себѣ подобнаго ни на плоскогорья Ирана, ни въ Пятирѣчьи, кромѣ того что оказало свое вліяніе на утверженіе кастъ, имѣло еще и другое слѣдствіе. Оно постепенно ослабило дѣятельный характеръ прежде воинственныхъ Ариевъ, заставило ихъ оставить боевую жизнь, трудно выносимую при такихъ условіяхъ и принудило къ жизни болѣе тихой и спокойной. Это имѣло необходимымъ слѣдствіемъ упадокъ значенія воинской касты. Созерцательная жизнь заняла мѣсто дѣятельной. Теперь выступили

на первый планъ Брамизма. Имъ не стоило большого труда убѣдить, что отношенія къ богамъ самыя существенныя для челоука, что жертва самое важное дѣло для него. Теперь явилось новое понятіе о божествѣ, новое ученіе о происхожденіи міра, о градаціи сотворенныхъ существъ, въ которой жрецы занимали первенствующее мѣсто. Переворотъ этотъ существенно измѣняетъ ходъ Индійской исторіи. Области отъ Сарасвати къ востоку до верхняго Ганга считались послѣ у Индусовъ священной страной. Земля между Сарасвати и Дришадвати называлась поидіе землею Брами (Брамаварта) и все двурѣчье Ямуны и Ганга носило названіе земли святыхъ мудрецовъ (Брамаршидеса). Здѣсь находились древнія знаменитыя резиденціи Буру и Панду, Гостинапура, Идрапрашта, Протиштана, Бришнапура, и священная Матура на Ямунѣ. Вся эта страна была покрыта святыми мѣстами, привлекавшими къ себѣ пилигримовъ. Здѣсь можно было найти храбрѣйшихъ кшатріевъ, святѣйшихъ жрецовъ. Обычаи этой страны были признаны лучшими и достойными подражанія. Законодательство жрецовъ требуетъ, чтобы каждый Аріи научился правильному образу жизни у брамина, рожденнаго въ Брамаршидесѣ. Собственно всѣ Аріи должны бы жить здѣсь, говорится дальше. Много услвій содѣйствовало, что страна эта приобрѣла такое высокое положеніе. Она была прежде всѣхъ другихъ завоевана; здѣсь впервые на новой почвѣ были посвящены извѣстныя мѣстности въ честь культа древнихъ богамъ, и сами Аріи подверглись здѣсь наименьшему смѣшенію съ туземцами. Но всѣ эти обстоятельства не существенны. Важнѣе было то, что именно въ этой области впервые преобразованы были жрецами старинныя обычая культа, нравовъ и правсообразно съ новой системой браминовъ, что здѣсь именно жрецы, можетъ быть, опираясь на помощь династіи Панду, достигли господствующаго значенія. Неудивительно поэтому, что жрецы въ эпоху, ими обработанную, ставила князей этой страны въ примѣръ другимъ и самую страну представляли образцомъ для прочихъ.

Было уже сказано, что съ соединеніемъ отдѣльныхъ племенъ и родовъ въ большія массы и жрецы вошли другъ съ

другомъ въ ближайшее соприкосновеніе. Это повело къ изученію и обмѣну молитвенныхъ формулъ и воззваній, пѣсенъ, обрядовъ жертвоприношенія, которыя хранились до сихъ поръ въ формѣ преданія въ средѣ отдѣльныхъ родовъ.

Такимъ путемъ весьма скоро жреческіе роды составили массу пѣсенъ и сложный жертвенный ритуалъ, сложившійся изъ литургій и обрядностей, хранимыхъ по завѣщанію тѣмъ или другимъ родомъ. Теперь составляли уже мало новыхъ воззваній; старались всего болѣе о томъ, чтобы вѣрно сохранить древне-освященное сокровище, чтобы правильно и безъ искаженій рецитировать его. Старинныя молитвы и словеса считались заговорами, дѣйствія которыхъ не могутъ избѣжать и боги. Обладаніе этими пѣснями, призываніями и обрядами отдѣлило жрецовъ отъ остальнаго населенія еще рѣзче чѣмъ это было прежде. Теперь только они одни знали какъ должно приносить жертвы и произносить призыванія, чтобы снѣ оказывали желанное дѣйствіе; и кшатрія и ваясія должны были къ нимъ обращаться, если не хотѣли принести жертву не согласно съ ритуаломъ и обратитъ ея дѣйствіе въ противную тому, котораго ожидали.

Обладая особеннымъ знаніемъ жертвенныхъ обрядовъ и дѣйствительныхъ призываній, жречество противопоставило теперь другимъ сословіямъ, которымъ, за исключеніемъ самыхъ обыкновенныхъ приношеній на очагѣ дома, освященныхъ обычаемъ, теперь вовсе не дозволялось самостоятельнаго исполненія жертвъ. Сложный ритуалъ и обиліе обрядовъ требовали участія многихъ жрецовъ въ жертвоприношеніяхъ. Готамъ пригласилъ бога сойти, принять жертву, Удгатаръ сопровождалъ жертвенныя дѣйствія торжественными формулами и молитвами, Адварью совершалъ актъ самой жертвы.

Скоро почувствовалась потребность записать преданія, придать имъ такую форму, при которой бы онѣ не могли подвергаться измѣненіямъ, какъ это легко могло быть при передачѣ ихъ изъ устъ въ уста. Изобрѣтеніе письменъ дало возможность удовлетворить такой потребности. Благодаря торговымъ сношеніямъ съ вавилонянами и финикіянами жрецы должны были узнать семитическія псалмы и подъ вліяніемъ

ихъ легко могли придти къ мысли изобрѣсть знаки и для звуковъ своего языка.

Изобрѣтеніе это, какъ и всѣ другія, совершилось, конечно, постепенно. Материаломъ для письма служилъ, по извѣстіямъ Непарха, твердо сбитый хлопокъ, по извѣстіямъ другихъ грековъ, кора дерева, по туземнымъ свидѣтельствамъ, для этого употреблялись листья щитообразной пальмы. Надписи царя Асока въ половинѣ III столѣтія предъ Р. Х.—древнѣйшіе памятники Индійской письменности—представляютъ совершенно законченный алфавитъ, отъ котораго позднѣе были сдѣланы лишь не многія отклоненія.

Жрецы воспользовались изобрѣтенными знаками, чтобы дать неизмѣнныя формы преданіямъ и собрать ихъ въ одинъ сборникъ. Этотъ сборникъ, составившійся въ продолженіи двѣнадцати вѣковъ предъ Р. Х. назывался Веда т. е. знаніе. Онъ содержитъ систему знаній жреца и раздѣляется на три части: Ригведа, Сомаведа и Ядшурведа. Первая содержитъ въ себѣ призванія, требуемыя при открытіи жертвоприношенія, приглашенія боговъ сойти къ жертвѣ, Сомаведа заключаетъ молитвы, пѣвшіяся въ продолженіи жертвы, Ядшурведа формулы и причитанья, которыя должны были быть пѣты при освященіи алтара, при зажиганіи огня, при исполненіи каждой отдѣльной жертвы. Такое тройное дѣленіе Веды соотвѣтствуетъ тройному дѣленію жрецовъ-участниковъ при жертвоприношеніи, которое уязано выше.

Теперь, съ написаніемъ Веды, завѣщанные отъ древнѣйшихъ предковъ обряды могли и должны были соблюдаться строжайшимъ образомъ. Веда получила священное значеніе; въ святой книгѣ нельзя было измѣнить на одного слова и никто не смѣлъ теперь приближаться къ богамъ, не зная точно ея молитвъ, при помощи которыхъ Яма, Маку, Пуруровасъ, достигли такой высокой святости. Для того чтобы приобрѣсти это знаніе требовалось долговременное трудное ученіе, возможное только для людей, посвященныхъ въ жречество. Разумѣется, это обстоятельство должно было дать жрецамъ совершенно исключительное положеніе по отношенію къ другимъ сословіямъ. Члены жреческаго сословія, соединенные

между собою общими правилами жизни, одинаковыми знаніями, преимуществами и интересами, проникнутые гордым сознаніемъ, что они служатъ высочайшей цѣли жизни, и что они въ умѣнны правильно совершаютъ жертвы владѣютъ средствомъ дѣлать боговъ благоприятными не только для себя, но и для царей, кшатріевъ и вансіевъ, для всей земли, воспитали въ себѣ самихъ безпредѣльное самоуваженіе, признанное и другими.

Мы видели, что кшатрии замкнулись въ отдѣльную касту, стоящую надъ классами вансіевъ и судры. Теперь жрецы послѣдовали ихъ примѣру, также образовали касту, и въ виду важности своихъ обязанностей поставили себя выше самихъ кшатріевъ, выше всѣхъ.

Они поставили себя посредниками между божествомъ и людьми и, отстраняя всѣхъ отъ вступленія въ свою касту, начали вѣрить, что только рожденный жрецомъ могъ быть имъ и могъ приносить угодныя жертвы богамъ— явленіе параллельное тому, что мы видѣли съ кшатріями. Фактъ возвышенія обоихъ сословій былъ санкціонированъ скоро новымъ религіознымъ ученіемъ, о которомъ сейчасъ будетъ сказано.

Теперь жрецы и воины отдѣлились, приобрѣли громадныя преимущества и первенствующее положеніе. Но если сравнивать эту эпоху съ временемъ жизни на Индѣ, то окажется, что религіозное чувство и воинственныя наклонности не только не усилились, но нѣсколько ослабли. Тамъ былъ каждый жрецъ, и это отнимало у каждого много времени на совершеніе жертвоприношеній, требующее знанія извѣстныхъ молитвъ, здѣсь только извѣстная, относительно небольшая, часть населенія посвящала себя жреческимъ занятіямъ. Если взять сумму дѣйствій, вызываемыхъ религіознымъ чувствомъ здѣсь, то какъ ни изумительно громадна она, все таки, благодаря тому обстоятельству, что она сосредоточилась въ жреческой кастѣ, сумма эта была гораздо мевьше, чѣмъ прежде, когда каждый домъ, каждая роцца, были храмомъ и жертвенникомъ. Совершенно тоже и съ воинственными наклонностями. Аріи на Индѣ были всѣ воины, теперь только меньшая часть ихъ отдавалась войнѣ. У другихъ вмѣсто этихъ наклонностей воз-

никли совершенно другія; склонность къ накопленію богатствъ и улучшенію своего быта путемъ промышленности и торговли. Досугъ въ связи съ матеріальною обеспеченностью вызвали умственную дѣятельность, результаты которой показываютъ, что объемъ ея былъ весьма значителенъ. Но за то теперь выдѣлилась масса рабовъ, неизвѣстная прежде.

Дальнѣйшее развитіе религіозныхъ представленій.

Стремленіе къ монотеизму, зачатки котораго заключала въ себѣ уже религія Аріевъ на Индѣ, проявилось съ гораздо большей силой во время жизни ихъ на Гангѣ. Оно вызывалось съ одной стороны увеличеніемъ суммы наблюденій надъ природой, что дало возможность свести явленія, прежде казавшіяся разрозненными, къ одной причинѣ, съ другой—тѣмъ, что составленіе Веды дало возможность обозрѣть однимъ взглядомъ запутанную массу божественныхъ лицъ и ихъ качества. И то и другое побуждало необходимо къ отысканію единства въ разнообразіи явленій, а фантазія Индуса могла только содѣйствовать тому, чтобы это стремленіе достигло крайней степени.

Ни одно божество изъ религіи Аріевъ на Индѣ не могло удовлетворять монотеистическимъ требованіямъ: всѣ эти божества имѣли болѣе или менѣе опредѣленныя сферы дѣятельности. Надо было отыскать что нибудь общее всѣмъ богамъ и это общее нашло Индусъ въ томъ, что поддерживало, по его мнѣнію, ихъ жизнь и дѣятельность—въ Сомѣ. Она питала боговъ; давала имъ силу и обезпечивала за людьми ихъ благосклонность. Высокое значеніе Сомы очевидно. Не трудно было фантазіи Индуса изъ питающаго Сомы сдѣлать творящую. «Напитокъ Сомы течетъ, говорится въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ Веды; онъ создатель неба и земли, создатель Агни и Солнца создатель Индры, творецъ мысли». Напитокъ Сомы былъ призываемъ самъ какъ могущественнѣйшее божество. Здѣсь съ жертвой потворился совершенно тотъ же процессъ мысли какъ и съ огнемъ, олицетвореннымъ въ Агни.

Вмѣстѣ съ жертвой возносились молитвы. Пѣсни Веды

придаютъ «священному слову» величайшее значеніе: именно силой этой молитвы человѣкъ принуждаетъ боговъ выслушать его; она, какъ и жертва, придаетъ богамъ силу. Наравнѣ съ олицетвореніями жертвы и огня явилась такимъ образомъ персонификація молитвы, внутренняго релігіознаго воодушевленія человѣка. Имя этого новаго бога было Вранаскати, т. е. господь молитвы. Онъ говоритъ свою чудную молитву, тамъ, гдѣ боги Индра, Варуна, Митра устроили свои жилища. Господь молитвы, по волѣ котораго растутъ боги, который повелѣваетъ имъ, произвелъ утреннюю зарю, блескъ неба и огонь, поразилъ молніей тьму, разрушилъ вертепъ Вритры, освободилъ изъ пещеръ рѣки и воды изъ скалъ. Скоро всѣ дѣйствія боговъ были перенесены на новое божество. Проявляясь всюду, олицетвореніе магической силы молитвы разширилось скоро въ безличное существо, которое было теперь созерцаемо жрецами, какъ Брама, какъ святое вообще. Несомнѣнно, что это послѣднее олицетвореніе было продуктомъ рефлексіи жрецовъ, побуждаемыхъ дать поглощающее и первенствующее значеніе ихъ дѣятельности: это былъ ихъ сословный богъ. Впрочемъ, жрецы воспользовались старымъ релігіознымъ представленіемъ о силѣ молитвы и только развили его. Здѣсь она была уже единое божество, живущее вездѣ: на небѣ и на землѣ, во всѣхъ священннхъ дѣйствіяхъ, въ ритуалѣ, въ молитвы возношеніи къ небу, въ жрецахъ. Несомнѣнно, что такой переворотъ въ релігіозныхъ представленіяхъ, отодвинувшій древнихъ боговъ назадъ, совершился не безъ вліянія новыхъ условій природы. Здѣсь, въ странѣ Ганга, при новыхъ природннхъ и социальннхъ условіяхъ, досуга въ размышленіяхъ должно было остававаться гораздо больше. Заботиться о пропитаніи не было нужды; стоять уйти въ лѣсъ и тамъ двюростущіе плоды доставляютъ обильную пищу, листья фиговъ и банановъ—прохладное убѣжище. Да и самая атмосфера способствуетъ наклонности къ созерцательному покою. Впечатлѣнія здѣсь несравненно разнообразнѣе, чѣмъ на Индѣ: здѣсь Индуса окружали исполнискія горы, могучія рѣки, пышная растительность съ ея величественными деревьями и листьями, съ неизмѣримыми вьющимися растеніями.

Его окружали блестящія прекрасныя птицы, сверкающія змѣи, колоссы слоновъ и носороговъ.

И все это быстро измѣнялось,—родилось, и умирало, отчего разнообразіе казалось еще поразительнѣе. Мысль, разъ получивши наклонность къ объединенію, должна была здѣсь работать въ этомъ направленіи еще сильнѣе. Это повело къ забвенію древнихъ политичесескихъ взглядовъ. Древніе боги были забыты и потому еще, что тѣхъ впечатлѣній, подъ вліяніемъ которыхъ они были созданы, болѣе не существовало. На Гангѣ не было контрастовъ пустыни и плодородной земли; боги засухи не вели борьбу съ богами бурь: здѣсь все было подвержено правильному, строго опредѣленному измѣненію, порядокъ явленій былъ замѣтитѣе и смѣна причины и дѣйствія очевиднѣе. Рефлексія жрецовъ — класса посвятившаго себя созерцанію, усиливалась отыскать постоянное, остающееся неизмѣннымъ среди этого вѣчнаго движенія.

Позади всѣхъ явленій должна была скрываться единая душа, Атманъ (она называлась также Параматманъ т. е. великая душа), творящая и охраняющая божественная сила, носительница порядка смѣняющихся явленій.

Созвучіе пменъ и тождество представленій повело къ слитію Параматмана съ Брамю, олицетворившемъ могущественныя силы молитвы. Предикаты того и другого были соединены въ лицѣ послѣдняго, Брама сдѣлался, такимъ образомъ, душой міра, творцомъ его. Брама—это какъ говорятъ толкователи Веды, причина и основаніе міра; онъ есть неразвѣщійся міръ, а міръ есть развитой Брама.»

«Не было ни бытія, ни небытія, говорится въ одномъ изъ позднѣйшихъ гимновъ позднѣйшей книги Ригведы, ни міра, ни воздуха, ни всего существующаго подъ нимъ, ни дня, ни ночи. Все это было мертво, въ мракѣ и безразличной влагѣ. Но «это» (татъ) дышало безъ вдыханій; съ самообладаніемъ, присудитъ ему. Желаніе (кама) зародилось въ умѣ его и оно было творческимъ сѣменемъ.»

Исходя изъ такого воззрѣнія, жрецы превратили всѣ созданія міра въ истеченія Браммы. Они создали дѣлую градацию истеченій, начиная отъ самого Браммы и до камней и по-

томъ обратно отъ міра неодушевленнаго до священнаго и чистаго, до единства истиннаго и дѣйствительнаго, вѣчнаго, независимаго бытія міровой души. Сначала вышли отъ Брами боги. Изъ Брами, безличной міровой души истекъ Брама, личное верховное божество. За нимъ слѣдовали древніе боги, нивведенные теперь до стражей и охранителей различныхъ областей природы. Послѣ боговъ вышли изъ Брами духи свѣта, за ними святые и чистые духи, сословія въ порядкѣ, соответствующемъ большей или меньшей ихъ близости къ святости Брами; за людьми слѣдовали животныя по ихъ различнымъ породамъ, деревья, травы, камни и вообще вся неодушевленная природа.

Чѣмъ дальше шло истечение, тѣмъ продукты его были менѣе чисти и менѣе походили на творца. Каждому члену этой ступени твореній была указана опредѣленная дѣятельность, извѣстный образъ жизни. Сословія жрецовъ, кшатріевъ, вайсievъ и судры вышли изъ Брами. Браминны, первенствующее и перворожденное сословіе, вышли изъ головы Брами, кшатріи изъ рукъ, вайсін изъ бедра, судры изъ ногъ. Каждому сословію Брама опредѣлилъ обязанности.

Браминны должны были читать Веды, заботиться о правѣ-кшатріи защищать народъ, вайсін заботиться о стадахъ, обрабатывать поля и вести торговлю. На судръ наложилъ онъ обязанность повиноваться высшимъ классамъ и служить. Кшатріи и вайсін обязаны были относиться къ первенствующему сословію съ благоговѣніемъ, покорностью и быть для него щедрыми.

Задача каждого состоитъ въ томъ, чтобы точно исполнять возложенныя на него обязанности. Всякое нарушеніе сословнаго порядка есть нарушеніе божественнаго міроваго порядка, и жестокія наказанія ждали нарушителя по смерти. Между тѣмъ какъ праведники возвращались въ лоно чистаго существа, Брами, грѣшниковъ ожидалъ судъ Ями и цѣлый рядъ мученій въ аду. У индусовъ жаръ считается главнымъ средствомъ наказанія. Тамъ страна тьмы, мѣсто слезъ, тамъ есть дѣсъ, листьями котораго служатъ кинжалы. Въ одномъ мѣстѣ совы и вороны раздираютъ души (имѣющія тѣло), въ другомъ слу-

жителя ада колотить въ головѣ умершихъ большими молотками. Въ другомъ еще худшемъ адѣ поджариваютъ на сковородахъ; здѣсь мертвые должны проглатывать горячіе угли, тамъ должны ходить они по жгучему песку и раскаленному желѣзу, въ другомъ мѣстѣ имъ вливаютъ въ горло расплавленную мѣдь и т. п.

Какъ мѣсто награды заступило теперь небо Индры прежнее небо Ямы. Въ него вступаютъ души храбрыхъ героевъ и Индра самъ встрѣчаетъ и вводитъ наиболѣе славныхъ изъ нихъ. Но загробныхъ наградъ и наказаній показалось мало жрецамъ. Они обѣщали, что праведное существо, занимающее худшее мѣсто въ системѣ мірозданія, еще на землѣ можетъ получить достойную награду, такъ что по смерти можетъ снова родиться на сѣдующей высшей ступени: судра можетъ родиться вансіемъ, этотъ кшатріемъ и т. д. Продолжая вести праведную жизнь, онъ можетъ еще ближе придвинуться къ Брамѣ, и такъ дойти послѣ ряда возрожденій до самого бога. Съ другой стороны грѣшникъ можетъ родиться высшимъ существомъ, животнымъ, вапръ, и только послѣ безчисленнаго ряда возрожденій снова достигнуть прежняго состоявія и возвыситься до Брамъ. Такимъ образомъ открывалась фантазія Индуса широкое поле, на которомъ онъ создалъ цѣлую систему возрожденій, поставленную имъ въ связь съ наказаніями и наградами загробнаго міра. Совершившій тяжелое преступленіе опускается въ адъ и здѣсь вирожденіе долгихъ періодовъ мучится въ различныхъ отдѣленіяхъ ада, чтобы загладивши свои грѣхи, опять начать жизнь съ самой высшей ступени существъ. Кто совершалъ мелкія преступленія, тотъ, смотря по важности его, родится снова, какъ слонъ или судра, какъ левъ или тигръ, какъ птица или скomorохъ. Кто отличался жестокостію, возрождался какъ хищное животное. Совершившій покушеніе на жизнь брамина, будетъ, смотря потому, какъ далеко зашла эта попытка, вирожденіемъ ста или тысячи лѣтъ подвергаться бичеваніямъ, затѣмъ въ двадцать первое рожденіе опять увидитъ свѣтъ изъ чрева низшаго животнаго. Кто прольетъ кровь Брамина, тотъ будетъ раздирася хищными звѣрами столько лѣтъ, сколько пылинокъ было

смотено кровью. Убийца Браммы возродится въ глѣ смѣнхъ-презрѣнныхъ животныхъ: собака, осли, козла. Похитившій корову возродится какъ крокодилъ или ящерица; укравшій хлѣбъ, какъ мышь; — плоды, какъ обезьяна. Осквернившій ложе своего отца, долженъ возродится сто разъ, какъ трава или какъ лианъ. Брамманъ сдѣлавшій ошибку при жертвоприношеніи, родится на сто лѣтъ ворономъ или коршуномъ, испробовавшій запрещенной пищи — какъ червь. Кто назоветъ свободного сыномъ рабы, пять разъ возродится изъ чрева рабыни и т. д. Такова система возрожденій отъ одной ступени тварей до другой.

Неорганическія вещества, черви, насекомыя, рыбы, змѣи, черепахи, ослы и собаки занимаютъ нисшія ступени лѣстницы твореній. За ними непосредственно слѣдуютъ слоны, лошади, львы и свиньи, судра и шлетма т. е. народы не говорящіе санскритомъ, потомъ мошенники, актеры, злое духи (Ракшаса), вампиры, за ними борцы и кулачные бойцы, шаморохи, кователи оружія, пьяницы и ваяси; рядъ твореній заключаютъ кшатрии, цари, герои битвъ, гавдарвы и асаравы; въ концѣ концовъ браммы, благочестивые отшельники, великіе святые и Брама.

Такия ужасныя перспективы, представлявшія простой выводъ изъ новаго ученія, должны были сильно дѣйствовать на народъ, если даже самое ученіе о безличности Брама и не могло вытѣснить въ его умъ старыя боговъ. Новое ученіе должно было дѣйствовать тѣмъ сильнѣе, что выборъ мученій, какъ напр. жаръ, влоднѣ удаченъ, чтобы запугать влуса и что жрецы при помощи самаго наглаго обмана и насилія настойчиво пропагандировали свою систему и постоянно напоминали о мученіяхъ ада, страствованіяхъ души и милліонахъ-перерожденій.

Система эта была создана и проведена не вдругъ. Она создавалась постепенно отъ основанія новаго государства на Гангѣ, что можно отнести къ 1400 году передъ Р. X. Утвердилась она сначала въ области между Сарасвати и Ямуной и только мало по малу, поддерживаемая нѣкоторыми владѣтельными покровителями, распространилась на югъ и востокъ.

Что тенденція жрецовъ, — поставить свое сословіе выше другихъ— встрѣтило сопротивленіе со стороны князей и вшатріевъ, это понятно. Въ сказаніяхъ индусовъ сохранились неясныя намеки на борьбу съ браминами другихъ сословій. Но въ концѣ концовъ побѣда на долгое время осталась за новымъ ученіемъ.

Ученіе Браминновъ.

Новое божество оттѣснило старыхъ. Но народъ еще держался вѣрованій въ старыхъ боговъ и жречество не дѣлало даже попытокъ уничтожить ихъ. Брамины просто подчинили старыхъ боговъ новому. Для того чтобы дать Брамѣ болѣе авторитетное положеніе надъ ними, они должны были придать ему свойства аналогичныя свойствамъ другихъ божествъ. По теоретическимъ возрѣніямъ браминновъ это былъ богъ безличный, безъ страсти и гнѣва, безъ собственной нравственной жизни, безъ участія въ судьбахъ людей и государствъ, — существо бездѣльное, лишненное самостоятельности. За нимъ слѣдовали въ повѣстномъ порядкѣ другіе 8-мъ боговъ съ Индрой во главѣ. Каждому изъ этихъ божествъ была указана извѣстная мѣстность: такъ, Индра возсѣдалъ вмѣстѣ съ богами свѣта на горѣ Меру на сѣверовостокѣ. Впослѣдствіи число боговъ увеличилось до 33-хъ. Но на такомъ числѣ теологизирующей индусъ остановиться долго не могъ и вотъ явилось 3,339 боговъ, число мало по малу дошедшее до 33,000. Удержаніе старыхъ боговъ позволило браминамъ допустить старій культъ оставаться и развиваться дальше. По прежнему приносились завѣщанныя жертвы. Брамины посвящали Агни ежедневно дары; особенныя жертвы были принесимы при смѣнѣ мѣсяца, при смѣнѣ трехъ временъ года, весной, во время жатвы, въ концѣ года. По старому обычаю домовладки приносили ежедневно жертвы на ихъ очагѣ, бросая съ извѣстными, надреале освященными призываніями, масло въ огонь.

По прежнимъ представленіямъ душамъ, умершихъ предковъ, изъ которыхъ храбрые отпраплялись на небо Ями, а злые въ тѣму, приносились жертвы. Каждый день кропили водой въ

ихъ воспоминаше; въ день рожденія каждаго изъ умершихъ собирався родъ, чтобы приносить его душѣ сесаи, плоды, рисъ, мясо; при каждаго новолуиіи устраивалась трезна, къ участию въ которой призывались души предковъ. Теперь, съ системою адскихъ мученій, возрожденій, эти обычаи должны были измѣниться. Правила были оставлены жертвоприношенія умершимъ, но онѣ имѣли цѣлю только облегчить переходъ душъ изъ одного отдѣленія ада въ слѣдующее, изъ одного животнаго въ другое. Обычай погребенія подъ вліаніемъ ученія о ничтожествѣ тѣла былъ вытѣсненъ обычаемъ созженія. Было строго предписано не совершать жертвъ по умершимъ безъ участія жрецовъ, и законодательство жрецовъ весьма опредѣленно предостерегаетъ предъ дурными послѣдствіями такихъ жертвъ. Старѣйшій въ родѣ долженъ вести трехъ необходимыхъ въ данномъ случаѣ жрецовъ къ ихъ мѣсту; первый браминъ бросаетъ въ огонь послѣ обычныхъ молитвъ рисъ за умершихъ, потомъ онъ приготовляетъ изъ масла и риса похоронныя лепешки, изъ которыхъ каждый родичъ долженъ взять три: за своего умершаго отца, за дѣда и прадѣда. Затѣмъ ставились прець браминами рисъ, соусъ, приправа, молоко, масло и медъ; они ѣли все это съ непокрытою головою, разутые и молча, чтобы духи могли принять участіе въ пиру. За браминами ѣли остальные.

Древнія воззрѣнія, запрещавшія прикосновеніе къ нечистымъ предметамъ, которые или принадлежали духамъ тьмы и смерти, или должны были быть имъ оставлены, также удержались. По древнему вѣрованію прикосновеніе къ такимъ вещамъ, какъ волосы мертваго, кожа, кости, трупъ, нечистоты собственнаго тѣла, харкотина, экскременты и т. д. даетъ силу темнымъ духамъ надъ прикоснувшимся или осквернившимся.

Браминны удержали эти воззрѣнія и даже расширили ихъ. По ихъ ученію всѣ вещи собственно не чисты, вся природа грязна; они требовали собственно не удаленія отъ извѣстныхъ вещей, а уничтоженія всей природы. Но человекъ, который не имѣетъ силъ достигнуть высочайшаго блаженства, долженъ удовольствоваться меньшимъ и удерживаться, по крайней

мѣрѣ, отъ грубыхъ нечистотъ. Такимъ образомъ традиціонные обряды чистоты расширились до безконечнаго и, въ сущности, неисполнимаго объема. Исполненіе этихъ обязанностей есть по ученію браминовъ заслуга для того и этого свѣта и спасительно для души, между тѣмъ какъ презрѣніе къ нимъ приводитъ къ долгимъ и мучительнымъ страданіямъ.

Существенные пункты ученій браминовъ о чистотѣ приблизительно слѣдующіе: всѣ предметы, къ которымъ прикасается человѣкъ, даже почва, могутъ быть осквернены харкотинной, кровью, кожей, костями и проч. поэтому, прежде чѣмъ пользоваться ими, нужно все очистить. Если кто хотя бы невзначай попадѣ въ свою урину и тотчасъ не очистилъ себя, тѣмъ овладѣвають злые духи. Пища и питье, равно какъ ложъ и клевета дѣлаютъ людей нечистыми. Всякое прикосновеніе къ трупу дѣлаетъ нечистымъ. Смертный случай въ семействѣ дѣлаетъ его нечистымъ на десять дней. Родственники умершаго должны цѣлые десять дней каждый отдѣльно спать на землѣ и должны ѣсть только неваренный рисъ. Затѣмъ нужно очиститься: браминъ очищается, прикасаясь къ водѣ, кшатрія хватаясь за свое оружіе, лошадь, слова, вайсія—схватывая поводъ своей лошади. Почву очищаютъ, заставляя корову лежать на ней ночь, полъ домовъ очищаютъ, разбрасывая по немъ коровій пометъ, платье и ткани орошаютъ коровьей уриной. Роль коровы здѣсь объясняется стариннымъ священнымъ значеніемъ ея.

Не меньше важности придавалось чистотѣ пищи. Изъ растеній нельзя ѣсть ни луку, ни чесноку и вообще никакихъ растеній, произрастающихъ среди нечистотъ. Всякое питье предъ употребленіемъ должно быть очищено стеблемъ касараста. Животная пища запрещалась и это легко объяснить изъ воззрѣній новой системы. Весь животный міръ былъ населенъ душами умершихъ. Въ каждомъ тигрѣ, въ каждомъ слонѣ, муравьѣ живетъ, быть можетъ, душа человѣка, можетъ быть, даже душа друга, родственника, предка. Нельзя было безнаказанно наложить руку на какое нибудь твореніе, убить какое нибудь живое существо, чтобы не причинить страданій странствующимъ душамъ. Поэтому брамины стро-

жайшимъ образомъ запрещали охоту, грозя, что за смерть животнаго будетъ отвѣчать не только тотъ, кто убилъ его, но и тотъ кто его разсѣкаетъ, кто продаетъ, кто ѣстъ. Особенно браминны сами не должны убивать никакого животнаго, иначе какъ для жертвы. Животныя жертвы, впрочемъ, никогда не были распространены у индусовъ. Браминъ, преступившій эту заповѣдь, умреть при возрожденіяхъ столько разъ насильственной смертью, сколько было волосъ на кожѣ животнаго. Но браминны не могли, однакожъ, совершенно запретить ни охоты, ни мясной пищи. Они удовольствовались просто запрещеніемъ телятины, хищныхъ птицъ; рыбу, крокодиловъя мясо носороговъ было позволено ѣсть. Ёсть можно было только утромъ и вечеромъ и всегда умѣренно.

Преступленія противъ нравственности, чистоты и предписаній пищи, по ученію жрецовъ, уже въ этой жизни наказываются болѣзнями и страданіями, но страшныя адскія мученія и возрожденія навлекаютъ онѣ на виновнаго по смерти. Чтобы избѣжать этихъ мученій въ настоящемъ и будущемъ виновный долженъ казаться и искать примиренія. Покаяніе состоитъ въ молитвахъ, болѣе или менѣе продолжительныхъ постахъ, въ тѣлесныхъ очищеніяхъ и бичеваніяхъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ добровольномъ самоубійствѣ. Кто будетъ повторять гимнъ Савитару тысячу разъ ежедневно впродолженіи мѣсяца, можетъ такимъ способомъ очиститься отъ великаго преступленія, все равно какъ змѣя сбрасываетъ шкуру. Кто безъ нужды вырвалъ растеніе, долженъ впродолженіи дня ходить позади коровы. Кто по ошибкѣ съѣлъ что нибудь запрещенное, тотъ не долженъ впродолженіи мѣсяца ѣсть ничего, кромѣ риса: начать онъ долженъ въ первый день уменьшающагося мѣсяца порціей въ 15-ть полныхъ ртовъ, затѣмъ въ каждый день меньше однимъ ртомъ до 15 дня, въ который онъ постится, потомъ опять усиливать порцію до 15 ртовъ. Вина можетъ быть искуплена также тѣмъ, что кающійся ѣстъ одинъ день урину и пометъ коровы, смѣшанныя съ молокомъ, а на другой день постится. Такое покаяніе называется Сантанана. За все запрещенное, что индусъ могъ съѣсть впродолженіи года не намѣренно, долженъ онъ вте-

ченіи двѣнадцати дней выполнять эпитимію Прадшапатья. Первые три дня ѣсть онъ только утромъ, слѣдующіе три— только вечеромъ; 7, 8 и 9 дни ѣсть что дадутъ ему чужіе, у которыхъ, однакожь, онъ не долженъ просить; послѣдніе три дня ему слѣдуетъ поститься совершенно. Кто ѣсть намѣренно запрещенное, изгоняется изъ касты. Опьяняющіе напитки, именно аракъ (рисовая водка), возбуждали въ браминахъ отвращеніе. Возбужденіе и страстность, порождаемныя ими, противорѣчили идеалу спокойной и покорной жизни. Пьющій долженъ пить кипящую воду до тѣхъ поръ, пока его тѣло будетъ сожжено. Хорошо также для искупленія грѣха пить до смерти кипящую коровью урину или кипящій сокъ изъ помета. Ненамѣренный убійца коровы долженъ остричь голову, вмѣсто платы надѣть кожу убитой коровы, отравиться на коровье настьбище, правѣтствовать коровѣ, служить имъ и очиститься коровьей уриной. Онъ долженъ сопровождать коровъ шагъ за шагомъ, проглатывать пыль, поднимаемую ими, долженъ стараться защищать ихъ отъ непогоды и оберегать.

Если на корову нападетъ хищное животное, онъ долженъ защищать ее съ опасностью собственной жизни. Такой жизнью онъ можетъ впродолженіи трехъ мѣсяцевъ загладить свое преступленіе. Если ваясія или кшатрія убьетъ ненамѣренно брамина, убійца не долженъ дожидаться наказанія царя, а долженъ странствовать на извѣстномъ пространствѣ, постоянно читая одну изъ 3-хъ ведъ. Если же кшатрія намѣренно убилъ брамина, то долженъ заставить застрѣлить себя изъ лука, или броситься три раза головой въ огонь, до тѣхъ поръ пока умереть. Кто осквернилъ ложе своего отца или учителя, тотъ долженъ лечь на раскаленную желѣзную кровать.

Церемоніалъ и очищенія самихъ жрецовъ были еще строже, чѣмъ тѣ, которыхъ они требовали отъ другихъ кастъ. Браминъ долженъ вставать предъ разсвѣтомъ и, искупавшись, стоя проносить гимнъ Савитару: «новую славную пѣсню поемъ мы тебѣ, лучезарный богъ солнца». Долгія молитвы во время утреннихъ и вечернихъ сумерекъ доставляютъ долгую жизнь. Никогда онъ не долженъ забывать приношенія

богамъ, духамъ и предкамъ. Ежедневно обязанъ повторить священное имя Омъ (первоначально Амъ т. е. да) и другія три священныя слова: Буръ, Бувасъ и Сваръ. Платье брамина должно быть всегда чисто и бѣло и нигдѣмъ прежде не носимо. Волосы, ногти, борода должны быть обрѣзаны, но онъ не долженъ самъ обрѣзывать ихъ (привасаясь къ этимъ вещамъ онъ осквернится), не долженъ обгнзывать ногти зубами. Въ ушахъ брамину необходимо носить золотныя блестящія серьги, на головѣ вѣнокъ, въ одной рукѣ бамбувовую трость, въ другой кисаграсъ и кружку для совершенія очищенія. Браминъ не смѣетъ ни играть въ кости, ни танцовать, ни пѣть, иначе какъ при жертвоприношеніи, если того требуетъ ритуаль, ни скрежетать зубами, ни чесать себѣ головы руками, не можетъ бить головы или снимать своими руками вѣнокъ съ нея. Браминъ долженъ всегда становиться такимъ образомъ, чтобы вправо отъ него было какое нибудь возвышеніе почвы, корова, сосудъ съ масломъ, перекрестокъ или священное дерево. Онъ не долженъ наступать на волосы, на кости, золу, кустъ хлопчатника, на растущій хлѣбъ, не долженъ проводить никакихъ ливій на землѣ, ни растаптывать земли безъ нужды, ни вырывать ногтями травы, переступать чрезъ веревку, на которой привязаны коровы, или безпокоить пьющую корову. Утромъ, вечеромъ и въ полдень онъ не долженъ смотрѣть на солнце. При алтарѣ Агни, въ коровьемъ хлѣву, у браминовъ, за чтеніемъ священныхъ книгъ и во время ѣды, онъ долженъ оставлять правую руку не покрытой. Онъ не долженъ никогда мыть своихъ ногъ въ мѣдномъ сосудѣ, купаться нагимъ или спать голый на землѣ. Огонь всегда необходимо было держать священнымъ въ своемъ домѣ: нельзя было ни дуть на него ртомъ, ни переступать чрезъ него, ни грѣть ногъ, ни ставить въ сосудъ подъ свою кровать или подъ ноги. Ничего запрещеннаго нельзя бросать въ огонь. Нечистоты, остатки пищи, вода, служившая для купанья или омовенія ногъ, должны быть удалены отъ огня. Также и въ воду не долженъ браминъ бросать никакихъ нечистотъ, не вливать туда ни крови, ни напитековъ, особенно же не плевать. Онъ не долженъ смотрѣть на свое

изображеніе въ водѣ, не долженъ черпать воды голой рукой, не можетъ бѣжать, если идетъ дождь.

Кромѣ яствъ, запрещенныхъ всѣмъ Аріянамъ, браминъ не долженъ также употреблять молока стельной или только что начавшей доняться коровы, равно какъ и той, которая потела своего теленка, а также пить молоко самки верблюда. Красныя смолы, получающіяся изъ деревьевъ, все изъ чего выжимается масло, все, что смѣшано съ сесамомъ, всѣ сладкія, но скиснушіяся вещества браминну нельзя употреблять. Онъ не долженъ есть ничего, что сохранялось въ продолженіи ночи, равнымъ образомъ и отъ тѣхъ яствъ, въ которыя попала вошь, или которыя были обнюханы коровою, къ которымъ прикасалась собака, браминъ долженъ удерживаться. Онъ не можетъ также прикасаться къ пищѣ преступника, плѣннаго, охотника, судры, дрессировщика собакъ, ростовщика, скраги, скомороховъ, прачки, равно какъ и къ пищѣ мужа, повинующагося своей женѣ, или сносящаго ея невѣрность или мужа, въ домъ котораго пришелъ возлюбленный жены. Всѣ такія яствы нечисты для брамина. Нечиста также пища, предложенная ему въ гнѣвѣ, или та, къ которой прикасался сумасшедшій: кто ѣстъ эту пищу, ѣстъ «кости, волосы и кожу».

Съ чрезвычайной точностью было предписано, какъ и въ какомъ положеніи браминъ долженъ ѣсть, какими частями руки и пальцевъ долженъ совершать омовеніе, какъ долженъ вести себя вообще во всѣхъ случаяхъ жизни, на путешествіи и проч., чтобы сохранить свою чистоту и святость. Съ меньшей точностью было опредѣлено, какъ браминъ въ различныя части года и дня долженъ совершать изверженія и слѣдующія за ними очищенія. Малѣйшее отступленіе отъ этихъ едва обозримыхъ и рѣшительно неисполнимыхъ предписаній могло повлечь за собою столѣтнія наказанія и безконечныя возрожденія.

Новая система не только удержала древній жертвенный культъ и обряды очищенія—она распространила ихъ. Всѣ другія мотивы человѣческой дѣятельности—война, охота, стремленіе къ богатству—должны были отойти на второе мѣсто,

такъ какъ основаніемъ новаго ученія превозглашали послушаніе, смиреніе, стремленіе къ святости.

Всѣ сословія исходятъ изъ Брамы, каждому изъ нихъ назначена опредѣленная дѣятельность, исполненіе которой составляло высочайшую задачу ихъ жизни, никто не долженъ выходить изъ назначенныхъ ему границъ, подъ опасеніемъ нарушить порядокъ, опредѣленный божествомъ. Судра долженъ служить безропотно тремъ высшимъ сословіямъ, всѣя обрабатывать землю, вести торговлю, заботиться о стадахъ, давать подарки, вшатрія защищать народъ, давать милостыню, жертвовать, браминъ читать и толковать Веды, приносить жертву за себя и другихъ, принимать подарки, если онъ бѣденъ. Обязанность высшихъ классовъ почитать высшіе, всѣя и вшатрія должны преклоняться предъ браминомъ и награждать его подарками. Въ противоположность судрамъ первые три сословія назывались „двидша“ т. е. дважды рожденные, Второе рожденіе всѣхъ высшихъ классовъ происходило чрезъ опоясываніе священнымъ шнуромъ. Въ древнее время это опоясываніе означало принатіе дѣтей и юношей въ родовой союзъ; теперь шнуръ былъ отличительнымъ знакомъ трехъ сословій. Онъ былъ надѣваемъ среди торжественнаго посвященія при чтеніи священныхъ молитвъ. Въ мистическомъ дѣйствіи этого торжества и состояло второе рожденіе. Но не только происхожденіе и этотъ обрядъ соединяли высшія сословія: веды, жертвы, культъ, къ которому имѣли доступъ только двидша и отъ которыхъ были совершенно исключены Судры, вели къ той же цѣли. Забота объ обученіи и культъ лежала главнѣйшимъ образомъ на браминахъ. Изученіе Ведъ первая и преимущественная обязанность брамина. Онъ долженъ неопустительно читать ихъ въ опредѣленные дни и часы. Не тотъ старъ, кто имѣетъ сѣдые волосы; но тотъ, кто въ юности изучилъ Веды, будетъ уважаемъ богами, какъ достойный и старій человѣкъ. Браминъ, не изучающій Ведъ, похожъ на слона изъ дерева, на оленя изъ кожи.

Законодательство предписываетъ каждому молодому брамину поступать къ какомунибудь ученому брамину въ ученики. Онъ долженъ любить и уважать своего духовнаго отца выше

всего, больше чѣмъ роднаго отца, такъ какъ духовное рожденіе имѣетъ силу не только для этого, но и для того свѣта. Новичку предписывалась особенная одежда и строгое воздержаніе. Сначала ему необходимо было изучать правила чистоты, поддержанія священнаго огня, наконецъ благочестивыя обязанности утра, полудня и вечера.

Затѣмъ начиналось чтеніе Ведъ. Предъ началомъ каждаго урока ученикъ дѣлаетъ поклонъ священному писанію, затѣмъ бросается предъ своимъ учителемъ и прикасается руками къ ногамъ его. Одѣтый въ чистое платье и съ кисаграсомъ въ рукахъ, садится онъ также на кисаграсъ лицомъ къ востоку. Прежде чѣмъ начать читать, нужно задержать три раза дыханіе и произнести таинственное имя Брами: Омъ. Затѣмъ приступаетъ онъ къ ученію. Желю своего учителя ученикъ долженъ привѣтствовать также на колѣняхъ ¹⁾. Тридцать шесть лѣтъ продолжается срокъ ученія въ домѣ брамина; потомъ долженъ ученикъ жениться и завести свой домъ ²⁾ Кшатрин и вайсін также читаютъ Ведаы, но судра, который дерзнулъ бы сдѣлать это, долженъ сдѣлаться иѣмымъ. Но самое строжайшее исполненіе предписанныхъ обязанностей и обрядовъ не въ состояніи освободить человѣка отъ перехода изъ одного организма въ другой, отъ процесса очищенія. Только достиженіе полнѣйшей чистоты и святости предупреждаетъ возрожденіе, и только возвращеніе души къ первоначальному источнику, къ Брамѣ, прекращаетъ земное существованіе души. Достигнуть такого возвращенія — высочайшая цѣль каждаго. Брама есть безтѣлесное, не матеріальное существо. Чѣмъ дальше Брама исходилъ въ міръ вещей, тѣмъ болѣе въ этомъ постепенномъ истеченіи своего существа онъ становился мутнымъ, темнымъ, нечастымъ, тѣмъ болѣе удалялся онъ отъ непорочной святости, отъ своего спокойнаго бытія. Ни міръ ни человѣкъ ни соотвѣтствуютъ ни ихъ происхожденію, ни существу Брами. И въ естественномъ своемъ состояніи человекъ не можетъ возвратиться къ Брамѣ. Лучшая нематеріаль-

¹⁾ Обычай этотъ соблюдаютъ въ Индіи и нынѣ.

²⁾ Всѣ эти подробности заключаются въ законодательствѣ Ману.

ная сторона человѣка, родственнаго Брамѣ, должна побѣдить въ немъ, а нечистота матеріи, чувственнаго міра, тѣла должны быть уничтожены.

Отсюда вытекало требованіе, чтобы человѣкъ подавлялъ возбужденія тѣла, чтобы онъ достигалъ полнаго господства надъ страстями и надъ всѣми впечатлѣніями, приходящими извнѣ.

Вотъ сущность дикой тиранической системы, называемой брамаизмомъ. Очевидно, что, при всемъ искусствѣ, съ какимъ проводили ее въ жизнь брамины, эта система, отрицающая самыя священныя требованія человѣческой природы, сковывающая свободу личности въ самыхъ мельчайшихъ проявленіяхъ ея, должна была возбуждать противъ себя постоянный протестъ. Особенно нисшія касты, лишенныя права на сколько нибудь полное человѣческое существованіе, должны были относиться съ ненавистью къ деспотизму теократическо—гоинственной системы браминовъ. Нужно было явиться лишь сильному уму и энергіей человѣку, который бы яснѣ другихъ повялъ необходимость коренной реформы, чтобы общее недовольство перешло въ дѣйствіе. Такой человѣкъ явился въ Индіи въ VI вѣкѣ предъ Р. Х..

Е. В. Новоселовъ.

Библиографическій указатель

Иностранная литература.

„Entwicklungsgeschichte der Vorststellungen vom Zustande nach dem Tode“, auf grund vergleichende Religionsforschung dargestellt von Edmund Spiess. Iena 1877.

Это одна изъ серьезныхъ и чрезвычайно любопытныхъ книгъ, трактующая о вопросахъ, близкихъ уму и сердцу каждого образованнаго и мыслящаго человѣка. Въ первой главѣ своего труда авторъ разбираетъ представленія различныхъ народовъ о происхожденіи человѣческой души вообще. Въ общемъ, представленія различныхъ народовъ о происхожденіи человѣческой души и о существѣ ея раздѣляются на двѣ, другъ другу диаметрально противоположныя группы. По воззрѣнію одной изъ этихъ группъ, человѣческая душа не есть какая либо самостоятельная сущность, или субстанція, но только сумма функций извѣстныхъ органовъ тѣла. Съ прекращеніемъ жизни этихъ органовъ, понятно, прекращается и ихъ дѣятельность. Такъ называемая «душа», по этому воззрѣнію, умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ. По воззрѣнію, представителемъ котораго служитъ другая группа, душа есть субстанція самостоятельная и существующая сама для себя. (Этимъ признакомъ характеризуется и наше православно-христіанское воззрѣніе). По этому воззрѣнію,

доколѣ душа наша живетъ въ тѣлѣ, она, для проявленія своей дѣятельности, пользуется нервами, мускулами и другими аппаратами тѣла; но по смерти человѣка душа все-таки остается существовать сама по себѣ, независимо отъ тѣла...

Первое изъ указанныхъ воззрѣній — матеріалистическое и представителями его служатъ всѣ современные матеріалисты. Но это воззрѣніе, впрочемъ, далеко не новое. Уже извѣстная секта саддукеевъ, противившаяся ученію Христа, отрицала существованіе безтѣлесныхъ душъ и, соотвѣтственно этому, признавала безусловный конецъ душевной дѣятельности, вмѣстѣ съ смертію тѣлесныхъ органовъ. Извѣстный еврейскій писатель, Іосифъ Флавій, съ особымъ удареніемъ говоритъ: «Ученіе саддукеевъ состоитъ въ томъ, что души людей, по смерти, превращаютъ свое существованіе *).»

Затѣмъ авторъ разбираетъ «ученіе» о предсуществованіи душъ, объ эманациі, — ученіяхъ, существовавшихъ у различныхъ народовъ въ различныхъ формахъ. Ученіе о предсуществованіи, или преэкистенціи душъ раздѣляется также на *два* категоріи: одни изъ сторонниковъ этого ученія признавали, что души существуютъ предъ началомъ жизни въ тѣлѣ только потенциально (въ возможности) въ нѣкоторомъ смыслѣ какъ эмбриональные начатки, которые впослѣдствіи развиваются вмѣстѣ съ тѣломъ. Другія придерживались воззрѣнія, что «безчисленныя» души, такъ сказать, передъ вторженіемъ ихъ въ тѣло, существуютъ уже готовыми и въ этомъ готовомъ видѣ, непостижимымъ для нашего представленія образомъ, входятъ въ безчисленный рядъ человѣческихъ тѣлъ. Но даже и эта послѣдняя теорія раздробляется еще на *два* теоріи, изъ которыхъ одна признаетъ, что души вступаютъ въ тѣла по извѣстной іерархической лѣстницѣ, при чемъ тѣло человѣка есть высшее жилище для души, такъ сказать получившей высшій чинъ; другое воззрѣніе, напротивъ, утверждаетъ, что душа, входя въ человѣческое тѣло, собственно говоря, понижается въ іерархической ступени и обрекается какъ бы на изгнаніе изъ высшаго міра. Представителемъ этого послѣдняго воззрѣ-

*) *Josep. Flav., Antiquitates XVIII, 1, 4.*

ніа былъ древне-греческій философъ Платонъ. И вотъ въ этомъ именно смыслѣ Платонъ говоритъ, что умереть есть ничто иное, какъ отрѣшить свою душу отъ узъ тѣла (*lyein ten psuchen*), выпустить ее изъ темницы. (*Phaed.* 64, 83, 84). Въ этомъ же смыслѣ выражается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Цицеронъ, а также Виргилій въ своей «Энеидѣ» (*Virg. Aen.*, VI, 730).

Въ предсуществованіе душъ вѣровали не только Платонъ, Эмпедоклъ, Пивагоръ и другіе знаменитые восточные и греческіе мыслители, но и вообще всѣ тѣ, которые вѣровали въ странствованіе душъ.

Литература, древняя и новая, трактующая вопросъ о существѣ и происхожденіи души, весьма богата. Изъ отцевъ и учителей Церкви разсматривали этотъ вопросъ Григорій Нисскій и Тертуліанъ, затѣмъ—Кассіодоръ; въ Средніе вѣка, въ эпоху, предшествовавшую реформаціонному періоду, Меланхтонъ, Яковъ Бемъ, Христіанъ Томазіусъ; въ новое время І. Г. Фихте, Лотце, Фрошгаммеръ, Фехнеръ, Ульрици, Кунъ.

Затѣмъ, въ III главѣ, представляющей еще большій интересъ, авторъ даетъ сравнительный историческій очеркъ воззрѣній на явленіе *смерти* у разныхъ народовъ. Дѣйствительно, какъ бы ни были противоположны по характеру: догадки, теоріи, разныя философскія гипотезы, но въ воззрѣніяхъ на смерть каждый народъ является болѣе или менѣе философомъ, точно также какъ и въ воззрѣніяхъ на *дьявола*,—каковыя воззрѣнія у каждаго народа свои, имѣющія свой самобытный характеръ. Вѣнскій профессоръ *Росковъ* написалъ довольно подробную и обстоятельную «Исторію дьявола», (*Geschichte des Teufels*) т. е. сравнительную исторію различныхъ представленій о дьяволѣ у различныхъ народовъ; точно въ такомъ же смыслѣ можно бы было написать и «Исторію смерти».

Смерть есть явленіе нормальное, необходимое, весьма естественное; но оно всегда облекается для человѣка такою таинственностью, загадочность человѣческой судьбы въ этомъ случаѣ такъ поражаетъ всѣхъ и каждаго, что смерть почти у всѣхъ народовъ *олицетворяется*, представляется почти всегда какимъ-либо лицомъ, чудовищемъ или мрачнымъ божествомъ,

тогда какъ живъе никогда не представляется въ мифологіяхъ народовъ какъ личность или божество. Смерть (Thanatos) по Гезіоду (Theog. 759) есть «*сынъ ночи*» и «*двойникъ сна*» (Hiad. XIV, 231). Въ драмѣ Эврипида «Алцеста» богъ смерти даже является дѣйствующимъ лицомъ. На памятникахъ греческаго искусства, не особенно древней эпохи, смерть и сонъ изображались какъ «*братья-близнецы*», и при олицетвореніи смерти греки ей не приписывали отвратительныхъ и страшныхъ чертъ (напр. какъ въ христіанскомъ мірѣ—скелетъ съ косою). «*Nul-lique ea tristis imago*», выражался римлянинъ о смерти. Въ самую дѣйствующую пору греческаго искусства смерть изображалась въ видѣ крылатаго, спящаго ребенка (въ родѣ амура) съ горящимъ факеломъ, обращеннымъ внизъ. По восточнымъ представленіямъ, перешедшимъ и въ Европу, отчасти къ грекамъ, смерть, постигая юношу, означала особую любовь боговъ къ этому юношѣ. Эту мысль усвоили себѣ и неоплатонники и отчасти пнеагорейцы и эклектики. Императоръ Юліанъ, при предсмертной своей рѣчи, съ особенною силою и изыществомъ выразилъ эту самую мысль. Такое воззрѣніе нечуждо было и евреямъ, ибо оно встрѣчается въ книгѣ „Премудрости Соломона“. *Восхищенъ бысть, — да не злоба измѣнитъ разумъ ея или леть прельститъ душу ея*—это текстъ съ особенною любовью употребляемый христіанскими проповѣдниками въ надгробныхъ рѣчахъ.

Мы уже сказали выше о той изящной формѣ, въ какой изображали смерть древніе греки. Но уже позднѣйшіе, преимушественно римскіе, поэты, начали изображать смерть въ страшной и отвратительной формѣ, какъ божество суровое, безжалостное, жестокое. „По выраженію Горация, смерть блѣдна, безжизненна, синя (Pallida, lurida mors) что она машеть черными крылами“ (Atris circumvolat alis., Hor. Sat. II, 1, 58) Она вооружена косою или серпомъ (Fila sororum ense metit Stat. Theb. I, 633), что скрежещеть голодными зубами (Mors avidis pallida dentibus, Sen. Her. Fur.) Что она раздѣваетъ голодную пасть (Avidos oris hiatus pandit. Id. Oedip. У ней кровавые когти, которыми она отмиѣчаетъ свои жертвы Graecipuos animis que cruento ungue notat. Stat. Theb.

УШ, 380). Самая фигура смерти, по изображеніямъ римскихъ поэтовъ, громадна, чудовищна, страшна, такъ что она осѣняетъ своими громадными крылами цѣлое поле битвы (Fruitar coelo, bellatorem que volando campum operit. Ibid. 378) цѣлме города этотъ страшный гигантъ беретъ въ свои руки (Sartam tepens fert manibus urbem). На этрусскихъ памятникахъ смерть изображается въ видѣ черной крылатой фигуры съ дубиною и вѣсами въ рукахъ, а иногда съ молотомъ, атрибутомъ умерщвленія своей добычи. Но и у грековъ, на нѣкоторыхъ памятникахъ болѣе древней, такъ сказать архаической эпохи, смерть изображалась въ видѣ мрачной фигуры жреца съ ножомъ въ рукѣ, собирающагося обрѣзать своей жертвѣ волосы, чтобы этимъ посвятить ее подземнымъ богамъ (Diis manibus). У арійскихъ народовъ богъ смерти первоначально назывался *Йяма*. Это была душа перваго человѣка; она то сходила въ подземное царство, то возвращалась оттуда, чтобы увлечь съ собою изъ міра въ преисподнюю души всѣхъ умирающихъ, особенно своихъ потомковъ. Къ добрымъ этотъ богъ — *Йяма* относился благосклонно, для злыхъ онъ былъ страшенъ и неумолимъ. Однако подъ именемъ *Йямы* аріици иногда олицетворяли не самую смерть, а только вѣстника смерти, передающаго смертнымъ приглашеніе въ царство тѣней, и отводящаго съ собою души умершихъ. Въ этомъ смыслѣ, — *Йяма* очевидно—тоже, что греческій Гермесъ (Psychopompos) (Diod. Sicul. I, 96, Hom. Od., 24, 1 flg.).

Евреи представляли смерть въ видѣ страшнаго ангела смерти, *Самаяла* или *Шамаэла*, который стоитъ въ предверіи Неба, ожидая мановенія Небснаго Владыки. Вооруженъ онъ мечомъ. Позднѣйшіе еврей-талмудисты представляли его уже испещреннымъ глазами съ головы до пятокъ. Всякій умирающій, въ день смерти, видитъ этого страшнаго ангела. Отъ его потрясающаго страхомъ взора душа человѣка содрогается, прячется и, наконецъ, разлучается съ тѣломъ. Съ обнаженнаго меча этого ангела падаютъ три капли. *Первая* дѣлаетъ лицо умирающаго блѣднымъ, *вторая* разрушаетъ жизненную силу, *третья*—умерщвляетъ тѣло. Нѣкоторые іудейскіе равнины придаютъ этому ангелу еще и *смертную* чашу (подобно

скаго самолюбія нѣмца открытіе г. Бакгауза столь же не-
пріятно, какъ и Дарвиновская идея происхожденія человѣка
отъ обезьяны...

Впрочемъ, какъ, скромно сознается самъ авторъ,—въ этой
идумейско-германской теоріи пробита имъ лишь скромная до-
рожка, тропинка. А можетъ быть она еще заростетъ и тер-
ніемъ?.. Этому нѣмцы будутъ весьма рады.

Матеріалы, замѣтки и новости.

Откуда произошло названіе «Санкюлотъ»?

Слово «Санкюлотъ» (Sans-Culote) появилось и получило право гражданства въ первую французскую революцію, въ первые ея мѣсяцы. Извѣстно, что въ первые мѣсяцы разгара революціи, парижская публика, даже великосвѣтская, еще не предвидѣвшая опасности террора, любила посѣщать революціонные дебаты. Бурный потокъ своеобразнаго краснорѣчія революціонныхъ ораторовъ увлекалъ многихъ. Какъ въ театрѣ, на любимое драматическое представленіе, валили массы народа въ «національное собраніе». Въ одинъ прекрасный день, въ засѣданіи національнаго собранія по обыкновенію присутствовали двѣ дамы, принадлежавшія къ «большому свѣту», *М-те Куанъи* и *М-те П.*, всегда съ жадностью слѣдившія за революціонными дебатами. Вотъ на ораторскую трибуну всходитъ роаяльскія аббатъ *Мори*, говорить страстно, высказываетъ свои твердыя, какъ сталь, роаяльскія убѣжденія. Проходитъ около четверти часа. Въ публикѣ раздаются шиканье, свистки...

Ораторъ не растерялся. Онъ началъ всматриваться, кто шикаетъ. Оказывается, что громче всѣхъ шикаютъ двѣ вышеупомянутыя дамы... Възбѣшенный аббатъ заревѣлъ глубокимъ и громовымъ голосомъ, обращаясь къ президенту національнаго собранія и безцеремонно указывая пальцемъ на шикающихъ дамъ:

— *Г-нъ президентъ! прикажите заткнуть ротъ этимъ обтымъ безитанницамъ (Sans-culottes).*

Аббатъ Мори употребилъ это роковое слово безъ всякаго желанія и намѣренія, просто увлекшись своимъ ораторскимъ негодоваіемъ. Но это крайне невѣжливое выраженіе тогда у всѣхъ врѣзалось въ память, всѣ стали его встать и не встать повторять. Образовалась вскорѣ цѣлая система *санкулотства* съ соціальною тенденціей.

Откуда произошло названіе филистеръ?

Названіе филистеръ перешло къ намъ изъ Германіи и получило у насъ почти полное право гражданства. Филистеромъ, какъ извѣстно, называютъ человѣка крайне ограниченнаго, погрязшаго въ рутинѣ, и при обсужденіи самыхъ важныхъ и новыхъ вопросовъ не выходящаго изъ разъ на всегда проложенной колеи. У самихъ нѣмцевъ еще существуютъ различныя мнѣнія: откуда у нихъ явилось слово «филистеръ». Одни объясняютъ дѣло, на основаніи свидѣтельства нѣкоего Бейера, слѣдующимъ образомъ. Въ XVII вѣкѣ въ Германіи, въ университетскихъ городахъ, существовала вражда между *студентами и не студентами* или точнѣе, между студентами и буржуазіей. Особенно эта вражда была сильна въ Іенѣ. Разъ въ 1693 г. въ Іенѣ, въ гостинницѣ „Золотаго Ангела“ между университетскими студентами и ремесленниками произошла ожесточенная ссора, вскорѣ перешедшая въ еще болѣе ожесточенную драку и въ этой дракѣ былъ до смерти убитъ одинъ студентъ. Въ слѣдующее затѣмъ воскресенье почтенный пасторъ одной изъ церквей въ Іенѣ, г. Гетцъ, произнесъ приличное этому печальному случаю назидательное и прочувствованное слово, причемъ взялъ въ примѣръ изъ Библіи (Книга Царствъ) богатыря Самсона, погубленнаго *филистимлянами*, которые по нѣмцамъ называются «Philister». «Philister über dir Simson» (Филистимляне на тебя, Самсонъ). Слова эти были основнымъ текстомъ увѣщательнаго слова почтеннаго пастора. Проповѣдь поправилась всѣмъ, не только студентамъ, но и

буржуазіи, и слово „Филистеръ“ съ тѣхъ поръ пошло въ ходъ. Ремесленники, примѣняя это названье къ себѣ, нисколько не обижались, такъ что съ тѣхъ поръ «филистерство» сдѣлалось синонимомъ буржуазіи, ремесленниковъ, рабочихъ. Далѣе оно распространилось уже на всѣхъ, кто не принадлежалъ къ корпораціямъ нѣмецкихъ студентовъ. Спустя нѣсколько времени, это названье перенесли на всѣхъ людей, стоящихъ въ культурномъ отношеніи и въ умственномъ развитіи на низкой степени. Другіе производятъ слово филистеръ отъ стариннаго германо-латинскаго названія *Balistic* и *Balistae* особаго рода стрѣлки, снабженные грудными панцерами. Въ Венгріи эти стрѣлки назывались *Philistaei*, выраженіе примѣнявшееся къ барышникамъ, ссужавшимъ желающихъ лошадыми для верховой ѣзды. Отсюда образовалось слово *Philistercum*.—Въ Россію выраженіе „филистеръ“ перешло не раньше періода нашего знакомства съ нѣмецкою литературой и нѣмецкими критическими теоріями. Бѣлинскій еще въ Московскій періодъ своей критической дѣятельности употреблялъ слово «Филистеръ» довольно часто.

Любопытный указъ.

Одна изъ бразильскихъ газетъ опубликовала недавно замѣчательный указъ португальскаго правителя Іоанна IV, относящійся къ началу нынѣшняго столѣтія:

„Довъ Іоаннъ, Божією милостію принцъ-регентъ Португальскій, Алгарвскій и пр. и пр. Объявляю симъ, что такъ какъ я св. Антонія особенно почитаю, а также и народъ мой наиболѣе чтить его и шлеть свои молитвы, такъ какъ Небо дало побѣду и доставило намъ прочный миръ и такъ какъ я приписываю это благополучіе выше названному святому, то рѣшилъ дать ему мѣсто полковника въ пѣхотѣ, и онъ будетъ получать отъ сего дня причитающееся ему по его чину жалованье. Я возлагаю исполненіе этого моего приказа на фельдмаршала Рикарда Кабрана да Кунью.» Говорятъ, св. Антоній до сихъ поръ числится полковникомъ и продолжаемъ получать жалованье, но за него расписываются патеры.

Въ Кольдицѣ найденъ недавно образъ св. Троицы, писанный на деревѣ Лукою Кранахомъ въ 1584 г. и служившій нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ украшеніемъ алтара капеллы въ одномъ изъ тамошнихъ замковъ.

Въ Бримтонѣ въ соборномъ склепѣ у вдовы священника Гольдинга найдены великолѣпно сохранившіеся два портрета (во весь ростъ) короля Георга III и королевы Шарлоты, писанные съ натуры. Находка эта весьма драгоцѣнна, такъ какъ имѣвшіеся до сихъ поръ въ Британскомъ музеѣ портреты Георга и Шарлоты выполнены позднѣйшими художниками *по описаніямъ*, а не съ натуры.

Одинъ лондонской книгопродавецъ приобрѣлъ недавно реликвию, драгоцѣнную для протестантовъ — библію Лютера, въ которой, на заглавномъ листѣ, есть 16 строкъ писанныхъ его рукой съ помѣткой года—1542.

Въ ноябрѣ нынѣшняго года исполнится 18 столѣтій съ тѣхъ поръ, какъ Помпея, Геркуланумъ и Стабія погребены подъ пепломъ Везувія. Дирекція раскопокъ въ Помпеѣ думаетъ устроить по этому поводу научный праздникъ и приглашаетъ лучшихъ итальянскихъ археологовъ принять въ немъ участіе.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1879 ГОДУ
ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА
ДЛЯ ДѢТЕЙ
СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ И ЮНОШЕСТВА
„СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА“⁶⁶

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

Удостоеннаго Высочайшаго покровительства ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ; рекомендованнаго Ученнымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для гимназій, уѣздныхъ училищъ и начальныхъ школъ; состоящимъ при IV Отдѣленіи Собственной ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцеляріи, учебнымъ Комитетомъ для чтенія воспитанницамъ женскихъ учебныхъ заведеній ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ. Духовно-Учебнымъ Управленіемъ рекомендованнаго начальствамъ духовныхъ семинарій и училищъ, и Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ заведеній рекомендованнаго для библиотекъ Военныхъ Гимназій и Прогимназій, какъ изданіе, представляющее обильный матеріалъ для выбора статей, пригодныхъ для чтенія воспитанниковъ.

„Семейные Вечера“ въ 1879 году будутъ издаваться въ томъ же направленіи, подъ тою же редакціею, съ тѣми же сотрудниками, и будутъ выходить по прежнему, ежемѣсячно, вышками отъ 7 до 12 листовъ для каждаго отдѣла.

Отдѣлъ для дѣтей, какъ и въ прошлые года, будетъ распадаться, какъ бы на двѣ половины: одна будетъ заключать въ себѣ матеріалъ для чтенія дѣтямъ отъ 8 до 14 лѣтъ,—а другая (въ видѣ приложенія къ каждой книгѣ, подъ заглавіемъ: *для самыхъ маленькихъ дѣтей*) отъ 5 до 8 лѣтъ. Въ томъ и другомъ отдѣлѣ будетъ обращено особенное вниманіе на бытовую, этнографическую, какъ равно научно-естественную и биографическую стороны—путемъ живыхъ разсказовъ, освѣщаемыхъ описаніемъ мѣстностей и природы.

Что же касается отдѣла для *семейнаго чтенія и юношества*, то онъ будетъ наполняемъ, какъ и въ прошедшихъ годахъ, такими статьями, которые составили бы приятный и полезный матеріалъ для чтенія всему семейству.

Редакція приметъ всѣ зависящія мѣры къ иллюстрированію журнала лучшими произведеніями русскихъ и иностранныхъ художниковъ, также будутъ помѣщаться копія съ лучшихъ гравюръ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	безъ дост.	съ дост.
Полный журналъ (въ 24 кн.).	10 р.	11 р.
Отдѣлъ для дѣтей (въ 12 кн.).	5 »	5 » 50 к.
„ „ семейн. чт. (12 кн.).	5 »	5 » 50 к.

Для всѣхъ учебныхъ заведеній, подписывающихся прямо въ редакціи на полный журналъ, уступается 1 р.

Для земскихъ школъ, подписывающихся не менѣе, какъ на 25 полныхъ экземпляровъ, уступается 2 р.

Кромѣ того, плата можетъ быть разсрочена: для лицъ, служащихъ въ казенныхъ заведеніяхъ, за ручательствомъ гг. казначеевъ; для воспитательныхъ и учебныхъ заведеній—за ручательствомъ ихъ начальствъ; для частныхъ лицъ,—не иначе, какъ по соглашенію съ редакціей.

Разсрочка допускается по третямъ, слѣдующимъ образомъ:

На одинъ изъ отд. съ дост.	На полн. журн. съ дост.
За 1-ю тр. впер. 2 р. 50 к.	За 1-ю тр. впер. 4 р.
» 2-ю » 2 »	» 2-ю » 4 »
» 3-ю » 1 »	» 3-ю » 3 »

Подписка принимается: Въ редакціи журнала «Семейные Вечера», у Симеоновскаго моста, на углу Караванной и Фонтачки, въ д. Раля, № 1—2, кв. № 21.

Редакторъ-издательница **СОФІЯ КАШПИРЕВА.**

За всѣ года, начиная съ 1873 г., имѣются полные экземпляры въ изящныхъ переплетахъ съ хромолитографированной картиной.

Ц Ѣ Н А.

Семейное чтеніе въ 3-хъ книгахъ.	5 р.— к.
Пересылка за 3 фунта, смотря по разстоянію.	
Отдѣлъ для дѣтей въ 1-ой кн.	4 р. 75 к.
Пересылка за 3 фунта.	
Отдѣлъ для самыхъ маленькихъ дѣтей	1 р. 30 к.
Пересылка за одинъ фунтъ.	

Для всѣхъ подписавшихся на «Семейные Вечера» въ 1879 году и выписывающихъ прямо въ редакціи 6 прежнихъ годовъ разомъ, уступается на старые года 25%, имено: вмѣсто 66 руб. 30 коп. За 50 руб. безъ пересылки.

„РУССКОЕ БОГАТСТВО“

НА 1879 ГОДЪ.

Ежемѣсячный иллюстрированный журналъ промышленности, сельскаго хозяйства, торговли и естествознанія.

«Русское Богатство» по своей программѣ есть единственное въ Россіи изданіе.

Журналъ этотъ въ особенности полезенъ и даже необходимъ для помѣщиковъ, сельскихъ хозяевъ, заводчиковъ, фабрикантовъ и ихъ управляющихъ, и вообще для людей промышленнаго и коммерческаго міра.

При журналѣ «Русское Богатство» будутъ высылаться въ видѣ преміи отлично выполненныя картины и фотографическіе снимки, по содержанію своему соответствующіе направленію журнала.

Цѣна годовому изданію (12 книжекъ) съ пересылкою во всѣ гор. Имперіи пять рублей; безъ доставки четыре рубля; а со всѣми преміями семь рублей.

Требованія адресовать: въ Петербургъ, издателю «Русскаго Богатства» Д. М. Рыбакову (Загородный просп. д. 20, кв. 8), а также во всѣ извѣстные книжныя магазины въ Спб.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

„ВѢСТНИКЪ РЕАЛЬНЫХЪ ЗНАНІЙ“

состоящій въ двухъ отдѣлахъ, выходящихъ въ концѣ каждаго мѣсяца книгами въ 8—10 листовъ съ политвами и таблицами чертежей и рисунковъ по слѣдующей программѣ:

Программа 1-го отдѣла:

народная гигиена, народное хозяйство; народное образованіе; всѣ отрасли сельскаго хозяйства; технология химическая и механическая; ремесла; торговля; промыслы; монографіи животныхъ и растений по отношенію ихъ къ сельскому хозяйству и технологіи; товаровѣдніе. Критика и библиографія; новости, мелочи и рецепты по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства, ремеслъ, технологіи и пр.

Программа 2-го отдѣла:

путешествія; народовѣдніе; естествознаніе; гигиена; домоводство; охота; пчеловодство, птицеводство, шелководство; садоводство и огородничество. Новости по всѣмъ отраслямъ реальныхъ знаній; критика и библиографія по программѣ. Мелочи, рецепты по домоводству, пчеловодству, птицеводству, шелководству, садоводству и огородничеству.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

I-го отдѣла:

на годъ . . . . . 7 р.
на полгода . . . . . 4 „

съ пересылкою:

на годъ . . . . . 8 „
на полгода . . . . . 5 „

I-го и II-го отдѣловъ вмѣстѣ:

на годъ . . . . . 13 р.
на полгода . . . . . 7 „

съ пересылкою:

на годъ . . . . . 14 р.
на полгода . . . . . 8 „

Отдѣльно на 2-й отдѣлъ подписка не принимается.

Гг. второродныхъ просить адресовать подписку на журналъ единственно въ Редацію „Вѣстника Реальныхъ Знаній“, въ Москву. Адресъ почтѣмъ извѣстенъ. Только при пономѣмъ адресованіи требованій редація отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

Въ Москвѣ подписка принимается въ редакціи, Покровка, близъ Гаерикова пер., на Переведѣевской ул., домъ Алексѣевой.

Редакторъ-издатель Д. Книженскій.

Въ Редаціи „ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ“ (С.-Петербургъ, Больш. Садовая, д. 121, кв. 12),

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ВНИГИ:

Ното шип, романъ *Эберса*. С.-П.-Б., 1878 г. Цѣна 1 руб. 20 коп.

Россія и Турція отъ возникновенія политическихъ между ними отношеній до Лондонскаго трактата (включительно). Истор. очеркъ *Д. Бухарова*. С.-П.-Б. 1878 г. Ц. 1 руб. 20 коп.

Московское княжество въ I половинѣ XIV в. Историческій этюдъ *П. Полежаева*, С.-П.-Б. 1878 г. Ц. 1 руб.

Рыцарь или Дама Истор. повѣсть *Самарова* 1878 г. Ц. 1 руб.

Экономическій бытъ крест. населенія передъ крѣпостн. правомъ и колонизація юго-восточныхъ степей 1878 г. Ц. 1 руб. 70 коп.

Изданія эти продаются и во всѣхъ извѣстныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ.

Выписывающіе прямо изъ Редаціи за пересылку не прилагаютъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1879 ГОДЪ

„ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА“

БУДЕТЬ ВЫХОДИТЬ ПО ПРЕЖНЕЙ ПРОГРАММѢ И ВЪ ТѢЖЕ СРОКИ.

Цѣна годовому изданію **6 руб. 50 коп.**, съ пересылкой и доставкой **8 руб.**

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ Редакціи журнала (Больш. Садовая домъ 121 кв. 12) и въ книжномъ магазинѣ **Я. Исакова**, Невскій просп. Гостинный дворъ № 24.

Гг. Иногородные благоволятъ адресоваться: въ Петербургѣ въ редакцію журнала „Историческая Библиотека“ (Больш. Садовая домъ 121, кв. 12).

1. Редакція отвѣчаетъ за доставку журнала подписавшимся только въ мѣстахъ, означенныхъ въ объявленіи.
2. Редакція проситъ гг. подписчиковъ точно обозначать свое имя, отчество и фамилію, а также и то почтовое учрежденіе, куда долженъ быть журналъ адресованъ; иначе редакція не отвѣчаетъ за правильную доставку.

3. Подписчики, желающіе перемѣнить адресъ, благоволятъ своевременно увѣдомить о новомъ мѣстѣ жительства, съ обозначеніемъ прежняго, при чемъ за всякую перемѣну уплачивается 50 коп.

4. Желающіе доставить свои произведенія въ Редакцію должны обозначать свой адресъ и подробныя условія, безъ обозначенія послѣднихъ, редакція не будетъ считать себя обязанною входить съ авторомъ въ какіе-либо расчеты.

Редакторъ-издатель П. В. Полежаевъ.

